

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 32 & 33.

1 ЯНВАРЯ 1859.

У Трюбера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street,) London. Price One Shilling.

РОССІЯ и ПОЛЬША.

ОТВѢТЪ АВТОРУ СТАТЬИ О РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ.*

(ПИСЬМО ПЕРВОЕ).

Милостивый государь,

Я прочиталъ вашу статью обо мнѣ и о вольной русской типографіи въ Лондонѣ съ вниманіемъ, съ благодарностью. Въ васъ бьется славянское, родное сердце, оттого и рѣчь моя такъ понятна вамъ, оттого и мнѣ такъ хочется вамъ отвѣчать.

Само собою разумѣется, что я обратилъ особенное вниманіе на тѣ мѣста, въ которыхъ вы выражаете ваше несогласіе или недоумѣніе. Замѣчанія и самыя обвиненія противниковъ и враговъ можно иной разъ перешагнуть, но замѣчанія, дѣлаемые друзьями должны влечь за собой объясненіе или сознаніе въ ихъ правдѣ.

Я радъ, что ваша статья даетъ мнѣ поводъ коснуться главныхъ основъ моихъ убѣжденій и дать отчетъ почему я поступаю такъ, а не иначе, съ увѣренностью, что поступаю совершенно сообразно съ ними. Я былъ до того занятъ частными русскими вопросами, что всѣ общія мѣста, professions de foi отступили на второй планъ.

Ваши замѣчанія напомнили мнѣ, что это умалчиваніе, или подразумѣваніе можетъ быть иваче истолковано и дурно понято.

Я не говорилъ объ общихъ теоріяхъ просто потому, что не считалъ этого своевременнымъ. Общія мѣста, планы, теоріи, утопіи, должны предшествовать работѣ исполненія, общественной перестройкѣ. Идеи, воплощаясь, скрываются какъ зерно въ землѣ въ своихъ приложеніяхъ, существуютъ какъ развитіе, какъ жизнь въ организмѣ, какъ законы природы—обнаруживающіеся только въ самихъ явленіяхъ.

Къ тому же злоупотребленіе громкихъ словъ, шедшихъ рядомъ съ черезъ чуръ скромными дѣлами, утомившее въ послѣднее время и самихъ Французовъ, противно русскому характеру, чрезвычайно реальному и мало привыкшему къ риторикѣ.

Русскихъ дѣйствительно поражаетъ безплодное, театральное патянутое повтореніе возгласовъ и битыхъ мѣстъ въ революціонной литературѣ, въ рѣчахъ и статьяхъ, на сходкахъ из-

* Aleksander Hercen i Wolna Rossijska Drukarnia w Londynie. — Paris, 1858.

гнанниковъ и въ ихъ журналахъ. Но оно поражаетъ не однихъ Русскихъ. Вы сѣтуете сами на то, что изданія польскихъ изгнанниковъ мало расходятся въ сравненіи съ “Колоколомъ”; не слѣдуетъ-ли искать одну изъ причинъ въ томъ, что ихъ публикаціи больше занимаются общими, нежели настоящими вопросами своего края.

Въ Жерсеѣ выходилъ французскій демократическій журналъ, редакторъ его былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, а между тѣмъ не смотря на пожертвованія, журналъ не могъ идти при всемъ благородствѣ своего направленія, при всей чистотѣ своихъ намѣреній. Разобщенный съ живой почвой, безъ истинныхъ корреспонденцій, онъ былъ сведенъ на вѣчное повтореніе въ прозѣ того, что ужъ высказалъ В. Гюго въ стихахъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ реакціи, начавшейся съ іюньскихъ дней, наступилъ переломъ. Люди увидѣли, что общія мѣста и частныя событія совершенно расходятся и что словами ихъ не примиришь. Громкія фразы и громовыя слова съ каждымъ днемъ теряютъ больше и больше своего значенія. Онѣ не дѣйствуютъ на насъ, такъ какъ не дѣйствуютъ вѣчно повторяемые слова молитвъ; революціонная риторика испытываетъ участь литургической.

Бывало, я это очень помню, при одномъ словѣ республика билось сердце, а теперь послѣ 1849, 50, 51 года слово это возбуждаетъ столько же надежды, сколько сомнѣній. Развѣ мы не видали, что республика съ правительственной инициативой, съ деспотической централизаціей, съ огромнымъ войскомъ, гораздо меньше способствуетъ свободному развитію, чѣмъ англійская монархія безъ инициативы, безъ централизаціи? Развѣ мы не видали, что французская демократія, т. е. равенство въ рабствѣ, самая близкая форма къ петербургскому самовластью?

Мы съ какимъ-то сыновнимъ уваженіемъ боялись до сихъ поръ признаваться въ этихъ горькихъ истинахъ, скрывали ихъ отъ себя изъ понятнаго чувства благочестія. Но и оно не должно заслонять истину, мѣшать откровенному, добросовѣстному разбору. Я смѣло скажу, переимчивая извѣстную латинскую пословицу: “Я другъ республики, я другъ демократіи, но гораздо больше другъ свободы, независимости и развитія.”

Если мнѣ возразить, да можетъ-ли быть свобода и независимость внѣ республики и демократіи? Я отвѣчу, что и съ ним и овѣ не могутъ быть, если народъ не до роста до нихъ.

Всякая церковь оканчивается выходомъ изъ нея и всякая монархія идетъ къ республикѣ, и къ высшему социальному устройству, т. е. къ разумному и свободному экономическому быту—если она не идетъ къ разрушенію и смерти. Тамъ гдѣ республика и демократія сообразны развитію народному, тамъ гдѣ овѣ не только слово, а и дѣло, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Швейцаріи, тамъ безъ всякаго сомнѣнія наибольшая личная независимость и наибольшая свобода. Совѣмъ иные результаты показываютъ намъ страны, которыми эти формы общественныя слишкомъ широки, или несоотвѣтственны ихъ развитію. Возмите въ примѣръ народъ невѣжественный, солдатскій внизу, вверху растлѣнный и преданный одному стяжанію, республика у него превратится черезъ четыре мѣсяца въ Каваньяка, а черезъ девять въ Наполеона. Всеобщая подача голосовъ сдѣлала изъ Франціи смиренный домъ.

Слѣдуетъ-ли изъ сказаннаго, что я предпочитаю представительную монархію—республикѣ и электоральную таксу—всеобщей подаче голосовъ?—Нисколько.

Я констатирую фактъ и больше ничего. Видя его, я не могу сказать по совѣсти: “Такъ какъ всеобщая подача голосовъ, гораздо справедливѣе ценза, стало быть Франція слѣдующій разъ, т. е. пройдя еще новой эпохой рабства и растлѣнія, сдѣлаетъ лучше свои выборы всеобщей подачей голосовъ, чѣмъ ограниченной.” Я не вѣрю этому, такъ какъ не вѣрю, чтобъ Турки оставаясь магометанами, съ фаталистическимъ ученіемъ Алкорана, много выиграли провозглашеніемъ республики османлинской и гяурской.

Мы стремимся и хотимъ дѣйствовать въ нашемъ времени, въ современной Россіи—это заставляетъ насъ не втѣснять вопросовъ, но стараться овладѣть тѣми, которые уже возникли.

Людямъ дальняго идеала, пророкамъ разума и прорицателямъ будущаго, мало дѣла до прикладныхъ затрудненій, они указываютъ на разумныя начала, къ которымъ общество стремится, его законы, общую формулу его движенія, представляя грядущимъ поколѣніямъ посылно осуществлять ихъ въ ежедневной борьбѣ сталкивающихся выгодъ и партій.

Одного изъ этихъ людей, мѣсяца полтора тому назадъ, опустила въ шотландскую землю скромная кучка друзей, и я очень благодаренъ судьбѣ, что успѣлъ еще застать его въ живыхъ и позвать почтенную и многогрудившуюся руку Робера Оуена. Оуенъ былъ правъ, и Англія пойметъ его, но конечно не въ XIX столѣтіи. Такіе люди—возстановители правъ разума въ капризной и фантастической сказкѣ исторіи, велики и необходимы и всѣ эти предтечи новаго міра, какъ Сен-Симонъ, Фурье, займутъ огромное мѣсто въ сознательномъ развитіи человѣчества, въ самопознаніи общественнаго быта, но имъ почти нѣтъ прямого участія въ текущихъ дѣлахъ, это доля насъ будничныхъ работниковъ.

Чѣмъ тяжелѣе и мертвѣе настоящее, тѣмъ сильнѣе стремленіе отрѣшиться отъ него и подняться на алгебраическую высоту теоріи. Германія въ своей гражданской ничтожности шла дальше всѣхъ странъ въ философіи права, и сама не имѣя исторіи, являлась какъ пробужденная совѣсть другихъ народовъ. Таково было для двухъ поколѣній Россіи царствованіе Николая.

Государственная фура, управляемая имъ, заѣхала по ступицу въ снѣгъ, обледѣвшія колеса перестали вертѣться, сколько онъ ни билъ своихъ клячъ, фура не шла. Онъ думалъ что поможетъ дѣлу терроромъ. Писать было запрещено, путешествовать запрещено, можно было думать, и люди стали думать. Мысль русская, въ эту темную годину страшно развилась, и если вы сравните тайное вѣяніе ея, ея безстрашную логику, не блѣднѣющую ни передъ какимъ послѣдствіемъ—съ юнымъ, благороднымъ, и чисто французскимъ направлениемъ литературы за двадцать пять лѣтъ, вы увидите это ясно.

Отголосокъ новаго направленія вы могли замѣтить и въ моихъ книгахъ. Я ссылаюсь на нихъ только потому, что въ нихъ проще высказано то, что у насъ печаталось намеками и полусловами.

Но вотъ фура съ нѣсколькими обитыми сторонами снова двинулась, явнымъ образомъ наступило другое время, потянуло инымъ воздухомъ. Задача человѣка желающаго участвовать въ новомъ движеніи, становится другая, она становится специальнѣе. Мало знать станцію, къ которой мы ѣдимъ, надо опредѣлить которую версту по пути къ ней мы продѣлываемъ, и какія рытвины и мосты именно на этой верстѣ.

Наше положеніе измѣнилось, иные вопросы насъ занимаютъ и занимаютъ исключительно. Вмѣсто “предисловія, программъ и эпиграфовъ”, мы вошли въ текстъ... “Есть время камни собирать, говорить Соломонъ, и есть время камни метати.” А вѣдь для того кто хочетъ воевать пращей, это не два дѣла, а два момента одного и того же дѣла.

Я убѣжденъ, что съ крымской войны Россія входитъ въ новую эпоху развитія, что разставаясь съ трудными путями своего жестокаго воспитанія, она вступаетъ теперь въ широкое русло совершеннѣйшей жизни.

Я знаю, что я разнюсь со многими и съ вами самими въ внутренней оцѣнкѣ русскаго народа. Всѣ тѣ, которые не умѣютъ отдѣлить русскаго правительства отъ русскаго народа, ничего не понимаютъ. Всѣ тѣ, которые хотятъ Русь мѣрить на ярды и метры не знаютъ ея. Нормы, сложившіяся въ нашей головѣ отъ изученія западной цивилизаціи, не обнимаютъ собой, не уловливаютъ отклоненій и особенностей русскаго народнаго быта, а опредѣляютъ его только отрицательно. Обманчивое сходство правительственныхъ формъ съ западными, окончательно мѣшаетъ пониманію. За царскимъ заборомъ, за петербургскими декораціями—народа было не видать и не слышать, а слышался барабанъ и официальный говоръ, видѣлись штыки и писаря. Были люди, которые стали догадываться, что за знакомыми формами проглядываетъ какое-то незнакомое содержаніе; стали догадываться, что формы набиты насильственно какъ колодки, но они не стали изучать характеръ бѣднаго колодника, а отвернулись отъ него сказавши: “Коли терпѣть, видно лучшаго не стоитъ!”

Чтобъ понять русскій народъ не будучи Русскимъ (и при томъ Русскимъ незапуганнымъ съ малыхъ лѣтъ своимъ ничтожествомъ и величіемъ Запада), надобно быть или социалистомъ въ Европѣ, или гражданиномъ Сѣверной Америки. Можетъ вамъ это покажется странно, другимъ смѣшно, но оно такъ!

Условія, свойства русской жизни, русскаго быта—иные, оригинальныя, свои. Этого ни признать, ни изслѣдовать никто не хочетъ, особенность-же его ставится ему въ престу-

пление, на томъ основаніи на которомъ Французъ не можетъ простить Англичанину, что онъ обѣдаетъ безъ салфетки, а Англичанинъ Французу, что онъ носитъ бороду. Западная цивилизація срѣзывается на своемъ первомъ слѣдственномъ допросѣ своей собственной нетерпимостію и остается при одномъ негодованіи.

Все то, что ставится такъ дорого другимъ народамъ, Россіи не было зачтено ни во что, или хуже, послужило ей-же въ обвиненіе; ни то, что она уцѣлѣла подѣ татарскимъ игомъ, ни то, что въ тихомолку выросла и сложилась въ огромное государство, отбившееся отъ всѣхъ сосѣдей и сохранившее свою самостоятельность; ни ея 1612, ни ея 1812 годъ. О пожарѣ Москвы говорятъ только потому, что слишкомъ много иноплемениковъ видѣли зарево. Избавила-ли Россія Европу отъ грубаго солдатскаго гнета, или замѣнила его другимъ — объ этомъ можетъ быть вопросъ — но что Россія спасла Германію отъ французскаго ига, въ этомъ нѣтъ никакого вопроса. Разверните Штейна, Аренда и другихъ современниковъ, и посмотрите какъ въ черную годину для Германіи, лучше люди ея глядѣли на Александра I и на Россію. Что же вышло изъ этого? Полиѣйшая ненависть не къ русскому правительству — кто его не ненавидѣлъ — не къ русскому вмѣшательству, а къ русскому народу, ко всякому нашему успѣху, ко всякому нашему человѣческому порыву. Такъ и узнаешь въ современныхъ публицистахъ Германіи, измѣщавшихся братій ливонскихъ рыцарей, непроникавшихъ въ XVI столѣтіи докторовъ въ Россію. Не странно ли все это?

Вотъ вамъ еще примѣръ: Англія, ломаясь отъ тучности и избытка силъ, выступаетъ за берега, переплываетъ океаны и создаетъ новые міры. Ей удивляются, и она заслуживаетъ это удивленіе. Но такъ-ли смотрятъ на подвиги колонизаціи Сибири, на ея почти безкровное завоеваніе? Горсть казаковъ и нѣсколько сотъ бездомныхъ мужиковъ, перешли на свой страхъ океаны льда и снѣга, и вездѣ, гдѣ осѣдали усталыя кучки въ мерзлыхъ степяхъ, забытыхъ природою, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это отъ Перми до Тихаго океана... И такія колоссальныя событія едва помѣчены исторіей, или помѣчены для того, чтобъ поразить воображеніе дантовскимъ образомъ ледянаго острога въ нѣсколько тысячъ верстъ.....

Наконецъ является новый оселокъ. Европа послѣ всѣхъ реформъ и революцій, остановилась на горахъ труповъ, по колѣна въ крови передъ страшнымъ, неразрѣшимымъ сфинксомъ — поземельной собственности и пролетаріата, капитала и работника. Ни французскій дѣлежъ земли на атомы, ни паразитная жизнь англійскаго фермерства, ничего не устраняютъ, ничего не предупреждаютъ. Земли становится меньше и меньше, владѣлецъ губитъ пахаря, капиталъ работника и хоръ пролетаріевъ изъ мастерскихъ, изъ фабрикъ, съ полей сильнѣе и сильнѣе поетъ лонскій крикъ: "свинецъ или хлѣбъ! смерть или работу!"

Говорятъ, что возлѣ есть народъ, у котораго совсѣмъ другое отношеніе къ поземельной собственности, у котораго на дѣлѣ существуютъ вѣками уцѣлевшіе разные виды коммунистическаго владѣнія землею — отъ ежегоднаго дѣлежа полей между общинниками, до полной собственности; правда-ли, нѣтъ-ли, но согласитесь, что при настоящемъ положеніи экономическаго вопроса, нельзя не изслѣдовать такого важнаго факта.

Изученіе его можетъ же дать столько же наблюденія, какъ микрометрическіе опыты Фаланги и Икарійцевъ?

Что же вы думаете, обратились-ли люди па эти факты, изучили ихъ, опровергли, подтвердили? Нѣтъ. Они осмѣяли тѣхъ, которые говорили; такъ какъ до сихъ поръ они хохочутъ тому, что я сказалъ еще во время войны, что Украина была казацкая республика, въ основаніи которой лежали демократическія и социальныя начала, что Запорожская Сѣчь представляла удивительное явленіе плебеевъ-витязей, рыцарей-мужиковъ.* Вы, какъ Полякъ слишкомъ хорошо знаете свою исторію, чтобъ я счелъ нужнымъ настаивать на всей наглости певѣжества, которое не только не знаетъ, но и смѣется.

Поверхностная привычка смотрѣть исключительно на жизнь государственную и политическую, не обращая никакого вниманія на жизнь народную, на экономическій бытъ, разумѣется вела къ однимъ ошибочнымъ сужденіямъ о Россіи, потому, что въ Россіи политической жизнью жило одно правительство. Въ самой Польшѣ народную русскую жизнь также мало знаютъ, какъ во всей Европѣ. Я скажу безъ преувеличенія, что изъ вашихъ соотчичей понимаютъ и знаютъ внутренній бытъ Руси только тѣ, которые были сосланы въ Сибирь или въ дальнія сѣверо-восточныя губерніи. Все это удивительно! Неужели вамъ не приходило въ голову, глядя на великороссійскаго крестьянина, на его умный развязный видъ, на его мужественныя красивыя черты, на его крѣпкое сложеніе, что въ немъ таится какая-нибудь иная сила, чѣмъ одно долготерпѣніе и безотвѣтная выносливость? Неужели вамъ не приходило на мысль, читая Пушкина, Лермонтова, Гоголя, что кромѣ официальной, правительственной Россіи, есть другая, что кромѣ Муравьева который вѣшаетъ, есть Муравьевы которыхъ вѣшаютъ. Подумайте, еслибъ не было иной силы и иной Руси кромѣ правительственной, неужели въ самомъ дѣлѣ достаточно бы было нѣсколько неудачъ въ Крыму и смерти Николая, чтобъ цѣлое огромное царство обнять той дѣятельностью, тѣмъ кнѣземъ впередъ, которое совершается передъ нашими глазами? Да, Сѣверный Левіотанъ прошелъ черезъ доки, покачнулся, справился и плыветъ; доказывать этого я не стану, такъ какъ не стану и пророчить — можетъ онъ завтра сидеть на мѣлѣ, это зависитъ отъ лоцмановъ. Допустивъ это, чрезвычайно важно узнать, какимъ вопросомъ начинается это новое плаванье, какими воротами входитъ корабль въ море, что на его флагѣ: конституція, республика, парламентъ, муниципальная свобода, война съ Австріей, завосаніе Турціи? — Нѣтъ, у него на знамени освобожденіе крестьянъ съ землею, т. е. опять социальный вопросъ передъ политическимъ.

Увидавъ это, мы бросили все и прилѣпились къ этому жизненному вопросу для Россіи. И вотъ вамъ причина нашего успѣха. Тотъ только Колоколъ и слушаютъ люди, который зоветъ ихъ туда, куда имъ идти надобно.

Представьте себѣ, что середѣ распрей и споровъ въ самомъ дворянствѣ, середѣ зачатой борьбы, двухъ бойцевъ до того времени гладившихъ другъ друга по головкѣ и въ первый разъ поглядѣвшихъ съ ненавистью другъ на друга, — пред-

* Kosak ou liberté sont l'expression synonyme; l'antique liberté russe (въ Украинѣ) fut étouffée (XVII siècle) par l'aggression dynastique du despotisme. — J. LELEWEL: Hist. de la Pologne t. 2, p. 284.

ставьте, что середь этой борьбы, совершающейся передъ необозримымъ количествомъ народа, мрачно ждущаго кто кого сломить, по которой нисколько не намѣренъ уступить ни вершка земли, нашъ Колоколъ сталъ бы звонить всемирной республикѣ и солидарности народовъ?

Какъ вы думаете, эти люди, дерущіеся не на животь, а на смерть, которые теперь съ любовью или ненавистью читаютъ наши слова, стали бы читать наши диѳирамбы и разглагольствованія? Ихъ отвѣтъ можно предвидѣть: “Что вы намъ толкуете о всемирной республикѣ, которой нигдѣ нѣтъ, о братствѣ народовъ, которые вездѣ рѣжуются; мы все это читали въ Руссо и Вольтерѣ, въ исторіи первой революціи и въ газетахъ 1848 года. У насъ теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину, ну гдѣ-же намъ читать ваши декламациі!”

Колоколу пришлось бы прикусить свой желѣзный языкъ.

Вы видите, что нашъ макиавелизмъ, наша политика очень просты. Мы говоримъ о тѣхъ вопросахъ, которые теперь выдвинуты жизнью, и безъ разрѣшенія которыхъ Левиоанъ сядетъ на мель.

Не отвлекаясь нисколько отъ дѣла, мы предоставили другую часть журнала обличеніямъ, особенно лицъ, поставленныхъ выше закона въ Россіи. Трудно себѣ представить какой сильный отголосокъ находятъ эти обличенія и какой ужасъ наводятъ не только на обличенныхъ, но и на тѣхъ, которые еще не обличены строками Колокола. До сихъ поръ эти дѣйствительные тайные газели прыгали по вершинамъ правительственныхъ Альпъ, съ презрѣніемъ носматривая внизъ на облака, изъ которыхъ сыпались уголовные и литературные громы на становыхъ и секретарей, оставляя ихъ въ покоѣ, и вдругъ ихъ дѣла напечатаны русскими буквами съ именемъ и этотъ ужасъ, эта безнравственность ходитъ изъ рукъ въ руки, можетъ попасть въ тайную канцелярію, быть прочтена въ передней...

Вотъ почему для насъ исторія о томъ, какъ Панинъ, министр юстиціи, хотѣлъ отжилить чужой домъ, важнѣе теоріи о “непосредственномъ правительствѣ”, занимавшей лѣтъ пять тому назадъ западныхъ публицистовъ.

Остается одно слово, прежде чѣмъ я перейду ко второму вопросу вашей статьи.

Вы, мнѣ кажется, съ нѣкоторымъ упрекомъ говорите, что я нахожусь въ другомъ отношеніи къ Александру II, чѣмъ былъ къ Николаю. Вы думаете, что я перемѣнился; нѣтъ, не я перемѣнился, а Николай, именно тѣмъ, что умеръ. Какъ-же я могу относиться къ Александру II, который никого не казнилъ, никого не ссылалъ въ каторжную работу за мнѣнія, не бралъ Варшавы, не мстилъ Польшѣ десятки лѣтъ, не губилъ русскіе университеты и русскую литературу, такъ какъ относился къ Николаю? Такой упорной неподвижности вы не можете предположить въ живомъ человѣкѣ, у котораго мозгъ не пораженъ мономаніей.

И это не все. Александръ II, и никто иной, поднялъ крикъ “Освобожденія крестьянъ” и я еще разъ повторяю, если онъ ничего не сдѣлаетъ, если этотъ вопросъ и его рѣшеніе ускользнуть изъ неловкихъ его рукъ, то и тогда имя его останется въ исторіи на ряду съ вѣнцоносцами-реформаторами.

Откровенно-ли онъ хочетъ освобожденія? — Я не знаю, и еще больше, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Это интересно какъ психическій студіумъ его личности — не больше. Рѣчи

Александра II, особенно рѣчь къ московскому дворянству, показываютъ, что онъ понимаетъ неотлагаемую необходимость этой мѣры, и если Александръ не хотѣлъ освободить крестьянъ, такъ какъ Николай всю жизнь хотѣлъ (какъ нынче стали увѣрять) ихъ освободить, и не освободилъ, то я предпочитаю такую неоткровенность. Понимать необходимость реформы и не противиться ей, это все что можно требовать отъ правительства, остальное мы должны сами сдѣлать, если хотимъ, чтобъ было хорошо сдѣлано.

Но Александръ II по своему чину долженъ быть отлученъ нами..... неужели это не такъ же смѣшно, какъ считать по легитимистскимъ и іезуитскимъ учебникамъ: революцію 1789 за мятежъ, Робеспьера за разбойника съ большой дороги, Якобинцевъ за шайку воровъ?

Я знаю, что съ религіей демократіи не совмѣстно говорить что-нибудь о вѣнцоносцахъ, кромѣ зла; признаюсь вамъ, что мнѣ религія демократіи также не по сердцу какъ религія пана Фіалковскаго и какъ религія “возсоединеннаго” Симашки. Демократическое православіе также не даетъ воли уму и жметъ его, какъ кіево-печерское. Тотъ кто истину — какая бы она ни была — не ставитъ выше всего, тотъ кто не въ ней и не въ своей совѣсти ищетъ норму поведенія, тотъ не свободный человѣкъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ позвольте обратиться къ польскому вопросу.

ИСКАНДЕРЪ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ КОЛОКОЛА.

М. Г. — Въ 30 листѣ “Колокола” вы напечатали мое письмо къ вамъ, съ предисловіемъ, въ которомъ вы говорите, что “*desoium oblige*” васъ не печатать нашего протеста, противъ “обвинительнаго акта” г. Ч.

Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что если вы прочтете еще разъ нашъ протестъ, то вы увидите, что основной смыслъ его не защита васъ, но защита принципа, что большинство читателей и увидятъ ясно. Сужденія о характерѣ вашей дѣятельности, какъ я уже самъ сказалъ въ первомъ письмѣ, были неизбежны; а потому позвольте вамъ повторить еще разъ, что вы не имѣете права не напечатать нашего протеста, въ которомъ трогаются нѣкоторые вопросы не касающіеся васъ.*

Примите и проч.

РУССКОИ.

АВТОРУ “ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА” Г. Ч.

Милостивый государь,

Вы явились съ обвинительнымъ актомъ отъ лица многихъ мыслящихъ людей, какъ вы говорите. Я же являюсь съ протестомъ, тоже отъ лица многихъ, и тоже, отъ не мыслящихъ людей.

Я не буду входить въ разбирательство справедливости или

* Мысль, что найдутся люди, которые подумаютъ, что отвѣтъ сдѣланъ или вызванъ самой редакціей, дѣйствительно останавливала насъ. Но безъ сомнѣнія нашъ защитникъ имѣлъ тоже право на нашу печатную гласность, какъ нашъ обвинитель, и мы печатаемъ его отвѣтъ.

Мы получили еще четыре письма, въ которыхъ рѣзко нападаютъ на статью г. Ч. Въ двухъ насъ упрекаютъ зачѣмъ мы помѣстили ее. Еслибъ публикаціе “обвинительнаго акта” только и припесло что эти горячіе, полные любви и симпатіи протесты, то я конечно не сталъ бы раскалываться въ томъ, что напечаталъ. Привыкнемъ-те же наконецъ къ свободѣ не только мнѣній, но и громкаго высказыванія ихъ.

несправедливости ваших обвинительных пунктов. Допустимъ, что я согласенъ съ ними. Я хочу обсудить вашъ поступокъ; изъ обсуждения его, само собою, выкажется, кто правъ, и кто виноватъ.

Позвольте спросить, что побудило васъ написать письмо? Искреннее, теплое желаніе добра, пользы?... Нѣтъ, м. г., въ такомъ случаѣ вы поступили бы не такъ; вы не требовали бы печати, вы писали бы не на тотъ ладъ, не тѣмъ тономъ. Требуя печати, значитъ вы писали для "эффектнаго бездѣлія," (выраженіе г. Ч.), вы руководились не увлеченіемъ теплаго сердца — содержаніемъ письма и собственнымъ сознаниемъ вы доказали, что вы не способны къ этому. — Вы написали увлеченныя обидчивымъ самолюбіемъ. Изъ вашего письма, развѣ только одинъ слѣпой не увидитъ, что васъ задѣлъ за живо стывъ "Колокола" о доктринахъ. Почему же вы прежде не вступили въ подробныя объясненія? . . . видно камушекъ попалъ въ огорождъ.

Люди, отъ лица которыхъ я пишу, считаютъ себя, также какъ вы считаете себя, людьми мыслящими и глубоко обдуманнми; считаютъ даже, что они обдуманнѣе васъ; они имѣютъ право сдѣлать такое предположеніе, ибо, изъ суда надъ вашимъ письмомъ, вы сами увидите свою непослѣдовательность и слѣдовательно необдуманность. Эти люди полагаютъ, что они проникнуты зрѣлою, твердою, продуманною сердцею и разумомъ мыслию, мыслию вытекающею изъ всего существа человѣка; эти люди черпаютъ свои мысли изъ одного общаго источника, они выводятъ все изъ одного общаго начала; а потому они не могутъ спотыкаться, не могутъ постоянно ошибаться; отъ своей мысли эти люди не откажутся до гробовой доски, ибо убѣждены, что она истина, истина непреложная, непогрѣшимая, непобѣдимая. Доктриперы-ли эти люди, по наружности, или нѣтъ? Какъ, кажется, было не обидѣться этимъ людямъ?.. А нѣтъ, не обидѣлись. И знаете почему?... Потому, что въ ихъ груди тепло; потому, что они поняли, поняли сердцею и головою, поняли всѣмъ человѣческимъ существомъ, что сердце необходимо для мысли и для разработки ея; поняли, что дѣятель и мыслитель безъ сердца—гробъ.

Не смотря на то, эти люди сдерживаютъ порывы сердца, сдерживаютъ увлеченіе. Но не потому, что считаютъ увлеченіе преступленіемъ, не потому что не оправдываютъ его, не потому, что издѣваются и гаерничаютъ надъ нимъ... нѣтъ; они не увлекаются потому, что считаютъ, до поры до времени, неизбежнымъ имѣть тоже вооруженіе, какъ и вы, чтобъ навѣрное разить васъ, васъ холодныхъ доктринеровъ, васъ воспитанниковъ фальшивой науки, васъ, которые царствуютъ и мертвятъ все, васъ, которыхъ надо спихнуть.

Сосредоточиваясь въ себѣ, эти люди, вырабатываютъ мысль до совершенной зрѣлости, вырабатываютъ ее такъ, чтобъ для васъ незаметно было въ ихъ мысли участіе сердца, — вѣдь отсутствіе участія сердца въ мысли есть, для васъ, первый признакъ ея здравости. Мысль этихъ людей, при томъ же наружномъ вооруженіи, какъ и ваша, кроетъ въ себѣ теплоту, душу, сердце; ихъ мысль — полнота, жизнь, свѣжесть, зрѣлость; ваша—вооружена, но бездушна и скоро сдаться.

И такъ, только одна необходимость имѣть противъ васъ однородное оружіе, заставляетъ этихъ людей сосредоточиваться, по сосредоточиваніе въ себѣ стоитъ дорого, это есть самоуничтоженіе, это есть самоубійство, это — вериги. Одно только

сознаніе страшной опасности, которая грозитъ нашей Россіи отъ вашего направленія, можетъ побуждать этихъ людей къ такому самопожертвованію.

Теперь вы должны понять почему эти люди, одни изъ самыхъ точнѣйшихъ людей—не обидѣлись; вы должны понять теперь почему увлеченіе "Колокола" сродно ихъ душѣ. Они видятъ увлеченіе такъ же, какъ и вы, но они не только не издѣваются надъ нимъ, не только оправдываютъ его, но признаютъ законность и необходимость его. Они видятъ ошибки "Колокола", но въ тоже время видятъ въ немъ сердечный жаръ, горячую любовь добра и истины; они любятъ его, какъ любятъ его вся Россія. Еслибы вы не видѣли этого кругомъ васъ, вы не обратились бы къ нему съ тѣми требованіями, съ какими вы обратились въ вашемъ письмѣ.

Кто больше увлекался какъ не Бѣлинскій?... Что же—не думаете ли вы отвергнуть его значеніе и ту огромную пользу которую принесъ этотъ человѣкъ, полный страсти, увлеченія и энергіи? А вѣдь безъ увлеченія онъ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ... Жаль, что его нѣтъ въ настоящую эпоху — то то бы гремѣлъ громъ надъ вами...

Вы полагаете, что люди увлеченія, люди сердца бесполезны, что вы одни только дѣлаете дѣло — ошибаетесь! Призаніе этихъ людей—шевелить, будить, одушевлять и оживлять все; призаніе же людей безъ теплаго сердца, не отвергая нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ—по преимуществу призаніе отрицательное: своимъ неполнымъ, ограниченнымъ взглядомъ на жизнь, взглядомъ возмущающимъ душу, они призваны развивать энергію мысли тѣхъ, которые рано или поздно должны быть призваны къ дѣятельности положительной.

Вы съ презрительной, самодовольной усмѣшкой смотрите на движеніе сердца; вы гордитесь тѣмъ, что прониклись холодными принципами науки. Садитесь пожалуйста рядомъ съ вашими родными братьями, благородными представителями Франціи 1848 года, которые вызвали сами рѣзню, а потомъ нещадно казнили безвинныхъ. Будьте покойны, "Колоколъ" не будетъ причиной пролитія, хотя единой капли крови. Это вы! вы! единственно вы можете быть причиной.

Еслибъ "Колоколъ" зналъ, какая темная туча показывается на горизонтѣ отъ вашего направленія, еслибъ онъ могъ непосредственно видѣть ее, еслибъ обвиняемый вами могъ повѣрить тому, что то, что онъ заклеилъ на Западѣ, имѣетъ претензію водвориться въ Россіи, то тогда "Колоколъ," мы увѣрены, тотчасъ бы почувалъ настоящаго, сильнаго врага, и сталъ бы разить васъ, васъ тончайшихъ и, что всего хуже, безсознательныхъ враговъ прогресса, имѣющихъ, между тѣмъ, всю благовиднѣйшую наружность людей здраваго, положительнаго и правильнаго прогресса; онъ разилъ бы ваше направленіе съ тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, которое составляетъ его свойство, его жизнь, его силу.

Что, еслибы обвиняемый вами, по вашему желанію, потерялъ увлеченіе; что, еслибы онъ задушилъ горячее, широкое сердце, которое чуется русскому человѣку; вѣдь онъ не могъ бы дарить больше тѣхъ страницъ, которыя онъ дарилъ и даритъ иногда, и которыя удовлетворяютъ и согрѣваютъ человѣка. Кстати, беру примѣръ приведенный вами: письмо къ Государыни. Вѣдь для того, чтобъ написать такое письмо, надо то, что вы силитесь убить, надо сердце, надо увлеченіе. А кто можетъ сказать, что это письмо не будетъ имѣть значенія для будущаго Россіи; вѣдь это письмо такъ тепло, что

разогрѣло даже васъ, издѣвающагося надъ сердцемъ и его жизнью.

Виновать ли “Колоколъ,” что онъ дѣлаетъ ошибки, что онъ стрѣляетъ иногда холостыми зарядами, что онъ напечатаетъ иногда корреспонденцію изъ Россіи, написанную подъ вліяніемъ отчаянія, имѣющаго однако всегда основаніе въ видимомъ фактѣ; но степень важности и значенія котораго, “Колоколъ” физически не имѣетъ возможности взвѣсить, а потому, приписывая во вниманіе видимый характеръ факта — не имѣетъ никакой причины не напечатать. Виновать не онъ, а мы всѣ, которые не дають ему вѣрнаго изображенія. Вѣдь “Колоколъ” отвѣчая на упреки, просилъ, чтобы ему покрикивали: “правѣе или лѣвѣе.” Какъ же вы отвѣчали на это?... Вы написали обвинительный актъ, актъ, который съ отвлеченной точки зрѣнія имѣетъ долю истины, и какимъ тономъ написали вы? За тѣмъ вы требовали печати. Судъ цѣлой Россіи разразится надъ вами, за требованіе печати вашего письма... Жалѣю васъ!

Вы сами говорите, что “Колоколъ” есть “сила и власть въ государствѣ,” вы сами говорите, какое значеніе онъ можетъ имѣть; какъ же вы, послѣ этого, начинаете глумиться и требуете печати? Я не только имѣю право усомниться въ вашей любви къ истиннымъ пользамъ Россіи, но положительно убѣждаюсь, вашимъ поступкомъ, т. е. тономъ письма и требованіемъ его печати, что въ васъ итъ и искры добраго желанія.

Оцѣняя значеніе “Колокола” и искренно желая добра Россіи, вы бы должны были указать “Колоколу” всѣ его ошибки, указать вѣрныя черты нашего положенія, указать самымъ убѣдительнымъ образомъ и, за тѣмъ не требовать печати письма. А въ вашемъ поступкѣ есть ли послѣдовательность, есть ли обдуманность, которой вы колите глаза?— Ссылаемся на судъ всѣхъ. Если вы не могли обдумать такого не сложнаго вопроса, чего же можно ожидать отъ вашей обдуманности? Еслибы вашъ умъ приводился въ движеніе сердцемъ, такъ вы поступили бы такъ, какъ я вамъ сказалъ, и поступили бы послѣдовательно и обдуманно. Видите-ли, что безъ участія сердца, нельзя обдумать вѣрно, даже маленькаго дѣла, а объ громадныхъ человѣческихъ вопросахъ и говорить нечего.

Не ясно-ли видно теперь, что вы явились съ вашимъ письмомъ не для благаго совѣта; не ясно-ли, что вы поступили необдуманно, слѣдовательно въ необдуманности не имѣли право упрекать; не ясно-ли, что вы просто на просто задѣтые за живо отзывомъ о доктринахъ, вздумали эффектно побездѣлывать?

Вы чрезвычайно справедливо замѣчаете въ вашемъ письмѣ о страсти общества къ остроумію и о преклоненіи передъ нимъ. За чѣмъ же большая часть вашего письма вертится на сгораніи и т. д.? Вы доказали, что въ васъ не можетъ загорѣться теплое чувство, отъ того вы и подхватили эти слова. Но дѣло не въ томъ, вы нападаете на склонность къ остроумію, а сами десять разъ, въ коротенькомъ письмѣ, пускаетесь на остроты. Гдѣ же послѣдовательность? Гдѣ же обдуманность?

Вы говорите обвиняемому, что онъ преступникъ передъ исполненіемъ своей великой задачи. А вы, исполнили вашу задачу, безъ исполненія которой неисполнима задача “Колокола”? Сообщали-ли вы “Колоколу” вѣрныя данныя о

состояніи Россіи? Вѣдь изъ газетъ — изъ нашихъ-ли, изъ иностранныхъ-ли — не много узнаете вѣрнаго о Россіи. Ошибки и промахи “Колокола” лежатъ на насъ, а не на немъ. Вы болѣете о томъ, что ошибки и увлеченія подрываютъ значеніе “Колокола”, а ваше письмо съ требованіемъ печати, позвольте васъ спросить: съ намѣреніемъ поддерживать его значеніе что-ли, написано? Ваше письмо, безъ приличнаго суда отъ многихъ, чуждыхъ совершенно редакціи “Колокола”, могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, но мы убѣждены, что общественное мнѣніе произнесетъ надъ нимъ достойный приговоръ.

Скажите пожалуйста, какъ отозвались въ васъ эти слова обвиняемаго: “Еслибы я повѣрилъ этому, (т. е., что дѣло его жизни приноситъ вредъ Россіи) я пошелъ бы самопожертвованіе передать свое дѣло другимъ рукамъ и скрыться гдѣ нибудь въ глуши, скорбя о томъ, что ошибся цѣлой жизнью.” Вѣдь это не фраза, вѣдь цѣлой жизнью обвиняемый доказалъ, что это не фраза. Допустимъ что онъ ошибается въ своей дѣятельности, но отвѣчайте, съ какимъ намѣреніемъ онъ пожертвовалъ всѣмъ близкимъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ подвергъ себя остракизму? — для того чтобы вредить Россіи, что-ли? Какъ же вы поддерживаете это самопожертвованіе? Пусть обвиняемый не сдѣлалъ ничего больше, какъ открылъ контроль общественнаго мнѣнія и гласность преступленій,—этого мало съ васъ? Вѣдь тошпо читать вашу благодарность объ этомъ. Развѣ вы можете отвергнуть, что этотъ контроль предупредилъ тысячи и тысячи преступленій, тысячи и тысячи горькихъ жертвъ. Русскій человѣкъ и въ испорченномъ видѣ не теряетъ окончательно совѣсти—для него, выставка, выше всякаго наказанія. Что, кажется, было умнѣе открыть эдакой контроль давно. Однако одинъ умъ безъ сердца не придумалъ этого. Вѣдь надо было увлеченіе, чтобы поступить такъ, какъ поступилъ обвиняемый вами; вѣдь это сердце руководило его умъ. Видите-ли опять, что безъ увлеченія нельзя дѣлать ни умныхъ, ни добрыхъ дѣлъ. По какому праву вы рѣшились обвинять публично другаго, что онъ мало дѣлаетъ пользы людямъ? Чтобы обвинять въ этомъ, надо самому сдѣлать больше, или, по крайней мѣрѣ столько же. Скажите по совѣсти, неужели вы думаете, что принесли больше пользы, чѣмъ обвиняемый вами? Какъ бы ни былъ вашъ трудъ почетенъ и уважителенъ, какая бы ни была ваша дѣятельность, ученая или административная—вы приносите пользу, но вы не можете еще въ сію минуту сказать, что вы принесли хотя одну сотую долю той пользы, какую припесъ Россіи обвиняемый вами. И такъ вы не имѣли права являться съ обвинительнымъ актомъ и провозглашать что обвиняемый ничего больше не дѣлаетъ, какъ только увлекается. Увлеченіе подвигнуло его на самопожертвованіе, увлеченіе положило основу той пользы, которую онъ приноситъ, увлеченіе намъ дорого, увлеченіе намъ нужно, увлеченіе и самопожертвованіе заповѣдалъ намъ Христосъ своею жизнью и смертію.

Поступокъ вашъ разобранъ, обращаюсь теперь къ нѣкоторымъ взглядамъ, высказаннымъ въ вашемъ письмѣ.

Вы говорите напрямѣръ, что еслибы въ нѣдрахъ нашего отечества завелось нѣсколько “Колоколовъ”, то это повело бы къ гибельному разгару общественныхъ страстей. Далѣе вы говорите, что: “въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло приобрѣсти

мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ либо." Читая эти строки невольно вспоминаешь прописи и какъ-то мутитъ подъ ложкой, такъ эта тирада прѣсна и возмущаетъ душу, когда подумаешь, что она писана претендентомъ на мыслителя, кажется изъ новаго поколѣнія. Неужели же вы серьезно думаете, что можно разжигать словомъ общественныя страсти и вообще дѣлать общественныя движенія — да еще гдѣ, въ Россіи, полною здраваго смысла—въ томъ случаѣ, когда эти движенія не соотвѣтствуютъ потребности общества, и когда они не должны бы были совершиться сами собою, въ силу обстоятельствъ. . . . Если вы такъ думаете, то вы, позвольте вамъ сказать, не мыслитель. Вѣдь ваше предположеніе противно закону природы и опровергается маленькими примѣрами : Англіей и Соединенными Штатами. Если вы такого убѣжденія, напрасно вы работаете для Россіи, вы худое сѣмя, вамъ лучше поступить на службу во Франціи.

Читая мое письмо, вы, конечно, подумаете, что надо защищать цензуру. Но позвольте вамъ сказать, что вашъ поступокъ и тонъ вашего письма должны оправдать и не такое письмо, какое я вамъ пишу. Еслибы поступокъ подобный вашему поступку сдѣлалъ человѣкъ необразованный, неразвитый, певыдающій себя за передоваго, мыслящаго человѣка Россіи, тогда я бы и не подумалъ черкнуть перомъ. Но подобный поступокъ, совершенный такимъ человѣкомъ, какимъ вы выдаете себя, мутитъ кровь.

Упомянувъ о вопросѣ освобожденія крестьянъ, — вы говорите, что эта реформа не можетъ совершиться вдругъ и нѣсколько разъ повторяете о противоборствующихъ стремленіяхъ, о враждебныхъ и животрепещущихъ интересахъ, о вѣковыхъ узлахъ, о вѣковыхъ запутаныхъ учрежденіяхъ и т. п.; вы говорите, что нужно терпѣніе, осторожность, что надо все изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить. Экой наборъ ничего неговорящихъ словъ! Что вы сказали этими фразами? Нѣтъ, коли вы явились, добровольно, обвинителемъ въ необдуманности, такъ подавайте намъ не пустословіе, а вашу обдуманную мысль. Давайте ее сюда, гдѣ она? иначе вы должны молчать. Но въ томъ-то и дѣло, что у васъ ее нѣтъ; въ противномъ случаѣ вы бы не говорили общими мѣстами и притомъ ничего неопредѣляющими.

Читая ваши взгляды на вопросъ реформы, мнѣ представилось, что они имѣютъ сходство со взглядами слесаря, передъ которымъ навалили груды всевозможныхъ частей машины и говорятъ ему : собери машину и пусти въ ходъ. Слесарь можетъ быть и отличный мастеръ, отлично умѣетъ ковать, пилить, точить нѣкоторыя части машины, но онъ все таки слесарь, а не механикъ. Разумѣется этому слесарю надо время, надо терпѣніе, надо осторожность, надо все изслѣдовать и обдумать какая часть машины куда слѣдуетъ, надо сто, тысячу разъ перебрать каждую часть и пытаться разныя комбинаціи. И будетъ слесарь изслѣдовать и собирать машину нѣсколько лѣтъ, и все таки соберетъ ее оцупью, все таки машина будетъ скрипѣть. А придетъ механикъ и соберетъ ее въ часъ, и пойдетъ машина работать такъ, что любо смотреть.

Вопросъ реформы поднять, и поднять въ такомъ видѣ, что нѣкогда дожидаться, когда слесаря изслѣдуютъ и перепробуютъ всѣ части, надо призвать механиковъ и тогда машина быстро соберется и не будетъ скрипѣть, и удовлетворить всѣхъ и вся.

Дѣло не въ томъ, чтобы въ сію же минуту, физически возможно было порѣшить выполненіе реформы, но надо не медля же опредѣлить вопросъ такъ, чтобы помѣщикъ и крестьянинъ знали : что каждый изъ нихъ будетъ, и когда именно будетъ. И это "когда" не должно быть длинно — много, много два-три года. Тогда все будетъ покойно. А теперь, кто что знаетъ? Вы все обдумываете да изслѣдовываете, а все таки не знаете до сихъ поръ какъ опредѣлить отношенія. Обдумывайте, изслѣдуйте, но помните, что отъ вашего обдумыванія и изслѣдованія, оставляющаго поднятый вопросъ въ неопредѣленности, тысячи и тысячи должны неизбѣжно выстрадать пытки плетей и палокъ и потянуться позвякивая цѣпями въ Сибирь; и эти тысячи и тысячи будутъ цвѣтъ русскаго народа.

Вдругъ! именно вдругъ—должна быть совершена реформа. Этого требуютъ обстоятельства, а главнымъ образомъ, такая реформа самая разумная, самая правильная.

Вы не знаете, какъ приступить къ подобной реформѣ; вы видите неизчислимыя запутанности; отъ того вы и возлагаете ваши надежды на комитеты. Комитеты не могутъ, ни рѣшить, ни даже подвинуть вопроса ни на шагъ. Они не тѣмъ занимаются. Опредѣленіе положенія крестьянъ должно быть общее, единое, отвѣчающее потребности всего русскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно быть такого рода, чтобы удовлетворяло всѣмъ условіямъ каждой наималѣйшей деревеньки, безъ малѣйшаго нарушенія чьихъ бы то ни было интересовъ. Вотъ задача. Мы—отъ лица которыхъ я пишу—мы имѣемъ рѣшеніе этой задачи. Мы могли рѣшить эту задачу потому, что у насъ есть одно общее начало, одинъ ключъ, который открываетъ всѣ двери и безъ котораго, чуть только вопросъ незнакомъ и сложенъ, всегда приходится путаться, и обдумывать, и изслѣдовать его всю жизнь, не двигаясь впередъ. Мы могли рѣшить потому, что, подчиняя нашу дѣятельность вліянію сердца,—нашъ трудъ, надъ вопросомъ реформы, начинается съ тѣхъ поръ, какъ мы помнимъ себя, а не съ тѣхъ поръ, какъ разбудилъ васъ голосъ царя. Мы могли наконецъ рѣшить этотъ вопросъ потому, что знаемъ свой народъ, знаемъ Россію, не изъ книгъ, а въ дѣйствительности, отъ Сѣвера до Юга, отъ Запада до Востока.

Въ одномъ мѣстѣ вашего письма, вы говорите, что "народъ съ ужасомъ увидалъ свое растлѣніе....." Какъ!..... такъ народъ русскій находится въ растлѣніи? Хорошо же вы понимаете русскій народъ. Боже мой, что за страшная слѣпота! Да, позвольте, я васъ сейчасъ уличу. Вѣдь растлѣніе можетъ быть только при дряхлости общества —такъ-ли? Какъ же вы дальше пустили тираду объ "юпомъ обществѣ?" Какъ согласить эти взгляды? Видите-ли, какая непослѣдовательность и необдуманность. Вы не могли согласить вашихъ сужденій въ маленькомъ письмѣ, значитъ ваши взгляды путаются; немудрено послѣ этого, что вопросъ о реформѣ представляется вамъ путанницей, которую конечно вы вѣкъ не распутаете.

Растлѣнное общество не можетъ сознать своего растлѣнія, иначе это не растлѣніе. Въ растлѣнномъ обществѣ, растлѣніе могутъ сознать только умы исключительные; растлѣнное общество самодовольно и, такъ, въ самодовольствіи и сгибнетъ. Вы, какъ человѣкъ, видимо, образованный,

конечно знаете исторію хорошо; но видно знать ее, не значить еще понимать настоящій смыслъ историческихъ явленій; въ противномъ случаѣ вы не допустили бы такихъ не совмѣстныхъ взглядовъ объ народѣ, какіе вы выразили. Русскій народъ не растлѣнъ и не болѣнъ; на немъ есть паразиты, въ прошедшемъ сдѣланныя, и сдѣланныя людьми со взглядами подобными вашимъ взглядамъ, паразиты вашими же лекарствами леченныя и не залеченныя—позвольте теперь полечить вамъ.

Въ вашемъ обвинительномъ актѣ, вы ясно высказали такую мысль: что! еслибы я, напримѣръ, былъ редакторомъ журнала, который бы находился въ томъ независимомъ положеніи, какъ “Колоколъ,” то то бы я надѣлалъ дѣла. Нечего сказать, много бы “Колоколъ” надѣлалъ дѣла еслибы, такъ же, какъ вы, смотрѣлъ на народъ русскій, какъ на растлѣнный.

Досадуя на нѣкоторыя ошибки “Колокола,” въ которыхъ виноваты мы сами, Русскіе, мы возложимъ полную надежду, что онъ, не взирая на ваше письмо, будетъ продолжать оживать и грѣть душу и звонить сердечно. А мы, мы будемъ по прежнему сосредоточиваться, чтобъ вооружать новыя начала оружіемъ, подобнымъ вашему оружію, за тѣмъ, чтобъ явиться и побѣдить ваше царство, и побѣдить не въ одной Россіи, но и тамъ, гдѣ оно беретъ свое начало.

Намъ больно тратить время на вооруженіе нашего начала вашимъ оружіемъ, намъ тяжело это дѣлать тогда, когда эти начала должны уже примѣняться къ дѣлу. Мы знаемъ, что гораздо легче и скорѣе можно достигать рѣшенія общественныхъ вопросовъ, обращаясь къ сердцу и къ разуму двигающемуся сердцемъ; но повторяю, что мы вынуждены говорить одному уму, да еще уму, который будучи не одушевленъ сердцемъ, и тупъ и непонятливъ; вынуждены потому, что прежде всего надо побѣдить васъ.

Вы смѣтаете что въ общественныхъ, государственныхъ, экономическихъ и вообще всѣхъ народныхъ вопросахъ можетъ играть роль сердце.... Смѣйтесь! смѣйтесь! и въ смѣхѣ не успѣете опомниться какъ ваши начала разобьются въдребезги объ новыя начала.

Знайте! что всѣ настоящія путаницы, всѣ законы, весь старый ламъ, все рухветъ и всѣ общественные вопросы, разумъ, построить на сердцѣ, на одномъ началѣ: “Люби ближняго, какъ самаго себя.” До тѣхъ поръ все будетъ путаться, до тѣхъ поръ нѣтъ исходу, до тѣхъ поръ мерзость запустенія. И эту задачу призванъ рѣшить, народъ русскій, и вы, вы стали на пути — прочь, посторонитесь или идите съ народомъ, а не то погибнете съ позоромъ.

Къ вамъ молодые люди, къ вамъ сидящимъ еще на скамейкахъ и въ аудиторіяхъ обращаюсь я теперь. Вамъ выпадаетъ на долю великое, не бывалое дѣло. Вы будете призваны снасти міръ и осуществить истинное царство христово. Начните съ того, что, изучая науки общественного устройства, по преимуществу касающіяся экономическихъ отношеній и естественныхъ правъ человѣка — не вѣрьте имъ, какъ бы они, повидимому, ни удовлетворяли; изучайте ихъ глубоко, для того, чтобъ убѣдиться, что въ нихъ забыто сердце; изучайте для того, чтобъ предать ихъ проклятію; изучайте для того, чтобъ разрушить ихъ и создать новое зданіе. Не забывайте, что царство христово еще

нигдѣ не было на землѣ; что царствовала форма, а не сущность. Всѣ общества смѣются надъ истиной Христа, вездѣ душно, тѣсно сердцу. Только въ русскомъ крестьянскомъ полѣ—только на русской крестьянской сходкѣ—только въ русской деревнѣ отдыхаетъ сердце, становится широко и дышится свободно. Умрите, если будетъ нужно, — умрите какъ мученики, — умрите за сущность, какъ умирали первые христіане за форму, — умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю—умрите за общинное начало!

ПИСЬМО ВЪ ЗАЩИТУ Г. Ч.*

М. Г.—Въ ту минуту, какъ я посылалъ вамъ первое мое письмо, появился 29 листъ Колокола, съ помѣщеннымъ въ немъ письмомъ г. Ч. къ вамъ. Письмы эти взаимно подтверждаютъ другъ друга, но прочтя письмо г. Ч., какъ слабо, робко и бѣдно показалось мнѣ мое, какъ я радуюсь, что не ошибся и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ молю Бога, чтобъ вы получали и печатали почаще статьи, въ родѣ письма г. Ч.

Вотъ уже второй разъ что вы печатаете противъ себя; первый разъ, при изданіи I книжки “Голосовъ изъ Россіи” напечатано въ началѣ “Письмо къ Издателю”; второй разъ, теперь. Но вы говорите, “что еслибы вы повѣрили, что вся дѣятельность ваша, все дѣло вашей жизни приносить вредъ Россіи, вы бы нашли самоотверженіе передать свое дѣло другимъ рукамъ и скрыться гдѣ-нибудь въ глуши, скорбя о томъ, что ошиблись цѣлой жизнію”.....

Грустно будетъ, если принять эти строки à la lettre; въ нихъ кроется больше личнаго авторскаго самолюбія, нежели любви къ правому дѣлу; вы не ошиблись—вы заблуждаетесь, а заблужденіе есть общее достояніе человѣчества. Неужели непониманіе одного современнаго политическаго явленія (т. е. состоянія умовъ въ Россіи) достаточная причина, чтобъ бросить дѣло, явную пользу котораго признала не только вся Европа, но даже русское правительство? Это значить, извините за тривиальную пословицу, “разсердясъ на вшей и шубу въ печь!”

Цѣль этого письма — попытка склонить васъ къ большей довѣрчивости къ тѣмъ, которые будутъ писать вамъ съ точки зрѣнія, какъ вы называете, “административнаго прогресса и гвернементальнаго доктринаризма.” Не принимайте ее, если вамъ это не нравится, казните ее остриемъ вашей ироніи, но не отказывайте доступа въ вашу типографію органамъ этого направленія, когда они будутъ имѣть нужду въ вашемъ журналѣ.

Ознакомтесь съ идеями людей, подобныхъ г. Ч. и не менѣе васъ образованныхъ и любящихъ Россію, не отвергая безусловно ихъ сообщничество, вы наживете себѣ много приверженцевъ, вы представите себѣ не можете съ какимъ удовольствіемъ письмо г. Ч. было прочтано цѣлой колоніей Русскихъ въ городѣ, изъ котораго я къ вамъ пишу.

Вы сами говорите, что готовы печатать все что качественно и количественно возможно, — продолжайте доказывать намъ это, ради Бога.

Отдѣляя людей такого рода отъ вашей стороны, вы

* Мы не имѣли мѣста для перваго письма г. Спартанскаго, и предпочли начать вторымъ. Послѣ предшествующей статьи, справедливость требовала напечатать защиту г. Ч.

говорите: "кто не съ нами, тотъ противъ насъ" и ослабляете противодѣйствіе тому злу, противъ котораго и они и вы! Но потому самому, что всѣ преимущественно обращаются къ вамъ, а не въ Лейпцигъ или Лондонъ къ Свентославскому, вы должны заключить, что все-таки вамъ сочувствуютъ, что отъ васъ зависитъ пріобрѣсти довѣріе общественнаго мнѣнія, на судъ котораго вы передаете обвиненіе г. Ч. Чтобы пріобрѣсти его, не нужны уступки личныхъ мнѣній и убѣжденій на счетъ того, какимъ путемъ должна идти Россія въ настоящее время, а нужны терпимость и безпристрастіе въ изложеніи всего того, что клонится къ ея безусловному благу.

Теперь постараюсь разъяснить вамъ причину вашей недоброжелательности къ людямъ, раздѣляющимъ одинаковый образъ мыслей съ г. Ч. Оставя давно Россію подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ тогдашняго общественнаго ея состоянія, когда во всѣхъ слояхъ общества возникали самыя рѣзкія противоположности мнѣній, когда ничего не было основательно обсуждено и разъяснено, вы невольно переносите это впечатлѣніе на ваше теперешнее воззрѣніе; а между тѣмъ, какая разница — на сколько вопросовъ вамъ бы отвѣтили положительно, рационально; теперь прошла пора либераловъ въ родѣ Репетилова. Отъ бесплодной оппозиціи, пустыхъ воззваній и порицаній ея *abrupto*, отъ свѣтскихъ толковъ и либеральныхъ, голословныхъ преній, истинно образованные члены русскаго общества начинаютъ отказываться, гибельный примѣръ крайнихъ убѣжденій послужилъ урокомъ по крайней мѣрѣ этому меньшинству, и оно знаетъ чего хочетъ.

Оно знаетъ—что настоящая эпоха требуетъ не слова а дѣла,—что государственные перевороты, какъ бы они ни совершались, во всякомъ случаѣ народныя бѣдствія для правыхъ и виноватыхъ,—что всякая реформа, когда она обогрится кровью, рискуетъ потонуть въ ея потокахъ,—и что язвы нашего отечества столь же безумно лечить топоромъ крестьянина, сколь нелѣпо лечить холеру скальпелемъ оператора,—оно знаетъ наконецъ, что нарушеніе коренныхъ законовъ государственнаго существованія влечетъ иногда за собою рядъ послѣдствій, худшихъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ надлежитъ избавиться.

Оно хочетъ—постепеннаго и систематическаго превращенія извѣстныхъ административныхъ и общественныхъ формъ въ другія, болѣе свойственныя настоящимъ потребностямъ Россіи,—оно хочетъ возстановить равновѣсіе въ гражданскихъ правахъ, какъ личныхъ такъ и общественныхъ, не только сословія крестьянъ—но и всѣхъ прочихъ; оно хочетъ (и это самое пламенное его желаніе) чтобы значеніе и святость закона проникло бы въ предѣлы Зимнаго Дворца и озарило бы свѣтомъ вѣчной правды обязанности царя, права подданныхъ, безнравственность царедворцевъ, существенные интересы народа. Оно хочетъ наконецъ,—чтобы каждый въ кругу своей дѣятельности принялся бы за дѣло, и такъ какъ въ настоящую минуту дѣло это, есть дѣло освобожденія крестьянъ—чтобы каждый изъ истинно образованныхъ помѣщиковъ на мѣстѣ бы ознакомился съ доселѣ непонятымъ бытомъ крестьянина и вникъ въ взаимные съ нимъ интересы, прилагалъ бы результаты науки и образованія къ устройству новыхъ съ нимъ отношеній. Поздно теперь разсуждать, такъ ли взялись за это дѣло, и рациональны ли принципы, на которыхъ хотятъ основать новый порядокъ вещей—надо взяться за дѣло с а м и м ъ и

работать на глазахъ крестьянина. Вотъ мнѣніе того меньшинства, которое стоитъ на рубежѣ старыхъ идей и устарѣлыхъ формъ, признавая ихъ недостатки, но которое не довѣряя безусловно обманчивымъ утопіямъ кровавыхъ переворотовъ, ждетъ, прежде нежели срубить старое зло, чтобъ вновь насаждаемое благо, пустило бы прочные корни въ родной землѣ!

Вамъ это странно, вы этому не вѣрите, вы потеряли довѣріе къ человѣческой исторіи—всякій, кто не смотритъ на Россію или на гражданское ея устройство, сквозь призму упорнаго отрицанія всего существующаго, по вашему мнѣнію, партизанъ деспотизма, кнута и взятокъ—*pergeat patria*, восклицаете вы,* лишь бы на трупахъ вашихъ братьевъ, на дымящихся развалинахъ вашей родины, водрузилось бы, хоть минутно, кровавое знамя соціальной утопіи, свернутое повсюду и утратившее даже тотъ мнимый вѣнецъ мученичества, которымъ гордились нѣсколько лѣтъ тому назадъ его приверженцы!

А все таки вы любите Россію—но всякая любовь, требуетъ жертвы—принесите въ жертву отечеству хотя сотую долю вашихъ политическихъ убѣжденій и вашъ "Колоколъ" станетъ для него провозвѣстникомъ, благовѣствующимъ дивную эпоху нравственнаго возрожденія и истинной свободы!

А. Спартанской.

P. S. — Я убѣжденъ, что если вы не напечатаете это письмо, то объясните причину препятствующую печати—любопытно знать къ какой категоріи упрековъ-ли, или обвиненій вы его причтете?

МОСКОВСКІЙ КОМИТЕТЪ.

ГЛАВНЫЯ ОСНОВАНІЯ, ПРИНЦИПЫ И МОСКОВСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ, НАЧАВШИМЪ ЗАСѢДАНІЯ СВОИ СЪ 26 АПРѢЛЯ 1858.

(продолженіе)

IX. Крестьянскія строенія и усадебную землю предоставить въ потомственное пользованіе крестьянъ за опредѣленные повинности, самый же выкупъ ихъ допустить на основаніи добровольнаго согласія крестьянъ съ помѣщикомъ [единогласно.](Ф)

X. Вопросъ: на какихъ основаніяхъ предоставить помѣщику право переносить жилища и хозяйственныя строенія крестьянъ на другія мѣста въ томъ же селеніи, при составленіи акта о переходѣ ихъ въ срочно-обязательное положеніе не рѣшенъ.(х) Для обсужденія сего предмета избрана ком-

* Нѣтъ, я никогда этаго не восклицалъ и ничего подобнаго этому каннибальскому доктринаризму нигдѣ не выражено въ моихъ сочиненіяхъ. И—рѣ.

(Ф) Что это такое? Предоставить усадьбу и строеніе въ пользованіе.... да они и безъ того въ пользованіи крестьянъ, объ этомъ и говорить нечего; а выкупъ оставить на добровольное согласіе... ну! а помѣщикъ не согласенъ ни на какой выкупъ—тогда что? Стало и выкупа нѣтъ. Это положеніе совершенно опровергаетъ всѣ рескрипты правительства. Лучше ужъ было бы сказать: veto и закрыть комитетъ, оставивъ экономическое состояніе Россіи въ томъ грязн, въ которой оно застряло.

(х) Да этого вопроса и допускать не слѣдуетъ; помѣщикъ не долженъ имѣть права переселять крестьянъ, если они сами не заявятъ особаго желанія переселиться. Поднять по цѣлому государству такую возню, въ пользу помѣщиковъ и для раззоренія крестьянъ, было бы такимъ юридическимъ и политическимъ уродствомъ, какаго и не встрѣчалось. Это одно вызоветъ рѣзкую, и правительство можетъ допустить это только, если желаетъ себѣ позора, а Россіи междоусобія.

мисія изъ трехъ членовъ и имъ поручено обсудить какъ этотъ предметъ, такъ и предположеніе, доставленное изъ м. в. д., объ устройствѣ сельскихъ обществъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и объ учрежденіи волостей.

XI. Крестьяне въ теченіе срочнаго - обязательнаго положенія, оставаясь крѣпкими землѣ, не имѣютъ права переходить въ другія сословія цѣлыми обществами или селеніями.

XII. При опредѣленіи повинностей крестьянъ къ помѣщику, на каждое лицо отдѣльно, за точное отправленіе оныхъ должно отвѣтствовать круговымъ поручительствомъ все крестьянское общество того селенія. (ц)

XIII. Переходъ въ другія сословія отдѣльно лицу или семейству дозволяется и въ теченіе срочнаго - обязательнаго положенія, но не иначе, какъ съ согласія помѣщика и сельскаго общества.

XIV. Срочно-обязательное положеніе независимо отъ выкупа усадьбъ продолжается 12 лѣтъ. (ч)

XV. Развитіе положенія о неприкосновенности правъ собственности помѣщиковъ на всѣ земли, кромѣ отведенной на выкупъ, и на всѣ богатства, въ нихъ заключающіяся предоставляемо редакціонной комисіи для составленія проекта положенія.

XVI. Помѣщикъ даетъ своему имѣнію хозяйственное устройство по собственному усмотрѣнію. (ш)

XVII. Помѣщикъ имѣетъ право продавать, закладывать и вообще отчуждать всѣ земли какъ отведенныя, такъ и неотведенныя въ пользованіе крестьянъ, безъ всякаго ограниченія, съ тѣмъ, чтобы имѣніе при всякомъ отчужденіи переходило съ тѣми правами и обязанностями, какія будутъ установлены между помѣщикомъ и крестьянами.

XVIII. Постановлено, что оцѣнка усадебныхъ строеній и усадебныхъ земель назначается помѣщикомъ, повѣряется на мѣстѣ членомъ комитета при составленіи помѣщикомъ акта, и по разсмотрѣніи утверждается членами комитета.

Примѣчаніе 6 и 7. А. Ефремовъ, по предмету оцѣнки усадебной земли и строеній, говоритъ: "Оцѣнка усадебной земли всего удобнѣе можетъ быть произведена на основаніи свѣденій объ имѣніяхъ; но если комитетомъ будетъ признана необходимость оцѣнки, то возможно только приступить къ оцѣнкѣ строеній, а также усадебныхъ и полевыхъ угодій на одно пользованіе, но отнюдь не на выкупъ, который, по положенію комитета, долженъ быть произведенъ по обоюдному согласію крестьянъ и помѣщика. Эта мѣра будетъ служить къ улучшенію крестьянскаго быта, и крестьяне не будутъ при переходѣ въ другія мѣстности связаны покупкою земли и платою значительныхъ суммъ, кромѣ вознагражденія помѣщика за личныя повинности."—В. Высотскій по этому же случаю говоритъ: "На основаніи того же, что земля отдается въ пользованіе крестьянамъ по добровольному согласію, въ оцѣнкѣ усадебной земли для выкупа не пастонитъ надобности, и потому оцѣнку отмѣнить. Она же и не будетъ точна и согласна съ новымъ порядкомъ вещей."—Князь Урусовъ предложилъ составить комисію для составленія мѣстныхъ и общихъ цѣнностей усадьбы съ землею по

(ц) Вы разрушаете общину во всемъ, кромѣ ответственности передъ помѣщикомъ. Хороша община!

(ч) Крестьянинъ выкупилъ усадьбу, выполнилъ условіе, да еще остается обязаннымъ!

(ш) Когожъ ему имѣетъ, послѣ отдѣленія земли крестьянамъ, своей остальной землей распоряжаться какъ ему угодно?

свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ помѣщиковъ.—Князь П. Д. Крапоткинъ и П. Замятинъ добросовѣстнѣе всѣхъ разсуждаютъ о необходимости уволить крестьянина съ землею и усадьбою. Они говорятъ: "Въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ, 16 Января, на имя московскаго в. г. губ., въ 1 н. § 2, изображено: "Крестьянамъ оставляется ихъ усадебная оцѣдность, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа." За симъ въ высочайше утвержденной программѣ главою 4 предлагается постановить цѣнность усадьбы, какъ для произведенія по сей оцѣнкѣ выкупа, такъ и для опредѣленія количества процентовъ съ оной за право потомственнаго пользованія въ случаѣ, если выкупъ не можетъ совершиться тотчасъ. Съ припятіемъ сихъ непреложныхъ основаній, комитету предоставлено право изыскать удобнѣйшій способъ для приведенія въ исполненіе высочайшей воли.

Для достиженія сего, мы прежде всего должны опредѣлить, какое именно количество земли слѣдуетъ отрѣзать подъ усадьбу, и за тѣмъ постановить опынъ цѣну.

"Изъ всѣхъ обнародованныхъ по сему предмету бумагъ, сколько мы можемъ разумѣть, цѣль правительства при надѣлѣ крестьянъ усадебною землею состоитъ именно въ желаніи привязать крестьянъ къ землѣ и тѣмъ самымъ устранить вредное бродяжничество; но вмѣстѣ съ постановленіемъ выкупа правительство, словами высочайшаго рескрипта, сохраняетъ помѣщикамъ право собственности на всю землю, Разсматривая эти желанія правительства, и имѣя въ виду, что вырѣзка въ срединѣ имѣнія усадебной земли составляетъ огромныя неудобства и потери для помѣщиковъ, и что цѣны этихъ земель въ слѣдствіе этого могутъ быть очень высоки, мы находимъ, что для привязанія крестьянъ къ землѣ, устраненія бродяжничества и наконецъ для облегченія самаго выкупа, слѣдуетъ назначить подъ усадьбы только самое необходимое, однако же достаточное количество земли. Мѣриломъ сему можетъ служить только теперешнее усадебное устройство крестьянъ; почему и разсмотримъ оное.

"Большею частію крестьянскія строенія въ можайскомъ уѣздѣ состоятъ изъ слѣдующаго:

Двѣ избы: теплая и холодная не болѣе.....	16 к. саж.
Сарай, плетъ, амбаръ и погребъ на.....	20
Дворъ, занимающій не болѣе.....	48
Овняъ (8 с. въ длину и 3 въ ширину).....	24
Огородъ, не превышающій $\frac{1}{2}$ десятины.....	800

Итого..... 908 с."

Улица, $\frac{1}{2}$ переулка и мѣсто для складки скирдъ и соломы составляютъ гораздо менѣе 200 к. саж., и по сему мы смѣло можемъ сказать, что 1,200 саж., или $\frac{1}{2}$ десятины, подъ каждымъ дворомъ составляютъ только необходимое, однако же достаточное количество земли для осуществленія цѣлей правительства.

Опредѣливъ такимъ образомъ количество земли подъ усадьбу и самыя строенія, на ней воздвигнутыя, и имѣя въ виду, что при существующемъ нынѣ порядкѣ въ каждомъ дворѣ живутъ обыкновенно 2 тягла, или 4 души, намъ остается постановить цѣну, за которую долженъ быть произведенъ выкупъ усадьбъ.

"Огородъ каждаго двора можетъ приносить доходу отъ 35 до 40 р. с. Вычтя изъ сего количества сумму, которую мы же употребили на наемъ работниковъ для обработки огорода и имѣя въ виду, что большая часть крестьянскихъ работъ про-

изводится изъ-полу, мы можемъ постановить доходъ одного двора отъ 17-50 до 20 р. с. Съ другой стороны, принимая во вниманіе чистый, за вычетомъ труда, доходъ съ полевой десятины, которую мы въ Можайскомъ уѣздѣ считаемъ въ 4 р. 30 к.,* мы находимъ, что при опредѣленіи дохода съ одной усадебной десятины, слѣдуетъ помножить помянутый доходъ съ полевой десятины на 8.† Такимъ образомъ мы въ этомъ случаѣ получимъ 34 р. 40 к. съ десятины или съ каждаго двора 17 р. 20 к. с. Капитализируя эту сумму на 5 процентовъ, мы получимъ стоимость каждаго двора съ ½ десятины земли въ 344 р. с.(ш)

Цѣна сія, по нашему мнѣнію, должна быть принята пормою для оцѣнки усадебъ; само собою разумѣется, что если, кромѣ означеннаго выше строенія, будутъ находиться каменные дома, фабрики или иныя заведенія, то сіи исключенія не подходятъ подъ эту оцѣнку, и такія строенія должны быть цѣнимы уже съ обоюднаго между собою крестьянъ и помѣщика согласія, при совершеніи самаго акта.

“ Приступая затѣмъ къ разсмотрѣнію способовъ самаго выкупа, мы находимъ, что безъ огромной потери для помѣщика разсрочить опаго нельзя, но для облегченія можно допустить выкупъ по частямъ, не менѣе однако 6 дворовъ вдругъ, взпосомъ за оныя разомъ всей оцѣночной суммы. Право поваго выкупа, сообразно съ настоящимъ возрастапіемъ цѣности земли, должно быть ограничено извѣстнымъ срокомъ, послѣ котораго крестьяне теряютъ уже право на оный. Срокъ этотъ для облегченія крестьянъ должно поставить по возможности длиннѣйшій; по нашему мнѣнію 30 лѣтъ весьма достаточно.

“ Самое же пользованіе усадьбами до выкупа оныхъ должно подлежать, какъ мы думаемъ, слѣдующимъ условіямъ:— а) Если крестьянинъ съ полученіемъ права выкупа будетъ обязанъ нанимать у помѣщика извѣстное количество пахатной земли, то пользованіе усадьбами можетъ быть безвозмездно; б) Если крестьяне не будутъ обязаны нанимать у помѣщика сельскихъ угодій, то за пользованіе усадебною осѣдлостію слѣдуетъ положить въ пользу помѣщика 3 % съ

* Доходъ съ полевой земли можно учесть такимъ образомъ:

Рожь и овесъ родится самъ 4, по сему получаемъ—

Съ одной десятины ржаной 4½ чет. по 3 р. 50 к.....	15 р. 75 к.
„ „ овсяной 9 „ 1 р. 75 к.....	15 75
„ „ паровой.....	
„ „ луговой (для 3 головъ).....	
Масла отъ ½ коровы.....	2 50
½ теленка.....	0 50

Всего..... 34 р. 50 к.

34 р. 50 к. : 4д.—8 р. 62½ к., а за вычетомъ труда, съ десятины приходится 4 р. 31½ к.

† Неоплатно, почему Крапоткинъ умножаетъ на 8? Статья 154 Св. Удѣл. Пост. допускаетъ доходъ съ усадьбы помножать на 8 лишь въ промышленныхъ мѣстностяхъ, а въ земледѣльческихъ на 4; по статьѣ же 152 доходъ съ обыкновенной усадебной земли равенъ доходу съ 1 десятины ржи.

(ш) Не говоря уже о Ефремовыхъ и Высотскихъ, которые просто не хотятъ выкупа, т. е. не хотятъ дать крестьянамъ никакой земли и оставить ихъ положеніе какъ оно есть, или сдѣлать его еще по хуже и еще по выгоднѣй для помѣщика въ ущербъ крестьянину, не говоря уже объ этихъ господахъ, но вотъ двое изъ лучшихъ представителей московскаго комитета, которые хотятъ продать крестьянамъ землю по 688 р. с. за десятину (2,408 руб. ассигнаціями)! Не угодно-ли имъ попробовать продать кому по добровольному согласію землю по такой цѣнѣ? Да! это дѣйствительно былъ бы кладъ для земельныхъ собственниковъ въ странѣ, гдѣ тахітумъ цѣны за десятину 50 р. с. (175 р. ас.) Но подобный кладъ на простомъ языкѣ называется грабежемъ и послѣ этого намъ кажется уже лишнимъ входить въ дальнѣйшій экономическій расчетъ сихъ господъ.

означенной выше оцѣнки; и в) До окончанія совершеннаго выкупа всѣхъ дворовъ въ селеніи, продажа отдѣльно выкупленныхъ дворовъ въ чужіе руки, безъ согласія помѣщика должна быть воспрещена.

“ Кромѣ сего способа, намъ представляется еще слѣдующее: Большая часть имѣній заложена въ опекунскомъ совѣтѣ по 80 р. за душу. По означенной выше оцѣнкѣ на каждую душу ложится по 86 р. с. Съ переводомъ денегъ на крестьянъ, мы могли бы показать эту оцѣнку до 80 р. за душу, въ томъ случаѣ, если правительство приметъ само надлежащія мѣры къ погашенію долга крестьянами, а помѣщики отъ долга и отвѣтственности будутъ освобождены; при семъ 2 способѣ, всѣ усадьбы безъ исключенія, въ извѣстное время, будутъ непременно выкуплены, и столкновенія помѣщиковъ съ крестьянами устранятся совершенно. Вслѣдствіе сего намъ кажется, что при этомъ послѣднемъ способѣ выкупа, выгоды помѣщиковъ, приобретаемые устраненіемъ отвѣтственности въ уплатѣ долга и столкновенія съ крестьянами, побудили бы ихъ за ту же цѣну отрѣзать крестьянамъ большее количество земли, на примѣръ подъ каждый дворъ цѣлую десятину.(ю) Въ семъ случаѣ излишняя земля могла бы служить выгопомъ, столь необходимымъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ.....” За симъ сдѣланъ выводъ изъ предыдущаго, по статьямъ, въ той формѣ, какъ можно было бы вписать его въ проектъ положенія.

Членъ отъ правительства, А. Ф. Томашевскій, въ засѣданіи 17 Іюня, такъ какъ принятые комитетомъ вопросы объ усадьбахъ и выкупѣ оныхъ понимаются членами весьма различно, предложилъ къ соглашенію мнѣній по сему предмету вопросъ: “Выкупъ усадебной осѣдлости, по смыслу высочайшаго рескрипта, обязательна-ли для помѣщиковъ?” И большинствомъ 20 противу 7 опредѣлено: “предложенный членомъ Томашевскимъ вопросъ къ балотированію не принимать.” За Томашевскаго подали голоса: Пальчиковъ, Даниловъ, Замятинъ, Крапоткинъ и Меньшиковъ. Но предсѣдатель объявилъ: “Что объ обязательномъ выкупѣ усадебъ для помѣщиковъ не можетъ быть и рѣчи, ибо выкупаютъ крестьяне, а по смыслу высочайшаго рескрипта до помѣщиковъ относится обязанность оставить усадебную осѣдлость крестьянамъ, которую они приобретаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа, и что таковая высочайшая воля для комитета священна.”

XIX. Постановлено, что для приобретенія крестьянами въ собственность усадебныхъ строеній и усадебныхъ земель по оцѣнкѣ, сдѣланной помѣщикомъ и утвержденной комитетомъ, —предоставлено по обоюдному и добровольному согласію съ крестьянами опредѣлить вдругъ, или постепенно, деньгами или работою долженъ быть произведенъ этотъ выкупъ обществомъ [единогласно.](я)

XX. Выкупъ усадебныхъ строеній и усадебныхъ земель отдѣльно семействами крестьянскими можетъ быть допущенъ, но не иначе, какъ съ особеннаго на то согласія помѣщика.

XXI. Постановлено, что за пользованіе потомственною усадьбою, опредѣленные проценты съ оцѣночной суммы

(ю) Какое же кредитное учрежденіе, имѣвшее въ виду залогъ 4 десятины на душу, согласится дать взаймы ту же сумму при ½ десятины на душу? т. е. тогда, когда крестьянинъ поставленъ въ неоплатное положеніе?

(я) Гдѣ же тутъ можетъ быть рѣчь о добровольномъ обоюдномъ согласіи—когда оцѣнка земли произведена помѣщиками и комитетомъ безъ участія крестьянъ? продавцемъ безъ участія покупателя?

должны быть отнесены къ повинностямъ крестьянъ, сохраняя имъ право выкупа усадебъ по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества.

Примѣчаніе 8. Объ оцѣнкѣ, П. Головинъ и А. Карѣпинъ говорятъ: “Его императорское величество, по особому своему благоволенію и усмотрѣнію, предоставилъ дворянскимъ комитетамъ постановить по мѣстнымъ положеніямъ губерніи, свои заключенія къ устройству крестьянскаго быта, съ тѣмъ, чтобы они, клонясь къ благосостоянію рабочаго сословія, не нарушали нынѣ существующаго хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній. Почему мы указываемъ на невозможность для большей части крестьянъ въ московскомъ уѣздѣ выкупить усадебныя строенія и усадебныя земли или платить за нихъ проценты, потому что многія крестьянскія усадебныя имѣнія помѣщиками, по причинѣ ихъ близости къ столицѣ и по дѣйствительной стоимости нѣкоторыхъ, даже до 3,000 р. с.; выкупить ихъ крестьяне не могутъ ни вдругъ, ни постепенно. Полагая самыя умѣренныя проценты, 4 на 100, крестьяне не будутъ имѣть средствъ платить, потому что 3,000 р. составитъ 120 р. одними процентами въ годъ. Если они теперь, пользуясь этимъ дворомъ, огородомъ и полевою и сѣнокосною землею, платятъ не болѣе 30 р. въ годъ, то какое же улучшеніе получатъ крестьяне отъ выкупа усадебъ? Приобрѣтеніе же усадебныя обществу еще менѣе лестно и полезно для крестьянина, ибо богатый долженъ заплатить и за свой дворъ и за дворъ бѣднаго, нерадиваго и накопецъ приобрѣсть то, что не будетъ принадлежать ему, а будетъ принадлежать обществу. И для крестьянъ не все-ли равно, что усадба принадлежитъ помѣщику или обществу? Общественная собственность не согрѣваетъ души рускаго человѣка. Крестьянинъ бережетъ липку въ огородѣ своемъ; посадите ее на большой общественной дорогѣ, онъ не пройдетъ мимо, чтобы не содрать съ нея коры на лыки, или чтобы не потѣшить себя и не срубить ея. Оцѣнить усадбу какъ слѣдуетъ—крестьяне не въ состояніи будутъ выкупить ее; проценты съ подлежащей оцѣнки для него отяготительны, и это отягощеніе возстановитъ его противъ помѣщика, и тогда между двумя сословіями, необходимыми другъ для друга, родится вражда непримиримая. Повудитъ же помѣщика продать усадбу ниже стоимости—не будетъ согласно съ законами правосудія.”(е)

За симъ эти гунь и готѣ заключаютъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: “Почему слѣдуетъ—предоставить крестьянамъ усадебное строеніе и земли въ постоянное пользованіе безъ всякой платы помѣщику какъ капитала, такъ и процентовъ за оныя, доколѣ крестьяне будутъ отбывать работу за угодыя, коими пользуются. вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить крестьянскому обществу право покупать усадбы и земли всякаго рода по добровольному съ помѣщикомъ согласію. Такимъ образомъ обезпечится: помѣщичья поземельная собственность, а крестьянамъ прочная ихъ осѣдлость, безъ всякаго отягощенія, вражды и ненависти, и

(е) Если крестьянская усадба стоитъ 3,000 рублей, то конечно не помѣщикъ ее строилъ для крестьянина, а выстроилъ ее самъ крестьянинъ на свои трудовыя деньги. Какое же право помѣщикъ имѣетъ на эту стоимость? Цѣна онъ свой ключекъ земли, это тахітумъ его права.

крестьяне будутъ видѣть въ помѣщикахъ не однихъ землевладельцевъ, но и истинныхъ бояръ-благотворителей.”(аа)

XXII. Выкупленныя усадбы должны быть допущены къ продажѣ и передачѣ только однимъ членамъ сельскаго общества и помѣщику, съ согласіемъ общества.

XXIII. Нельзя допустить крестьянина, владѣющаго уже однимъ усадебнымъ участкомъ, приобрести въ томъ же селеніи другой участокъ.

XXIV. Приобрѣтающій усадебный участокъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимать и всѣ повинности къ обществу и помѣщику.

XXV. Постановлено, что крестьяне, вмѣстѣ съ приобретениемъ усадебной земли въ пользованіе и выкупъ, обязываются принимать отъ помѣщика определенное въ надѣлѣ количество полевыхъ угодій въ пользованіе за исполненіе извѣстныхъ повинностей. [Единогласно.]

XXVI. Постановлено, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ упоминается объ усадбахъ и усадебной землѣ, они подразумѣвались непревышающими определенной сводомъ законовъ размѣръ, т. е. 840 к. сажень. [Св. Зак. Изд. 1857 г., т. XII. Уст. Стронт., ст. 439, изд. 1842 г., ст. 345.](бб)

XXVII. Для надѣла крестьянъ землею принять за основаніе надѣлъ по тягламъ.

XXVIII. Признаны въ московской губерніи малоземельными имѣніями тѣ, въ которыхъ пахнется $4\frac{1}{2}$ десятины на душу; многоземельными, въ которыхъ болѣе 15 десятинъ; а отъ $4\frac{1}{2}$ до 15 десятинъ средпеземельными.

Наименьшій надѣлъ землею въ пользованіе крестьянъ въ малоземельныхъ имѣніяхъ по $1\frac{1}{2}$ десятины на тягло пахатной, луговой и выгонной со включеніемъ въ это число и усадебной земли;

Наименьшій надѣлъ въ имѣніяхъ средпеземельныхъ определенъ въ 4 десятины на тягло;

Наименьшій надѣлъ въ имѣніяхъ многоземельныхъ определенъ въ 4 десятины на тягло.

XXIX. Земли и угодыя, которыя будутъ отданы въ пользованіе крестьянъ, должны быть обременены постоянными на все срочно-обязанное положеніе повинностями, которыя не могутъ быть возвышаемы по произволу владѣльца.(вв)

XXX. Количество отводимыхъ въ пользованіе крестьянъ земель опредѣляется актомъ по соглашенію помѣщика съ крестьянами. Если актъ или соглашеніе не состоится, то надѣлъ земель производится по размѣру, опредѣляемому положеніемъ.

Примѣчаніе 9. О надѣлѣ крестьянъ землею и о повинностяхъ крестьянъ передъ помѣщикомъ, какъ о предметахъ главныхъ, много было говорено и писано въ комитетѣ. Вотъ главныя мнѣнія. Д. Равинскій говоритъ: “Если рѣчь можетъ идти объ уменьшеніи того количества земли, коимъ крестьяне пользуются, то слѣдуетъ уменьшить и количество взимаемаго оброка и другихъ повинностей. По мнѣнію большинства членовъ, земля въ московской губерніи большой цѣнности не имѣетъ, крестьяне выплачиваютъ свои повинности отъ заработковъ; если при этихъ условіяхъ убавить

(аа) Хороши бояре-благотворители! Берегитесь—какъ бы съ такой благотворительностью не возвыситься до петли!

(бб) Всучить крестьянамъ 840 к. саж. на семью по расчету 688 р. с. за десятину, да еще принудить къ барщинѣ или оброку.... Не дурно!

(вв) Въ надѣлъ включается и усадебная земля, слѣдственно съ усадебной земли крестьяне заплатятъ выкупъ и сверхъ того повинности.

крестьянами ежегодно. Дележи эти производятся всей общиной довольно долгое время, часто съ разными приключеніями, и почти всегда оканчиваются въ то время, когда у другихъ, не слѣдующихъ этой системѣ, земли вспаханы и засеяны. Участки каждый разъ мѣняются, переходятъ отъ одного къ другому; хорошо удобренный участокъ достается имѣвшему участокъ неудобренный и обратно. Слѣдствіемъ чего лѣживый, безпечный и нерадивый пользуется трудами трудолюбиваго, который, видя непрочность владѣнія и потерю трудовъ, и самъ становится небрежнымъ. Несомнѣнно, что все это влечетъ за собою разстройство состоянія трудолюбивыхъ и упадокъ земледѣлія. А потому необходимо нужно, сколько для улучшенія быта крестьянъ, столько же въ видахъ государственной пользы, тягловые участки отвести въ пользованіе разъ навсегда каждому лицу отдѣльно, и передѣль ихъ воспретить. По этому право пользованія землею должно принадлежать не обществу, а каждому лицу отдѣльно, съ опредѣленіемъ и повинностей; община же въ этомъ случаѣ должна составлять гарантію для помѣщика.

За всѣмъ тѣмъ необъясненное общинное владѣніе землею принято, потому, разумѣтся, что впереди есть постановленіе, обязывающее крестьянъ круговою порукою въ точномъ исполненіи отдѣльными членами повинностей помѣщику. Общество, по мнѣнію членовъ, отвѣчая за неисправныхъ, будетъ обезпечивать поручительство свое тою землею, которая будетъ принадлежать отдѣльнымъ членамъ. Мнѣнія, уясняющія это, я не передаю—онѣ безтолковы и доказываютъ только то, что помѣщикамъ не хочется разстаться съ прежнимъ порядкомъ вещей.

XXXIV. При пользованіи крестьянъ земляными угодьями предоставлено имъ изыскивать выгоды, свойственныя только земледѣльческому промыслу.

Примѣчаніе II. Чѣмъ же крестьянинъ можетъ существовать при 4 десятиномъ надѣлѣ безъ постороннихъ промысловъ, когда одного земледѣлія, по расчетамъ князя Урусова, ему недостаточно.(ее)

XXXV. Возложено на редакціонную комиссію при составленіи проекта положенія, исчислить тѣ выгоды пользованія, которыя не могутъ быть дозволены крестьянамъ безъ разрѣшенія помѣщика.

XXXVI. Отведенныя крестьянамъ въ пользованіе земли не могутъ быть отдаваемы ими самими въ наймы постороннимъ лицамъ.(жж)

XXXVII. Крестьянское общество можетъ отдавать земли, поступившія ему въ пользованіе, въ наемъ съ согласія помѣщика.

XXXVIII. Предоставляемыя въ пользованіе крестьянъ земли должны быть отводимы, по возможности, къ однимъ мѣстамъ.

XXXIX. Предоставлено помѣщикамъ проводить дороги или канавы чрезъ земли, отданныя въ пользованіе крестьянъ, замѣняя эти части такимъ-же количествомъ земли по сложности и при томъ равноцѣнными.

XL. Всякаго рода хозяйственныя строенія и заведенія могутъ быть возводимы крестьянами на невыкупленныхъ

(ее) Мало этого — каково освобожденіе, при которомъ можно принудить человека заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ?

(жж) Это на какомъ же основаніи?

земляхъ не иначе, какъ съ согласія помѣщика и съ соблюденіемъ правилъ, въ уставѣ строительномъ и пожарномъ установленныхъ.

XLI. Въ предѣлахъ усадебной земли возведеніе всякихъ жилыхъ и относящихся до крестьянскаго быта строеній допущено безъ испрошенія согласія общества или помѣщика, но съ вѣдома послѣдняго и съ соблюденіемъ правилъ, въ уставѣ строительномъ и пожарномъ установленныхъ.

XLII. Возведеніе крестьянскихъ дворовъ, пришедшихъ въ вѣтхость, или истребленныхъ пожаромъ, возбранено когда они предназначены къ переноскѣ на другую мѣстность:

- 1) Для соблюденія правилъ строительнаго устава; и
- 2) По причинамъ, кои внесутся въ новое положеніе объ измѣненіи крестьянскаго быта, относительно переноса усадебъ.

XLIII. Въ предѣлахъ усадьбы, на данпой обществу въ пользованіе землѣ, безъ разрѣшенія міра и помѣщика никакое сооруженіе не можетъ быть допущено.

XLIV. Вблизи жилищъ устраивать смрадныхъ заведеній, какъ напримѣръ клеевое производство и т. п. не дозволяется.

XLV. Имѣть вблизи помѣщичьей усадьбы пчельники, безъ согласія вотчинника, не дозволяется.

XLVI. Крестьяне не должны открывать безъ дозволенія помѣщика никакихъ торговыхъ и мануфактурныхъ заведеній въ усадьбахъ и на земляхъ, состоящихъ въ ихъ пользованіи.(зз)

XLVII. Предоставлено Редакціонной Комиссіи, при изложеніи предыдущаго постановленія, дополнить оное указаніемъ, что крестьянскія семейства могутъ заниматься свободно и безъ всякаго стѣсненія тѣми домашними промыслами, которые имъ дозволены на основаніи Св. Зак. т. XI Уст. Торг. ст. 319 и 322; изд. 1842 г.

XLVIII. Производства, могущія причинить вредъ или ущербъ прочимъ крестьянамъ, опасныя для здоровья, зловонныя и вообще отвратительныя, допускаются къ учрежденію крестьянами съ разрѣшенія помѣщика только на мѣстахъ, помѣщикомъ указанныхъ.

XLIX. Въ случаѣ продажи выкупленныхъ усадебъ и полевыхъ участковъ, помѣщикъ сохраняетъ право выкупа въ теченіе двухъ лѣтъ.

L. Земли, однажды отведенныя крестьянамъ къ однимъ мѣстамъ, не иначе могутъ замѣниться другими, какъ по обоюдному согласію помѣщика съ крестьянами; недоумѣнія, могущія при этомъ возникнуть, разрѣшаются особыми мѣстными присутствіями.(и)

(зз) Послѣ этого крестьянинъ не имѣетъ даже права плести дома лаптей для продажи. Сколько бы послѣдующее положеніе ни исправляло смысла этого положенія, но тутъ очевидно одно: помѣщики боятся въ промышленности конкуренціи крестьянъ и хотятъ ввести охранительную систему не только для внѣшней торговли, но и для внутренней, охранительную систему для дворянской промышленности. Гдѣ же эта гордая вѣра въ образованность и индустриальную дѣятельность дворянства, когда, при первомъ шагѣ, для ея существованія требуется отсутствіе конкуренціи и внутренняя охранительная система въ государствѣ! Ксчастію свобода промышленности до такой степени необходима для развитія производящихъ силъ въ государствѣ, что никакое правительство не согласится на внутреннюю охранительную систему, если не хочетъ убить наповалъ всякую промышленность и все народное благосостояніе.

(и) Что же это за новыя мѣстныя присутствія in spe? Ксожалѣвію и правительство и дворянство толкуютъ объ этихъ особыхъ судахъ, не выразивъ тѣни предложенія о томъ, на какихъ основаніяхъ они могутъ быть учреждены.

у крестьянъ половину количества состоящей въ ихъ пользованіи земли, то по справедливости слѣдуетъ убавить на половину и отбываемыя ими повинности, что, впрочемъ, будетъ раззорительно для помѣщиковъ; если же убавить земли у крестьянъ не убавляя повинностей, то можно ли доказать крестьянину, что для улучшения его быта это необходимо? А потому не лучше-ли оставить у крестьянъ прежнее количество въ пользованіи на время переходнаго состоянія, съ тѣмъ чтобы послѣ крестьяне могли брать у помѣщика въ наемъ земли на болѣе свободныхъ условіяхъ.

Кн. П. Д. Крапоткинъ и Замятнинъ говорятъ: Въ рескриптѣ государя сказано, чтобы крестьянамъ отвести надлежащее количество земли, для обеспечения ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ; при раздѣлѣ имѣній на мало, много и средне земельныя спрашивается: какое же именно количество земли необходимо крестьянамъ, чтобы обезпечить не только ихъ домашнее содержаніе, но и повинности ихъ въ отношеніи къ правительству и помѣщику? Въ Можайскомъ уѣздѣ сборъ подушныхъ денегъ соединяется всегда со сборомъ на общественныя нужды, на наемъ пастуха, и т. п. Вслѣдствіе чего на каждую душу ложится отъ 3 до 3 р. 20 к., а на тягло отъ 7 до 8 р. Средній сборъ оброка отъ 20 до 30 р.; сверхъ сего на домашніе нужды и прокормленіе тягла необходимо имѣть до 30 р. Поэтому, кажется, слѣдуетъ каждому тяглу дать въ пользованіе такое количество земли, доходъ съ котораго не быдъ бы менѣе 68 р. с. Въ мѣншіи нашемъ объ усадьбахъ мы полагали, что большая часть дворовъ состоитъ изъ 2 тяголъ; тамъ же указали мы на количество дохода, именно—съ усадьбы 34 р. 40 к., а съ полевой десятины 8 р. 60 к. Основываясь на сихъ цифрахъ, мы находимъ, что на каждое тягло необходимо отдѣлить по 1½ десятины въ клину и 1½ же десятины лугу, что и составитъ всего 6 десятинь. Тогда доходъ каждаго двора будетъ слѣдующій:

Съ огорода и усадебной земли	34 р. 40 к.
Съ 12 десятинь (на 2 тягла) полевой земли	103 20

137 60

Такимъ образомъ каждое тягло будетъ имѣть 68 р. 80 к. доходу.

Надѣлъ сей, по нашему мнѣнію, средній (2½ десятины на душу) будетъ нисколько не отяготителемъ для имѣній, въ которыхъ вообще приходится на душу отъ 4 до 6 десятинь.

За симъ гг. Крапоткинъ и Замятнинъ опредѣляютъ среднее, мало и многоземельныя имѣнія и пазначаютъ надѣлъ—въ малоземельныхъ, гдѣ менѣе 4 десятинь на душу, по 4 десятины; въ среднеземельныхъ, гдѣ отъ 4 до 6 десятинь на душу, по 6 десятинь, и въ многоземельныхъ, гдѣ болѣе 6 десятинь на душу, по 8 десятинь на тягло, и сообразно съ этимъ предлагаютъ наложить на крестьянъ опредѣленное количество работъ или денежнаго сбора, присовокупляя, что необходимо оставить крестьянамъ теперешнее ихъ хозяйственное устройство.

Кн. Урусовъ и М. Поливановъ, ссылаясь, согласно мнѣнію дворянъ, что въ подольскомъ уѣздѣ земли очень плохи и луговъ мало, говорятъ: “Необходимо пазначить на каждое крестьянское семейство такое количество земли, которое это семейство было бы въ силахъ обрабатывать, не отвлекаясь отъ промысловыхъ занятій. Если же назначить каждому крестьянину слишкомъ значительное количество

малоплодородной земли, то тщательная обработка оной не только не послужитъ къ его пользѣ, но и можетъ принести ему прямой убытокъ. Въ доказательство этого, а равно и того, что крестьянинъ существуетъ въ этомъ уѣздѣ отъ промысловыхъ болѣе выгодъ, а не отъ хлѣбопашества, представляютъ расчетъ потребностей крестьянскаго семейства при самомъ бѣдномъ содержаніи, и параллельно этому расчетъ дохода отъ земледѣлія при самомъ большомъ надѣлѣ землею. Вотъ эти расчеты:

	Р.	К.
Расходъ одного тягла, состоящаго изъ мужика, жены, старика и старухи и 2 малолѣтнихъ дѣтей по 6 пудовъ въ мѣсяцъ муки, въ годъ 72 п. по 50 к.	36	0
Предполагая, что овесъ продается, на поупку корма для скота: 2 лошадей (одной для 12 десятинь недостаточно), 1 коровы 1 жеребенка, 1 теленка и нѣсколькихъ овецъ 36 п. по 50 к.	17	50
Солн 4 пуда	3	20
Приварокъ отъ огорода и скотоводства—на 5 человекъ ежегодно 1 новый тулунъ или полушубокъ	5	0
Свои овчины для починки, и остальная одежда изъ домашняго приготовления, портному	2	0
Лыкъ для обуви	8	0
Шапки, кушаки, рукавицы, варшники, пояски и проч.	1	50
За валку теплой обуви	0	75
Церковныя, полагая причетъ на жалованьи	0	50
Постой и при исправленіи казенныхъ подводъ натурою	2	0
Пастуху на его одеждѣ и харчахъ	3	0
Подушныя и прочіе земскіе сборы	5	0
На мірскіе расходы, т. е. жалованье старостѣ, писарю, сотскому, десятскому и на содержаніе сборной избы	1	50
Ремонтныхъ на стройку	8	0
Ковка	1	0
На сбрую, телѣгу, сани, на соху и борону	6	25
На косы, серпы, топоръ, пилы и проч.	1	50
Веревокъ	1	0
На освѣщеніе и отопленіе купленными дровами	7	0
Всего	103	70

А свадьбы, а праздники, а поупка лошадей, а помѣщику оброкъ?.....

	Р.	К.
Приходъ отъ земледѣлія крестьянскаго тягла надѣленнаго 12 десятинами пахатной земли:		
На каждую десятину изъ 4 десятинь озимаго поля высѣвается по 12 мѣръ ржи. Средній урожай, по 10 лѣтней сложности, самъ 3, почему, за исключеніемъ сѣмянъ, получится 96 четвериковъ, по 50 к.	48	0
Полагая одну десятину подъ ленъ, ячмень, гречу, горохъ и картофель, нужныя для одежды и харчей, остается 3 десятины подъ овесъ. На каждую десятину высѣвается по 3 четверти; при урожаѣ самъ 2½ получится, за исключеніемъ сѣмянъ, 13½ четвертей по 2 р.	17	0
Всего	76	0

XXXI. Земли и угодья, отводимыя въ пользованіе крестьянъ каждаго имѣнія, остаются въ ихъ пользованіи, доколѣ будутъ ими выполняемы повинности помѣщику; по невыполненіи же сихъ повинностей крестьянами, земля возвращается помѣщику.(гг)

XXXII. При опредѣленіи надѣла земли крестьянамъ на время срочно-обязаннаго положенія, имѣть въ виду и состояніе крестьянъ по окончаніи сего положенія.(дд)

XXXIII. Право крестьянъ на пользованіе отведенною имъ землею принадлежитъ цѣлому обществу крестьянскому, а не каждому члену онаго отдѣльно.

Примѣчаніе 10. Максимовъ между прочимъ говоритъ: При общинномъ владѣніи землею всѣ полевыя земли дѣлятся (гг) Подразумѣвается-ли тутъ право описи въ пользу помѣщика, или что другое?.....

(дд) Что же значить это “имѣніе въ виду?”

Примѣчаніе 12. Эти подѣ буквы постановленія приняты по предложеніи Высотскаго, который предложилъ было: "Если помѣщику откроется надобность въ возведеніи какихъ либо хозяйственныхъ или фабричныхъ построекъ, а удобнѣйшія къ тому мѣста окажутся въ участкахъ, отведенныхъ крестьянамъ въ пользованіе, то помѣщикъ имѣетъ право замѣнить тѣ участки другими или переселить семейства." По предложеніе это отвергнуто, не взирая на то, что Высотскаго поддерживали: Головинъ, Карепинъ, Скорняковъ, Ефремовъ, Чельцовъ, Вейденгамеръ, Штэйль, Максимовъ и Мажаровъ. (ii)

(Продолженіе впрѣдъ.)

С М Ъ С Ъ .

I.

На основаніи рекрутскаго устава, каждый помѣщикъ имѣющій не болѣе 2 душъ мужескаго пола имѣетъ право во всякое время представить рекрута, за котораго, если онъ годенъ на службу, казенная палата должна ему выдать 1,000 руб. асс. вознагражденія. Въ настоящее время какъ этого и слѣдовало ожидать мелкопомѣстные двадцати-душные помѣщики и владѣющіе меньшимъ количествомъ душъ воспользовались вполне этимъ преимуществомъ. Во всей Россіи открылись рекрутскія присутствія и были случаи что дворянинъ имѣющій 12 душъ, сдалъ 7 рекрутъ а остальныхъ пустилъ по міру, давъ имъ отпускныя. Тутъ польза очевидная для всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которые продаются правительству для поступленія въ солдаты. Казенная палата и рекрутское присутствіе дѣлятся съ помѣщикомъ, а сей послѣдній находитъ въ томъ расчетъ, потому что эти люди отошли бы отъ него безъ всякаго вознагражденія. Съ начала правительствомъ смутилось, получивъ извѣстіе о такомъ постыдномъ промыслѣ. Но потомъ успокоилось когда убѣдилось что эти рекруты безъ набора поступившіе въ ряды солдатъ даютъ возможность продавать зачетныя квитанціи тѣмъ казеннымъ крестьянамъ, которые пожелаютъ избѣгнуть послѣдствій падшаго на нихъ жеребья. А таковыя квитанціи продаются казенными палатами по 2,000 р. асс. каждая, слѣдовательно съ барышомъ сто на сто. Есть палаты государственныхъ имуществъ, которыя получили до тысячи таковыхъ квитанцій для желающихъ избавиться отъ рекрутства. И по сіе время рекрутскія присутствія открыты въ каждомъ губерпскомъ городѣ развѣ въ недѣлю и тамъ происходятъ сцены раздрающія сердце.

Св. Зак. т. iv Уст. Рекр., изд. 1857 г., въ ст. 478 сказано: "Квитанціи означенныя въ 3 и 4 п. ст. 472 продаются крестьянамъ государственнымъ и инымъ по 570 руб. сер. подобно тому какъ продаются квитанціи за поступившихъ въ рекруты охотою по казенному найму (ст. 475) съ тѣмъ лишь различіемъ, что изъ вырученной за каждую квитанцію

(ii) Кажется не много здраваго смысла потребно, чтобы понять, что продажа есть отчужденіе и что что развѣ продаю, то принадлежитъ со всею внѣшностью и внутренностью покупщику. Еще покойный Морошкинъ въ диссертации сказалъ: "Мевій продалъ Лицинію караковую лошадь, слѣдственно Мевій продалъ Лицинію не только лошадь, но и караковый цвѣтъ ея." Намъ нѣкогда эта выходка Морошкина казалась смѣшна, а видно онъ былъ правъ и долго еще придется повторять подобныя истины, простыя до смѣшнаго, прежде чѣмъ образованное російское дворянство, одурѣваемое стяжаніемъ рѣшится понять ихъ.

суммы 300 р. с. съ 6 % возвращаются государственному казначейству, а все остальное обращается на составленіе капитала для отставныхъ солдатъ.

II.

Бывшій Чембарскій уѣздный предводитель дворянства (пензенской губерніи) Катковъ дешево купилъ въ самарской губерніи пустошь и для населенія оной скупилъ до 300 душъ крестьянъ, (въ томъ числѣ въ орловской губерніи 150 душъ). По приобрѣтеніи Катковымъ этихъ несчастныхъ онъ прогналъ ихъ на собственный ихъ-же счетъ до мѣста назначеннаго на ихъ поселеніе.

Скупленныя души явились въ самарскую губернію въ совершенномъ раззореніи и въ этомъ положеніи Катковъ сочувствуя улучшенію быта крестьянъ заложилъ ихъ въ опекупскій совѣтъ.

III.

Пензенской губерніи ивсарскаго уѣзда въ имѣніи Обрескова, (извѣстнаго подѣ названіемъ *le superbe*), въ селѣ Токшовѣ, существуетъ большой винокуренный заводъ. Бывшій и настоящій его управляющіе по постоянному недостатку экономическаго топлива для винокурения, своевольно и безпоощадно въ осеннее и даже зимнее время истребляютъ безвозмездно на дрова жилья и крестьянскія избы.

— "Тамбовскій Комитетъ открытъ и составъ онаго подаетъ надежду, что члены неувлекутся безнравственнымъ примѣромъ другихъ комитетовъ, противудѣйствуя видамъ Александра II и что консервативный принципъ въ тамбовскомъ комитетѣ большинствомъ будетъ побѣжденъ. Говорю большинствомъ потому, что и здѣсь семья оказалась не безъ урода.

"Но что васъ поразитъ—это присутствіе въ комитетѣ нашего общаго знакомаго, плантатора Бланка. И его то выбрали въ члены комитета объ улучшеніи быта крестьянъ; меня еще болѣе удивляетъ этотъ выборъ потому, что въ усманскомъ уѣздѣ, не говоря уже о предводителѣ Сибѣжковѣ, (который по существующимъ правиламъ могъ быть также и членомъ комитета), есть и другіе дворяне, которые конечно не обезславили бы избравшихъ ихъ дворянъ.

"Г. плантаторъ Бланкъ, какъ мы знаемъ по литературной дѣятельности его, гораздо болѣе способенъ къ составленію новаго проекта объ угнетѣніи негровъ, чѣмъ къ тому, чтобы въ тамбовскомъ комитетѣ замолвить доброе слово въ пользу крестьянъ.

"Ложка дегтю портитъ бочку меду.

"Назначивъ членовъ отъ правительства въ тамбовскій комитетъ, губернаторъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ очень счастливый выборъ; оба соединяютъ въ себѣ всѣ необходимыя качества къ насыщенію волковъ и сохраненію овецъ."

(Сообщено.)

— Мы получили письмо, изъ котораго считаемъ себя обязанными выписать слѣдующее:

"Въ 31 листѣ Колокола вы пишете: 'Княгиня Урусова

довела свою горничную, московскую мѣщанку Черкасову въ Висбаденъ до того, что она сошла съ ума; дѣло это доходило до комиссара полиціи, и было очень извѣстно въ тамошнемъ русскомъ кругу.

“Мѣщанка Черкасова въ Москвѣ жила три года въ домѣ княгини;

“За границей была съ нею три мѣсяца;

“Въ Висбаденѣ княгиня провела одинъ день, спѣша въ Ниццу съ большимъ ребенкомъ; Черкасова не была уже при ней, а скрылась въ дорогѣ, не смотря на обѣщаніе свое не оставлять княгини въ продолженіе года, и на согласіе послѣдней отправить ее изъ Ниццы обратно въ Россію, если она того пожелаетъ.

“Въ Висбаденѣ она встрѣтила неожиданно княгиню въ церкви, исчезла опять, и лишь мѣсяца черезъ три, въ Ниццѣ, княгиня узнала изъ Москвы о сумашествіи своей бывшей горничной.....”

— ЕЩЕ РАЗЪ КОРНЕЛЕВСКОЕ QU'IL MOURUT!—Новороссійскій Строгоновъ, сильный лаконическими словами, говорятъ прославилъ себя вновь послѣ своего спартакаго: “Одесса шумитъ, я сдѣлаю изъ нея Саратовъ!”

Изъ Бессарабіи пришла, къ графу Строгонову, депутація колонистовъ, съ жалобою на страшныя притѣсненія земской полиціи.

Всѣ ихъ справедливыя рассказы, о противузаконныхъ дѣйствіяхъ полиціи, наслѣдникъ римскихъ доблестей и пермскихъ рудниковъ, выслушалъ не проропивъ ни одного слова; всѣ просьбы ихъ о защитѣ, не вызвали ни единого слова, графъ молчалъ.

Тщетно ожидая отвѣта, колонисты вышли изъ себя, и одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

“Что-же, ваше сіятельство! Скажите, что намъ дѣлать? они пожалуй и вѣшать насъ начнутъ! Что-же намъ тогда дѣлать наконецъ?”

“Висѣть!” отвѣчалъ Строгоновъ, и прослѣдовалъ во внутренніе апартаменты.

— “Times” говоритъ будто бы дѣло о графѣ Кочубеѣ, хотѣвшемъ убить Залцмана, было переслѣдовано. Гжа Залцманъ обязана намъ этимъ переслѣдованіемъ; мы явили забытое дѣло о ея мужѣ на свѣтъ. Желательно было бы знать чѣмъ оно кончится. Въ “Теймсѣ” написанъ какой-то вздоръ о наказаніи мертвыхъ, а о Кочубеѣ ни полслова.

Въ Брюсселѣ вышла замѣчательная брошюра: — “Emancipation des Serfs en Russie,” (examen du projet financier de MM. Fraenkel et Homberg, banquiers, suivi du résumé d'un autre projet relatif au même sujet). Bruxelles et Leipsig; C. Mugardt, éditeur, 1859.

Еслибъ наши эманципаторы—въ самомъ дѣлѣ занимались своими дѣлами—имъ бы слѣдовало обратить вниманіе на эту брошюру.

— Мы получили превосходную біографію графа В. И.

Панина. Ее мы напечатаемъ особо; житіе такого замѣчательнаго и длиннаго лица не должно пропасть для исторіи!

ОПЯТЬ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Мы получили письмо, въ которомъ сильно нападаютъ на насъ за нѣкоторыя выраженія, употребленныя въ “Письмѣ къ Редактору” въ 25 листѣ Колокола. Наши корреспонденты вправѣ дѣлать замѣчанія, мы должны выслушивать ихъ, но пусть же они будутъ такъ добры и выслушиваютъ насъ.

Во-первыхъ, съ чего взяли, что выписанная фраза — “о топорѣ,” писана мною? Я думаю есть значительная разница между помѣщеніемъ корреспонденціи и собственной статьей. Знаемъ мы старую манеру издателей писать къ себѣ, по увѣраемъ честнымъ словомъ, что мы ни къ какимъ подобнымъ шалостямъ никогда не прибѣгаемъ. Если корреспондентъ нашъ взглянетъ на подстрочное замѣчаніе при “Письмѣ къ Редактору,” онъ убѣдится, что не я его писалъ, или, что я Барпумъ II.

Во-вторыхъ, я согласенъ, что нѣкоторыя выраженія въ упомянутомъ письмѣ слишкомъ рѣзки и страстны, мнѣ тутъ трудно говорить, я недавно получилъ (какъ читатели наши знаютъ) такой безстрастный выговоръ и такое родительское поученіе за то же самое, что считаю себя плохимъ судьей. Скажу только, что источникъ негодованія у автора такъ благороденъ и понятенъ, что я сочувствую ему.

Мы слишкомъ легко пугаемся свободнаго слова, мы не привыкли къ нему. Посмотрите что печатаютъ объ Англіи, о ея правительствѣ въ Ирландіи, или еще ближе въ Reynold's News-paper, прочтите рѣчи Брейта, когда онъ говоритъ о перахъ. Фамусовъ давно заткнулъ бы уши и закричалъ бы: “Подъ судъ! подъ судъ!” А Англія молчитъ и слушаетъ.

Свобода книгопечатанія — какія бы мелкія неудобства она ни имѣла—величайшая хартія. Правительство, находящееся подъ надзоромъ гласности и не имѣющее средства подавить ее, больше озирается, чѣмъ челоуѣкъ находящійся подъ надзоромъ полиціи.

Но для того, чтобъ свобода слова была дѣломъ искреннимъ и возможнымъ, надобно чтобъ ее поддерживала свобода слуха и если намъ слѣдуетъ поучиться у Англичанъ—какъ говорить безъ цензуры, то наши читатели не разсердятся на насъ, если мы имъ посоветуемъ у нихъ-же поучиться наукѣ свободно слушать. (*)

И—ръ

(*) Что мнѣ сказать о другомъ письмѣ, полученномъ мною, и въ которомъ меня совѣмъ напротивъ осыпаютъ упреками за умѣренность, сентиментальность, уступки, суетное самолюбіе. Уважая сколько нибудь челоуѣка, нельзя писать къ нему въ такихъ выраженіяхъ; если-же эти господа не уважаютъ меня, за чѣмъ они пишутъ? Можетъ они хотять обличить меня въ глазахъ людей сочувствующихъ, за чѣмъ-же въ такомъ случаѣ они это мнѣ пишутъ? Обо мнѣ печатались уже разныя мерзости, но никто не требовалъ, чтобъ я ихъ самъ печаталъ. Если-же вся цѣль была мсть за то, что я отказывался печатать все безъ разбора, и если писавшіе хотѣли принести мнѣ непріятную минуту, — они успѣли. Мнѣ было больно (пусть они меня еще разъ обвинятъ въ сентиментальности) читать такія строки изъ нашего стана; совѣсть моя говоритъ, что я ихъ не заслужилъ.

И—ръ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 34.

15 ЯНВАРЯ 1859.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street,) London. Price six-pence.

РОССІЯ И ПОЛЬША.

ОТВѢТЪ АВТОРУ СТАТЬИ О РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(письмо второе)*

Милостивый государь,

“Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная побѣда соединили Польшу съ Россіей.

“По клокоту отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцію за провинціей и какъ неотразимое бѣдствіе, какъ мрачная туча подвигалась все ближе и ближе къ ея сердцу. Гдѣ она не могла взять силой, она брала хитростью, деньгами, уступала своимъ естественнымъ врагамъ и дѣлилась съ ними добычей.

“Изъ за Польши приняла Россія первый черный грѣхъ на душу. Раздѣлъ ея останется на ея совѣсти.....

... “Сквозь мрачный рядъ событій, сквозь дымящуюся кровь, черезъ висѣлицы, черезъ головы царя и палачей просвѣчиваетъ иной день. Изъ за насильственнаго единства видѣется единство свободное, изъ за единства поглощающаго Польшу Россіей — единство основанное на признаніи равенства и самобытности обоихъ. Скованные поневолѣ колодники, всматриваясь болѣе и болѣе, узнали другъ въ другѣ братьевъ; таже кровь сказала и семейная вражда изсякаетъ.”

Вотъ что мы говорили въ 1853 году.

И потомъ въ 1854 : “Чего хочетъ Польша? Польша хочетъ быть свободнымъ государствомъ, она готова быть соединенной съ Русью, но съ Русью тоже свободной... Для того, чтобы соединиться съ нею, ей необходима полная воля. Поглощеніе Польши царской Россіей невольность, насиліе...” и мы требуя

* Переходя къ польскому вопросу, я замѣчу мимоходомъ, что я разрываю всякую солидарность съ мнѣніемъ выписаннымъ вами изъ “Русскихъ Голосовъ.” Вы сами замѣтили, что я никогда не бралъ на себя правственной отвѣтственности за “Голоса.” Въ нихъ были статьи превосходныя какъ “Проектъ Освобожденія” въ V книжкѣ и статьи, съ которыми у насъ общее одно желаніе добра Россіи, при совершенной противоположности воззрѣній. Въ “Русскихъ Голосахъ” напечатана доля той письменной литературы, о которой вы говорите, часть ихъ составлена изъ статей ходившихъ изъ рукъ въ руки при Николаѣ и тотчасъ послѣ его смерти. Эти отголоски окрѣпавшаго общественнаго мнѣнія имѣютъ свою историческую важность, и ихъ слѣдовало закрѣпить печатью, всѣ они писаны въ умѣренно либеральномъ духѣ, нѣкоторыя съ большимъ знаніемъ дѣла, на примѣръ статья о “кражахъ полковыми начальниками.” Вы видѣли можетъ быть какъ въ первой книжкѣ мѣся отдѣлалъ какой-то господинъ за радикализмъ, социализмъ и другіе грѣхи.

отъ русскихъ солдатъ присяги не поднимать оружія противъ Польши, говорили имъ : “Присягу эту требуетъ не царь, а совѣсть народная, народное раскаяніе, и если васъ ждетъ гибель за это, она свята, вы падете жертвой искупленія и вашей мученической кровью запечатлѣете неразрушимый, свободный союзъ Польши и Россіи, какъ начало вольнаго соединенія всѣхъ Славянъ въ единое и раздѣльное Земское Дѣло!”

Въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ два разныхъ времени, передъ войной и въ ея разгарѣ, ясно высказано наше мнѣніе о польскомъ вопросѣ, оно осталось не измѣнно; во имя его я старался сблизить пропаганды обоихъ странъ, во имя его подавалъ намъ дружескую руку Станиславъ Ворцель.

Польша, какъ Италія, какъ Венгрія имѣетъ неотъемлемое, полное право на государственное существованіе независимое отъ Россіи. Желаемъ-ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ и можно-ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацию, я убѣжденъ, что соплеменные федерализации даютъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сдѣлала ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ ней, но не предоставитъ ей воли, мы не можемъ, не отрѣкаясь отъ всѣхъ основныхъ убѣжденій нашихъ. Мнѣ кажется, что это ясно.

Но если ясно, что мы признаемъ это право, то можетъ надо пояснить почему мы не желаемъ полного расторженія двухъ народовъ.

Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука въ руку идти одной дорогой къ новой свободной, социальной жизни.

Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія. У Австріи и Ломбардіи совершенно розныя дороги; гибель Австріи, единственное условіе жизни народовъ, скованныхъ ею во едино.

П—ръ.

Австрія не народъ, Австрія полицейская мѣра, сводная администрація, она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себѣ; безъ частей ея нѣтъ, это величайшій историческій призракъ, который когда либо существовалъ. Тутъ все ложь. Римская имперія—въ Германіи. Германская имперія—состоящая преимущественно изъ Славянъ, Итальянцевъ, Мадьяръ. Избирательное правительство—переходящее по наслѣдству. Связь нѣсколькихъ народностей—основанная на перекрестномъ отвращеніи ихъ другъ отъ друга. Тутъ нѣтъ ничего органическаго, отнимите Ломбардію справа и придайте слѣва Молдо-Валахію—и такъ хорошо. Отнимите Галицію и прибавте Сербію—и это не дурно, die Staats Kanzley пойдетъ своимъ порядкомъ. Имперія австрійская не имѣетъ никакой будущности; когда ее отмѣнятъ, тогда только люди настоящимъ образомъ удивятся—какъ могла существовать такая пелѣпость, считая изъ лоскутковъ конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображеніями. Имперія необходимая для равновѣсія—пѣкогда чтобъ перетягивать Папу, теперь чтобъ Папу не перетянули. Оплотъ Европы противъ Исламизма, спасающій Турцію отъ Россіи. Мнимая представительница германскаго единства, ненавидимая всей Германіей, и защищающая Рейнъ “на По и на Адижъ” славянской и венгерской кровью противъ Италіи. Это какой-то сонъ больного горячкой!

Совсѣмъ напротивъ Россія, такая же живая личность какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ “вѣтхія дѣньми” съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ истрѣбленными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славою, идутъ на отдыхъ, а Россія только что всгупаетъ на плацъ, на народное мѣсто исторіи. Самое имя Россія, оно начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.

Россія кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый Русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ пародопоселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того-то, гдѣ бы Русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ Океаномъ, онъ прислушивается, когда враги переходятъ русскую границу и готовъ идти на помощь Москвѣ, такъ какъ шелъ въ 1612 и въ 1812 годахъ.

Но что онъ считаетъ своей границей? Васъ кажется этотъ вопросъ очень занимаетъ. Дѣйствительно, я объ немъ никогда не говорилъ, но совсѣмъ не изъ боязни русскихъ патріотовъ. Я ихъ не больше боюсь, какъ патріотовъ вообще, а патріотовъ вообще боюсь потому, что ихъ своекорыстный эгоизмъ за цѣлое племя, всегда готовъ на неправо стѣжаніе и ихъ любовь къ своимъ—слишкомъ сбивается на ненависть ко всѣмъ другимъ. Развитой человѣкъ можетъ любить по сердцу, по уму, по привычкѣ свою родину, служить ей, умереть за нее, но патріотомъ не можетъ быть. Христіанство XVIII вѣковъ тому назадъ стало положить эту языческую добродѣтель и ничего не сдѣлало, потому что обращало людей къ другой родинѣ, совсѣмъ не существующей, т. е. существующей на небѣ. Ее выполнить социализмъ снятіемъ земныхъ границъ. Отъ этого люди еще далеки, если и мы съ вами хлопочемъ еще объ ихъ обозначеніи.

Что касается до главнаго вопроса, до самобытности Польши,

онъ рѣшенъ самимъ языкомъ; ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: “въ Польшу, изъ Польши.” Но гдѣ черта, за которой окончивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить труднѣе, но не изъ патріотизма, а изъ того, что у насъ не достаетъ самаго главнаго элемента для рѣшенія вопроса.

Что мы возьмемъ за его основаніе? Присоединеніе Червоной Руси къ Польшѣ, или присоединеніе Украйны къ Россіи, въ половинѣ XVII столѣтія; между ними цѣлый вѣкъ борьбы Рѣчи-Посполитой съ казаками. Въ продолженіе ея два стремленія, два противоположныхъ потока обозначаются въ южной Руси: шляхетство, паны—тянутъ къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, казаки—напротивъ въ постоянной враждѣ съ Польшей. Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ нелюбви къ Польшѣ отдался царю. Москва или лучше Петербургъ обманули Украйну и заставили ее ненавидѣть Москалей. Какъ же рѣшить вопросъ объ ней?—Давность владѣнія ничего не доказываетъ. Утраченное владѣніе еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть пока другая сила его сгонитъ. Завоеваніе фактъ, а не право.

Естественныхъ границъ нѣтъ, ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать иныхъ основаній въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, говоритъ языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ польскому, тамъ гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, міръ, сходку, общинное владѣніе землей, — тамъ онъ вѣроятно захочетъ быть Русскимъ. Тамъ гдѣ народъ исповѣдуетъ католицизмъ или унию, тамъ гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе землей, тамъ вѣроятно сочувствіе съ Польшей сильнѣе, и онъ пойдетъ съ ней.

Но скажите, что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать какая полоса земли куда принадлежить, не спросясь людей на ней живущихъ. Да вѣдь такъ парижскіе дипломаты недавно совѣщались о томъ, что слѣдуетъ желать и чего не слѣдуетъ желать Руманамъ въ Молдо-Валахіи.

Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украйна, помнящая всѣ притѣсненія Москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны и не забывая съ другой каково ей было и за Рѣчью-Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками, не захочетъ быть ни польской, ни русской? По моему вопросъ разрѣшается очень просто. Украйну слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной. У насъ людей изгнанія, печальныхъ свидѣтелей столькихъ неудачныхъ сочетаній и распаденій, не можетъ, не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщиками, что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ?

Развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнуть черезъ кнутъ къ намъ, черезъ папужь къ вамъ, или, если они умны, протянуть намъ

обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обоихъ.

Вотъ почему я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ и никто никому не принадлежитъ, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ. Въ 1851 году католическая реакція въ фрибургскомъ кантонѣ вывела изъ терпѣнія протестантскій Муртенъ. Жители Муртена хотѣли отложиться отъ кантона, дѣло не состоялось, но никому и въ голову не пришло говорить о томъ, принадлежитъ-ли Муртенъ кантону или нѣтъ, измѣняетъ-ли Муртенъ или нѣтъ. Федеральныя единства могутъ даже существовать при такомъ антагонизмѣ какой находится между Сѣверными Штатами и Южными въ Америкѣ. Централизація, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фрунту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Бонапартомъ. Съ другой стороны полное расторженіе народнаго единства на самобытныя суставы, сдѣлаетъ изъ нихъ Германію—четвертовапная, она лежитъ въ своемъ разчлененіи, не имѣя возможности ни встать, ни двинуться.

Желаніе развинтить круто скрученные возжи казарменнаго деспотизма, нисколько не совпадаетъ съ желаніемъ полного отчужденія своихъ судебъ отъ судебъ Россіи. Для того, чтобъ сказать можно-ли идти съ Россіей или нѣтъ, надобно посмотрѣть что выйдетъ изъ общаго движенія, въ которое Россія ринута...

Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не видите, какъ подтаеиваетъ спѣшная вершина давящая насъ. Николай замѣтилъ, что жизнь отлетѣла отъ его самодержавія, что у него нѣтъ дѣла, а только казни... Онъ выдумалъ войну, его побили... два градуса меньше — Онъ умеръ — десять градусовъ — а дѣла живаго, а жизненной задачи все нѣтъ. Въ минуту какого-то вдохновенія, а можетъ и отчаянія, Александръ II нашелъ дѣло, роковое, необходимое и дѣло живое: Освобожденіе Крестьянъ. Тяжелыя ворота скрыпя на ржавыхъ петляхъ, отворились въ новую эпоху, тутъ старые квартальные и хожалые, Орловы и Закревскіе, лакеи и шпіоны, Папины и Муравьевы, по старой памяти, стоятъ на дорогѣ, толкаютъ назадъ, не пускаютъ идти, придаютъ себѣ видъ силы. Если они помѣшаютъ, это ужъ наша вина! Вотъ поэтому-то я снова возвращаюсь къ тому, что всѣ наши успѣхи должны быть сосредоточены на одномъ вопросѣ, собраны около одного знамени, *in hoc signo vincetis!*

Выборъ вопроса не нами сдѣланъ, но мы лучшаго не могли бы сдѣлать. И вотъ опять причина почему мы оставили все на свѣтѣ и прилѣпились къ одному вопросу—объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Судить насъ стало быть не слѣдуетъ за выборъ вопроса, а за образъ обсуживанія его, сообразенъ-ли онъ съ основами нашихъ убѣжденій или нѣтъ?

Если Россія, освободивши крестьянъ съ землею, дѣйствительно взойдетъ въ ту новую фазу жизни, о которой мы говорили, я не думаю, чтобъ Украина захотѣла отдѣлиться отъ нея. Она тогда не будетъ имѣть тѣхъ причинъ, которыя вставляли ее въ половинѣ XVII столѣтія бросаться къ Татарамъ, къ Москвѣ отъ дворянски-католическаго ига Рѣчи-Посполитой, а при Петрѣ I отдаться Шведамъ.

Если же Россія, запнувшись на первомъ шагѣ, останется подъ рѣзгой помѣщика, подъ палкой полиціи, безъ суда, безъ нравъ, управляемая ординарцами и писарями; если все это

движеніе окажется слабымъ и мы безропотно воротимся къ николаевскому времени, тогда не только Польшѣ, не только Украинѣ не слѣдуетъ оставаться съ Россіей, но слѣдуетъ имъ соединиться, идти на Москву и разгромить все это исполинское зданіе рабства.

Вотъ вамъ весь нашъ взглядъ, и чтобы не сказали русскіе патріоты или ваши, мы его не измѣнимъ и ему не измѣнимъ потому, что мы убѣждены въ его истинѣ и сердцемъ и умомъ.

Мѣняется у насъ не *fond*, а темы.

Вы съ симпатіей говорите о небольшой статьѣ моей, писанной въ 1854 году, о которой я упомянулъ въ началѣ письма. Она была вызвана обстоятельствами. Тогда думали что Польша во время крымской войны отложится, и мы говорили русскимъ солдатамъ, стоявшимъ въ Польшѣ: "Ваша участь всѣхъ хуже. Товарищи ваши въ Турціи—солдаты, вы въ Польшѣ будете палачами. Вамъ придется краснѣть вашей храбрости... знаемъ мы, что вы не по своей волѣ пойдете на Поляковъ, но въ томъ-то и дѣло, что вамъ пора имѣть свою волю... Не легко неволить десятки тысячъ людей, съ ногъ до головы вооруженныхъ." Изъ этихъ словъ вы видите ясно наше мнѣніе; изъ ихъ повторенія то, что оно нисколько не измѣнилось. Но когда вы мнѣ говорите, чтобъ я перепечатавъ въ 'Колоколѣ' это воззваніе къ солдатамъ, то я васъ не понимаю. Развѣ кто нибудь говорить о возстаніи въ Польшѣ, о приготовленіи русскихъ войскъ? Зачѣмъ-же я стану уговаривать людей не поднимать оружіе, когда оружіе и безъ того стоитъ въ сошкахъ?

Нѣтъ, если мы будемъ обращаться теперь къ солдатамъ, мы къ нимъ обратимся не съ этой рѣчью. Мы имъ теперь не о Польшѣ будемъ говорить: мы скажемъ имъ о томъ, чтобъ они подумали о смертномъ грѣхѣ усмирять крестьянъ; о томъ, что солдатъ, который штыкомъ или пулей убьетъ крестьянина—отцеубійца, что онъ своимъ оружіемъ помогая помѣщику, сквернить свою сестру, что онъ своей помощью кладетъ родную мать подъ розги, и что если онъ подумаетъ, то увидитъ, что безъ его слѣпаго повиновенія крѣпостное состояніе рухнетъ, увлекая съ собой все препятствующее освобожденію.

Вотъ что мы будемъ говорить солдату. И если мы не говорили еще это, то потому, что вопросъ кажется разрѣшится безъ участія штыковъ и картечи. Довольно страдалъ русскій крестьянинъ, довольно орошалъ онъ землю потомъ и слезами, на что же еще его кровь!

Я вамъ передалъ добросовѣстно нашу мысль и откровенно рассказалъ экономію нашихъ дѣйствій. Вы мнѣ повѣрите, въ этомъ мнѣ служить порукой ваша статья; но есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не берусь, они ненавидятъ не разсуждая. Возмите (чтобъ не говорить о своихъ) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ и взгляните въ ихъ злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому... Еслибъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ нибудь желаніемъ, чтобъ Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи, я понялъ бы это. Совсѣмъ не то. Такъ какъ средневѣковые люди ненавидя Евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ. По счастью на этотъ разъ они имѣютъ дѣло не съ разсѣяннымъ и бѣднымъ племенемъ, а съ частію свѣта.

Между прочимъ эта круговая порука славянскаго міра, которую поняли враги ненавистью, обязываетъ насъ подумать о ней. Одни-ли въ самомъ дѣлѣ судьбы всего славянскаго міра въ будущемъ или нѣтъ?

Вы ужъ видѣли, что мы разрѣшаемъ этотъ вопросъ федерализаціей.

Если Польша хочетъ инаго рѣшенія, да будетъ на то воля ея. По разрывая семью, пусть она короче узнаетъ Русь не служащую, не мундирную—а Русь пашущую землю, притѣсненную мундиромъ, Русь мыслящую и едва начинающую высказываться—тогда она оставитъ насъ безъ международной ненависти и безъ горькихъ словъ. Оскорбленіе народа, съ которымъ она такъ долго боролась, и который имѣлъ такое тяжелое и продолжительное вліяніе на ея судьбы, отброситъ на нее самое темную тѣнь.

Въ 1853 году, 29 Ноября входя на трибуну польскаго митинга въ Лондонѣ, я сказалъ: “Я представился моимъ польскимъ друзьямъ не какъ отрѣшенное лицо отъ своего отечества, не какъ лицо желающее, чтобъ забыли его происхожденіе, совсѣмъ напротивъ, я прямо говорилъ о моей любви къ Россіи и о моей вѣрѣ въ ея будущность. И они меня такъ и приняли — случайнымъ представителемъ будущей Россіи, той Россіи, которая ненавидитъ преступленія своего правительства и хочетъ смыть съ себя кровь польскихъ мучениковъ!”

Этими словами, которыя были покрыты рукоплесканіями вашихъ соотечественниковъ, позвольте мнѣ заключить мое письмо.

ИСКАНДЕРЪ.

12 Января 1859.

МОСКОВСКІЙ КОМИТЕТЪ.

главныя основанія, принятыя московскимъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу, начавшимъ засѣданія свои съ 26 апрѣля 1858.

(продолженіе)

LI. Угодья, отведенныя крестьянамъ въ пользованіе, помѣщикъ имѣетъ право обмѣнить другими, равнокачественными, безъ согласія общества въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) Если въ тѣхъ угодьяхъ откроются руды, минеральныя воды, проломы камня и другія ископаемыя произведенія;

б) Если, для округленія отданнаго въ пользованіе крестьянамъ участка, помѣщикомъ прикуплены будутъ новыя смѣжныя въ имѣніи земли;

в) Если, для округленія отданныхъ въ пользованіе крестьянъ земельныхъ участковъ, сведенъ помѣщикомъ лѣсъ и земля изъ подъ него раздѣлана подъ пашню и луга;

г) Если встрѣтится надобность въ устройствѣ плотинъ, отчего угодья, отданныя крестьянамъ, подвергнутся затопу.

LII. Раскладка всѣхъ казенныхъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ, должна оставаться на прежнемъ основаніи, по числу ревизскихъ душъ, состоящихъ въ каждомъ имѣніи.

LIII. Раскладка всѣхъ повинностей, падающихъ на крестьянъ, лежитъ на обязанности сельскаго общества.

LIV. Плату поземельнаго сбора земли, находящейся какъ

во владѣніи помѣщика, такъ и въ пользованіи крестьянъ, должно взимать съ самаго помѣщика.(кк)

LV. Поставка рекрутъ предоставляется мірскимъ обществамъ съ утвержденія помѣщика.

LVI. Способъ взиманія рекрутъ долженъ оставаться очередною.

LVII. При очередномъ отправленіи рекрутской повинности, слѣдуетъ зачесть очередь тѣмъ семействамъ, которыя до утвержденія сего положенія, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, отправляли эту повинность взansomъ помѣщику суммы, или покупкою у него зачетной квитанціи.(л)

LVIII. Сельское общество отвѣчаетъ круговою порукою въ исправномъ вносѣ податей, за недомку коихъ помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не отвѣтствуетъ.(мм)

LIX. Всѣ зачетныя рекрутскія квитанціи, еще не представленные къ зачету и не принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, со времени утвержденія акта для имѣнія, составляютъ собственность общества, изъ среды коего отдавъ былъ въ зачетъ рекрутъ.

LX. Мірское общество не имѣетъ права отдавать въ рекруты, безъ дозволенія помѣщика, должностныхъ при имѣніи лицъ во все время отправления ими должностей, хотя-бы они и находились на очереди.

LXI. Рекрутъ взимается съ очередныхъ семействъ въ тѣхъ только случаяхъ, если не окажется въ имѣніи людей худаго поведенія, назначаемыхъ въ военную службу по приговорамъ общества, съ утвержденія помѣщика.

LXII. Помѣщикамъ предоставляется право, во все время переходнаго состоянія, нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ сдавать въ рекруты съ утвержденія мѣстнаго присутствія съ зачетомъ и безъ зачета.(нн)

LXIII. При сужденіи о казенныхъ натуральныхъ повинностяхъ крестьянъ, въ видахъ улучшенія ихъ быта, комитетъ полагаетъ ходатайствовать передъ правительствомъ о назначеніи по выборамъ(оо) особой комисіи для пересмотра и измѣненія тѣхъ повинностей и способовъ ихъ раскладки; каковое ходатайство и объяснить въ приложеніи къ проекту.

LXIV. Срокъ для приведенія въ исполненіе положенія о перенесеніи крестьянскихъ усадебъ, включеннаго въ составленный помѣщикомъ актъ, не можетъ быть далѣе переходнаго состоянія.

LXV. Помѣщикъ можетъ, по обоюдному соглашенію съ крестьянами и по особому акту, отстрочить перенесеніе усадебъ за назначенный срокъ переходнаго состоянія.

LXVI. Помѣщику предоставляется право послѣ утвержденія акта объявлять надобность въ переселеніи крестьянъ въ теченіи 5 лѣтняго срока, и приводитъ это въ исполненіе

(кк) Мы не думаемъ, чтобы правительство могло согласиться на это; это сдѣлало бы помѣщика сборщикомъ податей, и подало бы поводъ къ спорамъ и притѣсненію крестьянъ; и потомъ это все же бросаетъ подозрѣніе, что крестьянинъ, выкупивъ свои землю, не сдѣлался ея собственникомъ.

(л) Наконецъ то благородное русское дворянство призналось, что оно не только отдавало людей въ рекруты по калризу, но еще и торговало ими. Мы очень рады, что “Колоколъ” можетъ прозвонить это сознаніе во всеуслышаніе.

(мм) А какже поземельная подать? Сей часъ сказано, что она взимается съ помѣщика.

(нн) Намъ кажется, что съ освобожденіемъ крестьянъ не худо бы уничтожить всякое вліяніе помѣщика на рекрутство, и, если рекрутство должно быть уголовнымъ наказаніемъ, опредѣлить закономъ случаи, въ которыхъ это наказаніе должно быть примѣнено по суду, потому что правило, что никто безъ суда не наказывается должно быть неукосновеннымъ.

(оо) По выборамъ дворянскимъ или крестьянскимъ?

съ утвержденія мѣстнаго присутствія, на собственный свой счет.(пп)

LXVII. Въ основаніе, для опредѣленія повинностей крестьянъ, принимается количество обязательной обработки земли за каждую отведенную въ пользованіе крестьянъ десятину.

Примѣчаніе 13. В. Высотскій, относительно повинностей, согласно съ прежними своими мнѣніями, пришедшими по сердцу гг. членамъ, предложилъ: "Крестьянское хозяйство оставить при прежнемъ распредѣленіи угодій; тамъ, гдѣ повинности выше средствъ крестьянина (принимая во вниманіе мѣстныя удобства и промысловыя выгоды), указать соразмѣрную норму повинностей или дать большія средства; гдѣ повинности ниже средствъ, постановить норму, до какой помѣщикъ можетъ возвышать тѣ повинности; вмѣсто трехъ дневной работы во весь годъ, назначить три дня въ недѣлю только съ 15 Апрѣля по 15 Декабря; въ остальное время брать 1 день въ недѣлю—работника съ лошадыю безъ бабы, другой—работника пѣшаго. Число подводъ опредѣлить; всѣ прочіе сборы отмѣнить. При переходѣ крестьянъ на оброкъ, назначеніе оброка предоставить обоюдному согласію крестьянъ и помѣщика."

Кн. П. Крапоткинъ и Замятнинъ говорятъ: Другое отдѣленіе главы VI программы указываетъ на необходимость размѣра повинностей, основанныхъ на цѣнности усадебъ, угодій и промысловыхъ выгодъ. Дабы удобнѣе опредѣлить отношенія труда крестьянъ къ количеству земли, отданной имъ въ пользованіе, мы прежде всего должны вывести изъ способовъ существующаго нынѣ хозяйства, сколько вообще крестьянское тягло въ состояніи работать на помѣщика и сколько именно потребно рабочихъ дней съ каждаго тягла для обработки 1 ржаной и 1 овсяной десятины съ ихъ послѣдствіями и другими сельско-хозяйственными работами. Почва нашего уѣзда требуетъ сильнаго удобренія; для унавоженія 1 десятины у насъ потребно не менѣе 4 головы скота, изъ коихъ 3 коровы и 1 телка или 2 коровы, $\frac{1}{2}$ лошади и 1 телка. Скотъ стоитъ на корму 210 дней; лошадь сѣдаетъ, въ это время, 158 п. сѣна, корова 79 п. и телка 58 п. (лошади въ сутки 30 ф., коровѣ 15 п. и телкѣ 11.) По этому, для унавоженія у насъ десятины потребно сѣна:

Для 2 коровъ	158 п.
Для 1 коровы и $\frac{1}{2}$ лошади	79
Для 1 телки	58
	<hr/>
	295 п.

Въ общей сложности каждая десятина луга даетъ 75 п. сѣна, и по сему, для удобренія 1 десятины потребно 4 десятины луга для полученія сѣна и $\frac{1}{2}$ сего количества въ паровомъ полѣ для подножнаго корму.

Разсмотримъ, сколько нужно дней 1 тяглу для обработки означеннаго количества пахатной и луговой земли:

	м. п.	ж. п.	пол. тяг.
Поднять паръ	—	—	3
Заборонить	—	—	3
Унавозить	—	—	10
Запахать	—	—	3
Заборонить	—	—	3
Засѣять рожь и заборонить	—	—	6
Сжечь	8	—	—

(пп) И безъ согласія крестьянъ?... Въ самомъ дѣлѣ какъ этотъ выкупъ для нихъ выгоденъ: они заплатятъ за землю въ 12 разъ дороже чѣмъ она стоитъ, получатъ ея количество недостаточное для того, чтобы дѣйствительно считаться гражданами-собственниками, и сверхъ того имъ семнадцать лѣтъ будутъ помыкать какъ вьюлами.

	м. п.	ж. п.	пол. тяг.
Связать и скласть въ скирды	—	—	2
Обмолотить	7	7	1
Запахать	—	—	3
Заборонить	—	—	3
Посѣять свесъ и заборонить	—	—	6
Скосить овесъ	3	3	—
Скласть въ скирды	—	—	2
Обмолотить	12	12	2
Скосить, переверотить 4 десятины лугу и сложить въ копны	16	16	—
Скосить и свезти въ стога	—	—	4
Дровъ для овина	—	1	1
Итого	46	39	52

Если прибавить къ этому количеству для подводъ, поправки мостовъ и другихъ работъ въ саду и господскомъ домѣ 7 мужескихъ пѣшихъ и 22 коныхъ тяговыхъ дня, то получимъ 46, 46, 74.

Такимъ образомъ мущина явится на работу 46, 74, 120 дней и женщина такое же количество. И обычай, и законодательство допускали до сихъ поръ 3 дня на работу помѣщику въ недѣлю; поэтому приведенное число дней противъ прежнихъ 156 не только возможно, но и несколько не отяготительно.

Но возлагая на тягло такую работу, спрашивается: сколько же мы должны дать за оную крестьянину землю въ пользованіе? Въ большей части европейскихъ хозяйствъ обязательный трудъ считался за $\frac{2}{3}$ стоимости труда вольнаго, и это справедливо: на барщинѣ крестьянинъ не сдѣлаетъ того, что сдѣлаетъ наемный работникъ? Въ можайскомъ уѣздѣ цѣны на вольный трудъ, слѣдующія: коный день 60 к., мужскій пѣшій 40 к. и женскій пѣшій 30 к. По сему для обязательнаго труда въ нашемъ уѣздѣ могутъ быть цѣны: коный день 40 к., мужскій пѣшій 27 к. и женскій пѣшій 20 к.

Такимъ образомъ, переводя на деньги изложенныя выше тягловыя работы, мы получимъ:

74 дня коныхъ по 40 к.	= 29 р. 60 к.
46 дней мужскихъ пѣшихъ по 27 к.	= 12 42
46 дней женскихъ пѣшихъ по 20 к.	= 9 20
Итого тягло работаетъ намъ на	51 р. 22 к. с.

Дѣля эту сумму на 120 дней, мы получимъ 42-48-43 л. с. стоимости тягловаго рабочаго дня, въ коемъ участвуетъ мущина, женщина и лошадь. Доходъ съ одной десятины кругомъ, за вычетомъ крестьянскаго труда, какъ видно въ примѣчаніяхъ 6 и 7, равняется 4 р. 30 к. Такимъ образомъ за пользованіе каждой десятины крестьянское тягло должно дать помѣщику 10 тяговыхъ полныхъ дней. Въ томъ же мнѣніи (прим. 6 и 7) мы указали на стоимость усадебъ, по которой цѣна усадебъ на каждое тягло будетъ 172 рубль; полагая за пользованіе оною 5%, каждое тягло за пользованіе усадбою обязано вносить помѣщику 8 р. 60 к. с. или, переводя на дни, обязано дать помѣщику 20 тяговыхъ полныхъ дней въ годъ. Въ такомъ случаѣ, при 120 дняхъ работы, каждое тягло получитъ:

За 20 дней—усадбу; за 100 дней—10 десятинь.

Принимая же въ расчетъ, что большая часть работъ производится между 15 Апрѣля и 15 Октября, слѣдуетъ опредѣлить между сими числами по 3 дня въ недѣлю, что составитъ 78 дней; остальные же 42 дня должны быть размѣнены между 15 числомъ Октября и 15 числомъ Апрѣля, по желанію помѣщика, но не болѣе 3 дней въ недѣлю, кромѣ недѣль, въ

которыя отправляются крестьянами господскія подводы; — самые же подводы должны быть при семь надѣлѣ не болѣе 2 на 150 верстѣ и 6 на 25-30 верстѣ и исполняемы въ барскіе дни, считая на каждыя 50 или 60 верстѣ одинъ рабочій день. Таковое распредѣленіе дней и отправленіе подводъ можно допустить и при 8 десятинномъ надѣлѣ, ибо за исключеніемъ 78 дней между 15 Апрѣля и 15 Октября останутся еще 22 дня, достаточныя для производства подводъ и другихъ сельскихъ работъ. Таковыя надѣлы и работы мы почитаемъ за самыя большіе по нашему уѣзду, и потому въ имѣніяхъ, гдѣ количество земли не позволяетъ отдѣлать на тягло 8 десятинъ въ пользованіе, слѣдуетъ между 15 Апрѣля и 15 Октября назначить только по 2 дня въ недѣлю работы на помѣщика, съ тѣмъ однако, что, буде помѣщикъ пожелаетъ, крестьяне обязаны давать ему 3 день въ недѣлю по выше-означенной цѣнѣ; остальные же затѣмъ по счету дни распредѣляются, какъ и при первомъ надѣлѣ, между 15 Октября и 15 Апрѣля; при чемъ и количество подводъ должно быть уменьшено до 2 на 150 верстѣ и 6 на 20-30 верстѣ.

За тѣмъ, указавъ между прочимъ на уроки для производства работъ, кои будутъ записаны и отмѣчены въ книжкахъ, выданныхъ крестьянамъ, и опредѣливъ часы для начала и конца работъ, при обѣдѣ и отдыхѣ въ разное время года, Крапоткинъ и Замятинъ заключаютъ, что земли отъ крестьянъ, переходящихъ въ другія сословія, возвращаются помѣщику, и добавляют: “А какъ съ переходомъ крестьянъ въ другое сословіе, помѣщикъ лишается права быть обезпеченнымъ въ принятіи отъ него земли въ пользованіе, то справедливость требуетъ, чтобы за эту потерю онъ былъ вознагражденъ. Вознагражденіе сіе (такъ какъ онъ теряетъ только $\frac{1}{2}$ дохода, ибо земля отходящая остается въ его пользованіе) составляетъ на каждое тягло половину стоимости земли, отдаваемой въ пользованіе.” (Ну, а если землю отходящаго возметъ крестьянское общество?) (pp)

А. Валицкій и А. Вейденгамеръ, принимая во вниманіе 4 десятинный надѣлъ, и желая опредѣлить повинности по цѣнности труда и по урочнымъ положеніямъ, говорятъ: “Почва земля въ русскомъ уѣздѣ илесто-песчано-глинистая. Такой грунтъ только при хорошемъ удобреніи и тщательномъ воздѣлываніи вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Оцѣнивая пахатную землю, мы беремъ въ основаніе средней урожай съ ржаной десятины. Крестьяне высѣвая на десятину 2 четверти, получаютъ большею частію чистой прибыли отъ 6 до 8 ч. Полагая по 3 рубли за четверть, получается отъ 18 до 24 р. дохода. Яровая десятина, на которую высѣвается по 4 ч., даетъ прибыли отъ 8 до 12 ч., на сумму отъ 16 до 24 р. Соединивъ этотъ доходъ и раздѣливъ по количеству полей на 3 части, получимъ доходъ съ каждой десятины отъ трехъ полей отъ 11 р. 33 к. до 16 р. Съ такового дохода крестьянину не обременительно будетъ заплатить помѣщику по 4 р. съ десятины. Съ 4той десятины, какъ заключающей

(pp) Не смотря на то, что этотъ расчетъ вводимъ въ извѣстную опредѣленность, онъ невольно стремится къ тому, чтобы измѣненій въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ не было, т. е. улучшенія нѣтъ быта или освобожденія de facto не было бы, и чтобы даже, при переходѣ въ другое сословіе, крестьянинъ выкупался на волю, какъ это дѣлается и теперь, и платилъ бы за этотъ личный выкупъ половину цѣны земли, которую всю оставляетъ помѣщику, и слѣдственно такъ, что чѣмъ больше у него будетъ земли, чѣмъ онъ богаче, тѣмъ онъ больше заплатитъ за свой личный выкупъ, и чѣмъ больше онъ оставитъ помѣщику земли, тѣмъ онъ дороже заплатитъ за себя!

въ себѣ лучшую землю всего имѣнія, полагается вдвое, т. е. 8 рублей. И такъ за 4 десятины отдаваемыя крестьянамъ въ пользованіе, должно получить 20 руб. сереб. денежнаго оброка. При хорошемъ хозяйствѣ, разумѣется, онъ можетъ удвоиться.” (cc)

Затѣмъ эти гг. переходятъ къ оцѣнкѣ труда и выводятъ что обработка: ржаной десятины стоитъ 16 р. 85 к., яровой безъ вывозки удобренія 9 р. 85 к., а вмѣстѣ 26 р. 70 к. “Опредѣливши, говорятъ они, повинность тяглового крестьянина обрабатывать $\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ, получается цѣнность труда въ 13 р. 30 к. Затѣмъ остается сумма 6 р. 70 к., которая долженствуетъ опредѣлить количество сѣнокоса и подводъ. Одинъ крестьянинъ съ бабою долженъ скосить, высушить и убрать 1 десятину травы въ 2 $\frac{1}{2}$ дня. По выведенной нами оцѣнкѣ работника, это будетъ стоить 1 р. 55 к., и потому на сумму 6 р. 70 к.—должно скосить и убрать 2 десятины луга на 3 руб. 10 коп.; остальные 3 р. 60 к. остаются на подводы по выведенной цѣнности. Изъ всего вышесказаннаго выходитъ тотъ результатъ, что тягловый работникъ за полученную землю долженъ платить 20 руб. сер. денежнаго оброка, или равносильный трудовой оброкъ, состоящій въ обработкѣ и уборкѣ $\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ, 2 десятины сѣнокоса и на 3 р. 60 к. подводъ.”

А. Ерремовъ и Я. Скорняковъ, указывая, что въ ихъ уѣздѣ трудъ крестьянина-земледѣльца не вознаграждается, говорятъ: “Недостаточность средствъ къ содержанію земледѣльцевъ пополняется посторонними работами или промыслами, а потому при опредѣленіи повинностей слѣдовало бы обратить вниманіе не на одну поземельную собственность, какъ вещественный капиталъ, но принять во вниманіе личные труды и личныя способности крестьянъ, которые при новомъ положеніи дѣлъ будутъ имѣть особсе значеніе.

“Обстоятельство это заставляетъ насъ представить объ этомъ предметѣ постановленіе дворянъ коломенскаго уѣзда, заключающееся въ слѣдующемъ:

“1. За отдаванную въ пользованіе крестьянъ землю, они обязаны обработать точно такое же количество и на помѣщика. Положеніе это, по нашему мнѣнію, не можетъ быть для нихъ обременительно, ибо по принятому комитетомъ надѣлу земельныхъ участковъ имъ достанется обрабатывать не болѣе 1 десятины въ полѣ, при глинисто-песчаномъ грунтѣ, и имъ будетъ оставаться много времени для собственныхъ работъ; 2. Тягловый крестьянинъ обязанъ отбывать работу по три дня въ недѣлю, а въ зимніе, съ 15 Декабря по 15 Марта, по два дня.

Изложивъ за симъ, согласно съ мнѣніемъ дворянъ, урочное положеніе о трудѣ на запашкѣ, эти гг. опредѣляютъ денежную повинность, или оброкъ за пользованіе землями, такъ:

“Сдѣлать окончательную разцѣнку, по мѣстному положенію имѣній, довольно затруднительно, а потому полагается опредѣлить общее вознагражденіе по всему уѣзду, а именно

(cc) Такимъ образомъ для улучшенія быта крестьянъ, имъ, уже на законномъ основаніи, предоставится платить помѣщику оброка болѣе, чѣмъ они платятъ теперь. Отъ чего же, ссылаясь такъ часто на добровольное согласіе, помѣщики не положатъ, что разъ освобожденные крестьяне пойдутъ работать къ помѣщику по цѣнѣ, опредѣленной съ добровольнаго согласія, а въ противномъ случаѣ не пойдутъ. Какое добровольное согласіе, когда крестьянинъ обязанъ согласиться? Еще не достаточно, что г. Валицкій дѣлаетъ расчетъ сколько за какой оброкъ должны получить земли въ пользованіе крестьяне: надо ихъ спросить согласны ли они съ расчетомъ г. Валицкаго?

—за каждую десятину ржаную и яровую по 6 р. с., а какъ парь, по веимѣнію особыхъ выгоновъ, тоже необходимъ для крестьянина, то долженъ быть также цѣнимъ хотя въ $\frac{1}{2}$ противу засѣянной.

“Луговая земля поемныхъ луговъ отъ 20 до 39 р., по оврагамъ отъ 10 до 20 р. и суходольная отъ 5 до 15 р.* За пользованіе усадьбою помѣщика нашего уѣзда не желаютъ вознагражденія, но за пользованіе усадебной землею полагаютъ самую ограниченную цѣну по 10 р. с., ибо большая часть земель состоящихъ подъ огородами, употребляется крестьянами подъ сады, которые доставляютъ имъ доходы отъ пою не менѣе 30 р. с. Подводная повинность на разстояніи 25 верстъ должна быть зачтена за рабочій день конный, и каждый тягловой крестьянинъ въ зимнее время обязанъ сдѣлать 3 подводы до Москвы. Бабы во все зимнее время отбываютъ работы по два дня въ недѣлю. Само собою разумѣется, что эти условія не могутъ быть постоянными и должны измѣняться или по неисполненіи принятыхъ крестьянами условій, или по распоряженію правительства...”(тт)

Послѣ прочтенія сего мнѣнія, предсѣдатель предложилъ въ комитетѣ рѣшить, что “за отведенныя крестьянамъ въ пользованіе 4 десятины каждое тягло обязано помѣщику обработать ежегодно пашни $1\frac{1}{2}$ десятины, убрать сѣнокоса 2 десятины и поставить три подводы на 35 верстномъ разстояніи.” Но это предложеніе большинствомъ отвергнуто.

“Члены отъ московскаго уѣзда, сказано въ журналѣ, Н. Г. Головинъ и А. М. Карепинъ, въ мнѣніи своемъ (котораго по его обширности не привожу) изъяснили, что по московскому уѣзду, отличающемуся особыми промысловыми выгодами, слѣдуетъ за отведенныя крестьянамъ 4 десятины въ пользованіе обязать каждое тягло: въ теченіе 6 мѣсяцевъ лѣтнихъ обработать въ пользу помѣщика по одной десятинѣ въ полѣ или три десятины въ 3 поляхъ, и одну десятину сѣнокоса; а въ зимніе мѣсяцы отбывать работою въ недѣлю одинъ день мужскій конный, одинъ нѣшій мужскій и одинъ нѣшій женскій, зачитая въ число сихъ дней и дальнія подводы. Определеніе сихъ повинностей во формѣ оброка слѣдуетъ предоставить обоюдному согласію помѣщика и крестьянъ, но если соглашенія не послѣдуетъ, то въ основаніе определенія оброка приимается раздѣленіе московскаго уѣзда на три района: 1. На 8 верстъ отъ Москвы, гдѣ должно платиться 3 четверти ржи за каждую отведенную крестьянамъ удобную десятину; 2. На 20 верстъ, гдѣ предполагается назначить 2 ч. ржи за каждую десятину и 3. Болѣе 20 верстъ отъ столицы; въ этомъ районѣ опредѣляется оброкъ въ 14 четвериковъ ржи за десятину.

Кн. П. Крапоткинъ словесно объявилъ при этомъ о затруднительности примѣненія подобныхъ расчетовъ по московскому уѣзду, гдѣ средній надѣлъ землю теперь простирается отъ 7 до 9 десятинъ на тягло.

* Страшно! какъ же изъ представленныхъ помѣщиками свѣдѣній объ имѣніяхъ видно, что кн. Меншиковъ въ коломенскомъ имѣніи своемъ, кажется, Макниѣ, отдаетъ крестьянамъ своимъ въ аренду землю: пахатную отъ 1 р. 50 к. до 2 р., а луговую и огородную по 3 р.?... Оброкъ же взымаетъ съ земли, полагая по 1 р. 50 к. за десятину, при надѣлѣ крестьянъ 4 десятинную пропорцію на тягло, безъ всякихъ работъ на помѣщика?...—Прим. кор.

(тт) Эти господа, уже безъ особой риторики, откровенно ведутъ улучшеніе быта крестьянъ къ ухудшенію, равно какъ и достойные ихъ товарищи Головинъ и Карепинъ.

Кн. С. Урусовъ и М. Поливановъ, излагая урочныя работы и оцѣнку рабочихъ дней,* объяснили, что “на уѣздныхъ совѣщаніяхъ дворянъ подольскаго уѣзда выражено мнѣніе, что полезно было бы постановить, чтобы крестьянское тягло обрабатывало на помѣщика такое же количество земли, какое будетъ отведено тяглу въ пользованіе, или чтобы оно ежегодно платило помѣщику денежный оброкъ, равняющійся той суммѣ, которая будетъ потребна для обработки означеннаго количества земли наемными работниками.”

П. Максимовъ, объяснивши, что броницкій уѣздъ, чрезъ который пролегаютъ шоссе, протекаютъ большія рѣки и проектированы желѣзныя дороги, есть удобнѣйшій для крестьянъ; что селенія, лежація при дорогахъ, отъ проѣзжающихъ съ каждымъ днемъ богатѣютъ; что фабричная и ремесленная промышленность въ этомъ уѣздѣ развита удивительно, такъ что есть фабричные господскіе крестьяне, которые имѣютъ дома отъ 10 до 15,000 р. с.; что крестьяне занимаются извозомъ, торговлею, садоводствомъ, отдѣлкою плиты, гранита, и что въ числѣ крестьянъ есть токари, слѣсаря, рѣзчики, обойщики, часовщики, каретники, живописцы посуды, лавочники, машинисты, и проч., заключаетъ такъ свое мнѣніе:

“Въ нашемъ уѣздѣ усадебная осѣдность служитъ единственнымъ средствомъ къ безбѣдной жизни поселянъ, ибо малый клочекъ земли, по мѣстнымъ выгодамъ своимъ, стоитъ гораздо дороже нѣсколькихъ большихъ участковъ земли, приносящихъ выгоды только отъ хлѣбопашества. А потому, принимая усадебную осѣдность за единственный источникъ доходовъ, я раздѣляю имѣнія броницкаго уѣзда на 3 разряда:

“Къ 1му отношу тѣ имѣнія, которыя, по мѣстнымъ выгодамъ, по движенію торговли и промышленности, удобству сбыта произведеній и вообще по степени благосостоянія, почитаются избыточными;

“Къ 2му отношу имѣнія средняго состоянія, пользующіяся также выгодами, но въ меньшей противу первыхъ степени;

“И къ 3му малодостаточныя.

“Съ оброчныхъ имѣній 1го разряда, за отданныя крестьянамъ въ пользованіе земли, примѣняясь къ мѣстнымъ наемнымъ цѣнамъ, я полагаю назначить норму оброка съ каждого тягла: за усадьбу 16 рублей, за прочую землю по 5 р. съ десятины. Съ имѣній 2го разряда 11 р. за усадьбу и 4 р. за десятину прочей земли. Съ имѣній 3го разряда 8 р. за усадьбу и 4 за десятину прочей земли. При чемъ всѣ сборы съ крестьянъ холста, питокъ, куръ, яицъ, масла, барановъ, ягодъ, грибовъ и т. п., должны быть уничтожены.”(уу)

(Продолженіе впрод.)

* Лошадь нѣдѣльнаго крестьянина работаетъ 120 дней; содержаніе ея кормомъ, ковкаю, настищемъ и проч. стоитъ по ихъ расчету 20 р. 80 к. въ годъ; раздѣливъ эту сумму на 150 рабочихъ дней, выводимъ, что одинъ день стоитъ 13 к. с. И другія работы и цѣны рассчитаны сообразно этому!

(уу) Какже не уничтожить особые сборы, когда земля, считая оброкъ равнымъ 4% съ земли, оцѣнена въ 400 р. с десятина, не потому чтобы она этого стоила, а потому что крестьянинъ, пользующійся ею, богатъ!

С М Ъ С Ъ .

— Мы получили письмо, въ которомъ насъ просятъ дать гласность слѣдующему курьезному факту, въ которомъ не знаемъ чему больше удивляться, самодержавному понятію о семейныхъ добродѣтеляхъ, о патриотическихъ обязанностяхъ, или о правѣ собственности, этой ‘незыблемой’ опоры власти, которой она такъ хвастаетъ.

Извѣстный князь Л. Радзивиль, женатый на княжнѣ Урусовой и ѣздившій въ Турцію послѣ венгерской войны съ патриотическимъ порученіемъ склонить Султана на выдачу польскихъ изгнанниковъ Николаю (вѣроятно въ подражаніе тому какъ Николай отдалъ наубой венгерскихъ военно-плѣнныхъ Австрійцамъ), владѣетъ — какъ намъ рассказываетъ письмо — своими литовскими землями на преоригинальномъ основаніи.

Помѣстья Радзивиловъ въ Литвѣ были обременены долгами, заложены, перезаложены въ продолженіе двухъ вѣковъ. Земли эти фактически перешедшія въ третьи, четвертыя руки, были въ добрую минуту Николая возвращены Радзивилу. Предлогомъ къ тому исполнители царскаго коммунизма взяли небольшую часть маіората, находившагося во владѣніи кредиторовъ. Это было въ 1834 году. Помѣщиковъ, давнымъ давно поселившихся и спокойно владѣвшихъ, прогнали съ ихъ дворами и скотомъ, обѣщая имъ на прощаніе четвертую часть дохода обратить въ уплату долговъ. Въ продолженіе 24 лѣтъ кредиторы не получили ни копѣйки, т. е. половина ихъ съ семьями пошла по міру. За то Радзивиль продалъ часть имѣнія, кому вы думаете? — Одному изъ великихъ князей.

Кому жаловаться, у кого просить суда, — до Государя просьба не дойдетъ.

Горчаковъ — изъ ума выжилъ.

Мухановъ — выжилъ изъ сердца.

— Въ смоленской губерніи, ельнскомъ уѣздѣ живетъ Петръ Наркизычъ Волярярскій, владѣлецъ 100 душъ, въ числѣ этихъ ста душъ два замѣчательныхъ артиста брата Мешковы — виолончелистъ и скрипачъ.

Сосѣдъ, любитель музыки, сжалился надъ горькою участью Мешковыхъ и далъ имъ средства ѣхать въ Петербургъ; скрипача Петръ Наркизычъ не пустил, но виолончелистъ, съ билетомъ гласящимъ, что предъявитель сего крѣпостный человѣкъ такого-то, отпущенъ для заработка въ Петербургъ на столько-то времени и что въ случаѣ неявки въ срокъ, съ нимъ поступлено будетъ какъ съ бродягою, (т. е. въ обществѣ каторжныхъ доставленъ по этапамъ) и съ рекомендательнымъ письмомъ къ Василю Алексію Кологривову, покровителю всѣхъ русскихъ артистовъ въ Петербургѣ, даннымъ также любителемъ музыки; отправился въ Петербургъ пріобрѣтать музыкальную извѣстность и этимъ путемъ достигнуть свободы своей и брата. Не смотря на лестное вниманіе Львова, Мешковъ возвратился къ своему господину.

Съ помощью Шуберта и Кологривова, Мешковъ далъ концертъ, о которомъ отозвался съ похвалою “Journal des Debats” и объявилъ, что владѣльцу Мешкова предлагаемо было 3,000 руб. сер. за выкупъ.

Сосѣдъ, любитель музыки, посылаетъ номеръ “des Debats” къ Петру Наркизычу. Петръ Наркизычъ благодаритъ за

вниманіе и говорить: что журналъ дескать вретъ, никто мнѣ 3,000 р. с. не предлагалъ, а еслибъ и предложилъ кто, то я бы не взялъ, у меня двѣ дочери, которыхъ падо обучать музыкѣ.

Почтенный этотъ отецъ намѣренъ въ Смоленскѣ во время выборовъ давать концерты, въ которыхъ будутъ участвовать: дочь Петра Наркизыча и брата Мешковы, au su et au vu всего дворянства, уѣздныхъ предводителей, губернскаго предводителя, начальника губерніи и членовъ комитета! О Русь! О святая Русь!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

UNIVERSAL PRINTING-OFFICE, 178 & 179 HIGH HOLBORN, LONDON.

Г. З. Свентославскій поручилъ намъ объявить о его готовности печатать въ своей Типографіи русскія рукописи на слѣдующихъ основаніяхъ:

Листъ in 8vo въ 16 стр. Small Pica, 1,000 экзмп. .. .. 4£ 15s.
Хорошая бумага .. .. .. 1 12.

Употребленіе “бreviера” и авторскія поправки цѣнятся особо.

Рукописи могутъ доставляться прямо въ его Типографію на имя г. Свентославскаго. Уплата должна дѣлаться передъ наборомъ перваго листа.

При этомъ г. Свентославскій проситъ особъ желающихъ печатать у него, замѣтить, что его Типографія заведенная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ единственно съ цѣлю пропаганды, отказывается отъ печатанія сочиненій, писанныхъ съ цѣлю поддерживать рабство народовъ и своеволие власти, а равно сочиненія безнравственнаго содержанія и личности.

Что же касается до всѣхъ отгѣнковъ прогрессивныхъ мнѣній и партій, до всѣхъ литературныхъ и политическихъ школъ, Типографія г. Свентославскаго предлагаетъ имъ безъ различія свои услуги.

Продается: у ТРЮБНЕРА & Co., 60 Paternoster Row и у С. ГХОРЖИВСКАГО 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho Square, London.

MÉMOIRES DE L'IMPÉRATRICE CATHERINE II,

ÉCRITS PAR ELLE-MÊME.

На русскомъ же языкѣ онѣ вскорѣ окончатся печатью.

Записки княгини Е. Р. ДАШКОВОЙ (переводъ съ англійскаго).

V книжка “Голосовъ изъ Россіи”, въ ней находится одна статья “Объ освобожденіи крестьянъ.”

VI книжка, въ ней напечатанъ между прочимъ “Отвѣтъ вѣземскаго крестьянина — князю Голицыну, автору Печатной правды.”

I, II, III и IV Голосовъ (второе изданіе)

Записки: М. ЦЕРБАТОВА и А. РАДИЦЕВА (изъ екатерининскаго вѣка), Изданіе ТРЮБНЕРА, съ предисловіемъ Искандера.

Полное собраніе Стихотвореній Н. ОГАРЕВА, съ портретомъ автора, гравированномъ на стали.

14 ДЕКАБРЯ 1825 И ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ.

Печатается V книжка ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ на 1859 годъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 35.

1 ФЕВРАЛЯ 1859.

У Трублера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street,) London. Price six-pence.

МОСКОВСКІЙ КОМИТЕТЪ.

ГЛАВНЫЯ ОСНОВАНИЯ, ПРИНЯТЫЯ МОСКОВСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ, НАЧАВШИМЪ ЗАСѢДАНІЯ СВОИ СЪ 26 АПРѢЛЯ 1858.

(Окончаніе.)

LXVIII. Вмѣстѣ съ принятымъ уже комитетомъ въ засѣданіи 5 Августа способомъ опредѣленія повинностей, принять равномѣрно опредѣленіе таковыхъ натурою, назначеніемъ числа рабочихъ дней конныхъ и пѣшихъ, мужскихъ и женскихъ, лѣтнихъ и зимнихъ, смотря по количеству отведенной крестьянамъ земли, предоставивъ помѣщику право при составленіи акта избрать тотъ или другой способъ по усмотрѣнію, или же установить соотвѣтственный денежный оброкъ.(ФФ)

LXIX. Помѣщикъ имѣетъ право и въ малоземельныхъ имѣніяхъ надѣлать крестьянъ по 4 десят. на тягло, и крестьяне обязаны принять таковой надѣлъ.(ХХ)

LXX. При надѣлѣ въ пользованіе 4 десятинною пропорціею земли, съ включеніемъ усадьбы, каждое тягло обязано работать на помѣщика 3 дня въ недѣлю съ 15 Апрѣля по 15 Октября и по одному дню во все остальное время, всего однако въ количествѣ не болѣе 90 дней въ году мужскихъ и столько же женскихъ, и выставить по 3 подводны на 50 верстъ въ одинъ конецъ, полагая подводные дни въ число рабочихъ.

Примѣчаніе 14. Это постановленіе предложено княземъ Меншиковымъ. Хотя оно принято, но П. Шиповъ объявилъ, что онъ принимаетъ эту повинность за высшую мѣру оныхъ и при томъ полагалъ бы распредѣлить рабочіе дни по ровну, какъ въ лѣтніе, такъ и въ зимніе дни, т. е. по 2 дня въ недѣлю. Также принимаетъ эти повинности за высшую мѣру князь Б. Мещерскій; а князь Крапоткинъ и Даниловъ выразили мнѣніе, что для ихъ уѣздовъ такая повинность при 4хъ десятинномъ на тягло надѣлѣ, слишкомъ обременительна для крестьянъ.* Ровинскій же до утверженія предпо-

(ФФ) Какимъ же образомъ общество будетъ отвѣчать за исполненіе повинностей, когда въ распредѣленіи ихъ его согласія не спрашивается?

(ХХ) И это не дурно: хочешь не хочешь — бери и плати сколько приказано.

* Крапоткинъ говоритъ: "За 90 дней въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, на пр. въ московскомъ 4хъ десят. надѣлъ слишкомъ великъ, а въ другихъ слишкомъ малъ,

положенія сего, предложилъ: "согласно высочайше одобренной программѣ, 1, оцѣнить землю, назначаемую въ пользованіе крестьянъ и 2, предоставить помѣщику получить съ этой цѣнности назначенный комитетомъ процентъ (на пр. 6%), или же соотвѣтственно сему проценту пользоваться поделною или поземельною барщиною по оцѣнкѣ рабочаго дня, какая опредѣлится комитетомъ."(ЧЧ)

Вотъ еще что говорятъ о повинности крестьянъ и объ урочныхъ работахъ. "Изъ состоявшихся, говоритъ князь Меншиковъ, на сей предметъ постановленій, въ нашихъ законахъ помѣщенныхъ, извлечь можно соотвѣтственныя правила IV главъ программы. Постановленія сіи* прилагаются въ отдѣльной выпискѣ, изъ которой не трудно было бы избрать тѣ пункты, которые примѣняются въ московской губерніи и отбросить или измѣнить тѣ, кои не свойственны великороссійскимъ губерніямъ и мѣстности." За симъ, по предложенію его, князя Меншикова, избрана коммиссія изъ двухъ членовъ, Поливанова и Крапоткина, для составленія урочнаго положенія. При чемъ князь Крапоткинъ и Замятинъ объяснили, что возложенныя на крестьянъ работы по количеству земли могутъ быть исполнены вмѣсто 90 дней, въ 65 дней, почему и считаютъ необходимымъ или прибавленіе работъ или уравниеніе рабочихъ дней, каковыя повинности, по ихъ мнѣнію, должны быть строго уравновѣшены, въ избѣжаніе неудовольствія крестьянъ при выборѣ помѣщикомъ того или другаго способа.

Между тѣмъ, какъ комитетъ разсуждалъ о повинностяхъ, получено было гр. Закревскимъ циркулярное предписаніе губернаторамъ, отъ 29 Августа, за № 159, слѣдующаго содержанія: "До меня дошли свѣденія о распространяемомъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ слухѣ, будто вопросъ о предстоянбо въ одномъ земля дороже, а въ другомъ дешевле средней цѣны земель. По этому нужно бы за одинаковой въ цѣлой губерніи трудъ назначить для различной мѣстности и различное количество земли, отведенной крестьянамъ, примѣняясь къ существующему нынѣ порядку въ помѣщичьихъ имѣніяхъ."

(ЧЧ) Отъ предложенія Меншикова до мнѣнія Ровинскаго — это даетъ постепенно мѣрку добросовѣстности членовъ комитета. Честь и слава совершенно незнакому намъ г. Ровинскому! А хорошъ же князь Меншиковъ! Да какой же это князь Меншиковъ? Неужели адмиралъ-главнокомандующій сухопутнымъ войскомъ, этотъ великій человекъ, благодарившій государя за домъ, полученный въ награду за неудачи на войнѣ? Наконецъ то онъ домогается мѣста по силамъ — мѣста палача русскаго народа.

* См. Удѣл. Постан. часть II, гл. II, ст. 146—157.

цемъ устройствѣ крѣпостнаго сословія правительствомъ уже рѣшенъ окончательно, и что затѣмъ постановленія губернскихъ комитетовъ, касательно развитія главныхъ началъ устройства крестьянскаго быта, указанныхъ въ рескриптѣ, составляютъ трудъ излишній.

“Принимая въ соображеніе, что такой слухъ можетъ помѣшать успѣшному и правильному ходу занятій губернскихъ комитетовъ, я покорнѣйше прошу ваше прво., при всякомъ случаѣ объяснить всю неосновательность подобныхъ разглашеній и стараться внушить членамъ комитета, что государь императоръ изволитъ ожидать отъ ихъ усердія, что они оправдаютъ всякое довѣріе его величества постоянными трудами своими въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, не упуская изъ виду высочайше утвержденныя начала, не подлежащія измѣненіямъ и толкованіямъ. То же самое государю императору благоугодно было пзустно объявить дворянству губерній, осчастливленныхъ въ нынѣшнемъ году его посѣщеніемъ.”

Это предписаніе прочитано въ комитетѣ. При этомъ нужно знать, что всѣ бумаги министра, относящіяся до сего важнаго вопроса, составляются, какъ видно изъ особой секретной записки, въ главномъ петербургскомъ комитетѣ, и тогда только передаются для подписанія министру, когда бывають утвержденны или поправлены государемъ. Это обстоятельство не мало важно.

Второе предписаніе министра губернатору, объявленное черезъ нѣсколько дней послѣ сего комитету, отъ 30 Августа за № 1042, было объ устройствѣ быта владѣльческихъ фабричныхъ и заводскихъ крестьянъ. Въ немъ сказано: “По нѣкоторымъ губерніямъ возникъ вопросъ: составляетъ ли предметъ занятій губернскихъ комитетовъ устройство быта заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ, находящихся при частныхъ заводахъ и фабрикахъ? Въ разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ, имѣю честь сообщить вашему сіятельству, что при министерствѣ финансовъ образована особая коммиссія, на обязанность которой возложено составить соображенія объ устройствѣ и улучшеніи быта, между прочимъ, людей фабричныхъ: а) приписанныхъ къ фабрикамъ, б) приписанныхъ съ платежемъ и в) приписанныхъ безъ платежа, и горнозаводскихъ: а) приписанныхъ къ частнымъ заводамъ отъ казны, б) крѣпостныхъ заводскихъ, т. е. укрѣпленныхъ къ заводамъ, а не лицу и в) состоящихъ при заводахъ на помѣщичьемъ правѣ. Въ слѣдствіе сего, устройство быта всѣхъ таковыхъ людей не относится до предмета занятій губернскихъ комитетовъ. Вѣдомость о такихъ людяхъ по московской губерніи препровождается для соображенія по губернскому комитету.”

LXXI. Каждое тягло, за отведенныя ему въ пользованіе 4 десятины, обязано обработать 1½ десятины пашни, 2 десят. лугу и сверхъ того дать три подводы на 50 верстномъ разстояніи и 10 рабочихъ дней.

LXXII. Гдѣ покоса находится менѣе 2 десятины на тягло, тамъ слѣдуетъ обработку каждой десятины оваго замѣнить тремя днями конными, 4 пѣшими и 7 женскими.

LXXIII. Исключить лишніе сверхъ 90—6 дней (такъ какъ назначено для барщины въ лѣтніе 6 мѣсяцевъ по 3 дня въ педѣлю, а въ зимніе по одному) изъ лѣтнихъ, почему и остается лѣтнихъ 66, зимнихъ 24.

LXXIV. Постановленіе о томъ, что разумѣется подъ словомъ усадебная осѣдность, опредѣлено отмѣнить.

Примѣчаніе 15. Въ послѣднее пребываніе государя въ Москвѣ, предводители дворянства, по обыкновенію, имѣли честь ему представляться. Это было 31 Августа. Государь ихъ привѣтствовалъ слѣдующею рѣчью: “Мнѣ, гг., всегда пріятно, когда имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ; я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостнаго права, и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ, и помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, въ слѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній, даны были мною рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а московская губернія ни первая, ни вторая, даже и не третья! Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную... Я вамъ далъ начала, и отъ нихъ никогда не отступлю. (Здѣсь государь повторилъ главные основанія, изложенныя въ рескриптахъ).

“Я люблю дворянство, считаю его первою опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ, но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на московскую губернію смотритъ вся Россія. Я всегда готовъ сдѣлать для васъ что могу, дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа, я слышу, что комитетъ многое уже сдѣлалъ; я читалъ извлеченія изъ его записокъ; многое, мнѣ кажется, хорошо, одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебною осѣдлостію понимаю не одно строеніе, но и всю землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять; этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность.”

Рѣчь эта, записанная предводителями на другой день въ квартирѣ губернскаго предводителя, была вечеромъ представлена г. Закревскому, который поднесъ ее на разсмотрѣніе государю, и государь возвратилъ ее съ надписью: “Съ приписанными мною карандашемъ словами совершенно такъ.” Послѣ этой рѣчи, этой нравственной царской оплеухи, комитетъ немедленно отмѣнилъ прежнее постановленіе о томъ, что разумѣется подъ усадебною осѣдлостію. (цц) И только! Пересмотритъ ли комитетъ прежнія свои постановленія, не извѣстно.

LXXV. Такъ какъ усадебная осѣдность заключаетъ въ себѣ и усадебную землю, то слѣдуетъ отдѣлить оную отъ полевой, и въ слѣдствіе этого прежнія постановленія пересмотрѣть.

LXXVI. Въ слѣдствіе отдѣленія усадебной земли отъ полевой, слѣдуетъ, вмѣсто прежде опредѣленнаго комитетомъ количества полевой земли съ усадебною, надѣлать крестьянъ 4ма десятинами полевой и луговой земли въ пользованіе въ многоземельныхъ и среднеземельныхъ имѣніяхъ и 1½ десят. въ малоземельныхъ.

LXXVII. Снопъ ржи сжатой вяжется въ окружности 5 (цц) выводъ изъ этого очевиденъ: для того, чтобы дворян дѣлала дѣло, надо чтобы баринъ пустилъ порядкомъ.

четвертей; снопы ржи кошеной вяжутся въ окружности 6 четвертей; вышина же жнивы послѣ жатвы должна быть не выше 5 вершковъ. (Эта статья и нижеслѣдующія подѣ цифрами, составляютъ урочное положеніе, составленное Крапоткинскимъ съ Поливановымъ, и утвержденное большинствомъ голосовъ.)

1. Работникъ съ двумя лошадьми обязанъ взборонать въ день 1 десятину.

2. Работникъ съ лошадыю обязанъ свезти въ день навоза 10-ть 15-ти пудовыхъ возовъ, при разстояніи 1½ версты.

Примѣчаніе 16. Гг. Томашевскій и Павловъ предложили вопросъ: слѣдуетъ-ли постановить, что экономія при вывозкѣ навоза на разстояніи менѣе 1½ версты, не можетъ требовать отъ работника съ лошадыю болѣе 15 поѣздокъ? Но этотъ вопросъ разрѣшенъ отрицательно большинствомъ 20 голосовъ противу 6-ти. Булыгинъ, Замятинъ и Штейнъ въ письменномъ мнѣніи опредѣлили: для пакладки и свалки 15-ти пудовъ навоза 30 минутъ, для провоза навоза въ полѣ часъ на четыре версты, а на обратный путь ¾ часа. А князь Меншиковъ, для улучшенія быта крестьянъ, предложилъ, подшучивая, купить крестьянамъ карманные часы. (шш)

3. Работникъ съ лошадыю обязанъ вспахать въ день ½ дес.

4. Работникъ съ лошадыю обязанъ вспахать въ день подѣ посѣвъ ½ десятины.

5. Работникъ съ лошадыю обязанъ въ день свезти и скласть въ скирды 500 сноповъ ржи или овса,

6. Работникъ съ лошадыю обязанъ свезти и сметать въ стога 40 пудовъ сѣна въ день.

7. Работникъ съ работницею обязаны въ день обмолотить ржи и овса 100 сноповъ, въ случаѣ сушки съ насадкою на овинъ и убрать зерно, солому и мякину.

8. Одинъ работникъ обязанъ въ день скосить ½ десятины ржи и овса.

9. Одинъ работникъ обязанъ скосить въ день ½ десятины какаго бы то ни было луга.

10. Одинъ работникъ обязанъ въ день разсѣять на 4 дес. рожь и овесъ.

11. Одна работница обязана въ день сжать, связать и поставить въ крестцы 100 сноповъ ржи.

12. Одна работница обязана въ день связать скошенной ржи или овса ½ десятины.

13. Одна работница обязана въ день разбить навоза на ¼ десятины.

14. Если при исполненіи хозяйственныхъ работъ потребуются какія-либо подвозки, то каждый работникъ съ лошадыю обязанъ въ теченіе дня сдѣлать 15 верстъ съ кладью и 15 верстъ порожнемъ. Кладь не должна превышать 20 пудовъ.

15. При дальнихъ зимнихъ подводахъ работникъ съ лошадыю дѣлаетъ въ теченіе сутокъ 25 верстъ съ кладью и 25 верстъ порожнемъ. Кладь не должна превышать 25 пудовъ.

(шш) Это замѣчаніе доказываетъ намъ, что членъ комитета кн. Меншиковъ, именно тотъ адмиралъ сухопутныхъ войскъ, который положилъ начало проигрышу крымской кампаніи, можетъ оттого, что не посмотрѣвъ на часы, шутилъ во время серьезнаго дѣла. Опозорить Россію—да еще туда же совѣтаться съ своимъ голосомъ—экая наглость!

Кстати мы припомнимъ слѣдующее происшествіе: разъ въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ князь Меншиковъ подошелъ къ покойному Чаадаеву: “Что это вы меня не узнаете, Петръ Яковлевичъ?” — “Да я не могъ васъ узнать; отъ чего это у васъ черпый воротникъ на мундирѣ?” — “Какъ отъ чего? да я морской министръ.” — “Вы морской министръ? Не можетъ быть! Вы сроду на морѣ не были.” — “Чтожъ? Не черти горшки обжигали...” — “Ну, развѣ на этомъ основаніи,” сказалъ Чаадаевъ и отошелъ прочь.

16. Рабочій день начинается съ восхожденія, а кончается съ захожденіемъ солнца; въ теченіе онаго для обѣда и отдыха назначается:—зимою 1, весною и осенью 2 и лѣтомъ 3 часа. (щщ)

LXXVIII. Назначеніе оброка должно быть предоставлено взаимному соглашенію помѣщика съ крестьянами. (юю)

Примѣчаніе 17. Томашевскій и Павловъ въ запискахъ своихъ, при рѣшеніи этого вопроса, сказали: первый — что опредѣленіе оброка и размѣръ онаго лежатъ на обязанности комитета, на основ. Гл. VI, Отд. II программы; второй — что такъ какъ высочайше одобренною программой Отд. II, Гл. VI комитету поручается опредѣленіе повинности денежной (оброка), то комитетъ отклонить отъ себя эту обязанность не въ правѣ. За всѣмъ тѣмъ вопросъ рѣшенъ большинствомъ голосовъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи члены отъ Рязскаго уѣзда предложили вопросъ: “Могутъ-ли и должны-ли правила, существующія для оцѣнки усадебъ и земель въ удѣльныхъ имѣніяхъ, быть приняты основаніемъ размѣра цѣнности усадебъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности въ имѣніяхъ помѣщичьихъ?” При этомъ они представили выписку изъ удѣльныхъ постановленій, точно такую же почти, какую представилъ князь Меншиковъ; но комитетъ рѣшилъ упомянутыхъ удѣльныхъ постановленій въ руководство не принимать. Между тѣмъ, безъ оцѣнки угодій, отдаваемыхъ крестьянамъ, нельзя опредѣлить съ земли-капитала того процента, который мы называемъ оброкомъ, а слѣдовательно нельзя хорошо опредѣлить и крестьянскаго на помѣщика труда, для котораго назначено 90 дней. Почему же комитетъ, вопреки программы не хочетъ оцѣнки? Потому что членамъ комитета, какъ помѣщикамъ, хочется за собою оставить тотъ въ назначеніи оброка дикій произволъ, какимъ они доселѣ пользовались! “Цѣнность угодій, говоритъ князь Меншиковъ въ мнѣніи своемъ, предлагаемая нѣкоторыми членами мѣрплотъ труда, требуетъ кадастраціи и регулированія, т. е. многолѣтнихъ, при участіи правительства, занятій, коихъ результатъ можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе тогда, когда составленъ будетъ сельскій уставъ, для котораго мы можемъ только заготовить матеріалы въ теченіе срочнаго періода.” (юю) А Ровинскій говоритъ вотъ что: “Всѣ имѣнія московской губерніи раздѣлить на 3 разряда, оцѣнивъ тягло: въ 1 разрядѣ въ 500 р., во 2 въ 400 и въ 3 въ 340 руб.; денежный оброкъ опредѣлить въ 6% съ оцѣночной суммы: въ первомъ разрядѣ 30, во второмъ 24 и въ третьемъ 20 р. с. Къ первому разряду отнести: а) имѣнія на 15 верст. отъ Москвы разстояніи, промышленныя садоводствомъ, огородничествомъ и дачами; б) богатые торговые села, на всякомъ разстояніи отъ столицы и в) промышленныя имѣнія, промышленъ коихъ зависитъ отъ мѣстности, хотя бы въ нихъ не было 4 десятиннаго надѣла на тягло. Ко второму — причислить земледѣльческія имѣнія не далѣе 40 верстъ отъ Москвы, фабричныя селенія на какомъ бы то ни было разстояніи, и къ третьему разряду всѣ остальные.” (яя) “Прежде обсужденія сего мнѣнія, говоритъ Томашевскій, необходимо постановить

(щщ) Взять барщину какъ она есть и обратить ее въ уставъ вмѣсто того, чтобы отмѣнить ее—хорошо улучшение быта!

(юю) Князь на сухомъ пути очевидно умѣетъ отлично лавировать; только на все это лавированіе добросовѣстные люди взглянуть съ отвращеніемъ.

(яя) И Ровинскій, эта звѣзда здраваго смысла и добросовѣтности въ московскомъ комитетѣ, вдругъ избобрѣтаетъ совершенно произвольную оцѣнку, основанную не на томъ, что помѣщикъ даетъ въ пользованіе мужику, а на томъ,

заключенія относительно оцѣнки угодій, если не по законамъ удѣльныхъ постановленій, то по другимъ способамъ. Того требуетъ программа. Что же касается до способа оцѣнки, предложеннаго Ровинскимъ, то онъ неудобенъ. При раздѣлѣ имѣній на 3 разряда по одному только наименованію, что онѣ богатыя, промышленныя или фабричныя, представляется удобство и поводъ всякое имѣніе причислить къ 1 разряду, на всякомъ отъ Москвы разстояніи и такимъ образомъ подать случай къ недоразумѣніямъ, къ запутаннымъ разбирательствамъ. Последнее тѣмъ болѣе важно, что актъ на имѣніе утверждается комитетомъ, по повѣркѣ однимъ изъ членовъ, отвѣчающимъ за справедливость его составленія. Назначеніе границъ разрядовъ обращается за тѣмъ, конечно, въ одну только форму, однакожь можно на пр. всѣ земледѣльческія имѣнія перваго разряда, по смыслу мнѣнія, обратить въ оброчныя съ платежемъ 30 р. съ тягла при 4 десят. надѣлѣ. Но такія имѣнія всѣхъ разрядовъ потому и земледѣльческія, что не могутъ быть промышленными; цѣнность ихъ всегда исключительна и зависитъ не отъ личности крестьянина и его промысловъ, а единственно отъ близости къ столицѣ, отъ чего крестьянину-земледѣльцу меньше пользы, нежели крестьянину-промышленному на 40 верстахъ разстоянія отъ оной. Въ этомъ несостоятельность предлагаемаго проекта очевидна. У Ровинскаго опредѣленіе оброка и размѣръ повинностей основаны на оцѣнкѣ тягла, слѣдовательно не на трудѣ и повинностяхъ, а на личности крестьянина. Но это совершенно не соотвѣтствуетъ принятымъ постановленіямъ и вообще тѣмъ началамъ, какими комитетъ руководствуется.”

“Нельзя не обратить вниманія, говорятъ въ опроверженіе мнѣнія Ровинскаго А. Ефремовъ и Я. Скорняковъ, и на то, что настоящее предложеніе Ровинскаго, не подкрѣпленное рѣшительно никакими доказательствами, разомъ уничтожаетъ три постановленія комитета: 1) о предоставленіи оцѣнки усадебъ помѣщику, 2) о предоставленіи помѣщику опредѣлять оброкъ по взаимному согласію съ крестьянами (ѳѳ) и 3) объ установленіи повинностей съ усадебъ отдѣльно отъ полевыхъ угодій.” Въ слѣдствіе сихъ опроверженій и словесныхъ преній — приступлено было къ отобранію голосовъ для рѣшенія: слѣдуетъ-ли раздѣлить всѣ имѣнія московской губерніи, для оцѣнки ихъ, на три разряда, и въ каждомъ изъ нихъ оцѣнить землю, назначаемую на тягло? И большинствомъ 16 противу 12 голосовъ вопросъ этотъ разрѣшенъ отрицательно. Сознвая необходимость оцѣнки угодій, Цавловъ и Томашевскій предложили было привести въ общій сводъ тѣ объ имѣніяхъ свѣденія, какія доставлены отъ помѣщиковъ, но и это отвергнуто. что мужикъ можетъ заработать самъ на себѣ. Морозкинъ сказалъ бы, что Мивій нисколько не обязанъ платить Лицинію за караковую лошадь дороже, потому что Мивій умѣетъ шить сапоги; караковая лошадь—все караковая лошадь и только, независимо отъ того сапожникъ Ливій или нѣтъ и живетъ ли онъ близко или далеко отъ Рима. Какъ легко привычка искажаетъ юридическіи смыслъ въ помѣщичьихъ головахъ, или другими словами—какъ трудно помѣщику сдѣлаться человѣкомъ! Мы полагаемъ, что Ровинскій въ этомъ случаѣ, запутался, потому что надо было столкнуться съ противниками подобными Ефремову и Скорнякову, которыхъ опроверженіе скрываетъ ту мысль, что даже и предложеніе Ровинскаго еще недовольно выгодно для помѣщика и недовольно обременительно для крестьянъ. Голоса же членовъ отъ правительства, хотя и оказались добросовѣстными, но ихъ голоса противъ большинства помѣщиковъ равны молчанію. Врядъ ли кому еще захочется играть глупую роль члена отъ правительства въ дворническомъ комитетѣ,—роль прокурора не имѣющаго права протестовать, или на протестъ котораго никто не обращаетъ вниманія.

(ѳѳ) Этими добровольнымъ согласіемъ, гдѣ помѣщикъ приказываетъ, и крестьянинъ повинуется, никого не надуешь. Поставте прежде крестьянина на ту ногу, чтобъ онъ могъ не согласиться, тогда и говорите добровольномъ согласіи.

LXXIX. Повинность крестьянъ, за отводимыя имъ въ пользованіе земли и за усады, должна обозначаться за каждыя отдѣльно.

LXXX. Для опредѣленія повинностей крестьянъ, около Москвы, принять въ основаніе районы: 1) на 12^{ти} верстномъ разстояніи отъ заставы и 2) на 25^{ти} верстномъ разстояніи.

LXXXI. Если на назначеніе денежнаго оброка не послѣдуетъ взаимнаго соглашенія помѣщика съ крестьянами, то слѣдуетъ опредѣленіе онаго возложить на обязанность комитета.(ааа)

LXXXII. Предварительно опредѣленія размѣра оброка, должна быть опредѣлена трудовая повинность крестьянина за отводимую въ его пользованіе землю.

LXXXIII. Повинности крестьянъ за отводимыя въ ихъ пользованіе 4 дес. на тягло опредѣлить въ 64 тягловые рабочіе дни лѣтнихъ (15 Апрѣля по 15 Октября), въ 19 дней зимнихъ и 4 подводны на 35 верстномъ разстояніи, полагая подводные дни въ число рабочихъ дней зимнихъ.

Примѣчаніе 18. Въ журналѣ сказано: “Для опредѣленія повинностей крестьянъ за пользованіе усадьбами до выкупа оныхъ и для пересмотра утвержденнаго комитетомъ другаго способа для опредѣленія повинностей крестьянъ, а именно: количествомъ обязательной обработки земли на помѣщика,—опредѣлено назначить особую изъ 5 членовъ комиссію, которой вмѣстѣ съ тѣмъ поручить представить соображенія касательно службы обученныхъ попеченіемъ помѣщиковъ для разныхъ ремеселъ и хозяйственныхъ должностей (ббб); степени вознагражденія ихъ за излишніе рабочіе дни и срока ихъ службы; мѣръ взысканія съ неисправныхъ крестьянъ” и пр. относящееся до VI гл. программы. Для чего комиссіи, уже составленной, и передано мнѣніе князя Меншикова, не заключающее въ себѣ ничего путнаго для крестьянъ, мнѣніе, при которомъ была представлена въ комитетъ выписка изъ удѣльныхъ постановленій.

LXXXIV. Исправность отправленія крестьянами повинностей обеспечивается круговою отвѣтственностью сельскаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ.(ввв)

Примѣчаніе 19. Всѣ эти положенія сдѣланы въ 41 засѣданіи комитета, 41ое засѣданіе было 23 Августа.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какой выводъ можетъ сдѣлать общественное мнѣніе, какой выводъ можетъ сдѣлать правительство, изъ засѣданій Московскаго комитета?

Выводъ слѣдующій:

Съ подобными комитетами Россія будетъ волочиться въ грязи, а не идти впередъ по пути своего развитія.(*)

(ааа) А комитетъ безъ сомнѣнія рѣшитъ большинствомъ членовъ въ пользу помѣщика. Это только проволочка; лучше уже просто сказать: помѣщикъ налагаетъ оброкъ какой хочетъ.

(ббб) Обычно помѣщики отдають мальчику въ ученіе въ годы большей частью на 5 лѣтъ, и ни копѣйки за это не платятъ; а когда мальчикъ выучился, если онъ не нуженъ при домѣ, то помѣщикъ отпускаетъ его на оброкъ, полагая огромный оброкъ и не давая ему ни клочка земли; комитетъ вѣроятно иложитъ въ этомъ случаѣ вознагражденіе помѣщику не за то, что онъ заплатилъ за выучку мастераго, потому что помѣщикъ ничего не заплатилъ,—а за оброкъ, который помѣщикъ могъ бы брать на правѣ грабежа.

(ввв). Двойное обезпеченіе! Кажется помѣщики должны быть довольны. они будутъ имѣть право и взыскать со всѣхъ вмѣстѣ и по сѣчь каждаго отдѣльно.

(*) Какъ ни благородно велъ себя предсѣдатель комитета Воейковъ, и не многіе изъ членовъ, но видно тутъ благонамѣренному человѣку придется сказать: блаженъ мужъ иже неиде на совѣтъ несчастливыхъ...

Съ подобными комитетами можно дойти до рѣзни, потому что народъ потеряетъ терпѣніе, и дойдетъ до развязки снизу, вмѣсто разумной государственной мѣры.

Правительство сдѣлало важныя ошибки :

1) Ограничивъ земельное владѣніе крестьянъ одною усадьбою, яко бы для избѣжанія бродяжества и пролетарьята. Положимте, что дано крестьянамъ по полу-десятины на тягло ; положимте, что у тягла два сына, слѣдующее поколѣніе удовлетворится $\frac{1}{4}$ десятины, третье поколеніе $\frac{1}{8}$; да развѣ это не пролетарьятъ ? Ошибка въ самомъ взглядѣ на улучшение быта : не прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ хочетъ Россія (оно и безъ того существуетъ), а освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьяго и чиновничьяго произвола, и вдобавокъ освобожденія крестьянъ какъ земельныхъ собственниковъ.

2) Правительство дало право говорить только одной сторонѣ ; отъ этого оно и услышало не голосъ общественнаго мнѣнія, а говоръ помѣщичей жадности.

3) И тутъ правительство позволило говорить только въ границахъ рескриптовъ и программъ, что порядочнымъ людямъ мѣшаетъ ясно высказать полезную мысль ; а недостойному большинству помѣщиковъ развязываетъ языкъ.

4) Языкъ рескриптовъ и программы нерѣшительный и неопредѣленный, оттого что самая мысль не ясна ; а мысль не ясна, потому что она половинчатая, потому что правительство побоялось даже назвать освобожденіе по имени, и колеблясь между разными примиреніями, запутало вопросъ и дало поводъ недобросовѣстному большинству помѣщиковъ перетолковывать его вкривь и вкось.

Выходъ одинъ : выкупъ.

Но не выкупъ усадебной земли, а выкупъ всей земли, какую имѣютъ въ пользованіи помѣщичьи крестьяне. Для этого выкупа надо комитетъ изъ людей, занимавшихся финансами, (конечно не Бутковыхъ съ компаніей) и разъ, опредѣливши финансовую методу выкупа, приступить къ приложенію безъ переходнаго состоянія, и разомъ для всей Россіи.

Пусть земля будетъ выкуплена для каждой общины ; а что касается до владѣнія ею общиннаго гдѣ лицо не наследуетъ земельного участка, или отдѣльнаго, гдѣ участки нарѣзываются въ потомственное владѣніе лицъ : дайте же этотъ вопросъ свободно рѣшить общинамъ внутри себя, дайте этотъ вопросъ рѣшить самимъ крестьянамъ, гдѣ какъ хотять, не навязывая имъ никакого учено-начальническаго мнѣнія.

Что касается до губернскихъ комитетовъ—“объ улучшеніи быта”—пусть они только собираютъ статистическія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи помѣщичьихъ имѣній, не приступая ни къ какой оцѣнкѣ, потому что никто въ своемъ дѣлѣ не судья ; а верховный комитетъ, въ томъ видѣ какъ онъ теперь существуетъ, уничтожьте же поскорѣе : вѣдь онъ также не состоятеленъ по мысли, по познаніямъ и по добросовѣстности, какъ и губернскіе комитеты.

Скажутъ, что правительство какъ что разъ опредѣлило, такъ на томъ и останется и отъ своей программы не откажется.

Нѣтъ ! Искреннее правительство всегда откажется отъ своей ошибки, потому что цѣль его благо общее. Въ этомъ то отрѣченіи отъ ошибки и заключается дѣйствительное благородство и дѣйствительная разумность.

И. ОГАРЕВЪ.

ПРОЕКТЪ КНЯЗЯ ГАГАРИНА.

1858 г. Января дня, гг. воронежскій губернский и уѣздные предводители дворянства, обще съ депутатами дворянства, въ собраніи своемъ, слушали сообщенные имъ г. губернскимъ предводителемъ дворянства : 1) Высочайшіе рескрипты, данныя на имя гг. генераль-губернаторовъ виленскаго и санкт-петербургскаго, и 2) Циркуляры г. министра внутреннихъ дѣлъ къ гг. предводителямъ губернскимъ, съ копіями съ отзывать его, по сему поводу, къ гг. генераль-губернаторамъ.

По внимательномъ выслушаніи сихъ актовъ, гг. губернский и уѣздные предводители, вмѣстѣ съ гг. депутатами дворянства, разсуждая, что тягостная обязанность всенеднежнаго попечительства о благосостояніи и нравственности крестьянъ, возложенная на дворянство крѣпостнымъ правомъ ; еще болѣе отяготительная отвѣтственность за проступки ихъ и невыполненіе ими повинностей предъ правительствомъ, хотя во все время составляли великое бремя дворянства, тѣмъ болѣе, что оно же постоянно подвержено было неосновательному и незаслуженному упреку въ эгоизмъ или же было несправедливо заподозрѣно въ злоупотребленіи права и оно же часто обвиняемо было въ цѣломъ составѣ за проступокъ одного какого-нибудь члена своего ; но дворянство, не взирая на всю тяготу такового положенія мужественно несло на раменахъ своихъ все это матеріальное и нравственное бремя крѣпостнаго права, какъ за вѣтъ службы отечеству и престолу, оставленный ему отъ доблестныхъ предковъ, какъ ручательство за благосостояніе, благоустройство и нравственность болѣе 10 милліоновъ людей, врученныхъ его опеку, какъ залогъ преуспѣянія народнаго по пути земледѣлія, промышленности и довольства общественнаго. А потому, и только потому, до самаго послѣдняго времени, дворянство русское не смѣло позволить себѣ даже мысли, чтобъ искать или домогаться сложения съ себя этого важнѣйшаго государственнаго тягла. Нынѣ, усматривая, что желаніе дворянства нѣсколькихъ западныхъ губерній, именно къ тому клонящееся, одобрительно принято государемъ императоромъ и что вообще правительство побуждаетъ даже къ тому все дворянство русское и, стало быть, находить возможнымъ и болѣе для себя удобнымъ совершенное уничтоженіе этого тягла, которое обременяло дворянство нравственно-политически и матеріально, господа предводители и депутаты дворянства воронежской губерніи положили :

1) Хотя они не имѣютъ никакого полномочія отъ своихъ довѣрителей не только на рѣшеніе, но даже на возбужденіе столь важнаго вопроса, и слѣдовательно, всякія по оному ихъ заключенія должны почитаться рановременными и неимѣющими силы законности ;

2) Хотя предвидѣнный рѣзкій переходъ изъ одного вѣковаго учрежденія въ другое носить въ себѣ зародышъ такихъ послѣдствій, которыхъ обыкновеннымъ умамъ теперь ни изчислить, ни предусмотрѣть не можно ;

3) Хотя существующій доселѣ порядокъ полицейскаго надзора, при исполненіи самыхъ извѣстныхъ законоположеній, такъ недостаточенъ, что ни въ какомъ случаѣ не обезпечиваетъ ни правильности, ни порядка при введеніи новыхъ сословныхъ отношеній, по можетъ быть и самыхъ личностей владѣльцевъ земель ;

4) Хотя умственное направлѣніе низшихъ классовъ народа, недостатокъ полезнаго трудолюбія и живительной дѣятельности, во всѣхъ его подраздѣленіяхъ, указываетъ, до какой степени могутъ ослабѣть и разстроиться всѣ производительныя силы государства, если и послѣдніе 10 или болѣе миліоновъ народа, ведомыхъ къ труду и дѣятельности прежнимъ въ ковымъ учрежденіемъ и пользующихся отъ того въ огромномъ большинствѣ своемъ довольствомъ, лишены будутъ дружнаго и полезнаго направлѣнія помѣщиковъ, строгими законами ограниченными и преслѣдуемыми въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій своихъ; но если правительство дѣйствительно находить, что настало удобное время безъ потрясеній государственныхъ приступить теперь же и во всей Россіи къ одному изъ тѣхъ коренныхъ преобразованій, которыя высшее сословіе государства, избавляють отъ упомянутаго тягла его, а крѣпостное выводить изъ подъ опеки. Если государь императоръ въ мудрости и силахъ, почерпаемыхъ конечно не изъ человѣческаго источника, рѣшилъ приступить немедленно къ такимъ преобразованіямъ государственныхъ учреждений, которыя внушаются ему лишь благодатію вѣчнаго разума, то губерпскій и уѣздные предводители дворянства и депутаты дворянства воронежской губерніи почитаютъ себя счастливыми, имѣя теперь право и возможность торжественно свидѣтельствовать, что избравшее ихъ дворянство всегда было одушевлено тою же мыслію, которая была одною изъ постоянныхъ заботъ царей русскихъ, т. е. улучшеніемъ быта крестьянъ, состоящихъ на крѣпостномъ правѣ, безъ нарушенія справедливости въ отношеніи къ владѣльцамъ; что только одинъ начала, которыя въ разныя времена къ тому предлагались, по непримѣнимости своей были причиною, что дворянство безмолствовало, не будучи призвано къ участию въ обсужденіе сихъ началъ. Нынѣ же, когда оно именно къ тому призывается, то гг. предводители и депутаты, собравъ, сколько краткость времени позволила, отдѣльныя мнѣнія въ основаніи общихъ началъ, на коихъ только и представляется возможность приступить къ преобразованію быта крестьянъ крѣпостныхъ, считаетъ себя въ правѣ представить эти основанія на предварительное обсужденіе высшему правительству съ тѣмъ, чтобъ имѣть ясную идею того, что именно должно быть потомъ предложено дворянству губерніи на его заключеніе. А затѣмъ тому же дворянству въ совокупности его и представить какъ самое развитіе и дополненіе нынѣ представляемыхъ началъ, такъ и самое рѣшеніе—должно-ли немедленно испрашивать на основаніе оныхъ, высочайшаго соизволенія объ открытіи въ г. Воронежѣ комитета подобнаго тому, каковой открытъ въ западныхъ и санктпетербургской губерніяхъ.

Основанія его суть слѣдующія :

I. Крестьяне, числящіеся нынѣ за помѣщиками, избавляются навсегда отъ крѣпостной зависимости, а помѣщики отъ всякой за нихъ отвѣтственности.

II. Всѣ земскія повинности, вносимыя нынѣ помѣщиками крестьянами (если только эти повинности не будутъ перенесены для уравнительности на все государство вообще) сложить съ нихъ и разложить на всю вообще землю, нынѣ владѣльцамъ принадлежащую, раздѣливъ сумму тѣхъ повинностей на число десятинъ безъ подраздѣленія и исключенія.

III. Вся земля остается за помѣщиками, а особый комитетъ, по ихъ избранію составленный и могущій тогда быть от-

крытымъ по высочайшему повелѣнію, долженъ въ теченіи 9 или 12 мѣсяцевъ обдумать и предложить удобнѣйшія обоюднo справедливыя мѣры къ обезпеченію быта и опредѣленію обязанностей крестьянъ передъ правительствомъ и помѣщиками, придумавъ мѣры къ предотвращенію ихъ отъ бродяжнической жизни, когда они объявятся свободными.

IV. Опредѣлить необходимый срокъ для перехода изъ одного состоянія въ другое, назвавъ его не переходнымъ, а обязаннымъ, для предупрежденія фальшивыхъ толкованій слова : переходное состояніе, и въ продолженіи онаго допустить измѣненія, какія найдутся необходимыми въ постановленіяхъ кредитныхъ установленій для заложенныхъ имѣній.

V. По окончаніи того срока, допустить полную и совершенную свободу во взаимныхъ условіяхъ владѣльцевъ земли съ крестьянами, не стѣняя ни ту ни другую сторону заранѣе придуманными положеніями, раздѣленіями, параграфами, которые, при развитіи новыхъ условій общественной жизни, могутъ быть совершенно не приложимы къ тѣмъ взаимнымъ трудамъ и пользамъ, которыя истекутъ изъ новаго устройства быта владѣльцевъ земли и крестьянъ.

VI. Владѣльцы земли, въ силу самыхъ законныхъ правъ и святой правды, должны оставаться единственными ея собственниками, подобно всѣмъ другимъ сословіямъ, владѣющимъ землями; все же движимое имущество крестьянъ неоспоримо должно принадлежать имъ. Что же касается до ихъ жилищъ, то хотя они устроены изъ матеріаловъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, но какъ каждый крестьянинъ вложилъ въ это жилище и свой трудъ, притомъ необходимо издержалъ и нѣкоторую сумму при постройкѣ и поддержкѣ онаго, то половина стоимости каждаго жилища должна принадлежать хозяину онаго.

Такимъ только образомъ помѣщики, единственный классъ народа, какъ изъ своего дворянскаго, такъ и изъ всѣхъ остальныхъ сословій, принося добровольныя жертвы новому государственному устройству, могутъ и должны будутъ быть обезпечены въ спокойномъ и нераздѣльномъ владѣніи тою оставшеюся собственностію, которая имъ принадлежитъ по человѣческимъ законамъ и неоспоримымъ правамъ всего вообще политическаго устройства государства.

VII. Такъ какъ нынѣшняя уѣздная администрація не можетъ быть примѣнимой къ тѣмъ новымъ условіямъ быта и положенія помѣщиковъ и крестьянъ, которыя возникнутъ при освобожденіи послѣднихъ отъ крѣпостной зависимости, то необходимо испросить новаго образованія той администраціи въ уѣздахъ, придавъ ей силу, права, отвѣтственность коллегіальную. Для доставленія того образовать въ уѣздныхъ городахъ общее присутствіе, раздѣливъ его на часть судебную и исполнительную, съ обязанностію имѣть засѣданія не менѣе одного раза въ недѣлю. Составъ его можетъ быть слѣдующій : 1) Президентъ присутствія—предводитель уѣзда; въ случаѣ его отсутствія мѣсто его занимаетъ кандидатъ по выборамъ; 2) Судья уѣзнаго суда по выборамъ; 3) Помощникъ по полицейской части отъ короны; 4) Попечитель государственныхъ крестьянъ отъ короны; 5) Городничій уѣзнаго города; 6) Градской глава, и 7) Четыре депутата отъ сословій : дворянскаго, городского, крестьянъ государственныхъ и крестьянъ свободныхъ. Въ самыхъ же уѣздахъ учредить округа, отъ 5 до 10,000 жителей, съ назначеніемъ

окружныхъ судей по выборамъ дворянства, которымъ я ввѣрить весь исполнительный и полицейскій надзоръ надъ округами, подъ высшимъ наблюдениемъ и начальственнымъ распоряжениемъ общихъ присутствій. Этимъ присутствіямъ ввѣрить весь хозяйственный, административный и полицейскій порядокъ въ уѣздахъ. Уѣздные и земскіе суды тогда могутъ быть упразднены отдѣленіями въ общемъ присутствіи, и

VIII. Просить г. губернскаго предводителя представить г. министру внутреннихъ дѣлъ мысли депутатскаго собранія, какъ отголосокъ частныхъ мнѣній, которыхъ по краткости времени оно естественно не можетъ формулировать въ общее положеніе дворянства и затѣмъ просить е. в. пр. опредѣлить время и способъ, на каковомъ изложенныя основанія могутъ быть предоставлены на обсужденіе и законное постановленіе всего дворянства.

ГАГАРИНЪ.

ИНСТРУКЦІЯ ПЕТРОВСКАГО УѢЗДА.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ, дворяне петровскаго уѣзда въ Маѣ 1858 года дали избраннымъ ими членамъ слѣдующую инструкцію :

1. Крестьяне должны быть надѣлены въ собственность поселеніями, т. е. усадьбами, съ тѣмъ чтобы за оныя, а равно и за надворныя строенія, крестьяне вознаградили помѣщика въ теченіе 12-ти лѣтняго срока, по оцѣнкѣ, деньгами или произведеніями (въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по существующимъ на произведенія въ моментъ расчета цѣнамъ), или работою, тамъ гдѣ она можетъ производиться.

2. Выборъ способа удовлетворенія помѣщика деньгами или работою предоставить исключительно на волю крестьянскаго міра.

3. Крестьяне остаются на существующихъ нынѣ поселеніяхъ; переносъ усадебъ допускать только тогда, когда встрѣтится особенная надобность; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, отводимыя подъ новыя поселенія мѣста должны быть не менѣе первоначальныхъ усадебъ и не уступать имъ ни въ удобствахъ, ни въ угодьяхъ; отводимыя подъ новыя поселенія мѣста цѣнить не дороже пахатной земли въ данной мѣстности.

4. Всѣ помѣщичьи имѣнія раздѣлить на три разряда : на малоземельныя, среднеземельныя и многоземельныя. Къ первому разряду отнести имѣнія, въ коихъ приходится не свыше шести десятинъ на ревизскую душу; ко 2-му имѣнія въ коихъ отъ 6 до 12 десятинъ на душу; къ 3-му имѣнія, въ коихъ приходится на душу свыше 12 десятинъ.

5. Въ имѣніяхъ многоземельныхъ отводить подъ усадебную осѣдность каждаго двора не менѣе 800 квадратныхъ сажень; въ малоземельныхъ не менѣе 500 квадр. сажень.

6. Въ имѣніяхъ многоземельныхъ отрѣзать на каждую ревизскую душу, на все время переходнаго 12-ти лѣтняго состоянія, въ пользованіе по 2½ каз. десятины, для пашни, выгона и покосовъ; въ среднеземельныхъ по 2 каз. десятины, въ малоземельныхъ по 1½ каз. десятины и менѣе, смотря по угодьямъ и вообще не стѣняясь относительно имѣній всѣхъ трехъ разрядовъ особенными случаями.

7. Вознагражденіе помѣщиковъ за землю, отдаваемую крестьянамъ въ пользованіе, опредѣлить, на все время переходнаго 12-ти лѣтняго состоянія, среднимъ числомъ въ три

рубля серебромъ въ годъ, за каждую десятину, съ тѣмъ, чтобы этотъ платежъ производился деньгами, или произведеніями (въ этомъ послѣднемъ случаѣ по существующимъ на произведенія въ моментъ расчета цѣнамъ), или работою, тамъ гдѣ она можетъ производиться.

8. Выборъ способа удовлетворенія помѣщика деньгами или работою предоставить исключительно на волю крестьянскаго міра, подобно тому, какъ это изъяснено въ пунктѣ второмъ относительно вознагражденія за усадьбы.

9. Дворовые люди во все время переходнаго 12-ти лѣтняго состоянія обязаны служить бывшимъ помѣщикамъ за опредѣленное содержаніе, которое постановится губернскимъ комитетомъ. Выходъ дворовыхъ изъ этого обязательнаго положенія, по взаимному ихъ соглашенію съ помѣщикомъ, допускается. Въ случаѣ признанія помѣщикомъ кого либо изъ дворовыхъ не только вреднымъ, но даже и бесполезнымъ, ему предоставляется право прекращать относительно таковыхъ ихъ обязательное положеніе, буде они окажутся по дознанію способными содержать себя, а равно и свои семейства и просить о перечисленіи съ него, помѣщика, подлежащихъ казенныхъ податей и повинностей; буде окажется противное, т. е. обнаружится, что увольняемые по изъясненному соображенію дворовые не найдутъ средствъ для существованія, помѣщикъ обязывается просить о причисленіи ихъ къ мѣстному сельскому обществу и затѣмъ надѣлить ихъ, какъ усадебною, такъ и пахатною землею въ пользованіе на изложенныхъ выше основаніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вновь надѣляемая усадьбою въ собственность и землями въ пользованіе лица будутъ нести относительно помѣщика всѣ тѣ обязанности, которыя лежатъ на прочихъ крестьянахъ. О больныхъ, престарѣлыхъ, сиротахъ и малолѣтнихъ помѣщикъ обязанъ пешихъ и содержать ихъ, — первыхъ до ихъ смерти, а послѣднихъ до ихъ возмужалости.

МНѢНІЕ ЗАВАРИЦКАГО.

При подписаніи положенія дворянства петровскаго уѣзда, я не успѣлъ изложить мое мнѣніе, что симъ исполняю :

Я желаю, чтобы за предоставляемое мною этимъ положеніемъ въ пользованіе моимъ крестьянамъ количество земли они не платили мнѣ деньгами, а обрабатывали бы для меня и моихъ наслѣдниковъ такое же количество земли по нынѣ существующему въ моемъ имѣніи и согласному желанію ихъ порядку подъ отвѣтомъ всего общества ихъ.

Цѣнность каждой усадьбы полагаю не менѣе 150 руб. сер. за каждую усадьбу, и съ этой цѣны общество крестьянъ обязано въ видѣ найма платить мнѣ и наслѣдникамъ моимъ по 6% за всю цѣнность всѣхъ усадебъ ежегодно 1го Января, подъ отвѣтомъ всего общества.

Прудку мельницъ общество крестьянъ обязано производить безвозмездно и безотговорочно какъ и нынѣ, такъ какъ помолъ на мѣстѣ составляетъ и ихъ выгоду и удобство, сберегая время и расходы при проѣздѣ на стороннія мельницы.

Подвозъ всѣхъ моихъ и моихъ наслѣдниковъ хозяйственныхъ произведеній и разныхъ поклажъ не далѣе 65 верстъ, съ платою имъ за каждыя 25 верстъ по 3 коп. съ пуда во всякое время года, подъ отвѣтомъ всего ихъ общества.

А какъ справедливость требуетъ, чтобы общество крестьянъ участвовало и въ платежѣ займовъ въ кредитныхъ установле-

нияхъ на имѣніи лежащихъ, въ томъ числѣ и мое въ петровскомъ уѣздѣ состоящее имѣніе — село Крестовоздвиженское, Вырыпаево тожъ, заложено въ московскомъ опекуномъ совѣтѣ еще моими родителями, то я и прошу саратовскій губернской комитетъ исходатайствовать гдѣ надлежитъ о разсчетѣ сего долга сколько мнѣ и наследникамъ моимъ и сколько обществу моихъ крестьянъ будетъ слѣдовать ежегодно тому опекуному совѣту платить и въ какіе сроки.

Статскій совѣтникъ Александръ Никифоровъ сынъ
Заварицкій.

г. Петровскъ, 29 Мая 1858.

САВИЧЪ И СУМСКОЙ УѢЗДЪ.

ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ 1858 ГОДА.

Дворянство сумскаго уѣзда въ собраніи своемъ сего числа открытомъ съ разрѣшенія начальства подл предсѣдательствомъ г. уѣзднаго предводителя дворянства Веніамина Андреевича Савича выслушавъ: 1) Копію съ высочайшего рескрипта, даннаго въ 5й день Декабря 1857 года на имя С. Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, 2) Копію съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ С. Петербургскому генералъ-губернатору отъ 5 Декабря 1857 г., за N 41. 3) Копію съ циркуляра мин. вн. дѣлъ къ г. Харьковскому губернскому предводителю дворянства, отъ 8 Декабря 1857 г. и постановило: просить чрезъ г. губернскаго предводителя дворянства г. министра внутреннихъ дѣлъ повергнуть къ стопамъ его величества изъявленіе вѣрноподадническихъ чувствъ признательности за довѣріе, оказываемое дворянству призваніемъ его къ участию въ этомъ важномъ дѣлѣ, изъявить безграничную готовность содѣйствовать во всемъ видамъ правительства въ дѣлѣ упроченія быта помѣщичьихъ крестьянъ, и тѣмъ по мѣрѣ силъ своихъ оправдать увѣренность великодушнаго монарха, а какъ его в. прв. г. министръ внутреннихъ дѣлъ въ изложеніи соображеній своихъ не лишаетъ дворянъ права, при разсмотрѣніи мѣстныхъ подробностей, объяснять если какія либо изъ его соображеній окажутся неудобными, и какъ столь важные вопросы не могутъ быть рѣшены наскоро, то дворянство Сумскаго уѣзда почитаетъ необходимымъ просить чрезъ г. губернскаго предводителя дворянства г. министра внутреннихъ дѣлъ ходатайствовать у государя императора о позволеніи до открытія губернскаго комитета, открытвъ уѣздѣ комитетъ съ цѣлью: 1) Собрать по возможности точныя свѣденія о матеріальныхъ средствахъ края. Для этого комитету должно испросить право требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ уѣзда необходимыя для него свѣденія. 2) Такъ какъ въ Сумскомъ уѣздѣ значительное количество заводовъ и фабрикъ требующихъ въ большомъ количествѣ рукъ, а по предполагаемому положенію урочно отбытіе повинности крестьянъ, можетъ только удовлетворять земледѣльческимъ потребностямъ, то найти способы вознаграждать помѣщиковъ за отъсуждаемое право на трудъ крестьянъ и 3) Определить и оцѣнить приблизительно возможное по мѣстности количество земли, необходимое для обезпеченія нуждъ крестьянина и его обязанностей предъ правительствомъ и тогда разрѣшить вопросъ несообразно ли съ характеромъ духа нашего народа и не выгоды ли для обѣихъ сторонъ, безъ переходнаго состоянія разомъ освободить крестьянъ, вмѣстѣ съ необходимою землею, которую они выкупаютъ сами ежегоднымъ взносомъ

капитальной и процентной суммы. Но какъ выкупъ этотъ остается для помѣщика единственнымъ средствомъ обрабатывать свои поля и поддерживать заводы и фабрики, и вообще имѣть средства для улучшенія хозяйства наемными трудами и для многихъ единственными средствами существованія, то вѣрный взносъ его долженъ быть обезпеченъ участіемъ самаго правительства, каковой протоколъ по подписаніи нами, предоставляемъ г. предводителю нашему, Веніамину Андреевичу Савичу представить г. Харьковскому губернскому предводителю на дальнѣйшее его распоряженіе. Подлинный подписали: Предвод. дворян: и 50 дворянъ.

КОПИЯ СЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯ СУМСКАГО ДВОРЯНСТВА ГГ. ДЕПУТАТАМЪ ВЫБРАННЫМЪ ВЪ ЧЛЕНЫ ХАРЬКОВСКАГО КОМИТЕТА.

Сумское дворянство при избраніи депутатовъ, въ губернской комитетъ, находитъ необходимымъ изложить главныя начала тѣхъ положеній, на которыхъ, оно желаетъ, чтобъ гг. депутаты Сумскаго уѣзда, какъ представители его имѣнія и защитники правъ его собственности, соображали его дѣйствія въ засѣданіи харьковскаго губернскаго комитета. Сумское дворянство предлагаетъ гг. депутатамъ: 1) Изложить подробнѣе въ формѣ проекта мнѣніе сумскаго дворянства, объясненное въ запискѣ, присланное господиномъ министромъ въ губернской комитетъ и защищать этотъ проектъ какъ положеніе болѣе обезпечивающее благосостояніе крестьянъ, собственность помѣщиковъ, и уничтожающее вредное отношеніе между двумя сословіями. 2) Показать всѣ невыгоды и вредныя послѣдствія, какія неизбежны при урочно обязательной работѣ крестьянъ, предлагаемой въ вознагражденіе за отчуждаемую собственность помѣщика, усадьбы и землю. Ни въ какомъ случаѣ не изъявлять ни принятіе урочно-обязательныхъ работъ, если въ комитетѣ не будутъ показаны вѣрныя средства, обезпечивающія убытки, какія могутъ имѣть владѣльцы въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне отъ ихъ лѣности, отъ ихъ недоброжелательства, или отъ ихъ дурнаго рабочаго скота и плохихъ земледѣльческихъ орудій, не будутъ исполнять работъ опредѣленныхъ урочнымъ положеніемъ. Круговая всего общества порука не можетъ быть принята въ этомъ случаѣ, какъ вѣрное средство обезпечивающее убытки помѣщика по слѣдующей причинѣ. Если крестьяне не будутъ исполнять своихъ обязательныхъ повинностей, то помѣщику предоставляется право просить удовлетворенія; помѣщикъ долженъ будетъ перейти всѣ инстанціи, начиная съ мірнаго судьи до губернской расправы, и если онъ достигнетъ того, что его жалоба будетъ признана справедливою, то міръ можетъ въ этомъ случаѣ не согласиться. Тогда помѣщику можно перенести свою просьбу въ уѣздный судъ, гдѣ одна уже форма производства протянетъ это дѣло на многіе годы; пока дѣло это рѣшится, крестьяне не будутъ исполнять своихъ повинностей. Какой же результатъ этому? Помѣщикъ увидитъ поля свои необработанными, хлѣбъ и сѣно не убраными и сгнившими. Такимъ образомъ помѣщикъ прежде чѣмъ получитъ вознагражденіе отъ міра, да и получить ли его еще когда нибудь! его состояніе будетъ доведено до окончательнаго раззоренія. Для отклоненія этихъ процессовъ неизбежныхъ и губительныхъ для крестьянъ и помѣщиковъ, сумское дворянство желаетъ, чтобы гг. депутаты обратили особенное вниманіе на этотъ предметъ и своимъ

миѣніемъ отклонили отъ насъ раззорительную необходимость имѣть процессы и вредныя столкновения съ крестьянами и ихъ начальствомъ—за наше пожертвованіе землею и усадьбами. 3) По закону (томъ IX Статьи) крестьянинъ составляетъ собственность помѣщика, все равно какъ и земля. Если мы въ правѣ требовать вознагражденія за землю, то такое же право имѣемъ требовать за отчужденіе крестьянина, составляющаго при продажѣ и залогѣ нашъ капиталъ. Это право подтверждается и самимъ министромъ внутр. дѣлъ, который въ отношеніи къ гг. губернаторамъ говорить: права состоянія крестьянъ приобрѣтаются не иначе какъ уплатою владѣльцу выкупа въ продолженіи опредѣленнаго срока. При уплатѣ выкупа земли, мы могли бы отказаться отъ уплаты за личный трудъ крестьянина, котораго мы лишаемся; но если нашъ проектъ не будетъ принятъ большинствомъ голосовъ въ комитетѣ, то сумское дворянство не желаетъ, чтобъ ихъ депутаты дали согласіе на уничтоженіе нашего права имѣть вознагражденіе за отчужденіе отъ насъ законнаго права на крестьянъ, а тѣмъ болѣе, что у насъ почти всѣ миѣнія наши находятся въ залогѣ опекунскаго совѣта, а это стѣснительное положеніе отнимаетъ у насъ возможность сдѣлать это пожертвованіе въ то время, когда безъ нашего согласія введутъ въ наше хозяйство урочно-обязательную работу, которая на дѣлѣ показала во всей Германіи, что обязательной трудъ лично свободнаго крестьянина меньше приноситъ пользы, чѣмъ обязательный трудъ негра, побуждаемый страхомъ наказанія. (См. сборникъ свѣденій о сельскомъ устройствѣ).(*)

..... По подписаніи въ уѣздѣ протокола и по врученіи его предводителю, сей послѣдній отправился въ Харьковъ на общее собраніе, гдѣ встрѣтилъ сильную оппозицію противъ протокола своего уѣзда въ лицѣ губернскаго предводителя Николая Николаевича Бахметева. Послѣ многихъ преній, въ которыхъ Савичъ протестовалъ противъ записки, приложенной къ губернскому протоколу, которая, какъ они называли, есть основаніе его, находя ее неумѣстной по сущности и формѣ изложенія, къ тому же совершенно противорѣчащею желанію, выраженному въ опредѣленіи сумскаго уѣзда, Савичъ наконецъ рѣшительно объявилъ, что подпишетъ записку не иначе, какъ съ оговоркой въ слѣдующихъ словахъ: “при особомъ миѣніи, изложенномъ въ протоколѣ сумскаго уѣзда 20 Февраля 1858 г.” Когда дошло дѣло до подписи губернской записки, то первый по старшинству уѣздовъ предводитель Харьковскій — Щербининъ не подписалъ ея потому (какъ выразился онъ еще до официальнаго Собранія) что составлена она недобросовѣстно. До очереди подписи Савича слѣдовало подписать еще тремъ предводителемъ. Въ промежутокъ этого времени Николай Николаевичъ обратился къ нему съ вопросомъ, говоря: “Вы также не подпишете?” На что получилъ въ отвѣтъ: “подпишу, но съ известной вамъ оговоркой.” Тогда Н. Николаевичъ глубокомысленно замѣтилъ что слѣдуетъ или не подписывать вовсе или подписать безъ всякихъ оговорокъ. Вслѣдствіе чего Савичъ отвѣчалъ, что находитъ подпись съ оговоркою

(*) Изъ этого предложенія сумскаго дворянства очевидно, что, по мимо всякой любви къ народу и его свободѣ, просто хорошо понятая выгода, должна бы подстрекнуть помѣщиковъ отпустить за выкупъ крестьянъ съ землею безъ всякаго срочнаго-обязаннаго положенія. Но и тутъ власть историческаго безумія сильнѣе разсудка и большинство помѣщиковъ, не видятъ истины, потому что они помѣщики и что привычка къ настоящему для всѣхъ безъ выгодному и унижительному положенію вещей въ нихъ сильнѣе здраваго смысла.

законнѣе, чѣмъ совершенное ея отсутствіе, а потому желаетъ подписать. Послѣ этого Н. Николаевичъ спросилъ, какаѣ цѣль этой оговорки. Та, чтобы протоколъ нашего уѣзда въ подлинникѣ былъ представленъ министру, отвѣтилъ Савичъ. — По ему рѣшительно отказали въ этомъ, не смотря на нѣсколько разъ повторенное желаніе — подписать на основаніи закона, существующаго при разногласіи миѣній. Послѣ многихъ подобныхъ споровъ, Савича насильно устранили отъ исполненія законнаго его требованія. Положеніе его было дѣйствительно безвыходное: употребить силу противъ насилія онъ не рѣшился, уважая свое назначеніе и дворянство, предводимаго имъ уѣзда. Онъ пахотилъ лишнимъ подавать что либо на бумагѣ такому предсѣдателю, который не уважаетъ ни законныхъ правъ лица, представляющаго цѣлое сословіе уѣзда, ни постановленій закона, видя изъ предъидущихъ дѣйствій, что всякое миѣніе, поданное имъ на бумагѣ было бы голосомъ вопіющаго въ пустынь; а потому Савичъ, возвратившись въ свой уѣздъ, съ первой же почтой при письмѣ послалъ копию съ протокола своего уѣзда м. в. д., желая объяснить причину отсутствія своей подписи и записки губерніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ему известнымъ протоколъ, на который такъ враждебно смотрѣли въ губернскомъ собраніи.

Но не смотря на то, что государь одобрилъ предложеніе сумскаго дворянства, изъ этого ничего не вышло и обыденное миѣніе законныхъ помѣщиковъ начинаетъ брать верхъ въ самомъ уѣздѣ.

Хотя записка, которая была предложена въ собраніи уѣздомъ въ видѣ руководства депутатамъ и была подписана большинствомъ дворянства; но нашлись такія люди, которые остались недовольны принятымъ миѣніемъ, чтобъ освободить тотъ же часъ крестьянъ, и желая воспользоваться предоставленнымъ правительствомъ правомъ тиранить крестьянъ своихъ еще 12 лѣтъ, собрались частнымъ образомъ въ домѣ у одного изъ главныхъ представителей этого миѣнія генерал-лейтенанта Купріянова, еще въ прошлое царствованіе отставленнаго отъ службы за лихоимство, безъ мундира и пансіона, и составили записку въ духѣ переходнаго состоянія въ продолженіи 12 лѣтъ; редакторомъ этой записки былъ пѣкото Лисевичъ, выгнанный изъ службы вице-губернаторъ. Такимъ образомъ, окончился подвигъ сумскаго дворянства. Sic transit gloria mundi!

— Пока мы печатали засѣданія московскаго комитета, Le Nord напечаталъ уже оконченныя положенія с. петербургскаго комитета. Съ глубокой горестью мы видимъ въ нихъ подтвержденіе нашего миѣнія, что Россіи нѣтъ спасенія отъ дворянства. Петербургскій комитетъ, начавшій свои положенія съ того, что личность свободна и что личный выкупъ не долженъ существовать, кончилъ тѣмъ, что наложилъ выкупъ на дворовыхъ людей, освобождаемыхъ безъ земли; да наложилъ еще этотъ выкупъ не просто, а съ кондачною, т. е. съ гнуснымъ лицемеріемъ, скрывая понятіе личнаго выкупа подъ личиною вознагражденія за лишеніе услуги. Мало и того: личный выкупъ наложенъ не только на мужчинъ, но даже и на женщинъ, даже не упомянуто (по крайней мѣрѣ въ Порядѣ ничего не сказано) о возрастѣ выкупаемыхъ, такъ что отецъ долженъ, если денегъ хватитъ, выкупить свою годовую дочь за 120 р. с. или можетъ выкупить одного себя, если не сколотитъ больше 300 р. с., а семью оставить у барина. Это на десять лѣтъ; какъ тяжело

русскому ворянину, этому члену самага благороднаго и образованнаго сословія въ государствѣ, разстаться съ рабомъ. “Сладостная привычка съчь, и съ тобой должень я разстаться!” восклицаютъ русскіе Эгмонты.

Кромѣ этого окончанія противурѣчащаго началу, петербургскій комитетъ положилъ, чтобъ мужикъ платилъ оброкъ за усадьбу, которой онъ до сихъ поръ пользовался даромъ, чтобы въ малоземельныхъ имѣньяхъ надѣлъ пахатной земли въ пользованіе былъ произведенъ по жеребью, а лишніе крестьяне могутъ идти куда имъ угодно (Гл. V, § 3), чтобы крестьяне покупали у помѣщика лѣсъ по заранѣе опредѣленной цѣнѣ (Гл. V, § 4), чтобы сохранилась 90 дневная барщина, которую помѣщикъ можетъ замѣнить оброкомъ, если захочетъ.

И это называется улучшеніемъ быта крестьянъ, которое по мнѣнію самага комитета есть освобожденіе отъ крѣпостнаго состоянія!

Изъ всѣхъ собранныхъ здѣсь свѣдѣній ясно куда гнетъ мнѣніе большинства дворянства. Выходъ одинъ: выкупъ крестьянъ со всею землею, которою они теперь пользуются, выкупъ по распоряженію правительства. Иначе Россіи угрожаетъ шляхетная олигархія; а необходимое послѣдствіе этой олигархіи—рѣзня. Пора правительству приняться за выкупъ! Время дорого, внутренніе элементы бродятъ и пойдутъ къ развязкѣ, какъ бы она ни была трагична,—быстрѣ чѣмъ кажется сильнымъ міра сего. Не надо также забывать, что теперь минута для выкупа удобна, и если, напротивъ того, крестьянскій вопросъ дойдетъ до трагической развязки—въ этомъ впововато будетъ правительство.

С М Ъ С Ъ .

ГЕНЕРАЛЫ ОТЪ ЦЕНСУРЫ И ВИКТОРЪ ГЮГО НА БАТАРЕѢ САЛЬВАНДИ.

Генераль-адъютантъ, Ржевускій, (имя зловѣщее въ польской исторіи) и генераль-редакторъ “Сѣверной Пчелы” Н. Н. Гречъ, начинаютъ плачь двухъ Рогнѣдъ на гробѣ николаевской цензуры. Соотечественникъ Костюшки и вѣрный слуга Николая, не могъ удержать своего патриотическаго негодованія, видя, что страданія русскаго солдата, этого мученика, обкрадываемаго генералами, комиссариатами, полковниками, ротнымъ командиромъ, вахмистромъ, фельдфебелемъ, битаго всѣми штабъ и оберъ офицерами—выходятъ на бѣлый свѣтъ изъ за сѣнь казармы и возбуждаютъ участіе къ этимъ невиннымъ, осужденнымъ почти на пожизненную каторжную работу.

Ржевускій возсталъ противъ этой болтовни; онъ думаетъ, что это касается до гонора, разрушаетъ уваженіе къ священному сану генераловъ.... Такъ повѣствуетъ намъ “Аугсбургская газета.” Ужъ эти ренегаты—Муравьевы, которые вѣшаютъ; Ростовцевы, которые имѣютъ энтузіасмъ и вѣсъ; Ржевускіе, которые хотятъ заглушить усердіемъ къ царю крикъ голода пзуреннаго солдата и прикрыть винограднымъ листомъ вѣрноподданническаго гонора, избитую спину его! Въ самомъ дѣлѣ, Голицынъ въ “Печатной Правдѣ” дѣльно замѣтилъ, что въ этой звѣриной пещерѣ “не сдобровать бушкѣ барану.”

Отчего же всѣ военные, которыхъ мы видали, прекраснѣйшіе, исполненные силы и энергіи молодые люди, проросшіе на свѣтъ, не смотря на то, что они служили лѣстницей, по которой всходилъ Іаковъ, не смотря на кадетскую стрижку мыслей подъ гребенку,—всѣ они совсѣмъ не обижаются, что воровъ называютъ ворами, они сами говорятъ съ омерзѣніемъ объ этихъ злоупотребленіяхъ. Они даже не обидѣлись бы, еслибъ на пр. Лидерса отдали вмѣсто очищенія минеральной водой—очищенію судомъ и промыли бы ему не только желудокъ, но и совѣсть. Они не обидѣлись бы, еслибъ надъ пятымъ союзникомъ, ограбившимъ не только Керчь, а всю

армію въ Крыму—Затлеромъ, велѣли произвести въ самомъ дѣлѣ судъ, вмѣсто маневровъ, представляющихъ судъ.

Отчего же это нашъ ясновельможный Ржевускій такъ расходился за гоноръ.... и съ чего Гречъ, выросшій на голландской сажѣ, имѣетъ такую же ржевускую ненависть къ свободному слову? Мы думаемъ это врожденное отвращеніе. Намъ недавно попалась “Сѣверная Пчела” отъ 27 Октября прошлаго года, тамъ Гречъ помѣстилъ свою задушевную profession de foi, приправивши ее разными доносами, нашипговавши намеками. Въ статьѣ этой онъ рассказываетъ какъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ “на непріятельской батарее” защищалъ русскую цензуру и оплакивалъ вредъ свободной рѣчи. Причемъ Гречъ сказалъ “напрямки”, что “только тотъ литераторъ достоинъ уваженія, который возвышаетъ достоинство человѣка.” Вы видите, что если Гречъ пойдетъ рѣзать правду, его не остановишь и онъ напрямки, стоя на батарее, скажетъ что дважды два четыре.

Опасности большой не было; эта легкая батарея, на которой нашъ артиллеристъ защищалъ николаевскую цензуру, была просто batterie de cuisine Сальванди.

Одинъ изъ присутствовавшихъ, прислушивавшійся къ разговору, сказалъ Гречу: “Я совершенно съ вами согласенъ.” Этотъ неизвѣстный господинъ оказался ужасно извѣстнымъ поэтомъ и ратоборцемъ свободы книгопечатанія—В. Гюго, ni plus, ni moins; вслѣдствіе такого согласія, “мы съ нимъ познакомились и могу сказать подружились.”

Съ чѣмъ же былъ согласенъ Гюго?—вѣдь не съ пошлой же мыслию, что правдивность лучше безправивности; онъ былъ согласенъ стало съ пользой цензуры à la russe, и на этомъ подружился съ Н. И. Гречемъ.

Каковъ у насъ Николай Ивановичъ! Уѣздныя барышни, проливавшія столько слезъ надъ его грамматикой, которую онѣ принимали за черную женщину, помирились съ Гречемъ. Ah que c'est interessant, ma Nastinka, M'sieur Gretch c'est un ami de V. Hugo... Mais c'est charmant! Ахъ какъ бы я хотѣла видѣть В. Гюго—у него такой большой лобъ!—Maman, il faut nécessairement podpisatza à la Pchela.

Не торопитесь, барышня! Если Николай Ивановичъ имѣетъ летучія воспоминанія о словахъ В. Гюго, то мы имѣемъ остающіяся письма того же В. Гюго, который обѣдалъ на батарее у Сальванди и подружился съ Гречемъ, сойдясь въ сочувствіи къ русской ценсурѣ. Лучше ужъ подпишитесь на “Колоколъ”.

Прикажете образчикъ? Вотъ вамъ и образчикъ:

“Говиль-гоуъ, Островъ Герсей, 17 Января 1859.”

... “Кто прочелъ хоть одну страницу моихъ сочиненій, тотъ не осмѣлится сказать, чтобъ я когда нибудъ становился за цензуру. Всегда, даже во время моей роулистской юности я былъ безграничнымъ противникомъ цензуры, въ какой бы формѣ она ни являлась. А потому нашъ другъ Герценъ имѣетъ полное право сказать, что все это неправда. Помнится я этого Греча раза два видѣлъ у себя, и если не ошибаюсь, его привозилъ маркизъ де Кюстинъ.”*

“в. гюго.”

Н. Полевой (и да не возмутитъ это воспоминаніе греческой дружбы Ксенофонта съ Булгаринимъ) давно замѣтилъ, что Гадей Венедиктовичъ, рассказывая геройскія событія своей юности, очень ловко подбираетъ понятыхъ и свидѣтелей. “Покойный императоръ Наполеонъ на пр., подѣзжая ко мнѣ съ покойными маршалами—Неемъ и Даву, остановилъ свою бѣлую лошадь (которая вѣроятно тоже почилла отъ земнаго галоппа)”... Ну чтобъ Гречу сослаться на покойнаго Казимира Перье или Людвигъ Филиппа и концы бы въ воду.

И—рѣ.

* Хорошо что Николай-то Богу душу отдалъ, а то въ самомъ дѣлѣ “прѣвѣтъ бы Гречъ.”

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 36.

15. ФЕВРАЛЯ 1859.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard street,) London. Price six-pence.Выходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ,
цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 2, Judd Street,
Brunswick Square, W. C.

ОТВѢТЪ РУССКОЙ ДАМѢ.

Милостивая Государыня,

Вы мнѣ писали съ доброй цѣлью, я этому вѣрю, я это вижу изъ нѣкоторыхъ мѣстъ вашего письма. Напрасно вы извиняетесь въ концѣ его и избавляете меня отъ отвѣта, думая что я не буду и не могу отвѣчать искренно. Совсѣмъ напротивъ, я самъ хочу вамъ отвѣчать и притомъ очень откровенно. Я вообще не скрытенъ, а тутъ и нѣтъ причины.

Въ вашемъ письмѣ, признаюсь вамъ, въ самомъ началѣ, два замѣчанія странно подѣйствовали на меня, потому-ли что оба нисколько не заслужены мною, или потому что оба касаются до предметовъ очень дорогихъ мнѣ.

Вы говорите, что я *все* браню въ Россіи, — полно, все ли? Вы мнѣ кажется думаете, что я имѣю какой-то зубъ на Россію, что я полонъ нелюбви ко всему русскому. Увѣрять въ противномъ я не стану, а скажу только, что вся моя жизнь, всѣ мои слова, все что я дѣлалъ и дѣлаю, лучшее возраженіе на ваше замѣчаніе. Вы были предупреждены, читая “Полярную Звѣзду.”

А потому, что вы были предупреждены, вы увидали какой то холодной, чуть не саркастическій смыслъ, въ строкахъ, писанныхъ трепетной рукой, въ строкахъ, писанныхъ съ бьющимся сердцемъ, гдѣ я говорилъ: “о тяжелыхъ вѣнцахъ, которыми вѣнчали ямщиковъ и о дьячкѣ, подававшемъ дрожащей рукой ковшъ единенія.” Я васъ не понимаю; сдѣлайте одолженіе перечитайте это мѣсто. (*)

Мнѣ хотѣлось въ самомъ началѣ покончить эти личныя вопросы. Теперь позвольте мнѣ обратиться къ главному предмету вашего письма.

Цѣль его обращеніе меня въ христіанскую религію.

Вы видите во мнѣ что-то “неспокойное”, какую-то разорванность, подозреваете какую-то тайну, чуть-ли не угрызненіе совѣсти, и хотите меня спасти, или лучше не самого меня, а мою душу. Вы предполагаете, что я хочу успокоиться во чтобы ни стало, и, жалѣя меня, вы подаете мнѣ потиръ съ опіумомъ.

Но вы ошибаетесь въ моемъ духовномъ настроеніи. Тайнъ у меня нѣтъ. Въ прошедшемъ меня постигли страшныя несчастія, но угрызений совѣсти они не оставили. Отъ этого

не легче; есть случаи, въ которыхъ угрызения совѣсти примиряютъ съ несчастіями, вводя какой-то мстительный разумъ въ противное безсмысліе, въ хаотическую нелѣпость случайностей.

Но при всемъ этомъ гдѣ-же вы видѣли во всемъ писанномъ мною эту усталую потребность *одного* покоя, въ которомъ терзающія меня диссонансы разрѣшились бы не *въ самомъ дѣлѣ*, а въ моемъ слухѣ...

Я не ищу страданій и не бѣгу отъ нихъ.

Но представте, что вы были бы правы, что измученный, обезсиленный, усталый, я жаждалъ бы успокоенія и вѣры... Неужели вы думаете, что стоитъ захотѣть и повѣришь?

Я уже не разъ повторялъ отвѣтъ Байрона дамѣ, которая ему писала въ Грецію письмо, въ томъ же родѣ, какъ вы написали ко мнѣ въ Лондонѣ. Байронъ оцѣнилъ ея участіе, и отвѣчая ей съ грустной кротостью, спросилъ ее: “Съ чего же начать, чтобъ *повѣрить*, когда не вѣришь — какъ это сдѣлать?” Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ задача невозможная!

Вѣра — страсть; но и любовь къ истинѣ — страсть; вѣра требуетъ жертвъ, и любовь къ истинѣ требуетъ жертвъ, и притомъ вѣра беретъ займы съ лихвою, а любовь къ истинѣ безъ всякаго вознагражденія, такъ она самодѣянна и сильна. На которую изъ двухъ дорогъ попадетъ человѣкъ, выборъ почти не зависитъ отъ него.

Вы знаете, что внутренняя жизнь наша опредѣляется вовсе не по обдуманной программѣ; въ раннемъ отрочествѣ, иногда въ ребячествѣ — инстинктъ, окружающая среда безъ преднамѣренія, безъ полного сознанія, безъ участія воли съ той и другой стороны даютъ направленіе. Когда молодой человѣкъ впервые приостанавливается въ раздумьи и начинаетъ разборъ себя — его мысли уже подтасованы, движеніе по извѣстному направленію уже дано. Остальное зависитъ отъ силы логики, отъ силы характера, отъ послѣдовательности. Большею частію умственная жизнь у людей такъ поверхностна, и ихъ интересы въ ней такъ не серьезны, что пзъ нихъ можно равно сдѣлать мистиковъ и материалистовъ, и даже то и другое вмѣстѣ; у однихъ будетъ немного мистицизма въ ихъ материализмѣ, а у другихъ небольшая толика материализма въ ихъ мистицизмѣ. Но если для человѣка мысль и сознаніе не шутка, если истина въ самомъ дѣлѣ составляетъ для него существенную

(*) Полярная Звѣзда, III книжка стр. 134—135.

потребность, если онъ далъ въ своей груди мѣсто ея труду, если онъ развилъ въ себѣ тоску, боль по ней — тогда ему будетъ трудно отказаться отъ самобытнаго разума, отъ независимаго анализа въ пользу какого бы то ни было авторитета, мысль его будетъ въ тиши подтачивать на вѣру взятое, взвѣшивать слова и класть пальцы во всѣ раны, хотя отъ этого и сдѣлается въ сто разъ больнѣе.

Многіе (и вы въ томъ числѣ) думаютъ, что это гордость мѣшаетъ вѣрнѣе. Но отчего гордость не мѣшаетъ учиться? Что можетъ быть смиреннѣе работы мыслителя, наблюдающаго природу? Онъ исчезаетъ какъ личность и дѣлается однимъ страдательнымъ сосудомъ для обличенія, для приведенія къ сознанію какого-нибудь закона. Онъ знаетъ какъ онъ далекъ отъ полнаго вѣдѣнія, и говоритъ это. Сознаніе о томъ, чего мы не знаемъ, своего рода начало премудрости.

До сихъ поръ религіозное воззрѣніе безнаказанно злоупотребляло словами, не отдавая себѣ отчета, — по привычкѣ, традиціи и монополіи, которой религія пользуется.

Передъ высокоумнымъ уничиженіемъ вѣрующаго, не только гордость труженика науки ничего не значить, но гордость царей и полководцевъ теряется и исчезаетъ. Да и какъ же ему не гордиться, — онъ знаетъ безусловную, несомнѣнную истину о Богѣ и о мірѣ; онъ знаетъ не только этотъ, но и *тотъ свѣтъ* . . . онъ смирененъ, даже застѣнчивъ, отъ избытка богатства, отъ увѣренности.

Посмотрите какъ безпощадно, строго вы у меня отнимаете право рѣчи, которое мнѣ дала природа, какъ гордо и рѣзко вы меня спрашиваете — кто мнѣ поручилъ проповѣдывать? гдѣ мое помазаніе? То, что я самъ себѣ это поручилъ, въ вашихъ глазахъ ничего не значить — что такое я? Помазаніе любви, помазаніе труда, все это не спасаетъ меня, я самозванецъ и долженъ замолчать. Съ другой стороны какое спокойствіе, какая увѣренность въ васъ самихъ! Въ вашемъ помазаніи *вы не сомнѣваетесь*, вы увѣрены, что Богъ вамъ поручилъ меня спасти; вамъ легко, потому что вы дѣйствуете съ нимъ заодно. Не думайте, что я хочу этими строками сдѣлать вамъ личный упрекъ, — нисколько. Это странное сочетаніе неестественной гордости съ неестественнымъ смиреніемъ принадлежитъ вообще христіанскому воззрѣнію. Оттого-то и папа римскій “царь царей” всегда называетъ себя *рабомъ рабовъ*.

Вы говорите, что “я могъ бы многое сдѣлать для Россіи, еслибъ любилъ ее *безкорыстно*.” Какая же корысть у меня? Видѣть развитіе Россіи, участвовать въ немъ какъ одинъ изъ сотенъ тысячъ, видѣть ея освобожденіе, освобожденіе крестьянъ — неужели это корысть? Неужели вы не шутя, говорите что я “живу для одной славы.” Помилуйте, вѣдь я не шестнадцатилѣтній студентъ, не Карлъ Моръ, не маркизъ Поза. Въ нашъ вѣкъ волокитство за славою вообще миновало и милый Камель Демуленъ съ милыми жирондистами и грознымъ Дантономъ, говорившими о славѣ на ступеняхъ эшафота — были послѣдніе люди, которые не смѣшно о ней говорили.

Въ нашъ вѣкъ люди скорѣе живутъ для власти, для денегъ, чѣмъ для славы.

Еслибъ я только хотѣлъ шуму, неужели вы думаете, что я бы не нашелъ дѣла въ Англии, во Франціи, въ Америкѣ, наконецъ въ Швейцаріи, которая такъ дружески усыновила меня? Или можетъ я ишу власти въ Россіи? Нечего сказать

хорошъ путь выбралъ я въ первыя страницы адресъ календаря? Не денегъ-ли?.... Этого ужъ никто не думаетъ.

Такъ *изъ чего же* я хлопочу?

Религіозному воззрѣнію любовь къ истинѣ, къ дѣлу, потребность обнаруживанія себя, потребность борьбы съ ложью и неправдой, словомъ дѣятельность *безкорыстная*, непонятна. Религіозный человѣкъ свѣчки грошевой даромъ Богу не поставитъ, это ему все векселя на будущую болѣзнь, на будущій урожай, наконецъ на будущую жизнь. Я не смѣю находить *безкорыстной* молитву, потому что мнѣ придется, чтобъ спасти ее отъ своекорыстія, признаться, что то, чего она проситъ, не-въ-самомъ дѣлѣ, или невозможно — а вы за это разсердитесь на меня.

Вы говорите мнѣ: “Напрасно вы заботитесь о Россіи, она могучая, здоровая, *сама справится*.” Что такое *сама*? Да развѣ вы, я, всѣ проснувшіеся, всѣ говорящіе, всѣ недовольные, Западники, Славянофилы . . . не принадлежатъ къ этой самости, не составляютъ ея сводной личности? Развѣ она не нами развивается, развѣ мы не ею развиты? Не съ неба же свалились мои мысли, мое направленіе. Я “забочусь о Россіи” потому, что *не могу* не заботиться объ ней, потому что утромъ просыпаясь и ночью засыпая, невольно думается о Россіи, потому что каждая вѣсть оттуда заставляетъ биться сердце — двойнымъ негодованіемъ, или двойной радостью. Что же удивительнаго, что я “забочусь объ Россіи”. Вѣдь можетъ и я, какъ Россія, “самъ справлюсь”, а вы заботитесь однако о спасеніи моей души, и я въ этомъ нахожу очень человѣческое чувство и душевно васъ благодарю.

Перехожу къ послѣднему. Вы говорите, что я браню все на Западѣ, царей и народы, браню все въ Россіи — безъ различія *сана и лѣтъ*, и спрашиваете, да гдѣ же мой рецептъ на спасеніе людское... вы говорите, что я только сѣю раздражительное неудовольствіе и сомнѣніе, что я только развиваю жажду не поднося питья.

Что касается до “сана и лѣтъ” — это мы отложимъ въ сторону; лѣта только тогда достойны уваженія, когда онѣ служатъ доказательствомъ не только крѣпости мышцъ и пищеваренія, но и человѣчески прожитой жизни; и кто же не склоняется передъ старцемъ Гумбольдтомъ, кто не склонялся передъ старцемъ Оуеномъ, — бывали и на Руси старцы, которыхъ всѣ уважали, какъ Н. С. Мордвиновъ; у насъ и теперь есть наши *старцы*-Сибири, наши *старцы*-каторжной работы, и мы передъ ними стоимъ съ непокрытой головой. Но уважать эти сѣдые пивки, сосущія русскую кровь, элихъ пиколаевскихъ писцевъ, ординарцевъ, оттого что они живутъ до ардовыхъ лѣтъ, оттого что ихъ и смерть не беретъ, и они, пользуясь этимъ, сдѣлались какимъ-то мозолями, мѣшающими ступить Россіи шагъ впередъ? Иѣтъ, они не заслуживаютъ даже снисхожденія.

Если взять табель о рангахъ и прочность желудка за мѣру уваженія, гдѣ же мы поставимъ границы ему? Эдакъ мы дойдемъ черезъ пять лѣтъ до уваженія Дуббельта, а черезъ пятнадцать до Іакова Энтузіаста. Тутъ вы меня извините, я не только не могу вамъ уступить главныхъ въ родѣ Панина, но даже ихъ подмастерій въ родѣ Закревскаго. Да вотъ скажите кстати сами, что же вы уважаете его за его санъ и за его безъ малаго сто лѣтъ?....

И такъ вы говорите, что я *только* вношу сомнѣніе въ сердца молодого поколѣнія и пробуждаю въ немъ жажду. Это

только само по себѣ кое-что. Человѣкъ сомнѣвающейся будетъ беспокоенъ, станетъ искать выхода изъ сомнѣнія; человѣкъ у котораго жажда возбуждена, пойдетъ отыскивать утѣшеніе ея. Послѣ нравственной косности прошлаго тридцатилѣтія, послѣ старческаго маразма, внесеннаго въ самую юность искаженнымъ воспитаніемъ, всякое возбужденіе къ жизни, всякій голосъ бросающій вопросъ, разрушающій разсѣянное равнодушіе, останавливающій молодаго человѣка между университетскимъ дипломомъ и дипломомъ на чинъ титулярнаго совѣтника, между кадетскимъ корпусомъ и полкомъ, и зовущій на раздумье—спасительный голосъ.

Тѣхъ рѣшеній, о которыхъ вы говорите, я не могу дать, я ихъ не имѣю, я самъ ихъ ищу, я не учитель, я попутчикъ. Мы вмѣстѣ доискиваемся, оттого можетъ быть у насъ есть сочувствіе. Я не берусь имъ говорить *что надобно*, но кажется довольно вѣрно указываю *чего не надобно*.

Вы хотите отъ меня доктрины. Вы правы. Доктрина дѣйствительно стоитъ между церковью и свободнымъ мышленіемъ, въ родѣ разстриженнаго монаха, не привыкнутаго еще къ свѣтскому платью. Того разлада, той неудовлетворительности, которую вы находите во мнѣ, конечно нѣтъ у доктринеровъ, какъ вообще нѣтъ у религіозныхъ людей. Доктрина—религія, изъ которой Богъ выѣхалъ, а церковная утварь осталась; отъ этого она вамъ знакома, въ ней еще ладономъ пахнетъ. Церковь замѣняется государствомъ, монастырь—присутственнымъ мѣстомъ, чины небесныя—служебными чинами, поглощеніе лица въ Богъ—поглощеніемъ его въ государствѣ; священники стали квартальными и централизацией исправляется должность Иеговы. Народъ по прежнему остается паствой, пастухи-бюрократы знаютъ куда пасутъ его, псы вѣрные отъ кавалеріи и инфантеріи имъ помогаютъ, чтобы глупое стадо не заразилось,—такой доктрины, опредѣленной, ограниченной, умѣренной и воздержной, у меня также нѣтъ какъ вѣры.

Но если я не имѣю доктрины, не пишу заповѣдей гдѣ нибудь на горѣ, ни приказовъ гдѣ нибудь въ канцеляріи,—неужели же я не могу кричать о рабствѣ и передней всякій разъ какъ увижу галуны, на какой бы ливренъ онъ ни былъ, съ пчелами или орлами, на академической мантии или на генераль-адъютантскомъ мундирѣ. . . . Неужели я не могу проповѣдовать освобожденіе мысли и совѣсти отъ всегохлама, не проведеннаго сквозь очистительный огонь сознанія; звать на борьбу со всѣми остающимися узами на независимости мышленія, со всѣмъ ограничивающимъ самозаконность личности, этой высшей, дѣйствительной цѣли церкви и государства. Неужели я не имѣю права покачать діалектическими мышцами всѣ эти почтенныя идола, пугающіе слабыхъ—во имя логической свободы, во имя безпрепятственнаго мышленія, разбирающаго все, посягающаго на все. . . . Или неужели вы не дадите права Русскому сдѣлать гласнымъ біеніе сердца, слезы, надежды и сомнѣнія. . . во всемъ касающемся до русскаго народа въ современныхъ вопросахъ нашихъ, который можетъ меня упрекнуть во всемъ, кромѣ недостатка сочувствія и любви.

И къ тому же зачѣмъ меня лишать права рѣчи? Если мои слова безъ мистическаго вѣрованія, безъ школьной доктрины будутъ пусты, будутъ пелѣны, ихъ прочтутъ, забудутъ и накопецъ совсѣмъ не будутъ читать. За чѣмъ же отнимать

у человѣка такое естественное право, какъ участіе рѣчью въ современомъ дѣлѣ своей родины? Довольно въ Россіи всякихъ ценсуръ, всякихъ стѣсненій, всякихъ монополій, научимтесь выносить свободу!

Въ заключеніе моего письма, я попрошу васъ не сомнѣваться ни на одну минуту, что не смотря на различіе нашихъ воззрѣній, я вполне цѣню и теплоту душевную, съ которой вы писали, и ваше доброе, человѣческое желаніе свести миръ въ мою душу, и потому искренно и откровенно благодарю васъ.

ИСКАНДЕРЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЛУНИНѢ. (*)

Когда въ 1814 году Александръ I, дѣлалъ смотръ гвардіи въ присутствіи союзныхъ монарховъ, в. к. Константинъ Павловичъ; шефъ конно-гвардейскаго полка, разругалъ самымъ грубымъ образомъ офицеровъ, какъ это съ нимъ случалось. Всѣ офицеры подали въ отставку. Императоръ, боясь огласки, велѣлъ ему уладить дѣло и уговорить офицеровъ остаться. Великій князь извинялся передъ собранными офицерами, и послѣ разныхъ любезностей прибавилъ, что если всего этого имъ мало, то онъ готовъ каждому изъ нихъ дать личное удовлетвореніе. Всѣ почтительно поклонились, но изъ рядовъ выступилъ одинъ молодой офицеръ и сказалъ: “в. в., честь слишкомъ велика, чтобы отказаться отъ нея, я *принимаю*.” Цесаревичъ, по странному противурѣчію въ его характерѣ, пришелъ въ восхищеніе отъ Лунина, осыпалъ его учтивостями и дѣло тѣмъ покончилось. Но Александръ не забылъ этой проделки и по возвращеніи въ Петербургъ, за какой-то бездѣльный проступокъ, перевелъ его тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи въ армейскіе уланы. Встрѣтивъ его передъ отъѣздомъ на улийѣ, въ новомъ мундирѣ, государь спросилъ его: “Что-же ты доволенъ?”—“Еще в. в., отвѣчалъ Луинъ, двѣ такія милости, и я буду будочникомъ.”

Мучимый своимъ полковникомъ, имѣвшимъ на то особыя инструкціи, онъ вышелъ въ отставку; но тѣснимый полицейскимъ надзоромъ снова поступилъ на службу у цесаревича. Великій князь вскорѣ его сдѣлалъ подполковникомъ въ вновь сформированнаго гвардейскаго гусарскаго полку. (†)

Цесаревичъ долго не хотѣлъ его арестовать послѣ 14 Декабря, дѣлалъ видъ будто не вѣритъ извѣстамъ на него, и подѣ

(*) Безконечно благодаримъ мы приславшаго намъ эту статью. На его вопросъ не знаемъ ли мы брошюры, напечатанной въ Англии или въ Америкѣ, о которой онъ говоритъ, мы должны отвѣчать отрицательно. У насъ есть письма Лунина къ сестрѣ на французскомъ языкѣ и статьи: “*Coup d'oeil sur les affaires de Pologne, 1840.*” и “*Aperçu sur la société occulte en Russie, 1816—1821.*”

(†) Эскадронъ Лунина стоялъ возлѣ Варшавы, Луинъ жилъ въ замкѣ, принадлежавшемъ къ очень богатой семьѣ. У него были два ручныя медвѣженка, которые всюду ходили за нимъ. Хозяйкѣ дома это не нравилось и она написала ему письмо, въ которомъ жаловалась на его эксцентрическія привычки. По несчастію фамилія хозяина была извѣстна въ Польшѣ по предательству одного изъ нихъ. Луинъ, не зная, что его хозяйка не имѣла ничего общаго съ нимъ, написалъ ей: “Что еслибъ NN. не ввелъ Русскихъ въ Польшу, она не имѣла бы неудовольствія видѣть въ своемъ дворцѣ ни двуногихъ, ни четвероногихъ медвѣдей.”

Прибавимъ еще анекдотъ того же времени. У Лунина были черныя усы; въ одно время было запрещено офицерамъ фабрится. Цесаревичъ замѣтивъ черныя усы Лунина, заподозрилъ ихъ и послалъ адъютанта съ замѣчаніемъ. Адъютантъ наивно спросилъ его: “великій князь желаетъ знать, читали ли вы приказъ и отъ чего у васъ черныя усы?”—“Приказъ я читалъ, отвѣчалъ Луинъ, а отъ чего у меня усы черныя, я могу только тогда объяснить, когда е. в. объяснитъ отъ чего у него носъ нѣтъ.”

рукою предупреждалъ его. По показанія были такъ ясны, что наконецъ великій князь велѣлъ его арестовать и послалъ въ Петербургъ. Тамъ на очной ставкѣ съ товарищами, показавшими, что онъ былъ членомъ общества и другія очень важныя обстоятельства, Лунинъ увидѣлъ, что всякое заперательство невозможно, и потому сказалъ: “Я слишкомъ уважаю честь этихъ господъ, чтобъ дать имъ démenti; что же касается до подробностей, которыя они сочли нужными вамъ передать, я ихъ не помню, можетъ онѣ и въ самомъ дѣлѣ были.”

На мѣстѣ казни, одѣтый въ кафтанъ каторжнаго и притомъ въ красныхъ гусарскихъ рейтузахъ, Лунинъ замѣтивъ графа А. И. Чернышева, закричалъ ему: “Да вы подойдите поближе порадоваться зрѣлищу.”

Когда всѣхъ осужденныхъ отправили въ Чету, Лунина заперли въ Шлюсельбургъ въ казематѣ, гдѣ онъ оставался до конца 1829. Комендантъ взойдя разъ въ его казематъ, который былъ такъ сыръ, что вода капала со свода, изъявилъ Лунину свое сожалѣніе и сказалъ, что онъ готовъ сдѣлать все, что не противно его обязанности, для облегченія его судьбы. Послѣ чего онъ его спросилъ чего бы ему хотѣлось. Лунинъ отвѣчалъ ему: “Я ничего не желаю, генераль, кромѣ зонтика.”

Когда онъ прибылъ въ Чету (въ 1830), онъ былъ болѣнъ отъ шлюсельбургской жизни и растерялъ почти всѣ зубы отъ скорбута. Встрѣтясь съ своими товарищами въ Чечнѣ, онъ имъ говорилъ: “Вотъ, дѣти мои, у меня остался только *одна зубъ* противъ правительства.”

Одаренный этой необычайной твердостью характера, онъ сдѣлался на работѣ утѣшителемъ и опорой слабѣвшихъ подъ гнетомъ несчастія товарищей, никогда не негодуя на кого либо изъ нихъ за слабость.

По окончаніи каторжной работы, онъ былъ поселенъ въ Урикѣ (иркутской губерніи); тамъ онъ завелъ себѣ небольшую бібліотеку, занимался, и не смотря на то, что денегъ было у него не много, помогалъ товарищамъ и новымъ пріѣзжимъ, которыми прошлое царствованіе населяло Сибирь. Иркутскій губернаторъ, объѣзжавшій губернію, навѣстилъ Лунина. Лунинъ показывая ему у себя 15 томовъ свода Законовъ, да томовъ 25 Полнаго Собранія, и потомъ французскій уютный Кодексъ, прибавилъ: “Вотъ, ваше прво., посмотрите какіе смѣшные эти Французы. Представьте это у нихъ только то и есть законовъ. Толи дѣло у васъ, какъ взглянуть человѣкъ на эти сорокъ томовъ, какъ тутъ не уважать наше законодательство!”

Въ 1840—1842 возмущенный преслѣдованіями религіозными и политическими, которыя шли быстро возрастая при Николаѣ, онъ написалъ записку о его царствованіи съ разными документами. Цѣль его была обличить дѣйствія николаевского управленія въ Европѣ; записка его была напечатана въ Англіи или въ Нью-Йоркѣ.

Говорятъ, что сличая его письма къ его сестрѣ Уваровой, которой онъ писалъ, зная, что онѣ проходятъ черезъ III отдѣленіе, о политическихъ предметахъ—узнали слогъ и наконецъ добрались, что брошюра писана Лунинымъ. Сначала Николай хотѣлъ его разстрѣлять, но одумался и сыскалъ ему другой родъ смерти. Его схватили въ 1841 и отправили, его велѣно было свести въ Акатуевъ (Akaturj) рудникъ и тамъ заточить въ совершенномъ одиночествѣ. Сенаторъ, объѣзжавшій восточную Сибирь, былъ послѣдній

человѣкъ видѣвшій Лунина въ живыхъ. Онъ и тутъ остался вѣренъ своему характеру, и когда тотъ входилъ къ нему, онъ съ видомъ свѣтскаго человѣка сказалъ ему: “Permettez moi de vous faire les honneurs de mon tombeau.” (Позвольте мнѣ васъ принять въ моемъ гробу).

Да, славенъ и великъ былъ нашъ авангардъ! Такія личности не вырабатываются у народовъ даромъ.....

МУХАНОВСКІЯ МЪРЫ ПРОТИВЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ.

(переводъ съ польскаго).

Мухановъ пріѣхалъ въ Царство Польское въ 1831 году полковникомъ гвардіи и былъ нѣкоторое время предсѣдателемъ квартирной комиссіи, потомъ жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ и наконецъ, когда образовался варшавскій учебный округъ, назначенъ былъ помощникомъ попечителя съ чиномъ дѣйств. статс. совѣтника — 1840 года. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ исполнялъ обязанность предсѣдателя ценсурнаго комитета, и два раза должность попечителя, которымъ тогда былъ генераль Окуневъ, часто отрываемый отъ своей должности для исправленія должности генераль-губернатора. Окуневъ Муханова ненавидѣлъ, какъ кваснаго патріота, ибо самъ Окуневъ былъ по рожденію, воспитанію и сердцу Нѣмцемъ и всему нѣмецкому покровительствовалъ въ королевствѣ польскомъ; Муханова же многіе считали славянофиломъ. При Окуневѣ онъ не имѣлъ никакого значенія и исключительно занимался ценсурой, а такъ какъ и Паскевичъ не любилъ Муханова, то казалось, что карьера его кончилась. Однакожь судьба была для него на столько благосклонна, что посредствомъ какихъ-то женскихъ ходатайствъ пріобрѣлъ онъ расположеніе одной Француженки, имѣвшей вліяніе на Паскевича. Когда Окуневъ больной уѣзжалъ въ 1850 году на островъ Мадеру, Паскевичъ хотя неохотно, назначилъ Муханова попечителемъ варшавскимъ. Но все время при Паскевичѣ Мухановъ держалъ себя весьма скромно: время его настало только при Горчаковѣ, личномъ его другѣ, дѣлами котораго занимался онъ во все продолженіе крымской войны. Вслѣдствіе этого въ 1856 г. назначенъ онъ министромъ (или, какъ теперь называютъ *директоромъ*) внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и тайнымъ совѣтникомъ, съ оставленіемъ при должности попечителя. Вотъ офиціальныи титулъ этого alter ego Горчакова, управляющаго несчастной Польшею.

Мухановъ фанатическій врагъ всякаго просвѣщенія. Онъ увѣренъ, что просвѣщеніе губить. Всякій ученый и писатель считается у него вольнодумцемъ; литература по его мнѣнію должна заниматься пустяками, а ни подъ какимъ видомъ не касаться животрепещущихъ вопросовъ. Печатать могутъ только важныя лица, сильные міра сего, ибо они не портятся; но вся эта пишущая чернь, ниже статскаго совѣтника, это социалисты, коммунисты, либералы и бунтовщики, которыхъ бы всѣхъ слѣдовало перевѣшать. А потому Мухановъ, давая варшавскимъ редакторамъ инструкціи, какъ должны они вести свои изданія, сказалъ имъ: “въ фельетонѣ вы можете писать о морскомъ змѣѣ: одни ученые говорятъ, что онъ существуетъ, а другіе, что нѣтъ; теперь же недавно его видѣли близъ Ирландіи. Можно писать о капитанѣ Франклинѣ, что его ищутъ между льдами и привести по этому поводу мнѣнія заграничныхъ газетъ о вѣроятности, что его отыщутъ. Изъ

политики же подъ рубрикой *Франціи* написать, что тотъ или другой купецъ обанкрутился, а тотъ думаетъ обанкрутиться; изъ *Англии*—что тотъ или другой лордъ умеръ, а тотъ думаетъ умереть; изъ *Италіи*—что папа уѣхалъ изъ Рима въ Чивиту Веккію и воротился въ Римъ; изъ *Испаніи*.... но ея трогать не слѣдуетъ, ибо тамъ постоянно революціи.” Потому то Мухановъ не терпитъ литературы, особенно возрастающей. Съ того времени какъ онъ приобрѣлъ право разрѣшать изданіе періодическихъ изданій — ни одного новаго изданія въ Царствѣ Польскомъ не родилось кромѣ “*Ruch Muzyczny*” (Музыкальное Движеніе) и “*Czytelnia Niedzielną*” (Воскресныя Чтенія); это послѣднее изданіе, противъ его воли успѣла выхлопотать себѣ гжа Петрова. Въ Россіи теперь при Александрѣ II нѣсколько десятковъ новыхъ изданій явилось—въ Польшѣ же ни единого.

Болѣе всего Мухановъ не любитъ историческихъ наукъ, особенно же польской исторіи терпѣть не можетъ. Вообще можно сказать, что Мухановъ тогда только былъ бы совершенно доволенъ, еслибы вся періодическая литература польская состояла изъ “*Kuryera*,” ученая-же, изъ какаго вибудь молитвенника, который бы изрѣдка, разъ въ годъ вышелъ. Въ отдѣлѣ просвѣщенія Мухановъ былъ бы самой гадкой и вредной личностію даже въ Россіи; что-же сказать о Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни академіи, ни ученыхъ обществъ, ни университетскихъ профессоровъ, и гдѣ кормило въ рукахъ такого человѣка, который всего этого не любитъ, а власть имѣетъ неограниченную.

Мухановъ по крайней мѣрѣ на польстолюбтія остановилъ элементарное просвѣщеніе народа. Гдѣ только можетъ пользоваться онъ всякимъ случаемъ, чтобы закрывать сельскія и городскія низшія училища. Высшія же училища онъ такъ разсортировалъ, чтобы все молодое поколѣніе отупѣло. Въ Царствѣ Польскомъ есть только спеціальныя училища: ни въ одномъ изъ нихъ не воспитываютъ человѣка, но—агронома, купца, механика; а вслѣдствіе этого не надо упускать изъ виду и того, что всѣ дѣти съ девятилѣтняго возраста должны уже избирать себѣ будущее поприще. Воспитанникъ одного училища не годится вовсе въ другое; а такъ какъ переходы изъ одного въ другое чрезвычайно облегчены, то весьма часто случается, что такой воспитанникъ, переходя нѣсколько разъ изъ одного училища въ другое—вовсе ничему не обучивается. Это впрочемъ не удивительно, ибо и тотъ, который прошелъ всѣ классы одного и того-же училища—ничего не знаетъ. Вездѣ господствуетъ такой хаосъ, что еще недавно напримѣръ въ уѣздныхъ четырехъ классныхъ училищахъ латинскій языкъ начинался съ перваго класса—въ гимназіяхъ-же которыя по существу своему должны бы стоять выше — только съ 4го класса; теперь начинается съ 2го. Воспитанники переходившіе изъ гимназій въ гимназію не знали первыхъ основаній латинской грамматики; —латинскаго языка особенно Мухановъ не любитъ. Въ городѣ на примѣръ какъ Варшава, имѣющимъ 160 тысячъ жителей, есть только одна, такъ называемая, филологическая гимназія и съ весьма обрѣзанной латынью. Хотя государь и отмѣнилъ указъ своего отца, ограничивающій число учениковъ въ каждомъ классѣ, однакожъ Мухановъ умѣлъ такъ распорядиться, что въ гимназіяхъ не прибавилось отдѣленій и что въ каждомъ классѣ есть около пятьдесятъ

учениковъ. А между тѣмъ до революціи въ Варшавѣ было 4 *воеводскія* (губернскія) школы, т. е. гимназій; даже и послѣ революціи, но до Муханова было 2 гимназій двойныя, т. е. всего 4. Теперь одна только есть гимназія, до которой доступъ весьма затрудненъ, ибо для этого требуется весьма много условій: надо быть или дворяниномъ, или сыномъ чиновника; плата весьма большая, ибо простирается до 300 злотыхъ (45 р. с.). Вообще для поступления въ одну изъ такъ называемыхъ губернскихъ гимназій требуется столько хлопотъ, и даже протекцій, какъ будто дѣло идетъ о полученіи важной должности. Вслѣдствіе этого число учащихся съ каждымъ годомъ все уменьшается. Мухановъ считаетъ это своимъ *point d'honneur*, чтобы въ Царствѣ Польскомъ было менѣе учащихся, чѣмъ въ московскомъ учебномъ округѣ и съ радостью рассказывалъ одному изъ своихъ друзей, что число учащихся ежегодно уменьшалось и наконецъ таки дошло до цифры меньшей чѣмъ въ московскомъ учебномъ округѣ.

Польскіе воспитанники не знаютъ главныхъ фактовъ изъ географіи и исторіи отечественной: даже министръ Поровъ удивлялся, когда ученикъ варшавской гимназій не умѣлъ отвѣтить ему на вопросъ—когда жилъ Стефанъ Баторій? Польскій языкъ преподается въ чрезвычайно маломъ объемѣ: начиная съ 5го класса—только по часу въ недѣлю, а въ этотъ часъ должна быть изложена и теорія, и исторія литературы, а также чтеніе образцовъ упражненія, и пр.

Почти не проходитъ года безъ переменъ; то самыя заведенія, то преподаватели измѣняются, инструкцій и предписаній—несмѣтное количество. Отъ этого все находится въ постоянномъ хаосѣ.

Воспитаніе затрудняемое тысячею различныхъ формальностей и большой платой, тѣмъ еще пагубно для народа, что жизнь школьную, кака она ни есть, сосредоточиваетъ въ возможно меньшемъ числѣ пунктовъ: въ городахъ, гдѣ одной школы было бы достаточно—есть по двѣ; а съ другой стороны—нѣтъ ни одной тамъ, гдѣ бы она быть должна, и гдѣ прежде была. И такъ, въ городахъ съ населеніемъ отъ 7 до 15 тысячъ есть по двѣ школы; въ Люблинѣ, въ Пютерковѣ, въ Плоцкѣ, въ Радомѣ есть и гимназія и уѣздное училище; а за то нѣтъ ни одной на примѣръ въ Луковѣ, гдѣ была воеводская школа въ теченіе 2 столѣтій; нѣтъ въ Щебжешицѣ, гдѣ была 300 лѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ гимназій преобразовали въ уѣздныя училища, какъ-то въ Ломжѣ, въ Пултускѣ, въ Пинчовѣ—ибо для Муханова достаточно 5 гимназій на 8 губерній. А теперь недавно государь въ 3 литовскихъ губерніяхъ, кромѣ существующихъ гимназій велѣлъ основать 12 новыхъ. До революціи—были еще школы въ Венгровѣ, въ Варцѣ, въ Жураминѣ и т. д.—а теперь нѣтъ ихъ и слѣда. Правда, что теперь есть училища въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде не было; но въ послѣднія тридцать лѣтъ человѣчество далеко ушло впередъ, а потому нѣтъ сомнѣнія, что теперь приходилось бы по крайней мѣрѣ вдвое болѣе училищъ чѣмъ было тогда. Объ этомъ ужъ и говорить нечего, какъ все это затрудняетъ воспитаніе дѣтей для бѣдныхъ родителей, которые, еслибы училища находились въ возможно большемъ числѣ пунктовъ, могли бы ихъ воспитывать; теперь же далеко посылать дѣтей въ училища они не въ состояніи. Если бы только одинъ уѣздный училища изъ Плоцка, Пютеркова, Подоля и

Люблина перенести въ другіе пункты, край бы выигралъ; но Мухановъ нашель и противъ этого средство.

Литература находится въ страшныхъ тискахъ; и хотя въ послѣдніе три года въ Россіи чрезвычайно многое измѣнилось—у насъ и узнать нельзя, что царствуетъ Александръ: николаевская система господствуетъ постоянно. Если сочиненія Мицкевича издаются въ Варшавѣ—то это разрѣшилъ самъ государь. Благодаря этому мы можемъ теперь называть Мицкевича Мицкевичемъ а не, какъ прежде, Адамомъ—авторомъ Гражины, и т. п.; можемъ иногда упомянуть имена Лелевеля, Нѣмцевича—и вотъ вся реформа, совершившаяся въ литературѣ вслѣдствіе новаго царствованія. За то нельзя вовсе заниматься никакимъ животрепещущимъ вопросомъ: малѣйшій намекъ на чтонибудь подобное—вычеркивается цензура. Мухановъ ненавидитъ настоящихъ реформъ, приходитъ въ бѣшенство отъ крестьянскаго вопроса. Вслѣдствіе этого намъ не только нельзя толковать объ этомъ вопросѣ, но даже упоминать о ходѣ его въ Россіи; нельзя даже напечатать имена лицъ, засѣдающихъ въ крестьянскихъ комитетахъ. Литва удивляется тому, что варшавскія изданія не поднимаютъ голоса; обвиняютъ ихъ въ газетѣ “Czas” въ равнодушія. А не знаютъ они, что это равнодушіе—мимовольное, и что въ Царствѣ Польскомъ всѣхъ чрезвычайно интересуетъ малѣйшій фактъ объ этомъ предметѣ. Не только нельзя писать, но даже съ русскаго переводить подобныхъ статей. Вильно въ этомъ отношеніи счастливѣе, ибо въ изданіи “TeKa Wilenska” читали мы много животрепещущихъ статей, каковы, объ училищахъ, о крестьянскомъ вопросѣ, и т. п.; вслѣдствіе этого не разъ Вильно бѣспла Муханова.

Гжа Петрова хотѣла перевести на польскій языкъ извѣстную статью Пирогова, подъ заглавіемъ “Жизненные Вопросы,” въ которой этотъ ученый, являющійся здѣсь государственнымъ человѣкомъ, развивалъ свои мысли о первоначальномъ воспитаніи юношества. Онъ какъ будто имѣлъ передъ глазами систему Муханова, ибо всѣ его выводы и положенія именно стремились къ тому, чтобы совершенно противоположную систему воспитанія поставить въ виду такой, какая существуетъ въ Царствѣ польскомъ. Мухановъ, не смотря на то, что Петрова Русская и что мужъ ея занимаетъ высокую должность строгойше запретилъ печатать статью Пирогова, которую министръ просвѣщенія рекомендовалъ циркуляромъ всѣмъ учителямъ. Какъ на зло, “TeKa Wilenska” напечатала всю статью—варшавскимъ же не только не позволено было обратить на нее вниманія читателей, но даже упомянуть, что есть такая-то статья. Подобныхъ фактовъ можно бы привести сотни. Здѣсь нечего удивляться наглости Муханова, коль скоро не позволяетъ онъ печатать царскихъ указовъ, касающихся какихъ либо реформъ. Такъ на примѣръ указы о введеніи польскаго языка въ литовскія гимназіи, объ основаніи семи новыхъ гимназій въ волынскомъ округѣ, и т. п., не были напечатаны. Во время крымской войны Мухановъ вычеркивалъ указы о выпускѣ новыхъ кредитныхъ билетовъ, о новыхъ рекрутскихъ поборахъ; а что еще важнѣе, изъ рѣчи государя, говоренной въ теченіи войны къ финляндскому дворянству—Мухановъ *вычеркнулъ многа мѣста*. Малѣйшаго предлога достаточно для того, чтобы изданіе какоенибудь или отдѣльную статью обречь на вымарываніе. Въ теченіи крымской

войны нельзя было на примѣръ дать польскимъ читателямъ извѣстія о разсужденіи какого-то Англичавина, который доказывалъ, что литовское племя занимало нѣкогда острова балтійскаго моря и южную Швецію; предлогомъ къ этому было то, что будто-бы шведскіе министры могли бы въ этомъ видѣть жадность Россіи, владѣющей Литвою—на скандинавскія земли. Нельзя было тогда печатать простаго списка періодическихъ изданій, выходящихъ въ Богеміи—ибо славянщина раздражала Австрію. Нельзя и до настоящаго времени поминать о страшномъ насиліи, которое польская народность переноситъ подъ прусскимъ господствомъ.

Такъ какъ Мухановъ, посредствомъ подлѣйшаго устройства народнаго воспитанія умертвилъ по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ элементарное образованіе народа—точно также посредствомъ самодержавнаго владычества въ цензурѣ не даетъ онъ польской литературѣ развиваться такъ, какъ должно бы развиваться. А потому, если какія либо дѣльныя книги и выходятъ на польскомъ языкѣ,—то ихъ доставляетъ Галиція, Познань, Парижъ, даже Вильно—а весьма мало Варшава. По той же причинѣ чрезвычайно много здѣсь запрещено книгъ такихъ, какія въ Россіи позволены.

Въ сочиненіи подъ заглавіемъ “Zbior Wiadomosci do Historji Medycyny w Polsce” (Собраніе Извѣстій для Исторіи Медицины въ Польшѣ), изъ одного тома до 30 листовъ вырѣзали. Нѣтъ почти ни одного номера “Revue des deux Mondes” или литературнаго прибавленія ко газетѣ “Czas” безъ того, чтобы въ нихъ дѣльные десятки листовъ не вырѣзывались. Самая газета “Czas” приходитъ въ Царство польское въ такомъ выпачканномъ и обрѣзанномъ видѣ, что нельзя не прійти въ бѣшенство. Малѣйшій намекъ на что бы то ни было благородное въ Европѣ—безжалостно вычеркивается. “Корреспонденція изъ Варшавы” а также “Царство Польское,” “Россія” въ газетѣ “Czas” часто пѣлыми столбцами мараются. Фельетонъ въ ней часто отрѣзывали потому только, что въ немъ ведется полемика объ изданіи Мицкевича. Прежде чѣмъ публиковали проэктъ “Слова,” которое должно было издаваться въ Петербургѣ, нельзя было вовсе упоминать объ этомъ предпріятіи, и только тогда въ первый разъ печатно о немъ заговорили, когда печатный проспектъ дошелъ до Варшавы. Точно также Мухановъ двѣ недѣли останавливалъ печатаніе указовъ къ литовскому дворянству объ освобожденіи крестьянъ—хотя всѣ заграничныя газеты объ этомъ писали,—хотя наконецъ указы эти печатались въ русскихъ газетахъ—Царство польское не должно было знать объ этомъ и Мухановъ былъ столько наивенъ, что телеграфической депешей спрашивалъ: “Можно-ли печатать указъ?” Заграничныя газеты и “Czas” удивлялись отчего конкордаты, заключенный въ 1844 году съ Римомъ, а теперь недавно обнародованный, интересующій особенно Царство польское—не былъ напечатанъ въ варшавскихъ газетахъ. Обвиняли эти газеты въ равнодушіи къ католицизму; а между тѣмъ, кромѣ правительственнаго листка, который по обязанности обнародовалъ конкордаты—всѣмъ остальнымъ было дано распоряженіе, чтобы не смѣли и упомянуть о конкордатѣ.

Обратимся теперь отъ мѣрѣ противъ просвѣщенія къ Мухановскому управленію комиссіею внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь на первомъ планѣ возобновленіе преслѣдованія униатовъ

въ Царствѣ Польскомъ. Небольшая горсть униатовъ уцѣбла, благодаря своей энергіи, во все царствованіе Николая. Чего Николай и Паскевичъ не могли достигнуть, достигаетъ теперь Мухановъ. Вездѣ между униатской Русью въ Царствѣ Польскомъ, элементарныя школы раздѣляются на латинскія и русскія. Школы посѣщаемыя дѣтьми латинскаго исповѣданія, могутъ посѣщаться православными, но не могутъ униатами; въ русскія (униатскія) могутъ ходить православные, но не могутъ католики. Училищъ русскихъ Мухановъ въ послѣднее время основалъ довольно много, и разослалъ туда вездѣ дьячковъ, которые, будучи независимы отъ настоятеля прихода, могутъ съ нимъ безнаказанно ссориться и разсѣвать раздвоеніе. Въ селахъ русскихъ было много сопротивленія по поводу этихъ училищъ. Въ селѣ Томашовѣ въ продолженіи четырехъ лѣтъ вся Русь униатская противилась заведенію подобной школы; наконецъ въ настоящемъ году должна была подчиниться. Почти ежегодно отправляетъ Мухановъ одного изъ довѣренныхъ своихъ чиновниковъ для организованія и осмотра подобныхъ училищъ; чиновникъ этотъ, какъ римскій проконсулъ, рѣшаетъ всѣ дѣла. Захотѣлось недавно Муханову вещи еще болѣе важной, а именно: реорганизаціи епархіальной семинаріи въ Хелмѣ; клерики, окончивающіе курсъ въ этой семинаріи не могутъ въ настоящее время слушать курсовъ въ Варшавской духовной академіи, хотя они такіе же католики, какъ и римскіе; за то Мухановъ, занимающійся ихъ духовнымъ образованіемъ, рѣшился реорганизовать самую семинарію. Орудіемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ Поцѣй, Хелмскій прелатъ, человекъ способный на все изъ за денегъ, и котораго за его православныя наклонности прокляла въ Римѣ конгрегація индекса. И такъ Мухановъ съ Поцѣемъ составили заговоръ противъ епископа и различными угрозами сдѣлали то, что онъ долженъ былъ подписать прошеніе о реорганизаціи семинаріи; вслѣдствіе этого будетъ теперь имѣть Мухановъ возможность дать такое направленіе организаціи униатскаго клера, какое самъ захочетъ. Устроить онъ семинарію на православный ладъ; профессорами будутъ или православные или же униатскіе священники, приготовляемые нарочно для этой цѣли въ духовныхъ православныхъ академіяхъ: Кіевской и Московской. Изложеніе, бывшее до сихъ поръ польское, будетъ теперь русское или латинское; этимъ средствомъ прервется послѣдняя традиціонная нить, вяжущая между собою два католическія исповѣданія: римскій и униатскій. Мимоходомъ вспомнить не мѣшаетъ, что въ варшавской духовной академіи каноническое право (Мухановъ никакого права не любитъ) не читается. Правда, есть кафедра; но ее ввѣрили человекѣку больному и разслабленному, который вотъ уже шесть лѣтъ все путешествуетъ къ заграничнымъ водамъ, въ теплые края, и не можетъ читать своего предмета. И такъ самому важному предмету для католическаго священника, наши академики не учатся и не имѣютъ понятія о самыхъ простыхъ вещахъ.

Государь велѣлъ поставить памятникъ Кордецкому, защитнику Ченстохова (противъ Шведовъ) — Мухановъ имѣлъ дерзость неоднократно дѣлать представленія государю, что-де подобное отдаваніе чести народному величію, ободритъ Поляковъ къ бунту. Когда наконецъ долженъ былъ уступить, онъ не обнародовалъ конкурса, но вслѣдствіе его инсрукціи, взяли моделью статуи святаго Франциска,

Доминика, Петра, Павла, или какого угодно святаго, но вовсе не Кордецкаго. И этотъ памятникъ какого-то святаго будетъ поставленъ въ Ченстоховѣ. Организованію земледѣльческаго общества, всѣми способами Мухановъ сопротивлялся; когда же принужденъ былъ уступить, пытался различными хитростями обезсилить общество и не дать ему никакого вліянія на усовершенствованіе земледѣлія въ Царствѣ Польскомъ. Хотѣлъ онъ на примѣръ, чтобы общество не имѣло права раздачи никакихъ наградъ, а только представленія къ онымъ; утверждать же должно правительство. Государь, не только позволилъ обществу распоряжаться въ этомъ отношеніи совершенно свободно и самобытно, но призналъ обществу родъ какой-то правительственной власти, даже право представлять къ орденамъ. Понынѣ общество испытываетъ тяжелое покровительство Муханова. Въ текущемъ году общество раздавало преміи и приглашая гостей, послало 20 билетовъ для воспитанниковъ агрономическаго института въ Маримонтѣ; Мухановъ запретилъ тогда институту послать туда хоть бы одного воспитанника. Съ другой стороны, когда на публичный актъ въ институтѣ Мухановъ приглашалъ всѣ городскія власти, и даже генеральную прокураторию, которую никто никогда не приглашаетъ, и которая не имѣетъ ни малѣйшей связи съ Маримонтскимъ институтомъ, онъ забылъ только пригласить земледѣльческое общество, которое тѣсно связано съ Маримонтскимъ — тождествомъ цѣли и труда. Точно такъ же всѣми средствами старался онъ помѣшать открытію въ Варшавѣ медицинской академіи, на два года замедлить это дѣло. Хотя въ уставахъ академіи сказано, что молодые люди могутъ записываться туда и изъ западныхъ губерній, но при всемъ томъ, отъ поступающихъ туда воспитанниковъ изъ западныхъ губерній приказалъ онъ требовать объясненія причинъ, почему именно хотятъ они учиться въ Варшавѣ; и наконецъ, видя что это средство не дѣйствительно и не весьма отталкиваетъ западной молодежи, онъ просто запретилъ публиковать въ газетахъ, что уроженцы западныхъ губерній могутъ поступать въ академію и въ объявленіяхъ печатаемыхъ президентомъ, самъ это мѣсто вычеркивалъ. Были въ Варшавѣ надежды на открытіе городского факультета, для котораго планъ представилъ Скарбекъ, директоръ юстиціи; для устранения этого, Мухановъ изобрелъ проэктъ прибавленія къ филологической гимназіи одного (8-го) класса юридическаго, и опять остались обманутыми надежды молодаго поколѣнія.

Мухановъ вспыльчивъ, грубъ и дерзокъ. Всей Варшавѣ было извѣстно, что онъ напкой убилъ человекѣка, сторожа Казимирскаго дворца. Возвращаясь онъ поздно домой, сторожъ не скоро отворилъ ему ворота; Мухановъ ударилъ его палкой по головѣ и на другой день сторожъ не былъ въ живыхъ.

Все, окружающее Муханова подобрано имъ къ своей масти. Помощникомъ его (попечителя) теперь Полякъ, который участвуетъ во всѣхъ его проделкахъ. Однако изъ главныхъ орудій Муханова въ попечительствѣ нѣкто Шлеве, который, получая жалованіе *въ трехъ должностяхъ*, истинная язва для Царства Польскаго. Изъ цензоровъ болѣе всѣхъ любитъ онъ Броневскаго, который въ четыре или неполна пять лѣтъ сдѣлалъ такую карьеру, что равняется должности директору гимназіи, въ цензурѣ терзаетъ литературу, а въ попечительской канцеляріи ничего не дѣлаетъ, хотя и запис-

масть тамъ мѣсто. Мухановъ такъ слѣпо привязанъ къ Броневскому, что однажды серьезно сказалъ, что Польша обязана Броневскому своимъ спокойствіемъ, ибо, если бы онъ такъ безпощадно не маралъ статей идущихъ въ печать, то ни Мухановъ, ни даже Горчаковъ не могли бы спокойно уснуть въ царствѣ. Броневскій уже теперь самъ покровительствуетъ другимъ, и одинъ изъ учителей потому только сдѣланъ инспекторомъ гимназіи, что женился на сестрѣ Броневскаго. Наконецъ, надо еще упомянуть объ одномъ пріятелѣ Муханова, котораго онъ изъ простаго канцелярскаго, сдѣлалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ совѣтникомъ въ комиссіи внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ апелляціоннымъ судьей; а когда ему Скарбекъ, директоръ юстиціи сопротивлялся онъ выхлопоталъ у Горчакова для этой цѣли приказъ къ Скарбку. (*)

Не смотря на то, что Мухановъ Польши, Поляковъ и католицизма ненавидитъ, для нашей земли было бы гораздо лучше если бы его сдѣлали министромъ, статсъ-секретаремъ Королевства. Онъ объ этомъ хлопоталъ. Государь велѣлъ представить себѣ кандидатовъ: Горчаковъ всякій разъ представлялъ Муханова. Государь сказалъ, что желаетъ на это мѣсто Поляка. Мухановъ тогда *доказывалъ*, что онъ — *Полякъ!* Хотя и больно было бы видѣть Полякамъ, представителемъ Королевства у Русскаго двора такого человѣка какъ Мухановъ, но можетъ быть это бы вышло къ лучшему: ибо тогда онъ бы увеличилъ свой титулъ, но уменьшилась бы громадная власть, которою онъ теперь въ царствѣ польскомъ ползуется. Въ Петербургѣ онъ не могъ бы быть для насъ столь вреднымъ. Польша долго его будетъ помнить. Сохранила же она воспоминапіе о Репниныхъ и Сивѣрсахъ, а въ последнее время о Новосильцовыхъ и Байковыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если Новосольцова и Байкова сложить вмѣстѣ, да еще возвести въ квадратъ, все таки не выйдетъ такой безобразной личности, каковъ Мухановъ. Нужно пожить въ Варшавѣ, по крайней мѣрѣ годъ времени и видѣть что онъ дѣлаетъ, чтобы оцѣнить его.

У насъ говорятъ, что солнце Муханова до тѣхъ поръ не закатится, пока живъ Горчаковъ; Горчакова же слѣдуетъ держать . . . . . потому что, что-же съ нимъ дѣлать? Грустно однакожь подумать о томъ, что ради приличія удерживаютъ въ Польшѣ цѣлую систему управленія николаевскую и жертвуютъ для этой цѣли спокойствіемъ и будущностью пяти милліоновъ!

С М Ъ С Ъ .

ДАЖЕ У ПАВЛА ГО МОЖНО ПОУЧИТЬСЯ.

Много есть случаевъ, въ которыхъ, при существующемъ порядкѣ вещей, частные лица поставлены въ необходимость прибѣгать съ просьбами къ государю императору. Безнаказанная наглость, съ которою производятся беззаконія въ комиссіи принятія прошеній, вынуждаетъ просителей искать покровительства кого либо изъ сильныхъ міра. Такъ въ началѣ прошлаго года одно лице, бѣдно, но чисто одѣтое хотѣло пройти во дворецъ чтобы, чрезъ посредство одной изъ состоящихъ при вдовствующей императрицѣ дамъ, подать просьбу

ей величеству и этотъ пропускъ во дворецъ былъ дозволенъ не иначе какъ за 20 коп. сереб. !!!

При императорѣ Павлѣ былъ у дворца ящикъ, куда опускались просьбы; ключъ отъ ящика хранился у великаго князя Александра Павловича и ему же поручено было вскрытіе просьбъ?

Подобный ящикъ существовавшій въ Грузіи у князя Воронцова помогъ ему открыть важныя злоупотребленія, въ томъ числѣ дѣло генерала Шварца.

— Въ 1857 году Путешественникъ возвращавшійся изъ Сибири, встрѣтилъ тамъ одну изъ тѣхъ кибитокъ, въ которыхъ увозятъ осуждаемыхъ безъ суда и расправы. Нашъ путешественникъ хотѣлъ узнать кого умчали въ Сибирь? На станціи сказали: “какого-то молодого человѣка; съ фельд-егеремъ онъ говорилъ не по русски и очень сильно плакалъ, индо жаль было смотрѣть”. Отправленъ ли этотъ несчастный по волѣ Александра II, или безъ его вѣдома кѣмъ нибудь *по данной имъ власти?* кто онъ? и въ чемъ его вина?

Это напоминаетъ намъ полицейскія похищенія людей въ николаевское время. Однажды, приказываютъ въ Варшавѣ фельд-егерю быть во второмъ часу ночи на дворѣ Паскевича, а ровно въ два часа войти въ кабинетъ намѣстника. Гремѣла музыка, былъ блистательный балъ. Въ два часа вошелъ въ кабинетъ самъ князь Варшавскій вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ въ бальномъ костюмѣ; молодой человѣкъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ. Паскевичъ обратившись къ фельд-егерю, сказалъ ему: “отвези его въ Бобруйскъ!” и взявши молодого человѣка за руку, передалъ его фельд-егерю. Его усадили въ “темную” тележку; фельд-егеръ изъ сожалѣнія накинулъ на него свою шинель (былъ сильный морозъ); у заставы ждали казаки съ тудупомъ и шапкой. Молодой человѣкъ, до самаго Бобруйска не могъ прійти въ себя, и фельд-егеръ зналъ только, что онъ доставилъ изъ Варшавы въ Бобруйскъ N 21.

Мы вдали-то живши все думаемъ, что Александръ II не ссылаетъ, а возвращаетъ изъ ссылки...

— Насъ очень бы одолжили двѣ присылки:

- 1.) Портретъ А. Радищева, который былъ приложенъ къ его сочиненіямъ.
- 2.) Списокъ стихотвореній В. Печерина (Торжество Смерти, Поликратъ Самосскій, Годовщина и пр.). И то и другое намъ нужно для Полярной Звѣзды.

Продается: у ТРЮВНЕРА & Co., 60 Paternoster Row и у С. ТХОРЖЕВСКАГО 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho Square, London.

Записки императрицы ЕКАТЕРИНЫ II. (переводъ съ французскаго)

Записки княгини Е. Р. ДАШКОВОЙ (переводъ съ англійскаго).

Записки: М. ЩЕРБАТОВА и А. РАДИЩЕВА (изъ екатерининскаго вѣка), Изданіе ТРЮВНЕРА, съ предисловіемъ ИСКАНДЕРА.

Полное собраніе Стихотвореній Н. ОГАРЕВА, съ портретомъ автора, гравированномъ на стали.

14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

Печатается V книжка ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ на 1859 годъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, London.

(*) Почему не названъ чиновникъ?

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 37.

1 МАРТА 1859.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street,) London. Price six-pence.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО ИЗЪ ПОЛЬШИ.

Милостивый Государь,

Изложивъ такъ недавно мое мнѣніе о польскомъ вопросѣ, я не думалъ, что мнѣ снова придется и такъ скоро приняться за перо, чтобъ говорить о томъ же дѣлѣ.

Правда, я получилъ съ тѣхъ поръ нѣсколько писемъ и одну польскую статью, очень лестную для меня, подъ заглавіемъ "Słowo Prawdy", но какъ ни она, ни всякіе вызовы на полемику не могли ничего прибавить къ ясности вопроса, то я и рѣшился не печатать ни писемъ, ни статьи, и не начинать полемики.

Какія бы разномыслія у насъ ни являлись съ разными отгѣнками польской эмиграціи, отъ социалистовъ — съ которыми мы всего ближе, до олигарховъ партіи князя Чарторижскаго, съ которыми мы всего дальше — мы слишкомъ уважаемъ ихъ вѣру, ихъ твердость, ихъ несокрушимое постоянство въ несчастіи и слишкомъ сознаемъ все зло сдѣланное Польшѣ русскими руками, чтобъ быть ихъ противниками; скорѣе мы вынесемъ несправедливость къ намъ, чѣмъ будемъ поднимать усобицу. Вотъ почему мы и рѣшились во всѣхъ случаяхъ, когда личное несогласіе, неимѣющее общаго интереса будетъ приводимо къ рѣчи, пользоваться тѣмъ правомъ, котораго у насъ не отнималъ самъ Николай, правомъ молчанія.

Но только что я принялъ это рѣшеніе, пришло ваше письмо.

Уже то самое что оно *пришло изъ Польши*, придаетъ ему большую важность. Сверхъ того въ немъ видна такая обдуманность, такая завершенная, замкнутая мысль, такое энергическое убѣжденіе, что я счелъ долгомъ своимъ сказать почему я его не помѣщаю въ "Колоколъ".

Не помѣщаю я его за его *тонъ*. Не за его тонъ со мною, совсѣмъ напротивъ, вы слишкомъ высоко поставили мои труды, мнѣ остается васъ много и много благодарить за всѣ ваши отзывы. Но не обо мнѣ рѣчь, о себѣ я помѣщалъ самыя заносчивыя письма. Нѣтъ, я не печатаю вашего письма за тонъ, съ которымъ вы говорите о *Россіи и Русскихъ*.

Отрицайте все что я утверждаю, отрицайте *новую силу* входящую Россіей въ исторію, разрушайте одну за другой

наши надежды... что хотите, это будетъ мнѣніе, мы объ этомъ будемъ спорить; говорите о страшной гангрени рабства и воровства, о грабежѣ превращенномъ въ администрацію, о подломъ униженіи принимаемомъ за обязательную нравственность, о китаизмѣ чиновничества, о богопочитаніи царя — я сей часъ все это помѣщу, хотя и трудно вамъ больше сказать объ этомъ чѣмъ мы говоримъ. Но я не могу по совѣсти допустить гуртовыхъ обвиненій, падающихъ на цѣлый народъ, ничего не доказывающихъ кромѣ раздраженія.

Въ заключеніи моего втораго письма о *Россіи и Польшѣ* (34 листъ Колокола) я сказалъ: "Если Польша хочетъ инаго рѣшенія, да будетъ на то воля ея. Но разрывая семью пусть она короче узнаетъ Русь, Русь не служащую, не мундирную, а Русь пашущую землю, притѣсненную мундиромъ, Русь мыслящую и едва начинающую высказываться. Тогда она оставитъ насъ безъ горькихъ словъ. Оскорбленіе народа, съ которымъ она такъ долго боролась и который имѣлъ такое тяжелое и продолжительное вліяніе на ея судьбы, отброситъ на нее самое темную тѣнь."

Я дѣйствительно не понимаю, какая цѣль въ томъ, чтобы разтравлять едва закрывшіяся раны, поддерживать озлобленіе, повторять упреки, смотрѣть назадъ — когда надобно ринуться впередъ, и это въ то время, когда *ни одинъ порядочный Русскій* и не думаетъ оправдывать всѣхъ ужасовъ прошедшаго.

Вотъ что вы говорите въ началѣ письма: "Мы прежде всего благодаримъ васъ отъ души за благородную и откровенную рѣчь, съ которою вы обратились къ Полякамъ. Она звучитъ въ ушахъ нашихъ звуками такими новыми, ея смыслъ такъ рѣзко противоположенъ *заповѣдямъ петербургскихъ нашихъ моисеевъ*, что мы невольно увлекаемся ею и гордое молчаніе политическаго колодника замѣняемъ на откровенное сознаніе всего, что у насъ лежитъ на сердцѣ. Мы были удивлены, сознаюсъ вамъ откровенно, когда дверь темницы нашей отворилась и передъ вами предсталъ *Русскій*, вовсе не похожій на знакомыя лица Новосильцовыхъ, Мухановыхъ и Бибиковыхъ."

Вы удивились оттого, что вы не знаете ни Россіи, ни современнаго движенія умовъ въ ней, ни русской литературы. А можно-ли судить страну, не имѣющую политической

трибуны, не зная ея письменности, т. е. не выслушавъ ее. Еслибъ вы были знакомы съ внутренней русской жизнью, то васъ бы несколько не удивило, что я не похожъ на Библикова; вы увидѣли бы, что сначала нынѣшняго вѣка одна кучка людей за другой, постоянно выходила изъ забитаго фронта, очень хорошо зная, чему подвергалась и говорила: “Умирающіе проклипаютъ тебя” — чудовищному самовластью, и всѣ они шедшіе на висѣлицу, на каторгу, на поселеніе, въ казематы несколько не походили ни на Муравьева, ни на Новосильцова, ни на Рожнецкаго, ни на Абрамовича... Вы слышали о Декабристахъ — а знакома ли вамъ дѣятельность такихъ людей какъ Бѣлинскій, какъ Грановскій, образовавшихъ цѣлыя поколѣнія молодыхъ людей. Знакомъ ли вамъ объемъ, въ которомъ обсуживается вопросъ поземельнаго владѣнія въ русскихъ обозрѣніяхъ и журналахъ? Я сомнѣваюсь.

Вы выходите совсѣмъ вооруженный, но ваше рыцарское забрало мѣшаетъ вамъ разглядѣти противника. Снимите средневѣковые доспѣхи, тогда вамъ будетъ легче понять насъ — всего менѣе средневѣковыхъ.

Въ нашемъ смиренномъ домѣ, гдѣ намъ не позволяли ни двигаться, ни говорить, мы, скуки ради, перебирали на свой страхъ дѣла давно порѣшенные въ Европѣ и сданные въ архивъ; и нашли, что большей частью онѣ или вовсе не рѣшены, или рѣшены пристрастно... Отъ этого мы спрашиваемъ, доискиваемся, тамъ гдѣ западное воззрѣніе справляется и отвѣчаетъ.

Мы спрашиваемъ на пр. можетъ-ли человѣкъ отвѣчать за свои поступки, сдѣланные въ другой возрастъ. А вы не сомнѣваетесь народъ цѣлый отдавать подъ уголовный судъ за рядъ событій совершенныхъ прежними поколѣніями. Какъ будто исторія развивалась такъ обдуманно, преднамѣренно и сознательно, какъ ходы шахматнаго игрока?

Неужели вы еще вѣрите, что есть народы доблестные и народы преступные, народы самоотверженные и преданные и народы алчные и своекорыстные? Эта точка зрѣнія Израиля и Франціи, не можетъ вынести никакой критики. На этомъ основаніи три поколѣнія бранили “коварный Альбионъ” и хвалили “великодушныхъ Галловъ”. Какіе-же въ самомъ дѣлѣ между народами Каны и Авелы? Разные народы какъ разные животныя породы различаются свойствами, а потомъ развитіемъ, столкновеніями. Всѣ народы страшные эгоисты, всѣ лили рѣками кровь свою, чужую, всѣ были пиратами и флибустьерами, а когда награбили довольно, расширились до нельзя, тогда цѣломудренно заговорили о законномъ владѣніи: “питки чужой намъ не надо.”

Пора смотрѣть на исторію съ ея естественной, физиологической точки зрѣнія, безъ всякой примѣси религіозныхъ и цивилистическихъ символовъ вѣры и катехизисовъ.

Въ этомъ *неуваженіи* къ общимъ предразсудкамъ, вамъ можетъ быть откроется одна изъ сторонъ русской мысли и русскаго духа. Онъ большей частью лѣнивъ, спитъ себѣ на растяжку, но когда просыпается, его трудно убавить авторитетами. Не принося съ собою никакихъ унаслѣдованныхъ догматовъ, безъ связи съ своимъ былымъ, книжно соединенный съ чужими преданіями, онъ свободно, безбоязненно шупаетъ, осматриваетъ и качаетъ головой тамъ, гдѣ не вѣрить. Отъ этого онъ не благоговѣетъ безъ разбора и не презираетъ по наслѣдству.

Вотъ вамъ недавній примѣръ. Вся московская и петербургская литература безъ различія партій, протянула дружескую руку Евреямъ и возстала противъ плоской выходки какого-то журналиста. Того католическаго чувства ненависти къ Евреямъ, которое если не осталось въ законодательствѣ, то осталось въ правахъ именно въ Польшѣ, въ Россіи нѣтъ. Говеніе Евреевъ было дѣломъ правительства. Общество не говорило, потому что оно ничего не говорило, рука квартальнаго лежала на его губахъ. Какъ только онъ приподнялъ одинъ палецъ, оно и высказалось.

Дѣло въ томъ, что у насъ собственно нѣтъ *завѣтныхъ* основъ, нѣтъ прочно вкопанныхъ въ разумніе межевыхъ камней, означающихъ предѣлы. Мы не сложились, мы *еще ищемъ своихъ началъ*. Это даетъ намъ совершенно иную роль относительно всѣхъ вопросовъ, особенно если вы вспомните, что *fiasco* всѣхъ революцій въ Европѣ произошло не отъ вѣдшихъ неудачъ, а отъ вдругъ поразившаго сознанія тощести, бѣдности тѣхъ началъ, которыхъ хватило на борьбу съ католицизмомъ и феодализмомъ, но на которыхъ строить новаго нельзя; если вы вспомните, что движеніе за тѣмъ пріостановилось, что западный человѣкъ ищетъ *новыхъ основаній* своего быта.

Откуда бы ни шли два путника за кладомъ, какой бы цвѣтистой дорогой ни шелъ одинъ, какой бы песчаной ни шелъ другой, но встрѣтившись, разстояніе для обоихъ одно, и кто скорѣе придетъ — зависитъ отъ крѣпости ногъ и отъ тяжести ноши.

Вы, какъ вообще европейскіе народы, несете очень много. Вы горды вашей исторіей и совершенно правы, вамъ нельзя себя уронить, вы имѣете сзади, какъ Графъ въ ‘Панѣ Тадеушѣ’ вмѣстѣ съ замкомъ, блестящія воспоминанія и завѣщанную мечь, и то и другое выступало все рельефнѣе, поэтичнѣе, мрачнѣе на сѣромъ, прозаическомъ фондѣ николаевскаго деспотизма. Вы связаны съ прошедшимъ, вамъ надобно поддержать имя, вашу исторію, вашу семейную хроніку, въ ней на маперѣ Тита Ливія все ярко и свѣтло, вездѣ дѣйствуютъ одни герои добродѣтели, “каждый дворянинъ можетъ быть королемъ, и каждый холопъ можетъ быть дворяниномъ,” въ ней гнетъ шляхетскій не тяготитъ, и иезуитъ не сводитъ проклятія на цѣлыя деревни, населенныя христіанами восточнаго толка. А отъ чего это благочестіе къ вашимъ предкамъ? Отъ того, что вы принадлежите слишкомъ хорошей фамиліи, чтобъ дурно говорить объ ней.

А мы? Мы выросли когда мать съ отцомъ были въ разводѣ. Мы видѣли какъ отецъ пьяный солдатъ позорилъ и билъ мать, бѣдную крестьянку, безмолвно рыдающую. Мы ненавидели отца, но съ измалу забытые, боялись его какъ огня. Мы можетъ любили бы мать, но насъ приучили не уважать ее. Насъ воспитывали въ томъ родѣ, какъ племянникъ Рамо, у Дидро, воспитывалъ своего сына, намъ съ утра до ночи все окружающее твердило одну нравственную заповѣдь: “сила все, успѣхъ все.” Въ этой школѣ развились — Меншиковы, Долгоруки, Орловы, Потемкины, Зубовы, готовые сажать на престолъ и саживать съ престола, готовые душить царей, избивать въ неволѣ заключенныхъ царевичей, красть княженъ Таракановыхъ. (*)

(*) Когда Пестель во время сношеній съ Крижановскимъ, требовалъ смерти Цесаревича, Поляки сначала просто отвергли предложеніе его, и потомъ приняли глухо и уклончиво. Во время коронаціи Николая въ Варшавѣ, знаменитая

Школа наша была не лучше родительскаго дома. У насъ Николай запретилъ преподавать на польскомъ языкѣ, и мы стали имъ гордиться. Намъ увѣрили, что стыдно говорить по русски не мужику; намъ увѣрили, что пошлое варварство бритья бороды — значитъ образованіе; что носить чужое платье вмѣсто своего — хорошій тонъ. И вотъ мы давай говорить по французски, одѣваться по нѣмецки и съ такимъ неистовымъ усердіемъ бриться, что борода и ея бритье взошли въ коренныя основы государственнаго быта, въ уголовное законодательство, въ общественную нравственность.

На все на это были конечно причины, не мѣсто останавливаться на этомъ. Это былъ трудный и уродливый ростъ.

Россия, какъ бываетъ съ медленными и упрямыми дѣтьми-крѣпышами, то подъ розгой, то безъ надзора, то лежа на печи, то на босую ногу въ снѣгу, — все росла и крѣпла, колеблясь между полнѣйшимъ рабствомъ и самымъ необузданнымъ своеволіемъ, между царемъ и казачествомъ. Казачеству, вы знаете, шляхетская свобода Рѣчи-Посполитой была также ненавистна какъ иго царя московскаго. Что за дикое, неслыханное явленіе какой нибудь Стенька Разинъ. Это какое то безумное метаніе барса, какія то опыты мощи несознательной но страшной — удалъ, дерзость, злодѣйство, отвага. Прибавте Стенкѣ Разину опредѣленную цѣль, дайте ему вмѣсто казацкой голи — армию и посадите его на престолъ, вотъ вамъ Петръ I.

Разрывъ, сдѣланный Петромъ I въ нашей исторіи, лишилъ насъ народныхъ преданій; у насъ нѣтъ умиленныхъ, свѣтлыхъ воспоминаній, идущихъ изъ рода въ родъ; наши воспоминанія не идутъ дальше господскаго дома — гдѣ сѣкутъ, казармы — гдѣ бьютъ палками, канцелярія — гдѣ опредѣляютъ удары кнутомъ, зимняго дворца — передъ которымъ вѣшаютъ и хоронятъ живыхъ въ алексѣевскомъ рavelинѣ.

Привитая намъ западная традиція не смотря на свое огромное вліяніе, не могла сдѣлаться для насъ тѣмъ кровнымъ, обязательнымъ, своимъ, какъ она выработалась на западѣ и въ высшихъ слояхъ Польши.

Вотъ почему я сказалъ что у насъ ноши меньше, — мы бѣдны.

Мишле пораженный этимъ явленіемъ, подумалъ что у Русскихъ нѣтъ нравственнаго чутья. “Не чутья у насъ недостаетъ, замѣтилъ я ему, а нравственности соотвѣтствующей нашему чутью. “Намъ нечего хранить, нечего поддерживать, намъ дорога легка во всѣ стороны. Мы потому думаемъ, что намъ найдется дѣло въ будущемъ”, что мы не были республикой какъ Греція, не были законодателями какъ Римляне, не были крестоносцами”.

Мы не возвращаемся къ старымъ маіоратамъ славы, — а толчемся въ новую жизнь, принося съ собою не воспоминанія, а дерзкую самоувѣренность, горячую надежду и притязаніе на все.

Но вѣдь эти права, можете вы сказать, принадлежатъ вамъ столько же, сколько и Готентотамъ. Безъ сомнѣнія. Только подождите того времени когда Готентоты составятъ огромную школу Подхорунжихъ предлагала либеральнымъ вожатамъ, когда Николай пондегъ мнѣ ихъ въ церемоніи дать залпъ по немъ. Все шарахнулось отъ этого предложенія и Лафайетъ Нѣмецвичъ сказалъ, что Польша никогда не обогрѣла рукъ своихъ въ крови своихъ королей. Наконецъ рыцарскій духъ Польши отпустилъ въ 1830 году Цесаревича вопреки всякаго здраваго смысла. Изъ моихъ словъ никакъ не слѣдуетъ, чтобъ я одобрялъ Орловыхъ и Зубовыхъ, я констатирую только разницу воспитаній и возрѣній.

имперію, будутъ давить вліяніемъ своимъ Америку и Африку, и главное будутъ имѣть ту дерзкую самоувѣренность, тѣ горячія надежды и вѣрованія, которыя мы имѣемъ.

Тутъ нѣтъ ни юридическихъ правъ, ни теоретическихъ построений. Россія не теорія, Россія фактъ; его надобно признать для того, чтобъ разбирать и понять. Мы можемъ, разсуждать, слѣдовало или не слѣдовало быть Мон-Блану въ Савойѣ, но это будетъ лишнее; Мон-Бланъ фактъ, котораго не сотрешь разсужденіемъ.

Европа въ Россіи не нуждалась... да вѣдь она и въ Америкѣ не нуждалась. Двѣ страны эти нарождались по сторонамъ ея, какъ два огромныхъ флигеля.

Смыслъ и значеніе Америки и Россіи только теперь начинаетъ проявляться, особенно съ 1848 года. До того времени аристократическая Европа не вводила въ свои общіе счеты ни Америки, ни Россіи; заключенная въ бѣличьемъ колесѣ полу-схоластическихъ, полу-религіозныхъ, полу-феодалныхъ вопросовъ, Европа спорила о принципахъ, о вѣчныхъ началахъ, не уступая ни іоты, — пока Америка росла на волѣ, мы росли въ колодахъ.

Споры ихъ, мы могли усвоить, но они не наши, мы на нихъ смотримъ съ тѣмъ уваженіемъ и съ тѣмъ интересомъ, съ которымъ вы слушали бы дискусію Кальвина о *servo et libero arbitrio*, или такъ какъ я въ самомъ дѣлѣ разъ въ жизни слушалъ преніе объ *opus operatum* и *opus operans*.

Все это интересно, но выслушавши все же пойдешь къ своимъ дѣламъ.

— Къ какимъ дѣламъ?

А хоть бы и къ *освобожденію крестьянъ съ землею*. Разница нашихъ возрѣній на этотъ вопросъ очень рѣзко опредѣлилась. Я думаю, что онъ для насъ важнѣе того, отдѣлится ли Финляндія, или Грузія отъ Россіи, или нѣтъ; скоро ли замѣнится толстый и глупый сводъ Николая, тонкимъ и узкимъ сводомъ Наполеона. А вы только списходительно говорите объ немъ: “безспорно это шагъ впередъ, но шагъ исключительно экономической” *Excusez du peu...* Какъ будто экономической вопросъ, не есть главнѣйшій, не есть существеннѣйшій, единый спасающій. До сихъ поръ люди все толковали о фасадѣ, о гербахъ, о заборахъ и сѣняхъ, о границахъ и церемоніалахъ. Тѣ, которые сказали міру, ты печешься о многомъ единоже на потребу, *экономическое устройство*, тѣ первые поняли, что полицикъ готовъ, что пора жить и полно обстроиваться. Свести кровавые религіозные вопросы на человѣческіе, и кровавые политическіе вопросы на экономическіе, въ этомъ вся задача современности.

Вы на экономической вопросъ смотрите, я увѣренъ, какъ на подчиненный, матеріальный и нѣсколько грубый. Отъ этого освѣщеніе всѣхъ вопросовъ выходитъ у насъ разное.

Я очень понимаю революціонный романтизмъ, идеальное восторженное возрѣніе на судьбы народовъ, это возрѣніе Маццини, Ворцеля, которыхъ вы помянули въ вашемъ письмѣ; въ немъ бездна поэзіи, напоминающей намъ нашу юность.

Крутъ переходъ отъ него на американскіе верфи и доки, на наши мірскія сходки, споряція объ условіяхъ освобожденія съ землею... отъ величавой, монастырской обители — на рынокъ, отъ ораторіи — къ торговому крику съ пѣснями, кукольными комедіями, трескомъ колесъ.

Вамъ жаль той жизни, вы бережете ваши своды, ваши

оживы, чернѣющіе отъ времени; мы съ Киркой въ рукѣ, и замаранные известью, хотимъ строить, порядкомъ не зная еще что.

Эта разниа будетъ насъ преслѣдовать во всемъ; въ заключеніе приведу два примѣра.

Я сказалъ, что вопросъ о границахъ весьма равнодушенъ для меня, и прибавилъ, что впрочемъ есть фізіологическій признакъ—*православіе*, языкъ и крестьянскій бытъ. Вы, мнѣ кажется, поняли это такъ, что я даю какое-то преимущество православію надъ католицизмомъ. Упрекая меня, вы говорите что вы “не папской миссіонеръ, а я не Филаретъ, чтобъ толковать о религіи.” Изъ этого я просто заключаю, что вы еще не свободны отъ религіи. Я не считаю ни католицизмъ “высшей степенью развитію,” ни православіе; для меня эти вопросы сами по себѣ не существуютъ, такъ какъ для меня не существуетъ вопросъ дѣйствительно-ли Богъ Аписъ былъ богъ и быкъ. Но вѣдь тѣмъ не менѣе *православіе* составляетъ отличительный признакъ, такъ какъ исламизмъ или будаизмъ. И въ настоящемъ вопросѣ признакъ этотъ получаетъ особенную важность. Католицизмъ представляетъ религію именно отживающаго міра, міра *воспоминаній*, а православіе ничего не представляетъ; оно сдѣлалось исключительной религіей и начало гоненія только при Николаѣ. Ну а вы сами знаете, что у этаго Пинети все въ рукахъ превращалось въ кнутъ.

Вы говорите, что все “русско-польское дворянство по Дибпръ католическое.” Да вѣдь я не вѣрю, чтобъ дворянство выражало народность того края. Вы говорите, что это самая образованная часть, и прибавляете, что еслибъ не Екатерина II, они давно сдѣлали бы изъ народа католиковъ или униатовъ. Какая же польза была бы отъ этого? Неужели Богемія орудіями пытки вновь соединенная съ папизмомъ, даетъ завидный примѣръ? Какими средствами дворяне обращали прежде, это мы знаемъ изъ Украинскихъ лѣтописей и изъ исторіи Лелевеля; какъ бы они обращали въ XVIII столѣтіи, этого я и понять не могу. Или они дѣлали бы это съ вѣрой—и тогда они были бы отсталые фанатики, или безъ вѣры—тогда изъ чего же беспокоиться.

Далѣе вы говорите, что если развязать вамъ, Украинѣ, раскольникамъ узы и снять кандалы, всѣ уйдутъ безъ оглядки восвояси и царскій острогъ опустѣетъ. “Сзывайте насъ послѣ—не сзовете, да и не зачѣмъ.”

Можетъ и въ самомъ дѣлѣ было бы хорошо распастся, чтобъ насильственный узелъ развязался, чтобъ намъ можно было наконецъ свободно говорить и обсуживать вопросы, и говорить откровенно, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Теперь полной откровенности мѣшаетъ съ вашей стороны справедливая вражда, съ нашей-недовкое положеніе стоять со стороны силы, которой своеволие мы также хотимъ сокрушить какъ и вы, но которою вы все-таки будете намъ попрекать, пока выйдете изъ подъ ея опеки.

“Россія никогда не освободитъ своихъ неправо захваченныхъ частей,” говорите вы.

Да вѣдь это должны сдѣлать *мы и сами освобождающіяся части*. Неужели вы можете себѣ представить какое бы то ни было правительство, которое вдругъ скажетъ своимъ народамъ: “Распадемтесь! Я вами неправо владѣю, ступайте на всѣ четыре стороны, я не поминайте лихомъ!” Вопросъ совсѣмъ не въ томъ какъ присоединены части государства, а въ томъ, сохранили они самобытность или нѣтъ.

Всѣ государства въ мірѣ составились очень не-законно и очень насильственно, такъ что если передать дѣла приращенія Франціи и Англій на разборъ гражданской палатѣ, то мы сведемъ ихъ на какую нибудь гальскую деревушку и на англо-саксонскую рыбацью слободу.

Въ Лондонѣ во время крымской войны продавали карту Россіи, въ которой ярко были обозначены всѣ поземельныя приращенія ея со временъ татарскаго ига. Ядро Россіи, или настоящая *благодѣтельная* Русь была обозначена около Москвы верстъ на сто, остальное все взято силой. “Помилуйте, говорилъ я одному здѣшнему публицисту, какаго вы маху дали, и Москва также захвачена силой, настоящая Россія это часть Новгородскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ...”

Если мы будемъ раздроблять государства на основаніи незаконнаго роста ихъ, одинъ только и останется въ своихъ границахъ, Косма безсребренникъ ничего не стяжавшій, — это республика Сан'-Марино.

Іонійскіе острова имѣютъ право отойти отъ Англій, а Жерсей или Гернсей нѣтъ. Оттого что Іонійцы хотятъ присоединиться къ Греціи, а тѣ два острова ради что не принадлежатъ гальской Портѣ.

Я искренно, отъ всей души желаю не разрывъ славянскаго міра, а его свободную федерализацію. Можетъ вы правы въ вопросѣ времени, и если для того чтобъ перейти его и лучше понять другъ друга — Польша, многострадательная, но вѣрующая—*хочетъ и можетъ* стать независимо, — *пусть станеть*. Ея независимость сблизитъ насъ. Мы тогда будемъ говорить другъ съ другомъ какъ братья, забывая бывшія раны и бѣдствія, и глядя *впередъ*, чтобъ узнать одна-ли дорога намъ въ будущемъ, или нѣтъ!

ИСКАНДЕРЪ.

Park House, Fulham, 10 Февраля 1859.

О ПОЛОЖЕНІИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ еврейское общество царства польскаго неоднократно обращалось къ русскому правительству съ жалобами касательно страшнаго положенія Евреевъ, и правительство, еще въ царствованіе императора Николая, предписывало намѣстникамъ соблюдать законы царства, относящіеся до Евреевъ, съ законами имперіи, въ которыхъ проявляется несравненно большее стремленіе къ справедливости. Ибо, если и тамъ положеніе Евреевъ далеко незавидно, то по крайней мѣрѣ нѣтъ надъ ними ужаснаго *матеріальнаго* гнета, они пользуются значительно большимъ просторомъ въ торговлѣ, единственной имъ дозволенной отраслю приобрѣтенія, и менѣе подвергаются притѣсненіямъ чиновниковъ. Въ царствѣ же польскомъ существуетъ касательно Евреевъ неимовѣрное число узаконеній, на счетъ которыхъ покойный министръ Туркуль выражался такъ въ своемъ поясненіи жалобъ еврейскаго народонаселенія, представленныхъ черезъ посредничество Монтефиоре: “Вообще, законодательство царства польскаго относительно Евреевъ, если только можетъ быть названо законодательствомъ, есть не иное что, какъ сборъ старыхъ, средневѣковыхъ предразсудковъ и фискальныхъ постановленій Австріи и Пруссіи 1798 г. Откуда-то выбираются ограниченія для Евреевъ, безъ всякаго вниманія къ обстоятельствамъ и времени, въ которыя были постано-

влены означенныя узаконенія различныхъ правительствъ, безъ вниманія къ тому, что каждое изъ нихъ преслѣдовало различныя цѣли.”

Такъ писалъ русскій министръ при Николаѣ I Александръ II учредилъ въ Петербургѣ комитетъ, которому предписано изслѣдовать ближе положеніе русскихъ Евреевъ и опредѣлить сообразныя съ нимъ законодательныя формы. Этотъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Блудова, имѣетъ въ виду, судя по слухамъ, по возможности улучшить положеніе Евреевъ на гуманномъ основаніи.

Разумѣется, Блудовъ обратился и къ высшимъ правительственнымъ лицамъ въ Польшѣ, замѣчая въ особенности, что жалобы Евреевъ ему кажутся основательны, и требуя записки, въ которой бы пояснено было различіе между положеніемъ Евреевъ въ Польшѣ и въ Россіи, и указаны мѣры для надлежащаго измѣненія польскихъ узаконеній. Вслѣдствіе такого вызова, министръ внутреннихъ дѣлъ царства, Мухановъ, учредилъ комитетъ, въ которомъ засѣдали слѣдующіе высшіе сановники, изъ каждой *комиссии*, или министерства, по одному; изъ министерства юстиціи совѣтникъ Водзвинскій; изъ министерства финансовъ совѣтникъ Мушынскій; изъ министерства внутреннихъ дѣлъ совѣтникъ Бернацкій; и имъ было поручено составленіе упомянутой записки. Случайно жеребій палъ на неподкупныхъ и достойныхъ уваженія чиновниковъ, пользующихся общимъ довѣріемъ; и ихъ трудъ, не исчерпывая предмета, имѣлъ однако цѣлью вызвать значительныя реформы въ цѣломъ законодательствѣ, касающемся Евреевъ. Но когда этотъ трудъ былъ оконченъ и представленъ Муханову, онъ нашелъ его слишкомъ *доброжелательнымъ* къ Евреямъ, почему, сдавъ въ архивъ, поручилъ составленіе новаго проекта одному изъ своихъ чиновниковъ, который произвелъ вѣчто чудовищное, гдѣ господствуетъ вполне ненавистный образъ мыслей, гдѣ возобновлены стародавнія нареканія противъ Евреевъ и ихъ религій, всякое улучшение рѣшительно отстранено, а самыя постыдныя изъ прежнихъ постановленій представлены въ выгодномъ свѣтѣ, при чемъ всюду проглядываетъ лицемѣрная заботливость о преуспѣяніи и дальнѣйшемъ образованіи Евреевъ. Проектъ этотъ возбуждаетъ полное отвращеніе и служитъ такимъ *testimonium paupertatis* противъ образованности и характера министра, что едва вѣрится, какимъ образомъ человекъ, котораго впрочемъ ненавидитъ и презираетъ цѣлая страна, можетъ стоять во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Не взирая, однако, на господствующій духъ злобы и тьмы, этотъ проектъ представляетъ совершенно ясную картину ужасающаго и невѣроятнаго положенія Евреевъ, картину мастерски очерченную, хоть и безъ намѣренія и противъ воли автора.

Изъ нея ясно до очевидности, что въ торговлѣ и промыслахъ, томъ именно, гдѣ они доставляютъ наибольшую выгоду странѣ и государству, существующія постановленія служатъ поводомъ къ разнымъ повинностямъ и взяткамъ, разоряющимъ Евреевъ въ конецъ. На каждомъ шагу приходится Еврею испрашивать дозволеніе; на каждомъ шагу онъ можетъ быть обвиненъ въ преступленіи противъ полицейскихъ или фискальныхъ узаконеній.

При отсутствіи училищъ,* гдѣ-бы онъ имѣлъ возможности выучиться народному языку, долженъ онъ вытвердить наизусть цѣлый сводъ установленій, чтобъ знать, что именно ему дозволено и что запрещено; а между тѣмъ ему надо существовать, надо охранять свое семейство отъ позора и безчестья; какъ же ему не прибѣгать къ подкупу для обхода законовъ, которые за тѣмъ и изданы, чтобъ ихъ обходили, ибо ихъ соблюденіе есть очевидная невозможность.

Еврей долженъ жить въ опредѣленныхъ улицахъ и мѣстностяхъ, не имѣетъ права быть архитекторомъ, химикомъ, аптекаремъ, винокуромъ или цѣловальникомъ, мясникомъ или продавцомъ мяса; онъ не можетъ держать у себя кормилицъ изъ христіанокъ, быть свидѣтелемъ противъ христіанъ; онъ лишенъ права пріобрѣтать недвижимость и ему не дозволено присутствовать въ собраніяхъ ремесленныхъ и цѣховыхъ обществъ.

Не смотря на безчисленныя ограниченія, изъ которыхъ мы упомянули только нѣсколькихъ, Евреи обложены страшными повинностями. Они платятъ:

1) Всѣ тѣ повинности, которыя лежатъ и на христіанахъ;
2) 350,000 рублей пошлинъ за право имѣть свои бойни (*Kosher-fleisch*), изъ каковой суммы—страшно вымолвить—отдѣляется только 9,000 руб. въ пользу Варшавской больницы для Евреевъ.

3) 100,000 рублей за поденные билеты (*Tagezetteln*), штемпеля и штемпельныя штрафы при испрошеніи разрѣшенія проживать въ Варшавѣ; изъ нихъ отдѣляется примѣрно 7,000 руб. въ пользу равинскаго училища.

4) 60,000 руб. за спеціальныя права на арендаторство и арендныя деньги (*Special consense und Pachtgelder*), сумма, безъ исключенія поступающая въ общій бюджетъ.

5) Особыя повинности для поддержанія синагогъ, школъ, и для покрытія прочихъ общинныхъ расходовъ.

6) Огромныя суммы чиновникамъ, для подкупа правосудія, ибо для Еврея прямой законъ ведетъ къ проволочкамъ, къ издержкамъ, чуждъ безпристрастія, и заставляетъ предпочитать кривой путь, какъ кратчайшій.

При такихъ огромныхъ повинностяхъ и издержкахъ, да еще въ странѣ, которая и безъ того не представляетъ большаго средствъ къ пріобрѣтенію, зарождается искусственная порча, за которую отвѣтственность падаетъ на грубыхъ законодателей и исполнителей, или вѣрнѣе—неисполнителей сихъ законовъ. На нѣсколько богатыхъ Евреевъ насчитываются сотни тысячъ бѣдняковъ, и лишь дѣдность и безпечность крѣпостнаго населенія въ промышленномъ дѣлѣ объясняетъ, почему они не умираютъ съ голода, или не превращаются въ толпы разбойниковъ.

Образованный Еврей съ ужасомъ смотритъ на такой рядокъ вещей; онъ громко проситъ проевѣщенія за огромныя, вымученныя суммы, идущія въ общій бюджетъ ради школъ; онъ проситъ, чтобы дѣти бѣдныхъ Евреевъ обучались народному языку; онъ желаетъ, чтобъ этимъ послѣднимъ были даны средства сдѣлаться искусными ремесленниками, при чемъ они по крайней мѣрѣ завели бы между собой цѣхи, для выбора подмастерій и мастеровъ; онъ проситъ, чтобъ получившіе образованіе могли въ своей землѣ употребить его въ дѣло; онъ желаетъ, чтобъ ему дозволено было пріобрѣтать земли

* Для цѣлаго Царства, на полмилліона Евреевъ, существуетъ только шесть училищъ, въ самой Варшавѣ, содержимыхъ еврейскою общиной.

хоть на основаніи экзамена въ агрономіи; онъ требуетъ, чтобъ раззорительныя дозволенія снимать аренды (*consens für güterpacht*), падающіе на однихъ Евреевъ, были вовсе отмѣнены; онъ проситъ быстрого правосудія и защиты противъ преслѣдованій, жаждетъ примиренія..... и что-же? на всѣ эти жалобы, основательность которыхъ была признана самимъ Николаемъ, — Мухановъ, министръ просвѣщенія, отвѣчаетъ намѣстнику такъ:

“Все въ совершенномъ порядкѣ; стало, стоитъ, намъ только продолжать выбранный путь; это лучший; одно худо, и я не знаю, чѣмъ помочь: жида страшно умножаются! Можетъ быть просвѣщеніе и образованность, которыя я стараюсь распространить, отчасти и пособить горю: вотъ уже полгода, какъ я занялъ проектомъ устроить, на иждивеніе еврейскаго общества, въ трехъ городахъ на 450, три первоначальныя школы, ассигнуя на каждую по 300 рублей! Если-бъ черезъ это оказался ущербъ въ народонаселеніи, тогда слѣдуетъ съ осторожностью прибѣгать къ такому средству. Но при нашемъ мудромъ управленіи Евреи не имѣютъ никакого права жаловаться. Конечно, имъ не дозволяется жить въ нѣкоторыхъ улицахъ и мѣстностяхъ; за то, вся остальная земля имъ открыта; къ тому-же они умѣли пробраться и въ запрещенныя мѣста. Конечно, имъ не дозволено заниматься большою частью ремеслъ и промысловъ; за то, имъ предоставляются остальные, подъ условіемъ испрашивать *консенсы*; сверхъ того вся торговля въ ихъ рукахъ. Положимъ, что имъ, какъ чужимъ, слѣдуетъ брать въ Варшавѣ поденныя билеты (*Tagezettel*); но вѣдь и туземные обыватели должны тоже. Положимъ, ихъ не производятъ въ унтеръ-офицеры даже послѣ долгой службы, и нельзя имъ быть военными врачами; но развѣ не вольны они вступить въ государственную службу, при существующемъ правѣ отставнымъ солдатамъ занимать мѣста безъ чиновъ (почтальоновъ, разсылныхъ, и пр.), при чемъ, конечно, мы должны поступать очень осторожно? Правда, они не могутъ быть свидѣтелями противъ христіанъ; но за чѣмъ-же ихъ религія (о сущности которой я, впрочемъ, мало забочусь) воспрещаетъ имъ правдивость въ отношеніи къ иновѣрцамъ? Если имъ не дозволено приобрѣтать недвижимость, за то пусть они занимаются практически сельскимъ хозяйствомъ; если у нихъ мало школъ, то это доказываетъ только, какъ мало въ нихъ наклонности къ образованію; если платятъ они 580,000 руб. особенныхъ повинностей, за то правительство удѣляетъ 16,000 руб. въ пользу еврейскаго общества; если не допускаются они въ ремесленныя собранія и къ участию въ цѣхахъ, за то ничто не мешаетъ имъ помогать цѣховымъ обществамъ; если они не могутъ занимать, какъ врачи, должностныя мѣста, то вѣдь и жалованье такъ ничтожно, что Евреямъ при этомъ не было бы никакой выгоды; что-же касается до недопущенія къ званію аптекарей, то очевидно, что иначе Евреи стали бы отпускать поддѣльныя лекарства, продавать яды и шарлатанить. Къ тому-же и безъ нихъ нѣтъ недостатка въ аптекаряхъ изъ христіанъ.”

Такова сущность записки о Евреяхъ, составленной въ XIX столѣтіи, въ странѣ, служившей когда-то образцомъ вѣротерпимости и гостепріимства!

— Намъ остается прибавить къ переводу этой печальной записки доставленной намъ, чувство истиннаго удивленія къ

Муханову,—вотъ цѣльная натура... съ такой всесторонностью онъ далеко уйдетъ... и это при Александрѣ II! Охъ *слѣпота* большой порокъ.

С М Ъ С Ъ .

ПО ДѢЛУ КРИВОНОГОВА И ДОКТОРА ШТЕЙНА.

Мы получили противъ статьи помѣщенной въ 29 листѣ Колокола, о купцѣ Кривоносовѣ довольно длинное объясненіе, имѣющее цѣлью оправдать дѣйствія г. доктора Штейна. Справедливость требуетъ чтобъ мы дали гласность этому объясненію. Намъ душевно жаль если г. Штейнъ былъ безвинно замѣшанъ въ это дѣло. Мы не знаемъ ни перваго корреспондента, ни втораго. Вся отвѣтственность обоихъ разсказовъ на ихъ совѣсти.

Вотъ обстоятельства дѣла, изложенныя въ письмѣ: (*)

“Въ 1839 году умеръ купецъ Евграфъ Кривоноговъ (а не Кривоносовъ, какъ сказано въ Колоколѣ) и оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Алексѣя 18 лѣтъ и Константина 13 лѣтъ, и дочь Прасковью. Но несовершеннолѣтнію этихъ дѣтей попечителями назначены были Иванъ Шевнинъ и сынъ его Алексѣй; оба эти попечители находятся въ степени дѣда и дяди въ родствѣ съ несовершеннолѣтними Кривоноговыми. Самый главный двигатель этого преступленія есть Алексѣй Шевнинъ.

“Въ 1846 году 25 Сентября магистратъ приступилъ къ раздѣлу имущества, оставшагося по смерти означеннаго купца Кривоногова. Купеческой женѣ Парасковьи Михайловой, урожденной Кривоноговой выдѣлена была изъ наслѣдства $\frac{1}{8}$ доля; остальное имущество раздѣлено было поровну между двумя братьями Алексѣемъ и Константиномъ Кривоноговыми. Вы видите, что въ этомъ случаѣ не имѣется ни малолѣтнихъ братьевъ; ни сестеръ; отъ 1839 до 1859 года прошло уже 20 лѣтъ, такъ что въ настоящее время Алексѣю Кривоногову 38 лѣтъ отъ роду, Константину 33 года; дочь Парасковья, которая старше Алексѣя съ тѣхъ поръ уже давно успѣла выйти замужъ за купца Михайлова.

“Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1856 года оказались у Алексѣя Кривоногова явные признаки душевнаго недуга; въ Декабрѣ того-же самаго года представлены были бывшимъ попечителемъ дядею Алексѣемъ Шевнинымъ въ управу четыре векселя ко взысканію денегъ съ его больнаго племянника Алексѣя Кривоногова. На сдѣланное распоряженіе о вызовѣ больнаго къ отвѣту мѣстный приставъ того-же Декабря 19 числа при рапортѣ за N 16,222 представилъ свидѣтельство полицейскаго врача, въ которомъ означено было, что Алексѣй Кривоноговъ подверженъ разстройству умственныхъ способностей. Управа, не смотря на это снова повторила свое требованіе, на что приставъ 8 Января 1857 года представилъ свидѣтельство другаго доктора Павлова, который лечилъ больнаго Кривоногова; въ этомъ свидѣтельствѣ вторично подтверждено было, что Алексѣй Кривоноговъ одержимъ умопомѣшательствомъ. Вслѣдствіе этихъ двухъ свидѣтельствъ управа 14 Января сообщила губернскому правленію объ освидѣтельствованіи Алексѣя

(*) Мы только опустили ту часть письма, которая не идетъ къ дѣлу, и разныя крѣпкія слова, которыя, особенно въ дѣлѣ этого рода, нисколько не прибавляютъ ясности.

Кривоногова порядкомъ опредѣленнымъ 340 ст. св. законовъ Т. XIII. Купцу-же Алексѣю Шевнину всего важнѣе было, чтобы заставить своего племянника, вопреки вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, явиться для отвѣта въ управу. Шевнинъ выполнилъ дѣло блестящимъ образомъ и 16 Января насильно затащилъ больного Алексѣя Кривоногова въ управу, гдѣ немедленно съ этого несчастнаго человѣка снято было показаніе. На другой день, 17 Января, No. 1,164, предписано было приставу въ присутствіи Шевнина приступить къ описанію имѣнія полоумнаго Алексѣя Кривоногова и по описанію взять имущество подѣ полицейскій присмотръ; о такомъ распоряженіи немедленно увѣдомлено было губернское правленіе и донесено генераль-губернатору. Не замѣчаете-ли вы въ скоромъ производствѣ этого дѣла богатой золотоносной жилы; не удивительно, что алчные рудокопчиновники живо и усердно принялись за разработку грязной руды? Между тѣмъ Алексѣй Кривоноговъ отравленъ былъ домой; душевныя его страданія приняли въ короткое время самые страшныя размѣры, врачъ Павловъ находился во все остальное время дня при немъ. Наконецъ братъ его Константинъ поставленъ былъ въ необходимость отправить Алексѣя въ частную лечебницу доктора Штейна, въ которую онъ былъ принятъ по предварительному освидѣтельствуванію Штатсъ-физика Сольскаго.

“Больной Кривоноговъ, слабого тѣлосложенія, маленькаго роста съ *coure rose* на лицѣ, умолялъ другихъ лишить его жизни, отказывался отъ принятія пищи и считая себя недостойнымъ жить въ сообществѣ съ людьми, просилъ переселить его въ конюшню; онъ безпрестанно жаловался на то, что не въ состояніи заплатить за предлагаемое ему кушанье; при этомъ считаю не лишнимъ упомянуть, что за содержаніе больного платили не болѣе и не менѣе 60 руб. сер. въ мѣсяць. 19 числа Января мѣстный приставъ уже донесъ управѣ о томъ, что предписаніе по предмету описываемаго имущества исполнено; приставъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ свое необыкновенное и безпримѣрное усердіе ко всѣмъ предписаніямъ своего начальства.

“Губернское правленіе въ удовлетвореніе требованія управы объ освидѣтствованіи Алексѣя Кривоногова назначило произвести такое освидѣтствованіе въ самой лечебницѣ доктора Штейна; изъ акта, составленнаго 5 Февраля выставляется слѣдующій ложный результатъ: всѣ присутствующіе при освидѣтствованіи на какомъ-то произвольномъ предположеніи позволили себѣ вывести заключеніе, что Алексѣй Кривоноговъ одержимъ меланхоліею и разслабленіемъ ума вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ; они не постыдились своею подписью засвидѣтельствовать явную, злую клевету т. е., что Алексѣй Кривоноговъ имѣетъ обыкновеніе черезъ каждыя $\frac{1}{2}$ часа пить по полурюмочкѣ водки. Между тѣмъ они не доискивались той истины, что его дядя—мерзавецъ Шевнинъ умышенно напоилъ его пьянымъ.

При этомъ считаю не лишнимъ изложить весь ходъ освидѣтствованія, произведеннаго членами губернскаго правленія въ лечебницѣ доктора Штейна. Во главѣ ихъ явился самъ гражданскій губернаторъ Смирновъ.

Всѣ члены комиссіи явились въ чинномъ порядкѣ къ доктору Штейну; Смирновъ первый бросился на него съ

угрозою: какъ онъ осмѣливается держать у себя въ заточеніи здороваго человѣка! Когда Смирновъ успокоился, члены приступили къ освидѣтствованію и врачи дѣйствительно подтверждаютъ, что Кривоноговъ болѣнъ. Смирновъ недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и вице-губернаторъ Муравьевъ, поддерживая авторитетъ своего начальника и защищая его мнѣніе; завязывается споръ, шумъ, крикъ. Приступаютъ ко вторичному освидѣтствованію, послѣ чего наконецъ удаётся губернатору убѣдить въ томъ, что Кривоноговъ дѣйствительно болѣнъ. Онъ на весьма незаконномъ основаніи обѣщаетъ больного снова освидѣтельствовать черезъ 6 недѣль, обращаясь къ нему съ слѣдующими успокоительными словами: “я тебя черезъ 6 недѣль пересвидѣтствую, смотри поправляйся”. (Безъ сомнѣнія, въ Россіи личность купца слишкомъ незначительна, чтобы губернаторъ считалъ себя обязаннымъ говорить Кривоногову *Вы.*) Между тѣмъ какъ больной началъ поправляться, дядя Алексѣй Шевнинъ вошелъ съ просьбою къ генераль-губернатору, въ которой заключалось: а) весьма трогательная жалоба, б) ходатайство о переосвидѣтствованіи Алексѣя Кривоногова и с) объ отдачѣ означеннаго племянника на его попеченіе. Въ удовлетвореніе этой просьбы, она передана была на распоряженіе губернскому правленію, которое 1 Марта вытребовало къ себѣ больного Кривоногова и подвергло его переосвидѣтствованію. Изъ акта, составленнаго при этомъ освидѣтствованіи мы почерпаемъ слѣдующія весьма любопытныя подробности: такъ какъ Алексѣй Кривоноговъ пробылъ шесть недѣль въ лечебницѣ доктора Штейна, то вслѣдствіе заботливаго леченія и воздержанія отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, состояніе его здоровья значительно улучшилось и вмѣстѣ съ тѣмъ на различныя, предлагаемыя ему вопросы, онъ отвѣчалъ правильно, хотя впрочемъ и не совсѣмъ удовлетворительно, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ выказывалъ ослабленіе памяти и непрочность соображенія. При всемъ этомъ онъ довольно тихъ и покоенъ, и такъ какъ родной дядя его изъявилъ желаніе взять его на свое попечительство, то присутствующіе, и передали его на попечительство нѣжнаго и добраго дяди.

28 Іюня Алексѣй Кривоноговъ просьбою объявилъ управѣ, что онъ состоитъ должнымъ дядѣ своему Шевнину по девяти векселямъ, и что изъ числа этихъ векселей *только по четыремъ* искъ Шевнина признаетъ правильнымъ; на этомъ основаніи онъ проситъ все описанное по распоряженію управы имущество подвергнуть продажѣ, а деньги обратить на удовлетвореніе долговъ его.

“На это воспослѣдовало слѣдующее заключеніе управы: Купецъ Кривоноговъ не признавъ умалишеннымъ, но тѣмъ не менѣе найденъ неполюющимъ правильными соображеніями и твердою памятью, и что при этихъ условіяхъ трудно допустить убѣжденіе, что сознаніе его должнымъ себя купцу Шевнину можно было-бы принять за положительное изъявленіе воли человѣка вполне обладающаго умственными соображеніями; съ другой стороны нѣтъ прямаго отрицанія сего сознанія, сдѣланнаго имъ въ присутствіи управы”. Изъ просьбы, поданныхъ Константиномъ Кривоноговымъ видно, что стремленіе направлено было къ тому, чтобы изъ имущества, описаннаго полиціею, хоть одну часть т. е. половину освободить отъ ареста и получить въ свое распоряженіе, именно, какъ часть имущества, дошедшаго до него по правамъ

наслѣдства, при этомъ онъ объяснилъ, что вексея, представленныя ко взысканію неправильны и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что дядя Шевнинъ бралъ отъ нихъ съ завода товаръ, а не братъ отъ дяди.

“Этимъ я окончиваю изложеніе оффиціальныхъ извѣстій; перехожу теперь къ немногимъ, но весьма существеннымъ неоффиціальнымъ подробностямъ, т. е. къ тѣмъ даннымъ, которыхъ Богъ знаетъ по какой причинѣ не внесли въ журналъ входящихъ бумагъ. Вызванный Алексѣй Кривоноговъ по какому-то случаю явился безъ сопровожденія, и на вопросъ: кому принадлежитъ имущество, ему одному или обоимъ братьямъ? онъ отвѣтилъ: извѣстно, что намъ обоимъ поровну. На вопросъ: почему-же въ бумагахъ, поданныхъ имъ самимъ, означено, что все имущество принадлежитъ ему одному? онъ отвѣтилъ: да развѣ я самъ писалъ ихъ; мнѣ приказали и я подписалъ и подалъ.

“Въ чемъ-же выразился плачевный результатъ этого великаго преступленія, которое осталось неизъясненнымъ? Шевнинъ имѣетъ надежду на благоприятный исходъ своихъ злыхъ замысловъ.

“Описанное имущество продано, вслѣдствіе чего Константинъ Кривоноговъ подалъ исковое прошеніе въ судебное мѣсто. Отъ Алексѣя Кривоногова потребовали отвѣтъ, который имъ дѣйствительно подписанъ и представленъ былъ; но этотъ отвѣтъ былъ почти одинаковаго содержанія съ просьбами поданными повѣреннымъ его дяди купцемъ Бородинымъ. Затѣмъ Алексѣй и Константинъ подали общее прошеніе о томъ, чтобы прекратить производство дѣла, между ними возникшаго, и деньги, слѣдующія Константину, выдать ему, а долги его удовлетворить изъ части имущества, собственно ему принадлежащаго. Изъ другаго ими-же поданнаго прошенія старались вывести, что одинъ братъ обвиняетъ другаго въ неприязни; это обстоятельство снова подало поводъ къ слѣдствию, послѣ чего убѣдились, что оба брата какъ прежде такъ и нынѣ находятся въ хорошемъ расположеніи другъ къ другу. Константинъ Кривоноговъ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія, что онъ отправилъ своего больнаго брата Алексѣя не изъ какихъ нибудь недоброжелательныхъ видовъ въ лечебницу доктора Штейна, но напротивъ того, привязанность и попеченіе о братѣ заставило его прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. На этомъ основаніи они и просятъ дѣло объ обвиненіи одного изъ нихъ оставить безъ послѣдствій. По первому прошенію воспослѣдовало распоряженіе, чтобы изъ вырученныхъ денегъ одну половину выдать Константину Кривоногову, а другую Шевнину плуту. По второму прошенію не имѣется еще до сихъ поръ окончательнаго заключенія.

“Шевнинъ вошелъ съ жалобою на распоряженіе по первому прошенію Кривоноговыхъ и проситъ, чтобы деньги, выданныя Константину Кривоногову взыскать съ него обратно и выдать ему Шевнину.

Обращаясь еще разъ къ набѣгу Смирнова на частное заведеніе доктора Штейна, вы можете себѣ представить до какой степени обращеніе губернатора Петербурга было унижительно для Штейна, когда одинъ изъ членовъ здѣшняго физиката, принимавшій также участіе въ освидѣтельствованіи больнаго Кривоногова, именно докторъ Штейнъ, встревоженный подобнымъ поступкомъ, рѣшился поклянуть поприще

государственной службы и выйти въ отставку—явленіе неслыханное въ Россіи!

— Рассказываютъ о странномъ великокняжескомъ смотрѣ въ Тулонѣ парохода “Колхида”, принадлежащаго черноморской компаніи, гдѣ будто бы капитанъ и капитанъ-лейтенантъ получили крутые выговоры за какія-то выпушки, а экипажъ за штаны и пояса. Обществу парохода обѣщано “наклеить носъ” . . . Стыдимся, краснѣемъ, а ужъ особенно, когда приходится слушать это отъ Англичанъ и Французовъ!

— Дошелъ до насъ слухъ, что Іаковъ Ростовцевъ написалъ проектъ освобожденія крестьянъ, который хорошо принятъ государемъ и напечатанъ въ очень маломъ числѣ экземпляровъ. Проектъ этотъ, говорятъ, замѣчательнъ. Мы были бы очень обязаны, еслибъ намъ прислали копію или хоть содержаніе проекта.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

UNIVERSAL PRINTING-OFFICE, 178 & 179 HIGH HOLBORN,
LONDON.

Г. З. СВЕТОСЛАВСКІЙ поручилъ намъ объявить о его готовности печатать въ своей Типографіи русскія рукописи на слѣдующихъ основаніяхъ:

Листъ in 8vo въ 16 стр. Small Pica, 1,000 экзмп. . . . 4£ 15s.

Хорошая бумага . . . . . 1 12s.

Употребленіе “бreviera” и авторскія поправки дѣлаться особо.

Рукописи могутъ доставляться прямо въ его Типографію, на имя г. Светославскаго. Уплата должна дѣлаться передъ наборомъ перваго листа.

При этомъ г. Светославскій проситъ особъ желающихъ печатать у него, замѣтить, что его Типографія заведенная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ единственно съ цѣлью пропаганды, отказывается отъ печатанія сочиненій, писанныхъ съ цѣлью поддерживать рабство народовъ и своеволие власти, а равно сочиненія безнравственнаго содержанія и личности.

Что же касается до всѣхъ оттѣнковъ прогрессивныхъ мнѣній и партій, до всѣхъ литературныхъ и политическихъ школъ, Типографія г. Светославскаго предлагаетъ имъ безъ различія свои услуги.

Продается: у Трювнера & Со., 60 Paternoster Row и у С. Тхоржевскаго I, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho Square, London.

Записки императрицы ЕКАТЕРИНЫ II. (переводъ съ французскаго)

Записки княгини Е. Р. ДАШКОВОЙ (переводъ съ авглійскаго).

Записки: М. ЩЕРБАТОВА и А. РАДИЩЕВА (изъ екатерининскаго вѣка), Изданіе Трювнера, съ предисловіемъ Искандера.

Полное собраніе Стихотвореній П. ОГАРЕВА, съ портретомъ автора, гравированномъ на стали.

14 декабря 1825 и императоръ николай.

Печатается V книжка ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ на 1859 годъ.

— Въ концѣ Марта мѣсяца выйдетъ:

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Въ ней между другими статьями относящимися къ Русской исторіи XVIII и XIX столѣтій, будутъ помѣщены—письмо Екатерины II къ графу Н. И. Салтыкову, письмо императрицы Маріи Феодоровны къ цесаревичу Константину, письмо П. С. Мордвинова къ Александру I и три мнѣнія поданныя имъ, рассказъ очевидца объ убіеніи Павла I, доносъ Синашки черезъ Филарета, рѣчь Д. Г. Бибикова къ Кіевскому Дворянству и пр.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 38.

15 МАРТА 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street,) London. Price six-pence.

ПИСЬМО

КЪ АВТОРУ "ВОЗРАЖЕНІЯ НА СТАТЬЮ КОЛОКОЛА,"

ПОМѢЩЕННАГО ВЪ 18 ЛИСТѢ.

Мой почтенный и благородный критикъ,

Давно я собирался отвѣчать вамъ — и медлилъ. Я ждалъ событій, ждалъ чтобы опытъ разъяснилъ вопросъ. Факты двигались быстро, теперь многое можно заключить изъ опыта. Теперь опять хочется говорить о нашемъ краеугольномъ вопросѣ—объ освобожденіи крестьянъ и все, что съ тѣхъ поръ передумалось, сказать вамъ, котораго я уважаю, какъ одного изъ представителей священной для меня традиціи.

Я не спорить хочу съ вами. Внутренно я очень согласенъ на безвозмездное надѣленіе крестьянъ землею. Въ этомъ предположеніи есть столько широко-благороднаго, что мудро ему не сочувствовать. Но опытъ доказываетъ, что примѣненіе его невозможно. Большинство помѣщиковъ не согласится не только на безвозмездное надѣленіе землею, но едва согласится на выкупъ; оно слишкомъ завязло въ любви не къ одному землевладѣнію, но и къ рабовладѣнію. Значительное меньшинство тотчасъ согласится на выкупъ; но на безвозмездное надѣленіе землею согласится развѣ нѣсколько отдѣльных личностей. И вотъ, не смотря на внутреннее сочувствіе къ вашему предположенію, приходится сказать, что исполненіе его невозможно.

Я не хочу защищать и моего проэкта, по очень простой причинѣ—я слишкомъ безспорно сознаю его недостаточность. Въ немъ я могу отстаивать только одно, что съ тѣхъ поръ повторялось много разъ, что бродить въ умахъ, что у насъ въ воздухѣ, — это мысль о выкупѣ крестьянъ съ землею посредствомъ финансовой мѣры. Она у насъ развивается и на ея основаніи растетъ будущность нашей крестьянской общины.

Съ тѣхъ поръ какъ я напечаталъ мысль о выкупѣ и вы такъ благородно мнѣ возражали на нее,—многое совершилось въ Россіи. Цѣлая литература возникла по поводу крестьянскаго вопроса, много проэктовъ было подано правительству, нѣкоторые были напечатаны; даже самъ Я. Ростовцевъ, подлаживаясь къ новому государю, напечаталъ (говорять) проэктъ освобожденія крестьянъ въ смыслѣ народной пользы,

желая поступкомъ гражданина загладить передъ общественнымъ мнѣніемъ гнусность своего доноса и гнусность своей инструкции преподавателямъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Покаяніе дѣло великое. Но большинство дворянства, какъ ни отвратительно историческое преступленіе рабовладѣнія, не оказываетъ ни малѣйшаго покаянія, и губернскіе комитеты имѣютъ только отрицательную пользу. Эта отрицательная польза огромна: такъ наивно, какъ комитеты, высказать всю уродливость крѣпостнаго права, отстаивая его; такъ наивно высказать несостоятельность дворянства въ дѣлѣ образованія и заставить умы искать въ иной средѣ элементовъ для живаго русскаго развитія, — едва ли бы удалось самому гениальному писателю. Въ литературѣ крестьянскаго вопроса—комитеты являются какъ оппозиція старыхъ началъ; ту же роль оппозиціи они разыгрываютъ передъ правительствомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они доказываютъ, что ихъ оппозиція — оппозиція противъ всякаго здраваго смысла и всякаго нравственнаго чувства. Они доказываютъ, что старое, т. е. помѣщичье начало отжило свой вѣкъ и что оно должно уступить.

Но какъ уступить—вотъ въ чемъ вопросъ.

Правительство съузило эту уступку въ тѣсную раму усадьбы земли, пасильно продаваемой крестьянину по цѣнѣ, опредѣленной помѣщиками. Правительство хотѣло не того; оно пришло къ этому результату только вслѣдствіе глубокаго раздвоенія, въ немъ самомъ лежащаго: съ одной стороны — государь, сознавшій, что освобожденіе крестьянъ необходимо; съ другой — правительственные лица, которые или помѣщики, или бюрократы, или и то и другое вмѣстѣ. Какъ помѣщики — они вѣрують въ крѣпостное право и соглашаются съ мыслию государя лицемерно; внутренно они принадлежатъ къ той же оппозиціи, которая высказывается въ комитетахъ; имъ вовсе бы не хотѣлось освобожденія и у нихъ нѣтъ никакого проэкта для рѣшенія вопроса. Какъ бюрократы — первая мысль, на которую они напали, это оседлость, отсутствіе бродячества; въ ихъ глазахъ всякій, даже и свободный человекъ — является не какъ человекъ, а какъ плательщикъ налоговъ; да и самый налогъ въ ихъ умахъ представляетъ не средство государственной жизни, а средство очистки бумагъ по заведенному порядку; въ государственныхъ часахъ они не наблюдаютъ хода времени, имъ нужно только, чтобы

маятникъ качался, а стрѣлки ври себѣ какъ знаютъ. Какъ помѣщики — имъ надо было уступить какъ можно меньше; какъ бюрократы — имъ надо было измѣнить какъ можно меньше существующія формы администраціи. Отсюда и родилась эта несчастная мысль о выкупѣ однихъ усадебъ. Для помѣщиковъ она представляетъ ту выгоду, что крестьянинъ, неимѣющій возможности прокормиться одною усадьбой, будетъ по рукамъ и ногамъ связанъ помѣщиками, болѣе рабъ чѣмъ когда либо, да еще за это рабство заплатитъ деньги; для бюрократовъ — эта мысль представляетъ ту выгоду, что крестьянинъ не можетъ двинуться съ мѣста и очистка бумагъ по взиманію налоговъ обезпечена, т. е. въ налогахъ можетъ и будетъ недонка, но за то число бумагъ увеличится, не сбиваясь съ колесъ формальнаго порядка. Высшіе сановники проектомъ выкупа усадебъ добились до своего, — т. е. до сохраненія помѣщичей власти и бюрократическаго формализма и выдали свое узаконенное *statu quo* за нововведеніе, за реформу, за улучшеніе. Одна сторона внутренне раздвоеннаго правительства надула другую: правительственные лица надули государя. Государь хотѣлъ освобожденія, или, говоря оффиціально, улучшенія быта крестьянъ; правительственный проектъ выкупа усадебъ и двѣнадцатилѣтняго урочнаго положенія — представляетъ только личное прикрѣпленіе крестьянъ къ усадьбѣ, т. е. разрушеніе общины, безъ права перехода отдѣльныхъ лицъ иначе, какъ съ дозволенія помѣщика, — совершенное рабство. Вы согласитесь, что лучше не лзя было надуть жаждущій спасенія народъ и благонамѣреннаго государя.

Замѣьте также въ этомъ новое доказательство очень старой истины, что ни одно правительство не можетъ идти при разномыслии своихъ членовъ, а тѣмъ менѣе, когда почти всѣ члены находятся въ противурѣчій съ предположенной цѣлью. Результатомъ лицемѣрной мысли выкупа усадебъ и противурѣчій правительственныхъ лицъ съ освобожденіемъ крестьянъ, былъ уродливый проектъ центрального комитета объ отданіи Россіи подъ помѣщичьи-полицейскій надзоръ. Этотъ проектъ вѣроятно привелъ въ ужасъ и самаго государя. Еслибы событія двигались по логичному пути разсудка, а не по роковой логикѣ капризныхъ данныхъ, — этотъ ужасъ, это благородное огвращеніе передъ лицемѣріемъ, доходящимъ до цинизма, — навели бы государя на исканіе новыхъ дѣятелей для рѣшенія великаго народнаго вопроса, на внимательное прислушаніе къ живому русскому голосу. Но и тутъ внутреннее раздвоеніе сбило правительство съ пути разума на капризную колею ошибочныхъ данныхъ. Что государь хотѣлъ прислушиваться къ живому русскому голосу — это свидѣтельствуется литература по поводу крестьянскаго вопроса; но когда раздвоенное правительство дошло до уродливыхъ проектовъ, а литература подала голосъ противъ лицемѣрія, то вмѣсто усиленія литературы, послѣдовала отставка благонамѣреннаго цензора, учрежденіе какаго-то ценсурнаго комитета изъ жандармовъ явно-тайныхъ и дѣйствительно-тайныхъ, вмѣшательство III отдѣленія въ дѣла ценсуры, страхъ передъ живымъ голосомъ, вмѣсто сочувствія къ нему. Такъ этимъ-то путемъ зажатія ртовъ хотѣтъ дойти до рѣшенія вопроса? О! великіе распорядители судебъ Россіи, — еслибы они знали какъ они ничтожны! Пусть они сознаютъ это. Повторяю: сознаніе и покаяніе дѣло великое, единственное средство возвратиться на пути разума. И въ то время, когда

раздвоенное правительство бродитъ въ неясности, съ одной стороны съ отвращеніемъ боясь истины, съ другой съ желаніемъ истины боясь ея: масса народная молчитъ и ждетъ — обмануть ее или не обмануть? Эта масса кажется страшна. Но вѣдь она только тогда страшна, когда ее обмануть.

Комитеты — отъ самаго центрального до самыхъ эксцентричныхъ, бюрократы — отъ самыхъ министерельныхъ до самыхъ уѣзднѣйшихъ, большинство помѣщиковъ отъ самыхъ многодушныхъ до самыхъ малодушнѣйшихъ — хотѣтъ обмануть народъ. Этотъ фактъ становится до такой степени очевиднымъ, что никакой голубой мундиръ и никакое зажатіе ртовъ не скроютъ его. Къ чьему же голосу можетъ государь прислушаться, чтобъ узнать настоящее рѣшеніе вопроса безъ лицемѣрія и обмана? Къ голосу меньшинства и литературы, къ голосу, который другая сторона правительства такъ упорно старается задушить, къ голосу, говорящему за народъ.

Какое же слово сказало меньшинство и литература?

Выкупъ крестьянъ со всею землею — немедленный, безъ урочнаго положенія, посредствомъ финансовой мѣры.

Что это общій голосъ всего добросовѣстно-образованнаго въ Россіи, что это мѣра съ радостью приметъ масса, что она не пошатнется, а возбудитъ государство къ новой жизни — это я сей часъ постараюсь доказать.

Вся русская литература намеками или прямо, не смотря на различіе партій, говоритъ о необходимости выкупа крестьянъ съ землею посредствомъ финансовой мѣры.

Большая часть проектовъ клонится къ тому же.

Въ Тульской губерніи 105 помѣщиковъ представили записку въ этомъ смыслѣ; между ними много именъ извѣстныхъ и уважаемыхъ въ обществѣ и литературѣ.

Наконецъ цифра выкупа, т. е. цифра того что крестьянамъ будетъ стоить выкупъ посредствомъ финансовой мѣры, — во всѣхъ проектахъ, какъ бы различны ни были ихъ методы и основанія, — одна и таже. Должна же въ самомъ способѣ быть правда.

Возьмите проектъ Тверскаго губернскаго предводителя Унковскаго, и не входя въ обсужденіе самаго проекта, возьмите оредѣленную имъ цифру выкупа крестьянъ съ землею въ Тверской губерніи. Онъ полагаетъ maximum ея въ 36 мил. р. с. слѣдственно ежегоднаго 5% платежа не болѣе 1,800,000, то есть не болѣе 5 руб. сер. съ души (считая всего 360,557 ревизскихъ душъ).

Проектъ Кокорева въ “Петербургскихъ Вѣдомостяхъ,” полагаетъ для ежегодной уплаты процентовъ и погашенія съ выкупаго капитала по 5 р. с. съ души.

Проектъ неизвѣстнаго автора, напечатанный въ V книжкѣ “Голосовъ изъ Россіи”, и который, по моему мнѣнію, самый выработанный въ финансовомъ отношеніи, — полагаетъ ежегодныхъ процентовъ и погашенія по 5 р. 50 коп. на душу.

Одинаковость цифры въ этомъ случаѣ чрезвычайно важна. Она доказываетъ, что дѣйствительный доходъ помѣщика отъ крестьянина и земли, которою крестьянинъ пользуется, вертится около этой цифры, что неизмѣняемость ея при выкупѣ совершенно вознаграждаетъ помѣщиковъ, что правительство для расчета финансовой мѣры, должно имѣть ее въ виду.

Кокоревъ предложилъ капиталъ выкупа меньшій и увеличилъ проценты; по расчету Унковскаго и проекта V книжки “Голосовъ” капиталъ предположенъ больше, а проценты

меньше. Эти уклонения, сводящиеся на одно и то же, ясно показывают, что нормальная цифра выкупа находится в этих границах.

Нормальность цифры, доказывая, что помещики будут совершенно вознаграждены, дает выкупу то великое значение — что с этим способом освобождения, т. е. с выкупом, всякие отношения власти и подвластности между помещиком и крестьянами прекращаются по праву и ни в чем больше не имеют почвы.

Другой вывод из проектов, это то, что правительству не нужно денег для выкупа, потому что облигации по выкупу — не облигации из казны и ради казны выпускаемые, ни чем иным не обеспечены, кроме абстрактного понятия казны; это облигации народные, обеспеченные народом и приобретаемые им собственностью, и несколько не нарушают курса звонкой монеты и бумажных денег в России, так как векселя Ротшильда обеспечены собственностью Ротшильда и несколько не нарушают курса звонкой монеты и билетов английского банка в Англии, так наконец, как у нас билеты сохранной казны Опекунского Совета не нарушают денежного курса в государстве. Новым доказательством этого вывода служит проект Френкеля и Гомберга. Положим, что наших составителей проектов, многие еще называли бы мечтателями; но Френкель и Гомберг банкиры, а представляют подобный же проект; это уже конечно не с целью получить убыток, а развить выгоду; они уже наверно не мечтатели. Если возможен выкуп так, что крестьяне заплатят его и еще барыш банкира, то он тем более возможен, когда этот барыш не войдет в расчет; банкир тут явился только как учетчик векселей, но и без него найдутся охотники поместить свои капиталы и за 4% эсконтируют, т. е. приобретут выкупные облигации без обременения кого-либо, даже вероятно с выгодой для продавца, т. е. для помещика. (*)

Что касается до возможности крестьян платить проценты, Кокорев доказал ее очевидно сравнением с податями, платимыми государственными крестьянами, потому что крепостные крестьяне, платя по 5 р. с души в счет процентов за выкуп и 2 р. подушных в казну, — станут платить также 7 р. с души, как теперь государственные крестьяне платят 7 р. с души казенных податей. Правительству остается только дать выкупающимся крестьянам льготу платить подушных не более 2 р. во все время выкупного оборота, что правительству очень легко сделать, потому что его положение несколько не изменится; оно и теперь получает с помещичьих крестьян только 2 р. подушных. Я не думаю, чтобы на это можно было возразить, что и на государственных крестьянах есть недоимка, да еще и большая. Недоимка на государственных крестьянах происходит не от крестьян, не от недостатка земли у них, не от их поведения; она единственно происходит от дурного, т. е. от чрезмерного управления и от способов сбора податей; следовательно такое возражение несколько не опровергает расчета Кокорева. Никто же не говорит, что за освобождением крепостных крестьян должна следовать отдача их в лапы полицейского разбоя. Напротив —

освобождение крепостного состояния неминуемо влечет за собой вопрос переобразования администрации.

Эта то неразрывная связь того и другого и ставит у нас вопрос освобождения крестьян иначе, нежели он был поставлен в Пруссии. Крестьянский вопрос в Пруссии прошел, мало касаясь остальных государственных учреждений. Он был вопросом отношений между частными лицами и нечувствительно разрешился в общую категорию частных сделок, которая ужилась с общей системой бюрократии и судопроизводства. Совсем не то, когда вопрос идет об отношениях корпораций, общин. С освобождением корпорации ей надо узакониться в самой себе и всякая администрация, мешающая ей внутренней самостоятельности, явится врагом, с которым нельзя ужиться. Скажут, что до сих пор общины уживались же и с губернскими чинами, и с министерством государственных имуществ, равно как и с помещичьей властью; но до сих пор и вопрос крестьянский бывал поднят только на манер Стеньки Разина и не становился государственным вопросом. Теперь он поставлен государственным вопросом; теперь его с этой высоты не столкнешь. В Пруссии крестьянский вопрос был одним из элементов государственной жизни; у нас он — все. У нас он поставлен иначе и иначе должен разрешиться.

Мы не станем толковать о том, как учредилось крепостное состояние крестьян в России; исторический вопрос очень важен, очень любопытен, но он не поможет решению задачи. Положимте, что мы исторически докажем, что дворянство не право владеть мужиками: но этим мы не уничтожим крепостного состояния и не заставим дворянство отдать землю и волю народу, оставаясь ни при чем. Положимте, что мы докажем, что у дворянства есть историческое право на землю, но не на людей, и что всякий крепостной человек волен уйти от помещика и купить себе землю где хочет, или купить ее у того же помещика по добровольному условию, по частной сделке: но этим мы не дадим уходящему человеку или семейству средства купить себе землю где бы то ни было. Положимте, что мы с общечеловеческой точки зрения личной свободы и с исторической точки зрения дворянского права на землю дойдем до того, что освобожденный крестьянин может нанять землю у помещиков; а так как у него нет средств нанять за наличные деньги, то он остается должен помещику и очутится у него в кабале, или отбывает свой долг работою, и тогда мы опять возвращаемся к крепостному состоянию. Положимте, приходя к проекту правительства, что крестьяне сохраняют недостатки для своего прокормления усадьбы; положимте, что помещики, с филантропической точки зрения, подарят усадьбы крестьянам, — а крестьяне все таки останутся в кабале и крепостном состоянии. Вдобавок помещики и усадьбы не отдадут даром, основываясь на крепостном праве. Положимте, что мы исторически докажем, что и все дворянское право на землю — ложь и что следует взять помещичьи земли и отдать крестьянам. Да ведь этого сделать нельзя, потому что дворянства не вычеркнешь; оно также представляет известную силу в государстве, известную функцию в разившейся формуле. Следовательно, что мы ни делаем с историческими данными о крепостном праве и его справедливости или несправедливости, мы необходимо придем к

(*) Еще раз по этому поводу рекомендуем читателям брошюру: — Emancipation des serfs en Russie, Bruxelles et Leipzig, C. Muquardt éditeur, 1859.

тому, что оно фактъ, и фактъ который надо уничтожить, потому что онъ не подходит подь уровень народныхъ требованій. Войскомъ и кровопролитіемъ рѣшить его — мы не хотимъ; остается экономическое рѣшеніе, то есть выкупъ крестьянъ съ землею.

Выкупъ этотъ у насъ пельзя сдѣлать отдѣльно, посемейно, лично—по очепь простой причинѣ, потому, что и сама община — фактъ, певычеркнутый исторіей. Какъ и когда учредилась у насъ община—вопросъ очепь важный и очепь любопытный; но какъ и когда бы она ни учредилась—рѣшеніе этого вопроса дѣлу нисколько не поможетъ, также какъ рѣшеніе справедливости или несправедливости крѣпостнаго права не помогаетъ рѣшить вопросъ освобожденія. Община есть фактъ, певычеркнутый исторіей, и который не лзя вычеркнуть, потому что онъ подходит подь уровень народныхъ требованій.

Изъ литературы по поводу крестьянскаго вопроса вы конечнo видѣли сколько толковъ поднимаетъ вопросъ объ общинѣ, сколько она имѣетъ защитниковъ и враговъ, странныхъ защитниковъ и странныхъ враговъ. Кто хочетъ, чтобы крестьяне были отдѣльными собственниками съ круговой порукой общины; кто не хочетъ круговой поруки общины, а личной отвѣтственности каждаго; кто хочетъ сохранить общину съ дѣлянками земли, кто уничтожаетъ дѣлянки, и съ ними вмѣстѣ общину; кто хочетъ общины съ сохраненіемъ полицейской власти помѣщика, кто безъ полицейской власти помѣщика; кто не хочетъ ни общины, ни полицейской власти помѣщика; кто не хочетъ только общины, но ратуетъ за полицейскую власть помѣщика. Броженіе умовъ страшное. Это броженіе явленіе утѣшительное; оно доказываетъ, что въ обществѣ есть жизнь, и что самый вопросъ—вопросъ жизненный.

Много сору прильнуло къ вопросу объ общинѣ. Нашлись и православные славянофилы, отстаивающіе общину съ православной розгой; нашелся и доктринаризмъ, который хочетъ разрушить фактъ, потому что его не существуетъ въ западной наукѣ. Забудемте покамѣсть разные помѣщичьи своеобразные прорывы во всѣхъ толкахъ, и поставимте вопросъ со всей независимостью разсудка.

Что такое община? Коллективный собственникъ извѣстнаго пространства земли, которую она даетъ въ пользованіе своимъ членамъ. Вся земля для общины наследственна, но для отдѣльнаго лица не наследственна, такъ что съ уменьшеніемъ членовъ—участки становятся больше, съ умноженіемъ членовъ—участки становятся меньше. Община признаетъ для движимаго имущества своихъ членовъ личную собственность и наследственность. Своимъ членомъ община признаетъ тягло, т. е. женатаго человѣка, т. е. единицу семейства, и дѣлитъ земельные участки въ пользованіе по тягламъ. Такъ какъ число тяголъ измѣняется и земля не равпокачественна, то обычай ввелъ дѣлянки, т. е. ежегодный раздѣлъ полей по тягламъ, такъ, что тягло пользуется участкомъ одинъ годъ въ одномъ мѣстѣ, другой годъ въ другомъ; мѣстность участковъ ежегодно мѣняется. Раскладка повинностей производится потягольно, слѣдственно соотвѣтственно земельнымъ участкамъ. Надѣлъ участковъ въ пользованіе и раскладка повинностей производится на міру, т. е. на общемъ сходѣ всѣхъ членовъ общины, съ ихъ общаго согласія. Вотъ экономическое основаніе нашей общины.

Въ такомъ видѣ она существуетъ ископн и ни шагу не сдѣлала для своего развитія, скажутъ противники общины. Дѣлянки земли и непаслѣдственность земельныхъ участковъ отнимаютъ у крестьянъ охоту тщательно обрабатывать поля и мѣшаютъ развитію народнаго богатства и только. Ошибка этого возраженія въ томъ, что дѣлянки признаются противниками общины за главное основаніе, между тѣмъ какъ главное основаніе не въ дѣлянкахъ, а въ формѣ землевладѣнія общиннаго, гдѣ земля принадлежитъ общинѣ какъ собственность, а членамъ общины какъ пользованіе. Община сама въ себѣ государство; земля принадлежитъ этому государству—умножится ли населеніе, при спокойномъ развитіи, или уменьшится отъ выселковъ или какаго пибудь несчастія; государство, т. е. община, обязано дать каждому мѣсто и землю для пользованія ея произведеніями, не давая больше одному чѣмъ другому; всякая паслѣдственность была бы тутъ парупеніемъ общиннаго понятія права, сосредоточивая землевладѣніе въ руки нѣсколькихъ отдѣльныхъ членовъ и выпуская другихъ на бѣдпость, или, по неравномѣрности умноженія семействъ, раздробляя участки неравномѣрно. Форма землевладѣнія общиннаго содержитъ понятіе равнаго права каждаго на пользованіе землею. Это основаніе непременное. Метода же падѣла землею—ежегодными дѣлянками или иная, не есть неизмѣняемое основаніе, а переменная функція, которая, когда придетъ нужда, можетъ измѣниться—въ другую, не парупая основнаго понятія общиннаго землевладѣнія. Но скажутъ, до сихъ поръ эта метода не мѣнялась и наще хлѣбопашество стоитъ на самой низкой степени развитія и крестьянское народонаселеніе бѣдно. Тутъ естественно является вопросъ: почему-же эта метода не измѣнялась? почему община такъ упорно держится за способъ надѣла землею—вредный для ея благосостоянія? Да! община до сихъ поръ упорно держалась стараго обычая,—упорно держалась за свое *statu quo*, потому что она спасалась отъ насилія, а внѣшнія нужды, т. е. торговля, при отсутствіи дорогъ, недостатокъ хлѣба, который бы надо было пополнить болѣе тщательнымъ земледѣліемъ,—эти внѣшнія нужды не существовали. Мужики, довольствуясь тѣмъ что могутъ кое какъ прокормиться, какъ испуганное стадо, жалась въ свою общину, инстинктивно понимая, что все же для помѣщичей власти мудренѣе задушить общину, чѣмъ отдѣльнаго человѣка.

Съ освобожденіемъ община становится на свои ноги. Захочетъ она разрушить свое экономическое основаніе, свое равномѣрное право на пользованіе землею, свою общинную форму землевладѣнія, или не захочетъ? Я думаю, что не захочетъ. Инстинктъ народный помѣшаетъ ей захотѣть этого. Она подниметъ внутри себя новые вопросы—это такъ; но перейти къ личному наследственному землевладѣнію не захочетъ. Инстинктъ народный сложится изъ привычки къ извѣстному порядку понятій и вещей, изъ привычки къ міру, къ радѣ, къ вѣчу, изъ страха передъ внѣшней администраціей, которой опять легче было бы задушить отдѣльное лицо чѣмъ общину; изъ необходимости идти въ будущность отъ той точки отправленія, на которой стоишь—и народъ не измѣнитъ своего экономическаго основанія.

Вправѣ-ли мы павязать ему иное во имя будто бы непогрѣшительной науки? Не сердитесь на меня, если я сдѣлаю небольшое отступленіе отъ предмета; потребность

ясности пониманія невольно и неодолимо наталкиваетъ меня на слѣдующій вопросъ : да что-же такое наука? Я думаю мы не затумапимъ здравыхъ понятій мудренымъ языкомъ, если скажемъ, что наука, когда она имѣетъ предметомъ всѣ явленія міра, есть общая теорія жизни, а всякая отдѣльная наука есть теорія явленій извѣстнаго порядка. Простое записываніе фактовъ можетъ быть каталогомъ, лѣтописью—но не есть наука; только объясненіе законности, методы развитія явленій извѣстнаго порядка составляетъ теорію, т. е. науку. Для достовѣрности теоріи нужно ея совершенное совпаденіе съ явленіями. Отъ этого, чѣмъ явленія отвлеченнѣе, т. е. чѣмъ менѣе они содержатъ разнородныхъ данныхъ, тѣмъ наука непогрѣшительнѣе. Такимъ образомъ совершенно непогрѣшительная наука только одна—чистая математика, потому, что предметъ ея пространство и количество вообще совершенно отвѣченъ отъ всякихъ разнородныхъ данныхъ, составляетъ чисто количественную категорію. Чуть начинають примѣшиваться качественные данныя—достоверность теоріи колеблется. Уже въ теоріяхъ небесной и не небесной механики проглядываютъ ошибки. Въ естественныхъ наукахъ достоверность теоріи колеблется еще болѣе, потому что, при сложности качественныхъ данныхъ, еще легче что нибудь пропустить. Но тутъ еще есть спасеніе : измѣняемость природы во времени, относительно человѣческаго наблюденія, совершается такъ медленно, что мы имѣемъ дѣло почти постоянно съ одними и тѣми же фактами; теорія мѣняется только отъ приращенія подробностей, уясняющихъ предметъ. Какъ мы переходимъ въ міръ человѣческой, т. е. въ міръ, гдѣ движеніе элементовъ и ихъ разнородныя группировки совершаются, даже относительно человѣческаго наблюденія, очепь быстро—достоверность науки становится еще шатче; при сложности качественныхъ данныхъ еще болѣе стороны ускользаютъ отъ наблюденія, да и самый наблюдатель вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятель наблюдаемаго. Непогрѣшительность совершенно сомнительна. Сколько бы трансцендентальная философія (иначе метафизика) ни стремилась сдѣлать изъ науки религію, сколько бы академіи ни создавали цѣловыхъ ученыхъ—никогда религіозное боготвореніе науки, и никакіе цѣловыхъ дѣлъ мастера отъ науки не придадутъ ей непогрѣшительности и не узаконятъ въ ней *statu quo*; здравый смыслъ и дѣйствительное пониманіе всегда останутся благородными скептиками. Тутъ даже вотъ какого рода противурѣчіе : въ наукахъ количественной категоріи, чѣмъ общее предметъ, тѣмъ наука достовѣрнѣе, потому что качественное данное само количество; такъ алгебра совпадаетъ непогрѣшительно со всѣми явленіями. Въ наукахъ же качественной категоріи, а тѣмъ болѣе въ наукахъ изъ человѣческаго міра, чѣмъ общее предметъ, тѣмъ менѣе достовѣрна наука, потому что тѣмъ болѣе качественныхъ данныхъ ускользаютъ отъ наблюденія. Такъ философія исторіи становится совершенно проблематической наукой, гдѣ каждый, по одностороннему наблюденію, натягиваетъ на предположенный законъ кое какіе факты и въ наукѣ царствуетъ произволь, потому что не только большая часть данныхъ изъ исторической жизни людей ускользаютъ или не существуетъ для наблюденія, но даже самая физиологическая связь между человѣческимъ существованіемъ и человѣческой дѣятельностью не только не опредѣлена, но едва задѣта какъ вопросъ въ наукѣ. Между этими двумя крайними—совершенною достоверностью алгебры и совершенною

недостоверностью философіи исторіи—мы найдемъ степени достоверности, гдѣ наименѣе погрѣшительны знанія, въ которыя входитъ наиболѣе извѣстныхъ данныхъ, или гдѣ количественная категорія ставитъ себя алгебраической формулой, примѣняемой ко всякому положенію вещей, гдѣ вообще количество и качество приходятъ къ наибольшему совпадению. Такимъ образомъ политическая экономія всего непогрѣшительнѣе, всего болѣе выработала истинъ тамъ, гдѣ она можетъ стать алгебраической формулой; на примѣръ движеніе цѣнъ, гдѣ приращеніе извѣстнаго товара на рынкѣ понижаетъ его цѣну, а уменьшеніе повышаетъ; достоверность такой алгебраической формулы непреложна, какое бы ни было устройство человѣческаго общества. Совсѣмъ не то, когда она переходитъ къ качественнымъ даннымъ; тутъ она совершенно теряетъ свою непогрѣшительность. Такимъ образомъ въ вопросѣ отношенія народонаселенія къ собственности, она никакъ не можетъ возвыситься на степень алгебраической формулы. Она сталкивается съ идеей общечеловѣческаго права и дѣйствительностью, и не можетъ примирить ихъ. Съ ожесточеніемъ безсилія она бросается на провозглашеніе дѣйствительности наукою; фактъ хочетъ назвать теоріей и оправдать его разумность—не относительно его происхожденія какъ роковое слѣдствіе извѣстныхъ причинъ, а относительно того идеала разумнаго общественнаго устройства, который гнѣздится въ каждомъ человѣческомъ мозгу болѣе или менѣе инстинктивно, болѣе или менѣе сознательно. Отъ этого фактъ современной формы собственности для нея какое-то конечное слово человѣческаго общества; она ему придаетъ значеніе непогрѣшительной науки. Эта остановка въ *statu quo*, это одеревѣненіе, эта кристаллизація жизни въ застывшую форму и есть то, что мы обыкновенно въ органическомъ мірѣ называемъ смертью. Отсюда начинается борьба политической экономіи съ социализмомъ. Она сталкивается съ нимъ не какъ съ фактомъ изъ дѣйствительнаго міра, а какъ съ фактомъ человѣческаго мышленія. Борьба необходимо должна была принять ту форму, въ которой она является, то есть политическая экономія смотритъ на социализмъ какъ на утопію, на теорію безъ факта; социализмъ смотритъ на политическую экономію какъ на оправданіе существующихъ вещей, противурѣчащихъ идеалу разумнаго устройства человѣческаго общества; онъ видитъ только несчастный фактъ безъ теоріи, а не науку. Политическая экономія крѣпко усѣлась на почвѣ, но у ней нѣтъ воздуха для дыханія; социализмъ ставитъ свой фактъ на воздухѣ, безъ почвы

Положимъ, что западный социализмъ, встрѣтивъ въ русской общинѣ новую форму землевладѣнія, не отринетъ ея какъ *pop sens*, а только посмотритъ съ недоумѣніемъ; но политическая экономія, по натурѣ своей, отринетъ этотъ фактъ изъ дѣйствительнаго міра также, какъ отринула социальную теорію какъ фактъ человѣческаго мышленія, потому что этотъ фактъ не подходитъ подъ науку, или вѣрнѣе не есть фактъ изъ современнаго *statu quo* западной цивилизаціи. Естествоиспытатель, привыкшій встрѣчаться съ явленіями всегда однородными, съ формами уже созданными, а не создающимися, кажется имѣлъ бы болѣе права отринуть какой нибудь вновь встрѣчаемый фактъ какъ не подходящій подъ науку; но совсѣмъ напротивъ : естествоиспытатель передъ новымъ фактомъ останавливается съ уваженіемъ, пересматриваетъ свою науку

и пересоздаетъ ее вслѣдствіе вновь открытаго факта, потому что его требованіе одно, чтобы теорія совершенно совпадала съ явленіями, т. е. имѣла бы полную или по крайней мѣрѣ наибольшую достовѣрность. Тамъ же гдѣ объясненіе явленія совершенно ускользаетъ отъ теоріи, естествоиспытатель очень искренно говоритъ: не знаю, — поищемъ! Совсѣмъ иначе политическая наука: наблюдатели, страстно увлеченные потокомъ наблюдаемаго, при быстротѣ переменныхъ сочетаній, стремятся сохранить религію науки, какъ бы она ни противорѣчила развитію жизни, и сохраняютъ только печальное *statu quo*. Правило ихъ не безкорыстное уваженіе передъ новымъ фактомъ, а правило Гжи Простаковой: “повѣрь, мой батюшка, что все то вздоръ чего не знаетъ Митрофанушка.”

Возвращаюсь къ предмету: вправѣ ли мы во имя *statu quo* западной цивилизаціи, изъ которой Европа сама стремится выйти съ судорожнымъ безсиліемъ, вправѣ ли мы во имя науки, имѣющей такъ мало правъ на достовѣрность, — разрушить фактъ нашей сельской общины?

Безъ сомнѣнія: нѣтъ.

Въ формѣ общиннаго землевладѣнія социализмъ становится на почву, потому что при наслѣдственномъ землевладѣніи почва для него невозможна. Можетъ быть теоретическій социализмъ не признаетъ этого, потому что не найдетъ въ существующихъ общинахъ своихъ выработанныхъ формъ. Но въ исторической жизни, какъ и во всякой органической жизни, формы вырабатываются не по рецепту, а по необходимому спѣшенію страшно сложныхъ элементовъ, движущихся отъ причинъ къ слѣдствіямъ — со всѣми данными случайностей, личностей, уклоненій, зигзаговъ. Одно очевидно что иная почва, иная точка отправления даетъ иной результатъ. Можно всякое развитіе задуть насиліемъ, я и объ этомъ спорить не стану, но чего мы именно не хотимъ — это насилія; мы никакъ не можемъ сочувствовать съ тѣмъ воззрѣніемъ, которое англійскаго солдата въ Индіи и австрійскаго жандарма въ Галиціи боготворитъ какъ цивилизаторовъ. Такое крайнее направленіе доктринаризма всего очевиднѣе доказываетъ, что политическая наука, въ заботѣ о самоспасеніи, заботится только о сохраненіи *statu quo*, хотя бы этотъ *statu quo* былъ даже Австрія; пусть лучше Австрія будетъ непреложной истиной, чѣмъ наука согласится принять новый фактъ въ ней несуществующій.

Но, скажутъ, можетъ мы то и дѣлаемъ насиліе и навязываемъ форму общиннаго землевладѣнія русскому народу, который ея вовсе не хочетъ. Я готовъ сомнѣваться и въ собственномъ воззрѣніи; но въ такомъ случаѣ рѣшить вопросъ приходится ни съ кафедры профессора, ни на страницахъ журнала, ни въ передней министра, ни въ кабинетѣ государя. Вопросъ этотъ должны рѣшить сами крестьяне: пусть они устроятся какъ знаютъ, какъ имъ естественнѣй. Говорятъ, что малороссійскіе крестьяне не хотятъ общиннаго землевладѣнія; позволяя себѣ не совсѣмъ довѣрять этому утвержденію, я все же скажу: пусть малороссійскіе крестьяне устроятся иначе, устроятся какъ знаютъ, но свободно, безъ насилія съ какой бы точки зрѣнія ни было. Я увѣренъ, что великорусскіе крестьяне устроятся въ общинное землевладѣніе; но и тутъ опять — пусть они рѣшаютъ вопросъ сами. Если одна часть государства сохранить общинный бытъ, а другая нѣтъ — и это не бѣда; разрѣшится ли при дальнѣйшемъ развитіи форма личнаго землевладѣнія въ

общинное, или на оборотъ — это дѣло исторической жизни; но что мы теперь, прежде всего, обязаны не нарушать — это принципъ свободы. Пусть же вопросъ своей формы землевладѣнія рѣшаетъ самъ народъ. Я убѣжденъ, что народъ рѣшитъ въ пользу общиннаго землевладѣнія; но только опытъ доказать справедливость моего убѣжденія.

Но, скажутъ еще, форма общиннаго землевладѣнія вовсе не новая; она существовала у всѣхъ дикихъ народовъ и теперь еще существуетъ въ Индіи. Исторія разрушила ее въ западной Европѣ. Я не думаю, чтобы феодальная исторія Европы дѣйствовала очень сознательно. Извѣстный толчекъ производитъ свое дѣйствіе совсѣмъ не думая о томъ, что онъ производитъ; горячка ли разрушаетъ организмъ, родится ли бѣлокурое дитя отъ бѣлокураго отца и матери, — цѣлебности въ этомъ не много; только послѣ патологъ рѣшаетъ какъ и почему организмъ долженъ былъ умереть, и физиологъ рѣшаетъ, какъ и почему ребенокъ долженъ былъ родиться бѣлокуримъ. Общинное землевладѣніе рушилось въ западной Европѣ — это фактъ, и феодальное скопленіе земельной собственности въ немногія руки, и дробное, неравномѣрное измелеченіе наслѣдственно дѣлимыхъ земель, довели западную Европу до страшно-тяжелаго положенія — и это фактъ. Тутъ не лзя искать доказательствъ противъ общиннаго землевладѣнія; изъ этого можно вывести только одно безспорное заключеніе: въ западной Европѣ общинное землевладѣніе не развилось. Что Индія спитъ глубокимъ сномъ — это не есть вопросъ какой бы то ни было формы землевладѣнія. Это вопросъ историческихъ отживаній. Римъ палъ отъ завоеванія; но онъ уже былъ внутренне павшимъ, не смотря на отсутствіе общиннаго землевладѣнія; Индія окристаллизовалась и застыла. Завоеваніе и застываніе два рода исторической смерти, которыхъ паталогическія причины гордая наука нисколько не объяснила и даже не поставила вопросомъ какъ явленіе физиологическаго міра. Англичане завоевали Индію, потому что Индія представляетъ безсиліе; они разрушаютъ форму общиннаго землевладѣнія въ Индіи, потому что съ точки зрѣнія условій западно-европейской жизни эта форма имъ чужда, и потому что они имѣютъ силу дѣлать насиліе, предполагая въ этомъ дикомъ поступкѣ рациональную методу разпространенія цивилизаціи. Англичане можетъ быть завоевали бы и Россію, еслибы Россія представляла безсиліе и стали бы разрушать у насъ форму общиннаго землевладѣнія. Но имъ этого не лзя сдѣлать, потому что Россія представляетъ силу. Такъ, вмѣсто того, чтобы возражать на фактъ, который именно потому новый, что онъ является при другихъ условіяхъ, элементомъ другаго химическаго сочетанія, функціей другой формулы, — посмотримъ лучше, спокойно выжидая рѣшеній опыта, что сдѣлаетъ изъ формы общиннаго землевладѣнія народъ представляющій не безсиліе — а силу, не смерть — а жизнь.

Въ освобожденной сельской общинѣ поднимутся новые вопросы. Промышленное движеніе, устройство дорогъ, стремленіе къ выселкамъ — роковымъ образомъ поднимутъ вопросы, преждевременное рѣшеніе которыхъ не въ нашей власти. Перейдутъ ли дѣлянки земель — въ общинный трудъ и дѣленіе прибытковъ, какъ дѣлается у насъ въ мастеровой общинѣ — въ *артель*, или перейдутъ въ иную неизвѣстную намъ форму труда, долго ли еще сохранятся?... мы этого пока не знаемъ. Дайте время элементамъ разработаться

и увидимъ; дайте крестьянамъ, при развитіи промышленности, сдѣлаться недовольными своимъ способомъ земледѣлія и они станутъ переходить къ другому способу. Стремленіе къ выселкамъ — въ Сибирь-ли. столь богатую будущностью, на инія-ли плодородныя и неразработанныя земли, или на фабричную дѣятельность,—все равно; но это съ освобожденіемъ усиленное стремленіе возбудитъ вопросъ объ отношеніяхъ лица къ міру, о границахъ свободы личной и мірской власти, возбудитъ вопросъ самоузаконенія общины въ самой себѣ. Что есть тяжелаго, давящаго въ мірской власти уступить потребности выселка, свободы, шири жизни, и сохранить, что есть связующаго, поддерживающаго человѣческое стадо въ опредѣленныхъ группахъ. Въ освобожденной общинѣ неминуемо поднимутся вопросы, — только не мѣшайте ей разрабатывать ихъ.

Что и при общинномъ землевладѣніи можетъ явиться недостатокъ земли относительно народонаселенія, какъ и при личномъ—это ничего не доказываетъ ни въ пользу, ни во вредъ того или другаго. Изъ Европы переселяются въ Америку; Россія еще такъ обширна, что изъ Россіи переселяются въ Россію. Это только доказываетъ, что нужда, необходимость—спокойнѣе вѣка, во все продолженіе исторіи заставляетъ родъ человѣческій стремиться къ географическому равновѣсію народонаселенія. Ни личному, ни артельному выселку мѣшать не лзя, потому что это было бы противуестественно, и выселокъ совершится при всякой формѣ землевладѣнія—будь она основана на принципѣ наследственной собственности, или на правѣ равнаго пользованія землею членовъ общины.

Конечно не васъ, мой благородный критикъ, пришлось бы мнѣ убѣждать въ необходимости уничтоженія всякой полицейской власти помѣщика въ общинѣ; я напередъ увѣренъ, что вы тутъ со мной согласны. Во-первыхъ потому, что эта полицейская власть не можетъ оставаться безъ попользованія на насиліе, это не въ натурѣ вещей; во-вторыхъ потому, что она своимъ существованіемъ до сихъ поръ—доказала свою ненужность и свой вредъ. Ненужность—потому что порядокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ совершенно мнимый и община сама поддержитъ порядокъ лучше и безпритязательно. Если мы станемъ называть порядкомъ то, что помѣщикъ мѣшаетъ мужикамъ торговать на базарахъ для того, чтобы они не напивались; если помѣщикъ самъ назначаетъ старосту для того, чтобы мужики не ошиблись въ выборѣ; если помѣщикъ сѣчетъ крестьянина за ослушаніе въ поступкахъ, до которыхъ помѣщику дѣйствительно никакого дѣла нѣтъ, то этотъ порядокъ конечно вредъ и сохранять его не придетъ охоты никакому добросовѣстному человѣку. Это не порядокъ, а просто бессмысленное насиліе плантаторовъ, провозглашающихъ себя цивилизаторами и мѣшающихъ крестьянскому промышленному развитію, а не подстрѣкающихъ его. Вы можете себѣ представить какъ меня удивила выходка нѣкоторыхъ славянофиловъ, предлагающихъ, по освобожденіи крестьянъ, сохранить помѣщичій полицейскій надзоръ и даже помѣщичью розгу. Такъ это то результатъ проповѣдыванія вѣры въ народъ русскій! подумалъ я и сталъ искать причины этого сѣкущаго направленія. И знаете-ли въ чемъ причина? Въ томъ, что абстрактная любовь къ допотопной Руси не есть любовь къ живой Руси, а любовь мертвая; а что есть живаго въ ратующихъ за розгу — то и высказалось; это то, что въ нихъ гнѣздится баринъ, впути сидитъ помѣщикъ, и за какія православныя стѣнки ни прячешься, а вдругъ человѣка и прорветъ баринъ. Жаль! но чтоже дѣлать! И тутъ живая жизнь ускользаетъ изъ дворянскихъ рукъ.

Я также убѣжденъ, что вы со мной не станете спорить, что судъ по дѣламъ крестьянскимъ — не можетъ принадлежать помѣщику. Община имѣетъ двѣ формы суда — третейской и мірской. Пусть же ей дадутъ самой узаконить въ себѣ эти формы; она конечно болѣе приблизится къ возможно спра-

ведливому суду, чѣмъ всякія суды и всякія формы суда, налагаемыя на нее извнѣ, которыя потому самому ей чужды и пахнутъ насиліемъ.

Вотъ почему выкупъ такъ важенъ, что община, разъ за себя заплатившая, т. е. за свою волю и за свою землю, и ни чѣмъ болѣе передъ продавцемъ не обязана, имѣетъ полное право узакониться сама въ себѣ по своему усмотрѣнію въ своемъ экономическомъ и гражданскомъ быту, и можетъ быть на волѣ она выведетъ по больше свободы для своихъ членовъ, т. е. для личности, чѣмъ съ поверхностнаго взгляда кажется, не смотря на, или потому что сохранить общинную форму землевладѣнія. Историческій опытъ покажетъ это. Наша невольная вина только въ томъ, что мы вѣроятно не доживемъ до повѣрки опытомъ нашихъ убѣжденій и нашихъ вѣровавій. Другое поколѣніе провѣритъ ихъ, а мы только можемъ пожелать ему, чтобы оно свою провѣрку совершило совершило мощно и благородно.

Счастливъ тотъ государь, которому удастся освободить крѣпостное сословіе на основаніи новыхъ экономическихъ началъ, бодро пробившись сквозь всю мерзость окружающей его среды!....

Но тутъ кстати является вопросъ: а что же государственные крестьяне? Чѣмъ же они виноваты, что освобожденные отъ помѣщичей власти общины, будутъ собственниками, будутъ имѣть возможность съ согласія міра продать свою землю и переселиться на другую, будутъ имѣть возможность узакониться сами въ себѣ и опредѣлить для своихъ членовъ права личнаго выхода и переселенія сами устроить свою полицію и свой судъ; а они государственные крестьяне, платящіе такіе же налоги, будутъ лишены права разпоряжаться своей земельной собственностью и узакониться въ своихъ общинахъ?

Что такое государственные крестьяне? Кому они принадлежатъ? Государству? Но государство это абстрактное названіе, которое иначе называется Россія, русская имперія... На этомъ основаніи всѣ земли государственныя, и всѣ люди, люди русскіе. Неужели-же министерство Муравьева представитель государства, представитель Россіи? А до сихъ поръ государственные крестьяне въ сущности принадлежатъ министерству. Какая горькая нелѣпность! Выходъ очевиденъ: надо отдать общинамъ государственныхъ крестьянъ земли, которыми они владѣютъ и дозволить имъ разпоряжаться ими и узакониться самимъ въ себѣ такъ, какъ это будетъ дозволено помѣщичьимъ крестьянамъ. Конечно тутъ уже безъ всякаго выкупа, потому что не у кого выкупать; у государства, у абстрактнаго названія не лзя выкупать; оно не владѣлецъ, не помѣщикъ, а логическое опредѣленіе совокупности народа. Правительство можетъ только опредѣлить тахішимъ земли, принадлежащей общинамъ государственныхъ крестьянъ, чтобы отдѣлить тѣ незанятые земли, которыя займутся выселками. И это освобожденіе государственныхъ крестьянъ также необходимо какъ и освобожденіе помѣщичьихъ. И оно будетъ.

Счастливъ государь, которому суждено освободить всю Россію на основаніи новыхъ экономическихъ началъ. Завидное мѣсто въ исторіи!

Вы меня спросите можетъ быть, что же будетъ дѣлать дворянство послѣ освобожденія крестьянъ? Но мое письмо уже такъ длинно, что объ этомъ поговоримъ когда нибудь послѣ. Мимоходомъ только замѣчу, что такое образованное сословіе какъ русскіе дворяне не можетъ не найти себѣ дѣла.

Искренно и съ глубокимъ уваженіемъ жму вашу почтенную руку, мой благородный критикъ. Если вамъ вздумается писать ко мнѣ, то страницы *Колокола* съ радостью примутъ все что вы напишете.

Н. Огаревъ.

ПОСТЕЛЬНАЯ БАРЩИНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Съ содроганіемъ и отвращеніемъ передаемъ отрывокъ изъ письма, полученнаго нами на дняхъ. Пусть изслѣдуютъ это дѣло, — мы почти желаемъ, чтобъ доказали, что оно не справедливо.

“Орловской губерніи, въ Кромскомъ или Орловскомъ уѣздѣ есть имѣніе, нѣкогда принадлежавшее отцу Граповскаго, потомъ проданное и перепроданное. Оно нынче принадлежитъ доктору *Гутцейту*. Продолжая гнусную традицію русскаго барства, онъ завелъ у себя въ имѣніи *сераль*. Одну дѣвушку, воспротивившуюся ему, опъ нѣсколько разъ сѣкъ, и потомъ послалъ въ часть съ просьбой наказать ее и съ пятью рублями. Частный приставъ, увидѣвши на тѣлѣ несчастной рубцы, не сталъ ее наказывать, а послалъ ее по начальству съ объяснительной бумагой, при которой приложилъ и пять рублей. Губернаторъ *Сафоновичъ* имѣлъ съ *Гутцейтомъ* объясненіе, и дѣвушку сослалъ на поселеніе.

“Не больше какъ три мѣсяца спустя, совершенно было новое преступленіе *Гутцейтомъ*. Разъ священникъ Георгіевской церкви не паходитъ въ алтарь просфиръ, приготовленныхъ пакалупѣ для служенія. Опъ подивился, но не сказалъ ничего. Другой разъ, третій разъ . . . тоже самое! Тутъ опъ созвалъ послѣ обѣдн прихожанъ и объявилъ имъ объ исчезаніи просфиръ. Обыскали церковь и въ печкѣ нашли 12^{ти} лѣтнюю дѣвочку, которая со слезами объявила, что она скрывается отъ своего барина, доктора *Гутцейта*, который ее изнасилывалъ и за отказъ продолжать любодѣйство, сѣкъ ее безпощадно, а барыня ревновала, и съ своей стороны сѣкла, да еще на колѣни на цѣлый день ставила на битые горшечные черепки. Этого мало : въ доказательство своего презрѣнія къ малолѣтству дѣвочки, Мте. *Гутцейтъ* (урожденная Глѣбова) приказала дѣвочку спелепать и *собственноручно кормила ее соской* . . .

“Дѣвочку освидѣтельствовали. Нашли ее растлѣнной и истерзанной. Городовой врачъ, честный молодой человекъ, *Де-Милорди*, рассказывалъ объ этомъ съ ужасомъ. Началось слѣдствіе. *Де-Милорди* перешелъ куда-то въ другой городъ . . . Надо, говорятъ, сдѣлать повальный обыскъ, спросить у сосѣдей-помѣщиковъ о поведеніи *Гутцейта*. *Зубовъ*, производящій теперь слѣдствіе о *Стаховичѣ*, сочинилъ вопросы : ‘Что-моль вы знаете *доказательнаго* о поведеніи *Гутцейта*?’ Разумѣется “доказательнаго” никто ничего не зналъ . . . по человѣчески отвѣтить побоялись ; вышло, что никто ничего не знаетъ. Дѣло передано на разсмотрѣніе предводителей и депутатовъ . . . По *неимѣнію доказательствъ*, *Гутцейта оправдали* . . . Объ этомъ было писано въ Лондонъ. Но либо не дошло, либо помѣстить усомнились за безграмотство.”

Само собою разумѣется, что мы не получали прежде, это было бы преступленіе не обличить такое сдѣланіе разврата, мошенническаго покровительства, и супружеской нѣжности.

Листъ этотъ снова отправляемъ въ пакетѣ государю и министру внутреннихъ дѣлъ, слѣдовало бы послать министру юстиціи, но мѣсто это упразднено Панинымъ.

А тутъ совѣтуютъ имѣть холодную кровь, спокойное дыханіе амфибій, серафимское терпѣніе Симеона столпника и кротко ждать чѣмъ разродятъ плантаторскіе комитеты, въ то время, какъ нашихъ сестеръ и дочерей розгами будутъ подгонять подъ господъ . . . “Это ужъ кажется что-то неприлично?” — Да вы взгляните на вашу аркадскую жизнь, на ваши пастушечья права, — взгляните на сосѣдей и убѣдитесь, что объ васъ нельзя говорить прилично. Всѣ вы виноваты аристократы

розогъ, Донъ-Жуаны дѣвичьей, благородное дворянство русскаго . . . зачѣмъ вы якшаетесь съ этими людьми кроваваго разврата? — Мы не забыли, какъ по подобному дѣлу въ Симбирской губерніи нѣсколько человекъ хотѣли изгнать изъ залы дворянскаго собранія помѣщика *Путилова*, уличеннаго въ изнасилованіи несовершеннолѣтней дѣвушки, — но не осужденнаго ни какимъ судомъ и только 13 голосовъ оказались въ пользу изгнанія, *всѣ* остальные были за преступника.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ НАЧАЛЬНИКА III отдѣленія.

У Тимашева есть родной братъ оренбургскій помѣщикъ, и обоимъ этимъ братьямъ принадлежало по раздѣлю 700 душъ крестьянъ при 25,000 дес. земли въ Оренбургской губерніи. Какъ люди посвященные въ тайны тайной полиціи, Тимашевы могли благовременно узнать о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ и принять свои мѣры для изгнанія крестьянъ изъ своихъ владѣній. Съ этой цѣлью они *убѣдили* ихъ выкупиться и составили для нихъ отпускныя безъ земли. А какъ въ одинъ разъ нельзя отпускать безъ земли болѣе 10 человекъ, то составлены были отдѣльные отпускныя на каждые 10 человекъ, и всѣ эти отпускныя были явлены въ одинъ день въ томъ же присутствіи мѣстѣ. По условію, крестьяне обязаны были, кромѣ суммы выкупа, платить до новой ревизіи прежній крестьянскій подушный окладъ. Такъ прошло два года, и они жили себѣ на тѣхъ-же земляхъ, мирно занимаясь хлѣбопашествомъ. Черезъ два года оренбургскій братъ жандармскаго Тимашева потребовалъ выселенія этихъ крестьянъ ; полиція явилась къ услугамъ, и крестьяне были изгнаны ! . . . Какъ люди осѣдлые, хлѣбопашцы, а не промышленные, эти 700 человекъ успѣшили приискать себѣ новую осѣдность и обратились въ казенную палату съ просьбой о причисленіи ихъ къ Сентовскому посаду ; ихъ причислили. Они завяли денегъ, обстроились, обзавелись всѣмъ вновь и стали воздѣлывать повья земли . . . Сентовцы, владѣющіе землею на крѣпостномъ основаніи, оставили ихъ въ покоѣ на два года, а потомъ представили просьбу о неправильномъ причисленіи ихъ на посаду : просьба справедлива, уважена, и бѣдные крестьяне эти опять согнаны съ мѣста . . . Сентовцы вслѣдъ за тѣмъ подали искъ о взысканіи съ крестьянъ за неправильное пользованіе ихъ землею . . .

Будучи причислены въ мѣщане, отпущенники Тимашева стали обязаны платить и мѣщанскій окладъ.

Такимъ образомъ эти бѣдные люди очутились вдругъ бездомниками, бобылями, и обязаны платить одновременно : 1) выкупъ помѣщику, 2) крестьянскій окладъ, по условію при выкупѣ, 3) мѣщанскій окладъ, какъ мѣщане, 4) долгъ, сдѣланный при поселеніи въ Сентовскомъ посадѣ и 5) вознагражденіе Сентовцамъ за пользованіе ихъ землею ! У нихъ отняли все : скотъ, лошадей, зданія, — и изъ 700 трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ сдѣлалось семисотенное бродячее населеніе голышей, нищихъ ! . . .

Тимашевыхъ, разумѣется, оставить въ покоѣ, — *никто противъ бога и III отдѣленія* — за то хоть бы *всѣ противъ совѣсти* ! Положимъ такъ, но почему бы не дать этимъ бѣднымъ обманутымъ *казенныхъ* земель ?

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 39.

1 АПРѢЛЯ 1859.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street, London. Price six-pence.

ЕЩЕ И ЕЩЕ ПИСЬМА ПРОТИВЪ

обвинительнаго акта

помѣщеннаго въ 29 листѣ “Колокола”.

Довольно, друзья мои, довольно! The matter dropped, какъ говорятъ Англичане, и я никогда не стоялъ сильнѣе и самобытнѣе на своей почвѣ, какъ получивъ снова инвеституру вашу! Вѣдь я былъ увѣренъ въ нашемъ сочувствіи, но я хотѣлъ въ немъ убѣдиться. По *сверкѣ*, которой вѣяло изъ письма строгаго критика моего, я догадывался, что вы будете не съ нимъ. Неужели, думаю я, проснувшись послѣ тридцатилѣтняго рабства, мы опять уже успѣли такъ остыть, такъ сдѣлаться воздержными — какъ умныя и съ своей стороны дѣльныя строки неумытнаго судіи; неужели волосы подстриженные подъ гребенку, лишь только имъ позволили расти — посѣдѣли; неужели наконецъ я такъ мало звалъ русскій умъ, русское сердце?

Вы подтвердили мое мнѣніе, со всѣхъ сторонъ, больше чѣмъ я могъ надѣяться. Не будемте же длить эту полемику; я горячо, сильно благодарю за вашу очистку моего формуляра, но позвольте мнѣ отказаться отъ помѣщенія статей противъ “обвинительнаго акта.”

Въ послѣднихъ письмахъ сверхъ діатрибъ противъ ученаго критика моего, множество чрезвычайно интересныхъ вещей о Россіи, ихъ мы помѣщаемъ съ искреннѣйшимъ удовольствіемъ.

И—ръ.

Изъ перваго письма:

... Политическое положеніе наше (въ Россіи) въ настоящую минуту опредѣлить довольно трудно; существенной чертой его можетъ назваться боязнь и какая то стыдливая реакція, которой не хочется назваться *реакціей*.

Крестьянское дѣло остается единственной, серьезной мыслию правительства, но ему хотѣлось бы, чтобъ *вольные* люди сохранили всѣ лучшія привычки старой нравственности своей — молчаливость, скромность, уступчивость, были бы легко управляемы, по примѣрамъ отцовъ и дѣдовъ. Вотъ отъ чего главный комитетъ освобожденія, положилъ на примѣръ, принципъ выкупа, да и испугался; дозволилъ чтобъ говорили о выкупѣ, но съ оговоркой — не упоминать о гарантіяхъ, участіи госу-

дарства въ немъ. Не смѣхъ-ли? Въ другой разъ утвердилъ принципъ о дозволеніи всѣмъ сословіямъ покупать населенныя земли съ немедленнымъ освобожденіемъ и поземельнымъ надѣломъ крестьянъ, да въ ужасѣ на другую недѣлю поднялъ проэктъ о нѣсколькихъ сотняхъ уѣздныхъ начальниковъ, которые будутъ назначаться изъ камеръ-юнкеровъ и мальчишекъ какого-то офицерскаго инженернаго класса для соблюденія полиціи въ Россіи, а болѣе для наполненія ея смѣхомъ пополамъ съ грабежемъ. Впрочемъ, не смотря на то, что проэктъ утвержденъ, министерство внутреннихъ дѣлъ еще борется съ нимъ. Теперь главный комитетъ занимается сводомъ положеній, обработанныхъ провинціальными комитетами, которые помаленьку начинаютъ прибывать сюда, а между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что эти положенія большинства совершенно *невозможны*, и никто въ дѣйствительность и жизненность ихъ не вѣритъ, даже составители ихъ. Такая-же точно струя противорѣчій бѣжитъ по всему тѣлу государства, предвѣщая ознобъ и лихорадку. Иногда, право, кажется, что ему хотѣлось бы имѣть прекрасныя картины и отличную музыку, но такъ чтобъ на картинѣ не было красокъ, а въ музыкѣ не слышно было звуковъ. Забавнѣе всего отражается это умственное состояніе на печати, которая составляетъ кошмаръ наиболѣе глупыхъ, николаевскихъ агентовъ правительства. Они изобрѣли *комитетъ для наблюденія за книгопечатаніемъ* изъ трехъ членовъ, Адлерберга 2, Тимашева и Муханова, но желали бы дать этому комитету благородную, просвѣщенную, величавую фizioномію! комитетъ этотъ, съ открытымъ кредитомъ на государственное казначейство, въ одно время долженъ подкупать писателей и объяснять имъ мысли правительства, печатать руководящія статьи и призывать литераторовъ для нагоняя и головомойки, соединять образованность Гумбольта, гуманность Вильберфорса, съ мастерствомъ выторговывать совѣсти и убѣжденія Луи Филиппа, съ готовностью ссылать на жительство и пригрозить челоѣку Дуббелта. Что за задача! Добро бы комитетъ заявилъ какія либо основанія и хотѣлъ бы дѣйствовать во имя ихъ — нѣтъ, онъ только ищетъ кого бы изъ писателей стянуть на свою сторону и сдѣлать его *правителемъ дѣлъ своихъ*, поставляя однакожъ первымъ условіемъ, чтобъ писатель этотъ имѣлъ независимыя убѣжденія, пользовался общимъ уваженіемъ и вліаніемъ. Конечно все

это похоже на бредъ, а дѣйствительность заключается въ томъ, что комитетскій циркуляръ, разосланный журналистамъ отличается тономъ уголовной палаты и управы благочинія; надо же, чтобъ литераторы не забывали, что съ ними все таки говорятъ генералы, хоть и образованные какъ Гумбольты, гуманные какъ Вильберфорсы, но все-же Русскіе, а не какіе либо идеальные генералы. Вотъ образчикъ.

1) “Помѣщеніе въ газетахъ и журналахъ статей, доставленныхъ съ надписью одного изъ членовъ комитета, *обязательно* для редакціи”. 2) “Для необходимыхъ объясненій и совѣщаній члены комитета, въ случаѣ надобности, *требуютъ личной явки въ оной* цензоровъ, а равно и журналистовъ и литераторовъ”. 3) “Слѣдуетъ для комитета доставлять прямо изъ типографіи экземпляръ журнала, *тотчасъ по выдачѣ билета*, прежде выпуска прочихъ экземпляровъ”.

Этими-то безобразными выписками изъ своего положенія, образованный комитетъ и входитъ прямо въ сношеніе съ русской литературой. Вы, можетъ быть, замѣтите, что *заставить печатать* статьи и брать даромъ журналъ, походить немножко на нравы сѣвѣжскихъ домовъ, но мы ужъ къ этому привыкли и отъ такихъ бездѣлицъ еще никто не терялъ у насъ своей репутаціи.

Вообще-же слѣдуетъ провозгласить честь и славу изобрѣтательнымъ умамъ, выдумавшимъ умѣренную, либеральную и благоумѣренную реакцію! Такимъ образомъ все спасено и благородное направленіе государя, до сихъ поръ никѣмъ не заподозрѣнное изъ порядочныхъ людей, и старыя орудія преступленія; необходимость печатнаго обсужденія вопросовъ, напримѣръ, признается охотно, но цѣлая когорта обыкновенныхъ, министерскихъ, а теперь и комитетскихъ цензоровъ стоитъ за плечами у каждаго писателя. На дняхъ пресловутый Бутковъ разбранилъ и смѣнилъ цензора министерства внутреннихъ дѣлъ Арсеньева, за допущеніе статьи Кокорева противъ откупа “въ С. П. Б. Вѣдомостяхъ” но противъ откуповъ, признаваемыхъ вредными, развращающими и грабящими народъ, самой администраціи писать не воспрещено. Редакторамъ благороднаго журнала: “Военный сборникъ” объявлено выговоръ и они должны были оставить журналъ. Значило-бы, что администрація не хочетъ слышать объ изобличеніи неправды, грабежа, грубости и невѣжества военныхъ начальниковъ. Сохрани Богъ! Новая редакція объявляетъ у себя дома и за границей въ Нордѣ, что она будетъ враждовать съ ними не менѣе старой. Все удовлетворено такимъ образомъ, опасенія государя, чтобъ не возвратилось опять торжество и киченіе мрака, насилія и потворства—успокоено, а вмѣстѣ и аппетиты агентовъ на сѣденіе людей слишкомъ ужъ независимыхъ и слишкомъ уже выдающихся съ убѣжденіями своими, тоже насыщено. Въ этой водѣ и лавируемъ мы со всѣмъ грузомъ, который накопился у насъ въ теченіи послѣдняго столѣтія, какъ умѣемъ, оно впрочемъ, такъ и должно быть у жителей финскихъ береговъ, отмѣлей и скалъ. Чего? Панинъ наконецъ почувствовалъ необходимость издавать журналъ министерства юстиціи, но съ исключеніемъ уголовныхъ процессовъ и съ приложеніемъ только тяжбныхъ и то по выбору. Вотъ и Панинъ отдалъ дань преобразованію, очутился въ струѣ прогресса, удовлетворилъ настоятельнымъ требованіямъ вѣка. Суды наши могутъ теперь спокойно въ четырехъ стѣнахъ продолжать вѣковую свою работу кляузничества и воровства, ротъ всѣмъ крпкупамъ замазанъ, Панинъ журналъ *справе-*

дливости издаетъ. Не удивить насъ, если по этой дорогѣ дойдемъ мы до того, что администрація въ одно и то-же время будетъ говорить о неприкосновенности лица, священномъ значеніи суда, и въ тихомолку сажать челоуѣка на цѣпь. Очень многіе мечтаютъ о такомъ порядкѣ, который долженъ рѣшительно всѣхъ устроить и удовлетворить.

И все таки мы не стоимъ и не ворочаемся назадъ, какъ ни бейся реакція. Тутъ нѣтъ заслуги, жизнь выпираетъ соки и больше ничего. О литературѣ вамъ говорить нечего—вы ее знаете и кажется хлопотливѣе, неугомоннѣе и бодрѣе ея нѣтъ на всемъ континентѣ (соблюдая, разумѣется, пропорцію въ предметахъ обсужденія). Она такая и будетъ, коль не поживѣе еще, съ прибытіемъ новыхъ молодыхъ поколѣній. Помѣшать ей можно, но измѣнить ея тонъ на старческій и холопскій—никогда. Но вотъ что поважнѣе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ковенской, рязанской, новгородской и петербургской губерній мужики, по приговору общества, перестаютъ пить вино, потому что ужъ великъ обманъ напущенъ на міръ, говорятъ они. Приговоры общества въ одной изъ нихъ гласятъ оригинально: “Ослушникъ штрафу платитъ 3 рубли, а коль нечѣмъ платить 20 розогъ.” Изъ этого факта ясно, что въ мысли народа, міровая розга стоитъ 15 к. с., и такимъ образомъ солдатъ или лакея, получавшіе сплошь по 100 розогъ за какую либо неисправность, платили штрафу 15 р. с. или 2½ фунта стерлинга. Въ вашей богатой Англии штрафы, кажется умѣреннѣе—но это въ скобкахъ. А вотъ гдѣ дѣло. Въ Сентябрѣ 1858 года никто не смѣлъ подумать о выкупѣ и величайшимъ либерализмомъ считалось разумѣть подъ именемъ усадьбы огородную землю. Черезъ мѣсяць всѣ пришли къ мысли, что крѣпостные услуги не должны быть оцѣниваемы, а крестьянинъ только обязанъ платить оброкъ деньгами или натурой съ надѣла земли, еще черезъ мѣсяць надѣлъ земли понимался въ администраціи, какъ мѣра опасная, а признано необходимою оставить за крестьянами всю ту землю, которой они владѣютъ; еще черезъ мѣсяць 12 лѣтній обязательный срокъ работъ понимался какъ утѣснительная и тоже опасная мѣра, и стали говорить о немедленной развязкѣ дѣла и о разрывѣ окончательномъ двухъ сословій, такъ несчастно обязанныхъ между собой; еще черезъ мѣсяць циркуляры уже считались вздоромъ, помѣшавшимъ рациональному разрѣшенію вопроса и поставленъ принципъ выкупа, на которомъ и теперь стоимъ. Такъ существо дѣла, разъ поднятаго, растетъ само собою, по врожденной ему силѣ, тоже и со всѣми другими вопросами. Чѣмъ больше упирается администрація, тѣмъ больше опредѣляются вопросы и это — *такъ называемое* безпокойствомъ, волненіемъ, задоромъ и либерализмомъ—просто условія дороги, на которую выѣхало общество. Такъ какъ оно выѣхало на нее по крайней необходимости, то воротиться ему назадъ нѣтъ возможности, а стоять безъ лошадей въ степи тоже неудобно и нельзя. Оно еще боится порядочныхъ лошадей и подпрягаетъ клячь, но тащиться должно и тащится.

Ну тащися сивка!

ПРОЭКТЪ УНЬКОВСКАГО

(Тверскаго губернскаго предводителя дворянства.)*

Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, основанное на началахъ, изложенныхъ въ высочайшихъ рескриптахъ и

* Мы печатаемъ этотъ проектъ не потому чтобы были съ нимъ во всемъ

отношеніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернаторамъ виленскому и с. петербургскому, должно имѣть слѣдующія послѣдствія :

1) Свобода будетъ дарована крестьянамъ на однихъ словахъ, а не въ дѣйствительности.

2) Права собственника земли—помѣщика, будучи лишены всякаго обезпеченія, отнимутся безъ вознагражденія и будутъ состоять въ одномъ правѣ заводить съ обществами вѣчныя тяжбы, для разбора которыхъ не представится никакой возможности.

3) Между землевладѣльцами и освобожденными крестьянами породится повсемѣстно антагопизмъ, а вслѣдствіе того личная ненависть, которая не могла быть и въ поминѣ въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ крестьянинъ подчинялся помѣщику, на основаніи началъ чисто родоваго патріархальнаго быта, и гдѣ феодальнаго права никогда не бывало; антагопизмъ, не существовавшій даже во времена самой тяжелой крѣпостной зависимости, который неминуемо породитъ борьбу.

4) Такъ какъ административная государственная власть, при отсутствіи феодальныхъ понятій въ народѣ, никакъ не можетъ быть соединена съ правомъ частнаго землевладѣльца, то, по уничтоженіи послѣднихъ патріархальныхъ связей помѣщика съ крестьянами, землевладѣлецъ, лишенный своей прежней власти и облеченный въ званіе вотчиннаго полицеймейстера на основаніи одного своего права собственности на землю, не будетъ имѣть никакого нравственнаго авторитета и никакихъ физическихъ силъ заставить уважать свою власть. Такое разрушеніе прежней власти, безъ учрежденія новой дѣйствительной, поведетъ неминуемо къ всеобщей и повсемѣстной анархіи.

5) Такъ какъ между свободой и неволей въ частновладѣльческомъ отношеніи нѣтъ середины, то постепенное дарованіе свободы на однихъ словахъ будетъ только поддерживать постоянное раздраженіе народа, а ежеминутное ожиданіе переменъ, будетъ препятствовать установленію какого нибудь порядка въ хозяйственномъ ихъ быту.

6) Если барщинная работа крестьянъ при крѣпостной ихъ зависимости была вдвое хуже частной, то обязательная работа свободныхъ поселянъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ не можетъ быть допущена, ибо она будетъ только одною бесполезною тратой времени для крестьянъ и не вознаградитъ помѣщика за пользованіе его землею; а такъ какъ большинство помѣщиковъ не имѣетъ наличныхъ капиталовъ, то при отсутствіи денежнаго капиталнаго вознагражденія за освобожденныхъ крестьянъ и землю имъ отведенную въ пользованіе, приспособленіе помѣщичьихъ хозяйствъ къ обработкѣ земли насмными руками окажется вовсе невозможнымъ; ибо для этого потребуются особенныя капиталныя пожартвованія для обзаведенія машинами, рабочимъ скогомъ, помѣщеніями для рабочихъ, и пр.

7) Такъ какъ поземельная рента или доходъ не можетъ быть неизмѣнима, то крестьянинъ, освобожденный съ одною

усадебною землею, не будетъ обезпеченъ въ вынодномъ пользованіи полевою землею, несбходимомъ для его хозяйственнаго быта, и потому не можетъ быть въ полномъ смыслѣ оседлымъ земледѣльцемъ.

8) Административная и полицейская власть въ селеніяхъ, раздѣленная между помѣщиками, по настоящему составу ихъ вотчинъ, не представляетъ никакой возможности централизаціи сельскаго управленія, безъ которой невозможенъ разумный порядокъ вещей. Имѣнія отъ одной души до нѣсколькихъ тысячъ душъ, весьма часто разбросанныя по нѣсколькимъ уѣздамъ и даже губерніямъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго, будутъ имѣть въ помѣщикѣ одного полицеймейстера и, находясь случайно между сосѣдними селеніями прочихъ вѣдомствъ, имѣющихъ съ ними одни и тѣже интересы и совсѣмъ иное управленіе, представятъ хаотическій беспорядокъ, при которомъ не можетъ существовать никакой власти и никакого порядка.

9) Исправное поступленіе податей, при отсутствіи собственной земли у крестьянина и права свободнаго распоряженія собственностію у помѣщика, не можетъ быть ничѣмъ обезпечено.

Вотъ исчисленіе всѣхъ неудобствъ такого способа освобожденія крестьянъ. Неминуемыми послѣдствіями его будутъ: совершенное разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ, уничтоженіе осѣлости и хозяйственнаго быта земледѣльческаго сословія, прямой антагопизмъ, и вслѣдствіе того можетъ быть кровавая борьба двухъ сословія, которыхъ доброе согласіе представляетъ единственный залогъ благосостоянія Россіи и ея разумнаго управленія; бродяжничество сельскаго населенія и наконецъ совершенный беспорядокъ въ юридическихъ отношеніяхъ всѣхъ и каждого изъ сельскихъ жителей, дающій только обильную пищу грабежу чиновниковъ и сильныхъ. Помѣщичья власть не уничтожится, а лишится только патріархальной стороны, составляющей единственное ея оправданіе, и разрѣшится между землевладѣльцами уже не попочетельнымъ хозяиномъ своего имѣнія, а вѣчнымъ и равнодушнымъ кредиторомъ крестьянъ, поселенныхъ среди его земли и чиновниками, наѣзжающими часто для разбирательства запутанныхъ отношеній владѣльцевъ и крестьянъ и продающими правосудіе въ пользу богатыхъ; отъ такой жизни откажется всякій помѣщичій крестьянинъ и мы даже думаемъ, что дарованіе подобной свободы весьма опасно.

Объявить народъ свободнымъ, оставивъ его почти въ той же неволѣ и не улучшая его быта, по моему мнѣнію, хуже нежели оставить его въ крѣпостной зависимости. Это объявленіе свободы безъ дарованія ея въ дѣйствительности уничтожитъ въ народѣ довѣріе къ правительству и отниметъ у него послѣднюю надежду на улучшеніе его быта, и вслѣдствіе этого отчаяніе можетъ вызвать всѣ дикія явленія пугачевщины. Примѣръ ость-зейскихъ губерній къ намъ неприложимъ. При существованіи феодальнаго права и отсутствіи общиннаго непосредственнаго владѣнія землею ость-зейскій рабъ могъ подчиниться своему положенію. Можетъ быть даже настоящее ему казалось лучше прошедшаго. Но если и предположить, что его подчинили этому положенію противъ воли и онъ спокойно перенесъ насліе, то можетъ-ли служить примѣромъ для цѣлой Россіи, что этой горсти людей, принадлежащей къ огромному иноплеменному для нея государству, не пришла мысль явнаго возстанія?

согласны, а потому, что въ современныхъ русскихъ изданіяхъ нигдѣ его не встрѣчали, и полагаемъ обнародованіе его полезнымъ. Мы также съ радостью обращаемъ вниманіе публики на то, что проектъ Унк-овскаго, котораго мы лично совершенно не знаемъ, говоритъ въ его пользу, показывая огромную разницу между мнѣніемъ предводителя и безкопечно грязнымъ проектомъ Тверскаго комитета объ улучшеніи быта крестьянъ.

По нашему мнѣнію освобожденіе русскаго крестьянина не иначе можетъ быть соглашено съ обезпеченіемъ поступленія государственныхъ прямыхъ налоговъ и собственности помѣщика, какъ только двумя способами: личнымъ освобожденіемъ, безъ всякаго надѣла землею, съ правомъ свободнаго переселенія; или совершеннымъ отдѣленіемъ крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ, при надѣлѣ ихъ необходимо нужнымъ количествомъ усадебной, пахатной, луговой и выгонной земли и съ вознагражденіемъ за это помѣщиковъ.

Въ первомъ случаѣ свобода крестьянина неоспорима и право владѣльца на землю совершенно обезпечено; ибо послѣдній имѣетъ ничѣмъ не стѣсняемое право распоряженія своею собственностію, которая и служитъ обезпеченіемъ государственныхъ прямыхъ налоговъ. Мы не защищаемъ этотъ способъ освобожденія, а потому и не распространяемся объ немъ, но указываемъ только на одну его возможность. Нашъ великорусскій крестьянинъ не испыталъ никогда феодальной зависимости и безпріютнаго рабства; онъ издавна привыкъ жить своимъ домомъ среди родимой его деревенской общины и непосредственно владѣть землею. Онъ глубоко убѣжденъ въ своемъ правѣ на землю. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на историческое происхожденіе крѣпостнаго права и настоящаго положенія помѣщичьихъ имѣній въ Великой Россіи, чтобы понять, на сколько законы и обычаи помогали развиваться этому убѣжденію. Всегда и повсемѣстно община русскихъ крестьянъ была "*крѣпка земль*," и имѣла въ дѣйствительности неотъемлемое право и полную возможность пользоваться землею въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была необходима для ея жизни. Хотя помѣщикъ и имѣлъ по закону право брать крестьянъ во дворъ и пользоваться гораздо выгоднѣе ихъ трудами, но сознание права крестьянъ на землю было до того сильно, что почти вездѣ не было примѣра, чтобы помѣщики лишали земли цѣлыя общины, и вездѣ, гдѣ задумывали что-нибудь подобное этому случались возмущенія. Такимъ образомъ община крестьянъ, продовольствіе и повинности которой лежали на отвѣтственности ея владѣльца, была вѣчнымъ и единственнымъ фактическимъ владѣльцемъ занимаемой ими земли. Даже всѣ случайныя бѣдствія, какъ-то: неурожай, пожары и т. п., не имѣли вліянія на это право и падали на одного помѣщика, который по случаю этихъ убытковъ дѣлалъ долги и часто лишался имѣнія; крестьянская же община оставалась на томъ же мѣстѣ и переходила къ новому владѣльцу, сохраняя прежнія права на землю. Весьма естественно, что подобная крѣпость землѣ въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ привела крестьянъ къ полному сознанию своего права владѣнія и никакія внушенія правительства и постановленія губернскихъ комитетовъ не въ состояніи поколебать этого вѣрованія. По этому великороссійскій крестьянинъ, сознавая вполне, что его права на землю существуютъ не иначе, какъ съ условіемъ отбыванія повинностей въ пользу помѣщика и личной отъ него зависимости, охотно согласится за свое освобожденіе съ землею внести опредѣленную сумму, но никогда не пожелаетъ получить свободу въ общинномъ составѣ, безъ отдѣленія ему земли въ размѣрѣ необходимо-нужномъ для хозяйственнаго быта. Во второмъ случаѣ, при освобожденіи крестьянъ съ землею, съ отдѣленіемъ ихъ совсѣмъ отъ помѣщика и уничтоженіемъ всякихъ взаимныхъ ихъ обязательныхъ отношеній, свобода крестьянъ, даже при большей или меньшей

крѣпости землѣ, неоспорима; помѣщикъ, получивъ за крестьянъ съ землею капитальный выкупъ деньгами или облигаціями, по возможности вознагражденъ, а исполненіе крестьянами обязанностей передъ правительствомъ обезпечивается землею, отдаваемою имъ въ собственность. Вотъ единственное и вѣрное средство освободить крестьянъ *не словомъ, а дѣломъ* и не *постепенно*, а *разомъ*, одновременно и повсемѣстно, не нарушая ни чьихъ правъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи. Справедливость требуетъ, чтобы при такомъ освобожденіи крестьянъ помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣній, такъ и за самихъ освобожденныхъ крестьянъ.

Считая неумѣстнымъ въ настоящей запискѣ разбирать всѣ подробности этого дѣла, мы находимъ нужнымъ изложить только общій взглядъ на предметъ и доказать одну возможность этого способа упраздненія крѣпостнаго права.

Разсмотримъ сначала, въ какой мѣрѣ должны быть вознаграждены помѣщики за освобожденныхъ крестьянъ съ землею, на кого должны падать убытки этого вознагражденія? Мы видимъ, что законъ объ укрѣпленіи крестьянъ къ землѣ произвелъ такія естественныя послѣдствія, которыя отняли у крѣпостныхъ людей личную свободу и сдѣлали ихъ товаромъ. Мы видимъ, что помѣщики покупали крестьянъ съ землею и безъ земли, и принимали въ расчетъ при этой покупкѣ не одну ихъ численность, но даже рабочую силу и личные ихъ достоинства. До сего времени въ Россіи безпрепятственно продавались и покупались люди на свозъ, какъ имущества. Лица, имѣющія право по закону владѣть людьми, надѣясь на силу законовъ, до сего времени не опасались употреблять свои капиталы на покупку людей, какъ имущества, котораго обладаніе дозволено и ограждено законами; признать это имущество вдругъ незаконнымъ и изъять его изъ рукъ владѣльцевъ безъ всякаго вознагражденія несправедливо, потому что лица, владѣющія крѣпостными людьми въ данную минуту, не могутъ отвѣчать за прочность государственныхъ вѣковыхъ учрежденій, и потому что законы не могутъ имѣть обратной силы. Мы не имѣемъ средствъ убѣдиться на сколько древнія правительства Россіи имѣли право распоряжаться землями при раздачѣ ихъ въ помѣстныя и частныя вотчины, ибо для этого мы должны восходить до права первоначальнаго запятія земли, отдѣльно по каждому помѣщичьему имѣнію (что явно невозможно), но видимъ, что неминуемымъ послѣдствіемъ этой раздачи земель явилась необходимость прикрѣпленія человека къ землѣ и вслѣдствіе того отнятіе у него личной свободы. Сверхъ того послѣдующія правительства лишали свободы цѣлыя массы людей, отдавая ихъ въ собственность помѣщикамъ и дозволяя ихъ покупать, продавать и закладывать, какъ вещи.

Изъ этого ясно, что цѣнность всякаго населеннаго имѣнія, состоящаго на крѣпостномъ правѣ, заключается не въ одной землѣ, но и въ людяхъ, за которыхъ помѣщикъ долженъ быть вознагражденъ такъ же какъ и за землю, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земля безъ людей не имѣетъ никакой цѣнности. Конечно освобожденные крестьяне должны сами купить отходящую къ нимъ землю, но кто-же вознаградить за личную свободу крестьянъ и дворовыхъ людей? Неужели можно допустить, чтобы въ этомъ случаѣ цѣнность

людей была присоединена къ цѣнности земли и тѣ же самые люди, у которыхъ была отнята свобода во имя государственной необходимости, были принуждены выкупать свою неволю? Они сами менѣе всѣхъ виноваты въ существованіи крѣпостнаго права и были принесены въ жертву для общей государственной пользы. Законы общечеловѣческой справедливости не допускаютъ брать съ обиженнаго вознагражденія за нанесенную ему-же обиду. Если это право будетъ отвергнуто, то все дѣло дарованія свободы не будетъ справедливымъ возстановленіемъ правъ человѣчества и сами освобожденные люди поймутъ, что имъ *продаютъ*, а не *даруютъ* свободу. На основаніи непреложныхъ началъ справедливости возстановленія нарушенныхъ правъ должна лежать на обязанности ихъ нарушителей. Мы видимъ, что русскій крѣпостной человѣкъ лишенъ личной свободы и сдѣланъ вещью вслѣдствіе распоряженія правительствъ русской земли, которымъ подчинялся и сочувствовалъ въ то время весь народъ. Мы видимъ, что крѣпостное право учредило само правительство, за дѣйствія котораго должны отвѣчать всѣ сословія государства равномѣрно, тѣмъ болѣе, что распоряженія правительства по этому предмету были совершенно согласны съ нуждами, понятіями и правилами всего народа и что освобожденіе крѣпостныхъ людей составляетъ интересъ всего государства. Все вышеизложенное ведетъ къ неоспоримому заключенію, что въ видахъ сохраненія справедливости, помѣщики должны быть вознаграждены за людей и землю, отходящихъ изъ ихъ владѣній и что вознагражденіе за первыхъ никакъ не должно падать на однихъ освобожденныхъ крестьянъ, а на всѣ сословія государства и имущества всѣхъ родовъ безъ всякаго различія. За тѣмъ неминуемо слѣдуютъ вопросы: какъ опредѣлить количество земли, необходимо нужное крестьянину для обезпеченія его осядлости и свободы? Какимъ образомъ оцѣнить по справедливости убытки помѣщиковъ, происходящіе отъ того освобожденія крестьянъ, и гдѣ найти средства для ихъ вознагражденія?

Количество земли необходимо нужное крестьянину не можетъ быть опредѣлено съ точностію ни назначеніемъ одной цифры для какой либо мѣстности, ни на основаніи настоящаго ихъ владѣнія. Первый способъ опредѣленія рѣшительно не возможенъ, ибо разнообразіе почвы и экономическаго быта крестьянъ не представляетъ никакой возможности опредѣлить одною цифрою это необходимое количество земли не только для извѣстнаго округа, но даже для двухъ сосѣднихъ деревень. Второй способъ совершенно неудобенъ по слѣдующимъ причинамъ: опредѣленіе количества земли, состоящей въ пользованіи помѣщичьихъ крестьянъ въ настоящее время, произошло отъ воли помѣщиковъ. Такъ, какъ распоряженія ихъ зависѣли отъ случайныхъ обстоятельствъ, то настоящее надѣленіе крестьянъ землею въ большей части помѣщичьихъ имѣній далеко превышаетъ ихъ необходимую потребность. Многіе помѣщики, будучи отвлечены отъ своихъ имѣній по различнымъ обстоятельствамъ и часто не заѣзжавшіе въ нихъ въ продолженіи всей жизни своей, дозволялись извѣстнымъ оброкомъ и предоставляли въ пользованіе крестьянъ всю имѣющуюся у нихъ землю. По этому настоящее распределеніе земли не можетъ быть принято основаніемъ для будущихъ надѣловъ.

По нашему мнѣнію единственный и лучшій способъ опре-

дѣленія этого количества можетъ быть добровольное соглашеніе помѣщиковъ и крестьянъ, постановленное въ извѣстныя границы для обузданія произвола. Хотя не лзя узнать одну количественную единицу земли, необходимую для крестьянина извѣстной мѣстности, но можно опредѣлить количество земли, менѣе котораго не можетъ имѣть крестьянинъ извѣстнаго уѣзда безъ потери своей осядлости, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить мѣстную среднюю цѣнность земли; этотъ *minimum* обозначитъ количество земли, которое помѣщикъ непремѣнно обязанъ уступить крестьянамъ. Съ другой стороны можно опредѣлить количество должной суммы, далѣе которой не обезпечивается вознагражденіе и за тѣмъ опредѣленіе надѣла земли и слѣдующаго за нея вознагражденія предоставить полюбовному соглашенію обѣихъ сторонъ, оставивъ за помѣщикомъ право, въ случаѣ если этого соглашенія не послѣдуетъ, дать крестьянамъ *minimum* земли и получить меньшую цифру вознагражденія. Этотъ способъ вѣрнѣе всѣхъ прочихъ обезпечитъ будущую участь крестьянъ. Онъ имѣетъ и то преимущество, что даетъ крестьянамъ возможность въ случаѣ необходимости прикупить у помѣщика на собственные свои капиталы извѣстное количество земли, приуроченной къ мѣстамъ ихъ осядлости, или принять другую землю въ замѣнъ ими занимаемой, и добровольно переселиться, если они найдутъ это болѣе выгоднымъ и удобнымъ.

Оцѣнка убытковъ помѣщиковъ, при такомъ освобожденіи крестьянъ съ землею, можетъ быть не иначе, какъ приближительная, посредствомъ опредѣленія средней цѣнности людей и земли въ извѣстной мѣстности. Оцѣнивать каждое имѣніе порознь нѣтъ никакой возможности, не говоря уже о дороговизнѣ и медленности такого кадастра; стоитъ только вспомнить, что отсутствіе всякой бухгалтеріи, почти во всѣхъ имѣніяхъ, отдастъ эту оцѣнку въ руки произвола и взяточничества, дѣлаетъ его орудіемъ повсемѣтнаго грабежа помѣщиковъ и крестьянъ. Вообще при настоящей ответственности лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, нельзя допустить въ этомъ случаѣ никакихъ отношеній между лицами, опредѣляющими цѣны и имѣющими личную выгоду въ оцѣнкѣ. Губернскіе комитеты будутъ имѣть возможность опредѣлять для каждой мѣстности цѣнность рабочихъ силъ и земель. Основаніемъ для этой оцѣнки могутъ служить между прочимъ, купчія крѣпости на родовыя имѣнія (при продажѣ которыхъ цѣна не скрывалась), по которымъ продавались люди съ землею и одна земля. Они покажутъ совершенно близкую среднюю цѣнность человѣка и земли. Весьма легко, что комитеты найдутъ другія еще лучшія основанія. Если при этомъ способѣ оцѣнки и будетъ какой-либо ущербъ для кого-либо, то весьма незначительный въ сравненіи съ тѣмъ убыткомъ, который навѣрно падеть на всѣхъ отъ произвола оцѣнщиковъ и притомъ этотъ ущербъ можетъ быть значительно пониженъ добровольнымъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ. Совершенно точное опредѣленіе убытка помѣщиковъ, какъ бы по вѣсу, въ настоящемъ случаѣ невозможно, не согласно съ духомъ русскаго народа и даже вовсе не нужно при изобилии нашихъ земель и угодій. Никто изъ насъ не пожалѣетъ этого малаго ущерба и лучше согласится понести его, нежели имѣть дѣло съ нашими чиновниками и судами.

Мы сказали, что вознагражденіе убытковъ помѣщиковъ должно состоять изъ двухъ элементовъ: вознагражденія за людей и выкупа земли, отходящей изъ ихъ владѣнія, изъ

которых первое должно падать на государство, а второе на самих освобожденных крестьянъ. По нашему мнѣнію, это вознагражденіе должно быть рассчитано не иначе, какъ денежной капиталъ и выдано помѣщикамъ облигаціями, приносящими проценты и совершенно обезпеченными. Такая выдача капитала необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками. Поэтому вознагражденіе постоянною, ежегодною рентою не удобно; а всякое другое не денежное вознагражденіе, какъ-то: обязательство работы, сельскими производствами и т. п., не можетъ имѣть мѣста въ настоящемъ случаѣ и не согласно съ понятіями свободы, иначе не будетъ мѣста свободѣ и крѣпостное право замѣняется какою-то вѣчною кабалою, невыносимою для народа и ничѣмъ не обезпечивающею правъ землевладѣльца. Мы видѣли, что такое опредѣленіе обязательныхъ сельскихъ работъ невозможно, а потому произволъ будетъ господствовать по прежнему во всей своей крѣпостной силѣ и перейдетъ только отъ помѣщиковъ въ руки агентовъ правительства, которые будутъ управлять всѣмъ государствомъ на помѣщичьемъ правѣ. Подобное освобожденіе крестьянъ не есть ихъ освобожденіе, а только пониженіе правъ дворянства въ одинъ уровень съ безнравственностію крѣпостныхъ людей. Притомъ вознагражденіе помѣщиковъ должно быть капитализировано, что возможно только въ томъ случаѣ, если оно будетъ денежное. Остается одинъ и самый важнѣйшій вопросъ: гдѣ найти средства для вознагражденія помѣщиковъ? Къ несчастію многіе отвергаютъ изложенный нами единственно разумный способъ освобожденія крестьянъ только потому, что убѣждены въ недостаткѣ нашихъ государственныхъ средствъ. Убѣжденіе это въ частныхъ людяхъ основано на однихъ слухахъ, идущихъ отъ нашихъ государственныхъ людей, а у сихъ послѣднихъ основано на однихъ официальныхъ отчетахъ, всегда противорѣчащихъ дѣйствительности, и на недостаткѣ средствъ по бюджету доходовъ и расходовъ государства. Этому убѣжденію сильно помогаетъ и то, что мы всегда привыкли вѣрить слухамъ и словамъ авторитетовъ, созданныхъ табелью о рангахъ, но никогда не осмѣливаемся взглянуть въ окружающую насъ дѣйствительность и повѣрить ихъ слова своими собственными глазами:

Средства государства существуютъ не въ одномъ только домѣ, занимаемомъ государственнымъ казначействомъ, и не въ однихъ только цыфрахъ, значущихся въ бюджетѣ его доходовъ. Мы не считываемъ на эти средства. Источники государственнаго богатства, о которыхъ мы говоримъ, разбѣяны по всей нашей имперіи. Они существуютъ во всѣхъ мѣстностяхъ и видны на каждомъ шагу. На отдѣльныхъ мѣстностяхъ они видны даже лучше, нежели въ графахъ министерскихъ отчетовъ. Стоитъ каждому поглядѣть внимательно вокругъ себя, и онъ увидитъ, что эти средства даже превышаютъ потребности, но что потребности часто не удовлетворяются только вслѣдствіе невыгодныхъ распоряженій средствами. Мы увидимъ, что весьма часто строятся огромныя общественныя зданія, которыя впослѣдствіи ничѣмъ не занимаемы и оказываются ненужными; мы видимъ, что каждое сооруженіе стоитъ для казны въ пять разъ болѣе, нежели для частныхъ лицъ; мы видимъ казенныя фабрики и заводы, приносящія одни убытки и доставляющія только теплыя мѣста чиновникамъ; мы видимъ государственныя лѣса, служащія

только предметомъ расхищенія; мы видимъ ясно и положительно, что самая значительная статья государственнаго дохода,—винный откупъ не приноситъ половины слѣдующаго съ него дохода; мы видимъ множество чиновниковъ ненужныхъ для службы и ничего не дѣлающихъ, но получающихъ большія содержанія, тогда какъ съ другой стороны множество чиновниковъ, на которыхъ опирается вся администрація, лишены всякой возможности существовать и выпущены на грабительство. Наконецъ мы видимъ, что всѣ эти невыгодныя распоряженія суммами, грабежи чиновниковъ, бездна совершенно случайныхъ и потому неравномѣрныхъ, натуральныхъ повинностей, отъ которыхъ жители откупаются втихомолку суммами, вчетверо и пятеро превышающими ихъ стоимость, не въ состояніи подавить благосостояніе Россіи и разрушить окончательно источникъ ея богатства. Значитъ мы богаты! Значитъ люди, говорящіе о неимѣніи государственныхъ средствъ, не знаютъ ни государства, ни его производительныхъ силъ. Въ самое бѣдственное время послѣдней войны, когда сельскій житель не имѣлъ работъ, когда сельскія произведенія не шли съ рукъ, мы поставили въ нѣсколько недѣль ополченіе, стоившее совсѣмъ, считая натуральныя повинности (подводами, и тому подобнымъ) едва-ли не болѣе 3 рублей съ души, и послѣ этого не чувствуемъ себя бѣднѣе. Благосостояніе наше нисколько не упало, напротивъ, судя по состоянію винныхъ откуповъ, мы видимъ, что народъ въ настоящее время, не смотря на значительное повышеніе цѣны вина (доходящей до 6 руб. сер. за ведро), выпилъ все опредѣленное годовое количество въ 8 мѣсяцевъ, и это мы замѣчаемъ послѣ огромнаго пожертвованія, на дѣло совершенно не произвольное, какъ война. Что-же будетъ, если такое пожертвованіе принесутъ всѣ сословія государства и всѣ роды имуществъ на дѣло освобожденія крестьянъ, которое должно по меньшей мѣрѣ возвращать вдвое все на него пожертвованное, вслѣдствіе одной огромной разности, существующей въ производительности между свободнымъ трудомъ и обязательною работою.

Чтобы лучше понять это, разсмотримъ, какъ велики должны быть средства для выкупа крестьянъ съ частію земли въ тверской губерніи; средняя цѣнность ревизской души съ частію земли для нея необходимой, по нашему мнѣнію, не превыситъ 150 рублей серебромъ. Крестьяне на свозъ, при незначительномъ количествѣ движимаго и недвижимаго имущества, продаются отъ 50 до 60 рублей серебромъ. Всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ нашей губерніи, по 9ой ревизіи, числится 360,557 ревизскихъ душъ мужескаго пола, изъ коихъ однихъ крестьянъ 338,707 душъ. Поэтому вознагражденіе собственно за людей равняется 21,663,420 р. с. Если при совершенномъ неимѣніи наличныхъ средствъ будутъ выданы помѣщикамъ на эту сумму 4 процентныя облигаціи, обезпеченныя налогами со всѣхъ сословій и всѣхъ родовъ имущества, то ежегодный платежъ по нимъ 5 процентовъ съ погашеніемъ будетъ не болѣе 1,081,671 р. с., которые будучи разложены на 630,424 ревизскихъ душъ мужескаго пола всѣхъ податныхъ сословій съ губерніи, на капиталы и имущества всѣхъ родовъ, составятъ ежегодное пожертвованіе вдвое (если не втрое) менѣе противъ пожертвованія, сдѣланнаго одними помѣщиками и податными сословіями на ополченіе 1855 года. Наконецъ губернскими комитетами легко могутъ быть указаны средства,

не входящія въ бюджеты доходовъ, которые могутъ покрыть часть капитальнаго долга за выкупъ людей и тѣмъ уменьшить цифру ежегоднаго платежа. Къ этому разряду можно отнести указаніе на сокращеніе многихъ расходовъ, на суммы земскаго сбора, собираемыя для разныхъ сооруженій, которыя легко могутъ быть отложены до болѣе благопріятнаго времени, указанія на разныя казенныя имущества, не приносящія государству никакого дохода, которыя безъ всякаго неудобства могутъ быть проданы, и т. п. Мы надѣемся указать на множество такихъ источниковъ и для этого комитетамъ нужно только право получать отъ всѣхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ необходимыя для этого свѣдѣнія; наконецъ вышесказанный процентъ можетъ быть пониженъ, по усмотрѣнію самихъ комитетовъ. Что касается до вознагражденія помѣщиковъ за отходящія изъ ихъ владѣній земли, то облигаціи на этотъ предметъ выданныя, легко могутъ быть обезпечены самою землею, поступающею въ надѣлъ крестьянскимъ общинамъ.

Для произведенія этой операціи и завѣдыванія крестьянскими общинами въ финансовомъ отношеніи, могутъ быть устроены въ каждой губерніи, по примѣру Австріи и Пруссіи оборонительныя банки, которые можно соединить съ существующими приказами общественнаго призрѣнія и комитетами земскихъ повинностей, поручивъ ихъ управленіе выборнымъ лицамъ всѣхъ сословій въ губерніи, съ публичной отчетностію и личною и имущественною отвѣтственностію выборныхъ. Сіе послѣднее необходимо для того, чтобы облигаціи пользовались довѣріемъ.

Въ наше время тайному управленію и неотвѣтственнымъ чиновникамъ никто уже не вѣритъ. Многочисленные опыты разрушили всякое очарованіе относительно подобнаго дѣлопроизводства.

Платежъ процентовъ по облигаціямъ освобожденными крестьянами будетъ весьма легокъ. По нашему соображенію тахітумъ выкупа земель тверской губерніи не можетъ простираться болѣе 36 милліоновъ рублей серебромъ, съ которыхъ ежегодный платежъ 5% не можетъ превышать 1,800,000 руб. сер., что составитъ не болѣе 5 р. с. съ души въ годъ; а съ тягла 12 р. 50 к.—самый легкій помѣщичій оброкъ. При строгомъ взысканіи недоимокъ и объявленіи, что въ случаѣ неплатежа процентовъ въ извѣстный срокъ, неплательщики будутъ переселяемы въ Сибирь, никакой недоимки быть не можетъ.

Вотъ нашъ взглядъ по предмету освобожденія крестьянъ и единственный способъ разумнаго, справедливаго и спокойнаго разрѣшенія этого вопроса. Если намъ возразятъ, что облигаціи не будутъ равноцѣнны капиталу, ими представляемому, то мы на это можемъ отвѣчать, что этого никогда быть не можетъ; ибо бумаги, приносящія проценты и достаточно обезпеченныя, никогда не наводнятъ денежныхъ рынковъ и не потеряютъ своей номинальной цѣны.

Примѣромъ этому можетъ служить Англія съ ея несмѣтнымъ количествомъ банковыхъ билетовъ, ходящихъ свободно, какъ наши кредитные билеты и наши серіи, которыхъ нигдѣ нельзя достать. Разумное же и явное управленіе этимъ дѣломъ никогда не можетъ допустить недовѣрія къ обороту, дѣлающемуся *ясно* и обезпеченному имуществами его управителей.

По этому мы считаемъ необходимо нужнымъ разрѣшить губернскимъ комитетамъ:

1) Требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ,

всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія и обсуждать финансовыя средства губерніи;

2) Обсуждать необходимо нужныя измѣненія въ устройствѣ сельскаго управленія мѣстной полиціи и въ которыхъ связанныхъ съ этимъ предметомъ учрежденій;

3) Не стѣсняться тѣсною рамкою инструкцій, а излагать и обсуждать всѣ необходимыя предметы со всею откровенностію. Сіе послѣднее необходимо потому, что съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ связаны многіе вопросы нашей государственной общественной жизни. Уединить его отъ всѣхъ прочихъ вопросовъ и рѣшить совершенно отдѣльно, нѣтъ никакой возможности.

С М Ъ С Ъ .

— *КАЗАНСКІЯ РОЗГИ.*— Намъ пишутъ изъ Казани: «Желаніе огласить одинъ возмутительный фактъ, недавно случившійся у насъ, побуждаетъ меня писать къ вамъ съ просьбою дать мѣсто моему письму на страницахъ вашего 'Колокола.' Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ:

«Казанскій губернаторъ съ недавняго времени началъ обращать вниманіе на возможное улучшеніе внѣшности своего города, находящагося въ совершенномъ забросѣ, и между прочими своими распоряженіями, отдалъ приказаніе полиціи — наблюдать построже за чистотою тротуаровъ. Однажды оказалось, что тротуаръ передъ домомъ г. Толстаго, не имѣлъ надлежащей чистоты. Полиція замѣтила это и, возгорѣвшись тѣмъ *исполнительнымъ рвеніемъ*, которое, къ несчастію, уже издавна порождаетъ у насъ только одинъ возмущающій душу несправедливости, входитъ на дворъ г. Толстаго требуя дворника. Но такъ какъ дворника не оказалось, то она схватила какого-то мальчика изъ дворовыхъ г. Толстаго и потащила его въ полицію, только потому, что тотъ имѣлъ несчастіе первый попасться ей на глаза. Въ полиціи полицеймейстеръ, не разсуждая много, спрашиваетъ его: Почему нечисты тротуары? на что тотъ отвѣчаетъ, что чистить тротуары не его дѣло, и что онъ не знаетъ почему они нечисты. Этотъ простой и совершенно приличный дѣлу отвѣтъ, полицеймейстеру, не знаю почему-то, вздумалось сочестъ за грубость, и онъ приказалъ дать несчастному и ни въ чемъ не виноватому мальчику 300 ударовъ розгами, что и было исполнено. Г. Толстой узнавъ объ этомъ дикомъ поступкѣ полицеймейстера, сей часъ же отправился съ жалобою на него къ губернатору. Губернаторъ, поставленный такимъ образомъ между г. Толстымъ и близкимъ своимъ сподручникомъ, считая вѣроятно, что не стоитъ заводить дѣла изъ за подобныхъ пустяковъ, убѣдилъ полицмейстера просить извиненія у Толстаго и кончить дѣло келейно. Полицеймейстеръ послалъ къ Толстому частнаго пристава просить *за себя* извиненія, по тотъ замѣтилъ этому посланному извиняться по приказанію начальства: 'Зачѣмъ вамъ просить извиненія у меня? меня не сѣкли, а пусть лучше полицеймейстеръ извинится передъ самимъ неправонаказаннымъ мальчикомъ, да при всей дворнѣ, и дастъ отцу его 200 руб. сер., тогда дѣло будетъ лучше, въ противномъ случаѣ я буду жаловаться въ сенатъ.' Не знаю согласится ли полицмейстеръ на предложеніе Толстаго, или заблагоразсудитъ перенести дѣло въ сенатъ: во всякомъ случаѣ все это не помѣшаетъ быть факту менѣе отвратительнымъ и менѣе достойнымъ оглашенія.»

— *Побольше строгости графъ Строгоновъ!* — Вотъ что намъ пишутъ изъ Новороссіи:

“Колоколь (22 листъ), въ которомъ было помѣщено письмо къ гр. Строгонову, расшевелило здѣсь всѣхъ. Такъ какъ въ немъ въ первый разъ было помѣщено извѣстіе изъ нашего края, то его читали и перечитывали съ жадностью, и оно скоро разошлось по всей Херсонской губерніи. О немъ говорили не только въ городахъ, говорили громко въ мѣстечкахъ, гдѣ бывають воскресныя ярмарки; рѣдкій мужикъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ не знаетъ о томъ, что “про Клопотовскую” напечатано гдѣ-то за границей. Въ первый разъ для здѣшняго края *Колоколь* пересталъ быть только сборникомъ интересныхъ новостей, и представился всѣмъ здѣшнимъ господамъ во всемъ своемъ грозномъ значеніи. Впрочемъ, къ чести человѣческой натуры, нужно сказать, что кромѣ симпатіи, ничего другаго не возбудилъ здѣсь этотъ листъ вашего журнала. Всѣ ждали непосредственной кары за преступленіе, о которомъ въ немъ шла рѣчь, и увы! не дождались. Г. Строгоновъ не сдѣлалъ почти ничего. Прикащикъ былъ удаленъ изъ имѣнія Клопотовской, да предводителю дворянства тираспольскаго уѣзда, к. Аргутинскому, поручено было стороною развѣдать это дѣло. Кн. Аргутинскій, котораго имѣніе верстахъ въ десяти отъ имѣнія Клопотовской, и который слѣдовательно не могъ не знать обстоятельно происшествіе, о которомъ зналъ цѣлый уѣздъ—к. Аргутинскій счелъ своимъ долгомъ обратиться къ ближайшимъ сосѣдямъ Клопотовской для собранія свѣдѣній. Помѣщики, вездѣ помѣщики, и особенно въ Херсонской губерніи. Они отвѣчали, что не знакомы съ Клопотовской, и объ этомъ дѣлѣ ничего не знаютъ. Князь же Аргутинскій, какъ достойный представитель такихъ господъ, говорилъ громко, рассказывая объ этомъ дѣлѣ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, потому, что избранъ дворянами, которыхъ покорнѣйшимъ слугою и считаетъ себя. Когда состояніе и независимое мѣсто въ администраціи ставятъ въ такое положеніе, что онъ не долженъ быть ничьимъ слугою, тотъ постарается, и отыщетъ себѣ какого-нибудь барина. Другихъ послѣдствій письмо къ Строгонову не имѣло. *Христофовичъ* по прежнему свирѣпствуетъ на слѣдствіяхъ и сынъ его, юный наслѣдникъ гражданскихъ добродѣтелей отца, принялся за общественную благотворительность въ Одессѣ!

“А *Мме* Клопотовская, какъ дама практическая, смѣется надъ всякими Колоколами и обличеніями и съ успѣхомъ продолжаетъ прежнее. Недавно у ней случилось еще два происшествія, изъ которыхъ одно въ особенности стоитъ обнародыванія, какъ образчикъ отеческаго помѣщичьяго управленія. У ней есть крѣпостный мужикъ Романъ (фамилія мнѣ неизвѣстна), у него жена и шестеро дѣтей. Старшій изъ нихъ былъ взятъ въ дворовые, но бѣжалъ, тогда барыня взяла слѣдующую за нимъ по старшинству дочь, дѣвочку лѣтъ четырнадцати. Романъ этотъ пользовался непріязнью барыни. Онъ купилъ нынѣшней зимой еле живую лошадь за 5 рублей. Клопотовская, узнавъ это, немедленно требовала, чтобъ онъ ѣхалъ по ея порученію верстъ за 30. Стояла непогода. Бѣдный мужикъ взмолился, объясняя ей, что лошадь его погибнетъ, а кромѣ того и ему прійдется плохо, потому что у него нѣтъ сапоговъ и тулупъ въ лохмотьяхъ. Клопотовская слышать ничего не хотѣла; но мужикъ заупрямился и отказалъ на отрѣзъ. Жена его между тѣмъ,

больная и загнанная женщина, чуя бѣду, стала умолять мужа исполнить приказаніе барыни, но когда тотъ явился съ повинной, Клопотовская отвѣчала, что уже поздно. Черезъ нѣсколько дней жена этого мужика, которая была въ половинѣ беременности, носила, по приказанію барыни, мѣшки на мѣльницу. Изнеможенная, она опустила одинъ мѣшокъ на землю, отдохнула нѣсколько и когда хотѣла поднять его, почувствовала страшную боль, послѣ чего почти не вставала съ постели. Мужъ ея на бѣду напился пьянъ. Она, зная его буйный характеръ, бѣжала къ сосѣдямъ; онъ нашелъ ее не скоро, когда гнѣвъ проходилъ и побилъ ее. Черезъ два дня, она выкинула ребенка. Клопотовская ухватилась радостно за этотъ случай. Немедленно былъ призванъ становой и началось слѣдствіе. Вѣроятно все свалить на мужа.

“Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе дѣла Клопотовской производятъ на крестьянъ. Они самыя близкіе свидѣтели всего этого цинизма безправія, и не видятъ ни малѣйшаго исхода изъ подобнаго положенія. Немудрено, если господа доведутъ ихъ послѣ всего этого къ мысли самимъ приняться за *хожденіе* по своимъ дѣламъ!”

— *Варшава, (Февраль 1859)* — “Варшавская Газета”, журналъ ежедневно здѣсь выходящій и многочитаемый, издавна систематически клевететь Евреямъ. Оскорбленные Евреи съ своей стороны не имѣютъ никакого органа, которымъ могли бы отражать обиды журналиста, почему принуждены были до сихъ поръ молчать или ограничиваться напрасными совѣтами редакціи.

Статья, исполненная обыкновенныхъ злобныхъ намековъ и ругательствъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этого журнала, подала поводъ нѣкоторымъ извѣстнымъ Евреямъ къ поступку, который всего лучше объясняетъ жалкое положеніе, на которое до сихъ поръ осуждены Евреи въ Польшѣ. Люди изъ самихъ лучшихъ фамилій, отличные образованіемъ и общественнымъ положеніемъ, ученые, доктора, заводчики, экономы и пр., письменно объявили редактору “Варшавской газеты”, что систематическое распространеніе обидъ и безпрестанное раздраженіе фанатизма противъ Евреямъ, въ газетѣ имъ издаваемой, почитаютъ они безнравственнымъ дѣломъ, и готовы противъ такого поведенія прибѣгнуть къ средствамъ, которыми образованные люди пользуются противъ обидъ и клеветы.

Редакторъ, у котораго не было недостатка отваги, чтобъ оскорблять беззащитныхъ людей въ святѣйшихъ ихъ чувствованіяхъ, не нашелъ ея противъ мужественнаго и открытаго вызова. Полиція была увѣдомлена объ этомъ происшествіи; ждуть слѣдствія; тогда будетъ случай Евреямъ завести рѣчь о беззащитномъ ихъ положеніи противъ такихъ нападокъ.

(Сообщено.)

P. S. Сей часъ мы прочли превосходную статью объ этомъ дѣлѣ въ 86 No. *Норда*. Спѣшимъ передать имя негодяя-редактора, его зовутъ Лесновскій (Lesnowski).

ГРАФЪ В. Н. ПАНИНЪ.

O Altitudo!

Житіе и дѣянія великаго сановника николаевскихъ временъ и его вѣрнаго оруженосца М. Топильскаго никогда не были описаны съ такой глубиной и подробностью. Биографія эта такъ полна, что заставляетъ искренно жалеть только объ одномъ, что въ ней не описаны похороны его сятельства.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

ЛИСТЪ 40 & 41.

15 АПРѢЛЯ 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трибнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street,) London. Price one shilling (2 sheets).

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЬ

И ЕГО КНИГА ON LIBERTY

Много я принялъ горя за то, что печально смотрю на Европу, и просто, безъ страха и сожалѣнія, высказываю это. Съ того времени, какъ я печаталъ въ *Современникѣ* мои письма изъ Avenue Marigny, часть друзей и недруговъ показывали знаки нетерпѣнія, негодованія, возражали.... а тутъ, какъ на зло, съ каждымъ событіемъ, становилось на Западѣ темнѣе, угарнѣе—и ни умныя статьи Парадоля, ни клерикально-либеральныя книженки Монталамбера, ни замѣна прусскаго короля—прусскимъ принцемъ, не могли отвести глазъ искавшихъ истины. У насъ не хотятъ этого знать, и натурально, сердятся на пискромнаго обличителя.

Европа намъ нужна какъ идеалъ, какъ упрекъ, какъ благой примѣръ; если она не такая, ее надобно выдумать. Развѣ наивныя волнодумы XVIII вѣка, и въ ихъ числѣ Вольтеръ и Робеспьеръ не говорили, что если и нѣтъ безсмертія души, то его надобно проповѣдывать, для того, чтобъ держать людей въ страхѣ и добродѣтели. Или развѣ мы не видимъ въ исторіи какъ иногда вельможи скрывали тяжкую болѣзнь или скоростижную смерть царя и управляли именемъ трупа, или сумашедшаго, какъ это недавно было въ Пруссіи.

Ложь ко спасенію, дѣло можетъ хорошее, но не всѣ способны къ ней.

Я не унывалъ впрочемъ отъ порицаній и утѣшалъ себя тѣмъ, что и здѣсь мною высказанныя мысли принимались не лучше, да еще тѣмъ, что онѣ объективно истинны т. е. независимы отъ личныхъ мнѣній и даже добрыхъ цѣлей воспитанія, исправленія правовъ и т. д. Все само по себѣ истинное, рано или поздно взойдетъ и обличится, "Kommt an die Sonnen" какъ говоритъ Гете.

Одна изъ причинъ неудовольствія, собственно противъ моихъ мнѣній, антропологически понятна, сверхъ докучнаго беспокойства, приносимаго разрушеніемъ окончатныхъ мнѣній и окаменѣлыхъ идеаловъ, на меня досадовали за то, что я свои *человѣкъ*, съ чего-же въ самомъ дѣлѣ вдругъ вздумалъ судить и рядить—да еще старшихъ, и какихъ?

Въ нашемъ новомъ поколѣніи есть странный кряжъ, въ немъ спаяны какъ въ маятникахъ, самыя противоположныя

элементы, съ одной стороны оно толкается какимъ-то жестянымъ, костлявымъ, неукладчивымъ самолюбіемъ, заносчивой самонадѣянностью, щепетильной обидчивостью; съ другой въ немъ поражаетъ обезкураженная подавленность, недоверіе къ Россіи, преждевременное старчество. Это естественный результатъ тридцатилѣтняго рабства; въ немъ въ иной формѣ сохранилась наглость начальника, дерзость барина—съ подавленностью подчиненнаго, съ отчаяніемъ ревизской души, отпускаемой въ услуженіе.

Пока меня побранивали наши начальники литературныхъ отдѣленій, время шло себѣ, да шло, и наконецъ прошло цѣлыхъ десять лѣтъ. Многое изъ того, что было ново въ 1849, стало въ 1859 битой фразой, что казалось тогда сумасброднымъ парадоксомъ, перешло въ общественное мнѣніе и много *вѣчныхъ и неизблемыхъ* истинъ, прошли съ тогдашнимъ покровомъ платя.

Серьезныя умы въ Европѣ, стали смотрѣть серьезно. Ихъ очень не много, это только подтверждаетъ мое мнѣніе о Западѣ, но они далеко идутъ, и я очень помню, какъ Т. Карлейль и добродушный Олсопъ (тотъ который былъ замѣшанъ въ дѣло Орсини), улыбались надъ остатками моей вѣры въ англійскія формы. Но вотъ является книга, идущая далеко дальше всего, что было сказано мною. *Perseus ante nos prostra dixerunt* и спасибо тѣмъ, которые послѣ насъ своимъ авторитетомъ утверждаютъ сказанное нами и своимъ талантомъ ясно и мощно передаютъ, слабо выраженное нами.

Книга, о которой я говорю, писана не Прудонемъ, ни даже Пьеромъ Леру, или другимъ социалистомъ, изгнанникомъ, раздраженнымъ,—совсѣмъ нѣтъ, она писана однимъ изъ извѣстнѣйшихъ политическихъ экономовъ, однимъ изъ недавнихъ членовъ индійскаго борда, которому три мѣсяца тому назадъ лордъ Стенли предлагалъ мѣсто въ правительствѣ. Человѣкъ этотъ, пользуется огромнымъ, заслуженнымъ авторитетомъ; въ Англии его нехотя читаютъ тори, и со злобой виги, его читаютъ на материкѣ тѣ нѣсколько человѣкъ, (исключая специалистовъ), которые вообще читаютъ что нибудь, кромѣ газетъ и памфлетовъ.

Человѣкъ этотъ Джонъ Стюартъ Миль.

Мѣсяцъ тому назадъ онъ издалъ странную книгу въ

защиту *свободы мысли, рѣчи и лица*, я говорю страпную потому, что неужели не странно, что тамъ, гдѣ за два вѣка Мильтонъ писалъ о томъ-же, явилась необходимость снова поднять рѣчь *on Liberty*. А вѣдь такіе люди, какъ С. Миль, не могутъ писать изъ удовольствія; вся книга его проникнута глубокой печалью, не тоскующей, но мужественной, укоряющей, тацитовской. Онъ потому заговорилъ, что зло стало хуже. Мильтонъ защищалъ свободу рѣчи противъ нападеній власти, противъ насилія, и все энергическое и благородное было съ нимъ. У Стюарта Милиа врагъ совсѣмъ иной, онъ отстаиваетъ свободу, не противъ образованнаго правительства, а противъ *общества*, противъ *нравовъ*, противъ мертвящей силы равнодушія, противъ мелкой нетерпимости, противъ "посредственности."

Это не негодующій старикъ, царедворецъ Екатерины, который брѣзжитъ, обойденной кавалеріей, падъюнымъ поклоніемъ и колетъ глаза зичнему дворцу—грановитой палатой. Нѣтъ, это человекъ полный силъ, давно живущій въ государственныхъ дѣлахъ, и глубоко продуманныхъ теоріяхъ, привыкнувшій спокойно смотрѣть на міръ, и какъ Англичанинъ, и какъ мыслитель, и онъ то наконецъ невытерпѣлъ, и подвергаясь гнѣву невскихъ регистраторовъ цивилизаціи и москворѣцкихъ книжниковъ западнаго образованія, закричалъ "Мы тонемъ!"

Постоянное пониженіе личностей, вкуса, тона, пустота интересовъ, отсутствіе энергіи ужаснули его; онъ присматривается и видитъ ясно, какъ все мельчаетъ, становится дюжинное, рядское, стертое, пожалуй "добронорядочиѣ", но пошлѣе. Онъ видитъ въ Англіи (то что Токвиль замѣтилъ во Франціи) что вырабатываются общіе стадные типы и серьезно качая головой, говоритъ своимъ современникамъ: Остановитесь, одумайтесь, знаете-ли куда вы идете, посмотрите — *душа убываетъ*.

Но зачѣмъ-же будить онъ спящихъ, какой путь, какой выходъ онъ придумалъ для нихъ. Онъ какъ нѣкогда Іоаннъ предтеча, грозитъ будущимъ и зоветъ на покаяніе; врядъ второй разъ подвинешь-ли этимъ отрицательнымъ рычагомъ людей. Стюартъ Миль стыдитъ своихъ современниковъ, какъ стыдилъ своихъ Тацитъ; онъ ихъ этимъ не остановитъ, какъ не остановилъ Тацитъ. Не только нѣсколькими печальными упреками не уймешь *убывающую душу*, но можетъ никакой плотниной въ мірѣ.

"Люди инаго закала, говоритъ онъ, сдѣлали изъ Англіи, то, что *она была* и только люди другаго закала могутъ ее предупредить отъ паденія."

Но это пониженіе личностей, этотъ недостатокъ закала, только патологическій фактъ и признать его очень важный шагъ для выхода — но не выходъ. Стюартъ Миль коритъ больного, указывая ему на здоровыхъ праотцевъ; странное леченіе и едва-ли великодушное.

Ну что же начать теперь корить ящерицу допотопнымъ пхтіосавромъ,—виновата-ли она что она маленькая, а тотъ большой? С. Миль, испугавшись нравственной ничтожности, духовной посредственности окружающей его среды, закричалъ со страстей и съ горя какъ богатыри въ нашихъ сказкахъ: "Есть-ли въ полѣ живъ человекъ?"

Зачѣмъ-же онъ его звалъ? За тѣмъ чтобъ сказать ему, что онъ выродившійся потомокъ сильныхъ праотцевъ и слѣдственно долженъ сдѣлаться такимъ же какъ они.

Для чего?—Молчапіе.

И Робертъ Оуенъ звалъ людей, лѣтъ семьдесятъ сряду и тоже безъ всякой пользы; но онъ звалъ ихъ *на что нибудь*. Это *что нибудь* была-ли утопія, фантазія или истина, намъ теперь до этого дѣла нѣтъ; намъ важно то, что онъ звалъ съ цѣлью; а С. Миль подавляя современниковъ суровыми, рембрантовскими тѣнями временъ Кромвеля и Пуританъ, хочетъ, чтобъ вѣчно обвѣшивающіе, вѣчно обмѣривающіе лавочки сдѣлались изъ какой-то поэтической потребности, изъ какой-то душевной гимнастики—героями!

Мы можемъ также вызвать монументальныя, грозныя личности французскаго Конвента и поставить ихъ рядомъ съ бывшими, будущими и пастоящими французскими шпіонами и *épicieis*, и начать рѣчь въ родѣ Гамлета:

Look here, upon this picture, and on this...

Hyperion's curls, the front of Love himself;

An eye like Mars....

Look you now, what follows,

Here is your husband.. .

Это будетъ очень справедливо, и еще больше обидно — по неужели отъ этого кто нибудь оставитъ свой пошлый, но удобный бытъ, и все это для того, чтобъ величаво скучать какъ Кромвель, или стоически нести голову на плаху, какъ Дантонъ?

Тѣмъ было легко такъ поступать, потому что они были подъ господствомъ страстнаго убѣжденія—*d'une idée fixe*.

Такая *idée fixe* былъ католицизмъ въ свое время, потомъ протестантизмъ; наука въ эпоху возрожденія, революція въ XVIII столѣтіи.

Гдѣ-же эта святая мономанія, этотъ *magnum ignotum*, этотъ сфинксовской вопросъ нашей цивилизаціи,—гдѣ та могущая мысль, та страстная вѣра, то горячее упованіе, которое можетъ закалить тѣло какъ сталь, довести душу до того судорожнаго ожесточенія, которое не чувствуетъ ни боли, ни лишеній, и твердымъ шагомъ идетъ на плаху, на костеръ?

Посмотрите кругомъ—что въ состояніи одушевить лица, поднять народы, поколебать массы: религія-ли папы съ его незапятнаннымъ рожденіемъ богородицы, или религія безъ папы, съ ея догматомъ воздержанія отъ пива въ субботній день? ариѳметическій-ли пантеизмъ всеобщей подачи голосовъ, или идолопоклонство монархіи, суетвѣріе-ли въ республику или суетвѣріе въ парламентскія реформы?... Нѣтъ и нѣтъ; все это блѣднѣетъ, старѣетъ и укладывается какъ нѣкогда боги Олимпа укладывались, когда они съѣзжали съ неба, вытѣсняемые новыми соперниками, подымавшимися съ Голгофы.

Только на бѣду ихъ нѣтъ у нашихъ почернѣвшихъ кумировъ, по крайней мѣрѣ С. Миль не указываетъ ихъ.

Знаетъ онъ ихъ или нѣтъ, это сказать трудно.

Съ одной стороны англійскому генію противно отвлеченное обобщеніе и смѣлая логическая послѣдовательность, онъ своимъ скептицизмомъ чувствуетъ, что логическая крайность, какъ законы чистой математики, неприлагаемы безъ ввода жизненныхъ условій. Съ другой стороны онъ привыкъ, физически и нравственно, застегивать пальто на всѣ пуговицы и поднимать воротникъ, это его предостерегаетъ отъ сыраго вѣтра и отъ суровой нетерпимости. Въ той же книгѣ С. Милиа мы видимъ примѣръ этому. Двумя-тремя ударами необычайной ловкости онъ опрокинулъ немного падшую на поги

христіанскую мораль, и во всей книгѣ ничего не сказалъ о христіанствѣ.*

С. Миль, вмѣсто всякаго выхода, вдругъ замѣчаетъ: “Въ развитіи народовъ кажется есть предѣлъ, послѣ котораго онѣ останавливаются и *дѣлается Китаемъ.*”

Когда-же это бываетъ?

Тогда, отвѣчаетъ онъ, когда личности начинаютъ стираться, пропадать въ массахъ, когда все подчиняется принятымъ обычаямъ, когда понятіе добра и зла смѣшивается съ понятіемъ сообразности или несообразности съ принятымъ. Гнетъ обычая останавливаетъ развитіе — развитіе собственно и состоитъ изъ стремленія къ *лучшему* отъ обычнаго. Вся исторія состоитъ изъ этой борьбы, и если большая часть человѣчества не имѣетъ исторіи, то это потому, что жизнь ея совершенно подчинена обычаю.

Теперь слѣдуетъ взглянуть какъ нашъ авторъ разсматриваетъ современное состояніе образованнаго міра. Онъ говоритъ, что не смотря на умственное превосходство нашего времени, все идетъ къ *посредственности*, лица теряются въ толпѣ. Эта *collective mediocrity* ненавидитъ все рѣзкое, самобытное, выступающее; она проводитъ надъ всѣмъ общій уровень. А такъ какъ въ среднемъ разрѣзѣ у людей не много ума и не много желаній, то сборная посредственность какъ тонкое болото понимаетъ, съ одной стороны все желающее вынырнуть, а съ другой, предупреждаетъ беспорядокъ эксцентричныхъ личностей — воспитаніемъ новыхъ поколѣній въ такую же вялую посредственность. Нравственная основа поведенія состоитъ преимущественно въ томъ, чтобъ жить какъ другіе: “Горе мужицѣ, а особливо женщинѣ, которые вздумаютъ дѣлать то, *чего никто не дѣлаетъ*; во горе и тѣмъ, которые не дѣлаютъ *того, что дѣлаютъ всѣ.*” Для такой нравственности не требуется ни ума, ни особенной воли, люди занимаются своими *дѣлами*, и иной разъ для развлеченія шалятъ въ филантропію (*philantic hobby*) и остаются добропорядочными, но пошлыми людьми.

Этой - то средѣ принадлежитъ сила и власть, самое правительство по той мѣрѣ мощно по какой оно служитъ органомъ господствующей среды и понимаетъ его инстинктъ.

Какая же эта державная среда? “Въ Америкѣ къ ней принадлежатъ всѣ бѣлые, въ Англіи господствующій слой составляетъ *среднее состояніе.*” (†)

С. Миль находитъ одно различіе между мертвой неподвижностію восточныхъ народовъ и современнымъ мѣщанскимъ государствомъ. И въ немъ-то, мнѣ кажется, находится самая горькая капля изъ всего кубка полыни поданнаго имъ. Вмѣсто азіатскаго коснаго покоя, современные Европейцы живутъ, говоритъ онъ, въ пустомъ беспокойствѣ, въ бессмысленныхъ перемѣнахъ: “отвергая особности, мы не отвергаемъ пере-

* “Христіанская нравственность имѣетъ весь характеръ реакціи, это большей частью одинъ протестъ противъ язычества. Ея идеалъ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный, страдательный — чѣмъ дѣятельный. Она больше проповѣдуетъ воздержаніе отъ зла, чѣмъ дѣланіе добра. Ужасъ отъ чувственности доведенъ до аскетизма. Награды на небѣ и наказанія въ аду придаютъ самымъ лучшимъ поступкамъ чисто эгонистическій характеръ, и въ этомъ отношеніи христіанское воззрѣніе гораздо ниже античнаго. Лучшая часть въ нашихъ смутныхъ понятіяхъ объ общественныхъ обязанностяхъ, взята изъ греческихъ и римскихъ источниковъ. Все доблестное, благородное, самое понятіе чести передано намъ свѣтскимъ воспитаніемъ нашимъ — а не духовнымъ, проповѣдующимъ слѣпое повиновеніе, какъ высшую добродѣтель.” — J. S. MILL.

(†) Пусть читатели вспомнятъ, что было сказано объ этомъ въ “Западныхъ Арабесахъ”. Полярная Звѣзда на 1857 годъ.

мѣнъ, лишь бы онѣ были всякій разъ сдѣланы *всѣми*. Мы бросили своеобычную одежду нашихъ отцевъ и готовы мѣнять два-три раза въ годъ покрой нашего платья, но съ тѣмъ, что всѣ мѣняли его, и это дѣлается не изъ видовъ красоты или удобства, а для самой перемѣны!”

Если личности не высвободятся отъ этого утягивающаго омута, отъ замаривающей топи, то “Европа, не смотря на свои благородные antecedentes и свое христіанство, *сдѣлается Китаемъ.*”

Вотъ мы и возвратились, и стоимъ передъ тѣмъ же вопросомъ. На какомъ основаніи будить спящаго? во имя чего обрюзгнувшая личность и утянутая въ мелочь — вдохновится, сдѣлается недовольна своей теперешней жизнью, съ желѣзными дорогами, телеграфами, газетами, дешевыми издѣліями?

Личности не выступаютъ оттого, что нѣтъ достаточнаго повода. За кого, за что, или противъ кого имъ выступать? Отсутствіе сильныхъ дѣятелей не причина, а послѣдствіе.

Точка, линія, послѣ которой борьба между желаніемъ *лучшаго* и сохраненіемъ *существующаго* оканчивается въ пользу сохраненія, наступаетъ (кажется намъ) тогда, когда господствующая, дѣятельная, *историческая* часть народа близко подходитъ къ такой формѣ жизни, которая соотвѣтствуетъ ему; это своего рода насыщеніе, сатурація, все приходитъ въ равновѣсіе, успокаивается, продолжаетъ вѣчно одно и то же — до катаклизма, обновленія, или разрушенія. *Semper idem* не требуетъ ни огромныхъ усилій, ни грозныхъ бойцовъ; въ какомъ бы родѣ они ни были — они будутъ лишніе, середь мира не нужно полководцевъ.

Чтобъ не ходить такъ далеко, какъ Китай, взгляните возлѣ на ту страну на Западѣ, которая наибольше отстоялась, на страну, которой Европа начинаетъ сдѣлать — на Голландію: гдѣ ея великіе государственные люди, гдѣ ея великіе живописцы, гдѣ тонкіе богословы, гдѣ смѣлые мореплаватели? Да на что ихъ? Развѣ она несчастна оттого, что не мятется, не бушуетъ, оттого что ихъ нѣтъ? Она вамъ покажетъ свои смѣющіяся деревни на обсушенныхъ болотахъ, свои выстиранные города, свои выглаженные сады, свой комфортъ, свою свободу и скажетъ: мои великіе люди приобрѣли мнѣ эту свободу, мои мореплаватели завѣщали мнѣ это богатство, мои великіе художники украсили мои стѣны и церкви, мнѣ хорошо, — чего-же вы отъ меня хотите? Рѣзкой борьбы съ правительствомъ? да развѣ оно тѣснить; у насъ и теперь свободы больше, нежели во Франціи когда-либо бывало.

Да что-же изъ этой жизни?

Что выйдеть? Да вообще *что* изъ жизни выходитъ? А потомъ — развѣ въ Голландіи нѣтъ частныхъ романовъ, коллизій, сплетней; развѣ въ Голландіи люди не любятъ, не плачутъ, не хохочутъ, не поютъ пѣсенъ, не пьютъ скидама, не пляшутъ въ каждой деревнѣ до утра? Къ тому-же не слѣдуетъ забывать, что съ одной стороны они пользуются всѣми плодами образованія, наукъ и художествъ, а съ другой имъ бездна дѣла: гран-пасіансъ торговли, меледа хозяйства, воспитаніе дѣтей, по образу и подобию своему; не успѣетъ Голландецъ оглянуться, обдосужиться, а ужъ его несутъ на “божью ниву” въ щегольски отлакированомъ гробѣ; въ то время какъ сынъ ужъ запряженъ въ торговое колесо, которое необходимо слѣдуетъ беспрестанно вертѣть, а то дѣла остановятся.

Такъ можно прожить тысячу лѣтъ, если не помѣшаетъ какое нибудь второе пришествіе Бонапартова брата.

Отъ старшихъ братій, я прошу позволеніе отступить къ меньшимъ.

Мы не имѣемъ достаточно фактовъ, но можемъ предположить, что животныя породы, такъ какъ они установились, представляютъ послѣдній результатъ долгаго колебанья разныхъ видоизмѣненій, ряда совершенствованій и достиженій. Эта исторія дѣлалась исподволь костями и мышцами, извилинами мозга и струйками нервъ.

Допотопныя животныя, представляютъ какую то героическую эпоху этой *книги бытія*, это титаны и богатыри, они мельчаютъ, уравниваются съ новой средой и какъ только достигаютъ довольно ловкаго и прочнаго типа, начинаютъ типически повторяться и до такой степени, что Улисова собака въ Одиссеѣ положе какъ двѣ капли воды на всѣхъ нашихъ собакъ. И это не все: кто сказалъ, что животныя политическіе или общественные, живущіе не только стадомъ, но и съ нѣкоторой организаціей, какъ муравьи и пчелы, что они такъ съ разу учредили свои муравейники или ульи? Я вовсе этого не думаю. Милліоны поколѣній легли и погибли прежде, чѣмъ они устроились и упрочили свои *китайскіе* муравейники.

Я желалъ бы уяснить этимъ, что если какой нибудь народъ дойдетъ до этого состоянія — сооѣтственности внѣшняго общественнаго устройства съ своими потребностями, то ему нѣтъ никакой внутренней необходимости, до переменъ потребностей—идти впередъ, воевать, бунтовать, производить эксцентрическія личности.

Покойное поглощеніе въ стадѣ, въ ульѣ—одно изъ первыхъ условій сохраненія достигнутаго.

До этого полнаго покоя, міръ, о которомъ говоритъ С. Миль, не дошелъ. Онъ послѣ всѣхъ своихъ революцій и потрясеній, не можетъ ни устояться, ни отстояться, бездна дряни на верху, все мутно, нѣтъ ни этой китайской фарфоровой чистоты, ни голландской полотняной бѣлизны. Въ немъ множество неспѣтаго, уродливаго, даже болѣзненнаго, и въ этомъ отношеніи ему предстоитъ дѣйствительно на его собственномъ пути еще шагъ впередъ. Ему надобно пріобрѣсти не энергическія личности, не эксцентрическія страсти, а честную мораль своего положенія. Англичанинъ перестаетъ обѣщивать, Французъ — помогать всякой полиціи, этого требуетъ не только *respectability*, но и прочность быта.

Тогда Англія можетъ, по словамъ С. Мили, превратиться въ Китай, (и конечно въ усовершенствованный) сохраняя всю свою торговлю, всю свою свободу и улучшая свое законодательство, т. е. облегчая его по мѣрѣ возрастанія обязательнаго обычая, который лучше всѣхъ судовъ и наказаній заморить волю. А Франція можетъ въ это время взойти въ красивое, военное русло персидской жизни, расширенное всѣмъ, что образованная централизація даетъ въ руки власти, вознаграждая себя за потерю всѣхъ человѣческихъ правъ, блестящими набѣгами на сосѣдей и приковыывая другіе народы къ судьбамъ централизованной деспотіи..... черты зуавовъ уже теперь больше принадлежать азіатскому типу, чѣмъ европейскому.

Предупреждая возгласы и проклятія, я тороплюсь сказать, что здѣсь рѣчь идетъ ни о моихъ желаніяхъ, ни даже о моихъ мнѣніяхъ. Трудъ мой чисто логическій, я хотѣлъ *развернуть*

скобки формулы, въ которой выраженъ результатъ С. Мили, я хотѣлъ отъ его личностей-дифференціаловъ, взять историческій интеграль.

Стало бытъ вопросъ не можетъ бытъ въ томъ, учтиво ли пророчить Англіи судьбы Китая (это же сдѣлалъ не я, а онъ самъ), и деликатно ли предсказывать Франціи, что она будетъ Персіей? Хотя по справедливости я и не знаю отчего же Китай и Персію можно безнаказанно оскорблять. Вопросъ дѣйствительно важный, до котораго С. Миль не коснулся, вотъ въ чемъ: существуютъ-ли всходы новой силы, которые могли бы обновить старую кровь, есть-ли подсѣды и здоровые ростки, чтобъ прорости измельчавшуюся траву? А этотъ вопросъ сводится на то — потерпитъ-ли народъ, чтобъ его окончательно употребили для удобренія почвы новому Китаю и новой Персіи, на безвыходную, черную работу, на невѣжество и проголодь; позволяя въ замѣнъ какъ въ лотерейной игрѣ, одному на десять тысячъ, въ примѣръ, ободреніе и усмиреніе прочимъ, разбогатѣтъ и сдѣлаться изъ снѣдаемаго—обѣдающимъ.

Вопросъ этотъ разрѣшать событія,—теоретически его не разрѣшишь.

Если народъ сломится, новый Китай и новая Персія неминуемы.

Но если народъ сломить, пеминуемъ *соціальный переворотъ!* Не это-ли и есть *идея*, которая можетъ быть произведена въ *idée fixe*, не смогря на ножиманіе плечъ аристократіи, ни на скрежетъ зубовъ мѣщанъ?

Народъ это чувствуетъ и очень; прежней дѣтской вѣры въ законность, или по крайней мѣрѣ въ справедливость того что дѣлается—нѣтъ; есть страхъ передъ силой и неумѣнье возвести въ общее правило частную боль; но слѣаго довѣрія нѣтъ. Во Франціи народъ грозно заявилъ свой протестъ, въ то самое время, когда среднее состояніе въ упоеніи отъ власти и силы, вѣнчало себя на царство подъ именемъ республики и развалилось съ Марасомъ на креслахъ Людовика XV въ Версалѣ, диктовало законы; народъ возсталъ съ отчаянія, видя, что онъ опять остался за дверями и безъ куска хлѣба; онъ возсталъ варварски, не имѣя никакого рѣшенія, безъ плана, безъ вождей, безъ средствъ, но въ энергическихъ личностяхъ у него недостатка не было и еще больше — онъ съ другой стороны вызвалъ этихъ хищныхъ, кровожадныхъ коршуновъ, въ родѣ Каваньяка.

Народъ побилъ на голову. Вѣроятности Персіи *поднялись*, и съ тѣхъ поръ все идутъ въ гору.

Какъ англійскій работникъ поставитъ свой соціальный вопросъ, мы не знаемъ, по воловьей упорности его велика. Съ его стороны числовое большинство; по сила не съ его стороны. Число ничего не доказываетъ. Три-четыре линейныхъ казака, да два-три гарнизонныхъ солдата водятъ изъ Москвы въ Сибирь по пятисотъ колодниковъ.

Если народъ и въ Англіи будетъ побить, какъ въ Германіи во время крестьянскихъ войнъ, какъ во Франціи въ іюньскіе дни,—тогда Китай, пророчимый Стюартъ Милемъ, не далекъ. Переходъ въ него сдѣлается незамѣтно, не утратится, какъ мы сказали, ни одного права, не уменьшится ни одной свободы, уменьшится только *способность пользоваться этими правами и этой свободой!*

Люди робкіе, люди чувствительные говорятъ, что это невозможно. Я ничего лучше не прошу, какъ согласиться съ

ними, но не вижу причины. Трагическая безвыходность состоит именно въ томъ, что та идея, которая можетъ спасти народъ и устремить Европу къ новымъ судьбамъ—*невыгодна* господствующему классу, что ему, еслибъ онъ былъ послѣдователемъ и смѣль, *выгодно* только государство—съ американскимъ невольничествомъ! (*)

Искандеръ.

Изъ втораго письма.†

..... Да! удивили насъ наши либералы. О Николай Павловичъ, какъ онъ ошибался въ русскихъ людяхъ; преслѣдуя, тѣсня ихъ за либеральныя..... о ужасъ! даже за революціонныя стремленія и тенденціи. Онъ невинный вовсе не догадывался, что весь нашъ либерализмъ дальше острыхъ и рѣзкихъ словъ, дальше шумной бесѣды никуда не шель; онъ не догадывался, что эти то самыя преслѣдованія, эти строжайшіе надзоры полиціи, обыски, ссылки ставили насъ только въ ложное положеніе, придавали намъ фальшивое освѣщеніе, дѣлали самыхъ невинныхъ добрыхъ людей какъ будто въ самомъ дѣлѣ либералами, накидывая на нихъ яркую тогу отчаянныхъ головорѣзовъ, демократовъ, демагоговъ. А мы просто напросто были только болтуны и остроумники, нещадившіе для краснаго словца, какъ говорится, ни матери ни отца. Умеръ Николай Павловичъ и увесъ съ собою весь нашъ либерализмъ, увесъ по крайней мѣрѣ точку нашей опоры. Теперь мы летимъ со всѣхъ ногъ. Канатъ, который мы изъ всѣхъ силъ тянули своимъ остроуміемъ—порвался. Образъ дѣйствій измѣнился. Словъ, и однихъ словъ, за которыя мы прослыли такими *красными*, стало недостаточно. Пришло время дѣйствовать, дѣлать что нибудь. Въ самомъ воздухѣ носится потребность дѣла. Но что-же, какъ же мы будемъ дѣлать, когда всѣ лучшія годы наши мы провели только въ безплодной и пустой болтовнѣ, шумѣ, крикѣ. Развѣ возможно намъ понять теперь, что слово не есть дѣло, развѣ возможно это понять, когда Николай Павловичъ наши слова принималъ за дѣла, и какъ за дѣла строжайше насъ преслѣдовалъ за вздорныя, хотя бойкія, рѣзкія рѣчи. При такой высокой и высочайшей оцѣнкѣ нашей болтовни нельзя было не убѣдиться каждому говоруну, что онъ и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь значить, т. е. дѣлаетъ дѣло. Но канатъ натягивавшій насъ на либерализмъ—порвался. Небо какъ будто нѣсколько прояснилось; въ сплошной массѣ густыхъ, темныхъ облаковъ стали показываться, какъ говорятъ окошки, въ которыя время отъ времени пробиваются оживляющіе, согрѣвающіе лучи солнца. Повѣрите ли, а вѣдь это правда: мы либералы почти совсѣмъ удовлетворились. Да и какъ было не удовлетвориться? По правдѣ сказать, вѣдь собственно мы ничего не искали, ничего не

(*) Этотъ разборъ книги Д. С. Милля, мы беремъ изъ V книжки Полярной Звѣзды, которая выйдетъ къ 1 Маю.

† Мы просимъ вспомнить нѣсколько строкъ помѣщенныхъ нами въ началѣ прошлаго листа передъ отрывками "Изъ перваго письма."

требовали, а потому ничего не ожидали. Цѣлей у насъ никакихъ не было. Мы сочли себя совершенно облагодѣтельствованными и громко заголосили противъ даже малѣйшаго сомнѣнія, что погода *не разгуляется*, да и не можетъ разгуляться, потому что направленіе вѣтра остается все то же..... Инстинктивно, по чувству самохраненія стали мы на сторону такъ называемаго правительства, потому что эта позиція совершенно освобождаетъ насъ отъ всякаго дѣла. Правительство поступаетъ хорошо, либерально, тогда намъ можно сидѣть сложа руки и по прежнему только словопрѣтъ о томъ, какъ смѣлыя головы, люди жаждущіе работы и работающіе *портятъ дѣло*. Съ большимъ усердіемъ и заботою, мы *охраняемъ* почти каждый шагъ правительственныхъ распоряженій. Чуть гдѣ рождается звонкое свободное слово, явится дѣйствіе, поступокъ обнаруживающій единственно только потребность самостоятельнаго, не крѣпостнаго существованія—мы кричимъ изъ всѣхъ силъ, что это мальчишество, что это ни на что не похоже, что этимъ испортятъ все дѣло. Никакъ мы этого не можемъ понять, что если даютъ крохи, оскребки какой вибуть самостоятельности, свободы, такъ вѣдь нужно же кому нибудь ее брать и во имя ея дѣйствовать. Дѣлать нечего, если мы не умѣемъ ею пользоваться и продолжаемъ только словопрѣтъ. Не будемъ мѣшать другимъ, пусть кроха свободаго дѣйствія беретъ дѣтски неопытною рукою, когда наши опытные въ либерализмѣ руки привыкли только тыкать въ воздухъ для болѣе усиленныхъ доказательствъ при нашихъ словопрѣніяхъ. Нѣтъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше обнаруживается, что мы—увы!—не люди Декабря, что мы собственно люди словъ, что передъ всякимъ честнымъ гражданскимъ дѣломъ мы просто робѣемъ, путаемся и не рѣшаемся ни на что. Подъ самымъ нашимъ носомъ проходятъ, задѣвая не рѣдко и насъ самихъ, вопіющія безобразія..... Правда, мы и здѣсь кричимъ, но не отъ боли оскорбленнаго чувства, а такъ "шумимъ, братецъ, шумимъ," сходимся, совѣтуемся, толкуемъ, споримъ чуть не до драки и тѣмъ кончаемъ дѣло или свое участіе въ дѣлѣ. Всякій поступокъ, рѣшительный шагъ—для насъ ножъ вострый. Какъ этого никто не пойметъ, что въ отношеніи всякаго практическаго дѣла, мы не способны соломенки поднять, что всѣ наши таланты и силы только въ однихъ словахъ?

Но гдѣ-жъ сердце, гдѣ-жъ накипѣвшая горечь всякой неправды, какую мы каждый день и каждый часъ видимъ передъ собой, подъ своимъ носомъ? Гдѣ-жъ чувство чловѣка оскорбленное и постоянно оскорбляемое презрѣніемъ отъ всякаго рода властей, не только министровъ, генераловъ, губернаторовъ, но даже будошниковъ. Неужели мы и все зло, въ которомъ мы купаемся, — только предметъ остроумія и болтовни? Неужели наше чувство такъ заматерѣло въ этой праздной и пустой болтовнѣ, что имъ уже не шевелить ни одно свѣжее, живое стремленіе къ свободѣ, и боже мой, къ какой свободѣ, къ сохраненію только правъ чловѣческаго достоинства, которыя попираются презрительно всѣми пошлыми и подлыми ногами, такъ самодержавно расхаживающими, по нашей родной, забитой и закабаленной Руси?

Правительство ищетъ опоры! кто же это ищетъ, какая власть, какое лице — чѣмъ обнаруживается это исканіе? Какой опоры ищетъ и гдѣ? Ищетъ-ли опоры государ-

ственный совѣтъ, комитетъ министровъ, Панинъ, Муравьевъ, Тимашевъ, Митрополитъ Григорій, Закревскій, московское губернское правленіе, такой - то Земскій Судъ, такой - то частный приставъ, такой - то секретарь, столоначальникъ?.... Вѣдь всѣ эти лица—правительство. Гдѣ у насъ органы его, которые имѣли бы право объявить что ищутъ опоры и какой именно? Гдѣ у насъ идеальное равновѣсіе властей? У насъ нѣтъ правительства и организація властей такова, что самый добросовѣстный, честной человекъ принужденъ бываетъ сознаться въ невозможности дѣйствовать на общую пользу. Развѣ неизвѣстно, что вмѣсто правительства существуютъ у насъ іерархически составленные полки чиновниковъ, волею и неволею обманывающіе другъ друга въ милліонахъ бумагъ; что обманъ, ложь, лицемеріе и всякая писаная неправда, служатъ намъ закономъ и покрываетъ всѣ наши законы; что министры нагло надуваютъ государя, нагло дѣлаютъ распоряженія по мимо его повелѣній и рѣшеній, такъ что въ сущности неограниченность нашего самодержца вообще дѣло сомнительное. Во многихъ случаяхъ Орловъ, Панинъ, Закревскій, да и всякій министр, всякій генералъ - губернаторъ являются выше власти государя и всегда заставляютъ ее плясать по своей дудочкѣ. Въ этомъ громадномъ сѣбленіи обмановъ, лицемерія, лжи, надуательства трудно, совсѣмъ невозможно сложить на кого либо одного всю вину. Здѣсь все рука руку моетъ. И послѣ того вамъ говорятъ, что вы могли бы умѣренностью, осторожностью и разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ внушить къ себѣ довѣріе этого почтеннаго правительства,—какая глубокая несообразность этихъ словъ съ дѣйствительностью! Можно-ли ожидать довѣрія тамъ, гдѣ какого бы вопроса вы ни коснулись, особенно серьезнымъ образомъ, вы непременно наткнетесь на такую правду о предрержащихъ теперешнихъ властяхъ, обнаруженіе которой они конечно не простятъ никому и само собою разумѣется постараются представить васъ опаснымъ революціонеромъ, котораго слѣдуетъ отдать подъ строжайшій надзоръ полиціи. Остается одно: лицемерить передъ каждою властью для того только, чтобъ убѣдить ее въ разумности вашихъ требованій, желаній. Но это значить ронять свое человѣческое достоинство и окончательно губить дѣло честной, откровенной, неподкупной гласности, которая рано-ли, поздно-ли а восторжествуетъ. Правительство ищетъ опоры! Да это только можно говорить въ какомъ -нибудь прекрасномъ далеко, откуда писалъ свою избранную переписку Гоголь. Здѣсь мы и признаковъ не видимъ, чтобъ правительство къ чемунибудь прислушивалось. Оно еще такъ вѣрить въ свою непогрѣшительность, въ могущество и разумность самаго себя, что и въ голову ему не приходитъ отыскивать опоры, гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ кромѣ III отдѣленія. На оборотъ оно тотчасъ же уничтожаетъ всякое благородное, благонамѣренное, честное стремленіе помочь ему. Оно презираетъ едва, едва оживающее общественное мнѣніе, вмѣстѣ съ литературою, которую вообще считаетъ ребячествомъ. Въ каждомъ проявленіи общественнаго мнѣнія, которое естественно весьма рѣдко совпадаетъ съ видами правительства, т. е. Панина, Ковалевскаго, Буткова, и братіи, оно видитъ протестъ, демонстрацію противъ законныхъ властей. Въ каждомъ свободно, хотя бы и очень умѣренно сказанномъ словѣ, оно слышитъ революціонный возгласъ, призваніе къ топору.

Не только *Колоколъ* считается революціоннымъ, но нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ называются *красными*. Съ точки зрѣнія нашего правительства все почитается *краснымъ*, что только заявляетъ какой-либо самостоятельный, свободный голосъ. Нѣтъ, наше правительство еще не привыкло, даже не думаетъ привыкать къ свободной рѣчи. Да что говорить о правительствѣ—на самихъ насъ еще какъ-то странно дѣйствуетъ всякая свободная рѣчь; въ словѣ, въ которомъ иной разъ ничего болѣе не выражается, какъ только чувство свободного достоинства, мы сами еще видимъ чуть не дерзость, оскорбленіе величества, революціонный возгласъ. Удастся на обѣдѣ или печатно вымолвить простое слово, заявить свободную мысль,—сказать что нибудь по человѣчески, а не по лакейски, простымъ словомъ здраваго смысла, а не риторикой холопства—мы въ какомъ-то угарѣ отъ своей храбрости и чувствуемъ, что поступили страшно геройски. Да и можетъ-ли быть иначе? Если каждый самостоятельный, свободный шагъ, признается отъ правительства за революціонный, то какъ же въ самомъ дѣлѣ не признать и себя революціонеромъ, краснымъ республиканцемъ, произнеся два-три свободныхъ слова? Съ васъ тайно берутъ подписку въ публикѣ не обѣдать и рѣчей на обѣдахъ не говорить. Какъ же не почувствовать себя страшнымъ либераломъ? И посмотрите въ какомъ мы бываемъ торжествѣ, если подчасъ удастся намъ сквозь цензурную рѣшетку показать, какъ говорится кукишъ въ карманѣ.

Только что подумаешь, вотъ слава Богу кажется, все идетъ порядочно: въ литературѣ запахъ весны и царь батюшка услышитъ же наконецъ наши споры, наши вздоры..... Ни чуть..... смотришь цензоръ удаленъ..... смотришь Ковалевскій составилъ цензурный уставъ, не только со включеніемъ всѣхъ николаевскихъ циркуляровъ, но даже и съ собственными прибавленіями, еще позабористѣе тѣхъ циркуляровъ, такъ что даже Блудовъ, которому до этого дѣла не было, принужденъ былъ протестовать, объясняя просвѣщенному министру, что николаевскіе циркуляры, были мѣрою временною, вызванною тогдашними обстоятельствами, и что теперь они не только не полезны, но даже и вредны. Правительство ищетъ опоры! Ну положимъ что вы, я, другой, третій желаетъ подать руку помощи, желаетъ раскрыть такія-то и такія-то злоупотребленія, раскрыть послѣ источники добра, и т. д. Какъ бы вы довели это до свѣденія правительства? Если оно узнаетъ, что вы открываете ему себя помощникомъ, маленькою точкою опоры—да оно сошлетъ васъ съ лица земли. *Военный Сборникъ*, на примѣръ, переданъ другой редакціи, потому что прежняя редакція открыто желала принести пользу правительству, желала по силамъ отвѣтить пресловутому исканію опоры. Автора статьи о *Сельскомъ Духовенствѣ*, напечатанной въ *Заграничномъ Сборникѣ*, чуть было не сослали на каторгу и ужъ самое меньшее хотѣли отправить его въ Соловки. Говорятъ *фамилія* его отстояла. А все таки по общему признанію, даже всѣхъ консерваторовъ, ему несдобровать и на прежнемъ своемъ мѣстѣ не усидѣть. Такъ какъ онъ священникъ, то ему хотятъ сдѣлать милость, награду, изгнать изъ Россіи куда нибудь на мѣсто при посольствѣ. Полезнаго дѣятеля, на котораго правительство дѣйствительно могло бы опереться въ данномъ случаѣ, оно удаляетъ, какъ человекъ ему вреднаго и опаснаго. Но любопытенъ и слухъ, что *фамилія* его

отстояла. Подобные слухи часто ходят у насъ. То государь *отстоялъ*, то государыня *отстояла*, отпечаловалась—за какую-нибудь жертву, или за какое-нибудь дѣло справедливое, но погибавшее отъ подтасовки шулеровъ олигарховъ. Вотъ вы тутъ и рассказываете, что у насъ правительство самодержавное и неограниченное. Православный народъ лучше всякаго публициста теоретика, очень ясно и отчетливо понимаетъ, что оно весьма и весьма ограничено и что воля царя никогда до насъ не доходитъ въ своемъ непосредственномъ, прямомъ смыслѣ, особенно если коснется какихъ-нибудь льготъ, облегченій и вообще проявить такъ называемый либерализмъ въ дѣлѣ управленія.

Итъ, М. Г., глубоко, отъ всего сердца мы благодарны вамъ за то, что вы не доктринеръ, а *книгопечатальщикъ людей страдающихъ въ Россіи*;—что вы общій нашъ голосъ, вопіющій и взывающій къ царю, а онъ не хочетъ слышать, такъ къ здравому смыслу, который навѣрно проснется же въ русской землѣ, такъ богато говорятъ имъ надѣленной. На долю нашу выпало чувство боли, чувство ненависти; у насъ итъ программы опредѣляющей наши дѣйствія, мы заявляемъ свой протестъ воплемъ и невиноваты если не очень разборчивы на слова; намъ итъкогда обдумывать свои протесты, мы не разсуждаемъ и не осуждаемъ. Какія тутъ пониманія, темпераменты, когда васъ обижаютъ, грабятъ, рѣжутъ на большой дорогѣ, называемой русскимъ правительствомъ. Если *Колоколъ* по сознанію вашихъ противниковъ *сила и власть* въ русскомъ государствѣ, то конечно не потому, что въ немъ печатались длинныя статьи чисто цензурнаго содержания, которые слѣдовательно могли бы быть напечатаны и здѣсь. Итъ, онъ сила и власть только по строкамъ противу цензурнымъ, потому что страшно и неизмѣнно ярко освѣщаетъ темные, мрачные, зловонные углы нашей правительственной системы, которые не только государю, да и намъ то мало извѣстны. Онъ наша высшая инстанція. Наше спасеніе отъ другой силы и власти въ русскомъ государствѣ отъ тысячаглаваго звѣря, именуемаго бюрократизмомъ, чиновничествомъ—хвостъ котораго повертывается въ земскихъ судахъ, а голова осклабляется у трона, который ежеминутно отводитъ глаза государя, чтобъ спокойно пожирать, истреблять свѣжія, молодые силы даровитаго народа. Звѣрь этотъ только и боится вашего свободнаго звона, какъ и всякаго свободнаго звука; онъ чувствуетъ, что въ этихъ звукахъ его смерть. Онъ чувствуетъ, что только однимъ *Колоколомъ* можетъ достигнуть царскаго уха раздрающій душу народный вопль. Оттого-то онъ давно успѣлъ обойти, увѣрить, убѣдить государя, что это призывный звонъ къ крамольному вѣчу, и царское ухо къ несчастію воспитанное только военною музыкою, да подслащенною холоноскою рѣчью, можетъ быть и неразличаетъ еще ясно, что въ этихъ звукахъ дѣйствительно наши боли, наши стоны! Ошибиться легко, когда кто съ роду не слышалъ какъ плачетъ человѣкъ. Ну мы будемъ звонить. Человѣческое сердце не камень!

Знаете-ли чего еще не выносятъ наши рабскія уши въ свободной вашей рѣчи?... вашего обращенія съ чтимыми авторитетами. Знаете-ли, что между вашимъ совершенно освобожденнымъ русскимъ словомъ и нашими холопскими еще пока понятіями и представленіями лежитъ цѣлая бездна. Отъ того когда вы называете подлецами, мерзавцами лица,

о которыхъ все мы очень хорошо знаемъ, что они подлецы и мерзавцы—насъ это смущаетъ. Они такъ у насъ не называются. Мы привыкли называть ихъ министрами, генералами, дѣйствительными тайными совѣтниками, и т. д., о дальнѣйшей свободѣ вашего слова и говорить нечего....

“Все же говорятъ, такъ выразаться нельзя!” Поймете-ли вы теперь, до какой глубины развращены мы лицемѣрностью и холопствомъ? Васъ упрекаютъ въ недостатокъ разума, самообладанія, умѣренности, осторожности, обдуманности, какъ будто вы и въ самомъ дѣлѣ печатаете воззванія,—пишите проекты какъ учредить республику, какъ распорядиться съ существующими властями. Все эти обдуманности и самообладанія выставляются, увы! по поводу рѣзкихъ, слишкомъ свободныхъ для непривыкшихъ ушей выраженій и фразъ. Эти фразы, видите, все дѣло портятъ. Хорошо-же стало быть дѣло, которое можетъ въ дребезги разлетѣться отъ одной только фразы? Хорошо-же стало быть либерализмъ правительства, что отъ одной фразы можетъ тотчасъ же свихнуться на николаевскій деспотизмъ? а тутъ еще у насъ мечтаютъ объ общественномъ мнѣніи съ *крѣпкимъ закаломъ политической мысли!*

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ ПОМѢЩЕННУЮ

(въ 38 листъ *Колокола*).

Почтенный Господинъ Издатель

Я прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ отвѣтъ вашъ на мое “Возраженіе,” помѣщенный въ “*Колоколъ*” 15 Марта. Прямота, искренность вашихъ воззрѣній на вопросъ освобожденія крестьянъ побуждаютъ меня продолжать нашу полемику, по крайней мѣрѣ для того, чтобы пояснить тѣ причины, кои привели меня къ принятію начала безвозмездности въ надѣленіи крестьянъ землею.

Вопросъ крестьянскій всегда представлялся для меня въ слѣдующемъ видѣ: съ одной стороны я находилъ многочисленный классъ крестьянъ, слѣдшійся жертвою закрѣпощенія, и сіе безъ всякой вины, безъ всякаго повода съ своей стороны, даже безъ вины и повода побѣды и покоренія. Съ другой я находилъ помѣщиковъ, кои конечно не были первою причиною закрѣпощенія, кои обратили однако же крестьянъ прикрѣпленныхъ къ землѣ въ настоящихъ рабовъ. Это обращеніе совершилось постепенно въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, такъ что помѣщики мало помалу привыкли къ своему неестественному и, въ строгомъ смыслѣ, незаконному положенію владѣльцевъ себѣ подобными людьми: они владѣли ими безсознательно и потому самому до нѣкоторой степени добросовѣстно. Но нельзя сказать, чтобы сія безсознательность доходила до той степени, чтобы оставлять совѣсть помѣщицкою совершенно спокойною на счетъ ихъ помѣщицкихъ правъ. Итъ! Никогда, въ Россіи, понятія о помѣщицкѣмъ правѣ на крестьянъ не доходили до того неистовства, чтобы помѣщики могли видѣть въ крѣпостномъ человѣкѣ вещь, а не лицо, такъ какъ это признавали древніе народы, такъ какъ провозглашали нѣкоторые Ост-Зейскіе помѣщики, такъ какъ продолжаютъ видѣть въ бѣдныхъ Неграхъ, Американскіе плантаторы, кои, въ безуміи своемъ, ищутъ оправданія рабства въ Библии, и путаясь болѣе и болѣе въ такихъ изысканіяхъ, подкрѣпляемые

синодальными приговорами ихъ духовенства, дошли наконецъ до уродливаго и непостижимаго заключенія, что не вѣрить въ рабство значить не вѣрить въ Бога и что противящіеся рабству — безбожники!! Недовольствуясь Библіею, Американскіе плантаторы обращаются для оправданія рабства къ наукѣ и крѣпко стоятъ за то предположеніе, принимаемое нѣкоторыми фізіологами, что родъ человѣческій имѣетъ праотцемъ не одного Адама, а нѣсколько Адамовъ. Положимъ, что такъ. Положимъ даже, что одинъ изъ этихъ Адамовъ былъ черный Арапъ, и что теперешніе Негры суть его потомки. Но изъ сего не слѣдуетъ еще, что сіи послѣдніе должны быть рабами плантаторовъ.

Очевиднымъ доказательствомъ того, что начало рабства никогда не развилось въ Россіи до послѣднихъ крайностей, служить уже и одно то обстоятельство, что половина крѣпостныхъ крестьянъ всегда оставалась на оброкѣ и что крѣпостные крестьяне достигали иногда промыслами и торговлею, до извѣстной степени благосостоянія и богатства.

Впрочемъ, съ теченіемъ времени, понятія о крѣпостномъ правѣ болѣе и болѣе разъяснялись и измѣнялись. Императоръ Павелъ I запретилъ продавать людей безъ земли въ Малороссіи. Между тѣмъ состоялось узаконеніе о трех-дневной работѣ крестьянъ на помѣщика. Александръ I издалъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Въ его же царствованіе были лично освобождены крестьяне Ост-Зейсткихъ губерній. При императорѣ Николаѣ I былъ указъ о обязанныхъ крестьянахъ, постановленія объ инвентаряхъ. Въ его царствованіе многіе благотворные мѣры относительно крестьянъ были приняты въ бывшихъ тогда подъ русскимъ управленіемъ княжествахъ Валахскомъ и Молдавскомъ, и хотя сіе происходило внѣ предѣловъ Россіи, не менѣе того благое стремленіе русскаго правительства къ улучшенію, въ семъ отношеніи, ясно высказывалось на самомъ опытѣ.

Все сіе приводитъ насъ къ заключенію, что сознание несправедливости въ началѣ крѣпостнаго права не могло не проникнуть, болѣе или менѣе, въ умъ и въ сердце помѣщиковъ. И всякій, подумавъ объ этомъ добросовѣстно, согласится съ нами. Это конечно такъ: въ теперешнее время общая совѣсть помѣщиковъ признаетъ неправильность, несправедливость крѣпостнаго права. Въ моей молодости я встрѣчалъ еще людей, кои, почти также какъ теперешніе Американскіе плантаторы, ссылались на Библію для оправданія рабства, утверждая, что наши крѣпостные люди суть потомки Хама, и потому должны оставаться рабами. Теперь, такихъ толкователей Библии въ Россіи уже нѣтъ.

Принявъ существованіе внутренняго сознанія помѣщиковъ въ несправедливости крѣпостнаго права, мы не можемъ вмѣстѣ съ симъ не согласиться, что по крайней мѣрѣ тѣ изъ помѣщиковъ, кои по болѣе углубились въ изслѣдованіе сего права и его послѣдствій, не могли и не могутъ не придти къ заключенію, что въ пользованіи симъ правомъ кроется истинный грѣхъ, вольный или невольный, но, повторяю, грѣхъ, и что этотъ грѣхъ тяготитъ и память отцевъ ихъ. Въ слѣдствіе сего въ помѣщикахъ, хотя нѣсколько добросовѣстныхъ, нельзя, безъ несправедливости, не предполагать искренняго желанія избавиться отъ грѣха сего и избавить память отцевъ ихъ. Возможно ли, безъ ужаса, вообразить себѣ противное, т. е. отсутствіе въ помѣщикахъ сего чувства, сего сознанія грѣха крѣпостнаго права? Что были бы тогда эти

господа? Какъ могли бы они, съ чистымъ сердцемъ, приносить самую первую молитву, молитву Господню, и просить для самихъ себя оставленія грѣховъ, тогда какъ они не только грѣховъ, но и незаконныхъ обязанностей не хотятъ оставить своимъ крестьянамъ? Нѣтъ, нѣтъ! помѣщики вообще должны имѣть и дѣйствительно имѣютъ внутреннее сознаніе и несправедливости и грѣха крѣпостнаго права.

Въ такомъ положеніи вещей, когда раздался громко и положительно голосъ объ освобожденіи крестьянъ, не естественно ли, не просто ли было ожидать, что первымъ желаніемъ помѣщиковъ должно быть желаніе освободить себя и память отцевъ своихъ, отъ грѣха ихъ тяготящаго? Не естественно ли было предполагать, что они готовы будутъ искупить себя и память отцевъ нѣкоторымъ пожертвованіемъ, и такимъ образомъ заплатить хотя малую частію теперешнимъ крестьянамъ за все претерпѣнное ими и ихъ предками въ вѣковой неволѣ? Нельзя конечно требовать отъ теперешнихъ помѣщиковъ большихъ пожертвованій; но пожертвованія умѣреннаго, не раззорительнаго конечно ожидать было можно. Такимъ образомъ первая мысль въ вопросѣ освобожденія, рождающаяся логически въ разсудкѣ всякаго безпристрастнаго человѣка есть: *искупленіе* со стороны помѣщиковъ, а не *выкупъ* со стороны крестьянъ. Вотъ почему я остановился на сей первой мысли, которая, въ моемъ пониманіи, осуществляется уступкою крестьянамъ безвозмездно малой части земли помѣщичьей. Здѣсь вы можете, почтенный господинъ редакторъ, указать мнѣ на слѣдующія слова вашего отвѣта:

“Положимте, что мы докажемъ, что дворянство *неправо* владѣетъ мужиками; но этимъ мы не уничтожимъ крѣпостнаго сословія и не заставимъ дворянство отдать землю и волю народу, оставаясь ни причемъ. . . . . Положимте, что мы исторически докажемъ, что и все дворянское право на землю—ложь и что слѣдуетъ взять помѣщичьи земли и отдать крестьянамъ. Да вѣдь этого сдѣлать нельзя, потому что дворянства не вычеркнешь. . . . . Слѣдственно что мы ни дѣлай съ историческими данными о крѣпостномъ правѣ и его справедливости или несправедливости, мы необходимо придемъ къ тому, что оно фактъ, и фактъ который надо уничтожить”

Во всемъ этомъ я совершенно согласенъ съ вами, почтенный господинъ редакторъ. Но не могу согласиться въ заключеніи. “Остается” говорите вы “одно средство: экономическое рѣшеніе, т. е. выкупъ крестьянъ съ землею.” По моему возрѣнію на сей вопросъ, какъ я изъяснилъ выше, первое, бляжайшее средство къ разрѣшенію онаго состоитъ въ надѣленіи крестьянъ малую частію земли безвозмездно. По моему предположенію дворянство конечно не остается *ни причемъ*. Что же касается до средства исполненія, то я не искалъ онаго исключительно въ согласіи самихъ помѣщиковъ. Предполагая до нѣкоторой степени такое согласіе, тайное или явное, въ совѣсти многихъ, если не всѣхъ помѣщиковъ, я основываю однакоже исполненіе моей мѣры на независимомъ дѣйствіи самодержавной власти. “Самодержавная власть, говорилъ я, основала крѣпостное право—она же да и разрушитъ его.”

И это заключеніе не есть, съ моей стороны, произвольное: оно истекаетъ изъ самой силы вещей и обстоятельствъ. Войдемте въ сущность вопроса. Крестьяне были прикрѣ-

плены къ землѣ. Мало по малу изъ прикрѣпленныхъ землѣ они содѣлались настоящими рабами и сдѣлались таковыми безъ прямого содѣйствія правительства. Наконецъ начали толковать и законодательствовать о ихъ освобожденіи. Точно также какъ въ укрѣпленіи и въ развитіи рабства, крестьяне продолжаютъ быть чуждыми, безгласными и при освобожденіи.

Все совершалось и совершается, прежде противъ нихъ, теперь въ ихъ пользу, но всегда мимо ихъ, безъ всякаго участія съ ихъ стороны. Этому помочь нельзя: всѣ это чувствуютъ и понимаютъ. Неужели изъ такого неправильнаго положенія нѣтъ никакого исхода? Нѣтъ! Исходъ существуетъ и искать его нельзя нигдѣ кромѣ какъ въ правѣ и въ обязанности тойже власти самодержавной, которая основала зло и допустила его развитіе. Въ семъ разрушеніи зла и для самодержавной власти найдется искупленіе подобное тому, на которое мы указали выше для дворянства.

Обзирая вопросъ съ другой стороны и ссылаясь на общепринятія правила, что никто не можетъ быть судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ; что судья долженъ быть, по возможности, безпристрастенъ между сторонами, участь коихъ ввѣрена его рѣшенію, ссылаясь даже на то неоспоримое правило самой простой справедливости и здраваго смысла: *audiatur et altera pars*, правила въ семъ случаѣ невозможнаго въ приложеніи, я спрашиваю—гдѣ можно найти этого безпристрастнаго судію, какъ не въ лицѣ самодержавнаго царя?

Однимъ словомъ: дѣло должно быть рѣшено и кончено. Для рѣшенія необходимъ судья. Этотъ судья есть самъ императоръ. Другаго найти нельзя. И подлинно! Вспомните какъ дѣло освобожденія совершалось въ другихъ земляхъ. Всегда и вездѣ оно было дѣломъ самаго правительства, съ начала до конца и во всѣхъ подробностяхъ. Тамъ гдѣ правительство допускало участіе помѣщиковъ, добро и правда мало отъ того выигрывали и успѣхъ былъ плохой. Посмотрите на крестьянъ Остѣ-Зейскихъ губерній, гдѣ дѣло освобожденія совершалось съ значительнымъ участіемъ помѣщиковъ. Можно-ли желать такого освобожденія?

И здѣсь-то я укажу на Пруссію.

Вы правы, почтенный господинъ Редакторъ, замѣчая, что “въ Пруссіи крестьянскій вопросъ былъ однимъ изъ элементовъ государственной жизни; у насъ онъ—*все*. У насъ онъ поставленъ иначе и иначе долженъ разрѣшиться.”

Не спорю: Пруссія и никакое другое государство не можетъ намъ служить такимъ примѣромъ, коему мы должны были слѣпо слѣдовать и подражать. Но между тѣмъ прусская мѣра освобожденія крестьянъ блеститъ и долго будетъ блестѣть въ исторіи человѣчества, какъ славный подвигъ разсудка и совѣсти человѣческой. И до того времени освобождали крестьянъ въ разныхъ государствахъ. Но Пруссія, первая, освободила ихъ съ землею и безвозмездно. Вотъ заслуга этой страны предъ человѣчествомъ.

И какіе люди были орудіями великаго дѣла? Два опытныхъ министра, Шротгеры, исполненный ума Штегеманъ, глубокомысленный историкъ Пибуръ и прочіе, всѣ они дѣйствовали подъ вдіяніемъ Штейна, въ коемъ честность и прямота равнялись его генію. Дѣло было начато въ самыя трудныя времена для государства и кончено благороднымъ канцлеромъ Гарденбергомъ уже тогда, когда Пруссія воспрянула въ новой славѣ и новомъ величіи. Всѣ эти люди не были слѣпыми

поклонниками власти, не были придворными угодниками и льстецами; ихъ характеръ и эпоха времени не допускали ни того ни другаго. Между тѣмъ съ самаго начала до конца все, въ дѣлѣ освобожденія, совершалось волею и властію правительства исключительно.

Повторяю—примѣры одной земли не всегда могутъ служить для другихъ. Но при всемъ томъ нельзя не замѣтить, что безвозмездное надѣленіе крестьянъ половиною или $\frac{2}{3}$ земли, коею они дотолѣ пользовались, не раззорило помѣщиковъ, и никто не видѣлъ въ такомъ надѣленіи нарушенія “священныхъ правъ собственности.”

II.

Теперь, прежде нежели я приступлю къ обсужденію вопроса о выкупѣ, я прошу позволенія изъяснить, въ краткихъ словахъ, мое предложеніе.

Я предлагаю:

Отдѣлить, въ каждомъ селеніи, $\frac{1}{3}$ земли и предоставить ее въ общинное владѣніе крестьянъ;

Сія крестьянская земля должна составлять $\frac{1}{3}$ не только по количеству, но и по качеству;

Сія треть не должна ни въ какомъ случаѣ превышать трехъ десятинъ на тягло ($1\frac{1}{2}$ на душу.)

Такъ какъ вопросъ объ усадьбахъ крестьянскихъ былъ уже рѣшенъ правительствомъ, то я до онаго не касаюсь, полагая только полезнымъ предоставить на волю помѣщиковъ, въ странахъ малоземельныхъ включить усадебную землю въ составъ отводимой крестьянамъ трети, конечно, въ семъ случаѣ, безъ всякой платы за усадьбы со стороны крестьянъ.

Усадьбы должны быть личною собственностію крестьянъ.

Всякія непосредственныя сношенія крестьянъ съ помѣщикомъ прекращаются.

Во всѣхъ случаяхъ помѣщикъ имѣетъ дѣло только съ обществомъ сельскимъ. Власть его ограничивается правомъ, въ случаѣ безпорядка, арестовать крестьянина и представить его въ сельскій судъ.

Крестьяне должны подлежать ввѣденію сельскаго начальства или міра исключительно.

Обычный порядокъ въ устройствѣ сельскихъ обществъ: собраніе старосты и десятскихъ, мірскіе сходы и т. п., долженъ быть укрѣпленъ и развитъ на основаніяхъ временемъ оправданныхъ.

Такъ какъ всякое освобожденіе крестьянъ, на какихъ бы то ни было началахъ совершенное, не можетъ быть успѣшно осуществлено иначе какъ здравымъ и несложнымъ управленіемъ; то я полагаю, что нѣтъ никакой нужды учреждать для освобождаемыхъ крестьянъ особаго управленія, особаго начальства, подобныхъ тѣмъ, кои существуютъ для крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ. Напротивъ того, гораздо удобнѣе и полезнѣе было бы учредить волости, изъ 10 до 15 тысячъ жителей состоящія и включить въ сіи волости всѣхъ крестьянъ, казенныхъ, удѣльныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ, безъ различія.

Въ волостномъ начальствѣ, на подобіе сельскаго, долженъ, по моему мнѣнію, преобладать элементъ крестьянскій, по крайней мѣрѣ на первыя времена.

Въ семъ состоитъ первоначальное мое предположеніе. Въ послѣдствіи, видя съ разныхъ сторонъ возраженіе противъ начала безвозмездности въ надѣленіи крестьянъ землею, я

старался найти возможность хотя какого-либо вознаграждения помѣщикамъ за $\frac{1}{3}$ земли предназначаемой для крестьянъ. Читая вашъ проэктъ, почтенный г. Редакторъ, находя въ немъ нѣкоторые расчеты по залогамъ имѣній въ опекунскіе совѣты, и имѣя въ виду всевозможную простоту и несложность въ законоположеніяхъ по сему и безъ того столь трудному и многосложному вопросу, мнѣ пришло на мысль опредѣлить вознагражденіе помѣщикамъ за уступаемую ими землю, по расчетамъ принимаемымъ въ основаніе при залогѣ имѣній въ опекунскіе совѣты. Такимъ образомъ я могъ опредѣлить всю сумму того пожертвованія, которое должно пасть на казначейство. Такое вознагражденіе не вполнѣ достаточно. Но оно составитъ однакоже 26 р. с. за десятину.*

Прибавивъ къ суммѣ для вознагражденія за $\frac{1}{3}$ земли, 25 милліоновъ рублей серебромъ, кои должны служить для выкупа земли и нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, вся сумма, падающая на казначейство, будетъ простираться до 300 милліоновъ руб. сер.

Эта сумма не велика, въ сравненіи съ громадными выкупными суммами изчисляемыми въ различныхъ проэктахъ. Но признаюсь, я не безъ большаго колебанія рѣшался и на такое предложеніе. И подлинно! Подумайте о тѣхъ потребностяхъ государственныхъ, кои на каждомъ шагѣ поражаютъ васъ въ Россіи и кои остаются неудовлетворенными. Посмотрите на толпы этихъ бѣдныхъ солдатъ, кои выходятъ въ отставку иногда безъ руки, иногда безъ ноги, но всегда безъ куска хлѣба и безъ гроша пенсіи! По истинѣ: сердце обливается кровію при видѣ героевъ изувѣченныхъ на службѣ своей землѣ; одни изъ нихъ просто протягиваютъ руку прося милостыни; другіе, чувствуя свое достоинство, стоятъ молча и ожидаютъ ея. Улицы, площади и пороги церковные, особенно въ Москвѣ, безпрестанно являютъ такое зрѣлище. Вспомните о сельскихъ священникахъ коснѣющихъ въ нищетѣ и лишеніяхъ всякаго рода и съ тоски и съ горя предающихся праздности и другимъ порокамъ. Вспомните о ихъ дѣтяхъ, объ этомъ разсадникѣ духовнаго сословія въ Россіи; ничего неимѣющіе отцы должны воспитывать дѣтей, въ городскихъ семинаріяхъ, *на свой счетъ!* Каковы должны быть семинаріи и каково воспитаніе! Къ симъ то и многимъ другимъ жизненнымъ потребностямъ государства должны найти свой путь тѣ милліоны, кои могутъ оставаться послѣ удовлетворенія самыхъ необходимыхъ нуждъ государства,—нуждъ дѣйствительныхъ, разумѣю я, а не нуждъ прихотливыхъ, удовлетворяющихъ роскоши, великолѣпію, тщеславію, забавамъ, къ коимъ такъ чувствительны всѣ правительства вообще.

Изяснивъ такимъ образомъ мое предложеніе, я долженъ замѣтить, что я не поставляю онаго, такъ сказать, на первомъ планѣ, въ самомъ заглавіи мѣръ мною означаемыхъ. Нѣтъ. Я желаю, чтобы прежде всего правительство пригласило помѣщиковъ совершать полюбовныя сдѣлки и договоры съ крестьянами какъ объ устройствѣ ихъ взаимныхъ отношеній, такъ и о надѣленіи крестьянъ землею посредствомъ выкупа или иначе. Сіи сдѣлки должны быть представляемы на

утвержденіе правительства. Но для исполненія сего, я полагаю извѣстный срокъ. По минованіи сего срока, всѣ тѣ имѣнія помѣщичьи, по коимъ не состоялось никакихъ сдѣлокъ, должны уже будутъ подлежать предлагаемому правилу надѣленія крестьянъ $\frac{1}{3}$ земли. Для приведенія сего надѣленія въ дѣйство, также опредѣляется срокъ. По прошествіи сихъ двухъ сроковъ, крѣпостное право упраздняется.

Такимъ образомъ правительство, пригласивъ дворянство къ совершенію полюбовныхъ сдѣлокъ съ крестьянами и объявивъ намѣреніе о надѣленіи крестьянъ одною третью земли, въ сильной степени пояснило бы весь вопросъ освобожденія. И помѣщики и крестьяне узнали бы въ точности, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ. И тѣ и другіе умѣрились бы какъ въ своихъ опасеніяхъ такъ и въ своихъ ожиданіяхъ. Помѣщики и крестьяне могли бы тогда разчислить, что для нихъ выгоднѣе: заключить полюбовную сдѣлку, или ожидать объявленнаго надѣленія одною-третью земли. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда совершеніе сдѣлокъ весьма облегчилось бы. А такія сдѣлки полюбовныя и основанныя на мѣстныхъ соображеніяхъ, конечно будутъ всегда самымъ простымъ и самымъ лучшимъ способомъ удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса.

III.

Очевидно, что мое предположеніе имѣетъ свои неудобства и свои затрудненія.

Затрудненія встрѣтятся при отмежеваніи крестьянскихъ земель отъ господскихъ. Но сихъ затрудненій едва-ли можно будетъ избѣгать при какомъ бы то ни было освобожденіи съ землею. Конечно при надѣленіи крестьянъ всею тою землею, кою они пользуются доселѣ, въ барщинныхъ имѣніяхъ, размежеваніе будетъ гораздо легче.

Здѣсь я не могу не изъявить моего удивленія тому, что многіе помѣщики требуютъ для себя права переносить усадьбы крестьянскія съ одного мѣста на другое. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ мѣстахъ положеніе крестьянскихъ усадьбъ будетъ неудобно, невыгодно для помѣщиковъ; въ иныхъ оно можетъ быть рѣшительно вредно, стѣснительно. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы для отвращенія сего зла, должно было избирать зло несравненно большее и предоставить помѣщику по его исключительному, собственному усмотрѣнію, переносить усадьбы крестьянъ съ одного мѣста на другое. Такое право помѣщика обратилось бы въ гибель крестьянамъ. Это пойметъ всякій здравомыслящій человѣкъ. Легко-ли себѣ представить эту ломку и перестройку крестьянскихъ избъ на всемъ пространствѣ имперіи? Замѣчательно, что люди требующіе сего права, требуютъ также и выкупа отъ крестьянъ. По истинѣ: это непостижимо. “Ломай избу, переноси ее на другое мѣсто, строй тамъ новую,” говорятъ они крестьянину, а къ тому прибавляютъ: “удвой, утрой твой трудъ для выкупа!” Но съ свободою крестьянинъ развѣ приобрѣтетъ четыре, шесть, восемь рукъ вмѣсто тѣхъ двухъ, кои тсперь имѣетъ? Нѣтъ, нѣтъ! Всѣ неудобства съ положеніемъ крестьянскихъ усадьбъ сопряженныя, должны и могутъ быть отстраняемы только посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками.

Главное, существенное и весьма важное неудобство моего предложенія состоитъ въ недостаточности земли, предназначаемой для крестьянъ. Въ этомъ отношеніи я соглашаюсь, что метода выкупа представляетъ результатъ гораздо болѣе

* Сумма предполагаемая въ вознагражденіе изчисляется мною въ 264 милліоновъ руб. сер. Предлагаемое мною надѣленіе составляетъ $1\frac{1}{2}$ десят. на душу. Но это такъ и такъ; въ нѣкоторыхъ малоземельныхъ странахъ надѣленіе будетъ менѣе сего количества. Для $10\frac{1}{2}$ милліоновъ крѣпостныхъ душъ, будетъ отведено, можетъ быть, не болѣе 9 или 10 милліоновъ десятинъ. Раздѣливъ 264 мил. р. с. на 10 мил. десят. земли, выходитъ за десятину 26 р. с.

удовлетворительный. “Съ выкупомъ — какъ вы, почтенный господинъ Редакторъ, справедливо замѣчаете — всякія отношенія власти и подвластности между помѣщикомъ и крестьянами прекращаются по праву и ни въ чемъ болѣе не имѣютъ почвы.”

Далѣе, въ статьѣ вашей, вы говорите о выкупѣ слѣдующее:

“Вотъ почему выкупъ такъ важенъ, что община, разъ за себя заплатившая, т. е. за свою волю и за свою землю, и ничѣмъ болѣе передъ продавцемъ не обязанная, имѣетъ полное право узакониться сама въ себѣ по своему усмотрѣнію въ своемъ экономическомъ и гражданскомъ быту, и можетъ быть на волѣ она выведетъ по больше свободы для своихъ членовъ, т. е. для личности, чѣмъ съ поверхностнаго взгляда кажется, не смотря на то или потому что сохранить общинную форму землевладѣнія. Историческій опытъ докажетъ это.”

Въ полной мѣрѣ сочувствуя вашей сердечной, душевной мысли, я, съ моей стороны, ограничиваюсь въ настоящемъ времени желаніемъ возможнаго простора вольному труду, нестѣсненной дѣятельности русскаго крестьянина и такъ какъ большее надѣленіе землею лучше отвѣчаетъ сему простору, нежели меньшее, то и нахожу, что въ этомъ отношеніи выкупъ для крестьянъ выгоднѣе, нежели надѣленіе одною третью земли.

О возможности выкупа я буду говорить ниже. Теперь же прошу позволенія указать на нѣкоторыя особенныя выгоды, коихъ я ожидаю отъ моего малоземельнаго *надѣленія*, и коихъ я, по моему усмотрѣнію, не нахожу въ *выкупѣ*.

Одна изъ сихъ выгодъ состоитъ въ выиграніи или сокращеніи времени. Срокомъ для совершенія полюбовныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами я полагаю одинъ годъ. Еще одинъ годъ я полагаю для отвода крестьянской трети земли. Пусть удвоятъ сіи сроки, если это будетъ необходимо. Такимъ образомъ черезъ 2 или черезъ 4 года крѣпостное право совершенно прекратится.

Приобрѣвъ свободу, крестьяне конечно вмѣстѣ съ симъ приобретутъ право перехода. Но дабы они могли вполне пользоваться симъ правомъ должно будетъ *во-первыхъ*: перевести окладъ подушный на землю. Я изъяснилъ какимъ образомъ это можетъ быть исполнено немедленно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. *Во-вторыхъ*: ввести повсюду, при исполненіи рекрутской повинности, правило жеребья, въ извѣстный возрастъ каждаго, вовсе отстранивъ правило очереди. Отдача въ рекруты по очереди можетъ представлять свои выгоды; но сей способъ трудно согласить съ возможностью удобнаго и ничѣмъ нестѣсняемаго перехода крестьянъ съ одного мѣста на другое. Ни подушный окладъ, ни рекрутство и никакія повинности вообще не должны продолжать удерживать крестьянина на землѣ, когда онъ получитъ свободу.

По упраздненіи крѣпостнаго права крестьянинъ очутится вполне вольнымъ лично. Земли у него будетъ мало; но это хотя малое количество, позволитъ ему вступать въ непринужденныя условія съ бывшимъ его помѣщикомъ о наймѣ за деньги или за продукты, или обработываніи, также за деньги или за продукты остающейся земли у помѣщика.

Если у крестьянина будутъ деньги, то онъ можетъ, по моему предположенію, покупать землю независимо отъ общества, оставаясь въ семъ обществѣ или переходя въ состояніе независимыхъ собственниковъ земли. Самое общество будетъ

также въ правѣ приобретать землю въ общинное владѣніе. Такимъ образомъ деньги нужны для выкупа земли, крестьяне могутъ употреблять на покупку оной.

Крестьяне будутъ подлежать вѣдомству сельскихъ обществъ исключительно, а общества вѣдомству волостныхъ властей.

Я почти убѣжденъ, что еслибы крестьянамъ была объяснена вся настоящая сущность такого положенія, еслибъ они увѣрились, что они будутъ совершенно свободны въ трудѣ своемъ, въ избраніи рода жизни и промысловъ, что они будутъ подлежать единственно вѣденію міра во всѣхъ дѣлахъ ихъ, я почти убѣжденъ, что крестьяне приняли бы малое надѣленіе землею съ признательностію.

IV.

Теперь я приступлю къ обсужденію метода выкупа, на которой — это неоспоримо — останавливается теперь общее мнѣніе въ Россіи.

Изъ всѣхъ предположеній мнѣ извѣстныхъ, слѣдуетъ, что выкупъ долженъ быть совершенъ на счетъ крестьянъ, т. е. что крестьяне должны быть обложены особеннымъ налогомъ для вознагражденія помѣщиковъ за уступаемую крестьянамъ землю.

Какъ бы выкупная сумма, или налогъ, который падетъ на крестьянъ, ни былъ униженъ, для меня очевидно и неоспоримо, что онъ въ сильной степени обременитъ многихъ, конечно не всѣхъ, крестьянъ. Это бремя, налагаемое на крестьянина, при самомъ вступленіи его въ новую, необычную для него жизнь, неминуемо причинитъ различныя препятствія, часто непреодолимая, для дальнѣйшаго успѣшнаго шествія на пути этой новой жизни. Новое бремя, очевидно, легче стараго. Но къ старому крестьянинъ привыкъ, а къ новому не привыкъ. Я имѣлъ случай удостовѣриться на опытѣ какъ трудно крестьянамъ, въ имѣніяхъ искони барщинныхъ, съ обильными угодами, вполне имъ предоставленными, платить половину такого оброка, который платили легко и исправно ихъ безземельные сосѣди.

Проекты, кои мнѣ случилось видѣть въ началѣ, изчисляли выкупную сумму въ 8 и 10 р. с. съ души. Теперь, иные проекты понижаютъ оную до 5 р. с. Останавливаясь на сей послѣдней суммѣ, я смѣло скажу, что половина барщинныхъ имѣній не выплатитъ такого выкупа.

Что же касается до изобрѣтенія “финансовой мѣры,” если эта мѣра будетъ состоять въ чемъ-либо похожемъ на проектъ г. Френкеля и Комп., то, въ моихъ глазахъ, это будетъ ничто иное какъ банкирская фантазія. Какая бы финансовая мѣра принята ни была, она, у насъ въ Россіи, не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ слѣдующемъ

Опредѣливъ сумму выкупа для каждаго помѣщика, правительство выдастъ ему на сію сумму облигацію, обязываясь платить по оной извѣстные проценты помѣщику, и погашая сію облигацію ежегодно въ теченіе 40 или 50 лѣтъ.

Дабы быть въ состояніи платить проценты и производить погашеніе, правительство обложитъ освобождаемыхъ крестьянъ извѣстнымъ налогомъ. “Эти облигаціи народвыя—говорите вы, почтенный г. Редакторъ,—обеспеченныя народомъ и приобретаемою имъ собственностію, нисколько не нарушатъ курса звонкой монеты и бумажныхъ денегъ въ Россіи, такъ какъ векселя Ротшильда обеспечены собственностію Ротшильда и нисколько не нарушаютъ курса звонкой монеты и

билетовъ англійскаго банка въ Англіи, такъ наконецъ, какъ билеты сохранный казны Опекунскаго Совѣта не нарушаютъ денежнаго курса въ государствѣ.”

Билеты Ротшильда не совсѣмъ подходятъ къ сравненію съ бумагами государственными, они обыкновенно ограничиваются весьма короткимъ срокомъ и уплачиваются по предъявленію. Но что государственныя бумаги или бумаги, хотя и частныя, но выпускаемыя на подобныхъ основаніяхъ, нарушаютъ курсъ однихъ другихъ, то это не можетъ подлежать ни какому сомнѣнію. Всякое появленіе новыхъ бумагъ извѣстнаго рода нарушаетъ курсъ существующихъ бумагъ того же рода. Мы видимъ этому примѣръ во Франціи. Съ нѣкотораго времени появились въ сей землѣ облигаціи желѣзныхъ дорогъ. Въ слѣдствіе весьма сильнаго обезпеченія сихъ бумагъ, онѣ были весьма охотно приняты публикою, особенно тѣми лицами, кои не занимаются спекуляціею, “отцами семействъ,” какъ говорятъ Французы. Но въ слѣдствіе сего самаго направленія капиталовъ къ покупкѣ облигацій, стремленіе капиталовъ къ покупкѣ трехъ процентныхъ государственныхъ рентъ уменьшилось и цѣна сихъ послѣднихъ понизилась, по непреложному правилу равновѣсія или содержанія между требованіемъ покупателей и предложеніями продавцевъ. Чѣмъ выражается сей упадокъ ренты для государства? Тѣмъ, что правительство, приступая къ новому займу, должно платить высшіе проценты за ссужаемыя ему суммы, т. е. занимать по низшему курсу ренты, по курсу приведенному совмѣстничествомъ облигацій желѣзныхъ дорогъ. Этотъ законъ совмѣстничества, по коему то чего много дешево, а то чего мало дорого, управляетъ не только простыми бумажными деньгами, не приносящими процентовъ, но и облигаціями и всякаго рода государственными бумагами, дающими проценты: онъ управляетъ всѣмъ на свѣтѣ. Вотъ другой примѣръ. Городъ Парижъ имѣлъ всегда извѣстный долгъ, представляемый городскими облигаціями. Прежде сіи облигаціи имѣли весьма высокой курсъ, потому что городъ пользовался большимъ кредитомъ. Основываясь на семъ кредитѣ, городское начальство заключило въ 1852 году заемъ, весьма выгодный для города, такъ что за облигацію въ 1,000 фр. первоначальные покупатели должны были платить городу 1,200 фр. Но въ послѣдующихъ годахъ займы повторялись нѣсколько разъ, уже не на такихъ выгодныхъ условіяхъ. Если подписчики перваго займа за облигацію въ 1,000 фр. соглашались платить 1,200 фр., то это было потому, что они надѣялись возвышенія облигацій до 1,400 фр., т. е. до курса, на которомъ стояли облигаціи городскія до 1852 года. Въмѣсто того теперь облигаціи 1852 года стоятъ менѣе 1,000 фр. Отъ чего это? Источники городскихъ доходовъ не изсякли. Доходы не только не уменьшились, а увеличились. Но количество облигацій увеличилось еще въ большей пропорціи и отъ сего совмѣстничества курсъ облигацій вообще понизился. Увеличеніе количества кредитныхъ бумагъ всегда причиняетъ пониженіе ихъ курса, такъ что увеличеніе чрезмѣрное необходимо ослабляетъ кредитъ государства, которое такимъ образомъ приближается мало помалу къ неизбѣжной развязкѣ, къ банкротству; чему мы видимъ теперь примѣръ и доказательство въ Австріи и въ Турціи. Если вы выпустите на полтора или на два миллиарда поземельныхъ облигацій, то онѣ должны будутъ найти себѣ мѣсто гдѣ либо, *se classer*, какъ говоритъ Биржа.

Положимъ—и это предположеніе самое благопріятное—что помѣщики удержатъ эти облигаціи въ своихъ карманахъ, довольствуясь полученіемъ съ нихъ ежегодныхъ процентовъ. Снабженные такимъ образомъ вдоволь бумажными капиталами, эти помѣщики не будутъ имѣть никакой нужды въ въ другихъ подобныхъ капиталахъ. Въ слѣдствіе сего уменьшенное требованіе сихъ послѣднихъ приведетъ пониженіе въ ихъ цѣнѣ. Тутъ опять ущербъ или правительству или различнымъ промышленнымъ предпріятіямъ двигающимся посредствомъ займовъ и бумажныхъ капиталовъ.

Но если—что несравненно вѣроятнѣе—многіе изъ помѣщиковъ, получивъ облигаціи пошлютъ ихъ на биржу для продажи, тогда цѣна оныхъ понизится, опять по тому же закону совмѣстничества. Видя сіе, тѣ кои еще не продавали своихъ облигацій, опасаясь дальнѣйшаго упадка, поспѣшатъ продать ихъ..... за что бы ни было.

Что-же касается до обезпеченія, то каковы бы ни были облигаціи, “казенныя ли и ради казны выпускаемыя, ни чѣмъ инымъ не обезпеченныя, кромѣ абстрактнаго понятія казны, или облигаціи народныя, обезпеченныя народомъ и пріобрѣтаемою имъ собственностію,” полная ихъ цѣнность всегда будетъ зависѣть отъ возможности обращать ихъ въ чистыя деньги немедленно и безъ всякаго ущерба. Степень сей возможности зависитъ отъ степени кредита государственнаго. Сей кредитъ устанавливается общимъ довѣріемъ, общимъ мнѣніемъ и зависитъ отъ множества причинъ, изъ коихъ однихъ конечно явны, просты, осязательны, но изъ коихъ нѣкоторыя, такъ сказать, неосязаемы, такъ что ихъ можно скорѣе чувствовать, нежели изъяснять, скорѣе понимать инстинктивно, нежели отчетливо. Исправнаго платежа по государственнымъ долгамъ недостаточно для полного развитія кредита. Франція также исправно платитъ проценты съ своего долга какъ Англія. Между тѣмъ англійскіе фонды 25^ю процентами выше французскихъ. Въ предпріятіяхъ на кредитѣ основанныхъ и находящихся въ цвѣтущемъ состояніи, обезпеченіе матеріальное не составляетъ главнаго условія успѣха сихъ предпріятій. Возмите акціи французскаго банка. Курсъ ихъ около 3,000 фр. Но сдѣлайте теперь ликвидацию, т. е. обратите въ деньги всю движимую и недвижимую собственность сего банка, и раздѣлите сумму между акціонерами; каждый изъ нихъ получитъ, можетъ быть, не болѣе половины теперешней цѣны банковской акціи.

Такимъ образомъ обезпеченіе матеріальное не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ твердаго кредита.

Конечно вообще ссуда денегъ подъ залогъ недвижимаго имѣнія справедливо почитается самымъ вѣрнымъ употребленіемъ денежныхъ капиталовъ. Почему? Потому что кредиторъ, въ случаѣ неуплаты, надѣется, продажей имѣнія, получить свой капиталъ. Количество процентовъ имъ требуемое и получаемое зависитъ отъ большей или меньшей легкости получить удовлетвореніе.

Но говоря уже о не матеріальныхъ, нравственныхъ условіяхъ кредита и ограничиваясь въ нашемъ вопросѣ выкупа обезпеченіемъ чисто матеріальнымъ; признавая, что сіе обезпеченіе цѣнностію своею должно превосходить обезпечиваемый капиталъ; я спрашиваю, какъ вы найдете возможность обращать сіи недвижимыя имѣнія въ чистыя деньги по требованію кредиторовъ? А безъ сей возможности, вы согласитесь, что обезпеченіе будетъ мнимое, а не дѣйствительное.

Въ методъ выкупа предлагается выпустить на 1½ или на 2 миллиарда поземельныхъ облигацій. Для уплаты процентовъ и на погашеніе такого долга потребуетъ ежегодно около 100 мил. руб. сер.

Платежъ сей суммы будетъ обеспеченъ огромною массою крестьянскихъ земель и—не забудьте : это неизбежно—трудомъ крестьянъ, на коихъ долженъ пасть весь выкупъ.

И спрашиваю : какая администрація, даже столь искусно устроенная какъ французская финансовая администрація, будетъ въ состояніи совершать бездоимочное взиманіе сихъ милліоновъ, въ теченіе 40 или 50 лѣтъ?

А если будутъ недоимки? Какъ ихъ взыскивать? Продавать крестьянскую землю? Но что-же тогда дѣлать съ крестьянами?

Если-же недоимокъ будетъ много, то и продавать большаго количества крестьянскихъ земель будетъ невозможно; ибо при избыткѣ продажнаго товара цѣны упадутъ въ соразмѣрности.

Что-же значитъ такое обеспечение? Что значитъ капиталъ, на такомъ обеспеченіи основанный?

Я кончу здѣсь мои соображенія о неудобствахъ методы выкупа, которыя легко можно было бы вести гораздо далѣе. Повторю только, что доселѣ выкупъ является неудобнымъ съ одной стороны по огромной массѣ облигацій, кои своимъ появленіемъ, повредятъ всѣмъ другимъ уже существующимъ и впредь могущимъ вступать въ обращеніе государственнымъ бумагамъ, равно и кредиту, такъ какъ всякое увеличеніе долга вредитъ кредитору должника; съ другой стороны по недостаточности обеспечения, которое, состоя въ имуществѣ недвижимомъ, не способно къ превращенію въ чистыя деньги, къ реализаціи.

Но симъ не ограничиваются мои возраженія противъ выкупа. Я имѣю, кромѣ сего, если не доказательства противъ выкупа, то по крайней мѣрѣ большія сомнѣнія. Вотъ онѣ :

1.) Я вижу по проэктахъ о выкупѣ, что земля нынѣ владѣемая крестьянами, должна оставаться у нихъ. Я вижу также, что крестьяне обязаны приобрѣсти сію землю выкупомъ, въ ихъ полную собственность и что сей выкупъ долженъ состоять въ платежѣ 5 р. с. съ души въ продолженіе 37, 40, или болѣе лѣтъ.

Число душъ извѣстно; но число десятинъ земли предназначаемыхъ для каждой души не извѣстно. Должны-ли всѣ крестьяне, оставаясь при владѣніи теперешнею землею, одни 3, другіе 5 и болѣе десятинами, не менѣе того платить, всѣ, одинаковый пяти рублевый оброкъ съ души? Это, будучи крайне неуравнительно, было бы крайне несправедливо. Будутъ-ли, напротивъ того, крестьяне платить выкупный оброкъ по количеству приобрѣтаемой земли? По тогда изчисленіе выкупнаго пятирублеваго оброка ничего не объясняетъ въ вопросѣ выкупа, или объясняетъ весьма мало.

Дотронувшись до вопроса разкладки выкупнаго оброка по количеству земли, нельзя не опредѣлить и качества земли, и въ обоихъ случаяхъ цѣны земель въ различныхъ мѣстностяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ необходимость повсемѣстной оцѣнки земель. Какія средства существуютъ для такой оцѣнки? Сколько времени потребуетъ для совершенія, исправленія и утвержденія оной.

Вы видите, почтенный г. Редакторъ, что для удовлетворительнаго постановленія вопроса о выкупѣ, необходимо раз-

смотрѣть всѣ стороны онаго и слѣдить за нимъ во всѣхъ послѣдствіяхъ и принадлежностяхъ. Тѣ кои принимаютъ методу выкупа должны бы, кажется, не довольствуясь изчисленіемъ выкупнаго оброка, объяснить, обсудить также и средства его разпредѣленія и указать на окончательныя послѣдствія онаго. Мы конечно встрѣчали изъясненія средствъ повсемѣстной оцѣнки; видѣли и опредѣленіе трехъ годичнаго срока для совершенія оной. Но по истинѣ, очевидная сложность предлагаемыхъ мѣръ съ планами, съ кадастрами, съ комитетами, такова, что и въ 30 лѣтъ мѣры сіи не могутъ быть приведены въ исполненіе.

2.) Второе сомнѣніе касается до вопроса, еще болѣе, въ моихъ глазахъ, важнаго, и именно вопроса о томъ положеніи, въ коемъ будутъ находиться крестьяне въ продолженіе того времени, въ которое будетъ выплачиваться выкупный оброкъ. Будутъ-ли они, въ теченіе 40 или 50 лѣтъ, находиться въ такъ называемомъ *переходномъ* состояніи, въ которомъ сей-то именно переходъ имъ и воспрещается? Будутъ-ли они, напротивъ того, объявлены вольными въ самомъ началѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые защитники методы выкупа?

Вы согласитесь, что разрѣшеніе такого сомнѣнія чрезвычайно важно.

Я, съ моей стороны, не вижу довольно ясно возможности обложить крестьянъ выкупнымъ оброкомъ и вмѣстѣ съ симъ даровать имъ свободу и съ сею свободою нераздѣльное право перехода. Начало отвѣтственности общества, круговая порука, конечно должна сохранить свою силу. Выходъ крестьянъ изъ общества можетъ иногда не согласоваться съ требованіями такой поруки на обществѣ лежащей.

Сіи сомнѣнія, къ коимъ я считаю излишнимъ присовокуплять другія подобныя, непременно должны быть объяснены, изтолкованы. Тогда только когда сія метода выкупа будетъ изложена ясно, опредѣлительно, въ ея по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ подробностяхъ, тогда только можно будетъ судить о ней вѣрно и безошибочно.

V.

Говоря объ освобожденіи нашихъ русскихъ крестьянъ, нельзя не думать и не говорить о русской общинѣ.

Что общинное устройство не принадлежитъ исключительно русскому народу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Начало общинности существовало вездѣ и слѣды его не всѣмъ изгладились по сію пору въ нѣкоторыхъ земляхъ. Но въ Россіи это начало развилось и утвердилось несравненно болѣе и иначе нежели гдѣ либо; оно срослось, слилось и съ обычаями, и, что важнѣе, съ правами, съ духомъ русскаго народа и сіе-то обстоятельство дѣлаетъ изъ русской общины нѣчто особенное, весьма мало похожее, или совсѣмъ непохожее на общину извѣстную въ другихъ государствахъ.*

Возрѣнія на русскую общину различны. Многіе дорожатъ ею особенно по уваженіямъ экономическимъ и между прочимъ находятъ, что общинное устройство избавляетъ отъ пролетаріатства. Я съ моей стороны, нахожу въ общинномъ

* Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, во Франціи нѣкоторые слѣды общиннаго устройства въ прошломъ столѣтіи. Но сіе устройство имѣло видъ и свойство условныхъ ассоціацій, на извѣстныхъ опредѣленныхъ правилахъ существовавшихъ. Сущность такихъ ассоціацій была весьма похожа на сущность Готландскихъ, основываемыхъ на взносовъ капиталовъ, доходами съ коихъ пользовались наличные вкладчики. Чѣмъ болѣе членовъ умирало, тѣмъ болѣе возвышался доходъ оставшихся въ живыхъ. Последній приобрѣталъ весь капиталъ

устройствѣ единственный залогъ порядочнаго, здраваго, человѣческаго управленія сельскаго въ Россіи. Сверхъ того я люблю общину за то, что, по моему твердому убѣжденію, общинный бытъ спасъ русскихъ крестьянъ отъ конечнаго, совершеннаго паденія умственнаго и нравственнаго, сохранивъ въ нихъ тѣ добрыя качества, коими они отличаются и кои они непременно утратили бы, коснѣя, вмѣстѣ съ рабствомъ и безграмотностію, въ беззащитномъ и безотвѣтномъ одиночествѣ, разъединенные съ своими собратіями.

Не смотря на это, я не желаю сдѣлать общинное устройство обязательнымъ для крестьянъ, особливо въ экономическомъ отношеніи. Въ этомъ, какъ я вижу изъ словъ вашихъ, и вы согласны. Сами крестьяне будутъ лучшими судьями въ семъ дѣлѣ. По сей-то причинѣ я предоставляю на волю крестьянина покупать земли на свое имя внѣ общины, продолжая быть, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, членомъ сей общины или вступать въ другое сословіе. Вмѣстѣ съ симъ остается и для общества право пріобрѣтать земли покупкою на имя всего общества.

Что-жъ касается до возможности или права крестьянъ общинныхъ на разрушеніе общины, это другое дѣло. Сей возможности, сего права предоставить обществу невозможно, по крайней мѣрѣ на первыя времена. Во всякомъ случаѣ такое разрушеніе общины, если оно состоитъ просто въ раздѣлѣ общинныхъ земель между наличными хозяевами, не можетъ быть допущено иначе какъ съ дозволенія правительства. Въ другихъ земляхъ, для упраздненія общиннаго владѣнія, необходимъ особенный законъ.

Разсуждая о общинѣ нельзя не вспомнить о тѣхъ замѣчательныхъ лицахъ въ Россіи, кои извѣстны подъ именемъ Славянофиловъ. Я понимаю и вполнѣ раздѣляю удивленіе ваше при встрѣчѣ одной статьи гдѣ говорится о розгахъ, помѣщенной въ "Сельскомъ Благоустройствѣ." Это узаконеніе розогъ есть постыдное пятно для сего изданія. Но справедливость требуетъ признать, что гг. Славянофилы, въ различныхъ изданіяхъ, разработали и пояснили многое, между прочимъ понятія объ общинѣ, и продолжаютъ трудиться надъ разрѣшеніемъ главнаго, жизненнаго вопроса освобожденія. Въ семъ же "Сельскомъ Благоустройствѣ" я нашелъ статью о разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Пруссіи — статью превосходную во всѣхъ отношеніяхъ и такую, которая нашла бы себѣ свое мѣсто въ старомъ "Edinburgh Review."

Къ глубокому моему соболѣзнованію и къ величайшей досадѣ, теорія розогъ и палокъ проглядываетъ не только въ "Сельскомъ благоустройствѣ," но во многихъ проектахъ по крестьянскому вопросу. Истинно скажу, что я просто не постигаю этой умственной абераціи, этой *idée fixe*. Назо-

въ свою собственность. Въ сельскихъ общинахъ обработываніе земли производилось, по большей части, общими силами и доходы раздѣлялись между наличными членами. Силъ послѣдніе были подчинены почти безпредѣльной власти ихъ начальства. Въ нѣкоторыхъ общинахъ они даже могли вступать въ бракъ только съ членами той же общины, одна изъ такихъ общинъ существовала до начала революціи 1789 года, въ это время нѣкоторые изъ членовъ сей общины пришли въ Парижъ для заработковъ. Основываясь на обнародованномъ тогда гражданскомъ уложеніи (Code Civil), они потребовали разрушить общину и, получивъ удовлетвореніе, раздѣлили между наличными членами всю собственность общины. Другая подобная община даже пережила революцію, живетъ, можетъ быть, и теперь, и за нѣсколько предъ симъ лѣтъ состояла изъ одного старика и одной малолѣтней дѣвочки, кои пользовались 60 тысячами фр. дохода. Что тутъ схожаго съ русскою общиною?

вите сіе жалкое возрѣніе какъ хотите, мнѣ кажется, что это проето болѣзнь, розгоманія, палкоманія, но манія въ полномъ смыслѣ. Толковать съ такими больными бесполезно: ихъ надобно предоставить факультету, только не Гомеопатамъ: это было бы жестоко. Вообразите *similia similibus*!...

Къ несчастію симптомы этой болѣзни проявляются не въ одной Россіи. Въ пруссіи партія юнкеровъ (какъ по русски? развѣ недоросли?) требуетъ возстановленія палочныхъ наказаній. Это напоминаетъ мнѣ слышанное мною однажды отъ Барона Штейна. При преобразованіи прусской арміи въ 1808 году, одною изъ первыхъ мѣръ было уничтоженіе палокъ. При обнародованіи сей мѣры, всѣ Кенигсбергскія пожилыя дамы, обоюго пола, страшно взбудоражились. "Теперь нельзя будетъ выйти на улицу безъ опасенія безчинства, нахальства, грабежа со стороны освобожденныхъ отъ палокъ солдатъ," восклицали онѣ со всѣхъ сторонъ. Палки между тѣмъ исчезли, не унеся съ собою ни порядка на улицахъ, ни безопасности жителей.

Въ этой вольнолюбивой, благоустроенной Англіи, что мы иногда видимъ? Одинъ изъ генераль-губернаторовъ Индіи, честный лордъ Бентинкъ, рѣшился уничтожить тѣлесныя наказанія въ индѣйской арміи. Онъ учредилъ для разсмотрѣнія вопроса особый комитетъ. Единогласное рѣшеніе комитета: свято сохранить классическую плеть. Лордъ Бентинкъ не послушалъ комитета и уничтожилъ тѣлесныя наказанія, изложивъ побудившія его къ сей мѣрѣ причины и весь ходъ дѣла въ превосходномъ рапортѣ. По генераль-губернаторъ, имѣвшій власть сдѣлать сіе относительно индѣйской арміи, не имѣлъ права распространить той же мѣры на солдатъ королевской арміи въ Индіи изъ Англичанъ состоящей. Англійскіе солдаты въ Индіи остались, по прежнему, подъ дисциплиною плети. Это, по справедливости, показалось всѣмъ Англичанамъ весьма обиднымъ. Правительство раздѣляло общее мнѣніе; но вмѣсто того, чтобы распространить человѣческую реформу на англійское войско, оно отмѣнило мѣру принятую генераль-губернаторомъ касательно арміи индѣйской и все пошло по старому. Что касается до меня, то въ мое время, я не могъ встрѣтить въ Англіи ни одного офицера, который желалъ бы уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ арміи и во флотѣ; между тѣмъ какъ въ Германіи мнѣ случалось путешествовать съ лонкучерами, не перемѣняя лошадей, и я замѣтилъ, что кучера только хлопали бичемъ, никогда не дотрогиваясь до лошадей. Кто былъ ближе къ истинно - человѣческой цивилизаціи? англійскіе офицеры или немѣцкіе кучера?

У насъ недовольно чувствуютъ всю важность вопроса объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній и мало понимаютъ то печальное дѣйствіе, которое введеніе Татарскаго кнута имѣло на судьбу Россіи. Читая исторію крестьянскаго сословія, на примѣръ въ Пруссіи, мы видимъ, что тамъ какъ и у насъ, въ первобытныя времена, крестьяне были свободны. Лишеніе правъ, закрѣпощеніе, гдѣ оно не было дѣйствіемъ феодальнаго права, совершилось постепенно. Власть верховная была слаба. Государственные чины (*die Stände*), состоявшіе изъ помѣщиковъ, безпрестанно силились увеличить права помѣщицъ на счетъ правъ крестьянскихъ. 30-я лѣтняя война особенно послужила поводомъ къ притѣсненію крестьянъ, къ ограниченію права перехода, къ увеличенію, въ пользу помѣщиковъ, обязательнаго труда. По причинѣ или подъ пре-

догомъ всеобщаго раззоренія и опустошенія множества селъ и деревень, государственные чины издавали различныя узаконенія, предписывавшія крестьянамъ или оставаться на опустошенныхъ земляхъ или даже возвращаться на жительство въ сгорѣвшія ихъ лачуги и обязывавшія ихъ личными повинностями въ пользу помѣщиковъ, все, разумѣется, въ видахъ общественной пользы, требовавшей всякаго рода пожертвованій для возстановленія общаго порядка и благоденствія. Такъ и у насъ иные находятъ оправданіе Годуновскаго закрѣпощенія въ томъ, что при завоеваніи Казани и Астрахани, крестьяне Русскіе двинулись большими толпами на новыя земли, оставляя въ запустѣніи старыя. Тутъ опять, по обыкновенному, общая польза! благо общее! Какъ будто благо общее имѣетъ какое либо иное основаніе, кромѣ блага частнаго, блага индивидуумовъ, частныхъ лицъ!

Въ Пруссіи, однако же, крестьяне спорили, боролись съ стѣснявшими ихъ узаконеніями. Послѣ cadaго стѣснительнаго закона, являлись просьбы, жалобы, и сіи жалобы не всегда оставались безуспѣшными, особливо когда власть верховная болѣе усилилась, а власть государственныхъ чиновъ ослабла.

Отъ чего, въ Русской исторіи, мы не видимъ, со стороны крестьянъ ни подобной борьбы, ни такихъ просьбъ и жалобъ? Не видимъ ничего кромѣ одной пословицы о Юрьевѣ днѣ, которою ограничивается весь протестъ русскаго крестьянства противъ закрѣпощенія? Я, съ моей стороны, нахожу отвѣтъ во введеніи и въ утвердившемся употребленіи Татарскаго кнута, т. е. тѣлесныхъ наказаній, коихъ не зналъ народъ русскій до нашествія Татаръ. Находя излишнимъ и при томъ совсѣмъ не пріятнымъ дальнѣйшее изысканіе сему причинъ, я только укажу на анекдотъ рассказываемый въ "Запискахъ Охотника" объ одномъ крестьянинѣ или дворянѣ, у котораго сосѣдній помѣщикъ насильно отнялъ прилежавшее къ его землямъ поле. Крестьянинъ сталъ жаловаться. Помѣщикъ высѣкъ его. Тѣмъ все и кончилось. Еслибъ тутъ не было посредничества кнута, то крестьянинъ, вѣроятно, пошелъ бы далѣе съ своей жалобою. Но кожа ближе къ тѣлу нежели поле: измученный физически, униженный нравственно, падшій духомъ, крестьянинъ могъ только молчать и страшиться новыхъ мученій, новаго униженія. Въ такомъ разказѣ, дѣйствительномъ или вымышленномъ—все равно,—но въ возможности коего никто въ Россіи сомнѣваться не можетъ, кроется объясненіе многаго что насъ удивляетъ съ перваго поверхностнаго взгляда. Весьма желательно, чтобы сочинители проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ съ полицейскою властью помѣщиковъ и съ розгами не забывали сего разказа.

Но я замѣчаю, что взявъ перо для изясненія предъ вами, почтенный г. Редакторъ, причины, по которой безвозмездное надѣленіе крестьянъ землею представилось мнѣ первымъ средствомъ разрѣшенія вопроса объ освобожденіи ихъ, я былъ увлеченъ горазао далѣе. Кто любить и уважаетъ нашихъ крестьянъ, кто о нихъ безпрестанно думаетъ, тотъ пойметъ мое увлеченіе. Если я стою за мое собственное мнѣніе, то это единственно и исключительно потому что, признавая всѣ неудобства и большія невыгоды моего предложенія, я, по сію пору, не могу принять иной мѣры, и именно мѣры выкупа, находя въ сей послѣдней, по моему убѣжденію затрудненія неопределимыя. Выкупъ! Но еслибъ онъ былъ воз-

моженъ, то онъ былъ бы самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ вопроса. И кто не принялъ бы его тогда съ восторгомъ? (*) Я желалъ бы, въ заключеніе, сказать вамъ, почтенный г. Редакторъ, нѣсколько словъ въ отвѣтъ на разсужденія ваши о политической экономіи, но принужденъ отложить это до другаго случая.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и въ душевномъ сочувствіи къ благороднымъ подвигамъ предприемлемыхъ вами, почтенный г. Редакторъ, на пользу и ко благу нашихъ добрыхъ крестьянъ. На этой почвѣ всѣ любящіе ихъ должны стоять твердо и дружелюбно.

26 Марта 1859.

С М Ъ С Ъ.

— По дѣлу о харьковскихъ злоупотребленіяхъ Зиновьева и потворству Ковалевскаго. — Мы получили подробную и прекрасно составленную записку о прошлогодней харьковской исторіи, мы ее напечатать въ *Русскихъ Голосахъ*. Поведеніе студентовъ было удивительно, не только благородно, но исполнено такта, имена пострадавшихъ не должны быть забыты. Насъ при чтеніи этого разказа одинъ вопросъ постоянно занималъ, что-же при всемъ этомъ дѣлали молодые профессора? Мы ихъ нигдѣ не находимъ — совѣтниками, защитниками студентовъ; отчего они не пошли къ Зиновьеву, отчего не писали министру, отчего позволили синдикату отказать въ ревизіи кондуитныхъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ помощникомъ инспектора?

Странно! И благородная молодежь эта, оставленная одна лицомъ къ лицу, съ ябедой, съ полицейскими уловками, съ Лужинимъ и со всѣми властями, кажется и не замѣтила этого, честь ей и слава!

А что это за комическое лице ректоръ Фойтъ, окончивающій каждую рѣчь своимъ *sapienti sat* и инспекторъ Стороженко такъ горячо принимающій къ сердцу образованіе Украйны, и говорящій: Господа, вѣдь я не Ламартинъ!

Что касается до Зиновьева, онъ и этого не имѣетъ, онъ просто пошлъ.

— Мы получили письмо, въ которомъ жалуются на слишкомъ самовластные распоряженія сибирскаго Муравьева, на распечатываніе въ Иркутскѣ писемъ, на уничтоженіе писемъ непріятнаго содержанія для высшаго начальства, на угнетѣніе племенъ отданныхъ въ управленіе Россійско-Американской компаніи, которая ихъ грабитъ, надуваетъ и держитъ ихъ въ постоянной кабалѣ.

Письмо это окончивается кассіевскимъ возваніемъ къ губернатору, писаннымъ съ любовью — "Проснитесь, *Козакевичъ*, проснитесь и бросьте жизнь недостойную васъ. Займитесь добросовѣстно дѣломъ, вы можете сдѣлать много пользы, добра и пр. Это говоритъ уважающій и сожалѣющій васъ."

Не зная дѣлъ этихъ, мы не помѣщаемъ и письма, наши строки пусть будутъ вызовомъ на больше подробныя свѣдѣнія.

Сибирскаго Муравьева нельзя судить какъ какого-нибудь Закревскаго или Панииа. Онъ многое сдѣлалъ и при такихъ трудныхъ дѣлахъ, можетъ многое сдѣлано круто. И потому ждемъ фактовъ.

(*) Благодаря автору за его письмо, мы надѣмся со временемъ возвратиться къ вопросу о выкупѣ, въ возможности котораго не сомнѣваемся, и продолжать нашу полемику, въ томъ же благородномъ тонѣ, тонѣ уваженія къ человѣку и искренности въ исканіи истины, тонѣ, который мы цѣнимъ высоко, примѣръ котораго авторъ письма намъ подаетъ такъ симпатично, и который одинокъ возможенъ между людьми, ставящими человѣческое достоинство и откровенность убѣжденій выше мелкаго самолюбія школьничковъ.

Н. О.

— **КАЗАНСКАЯ ПОЛИЦИЯ НЕ ОТСТАЕТЪ ОТЪ МОСКОВСКОЙ.**—Съ 5 на 6 Февраля студентъ медицинскаго факультета 4го курса *Колпаковъ*, былъ ограбленъ и чуть не задушенъ шайкой полицейскихъ служителей, грабившихъ ночью на улицахъ *третьей столицы*, какъ Казань себя величаетъ. Колпакова сбили съ ногъ, связали ему руки и тащили *на веревкѣ по силу*, съ Проломпой улицы въ полицію, гдѣ бросили его подъ арестъ, подъ предлогомъ, что нашли на улицѣ мертво пьянымъ. У Колпакова было съ собой 25 руб. и 3 руб. депоз. бил., мелкіе деньги и ланцетъ, все это было украдено. На другой день Колпакова хотѣли выгнать изъ части, но онъ догадался не идти, надобно было доложить полицмейстеру, тотъ пригласилъ инспектора студентовъ и призвалъ Колпакова. Инспекторъ, предложилъ *мировую*,— *татарскую и русскую* какъ нельзя больше, онъ требовалъ, чтобы безъ всякаго разбирательства *перепоротъ* всѣхъ полицейскихъ участвовавшихъ въ дѣлѣ. Полицейстеръ (бывшій казанскій студентъ), не согласился и Колпакова отправилъ въ клинику, гдѣ попечитель велѣлъ сдѣлать ему медицинскій осмотръ всѣмъ факультетомъ.

По счастью, Колпакова лично знали адъютантъ губернатора и адъютантъ жандармскаго генерала. Они тотчасъ пріѣхали навѣстить его и рассказали дѣлю губернатору, скрыть его было невозможно.

Полиція назначила къ медицинскому осмотру своего врача. Показанія факультета, и полицейскаго врача разнились (то-же было и въ Москвѣ.)

Вопросъ о ушибахъ Колпакова: слѣдствіе-ли онѣ отмороженія, или побоевъ, веревокъ, нинковъ и т. п. Большинство рѣшило, что первоначально язвы причинены насиліемъ, по потомъ такъ какъ Колпакова волокли около получасу по силу, то могло совершиться отмороженіе. Метеорологическія наблюденія показали, что въ ночь, когда произошло побоище, было 9° по Р., а вѣтеръ южный. Стало быть отморозить что нибудь было трудно, безъ посторонней помощи; и если ужъ было бы отморожено что нибудь, то прежде всего оконечности. По послѣдняго медицинскій осмотръ не нашель. Этотъ глупый споръ важенъ былъ для полиціи, потому что она собиралась доказать, что Колпакова подняли пьянаго и уже отморозившаго себѣ пальцы: медицинское слѣдствіе не подтвердило этихъ надеждъ. Точно также не удалось полицейскимъ доказать, что Колпаковъ дрался съ ними (чѣмъ уже они противорѣчили первому показанію своему, что нашли его пьянаго), и во время этой драки сорвалъ съ одного изъ нихъ медаль. Владѣлецъ послѣдней говорить, что Колпаковъ сорвалъ медаль въ минуту, когда они поровнялись съ нимъ противъ аптеки Бахмала. Но на вопросъ: зачѣмъ-же вы остановились тутъ?—Чтобъ связать покрѣпче руки ему—отвѣчалъ полицейскій, неподозрѣвавшій смысла своего отвѣга. Надо было нарядить формальное слѣдствіе, и нарядили.

Между тѣмъ жандармы донесли о дѣлѣ по своему: виновата молъ и полиція, и студенты буйствуютъ и профессора ихъ *возмущаютъ*. Извѣстно, что русскіе жандармы не любятъ дѣлать *тайны* изъ своихъ допесеній; доносъ ихъ тотчасъ разнесся въ городѣ. Тогда профессора явились къ попечителю и просили его передать ихъ просьбу министру народнаго просвѣщенія. Вотъ начало попечительскаго представленія:

“Безчеловѣчные и противузаконные поступки полиціи со

студентомъ Колпаковымъ, возбуждивъ глубокое негодованіе въ гг. профессорахъ и студентахъ университета, вынудилъ ихъ обратиться ко мнѣ съ словеснымъ желаніемъ представить вашему высоко-превосходительству ихъ просьбу къ вамъ о ходотайствованіи передъ лицомъ государя императора о дарованіи студентамъ такихъ гарантій, которыя бы навсегда оградили ихъ отъ самоуправства со стороны полиціи и т. п.”

Можно одно только замѣтить, что слѣдовало бы просить такихъ гарантій для всей Россіи. Еще Іоаннъ IV, самый грозный царь, говорилъ-же: “и вниде въ слухъ благочестивому царю, что многіе грады и волости пусты учинились, и намѣстники и волостели изо многихъ лѣтъ, презрѣвъ страхъ Божій и государева уставы, много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ учиниша и небыша имъ пастыри и учителя, но сотворишась гонители и раззорители” — а Екатерина I объявила верховному тайному совѣту, что многіе изъ властей: “какъ военныхъ отъ солдата до штабъ и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаль-коммиссаровъ и прочихъ до воеводъ — не пастырями, а волками называться могутъ.” Іоаннъ говорилъ это въ 1556, Екатерина черезъ 220 лѣтъ, а казанскій университетъ повторяетъ ихъ слова въ 1859 году. Какой блистательный успѣхъ!

— **I. ЛЕЛЕВЕЛЬ и КАЗЕМАТЫ.** — *Г. Огришко* помѣстилъ въ своемъ журналѣ *Слово*, письмо знаменитаго *И. Лелевеля* и нѣсколько теплыхъ, благородныхъ словъ объ немъ. Этотъ поступокъ навлекъ на *Г. Огришку* дву-горчаковскій гнѣвъ. Огришку схватили, журналъ запретили, Тимашевъ ходилъ съ озабоченнымъ лицомъ, Долгоруковъ говорилъ: “Вотъ видите” . . . Бутковъ отнесъ это къ освобожденію крестьянъ, Панинъ — къ желѣзнымъ дорогамъ. Попечитель петербургскаго округа, предлагалъ себя жертвой искупленія, но государь — по пословицѣ: Горчаковъ хорошо, а два Горчаковыхъ лучше — все таки велѣлъ *Г. Огришку* посадить въ единственную крѣпость, построенную исключительно противъ Русскихъ, т. е. въ Петропавловскую.

Когда же наше Самодержавіе пойметъ, что талантъ — тоже *помазаніе* и что гоненія самаго имени людей чисто и свято трудившихся до прекрасныхъ лѣтъ, признанныхъ всѣмъ свѣтомъ, какъ *И. Лелевель*, бьетъ рикошетнымъ ударомъ назадъ?

— **Новая мерзость въ Польшѣ.** — *Allgemeine Zeitung* отъ 26 Марта рассказываетъ, что въ Варшавѣ 18 Марта запретили частнымъ людямъ отслужить въ церкви панихиду по *Мицкевичу*, *Красинскому* и *Словацкому*. *Pas de réveries! Pas de réveries!* А если замечтаетесь — тутъ на лицо оступѣвшій Горчаковъ, опираясь на палку изъ николаевскаго огорода — на Муханова!

Конгрессы, видите! Италію освобождаемъ, Австрія, такая отсталая страна — деспотизмъ, невыносимо.... Охъ вы мои господа петербургское либеральное правительство, посмотрите въ зеркало . . . все тотъ-же кварталный . . . только Дуббельтъ называется Тимашевымъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ поступилъ въ продажу.
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1859 г. V выйдетъ къ 1 Маю.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ.

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 42 & 43.

1 и 15 Мая 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, двѣа (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трубнера & Со. въ книжной лавкѣ 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price one shilling (2½ sheets).

На этотъ разъ мы очень богаты корреспонденціями изъ разныхъ концовъ Россіи, объемъ нашего листа не позволяетъ намъ передать ихъ цѣликомъ и мы ограничимся выписками и приложимъ двухъ важныхъ документовъ.

Къ этому листу мы прилагаемъ текстъ проекта освобожденія крестьянъ, сдѣланный Ростовцевымъ, съ нашими замѣчаніями. Къ слѣдующему приложимъ продолженіе засѣданій Московскаго Комитета—документъ этотъ очень важенъ. Пусть русской народъ и потомство знаютъ, каково большинство дворянства “первопрестольной столицы” и многимъ ли оно опередило дворянство “императорской резиденціи.”

Одно изъ вновь полученныхъ писемъ снова направлено противъ обвинительнаго акта помѣщеннаго въ 29 листѣ, письмо это въ высшей степени благородно. Но мы уже сказали, что не будемъ длить эту полемику въ Колоколѣ. Если авторъ непременно желаетъ, мы помѣстимъ его письмо въ VIII книжкѣ Голосовъ.

Переходя къ другому письму, адресованному отъ имени нѣсколькихъ особъ, мы откровенно сознаемся—благодаря за всѣ дружескія вещи высказанныя намъ писавшими—что мы не раздѣляемъ ихъ мнѣнія на счетъ гласности. Отдавая намъ на копье все гражданское и военное управленіе, письмо требуетъ совершеннаго молчанія о духовенствѣ и упрекаетъ насъ, что мы говорили о пошлыхъ и несвоевременныхъ вмѣшательствахъ петербургскаго митрополита—въ женскія шали и популярныя лекціи геологіи.

Какія искаженные понятія оставила въ умахъ, долгая, стѣснительная цензура и совершенная непривычка къ вольной рѣчи!

Позвольте узнать: на какомъ основаніи мы, осмѣливающіеся порицать безсмысленныя и раззорительныя поѣздки великокняжескія, мы осмѣливающіеся обличать подленькіе циркуляры Ковалевскаго, бездѣльничество варшавскаго Мухапова, держимордство Закревскаго, — будемъ смиренно молчать когда выжившій изъ ума монахъ, выползетъ изъ сырой кельи своей для того, чтобъ мѣшкать наукѣ, чтобъ стѣснять нашу маленькую волю?

Мы только тѣмъ оправданы передъ всѣми, и передъ своей совѣстью, мы только тѣмъ и сильны, что сдѣлавшись обличителями за нѣмую родину—мы никогда, ни въ чемъ не дѣлали

различія между митрополитами и квартальными, между Папийнымъ и Маріей Бредау, и что для насъ Адлерберги, Сечинскіе, Орловы, также равны какъ Филареты, Макридіи, Акрупирии, Московскіе, Коломенскіе, Эчмиадзинскіе и не знаю какіе святители.

Странное понятіе о свободѣ книгопечатанія. Ухо русское было желѣзомъ завѣшано, ему больно слышать свободную рѣчь; что дѣлать пусть воспитается къ ней!

Къ тому же нападка на насъ за то, что мы часто говоримъ о духовенствѣ совершенно несправедлива, для этого стоитъ перелистовать Колоколъ. Не говорили мы часто о духовенствѣ, потому, что не до него теперь дѣло, другое давить намъ грудь и бросаетъ кровь въ голову. Но могли-ли мы остаться безмолвными зрителями, когда это молчавшее, забитое духовенство, кропившее святой водой учрежденіе крѣпостнаго рабства, военныя поселенія, всякія казни, благословлявшее два вѣка съ половиною насильственные браки, безмолвно хоронившее засѣченныхъ дворовыхъ людей, не нашедшее и теперь ни одного сильнаго слова въ пользу освобожденія крестьянъ—вдругъ заговорило противъ маленькихъ газетъ, противъ популяризаціи науки?

Пусть живые мертвецы держатся сообразно своему чину, и молчатъ. Тогда и мы будемъ молчать. Пусть наконецъ они пишутъ свои богословскіе каламбуры, переставляя смыслъ и слова какого нибудь текста, мы не будемъ ихъ читать. Но всякій разъ когда архипастырскій жезлъ ударитъ по живому мясу нашей начинающейся свободы, какъ полицейская палка—мы закричимъ!

— Въ письмѣ изъ Новороссійскаго края много подробностей о графѣ Строгоновѣ. Онъ очень развился съ тѣхъ поръ, какъ былъ министромъ; мы никакъ не ожидали чтобъ у него была такая прогрессивная натура въ грубомъ обращеніи (которое у насъ часто принимаютъ за аристократизмъ, забывая что аристократы люди хорошо воспитанные) и въ ультра-никлаевскомъ направленіи.

— Далѣе, мы получили патріархальный рассказъ какъ князь Юрій Голицынъ освобождалъ крестьянъ отъ земли въ Тамбовской губерніи и рядомъ съ нимъ феціонельной анекдотъ изъ высшей жизни, о векселѣ Адлерберга и одной Француженкѣ, посаженной подъ арестъ Тимашевымъ.

За тѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ исторій въ чисто російскомъ вкусѣ, напр. исторія о томъ, какъ генераль лейтенантъ Фроловъ обругалъ купцовъ въ Ярославлѣ, пришедшихъ его звать на балъ; похождения ополченнаго офицера Карцева, кончившіяся потерей собственности за несогласіе *присвоить* себѣ деньги ратниковъ, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ княземъ Урусовымъ, дѣло это, какъ видно изъ письма было на виду у Сухозанета, Ланскаго и Долгорукова; Карцевъ писалъ къ самому государю... но письма до него не доходятъ. Говорятъ будто и Колоколь не доходитъ больше, а что для него *перепечатываютъ* въ Петербургѣ, съ должнымъ очищеніемъ.

Всѣ эти исторіи мы будемъ передавать мало по малу, и просимъ нашихъ корреспондентовъ извинить насъ, если мы нѣсколько сократимъ ихъ рассказы.*

— Табеля о рангахъ прежде всего! Начинаемъ нашу хронику съ министровъ, генераль-адъютантовъ, жандармовъ... и во первыхъ съ революціонно-ценсурнаго триумвирата Адлерберга-сыпа, Тимашева-сваяка и Муханова—оберъ-форъ шнейдера...

J'avons vu... говоритъ въ извѣстной фарсѣ старый наполеоновскій гренадиръ... j'avons vu l'entrevue des trois entrepreneurs, dont le roi de Prusse faisait partie... Я думаю эту роль и играетъ оберъ-форъ-шнейдеръ въ комитетѣ ценсурнаго спасенія.

Случаи эти бывали въ исторіи. Между консуломъ Бонапартомъ и консуломъ Сіесомъ были, по словамъ М-те Сталь "какъ лайка между брильянтами" консуль Лебрюнь.

Вотъ что три консула цензуры говорятъ въ своемъ первомъ плебисцитѣ.

Выписка изъ циркуляра комитета по дѣламъ Книгопечатанія.— "По случаю обнаружившагося, неодобрительнаго направленія въ политическихъ отдѣлахъ нѣкоторыхъ изъ московскихъ повременныхъ изданій, государь императоръ, въ 24 день минувшаго февраля высочайше повелѣтъ соизволилъ:

"1. Текуція политическія извѣстія, какъ въ ежедневныхъ, такъ и въ недѣльныхъ изданіяхъ, печатаемыхъ въ Москвѣ, заимствовать исключительно изъ газетъ Петербургскихъ, которыхъ политическіе отдѣлы разрѣшаются къ печати цензурою министра иностранныхъ дѣлъ."

"2. Политическія *обозрѣнія* и *статьи* въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, хотя и должны быть составляемы по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ, разсмотрѣнныхъ цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ, но какъ въ подобныхъ статьяхъ и *обозрѣніяхъ* можетъ проявляться собственный взглядъ автора, иногда противный политикѣ нашего правительства, то для устранения всякихъ неумѣстныхъ намековъ и сужденій, разсматривать эти *обозрѣнія* и *статьи* въ полномъ засѣданіи московскаго ценсурнаго комитета и съ разрѣшенія его дозволить печатаніе оныхъ; въ случаѣ же какого либо сомнѣнія или недоумѣнія комитета, представлять эти *статьи* и *обозрѣнія* г. министру народнаго просвѣщенія, для передачи ихъ, если то признается нужнымъ, на окончательное разсмотрѣніе министра иностранныхъ дѣлъ."

* Корреспонденту, предлагающему намъ статьи и документы для Историческаго Сборника, спѣшимъ отвѣчать, что само собою разумѣется мы имъ рады и просимъ прислать. Изъ названныхъ имъ, одна статья Воейкова у насъ есть, да другая напечатана уже въ одномъ изъ Русскихъ Сборниковъ.

Не выходя изъ храма Минервы-воздержательницы и изъ эзерциръ гауза просвѣщенія, мы отъ *дуэта*, въ которомъ оберъ-форъ-шнейдеръ поетъ *третій* голосъ, переходимъ къ слабогрудному солисту Ковалевскому. Вотъ что поетъ дворецкій Минервы по слѣдамъ Строгонова—великаго вотчима, по *стопамъ* Норова—великаго талмудиста

Канцелярія

М. Н. П.

№. 1,289.

14 Іюня 1858 года.

Г. Новороссійскій и Бессарабскій генераль-губернаторъ графъ Строгоновъ въ началѣ прошедшаго года обращалъ вниманіе предшественника моего (Норова) на вредное, по его мнѣнію, направленіе, принятое въ настоящее время нашею литературою вообще и *Одесскимъ Вѣстникомъ* въ особенности. При чемъ онъ указывалъ на отдѣльныя предосудительныя статьи Одесскаго Вѣстника. Въ слѣдъ за тѣмъ херсонскій губернскій предводитель дворянства сообщилъ также свое мнѣніе о вредномъ направленіи, принятомъ редакціею Одесскаго Вѣстника съ 1858 г., при чемъ онъ обращалъ вниманіе въ особенности на осужденіе правительственныхъ мѣръ, на неумѣстныя выходки противъ помѣщиковъ и частныхъ лицъ, и на послабленія цензуры въ этомъ отношеніи.

По высочайшей волѣ, я (т. е. Ковалевскій) предлагалъ главному управленію цензуры на разсмотрѣніе всѣхъ статьи Одесскаго Вѣстника за нынѣшній годъ, какъ указанныя графомъ Строгоновымъ и херсонскимъ предводителемъ дворянства, такъ и вообще обратившія на себя вниманіе по своему содержанію или способу изложенія.

Главное упряміе цензуры изъ числа сихъ статей признало предосудительными три: въ №. 6 о *юридическомъ образованіи* въ №. 7 *Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ* и въ №. 28 *Ab Ovo*. Въ первой не только осуждается вообще наша система судопроизводства и въ противоположность ей рекомендуется судопроизводство гласное, но въ ней явно видно направленіе чернить все отечественное. Во второй статьѣ оправдывается пьянство въ простомъ народѣ недостаточностью будто бы платы за его труды, и во всей статьѣ явно обнаруживается нерасположеніе къ достаточнымъ сословіямъ. Въ третьей статьѣ, взяточничество чиновниковъ выставляется въ самой грязной картинѣ, которая легко можетъ возбудить негодованіе простаго народа противъ служащихъ, особенно противъ полицейскихъ властей и при томъ взяточничество это оправдывается недостаточнымъ содержаніемъ чиновниковъ и признается почти неизбѣжнымъ зломъ при нашей системѣ управленія.

Въ другихъ статьяхъ встрѣчаются только неосторожныя фразы и выраженія, которыя слѣдовало бы исключить, не подвергая запрещенію самихъ статей, большею частью написанныхъ съ хорошимъ направленіемъ. Таковыя статьи:— въ №. 5 *Замѣтки и вѣсти изъ Подолія* гдѣ въ концѣ есть выходка противъ помѣщиковъ, въ №. 18 о *французской беллетристикѣ* статья, заключающаяся слишкомъ безусловнымъ восхваленіемъ Беранже; и въ №. 29 *Письмо г. О. Р. о докторѣ Линкѣ*, въ которомъ неумѣстно превозносятся *гласъ и мнѣніе народа*. Въ иныхъ же статьяхъ, каковы: въ №. 8 о *современномъ положеніи русской мануфактурной промышленности*, въ №. 9 о *степномъ хозяйствѣ*, въ №. 17 о *сущест-*

ственныхъ условій процвѣтанія промышленности земледѣльческой, имѣющихъ цѣль въполнѣ благонамѣренную, возбудить нашу промышленность мануфактурную и земледѣльческую къ новой дѣятельности, нельзя одобрить упрековъ, хотя и справедливыхъ, но дѣлаемыхъ исключительно русскимъ мануфактуристамъ, и слишкомъ общаго порицанія нашего помѣщичьяго хозяйства, при чемъ исключительно чернятся помѣщики, и не совсѣмъ основательно. Въ послѣдней статьѣ сверхъ того допущены отзвывы о томъ, какъ уничтожилось крѣпостное состояніе въ Австріи, по мнѣнію автора “ бурями 1848 года ” съ довольно явными намеками на недостаточность мѣръ, указанныхъ въ этомъ отношеніи правительствомъ у насъ. Иныя статьи, какъ напр. въ 13. 16. и 21 *о частномъ балѣ въ Одессѣ* не противны въ строгомъ смыслѣ цензурнымъ постановленіемъ, но показываютъ незнаніе общественныхъ приличій или недостатокъ такта въ авторахъ. Общее же разсмотрѣніе всѣхъ статей, указанныхъ какъ предосудительныя въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, привело главное управленіе цензуры къ заключенію, что нельзя согласиться съ мнѣніемъ графа Строгонова, будто нынѣшняя редакція этой газеты приняла рѣшительно вредное направленіе, или, какъ утверждаетъ херсонсонскій губернскій предводитель дворянства почти преступное, тѣмъ болѣе, что въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* нынѣшняго года появились въ другихъ номерахъ статьи истинно полезныя и дѣльныя—можно только сказать, что направленіе большей части статей не въполнѣ одобрительно, по довольно часто повторяющимся выходкамъ противъ помѣщиковъ и богатаго сословія, по рѣзкости отзывовъ о недостаткахъ нашего внутренняго устройства и по излишней склонности къ теоретической полемикѣ въ газетѣ, имѣющей цѣль чисто практическія. А потому главное управленіе цензуры положило : 1) сдѣлать замѣчаніе цензорамъ, 2) отдать Одесскій Вѣстникъ съ будущаго 1859 года по прежнему въ распоряженіе г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, съ правомъ отъ себя назначать редактора и 3) въ замѣнъ предложить Лицею издавать какойнибудь учено-педагогическій журналъ. Сіе предложеніе главнаго управленія цензуры я имѣлъ счастье повергать на высочайшее его императорскаго величества утвержденіе, которое и послѣдовало сего 7 Іюня.

Министръ народнаго просвѣщенія,
Е. Ковалевскій.

Довольно просвѣтились мы. Оберъ-форъ-шейдеръ можетъ пачать разрѣзывать сову Минервы, насъ сердце влечетъ къ Марсу.

“Послѣ дворянскихъ выборовъ и бала, бывшихъ въ Ярославлѣ въ концѣ 1856 года, были выборы купечества. По окончаніи ихъ, купцы, желая ли подражать дворянамъ или подстрекаемые губернскими властями, вздумали также сдѣлать балъ ‘ въ честь его превосходительства досточтимаго начальника губерніи Алексѣя Петровича Бутурлина, ’ какъ сказано было въ пригласительныхъ билетахъ. Назначенъ былъ день. За три дня до бала пріѣхалъ въ Ярославль инспекторъ карабинерныхъ полковъ генералъ Фроловъ. Купцы всегда неравнодушны къ превосходительствамъ и вторично подстрекаемые тѣми же губернскими властями и полиціей, разсудили, что надобно и его пригласить. Наканунѣ бала вновь выбранный голова Семенъ Ильичъ Кузнецовъ, потомственный

почетный гражданинъ Александръ Матвѣевичъ Пастуховъ и другіе почетные купцы напялили сертуки съ шитыми воротниками и всѣ возможные медали, полученные ими за насильственные пожертвованія и отправились на квартиру Фролова. ‘Дома его превосходительство?’ ‘Дома вѣтъ, въ манежѣ на ученьи,’ грубо отвѣтилъ имъ слуга Фролова. Потянулись купцы въ манежъ. Входятъ. Карабинерной баталіонъ стоитъ развернутымъ фронтомъ и выдѣлываетъ муштру. Едва Фроловъ увидѣлъ кунцовъ тотчасъ scomандавалъ ‘вольно поправсь’. Подходятъ купцы; Фроловъ нагло на нихъ смотритъ; они начинаютъ въ поясъ ему кланяться и приглашаютъ его на балъ, но едва они кончили, какъ онъ закричалъ: ‘Чтобъ я къ вамъ мерзавцамъ поѣхалъ на балъ, да съ чего вы это взяли? Мужики вы эдакіе, достойные-ли вы этого? Вы не умѣли проводить мой полкъ въ походъ. Вы не умѣли даже ему обѣда сдѣлать. Ахъ, вы бородачи поганые, чтобъ я къ вамъ поѣхалъ, послѣ этого на балъ? Вонъ отсюда!’ И его превосходительство изволилъ топнуть ногой. Купцы сначала ошалѣли, но при гулѣ топота ногъ генерала чувство самосохраненія взяло верхъ, они подобрали полы своихъ форменныхъ сертуковъ, накинули кое какъ свои лисьи шубы, да и тягу изъ манежа; сѣли на откормленныхъ одиночекъ и гуськомъ потянулись къ полицмейстеру, объяснили ему въ подробности весь пріемъ и по его совѣту такимъ же порядкомъ поѣхали къ “досточтимому” начальнику губерніи. Бутурлинъ принялъ ихъ какъ нельзя лучше; принялъ горячо къ сердцу и ихъ жалобу, и приказалъ подать прошеніе. Купцы уѣхали и настроили бумагу, да такъ скоро, что къ обѣду прошеніе ихъ лежало уже на столѣ въ кабинетѣ у губернатора. Въ этотъ же день обѣдалъ у него Фроловъ; Бутурлинъ показалъ ему прошеніе купцовъ и неизвѣстно какой въ слѣдствіе этого былъ между ними разговоръ, только вечеромъ этого же или слѣдующаго дня петербургская почта привезла русскій Инвалидъ, въ одномъ номерѣ котораго напечатанъ былъ рескриптъ Фролову о награжденіи его лентой, кажется владимірской. Агенты губернатора подсунули этотъ номеръ купцамъ; тѣ было не унимались, а Пастуховъ такъ разгорячился, что сказалъ: ‘Меня самъ государь удостоилъ—обнялъ и изволилъ поцѣловать вотъ въ эту щеку, такъ я не позволю надъ собой ругаться.’ На это ему сказали, что если государь его и цѣловалъ и обнималъ, то это не причина чтобъ генералъ его не обругалъ. Пастуховъ присмирѣлъ, остальные почесали затылки, потолковали и убѣдившись, что ‘противъ рожна не можно прать и что плетью обуха не першибешь,’ взяли просьбу свою назадъ. Носились темные слухи въ городѣ, будто бы Фроловъ по отъѣздѣ изъ Ярославля, съ какой-то станціи извинялся передъ купцами, но это чиновничья утка, и на эти слухи никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.”

Ну теперь позвольте отдохнуть... и сходить въ баню... фу... а тутъ толкуютъ о Темзѣ... вотъ дренажъ то гдѣ употребить... пока есть такой грязе-отводъ какъ не отвѣтственное *быть по сему*.

увеличеніе подушныхъ. — Указъ 23 Февраля повысилъ подушный окладъ государственныхъ крестьянъ. Что же это—ради выкупа крѣпостныхъ, или просто потому, что въ

одно прекрасное утро министру-вѣшателю показалось, что государственные крестьяне слишкомъ мало платятъ? Если это ради выкупа, то мы не видимъ причины почему выкупъ крѣпостныхъ преимущественно ляжетъ на государственныхъ крестьянъ, а не на всѣ сословія Россіи, смотря по состоянію, какъ income-tax? Почему торговое сословіе не принесетъ своей лепты (и къ чести его мы полагаемъ что оно приплететъ бы ее охотно)? Почему дворянство не будетъ обязано уступить извѣстный процентъ съ стоимости выкупаемыхъ земель? Если же налогъ повышенъ потому, что государственные крестьяне слишкомъ мало платятъ, то это большая ошибка. Государственные крестьяне платятъ не одни подушныя, а еще и другія подати и повинности; съ души сходить никакъ не менѣе 5 р. с., а въ иныхъ мѣстахъ до 7. При отсутствіи кадастра и при системѣ подушнаго оклада выходитъ, что крестьянинъ бездѣтенъ, и если тягловой, или, если въ дому два или три тягла—то имъ платить легко; но если въ дому одно тягло и, положимъ, четыре сына малолѣтнихъ, по по ревизіи числящихся—то одно тягло платитъ за пять душъ, т. е. отъ 25 до 35 руб. сер., что составляетъ удручительный оброкъ, рѣдко встрѣчающійся при самомъ соковыжимательномъ помѣщичьемъ управленіи. Очевидно повышение налога камнемъ падетъ на этихъ несчастныхъ. Возьмите такое тягло хоть въ Вятской губерніи, гдѣ земля не дороже 20 р. с. десятина. Будь въ селеніи хоть по 15 десятинъ на душу, но тягло не подниметъ больше 2 десятинъ въ полѣ; остальная земля пролежитъ или подъ лѣсомъ, котораго некуда продать, или подъ пустырями, которыхъ некому нанять и разработать, такъ какъ пути сообщенія еще не привели по Россіи рабочихъ силъ въ равновѣсіе. Слѣдственно земля, съ которой тягло получаетъ доходъ состоитъ при трехпольномъ хозяйствѣ изъ 6 десятинъ (замѣтьте что двѣ въ пару). Эти 6 десятинъ по 20 р. с. стоятъ 120 рублей. Положимъ что крестьяне платятъ только подушныя (3 руб. по новому указу). Слѣдственно одно тягло при пяти душахъ заплатитъ 15 рубъ съ капитала въ 120 р. т. е. 12½%. А такъ какъ подушныя не все, то въ дѣйствительности сойдетъ съ души не меньше 5 р. т. е. 20% съ капитала. Налогъ страшный! выручаютъ его только многотягольные семейства; на малотягольныхъ тяжело ляжетъ педомка. Очевидно, что при неравномѣрности подушнаго оклада, всякая нагавка налога огромное притѣсненіе бѣдныхъ крестьянъ, близкое къ совершенному разоренію. А между тѣмъ, администрація неизмѣнилась; грабящее чиновничество министерства государственныхъ имуществъ съ каждымъ увеличеніемъ налога увеличитъ свой грабѣжъ. Слѣдственно увеличеніе налога, безъ перемѣны администраціи, удешевитъ притѣсненіе. Трудно сдѣлать кадастръ подробный, но не трудно сдѣлать кадастръ пахатной земли, сколько какое село пашетъ, положить налогъ съ пашенной десятины, и дозволить общинѣ разкладывать его какъ знаетъ міромъ, и вносить слѣдующую сумму отъ міра въ казначейство. Міръ обычно не налагаетъ на бѣдныхъ, разложить платежъ по состоянію и педомка будетъ ничтожная. Управление же министерства государственныхъ имуществъ при этомъ совершенно станетъ лишнимъ и упразднится, и государственный крестьянинъ вздохнетъ свободно и отдохнетъ, и наконецъ вольные крестьяне перестанутъ быть крѣпостными.

Спрашиваемъ: за чѣмъ повышение налоговъ съ крестьянъ безъ особой государственной нужды? Убѣдительно просимъ

людей, видящихъ дѣло вблизи, прислать въ Колоколъ рѣшеніе этого вопроса.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ и РОСТОВЦЕВЪ.

Слушайте, слушайте! Крестьянскій вопросъ приближается къ концу. Нордъ (№. 90) объявляетъ по извѣстіямъ изъ Петербурга отъ 22/10 Марта, что назначенъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Ростовцева, для изысканія лучшаго способа выкупа усадьбъ, что труды комитета должны быть кончены къ Августу и освобожденіе крестьянъ будетъ объявлено 20/8 Сентября—манифестомъ. Кажется Нордъ не совсѣмъ правъ: мысль Ростовцева состоитъ не въ выкупѣ усадьбъ, а въ выкупѣ всей для крестьянъ необходимой земли. По крайвей мѣрѣ это очевидно изъ *не-напечатаннаго финансоваго* проекта Ростовцева, который мы печатаемъ въ этомъ листѣ Колокола. Конечно нравственный характеръ Ростовцева не внушаетъ довѣрія: но если генералъ покался—и въ дѣлѣ доноса, и въ систематическомъ оподленіи юношества, ввѣреннаго его надзору—и хочетъ явиться свободнымъ гражданиномъ Россіи, тѣмъ лучше. Если онъ не внушаетъ довѣрія, виновата не Россія, виноватъ онъ самъ. Только его дальнѣйшая дѣятельность можетъ показать дѣйствительно ли онъ покался, или нѣтъ, достоинъ довѣрія, или нѣтъ; а покажьтесь ему только: а ticket of leave. (*) Тѣмъ болѣе страшно ему довѣриться, что передъ нами лежитъ другой его проектъ, *административно-судебный, напечатанный* по высочайшему повѣленію, и который мы также помѣщаемъ въ этомъ листѣ Колокола; этотъ проектъ ужасенъ. Мы говоримъ это не для оскорбленія Ростовцева; *благовѣщаніе* мы готовы принять изъ его устъ съ тѣмъ же уваженіемъ какъ изъ устъ архангела; дѣло не въ лицѣ, а въ пользѣ Россіи. Но тамъ гдѣ Ростовцевъ ошибается, и *опасно* ошибается, пусть онъ, если онъ искренно покался, приметъ наши возраженія и примѣчанія—ради правды, беззлобно, такъ какъ мы ихъ пишемъ беззлобно—ради правды.

Но къ дѣлу!

I.

ФИНАНСОВЫЙ ПРОЕКТЪ I. РОСТОВЦЕВА.

Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса (для соображенія коммиссіи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу.)

Къ Октябрю сего года надобно стараться окончить составленіе всѣхъ законоположеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, т. е.

1. Объ измѣненіяхъ въ мѣстныхъ властяхъ; (измѣненія эти должны быть обнародованы за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія положенія о крестьянахъ.)

2. О правахъ и обязанностяхъ крестьянъ и дворовыхъ людей.

3. Объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщику;

4. О мірской общинѣ и объ отношеніяхъ къ ней помѣщика;

5. О хозяйственныхъ законоположеніяхъ для различныхъ мѣстностей имперіи;

6. О способѣ обнародованія положенія;

7. Финансовый проектъ о выкупѣ крестьянами поземельнаго надѣла.

(*) Въ Англии каторжныхъ, которые хорошо себя вели, выпускаютъ на волю до окончанія срока каторги и выдаютъ имъ на свободное проживаніе билетъ, который называется: ticket of leave.

Всѣ эти законоположенія должны быть обнародованы въ промежутокъ времени между окончаніемъ и возобновленіемъ полевыхъ работъ, т. е. въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ: Ноября, Декабря, Января и Февраля (для сѣверныхъ губерній осенью—ранѣе, а весною позже—для южныхъ.)

Съ этого времени зачислится и періодъ *срочно-обязаннаго положенія*. (1) Съ этого же времени крестьяне будутъ уже выкупать у помѣщиковъ земли подъ гарантіею правительства, которая дастся не иначе какъ цѣлому обществу.

Во все время срочно-обязаннаго періода надѣлъ крестьянъ землею долженъ оставаться безъ измѣненія; повинности должны быть облегчены; при выкупѣ же земли, надѣлы могутъ быть измѣняемы, но во всякомъ случаѣ на основаніи высочайшихъ рескриптовъ, т. е., чтобы крестьянинъ имѣлъ достаточно земли или угодій для своего прокормленія и для уплаты всѣхъ своихъ повинностей.

Если выкупъ земель не будетъ обязательенъ, то чрезъ три года всѣ повинности помѣщикамъ должны быть регулированы по каждому уѣзду, и обязательный трудъ долженъ быть окончательно переведенъ на оброкъ.

За тѣмъ обязательный трудъ навсегда уничтожится и замѣнится вездѣ трудомъ свободнымъ. (При неимѣніи у крестьянъ денегъ для уплаты оброка, они могутъ зарабатывать свой оброкъ наемнымъ трудомъ, получая отъ помѣщика, въ погашеніе своего оброка марки).

Доколѣ деревня исправляетъ обязательныя повинности помѣщику, оброкомъ или трудомъ, она находится въ срочно-обязанномъ положеніи.

Когда, или разомъ, или въ нѣсколько лѣтъ, деревня вполне выкупится, т. е. когда она перестанетъ платить оброкъ и помѣщику и правительству, (о семъ объяснено будетъ ниже), тогда она дѣлается уже окончательно свободною и исполняетъ однѣ только повинности государственныя и общественныя.

Такая деревня можетъ заявить свое желаніе раздѣлить свои угодья въ потомственное владѣніе между своими сочленами и раздѣлъ этотъ совершается, если правительство признаетъ подобную мѣру своевременною. Въ такомъ случаѣ хозяйственная община деревни уничтожается, община же административная должна остаться навсегда. (2)

Примѣчаніе. Выкупъ усадьбы, при соединеніи съ нимъ выкупа полевой земли и другихъ угодій, перестаетъ уже составлять значеніе въ крестьянскомъ вопросѣ; въ такомъ случаѣ продажа усадебнаго участка безъ полевой земли не должна уже быть для помѣщика обязательна, а потому было бы несправедливо и помѣщику брать съ крестьянина за пользование усадьбою какіе-либо проценты, кромѣ тѣхъ усадебъ промышленныхъ, за которыя крестьяне и нынѣ помѣщику уже платятъ.

За тѣмъ принимаю смѣлость представить мои соображенія и о выкупѣ крестьянамъ поземельной собственности.

Главная идея выкупа должна, по моему убѣжденію, состоять въ томъ, чтобы крестьяне по *любвиному соглашенію съ помѣщикомъ о выкупѣ земли, заплатили за нее оброкомъ, не превосходящимъ ихъ повинностей*.

(1) Изъ всего финансоваго проекта Ростовцева явствуетъ, что срочно-обязаннаго положенія не нужно; за чѣмъ же не отвергнуть его откровенно? Но мы еще возвратимся къ этому вопросу.

(2) Правительству въ этомъ случаѣ нельзя брать никакой инициативы; всякая инициатива была бы пасивна. Этотъ вопросъ должны поднять и рѣшить сами крестьяне. Правительство должно отказаться отъ всякаго права подстрѣкать, если крестьяне не требуютъ раздѣла, или отказывать, если требуютъ. По меньше управленія! Народное чутье лучше знаетъ свою пользу чѣмъ всякое правительство.

Выкупъ немедленный и оозательный былъ бы наиболее полезнѣйшій, еслибы только былъ онъ признанъ возможнымъ и справедливымъ; этимъ Россія избѣгла бы труднаго для нея періода срочно-обязаннаго положенія и не было бы надобности въ учрежденіяхъ новыхъ уѣздныхъ присутствій. (3)

Норма выкупа можетъ быть опредѣлена или: 1, стоимостію отводимой крестьянамъ земли (въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ), или 2, капитализаціею облегченнаго оброка (въ промышленныхъ имѣніяхъ). (4) Во всякомъ случаѣ съ выкупной суммы крестьяне выплачиваютъ ежегодно 6% правительству; 5% правительству выдаетъ помѣщику, 1% для погашенія. Напримѣръ, если отдѣленные крестьянамъ угодья будутъ оцѣнены въ 100,000 р. с., крестьяне платятъ оброку 6,000; изъ нихъ 5,000 поступаютъ помѣщику; 1,000 на погашеніе.

Оброкъ съ крестьянъ собираетъ само правительство по примѣру сбора податей. (5)

На долженствующія быть недоимки правительство предлагаетъ ежегодно на опредѣленное число лѣтъ 15 мил. р.

Денежную сумму, слѣдующую помѣщику за отходящій крестьянамъ поземельный надѣлъ, правительство выдаетъ ему *пяти-процентными облигаціями* въ 1,000 р. каждая.

(3) Вотъ оно опять срочно-обязанное положеніе. За чѣмъ же генералъ не ратуетъ противъ него рѣшительнѣе? Онъ самъ видитъ въ немъ только вредъ, вредъ неопредѣленныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами, вредъ повыхъ уѣздныхъ присутствій—и весь этотъ вредъ для того, чтобы учредить вещь ненужную, противную смыслу всякой общей финансовою мѣры. Гораздо труднѣе учредить срочно-обязанное положеніе, чѣмъ устранить его. Это ясно какъ дважды два четыре. Если генералъ взялся за прямой путь пусть бы и шелъ прямо безъ боязни.

(4) А что такое будетъ значить этотъ облегченный оброкъ? Кто опредѣлитъ его? на какомъ основаніи? Противъ самой мысли мы не станемъ спорить; она можетъ и не создѣмъ справедлива, но удобно распутываетъ гордиевъ узелъ. Только все же надо приблизиться до возможной, относительной справедливости. Если вы возьмете maximum и minimum оброковъ существующихъ въ уѣздахъ и ихъ среднюю цифру, —это будетъ очень несправедливо, потому что maximum оброковъ относится къ величайшей уродливости помѣщичьяго произвола. Если вы возьмете minimum, то это будетъ справедливѣе; но вы увидите что прежде чѣмъ приступить къ дѣлу—помѣщики нарицательно возвысятъ оброкъ, чтобы скрыть minimum, чтобы выдать передъ правительствомъ почти maximum оброка за minimum. Взаимное соглашеніе все зависитъ отъ устройства третейскихъ судовъ; если крестьянскіе выборы членовъ этихъ судовъ будутъ совершаться подъ влияніемъ помѣщиковъ, или чиновниковъ, которые ближе къ интересамъ помѣщичьимъ чѣмъ къ крестьянскимъ, и если крестьяне не будутъ имѣть права назначать членовъ суда иначе какъ изъ дворянъ или чиновниковъ, то вся невыгода падетъ на крестьянъ и дѣло будетъ безконечно далеко отъ справедливости. Это также паводитъ на мысль о вредѣ срочно-обязаннаго положенія: для того, чтобы третейскіе суды были возможно справедливы, надо чтобы крестьяне были уже независимы отъ власти и влияния помѣщиковъ, прежде избранія членовъ третейскаго суда. Правительство должно быть страшно осторожно въ учрежденіи третейскихъ судовъ. Они могутъ быть благотельны, если крестьянскіе выборы будутъ свободны, т. е. дѣланы не изъ подъ палки и равно изъ всѣхъ сословій; и будутъ гибельны, если въ выборѣ войдетъ насиліе, и избраніе ограничится средою дворянско-чиновничьюю.

(5) По примѣру сбора податей дѣло невозможное. Надо чтобы правительство дало право общинамъ выбрать своихъ сборщиковъ и внести оброкъ въ казначейства въ сроки, которые крестьяне сами назначатъ, потому что крестьяне назначатъ тѣ сроки, когда они бываютъ при деньгахъ, и тогда ни недомокъ, ни притѣсненій не будетъ. Если же по примѣру сбора податей, то мы знаемъ эти примѣры: это или страшныя недоимки, или обливаніе холодной водой на морозѣ—какъ то было въ 1857 году въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, въ благославенное время и понынѣ царствующаго Муравьева-вѣшателя; или и то и другое вмѣстѣ, то есть и недоимка и тиранство, что теперь въ государственныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ повсемѣстно, потому что чиновникамъ, видя притѣсненіе крѣпостныхъ крестьянъ, покаместъ совѣстно отстать, и въ свой чередъ не душить казенныхъ.

Примѣчаніе Если предоставляемая крестьянамъ угодья будутъ оцѣнены менѣе 1,000 р. или въ нѣскольکو тысячъ съ сотнями и десятками, то облигаціи могутъ быть выдаваемы на сумму и менѣе 1,000 р.

Проценты по облигаціямъ получаютъ владѣльцами изъ ихъ уѣздныхъ казначействъ.

По выдачѣ этихъ облигацій, крестьяне съ ихъ надѣломъ, перестаютъ быть отъ помѣщика въ зависимости и становятся самостоятельными его сосѣдями.(6)

Когда помѣщикъ и крестьянское общество, по добровольному согласію,(7) пожелаютъ совершить выкупъ, то они должны заявить это желаніе уѣздному присутствію, представивъ ему предлагаемыя тою и другою стороною условія выкупа (т. е. количество и оцѣнку выкупленныхъ угодій.) Если эти условія согласны между собою, то Присутствіе ихъ утверждаетъ, но все-таки въ такомъ только случаѣ, если они обеспечиваютъ правительство въ возможности исправной уплаты крестьянами наложеннаго на нихъ оброка. Если-же условія, предлагаемыя и крестьянами и помѣщикомъ, различны, то вопросъ долженъ быть рѣшенъ избраннымъ тою и другою стороною *третейскимъ судомъ*, рѣшеніе котораго на томъ же основаніи утверждается Уѣзднымъ Присутствіемъ.(8)

Правила о составѣ и избраніи такихъ третейскихъ судовъ должны быть обужены особо и составить отдѣльное дополнительное положеніе.

Еслибы дворяне цѣлой губерніи или всего уѣзда пожелали выкупа,(9) то условія такого выкупа также должны быть разсматриваемы по уѣздамъ и утверждаемы по тѣмъ же правиламъ уѣздными присутствіями.

Погашеніе облигацій должно производиться посредствомъ тиража изъ взимаемаго 1% погашенія, а также по усмотрѣнію правительства, изъ остающейся за покрытіемъ недоимокъ суммы (15 мил.), ассигнованной правительствомъ на обеспечение выкупной операціи.

Уважительныя недоимки съ крестьянъ, которыхъ поземельный надѣлъ будетъ выкупленъ облигаціями правительства, добиваются въ послѣдствіи; такіе крестьяне продолжаютъ выплачивать правительству свой обязательный оброкъ на столько годовъ далѣе — крестьянъ исправныхъ, во сколько можетъ быть покрыта накопившаяся на нихъ недоимка.

Сумма, уплачиваемая помѣщику за отходящія отъ него угодья, раздробляется на облигаціи за тѣмъ, чтобы они имѣли свободный сбытъ и немедленно могли доставить помѣщику деньги, необходимыя ему при измѣненіи хозяйственныхъ условій его имѣнія; не раздробляются же они на части болѣе мелкія для того, чтобы не получили опѣ характера обыкновенныхъ ассигнацій.(10)

(6) Видите, что дѣло рѣшается тотчасъ; за чѣмъ же срочно-обязанное положеніе? . .

(7) Ну—а если помѣщикъ вовсе не хочетъ, то добровольнаго согласія и не будетъ, и крестьяне останутся крѣпостными? Очевидно, что это добровольное согласіе должно быть насильственнымъ, т. е. что манифестъ долженъ предписать — приступить къ добровольному согласію.

(8) А если уѣздное присутствіе не утвердитъ? Поймите спервоначала, что рѣшенія третейскаго суда должны быть непреложны, чтобы имѣть силу, иначе уѣздное присутствіе, котораго смыслъ намъ неизвѣстенъ, будетъ апелляціоннымъ присутственнымъ мѣстомъ, и вы должны будете или изъ третейскаго суда сдѣлать шутку, или составить еще третейскій судъ между первымъ третейскимъ судомъ и уѣзднымъ присутствіемъ.

(9) Да они должны быть обязаны пожелать, иначе не будетъ освобожденія.

(10) При различіи исхода, точки отправленія облигацій, которыя въ сущности выдаетъ не правительство, а крестьянское сословіе за поручительствомъ правительства,—едва ли это сомнѣніе имѣетъ мѣсто.

При изложенномъ выше финансовомъ расчетѣ никто, смѣю думать, не потеряетъ :

1, Крестьяне сдѣлаются поземельными собственниками за свой обыкновенный оброкъ, въ теченіе 37 лѣтъ, а можетъ быть и ранѣе.

2, Помѣщики, при умѣренной и временной потерѣ, пополняютъ ее :

а) Тѣмъ, что весь оброкъ, слѣдующій имъ съ крестьянъ, будутъ получать бездоимочно и въ опредѣленный срокъ, а чрезъ нѣкоторое время получаютъ разомъ и всю сумму, въ какую оцѣнены отошедшія къ крестьянамъ угодья.

б) Если же не захотятъ дожидаться погашеній облигацій, то могутъ ихъ продавать, ибо, конечно, найдутся охотники получать на свой капиталъ 5%;

с) Освобожденная отъ крестьянъ земля немедленно и значительно въ цѣнѣ возвысится, и свободный трудъ для помѣщика будетъ гораздо выгоднѣе труда обязательнаго;

д) Помѣщикъ будетъ избавленъ отъ тѣхъ пособій крестьянамъ, которыя онъ производилъ имъ дотолѣ на основаніи условій крѣпостнаго права.

3. Оцѣнка выкупа одиннадцати милліоновъ крестьянъ съ поземельнымъ ихъ надѣломъ должна простираться до одного милліарда р. с., (11) а ежегодный за сіе оброкъ крестьянъ, до 60 милліоновъ р. с. Пятнадцать милліоновъ р. с. должны обеспечивать всѣ недоимки; если недоимки, какъ должно несомнѣнно надѣяться, будутъ значительно менѣе $\frac{1}{4}$ всего крестьянскаго сбора, то правительство остатками отъ ассигнованныхъ на покрытіе ихъ 15 мил. съ первыхъ же годовъ можетъ выкупить столько облигацій, что успѣлъ всей финансовой операціи мало-по-малу будетъ обеспечиваться остающимися въ рукахъ правительства полными 6% процентами выкупленныхъ на правительственныя суммы облигацій. Тогда и 15 милліоновъ, ежегодно ассигнуемыхъ правительствомъ на операцію, окажутся по истеченіи нѣкотораго числа лѣтъ уже излишними и обстоятельства покажутъ, нужно-ли будетъ употребить ихъ на ускорѣніе выкупа или дать имъ другое назначеніе.

4. Правительство, жертвуя въ годъ 15 милліоновъ (вѣроятно значительно менѣе), всѣ эти деньги доберетъ съ крестьянъ въ послѣдствіи, а еслибы и не добрало вполнѣ, то потери для государства не будутъ, ибо въ этомъ случаѣ деньги народа пойдутъ на пользу того-же народа.

5. При этой системѣ не нужно будетъ никакого поваго займа и никакого увеличенія ассигнацій, или облигацій безпроцентныхъ, или незагарантированныхъ; по этому можно надѣяться, что финансовый кредитъ Россіи останется въ нынѣшнемъ нормальномъ его положеніи.(12)

Пыль правительство уже отложило въ пользу крестьянскаго вопроса 7 милліоновъ, (3 милліона отъ вищыхъ откуповъ и 4 мил. 225,000 отъ государственныхъ имуществъ); съ 1860 ежегоднаго дохода отъ государственныхъ имуществъ поступитъ еще на полтора милліона : слѣдственно съ будущаго года и на неопредѣленное время, правительство имѣетъ уже въ своемъ

(11) Цифры и даже метода всѣхъ проектовъ замѣчательно сходятся. Но мы снова рекомендуемъ публикѣ и правительству расчетъ V книжки Русскихъ Голосовъ, какъ болѣе вѣрный и болѣе легкій для крестьянъ въ уплатѣ процентовъ.

(12) Даже увеличится, потому что силы и производительность народныя увеличатся.

распоряженіи по 8 мил. 725,000 въ годъ. Смѣло вѣрую, что остальные 6 мил. 275,000 набрать будетъ не трудно.

Впрочемъ еслибы эти 6 миліоновъ и составляли ежегодный государственный дефицитъ, то это болѣе 3 или 4 лѣтъ продолжаться не можетъ; 24 милліона дефицита за разрѣшеніе такого жизненнаго для Россіи вопроса — жертва слишкомъ маловажная, чтобы дорожить ею.

Выкупъ крестьянамъ земель въ свою собственность необходимъ; безъ него освобожденіе крестьянъ совершиться не можетъ; чѣмъ скорѣе онъ произойдетъ, тѣмъ Россія будетъ спокойнѣе и счастливѣе. (13)

Но какой бы проэктъ выкупа ни былъ принятъ, для совершенія его необходимо, чтобы кредитныя наши учрежденія были состоятельны, ибо изъ нихъ неминуемо будутъ вынуты значительныя вклады денегъ. Подписалъ:

I. Ростовцевъ.

14, Февраля 1859.

Очевидно въ финансовомъ проэктѣ Ростовцева главную роль играетъ третейскій судъ и добровольное соглашеніе крестьянъ и помѣщиковъ. Задача трудная: при не согласіи поручить дѣло дворянамъ — надуютъ крестьянъ; поручить дѣло чиновникамъ — надуютъ обѣ стороны вообще, а крестьянъ въ особенности. Крестьяне всего менѣе надуютъ бы помѣщиковъ и взяли бы себѣ то слѣдуетъ по совѣсти, и даже цѣну положили бы настоящую; по помѣщики этому не повѣрятъ, хотя мы въ этомъ совершенно убѣждены. И такъ третейскій судъ! Но третейскій судъ, въ такпхъ сложныхъ вопросахъ, не можетъ состоять изъ одного лица, а изъ нѣсколькихъ, которые должны въ извѣстный срокъ дойти до единогласнаго рѣшенія; третейскій судъ не можетъ состоять изъ однихъ помѣщиковъ: крестьяне должны имѣть право выбирать судей изъ всѣхъ сословій и случаи отвода избираемыхъ, съ обохъ сторонъ, должны быть опредѣлены закономъ, иначе отводъ не принимается. Напримѣръ: крестьянинъ можетъ отвести отъ третейскаго суда помѣщика, извѣстнаго по жестокому обращенію съ крѣпостными, чиновника, уличеннаго въ кражѣ и т. п. Помѣщикъ имѣетъ право отвести купца, или крестьянина, съ которыми онъ имѣетъ тяжбы или личности. А голословный отводъ не принимается.

Но увы! мы переходимъ къ напечатанному проэктѣ Ростовцева — и найдемъ, что о третейскомъ судѣ уже и помину нѣтъ, что онъ замѣненъ однимъ мировымъ судьей изъ дворянъ.

II.

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЙ ПРОЭКТЪ

I. РОСТОВЦЕВА.

[Извлеченіе изъ всеподданнѣйшихъ писемъ, составлено и напечатано по высочайшему повелѣнію, для соображеній главнаго комитета по крестьянскому дѣлу.]*

Главному Комитету подлежатъ нынѣ къ разработкѣ два коренные вопроса, отъ которыхъ зависяетъ судьба Россіи; тутъ, иногда, повидимому, не важная ошибка можетъ разрастись въ громадныя послѣдствія.

Два вопроса эти суть: разсмотрѣніе Положеній Губернскихъ Комитетовъ и ихъ обнародованіе.

Позвольте начать съ обнародованія:

Здѣсь слѣдуетъ соблюсти непременно три условія:

1) Чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что быть его улучшился. (1)

2) Чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены.

* Мы рѣшились печатать разставленными буквами то, что въ подлинникѣ напечатано курсивомъ, а курсивомъ, то что мы сами хотѣли отмѣнить.

(13) Наконецъ-то и само правительство понимаетъ эту истину, давно бросающуюся въ глаза; еще разъ: къ чему же срочно-обязанное положеніе?

(1) Это условіе очень хорошо, но если обнародовавъ, прежде разсмотрѣнія, — станутъ насиліемъ внушать крестьянину чувство улучшенія, — онъ можетъ, разсмотрѣвъ дѣло, обпародуетъ отпоръ.

3) Чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отчего, ни на минуту же, и общественный порядокъ не нарушался. (2)

Для сего необходимо, чтобы патріархальная власть помѣщика, державшая доселѣ въ спокойствіи всю Россію, но при новомъ порядкѣ вещей уже невозможная, замѣнилась немедленно другою надежною властію, т. е. совокупными дѣйствіями міра, цомѣщика и правительства, чтобы достоинство помѣщика было въ глазахъ крестьянъ уважено и возвышено и чтобы всѣ отношенія крестьянъ и къ помѣщику, и къ мѣстному начальству, и между собою были опредѣлены и опредѣлены точно. (3)

Для достиженія всего этого, кромѣ Положеній Губернскихъ, необходимо предварительно составить и еще различныя законоположенія.

О нихъ будетъ говорено ниже.

Какъ всѣ эти, такъ и вообще всякія предположенія по крестьянскому вопросу должны быть сначала разсмотрѣны, измѣнены и утверждены только въ основныхъ чертахъ главнымъ комитетомъ; потомъ переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ, для подробнаго изложенія на основаніи не отмѣненныхъ и новыхъ постановленій; за тѣмъ провѣрены II отдѣленіемъ собственной его императорскаго Величества Канцеляріи (въ смыслѣ юридическомъ) и наконецъ представлены вновь на разсмотрѣніе главнаго комитета и высочайшее утвержденіе.

При окончательной обработкѣ этихъ постановленій должны быть принимаемы въ соображеніе всѣ полезныя мысли дворянскихъ комитетовъ. (4)

Теперь только собственно о разсмотрѣніи губернскихъ положеній.

Постановленная уже государемъ императоромъ мѣра приглашать по два депутата отъ губерній въ комиссію весьма полезна во многихъ отношеніяхъ; но она была бы еще полезнѣе, еслибы, вмѣстѣ съ ними, были въ комиссіи, въ качествѣ экспертовъ же, опытные деревенскіе хозяева, знающіе сельской бытъ различныхъ полостей Россіи, люди, не поставленные въ необходимость отстаивать односторонніе интересы помѣщиковъ своей губерніи. (5)

Избраніе И. Д. статсъ-секретаря Жуковскаго въ правители дѣлъ комиссіи превосходно; человекъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ отличный; но, при всѣхъ его способностяхъ, онъ никакъ не будетъ въ состояніи совладать одипъ съ гро-

(2) О какой сильной власти здѣсь говорится? Не о нашей ли полицейской власти? Но, она представитель общественной анархіи, а не порядка. Не искусственное поддержаніе насилія требуется; надо, чтобы порядокъ водворился самъ собою, охотно, естественно и чтобы слѣдственно присутствіе сильной власти было не нужно и лишне.

(3) Уваженіе народа можно заслужить, а предписать его нельзя; а совокупныя дѣйствія міра и помѣщика невозможны, ихъ надо оставить жить врозь, чтобы избѣгнуть вражды.

(4) Дворянскіе комитеты такъ себя выставили съ позорной стороны, что у нихъ полезной мысли искать нечего, и чѣмъ независимѣе правительство будетъ отъ ихъ мыслей, — тѣмъ лучше.

(5) Кто эти опытные эксперты? Кто удостовѣритъ въ ихъ опытности? Кто ихъ назначитъ? Правительство само не имѣетъ средствъ опредѣлить ихъ опытность. Общественное мнѣніе?.. но чье — помѣщичье или крестьянское? Последнее можетъ быть судьей въ добросовѣстности человека. А первое ни въ чемъ, потому что у самихъ дворянъ понятіе опытнаго хозяина совершенно смутно; чаще всего грабитель своихъ крестьянъ слыветъ за опытнаго хозяина.

маднымъ дѣломъ комиссiи; осмѣливаюсь полагать, что комиссiи должно помогать все министерство внутреннихъ дѣлъ.

Положеніе сначала должно быть разсмотрѣно въ министерствѣ, которое обязано повѣрить:

1) Нѣтъ ли въ немъ какихъ либо отступленій отъ законоположеній, высочайше утвержденныхъ собственно для крестьянскаго вопроса.(6)

2) Нѣтъ ли въ немъ отступленій вообще отъ духа государственныхъ узаконеній.(7)

3) Достаточно ли улучшается имъ быть помѣщичьихъ крестьянъ и въ чемъ именно?

4) Сообразно ли оно и съ тѣми постановленіями, которыя будутъ предварительно высочайше одобрены о мірской общинѣ, объ отношеніи помѣщика къ крестьянамъ и объ административной и судебной мѣстной власти.(8)

На основаніи всѣхъ сихъ соображеній, министерство, сдѣлавъ по каждому положенію всѣ свои отмѣтки, будетъ уже въ такомъ видѣ препровождать положенія въ комиссiю для окончательнаго ихъ разсмотрѣнія.

Въ комиссiи, кромѣ исправляющаго должность статс-секретаря Жуковскаго, долженъ быть ему помощникомъ и чиновникъ отъ министерства, особенно способный и знающій; онъ долженъ присутствовать при всѣхъ совѣщаніяхъ комиссiи.

Вотъ основы, которыя, по крайнему моему разумѣнію, должны быть положены для дальнѣйшаго (и спѣшнаго, и обстоятельнаго) хода работъ комиссiи.

Ни одинъ изъ способовъ, употребленныхъ въ Европѣ при измѣненіи быта крестьянъ, не можетъ быть принятъ за образецъ въ Россіи.

Тамъ заботились не объ освобожденіи крестьянъ, а о надѣленіи ихъ поземельною собственностью! Россіи же предлежать къ разрѣшенію двѣ задачи: первая—собственно освобожденіе, вторая—надѣленіе крестьянъ землею.(9)

Надѣленіе крестьянъ землею “нынѣ же”, немедленно, и комитетъ, и государь императоръ признали невозможнымъ; выкупъ земли у помѣщиковъ правительствомъ обошелся бы ему до миллиарда рублей сер. У правительства нѣтъ и малой части такихъ баснословныхъ богатствъ; выпускъ же облигацій или заемъ въ такую сумму произвели бы въ Россіи финансовую революцію; сверхъ того русскій крестьянинъ, за исключеніемъ малаго числа губерній и нѣкоторыхъ промышленныхъ мѣстностей, не понималъ бы бинорма для выкупа земли въ

(6) Этого мало: прежде всего комитетъ долженъ задать себѣ вопросъ—всѣ ли доселѣ высочайшія законоположенія для крестьянскаго вопроса справедливы, дѣльны и удобоприлагаемы, и не слѣдуетъ ли государю многое представить на измѣненіе.

(7) Духъ государственныхъ узаконеній такъ далекъ отъ духа истины, что при соображеніи новаго положенія вопросъ долженъ быть обратный: что слѣдуетъ измѣнить въ государственныхъ узаконеніяхъ сообразно съ духомъ освобожденія?

(8) Лучше всего государю кличь кликнуть, т. е. напечатать постановленія, прежде утвержденія, и дать срокъ на гласное и ничѣмъ не стѣсненное обсужденіе и тогда, сообразивъ всѣ возраженія, утвердить—постановленіе дѣйствительно обдуманное и полезное.

(9) Гдѣ же это заботились о надѣленіи крестьянъ землею кромѣ Пруссіи? Въ остальной Европѣ освобожденіе было безъ земли. Въ Россіи вопросъ земли и свободы не раздѣляемъ. Крестьяне не пойдутъ на волю безъ земли, и если они не будутъ свободными собственниками (на общинномъ или иномъ основаніи)—они забываются и отвѣтственность за кровопролитія падаетъ на правительство, которое можетъ предвратить зло, но не умѣетъ или не хочетъ.

нѣсколько десятковъ лѣтъ и сказалъ бы: “Вотъ те и свобода; оброку надбавили!”(10)

Вслѣдствіе всего этого, было рѣшено озаботиться нынѣ же исполненіемъ только первой задачи, предоставивъ самому развитію вопроса разрѣшить вторую.

Поэтому весь комитетъ единогласно положилъ и государь императоръ утвердить соизволилъ: по невозможности освободить крестьянъ ни съ землею, ни безъ земли, оставить имъ при освобожденіи ихъ дома, ихъ огороды и ихъ пашни въ “постоянное пользованіе” (до выкупа).

Этимъ сохранены крестьянину и прежній кровъ, и прежній хлѣбъ.

За тѣмъ, личная свобода (при обнародованіи положеній) должна вести крестьянина и къ свободѣ труда, какъ къ источнику и дальнѣйшаго духовнаго его развитія, и улучшенія матеріальнаго его благосостоянія.

“Безъ этихъ условій освобожденіе крестьянъ было бы только однимъ именемъ”, и потому необходимо оградить надежность этихъ условій.(11)

Для сего необходимо включить въ законоположенія объ освобожденіи крестьянъ и такіе элементы, которые постепенно, безостановочно, въ историческомъ ихъ развитіи, усиливали бы возможность крестьянамъ дѣлаться поземельными собственниками и вызвали Россію къ новой жизни безъ потрясеній государственныхъ, безъ посредничества огромныхъ капиталовъ правительства, которыхъ оно не имѣетъ и никогда имѣть не можетъ,(12) и безъ нарушенія правъ дворянъ-помѣщиковъ.

Чрезвычайно трудно интересы двухъ сословій, доселѣ жизненно-неразрывныхъ, поставить въ равновѣсіе безъ столкновений.(13) “Это самая важная задача нашего комитета”.

(10) Во-первыхъ, весь финансовый проэктъ Ростовцева протпвурѣчить этому; во-вторыхъ, никакихъ новыхъ богатствъ для немедленнаго надѣла землею не нужно, потому что количество земли, кому бы она ни принадлежала, величина постоянная, и облигація, какъ денежное выраженіе земельного капитала, не пропведутъ никакой финансовой революціи; крестьянамъ не нужно понимать никакого бинорма, потому что оброка надбавлять не нужно; а оброки не нужно надбавлять, потому что если проценты по облигаціямъ равны земельной рентѣ, то оброкъ самъ собой не надбавится.

(11) Замѣчательно то, что и при этихъ условіяхъ освобожденіе крестьянъ останется только однимъ именемъ до окончательнаго выкупа, и вмѣсто освобожденія отъ помѣщичьей власти пойдутъ безконечныя смуты и раздоры между крестьянами и помѣщиками, что доведетъ до бѣды прежде выкупа. Легче и естественнѣе начать съ выкупа, который въ видѣ правительства составляетъ цѣль, чѣмъ идти къ этой цѣли не нужною, окольной дорогой, которая скорѣе доведетъ до возстанія чѣмъ до выкупа. И что это значить оставить имъ, при освобожденіи, въ постоянное пользованіе дома, огороды и пашни? Если подъ этимъ разумѣется, что крестьяне будутъ свободны и станутъ пользоваться домами, огородами и пашнями даромъ, то лучшаго освобожденія нельзя имъ пожелать.—и тогда они могутъ толковать о свободѣ труда; а если не даромъ, то это значить, что за пользованіе они станутъ платить тѣми же оброками и барщеною, какъ платили доселѣ,—тогда гдѣ же свобода труда? Это просто пухъ, и люди остаются въ томъ же вѣрнопномъ состояніи какъ и теперь, и освобожденіе является только однимъ именемъ. За чѣмъ же фразою: свободы труда и освобожденія прикрывать гнилое statu quo? Кого это утѣшитъ? Народъ?.. Онъ фразамъ не вѣритъ. Государя? Но пора перестать его обманывать. Помѣщиковъ и сановниковъ? Да! ихъ это утѣшитъ; но не объ ихъ утѣшеніи идетъ рѣчь, рѣчь идетъ о спасеніи Россіи, которая, безъ немедленнаго выкупа, вслѣдствіе громкихъ фразъ и плохаго дѣла, доидетъ до кровопролитія.

(12) И которыхъ для выкупа ему имѣть не нужно.

(13) Эти интересы не жизненно неразрывны, а насильственно неразрывны; ихъ надо раздѣлить, и тогда, и только тогда никакихъ столкновений не будетъ.

Въ послѣдующемъ изложеніи я старался приготовить только канву, т. е. изобразить только характеръ и духъ законодательства: эти главные черты потребуютъ еще большаго развитія въ подробностяхъ.

Начала *эти* или *какія либо другія* лучшія, “но только въ духѣ имъ подобныя”, могутъ дать, по моему крайнему разумѣнію и по моему глубокому убѣжденію, благополучный исходъ нашему вопросу.

Послѣдствія могутъ быть опасны, если бы подробностями изложенія нарушили коренной смыслъ главныхъ началъ. Тутъ достаточно одной необдуманной мѣры, чтобы уничтожить или помѣщика, или свободу крестьянъ. И нравы, и обычай и мѣстныя условія чрезвычайно въ Россіи различны; для всѣхъ странъ нашего отечества общіе коренные законы могутъ быть равно пригодны и полезны, но постановленія подробныя и мѣлочныя по мѣрѣ всѣмъ не придутся и произведутъ замѣшательство вмѣсто порядка и вредъ вмѣсто пользы.

И потому, смѣю повторить, надобно быть чрезвычайно осторожнымъ въ изложеніи подробностей.

Осторожность эту надобно соблюсти и въ слѣдующихъ двухъ предметахъ:

Въ постановленіяхъ для мірской общины, какъ ей въ совѣщательныхъ своихъ собраніяхъ дѣйствовать, и въ опредѣленіи рода и мѣры наказаній по приговору міра за каждый проступокъ виновнаго.(14)

И то, и другое каждая мірская община обсудитъ и постановитъ практически, лучше всякихъ законодательныхъ теорій.

Относительно наказаній осмѣлюсь еще присовокупить, что, во всякомъ случаѣ, о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: во первыхъ это было бы пятномъ настоящаго законодательства объ освобожденіи(15), во вторыхъ есть же въ Россіи мѣста, гдѣ тѣлесное наказаніе, къ счастью, вовсе не употребляется.(16)

Нѣкоторые говорятъ, что русскій мужичекъ розгу любитъ. Точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли его отъ нея отъучать?

Каждая мірская община разберетъ это сама и, конечно, опредѣлитъ мѣры исправительнаго наказанія, соображаясь съ нравственными условіями своего общества.

Сверхъ того, исправительныя мѣры, постановленныя высочайшею властію, должны, какъ и всякій законъ, дѣйствовать долгое время.

Со смяченіемъ правовъ и мѣры исправительныя сами собою должны смячаться; если же мѣры эти смячаться не будутъ, не будутъ смячаться и нравы.

(14) Правительство можетъ опредѣлить родъ и мѣру наказаній ради двухъ важныхъ цѣлей: 1) чтобы повсемѣстно уничтожить тѣлесное наказаніе и 2) чтобы низвести наказанія до minimum'a; но бѣда правительству вмѣшаться въ постановленія—какъ община должна дѣйствовать на своихъ собраніяхъ; эту живую струну надо предоставить самому народу.

(15) Bravo!

(16) Такихъ мѣстъ нѣтъ; покрайней мѣрѣ, гдѣ нѣтъ помѣщиковъ, тамъ, въ замѣнъ ихъ, полиція и министерство государственныхъ имуществъ всюду наказываютъ тѣлесно, даже безъ особаго судебного разрѣшенія, а такъ просто—хватить кулакомъ въ рожу безотвѣтнаго человѣка, да и все тутъ, иногда даже не ради наказанія, а такъ вслѣдствіе физиологическаго устройства мускуловъ.

I.

Въ дополненіе къ прежнимъ мѣрамъ правительства необходимо постановить: “Земли, принадлежащія дворянамъ, могутъ пріобрѣтать, какъ и нынѣ, лица всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и сословія крестьянскаго; если же на сихъ земляхъ находятся водворенными крестьяне, то лица, неимѣющія права владѣть имѣніями населенными, пріобрѣтаютъ покупкою означенныя земли съ тѣмъ, чтобы, при самой покупкѣ имѣнія, крестьяне, въ ономъ водворенные, получали въ собственность и усадьбы съ огородами, гдѣ живутъ, и землю, которую для себя обрабатываютъ. Передачу сихъ усадебъ и земель въ собственность крестьянъ производить на основаніи взаимныхъ полюбовныхъ условій между сими послѣдними и новымъ владѣльцемъ имѣнія.(17)

Собственному желанію дворянъ-помѣщиковъ предоставляется заключать съ крестьянами, водворенными въ ихъ имѣніяхъ, подобныя же условія.(18)

Означенныя условія пишутся на простой бумагѣ, представляются черезъ уѣзднаго начальника, начальнику губерніи, разсматриваются въ губернской расправѣ и препровождаются въ гражданскую палату для написанія и утвержденія безпошлинно.

Губернской расправѣ должны быть даны въ руководство только коренныя основанія, нарушеніе которыхъ, въ огражденіе крестьянъ, не можетъ быть въ условіяхъ допускаемо.(19)

II.

Для предупрежденія волненій и бунтовъ, полезно было бы обнародовать положенія со включеніемъ въ высочайшемъ рескриптѣ слѣдующей оговорки:

Настоящее положеніе, какъ трудъ человѣческой, можетъ и *должно имѣть* свои несовершенства.(20)

Не взирая на добросовѣстность дворянства, къ которому я имѣю полную довѣренность,(21) если бы въ примѣненіи

(17) Противорѣчіе страшное! Съ одной стороны покупатель обязанъ оставить крестьянамъ въ собственность усадьбу, огороды и пашню, съ другой стороны онъ передаетъ имъ эту собственность на добровольныхъ условіяхъ. Тутъ единственно возможный хорошій случай, это когда крестьяне упростили кого нибудь купить имѣніе и тѣмъ освободить ихъ отъ помѣщика; но такой случай повторится не часто; гораздо чаще это положеніе поведетъ къ тому, что помѣщикъ, которому нужны деньги, при пособіи старыхъ и новыхъ чиновниковъ, принудитъ крестьянъ къ добровольному согласію съ покупщикомъ и крестьяне освободятся на самыхъ тягостныхъ условіяхъ, да еще, покуда они станутъ отиѣкиваться, ихъ обвинятъ въ бунтѣ и передерутъ. А всего чаще это положеніе поведетъ къ тому, что продажа и покупка имѣній будетъ невозможна, потому что капиталисты не станутъ напрашиваться на дразни. Очевидно—эта предупредительная мѣра къ общему освобожденію, какъ всякая полу-мѣра, останется бесплодною.

(18) А если помѣщики не хотятъ, то могутъ и никакихъ условій не заключать? На какомъ же основаніи начнется освобожденіе, если оно не будетъ понудительно правительственною мѣрою?

(19) Никакое руководство губернской расправѣ не можетъ служить къ огражденію крестьянъ тамъ, гдѣ вся совокупность, весь духъ предполагаемаго положенія,—нисколько не ограждаетъ ихъ.

(20) Можетъ имѣть и имѣеть—это несомнѣнно. Но почему же должно имѣть? Что за странная обязанность? И какъ подобная оговорка предупредитъ волненія и бунты? Совершенно не понятно! Не оговорки предупреждаютъ бунты, а дѣйствительныя льготы, дѣйствительное освобожденіе. Никакія оговорки не спасутъ отъ кровопролитія, если освобожденіе будетъ мнимое.

(21) Неужели положенія губернскихъ комитетовъ еще не поколебали этой довѣренности? Мы не можемъ въ этомъ согласиться съ Ростовцевымъ и не предполагаемъ въ государѣ подобной слѣпоты; если же это фраза, то мы не видимъ никакой надобности государю быть неискреннимъ. Неискренность въ такомъ важномъ дѣлѣ—будетъ гибель.

положенія этого на мѣстѣ встрѣтились, вопреки желанію дворянства и желанію моему, какія либо неудобства, то есть: если бы состояніе крестьянина въ повинностяхъ его, какъ личныхъ, такъ и денежныхъ, не улучшилось противу прежняго, то мірской общинѣ предоставляется право входить о томъ немедленно съ жалобою прямо къ начальнику губерніи или къ начальнику уѣзда, какъ міръ пожелаетъ. Жалоба эта разсматривается или въ губернской, или въ уѣздной расправѣ, по свойству дѣла или по опредѣленію губернатора.(22) Если дѣло касается одного или нѣсколькихъ крестьянъ, то вопросъ разрѣшаетъ окончательно уѣздная расправа.

Если дѣло относится до одной деревни или до нѣсколькихъ деревень, то вопросъ разрѣшаетъ губернская расправа. Дѣло цѣлаго уѣзда разрѣшаетъ временный генералъ-губернаторъ, а дѣло всей губерніи представляетъ министръ внутреннихъ дѣлъ на мое усмотрѣніе.(23)

О всѣхъ сихъ рѣшенныхъ вопросахъ, возбужденныхъ *буквою* новаго положенія, губернаторъ еженедѣльно представляетъ краткую *меморію* въ министерство внутреннихъ дѣлъ".

Признаю необходимымъ, нынѣ же, немедленно, увѣдомить всѣ губернскіе комитеты, чтобы при представленіи своихъ положеній, они объясняли подробно, чѣмъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ улучшится, объявивъ имъ, что въ справедливости ихъ показаній государь императоръ вполне полагается на ихъ дворянскую честь.(24)

III.

Стараться, чтобы, до присылки въ губерніи утвержденныхъ положеній, новыя власти были уже на мѣстѣ; если же гдѣ водворить ихъ еще не успѣютъ, то, до установленія этихъ властей, оставлять все въ существующемъ порядкѣ.(25)

Пребываніе уѣзднаго начальника въ своемъ уѣздѣ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, необходимо.

IV.

Предстоитъ къ обсужденію важный вопросъ:

Обнародовать ли положеніе за положеніемъ каждой губерніи отдѣльно, или всѣ положенія вмѣстѣ, для сличенія единства системы и коренныхъ постановленій и для употребленія лучшихъ мыслей каждой губерніи на пользу всѣхъ?(26)

(22) Опять судебная власть въ рукахъ губернатора! Долго ли же будетъ существовать это безумное и гибельное кровосмѣшеніе властей? Жалоба разсматривается по свойству дѣла или по опредѣленію губернатора! Что такое свойство дѣла? Совершенно непонятно! Цѣнность что ли? Такъ такъ и говорите. А губернаторъ, играющій въ гражданскомъ дѣлѣ роль большого журу въ уголовныхъ дѣлахъ! Что за отсутствіе всякихъ юридическихъ понятій! Когда же они поймутъ, что всякая жалоба должна быть принята судомъ, который и рѣшитъ справедлива она или нѣтъ.

(23) Такимъ образомъ вѣчный губернаторъ имѣетъ право опредѣлить должно ли начаться дѣло, которое рѣшитъ временной генералъ-губернаторъ. Что за юридическое кровосмѣшеніе!

(24) Мы думаемъ—гораздо лучше положиться на критку здраваго смысла.

(25) Можно отмѣнить нѣсколько старыхъ властей, но безъ сомнѣнія новыхъ административныхъ властей никакнхъ нельзя вводить въ губерніи до совершеннаго преобразованія администраціи, о которомъ рѣчь можетъ быть только по утвержденіи выкупа и освобожденіи крестьянъ. Теперь же введеніе новыхъ административныхъ властей сверхъ старыхъ, будетъ рѣшительнымъ вредомъ для России и до добра не доведетъ.

(26) Мы думаемъ, что и тотъ и другой способъ послужатъ не для употребленія лучшихъ мыслей, а для устраненія вредныхъ, т. е. для устраненія всѣхъ губернскихъ положеній.

Я нахожу удобнѣйшимъ способъ послѣдній.

Для приведенія же въ окончательное устройство вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, я полагаю необходимыми слѣдующія законоположенія:

I. Постановленія, которыя слѣдуетъ обнародовать одновременно съ объявленіемъ губернскихъ положеній.

- 1) О мірской общинѣ.
- 2) О правахъ и обязанностяхъ помѣщика.
- 3) Пособія крестьянамъ для выкупа земли.
- 4) Устройство бѣдныхъ дворянъ и дворовыхъ.
- 5) Льготы помѣщикамъ отъ опекунскаго совѣта.
- 6) О мировомъ судѣ.
- 7) Объ уѣздной и губернской расправахъ.
- 8) О новомъ устройствѣ земской полиціи.
- 9) Наказы начальнику уѣзда и временному генералъ-губернатору.

II. Постановленія, къ составленію которыхъ слѣдуетъ приступить нынѣ же; онѣ могутъ быть обнародованы и послѣ утвержденія положеній губернскихъ.

- 1) Положеніе объ управителяхъ.
- 2) Лѣсной уставъ, который доставилъ бы законныя и сильныя средства къ огражденію частныхъ лѣсовъ отъ расхищенія.

Въ семъ же уставѣ должны быть опредѣлены способы довольствованія крестьянъ лѣсными потребностями.

- 3) Новый уставъ о рекрутской повинности.

III. Постановленія, которыя нужно составить или пересмотрѣть вскорѣ послѣ утвержденія положеній.

- 1) Сельскій уставъ.
- 2) Новые законы о паспортахъ, при чемъ облегчить передвиженіе личное.
- 3) *Приспособленіе свода военныхъ постановленій къ новымъ условіямъ общественнаго быта.*
- 4) Соответственныя съ новыми условіями измѣненія въ сводѣ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ, полицейскихъ, о состояніяхъ и о повинностяхъ.

главныя черты законоположеній 1-го періода.

МІРСКАЯ ОБЩИНА.

Мірскую общину составляютъ крестьяне, одной или нѣсколькихъ деревень, водворенные на землѣ, уступленной помѣщикомъ въ ихъ пользованіе, за исполняемыя ими повинности помѣщику, деньгами, произведеніями земли и трудомъ.(27)

Крестьяне сіи живутъ въ усадьбахъ, которыя имѣютъ право пріобрѣсти отъ помѣщика, покупкою, въ свою собственность, по одиначкѣ или цѣлымъ міромъ(28).

Каждый крестьянинъ, безъ исключенія, долженъ быть членомъ общины, даже и владѣющій отдѣльною поемельною собственностью; но сей послѣдній исполняетъ постановленія міра только относительно повинностей государственныхъ и общественныхъ и благоустройства вообще, въ распоряженіе же его угодами міръ не вводитъ.

(27) Очевидно освобожденія нѣтъ и крестьяне остаются на томъ же оброкѣ, или на той же барщинѣ, слѣдственно въ томъ же крѣпостномъ состояніи.

(28) Тутъ уже говорится только объ усадьбахъ, а не о пашнѣ, слѣдственно помѣщикамъ будетъ выгодно заставить крестьянъ купить усадьбы яко бы по добровольному согласію, и потомъ давать имъ въ пользованіе пашню также на насильственныхъ добровольныхъ условіяхъ. Изъ этого выйдетъ вмѣсто улучшенія—ухудшеніе вмѣсто освобожденія—двойное рабство и на концѣ всего: рѣзня.

Община должна имѣть не менѣе пятидесяти семействъ.

На этомъ основаніи мѣлкопомѣстные имѣнія и каждая деревня, имѣющая нѣсколькихъ мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ, должны соединиться.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПРАВЪ И ОБЯЗАННОСТЕЙ КРЕСТЬЯНЪ.

ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ:

1) Какъ гражданина: равныя со всѣми свободными податными сословіями, личныя, по имуществу и по праву жалобы.

2) Какъ сочлена мірскаго общества: огражденіе міромъ его достоянія, надѣленіе, отъ міра же, въ пользованіе, землею и другими угодьями и право голоса на мірской сходкѣ для каждаго тяглаго крестьянина.

3) Какъ семьянина: достояніе семейства по имуществу *движимому* и недвижимому, равно и *достояніе* каждаго изъ его членовъ, есть неотъемлемая собственность семейства, принадлежащая нераздѣльно всему семейству. (29)

Для вступленія въ бракъ нужно только согласіе родителей жениха и невесты и благословеніе церкви (30)

Родители имѣютъ право выдавать дочерей въ замужство и въ чужую общину и, вообще, на сторону. (31)

Дѣвицы, неимѣющія родителей, и вдовы могутъ выходить замужъ на сторону безъ разрѣшенія міра.

Отецъ можетъ учить и воспитывать дѣтей своихъ и внѣ общины, гдѣ пожелаетъ; можетъ отдавать ихъ и въ общественныя учебныя заведенія, доступныя податнымъ свободнымъ сословіямъ; на оставленіе же сына въ мѣстѣ воспитанія внѣ общины, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, долженъ испрашивать разрѣшеніе міра. (32)

ОБЯЗАННОСТИ КРЕСТЬЯНИНА ЗАКЛЮЧАЮТСЯ:

1) Какъ гражданина: въ исполненіи общихъ государственныхъ законовъ, въ исправной уплатѣ податей и въ исполненіи повинностей государственныхъ и помѣщичьихъ. (33)

2) Какъ сочлена мірскаго общества: въ повиновеніи міру, въ содержаніи мірскихъ угодій въ порядкѣ и въ извлеченіи изъ нихъ необходимой прибыли, въ согласномъ житѣ съ сосѣдями, въ поведеніи ненарушающемъ общественную тишину и порядокъ, и въ исполненіи разлагаемыхъ отъ міра повинностей.

3) Какъ семьянина: если онъ хозяинъ, въ соблюденіи семейныхъ интересовъ и безлицепріятномъ распоряженіи трудомъ членовъ; обязанности же вообще всѣхъ крестьянъ, въ повиновеніи главѣ, или хозяину семейства, въ признаніи своего труда достояніемъ семейнымъ, въ *соблюденіи чистой нравственности, въ уваженіи властей надъ ними поставленныхъ, въ уваженіи владѣльца и начальника деревни, въ послушаніи церкви, въ любви къ Господу Богу и къ святымъ его заповѣдямъ.* (34)

(29) Слѣдственно башмаки сестры принадлежатъ брату и т. д. Эта коммунистическая теорія еще не была изобрѣтена ни въ какомъ самомъ фантастическомъ ученіи на Западѣ.

(30) Во первыхъ согласія жениха и невесты, чтобы не было насильственныхъ браковъ по произволу родителей.

(31) Если дочери согласны.

(32) Нужны условія, при которыхъ міръ не имѣлъ бы права не разрѣшать.

(33) Покаместъ будутъ повинности помѣщичьи, крестьянинъ не будетъ имѣть правъ гражданина, или эти права останутся только пустымъ названіемъ.

(34) Эти правила скорѣе относятся до священнической проповѣди, чѣмъ до опредѣленныхъ гражданскихъ уложеній.

Крестьянинъ не можетъ иначе оставить общины, какъ съ согласія міра, и обязанъ приписаться, въ то же время, или къ другой общинѣ, на чужой или своей собственной землѣ, или въ цехъ, или въ мѣщанство, или въ гильдію. (35)

МІРСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Община управляется міромъ.

Дѣйствія міра тройкія:

1) Совѣщательныя, общимъ собраніемъ міра.

2) Судебныя, посредствомъ избранныхъ добросовѣстныхъ. (36)

3) Исполнительныя, посредствомъ избраннаго старосты и его помощниковъ.

Выборы общинныхъ властей производятся міромъ.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ МІРА.

Оно состоитъ изъ всѣхъ тяглыхъ крестьянъ.

Міръ обсуживаетъ и разрѣшаетъ слѣдующіе вопросы:

1) Мѣропріятія касательно исполненія общихъ государственныхъ законовъ.

2) Раскладку податей и повинностей государственныхъ, помѣщичьихъ и общественныхъ, деньгами, произведеніями земли и трудомъ.

3) Распредѣленіе между крестьянами общественныхъ земель и угодій.

4) Назначеніе и сдачу въ рекруты. (37)

5) Принятіе мѣръ къ предупрежденію неисполненія обязанностей со стороны сочленовъ. (38)

6) Опредѣленіе мѣръ карательныхъ противъ недостойныхъ сочленовъ. (39)

7) Увольненіе крестьянина изъ общины.

8) Принятіе крестьянина или лица другаго сословія въ общество.

9) Составленіе и расходваніе общественнаго капитала.

10) Учрежденіе и содержаніе общественныхъ заведеній призрѣнія и школъ.

11) Общественныя выборы.

Наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ всѣхъ повинностей государственныхъ, помѣщичьихъ и общественныхъ принадлежитъ собственно міру, посредствомъ старосты.

(35) Тутъ главное дѣло въ опредѣленіи случаевъ, въ которыхъ міръ имѣетъ или не имѣетъ права отказать въ выходѣ изъ общины. Приписка же въ гильдію нисколько не влечетъ за собой необходимости оставлять общину. Гильдія есть только городской налогъ. Пора наконецъ дать крестьянамъ право торговать наравнѣ со всѣми не переставая быть крестьянами.

(36) Міръ имѣетъ и судебную власть, что явствуетъ уже и изъ 6 статьи слѣдующаго отдѣла подъ заглавіемъ общаго собранія міра. Въ какихъ дѣлахъ міръ имѣетъ судебную власть и въ какихъ поручаетъ ее выборнымъ судьямъ (добросовѣстнымъ)—это рѣшить надо предоставить самимъ крестьянамъ и ихъ обычаю. Въ этомъ случаѣ всякая предписанная программа только запутаетъ крестьянъ, поставитъ ихъ въ распрю съ чиновниками и подастъ поводъ къ безконечнымъ притѣсненіямъ со стороны послѣднихъ.

(37) Рекрутскій уставъ долженъ быть измѣненъ и опредѣленъ прежде чѣмъ дать міру власть назначенія въ рекруты. Даже и міру нельзя дать этой произвольной помѣщичьей власти, которой уродливостъ уже такъ давно оскорбляетъ нравственное чувство русскаго человѣка.

(38) Это неясно и можетъ подать поводъ къ большому притѣсненіямъ лица міромъ, поводъ къ наказаніямъ прежде преступленія.

(39) Случай, подлежащій наказанію, и мѣра наказанія должны быть опредѣлены закономъ. Тутъ міръ играетъ роль и присяжныхъ и судьи; если онъ будетъ имѣть право найти вину и избрѣсти мѣру наказанія произвольно, то путаница наказаній будетъ страшная. И что такое: недостойный сочленъ? Міръ можетъ обсуживать вину и преступленіе, т. е. фактъ, а не голословное понятіе достоинства и недостойности.

Мір за каждаго крестьянина отвѣчаетъ круговою порукою.(40)

Увольненіе изъ общины зависитъ отъ міра безъ участія помѣщика, съ тѣмъ токмо условіемъ, что міръ, относительно обязанностей и повинностей уволеннаго крестьянина къ помѣщику, принимаетъ всю отвѣтственность на себя.(41)

Всѣ временныя отлучки крестьянина изъ деревни, свыше трехъ мѣсяцевъ, разрѣшаются міромъ, болѣе краткія—старостою; паспортъ выдается старостою за его подписью, съ приложеніемъ мірской печати.(42)

Каждый крестьянинъ, исполнившій всѣ свои повинности за известное время впередъ, *можетъ*, на все это время, быть уволенъ въ отлучку, безпренятственно.(43)

Рекрутская повинность исполняется на известныхъ правилахъ по приговорамъ міра.(44)

Когда крестьянинъ перейдетъ изъ одного имѣнія въ другое, то онъ, тогда же, перечисляется изъ общины въ общину и рекрутскую повинность несетъ по новой общинѣ, а не по старой, въ которой, пропорціонально сему, уменьшается и число рекрутскихъ долей.

За неисполненіе своихъ обязанностей міръ подвергается и отвѣтственности, а именно:

а) Съ цѣлаго міра можетъ быть назначенъ денежный штрафъ:

1) Въ возмездіе помѣщику, за несправное или несвоевременное исполненіе крестьянами обязательныхъ для нихъ на помѣщика работъ, или за неуплату ими своевременно слѣдующаго ему оброка,(45) или за потраты къмъ либо изъ сочленовъ общины угодиі помѣщика, или за утрату его имущества.(46)

Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ міръ заплаченный имъ

(40) Понятія круговой поруки еще требуетъ уясненія. Если міръ отвѣчаетъ, то онъ имѣетъ право и взыскивать съ лица, какъ должника міру. Кромѣ тѣлеснаго наказанія, которое правительство обязано не дозволить, средства взысканія могутъ быть определяемы только самимъ міромъ отъ денежныхъ штрафовъ до изгнанія изъ общины (остракизмъ). Изгнаніе же не должно быть именно ссылкой въ Сибирь, а необходимо для несостоятельнаго или самому, въ известный срокъ, прискаты себѣ иное жительство, или отдалъ свое переселеніе на выборъ правительственной администраціи. Но съ изгнаніемъ всякіе штрафы прекращаются, потому что усадьба и земельный надѣлъ уходящаго остается въ распоряженіе общины. Всего опаснѣе въ положеніяхъ о круговой поруцѣ, чтобы лицо было обязано не только передъ міромъ, но и передъ правительствомъ; кромѣ грехи двойной отвѣтственности лица, это повлекло бы непрерывныя вмѣшательства правительственной администраціи въ общественныя мірскія дѣла, что совершенно спутало бы всѣ мірскія распоряженія и дало бы поводъ къ полицейскому насилию и взяткамъ. Если лицо отвѣтственно передъ міромъ, то администрація отнюдь не должна положительно вмѣшиваться въ общинныя распоряженія; ея дѣло только отрицательное наблюденіе за неупомянутыми тѣлесныхъ наказаній по денежнымъ взысканіямъ, т. е. по гражданскому дѣлу. Мы надѣемся, что тѣлесныя наказанія со временемъ будутъ взяты и изъ уголовного свода и изъ полицейскихъ постановленій; но это вопросъ послѣдующій.

(41) Еслибы вмѣсто конституціоннаго помѣщика прямо приступить къ выкупу, то этой предварительной мѣры и не нужно бы.

(42) Міръ не можетъ задерживать, безъ особыхъ определенныхъ причинъ, ни на короткій ни на долгій срокъ. Мы не станемъ здѣсь распространяться о теоріи паспортовъ; это тоже вопросъ послѣдующій.

(43) Не можетъ, а долженъ быть уволенъ, если хочетъ идти.

(44) Нельзя понять о чемъ идетъ рѣчь. Какъ бы коротокъ ни былъ срокъ службы, система рекрутства можетъ быть только чередовая, и міръ въ этомъ случаѣ только разбираетъ чередъ; а все же не можетъ произвольно отдавать въ рекруты.

(45) Это новая система крѣпостнаго состоянія, а не освобожденіе.

(46) Это относится къ законамъ о воровствѣ; тутъ міръ не можетъ отвѣчать за лицо.

штрафъ взыскиваетъ самъ съ виновнаго. Количество суммы всѣхъ этихъ штрафовъ опредѣляется мировымъ судьей.

2) Для пополненія сельскихъ магазиновъ, въ случаѣ недостатка узаконеннаго количества хлѣба.(47)

3) Въ возвратъ слѣдующихъ земской полиціи денегъ, если она будетъ вынуждена необходимостью произвести на свой счетъ общественныя работы, лежація на обязанности міра и имъ своевременно неисполненныя.(48)

б) За *общій развратъ и буйство*—высылка на государственныя работы, срокомъ на два и до шести мѣсяцевъ отъ 2-хъ до 5-ти крестьянъ со ста, по жеребью.(49)

в) Водвореніе порядка въ общинѣ военною силою.(50)

Всѣ сіи взысканія (кромѣ взысканія по пункту 1-му) налагаются по распоряженію уѣзнаго начальника.

Мѣры карательныя за преступленія уголовныя опредѣляются и приводятся въ исполненіе на основаніи существующихъ уголовныхъ законовъ.

Добросовѣстные избираются міромъ изъ уважаемыхъ обществомъ крестьянъ въ числѣ опредѣленномъ: они міромъ же и утверждаются.

Собраиіе добросовѣстныхъ рѣшаетъ всѣ судебныя вопросы, а именно:

- 1) Мѣры исправительныя за неисполненіе обязанностей.
- 2) Споры по имуществу между сочленами.
- 3) Дозволеніе семейныхъ раздѣловъ.(51)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТАРОСТА.

Для назначенія въ старосты міръ избираетъ двухъ кандидатовъ; помѣщикъ одного изъ нихъ утверждаетъ.(52)

Въ случаѣ болѣзни или отсутствія старосты, должность его исполняетъ кандидатъ.

Староста, какъ власть исполнительная, попускаетъ каждаго:

- 1) Къ исполненію обязанностей государственныхъ, помѣщичьихъ, общественныхъ и семейныхъ.(53)
- 2) Къ исполненію приговоровъ міра и добросовѣстныхъ.

(47) Хлѣбные магазины принадлежатъ міру; надо дать ему право распоряжаться ими. До сихъ поръ они были бесполезны отъ вмѣшательства помѣщиковъ и администраціи. Пусть міръ свою экономическую часть ведетъ самъ и никакихъ штрафовъ тутъ не нужно. За непредусмотрительность—міръ и безъ того отвѣтитъ своимъ убыткомъ.

(48) Откуда можетъ выйти такой случай? Міръ можетъ принять на себя общественныя работы патурою или внести деньги на наемъ работниковъ. Земская полиція, если затратитъ больше, не имѣетъ права взыскивать. Общественныя работы могутъ быть въ сущности производимы только по подрядамъ а не самой земской полиціей. Тутъ также вопросъ: кто и какъ опредѣляетъ необходимость общественныхъ работъ? администрація, при безгласности, опредѣлитъ чортъ знаетъ что, а крестьяне заплатятъ штрафъ? Это невозможно.

(49) Случай мірскаго разврата и буйства не мыслимъ. Это non sens.

(50) А! такъ добрался же мы до военной команды и всѣхъ съ нею сопряженныхъ чиновничьихъ неистовствъ, покровительствъ грабежей и насилія, розогъ, плегей, напередъ оправданныхъ административныхъ убійствъ. Хорошо покрайней мѣрѣ, что проэктъ самъ предвидитъ, что онъ произведетъ бунты. А если предвидитъ—за чѣмъ не приступитъ къ другому проэктору, т. е. къ немедленному выкупу, который устранитъ и бунты и военныя команды?

(51) Опять повторяю: дайте міру рѣшить, случаи, которые онъ будетъ обвинять на общей сходкѣ, случаи которые поручитъ постояннымъ добросовѣстнымъ, и случаи, которые отдастъ на полюбовный третейскій судъ.

(52) Это относится къ сохраненію рабства. Развяжите крестьянина съ помѣщикомъ окончательно разомъ, иначе вы готовите страшныя бѣдствія для Россіи.

(53) Семейныя обязанности дѣло совѣсти, пожалуй священническаго назиданія, а не исполнительной власти.

Онъ взыскиваетъ за всякое неисполненіе крестьяниномъ его обязанности въ предѣлахъ своей власти.

Въ случаѣ, если бы власть его оказалась недостаточною, онъ передаетъ обстоятельство дѣла на обсужденіе добросовѣстныхъ, а иногда и цѣлаго міра, п за тѣмъ исполняетъ приговоръ.

Такимъ образомъ домашняя власть надъ лично-стью крестьянъ и надъ хозяйственнымъ ихъ бытомъ сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ.(54)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ПОМѢЩИКА.

Начальникомъ всей общины есть владѣлецъ имѣнія, на землѣ котораго община водворена.(55)

При соединеніи нѣсколькихъ мѣлкопомѣстныхъ владѣній въ одну общину, начальникомъ общины становится тотъ владѣлецъ, который владѣлъ до тѣхъ большимъ числомъ крестьянъ.(56)

При равномъ числѣ крестьянъ въ такихъ владѣніяхъ бросается между владѣльцами жеребій.(57)

Власть помѣщика состоитъ въ попечительствѣ и въ наблюденіи.

1) Ходатайство за крестьянъ вообще и отдѣльно за каждаго по нуждамъ ихъ внѣ деревни и по ихъ процессамъ.(58)

Заступничество за нихъ предъ мѣстной властью.(59)

2) Главное распоряженіе школами, больницами, богадѣльнями и т. п.

3) Главный надзоръ за своевременнымъ исполненіемъ міромъ общихъ государственныхъ повинностей (кромѣ назначенія лицъ въ рекруты и кромѣ раскладки на лица подушной подати и прочихъ повинностей).

4) Главное наблюденіе за исправнымъ состояніемъ сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, дорогъ, мостовъ, переправъ и т. д.(60)

5) Крестьянинъ на мірскія власти жалуется міру, а на міръ помѣщику.(61)

Если помѣщикъ найдетъ жалобу крестьянина справедливою,

(54) Что такое домашняя власть? Общественная власть въ общинѣ принадлежитъ міру, а домашняя власть міра была бы только мірскимъ насиліемъ надъ личностью.

(55) Не одобровать этому начальнику при такой путаницѣ отношеній; погубить онъ ни за что свою головушку. Оставьте начальникомъ общины одинъ міръ; вы этимъ спасете помѣщика отъ ножа и петли.

(56) Если уже нуженъ этотъ начальникъ, то нельзя-ли крестьянамъ его выбрать, потому что иначе помѣщикъ, у котораго на примѣръ 12 душъ, а у прочихъ по 10, можетъ быть совершеннымъ мерзавцемъ, а сдѣлается начальникомъ.

(57) За чѣмъ предоставлять судьбѣ, то что можетъ рѣшить выборъ, слѣдственно разумъ челоѣка?

(58) Это скорѣе дѣло адвокатовъ-юристовъ чѣмъ помѣщичьихъ.

(59) Такое заступничество можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ власть дѣйствуетъ противозаконно. Если она имѣетъ право дѣйствовать противозаконно, то заступничество напрасно; отнимите это право — заступничество становится лишнимъ. А хуже всего, заступничество помѣщика можетъ быть стачкою съ мѣстной властью и новымъ притѣсненіемъ. Позвольте крестьянамъ имѣть своихъ ходатаевъ, къ какому бы разряду они ни принадлежали; дайте этимъ ходатаямъ права повѣренныхъ, да дайте гласность суда; тогда дѣло пойдетъ безобидно. А заступничество помѣщика передъ мѣстной властью, когда все шито и крыто—или ничтожно, или облыжно, и дѣло сводится на пустую фразу.

(60) И міръ надзираетъ за повинностями и магазинами, и полиція надзираетъ, и помѣщикъ надзираетъ... Ну! конечно пойдутъ недоимки. Міръ только тогда и будетъ исправенъ, когда онъ будетъ самостоятеленъ, а у семи нянекъ дѣти безъ глазу.

(61) Это поставитъ крестьянъ и помѣщичьихъ въ оезкопечно враждебныя отношенія. Что за двойная аппелляція, что за умощненіе отношеній!

то его дѣло, съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, передаетъ міру для вторичнаго обсужденія.

Если и на сей разъ рѣшеніе міра будетъ несогласно съ мнѣніемъ помѣщика то какъ заключеніе міра, такъ и мнѣніе помѣщика передаются мировому судѣ, который и постановляетъ окончательное по дѣлу рѣшеніе.

Оскорбленіе помѣщика, равно какъ и члена его семейства, судится какъ преступленіе уголовное; въ семъ случаѣ оскорбленіе самаго помѣщика равняется оскорбленію отца.(62)

Въ числѣ уголовныхъ преступленій признается и злоумышленное возбужденіе крестьянъ къ неповиновенію помѣщику.(63)

Къ главнѣйшимъ степенямъ исправительныхъ наказаній принадлежатъ слѣдующіе проступки:

Умышленная грубость противъ помѣщика и его семейства.

Постоянно нерадивое исполненіе обязанностей относительно помѣщика.

Помѣщикъ имѣетъ дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей.(64)

Если опредѣленіями и дѣйствіями мірскихъ властей помѣщикъ будетъ недоволенъ, то обращается къ мировому судѣ; въ случаѣ же общихъ безпорядковъ, прямо къ начальнику уѣзда.

Если помѣщикъ не будетъ, въ надлежащее время, удовлетворенъ отъ міра всѣмъ, что ему, какъ работою, такъ и деньгами или произведеніями земли отъ міра обязательно слѣдуетъ, то онъ доводитъ о томъ до свѣденія подлежащихъ властей, которыя, равно какъ и власть исполнительная, въ мѣру справедливости требованій помѣщика, приводятъ въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ нихъ средства для законнаго и немедленнаго его удовлетворенія.(65)

Неудовольствія помѣщика на крестьянъ могутъ быть слѣдующихъ видовъ:

а) На рѣшенія и дѣйствія:(66)

1. Общиннаго міра;
2. Добросовѣстныхъ;
3. Старосты.

б) На поступки личные котораго либо изъ крестьянъ.

Помѣщикъ можетъ быть недоволенъ по слѣдующимъ причинамъ:

а) Міромъ.

1. За нерадивое наблюденіе въ исполненіи обязанностей общины къ помѣщику;

2. *За общую безправственность сочленовъ.*(67)

(62) Краснорѣчиво! Но если этотъ побочный отецъ на примѣръ треснетъ жену крестьянина въ рожу, а мужъ треснетъ этого побочнаго отца,—какъ прикажете судить крестьянина? Перестаньте же иявязываться въ отцы и позвольте судиться всѣмъ людемъ, въ случаѣ оскорбленія, гласнымъ судебнымъ порядкомъ по общимъ законамъ за оскорбленіе лица.

(63) Устраните окончательно помѣщичью власть—и вы устраните возможность этого преступленія. Къ этому же разряду относится и умышленная (!) грубость и нерадивое исполненіе обязанностей.

(64) А какъ же образомъ онъ становится по 5 статьи предыдущаго положенія судьей между лицомъ и міромъ?

(65) Это значитъ власть помѣщичья, черезъ посредство чиновничества. Двойная власть, двойное насиліе и двойной грабежъ.

(66) Если община не самостоятельна, то нечего и говорить объ освобожденіи. Все это будетъ старое крѣпостное право подъ личиною новыхъ узаконеній.

(67) Что это такое?

б) Добросовѣстными.

1. За несправедливое рѣшеніе по вопросамъ, передаваемымъ на ихъ обсужденіе отъ помѣщика ;

2. За лихоимство съ крестьянъ.(68)

в) Старостю.

1. За нерадивое исполненіе крестьянами ихъ обязанностей;

2. За безнравственное поведеніе крестьянъ ;(69)

3. За жестокое обращеніе съ крестьянами ;(70)

4. За лихоимство съ крестьянъ ;(71)

5. За завладѣніе собственностію помѣщика.(72)

г) Лично каждымъ крестьяниномъ.

1. За грубость или неуваженіе къ помѣщику, или къ его семейству ;(73)

2. За обиду помѣщицкой прислуги ;(74)

3. За потравы помѣщичьихъ угодій ;(75)

4. За утрату или порчу помѣщичьяго имущества.(76)

Недовольный міромъ, начальникъ общины выставляетъ проступки его на разсмотрѣніе мирового судьи.

Мировой судья имѣетъ право опредѣлить міру наказаніе, на основаніи §§.(77)

Наказанія эти обсуживаетъ и утверждаетъ уѣздная расправа, а приводитъ въ исполненіе начальникъ уѣзда.(78)

Недовольный распоряженіями или поведеніемъ старосты, начальникъ общины доводитъ о семъ до свѣдѣнія мирового судьи.

Мировой судья, найдя старосту виновнымъ, объявляетъ ему выговоръ или приказываетъ его наказать.

Старосту, подвергшагося два раза выговору или наказанію отъ мирового судьи, начальникъ общины, вновь имъ недовольный, можетъ смѣнить.(79)

Должность его исправляетъ временно кандидатъ и мѣсяцъ избираетъ старосту новаго на основаніи §.

(68) За это міръ ихъ отставитъ и безъ помѣщика.

(69) Гораздо чаще крестьянамъ придется жаловаться на безнравственное поведеніе помѣщика. А куда жаловаться? Кому? Мировой судья тоже дворянинъ, а гласности нѣтъ.

(70-71) За это міръ и самъ отставитъ старосту.

(72) На это есть обыкновенные суды и обычный исковой порядокъ.

(73-74) На это есть управа благочинія ; а вольная прислуга можетъ за обиду жаловаться сама.

(75-76) Дѣло обыкновенныхъ судовъ.

(77) Искренно желаемъ для благо общаго чтобъ эти §§ никогда не имѣли пумера.

(78) Мировой судья опредѣляетъ, уѣздная расправа обсуживаетъ!... Что за безконечная цѣпь уголовного суда и ни слова о первомъ основаніи возможной справедливости, т. е. о гласности суда. Все дѣло зависить отъ личности мирового судьи и тайнѣ засѣдающаго уѣзднаго comit  du salut public. Какъ же вы не видите, что вмѣсто гласности, умножая и безъ того сложный канцелярскій порядокъ судопроизводства—вы только изобрѣтаете новыхъ грабителей.

(79) Старосту избираютъ крестьяне: довольны или недовольны могутъ быть только они, и имѣютъ право смѣнить его міромъ безъ всякаго мирового судьи. За чѣмъ вмѣшивать враждебную власть какого-то уѣзднаго начальника въ сельское управленіе, которое потому только и хорошо, что просто, и потому только и можетъ отвѣчать за исполненіе государственныхъ повинностей, что просто; придайте ему чуждый элементъ, вы усложните дѣло и повинности останутся неисполненными. А если начальникъ уѣзда вретъ, то надо чтобъ мировой судья имѣлъ право и его смѣнить. Какъ же онъ будетъ судить между сторонами, изъ которыхъ одна ему подвластна, а другой онъ подвластенъ? Мировой судья очевидно подвластенъ помѣщикамъ. Во всемъ проэктѣ ни одинъ судья не можетъ произнести судъ свободно; гдѣ же тутъ возможность справедливости?

Убѣжденный въ злоупотребленіяхъ добросовѣстнаго, начальникъ общины приказываетъ міру обсудить его проступки.(80)

Исполнивъ это, міръ можетъ добросовѣстнаго смѣнить.(81)

Недовольный крестьяниномъ, начальникъ общины приказываетъ старостѣ передать вину его на обсужденіе добросовѣстныхъ. Добросовѣстные опредѣляютъ виновному степень наказанія ; староста приводитъ оное въ исполненіе.(82)

Начальникъ общины, недовольный степенью наказанія, передаетъ приговоръ добросовѣстныхъ на разсмотрѣніе мирового судьи.(83)

Мировой судья за явную несправедливость добросовѣстныхъ, какъ въ сихъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, подвергаетъ ихъ наказанію.

Три раза подвергнутые наказанію добросовѣстные смѣняются и міръ избираетъ новыхъ.(84)

Помѣщикъ имѣетъ право выслать изъ своего имѣнія крестьянина, признаннаго имъ вреднымъ и опаснымъ, на слѣдующихъ условіяхъ : (85)

1) Крестьянинъ выселяется со всѣмъ своимъ семействомъ, если женатъ, кромѣ женатыхъ сыновей и замужнихъ дочерей.

2) Семейство поселяется на казенныхъ земляхъ въ губерніи, песмежной съ губерніею, гдѣ означенный крестьянинъ имѣлъ прежде жительство

3) Расходы по переселенію взыскиваются съ помѣщика.

4) Міръ повинностей высленнаго крестьянина на себя не принимаетъ и доля сего послѣдняго въ повинностяхъ къ помѣщику исключается изъ общественной повинности крестьянъ.

И крестьяне, съ своей стороны, имѣютъ право приносить жалобу на помѣщика.

Крестьянинъ можетъ жаловаться на помѣщика только съ разрѣшенія добросовѣстныхъ, которые предварительно обсудятъ, заслуживаетъ-ли жалоба какого-либо уваженія?(86)

Жаловаться крестьянинъ можетъ, лично или чрезъ депутата отъ міра, сначала мировому судѣ, потомъ въ уѣздную, и, наконецъ, въ губернскую расправу.

О всемъ этомъ подробно изложено въ Положеніи о мировомъ судѣ и расправахъ,

Въ случаѣ дознанной несправедливости или лицепріятія помѣщика, или явной его неспособности быть достойнымъ

(80-81-82) Эти три статьи совершенно отдають крестьянскій выборъ и дѣйствія міра на произволъ помѣщика, т. е. начальника общины.

(83) Мало того что начальникъ общины играетъ роль procureur du roi, но онъ еще имѣетъ право быть недовольнымъ рѣшеніемъ крестьянскаго суда надъ крестьяниномъ. Мало де наказали! Ясно, что всѣ добросовѣстные и всѣ крестьянскіе суды пухъ, подъ которымъ кроется прежняя власть помѣщика, прежній произволъ, прежнее рабство.

(84) Въ дѣлахъ крестьянскихъ только міръ и можетъ судить добросовѣстныхъ, а не вишній мировой судья ; смѣнять добросовѣстныхъ имѣетъ право міръ, а наказывать ихъ плаче какъ по уголовному суду никто не имѣетъ права, не искажая ихъ значенія.

(85) Къ чему же освобожденіе, если всѣ варварскіе права помѣщика сохранены? Да на какомъ основаніи помѣщикъ смѣетъ признавать человека вреднымъ и опаснымъ, когда за нимъ нѣтъ никакой вины, подлежащей суду? А если есть вина—суди его по закону, а не по произволу барина.

(86) Какъ?—только съ разрѣшенія добросовѣстныхъ, выборъ которыхъ очевидно происходитъ подъ вліяніемъ помѣщика? Гдѣ-же эти равныя права крестьянъ съ другими податными сословіями? Развѣ мѣщанинъ не имѣетъ просто права жаловаться на дворянина по суду? А крестьянинъ имѣетъ право жаловаться только съ разрѣшенія. Дѣло судья разобрать кто правъ, кто виноватъ, а ограничить право жалобы—это юридическое уродство.

попечителемъ общины, уѣздная расправа, по совѣщанію съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, представляетъ о семь губернской власти, которая, на основаніи закона объ опекахъ, можетъ лишить его помѣщичьихъ *политическихъ* надъ общиною правъ и замѣнить другимъ, по назначенію уѣзднаго предводителя, помѣщикомъ, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній пользовался опредѣленною частью изъ дохода, причитающагося владѣльцу.(87)

За отсутствіемъ помѣщика входитъ въ его права, относительно мірской общины, лице, облеченное отъ него законною довѣренностію.(88)

Уѣздная расправа, по предложенію уѣзднаго начальника, или по донесенію мирового судьи, или по собственному своему убѣжденію, имѣетъ право, во всякое время, по оказавшейся неспособности, смѣнить управляющаго.(89)

Уѣздный начальникъ обращается въ семь случаевъ, немедленно, къ уѣздному предводителю дворянства о назначеніи, вмѣсто смѣненнаго управляющаго, одного изъ дворянъ уѣзда, временно, до назначенія помѣщикомъ другаго управляющаго.

Дворянинъ, назначенный, такимъ образомъ, отъ уѣзднаго предводителя дворянства, во все время своего управленія получаетъ изъ доходовъ владѣльца надлежащее вознагражденіе.(90)

Въ предшествовавшихъ статьяхъ былъ указанъ способъ, посредствомъ котораго можно усилить для крестьянъ возможность дѣлаться поземельными собственниками, безъ потрясеній государственныхъ, безъ посредничества огромныхъ капиталовъ правительства и безъ нарушенія правъ дворянъ-помѣщиковъ. Способъ этотъ есть поставленіе въ условіе всѣмъ сословіямъ, кромѣ дворянскаго, чтобы, при покупкѣ населенныхъ имѣній, крестьяне, въ нихъ водворенные, приобрѣтали немедленно въ собственность, по обоюдному долговору съ новымъ владѣльцемъ, и усадьбы съ огородами, гдѣ живутъ, и землю, которую для себя обрабатываютъ.(91)

Собственному желанію дворянъ-помѣщиковъ предоставляется заключать съ крестьянами, водворенными въ ихъ имѣніяхъ, подобныя же условія.

Вслѣдствіе сего :

1) Выкупъ и продажу земли не дѣлать ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ обязательными, ибо большая часть

(87) Сколько многосложностей ведетъ за собой разъ принятое ложное начало. Всѣ эти многосложности и ихъ печальныя послѣдствія могутъ быть устранимы только немедленнымъ прекращеніемъ всякаго вмѣшательства помѣщика въ дѣло общины, т. е. принятіемъ истинной точки отправленія, которая и не повлечетъ за собой ни многосложностей, ни горькихъ послѣдствій. Прежде чѣмъ уѣздная расправа рѣшится дознать несправедливость и лицепріятіе помѣщика, крестьяне такъ его дознаютъ, что едва ли помѣщикъ спасетъ свою голову.

(88) И такъ даже возможность всякому дрянному нѣмцу и спившемуся камердинеру вмѣшиваться въ дѣла общины—сохранена. О улучшеніе! Тутъ помѣщикъ присылаетъ кого хочетъ управлять своимъ хозяйствомъ, хорошо ему отъ этого или худо—его дѣло; но община за что-же должна страдать при этомъ?

(89) Берегитесь—какъ бы крестьяне не смѣнили управляющаго по своему, прежде всякой уѣздной расправы.

(90) Мало того, что все это постановленіе губительно для крестьянъ, но оно и самаго дворянина отдастъ подъ опеку безъ всякаго опредѣленнаго законаго права.

(91) Эта предварительная мѣра была бы хороша тридцать лѣтъ тому назадъ; а теперь на нее досуга нѣтъ. Теперь надо приступить къ немедленному освобожденію и выкупу, если хотятъ, чтобы Россія осталась спокойною,

крестьянъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ губерній, не пойметъ, съ самаго начала, расчета выкупа въ нѣсколько лѣтъ и расчетъ этотъ сочтетъ за прибавку оброка, да и денегъ для сего, съ самаго начала, имѣть не будетъ; равнымъ образомъ не дѣлать выкупа по одной системѣ, и по одному и тому же финансовому расчету для всѣхъ, дабы не подчинить однимъ и тѣмъ же условіямъ финансовымъ разнообразныя мѣстныя условія нашего разноплеменнаго отечества, и въ томъ непреложномъ убѣжденіи, что только то создается прочно и полезно, что дѣлается сознательно, т. е. съ разумѣніемъ и съ желаніемъ.(92)

2) Землю, выкупленную въ составѣ мірской земли, крестьянинъ можетъ продать только члену того же міра; землю же, приобрѣтенную внѣ міра, можетъ продать кому пожелаетъ.

3) Дать крестьянамъ всевозможные способы къ полученію денегъ для покупки земли.

4) Стараться, сколько будетъ можно, чтобы при покупкѣ земли крестьяне выплачивали помѣщикамъ деньги сполна и немедленно и если бы оставались они, срочною уплатою, должны, то не имъ, а *кому либо другому*.(93)

Чрезъ это взаимныя отношенія и столкновенія помѣщиковъ съ крестьянами немедленно и навсегда бы прекращались;(94) крестьяне покупали бы, а помѣщики продавали землю охотнѣе, особенно сіи послѣдніе, будучи въ полной мѣрѣ въ интересахъ своихъ ограждены.

5) Поощрять всѣми мѣрами сдѣлки помѣщиковъ съ крестьянами на срочное время, и безъ посторонняго пособія.

Посредниками въ этомъ дѣлѣ могутъ быть: частію опекунскій совѣтъ, частію министерство государственныхъ имуществъ, частію приказы общественнаго призрѣнія, частію банки губернскіе, составленные изъ капиталовъ самихъ же дворянъ, наконецъ частныя общества, фондъ которыхъ обезпечивался бы денежными капиталами или недвижимыми имѣніями.(95)

(92) Во первыхъ прибавки оброка не нужно; если бы процентъ выкупа превышалъ цифру оброка, то это былъ бы не выкупъ, а грабежъ. Если же выкупная рента не превышаетъ оброка, то крестьяне и не увидятъ прибавки; денегъ же на свободѣ у нихъ будетъ не меньше, а больше. Расчетъ выкупа они поймутъ гораздо легче, чѣмъ высоко поставленнымъ сановникамъ кажется, потому что крестьяне несравненно умнѣе, чѣмъ можетъ казаться людямъ, знающимъ Россію, не выходя изъ казармы и канцелярн. Что же касается до мѣстныхъ условій разноплеменнаго отечества, при нѣкоторомъ размышленіи, можно понять, что эти мѣстности довольно хорошо опредѣляются географически—по свойству земли и по торговымъ путямъ; такимъ образомъ не мудрено увидать, что заволжскій востокъ имѣетъ свои интересы и свои цѣли на землю; край по сю сторону Волги, хлѣбопашественный, имѣетъ въ этомъ отношеніи свою очередь пенности. Донъ, пшеничная Малороссія и Новороссія свои границы. Средняя Россія, малоземельная и фабричная—свои; Западная Россія, пеньковая—свои; Сѣверная Россія, гдѣ мало и крѣпостныхъ крестьянъ,—свои. Границы мѣстностей и ихъ отношенія къ выкупу опредѣлить не такъ трудно; въ этихъ границахъ цифра выкупа можетъ варьировать, но метода выкупа должна быть одна, этому никакія границы не мѣшаютъ.

(93) Очевидно, что этотъ кто нибудь другой можетъ только быть *казначейство*, которое является посредникомъ между крестьянами и помѣщиками при выкупѣ посредствомъ финансовой операціи.

(94) Прекратить ихъ немедленно ограждая обѣ стороны, зависить отъ правительства. Горе ему если оно этого не сдѣлаетъ.

(95) Это не ясно. Какимъ образомъ напримѣръ министерство государственныхъ имуществъ будетъ посредникомъ? изъ суммъ принадлежащихъ государственнымъ крестьянамъ? Чѣмъ-же они виноваты? А если тутъ кроется мысль, уже выраженная въ проектѣ Уньковскаго, чтобы вся Россія отвѣчала за выкупъ, то мы и отъ этого совѣтъ не прочь, только не надо же, чтобы это падало на однихъ государственныхъ крестьянъ; пусть пожертвованіе

Такимъ образомъ :

1) По полюбовнымъ условіямъ крестьяне покупаютъ у помѣщика землю ; помѣщикъ получаетъ немедленно деньги изъ банка или изъ общества.

2) За тѣмъ крестьяне имѣютъ дѣло уже не съ помѣщикомъ, а съ банкомъ или съ обществомъ.

3) И банки, и общества должно имѣть отъ этой операціи извѣстный процентъ выгоды ; они должны рассчитывать и потери, могущія происходить отъ недоимокъ.

4) Уплату по условіямъ взыскиваетъ съ крестьянъ правительство такимъ же порядкомъ, какъ и подушныя подати, съ гарантіею погашенія капитала и извѣстнаго количества процентовъ.

5) И банки, и общества могутъ выдавать помѣщику, *какъ онъ пожелаетъ*, вмѣсто наличныхъ денегъ и облигаціи.(96)

6) Продаваемая крестьянамъ земли должна быть внѣ залога и никакія долговныя претензіи на прежняго помѣщика распространяться на эту землю не могутъ.

7) Опекунскій совѣтъ землю эту изъемлетъ изъ залога, съ подлежащимъ ему удовлетвореніемъ изъ суммы, получаемой помѣщикомъ за ея продажу.

8) Финансовое значеніе облигацій банковъ и обществъ, въ народѣ и на биржѣ, будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго къ нимъ довѣрія, равно какъ и пріемъ ихъ въ залогъ при казенныхъ подрядахъ.

На основаніяхъ, вообще здѣсь изложенныхъ, капиталисты, конечно, не замедлятъ пріобрѣтать поземельную собственность ; съ практическимъ умомъ своимъ они зачнутъ улучшать сельскія свои хозяйства ; помѣщики скоро увидятъ всю пользу и важность труда свободнаго и послѣдуютъ примѣру капиталистовъ, тѣмъ болѣе, что чрезъ сіе и самыя столкновенія ихъ съ крестьянами навсегда прекратятся.(97)

За тѣмъ правительство можетъ еще пособить помѣщикамъ, безъ пожертвованій, разложивъ уплату ихъ долговъ въ опекунскій совѣтъ на болѣе длинные сроки и установивъ вообще уплату эту какъ возможно льготнѣе.

Для опекунскаго совѣта трудно это не будетъ ; оцѣнка имѣній для залога вообще у насъ очень низка, а цѣнность земли постепенно и ощутительно возрастаетъ.

Сверхъ сего, правительству придется оказать помощь еще двумъ разрядамъ подданныхъ :

Одн о дв о р ц а м ъ (и вообще мѣлкопомѣстнымъ бѣднымъ дворянамъ, имѣющимъ до 20 или 25 душъ), и дворовымъ лю д я м ъ.

Платить однодворцамъ за отчуждаемыхъ отъ нихъ крестьянъ отнюдь не слѣдуетъ, ибо это оцѣнило бы крестьянина.

разпредѣлится на всѣ сословія, а тогда и помѣщики должны будутъ сдѣлать соразмѣрную уступку въ цѣнѣ земель, отходящихъ подъ выкупъ и цѣфра выкупа соразмѣрно понизится. Но какаѣ бы метода выкупа ни была принята, не лзя обойтись безъ централизаціи всей финансовой операціи, и посредничество разныхъ банковъ, обществъ и присутственныхъ мѣстъ, на разныхъ условіяхъ, запутаетъ дѣло, потому что представитъ возможность въ многихъ случаяхъ слишкомъ дорогаго выкупа, и отсутствіе метода произведетъ смуты.

(96) Слѣдственно, если помѣщики имѣютъ право пожелать звонкой монеты, то все дѣло можетъ не состояться ?

(97) Но по всѣмъ предыдущимъ статьямъ—трудъ остается не свободнымъ. Исходъ одинъ : всѣ предыдущія статьи этого “извлеченія изъ всеподданѣйшихъ писемъ”, а равно и послѣдующія—отбросить, и приняться прямо за составленіе метода выкупа. Если у Ростовцева будутъ такіе помощники, какъ было сказано въ Нордѣ, т. е. люди образованные, и понимающіе вопросъ, выборъ которыхъ принесъ бы Ростовцеву несомнѣнную честь,—то составленіе метода выкупа становится дѣломъ возможнымъ.

И потому однодворцу или бѣдному дворянину, живущему съ крестьянами такъ сказать одной семьей, надобно, смѣю думать, пособить иначе, пособить не по праву и не по обязанности, а подвигомъ монаршаго милосердія, и для того : поставивъ его съ крестьянами въ одинаковыя отношенія, какъ и всѣхъ помѣщиковъ имперіи, помочь ему не по числу душъ, а по количеству десятинъ, и выдавать ему въ видѣ пособія, въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, по нѣкоторой суммѣ съ десятины, что составитъ для правительства утрату весьма незначительную, но спасетъ однодворца отъ нищеты, а Россію отъ новаго класса пролетаріевъ.

Еще не извѣстно, что постановятъ губернскіе комитеты о дворовыхъ людяхъ.

Если бы комитеты не постановили чѣго либо лучшаго, то осмѣлюсь предложить : сравнить и двороваго человека вообще съ крестьянами, какъ и однодворца вообще съ помѣщиками, потому и полагаю :

1) Всѣхъ дворовыхъ людей приписать къ мірской общинѣ, съ тѣмъ, что они имѣютъ право изъ нея выйти и сначала, и въ послѣдствіи, безъ согласія міра, но записываясь немедленно или въ цехъ, или въ мѣщане, или въ гильдію, или переписавшись въ другую общину, гдѣ они вступаютъ уже въ общее число крестьянъ.

Право это распространяется на дворовыхъ несовершеннолѣтнихъ и на дѣтей, которые рождаются будутъ ; они поступаютъ въ число крестьянъ.

2) Помѣщикъ *можетъ оставить при себѣ дворовыхъ*, въ томъ числѣ и мастеровыхъ при домѣ или на фабрикѣ, сколько онъ пожелаетъ, или по взаимному согласію и по условленному жалованью, или по жалованью опредѣленному и на срокъ ; но люди эти все-таки *должны считаться въ составъ общины*.(98)

Для дворовыхъ людей, остающихся у помѣщика или поступающихъ въ міръ, помѣщикъ отдѣляетъ извѣстную порцію земли и устраиваетъ усадьбу.

3) Земли и усадьбы людей дворовыхъ, по выбытіи ихъ съ семействами изъ общины, возвращаются помѣщику.(99)

4) Дворовые люди, дѣйствительно поступившіе въ общину, могутъ ходить по паспорту и оброкъ платятъ міру.(100)

5) За всѣхъ дворовыхъ людей мужскаго пола свыше пятидесяти лѣтъ, а женскаго свыше сорока и за всѣхъ калекъ, немогущихъ работать, правительство платитъ міру, въ спорѣ безбѣдному ихъ призрѣнію, по 12 рублей въ годъ до ихъ смерти, и сумма сія вычитается изъ подушной подати общины.

И въ этомъ случаѣ пожертвованіе правительства будетъ незначительно ; но обеспечить участь дворовыхъ и также избавить государство отъ новыхъ бродягъ.

Со временемъ, когда крестьянскія общины зачнутъ богатѣть, для нихъ потребуются и еще другія учрежденія, которыя *досель замѣнялись патріархальными отношеніями помѣщика къ крестьянамъ*, а именно : Общества застрахованія

(98) Это не возможно и одно другому противурѣчить. При выкупѣ всѣ эти люди должны немедленно перейти на свободный трудъ. Иначе это была бы страшная несправедливость, за которую не мудрено помѣщикамъ заплатиться жизнью.

(99) Эти усадьбы и земли должны взойти въ общій объемъ выкупа и принадлежать дворовымъ, переходящимъ на права крестьянъ, на основаніяхъ землевладѣнія, принятыхъ общинами.

(100) Такъ какъ должны имѣть право и всѣ остальные крестьяне.

отъ пурожаевъ, пожаровъ, падежей скота, наводненія, градобитій и вообще неожиданныхъ несчастій; былобы очень полезно, даже необходимо, учредить ихъ и теперь, но врядъ ли въ настоящее время средства крестьянина дозволятъ это исполнить (101)

Въ заключеніе долгомъ считаю представить слѣдующее мое убѣжденіе.

Въ литературѣ возникли теперь два спорныя мнѣнія: какъ устроить бытъ крестьянъ—міромъ или отдѣльными семействами? Тутъ можно высказать много и pro и contra; но историческая жизнь Россіи и нынѣшнія условія переходнаго ея состоянія вопросъ этотъ рѣшаютъ, какъ мнѣ кажется, очень просто.

Общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо: народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика.

Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ, ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство своихъ податей и повинностей.

Вопросъ этотъ, или правильнѣе переворотъ историческаго крестьянскаго народнаго быта, не можетъ быть рѣшаемъ теоріями; онъ можетъ быть рѣшенъ только исторіею.

Если русское общество, историческимъ ходомъ своей жизни, ощутитъ потребность въ раздробленіи поземельной собственности на отдѣльныя лица, то пособить этому будетъ очень нетрудно: тогда, въ извѣстный моментъ, достаточно будетъ только одного высочайшаго указа, чтобы міръ раздѣлилъ свои угодья между своими сочленами, въ потомственное владѣніе сихъ послѣднихъ.

Вообще, во всякомъ дѣлѣ, гораздо легче разъединять чѣмъ соединять.

О мѣстныхъ властяхъ.

Относительно учрежденія новыхъ мѣстныхъ властей, разбирающихъ споры и недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками, составлены въ комитетѣ и разосланы уже проекты для обсужденія гражданскимъ губернаторамъ; о временныхъ генералъ-губернаторахъ также составляется въ комитетѣ особое положеніе. (102)

Еще неизвѣстно: какъ будутъ окончательно обработаны всѣ эти положенія, но я считалъ бы полезнымъ придать каждому изъ нихъ слѣдующій характеръ.

1) Относительно мирового судьи.

а) Мирового судью избирать крестьянамъ изъ мѣстныхъ дворянъ - помѣщиковъ, тогда въ мировомъ судѣ сольются элементы обоихъ сословій. (103)

(101) Общества застрахованія никогда не замѣнялись патріархальными отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ.

(102) Если Ростовцевъ собираетъ около себя свѣдущихъ людей по финансовому отдѣлу вопроса, то онъ могъ бы тоже сдѣлать и по юридическому отдѣлу. Мнѣніе гражданскихъ губернаторовъ можно принимать только съ огромной осторожностью, потому что порядочныхъ губернаторовъ первой-другой—и обчелся, а остальные или грабители или невѣжды, или и то и другое разомъ. И если правительству теперь такъ трудно найти порядочнаго человѣка въ должность обыкновеннаго губернатора, гдѣ же возможность удачи для временныхъ?

(103) Нѣтъ не сольются. Крестьянинъ всегда будетъ смотрѣть на это такъ, что онъ выбираетъ изъ худшихъ лучшаго, что еще не значитъ хорошаго; а помѣщики будутъ знать, что этотъ лучший изъ худшихъ—все же не безпристрастный и въ сущности баринъ. Это не сѣненія элементовъ, а смута, изъ которой крестьяне вынесутъ только озлобленіе. Какимъ образомъ Ростовцевъ отъ третейскаго суда перешелъ къ мировому судѣ—логическая нить этого перехода совершенно непостижима.

б) Мировой судья или не получаетъ вовсе содержанія, или получаетъ оное въ томъ размѣрѣ, въ какомъ крестьяне будутъ въ возможности и пожелаютъ ему назначить.

в) Отъ должности мирового судьи никто отказываться не можетъ.

г) Положеніе о мировомъ судѣ составить, примѣняясь къ всѣмъ новымъ постановленіямъ, и опредѣлить:

1) Способъ его избранія и служенія.

2) Его обязанности при разбирательствѣ дѣлъ помѣщика съ міромъ, съ добросовѣстными и со старостою.

3) Форму процедуры и указанія на степени юридической достовѣрности, долженствующей служить основаніемъ его рѣшеній. (104)

2) Относительно начальника уѣзда [въ чинѣ V класса.]

а) Инструкція ему должна быть составлена въ двухъ видахъ: нравственная и административная.

Нравственная.

Наивозможная вѣжливость съ помѣщиками и защита ихъ правъ; любовь къ крестьянамъ, но любовь отца, и благодушная, и строгая; предупрежденіе и прекращеніе, нравственными мѣрами, столкновеній помѣщиковъ съ крестьянами; неукоснительное исполненіе закона; нелицепріятный судъ; преслѣдованіе и искорененіе взяточничества лицъ подчиненныхъ. (105)

Административная.

Права и обязанности начальника уѣзда должны быть тѣ же самыя въ уѣздѣ, какъ губернатора въ губерніи; для водворенія спокойствія онъ имѣетъ право, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, требовать пособія военной силы. (106)

б) Назначивъ въ уѣздныя начальники *достойныхъ* офицеровъ *гардию, флота, бывшихъ учениковъ военной академіи и 3го спеціальнаго класса кадетскихъ корпусовъ.* (107) гражданскихъ чиновниковъ изъ окончившихъ курсъ въ университетахъ и равныхъ имъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,

(104) И эта форма процедуры, которая при третейскомъ судѣ, заключающемся въ общемъ согласіи нѣсколькихъ лицъ, свободно выбранныхъ отъ обѣихъ сторонъ безъ различія сословій, была бы лишнею,—эта форма, при мировомъ судѣ изъ дворянъ, замѣнитъ сущность дѣла канцелярскимъ порядкомъ и, сдѣлавъ изъ судьи чиновника,—убьетъ всякую справедливость. Безгласность прикроетъ неправосудіе — и пойдетъ грабительство несметное.

(105) И такъ начальникъ уѣзда, нося No. V на лбу, долженъ быть съ помѣщикомъ—безъ любви вѣжливъ, а съ крестьяниномъ, при благодушной любви казеннаго отца, грубъ.

(106) А дѣйствительная его обязанность позвать военную команду и перепоротъ крестьянъ. Иной обязанности и предположить мудрено. Все дѣло между помѣщикомъ и крестьяниномъ судебное; приведеніе судебного рѣшенія въ исполненіе можетъ быть произведено обычной администраціей. Слѣдственно новое лицо съ губернаторскою властью или лишнее и для обыкновеннаго губернатора обидное, или назначается только для того чтобы сѣчь. Иначе нѣтъ никакой достаточной причины для существованія подобнаго лица. А каково будетъ когда, вмѣсто одного обыкновеннаго губернатора, десять уѣздныхъ extra губернаторовъ примутся сѣчь! status in statu почитается невозможностью, а что же значитъ губернаторство въ губернаторствѣ, сѣченіе въ сѣченіи? Да это такая пойдетъ кутерьма, что счастливцы будутъ только мертвые, кси. отъѣзжающіе за границу.

(107) Какъ будутъ у мѣста эти господа, ничего не понимающіе въ гражданскомъ дѣлѣ, не знающіе ни крестьянъ, ни ихъ отношеній! какъ они должны быть будутъ полезны! Какъ же они пойдутъ грабить! Какъ же они наживутся! А достоинство ихъ будетъ опредѣляться въ Петербургѣ за взятки, или подличаніе передъ начальствомъ! А пороть они будутъ во всю мочь, какъ привыкли въ арміи, во флотѣ и въ корпусахъ! О Русь, Русь! Долго ли же на тебѣ будетъ тяготѣть эта кара господня за твое смиреніе?

служащих и неслужащих, преимущественно изъ людей молодых. Подобныя лица, образованныя, добросовѣстные и обезпеченныя въ средствахъ жизни, послужатъ правительству сильнымъ орудіемъ для искорененія взяточничества, для отстраненія отъ крестьянъ незаконныхъ поборовъ и для соблюденія правосудія и порядка на мѣстѣ. Эти люди будутъ лучшіе кандидаты на мѣста губернаторовъ и будутъ на оныя поступать въ лѣтахъ еще молодыхъ, съ энергіею еще не утраченною и съ приобрѣтенною опытностію въ дѣлѣ мѣстнаго провинціального управленія. Сверхъ того, они, по своему образованію, могутъ и будутъ, лучше чѣмъ другіе понимать потребность и возможность улучшеній, полезныхъ для края во всѣхъ отношеніяхъ быта, какъ мѣстнаго, такъ и государственнаго. Однимъ словомъ, трудно опредѣлить всю огромность государственной пользы отъ подобныхъ людей.

Весьма было бы полезно на первое, по крайней мѣрѣ, время изъяснить на должности уѣздныхъ начальниковъ нѣсколько флигель-адъютантовъ, камеръ-героу и камеръ-юнкеровъ.

в) Содержаніе уѣзднаго начальника возвысить, по крайней мѣрѣ, до трехъ тысячъ рублей серебромъ.(109)

3) Относительно собственно земской полиціи.

Нынешнихъ становыхъ приставовъ замѣнить прежними засѣдателями; станы уничтожить и засѣдателямъ жить, какъ было и прежде, въ уѣздномъ городѣ.(110)

Отъ сего произошла бы слѣдующая польза:

а) Крестьянину съ дѣломъ вѣрнѣе ѣхать въ уѣздный городъ, чѣмъ въ станъ; въ уѣздномъ городѣ онъ всегда найдетъ присутствіе, а становаго очень часто не застанетъ дома.

б) Становой есть постоянный начальникъ крестьянъ своего стана; многіе изъ нихъ постоянно ими и кормятся; безпрерываемыя объѣзды такихъ становыхъ болѣе или менѣе тягостны для народа; засѣдатель же будетъ пріѣзжать въ деревню только по приказанію начальника уѣзда.

в) Дѣйствія засѣдателей будутъ гораздо болѣе на виду у уѣзднаго начальника, чѣмъ дѣйствія становыхъ, и нравственность, равно какъ и способности первыхъ будутъ ему виднѣе, чѣмъ нравственность и способности послѣднихъ.

г) Способности людей различны: такъ изъ чиновъ мѣстной полиціи одинъ можетъ быть хорошій сыщикъ, другой хорошій слѣдователь, третій ловкій распорядитель. Начальнику уѣзда гораздо удобнѣе употреблять засѣдателей на исполненіе тѣхъ порученій, которыя будутъ сообразнѣе съ личными способностями каждаго, что, безъ всякаго сомнѣнія, полезнѣе будетъ и для общаго дѣла; нынѣ же каждый становой долженъ имѣть необходимыя качества и сыщика, и слѣдователя, и распорядителя, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ найти трудно. Сверхъ того крестьяне избавятся отъ другаго мѣлкаго притѣснителя—отъ писмоводителя становаго.

Засѣдатели должны быть, какъ и прежде, избираемы;

(108) Только этихъ невѣждъ изъ дворцовыхъ переднихъ и недосгаваю! Огромная государственная польза отъ этихъ людей будетъ гибель Россіи и позоръ правительству, изобрѣтающему ненужныхъ чиновниковъ для скорѣйшаго раззоренія государства. Или можетъ правительству въ этомъ случаѣ красный революціонеръ и цѣль его возбудить бунты и кровопролитіе? Такимъ путемъ оно навѣрно достигнетъ этой цѣли.

(109) Оно и выгодно для выкупа, выдумывать новое большое жалованье чиновникамъ не только не нужнымъ, но положительно вреднымъ.

(110) Лишь бы не было уѣздныхъ губернаторовъ, а уничтожить становыхъ всегда полезно.

справедливость требуетъ, чтобы половина изъ нихъ была избираема дворянами, а другая крестьянами, по примѣру избираемыхъ въ уѣздную расправу.(111)

Примѣчаніе: было бы также весьма справедливо, чтобы одинъ изъ членовъ и губернской расправы былъ выбранный отъ крестьянъ, по примѣру расправы уѣздной и мирового судьи.

Исправникъ долженъ, до времени, оставаться въ распоряженіи начальника уѣзда; въ настоящую минуту было бы чрезвычайно вредно лишить уѣздное управленіе чиновника, которому и ходъ дѣлъ, и личности уѣзда извѣстны.(112)

Нынешніе сотскіе должны оставаться въ настоящемъ ихъ значеніи; ихъ дѣйствія измѣнятся только въ томъ, что всѣ извѣстія будутъ сообщать они не въ станъ, а въ уѣздный городъ.

О временномъ генералъ-губернаторѣ.

Для успѣшнаго хода крестьянскаго вопроса комитетъ признаетъ необходимымъ имѣть временныхъ генералъ-губернаторовъ. Какъ для достиженія сей непосредственной цѣли, такъ и для правильнаго теченія обычнаго хода дѣлъ, я полагаю бы полезнымъ опредѣлить должности временнаго генералъ-губернатора слѣдующее значеніе.

Обязанность временнаго генералъ-губернатора должна быть чисто политическая, безъ малѣйшаго вмѣшательства въ права и обязанности губернаторовъ, распоряженія которыхъ, относительно всѣхъ, безъ изъятія, дѣла по губерніи должны оставаться въ томъ же объемѣ дѣйствія и въ той же степени власти, какъ находятся они нынѣ.

Временный генералъ-губернаторъ долженъ быть единственно, такъ сказать, намѣстникомъ государя императора и разрѣшать, *именемъ высочайшей власти*, тѣ только вопросы по крестьянскому дѣлу, въ примѣненіи ихъ на мѣстѣ, рѣшеніе которыхъ не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства, и которые не были предвидѣны ни положеніями, ни инструкціями. Рѣшенія эти должны касаться только отдѣльныхъ случаевъ и не служить законами для руководства впредь. Сверхъ сего, на обязанности его лежитъ охраненіе и немедленное возстановленіе порядка во всѣхъ сословіяхъ, который могъ бы быть нарушаемъ отъ столкновенія разнообразныхъ ихъ интересовъ или по внушеніямъ лицъ злонамѣренныхъ. Канцелярія, при временномъ генералъ-губернаторѣ, должна быть самая ограниченная, для возможнаго избѣжанія бюрократическихъ интригъ.

Самый лучшій и самый счастливый генералъ-губернаторъ будетъ тотъ, который вовсе не проявитъ своей власти.

Смѣю вѣровать, что если, съ обнародованіемъ новыхъ постановленій и губернскихъ положеній, крестьяне увидятъ немедленно, что быть ихъ улучшился, а помѣщики, что интересы ихъ ограждены, то и надобности во временныхъ генералъ-губернаторахъ не будетъ.(113)

(111) Выбрать можно, но этого мало; надо дать ихъ голосу извѣстную силу, иначе выборъ ничего не значитъ. Засѣдатель, сидящій въ присутствіи безъ голоса, безъ права протеста—все тоже что воставить пустой стулъ на его мѣсто.

(112) Исправнику придется повиноваться разнымъ властямъ; очевидно которая нибудь власть лишняя.

(113) Не смотря на то, что эта глава начинается съ необходимости для хода крестьянскаго вопроса въ временныхъ генералъ-губернаторахъ съ чисто политической властью—кончается она аксіомой, что крестьяне, при

Молю Бога, чтобы вѣрованіе мое оправдалось; но если все вышеизложенное, обработанное и улучшенное, приведется въ исполненіе, то исходъ крестьянскаго вопроса представляется мнѣ въ радужномъ видѣ: крестьяне получатъ свободу полную, и даже не въ слишкомъ продолжительномъ времени; они зачнутъ богатѣть; цѣнность помѣщичьихъ имѣній возрастетъ быстро, а при добросовѣстности и образованности мѣстной полиціи, закоренѣлыя злоупотребленія зачнутъ исчезать, оба сословія будутъ ограждены въ своихъ интересахъ, и правительство получитъ много кандидатовъ на высшія мѣста какъ губернскаго, такъ и государственнаго управленія. (114)

І. Ростовцевъ.

Вильдбадъ	$\frac{29}{17}$	Августа	} 1858 года.
Вильдбадъ	$\frac{4}{23}$	Сентября Августа	
Карльсруэ	$\frac{9}{28}$	Сентября Августа	
Дрезденъ	$\frac{15}{3}$	Сентября	

Сравнивая первый и второй проэктъ Ростовцева невольно приходитъ на умъ, что второй сдѣланъ только для публики, для прикрытія перваго, для прикрытія живой мысли отъ большинства дворянства, которое бы ее ложно истолковало, не сочувствовало бы съ ней; между тѣмъ какъ съ вторымъ проэктомъ, который сдѣланъ для виду и предназначенъ на забвеніе,—самое законсѣмое помѣщичество и самая грабительственная бюрократія будутъ сочувствовать; а потомъ правительство и прихлопнетъ ихъ манифестомъ, составленнымъ сообразно первому проэктору.

Если Ростовцевъ окружить себя дѣльными людьми, если онъ дѣйствительно покается и хочетъ дѣйствовать для блага и освобожденія Россіи, то онъ конечно, откинувъ всякое мелкое, недостойное самолюбіе—бросить свой второй проэктъ и приступить къ методу обязательнаго выкупа безъ перехода состоянія. Дальнѣйшая его дѣятельность обличитъ его. Мы съ своей стороны, глубоко убѣжденные въ возможности покаянія, первые поспѣшимъ воздать ему честь и славу, когда онъ ихъ заслужитъ.

Что же касается до манеры правительствъ вообще скрывать свое настоящее мнѣніе какой нибудь личиною,—мы этому сочувствовать не можемъ. Правительство должно быть искренно, чтобъ быть сильнымъ.

Пришла, пришла пора общественнаго подвига! Какъ нѣкогда темный мѣшанинъ Мининъ вызывалъ на битву за

улучшеніи ихъ быта, и помѣщики, при огражденіи своихъ интересовъ, увидать что въ этихъ временныхъ генералъ-губернаторахъ нѣтъ никакой надобности. Мы съ своей стороны прибавимъ, что улучшится или не улучшится быть крестьянъ, ограждены или не ограждены интересы помѣщиковъ—во всякомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности въ временныхъ генералъ-губернаторахъ, которые были бы для правительства только лишнею тратою денегъ, для того, чтобъ нанести вредъ государству. Смѣемъ увѣрить правительство отъ имени всей мыслищей и немыслищей Россіи, что уѣздные начальники и временные генералъ-губернаторы—были бы новой язвой для Россіи, что нельзя такъ наказывать Россію за ея смиреніе, что всякое смиреніе имѣетъ предѣлы, и что принятіемъ подоонныхъ административно-судебныхъ проэктовъ, правительство вызоветъ кровопролитія, которыхъ ему хочется изобрѣсти.

(114) Мы совершенно согласны съ вѣрованіями Ростовцева, но только эти вѣрованія сбудутся не съ принятіемъ его административно-судебныхъ предположеній, а съ совершеннымъ устраненіемъ оныхъ.

Русь князя Пожарскаго,—мы безвѣстные книгопечатальщики зовемъ государя на гражданскій подвигъ освобожденія. Пусть онъ забудетъ все для Россіи, и домашнія заботы и увеселенія, и примется за подвигъ серьезно, какъ человекъ искренній и слѣдственно сильный. На него легло не одно обычное помазаніе на царство, на него легло почти таинственное помазаніе мученика за Россію.* Да совершитъ онъ свято свое предназначеніе!

С М Ъ С Ъ.

— *За царемъ служба не пропадаетъ.* На одной изъ улицъ Петербурга встрѣчается солдатъ Преображенскаго полка, съ офицеромъ того же полка, хотя и неодной роты, г. Сорокко, и, при встрѣчѣ, хотя разстояніе между ними было не значительно, неотдаетъ ему чести. Солдатъ былъ заслуженный унтеръ-офицеръ, лѣтъ 60 съ Георгіемъ, медалями, шевронами и т. д.; Сорокко, остановивъ спрашиваетъ его, по чему онъ не снялъ фуражки, тотъ отвѣчаетъ: стыдно его благородію незнать, что унтеръ-офицеръ при встрѣчѣ съ офицерами фуражки не снимаетъ. “Но отчего же ты неотдалъ чести?” спрашиваетъ офицеръ. “Да теперь ваше благородіе такъ много офицеровъ, что каждому отдавать честь много ужъ будетъ”. Сорокко велитъ ему идти на гаубт-вахту, унтеръ-офицеръ замѣчаетъ ему, что его благородію должно быть извѣстно, что его, какъ имѣющаго нѣсколько крестовъ, можно отправить на гаубт-вахту только съ конвоемъ посланнымъ къ нему на домъ и притомъ съ разрѣшенія, кажется, полковаго командира. Послѣ этого Сорокко представляетъ объ этомъ необыкновенномъ событіи по начальству полковому командиру. Наряженъ былъ военный судъ, долженствующій рѣшить дѣло въ 24 часа; унтеръ-офицера присудили: лишить всѣхъ орденовъ и всѣхъ отличій, на службѣ приобрѣтенныхъ и сослать въ каторжную работу, въ рудники на 10 лѣтъ (60^{ти} лѣтняго старика). Замѣчательно, что при осужденіи его, всѣ эти заслуги ему поставлены были въ вину и отягчили его наказаніе: “такъ какъ ты имѣешь то и то, ты служилъ столько то времени, ты долженъ быть примѣромъ а ты”..... Сорокко хотѣлъ уменьшить его вину, поддерживая ту мысль, что солдатъ былъ пьянъ; но послѣдній не сознался въ этомъ. Адлеребергъ - сынъ говорятъ настаивалъ, чтобы солдата казнить смертію. Государь не согласился съ Адлеребергомъ и утвердилъ рѣшеніе суда. Старикъ прочитали приговоръ, сорвали съ него ордена, онъ перенесъ покойно все, только передъ тѣмъ временемъ, какъ ему уйти когда патѣшилась уже надъ нимъ сила, онъ обратился къ своему товарищу и сказалъ ему что то о сапогахъ, о которыхъ онъ забылъ сдѣлать распоряженіе, кажется подарилъ ихъ ему на память.

А мы думали, что по своду военныхъ постановленій солдаты ссылаются въ арестантскія роты,—да мало ли что мы думали, намъ казалось, что мы ужъ вышли изъ араччевскихъ временъ,—бѣдные, бѣдные солдаты!

— *Правда-ли* — что страшныя сцены бироновскихъ временъ повторялись нынѣшней зимой въ государственныхъ имуществвахъ, что несчастныхъ крестьянъ, на которыхъ оставалась недоимка, не только сѣкли, но обливали на морозѣ холодной водой съ вѣдома Муравьева?

* Стихотвореніе Рытѣва на день рожденія государя напечатано въ цѣлости въ V книжкѣ Полярной Звѣзды.

— Разъ въ жизни представлялся мнѣ случай благославить Григорія митрополита петербургскаго, и тутъ злые люди помѣшали. Его высокопреосвященство предложило Синоду предать меня анаѳемѣ за то, что я не считаю ересью геологію, и скромными—маленькія газеты, продаваемыя на улицахъ. Само-собочо разумѣется, что слѣдуя евангельскому правилу, я тотчасъ бы по телеграфу послалъ *клянущему благословеніе*. Намъ пишутъ что Тульской Архіерей помѣшалъ Григорію возвести меня въ чинъ Дмитрія Самозванца, Стеньки Разина, Мазепы, Емельяна Пугачева и... и кого вы думаете? — и дяденьки нашего magnanimous Ally. Во время войны 12го года, духовенство видя какъ народъ, купечество и дворяне жертвуютъ за независимость отечества — деньгами, людьми, собой—захотѣло показать, что и оно любитъ отечество небесное, которое моль не точитъ, любить и земное, которое точитъ. Наполеонъ и дѣйствительно привнесъ на жертву больше чѣмъ кровь и дѣмья — здравый смыслъ и предало Наполеона проклятію. Но какъ-то императору Александру I показалось не послѣдовательно называться *благословеннымъ* и *проклинать* другихъ, онъ послѣ войны и занялъ дѣло. По несчастію кой у кого остались копіи съ синодскаго воззванія. Если “цыганъ для компаніи позволилъ себя повѣсить” какъ говоритъ пословица, то для эдакой компаніи — можно позволить себя предать григоріанскому проклятію.

И—ръ.

— *Смоленская гражданская палата.*—Намъ пишутъ: “На послѣднихъ губернскихъ шестилѣтнихъ выборахъ въ Смоленскѣ, были выбраны на должность предводителя палаты гражданского суда, первымъ кандидатомъ: *Верховскій*, а вторымъ *Постниковъ*, но послѣдній имѣя сильную протекцію въ Петербургѣ; и значительныя деньги, успѣлъ выхлопотать себѣ утверженіе въ новой должности, помимо Верховскаго. Пужно пеллагать, что утверженіе это обошлось не дешево, и потому новый предсѣдатель немедленно по вступленіи въ должность, объявилъ секретарямъ, что если они *желаютъ* съ нимъ служить, то каждый изъ нихъ обязанъ платить ему ежегодно по 2,500 руб. сер., выбирая деньги съ просителей, уже безъ всякихъ со стороны его препятствій, и участія въ дѣлѣхъ. Секретари отказались, и вышли въ отставку. Постниковъ опредѣлялъ на ихъ мѣсто другихъ, и теперь въ Смоленской гражданской палатѣ, нельзя совершить ни одной купчей крѣпости, безъ предварительнаго взноса въ палату не менѣе 100 руб. сер.; это такса, уже опредѣленная, о которой надсмотрщикъ палаты объявляетъ всѣмъ публично.”

— Russia by a recent traveller, London 1859.— Мы такъ привыкли читать объ Россіи, или несправдливости, или дикую брань, что умный, свѣтлый взглядъ названной нами книги и статьи: Russia and the West of Europe вскорѣ потомъ помѣщенной въ новомъ обзорѣ (Universal review, Vol I), удивили насъ. Отчего именно въ Англіи начинаютъ иначе смотрѣть на Россію? За что она смѣнила Уркуардскій гнѣвъ на Гакст-гаузенскую милость?... Дѣло не въ сочувствіи къ Россіи, а вотъ въ чемъ, между Англичанами есть люди, уважающіе *объективную* истину; люди умѣющіе смотрѣть и что всего важнѣе умѣющіе *слушать*. Другіе ищутъ глазами и ушами только подтвержденія своихъ прежде-

придуманыхъ теорій, они *себя* видятъ и себя слушаютъ. Такъ дѣлаютъ даже тѣ, которые лваляютъ Россію или стараются ея изъ какихъ нибудь видовъ. Французы почти никогда не ставили ни въ грошъ объективной истины; Нѣмцы бывало любили ее, даже и не въ однихъ трансцендентальныхъ предметахъ, но подавленное положеніе ихъ и страхъ зашибъ имъ пониманье. Имъ все мерещится семи-лѣтняя война, Французы въ Майнцѣ, Русскіе въ Берлинѣ, и они бранятъ Россію, чтобъ отвести душу, чтобъ не такъ страшно было. Изъ этой грубой и тупой литературы, придется исключить нѣсколько книгъ, *Коста-Рику Ваинера* и *Ю. Фребеля Америку и Европу*. Но замѣйте, что они оба не *красные* Нѣмцы, а попорченные Америкой. Это такъ вѣрно, что Фребелю за его книгу уже досталось, отъ свирѣпыхъ тевтоновъ, наслѣдниковъ Яна, Арента, Менцеля и другихъ французоѣдовъ, напоминающихъ блаженныя времена Вѣнскаго Конгресса, Метерниховыхъ *нотъ* и Гейнцовыхъ *варіаціи*.

Часть рассказовъ *недавняго путешественника* можно было бы перевести. Въ великорядочный день нашей перемежающейся цензуры—ихъ пропустить.

Нельзя чтобъ въ книгѣ путешественника, пробывшаго очень короткое время въ Россіи, не было ошибокъ, онѣ совершенно выкуплены общимъ взглядомъ и широкимъ горизонтомъ. Хотя и въ этой книгѣ виденъ предѣлъ, рубежъ, за который западномъ умъ никогда не ходитъ: отношеніе русскаго крестьянина къ общинѣ и черезъ нее къ землѣ, не оцѣнено авторомъ. Въ чемъ же онъ находитъ социальные элементы наши?

— *Правда-ли* — что морской министръ *Метлинъ*, возведенный въ должность министра за свою честность, старается всѣми неправдами потушить дѣло подрядчика *Волохова* по новому адмиралтейству, строившемуся въ Севастополѣ. А дѣло то не шуточное: перебрано въ казнѣ лишникъ денегъ только четыреста тысячъ?

(Сообщено)

— Спрашивается на какомъ законномъ основаніи проконсулъ *Строгоновъ* высылаетъ изъ Одессы людей, которые ему не нравятся лицомъ, цвѣтомъ волосъ или не знаю чѣмъ? Зачѣмъ напримѣръ онъ выслалъ и притомъ очень грубо Г. Галецкаго, или онъ думаетъ, что porto franco значить, что *свободно* можно выбрасывать за *дверь*; да вѣдь и porto franco уничтожено!

Но великій *Свекоръ* ни на чемъ не останавливается, онъ велѣлъ собрать по пяти рублей штрафу съ *православныхъ*, бывшихъ въ Оперѣ въ Середу на первой недѣли поста. Пусть Григорій-петербургскій и Іосифъ-вилепскій успокоятся—*еще церковь не стинала*,—Строгоновъ за Кормчую книгу!

— Во время осады Севастополя, какъ извѣстно, при переходѣ русскихъ войскъ съ Южной стороны на Сѣверную, по приказанію высшаго начальства дома, какъ казенныя, такъ равно и всѣ частныя, были сожжены. При этомъ естественно домовладѣльцы пострадали: богатые обратились въ нищихъ. Интересно знать *когда* и *какое* вознагражденіе они получаютъ?

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 44.

1 Іюня 1859.

У Триобнера & Co. въ книжной лавкѣ 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London.* Price six-pence.

ВОЙНА

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

... Je suis outré de l'appui que prête l'Allemagne à cette honteuse Autriche, à cette "Capua der Geister," *concordée*. Je prêche l'exclusion de toute province non-allemande; l'union plus étroite nationale, l'abandon de l'Autriche—pour rendre la main libre, non-seulement à l'Italie, mais aussi à la Hongrie et aux provinces slaves. Cher ami, vous avez dit avec raison, que le bonapartisme c'est la mort; mais souvenez vous que l'Autriche c'est LA DAMNATION ETERNELLE, et que ce n'est qu'en détruisant cette dernière que vous enlevez à la mort sa terreur en la réduisant au rang d'un simple accident.*

CHARLES VOGT.

[Письмо къ издателю Колокола, 3 Апрѣля 1859.]

.... Австрія не народъ, Австрія полицейская мѣра, сводная администрація, она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себя; безъ частей ея нѣтъ, это величайшій историческій призракъ, который когда либо существовалъ. Тутъ все ложь. Римская имперія—въ Германіи. Германская имперія—состоящая преимущественно изъ Славянъ, Итальянцевъ, Мадыаръ. Избирательное правительство—переходящее по наследству. Связь нѣсколькихъ народностей—основанная на перекрестномъ отвращеніи ихъ другъ отъ друга. Тутъ нѣтъ ничего органическаго, отнимите Ломбардію справа и придайте слѣва Молдо-Валахію — и такъ хорошо. Отнимите Галлицію и прибавте Сербію — и это не дурно, die Staatts Kanzley пойдетъ своимъ порядкомъ. Имперія австрійская не имѣетъ никакой будущности; когда ее отмѣнятъ, тогда только люди настоящимъ образомъ

* .... "Меня возмущаетъ опора, которую Германія даетъ этой постыдной, конкордированной Австріи, этой "Капуѣ умовъ." Я проповѣдую исключеніе всякой не-нѣмецкой области изъ нѣмецкой конфедераціи, болѣе тѣсное національное соединеніе и предоставленіе Австріи своимъ судьбамъ, чтобъ не только Италия, но и Венгрія и Славянскія провинціи могли освободиться. Любезный другъ, вы справедливо сказали, что бонапартизмъ—смерть... но вспомните, что Австрія — вѣчная мука... и что только уничтожая ее, вы отнимете у смерти ея ужасъ, и сведете ее на степень простаго случая."

Годъ II.

удивятся — какъ могла существовать такая нелѣпость, сшитая изъ лоскутковъ конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображеніями. Имперія необходимая — нѣкогда, чтобъ перетягивать Папу, теперь, чтобъ Папу не перетянули. Оплотъ Европы противъ Исламизма, спасающій Турцію отъ Россіи. Мнимая представительница германскаго единства, ненавидимая всей Германіей, и защищающая Рейнъ "на По и на Аджъ" славянской и венгерской кровью противъ Италіи. Это какой-то сонъ большого горячкы!

КОЛОКОЛЪ, листъ 34.

I.

Мы не рады войнѣ, намъ противны всякаго рода убійства — оптомъ и въ разбивку; тѣ, за которыя вѣшаютъ и тѣ, за которыя даютъ кресты; намъ жаль всякую кровь, потому что крови веселѣе течь въ жилахъ, чѣмъ по травѣ и по песку; намъ всего больше жаль австрійскую кровь, которая будетъ литься за неправое дѣло и сверхъ того изъ подъ палки. Дики еще образованные народы и не далеко ушли отъ временъ Нимврода и Сезостриса, если не могутъ иначе рѣшать дѣла, какъ дубиной и пращею.

Сверхъ того мы не рады войнѣ какъ Русскіе, война остановитъ внутреннюю работу, усилитъ снова управленіе шпорами, и снова истощитъ силы бѣднаго народа, не давъ ему въ замѣнъ ничего, кромѣ множества калекъ и нѣсколькихъ лубочныхъ картинъ, представляющихъ генераловъ, лошадей, трупы и дымъ.

Но вѣрные нашему реализму, мы принимаемъ войну за фактъ и нисколько не намѣрены терять время чувствительно и безполздно, разглагольствуя о всеобщемъ мирѣ, тоскуя о вселенскомъ братствѣ — въ виду двухъ армій, которыя быть можетъ теперь рѣжуются.

Еще меньше будемъ мы отыскивать — справедливы-ли причины войны, достаточны онѣ или нѣтъ, кто виноватъ и кто правъ. Вѣроятно никто не смѣшиваетъ *предлоги* войны, les à propos, съ ея настоящими причинами. Развѣ кто нибудь вѣрилъ, что крымская война дѣлалась въ пользу Турціи, или развѣ есть люди настолько нищіе пониманіемъ, что въ заправду думаютъ, что Наполеонъ вочи не спитъ, а все кручинится о томъ, что Италия не свободна?

Кто юридически правъ въ этой войнѣ можетъ и можно бы доискаться по Гроцію и по другимъ, но это очень не интересно, и совершенно бесполезно.

Теперичная война, послѣ десятилѣтняго натянутого состоянія, въ продолженіе котораго зто входило внутрь и подтачивало организмъ европейскій, имѣетъ ту-же причину, по которой когда-то Везувій затопилъ расплавленнымъ камнемъ цѣлые города, т. е. излишнее накопленіе горючихъ веществъ, праздныхъ силъ. Наполеонъ случайная искра, она должна или потухнуть или жечь что нибудъ, сколько загорится и сколько сгоритъ, онъ не отвѣчаетъ; въ крымскую войну пожаръ былъ не великъ, искра стала тухнуть, но вотъ она подошла Италию...

Для того, чтобъ предвидѣть что выгоритъ и что останется, надобно знать *насколько* грудь здорова, насколько кровь жива у европейскихъ народовъ. "Здоровому все здорово!" говорятъ Русскіе; дѣйствительно въ хорошей крови многое перерабатывается, въ дурной оно разовьется въ ракъ, въ туберкулы...

Крымская война имѣла цѣлью повредить Россіи, по только ей и принесла пользу. Веревки, которыми мы были связаны по рукамъ и по ногамъ — ослабли, перетерлись во время войны, испуганный тюремщикъ самъ померъ. Осадой Севастополя началось освобожденіе крестьянъ, призывъ къ оружію былъ призывомъ къ мысли; и Россія съ тѣхъ поръ идетъ мощно впередъ по широкой дорогѣ, не смотря на всѣ черепки и битыя бутылки, въ родѣ Панина, Орлова, Муравьева, оставленные у ней подъ ногами упрячствомъ и небрежностію шоссеинаго зрителя, не смотря на дворянскія комитетскія лужи и бакалдины, ни на ложныя маяки доктринеровъ.

Если война завяжется, то мы можемъ смѣло сказать — Европа не возвратится на ту *мель*, съ которой война ее стащитъ и на которой она застряла съ 1849 года. Это уже само по себѣ чрезвычайно важно, и вотъ гдѣ причина, по которой Англія, единственная страна рациональнаго консерватизма, готова сдѣлать все, чтобъ отворотить эту войну. Ей, какъ она сложилась, всякое быстрое движеніе вредно.

Но куда пойдутъ эти міры, снятые съ якоря? Мы думаемъ, что романскій міръ одолѣетъ сводную, разношерстную Австрію... что же будетъ съ побѣжденнымъ, что будетъ съ побѣдителемъ?

Во-первыхъ, для побѣдителя будутъ предстоять тѣ-же два пути на другой день послѣ побѣды, какъ наканунѣ войны.

Побѣдоносный и обнищавый, покрытый славой и солдатами, романскій міръ можетъ послѣ войны замереть подъ сѣнью всепоглащающаго самодержавія, личность человѣческая и ея права пропадутъ окончательно, государство сдѣлается цѣлью всего; римское, античное начало это, вооруженное телеграфами, желѣзными дорогами, опертое на страшныя средства бюрократіи, полиціи и безчисленнаго постояннаго войска — сосредоточитъ всю жизнь, всю энергію въ правительствѣ, въ цезарѣ и однообразное существованіе галло-романской державы съ своими сестрами и родными, обеспечится на вѣка и вѣка.

Можетъ случится и другое, можетъ франкское начало, разбуженное войной также подниметъ голову; можетъ Италия ненавидящая централизацию, одпообразность формъ, гуртовой

гнетъ, иначе пойметъ все освобожденіе. Она теперь при самомъ началѣ перевела *войну* на революцію. Гарибальди начальствуетъ легионерами, тосканскій герцогъ въ бѣгахъ, Уллоа чуть не на его мѣстѣ. Если Италия увлечетъ Францію, если Франція послѣ войны хоть одинъ годъ будетъ въ состояніи вытерпѣть свободныя учрежденія, не дѣлая генерала Мак-Магона или генерала Бурбаки императоромъ, тогда можетъ быть начнется на древней почвѣ великихъ воспоминаній, между Средиземнымъ моремъ и Атлантикой — третья эпоха событій и исторія не сдѣлаетъ географической измѣны.

То-ли будетъ или другое, намъ кажется, что не въ этомъ ближайшая задача теперичнаго положенія дѣль, и не въ этомъ главный результатъ войны.

Первую роль по неволѣ надо уступить Австріи. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: вгонится-ли наконецъ эта *германская* имперія въ границы *нѣмецкаго* государства, или итъ? Разтворятся-ли наконецъ двери этой полурассѣвшейся и покачнувшейся *бастиліи народовъ*, готовыхъ ринуться впередъ, или старая дипломатія оставитъ подшибленнаго коршуна, изгнаннаго изъ Ломбардіи, заѣдать чуждыя земли отъ Адриатики до Дуная?

Если послѣднее будетъ — кровь лилась напрасно и Европа снова, какъ въ 1848 году, дастъ доказательство своей неспособности исполнѣ совершить что нибудъ.

Если-же Австрія уничтожится какъ *сводное* государство, то тогда какія бы судьбы романскаго міра ни были: *Мы вѣтми парусами входимъ въ новую эпоху*. И если въ самомъ дѣлѣ міръ великаго прошедшаго, послѣ двухъ тысячелѣтнихъ дѣятельностей усталъ, то чѣмъ можетъ онъ доблестнѣе завершить свою длинную жизнь, какъ не открывая для исторіи новыя, непочатыя пажити, оттертыя отъ свѣта и всякаго развитія игомъ бесплоднымъ и инопланнымъ.

II.

Нѣмецкіе публицисты, выдумали для австрійской имперіи всемірно-историческое *призваніе*, оно видите именно состоитъ въ *образованіи полудикаго Юго-Востока Европы*. Но какое значеніе имѣетъ австрійская цивилизація, и что она сдѣлала кромѣ того, что ввела ту-же полицію и тѣ-же наказанія во всѣ страны? Ну если не въ политическомъ, то въ торговомъ, въ экономическомъ отношеніи? . . . Королевско-имперская цивилизація состоитъ въ постоянномъ гнетѣ всего народнаго, и въ *оплмъчиваніи*. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотятъ вовсе образоваться въ Пѣмцевъ. Между ними и Пѣмцами лежитъ та *incompatibilité d'humeur*, по которой разводятъ мужа съ женой. Мы знаемъ, что значить насильственно образовывать, это одна изъ гибельнѣйшихъ идей, въ силу которой бездушная дресировка и фельдфебельской выправки дается видъ благодѣянія. Маленькихъ дѣтей не гоняютъ больше въ школу розгой.

Замѣчательная вещь, что вообще германскій міръ — школьный и ученый по преимуществу очень плохой образователь подавленныхъ имъ народовъ. Стоитъ взглянуть на Эстовъ и Леттовъ въ Остъ-Зейскихъ провинціяхъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ; особенно если ихъ сравнить съ Финнами, бывшими въ ссприкосновеніи не съ Пѣмцами, а со Шведами.

Какъ Австрія спеціально образовывала, мы знаемъ по Богеміи. Она употребила два столѣтія на систематическое

забиваніе всего независимаго и національнаго въ этомъ народѣ; она совершала тамъ злодѣянія, передъ которыми блѣднѣютъ дѣла протестантской Англїи въ Ирландїи—казни, конфискаціи, гоненія продолжались поколѣнія подъ руководствомъ іезуитовъ и бюрократовъ, въ распоряженіи которыхъ состояла развратная, наемная, скотски-свирыная солдатска, хранившая въ памяти преданіе Валленштейновскихъ временъ и тридцатилѣтняго разбоя. Вѣшали, сѣкли, морили въ тюрьмѣ, жгли людей, жгли книги, грабили, выселяли, и дошли до того, что аристократическая помѣсь и часть мѣщанъ сдѣлались Нѣмцами, а народъ остался чешскимъ; и въ первую минуту, какъ потерявшійся палачъ приподнял свою руку и далъ жертвѣ немного вздохнуть, въ началѣ нашего вѣка, явилась цѣлая чешская литература.

Про Италію говорить нечего. Сами Нѣмцы согласны, что Ломбардія образованнѣе нѣмецкой Австріи. Нѣкоторые изъ нихъ признаютъ даже, что Ломбардія имѣетъ право отказаться отъ отеческаго воспитанія Австріи. Они все нашего брата варвара-Славянина, Мадьяра нарываютъ Австріей выдѣлать въ Вѣнцевъ.

Но что же приняли на примѣръ отъ Австрійцевъ Мадьяры? Я въ мірѣ не знаю ничего противоположнаго Нѣмцамъ, какъ Мадьяровъ съ ихъ полудикой разметистой волей, къ которой такъ идетъ ихъ отвага, съ этой жизнію въ лѣсахъ, съ ихъ бурными и независимыми комитатами. Это какое-то кованое племя, до того упругое, что самъ Метернихъ не могъ никогда его сломить. И когда Венгрія возстала, Австрія дышала на ладонь, и совсѣмъ перестала бы дышать, еслибъ не преступная рука Николая. Николай, помогая Австріи, измѣнилъ столько же Россіи, сколько Гѣргей, помогая ему, измѣнилъ Венгріи.

Или не въ Галиціи-ли, можетъ въ Иллиріи, въ Далмаціи особенно, успѣшно привился германизмъ?....

Ничего подобнаго, напротивъ—междупародныя распри, на примѣръ между Мадьярами и Славянами, стали съ 1848 года стираться передъ ненавистью къ общему отечеству. Пока Австрія льстила ограниченнымъ сторонамъ народностей и раздувала ихъ непріязнь, ссоры оставались; но когда она принялась послѣ революціи подводить всѣхъ подъ одинъ знаменатель,—убѣдившись, что иной разъ не сладишь съ національностями, и что не всегда народное пробужденіе ограничится филологическими изслѣдованіями, тогда народы поняли гдѣ ихъ настоящій врагъ.

Печальная судьба пала на долю Австріи, — она послѣ Гогенштауфеновъ не имѣла ни красныхъ дней, ни благородныхъ воспоминаній, а при Гогенштауфенахъ она не была тѣмъ чѣмъ теперь. Зловѣщая династія Габсбурговъ является какою-то карой людямъ за ихъ стремленіе къ независимости, она постоянно противудѣйствуетъ всему человѣческому — старымъ вольностямъ и новой свободѣ, постоянно усмиряетъ, подавляетъ, моритъ. Въ имперскомъ устройствѣ ея соединяется все мрачно-инквизиторское, ядовитое и злое испанскаго католицизма, съ скупой алчностью, съ кастратскимъ безстрастіемъ клерикальнаго управленія, съ наглою дерзостію нѣмецкаго ритера и съ холоднымъ капральствомъ казарменной дисциплины. Умственное движеніе никогда не было настолько сильно въ этой странѣ, чтобъ получить себѣ права; у ней нѣтъ литературы, Вѣна только извѣстна своей кухней и обжорствомъ, нѣсколько знаменитыхъ ученыхъ или Славяне

или иностранцы, во всемъ чисто австрійскомъ что то бездарное, лишенное поэзіи. Гдѣ свѣтлыя воспоминанія этого края? Годы его пущей силы—годы плача и стenanій для народовъ, какъ въ царствованіе Карла V, этого бревна, брошеннаго на дорогѣ челоуѣчества, отъ котораго мрутъ живыя остатки прежней Европы и блекнутъ новыя всходы.

Или эти свѣтлые дни были при Іосифѣ II? по опъ былъ окруженъ одной ненавистію разбуженныхъ имъ галокъ и летучихъ мышей. Или въ дни победы надъ Наполеономъ, когда избитая и окровавленная съ обѣихъ сторонъ, Австрія входила въ видѣ длинной фигуры своего Франца въ Парижъ, и на другой день послѣ победы принялась за полицейскія слѣдствія, которыми и занималась тихо до 1848 года и отъ 1848? Военные суды, тайные суды, палки, цѣпи, двадцать лѣтъ, пятнадцать лѣтъ, десять лѣтъ carcere duro. И они находятъ, что это цивилизація?

Быть можетъ въ тѣ отдаленныя времена, когда Турки были опасны, когда весь Юго-востокъ Европы бродилъ въ неустроенномъ состояніи, открытый нападеніямъ и не имѣлъ опоры, можетъ тогда и была какая нибудь польза отъ этого желѣзнаго обруча набитаго на нѣсколько народовъ; хотя и тутъ надобно замѣтить, что Польша и Венгрія спасли Вѣну отъ Турокъ, а не Вѣна ихъ. Но время это прошло, а въ исторіи самое смертное преступленіе — быть несовременнымъ. Главная вина Австріи не въ вѣковыхъ злодѣяніяхъ ея — мало-ли что было въ прошедшей жизни каждаго народа—главная вина ея въ томъ, что она мѣшаетъ. Уголовный судъ исторіи не совпадаетъ съ нашимъ, это не морально справедливый судъ, а физиологически-вѣрный. Скорлупа насильственно удерживающая части отъ распадѣнія, становится ненужной, потому вредной, она можетъ задушить зародышъ, а потому ее слѣдуетъ разбить клювомъ изнутри или ударомъ снаружи.

Австрія заживаетъ чужой вѣкъ, за это въ исторіи смерть, если то, чему она мѣшаетъ, достойно жить и имѣетъ силы.

Исторія не убиваетъ, какъ нѣкогда Камчадалы за одну старость, она оставляетъ и Китай и Японію. Но еслибъ внутри небесной имперіи билась живыя силы, которымъ бы было тѣсно и которыя сами по себѣ были бы здоровы и мощны, онѣ давнымъ давно подорвали бы мандаринскую табель о рангахъ, не смотря на то, что китайское устройство гораздо умнѣе и сообразнѣе нравамъ своей стороны, чѣмъ австрійское иностранцамъ, составляющимъ это отечество по неволѣ!

Неспособность Мадьяръ и Славянъ онѣмѣчиться, ихъ неспособность къ извѣстнымъ государственнымъ формамъ къ извѣстному канцелярскому порядку, вовсе не доказываетъ ни ихъ дикость, ни дѣйствительную неспособность ихъ. Это одна изъ старческихъ ошибокъ западныхъ народовъ; они думаютъ, что имѣютъ монополъ историческаго бытія и единоспасающую форму образованія. Все самобытное и независимое кажется имъ варварскимъ или крамольнымъ, все новое обижаетъ ихъ какъ нелѣпость; къ тому же они до такой степени привыкли думать и рассуждать по своимъ шаблонамъ, что они не понимаютъ ничего не подходящаго подъ нихъ. Въ той неспособности Славянъ, въ которой Нѣмцы видятъ низшую, неразвившуюся до нихъ натуру, мы видимъ залогъ нашего будущаго развитія!

Ни Славяне, ни Мадьяры не составляютъ ни сателитовъ, ни даже попутчиковъ германскому міру. Славяне, это

рядущая часть человечества, вступающая въ исторію. Мадьяры составляютъ какую-то самобытную случайность, они имѣютъ столько же правъ на независимость, сколько Швейцарія, сколько Греція, сколько Молдо-Валахія.

Разноплеменность въ вольномъ союзѣ, въ конфедерации, ничего не значить; Тессинецъ, Гризонъ считаютъ себя гражданами единой и кантональной республики, точно такъ какъ житель Апенцеля или Лозаны.

Стоитъ взглянуть на карту, чтобъ понять, что отъ Балканъ до Адриатики готовы звѣнья обширной конфедерации съ славными берегами, съ естественными границами и съ плодотворнѣйшей почвой. Австрійскій кордонъ стоитъ плотной между ними и Европой, не давая ни имъ *ринуться* впередъ, ни свѣту проникать къ нимъ.

III.

. . . По ринувшись изъ старой бастилли, какъ бы народы не попались въ *новый острогъ*. Въ Европѣ не одинъ двуглавый орелъ—а два, и перемѣна австрійскаго одуряющаго самовластия на прусско-монгольской царизмъ—не находка.

Объ этомъ-то мы и хотимъ поговорить.

Россія находится теперь въ одномъ изъ тѣхъ кризисовъ развитія, изъ котораго организмъ выходитъ разомъ сложившись, или доказавъ свою неспособность. Я наше время для Россіи считаю столько же важнѣе, какъ эпоху Петра I. Если слѣпые и глупые не хотятъ понять, что за вопросъ поднять теперь въ Россіи, и смѣшиваютъ признапіе *права человека на землю*, съ личнымъ освобожденіемъ отъ помѣщичьей власти, пусть остаются при своей темной водѣ въ глазахъ.

Съ того дня какъ Александръ II призналъ основой освобожденія крестьянъ, ихъ право на землю, онъ еще разъ переломилъ исторію и пошелъ новымъ путемъ. Если онъ и Россія пойдутъ имъ, то безъ всякаго сомнѣнія ей будетъ принадлежать первое мѣсто въ союзѣ Славянскихъ народовъ. Но для того, чтобъ занять это мѣсто, ей окончательно надобно повяты себя *русской* не въ противоположность общечеловѣческому, а въ различіе съ старо-европейскимъ.

У Россіи своя Австрія и тѣмъ больше опасная, что она внутри. Пока правительство останется при своемъ иностранномъ взглядѣ, до тѣхъ поръ и мы останемся въ томъ положеніи, въ которомъ крестьянскіе мальчики остаются у Нѣмцевъ мастеровъ въ ученіи, т. е. будемъ носить ушаты, не смѣть отвѣчать хозяину и пр. Да вотъ бѣда, мы какъ-то выросли, и хозяина въ грошъ не ставимъ. — Это неблагодарность! —

— Нѣтъ, это ростъ. Когда то и мнѣ былъ полезенъ Нѣмецъ-дядька, однако теперь онъ мнѣ не много бы помогъ.

Отказаться отъ привычной традиціи правительству не легко. Это тотъ переходъ изъ состоянія двороваго человѣка—въ крестьянство, который такъ страшно оскорбляетъ камердинеровъ и горничныхъ. А сдѣлать его надобно. До тѣхъ поръ не къ чему и звать сосѣдей.

Если Россія, продолжая свою иностранную политику,

вздумаетъ воспользоваться паденіемъ Австріи и приобрѣстъ себѣ какіе нибудь новые улусы, она усугубитъ ненависти другихъ странъ новымъ землекрадствомъ, и народы ничего не выиграютъ перемѣнивъ ошейникъ. Конечно не отъ насъ они услышатъ приглашеніе; намъ не легче будетъ если отъ тупости Панина и сквернаго управленія вѣшающаго Муравьева, будутъ страдать другіе.

По мы имѣемъ залогъ, что правительство *чувств* необходимость переродиться, подождемъ чѣмъ кончатся его начинанія.

Первой актъ возмущенія противъ западно-историческаго ига сдѣланъ *образомъ постановленія* вопроса объ освобожденіи крестьянъ; тутъ правительство сорвалось съ битой западной колени, взявъ въ основу *нелпность* общиннаго владѣнія и *предразсудокъ* освобожденія *съ землей*. Надобно, чтобъ правительство нашло мужество независимости передъ порицаніемъ *мудрыхъ міра сего*; такъ какъ его имѣлъ апостоль Павелъ, сознаваясь, что его *истина*—сумасбродство для Эллиновъ.

Пусть же Александръ II найдетъ въ себѣ силу невозвратнымъ актомъ разорваться съ петровскимъ преданіемъ, такъ какъ Петръ съ московскимъ, и заявитъ передъ всѣмъ свѣтомъ, что Россія кончила свою военную службу, что она не хочетъ быть *завоевывающей* имперіей, съ нѣмецкимъ устройствомъ, а славянскимъ государствомъ и *мирной главой* новаго союза.

Для этого надобно перешагнуть черезъ многіе и многіе предразсудки, надобно умѣть принести на жертву будущему настоящую выгоду, и общую пользу славянскаго міра поставить выше интереса прусскихъ сродниковъ.

Судьба, совѣсть указываютъ что надобно сдѣлать, надобно *возстановить Польшу!* Это было бы разомъ актомъ великаго покаянія и актомъ великой государственной мудрости. Съ той минуты когда изъ варшавской цитадели, осѣненной польскимъ знаменемъ, выйдетъ послѣдній русскій солдатъ, Галиція и Познань будутъ съ ней, и кровавое преступленіе двухъ Нѣмцевъ и одной Нѣмки, сотрется съ имени русскаго.

У исторіи своя месть. Терзая Польшу, отнимая у ней то ключья земли, то торжественно давныя законы, то языкъ, то дѣтей, то взрослыхъ—выростивъ на польскихъ жертвахъ и слезахъ цѣлое поколѣніе злодѣевъ и доносчиковъ—правительство спутало ноги и руки не ей, а себѣ—приковавъ себя преступной солидарностью къ Австріи и Пруссіи.

Пусть же Россія покается! Пусть возстановитъ Польшу—съ ея законами, съ ея войскомъ, съ тѣмъ управленіемъ, которое она хочетъ.

“Да какъ же это сдѣлать, какъ же вдругъ освободить цѣлую страну, за покореніе которой пролиты рѣки крови?”

По старому государственному кодексу не возможно, мы съ этимъ согласны. Да вѣдь руководствуясь имъ, пельзя было вызвать безъ крайности, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія, за упроченіе котораго тысячи были убиты гуртомъ и тысячи засѣчены по мелочи помѣщиками!

. . . Разумъ не одинъ, ихъ два. Разумъ міра *садящагося*, *вечерняго*—не совпадаетъ съ разумомъ міра *восходящаго*, *утренняго!*

Искандеръ.

 VERY DANGEROUS!!!

Въ послѣднее время въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлѣворной струей, какимъ-то *развратомъ* мысли; мы ихъ вовсе не принимаемъ за выраженіе общественнаго мнѣнія, а за наитіе *направительнаго* и *назидательнаго* ценсурнаго триумвирата.

Чистымъ литераторамъ, людямъ звуковъ и формъ надоѣло гражданское направленіе нашей литературы, ихъ стало оскорблять, что такъ много пишутъ о взяткахъ и гласности, и такъ мало *Обломовыхъ* и антологическихъ стихотвореній. Еслибъ только единственный Обломовъ не былъ такъ непроходимо скученъ, то еще это мнѣніе можно бы было имъ отпустить. Люди не виноваты, когда не имѣютъ сочувствія къ жизни, которая возлѣ нихъ ломится, рвется впередъ, и сознавая свое страшное положеніе, начинаетъ, положимъ песклядо говорить объ немъ, но все таки говорить. Мы видѣли въ Германіи всякихъ Жанъ Полей, которые въ виду революцій и реакцій исходили мнѣніемъ, составляли лексиконы, или сочиняли фантастическія повѣсти.

Но вотъ шагъ дальше.

Журналы сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій сострадающими—катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтобъ случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы—у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ.

Когда товарищи Поэріо встрѣченныя тысячами и тысячами Англичанъ при вѣздѣ въ Лондонъ, не знали что имъ сказать и наконецъ просили простить ихъ нескладную благодарность, говоря, что они отвыкли вообще отъ человѣческой рѣчи въ десятилѣтнихъ оковахъ, народъ не хохоталъ имъ въ отвѣтъ и *Пушишъ*, смѣющийся падо всѣмъ на свѣтѣ, надъ королевой и парламентомъ, не сдѣлалъ карикатуры.

Смѣхъ есть вещь судорожная, и на первую минуту человѣкъ смѣется всему смѣшному, но бываетъ вторая минута, въ которой онъ краснѣетъ и презираетъ и свой смѣхъ и того кто его вызвалъ. Всего гения Гейне чуть хватило, чтобъ покрыть двѣ-три отвратительныя шутки надъ умершимъ Берне, надъ Платеномъ и надъ одной живой дамой. На время публика отшарахнулась отъ него, и онъ помирился съ нею только своимъ необычнымъ талантомъ.

Безъ сомнѣнія, смѣхъ одно изъ самыхъ мощныхъ орудій разрушенія; смѣхъ Вольтера билъ и жегъ какъ молнія. Отъ смѣха падаютъ идолы, падаютъ вѣнки и оклады, и чудотворная икона дѣлается почернѣлой и дурно нарисованной картинкой. Съ этой революціонной, нивелирующей силой, смѣхъ страшно популяренъ и прилипчивъ; начавшись въ скромномъ кабинетѣ, онъ идетъ расширяющимися кругами до предѣловъ грамотности. Употреблять такое орудіе не противъ нелѣпой ценсурной тройцы, въ которой Тимашевъ представляетъ Святой Слухъ, а ея трезубцемъ—значить участвовать съ пей въ отравленіи мысли.

Мы сами очень хорошо видѣли промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности; но что же тутъ удивительнаго, что люди, которыхъ всю жизнь

грабили квартальные, судьи, губернаторы, слишкомъ много говорятъ объ этомъ теперь. Они еще больше молчали объ этомъ!

Давно-ли у насъ вкусъ такъ избаловался, утончился? Мы безропотно выносили десять лѣтъ болтовню о всѣхъ петербургскихъ камеліяхъ и аспазіяхъ, которыя во-первыхъ, во всемъ мірѣ похожи другъ на друга какъ родныя сестры, а во-вторыхъ имѣютъ то общее свойство съ котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить объ нихъ совершенно нечего.

“Да зачѣмъ же обличительные литераторы дурно рассказываютъ, зачѣмъ ихъ повѣсти похожи на дѣло?”—Это можетъ относиться къ лицамъ, а не къ направленію. Тотъ, кто дурно и скучно передаетъ слезы крестьянина, неистовство помѣщика и воровство полиціи, тотъ, будьте увѣрены, еще хуже расскажетъ—какъ златокудрая дѣва зачерпнувши воды въ бассейнѣ, облилась, а черноокой юноша видя быстротекущую влагу, жалѣлъ, что она не течетъ по его сердцу.

Въ “обличительной литературѣ” были превосходныя вещи. Вы воображаете, что всѣ рассказы Щедрина и нѣкоторые другіе, такъ и можно теперь гуломъ бросить съ Обломовымъ на шею въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!

Вамъ оттого не жаль этихъ статей, что міръ, о которомъ онѣ пишутъ—чуждъ вамъ; онъ васъ интересовалъ только потому, что объ немъ запрещали писать. Столичные растенія, вы вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для васъ начинаются чужіе края. Суровая картина какого нибудь “Перевоза” съ телѣгами въ грязи, съ раззоренными мужиками, смотрящими съ отчаяніемъ на паромъ и ждущими день, и другой, и третій—васъ не можетъ столько занять, какъ длинная Одиссея какой нибудь полузаглухой, ледящейся природы, которая тянется, соловѣетъ, разсыпается въ однѣ безсмысленныя подробности. Вы готовы сидѣть за микроскопомъ и разбирать этотъ гной, (лишь бы не съ паталогической цѣлью, это противно чистотѣ искусства, искусство должно быть бесполезно, иногда можетъ быть немного вредно, но подлая утилитарность его убиваетъ)—это возбуждаетъ вамъ нервы. Мы совсѣмъ напротивъ, безъ зѣвоты и отвращенія, не можемъ слѣдить за физиологическими описаніями какихъ-то невскихъ мокрицъ, пережившихъ тотъ героическій періодъ свой, въ которомъ ихъ предки—чего нѣтъ—были Онѣгины и Печорины.

И сверхъ того Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражали дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рокъ лишняго, потеряннаго человѣка только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ; но на улицахъ и въ гостинныхъ, въ деревняхъ и городахъ. Наши литературные фланкеры послѣдняго набора, шпыняютъ теперь надъ этими слабыми мечтателями, сломавшимися безъ боя, надъ этими праздными людьми, не умѣвшими найтись въ той средѣ, въ которой жили. Жаль, что они не договариваютъ,—я самъ думаю, еслибъ Онѣгинъ и Печоринъ могли какъ мпогіе, приладиться къ николаевской эпохѣ, Онѣгинъ былъ бы Викторъ Никитичъ Панинъ; а Печоринъ не пропалъ бы по пути въ Персію, а самъ управлялъ бы, какъ Клейнмихель, путями сообщенія и мѣшалъ бы строить желѣзныя дороги.

Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь напротивъ къ этимъ

огромнымъ запашкамъ рукъ не достаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пѣнять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣбитяй. И оттого очень естественно Онѣгины и Печорины дѣлаются Обломовыми.

Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгипыхъ и Печоринныхъ потому, что чуждо въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

Это сущій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, *доказывая что у насъ гласность не нужна*, потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ потому, что нѣтъ *буржуазіи!*

У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ и свои симпатіи и свою неумолимую строгость, даже во времена общественнаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ фуроръ отъ Ревизора и Мертвыхъ душъ, отъ разсказовъ Охотника, отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И съ другой стороны какъ оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданскія измѣны или шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора; самъ Пушкинъ испыталъ, что значить взять аккордъ въ похвалу Николаю. Литераторы наши скорѣе прощали днѣрамбы безчеловѣчному, казарменному деспоту, чѣмъ публика; у нихъ совѣсть притупилась отъ изощренія эстетическаго неба!

Примѣръ Сенковскаго еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкой памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? . . . Сначала—ракеты, искры, трескъ, бенгальской олепъ, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ, привлекли всѣхъ къ его журналу,—посмотрѣли, посмотрѣли, поохотали и разошлись мало по малу по домамъ. Сенковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на юмивой недѣли какой нибудь покрытый блестящими акробатъ, занимавшій на святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка . . .

Чего ему не доставало? А вотъ того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго—того вѣчно тревожащаго демона любви и негодованія, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ. Ему не доставало такого убѣжденія, которое было бы *дьяломъ* его жизни, *картой*, на которой все поставлено—страстью, болью. Въ словахъ идущихъ отъ такого убѣжденія остается доля магнитическаго демонизма, подъ которымъ работаетъ говорящій, оттого рѣчи его беспокоятъ, тревожатъ, будятъ . . . становятся силой, мощью и двигаютъ иногда пѣлыми поколѣніями.

Но мы далеки отъ того, чтобъ и Сенковскаго осуждать безусловно, онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ *blasé*, смѣющимся добру и злу, и ничему не вѣрующимъ—точно такъ, какъ другіе выбрали себѣ темя, сдѣлались иезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ . . . Это было все бѣгство отъ Николая, — какъ же тогда было не бѣжать? Мы не прощаемъ только тѣхъ, которые бѣжали въ третье отдѣленіе.

Что же похорого на то врем., когда балагурничалъ Сенковскій подъ именемъ Брамбеуса—съ нашимъ временемъ? Тогда *нельзя* было ничего дѣлать; имѣй себѣ геній Пестеля и умъ Муравьева—веревки на которыхъ Николай вѣшалъ были крѣпче. Возможность мучениковъ какъ Конарскій, какъ

Воловичъ—была, и только. Теперь все, всздѣ зоветъ живаго человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи, и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ, ни Александръ II, ни его ценсурный терцетъ, ни кварталный вашего квартала, ни другіе сильные міра сего, — виной будетъ ваша слабость, пѣняйте на себя, на ложное направленіе и имѣйте самоотверженіе сознать себя выморочнымъ поколѣніемъ, переходнымъ, тѣмъ самымъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такой страшной истиной! . . .

Вотъ потому-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваетъ свои ослиные бубенчики, не къ той тройкѣ изъ царскихъ конюшенъ, которая называется *Адлербергъ, Тимашевъ* и *Мухановъ*, а къ той, которая въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ—можетъ иной разъ оступаясь—нашу телѣгу изъ грязи!

Не лучше-ли въ сто разъ, господа, вмѣсто освистыванія, неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу—самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью?

Мало-ли на что вамъ есть точить желчь отъ ценсурной тройцы до покровительства кабановъ, отъ плантаторскихъ комитетовъ до полицейскихъ побоевъ. Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые палцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но (чего боже сохрани) и до *Станислава на шею!*

Можетъ они объ этомъ и не думали, — пусть подумаютъ теперь!

И—рѣ.

С М Ъ С Ъ .

Полнство возведенное въ православную и государственную обязанность.

М. В. Д.

ЦИРКУЛЯРНО.

НАЧАЛЬНИКА
ВИЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО КАПЦЕЛЯРИИ

Отдѣленіе 1-е
№.
Марта для 1859 года.

Г. ВІЛЬНО

Г. министръ финансовъ, получивъ донесеніе, что католическое духовенство Ковенской губерніи, безъ вѣдома правительства, учредило братство, *причисляющее вредъ казеннымъ доходамъ*, проситъ г. виленскаго военнаго губернатора и генераль-губернатора гродненскаго и ковенскаго, о недопущеніи образованія сихъ братствъ во вѣренной мнѣ губерніи.

Г. генераль-адъютантъ Назимовъ препроводивъ ко мнѣ присланное министромъ финансовъ представленіе виленской казенной палаты, что римско-католическіе священники начали проповѣдывать о трезвости, заставляя самыми понудительными мѣрами прихожанъ своихъ публично выполнять въ костелахъ присягу о неупотребленіи горячихъ напитковъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, не-

допущеніемъ къ исповѣдію, причастію св. тайнъ и христіанскому погребенію, — поручилъ мнѣ предписатьъ городскимъ и земскимъ полиціямъ имѣть строгое наблюденіе за недопущеніемъ образованія, въ вѣдомствѣ ихъ братствъ, или обществъ, въ противность закона (164 и 169 ст. Уст. о пред. и прес. прест.).

О чемъ извѣщая ваше высокоблагородіе, къ точному исполненію, предписываю, въ случаѣ образованія въ вѣдомствѣ вашемъ незаконныхъ закономъ братствъ или обществъ трезвости, и равно о употребленіи духовенствомъ для удержанія прихожанъ отъ пьянства повудительныхъ мѣръ, каждый разъ тотчасъ-же рапортовать мнѣ.

Гражданскій Губернаторъ

Старшій Помощ. Правителя Канцеляріи

И такъ въ Россіи нельзя быть трезвымъ не вредя казеннымъ доходамъ! Откуда же послѣ этого русскому человѣку взять уваженіе къ понятію: казна? Разумѣется такую безнравственную казну надо тербить, грабить, презирать; она только этого и достойна. Неужто казна, развратитель народа, имѣетъ въ самомъ дѣлѣ что нибудь общее съ понятіемъ государственной казны? Государственная казна есть центръ, куда стекаются общественныя сборы и откуда расходуются на общественныя нужды, а казна, которая становится жандармомъ, палкой понуждающимъ людей къ разврату—это просто гнусный грабитель, а не казна. Видите-ли попы католическіе угрозой понуждаютъ народъ къ трезвости! Это очевидно клевета; но допустимъ, что это такъ, то чѣмъ же они виновнѣе губернатора, который угрозой понуждаетъ народъ къ пьянству? Первые еще могутъ быть благонамѣренны, а послѣдній навѣрно мерзавецъ. И все это дѣлается по предписанію министра финансовъ, потому что ему откупщики даютъ взятки!

И все дѣлается съ ссылкой на законъ! Ст. 164 Т. XIV, запрещающая безъ вѣдома или согласія правительства заводить въ городъ общества, товарищества, братства, или иное подобное собраніе.

Общество трезвости дѣлается не безъ вѣдома правительства, потому что оно дѣлается гласно; оно слишкомъ невинно, чтобъ скрываться; какъ бы смутно и нелѣпо ни была написана эта 164 ст. но не много чутья нужно, чтобъ понять, что тутъ дѣло идетъ не объ обществѣ трезвости. Такая ссылка на статью есть грубое, безнравственное неуваженіе къ закону.

Ст. 169 говоритъ о тайномъ обществѣ, имѣющимъ цѣль государственную; — гдѣ же въ обществѣ трезвости тайное общество и гдѣ цѣль государственная? Да и за самое тайное общество ст. 169 предписываетъ полиціи отсылать учредителя общества къ суду; а тутъ предписывается полицейская строгость безъ всякаго суда и начальникъ губерніи смѣетъ ссылаться на законъ! Что за гадкая ложь!

А обвиненіе католическаго духовенства до такой степени солгано, что администрація преслѣдуетъ общества трезвости не только въ Виленской губерніи, но и въ Калужской, гдѣ

нѣтъ католическаго духовенства, и въ другихъ совершенно православныхъ губерніяхъ, гдѣ попы сами пьютъ и никого не удерживаютъ отъ пьянства.

— “Семь-Мошль”, Злодѣй-Помѣщикъ и Губернаторъ-палачь въ Кременчугскомъ уѣздѣ. — Мы получили письмо, сообщающее намъ слѣдующее отвратительное преступленіе отеческаго управленія помѣщиковъ и злоупотребленія власти губернскаго начальства. И неужели все это остается безнаказаннымъ — и Вреде, который васѣкалъ крестьянъ по воскресеньямъ солеными розгами (Колоколь листъ 6) и эротическій помѣщикъ, Орловской губерніи Гутцейтъ (Колоколь листъ 38) насилувавшій двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей, и пр.?

Да хоть бы Ростовцевъ наконецъ вступился въ это—когда у другихъ вымерло всякое человѣческое чувство.

И какъ же теперь, совершая радикальную перемѣну, не оградить закономъ крестьянъ отъ послѣднихъ, отчаянныхъ посягательствъ на грабежъ и притѣсненія со стороны благороднаго дворянства, которое большинствомъ своимъ дало мѣру своего благородства?

... “Въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи есть село Семь Мошль принадлежащее помѣщику Клевезало, извѣстному своей жестокостью и притѣсненіемъ крестьянъ. Со времени поднятаго вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ, и Клевезаль принялся за улучшеніе своей системы. До 100 человѣкамъ крестьянъ назначенъ былъ самый тягостный оброкъ и они отправлены были въ Крымъ на работы, а 80 человѣкъ были отданы на сахарный заводъ Позена, въ самую горячую пору весны, когда нигдѣ нельзя было найти рабочихъ людей, и разумѣется за дорогую цѣну. Остальные должны были нести барщину за себя и за 180 человѣкъ отсутствующихъ. Вообразите себѣ положеніе этихъ остальныхъ: дѣти, старики, калѣки—всѣ безъ исключенія должны были работать каждый день подъ кнутами прикащиковъ. По истеченіи работъ (черезъ 8 мѣсяцовъ) являются крестьяне изъ сахарнаго завода, голые, босые, и въ такомъ же положеніи застаютъ свои семейства. Дрогнуло доброе сердце мужиковъ, стали они думать, какъ пособить своему горю и пошли работать на чужія работы,—но не тутъ-то было: ихъ опять отсылаютъ на заводъ. Тутъ ужъ сердце завопило. Нѣсколько человѣкъ, пошли просить милости у барина. Они хотѣли рассказать ему про свое жалкое положеніе, и просить хоть отсрочки. При появленіи ихъ на барскомъ дворѣ, баринъ, чувствуя себя несправедливымъ, вообразилъ, что это бунтъ, струсилъ и бѣжалъ въ Кременчугъ, тамъ онъ заявилъ пачальству о бунтѣ его крестьянъ. Немедленно отправлено было временное отдѣленіе земскаго суда, выѣхалъ исправникъ, собраны понятые изъ козаковъ и тутъ-же хотѣли приступить къ внушенію покорности розгами, крестьяне плакали и просили выслушать ихъ. Велѣно сѣчь. Но понятые, узнавшіе прежде отъ крестьянъ въ чемъ дѣло, отказывались и говорили: “за что же мы будемъ ихъ бить? ихъ нужно прежде разсудить съ баринномъ.” Исправникъ струсилъ; и послалъ эстафету губернатору. Немедленно является губернаторъ Волковъ, предводитель дворянства Остроградскій (тестъ Клевезала) и инныя власти въ полномъ мундирномъ облаченіи. Требуютъ команду солдатъ и отправляются усмирять бунтовщиковъ. При видѣ такаго сонма мундировъ, созданные крестьяне всѣ пали на колѣни

и просили не пощады, а просто хлѣба, просили губернатора заглянуть въ ихъ домашній бытъ, показывали ему свои рубища. Всѣ видѣли ихъ голыхъ и босыхъ, видѣли ихъ избитыхъ палками и кнутами, но, не смотря на все это, ихъ велѣли сѣчь. На вопросъ: “какъ смѣете бунтовать?” они отвѣчали — мы хлѣба просимъ Христа ради, мы не бунтуемъ! Солдаты, привезенные на шести тройкахъ для экзекуціи, исполнили волю начальства надъ крестьянами, а козаковъ повятыхъ приказано выслать въ Кременчугъ въ губернаторскую квартиру и тамъ они всѣ были высѣчены за непослушаніе начальству. Дѣло было представлено бунтомъ, донесено нѣсколькими эстафетами въ Петербургъ и наконецъ торжественно объявлено, что бунтъ, благодаря Богу и расторопности властей, прекращенъ, что крестьянамъ внушена строгая покорность, что защитники возстанія арестованы и содержатся въ острогѣ для дальнѣйшаго съ ними поступленія по законамъ!

Прощайте Арсеніи Андреевичъ!

Die ganze Kraft dem Volke we'end,
Am Ende doch hinausgeworfen seyend!

Всего забавнѣе, что Закревскій палъ, какъ говорятъ, за свое частное семейное дѣло, не имѣющее никакой государственной важности, но все-таки хорошо что онъ палъ... Графъ С. Г. Строгоновъ имѣетъ много хорошихъ качествъ и его попечительство до 1848 года, не забудется въ московскомъ университетѣ. Теперь легче быть человѣкомъ и генераль-губернаторомъ, чѣмъ было въ прошлое царствованіе... Пусть-же Строгоновъ беретъ себѣ въ примѣръ М. С. Воронцова, даже князя Дм. Вл. Голицына, но только не своего поворо-сійскаго брата. Крутить и шипать усы, хмурить брови, представлять изъ себя бенгальскаго тигра въ генераль-адъютантскихъ эполетахъ, давать отрывистые отвѣты, дѣлать грубыя замѣчанія,—все это *suprême mauvais genre* и если можно себѣ попускать это въ Херсонезѣ Таврическомъ, то рѣшительно невозможно на Тверской въ Москвѣ.

Мы никогда не могли понять отчего у насъ люди получившіе воспитаніе, становятся отвратительно грубы на службѣ? Кажется чего ужъ аристократичнѣе англійской аристократіи, она и неприступна, и застряла въ своихъ предрасудкахъ, и считаетъ королеву *первой изъ равныхъ*, а ея мужа не совсѣмъ равнымъ себѣ, и при всемъ этомъ англійская аристократія въ служебныхъ отношеніяхъ необыкновенно учтива. Положимъ, что нашъ, въ генераль-адъютантствѣ почившій, Закревскій, вѣчно служившій въ военной службѣ, въ мелкихъ чинахъ, могъ привыкнуть ходить на просителя, какъ бульдогъ на крысу. Но есгь фамиліи, у которыхъ образованіе въ семейной традиціи, — къ нимъ принадлежатъ Строгоновы. У Строгоновыхъ въ домѣ нѣкогда жилъ губернаторомъ, членъ Конвента Ромъ, знаменитый своей десяти-мальной системой, античный герой, лишившій себя жизни въ Конвентѣ, когда реакція восторжествовала. Отецъ этихъ Строгоновыхъ былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ дипломатовъ,—ну какъ же это дѣлается, что Одесскій генераль-губернаторъ грубитъ женщинѣ, вдовѣ офицера павшаго подъ Севастополемъ, которая приходитъ умирая съ голода—можетъ и не по формѣ—просить пенсіи. Это психическая загадка!

Но пусть-же сначала намъ будетъ позволено думать, что графъ С. Г. Строгоновъ пойдетъ иной дорогой. Быть теперь генераль-губернаторомъ въ Москвѣ, значить одной ногой стоять въ продолженіи исторіи Карамзина... А съ нынѣшней гласностью *шла въ мѣшкѣ не утаишь!*

Въ заключеніе обращаемся снова къ вамъ, *продолжительный въ пространствѣ и во времени министръ юстиціи!* Дайте

намъ право забыть васъ, какъ съ нынѣшняго дня мы забываемъ Закревскаго. Чего вы ждете?—Гумбольдтъ умеръ, Закревскій уволенъ, — рѣшайтесь поскорѣе на то или на другое. Вы вредный человѣкъ, вспомните, что и вы обязаны для Россіи что нибудь сдѣлать!

— Мы всегда думали, что для полнаго обсуживанія картины надобно приглашать въ числѣ знатоковъ одного слѣпаго, который бы могъ сказать какъ съ точки зрѣнія *слѣпаго* должно смотрѣть на нее. А потому насъ обрадовало, что Ростовцевъ посадилъ автора лобазно-плантаторской книженки — *Печатная Правда* въ свой комитетъ. Не посылалъ-ли онъ въ Москву за моделью *дѣтскихъ* розогъ, которыми другой Князь хотѣлъ сѣчь *взрослыхъ* женщинъ, чтобъ знать какой именно величины розги слѣдуетъ уничтожить?

— Читатели наши знаютъ изъ русскихъ журналовъ дикую исторію о борьбѣ директоровъ Николаевскаго Благороднаго Собранія—противъ молодой дѣвицы *Софіи Югхесъ*, которой эти настоящіе *Николаевцы* хотѣли запереть дверь танцевальной залы, за то, что она не татарскаго и не чухонскаго происхожденія, какъ половина русскихъ дворянъ, (доказавшая это еще разъ въ вопросѣ освобожденія крестьянъ), а *иудейскаго*. Но мы не помнимъ, передали-ли наши журналы вмѣстѣ съ событіемъ и почтенные имена аристократическихъ гонителей семитическихъ племенъ, которыхъ мужество дошло до оскорбленія дѣвицы, желавшей танцевать на балѣ.

Журналъ 13 Февраля 1859, заключающій продолжительныя совѣщанія и дебаты 31 Декабря 1858, 23 Января 1859, подписали:

Генераль-лейтенантъ *Кумани*,
Камеръ-юнкеръ *Батьяновъ*,
Капитанъ 1 ранга *Кузнецовъ*,
Флигель-адъютантъ *Кригеръ*,
Капитанъ 2 ранга *Карповъ*,
Капитанъ-лейтенантъ *Добровольскій*,
Капитанъ-лейтенантъ *Бальзамъ*,
Лейтенантъ *Христофоровъ*.

Изъ нихъ *Батьяновъ* и *Кригеръ* остались при своемъ мнѣніи.

Журналъ скрѣпленъ такимъ образомъ: *въ вѣрности засвидѣтельствовалъ* дежурный Директоръ, капитанъ 2 ранга *Карповъ*, и судьба заставила того же Карпова потомъ засвидѣтельствовать свое почтеніе дѣвицѣ Югхесъ, посылая ей билетъ отъ имени старшинъ, которымъ начальство отечески внушило, чтобъ они смѣнили гнѣвъ на милость. Письмо это замѣчательно, трудность-ли положенія заставила забыть русскую грамматику, или желаніе приблизиться къ языку Авраама и Исаака, но русской грамматикой оно рѣшительно не блеснуть.

М. Г. Софія Павловна,

Дирекція Николаевскаго Благороднаго Собранія по предмету обсужденія правъ Вашихъ на посѣщеніе онаго Собранія, извѣстася въ настоящее время о постановленіи до сего времени не бывшимъ извѣстнымъ какъ Дирекція, такъ и г. Попову и дающимъ Вамъ право на посѣщеніе баловъ и танцевальныхъ вечеровъ Собранія, сочла долгомъ препроводить при семъ, Вамъ, Милостивая Государыня, билетъ онаго Собранія, покорнѣйше прося Васъ продолжать посѣщать Николаевское Благородное Собраніе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ Милостивая Государыня, Покорнѣйшимъ слугою.

Дежурный Директоръ П. Карповъ.

— Поразительная ясность прилагаемаго **ПРОЕКТА ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ**, его краткость и дѣльность, навели насъ на мысль разослать его при нынѣшнемъ листѣ Колокола; думаемъ въ слѣдующемъ листѣ поговорить объ немъ. Ред.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, London.

ПРОЭКТЪ

ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ РОССІИ.

Идея освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ съ землею посредствомъ выкупа, какъ идея истинная и представляющая единственное возможное рѣшеніе поднятаго вопроса, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе проникаетъ въ общественное мнѣніе.

Менѣе нежели годъ тому назадъ, какъ правительствомъ, такъ и общественнымъ мнѣніемъ, эта идея отвергалась какъ неосуществимая химера. Быстрый успѣхъ этой идеи не можетъ не приводить въ восторгъ каждаго русскаго человѣка. Это доказываетъ всю силу и способность русскаго ума вѣрно понимать истину и быстро схватывать то, что практично и справедливо.

Мы полагаемъ въ настоящее время возможнымъ и крайне необходимымъ представить въ сокращенномъ видѣ все, что литература сказала объ этомъ вопросѣ вѣрнаго, неоспоримаго и пракческаго, и, такъ сказать, выставить маяки для указанія безопаснаго, кратчайшаго и единственнаго пути къ достиженію предполагаемой цѣли.

Раздѣлимъ вопросъ освобожденія крестьянъ на двѣ части :

Въ первой мы перечислимъ—*Что нужно для этого сдѣлать?*

Во второй—*Какъ это сдѣлать?*

I.

Что нужно сдѣлать для совершенія реформы правильно, разумно и соотвѣтственно потребностямъ народа и современнымъ обстоятельствамъ?

1.) Сохранить общинное владѣніе землею и все общинное устройство при освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ.

Для чего сохранить общину?

Для того что это :

- а) Выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи.
- б) Сохраняетъ матеріальную независимость каждаго члена общины.
- в) Исключаетъ возможность развитія несчастнаго класса бездомныхъ и безсемейныхъ работниковъ.
- г) Обусловливаетъ возможность семейной жизни съ юношескихъ лѣтъ, и тѣмъ сохраняетъ народную нравственность, физическую силу и здоровье племенъ.
- д) Уравниваетъ экономическое положеніе помѣщичьихъ крестьянъ съ крестьянами живущими на казенныхъ земляхъ и тѣмъ уничтожаетъ возмущающее неравенство правъ, существующее нынѣ въ сельскомъ сословіи.
- е) Даетъ матеріальныя средства къ жизни, независимое положеніе, уравниваетъ въ экономическомъ отношеніи каждаго члена общины, ограждаетъ его отъ тиранинъ капитала и тѣмъ предохраняетъ страну отъ народныхъ революцій.
- ж) Удовлетворяетъ потребности и характеру русскаго народа, сохраняя тотъ принципъ, который народъ берегъ и развивалъ съ начала своего существованія и уничтоженіе котораго было бы уничтоженіемъ того, что составляетъ отличительную черту и могущество Россіи.

2.) Освобождать помѣщичьихъ крестьянъ съ землею цѣлыми общинами, но не отдѣльными лицами или семействами.

Въ противномъ случаѣ при освобожденіи крестьянъ община рухнула бы сама собою.

3.) Произвести полное освобожденіе разомъ безъ всякаго переходнаго состоянія.

Переходное состояніе было бы вредно въ экономическомъ отношеніи и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, и для государства и способствовало бы только къ развитію новаго сословія, которое при этихъ условіяхъ необходимо будетъ образовываться изъ крестьянъ освобождающихся отдѣльными личностями. Это могущее вновь образоваться нагубное сословіе, пеминуемо успѣло бы, ранѣе полнаго освобожденія большинства, забрать въ свое распоряженіе всѣ земли, должествовавшія взойти въ составъ общиннаго владѣнія, и тѣмъ совершенно парализировать и измѣнить характеръ реформы.

4.) Предоставить во владѣніе общины то самое количество земли, которымъ она пользовалась по сіе время.

Въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ есть много батраковъ, не надѣленныхъ по распоряженію помѣщика землею, слѣдуетъ добавить земли въ общинное пользование по числу этихъ батраковъ, надѣлая ихъ пропорціонально принятому уже въ этомъ имѣніи надѣлу земли на тягло или на душу. Неудовлетвореніе этого условія нарушитъ экономическій порядокъ общины, возбудитъ межевую ломку по всей Россіи и главное, по недоса- точному обеспеченію землею, будетъ способствовать развитію шатающагося сословія.

5.) Произвести освобожденіе одновременно и въ одинъ день по всей Россіи.

Въ противномъ случаѣ, можно ожидать страшныхъ безпорядковъ и гибели огромной массы невпипныхъ жертвъ.

6.) Произвести освобожденіе полное, т. е. чтобы освобожденіемъ прервать всякія обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику и поставить освобожденныхъ крестьянъ въ тѣ же условія, въ какихъ находятся крестьяне государ- ственные.

Удовлетвореніе этому условію опять приводитъ къ необходимости освободить крестьянъ съ тѣмъ самымъ количествомъ земли, которымъ они поль- зуются въ настоящее время. Если бы остались хотя временно какіе бы то ни были признаки обязательныхъ отношеній, то это возродитъ безконечныя тяжбы и распри, или введетъ крестьянъ, силою обстоятельствъ, въ положеніе совершенно подобное тому, въ которомъ они находятся въ настоящее время.

7.) Строго сохранить при освобожденіи интересы помѣщиковъ и крестьянъ.

Въ противномъ случаѣ реформа не можетъ удасться, а если будетъ совершена, то будетъ не прочна и будетъ источникомъ безконечныхъ недо- вольствій и смуть.

8.) Чтобы удовлетворить всѣмъ вышеозначеннымъ условіямъ, освобожденіе можетъ быть произведено только выкупомъ.

Выкупъ долженъ быть произведенъ какъ можно скорѣе, потому, что чѣмъ, болѣе удаляется срокъ выкупа, тѣмъ болѣе будетъ возвышаться цѣнность выкупаемыхъ имѣній.

9.) Должны быть выкуплены какъ земля такъ и крѣпостное право.

Въ противномъ случаѣ интересы помѣщиковъ пострадали бы сильно. Необходимость выкупа крѣпостнаго права бросается въ глаза въ имѣніяхъ малоземельныхъ, промышленныхъ и имѣющихъ много дворовыхъ людей.

10.) Выкупъ долженъ быть произведенъ правительствомъ, но отнюдь не учрежденіемъ частныхъ лицъ.

Невыгоды выкупа посредствомъ частнаго учрежденія :

- а) Сборъ налога, которымъ должны покрываться проценты и погашеніе выкупныхъ облигацій, вынуждаетъ устройство особой частной администраціи, потребляющей огромныхъ расходовъ, или приведетъ къ необходимости производить этотъ сборъ чрезъ посредство правительства; въ этомъ послѣднемъ случаѣ частное учрежденіе было бы бессмыслицей.
- б) Частное учрежденіе не можетъ основаться иначе какъ на спекуляціонныхъ началахъ; слѣдовательно налогъ на крестьянъ непремѣнно долженъ быть значительно выше того налога, который необходимъ собственно для производства операціи.
- в) Частное учрежденіе не имѣетъ иного источника для операціи какъ одинъ сборъ съ крестьянъ. Оно должно на все время операціи назначить постоянный сборъ и вынуждено будетъ безъ всякаго снисхожденія преслѣдовать взысканіе налога, не взирая ни на то, что сборъ можетъ быть не по силамъ крестьянъ, ни на временную случайную несостоятельность оныхъ, что повлечетъ и къ раззоренію крестьянъ и къ гибели самой операціи.
- г) Частное учрежденіе заберетъ въ свои руки половину народонаселенія Россіи и, огромнымъ своимъ вліяніемъ, поставитъ правительство въ необходимость подчиняться всѣмъ своимъ требованіямъ и желаніямъ, которыя могутъ весьма часто быть несообразны съ общими интересами государства.
- д) При выкупѣ посредствомъ частнаго учрежденія чрезвычайно трудно достигнуть опредѣленія вѣрной цифры выкупа. Оцѣнка же по каждому имѣнію, при частномъ учрежденіи, дѣлается почти невозможною, а подобная оцѣнка есть единственное средство правильнаго рѣшенія вопроса.

Выгода выкупа посредствомъ правительства :

- а) Правительство не имѣетъ нужды учреждать особой администраціи для сбора податей.
- б) Правительство можетъ разсчитывать на постепенное развитіе народнаго богатства. Съ самаго начала операціи налогъ уже можетъ быть сораз- мѣренъ со средствами крестьянъ. Капиталъ на погашеніе облигацій можетъ увеличиваться съ развитіемъ народныхъ средствъ, и такимъ образомъ операція можетъ совершиться довольно скоро и безъ обремененія крестьянъ.
- в) Въ случаѣ недоимокъ и вообще невозможности собрать съ крестьянъ въ извѣстный періодъ необходимыя на уплату процентовъ деньги, пра- вительство имѣетъ на этотъ предметъ всѣ средства, а именно : 1) уменьшеніе расходовъ по другимъ статьямъ годичнаго бюджета ; 2) увеличеніе финансовыхъ средствъ изъ другихъ источниковъ государственнаго дохода ; 3) выпускъ кредитныхъ билетовъ, который въ тѣхъ малыхъ размѣрахъ, въ какихъ въ этомъ случаѣ можетъ явиться надобность, не только не будетъ вреденъ, но напротивъ чрезвычайно полезенъ, ибо развитіе торговой и промышленной дѣятельности, которое неизбежно увеличивается ежегодно, непремѣнно требуетъ увеличенія количества денегъ въ обращеніи для поддержанія равновѣсія въ денежной системѣ.
- г) Облигаціи правительства будутъ имѣть незыблемый кредитъ, во-первыхъ потому уже одному, что это облигаціи государственныя, во-вторыхъ потому, что операція будетъ обеспечиваться умѣреннымъ и послыннымъ сборомъ съ крестьянъ, и сверхъ того операція эта, не заключаая въ себѣ спекуляціоннаго элемента, отрицаетъ всякую возможность пагубнаго ажіотажа.
- д) При выкупѣ посредствомъ правительства вновь освобожденные крестьяне не составятъ особаго сословія, а сольются съ другою половиною народо- населенія, т. е. съ государственными крестьянами, что чрезвычайно важно какъ въ политическомъ такъ и въ экономическомъ отношеніи для могущества государства.

II.

Какъ совершить финансовую операцію выкупа съ полнымъ успѣхомъ, не обременяя кредита государства.

1.) Правительство объявляетъ, что оно выкупаетъ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ съ тѣмъ самымъ количествомъ земли, которымъ они пользуются въ настоящее время.

Выкупить это количество земли, полагается необходимымъ, во-первыхъ потому, что это количество земли фактически признано самими помѣщиками за количество необходимо нужное для существованія крестьянъ; во-вторыхъ потому, что выкупъ этого количества земли не сдѣлаетъ никакого хозяйственного переворота, т. е. не нарушитъ ни экономическихъ условій общины, ни интересовъ помѣщиковъ.

2.) Правительство учреждаетъ оцѣночные комитеты уѣздные и губернскіе и центральный оцѣночный комитетъ въ столицѣ. Эти комитеты, получаютъ направленіе въ своихъ дѣйствіяхъ, отъ существующаго верховнаго комитета; какъ уѣздные такъ и губернскіе комитеты должны быть составлены изъ членовъ на половину назначенныхъ правительствомъ и на половину выбранныхъ отъ дворянства.

Присутствіе въ комитетахъ членовъ изъ крестьянъ можетъ только повредить интересамъ самихъ крестьянъ, а не обеспечить ихъ, по весьма простой причинѣ, что занятія комитета будутъ выше уровня образованія крестьянина. Обязанности уѣзднаго комитета должны состоять въ слѣдующемъ:

- а) Собрать всѣ необходимыя данныя, могущія руководить въ оцѣнкѣ выкупа крѣпостнаго права и выше упомянутой части земли.
- б) Потребовать отъ каждаго помѣщика, чтобы онъ объявилъ какую сумму желаетъ онъ получить за выкупаемую долю имѣнія.
- в) Если объявленная сумма неумѣренная, комитетъ, на основаніи собранныхъ данныхъ, дѣлаетъ собственную оцѣнку и соглашается помѣщика на принятіе этой цѣны. Въ случаѣ не согласія со стороны помѣщика, комитетъ переноситъ споръ въ губернскій комитетъ, который и рѣшаетъ окончательно это спорное дѣло.
- г) По опредѣленіи оцѣнки комитетъ объявляетъ каждой общинѣ границы земли поступающей въ ея владѣніе и сумму, которую придется общинѣ платить ежегодно за выкупъ. Община представляетъ свои возраженія, если имѣетъ; комитетъ обсуживаетъ эти возраженія, совѣщаясь съ общиной, и если не успѣетъ согласить интересовъ обѣихъ сторонъ, рѣшаетъ вопросъ по своему усмотрѣнію, дабы не задерживать успѣхъ дѣла, но въ этомъ случаѣ комитетъ обязанъ составить журналъ тѣхъ претензій, которыя не были имъ удовлетворены, для того, чтобы не лишиться права искать той или другой сторонѣ удовлетворенія своей претензіи и носіи акта освобожденія. Очевидно, что подобное устройство комитета и условия его обязанностей ставятъ членовъ комитета назначенныхъ правительствомъ въ необходимость защищать интересы крестьянъ; эти члены представляютъ собою покупателя, не располагающаго средствами купли и лично отвѣтственнаго передъ правительствомъ въ окончательномъ опредѣленіи суммы уплаты, соразмѣрной со средствами, которыми можетъ свободно располагать община. На этомъ основаніи нѣтъ никакого повода предполагать, чтобы комитетскіе члены отъ правительства не стали-бы принимать всевозможныхъ мѣръ для пониженія выкупной суммы и чтобы они рѣшились оставлять безъ вниманія и не вносить въ журналъ какихъ бы то ни было существенныхъ претензій со стороны общины; ибо въ противномъ случаѣ упущеніе съ ихъ стороны неминуемо обнаружилось бы или жалобой или несостоятельностью общины.

Занятія губернскихъ комитетовъ не представляютъ существеннаго элемента оцѣнки; они рассматриваютъ и централизуютъ оцѣнку уѣздныхъ комитетовъ по всей губерніи. Центральный комитетъ въ свою очередь рассматриваетъ и группируетъ дѣйствія губернскихъ комитетовъ по всей Россіи.

3.) Когда оцѣнка по всей Россіи будетъ окончена, тогда верховный комитетъ назначаетъ выдачу помѣщикамъ облигацій на сумму опредѣленную оцѣнкой, вычитая изъ оной, по заложеннымъ имѣніямъ, долгъ на нихъ лежащій.

4.) Съ выдачею облигацій прекращаются обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику.

5.) По облигаціямъ предъявитель будетъ получать 4%, въ годъ.

Назначеніе 4% есть самое выгодное, — при 3%, каковыя выдаетъ въ настоящее время банкъ за внесенный капиталъ, облигаціи не могли бы такъ легко размѣниваться на деньги, какъ при 4%. — Назначеніе 5% повлекло бы къ обремененію крестьянъ. Сверхъ того 4хъ процентныя облигаціи значительно облегчатъ операцію оцѣнки, по причинѣ существовавшей до сихъ норъ привычки дѣлать расчеты при капитализаціи, соображалась съ этой цифрой процента.

6.) Облигаціи будутъ гаситься посредствомъ жеребьевыхъ тиражей. Для погашенія облигацій назначается на первое время операціи процентный сборъ.

При назначеніи на погашеніе облигацій $\frac{1}{4}$ %, операція совершилась бы въ 72 года. Такой малый процентъ на погашеніе облигацій назначается съ тою цѣлю, чтобы не обременять съ самаго начала крестьянъ. Съ развитіемъ же благосостоянія крестьянъ процентъ погашенія можетъ быть постепенно увеличиваемъ и слѣдовательно операція окончится несравненно скорѣе. Кромѣ этого средства, Россія имѣетъ много другихъ незатронутыхъ источниковъ, посредствомъ которыхъ она всегда можетъ постепенно увеличивать ежегодный выкупъ облигацій, и, можно безъ малѣйшаго преувеличенія сказать, что при умѣнши въ распоряженіи финансовыми средствами у насъ въ Россіи, операція, начатая при 72хъ лѣтнемъ расчетѣ погашенія, можетъ быть окончена менѣе нежели въ 30 лѣтъ безъ всякаго отягощенія крестьянъ.

7.) Всѣ облигаціи должны быть равной нарицательной цѣны (не менѣе 1,000 руб. сер.)

Дробныя уплаты (менѣе 1,000 руб. сер.) будутъ производимы кратковременными облигаціями въ 50 руб. сер., которыя и поступятъ первыя па очередь погашенія.

8.) Облигаціи будутъ выдаваться серіями, ежели того пожелаетъ помѣщикъ. Эти серіи должны быть раздѣлены по категоріямъ съ разницею въ 5,000 руб. сер., то есть въ 5,000, 10,000, 15,000 и т. далѣе до 100,000 руб. сер.

Каждая серія каждой категоріи будетъ имѣть общій померъ, служащій для тиража, и сверхъ того каждая облигація въ 1,000 руб. сер. въ серіи будетъ имѣть свой особый номеръ порядка. При такихъ условіяхъ помѣщикъ огражденъ отъ неудобства получать отъ тиража капиталъ малыми долями и въ тоже время имѣетъ полную возможность, когда понадобится, продавать каждую облигацію своей серіи отдѣльно.

9.) Для производства этой финансовой операціи, общины будутъ подвергнуты ежегодному налогу $4\frac{1}{4}$ процентнаго сбора на капиталъ выкупа, опредѣленный оцѣнкой.

Возможность уплаты общинами этого налога видна изъ слѣдующаго разчета :

Средняя цѣна при продажѣ имѣній съ полнымъ количествомъ земли, хозяйственными заведеніями и даже съ помѣщицкою усадьбою, по всей Россіи можетъ быть принята около 200 руб. сер. за душу. (Цифра скорѣе преувеличенная нежели уменьшенная). Соображаясь съ этимъ можно полагать, что по оцѣнкѣ выкупная сумма за крестьянъ съ ихъ землею никакъ не должна превысить среднимъ числомъ 125 руб. сер. за душу (цифра опять таки скорѣе преувеличенная нежели уменьшенная). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при точной оцѣнкѣ средняя цифра выйдетъ несравненно ниже 125 руб. сер. Но принимая эту наивысшую цифру за основаніе разчета выходитъ, что $4\frac{1}{4}$ процента на этотъ капиталъ составятъ около 5 руб. 30. коп. сер. ежегоднаго налога на душу. Прибавляя къ этому существующія казенныя повинности около $2\frac{1}{2}$ руб. сер. общая тягость падающая на душу будетъ простирается до 7 руб. 80 коп. Цифра немногимъ разнящаяся отъ лежащей тягости на государственномъ крестьянинѣ.

10.) Тягость $4\frac{1}{4}$ процентовъ, налагаемая на освобождающихся крестьянъ, можетъ быть немедленно же умѣрена увеличеніемъ налога на крестьянъ государственныхъ, на гильдейскіе повинности и на земли остающіяся въ собственности помѣщиковъ.

Законопость этой помощи оправдывается самою справедливостію; эта помощь, въ огромномъ большинствѣ, едва-ли можетъ возбудить какое-либо неудовольствіе. Очевидно что отъ освобожденія крестьянъ выигрываютъ интересы всѣхъ сословій и потому государство по справедливости не должно остановиться предъ увеличеніемъ налоговъ на упомянутыя сословія.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 45.

15 Юня 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6. пенсовъ. Получается въ Вольпой Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трубнера & Co. въ книжной лавкѣ 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

БЪШЕНСТВО ЦЕНСУРЫ.

Одно-ипостасная цензура Ковалевскаго — Гибель парохода безъ паруса и т. д. — Три-ипостасная цензура Адлерберга, Тимашева и Муханова — Полное затмѣніе ума, бредъ и лепетъ съ отсутствіемъ сознанія и логической послѣдовательности.

Г. УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОСКОВСКИМЪ УЧЕБНЫМЪ ОКРУГОМЪ.

Дѣло о вышедшихъ въ свѣтъ двухъ первыхъ нумерахъ газеты *Парусъ*, издаваемой въ Москвѣ Надв. Сов. Иваномъ Аксаковымъ, было мною предложено на обсужденіе Главнаго Управленія Ценсуры, при чемъ я обратилъ вниманіе опаго на выраженное въ 1 No. *Русской Газеты*, издаваемой въ Москвѣ отстав. капит.-лейтенантомъ Подемъ, сочувствіе къ направленію газеты *Парусъ*. Главное Управленіе Ценсуры разсмотрѣвъ представленныя москов. ценс. комитетомъ по дѣлу о газетѣ *Парусъ* объясненія отъ 14 и 19 сего Января, нашло, что изъ числа 4 неблагонамѣренныхъ статей сей газеты, двѣ (о мѣщанахъ и вступительная статья No. 2) допущены къ печати, по представленію цензора Тит. Сов. Капниста, моск. ценс. комитетомъ; *вступительная статья* No. 1го одобрена къ печати бывшимъ цензоромъ, Надв. Сов. фонъ Крузе, но узаконенный билетъ на выпускъ изъ типографіи газетнаго нумера, въ которомъ она помѣщена, выданъ также комитетомъ, по представленію Капниста. Статья Академика Погодина одобрена къ печати Капнистомъ собственною властію; No. 1 *Русской Газеты*, въ которой ея редакторъ выразилъ полное сочувствіе направленію *Паруса*, одобрень къ печати цензоромъ Надворнымъ Сов. Гиларовымъ Платоновымъ.

Главное Управленіе Ценсуры нашло доставленныя по сему дѣлу изъ москов. ценс. комитета объясненія неудовлетворительными, и припало виновными: 1) Издателя и редактора газеты *Парусъ*, Надв. Сов. Ив. Аксакова, который, употребивъ во зло всемилоствѣйше возвращенное ему право быть редакторомъ періодическаго изданія, въ самыхъ первыхъ статьяхъ своей новой газеты обнаружилъ предосудительное направленіе, издѣваясь надъ ценсурой, возбуждая открыто ей сопротивленіе и доказывая необходимость свободнаго обсуж-

денія существующихъ у насъ учреждений, недопускаемаго нашими законами, — и потому онъ не заслуживаетъ довѣрія, какъ издатель Газеты, могущей вредно дѣйствовать на общественное мнѣніе. 2) Московскій ценсур. комитетъ, который одобрилъ къ печати статью въ 1 No. *Паруса* (*Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ*), недозволительную по духу осужденія и сарказма, съ которымъ въ ней говорится о существующихъ узаконеніяхъ касательно мѣщанскаго сословія — и *вступительную статью* No. 2, которая содержитъ въ себѣ осужденіе на настоящее, рѣзкія выходки противъ современныхъ правительственныхъ учреждений и улучшеній, съ дерзостію предсказывая имъ не-успѣхъ; наконецъ допустилъ выпускъ въ свѣтъ предосудительной *вступительной статьи* No. 1го, одобренной къ печати бывшимъ цензоромъ фонъ Крузе и потому требовавшей особенной осторожности. 3) Цензора Т. С. Капниста, который допустилъ къ печати во 2 No. *Паруса* статью Академика Погодина, содержащую въ себѣ ѣдкое униженіе нашей иностранной политики и неопозволительное вмѣшательство частнаго лица въ виды и соображенія правительства, не представивъ даже на разсмотрѣніе комитета эту статью, которая уже и тѣмъ должна была возбудить сомнѣніе въ цензорѣ, что не подходила подъ программу *Паруса*, не допускающую политики. Подобное отсутствіе такта указываетъ на недостаточность *ценсорской способности* въ Т. С. Капнистѣ. 4) Редактора *Русской Газеты* капит.-лейтенанта Поля, который одинъ изъ всѣхъ издателей журналовъ и газетъ въ обѣихъ столицахъ поторопился изъяснить самое полное сочувствіе направленію выраженному въ 1 N. *Паруса*. 5) Цензора Надв. Сов. Гиларова-Платонова, допустившаго къ печати означенную статью редактора Поля.

Посему Главное Управленіе Ценсуры опредѣляетъ: 1) Изданіе газеты *Парусъ* прекратить. 2) Московскому ценсурному комитету сдѣлать выговоръ. 3) Цензора Капниста предоставить мнѣ употребить къ болѣе соотвѣтственной его способностямъ должности. 4) Редактору *Русской Газеты* сдѣлать строгое предостереженіе, что въ случаѣ повторенія въ его газетѣ подобныхъ статей, обнаруживающихъ сочувствіе къ направленію неблагонамѣренному, газета его будетъ подвержена запрещенію. 5) Цензору Гиларову-Платонову сдѣлать строгій выговоръ.

О такомъ опредѣленіи Главнаго Управленія Цензуры, я имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать его императорскому величеству, и государь императоръ въ 29 день сего Января высочайше повелѣтъ соизволилъ привести оное въ исполненіе.

Министръ Народнаго Просвѣщенія

Евграфъ Ковалевскій.

31 января 1859, No 259

На это письмо онъ получилъ слѣдующій исполненный достоинства отвѣтъ отъ М. П. Погодина.

М. Г. Евграфъ Петровичъ,

Получивъ извѣстіе о признаніи статьи моей, подъ заглавіемъ: "Прошедшій годъ въ Русской Исторіи", напечатанной во 2 No. газеты "Парусъ", неблагонамѣренной, въ числѣ статей, кои побудили Главное Управленіе Цензуры прекратить изданіе означенной газеты, считаю необходимымъ представить слѣдующее объясненіе вашему высокопревосходительству.

Въ отношеніи вашемъ на имя Г. Управляющаго московскимъ учебнымъ округомъ, отъ 31 Января, за No. 259, статья моя подвергается двумъ обвиненіямъ: 1) За "ѣдкое униженіе нашей иностранной политики" и 2) За "непозволительное вмѣшательство частнаго лица въ виды и соображенія правительства."

Противъ перваго обвиненія имѣю честь объяснить, что статья моя не только не заключаетъ никакого униженія нашей иностранной политики, но напротивъ воздастъ ей совершенную и безусловную хвалу, согласно съ прежними объ ней моими отзывами. Осмѣливаюсь привести въ доказательство неопровержимое слѣдующія слова, коими заключается первая часть статьи.

"Что дѣлаетъ Россія на поприщѣ Европы и т. д... то благо Европѣ и человѣчеству."

Спрашиваю всякаго безпристрастнаго читателя: можно-ли выразить одобреніе яснѣе и полнѣе? Согласно съ этими словами и въ самомъ приступѣ статьи сказано: "Русская внѣшняя политика вездѣ молчитъ, или махаетъ рукою. Она поступаетъ прекрасно."

Спрашиваю, можетъ-ли оставаться сомнѣніе послѣ такихъ категорическихъ положеній въ мнѣніи моемъ о дѣйствіяхъ внѣшней политики, извѣстныхъ по газетамъ. Но есть ея дѣйствія, по газетамъ неизвѣстныя. Я не отрицаю ихъ и готовъ назвать еще прекраснѣйшими, когда онѣ поступаютъ во всеобщее свѣденіе.

Угодно-ли вашему высокопревосходительству, чтобъ я открылъ даже свою тайную мысль при шутивыхъ разсужденіяхъ о дѣйствіяхъ Англичанъ въ Турціи и Греціи, Французовъ въ Молдавіи и Валахіи, Австрійцевъ въ Черпогоріи? Вотъ она: Чортъ васъ возьми, думалъ я про себя, судите и рядите, какъ хотите; мы молчимъ теперь, но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Какъ профессоръ, преподававшій 25 лѣтъ политическую исторію и знакомый ex-officio со всѣми ея событіями, со всѣми министрами и ихъ тайнами даже до настоящихъ минутъ, если не до настоящей минуты, я считалъ себя въ правѣ имѣть свое мнѣніе о политикѣ, какъ предметѣ науки, и объявлять

его во всеуслышаніе, не преклоняясь предъ авторитетами никакого Гизо, никакого Метерниха и никакого Песельерде.

Надѣясь, что дальнѣйшаго толкованія о первой половинѣ моей статьи, послѣ открытія даже и тайной, задушевной мысли, болѣе не нужно, перехожу къ второму обвиненію "непозволительномъ вмѣшательствѣ частнаго лица въ виды и соображенія правительства."

Тему, предметъ второй половины статьи составляетъ мысль, что Россія должна заботиться больше всего объ оборонительныхъ средствахъ въ настоящую минуту, когда всѣ европейскіе государства, даже дружныя между собою, принимаютъ подобныя мѣры въ огромныхъ размѣрахъ.

Я счелъ невозможнымъ высказать эту мысль прямо, по взыскательному иногда образу дѣйствій нашей цензуры, и потому завернулъ ее въ вопросъ, что дѣлаютъ Тотлебенъ, Путятинъ, Хрулевъ, князь Меншиковъ, князь Горчаковъ и пр.? Неужели въ такой мысли и подъ такою формою есть вмѣшательство въ виды и соображенія правительства?

Такое вмѣшательство можно показать на всѣхъ страницахъ нашей печати, и не найдется ни одного порядочнаго Русскаго человѣка, который бы не восклицалъ, не говорилъ, не желалъ, не молился, чтобъ наши войны были побѣдоносны, чиновники справедливы, священники благочестивы, писатели благородны; чтобъ наши крѣпости были неприступны, училища просвѣтительны и пр.

Во всѣхъ нашихъ газетахъ, журналахъ и книгахъ встрѣчаются ежедневно эти мысли въ безчисленныхъ формахъ, и онѣ не только не показываютъ "непозволительнаго вмѣшательства частныхъ лицъ въ виды и соображенія правительства", но служатъ доказательствомъ возникшаго благотворнаго сердечнаго участія гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, которому нельзя не радоваться. Приводимые къ присягѣ предъ крестомъ и Евангеліемъ, мы клянемся дѣлать и говорить все что считаемъ для отечества полезнымъ. Неужели эти слова должно считать только словами и не думать о приложеніи ихъ къ жизни?

Не далѣе какъ вчера было у насъ вездѣ перепечатано письмо г. Немира къ первенствующему въ Англіи министру гр. Дерби, въ которомъ г. Непиръ настоятельно требуетъ собранія резервовъ, умноженія кораблей, распространенія укрѣпленій, однимъ словомъ принятія самыхъ дѣятельныхъ военныхъ мѣръ. Что же—Англичанинъ можетъ выдумывать опасности, призывать правительство къ оружію, — и мы отдаемъ полную справедливость его заботливости, хотя изъ Портсмута, Плимута, Дувра не унесено никѣмъ ни одного камешка, и Англія съ Франціей обнимаются безпрестанно дружески; Англичанинъ, повторяю, можетъ говорить что угодно, а Русскій не смѣй и заикнуться о развалинахъ Севастополя?

Самъ покойный императоръ Николай въ письмѣ своемъ къ Наполеону упомянулъ, какъ должно было забиться русское сердце у всѣхъ его подданныхъ, при появленіи и построеніи флота въ Черномъ морѣ. Неужели это сердце успокоилось, въ продолженіе 11-мѣсячной осады Севастополя? Нѣтъ, оно билось со всякимъ днемъ сильнѣе и сильнѣе, больнѣе и больнѣе. Когда англійскимъ и французскимъ порохомъ подняты были на воздухъ труды четырехъ царствованій, облитые числѣннѣею кровью Корнилова, Нахимова, Истомина и ихъ незабвенныхъ сподвижниковъ, оно замерло; но оно не

можетъ еще по временамъ не испускать тяжкаго вздоха, хотя бы этотъ тяжкій вздохъ и показался докучнымъ диссонансомъ петербургскимъ охотникамъ до итальянскихъ арій! Горе, если такой вздохъ, т. е. легкое напоминаніе о нашей потерѣ пазовется вмѣшательствомъ частнаго лица въ виды и соображенія правительства. Въ Молдавіи, Валахіи, Турціи, Сербіи такъ ужь не думаютъ. Россія есть общее наше отечество, она принадлежитъ нравственно всѣмъ намъ одинаково. Ея болѣзнь какъ и здравіе, всякое частное лицо ощущаетъ въ равной степени, — и благо той странѣ, въ которой всѣ граждане, государь и народъ чувствуютъ какъ одинъ человекъ. Такая страна только и сильна, и счастлива, и достойна своего счастья. Неужели монополія мысли, чувства, любви къ отечеству, должна принадлежать только извѣстному персоналу, у котораго можетъ иногда встрѣтиться даже очевидный недостатокъ въ мысли, чувствѣ и любви.

Въ необходимости укрѣпленія, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ потребностяхъ я убѣжденъ какъ Русскій, какъ гражданинъ, какъ историкъ, какъ внимательный наблюдатель текущихъ событій. Моимъ убѣжденіямъ посчастливилось или лучше сказать, понесчастливилось оправдаться нѣсколько разъ на самомъ дѣлѣ, что утвердило меня еще болѣе въ ихъ истинѣ, и я считаю гражданскимъ долгомъ заявлять ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Еслибъ Главное Управленіе Цензуры, по чьему бы то ни было совѣту или доносу, заимствовавъ орудіе изъ подваловъ испанской инквизиціи, оставленныхъ въ наслѣдство Торквемадою, опредѣлило вырвать у меня языкъ, такъ я выучился бы пантомимѣ и пантомиму мою настоящіе чистые Русскіе люди поняли бы лучше всякаго ученаго и краснорѣчиваго разсужденія.

Спросятъ, почему я, именно я, принимаю такъ къ сердцу то или другое событіе?

Потому, что я сорокъ лѣтъ занимаюсь Русскою Исторіей, потому, что я ежедневно питаюсь ею какъ насущнымъ млббомъ и потому что она сдѣлалась моею плотью, мозгомъ, кровью.

Въ продолженіе послѣдней войны написалъ я записокъ 20, кои передавались покойному государю его сыномъ, нынѣшнимъ нашимъ государемъ. Во всѣхъ этихъ запискахъ, изъ коихъ нѣкоторыя разсылались въ тысячахъ экземпляровъ по всей Россіи, я говорилъ одно и то же, что сказалъ въ послѣдней, полшутливой статьѣ моей. Покойный государь, получивъ еще прежде вѣрное свидѣтельство моей благонамѣренности, отдавалъ справедливость моему искреннему образу дѣйствій и выражалъ мнѣ свою признательность.

А теперь меня называетъ неблагонамѣреннымъ Главное Управленіе Цензуры. Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, въ благонамѣренности я не уступлю никому на свѣтѣ; 20 лѣтъ я издавалъ журналъ, 25 лѣтъ я преподавалъ исторію, я издалъ книгъ больше, чѣмъ иному пришлось прочесть ихъ, тысячи моихъ учениковъ разсѣяны по всѣмъ городамъ русскимъ: извольте распросить кого угодно, поручите пересмотрѣть мои лекціи, перечесть мои сочиненія—и вы не найдете ни одного слова, за которое я долженъ былъ бы отвѣчать совѣсти, и вмѣстѣ которое находилось бы въ противурѣчій съ послѣднею моею статьею. Приближался къ концу своего поприща, на 60 почти году, я не позволю никому относиться легко къ моей гражданской чести, когорую я берегу какъ зеницу ока

вмѣстѣ съ знакомъ 40 почти лѣтней безпорочной службы, не думая и не заботясь ни объ какихъ наградахъ, остававшихся всегда въ долгу у правительства. Я требую суда, я прошу ваше высокопревосходительство сообщить это письмо Главному Управленію Цензуры, дабы оно, разсмотрѣвъ и уваживъ вышепредложенныя мои доказательства, отмѣнило свое первое рѣшеніе, позволило мнѣ перепечатать статью въ настоящемъ ея видѣ, и исходотайствовало у государя императора законное для меня удовлетвореніе въ нанесенномъ мнѣ по недоразумѣнію оскорбленіи.

Государь, обремененный тысячами дѣлъ, одно другаго важнѣе, среди непрерывныхъ заботъ о трудностяхъ настоящихъ мудреныхъ обстоятельствъ, могъ не прочесть моей статьи или не вникнуть въ настоящій смыслъ ея, могъ положиться на какія нибудь недостаточныя выписки, злонамѣренныя указанія или кривыя толкованія, кои къ несчастію слышатся не рѣдко. Я прошу ваше высокопревосходительство представить ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ по предложеннымъ моимъ объясненіямъ. Письмо мое изъ частной жалобы можетъ такимъ образомъ сдѣлаться страницей исторіи. Какъ министръ просвѣщенія, вы лучше всѣхъ должны разумѣть духъ нашего времени и тотъ переворотъ, который произошелъ въ нашихъ понятіяхъ и оцѣнкахъ людей и дѣяній. Какъ министръ просвѣщенія, вы должны знать, какую силу и значеніе со всякимъ лнемъ пріобрѣтаетъ слово, въ самой Россіи, не только въ Европѣ, съ которою она соединилась не однѣми желѣзными дорогами и электрическими телеграфами, но тѣломъ и душою. Можно-ли писателей нынѣ *traiter en canaille*? Въ длинной аудіенціи вы объясните государю, какъ важенъ настоящій частный случай, почему имъ дорожить и воспользоваться должно, сколько любви и довѣренности къ нему прибавится гуманнымъ рѣшеніемъ, отъ всѣхъ истинныхъ друзей отечества, передовыхъ людей, а не тѣхъ зачерствѣлыхъ, заматорѣлыхъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ—придворныхъ, которые ведутъ его съ царскаго пути, и ведутъ, слѣдцы... куда? Я увѣренъ, что онъ, благодушный, пойметъ, ведетъ удовлетворить меня блистательнымъ образомъ, поколику я имѣю заслуги и права, и ясно покажетъ ту готовность на всякое добро, которая пріобрѣла ему сердца при вступленіи его на престолъ.

Если же государь, паче чаянія, не отдастъ мнѣ должной справедливости, я пожалуюсь на него—Ему самому, и покажу примѣръ, что въ наше время, и въ монархическомъ неограниченномъ правленіи, голосъ оскорбленнаго чувства, голосъ оскорбленнаго нравственнаго достоинства можетъ раздаваться, достигнуть престола, и пріобрѣсти общее сочувствіе, не смотря ни на какія стѣснительныя мѣры посредствующихъ властей. Имя Александра II^{го} потому-то уже и озаряется лучами безсмертія въ исторіи, что съ нимъ соединяется умственное и нравственное возрожденіе 60 милліоновъ даровитѣйшаго въ свѣтѣ народа, который чрезъ 1000 лѣтъ достигши при немъ совершеннолѣтія, разверзаетъ наконецъ свои уста, столь долго семью печатами запечатлѣнныя. Я имѣю счастье принадлежать къ этому народу и жить въ это время.

Предъявивъ мои права, я долженъ принести покаяніе вашему высокопревосходительству и въ своихъ винахъ. Мои вины, много впрочемъ по слабости человѣческой несознаваемости, могутъ относиться къ незнавію свѣтскихъ приличій, къ жестокости и грубости рѣчи, которая доходитъ иногда, говорить, до дерзости. Во всѣхъ прежнихъ моихъ запискахъ,

писанныхъ однимъ тономъ, и даже въ послѣдней полушутливой статьѣ, я коснулся самъ этихъ недостатковъ и просилъ извиненія. Человѣкъ кабинетный, занимающійся болѣе съ книгами, чѣмъ съ людьми, точно, я выражаюсь ипогда слишкомъ рѣзко, особенно когда говоритъ моя кровь и дѣло касается русской истории. Скажу болѣе,— я могу ошибаться, я могу увлекаться любимыми своими мыслями; судите меня по закону, я приму съ совершенной покорностью всякое наказаніе, спесу его терпѣливо, но не называй никто моей статьи неблагонамѣренной. Ни одной страницы не пускаю я безъ своего имени, и ни одной строки не напечаталъ нигдѣ тайно—вотъ осязательное доказательство, что я хотѣлъ служить своему отечеству по крайнему своему разумѣнію открыто, чисто и честно, если и грубо и дерзко. Примите увѣреніе и пр.

Дѣйств. Ст. Сбв.; Орд. Академикъ; Поч. членъ Имп. Мос. Университета, Публич. Библиотеки въ Петербургѣ, Аграмскаго Общества Древностей; Дѣйств. членъ Обществъ: Московскаго—Исторіи и Древности, Петербургскаго—Географическаго и Нумизматическаго, Казанскаго—Люб. Рос. Словесности, Одесскаго—Археологич. и Древностей, Копенгагенскаго—Сѣвер. Антиваріевъ, Статскаго отдѣленія мин. вн. дѣлъ: Докторъ философіи Прагскаго Университета; Временный предсѣдатель Москов. Общ. Люб. Рус. Словесности и пр. и пр.

Михаилъ Погодинъ.

Москва 7 Февраля 1859.

За симъ пзъ отрицательныхъ нелѣпостей, цензурократы бросаются въ положительныя. Посмотримъ какъ они создаютъ.

— Запретивши *Парусъ*, Оберъ-цензура вызываетъ въ Петербургъ одного почтеннаго литератора, (*зачѣмъ нтъ фамили?*) и предлагаетъ ему взять редакцію новаго журнала *Пароходъ*. Литераторъ требуетъ прежде всего независимости, требуетъ чтобъ журналъ дозволили издавать по той же программѣ какъ и *Парусъ*, однимъ словомъ, чтобы все осталось по прежнему. Переименуется только имя редактора, цѣль же журнала и главное дѣйствующія лица останутся тѣ же. Оберъ-цензура соглашается. Проходитъ двѣ недѣли, и будущій редакторъ получаетъ слѣдующую бумагу:

Господину N. N.

“ На представленіе Московскаго цензурнаго комитета о дозволеніи вашему высокоблагородію издавать въ Москвѣ еженедѣльную газету *Пароходъ* по составленной вами программѣ, г. министръ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 2го сего Марта за No. 492. увѣдомилъ цензурный комитетъ, что по обсужденіи сего дѣла въ совѣтѣ министровъ, его императорское величество въ 26 день Февраля текущаго года высочайше повелѣтъ соизволилъ программу предполагаемой газеты измѣнить такимъ образомъ, чтобы идея о *правѣ самобытности развитія народностей, какъ славянскихъ такъ и иноплеменныхъ*, не много мѣста въ газетѣ и все, что относится до сего предмета, было изъ нея исключено. Съ тѣмъ вмѣстѣ, допуская умственное наше обхожденіе съ единоплеменными намъ славянами, особливо же съ тѣми изъ нихъ, которые родственны намъ, не по одному происхожденію но и по вѣрѣ, а равно соглашаясь, что для уразумѣнія вполнѣ общаго быта славянъ весьма полезно сравнительное изученіе быта каждаго славянскаго племени, необходимо однакожь, чтобы предполагаемая къ изданію газета ограничивалась исключительно разработкою языкознанія, литературы, законодательства, исторіи и археологич. славянскихъ народовъ, чтобы она имѣла чисто учено-литературный характеръ и

устрапила бы отъ себя всякое вмѣшательство въ современную политику. При такомъ только условіи можно будетъ разрѣшить редакціи газеты входить въ сношенія съ учеными и литераторами Чешскими, Сербскими, Хорватскими, Болгарскими и Польскими, а равно получать славянскія изданія, газеты, журналы и книги, *дозволенные* цензурой. (Обратите вниманіе на нелѣпость и свѣденія министерства; оно даже не знаетъ, что мы и до сихъ поръ безъ настоящаго дозволенія пользовались правомъ входить въ сношенія съ иностранными учеными и покупать *дозволенные* книги. Пѣтъ, рѣшительно тупѣютъ въ Петербургѣ. Законы даже забываютъ.) Наконецъ должно замѣнить предполагаемое позваніе газеты “*Пароходъ*” *болѣе приличнымъ* и соответствующимъ цѣли изданія именемъ, на пр. *Славянскій Вѣстникъ* “или какимъ либо другимъ, тому подобнымъ.” О семъ, согласно предложенію г. министра народнаго просвѣщенія, цензурный комитетъ имѣетъ честь сообщить вамъ, милостивый государь, присовокупляя, что если вамъ угодно на основаніи изложенныхъ замѣчаній составить новую программу, то она снова должна быть представлена въ здѣшній цензурный комитетъ и что въ случаѣ утвержденія программы для вашей газеты въ объявленіи оной не можетъ быть вовсе упоминаемо ни о прекратившейся газетѣ *Парусъ*, ни о славянской конторѣ.”

Вы можете себѣ легко представить, что послѣ такой бумаги и такихъ умныхъ рѣчей мысль о возобновленіи *Паруса* была брошена.

9 Марта 1859—N. 561.

Г. Исправляющему до шность Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

Во 2ой декабрской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за истекшіи 1858 годъ, въ “*Политическомъ Обзорѣнн*,” на стр. 441 и 442, рассказывается о существующемъ въ Берлинѣ Центральномъ Комитетѣ Прессы, котораго назначеніе—руководствовать направленіемъ журналистики, и который разсылаетъ статьи и корреспонденціи въ провинціальныя газеты. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападая на мысль прусскаго правительства, выраженную учрежденіемъ этого комитета, авторъ статьи *Русскаго Вѣстника* отвергаетъ право всякаго правительства на какое бы-то ни было вмѣшательство въ дѣла литературы и журналистики и находитъ лучшимъ, чтобы правительство предлагало литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе административные, политическіе и финансовыя вопросы. Вся статья пропитана духомъ озлобленія и протеста, и выражаетъ конституціонныя стремленія въ сочинителѣ статьи. Подобныя тому выходки противъ вліянія правительства на общественное мнѣніе, появились въ 1ой февральской книжкѣ 1859 года *Русскаго Вѣстника*, въ “*Современной Лѣтописи*.” Здѣсь выражается мысль, что употребленіе правительствомъ литераторовъ для проведенія въ публику своихъ видовъ, ведетъ къ умственному разврату и нравственному растлѣнію. Такая декламация въ виду учрежденнаго у насъ нынѣ комитета по дѣламъ книгопечатанія, не можетъ не имѣть значенія громко заявленнаго протеста противъ вмѣшательства правительства въ дѣла литературы, и слѣдственно носитъ на себѣ отпечатокъ противодѣйствія распоряженіямъ его.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать выговоръ цензорамъ статскому совѣтнику Драшусову и надворному совѣтнику Гилярову-Платонову, одобрившимъ къ печати означенныя журнальныя книжки, а также впустить редактору *Русскаго Вѣстника* все неприличіе, всю непозволительность, какъ вышесказанныхъ статей, такъ и господствующаго въ современной лѣтописи его журнала (кромѣ отдѣльныхъ статей) не соответствующаго началамъ нашего государственнаго устройства, духа и направленія и предостеречь его, что если онъ не измѣнитъ этого направленія, то правительство вынуждено будетъ принять касательно его изданія рѣшительныя мѣры.

Министръ Народнаго Просвѣщенія,

КОВАЛЕВСКІЙ.

9 Марта 1859—N. 585.

Г. Попечителю С. Петербургскаго Учебнаго Округа.

Главное правленіе цензуры, рассмотрѣвъ представленіе С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета, отъ 23 Декабря 1858 года, о предпринимаемомъ книгопродавцемъ Я. Исаковымъ изданіи *Сочиненій А. С. Пушкина* и имѣя въ виду данное уже симъ управленіемъ въ Январѣ 1858 года, предложенное С. Петербургскому Цензурному Комитету бывшимъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, княземъ Вяземскимъ, отъ 19 Февраля 1858 г., за N.º 418, разрѣшеніе одобрить къ новому изданію напечатанное Анненковымъ въ 1855 - 1857 годахъ, *Собраніе Сочиненій А. С. Пушкина*, опредѣлило: предложить комитету рассмотреть всѣ сочиненія Пушкина, предполагаемыя ко внесенію въ предпринимаемое нынѣ Исаковымъ изданіе *Сочиненій А. С. Пушкина*, не бывшія въ изданіи Анненкова, съ тѣмъ, что если какіе либо изъ сихъ добавленій возбуждаютъ цензурныя сомнѣнія, то представить о нихъ Главному Правленію. При семъ комитетъ долженъ исключить всѣ мѣста въ *Сочиненіяхъ Пушкина*, исключенныя по высочайше утвержденному опредѣленію Главнаго Управленія цензуры въ 1854 г., а также піесы и отрывки, напечатанныя въ *Библиографическихъ Запискахъ 1858 года*, возбуждшіе замѣчаніе со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

О семъ опредѣленіи главнаго управленія цензуры имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для предложенія С. Петербургскому цензурному комитету къ надлежащему исполненію. Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что вышеупомянутыя два опредѣленія главнаго управленія цензуры сообщены предмѣстникамъ вашимъ, милостивый государь, предложеніями министерства отъ 14го Октября 1854 г. за No. 2037, и 28 Іюня 1857 г. за No. 1125, съ приложеніемъ выписокъ, мѣсть исключенныхъ изъ *сочиненій Пушкина* и требовавшихъ особаго объясненія; а также, что въ 1858 г. сдѣланы были мною и предмѣстникомъ моимъ строгое замѣчаніе бывшему цензору московскаго цензурнаго комитета *Крузе* и редактору журнала *Библиографическія Записки*, поручнику *Щепкину*, и выговоръ первому за напечатаніе въ семъ журналѣ нѣкоторыхъ писемъ и стихотвореній Пушкина, признанное въ различныхъ отношеніяхъ неу-

мѣстнымъ. Стихотворенія сіи, помѣщенныя въ No. 12 *Библиографическихъ Записокъ*, суть слѣдующія: 1) *Ахъ, тетушка ахъ Анна Львовна*. 2) *Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ*. 3) *Къ Смирдину какъ ни зайдешь*. 4) *На выздоровленіе Лукулла*. 5) *Ты прозаикъ, я поэтъ*. 6) *Не то бѣда, что ты полякъ*. Притомъ нужно имѣть въ виду предложеніе С. Петербургскому цензурному комитету отъ 26го Февраля 1858 года за No. 448 о стихотвореніи. *Иной имѣлъ мою Аллаю* и предложеніе отъ 18го Апрѣля 1858 года за No. 179 о письмахъ А. С. Пушкина.

Министръ Народнаго Просвѣщенія.

Е. КОВАЛЕВСКІЙ.

Директоръ А. Берте.

ДѢЛО О ВЫСЪЧЕНОМЪ ГЕНЕРАЛѢ КАНДЫБѢ

И ЕГО ЖЕНЬ.

“Генераль-маіоръ Тимофей Даниловъ Кандыба, и супруга его Констанція Митрофанова, въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами превзошли всѣ примѣры приведенные въ журналѣ вашемъ и къ тому еще истязанія ихъ производились не въ глуши, а въ Одессѣ;” пишетъ намъ неизвѣстный корреспондентъ и рассказываетъ слѣдующее:

“Кандыба командовалъ драгунскимъ полкомъ, квартировавшемъ въ Царствѣ Польскомъ, былъ членомъ одной изъ военно-судныхъ комиссій въ Царствѣ, потомъ онъ вышелъ въ отставку и женился на 17^{ти} лѣтней воспитанницѣ Смольнаго Монастыря Констанціи Митрофановнѣ, переселился въ ново-россійской край, и жилъ то въ Одессѣ, то въ прекрасномъ имѣніи своемъ Петриковкѣ (тожъ Корнѣевка) не подалеку отъ города до 1857 года, въ концѣ котораго силою обстоятельствъ вынужденъ онъ былъ выѣхать въ Москву. Не стану описывать подробностей способа покупки имъ имѣнія отъ Петровой; слѣдствіе о немъ еще не окончено, скажу только, что 6,000 десятинъ земли и 158 душъ незаложенныхъ перешли во владѣніе генерала Кандыбы по купчей крѣпости совершенной въ херсонской палатѣ гражданскаго суда; что восьмидней, которые закономъ положены для того, чтобы купчая вошла въ законную силу проведены въ пирахъ и весельи, въ которомъ участвовали всѣ люди сильные міра херсонскаго; и на девятый день вдова Петрова выслана изъ имѣнія въ собственномъ экипажѣ на такихъ лошадяхъ, что вынуждена была остановиться въ пяти верстахъ для ночлега у собственнаго крестьянина, и въ имѣніи полковника Лачинова скончалась отъ сильныхъ потрясеній (а какъ Кандыба говорилъ въ объясненіяхъ своихъ отъ перепоя) достовѣрно же извѣстно только то, что для погребенія ея прибѣгли къ челоуколюбію г. Лачинова, въ присутствіи котораго и духовника состоялось Духовное завѣщаніе, послужившее основаніемъ слѣдствія.

Кандыба жилъ въ Одессѣ въ собственномъ домѣ, на Херсонской улицѣ; въ одномъ съ нимъ домѣ помѣщались семейства княгини Пислянти и Михаила Константиновича Катакази, состоящаго при графѣ Строгоновѣ въ качествѣ юрисконсульта и чиновника особыхъ порученій.

Въ этомъ домѣ, не стѣняясь сосѣдствомъ жилъ Кандыба барски съ дворней, кровными жеребцами и всѣми принадлежностями ново-россійскаго барина.

Вольнопрактикующему фельдшеру Петру Осипову Герикову часто приходилось спиртами и разными средствами приводить въ чувство людей, терявшихъ память подъ ударами плетей и розогъ.

Домашняя дисциплина была доведена до чудовищности.

Въ одинъ день когда Констанція Митрофановна, за неутожденеіе ей при утреннемъ туалетѣ, приказала горничной дѣвчкѣ Раисѣ дать 60 розогъ, а у генеральши сдѣлалось головокруженіе; она послала за докторомъ Вагнеромъ, который приказалъ поставить ей пѣвокъ къ затылку. Позвали Герикова и ему поручено ставить пѣвки. Во время этой операціи взошла Раиса держа въ рукахъ вѣтошь, Констанція Митрофановна, вспомнивъ утреннее распоряженіе, спросила исполнено - ли оно и не видя слѣдовъ слезъ на лицѣ, усомнилась въ справедливости отвѣта, и велѣла дѣвчкѣ обнажить избитое тѣло; но Констанція Митрофановна этимъ неудовольствовалась, замѣтивъ, что лѣвая сторона была не избита и цвѣта естественнаго, велѣла ей сказать кучеру Павлу, что она имъ недовольна, чтобъ онъ прибавилъ еще 25 розогъ, а что съ нимъ баринъ раздѣляется.

Само собою разумѣется, что такія наказанія происходившія въ сараѣ были слышны, не только всѣмъ жильцамъ, но и въ сосѣднихъ домахъ, но равнодушіе и привычка къ нимъ до того укоренилась у слышавшихъ ежедневно стоны и крики, что перестали обращать вниманіе, и только вольная прислуга Ипсиланти и Катакази, не могла переносить ежедневно этихъ ужасовъ, и требовала расчета, а потому Кандыба снабжалъ ихъ собственными дворовыми людьми для услуги.

Передъ Троицынымъ днемъ, 1855 года, прачка Пелагея Захваталова не угодила барынѣ мытьемъ какаго-то воротничка. Барыня *исколотила* ее своими руками и общалась на другой день дать ей 200 розогъ

Несчастная женщина сошла съ лѣстницы, поставила корзину у дверей, вбѣжала въ отворенный сарай и старымъ кушакомъ висѣвшимъ на колу удавилась.

Чистившій навозъ конюхъ первый увидѣлъ удавившуюся; онъ бросился за ея мужемъ Карпомъ. Они вмѣстѣ съ кучеромъ принесли удавленницу въ прачешную и успѣли растравляя и холодной водой возвратитъ ее къ жизни. При подачѣ ей помощи обнажилось тѣло испещренное рубцами и пятнами, и видъ этихъ слѣдовъ послѣднихъ истязаній внушилъ этимъ тремъ человекамъ мысль наказать злодѣя Кандыбу.

На слѣдующее утро Тимофей Даниловичъ проснувшись, по обыкновенію сталъ звать Карпа, но Карпъ не отзывался; онъ вышелъ въ столовую, зоветъ—нѣтъ отвѣта; отворяетъ дверь буфета гдѣ была постель Карпа, но и тамъ нѣтъ Карпа; между тѣмъ видитъ онъ кучера Павла и копяча.

Они бросились на Кандыбу—заворотили халатъ на голову и отодъ али его. (Мы душевно жалѣемъ что мало!)

Люди посовѣтовавшись, явились съ повинною въ одесскую полицію, но дежурный квартальный принялъ ихъ за пьяныхъ, не повѣрилъ имъ и прогналъ. Они выходя изъ полиціи встрѣтили козачка, посланнаго къ нимъ баринномъ съ приказаніемъ молчать о происшедшемъ, и возвратиться домой, за что имъ обѣщана вольная; но Карпъ отвѣчалъ пойдемъ къ полицмейстеру, не вѣрь ему, онъ изъ пистолета убьетъ всѣхъ насъ.

Люди сидятъ еще и нынче въ Острогѣ.

Показанія этихъ дворовыхъ людей были сняты, изъ этого происшествія возникло два дѣла:

1ое О побояхъ дворовыми людьми е. п. генераль-маіора Тимофея Даниловича Кандыбы, которое передано на судебное постановленіе уѣздному суду для *наказанія виновныхъ*.— (Неокончено.)

2ое О жестокомъ обращеніи *будто бы* чинимомъ генераль-маіоромъ Кандыбою, переданномъ херсонскимъ губернскимъ правленіемъ для производства слѣдствія старшему, чиновнику особыхъ порученій херсонскаго губернатора Криштофовичу (читатели *Колокола* знаютъ уже этого молодца), изъ котораго въ мнѣніи слѣдователя выражено, что жестокое обращеніе генерала Кандыбы ничѣмъ не доказывается, что домашнія исправительныя наказанія чинимые его превосходительствомъ *не превышаютъ законами положенную мѣру*— а потому и должно считать ихъ клеветою, тѣмъ болѣе, что большая половина крестьянъ числящихся по ревизіи за генераль-маіоромъ Кандыбою находятся въ *бѣгахъ*, что *доказываетъ ихъ дурное поведеніе*. Панкратьевъ послучивши донесеніе, возвратилъ рапортъ Криштофовичу, по самое слѣдствіе передалъ на заключеніе губернскаго правленія, которое нашло, что генераль-маіоръ Кандыба невиненъ какъ агнецъ.

Спрошенные въ Одесѣ жильцы подтвердили тоже, по Катакази купилъ за безцѣнокъ имѣніе его.

Другой свидѣтель, на котораго ссылались люди, баронъ Эпихенъ, имѣетъ отъ генераль-маіора Кандыбы довѣренность на полученіе доходовъ съ его домовъ.

Рата перешла во владѣніе новаго помѣщика (и нынѣ подтвердить справедливость всего этого рассказаннаго) г. юрисконсульту графа Строгонова.

Пелагея ходитъ по городу въ услуженіи по двухъ мѣсячному билету, который ей выдается, изъ полиціи до окончанія дѣла.

Уѣздный же судъ разсматриваетъ дѣло и подъ вліаніемъ Катакази прискиваетъ высшую мѣру наказанія, которымъ должны быть подвергнуты виновные.

P.S.—Генераль Кандыба умеръ уже—такъ и согъ съ нимъ, а главное, спасите несчастныхъ, которымъ грозитъ каторга и плети, тѣмъ болѣе, что на дняхъ умеръ херсонскій губернаторъ и на его мѣсто назначается (кажется) Катакази.

Одесса, 1859 г.

И такъ, вы думаете, что *мы можемъ спасти* когда Строгоновъ возлѣ, Катакази возлѣ—скрываютъ, замазываютъ—*плтъ*; мы можемъ только предать позору, имя этого Кандыбы, мы можемъ издали подать руку мученикамъ, которымъ покончатъ однокорытники Катакази, и прибавить, что мы перестаемъ вѣрить что государь хочетъ знать подобныя вещи и хочетъ завести иной судъ и иную расправу.

Отъ ред.

О ПРОЭКТѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

Мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о проэктѣ освобожденія крестьянъ, приложенномъ къ послѣднему листу *Колокола* (N. 44). Его краткость, ясность и полнота дѣлаютъ его доступнымъ всѣмъ читателямъ и мы глубоко надѣемся, что онъ пройдетъ не бесплодно. Онъ намъ напоминаетъ

проектъ, напечатанный въ V книжкѣ *Голосовъ изъ Россіи*; нѣсколько отдѣльных замѣчаній, здѣсь прилагаемыхъ, нисколько не поколеблять истинности и важности цѣлаго проекта.

1) Мы совершенно согласны съ его авторомъ, что государственные и помѣщичьи крестьяне должны устроиться на одинакихъ основаніяхъ, но мы полагаемъ, что тотчасъ по установкѣ системы выкупа, не только помѣщичьи, но и государственные крестьяне должны быть освобождены отъ министерства государственныхъ имуществъ на основаніи землевладѣющихъ общинъ.

2) Комитеты, составленные изъ дворянъ и чиновниковъ, скорѣе будутъ держать помѣщичью сторону чѣмъ крестьянскую. Мы требуемъ, для возможнаго устраненія несправедливости, чтобы комитеты засѣдали публично и ихъ пренія имѣли гласность въ печати, и чтобы члены отъ правительства равно какъ и предсѣдатель были назначаемы изъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, или вовсе не имѣющихъ крѣпостныхъ людей, или по крайней мѣрѣ не имѣющихъ ихъ въ той губерніи, въ комитетъ которой назначаются.

3) Авторъ проекта устраняетъ крестьянъ изъ оцѣночныхъ комитетовъ, потому что занятія комитета выше уровня крестьянскаго образованія; въ послѣднемъ мы сомнѣваемся. Крестьяне легко поймутъ въ чемъ дѣло; еслибъ авторъ сказалъ, что на оцѣночныхъ комитетахъ помѣщичья сторона легко можетъ запугать нѣсколькихъ отдѣльных депутатовъ или повѣренныхъ изъ крестьянъ,—это былъ бы справедливѣе. Самъ авторъ, какъ бы въ замѣнъ присутствія крестьянскихъ повѣренныхъ въ комитетахъ, опредѣляетъ переговоры между членами отъ правительства и цѣлой общиною. Можетъ быть это и полезнѣе, но мы желали бы, чтобы возраженія со стороны общинъ имѣли законную силу, были-бы обнародованы въ печати, и чтобы члены комитетовъ, за невниманіе къ возраженіямъ и мнѣніямъ общинъ, подвергались строгой отвѣтственности.

4) Для окончательныхъ разбирательствъ, послѣ утвержденія акта освобожденія, мы предложили-бы уже не комитеты, а третейскіе суды, гдѣ судьи были бы выбраны по ровну съ обѣихъ сторонъ изъ какого-бы сословія ни было, лишь бы застраиваніе дворяниномъ или чиновникомъ судьи не изъ дворянскаго сословія считалось уголовнымъ преступленіемъ и судопроизводство было бы гласное.

Н. Огаревъ.

С М Ъ С Ъ.

— *Еще о Гутцейтль.* — Мы получили изъ Орла другое письмо, въ которомъ насъ извѣщаютъ, что хотя главные обстоятельства преступленія Гутцейта (Колоколь листъ 38) и справедливы, но что несчастную дѣвушку отдали для исправленія въ однодворческое селеніе. Отчего-же Гутцейтъ не отданъ на исправленіе въ *каторжную работу*?

Корреспондентъ нашъ прибавляетъ: “Исторія была извѣстна во всей губерніи, и не смотря на это въ орловскомъ уѣздѣ на выборахъ въ комитетъ было предложеніе выбрать Гутцейта въ *депутаты*, но онъ не рѣшился болтироваться, вѣроятно не изъ боязни быть не выбраннымъ, а изъ боязни

не быть утвержденнымъ. Еще замѣчательнѣе также и тотъ фактъ, что въ орловскомъ уѣздѣ Гутцейтъ былъ членомъ коммисіи, которой было поручено отъ уѣзда заняться обсужденіемъ высочайшихъ рескриптовъ для составленія адресовъ. Плодомъ этого труда было такое постановленіе, о которомъ Милюковъ, мценскій помѣщикъ почти публично говорилъ въ Собраніи: “Что надобно быть Нѣмцемъ или жидомъ чтобъ отнять у мужика даже землю на могилку.” Въ 1848 г. въ Орлѣ сгорѣло $\frac{3}{4}$ города, извѣстно, что засѣкли, не помню сколько человекъ, 5 или 7; рассказываютъ, что губернаторъ Трубецкой обратился къ публикѣ во время казни съ саблей въ рукахъ и сказалъ: “Вамъ всѣмъ тоже самое будетъ.” При секретномъ слѣдствіи по пожарамъ тотъ-же Гутцейтъ пыталъ засѣченныхъ людей *по особому способу.*”*

Вмѣсто *водевиля послѣ уголовной драмы*, корреспондентъ рассказываетъ исторію о какомъ-то дикомъ генералъ-адъютантѣ Глинкѣ, который повѣсилъ двухъ собакъ сосѣдняго помѣщика и отнялъ ружье у охотника, встрѣтивъ ихъ на проѣзжѣмъ мосту черезъ болото. Въ объясненіе Глинка очень основательно сказалъ помѣщику, что онъ генералъ-адъютантъ и потому имѣетъ право дѣлать что хочетъ. А мы прибавимъ въ утѣшеніе помѣщику, что нечему дивится, если вѣшаютъ собакъ въ странѣ, гдѣ безнаказанно насилуютъ дѣвушекъ. Сверхъ того, несчастная жертва развратнаго правительства и распутнаго дворянства, не имѣла никакихъ средствъ преслѣдовать преступника—а помѣщикъ обладавшій собаками за чѣмъ не хлопоталъ, не кричалъ, не отдалъ все достояніе, чтобъ проучить нахальнаго феодала, послѣ его татарскаго отвѣта!

— *Кстати.* говорятъ въ Петербургѣ какая-то барыня жарила горничную на плитѣ, ждемъ подробностей объ этой милой соотечественницѣ.

— *Зачѣмъ* Почтовое Вѣдомство не держитъ по штату положеннаго числа *кондукторовъ*, а деньги на нихъ получаютъ?

Станный вопросъ,—деньги могутъ безъ кондуктора доѣхать въ карманъ. — Это правда, но не утѣшительная для несчастныхъ кондукторовъ, которые не имѣютъ времени отдохнуть и рѣшительно разстроиваютъ здоровье, отправляясь на примѣръ изъ Варшавы въ Москву и безъ отдыха изъ Москвы въ Петербургъ?

— *Еще нелѣпость цензуры.* — По предписанію Главнаго Ценсурнаго Управленія, къ Петербургскому Ценсурному, требуется отъ редакторовъ иностранныхъ періодическихъ изданій въ Россіи, “не иначе представлять въ цензуру статей, относящихся до чужихъ народовъ, какъ вмѣстѣ съ русскими переводами.”

“Ценсурному-же комитету вмѣняется въ обязанность: серьезныя статьи этого рода, безъ предворительнаго согласія Ковалевскаго не допускать къ напечатанію.”

Это распоряженіе, въ сущности, равняется прямому запрещенію русско-иностраннымъ журналамъ говорить дѣльно о чемъ бы то ни было, относящемся до ихъ народовъ; потому что нѣтъ никакой возможности всякій разъ переводить подобнаго рода статьи, очень часто болѣе нѣсколькихъ печатныхъ листовъ.

* Сжатиемъ дѣтородныхъ частей!

НА УГЛУ.

— Пойдите, пойдите, — очень радъ, что васъ встрѣтилъ, неужели и вы за Францію?

— Нѣтъ.

— Стало вы за Англiю, — я такъ и думалъ, а то мнѣ говорили что вы —

— Нѣтъ, вѣтъ, я и не за Англiю, въ этомъ случаѣ.

— Такъ за кого же вы?

— Я *противъ* Австрiи.

— Позвольте, стало быть вы все таки за Францію? Помилуйте! Бонапартизмъ!

— Нисколько.

— Ну такъ вы *противъ* всѣхъ?

— Отчасти.

— Это невозможно... если вы *противъ* Австрiи, вы должны быть за Францію.

— Вы забыли вашу математику и аналитическую геометрiю. Я здѣсь стою по ту сторону координатъ, у меня все отрицательныя величины, я могу быть *противъ* одному, чѣмъ другому, вотъ и все. Какъ вы думаете, можно не въ примѣръ будущимъ случаямъ употребить слово *противъ*?

— Развѣ *in uso et abuso Austriae*...

— Иногда грамматическія ошибки очень важны. Въ Вяткѣ былъ у меня одинъ прiятель, имѣвшій слабость пить запоемъ и притомъ тайкомъ отъ жены (ему было лѣтъ 50). Такъ какъ у него отбирали ключи, вино и деньги, то онъ обыкновенно приходилъ ко мнѣ освѣжиться теперифомъ и браить своего свекра. Разъ онъ мнѣ сказалъ: “Еслибъ вы знали, что это за шельма — вѣтъ, — онъ остановился въ раздумьи и потомъ прибавилъ: вѣтъ, онъ не шельма, шельмой можетъ быть всякій, а онъ — онъ не шельма, онъ шельма!” Этимъ ненужнымъ хвостикомъ къ ш, онъ мнѣ совершенно объяснилъ свою мысль.

— Вы все смѣетесь, это никуда не годится, особенно когда идетъ рѣчь о такихъ важныхъ предметахъ, о предметахъ такъ сказать всемирно-историческаго значенiя.

— Извольте, я постараюсь тоже сказать, но очень скучно. Еслибъ вы были первый адресовавшійся ко мнѣ съ этимъ вопросомъ, я съ самаго начала сталъ бы съ вами скучно говорить. Но наконецъ надоѣло, мочи нѣтъ. Дамы въ застарѣлой итальянской болѣзни, Нѣмцы въ складной патриотической, Англичане въ неизлѣчимой англiйской и Французы въ хронической военной, постоянно спрашиваютъ тоже самое, — проходу нѣтъ; я обхожу переулками Режентъ Стритъ, на на нихъ можно задохнуться и заразиться, да никто не спрашивается.

— Отчего же не спрашивать, этотъ вопросъ теперь такъ естественно приходитъ каждому въ голову.

— Мало чего нѣтъ. А я и вопроса-то вовсе не понимаю... отчего же это быть *противъ* Австрiи, значить быть *противъ* Англiи? Развѣ союзы дѣлаются по азбучному порядку?... тогда придется прибавить Абисинiю, Аргадiю и Аравiю.

— А вѣдь обѣщались не острить.

— Извините, повѣрьте я буду невѣроятно тупъ, но разсудите сами. Въ мiрѣ нѣтъ ничего противоположнѣе Англiи и Австрiи. Страна ультра-протестантская съ одной стороны; страна *красная* католицизма съ другой. Въ Австрiи одна военно-судная расправа и закопъ рабъ произ-

вола; въ Англiи всѣ люди, не исключая королевы — рабы закона. Тутъ вся сила, все могущество — въ торговлѣ, въ богатствѣ, въ коробляхъ; тамъ — въ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, штыкахъ и пѣхотѣ. Въ Англiи запрещаютъ жестоко обращаться съ кошками и собаками; въ Австрiи дерутъ розгами женщинъ и платятъ 20 цванцигеровъ дамамъ, которыя принимаютъ на себя государственную обязанность сѣчь ихъ.

— Да вѣдь вамъ никто не говоритъ, что Англiя *сочувствуетъ* Австрiи, она оберегая свои собственные интересы, хочетъ ее поддерживать.

— Ненавидя ее?

— Можетъ быть, но для *сохраненiя* равновѣсiя...

— Ученый другъ мой, придите въ мои объятiя! На самомъ этомъ основанiи, я желаю побѣды французскому войску, — Англiя готова зарѣзать Италiю и на вѣкъ еще отбросить въ варварство весь Югъ Европы, поддерживая ненавистный ей порядокъ — для *сохраненiя* мнимаго равновѣсiя; я желаю побѣды противоположному стану — для *разрушенiя* слишкомъ *дѣйствительнаго* самовластiя въ Европѣ. Тутъ вся разница въ томъ, что я желаю *дѣла*, а Англiя *вздора*... Если только Англiя этого желаетъ?

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя, читали-ли вы сегодня *leading article* въ Теймсѣ?

— Я знаю очень хорошо, что думаютъ — Теймсѣ, банкиры, мѣнялы, биржевые клерки и другіе патриоты. Но такъ ли думаетъ Англiя, не знаю. Большая часть ея совѣмъ не заявила своего голоса. Подождемте осуждать до суда. Помните Conspiracy Bill и Бернардовъ процессъ. Пальмерстонъ и Дерби, Кларендонъ и Дизраели, ни въ чемъ несогласные, — были братски душа въ душу согласны въ желанiи прислужить сосѣднему барину и повѣсить Берпара; все было сдѣлано для этого — Паполсонъ прислалъ обозъ свидѣтелей, женщинъ, дѣтей, преклонныхъ старцевъ, свинченныхъ и развинченныхъ гранатъ, легiонъ шпионовъ съ всевозможнѣйшими усамп, отъ красно-алзаскихъ, до смоль-пиренейскихъ, съ тяжелыми золотыми цѣпочками и поддѣльными брильянтовыми булавками. 30,000 фунтовъ стерл. стоилъ этотъ процессъ, за эту сумму какъ кажется не повѣсить всякаго человѣка, — а небогатый портной изъ Сити, отъ имени двѣнадцати плебеевъ положилъ свое Veto — и Кембель въ шубѣ и оперномъ парикѣ, и Фицрой-Келп —

— Вотъ опять — а уговоръ?

— Я хотѣлъ сказать и Фицрой-Келп безъ шубы въ парикѣ — согласитесь, что это было бы очень глупо.

— Да, не особенно умно.

— Очень радъ, что успѣлъ угодить. Однакоже прощайте, а то опять скажешь что *нибудъ*....

— Что же заключенiе, стало вы думаете?....

— Подождемте же что скажетъ *портной изъ Сити*!

И — рѣ.

— Мы получили отвѣтъ на наши замѣчанiя по поводу проекта освобожденiя крестьянъ *Ростовцева*, онъ будетъ исполнѣ напечатанъ въ слѣдующемъ листѣ Колокола, который *выйдетъ* черезъ недѣлю.

Продается: ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1859 (книжка V.)

Печатается: КТО ВИНОВАТЪ? (повѣсть) ИСКАПДЕРА.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографiи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 46.

22 Іюня 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Триюбера & Со. въ книжной лавкѣ 60, Paternoster Row., и у Горжевскаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

Мы только теперь получили извѣстіе о кончинѣ въ подмосковной деревнѣ $\frac{3}{5}$ Апрѣля, ИВАНА ИВАНОВИЧА ПУЩИНА. Мы упрекаемъ нашихъ корреспондентовъ, что они такъ поздно извѣстили насъ. Все касающееся до великой, передовой фаланги нашихъ вождей, нашихъ героическихъ старцевъ, должно быть отмѣчено у насъ.

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ

и

БАРОНЪ БРУНОВЪ.

Русскій консулъ пригласилъ меня для выслушанія официальной депеши. Министерство иностранныхъ дѣлъ отъ 7 Апрѣля 1859 года, за N. 53 и подписью Толстаго, извѣщало посланника, что начальникъ III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, по высочайшему повѣленію, сообщать министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы черезъ русское посольство въ Лондонѣ объявить мнѣ приказъ немедленно возвратиться въ Россію.

Я сказалъ, что желаю отвѣчать письмомъ въ самому Государю.

Мая 12 я передалъ консулу пакетъ, въ которомъ было запечатанное письмо къ Государю и письмо къ барону Брунову; я просилъ Барона доставить черезъ г. министра иностранныхъ дѣлъ прилагаемое письмо къ Государю, внутреннее мнѣ глубокимъ чувствомъ долга.

На это я получилъ 21 Мая слѣдующій отвѣтъ, писанный 16 Мая:

“Баронъ Бруновъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе господину Огареву, имѣетъ честь возвратить при семъ присланное имъ 11 Апрѣля письмо, съ объясненіемъ, что Россійскимъ посольствамъ не разрѣшено принимать *запечатанныя* письма на имя Государя Императора или членовъ царскаго семейства.”

22 Мая я отправилъ прямо въ посольство тоже письмо къ Государю при слѣдующей запискѣ:

“Н. Огаревъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Господину Посланнику, имѣетъ честь при семъ препроводить его

Высокопревосходительству письмо къ Государю Императору *распечатаннымъ*, для доставленія Его Величеству.”

3 Іюня я получилъ обратно черезъ консульство мое письмо къ Государю и письмо барона Брунова ко мнѣ.

И такъ посольство отказалось доставить письмо, исполненное уваженія и правды. Мнѣ остается одинъ способъ довести его до свѣденія Государя—*Колоколъ*.

Я просилъ посланника о доставленіи моего письма; баронъ Бруновъ вмѣсто того, прислалъ мнѣ свою критику, о чемъ я его нисколько не просилъ и что мнѣ совершенно равнодушно. Критика г. Барона—дерзость, но не относительно меня: только самъ Государь имѣетъ право судить о письмахъ къ нему адресованныхъ, а посланникъ не имѣетъ никакого права ни критиковать ихъ, ни задерживать; въ этомъ случаѣ его вмѣшательство дерзость относительно Государя.

Прилагаю сперва мое письмо къ Государю, потомъ письмо Барона Брунова ко мнѣ. Пусть Государь и общественное мнѣніе разсудятъ между мною и г. посланникомъ.

Государь,

Ваше царствованіе великій шагъ въ русской жизни. Словомъ “освобожденія крестьянъ” Вы вызвали русскія силы къ дѣятельности и положили основаніе свѣтлой будущности Россіи.

Глубоко увѣченный Вашимъ благороднымъ начинаніемъ, я высказалъ мое чувство въ 9 листѣ Колокола и сталъ подписывать мое имя подъ моими статьями, полный вѣры, что Ваше Величество оцѣните откровенность, внутреннюю уваженіемъ къ Вашей личности.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе года. Нынѣ III-е Отдѣленіе требуетъ моего возвращенія въ Россію, требуетъ до истеченія законнаго срока паспорта, требуетъ именемъ Вашего Величества.

Послѣднему я не вѣрю. Это только непростительное злоупотребленіе Вашего имени.

Обрекая себя на мое загѣтное дѣло—посильно разъяснять русскіе вопросы и, передъ лицомъ Вашего Величества г. моихъ согражданъ, обличать зло и неправосудіе, свирѣпствующія въ Россіи,—я глубоко чувствую, что здѣсь, въ Лондонѣ я полезнѣе моему отечеству, чѣмъ бы я могъ быть дома.

Мнѣ тяжело на чужбинѣ: я слишкомъ русскій человекъ и

слишком мало вѣрю въ Европу, чтобы выносить заграничную жизнь безъ глубокой тоски по родинѣ. Но, разъ принявшись за дѣло по убѣжденію, я не могу оставить моего поста, не унижаясь передъ собственной совѣстью.

И въ какое время IIIe Отдѣленіе вызываетъ меня!

Въ то время, когда вопросъ освобожденія крестьянъ близокъ къ рѣшенію; когда Ваше Величество болѣе и болѣе склоняется къ мысли о необходимости немедленнаго выкупа ихъ со всею ихъ землею, безъ урочнаго положенія, которое могло бы только навлечь на Россію смуты, совершенно устраняемая немедленнымъ, повсемѣстнымъ выкупомъ.

Въ то время, когда Россія страшится, чтобы война, можетъ быть неизбежная, не приостановила вопросы внутренняго развитія, которые важнѣе всякихъ войнъ не только для судьбы Россіи, но и всего человѣчества.

Въ то время, когда и самая война, если не замедлитъ внутренняго развитія, то положить рѣшеніе міровой задачѣ ввода славянскихъ общинныхъ племенъ въ историческую жизнь.

Въ это время, полное громадной будущностью, IIIe Отдѣленіе, какъ бы въ подтвержденіе ненужности своего вреднаго существованія, находитъ досугъ заботиться обо мнѣ! Вся смѣшная сторона этого жалкаго преслѣдованія падеть конечно не на меня, а на IIIe Отдѣленіе. Государь! по его полицейскому вызову я не могу ѣхать въ Россію.

Я возвращусь, когда въ Россіи будетъ властвовать Ваша освобождающая воля, а не произволъ сановниковъ своекорыстныхъ, неправосудныхъ и бездарныхъ, застилающихъ отъ Васъ правду и живую жизнь русскаго народа. Я возвращусь, когда отсутствіе административнаго насилія, гласность суда и возможная свобода печати—обеспечатъ личность и слово. Я возвращусь—не по вызову IIIe Отдѣленія, а потому что Вы Сами, Государь, признаете необходимость свободнаго въѣзда въ Россію всѣмъ истиннымъ сынамъ ея.

Государь! я лично ничего не прошу у Васъ; мое письмо безкорыстно. Примите его за то что оно есть, за чистый голосъ правды и любви къ отечеству.

Вашего Величества

Всенодданный слуга

Николай Огаревъ.

Лондонъ. [11 Мая] 30 Апрѣля 1859 года.

ПИСЬМО Г. БРУНОВА.

М. Г.

Отношеніемъ отъ 7го Апрѣля г. товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ предписалъ мнѣ объявить *Вашему Благородію* о Высочайшемъ повелѣніи “немедленно возвратиться въ Россію въ случаѣ неисполненія чего вы подвергнитесь отвѣтственности по всей строгости законовъ.”

На сообщеніе сіе мнѣ приказано истребовать отъ васъ письменный отзывъ. Слѣдующаго обыкновенному порядку, я поручилъ нашему генеральному консулу довести до вашего свѣдѣнія о такомъ вызовѣ. Вамъ угодно было въ отвѣтъ препроводить ко мнѣ письмо на Высочайшее имя, съ просьбою о поднесеніи оного Государю Императору черезъ посредничество г. министра иностранныхъ дѣлъ, изъявляя желаніе, если оно покажется мнѣ *неудобоисполнимымъ*, о возвращеніи упомянутого письма.

Россійскимъ посольствамъ не разрѣшено принимать запечатанныя *прошенія* на высочайшее имя, о чемъ я имѣлъ честь извѣстить васъ канцелярскою запискою, и вы изволили прислать мнѣ письмо распечатанное.

Нынѣ ознакомившись съ содержаніемъ оного, я считаю долгомъ сдѣлать вамъ слѣдующія замѣчанія:

1) Данное мнѣ порученіе состоитъ лишь въ томъ чтобы взять письменный отзывъ на объявленное вамъ требованіе немедленно возвратиться въ Россію.

2) Неограничиваясь простымъ отвѣтомъ вы входите въ объясненія *отнюдь не касающіяся до дѣла* по которому мнѣ велѣно было вступить въ сношеніе съ вами.

3) Разсужденія о дѣйствіяхъ III^{го} отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и *неопредѣленные* обвиненія ваши мнѣ кажутся *не у мѣста* въ подданномъ на Высочайшее имя *посланіи*. Конечно я не присваиваю себѣ право судить о вашихъ убѣжденіяхъ; *не мѣсто* того я не могу взять на себя отвѣтственности передачи въ *раженій* оскорбительныхъ для лицъ окружающихъ государя императора и мнѣній во все неотносящихся до круга моихъ занятій.

Желая устранить отъ васъ все могущее имѣть неприятыя послѣдствія, я считаю обязанностью для себя и вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ полезнымъ для васъ, милостивый государь, возвратитъ вамъ письмо объ *удобности доставленія* коего вы сами изъявили сомнѣніе.

Мнѣ остается просить васъ увѣдомить меня о томъ: памфлены-ли вы послѣдовать предписанію сообщенному вамъ статскимъ совѣтникомъ Кремеромъ.

Баронъ Бруновъ.

Лондонъ, 2 Іюля 1859 года.

Въ заключеніе замѣчу, что объ удобности доставленія моего письма я не изъявлялъ никакого сомнѣнія; я только просилъ посланника возвратитъ мнѣ письмо, если онъ думаетъ, что министръ не возмется доставить его государю. Тутъ дѣло шло о желаніи или нежеланіи министра, а не объ удобности доставленія. Г. посланникъ въ первый разъ возвратилъ мнѣ письмо, потому что посольство не имѣетъ права принимать запечатанныя письма на высочайшее имя; изъ этого слѣдуетъ обратно, что посольство обязано принимать распечатанныя письма на высочайшее имя. Да это и единственный путь для русскаго человѣка за границей высказаться передъ государемъ. Еслибъ я зналъ, что г. посланникъ понимаетъ свою обязанность иначе, я съ того бы и началъ, что напечаталъ бы мое письмо въ Колоколѣ.

Еще страннѣе: г. посланникъ *ознакомившись съ содержаніемъ* моего письма, спрашиваетъ меня, что я намѣренъ дѣлать. Всякій простой человѣкъ, не посланникъ, безъ дальнѣйшихъ уясненій легко бы понялъ, что я останусь вѣрнымъ моему убѣжденію.

Что-же касается до заботливости Барона Брунова о моей пользѣ,—я сомнѣваюсь въ ея искренности: Баронъ меня никогда не видывалъ, также какъ и я его, и я полагаю, что кромѣ совершеннаго равнодушія мы никакого инаго чувства другъ къ другу питать не можемъ.

Н. Огаревъ.

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ :

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ И РОСТОВЦЕВЪ.

[Письмо въ редакцію Колокола.]

Почтенный г. Редакторъ,

Напечатавъ въ вашемъ журналѣ проекты Ростовцева объ освобожденіи крестьянъ, вы конечно приобрѣли право на всеобщую благодарность; но, съ другой стороны, обращая вниманіе на тонъ недоверчивости и подозрѣнія, которыми отличаются ваши “возраженія и примѣчанія,” невольно приходишь къ заключенію, въ которомъ вы кажется не убѣждены, что “всякій трудъ человѣческой можетъ и *долженъ* имѣть свои несовершенства.”

Безъ предубѣжденія, безъ злобы, но, какъ вы, правды ради пишемъ мы отвѣтъ на вашу статью; и вы, милостивый государь, примите его безъ злобы и безъ предубѣжденія и вѣрьте что, глубоко васъ уважая, я не позволю себѣ ни одного необдуманнаго слова.

Хотя, какъ видно, не всѣ еще понимаютъ высокое значеніе *Колокола*, этого строгаго обличителя неправды; но большая часть Россіи читающей уже сознаетъ его пользу и привѣтствуетъ каждый разъ его появленіе; и я, еслибъ голосъ мой могъ быть услышанъ, скажу съ другими: Обличайте неправду и злоупотребленія; порицайте дурные поступки кѣмъ бы они ни были совершены; казните невѣждъ, взяточниковъ, раззорителей, клятвопреступниковъ—къ какому бы слою общества они ни принадлежали..... но, если вамъ придется судить о добромъ дѣлѣ, хотя о добромъ намѣреніи человѣка, котораго имя не всегда внушало довѣріе,—забудьте прошлое, примите его радостно и безъ предубѣжденія, и отнюдь за доброе слово его не бросайте ему въ лицо напоминаніе о прежнемъ, давно-совершенномъ проступкѣ. Чтобъ быть полезнымъ и имѣть сильное вліяніе, не довольно обличать зло, нужно умѣть выставлять добро; не довольно казнить преступниковъ, нужно дать имъ способы къ покаянію и нужно умѣть вознаграждать людей полезныхъ и благомыслящихъ.

Поэтому не воспоминаемъ о доносахъ и о оподленіи русскаго юношества,* хотя этого упрека до сихъ поръ мы не слышали ни отъ васъ и ни отъ кого, нужно было встрѣтить проекты Ростовцева; а тѣмъ теплымъ чувствомъ, которое конечно испытывали и вы, когда вамъ случалось встрѣтить человѣка благомыслящаго и искренно желающаго добра нашей любезной Россіи.

Прочтя проекты Ростовцева, вы задаете вопросъ: покалялся-ли онъ? И я вамъ отвѣту смѣло и доверчиво: да! Прочтите, еще разъ прочтите проекты эти, обратите вниманіе на то, что ускользнуло отъ васъ—и вы убѣдитесь, что отвѣтъ мой не легкомысленъ. Но мой трудъ не былъ бы совершенъ, еслибъ я самъ не представилъ на ваше разсужденіе то, что убѣдило меня и еслибъ я не возразилъ на тѣ изъ вашихъ замѣчаній, съ которыми я не вполне согласенъ.

Главное сужденіе ваше о проектахъ Ростовцева есть слѣдующее†: Правительство желаетъ освободить крестьянъ на

* Стр. 342.

† Оно въ особенности ясно выражено, на страницѣ 357, словами: “Сравнивая первый и второй проектъ Ростовцева невольно приходитъ на умъ, что второй (т. е. административный) сдѣланъ только для публики, для прикрытія перваго (т. е. финансоваго),” и даже: “а потомъ правительство прихлопнетъ ихъ манифестомъ, составленнымъ сообразно первому проекту.”

условіяхъ высказанныхъ въ финансовомъ проектѣ; но, почему-то желая до времени обмануть публику, оно напечатало административный проектъ, совершенно несходный съ первымъ. Не легче-ли, не справедливѣе-ли объяснить появленіе этихъ проектовъ такъ: сперва, т. е. въ прошломъ году правительство признавало необходимость начать освобожденіе крестьянъ съ срочно-обязаннаго положенія; эта мысль была обработана, приведена въ порядокъ, изложена, подписана Ростовцевымъ въ 1858 году. въ Сентябрь мѣсяць, и наконецъ обнародована; вотъ какъ явился проектъ административный: потомъ лица, трудившіяся надъ нимъ, еще продолжая грядуться, сознали недостаточность и вредъ срочно-обязаннаго положенія и удобство выкупа немедленнаго и, разработывая новую мысль, пришли наконецъ къ соображеніямъ, изложеннымъ въ финансовомъ проектѣ и подписаннымъ Ростовцевымъ 14 Февраля 1859 года.

Вотъ отчего эти два проекта такъ сильно разнятся между собою. Вотъ отчего въ административномъ проектѣ Ростовцевъ говоритъ только объ *улучшеніи* быта крестьянъ, находя это улучшеніе въ срочно-обязанномъ положеніи и отчего въ финансовомъ онъ съ самаго начала высказываетъ прямо и рѣшиительно свое убѣжденіе: “что выкупъ немедленный и обязательный былъ бы *наиполезнѣйшій*, еслибъ только былъ онъ признанъ возможнымъ и справедливымъ.”* Вотъ отчего въ административномъ проектѣ цѣлыя страницы посвящены на отысканіе средствъ къ огражденію народнаго спокойствія, и отчего въ финансовомъ мы встрѣчаемъ слѣдующія слова: “*немедленнымъ выкупомъ Россія избѣгла бы труднаго для нея срочно-обязаннаго положенія и не было бы надобности въ учрежденіяхъ новыхъ уѣздныхъ присутствій.*”† Вотъ отчего въ административномъ проектѣ говорится о мировыхъ судьяхъ, а въ финансовомъ о третейскихъ судахъ; вотъ отчего, слѣдовательно, Ростовцевъ отъ мировыхъ судей приходитъ къ третейскимъ судамъ, а не отъ третейскихъ судовъ къ мировымъ судьямъ, какъ вы, м. г., полагаете.‡

Извините меня, м. г., если я позволю себѣ слѣлать вамъ замѣчаніе касательно самаго печатанія проектовъ; мнѣ кажется было бы справедливѣе напечатать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ—сперва проектъ административный, а потомъ уже финансовый; тогда бы и вы конечно не сдѣлали той ошибки, которую нельзя не поправить, и читатели ваши не поддались бы ей, какъ это конечно случилось.

Теперь не трудно опровергнуть и обвиненіе гораздо важнѣйшее и падающее на правительство: “чтоже касается до манеры правительства вообще скрывать свое настоящее мнѣніе личною—этому мы сочувствовать не можемъ.”§ Я не стану доказывать, что вообще у правительства нашего такой манеры не существуетъ—это бы отвлекло меня отъ предмета; но въ настоящемъ случаѣ въ этомъ упрекнуть правительство, по моему мнѣнію, несправедливо. Первый проектъ суть “Письма, составленные по высочайшему повелѣнію, слѣдовательно въ первомъ проектѣ выражена мысль государя, т. е. правительства; въ финансовомъ-же проектѣ независимо, даже противно мысли правительства, Ростовцевъ представляетъ свои соображенія,” принять или не принять которыя, пополнить, улучшить, и т. п., составить дѣятельность главнаго комитета и тогда уже этотъ проектъ пойдетъ на утвержденіе государя, и наконецъ на обнародованіе;

* Стр. 343.

† Стр. id.

‡ Стр. 355, примѣч. 102.

такимъ образомъ правительству нельзя было обнародовать проектъ еще не разсмотрѣнный къмъ слѣдуетъ и потому оно въ этомъ случаѣ “не старалось скрыть личиною своего настоящаго мнѣнія,” а дѣйствовало подъ вліяніемъ обстоятельствъ.

Вотъ эти-то ошибочныя мнѣнія, проглядывающія во многихъ замѣчаніяхъ вашихъ (что будетъ указано въ свое время), помѣшали вамъ, м. г., на этотъ разъ обсудить вопросъ безпристрастно и, чтобъ избѣгнуть той-же ошибки, я въ слѣдующемъ моемъ разборѣ проектовъ и возраженій вашихъ постараюсь доказывать на основаніи убѣжденій мной высказанныхъ. И такъ весь послѣдующій трудъ мой я раздѣлю на два отдѣла : въ 1^{мъ} я изложу мой взглядъ на проекты Ростовцева независимо отъ вашихъ возраженій ; во 2^{мъ} я подвергну разбору тѣ изъ вашихъ замѣчаній, съ которыми я не согласенъ.

Прежде всего, при чтеніи проектовъ Ростовцева, намъ представился вопросъ : Какое взаимное отношеніе имѣютъ они между собою ? Я уже высказалъ свой взглядъ на это. Затѣмъ невольно спрашиваемъ себя : какое значеніе могутъ они имѣть ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, пужно отдѣлнить взглядъ и соображенія Ростовцева отъ взгляда и инструкцій правительства ; основываясь на самыхъ проектахъ, это сдѣлать не трудно. Первый, т. е. административный, не можетъ быть отнесенъ Ростовцеву : взгляды и тонъ убѣждаютъ, что это ничто иное какъ указъ государя ; въ этомъ убѣждаетъ и заглавіе : “извлеченіе изъ всеподданнѣйшихъ писемъ *составлено по высочайшему повелѣнію*.” Второй, т. е. финансовый, состоитъ изъ двухъ частей : первая—это инструкция правительства вторая—соображенія Ростовцева, независимыя и даже противныя этимъ инструкціямъ. Спрашивается : какое же значеніе могутъ имѣть эти соображенія, если онѣ противны духу инструкцій правительственныхъ ? Значеніе ихъ большое ; такъ какъ Ростовцевъ ихъ представилъ “для соображенія *коммисіи*,” т. е. какъ руководство, то можно заключить изъ этого, что взглядъ Ростовцева по крайней мѣрѣ одобренъ государемъ и что, если предшествовавшія инструкціи противны этому взгляду, то слѣдовательно онѣ не могутъ больше имѣть значенія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому разсужденію, что финансовый проектъ совершенно исключаетъ административный въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ съ нимъ не согласенъ и слѣдовательно все что въ административномъ проектѣ говорено : “о періодѣ срочно обязапаго положенія и о надобности въ учрежденіи новыхъ уѣздныхъ присутствій,” не будетъ имѣть никакого значенія въ послѣдующемъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса и будетъ важно только развѣ для исторіи.

И такъ въ настоящее время значеніе можетъ имѣть только финансовый и нѣкоторыя статьи административнаго проекта, которыя не противорѣчатъ духу “соображеній ;” и по моему мнѣнію эти статьи суть : о мірской общинѣ, объ однодворцахъ и дворовыхъ людяхъ. Разсмотримъ сперва финансовый проектъ.

Даже при поверхностномъ взглядѣ легко убѣдиться, что онъ есть только канва, узоры на которой придется вышивать коммисіи ; это руководство для ея дѣятельности. Въ этомъ убѣждаетъ насъ ближайшее разсмотрѣніе его.

“Главная идея выкупа,* говоритъ онъ, должна по моему убѣжденію состоять въ томъ, что крестьяне по *полюбовному*

соглашенію съ помѣщикомъ о выкупѣ земли, заплатили бы за нее оброкомъ не превосходящимъ ихъ повинностей.” Полюбовнаго соглашенія въ этомъ случаѣ быть не можетъ ;—едва ли есть имѣнія гдѣ бы крестьяне добровольно согласились платить существующій уже оброкъ ; такъ какъ конечно нѣтъ помѣщиковъ, которые бы добровольно его уменьшили и такимъ бы образомъ сознались, что обременяли крестьянъ, что употребляли во зло свои права и не исполняли своихъ обязанностей. Ростовцевъ предвидитъ это въ нѣкоторой степени и прибавляетъ : “Если условія предлагаемыя и крестьянами и помѣщиками разнятся, то вопросъ долженъ быть рѣшенъ избраннымъ тою и другою стороною третейскимъ судомъ.”* И такъ исходъ изъ этого положенія есть третейскій судъ ; но изъ кого-же онъ будетъ состоять ? и до какой степени будетъ сильна власть его ? Вотъ вопросы, которые проектъ предоставляетъ на обсужденіе коммисіи.

“Выкупъ, говоритъ дальше проектъ, долженъ быть немедленный, безъ чего освобожденіе крестьянъ совершится не можетъ ;”† по и это мнѣніе возможное и справедливое Ростовцевъ представляетъ коммисіи на разсмотрѣніе. Затѣмъ онъ переходитъ къ средствамъ выкупа, съ которыми нельзя не согласиться, и наконецъ заключаетъ, что “при изложенномъ выше финансовомъ разчетѣ никто, смѣю думать, не потеряетъ.”‡

Такимъ образомъ здѣсь ничего не говорится о томъ, въ какомъ положеніи останутся крестьяне по отдѣлѣ отъ помѣщиковъ ? и этотъ вопросъ можно рѣшить только на основаніи проекта административнаго, гдѣ мірская община учреждается не для одного срочно-обязапаго положенія. “Крестьяне сіи, говоритъ онъ, живутъ въ усадьбахъ, которыя имѣютъ право приобрести отъ помѣщика покупкою, въ свою собственность по *одинакн* или *цѣлымъ міромъ* ;”§ и даже : “каждый крестьянинъ, безъ исключенія, долженъ быть членомъ общины, даже и владѣющей отдѣльною поземельною собственностью ; по сей послѣдній исполняетъ постановленія только относительно повинностей государственныхъ и общественныхъ ;”|| и т. д. Что касается до проекта учрежденія мірской общины, онъ мнѣ кажется совершенно удовлетворительнымъ, что я постараюсь доказать въ послѣдующихъ моихъ возраженіяхъ на ваши, м. г., замѣчанія.

Теперь я перехожу къ статьѣ объ однодворцахъ и дворовыхъ людяхъ.

Мнѣ очень нравится мысль о пособіи бѣднымъ помѣщикамъ - однодворцамъ, по здѣсь я представлю сомнѣніе : Дѣйствительно-ли пособія эти “составятъ для правительства утрату весьма незначительную ?” Практика рѣшить это ; но вотъ мысль, которая встрѣтитъ большія затрудненія въ примѣненіи “сравнить двороваго человѣка съ крестьяниномъ.” Вотъ средства, которыя предлагаетъ Ростовцевъ : “Всѣхъ дворовыхъ людей *приписать* къ мірской общинѣ, съ тѣмъ, что они имѣютъ право изъ нея выйти и сначала и въ послѣдствіи, *безъ согласія міра*, но записываясь немедленно или въ цехъ, или въ мѣщане, или въ гильдію, или въ другую общину,”¶ и т. д. Но тутъ является вопросъ : Справедливо-ли приписать всѣхъ дворовыхъ людей къ мірской общинѣ ? Всѣмъ извѣстно, что такое нашъ дворовый человѣкъ : *неуиъ*,

* Стр. 344.

† Стр. 343 и 345.

‡ Стр. 344.

§ Стр. 348 (Составляющіе Мірскую Общину.)

|| Стр. 348.

¶ Стр. 354.

* Стр. 343.

не привыкшіи ни къ одному изъ тѣхъ трудовъ, которые въ крестьянскомъ быту составляютъ способы къ пріобрѣтенію довольства; *лентяй*, если и работающій, то изъ подъ палки; *неодій*, который можетъ быть и станетъ трудиться, но только имѣя въ виду кабакъ или развратъ. Какъ же можно приписать его къ мірской общинѣ, которая отвѣчаетъ, “и за неисправное исполненіе работъ обязательныхъ каждаго изъ своихъ сочленовъ и за его несвоевременную уплату оброка,” и даже за нѣкоторые случаи воровства.* Другое средство есть: чтобы онъ оставивъ общину записался въ цехъ, мѣщанство или гильдію; но это по способностямъ своимъ дворовый человѣкъ не въ состояніи исполнить. Миѣ кажется Ростовцевъ предвидитъ эти затрудненія, по крайней мѣрѣ только такъ можемъ мы объяснить слѣдующія слова его: “Помѣщикъ можетъ оставить при себѣ дворовыхъ сколько онъ пожелаетъ или по взаимному согласію и по условленному жалованью, или по жалованью опредѣленному,”† и т. д. Что это значитъ: по жалованью опредѣленному? Неужели правительство, дарующее свободу всѣмъ, позволило себѣ ограничить ее въ отношеніи дворовыхъ людей? Конечно эту статью мы находимъ только въ административномъ проэктѣ; но и тамъ она намъ кажется несправедливою. Прежде всего нужно сказать, что помѣщики *не пожелаютъ* держать при себѣ прежней, многочисленной дворни, которой придется платить *какое бы то ни было* жалованье; обязывать ихъ этимъ было бы и несправедливо, да и дворня сама не захочетъ этого; приписать дворовыхъ людей къ какому бы то ни было обществу противъ ихъ желанія или противъ желанія общества—было бы противно духу нынѣшнихъ соображеній правительственныхъ лицъ. Потому я обращаю вниманіе всѣхъ на вопросъ, который далеко не разрѣшается краткими “предложеніями” Ростовцева.

Такимъ образомъ я разсмотрѣлъ проэктъ Ростовцева и вообще и въ частности; желательно было бы теперь (такъ какъ дѣло крестьянское уже приходитъ къ концу) имѣть безпристрастную оцѣнку вообще всѣхъ правительственныхъ мѣръ, къ тому употребленныхъ, и на этотъ трудъ важный и могущій принести въ нынѣшнее время несомнѣнную пользу, я вызываю васъ, почтенный г. редакторъ; такъ какъ ваше положеніе и средства могутъ къ тому способствовать. Я не позволю себѣ дать вамъ въ этомъ отношеніи никакихъ совѣтовъ, но обращаю вниманіе ваше только на то, что мѣры правительственныя, изложенныя въ проэктахъ Ростовцева ‡ уже не полу-мѣры, въ чемъ вы часто упрекали государя; но мѣры эти свидѣлствуютъ ясное пониманіе предмета и положенія парода; колеблющуюся и непреклонную волю государя скоро рѣшить вопросы, отъ которыхъ зависятъ судьбы Россіи и наконецъ благопамѣренность лицъ трудящихся надъ ними. Мы вызываемъ васъ на этотъ трудъ, М. Г., еще и потому, что въ возраженіяхъ вашихъ на проэктъ Ростовцева вы не сдѣлали ни одного замѣчанія о правительственныхъ мѣрахъ въ нихъ упоминаемыхъ; это насъ признается удивило; повторяемъ: обличайте недостаточность, исправду и злоупотребленія, но, если вамъ придется судить

* Стр. 350.

† Стр. 354.

‡ Стр. 342, 343, 344, 345. Изъ нихъ мы въ особенности замѣчаемъ: приказъ, (который конечно можетъ быть отнесенъ къ чести правительства, а не его органовъ) окончить составленіе всѣхъ законоположеній о крестьянахъ и обнародовать въ теченіи Ноября, Декабря, Января и Февраля.

о добромъ дѣлѣ, не медлите признать его такимъ, не впряя на лицо совершившее его.

Теперь я перехожу къ нѣкоторымъ изъ возраженій вашихъ, которыхъ въ предъидущемъ моемъ изложеніи я не старался опровергнуть.

Подъ вліяніемъ общиннаго взгляда, вы часто, М. Г., упрекаете Ростовцева, что онъ какъ будто колеблется между срочно-обязаннымъ положеніемъ и выкупомъ немедленнымъ; по вышеизложенному мнѣнію моему, этотъ упрекъ неоснователенъ; именно замѣчанія эти суть: 1, 3, 6, 13, финансоваго проэкта, 103 и многія другія административнаго мѣне важныя. Въ 3мъ же замѣчаніи вы упрекаете Ростовцева въ нерѣшительности; но намъ кажется, что Ростовцевъ очень ясно, очень рѣшительно обратилъ вниманіе комиссіи на немедленный выкупъ; больше-же онъ сдѣлать не могъ.

Въ вашемъ взглядѣ на третейскій судъ,* вы выражаете мысль, что онъ долженъ состоять изъ помѣщиковъ и крестьянъ; это совершенно справедливо и нужно надѣяться, что комиссія, въ духѣ соображеній, придетъ къ этому заключенію. Но въ дальнѣйшемъ вашемъ изложеніи, говоря объ отводѣ судей, вы предлагаете средства непримѣнимыя: “крестьянинъ можетъ отвести отъ третейскаго суда помѣщика, извѣстнаго по жестокому обращенію съ крѣпостными, чиновника уличеннаго въ кражѣ и т. п.”† Но по нашимъ законамъ имѣніе помѣщика, извѣстнаго (т. е. доказаннаго) по жестокому обращенію съ крѣпостными, отдають подъ опеку; а чиновника уличеннаго въ кражѣ исключаютъ изъ службы; какимъ же образомъ такіе люди могутъ принимать участіе въ третейскихъ судахъ? Мысль, что крестьяне одни могутъ составлять третейскіе суды ‡ также несправедлива, какъ еслибы “избраніе ограничилось средою дворянско-чиновничею.”

Въ административномъ проэктѣ сказано: “если на земляхъ находятся водворенными крестьяне, то лица, пеимѣющія права владѣть имѣніями населенными, пріобрѣтають покупкою означенныя земли съ тѣмъ, чтобы при самой покупкѣ имѣнія, крестьяне въ немъ водворенные получали въ собственность и усадьбы и огороды, гдѣ живутъ, и землю, которую для себя обрабатываютъ. Передачу сихъ усадебъ и земель въ собственность крестьянъ производить на основаніи взаимныхъ полюбовныхъ условій между ними и новымъ владѣльцемъ имѣнія.”§ То есть покупатель, прежде чѣмъ приступить къ совершенію купчей крѣпости, обязанъ условиться съ крестьянами о передачѣ имъ усадебъ и земель; но обязывая этимъ покупателя правительство *предоставляетъ* ему и крестьянамъ заключить условія полюбовныя и въ этомъ отношеніи нисколько не ограничиваетъ ихъ произвола; эта мѣра, какъ предварительная, очень хороша и не понимаю въ чемъ вы нашли тутъ противорѣчія. || Но я буду опровергать только тѣ замѣчанія, которыя относятся къ статьямъ имѣющимъ до сихъ поръ значеніе и потому перехожу къ мірской общинѣ.

Права крестьянина, какъ семьянина, опредѣлены между прочимъ въ проэктѣ такъ: “достояніе семейства по имуществу движимому и недвижимому, равно и достояніе каждаго изъ его членовъ, есть неотъемлемая собственность семейства, принадлежащая ему нераздѣльно,”¶ и на раздѣлъ семейства

* Стр. 345.

† тоже.

‡ Стр. 345.

§ Стр. 347.

|| Прим. 11.

¶ Стр. 349.

и имущества нужно испрашивать особое дозволеніе.* Кто хоть не много знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ, тотъ не можетъ не понять всю пользу этого постановленія и потому намъ показалось страннымъ ваше замѣчаніе (29) о башмакахъ.

На тойже страницѣ: “крестьянинъ не иначе можетъ оставить общины, какъ съ согласія міра, и обязанъ приписаться въ тоже время или къ другой общинѣ или въ цехъ, или въ мѣщанство, или въ гильдію.” На это вы возражаете между прочимъ такъ: “приписка въ гильдію нисколько не влечетъ за собою необходимости оставлять общину” и наконецъ восклицаете: “пора дать крестьянамъ право торговать наравнѣ съ другими не переставая быть крестьянами.” Да это и не запрещается; здѣсь говорится только что крестьянинъ не иначе можетъ оставить общины какъ приписываясь или къ другой общинѣ или въ цехъ и т. п.

На страницѣ 350 сказано: “міръ за каждого крестьянина отвѣчаетъ круговою порукою.” На это вы отвѣчаете: § всего опаснѣе въ положеніяхъ о круговой поруцѣ, чтобы лицо было обязано и передъ міромъ и передъ правительствомъ.” По этому-то при круговой поруцѣ и не можетъ случиться: правительство отдѣльныхъ лицъ не знаетъ, оно взыскиваетъ съ міра, которому поэтому предоставляется право взыскивать съ отдѣльнаго лица.

Въ 44мъ замѣчанія вы выражаете мысль, “что система рекрутства можетъ быть только чередовая и міръ въ этомъ случаѣ только разбираетъ чередъ.” Съ этимъ безусловно согласиться нельзя; крестьяне живутъ семействами, составъ которыхъ различенъ; иное держится однимъ рабочимъ мужикомъ; если чередъ рекрутства падетъ на него, семейство разорено и потому понятно, что міру придется разбирать не одинъ чередъ, но что въ исполненіи рекрутской повинности, нужно дозволить приговоры міра, ограничивъ извѣстными правилами его произволь; вотъ что и выражено на 350 страницѣ словами: “рекрутская повинность исполняется на извѣстныхъ правилахъ по приговорамъ міра.”

На тойже 350 страницѣ сказано: съ цѣлаго міра взыскиваются “слѣдующія земской полиціи деньги, если она будетъ вынуждена необходимостью прозвести на свой счетъ работы, лежащія на обязанности міра и имъ своевременно неисполненныя.” На это вы 48 замѣчаніемъ спрашиваете откуда можетъ выйти такой случай? Отъ своевременнаго не исполненія работъ: въ отправленіи общественныхъ работъ могутъ быть назначены сроки, ежели община къ назначенному сроку ихъ не исполнитъ, земская полиція будетъ вынуждена прозвести ихъ на свой счетъ и вотъ эти то деньги должны быть ей возвращены общиной. Мнѣ кажется этотъ случай долженъ быть предвиденъ. Затѣмъ вы въ томъ же замѣчаніи говорите: “міръ можетъ принять на себя общественныя работы натурою или внести деньги на наемъ работниковъ.” Нѣтъ-съ, извините, мы съ этимъ несогласны, внести деньги на наемъ работниковъ не должно быть позволено: во-первыхъ при оцѣнкѣ работъ произойдутъ злоупотребленія; во-вторыхъ при наймѣ работниковъ произойдутъ злоупотребленія; въ третьихъ при исполненіи работъ полиціею произойдутъ опять таки злоупотребленія: всѣмъ извѣстно куда полиція дѣваетъ деньги, когда ей предоставлено производить общественныя работы, а также всѣмъ извѣстно, какъ она эти работы производитъ. Нѣтъ-съ М. Г., работы должны производиться самой

* Стр. 350.

§ Стр. 350, прим. 40.

общиной; если-же она не можетъ располагать своими сочленами, то міръ обязанъ самъ нанять нужное число работниковъ, что и исполнить ему легче чѣмъ земской полиціи.

На той-же 350 страницѣ сказано: “за общи́и развратъ и буйство—высылка на государственныя работы и водвореніе порядка военною силою.” Замѣчанія редакціи (49) “случаи *мірскаго* разврата и буйства не мыслимъ; это non sens.” А развѣ этому не было примѣровъ? Конечно съ справедливымъ учрежденіемъ податнаго состоянія эти случаи будутъ рѣже встрѣчаться, можетъ быть и совершенно прекратятся съ распространеніемъ цивилизаціи; но все таки правительство должно ихъ имѣть въ виду. Что-же касается до 50^о замѣчанія то “проэктъ самъ не предвидитъ, что онъ произведетъ бунты,” какъ вы полагаете; нисколько; онъ думаетъ, какъ и мы, что и послѣ освобожденія крестьянъ цѣлыя деревни или общины могутъ принять участіе въ буйствѣ и даже въ развратѣ; да что далеко искать? развѣ въ 54 или 55 году малороссійскіе мужики не уходили цѣлыми толпами *за черное море къ бллому царю*? развѣ не было случаевъ, что народъ объявлялъ крестовые походы, которые какъ извѣстно всегда совершаются гурьбой; примѣръ тому: въ нынѣшнемъ году на праздникъ Пасхи въ Одессѣ народъ отправился колотить жидовъ: двоихъ изранили на смерть, одного убили на поваль и трупъ его волочили по городу... Чтожь прикажете дѣлать правительству? смотрѣть и молчать?... Да и сами вы не обвиняете-ли все дворянство русское въ самыхъ гнусныхъ поступкахъ? не внушаете-ли вы постоянно, почти каждымъ номеромъ Колокола недоувѣріе и презрѣніе къ цѣлому классу общества? какъ-же послѣ этого можете вы упрекнуть въ “non sens” правительство, если оно предвидитъ совершеніе преступленія нѣсколькими десятками семействъ, составленныхъ большею частью изъ народа грубаго и дикаго?

Окончивая свои замѣчанія, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе, почтенный г. редакторъ, на мысль выраженную въ административномъ проэктѣ, но не довольно развитую. На 345 страницѣ сказано: что было бы полезно пригласить въ комиссію, для совѣтовъ, опытныхъ экспертовъ; только эксперты эти, по нашему мнѣнію не должны быть ни деревенскіе хозяева, какъ думаетъ Ростоцевъ, ни выборные изъ крестьянъ, какъ полагаете вы: во всѣхъ губерніяхъ кажется существуютъ люди не принадлежащія ни къ одному изъ этихъ заинтересованныхъ классовъ, такъ напримѣръ различные механики (большею частью изъ мѣщанъ); занимаясь въ различныхъ деревняхъ устройствомъ машинъ и т. п., они легко могли изучить и быть крестьянъ и быть помѣщикамъ; въ чемъ убѣдило меня столкновение съ такими людьми; кромѣ того при грамотности и нѣкоторой степени образованія, они могли бы понять всю важность крестьянскаго вопроса и быть очень полезными комиссіи. Не знаю всгрѣгигъ-ли мое предложеніе затрудненія въ примѣненіи, но оно мнѣ кажется не лишнимъ и могло-бы принести несомнѣнную пользу.

Примите, М. Г., увѣреніе въ искренности чувствъ моихъ, съ которыми остаюсь глубоко уважающей васъ.

***

Письмо къ Автору: Ответъ на статью крестьянскіи вопросъ и Ростоцевъ.

Съ благодарностью помѣщая ваше письмо, Милостивый

Государь, мы спѣшимъ сознаться въ невольной хронологической ошибкѣ. Финансовый проектъ Ростовцева мы получили въ рукописи прежде административнаго печатнаго, и не подумали, что онъ могъ быть составленъ послѣ. Первое чувство, которое пробудилось въ насъ, это страхъ чтобы административный проектъ, который мы считаемъ положительно вреднымъ, не вошелъ въ дѣйствительную силу; привычка же встрѣчать у нашихъ сановниковъ наивное совмѣщеніе противоположныхъ мнѣній еще болѣе заставила насъ забыть о хронологическомъ порядкѣ проектовъ и подумать, что оба проекта пойдутъ въ дѣло со всѣми противурѣчіями, которыя изъ выкупа сдѣлали-бы совершенную кутерьму. Но вы, болѣе знакомые съ фактами, говорите, что финансовый проектъ составленъ послѣ и устраняетъ проектъ административный, и мы вамъ безусловно вѣримъ.

Что мы встрѣтили Ростовцева во главѣ освобожденія крестьянъ съ недовѣріемъ—это весьма естественно. То что вы называете пропускомъ въ нашихъ глазахъ было преступленіе; книга Ростовцева подъ заглавіемъ: *Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, высочайше утверждено 24 Декабря 1848 (С. Петербургъ въ Типогра. военно-учеб. заведеній. 1849)*—эта книга, которая кажется вамъ неизвѣстна, и воспитаніе въ ея смыслѣ—безъ сомнѣнія имѣли губительное вліяніе на юношество. Мы напомнимъ все это съ намѣреніемъ; мы желали, чтобы кто нибудь изъ людей знающихъ Ростовцева, сказалъ намъ—что онъ теперь; откуда эта перемѣна направленія? Есть-ли она расчетъ придворнаго челоука, всегда измѣнчивый, или твердый результатъ внутренней нравственной работы?—Вы даете намъ отвѣтъ и мы отъ души благодаримъ васъ. На нашъ запросъ: покаялся-ли онъ—вы говорите: “я отвѣчу смѣло и довѣрчиво: да!”

Тотъ, кто дѣйствительно покаялся, тотъ спокойно выслушиваетъ напоминаніе о прошедшемъ и тѣмъ съ большей энергіей идетъ по новому пути. Мы искренно радуемся, что Ростовцевъ составилъ канву для проекта о выкупѣ; но теперь мы станемъ ждать, чтобы онъ осуществилъ его съ той любовью къ общему благу, съ тѣмъ безкорыстіемъ и отсутствіемъ всякаго шепетильнаго самолюбія, съ той твердостью убѣжденія и воли, которыя необходимы при рѣшеніи основной задачи русской жизни. Мы станемъ ждать и постоянно слѣдить за ходомъ дѣла; но мы не можемъ не сказать Ростовцеву, что въ практической дѣятельности, не такъ какъ въ религіи,—вѣра не дается, а заслуживается дѣяніями.

Что-же касается, Милостивый Государь, до вашего разбора проектовъ Ростовцева и моихъ примѣчаній, я во многомъ не могу съ вами согласиться. Во-первыхъ ваше возраженіе противъ приписки дворовыхъ людей къ общинамъ мнѣ кажется совершенно неосновательнымъ и я въ этомъ случаѣ совершенно согласенъ съ Ростовцовымъ. Вашъ взглядъ на дворовыхъ людей какъ на *неучей, лентяевъ и негодяевъ* чисто помѣщичій. Не забудьте, что тѣ изъ нихъ, которые дѣйствительно таковы, обязаны своими пороками помѣщичей власти; а достаточныхъ доказательствъ на то, чтобы всѣ дворовые люди были неучи, лентяи и негодяи у васъ нѣтъ и быть не можетъ. Большая часть изъ нихъ ремесленники и хорошіе ремесленники, слѣдственно не неучи; эти ремесленники становятся лентяями и негодяями только тогда, когда видятъ, что трудъ ихъ безплоденъ для нихъ и для ихъ семействъ

и весь даромъ уходитъ на помѣщика; отнимите надъ ними помѣщичью власть и они перестанутъ быть негодяями. Тѣ-же несчастные, которыхъ жизнь вся ушла на выбиваніе трубокъ и чистку господскихъ горшковъ и которымъ нѣкогда было чему нибудь выучиться, можетъ и не помогутъ общинамъ, но приписка ихъ къ общинѣ спасетъ ихъ семейства отъ гибели. Приписка дворовыхъ людей къ общинѣ тѣмъ важна, что надѣлъ земли, слѣдующій на ихъ тяглы, оплатитъ ихъ повинности; отдавъ свой участокъ въ міръ за повинности, они свободно могутъ заниматься своимъ ремесломъ на сторонѣ, или продолжать наняться въ лакеи, если ни къ чему иному неспособны; но въ случаѣ неудачи у нихъ есть въ общинѣ уголь, гдѣ они пріютятся, подъ ихъ ногами есть почва; какъ всѣ люди русскіе и они имѣютъ право на землю. Припиской къ общинѣ спасено все потомство дворовыхъ людей, а 4 челоука на 100 (и это максимумъ отношенія) конечно *не развратятъ* крестьянскаго населенія. Имъ даже не нужно выходить изъ общинъ, а взять увольненіе, съ которымъ они могли бы всюду заниматься ремесломъ и торговлею. Повѣрьте, что крестьяне охотно вынесутъ эту приписку; они слишкомъ много терпѣли и выносили безъ пользы для народа и навѣрно найдутъ въ себѣ довольно твердости, чтобы принести небольшую жертву для спасенія двороваго населенія. Да и едва-ли тутъ есть жертва: община должна получить на дворовыхъ людей такой-же земельный надѣлъ какъ и на крестьянъ и, увольняя дворовыхъ для промысловъ, слѣдственно пользуясь ихъ надѣломъ, охотно заплатитъ ихъ выкупъ; тутъ выкупъ очевидно ляжетъ на землю. Иной рациональный способъ освобожденія дворовыхъ людей едва-ли найдеся.

Мы весьма сомнѣваемся въ пользѣ разбора правительственныхъ мѣръ до сихъ поръ предпринятыхъ по крестьянскому вопросу. Мы считаемъ, что до идеи выкупа, правительству болѣе стояло на степени чувства народнаго освобожденія; только съ идеей выкупа начинается сознательное дѣло, дѣйствительная развязка, первый шагъ къ устройству свободныхъ сельскихъ общинъ, и мы умоляемъ людей, которые могутъ вблизи слѣдить за ходомъ выкупа, присылать намъ подробныя свѣденія объ этомъ самомъ основномъ, самомъ важномъ русскомъ вопросѣ.

На счетъ отвода крестьянами подозрительныхъ лицъ при выборѣ въ третейскіе суды—ошибка не съ моей стороны, милостивый государь, а съ вашей. Я говорилъ о помѣщикахъ, извѣстныхъ по жестокому обращенію и о чиновникахъ уличенныхъ въ кражѣ—не на томъ основаніи, что помѣщикъ по уголовному слѣдствію былъ отданъ подъ опеку, или чиновникъ отданъ подъ судъ; я говорилъ о тѣхъ помѣщикахъ, которыхъ жестокость извѣстна крестьянамъ, а ихъ ни подъ слѣдствіе ни подъ опеку не только никто не отдавалъ, но дворянство всей губерніи и губернское начальство имъ покровительствовали; вспомните Вреде, Гутцейта и другихъ, помянутыхъ въ *Колоколѣ* и живущихъ безнаказанно. Я говорилъ о тѣхъ чиновникахъ, которыхъ общественное мнѣніе считаетъ ворами, а подъ судомъ они не только не были, но самое губернское начальство всегда помогало имъ въ воровствѣ и грабежѣ. Я думаю, милостивый государь, что, положивъ руку на сердце, вы неминуемо сознаетесь, что на сто жестокихъ помѣщиковъ одного не найдется подъ опекой, и на тысячу ворующихъ чиновниковъ одного не сыщется подъ судомъ.

Предварительная мѣра добровольныхъ условій крестьянъ съ покупщикомъ намъ кажется противурѣчіемъ повсемѣстному, немедленному, обязательному выкупу, потому что общій выкупъ не можетъ же обойтись безъ своихъ неизмѣнныхъ основаній. Бесплодность же этой мѣры заключается въ томъ, что теперь до установки выкупа, почти никто не станеть покупать населенныхъ имѣній.

Опредѣленіе правъ лица и семьи устанавливается обычаемъ больше чѣмъ предписаніемъ. Мы полагаемъ, и я думаю, что крестьянскій обычай этому не противурѣчитъ, что недвижимая собственность, т. е. земля — есть собственность общинная; домъ и его принадлежность есть собственность семейная, и наконецъ есть вещи, которые составляютъ собственность личную. Когда обычай ясенъ, мы не видимъ къ чему запутывать народныя понятія положеніями, выраженными неопредѣленно.

Что касается до приписки въ цехъ и гильдію и до крестьянской торговли, уродливо стѣсненной нашимъ законодательствомъ, я надѣюсь представить объ этомъ отдѣльную статью; этотъ вопросъ слишкомъ обширенъ и важенъ, чтобы уместиться на полемической страничкѣ.

По административному проекту Ростовцева, общинные начальники изъ дворянъ и тѣмъ пныхъ властей дѣлають лицо отвѣтственнымъ не только передъ міромъ, но и передъ дворянствомъ и передъ начальствомъ; а потому я въ правѣ былъ указать на эту важную ошибку, тѣмъ болѣе важную, что она въ выкупъ внесеть путаницу.

Рекрутство есть общее и доселѣ неизбѣжное несчастье. При чередовой системѣ до одинокихъ крестьянъ чередъ доходить только послѣ многочисленныхъ семействъ и потому несчастье на одинокихъ обрушивается рѣдко и только по необходимости. Міру кромѣ череда ничего не придется разбирать; во всякомъ иномъ случаѣ мы впадемъ въ мірской произволъ и въ систему наказаній рекрутствомъ, уже довольно давно возбуждающую отвращеніе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

На счетъ общественныхъ работъ я тѣмъ болѣе согласенъ съ вами, что міръ долженъ производить ихъ на свой счетъ самъ, что тогда земской полиціи нечего будетъ взыскивать съ міра денегъ, которыя, вы сами говорите, земская полиція трагитъ не туда куда слѣдуетъ.

На счетъ общаго разврата и буйства, Милостивый Государь, скажите мнѣ добросовѣстно: примѣры вами приведенные составляютъ ли общій развратъ и буйство? Люди, уходящіе за черное море, отъ крѣпостнаго состоянія и полицейскаго насилія,—и не развратны и не буйны, а просто несчастны. За чѣмъ клеветать на нихъ? Это не хорошо. А народъ въ Одессѣ, т. е. вѣроятно какая нибудь гурьба, ходившая на жидовъ,—отнюдь не составляетъ ни народа, ни крестьянской общины, и потому едва ли вы доказали, Милостивый Государь, чтобы выраженіе: общій развратъ и буйство (въ сельской общинѣ) не было—non sens.

На счетъ экспертовъ, я полагаю, что при выкупѣ, который имѣеть основаніе въ оцѣнкѣ земли, болѣе нужны люди здравомыслящіе и добросовѣстные, для приблизительной оцѣнки, чѣмъ эксперты, которыхъ достоинство и познанія ничто опредѣлить не можетъ; но, я полагаю, какъ и Вы, Милостивый Государь, что почему же не приглашать въ комиссію людей изъ мѣщанъ, которые чѣмъ нибудь полезнымъ сдѣлались извѣстны, равно какъ и подобныхъ людей

изъ всѣхъ сословій? Всякій полезный человѣкъ можетъ сказать полезное слово. Приглашеніе же крестьянъ было бы чрезвычайно важно; если никто не можетъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ, то быть адвокатомъ въ своемъ дѣлѣ каждый *долженъ имѣть право*.

Еще разъ благодаря васъ за письмо, я увѣренъ, что и впредь вы станете присылать въ Колоколъ все что сочтете нужнымъ для правды и пользы общины.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашъ покорный слуга

П. Огаревъ .

С М Ъ С Ъ .

— *Еще о возведеніи пьянства въ православную и государственную обязанность.* — Передъ нами два циркуляра, которымъ бы позавидовали даже австрійскіе іезуиты. Одинъ отъ 22 Марта 1859, разосланъ изъ департамента полиціи исполнительной, по *временному* (очень рады, что эти глупости не вѣчны) *отдѣленію* и подписанъ (къ крайнему сожалѣнію) м. в. д. Ланскимъ. Забылъ онъ видно исальтеръ, въ которомъ царь Давидъ “благославляетъ мужа не-сидящаго на совѣтѣ Муравьевыхъ и не-ходящаго по дорогѣ Папскихъ!” . . . Второй циркуляръ отъ 19 Марта, за N. 670, насланъ изъ перваго депар. министерства государственныхъ имуществъ и подписанъ *не повѣшанымъ, но въшавшимъ* Муравьевымъ. Тема одна, только варьяціи Ланскаго *мольныя* а Муравьева *дурныя*. Оба циркуляра говорятъ о пользѣ воздержанія отъ сивухи, о *правѣ* крестьянъ не нарѣзываться, и на этомъ основаніи оба мѣшаютъ имъ брать свои домашнія мѣры надзора за исполненіемъ обѣта не пить. Муравьевъ до того расходился, что вдругъ является *Мошотомъ* или *Губфеллидомъ*, и *въшаеть* такимъ образомъ гигиену. “Къ искорененію пьянства надлежитъ стремиться наблюденіемъ и внушеніями, подвергая наказанію, указаннымъ въ законѣ порядкомъ, за неумѣренное пьянство, а не преслѣдовать тѣхъ, которые употребляютъ вино *умѣренно* и, *нерѣдко* даже нуждаются въ томъ, для поддержанія силъ и здоровья и отнюдь не постановлять обязательныхъ по сему предмету приговоровъ, какъ совершенно противныхъ закону.” Но букетъ циркуляра въ концѣ: онъ предписываетъ въ случаѣ произвольныхъ сходокъ, которыми сдѣлаются *постановленія, выходящія изъ круга ихъ вѣдѣнія*, — “сей часъ *взыскать* (что? какъ?) съ виновныхъ, особенно съ сельскихъ начальниковъ.” Вѣроятно это взысканіе состоитъ въ отодраніи розгами—и потому никто не ожидаетъ сюрприза, который имъ готовитъ послѣ наказанія Михаилъ Николаевичъ. “При чемъ (*при стѣнни вѣроятно!*) разъяснить крестьянамъ, что правительство признаетъ весьма похвальнымъ благонамѣренное стремленіе къ воздержанію отъ пьянства, лишь бы не сопровождалось оно *мьроположеніями* неразрѣшенными правительствомъ.”

Je t'aimais inconstant—qu'aurai-je fait fidel?

Если за похвальныя и благонамѣренныя стремленія — будутъ сѣчь, *что-же* за стремленія достойныя порицанія и злонамѣренныя? . . . что за галиматья!

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 47.

1 Юля 1859.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

ПОПРАВКА.

Долгомъ считаемъ поправить ошибку, которая вкралась въ Колоколь совершенно независимо отъ редакціи, не имѣющей возможности повѣрять корреспонденцію. Въ 30 и 31 листахъ Колокола (15 Декабря 1858) въ засѣданіяхъ Московскаго комитета, на стр. 244 напечатано: “Н. Пальчиковъ и В. Даниловъ, члены отъ Рузскаго уѣзда....” Пальчиковъ и Даниловъ члены отъ Дмитровскаго уѣзда и изъ всей рѣчи, приписанной имъ въ Колоколь, говорили только слѣдующее: “Земли, подлежащія выкупу, отводить непременно къ однимъ мѣстамъ. Усадебныя строенія для сего должны быть со временемъ перенесены тамъ, гдѣ по мѣстности это будетъ необходимо. Земли для новыхъ усадебъ отводить по усмотрѣнію помѣщика къ однимъ мѣстамъ, въ количествѣ, равномъ старымъ усадьбамъ. При переселеніи усадебъ на счетъ крестьянъ, новая усадебная земля дается безвозмездно.”—Говоря это оба члена Дмитровскаго уѣзда имѣли въ виду только избѣжаніе чрезполостности, а не обремененіе крестьянъ ради помѣщичей корысти. За тѣмъ вся остальная рѣчь, имъ приписанная, принадлежитъ не имъ, а членамъ отъ Рузскаго уѣзда; пусть Рузскій уѣздъ за нее и отвѣчаетъ. Идея выкупа сдала въ архивъ всѣ засѣданія губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ и замѣнила это крохотное понятіе “улучшенія быта” простымъ, широкимъ понятіемъ *освобожденія крестьянъ съ землею*. Но мы обязаны, изъ среды архивнаго хлама губернскихъ комитетовъ, спасти имена честныхъ людей, и потому поспѣшили сообщить нашимъ читателямъ, певольную ошибку нашу.—*Редакція.*

МОСКОВСКІЙ КОМИТЕТЪ

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

Хотя и поздно является въ “Колоколь” продолженіе трудовъ московскаго комитета, но мы сочли полезнымъ напечатать ихъ. Это дѣло назидательное. Въ этомъ листѣ

читатели найдутъ добросовѣстную и совершенно умѣренную критику положеній комитета гг. членовъ отъ правительства—Павлова и Томашевскаго; въ слѣдующемъ листѣ отвѣтъ комитета, который приводитъ къ полнѣйшему заключенію, что упорное, корыстное, ограниченное и невѣжественное дворянство осрамилось.

А Ростовцевъ думаетъ, что можно воспользоваться его *лучшими мыслями* и дойти до *полюбовныхъ* соглашеній! Нѣтъ! Благо есть власть — пусть же она и беретъ на себя право перваго человѣческаго шага въ русской жизни и провозгласитъ выкупъ, опредѣленный не помѣщиками, а возможностью и статистическими данными, — *выкупъ обязательный*

I.

[Комитетъ 7 Октября занимался разсмотрѣніемъ проекта о повинностяхъ крестьянъ, представленнаго особою значенною для сего предмета комиссіею.]

Членъ А. Ф. Томашевскій читалъ слѣдующее мнѣніе по этому предмету.

1. Придерживаясь постановленія комитета, относительно 80 дней рабочихъ за надѣлъ тягла 4 десятинами, комиссія признаетъ правильнымъ опредѣлить денежную повинность крестьянъ или оброкъ оцѣнкою рабочаго тягловаго дня. По сообразивъ весьма вѣрно, что такой день въ московской губерніи стоитъ не менѣе 40, а часто болѣе 50 коп. сер., и что на такомъ фундаментѣ нельзя будетъ соорудить проектированнаго зданія, она уменьшила цѣнность дня до 25 коп. и привела особыя на то причины. Причины эти отдѣльно взятыя очень благомысленны въ отношеніи къ крестьянамъ и очень справедливы въ отношеніи къ помѣщикамъ; но къ сожалѣнію въ настоящемъ случаѣ оцѣ имѣютъ видъ предварительнаго расчета и не удовлетворяютъ ожиданіямъ безусловной справедливости. Точно такія-жъ соображенія и причины и при томъ съ большею положительностію могли руководить къ опредѣленію цѣнности тягловаго дня, на пр., въ 20 к. составляющихъ половину наименьшей дѣйствительной цѣнности дневной рабты. Но тогда оброкъ былъ бы только въ 16 р., а этого можетъ быть не имѣлось въ виду.

Коммиссія ближе подошла бы къ рѣшенію задачи, еслибы на положенные комитетомъ 80 рабочихъ дней взглянула какъ на трудъ все еще обязательный, котораго стоимость не опредѣлена и всегда относительна, и потому не можетъ быть прямо переводима въ денежную. Она избѣжала бы необходимости настоящей, по ея мнѣнію, цѣну рабочаго дня уменьшать до искусственной въ 25 коп.; не составила бы такого же искусственнаго оброка въ 20 р. за одну землю и не подала бы вѣроятнаго повода убѣдиться, что 80 рабочихъ дней не совсѣмъ легки для крестьянина при 4 десятинномъ надѣлѣ.

Но и 20 р. годичнаго оброка не представляютъ еще для коммисіи его высшаго размѣра. Она полагаетъ, что опредѣленіе такого размѣра достигнется въ послѣдствіи отъ присоединенія къ нему промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ совокупно съ цѣнностію усадьбъ. Стало быть коммисія думаетъ, что еще нужно прибавить и можетъ быть значительно. А между тѣмъ едва ли будетъ ошибочно заключить, что въ настоящее время наибольшая часть оброчныхъ имѣній московской губерніи обложены оброкомъ не много выше 20 р. съ тягла, и все это при пользованіи не ограничено всѣми угодьями, кромѣ отчасти лѣсовъ, всѣми промыслами и выгодами мѣстности. Очень жаль, что комитетъ не можетъ въ этомъ положительно удостовѣриться, ибо еще не имѣетъ въ виду свѣденій, доставленныхъ помѣщиками,

Наконецъ еще одно соображеніе, гдѣ въ московской губерніи такая десятина, урожай которой, безъ пособія промысловыхъ и прочихъ выгодъ, давалъ бы крестьянину возможность не обременяя себя покрыть часть казенныхъ повинностей, удѣлить на пропитаніе семьи и отдать помѣщику пять рублей или вѣрнѣе шесть р. 66 $\frac{2}{3}$ коп., ибо только 3 десятины ежегодно производительны а 4^я въ запасъ? Такой десятины копейно нѣтъ, и потому было-бы ближе къ существу дѣла дѣйствительную недостаточность нашей поземельной производительности дополнить цѣнностію промысловыхъ и прочихъ удобствъ мѣстности и только совокупность обоихъ принять за высшую норму денежной повинности, достаточно справедливую для помѣщика и возможно сносную для крестьянина. Промысловыя и всѣ другія выгоды мѣстности не суть главное основаніе, а только пособіе и средство къ правомѣрному и взаимно справедливому опредѣленію крестьянскихъ обязанностей къ помѣщикамъ. Единственно въ этомъ смыслѣ онѣ приложены и къ оцѣнкѣ усадьбъ и къ размѣру всякихъ повинностей. Нельзя также найти другаго болѣе удобнаго пути къ назначенію оброка въ 20 руб. сер. съ тягла при 4^{хъ} десятинномъ надѣлѣ, если комитетъ не найдетъ возможнымъ принять для этого къ соображенію показаніи гг. помѣщиковъ.

2) Въ засѣданіи 17 Іюня комитетъ принялъ предложеніе господина члена А. И. Вейденгамера, что за потомственное пользованіе усадьбами опредѣленные проценты съ оцѣночной суммы должны быть отнесены къ повинностямъ крестьянъ предъ помѣщикомъ. Не говоря о вѣроятномъ неудобствѣ этого постановленія послѣ отдѣленія усадебной земли отъ полевой и по нѣкоторымъ другимъ отношеніямъ; надобно полагать, что коммисія, имѣя его въ виду, наша полезнымъ присоединить къ оброку, кромѣ промысловыхъ и прочихъ выгодъ, и цѣнность усадьбъ, и предлагаетъ *взять съ каждого домохозяина по 4%.* Допустимъ самую умѣренную оцѣнку, все же 4 съ ней процента, для крестья-

нина, всегда даромъ жившаго въ отцовскомъ наслѣдіи, не бездѣлица, и тѣмъ больше, что платежъ этотъ, обращаемый въ повинность, не прекращается для него даже съ выкупомъ усадебной оцѣности, ибо комитетъ предлагаетъ тутъ же еще назначеніе особаго процента погашенія.

Сверхъ того надобно бы пояснить: 1) Почему брать проценты съ cadaго домохозяина отдѣльно, когда комитетъ допустилъ выкупъ усадьбъ только цѣлымъ обществомъ и отвѣтственность за повинности возложилъ также на общество? и 2) Почему непременно платить проценты деньгами, а работой или хлѣбомъ только съ согласія помѣщика? Въ послѣднемъ случаѣ, могутъ встрѣтиться недоразумѣнія, особливо въ неурожайные годы, и съ утвержденіемъ той оцѣнки хлѣба, какую предлагаетъ коммисія.*

Въ заключеніе членъ А. Ф. Томашевскій предлагаетъ: не благоугодно-ли будетъ, при обсужденіи предложенія о процентахъ за потомственное пользованіе усадьбами, вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, что отъ воли помѣщика зависить брать ихъ съ крестьянъ или нѣтъ, но въ первомъ случаѣ не выше опредѣленной нормы.

4) Затѣмъ были предложены къ разрѣшенію комитета слѣдующія положенія истекающія изъ представленнаго коммисіею проекта.

1) При переводѣ натуральной повинности на денежную, рабочій тягловой день долженъ быть оцѣненъ не свыше 25 коп. сер.

Это постановленіе принято было большинствомъ 20 противу 6.

2) Въ смѣшанной повинности рабочій день понижается на $\frac{2}{3}$ противу цѣны онаго при денежной повинности и считается вмѣсто 25 к. въ 15 к. сер.

Это постановленіе отвергнуто большинствомъ 18 противу 8.

3) Членъ Н. И. Павловъ и А. Ф. Томашевскій представили слѣдующее мнѣніе:

“Комитетомъ утверждено нынѣ положеніе о повинностяхъ, которыя крестьяне должны нести за земли, отдаваемые имъ въ пользованіе. Повинности эти за 4 дес. полевой земли съ присоединеніемъ платежа 4% съ цѣности усадебнаго участка за пользованіе имъ до выкупа, составить въ годъ на тягло деньгами по 24, 28 и 32 р. сер. или по 80 рабочихъ дней, съ приплатою 4, 8 и 12 р.

“При той неопредѣленности, какая встрѣчается во всемъ, касающемся опредѣленія цѣности какъ земель, такъ особенно промысловыхъ и мѣстныхъ выгодъ, долженствовавшихъ лечь въ основаніе опредѣленія самаго размѣра повинностей, возбуждается естественное сомнѣніе—съ достаточною ли справедливостію назначены комитетомъ эти повинности? Чтобы хотя съ нѣкоторою приблизительною точностію опредѣлить на сколько комитетъ достигъ своей цѣли улучшить бытъ крестьянъ, не лишая помѣщиковъ справедливаго дохода съ имѣній, лучшимъ и почти единственнымъ способомъ считаемъ мы сравненіе составленнаго комитетомъ положенія съ существующимъ нынѣ порядкомъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ московской губерніи. Порядокъ этотъ, по мнѣнію нашему долженъ былъ служить исходной точкой и основаніемъ для всѣхъ постановленій комитета, касающихся усадьбъ, надѣла крестьянъ землею и повинностей на нихъ возлагаемыхъ.

* Коммисія оцѣнила пудъ ржи въ 40 коп. сер.

“Еще прежде имѣли мы честь обращать на это обстоятельство вниманіе комитета, предлагая поручить особой комиссіи составленіе общаго свода изъ доставленныхъ гг. помѣщикамъ свѣденій и представленіе краткихъ изъ нихъ выводовъ для соображеній комитета. Мы полагаемъ, и нынѣ полагаемъ, что самое дѣло пошло бы оттого правильнѣе и успѣшнѣе и сводъ этотъ представилъ бы необходимое для всякихъ статистическихъ выводовъ однообразіе приѣмовъ и способовъ вычисленія. Мнѣніе наше комитету не угодно было принять, и онъ нынѣ уже окончилъ существенную часть своего труда, не обративъ вниманія ни на существующія теперь условія быта помѣщиковъ и крестьянъ, ни на взаимныя ихъ отношенія; а между тѣмъ эта часть занятій именно та, отъ которой болѣе всего зависитъ будущее благосостояніе двухъ сословій, и гдѣ указаніе комитета особенно полезно для послѣдующихъ соображеній правительства. Мало того, при опредѣленіи цѣнностей отдѣльныхъ земель, которыя до сего составляли одно нераздѣльное цѣлое со всѣмъ имѣніемъ, не подвергались почти никогда оцѣнкѣ, а потому и могли быть сколько нибудь приблизительно цѣнены самими лишь владѣльцами,—комитетъ не обратился къ мнѣніямъ ими выраженнымъ въ своихъ свѣденіяхъ, а постановилъ высшею нормою цѣнность, превышающую въ нѣсколько разъ ту, какую назначили значительное число помѣщиковъ, какъ это подтвердили и гг. члены верейскаго и дмитровскаго уѣздовъ. Конечно помѣщикъ не обязанъ подчиняться высокой нормѣ, назначенной комитетомъ и должно надѣяться, что никто изъ нихъ и въ послѣдствіи не отступитъ отъ цѣны имъ назначенной въ доставленныхъ комитетомъ свѣденіяхъ, тѣмъ не менѣе положеніе комитета представляетъ какъ бы произвольное, ни на какихъ данныхъ не основанное увлеченіе къ возвышенію падающей на крестьянъ повинности.

“Обращаясь къ предположенному нами сравненію, мы знаемъ, что доселѣ помѣщикъ могъ требовать 3 дневную барщину, которая по обще принятому всѣми хозяевами расчету составляетъ 140 рабочихъ дней въ году. Для того, чтобы пользоваться этой барщиной помѣщикъ долженъ былъ надѣлать крестьянъ количествомъ земли, достаточнымъ для поддержанія крестьянскаго хозяйства. Надѣлъ этотъ, въ сложности не обеспечивающій въ московской губерніи продовольствія крестьянскаго семейства, составлялъ въ издѣльныхъ имѣніяхъ на каждое тягло не менѣе 1 десяти пашни въ каждомъ изъ 3 полей и до 3хъ и болѣе десятинъ покоса: въ числѣ сихъ послѣднихъ находились въ большей части имѣній кустарникъ и мелколѣсье, изъ котораго крестьяне пользовались топливомъ; скотъ крестьянскій почти вездѣ пасся въ лѣсахъ помѣщика, и при всѣхъ почти селеніяхъ существовали выгоны болѣе или менѣе обширныя. Мы не говоримъ здѣсь о малоземельныхъ имѣніяхъ, большинство, которыхъ преимущественно состоитъ на оброкѣ, и которыя вообще составляютъ не весьма многочисленное исключеніе. Но такъ какъ безъ значительнаго посторонняго заработка крестьяне московской губерніи не въ состояніи содержать себя съ семействами и бытъ исправными работниками помѣщику и плательщиками казны, то помѣщики обязанные закономъ пешись о благосостояніи своихъ крестьянъ и собственнымъ своимъ имѣніемъ отвѣтствовать за исправный взносъ казенныхъ податей и повинностей, никогда не пользовались вполнѣ принадлежавшими имъ по праву тремя

днями въ недѣлю зимой и за исключеніемъ нѣсколькихъ подводъ предоставляли большую часть остальныхъ дней въ пользу крестьянъ для занятій извозомъ, разными промыслами, и мастерствами на сторонѣ.

“При семь барщинная работа, какъ извѣстно каждому помѣщику, лично занимавшемуся хозяйствомъ, никогда не соответствовала полному числу тяголъ: неисправность лошади болѣзнь работника, падежи, пожары, и т. п., не только часто нарушали хозяйственные расчеты помѣщика, но вовлекали его въ неизбѣжные льготы и денежныя ссуды, рѣдко выплачиваемыя, которыя значительно возвышали цѣнность этого въ виду дароваго труда. Таково въ общихъ чертахъ существующее положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ нашей губерніи, которое конечно весьма хорошо извѣстно гг. членамъ комитета; но мы должны были обременить ихъ вниманіе далеко не новыми и столько разъ въ преніяхъ нашихъ высказанными подробностями, для полноты излагаемаго нами взгляда.

“Утвержденными же нынѣ постановленіями комитета, предоставлено помѣщику, съ 13 Апрѣля по 15 Октября, 64 лѣтнихъ дня, слѣдовательно убавлено на это полугодіе 6 дней противъ бывшей законной 3 дневной барщины, составлявшей 70 дней; но часто потеря этихъ шести дней, которые могутъ быть отнесены къ слѣдующимъ за окончательной уборкой полей осеннимъ недѣлямъ, и слѣдовательно не нарушать 3 дневнаго въ недѣлю расчета во все время полевыхъ работъ, совершенно исчезаетъ передъ несравненно значительнѣйшею выгодною, представляемою урочнымъ положеніемъ и въ особенности круговымъ ругательствомъ всего общества въ исправномъ выполненіи падающихъ на всѣ тягла повинностей. Ручательство это, постановленное Комитетомъ безусловно, ограждаетъ помѣщика не только отъ временной несостоятельности тягловаго крестьянина, но и отъ всякаго уменьшенія тяголъ; хотя бы въ слѣдствіе рекрутскихъ наборовъ или смертности. Дальнѣйшій затѣмъ недостатокъ 54 зимнихъ дней, при послѣдовавшемъ назначеніи 16 рабочихъ дней не будетъ въ хозяйствѣ чувствителенъ какъ потому, что и до сего большая часть оныхъ предоставлялись крестьянамъ, такъ равно и въ слѣдствіе усиленной и огражденной отъ случайностей лѣтней работы. Если прибавить къ сему еще 4 % съ цѣнности усадебной земли, которые помѣщикъ имѣетъ право получать сверхъ означенныхъ рабочихъ дней, то можно утвердительно сказать, что помѣщикъ въ чистой выгодѣ; во-первыхъ—сохранивъ обязанную работу по крайней мѣрѣ равную существовавшей законной барщинѣ; во-вторыхъ—отстранивъ отъ себя всѣ обязанности, возлагавшіяся на него закономъ относительно наблюденія за благосостояніемъ своихъ крестьянъ и исправнымъ выполненіемъ ими казенныхъ повинностей, и въ-третьихъ—получивъ въ свое распоряженіе отходящую при предположенномъ четырехъ десятипомѣ надѣлѣ излишнюю отъ крестьянъ землю, что въ большей части случаевъ составитъ отъ 2 до 4 десятинъ на тягло, а иногда и болѣе; слѣдовательно условіе безобиднаго для помѣщика новаго устройства срочно обязанныхъ крестьянъ соблюдено едва ли не болѣе, чѣмъ того требовала справедливость.

“Переходя затѣмъ къ будущему положенію самихъ крестьянъ въ улучшенномъ ихъ бытѣ, мы усматриваемъ, что: 1) Имъ сохранена обязанная трехъ дневная работа въ теченіи

лѣтнаго полгодія; 2) четыре подводы на 35 верстное расстояние, и затѣмъ нѣсколько болѣе десяти полныхъ тягловыхъ дней зимой; 3) прибавлено ручательство другъ за друга въ исполненіи ихъ повинностей работою на помѣщика и деньгами какъ помѣщику, такъ и казнѣ; 4) прибавлена плата 4 % за пользование усадьбой до выкупа съ цѣны весьма значительной; и наконецъ 5) необходимо должны присоединиться, на основаніи высочайше одобренной программы, новые расходы на исправленіе и на составленіе мірскаго и продовольственнаго капитала. При такомъ съ одной стороны увеличеніи повинностей, самый надѣлъ тягла землею уменьшенъ до 4 десятинъ, и крестьянинъ, для содержанія на тягло лишь одной лошади и одной коровы, обязанъ нанять значительное количество покоса, пастбища, наконецъ купить топливо, и для всего этого найти средства въ предоставленныхъ ему комитетомъ зимнихъ дняхъ, которыми онъ и прежде пользовался, какъ необходимымъ условіемъ для своего скуднаго существованія. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду торговыхъ и промышленныхъ имѣній, принятаго комитетомъ 1го и еще высшаго разрядовъ, но всѣ имѣнія 3го и 2го разрядовъ.

«Но приувеличенный размѣръ положенныхъ комитетомъ повинностей и несоотвѣтственность ихъ опредѣленному надѣлу землею становятся еще нагляднѣе при переводѣ рабочей повинности на денежную. Не смотря на принятую комитетомъ до невозможности удешевленную оцѣнку рабочаго дня, считая работника съ лошадью и работницу кругомъ по 25 к. сер. въ день, тогда какъ лѣтніе дни составляютъ $\frac{4}{5}$ всего числа дней, мы приходимъ къ нормѣ оброка за одну полевою землею въ 20 рублей, а съ присоединеніемъ процентовъ за усадьбную землю съ промысловыми выгодами, къ ежегодному платежу въ 24 рубли для земледѣльческихъ имѣній 3 разряда. Размѣръ этотъ едва возможенъ и безъ расходовъ, истекающихъ для крестьянина изъ недостаточнаго надѣла землею. Расходы же эти, необходимые для каждаго крестьянина, занимающагося земледѣліемъ и свойственными оному промыслами, должны неминуемо привести такой оброкъ къ 30 рубл. А таковой платежъ, какъ общій для всѣхъ тягловыхъ имѣній, не существуетъ почти нигдѣ и при совершенно достаточномъ надѣлѣ землею, исключая, можетъ быть имѣній, отнесенныхъ нами въ высшій разрядъ, но и для сихъ имѣній 30 рублевый оброкъ, безъ включенія въ то число и казенныхъ повинностей, при круговомъ ручательствѣ, считаемъ мы крайней и довольно обременительной нормой.

«На основаніи всего вышесказаннаго мы должны придти къ заключенію, что повинности, возложенныя на крестьянъ вмѣстѣ съ платою за пользованіе усадьбами до выкупа, не соотвѣтствуютъ ни надѣлу ихъ землею, ни тѣмъ новымъ расходамъ, которые должны пасть на нихъ; а что, напротивъ того, доходы помѣщика возвышаются всѣмъ излишкомъ отрѣзываемой отъ крестьянъ земли и отстраненіемъ всѣхъ обязанностей и случайностей, уменьшавшихъ доселѣ въ сложности доходъ съ имѣній, нынѣ же падающихъ новымъ бременемъ на крестьянскія общества.

«Такой исходъ занятій комитета не соотвѣтствуетъ ни цѣли ихъ, ни, вѣроятно, самимъ видамъ комитета, и могъ, кажется, произойти лишь случайно въ слѣдствіе какого либо недоразумѣнія, или неправильно принятаго основанія. Мы съ своей стороны полагаемъ, что кромѣ слишкомъ высокой цѣнности усадьбныхъ земель, имѣло вліяніе на такой крайне

прискорбный результатъ нашихъ занятій то, что комитетъ два раза принялъ въ расчетъ мѣстные и промысловыя выгоды, принялъ ихъ притомъ даже тамъ, гдѣ самъ же потомъ ихъ вовсе не предполагаетъ, а именно: онѣ приняты въ соображеніе при назначеніи цѣнности усадьбной земли и послужили причиной подраздѣленія оной на разряды, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ имѣлись въ виду и при опредѣленіи повинностей за полевою землю, положенныхъ повсемѣстно одинаковыми, слѣдовательно допущены и въ имѣніяхъ 3 разряда, т. е. тѣхъ, которыя, по мнѣнію комитета, таковыхъ выгодъ не представляютъ. Доказательствомъ же того, что комитетъ имѣлъ ихъ въ виду при опредѣленіи повинностей за полевою землю, служитъ то, что онъ обложилъ каждую десятину, включая и паровую, ежегодной рентой въ 5 рублей, или 20 рабочихъ дней, и такимъ образомъ, самая дешевая изъ нихъ, при капитализаціи даже въ 6 %, приводитъ къ цѣнѣ десятины кругомъ въ 83 р. сер. Мы полагаемъ, что каждый изъ гг. членовъ комитета согласится въ несбыточности такой цѣны для обыкновенной полеовой земли московской губерніи, взятой самой по себѣ.

«По сему мы убѣждены, что комитету возможны теперь лишь два исхода, или:

«1) Оставить въ своей силѣ принятыя имъ постановленія, и тогда уже предоставить личному чувству справедливости каждаго помѣщика умѣрять на дѣлѣ созданное комитетомъ положеніе; или

«2) Постановитъ болѣе справедливый (надѣлъ) размѣръ повинностей и платежей, на крестьянъ возлагаемыхъ.

«Представляя мнѣніе наше на обсужденіе комитета, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣемъ честь предложить:

1) Не находить-ли комитетъ необходимымъ пересмотрѣ составленнаго имъ положенія о размѣрѣ повинностей, т. е. II Отдѣленія 6ой Главы Программы и просить о томъ, на основаніи § 23 постановленій о порядкѣ занятій комитета, г. пресѣдателя?

2) Не признаетъ-ли комитетъ необходимымъ, при пересмотрѣ повинностей принять въ соображеніе сводъ изъ свѣденій, доставленныхъ гг. помѣщиками?

3) Не признаетъ-ли комитетъ полезнымъ поручить пересмотрѣ повинностей особой на сей предметъ избранной комиссіи изъ гг. членовъ?

4) Въ видахъ скорѣйшаго окончанія возложеннаго на комитетъ труда, не признаетъ-ли онъ возможнымъ перейти къ обсужденію послѣдующихъ главъ программы, предоставивъ себѣ пополнить остающійся затѣмъ пробѣлъ въ 6ой главѣ, по окончаніи уже работы, порученной комиссіи?

По выслушаніи сего мнѣнія, г. пресѣдатель предложилъ передать оное на разсмотрѣніе уже избранной комиссіи; по отобраніи о семъ голосовъ, большинствомъ 14 противу 11* признано для разсмотрѣнія мнѣнія гг. Томашевскаго и Павлова назначить новую комиссію, въ которую и выбраны членами:—П. Т. Головицъ (19 голосовъ), А. А. Ефремовъ (13 голосовъ), и А. А. Валицкій (43 голосовъ.)

(Окончаніе впереди.)

* А. И. Вейденгамеръ, В. И. Булагинъ, А. Х. Штейнъ, князь Б. Мещерскій, П. П. Шиповъ, кв. Л. П. Гагаринъ, кв. С. И. Урусовъ, В. И. Даниловъ, П. В. Пальчиковъ, Д. А. Равицкій и пресѣдатель П. П. Воейковъ.

С М Ъ С Ъ .

Печенети или не Печенети?

Много разъ повторяли мы, что всегда готовы помѣщать всякаго рода поправки, нашимъ статьямъ. У насъ нѣтъ средствъ дѣлать повѣрки, и мы нисколько не обидясь помѣстили цичероновское оправданіе *Спичинскаго*, доктора *Штейна* и др. На этомъ основаніи помѣщаемъ мы письмо написанное въ оправданіе “Печенежскаго набѣга” Черниговскаго губернатора на раскольничій монастырь (10 листъ Колокола). Дѣло читателей судить, съ нашей стороны, мы находимъ что становится за ширмы высочайшаго повелѣнія, можетъ снять служебную отвѣтственность, но нисколько не снимаетъ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Гнать раскольниковъ—глупо и невѣжественно, кручиниться что они добровольно тратятъ деньги на свои религіозные капризы—слишкомъ слабонервно въ странѣ гдѣ: дворянство и чиновники насильственно обираютъ крестьянъ до послѣдней нитки. Ломать замки, рыться въ вещахъ старухъ, все это дѣйствительно поступки печенежскіе и татарскіе.

Разсказъ нашего корреспондента и разсказъ защитника Черниговскаго губернатора, не сходны—они намъ напоминаютъ Французскія и Австрійскія реляціи объ одномъ и томъ же сраженіи—*которое все же было!*

Милостивый государь,

Случилось мнѣ прочесть объявленіе ваше въ *Колоколѣ*, посвященное министру внутреннихъ дѣлъ, N. 10, о разграбленіи монастыря и походѣ черниговскаго губернатора противъ монахинь: будто бы губернаторъ насильственно огнямъ пристанище у старухъ-расколицъ казанскаго монастыря, мирно жившихъ и по своему молившихся богу, приказалъ солдатамъ отобрать у нихъ все имущество, а печи и окна перебить; будто бы онъ явился въ монастырь ночью съ священникомъ Сергіемъ и совершилъ описываемое преступленіе.

Отдавая вамъ полную справедливость въ просвѣщенной вашей дѣятельности и въ прилежномъ стремленіи къ общей пользѣ Россіи, я не могу не удивляться: какъ вы, не только даете вѣру дошедшему до васъ слуху, но еще убѣждаетесь, что такіа сплетни могутъ получаться изъ совершенно вѣрнаго источника и безъ жалости бьете русскихъ людей, не стараясь узнать ни ихъ нравственной стороны, ни цѣли, съ которою иногда предпринимаются дѣйствія облеченныя *не въ нѣмецкую форму, но послѣдствія которыхъ ведутъ къ уничтоженію зла*, чего вы сами желаете. Вы хорошо знаете степень развитія просвѣщенія въ Россіи, что еще много предстоитъ разрѣшить ей такихъ вопросовъ, отъ которыхъ завертится не только *наша невыработанная* голова, но даже всѣ головы вмѣстѣ взятая изъ нѣмецкихъ, австрійскихъ, французскихъ и англійскихъ племенъ. За что же безъ пощады карать учениковъ, если они стараются по возможности *хорошо учиться, дѣлаютъ успѣхи и нравственно не испорчены?* Конечно, намъ еще далеко до Англіи, исполненіе закона у насъ ничѣмъ не обезпечено, пока на просторѣ гуляетъ произволъ; но высочайшее повелѣніе выше всякаго

закона, хотя оно было бы совершенно незаконно, исполненіе его требуется настойчивѣе и отвѣтственности несравненно больше. Извѣстная система управленія Николая Павловича такъ глубоко пустила свои корни, что ее съ разу не вырвешь; но мы радуемся душевно и тому, что въ настоящее время при толчкѣ данномъ впередъ, многіе изъ сформированныхъ Николаемъ начальниковъ, окованныхъ въ желѣзную сѣтку въ предохраненіе отъ всего гражданскаго, добровольно освобождаются по немногу отъ 30 лѣтняго карантинна и по возможности освѣжаются воздухомъ съ дальнихъ странъ. Не вдаваясь въ подробности, обращусь прямо къ дѣлу. Я хотѣлъ бы знать: что тутъ особенно преступнаго со стороны Черниговскаго губернатора, что онъ закрылъ раскольничій монастырь по высочайшему повелѣнію, и почему вы называете дѣйствіе его въ этомъ случаѣ печенежскимъ набѣгомъ и татарскимъ своеволіемъ? По моему слѣдовало бы не только расколицы, но всѣ *православные* монастыри уничтожить,* какъ вредныя учрежденія въ государствѣ, гдѣ ни религіи, ни вѣры не существуетъ а только суевѣріе и алчность къ деньгамъ, слѣдовательно *и я принадлежу къ категоріи татаръ и печенеговъ?* Мнѣ положительно извѣстно, что исторія закрытія казанскаго монастыря происходила вовсе не такъ, какъ вамъ донесли. Губернаторъ пріѣхалъ туда дѣйствительно 21 Ноября, но *не ночью, а въ 9 часовъ* утра; прежде всего обратился онъ учтиво и ласково къ монахинямъ съ просьбою о выдачѣ ключей отъ церкви, предостерегалъ ихъ отъ послушанія высочайшей воли, просилъ ихъ убѣдительно не заставлять его прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, которыя ему предоставлены были въ случаѣ сопротивленія и это происходило во всеуслышаніе, но монахини упорствовали и ключей не дали; тогда губернаторъ приказалъ *отбить замки у дверей церкви, сдѣлалъ при себѣ опись* всей церковной утвари и оставилъ все на мѣстѣ подъ присмотромъ единоувѣрческаго священника впредъ до дальнѣйшихъ распоряженій духовнымъ начальствомъ. Губернаторъ вовсе не приказывалъ солдатамъ отбирать имущество монахинь; а такъ какъ по формѣ слѣдовало произвести обыскъ по кельямъ для разсланія запрещенныхъ церковныхъ книгъ и вообще не сдѣлали ли какой нибудь утайки изъ вещей и денегъ, принадлежащихъ церквѣ, то губернаторъ приказалъ, состоявшимъ при немъ чиновникомъ, *сдѣлать обыскъ* и самъ при этомъ присутствовалъ съ баталіоннымъ полковникомъ и двумя жандармскими офицерами; причѣмъ найдены въ различныхъ *потайныхъ мѣстахъ различныя книги и деньги*, которыя на другой же день были возвращены монахинямъ сполна въ присутствіи тѣхъ-же лицъ; слѣдовательно злоупотребленія чиновниковъ тутъ не могло быть. Послѣ того монахинь обрекли не на голодную смерть, какъ вашъ благонадежный корреспондентъ увѣряетъ и отправили ихъ не колодницами, а имъ дали подводы, на которыя они уложили свое имущество и вмѣстѣ съ нимъ отправились на родину; имъ предоставлено *право вступать если пожелаютъ, въ православные монастыри* (это уже на смѣхъ!) или спокойно жить, гдѣ хотятъ, съ воспрещеніемъ только возвращаться въ казанскій монастырь. Остальное за тѣмъ имущество, какое нельзя было старицамъ взять съ собою на подводы, жители посада расколицы-же,

* Это совсѣмъ другое дѣло. Мы пожалуй могли бы молчать на то, что помѣщикамъ предоставлено право сѣчь въ частномъ домѣ — крѣпостныхъ людей, если бы и крѣпостнымъ людямъ было предоставлено право по общему приговору посылать въ часть своихъ господъ.—И. Э. Д.

охотно принялъ не себя трудъ сохранить и доставить все оставшееся, по принадлежности ; кромѣ ихъ никто не смѣлъ допронуться ни до одной щепки. *Цѣль* въ поступкѣ губернатора была *самая благонамѣренная* : Монастырь этотъ давно находился подѣ полицейскимъ надзоромъ и давно уже состоялось высочайше повелѣніе закрыть его, но оно не приводилось въ исполненіе потому, что монастырь приносилъ до 100,000 сер. секретнаго годоваго дохода на чиповную и духовную братію ; большая часть изъ этихъ денегъ возилась въ Петербургъ, а остальное раздавалось мѣстнымъ властямъ, такимъ образомъ кровь по немногу высасывалась изъ монастыря, а монахини все таки преслѣдовали *по правиламъ* (хороши правила !) православной церкви, не давая имъ отдыха, по тѣмъ смиренно переносили гоненія съ убѣжденіемъ, что Богъ посылаетъ на нихъ испытаніе. Наконецъ явился новый пачальникъ, служившій прежде въ гвардіи, потомъ губернскимъ предводителемъ дворянства, человекъ богатый, честный ; получивъ подтвержденіе высочайшаго повелѣнія съ строгимъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ о немедленномъ закрытіи монастыря, принялся за дѣло энергично, горячо, съ одного размаха убилъ дойную корову и *тѣмъ прекратилъ* дальнѣйшій развратъ и взяточничество чиновниковъ, ревнителей православія. Въ Петербургѣ были поступкомъ его недовольны.

Губернатору *жаль было* видѣть эту угнетаемую массу раскольниковъ, исправнѣйшихъ платильщиковъ податей, повинующихся безпрекословно, видѣ своихъ религіозныхъ обрядовъ — всему что прикажутъ, люди промышленные и торговые. Исполнивши такое дѣло *противъ сеоихъ чувствъ и убѣжденія* губернаторъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ тогоже года по пріѣздѣ въ Петербургъ ходатайствовалъ у министра объ освобожденіи черниговскихъ раскольниковъ отъ православнаго ига, отъ незаслуженнаго надзора за богатыми раскольниками и отъ притѣсненія ихъ обрядовъ, подалъ объ этомъ докладную записку и къ особенному удовольствію заботы его увѣнчались успѣхомъ, надзоръ снятъ и дозволено раскольникамъ молиться по своему ; этимъ черниговскій начальникъ губерніи положилъ конецъ стяжанію и къ дальнѣйшему закрытію раскольничьихъ монастырей, такимъ образомъ, какимъ по несчастію пришлось на его дѣло.*

Въ заключеніе въ письмѣ сказано :

Независимо этаго я *бы покорнѣйше просилъ принять мѣры къ распространенію* Колокола въ губерніяхъ, а то мы будемъ всегда опаздывать возражать на ваши статьи, такъ, какъ я опоздалъ теперь ; по нѣволѣ отвѣчаю на нее спустя годъ и два мѣсяца.

— Мы еще пламениѣе желаемъ *распространеніе Колокола*. Мы готовы посылать даромъ, лишь бы онъ доходилъ!

Одесская полиція.

Извѣстно, что до войны турецкіе гаремы снабжались женщинами съ Кавказа, черезъ Требизондъ ; послѣ войны стали слѣдить строже за людоторговлей у кавказскихъ береговъ и женщины вздорожали въ Турціи отъ 500 до 800 полуимперіаловъ за штуку. Съ 1856 го года торговля женщинами, начала развиваться въ Одессѣ, такъ, что вывозъ дѣвокъ изъ

Одессы для продажи въ гаремы и публичные дома въ Константинополь (тамъ публичная дѣвка, считается товаромъ, на равнѣ съ овцею), доходилъ въ 57 мѣ году до 200 штукъ по словамъ Одесской полиціи, которая великодушно позволяла поддѣлывать купцамъ Турецкіе паспорта для дѣвокъ, пропускала ихъ черезъ заставы, исполнивъ всѣ требуемыя закономъ формальности, какъ то : публикацію, прописку паспорта въ генераль-губернаторской канцеляріи, записку его на заставѣ и проч. и проч., а главное взятку въ пользу кого слѣдуетъ ; особенно отличался въ послѣдней формальности Серебряковъ помощникъ полицмейстера и Старицкій, бывшій тогда частнымъ приставомъ и покровительствуемый графомъ Строгоновымъ. Этотъ Старицкій служилъ въ тайной полиціи, за что награжденъ орд. Св. Анны и сдѣланъ городничимъ въ Сузжѣ, откуда былъ удаленъ по просьбѣ жителей. Строгоновъ опредѣлилъ его въ Одесскую полицію частнымъ, и потомъ смогри-телемъ публичныхъ домовъ, каковая должность ежемѣсячно приносить 1,000 рублей дохода.

Торгаши женщинами (преимущественно изъ Евреевъ) по большей части записались въ Турецко-Молдавскіе подданные и по турецкимъ паспортамъ подѣ видомъ иностранцевъ, то и дѣло переѣзжаютъ черезъ границу взадъ и впередъ, вербуютъ дѣвушекъ, суля имъ золотыя горы, а потомъ съ фальшивыми паспортами отвозятъ въ Константинополь гдѣ продаютъ ихъ на базарѣ, а бракъ въ тамошніе публичные дома.

Въ 1857мъ и началѣ 58го года, торговля эта дошла до того, что объ ней говорили, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ и весьма прибыльномъ, нисколько не скрываясь. Со всѣхъ городовъ южной Россіи привозились въ Одессу дѣвки, опутанные долгами рублей въ 50 или 100, продавались здѣшнимъ содержательницамъ, которыя въ свою очередь вербовали дѣвокъ въ Одессѣ и все это отправлялось въ Турцію на торговлю, словомъ торговля шла въ полномъ разгарѣ. Какая нибудь жидовка ѣхала путешествовать за границу ; съ тремя дочерьми, съ сыномъ, женою сына и сестрой ; черезъ нѣсколько времени она возвращалась назадъ уже съ однимъ сыномъ и турецкою подданною ; потомъ ѣхала опять за границу съ дочерьми и такъ далѣе. Наконецъ, по высочайшему повелѣнію назначено *секретное и срожайшее* слѣдствіе. Эти секретныя слѣдствія по естественному порядку вещей таковы, что объ нихъ знаютъ всѣ, за исключеніемъ тѣхъ, кому они должны быть извѣстны т. е. лицъ, призванныхъ наблюдать за правосудіемъ. Полиція узнавъ, что наряжено секретное слѣдствіе, поспѣшила заявить свое усердіе и черезъ сыщика арестовала 3хъ дѣвокъ, которыя отправлялись на продажу въ Константинополь, полу-охотой, полу-обманомъ. Помирися - ли сыщикъ съ содержательницами, или что другое, только слѣдъ хотя и былъ, но не совсѣмъ вѣрный. Пріѣхалъ жандармскій полковникъ Моньховскій, для производства слѣдствія и взялъ себѣ въ письмоводители по этому дѣлу Павловскаго, *исключеннаго* изъ одесской полиціи. Дѣло было слишкомъ явно и гласно, притомъ по высочайшему повелѣнію, слѣдовательно нельзя было его покончить разомъ ; но око и ухо государево начало тѣмъ, что посадило въ тюрьму сыщика за *грубость и дерзость* передъ начальствомъ. Сыщикъ полицейскій унтеръ-офицеръ явился къ полковнику съ растегнутымъ мундиромъ. Между тѣмъ Павловскій, посадилъ въ тюрьму дѣйствительныхъ торговцевъ невольни-

* Мы пропускаемъ часть письма, не идущую къ дѣлу о раскольникахъ.—Ред.

цами. Еврейку Лукерью по прозвищу Горичую и Евреевъ: Якова и Германа Розславъ, Абраама Апенталя, Абраама Герша, Мошея Дувидова и Рифку Прилуцкую и слѣдствіе пошло своимъ чередомъ. Жандармерія кончила свое дѣло, которое передала Катакази.

Катакази спесся съ Русскою миссіею въ Константинополь и получилъ въ отвѣтъ, что дѣйствительно приходили (не зная навѣрное) въ миссію или къ Русскому консулу двѣ дѣвки, русскія подданныя, которыя вырвавшись изъ рукъ тамошнихъ содержательницъ пришли просить защиты, но такъ какъ на это не было у нихъ инструкціи притомъ же дѣвки не имѣли законнаго вида, то имъ и отказано въ покровительствѣ и уже больше они не являлись и слѣдовъ ихъ найти не могли. Катакази сдѣлалъ свое дѣло и оно передано на дополненіе въ генераль - губернаторскую канцелярію. Строгоновъ повелѣлъ своему чиновнику особыхъ порученій Миклашевскому кончить его и донесъ государю, что постыдная эта торговля прекращена въ Одессѣ. Миклашевскій, дѣйствительно кончилъ скоро, онъ освободилъ изъ тюрьмы всѣхъ торговцевъ невольницами. Говорятъ что это дѣло стоило много денегъ, а потому невольницы въ Константинополь должны вздорожать, ради пополненія убытковъ а еще потому что транспортъ товара моремъ затруднителенъ и надобно его отправлять черезъ Акерманъ сухимъ путемъ. И дѣйствительно грузы невольницъ направляются съ 59 года черезъ Аккерманъ и другіе пограничныя мѣста, на Галацъ и отуда далѣе.

Полицейскій унтеръ-офицеръ поймавшій дѣвокъ посаженъ въ острогъ и отданъ подъ судъ.

Эманципаторъ Князь Ю. Н. Голицынъ.

Мы получили разсказъ объ освобожденіи крестьянъ Голицынымъ, при письмѣ въ которомъ между прочимъ оказано:

“Прочитавъ въ 38 номерѣ Колокола, описаніе освобожденія крестьянъ братьями Тимашевыми я не могъ удержаться чтобы не сообщить вамъ, тоже самое сдѣланное Голицынымъ, съ тѣмъ же преданіемъ передать вамъ исторію, основанную на самыхъ достоверныхъ фактахъ.

Въ Тамбовской губерніи усманскомъ уѣздѣ есть помѣщикъ князь Ю. Н. Голицынъ, которому принадлежитъ село Салтыки 1,000 душъ. Онъ былъ извѣстенъ за помѣщика очень жестокаго и раззорившаго мужиковъ.

Послѣ крымской войны и коронаціи, разстроивъ свое состояніе онъ предложилъ мужикамъ своимъ откупаться безъ земли, обѣщая имъ оставить усадьбу на 10 лѣтъ безъ платежа за нее, а потомъ оставляя ихъ на ней по вольному уже найму; крестьяне дрожавшіе отъ страха при одномъ его имени, бывъ изнурены и все время жестоко управляемы, види возможность освободиться согласились и внесли по 50 руб. сер. съ души, всего 50,000 руб. серебр.

Эта сумма дала возможность Голицыну устроить свои дѣла, крестьяне внесли, деньги черезъ контору имѣнія прямо въ Опекунскій Совѣтъ, имѣніе выкупилось, снялось запрещеніе, тогда онъ продалъ купцу Шанину 3,000 десятинъ земли по 30 съ чѣмъ то рублей а остальные 4,700 десятинъ нанимають у него его же мужики по 3 руб. сер. за десятину, что гораздо

выгоднѣе въ усманскомъ уѣздѣ чѣмъ барщина. Трудно было заплатить крестьянамъ эти 50,000 руб. сер.—богатые платили за бѣдныхъ, продавали весь скотъ, избы, жили въ землянкахъ, шли на нѣсколько лѣтъ въ кабалу, продавали хлѣбъ за полцѣны на корню—но деньги уплатили, и въ уплатѣ изъ его конторы получили квитанціи.

Подошла 10 ревизія, князь приказалъ заплатить и за новорожденныхъ, крестьяне сдѣлали послѣднее усиліе, продавали платье, сапоги, уплатили еще 10,000 руб. сер.; но тутъ явился манифестъ объ освобожденіи крестьянъ и другая препона, по закону крестьянъ безъ земли отпускать нельзя—Голицынъ сейчасъ отвелъ имъ гдѣ то 300 десятинъ и заставлялъ ихъ пересѣляться туда, но крестьяне тутъ уже уперлись такъ какъ главный ихъ доходъ составляетъ базаръ на который собирается всякое Воскресенье нѣсколько тысячъ народа, который и размѣщается по крестьянскимъ дворамъ, и такъ какъ Голицынъ не сдержалъ своего слова оставить ихъ въ теченіи 10 лѣтъ на тѣхъ же мѣстахъ, народъ началъ роптать тѣмъ болѣе что циркуляры министра внутренннихъ дѣлъ напечатанные во всѣхъ газетахъ, стали доходить до нихъ, въ нихъ уже строго запрещалось до окончанія рѣшенія комитетовъ трогать крестьянъ съ мѣстъ, и когда Голицынъ въ Маѣ 1858 года болѣе всего напиралъ на крестьянъ чтобы они переселились, то уже ничего не могъ сдѣлать и одного, который говорилъ съ нимъ по дѣльнѣе и по упорнѣе прочихъ, сослалъ въ Сибирь на поселеніе *хотя тотъ былъ и вольный*, заплативъ за себя выкупъ.

Князь хочетъ сдать усадьбу купцамъ и мещанамъ и доходъ отъ лавокъ, базара и постоянныхъ дворовъ—оставить за собой.

Не смотря на такія странныя понятія о правахъ помѣщичьихъ Голицынъ явился на выборы въ Декабрѣ 1857 года съ проектомъ освобожденія въ которомъ безпрестанно повторялась фраза: “Князь Голицынъ освободившій 1,000 душъ.”

ТИМАШЕВЪ генералъ отъ III Отдѣленія посѣтилъ Парижъ, гдѣ былъ принятъ съ подобающимъ почетомъ, только не русскими путешественниками, а французскими блюстителями порядка и молчанія, у которыхъ онъ успѣшно хлопоталъ о запрещеніи нашихъ изданій. Говорятъ что свою ученую прогулку генералъ отъ III отдѣленія продолжить до Лондона. Ну здѣсь то къ кому онъ обратится? Страна безобразная, ни цензуры, ни корпуса жандармовъ, ни казематъ, ни Адлерберга съ Мухановымъ—чтобы остановить Колокольный Звонъ по случаю вождеденнаго пріѣзда его превосходительства.

Онъ обратится къ Михаловскому!

Все это усердіе—отъ нашей статьи о томъ какъ братья Тимашевы освобождали своихъ крѣстьянъ безъ земли, помѣщенной въ 38 листѣ.

Церковно - самодержавныя шалости. — Во всѣ царскіе дни (не только въ дни рожденія и именинъ государя, но даже и Анны Павловны королевы Нидерландской и всѣхъ новорожденныхъ младенцевъ, ихъ наберется человекъ 30!) запрещены похороны частныхъ лицъ и поны не смѣють даже служить панихидъ и заупокойныхъ обѣдъ! Ну какъ като-

лическое духовенство неравно узнаетъ объ этомъ византійски рабскомъ принижении церкви, посмѣется оно отъ души. И кому приходитъ эдакой вздоръ въ голову, за это наконецъ и взятки никто не дастъ, это безкорыстно глупо!

¿ *Правда ли*—что въ Кіевѣ было ночное сраженіе между монахами *Михайловскаго* монастыря и чиновниками, изъ за прекраснаго пола, при чемъ убить одинъ послушникъ?

Что это за Австрійскій *principe Troubetzkoj* въ Комо? Пишутъ изъ Италіи что какой то бывший въ 1848 офицеромъ у Радецкаго *un austriaco principe Troubetzkoj* ѣздилъ изъ Комо депутатомъ отъ Австрійской партіи, прося снова принять въ имперское подданство, изъ подъ *рабства* Гарибальди. Правда это или шутка?

По части цензуры творческой. — Есть цензоры *ма-рающие* (какъ юный Дегай, уже удаленный за преувеличенный ценсурный яръ), но за то есть и цензоры — *прибавляющие*, какъ незабвенный въ исторіи русской литературы, Борисъ Федоровъ. Вотъ что пишутъ о нашемъ Борисѣ:

“Въ одномъ изъ NN. “Колокола” обвиняютъ журналистовъ въ употребленіи ливрейнаго языка. Можетъ быть они пересолили, но примите къ свѣдѣнію слѣдующій фактъ, за который я ручаюсь. При открытіи одного женскаго училища въ С. Петербургѣ государыня (молодая) его покровительница и основательница сказала рѣчь, гдѣ будто бы находилась либеральная фраза, что *образование равняетъ всѣ сословія*. Это событіе и рѣчь явились въ печати. Государыню обвинили въ санкюлотизмъ, она будто бы отрѣклась отъ этихъ словъ; принялись за ценсоровъ, тѣ оперлись на придворнаго цензора, *старца* Бориса Федорова, которому сообщена была рукопись брошюры, и онъ получилъ нагоняй. Послѣ сего было строго подтверждено ценсорамъ, все что касается до царской фамиліи и двора препровождать къ г. Федорову на разрѣшеніе министра двора. Я самъ мѣсяць тому назадъ видѣлъ на одномъ корректурномъ листѣ, гдѣ въ біографіи одного учителя было упомянуто, что онъ обучалъ такихъ-то великихъ княженъ, въ такомъ-то году, вставку г. Федорова: *имѣлъ счастье преподавать...*” Sehr gut!

—“ По высочайшему манифесту 1856 года Августа 26 дня всѣмъ священникамъ, въ память Крымской войны, опредѣлены бронзовые, наперстные кресты, на Владимірской лентѣ. Синодъ, исключая С. Петербургской и Московской Епархій, на первыхъ порахъ, въ каждую Епархію, разослалъ только по 40 крестовъ, которые и розданы мѣстными Архіереями протопопамъ, да благочиннымъ; всѣ же остальные священники до сихъ поръ (скоро будетъ три года) не имѣютъ еще этого креста а вѣдь сумма на этотъ предметъ немедленно ассигнована Синоду и справки о числѣ каждой Епархій тотчасъ же собраны по изданіи манифеста.

“Какая же причина такой медленности въ раздачѣ остальныхъ крестовъ? Причина самая простая. Нужно, на прим. 100 тысячъ крестовъ и къ нимъ 150 тыс. арш. Владимірской ленты; если немедленно роздать эти кресты, то израсходуется

вся ассигнованная на этотъ предметъ сумма, промедливъ же 3, 4 года, когда 1/10 іеромонаховъ и священниковъ, минувшей войны, отойдетъ въ вѣчность,—можно попользоваться деньгами покрайней мѣрѣ, отъ 10 тыс. крестовъ и 15 т. арш. ленты!”

¿ *Правда ли*, что гр. Панинъ желалъ дать аренду М. И. Топильскому, и что сей послѣдній былъ посланъ предварительно, для ходатайства о самомъ себѣ, къ Муравьеву, отъ котораго много зависитъ назначеніе аренды? Правда ли, что Муравьевъ объявилъ ему, что вакантныхъ арендъ нѣтъ и спросилъ потомъ: отчето сынъ мой не сдѣланъ до сихъ поръ оберъ-прокуроромъ? Правда ли что М. И. доложилъ Муравьеву почтительнѣйше, что въ настоящее время таковыхъ вакансій неимѣется; а на другой день явился снова, обрадовать нѣжнаго отца извѣстіемъ объ открывшейся внезапно вакансіи и помѣщеніи на оную сына? Наконецъ, правда ли, что на третій день самъ М. И. былъ обрадованъ извѣстіемъ о представившейся возможности назначить ему аренду?

¿ *Правда ли*, что Бутковъ, говоря съ Орловымъ о дѣлахъ государственныхъ вообще и о дѣлахъ М. Муравьева въ особенности, присовокупилъ: “Нѣтъ сомнѣнія, что Муравьевы всѣ—великіе таланты, но только на словахъ, а не на дѣлѣ. Впрочемъ между ними, по моему глубокому убѣжденію, есть одинъ истинный талантъ: это—Муравьева (танцовщица).

У помѣщика Орловской губерніи по имени Юхарина, бѣжало четверо крестьянъ, которые скрывались въ Молдавіи и потомъ возвратились вмѣстѣ съ другими въ Россію въ надеждѣ на предпринятое освобожденіе ихъ братьевъ и на обѣщанія мѣстныхъ властей. Чего бы, кажется, хлопотать въ настоящее время помѣщику о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ когда всѣ наперерывъ стараются какъ бы отъ нихъ отдѣлаться, чтобъ только не давать имъ земли? Но Юхарину хотѣлось, безъ сомнѣнія, отечески наказать своихъ бѣглецовъ; Юхаринъ обратился къ Новороссійскому генералъ губернатору съ просьбой. Графъ Строгоновъ, отъ души сочувствуя такимъ видамъ, поставилъ на ноги всѣ го родскія и земскія власти въ Новороссіи и Бессарабіи, и одинъ изъ этихъ крестьянъ въ самомъ дѣлѣ попался въ руки Одесской полиціи, и до сихъ поръ (*письмо писано мѣсяца два тому назадъ*) сидитъ въ секретной, подвергаясь истязаньямъ съ тѣмъ, чтобы открылъ своихъ соучастниковъ. Къ счастью для нихъ и къ несчастью для себя и Одесской полиціи онъ не знаетъ ихъ убѣжища.

Чрезвычайно рекомендуемъ нашимъ читателямъ небольшую брошюру напечатанную въ Брюсселѣ: Programme de la Sainte - Alliance des Peuples. Bruxelles F. Classen 88, rue de la Madeleine. Въ одномъ изъ будущихъ листовъ Колокола, мы поговоримъ объ этомъ самобытномъ произведеніи, въ которомъ (хотя мы не совсѣмъ согласны съ авторомъ) вѣтъ тѣмъ новымъ вѣяніемъ, по которому можно узнать Русскаго, на какомъ бы языкѣ онъ ни писалъ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

WITH SUPPLEMENT №. 23.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOVO!

ЛИСТЪ 48.

15 Юля 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), London. Price six-pence.

МОСКОВСКІЙ КОМИТЕТЪ.

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

[Оковчаніе.]

На мнѣніе Павлова и Томашевскаго комиссія отвѣчала слѣдующее :

“Г. г. члены въ мнѣніи своемъ полагаютъ, что будто бы крестьяне въ Московской губ. до сего времени, вездѣ пользовались на каждое тягло 1 десятиною пашни въ каждомъ изъ 3 полей и до 3 дес. покоса, а нынѣ, по положенію комитета, крестьянинъ получаетъ въ пользованіе всего 4 дес. натыгло.”

“Но комиссія находитъ : 1) что не во всѣхъ уѣздахъ существовало такое надѣленіе земли крестьянамъ и не во всѣхъ имѣніяхъ ; 2) изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ помѣщиковъ, видно, что въ Московской губ. находятся многія имѣнія, въ которыхъ крестьяне не имѣли и 3 десятинъ въ своемъ пользованіи, хотя и отбывали за то работою 3 дня въ недѣлю, или платили оброкъ отъ 25 до 35 р.; къ тому же въ Московской губерніи крестьяне болѣе занимаются промыслами, чѣмъ земледѣльемъ ; почему, надѣляя ихъ еще лишнею землею, значить и лишнею повинностію, комитетъ отнялъ бы у нихъ полезное время для промысловъ и ремеслъ.”*

“Впрочемъ, если въ оныхъ имѣніяхъ уменьшится количество земли, поступающей крестьянамъ въ пользованіе, за то комитетомъ уменьшено и число рабочихъ дней, т. е. вмѣсто 140 дней, крестьянинъ будетъ всего работать 80 дней ; слѣдовательно работникъ приобрѣтетъ 60 дней свободныхъ для своихъ промысловъ и ремеслъ. † Съ тѣмъ вмѣстѣ комитетъ уменьшилъ и значительное число подводъ которыми пользовался помѣщикъ, въ надеждѣ, что эти подводы крестьянинъ съ пользою употребитъ для себя, занимаясь въ свободное зимнее время извозомъ. Также комитетъ не положилъ никакихъ существовавшихъ сборовъ съ крестьянъ, какъ то баранами, холстомъ и проч.” ‡

* Можетъ быть иные такую штуку назовутъ искуснымъ махавеллпомъ, но въ сущности это не болѣе—какъ гнусная глупость.

† Кажется члены отъ правительства Павловъ и Томашевскій достаточно ясно доказали, что это уменьшеніе дней не составляетъ уменьшенія, потому что всѣ дни падаютъ на лѣтніе работы ; но комиссія обходитъ молчаніемъ мнѣніе членовъ отъ правительства и этимъ хочетъ вывернуться. Но, умалчиваніе (fin de non-recevoir) не есть опроверженіе возраженія.

‡ Какіе добрые ! Отцы—да и только !

Годъ II.

“Далѣе, въ этомъ мнѣніи гг. члены находятъ что комитетъ, опредѣляя для крестьянъ 80 рабочихъ дней, вмѣсто существующихъ 140 дней, нимало не облегчилъ тѣмъ трудъ крестьянина, и доказываетъ, что 80 рабочихъ дней равны 140 рабочимъ днямъ. Съ этимъ комиссія согласиться также не можетъ, потому что крестьянинъ въ лѣтнее полугодіе нынѣ работаетъ 70 дней, а по новому положенію будетъ работать всего 64 дня, а 64 меньше 70 ; въ зимнее же полугодіе крестьянинъ вмѣсто 70 дней будетъ работать всего 16 дней, а 16 дней меньше 70-дней. Это кажется ясно и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.”*

“Гг. члены находятъ также, что комитетомъ сдѣлана до невѣроятности удешевленная оцѣнка дня рабочаго, считая работника съ лошадыю и работницею кругомъ 25 к. с. въ день.”

“Напротивъ того, комиссія находитъ, что эта оцѣнка сдѣлана на основаніи нынѣ существующихъ оброковъ въ сравненіи рабочихъ дней, и на этомъ основаніи комитетомъ принята не удешевленная оцѣнка а настоящая, именно : въ Московской губ. находятся имѣнія, въ которыхъ крестьянинъ платитъ 25 р. вмѣсто 140 рабочихъ дней. Въ этомъ случаѣ какъ видно, рабочій день оцѣненъ въ 18 к. Въ другихъ имѣніяхъ крестьяне платятъ оброкъ въ 28 р. значить рабочій день оцѣненъ въ 20 к. Находятся также имѣнія, въ которыхъ платитъ 30 р. значить рабочій день оцѣненъ въ 22 к. Въ рѣдкихъ имѣніяхъ около Москвы, помѣщики берутъ оброкъ 35 р. значить рабочій день оцѣненъ въ 25 коп. сер.”

“Изъ этого видно, что рабочій день оцѣненъ комитетомъ не по удешевленной до невозможности оцѣнкѣ, а напротивъ по настоящей.” †

* Опять умалчиваніе ! Комиссія рѣшительно не хочетъ обратить вниманіе на доводы членовъ отъ правительства. Что 64 меньше 70—въ этомъ никто не сомнѣвается также какъ и въ томъ, что 99 меньше 100 ; что 16 дней меньше 70, и это вѣрно, но если прежде лишніе 54 были не лужны, то обстоятельства не переменяются. Опровергать возраженіе, не упоминая о доказательствахъ, на которыхъ оно основано,—не столько ловко, сколько безчестно.

† Смыслъ оброка есть плата за право владѣть землею, но есть и заемъ ; отъ этого оброкъ не только въ 35 но и въ 20 рублей съ тягла огроменъ, потому что : возьмемъ самый большой надѣлъ 6 десятинъ на тягло и положимъ десятину въ 50 рублей, то съ капитала въ 300 рублей—двадцатирублевый оброкъ составляетъ слышкомъ 6 %, и этихъ 6 % земля не заплатитъ, слѣдственно заемъ слышкомъ дорогъ ; но тутъ вдобавокъ выходитъ, что при 6 десятинномъ надѣлѣ оброкъ берется не 20, а 35 рублей, т. е. 11½ % съ капитала за заемъ ; причтите,

“Въ разсматриваемомъ комисіею мнѣніи сказано, что комитетъ обложилъ каждую десятину ежегодной рентой въ 5 р. и такимъ образомъ при капитализаціи даже 6 % приводитъ къ цѣнѣ десятины въ 83 р. сер.”

“Комитетъ не можетъ опредѣлить цѣнности лучшихъ воздѣланныхъ земель въ имѣніяхъ которыя доселѣ приобрѣтались вмѣстѣ съ землями болотными, песчаными, неудобными, находящимися подъ дорогами и оврагами, никогда доходъ не приносящими, когда распахать десятину изъ подъ кустарника это стоитъ не менѣе 50 р. сер.”*

“Обращаясь къ своду удѣльныхъ постановленій, изд. 1843 къ ст. 115, мы усматриваемъ: полный доходъ съ земли дѣлится между удѣломъ и крестьянами на 5 частей, изъ которыхъ $\frac{1}{5}$ часть предоставляется крестьянамъ, какъ процентъ съ капитала, употребленнаго на обзаведеніе хозяйствомъ, покупку рабочаго скота и уплату общественныхъ повинностей, составляющихъ личный ихъ расходъ, а $\frac{4}{5}$ части предоставляются имъ же, какъ плата за трудъ, которою они могли бы быть обеспечены къ содержанію своихъ семействъ; остальные $\frac{4}{5}$ части составляютъ собственно *поземельный сборъ* или оклады съ крестьянъ за землю, которою они пользуются.”

“Предполагая средній доходъ съ десятины 20 р. сер. двѣ пятыхъ составлять 8 р., а комитетомъ поставлено всего 5 р. за десятину, почему комисія не находитъ въ этомъ положеніи никакого увеличенія къ возвышенію повинностей.”†

“Гг. члены полагаютъ также, что крестьяне въ зимнее полугодіе не отбывали будто бы никакой работы помѣщику: это также несправедливо. Напротивъ того, крестьяне въ это время: 1) сушили и молотили хлѣбъ; 2) въ имѣніяхъ, гдѣ находился посѣвъ картофеля, терли его въ муку и дѣлали крахмалъ или патоку; 3) возили хлѣбъ, сѣно въ городъ для продажи, 4) заготавливали и возили годовую пропорцію дровъ для помѣщичьяго хозяйства; 5) возили сѣно и солону на скотные и конные дворы; 6) привозили нужный строевой лѣсъ для помѣщичьихъ построекъ; 7) строили, чинили и крыли хозяйственные заведенія; 8) крестьяне также содержали караулъ, такъ что изъ 70 зимнихъ рабочихъ дней у настоящихъ рациональныхъ помѣщиковъ не только не оставалось прогульнаго дня, но большая часть изъ нихъ нанимали еще работниковъ въ зимнее время для построекъ. Разумно, что крестьянину стоитъ обработка земли и выйдетъ, что эта плата за наемъ равна грабежу. Оцѣнка же рабочаго дня ничего не имѣетъ общаго съ наймомъ земли; рабочий день можно было оцѣнить только на основаніи существующихъ цѣнъ вольнонаемныхъ работниковъ, а не по расчету цѣнъ на наемъ земли.”

* Какже рабочий то день выйдетъ въ 25 копѣекъ? Если работникъ стоитъ 25 копѣекъ въ день, то распахать десятину изъ подъ кустарника никакъ не станетъ 50 руб. сер. Въ московской губерніи при 10 десятинахъ на душу, безъ особыхъ заведеній, никогда не дадутъ при покупкѣ 200 рублей за душу, слѣдственно десятина въ сложности стоитъ не болѣе 20 рублей, а ужъ никакъ не болѣе 30, а потому за пахатную больше 50 руб. не дадутъ. Потомъ—случается же, что государственные крестьяне, или сами помѣщики, отдають въ наймы пахатныя земли; не мудрено справиться о цѣнѣ найма пахатной десятины и, принявъ ее за процентъ, капитализировать на этомъ основаніи стоимость пахатной десятины.

† Не говоря уже о томъ, что 20 рублей средняго дохода пахатная десятина не принесетъ въ московской губерніи, и что нарѣ ничего не принесетъ, а деньги за него возмуть; но не въ удѣльныхъ положеніяхъ дѣло. Кромѣ того, что количество земли въ удѣлахъ иное; кромѣ того, что и удѣлы заведены не для улучшенія быта казенныхъ крестьянъ, а такъ не знаю для чего—тутъ вопросъ иной: вопросъ въ томъ можетъ ли крестьянинъ сверхъ тягостныхъ повинностей за наемъ земли—еще платить ренту, какъ будто она не вошла уже въ стоимость найма? Въ удѣлахъ нажета итъ ни 80 дневной барщени равной 140 дневной, ни подводъ, ни оброковъ. Ссылка на удѣльные постановленія совершенно ложная.

мѣется, у тѣхъ помѣщиковъ, которые проживали въ столицахъ или за границею, крестьяне не только зимою, но и лѣтомъ ничего не дѣлали, за то таковыхъ крестьянъ приходилось помѣщику кормить и платить государственныя за нихъ подати, и имѣнія ихъ подвергались публичной продажѣ.”*

“Мнѣніе гг. членовъ, что будто бы при всѣхъ почти имѣніяхъ существовали *выгоны*, болѣе или менѣе обширные, также неѣрно; мы знаемъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій, такъ равно и изъ свѣдѣній, доставленныхъ и подписанныхъ помѣщиками, что выгоновъ въ Московской губ. не существовало, исключая имѣній, надѣленныхъ большимъ количествомъ земли.”

“Въ разсматриваемомъ комисіею мнѣніи сказано, что будто бы скотъ крестьянскій почти вездѣ пасся въ лѣсахъ помѣщичьихъ. Это совершенно противно всякому рациональному хозяйству, и если дѣйствительно гдѣ пасся, то слѣдовало бы это строжайше запретить, потому что скотъ вытѣпываетъ и выѣдаетъ молодой лѣсъ до корня; и если бы скотъ вездѣ пасся по лѣсамъ, какъ говорятъ гг. члены, то въ Московской губ. его давно бы не существовало.”

“Затѣмъ гг. члены въ мнѣніи своемъ находятъ что крестьяне вездѣ пользовались *топливомъ*. Но если въ московской губ. существовали имѣнія, въ которыхъ крестьяне пользовались топливомъ, убирая разумѣется сушь и вырывая корни, то во всѣхъ уѣздахъ находятся имѣнія, которыя вовсе не имѣютъ лѣсовъ, а около Москвы многіе помѣщики сами покупаютъ дрова. Слѣдовательно заключеніе гг. членовъ о всей губерніи также несправедливо.”†

“Вмѣстѣ съ тѣмъ гг. члены находятъ выгоднымъ для помѣщиковъ постановленіе комитета: ручательство мірскаго общества, которое, по словамъ ихъ, ограждаетъ помѣщика не только отъ временной несостоятельности тягловаго крестьянина, но и отъ всякаго уменьшенія тягола, хотя бы въ слѣдствіе рекрутскихъ наборовъ или смертности.”

“Но гг. члены, говоря о смертности и убыли, умалчиваютъ о рожденіи и прибыли населенія, которое по статистическимъ свѣдѣніямъ ежегодно прибываетъ, несмотря на рекрутскіе наборы, 1 % на 100. Почему комисія признаетъ что если бы поворожденныхъ не было, то постановленіе комитета оказалось бы несправедливо, но при прибытіи ежегоднаго населенія, выгода остается на сторонѣ крестьянъ, а не помѣщиковъ. Къ тому же и въ казенныхъ имѣніяхъ существуютъ закономъ утвержденныя мірскія ручательства, не смотря на смертность и рекрутскіе наборы.”‡

* Замѣчательно, что кромѣ сушки и молотбы хлѣба и терки картофеля (а эта терка у рѣдкихъ помѣщиковъ, да и то составляетъ особое заведеніе и не идетъ подъ расчетъ хлѣбопашественнаго имѣнія), все остальное относится къ подводамъ; а право на подводы комитетъ сохранилъ въ количествѣ не безвыгоднымъ для помѣщика, это слѣдственно никакъ не подходитъ къ зимнимъ рабочимъ днямъ. Но заключеніе лучше всего: въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ мужики въ зимніе дни не работали на помѣщика, мужики раззорались и вповаты въ томъ, что, у помѣщика, проживавшаго и прожившаго за границей, имѣнье продавалось съ торговъ. О логикѣ и добросовѣстности!

† Не смотря на возраженіе комисіи противъ мнѣнія членовъ отъ ручательства, возраженіе можетъ быть хозяйственно и статистически вѣрно,—не льзя не заключить, что въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне пользовались выгономъ, и топливомъ, имъ будетъ очень тяжело, переставъ пользоваться ими, платить и усадебный выкупъ, и земельную ренту, и работать по прежнему, а въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не пользовались ни выгономъ ни топливомъ, тягестъ падетъ на нихъ не менѣе, и это уравненіе крестьянъ въ отсутствіи выгоновъ и топлива, конечно не будетъ улучшеніемъ ихъ быта.

‡ Мірское ручательство и постоянная цифра подати безъ сомнѣнія дѣла рациональное, потому что такимъ образомъ подать падаетъ на землю, какое бы

“Переходя за тѣмъ къ будущему положенію въ улучшенномъ ихъ бытѣ, коммисія находитъ, что къ улучшенію крестьянскаго быта постановлено: 1) крестьяне освобождаются отъ крѣпостной зависимости. 2) Получаютъ одинаковое право съ свободными сословіями покупать землю и дома въ свою полную собственность, безъ всякаго на то дозволенія. 3) Получаютъ право *вступать въ бракъ, безъ позволенія помещика.* 4) Повинности ихъ уравниваются не по произволу помещика, а по разсмотрѣнію комитета. 5) Въ случаѣ неправды и притѣсненія отъ помещика, крестьянинъ можетъ прибѣгать къ защитѣ суда. 6) Крестьяне *имѣютъ право выкупать усадебную осплдность*, т. е. лучшія земли въ имѣніи помещика. 7) Они получаютъ въ пользованіе 4 десятины удобной, воздѣланной земли, *принадлежащей помещику.* 8) Помѣщикъ лишается права продать или вывести крестьянина въ другое имѣніе. 9) Въмѣсто прежней барщины, состоявшей изъ 140 дней, крестьянинъ будетъ отбывать всего 80 дней, за тѣмъ крестьянамъ остается 285 дней въ году для ихъ работы и промысловъ. 10) Въмѣсто многочисленныхъ подводъ, которыхъ помѣщикъ имѣлъ право требовать зимою и лѣтомъ для перевозки хлѣба, дровъ и пр. что было главною тяжестью для крестьянъ, комитетомъ нынѣ совершенно ограничено всего 4 подводами на 35 верстѣ. 11) Помѣщики сверхъ рабочихъ дней *получали еще отъ крестьянъ барановъ, холстъ и проч. что служило имъ пособіемъ для прокормленія и одежды дворовыхъ,* вынѣ, для облегченія крестьянъ, права на эти сборы не предоставлено помѣщикамъ, что и послужитъ крестьянамъ также къ облегченію. 12) *Всѣ крестьянскія строенія отданы комитетомъ въ пользованіе крестьянъ безъ всякой платы помещику.* такъ равно и *все движимое ихъ имущество: скотъ, хлѣбъ и земледѣльческія ихъ орудія что составляло полную собственность ихъ помещика.* 13) Крестьяне освобождены отъ уплаты денежной повинности за землю, эта плата возложена на помѣщиковъ. 14) Крестьяне освобождены отъ *уплаты подушныхъ за дворовыхъ людей.* Эта уплата возложена также на помѣщика.”

“Коммисія, разсматривая вышеозначенныя права и улучшения крестьянскаго быта, сдѣланныя комитетомъ, находитъ, что *большее распространеніе этого права и этой свободы можетъ лишь развратить крестьянина, всегда склоннаго къ лъни и къ даровымъ приобрѣтеніямъ чужой собственности,* * и съ тѣмъ вмѣстѣ раззорить владѣльцевъ-собственниковъ и лишитъ ихъ надежныхъ средствъ къ жизни и тѣмъ уничтожитъ цѣлое сословіе, которое по своему просвѣщенію есть твердая и надежная опора престола и государства.” †

ни было народонаселеніе; между тѣмъ какъ поголовная подать падаетъ на лицо, хотя бы у него земли было недостаточно. Но коммисія тутъ забываетъ, что мірское ручательство хорошо тамъ, гдѣ община свободна и платитъ только денежную подать; но московскій комитетъ обложивъ крестьянъ и барщиной, и оброками, и рентой, и подводами, отказалъ во всякомъ пособіи со стороны помещика, какъ то было доселѣ въ вознагражденіе за рабство, и сохранилъ помѣщичью власть—и хочеть, при всемъ этомъ ухудшеніи крестьянскаго быта, круговой поруки, которая возможна только въ свободной общинѣ; это не то чтобъ великодушно!

* Вотъ что называется съ больной головы да не здоровую. Впрочемъ мы полагаемъ, что возражать на всю эту іезуитскую галиматью дѣло лишнее; она хорошо говоритъ и сама за себя, ярко выставивъ всю глубокую внутреннюю развращенность ума и сердца людей, которая боится чтобы свобода не развратила крестьянъ, а сами являются во всемъ блескѣ самаго безсовѣстнаго лицебрія.

† Никому оно не опора, и для всѣхъ и для самаго себя нравственная и матеріальная язва.

“Съ тѣмъ вмѣстѣ коммисія почитаетъ для себя пріятнымъ долгомъ сказать, что Е. И. В. во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 5 уже мѣсяцъ по открытіи комитета, изволилъ читать извлеченіе изъ его занятій, и многое нашелъ хорошимъ! Такое лестное поощреніе даетъ намъ право надѣяться что и окончательныя дѣйствія комитета обратятъ милостивое вниманіе нашего монарха!” *

“Между тѣмъ гг. члены излагаютъ, что будто бы комитетъ назпачая повинности на крестьянъ за полевые и усадебныя земли, не обратилъ вниманія ни на существующія теперь условія быта помѣщичьихъ крестьянъ, ни на взаимныя ихъ отношенія; почему они находятъ, что положеніе комитета представляетъ какъ бы произвольное, ни на какихъ данныхъ не основанное *увлеченіе* къ возвышенію падающихъ на крестьянъ повинностей.”

“Съ этими словами коммисія согласиться не можетъ, потому что комитетъ всегда обращалъ вниманіе какъ на существующія условія быта помѣщичьихъ крестьянъ, такъ равно и на взаимныя ихъ отношенія, и сверхъ того на свѣдѣнія, получаемыя каждымъ членомъ отъ владѣльцевъ, которыя и служили руководствомъ въ опредѣленіяхъ повинностей, и коммисія находитъ, что въ этомъ случаѣ гг. членамъ слѣдовало бы предварительно найти *иное* справедливѣйшее и рраціональнѣйшее положеніе, основанное на цѣнности земли, получаемыхъ доходахъ, мѣстныхъ выгодахъ и удобствахъ и представить его съ своей стороны на обсужденіе комитета, и коммисія твердо увѣрена, что всякое справедливое, основательное положеніе, было бы принято комитетомъ съ благодарностію, а одно осужденіе дѣйствій комитета, ни на чемъ не основанное, отнимаетъ у него лишь драгоценное время для полезныхъ занятій!” †

Въ проектѣ положенія московскаго комитета помѣщено все то, что заключается въ *главныхъ основаніяхъ*, съ добавленіемъ подробностей, изтекающихъ изъ сихъ основаній. Въ дополненіе къ предыдущимъ выпискамъ, заключеннымъ 41 засѣданіемъ, считаемъ нужнымъ передать остальные постановленія комитета. Вотъ они:

“Если при составленіи акта помѣщикъ признаетъ нужнымъ переселить нѣсколько дворовъ или все селеніе, то такое переселеніе будетъ для крестьянъ обязательно, съ тѣмъ, что помѣщикъ выдастъ на каждый дворъ по 35 р. с. и деньги сіи отдаются на руки всего общества, которое уже само распредѣляетъ ихъ между переселенцами, соображаясь съ нуждами каждаго домохозяина.”

“При переводѣ натуральной повинности на денежную, рабочій тягловый день долженъ быть оцѣненъ не свыше 25 к. сер.”

“При переводѣ 64 лѣтнихъ тягловыхъ дней на обработку извѣстныхъ полевыхъ участковъ, назначается каждому тяглу обработать на помѣщика $\frac{1}{2}$ десятины въ 3 польномъ хозяйствѣ, оставляя за исполненіемъ сей повинности лѣтнихъ 20 дней на распоряженіе помѣщика.”

* Да вѣдь это неправда. Рѣчь государя въ Москвѣ ясно обявляеть коммисію въ скардной лжи.

† Какъ жаль въ самомъ дѣлѣ отнимать драгоценное время у такихъ даровитыхъ и благородныхъ людей! Всѣ возраженія коммисіи членамъ отъ правительства въ сущности не возраженія, а обходъ. Этой уловкой коммисія не опровергаетъ, а устраняетъ или умалчиваетъ мнѣніе членовъ отъ правительства, и продолжаетъ безъ всякаго вниманія къ нимъ, пороть по прежнему, свою лицебрную болтовню.

“Въ малоземельныхъ имѣніяхъ, при надѣлѣ 1½ дес. на тягло, оно обязано обработать на помѣщика ¼ дес. казенной мѣры въ каждомъ изъ 3 полей отъ удобствъ уборки, происходящихъ отъ близости угодій.”

“Усадебныя строения, жилыя или хозяйственныя, до выкупа ихъ, предоставляются крестьянамъ въ безвозмездное пользоваіе съ тѣмъ, что исправленіе ветхостей и содержаніе оныхъ въ надлежащей исправности лежитъ на обязанности крестьянъ.”

“Слѣдуетъ раздѣлить, для опредѣленія цѣнности усадебныхъ земель, всѣ имѣнія губерніи на три разряда.”

“Къ 1 разряду отнести тѣ имѣнія, въ коихъ находится одна или болѣе изъ слѣдующихъ выгодъ: 1) мѣста большихъ торговыхъ сѣздовъ; 2) значительное развитіе мануфактурной промышленности, доставляющей крестьянамъ выгодный и вѣрный сбытъ произведеній и фабричныя заработки безъ отлучки изъ селенія; 3) гдѣ третья часть или болѣе усадебъ занята постоянными дворами и 4) станціи желѣзныхъ дорогъ, пристани береговъ уголья для постоянныхъ торговыхъ складовъ съѣстныхъ матеріаловъ, выгрузки и нагрузки дровъ.”

“Ко 2 среднему разряду отнести имѣнія: 1) отстоящія не далѣе 15 верстъ отъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ: Серпухова, Коломны; 2) гдѣ крестьяне занимаются фабричными и ткацкими работами и ремеслами, хотя бы и внѣ селеній; 3) гдѣ крестьяне получаютъ особыя выгоды отъ садовъ и огородовъ, занимаются мѣстными промыслами на камено ломнахъ, добываніемъ извести и извозами и 4) состоящія при большихъ торговыхъ и шоссейныхъ трактахъ.”

“Къ 3 разряду отнесены за тѣмъ имѣнія, неимѣющія вышеозначенныхъ выгодъ.”

“Къ 1 же разряду, по предложенію Головина и Карепина, отнесены имѣнія, находящіяся на разстояніи отъ 12 до 25 верстъ отъ заставы столицы.”

“Для опредѣленія процентовъ за пользованіе усадебной землею въ количествѣ 840 саж. она въ имѣніяхъ 3 разряда оцѣнена до 150 р. во второмъ до 300 р. и въ первомъ до 450 р. сер.”

(При этомъ Павловъ замѣтилъ: “Коммисія припимаетъ за основаніе оцѣнку десятины усадебной земли въ 300 р. владѣльцамъ имѣній. Въ слѣдствіе сего назначенныя пятія десятины усадебной земли во 2 разрядѣ въ 850 р. а въ 1 въ 1273 р. представляются слишкомъ высокими;” но замѣчаніе это оставлено безъ вниманія.)

“Повинности крестьянъ за пользованіе усадебною землею опредѣляются въ 4% съ назначенной по разряду оцѣнки оной.”

“Принимая во вниманіе, что усадьбы въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ раздѣлены не поровну между тяглами и что нѣкоторыя усадьбы того же селенія пользуются особенными выгодами мѣстности противу другихъ, постановлено, что распределеніе повинности за пользованіе усадебною землею предоставляется сельскому обществу.”

“Сроки для взноса оброка должны быть въ самомъ актѣ постановлены для каждаго селенія особыя, сообразно съ мѣстными обычаями и удобствами.”

“При отправленіи натуральной повинности соблюдается очередь между днями отбываемыми крестьянами помѣщику и употребляемыми ими на свои работы, при чемъ эти дни

не переносится отъ одной недѣли къ другой; но для успѣха хозяйственныхъ работъ предоставляется помѣщику изъ числа лѣтнихъ дней брать до 6 сенокосовъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: а) сихъ дней не требовать одновременно сряду, но въ три раза въ теченіи лѣтняго времени; б) чтобы сенокосы не продолжались каждый разъ болѣе 2 дней сряду, и в) чтобы по отправленіи сей повинности слѣдующія крестьянамъ дни немедленно имъ предоставлялись.”

“Крестьяне имѣютъ право отправлять возложенную на нихъ повинность работою какъ лично такъ равно и черезъ другаго рабочаго, способнаго для полевыхъ работъ.”

“Тягловый крестьянинъ, долженствующій на свою часть исполнить 140 верстную подводную повинность, обязанъ, въ случаѣ надобности, происходящей отъ неравенства разстояній, получать за каждую версту съ кладью излишнюю противъ 140 вер. плату, по 2 коп. сер. этотъ излишекъ въ своей сложности ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать 35 верстъ.”

“Мірское общество, круговою отвѣтственностію коего обеспечивается исправность повинностей предъ помѣщикомъ, обязано за неисправнаго крестьянина немедленно исполнить его повинность предъ помѣщикомъ, и именно ту, которая за нимъ состояла, денежная или натуральная, и затѣмъ вѣдаться съ неисправнымъ; при этомъ замѣнъ одной повинности другою, безъ согласія помѣщика никакъ допущенъ быть не можетъ ни отдѣльно для крестьянъ, ни для сельскаго общества.”

“Міру предоставляется право неисправившаго своей обязанности крестьянина подвергать тѣлесному наказанію или къ отдачѣ въ заработки для пополненія накопившейся недоимки.”

“Отъ крестьянъ обученныхъ разнымъ мастерствамъ и хозяйственнымъ должностямъ на счетъ помѣщика, послѣдній имѣетъ право требовать службу временную въ теченіи 6 лѣтъ, со дня окончанія ихъ обученія, не переходя однако ни въ какомъ случаѣ за срочно обязанное положеніе.”

“Помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ обученнаго на его счетъ крестьянина числа положенныхъ на тягло въ годъ рабочихъ дней, давая ему на это время необходимое содержаніе, въ случаѣ если онъ не надѣленъ землею.” *

“Степень вознагражденія обученныхъ на счетъ помѣщика крестьянъ за излишніе рабочіе дни должна зависѣть отъ обоюднаго согласія.”

“Помѣщикъ имѣетъ право назначать членовъ сельскаго общества, по обоюдному съ ними согласію, безъ участія міра, въ разныя хозяйственныя должности, какъ то: въ старосты, въ ключники, въ скотники, лѣсные сторожа и т. п. Во время исправленія ими сихъ обязанностей, міръ не въ правѣ отвлекать ихъ отъ сихъ должностей, возложеніемъ на нихъ таковыхъ отъ себя.”

“Лѣсные сторожа, во время службы ихъ помѣщику, освобождаются отъ натуральной и денежной къ нему повинности.”

* Что за звѣрская смѣсь личнаго рабства съ барщеной, шести лѣтней кабалы, увеличенной тягловой работы, съ безземельемъ! И все это совершенно зная, что помѣщикъ рѣдко платитъ за обученіе крѣпостнаго, а отдаетъ въ годы. Но положимъ, что иной и заплатилъ; все что онъ могъ бы требовать съ безземельнаго человѣка, это возвратитъ въ формѣ оброка деньги, заплаченныя за ученіе; но великодушные помѣщики жаждутъ кабалы. Горько сказать, а не льзя не признаться: это злодѣи.

“За небрежное исполненіе лѣсными сторожами своихъ обязанностей, они подвергаются взысканію за убытки, а по несостоятельности *тѣлесному наказанію*; въ случаѣ же участія ихъ въ самовольной порубкѣ, могутъ быть *отдаваемы въ рекруты*, а по неспособности—на распоряженіе правительства, по представленію помѣщика, съ утвержденія мѣстнаго присутствія.”

(По случаю возыщенныхъ повинностей, возлагаемыхъ на крестьянъ, члены Павловъ и Тимашевскій представили особое мнѣніе.)

Наконецъ мы прощаемся съ московскимъ комитетомъ. Къ счастью его труды болѣе никому не нужны и отстраняются живою мыслью выкупа. Они заняли страницы *Колокола*, какъ историческій документъ, передъ которымъ потомство остановится въ раздумьи, не зная чѣму болѣе въ немъ удивляться: тупоумію или вѣроломству. Можетъ намъ придется пополнить архивъ, куда сдаются дѣла по улучшенію быта крестьянъ, засѣданіями комитетовъ нѣкоторыхъ другихъ губерній; дѣлать нечего мы должны будемъ принять на себя эту горькую обязанность и сохранить для потомства документы того, на сколько въ половинѣ XIX столѣтія русское дворянство хотѣло зла русскому народу.

С М Ъ С Ъ .

1814 - 1859.

Второе занятіе Парижа Русскими.

При первомъ, въ Парижѣ распоряжался изъ нѣмцевъ *Фабіанъ Вильгельмовичъ Фонъ-деръ-Остенъ Сакенъ*. При второмъ изъ жандармовъ—*Тимашевъ*.

Пока Наполеонъ добиваетъ *несокрушимыя* войска габсбургской имперіи, Парижъ полицейски занятъ Русскими и *графъ Киселевъ*—оставленный для формы и почета *лвнымъ* посланникомъ, замѣщенъ въ сущности *дѣйствительно тайнымъ*—*Тимашевымъ* изъ III отдѣленія.

Ото всюду приходятъ къ намъ слухи о рѣзкихъ и быстрыхъ военныхъ дѣйствіяхъ генерала Тимашева противъ “Колокола,” противъ “Полярной Звѣзды.” Французскіе шпионники утромъ и вечеромъ бѣгають по книжнымъ лавкамъ въ Парижѣ—ищутъ *les maudits imprimés russe*—такъ какъ при Николаѣ русскіе шпионники, управляемые тогда *незабвеннымъ* Леонтьемъ Васильевичемъ, шныряли по французскимъ лавкамъ, и искали парижскихъ книженокъ.

Мы увѣрены, что какъ только Тимашевъ воротится въ Петербургъ, кв. Долгорукій представитъ его къ ордену *все-слышащаго Уха* съ надписью за *взятіе Колокола въ Парижѣ во время каникулярныхъ жаровъ 1859 года*.

Жаль что къ этому порывистому усердію примѣшивается личность—и въ этомъ мы виноваты. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, было намъ помѣщать въ *Колоколъ* о томъ какъ братья Тимашевы уговорили откупиться 700 душъ, въ Оренбургской губерніи,—*безъ земли*. Во первыхъ зачѣмъ *души* земля, а потомъ, что же за важность что братья Тимашевы прогнали

мужиковъ и пустили ихъ по міру—въ Россіи не пехристи живутъ, подадутъ гдѣ нибудь ломтикъ хлѣбца и много ли въ сущности прибавится къ массѣ крестьянъ разоренныхъ въ конецъ благороднымъ руссійскимъ дворянствомъ, сей вѣрной опорой престола—отъ 700 душъ да еще оренбургскихъ. О чемъ же было тутъ печатать?—Вотъ за то “Колоколу,” вотъ за то “Полярной Звѣздѣ!” *

Письмо I. Ростовцова къ графу А. Орлову. †

М. Г.

Князь Алексѣй Федоровичъ!

Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ коммисіи составленія сводовъ о крестьянахъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній, “если только я буду на это согласенъ,” какъ изволилъ выразиться его величество—принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

Съ молитвою къ Богу, чтобы онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность государя.

Съ благоговѣніемъ въ государю, удостоившему меня такого святаго призванія.

Со страхомъ предъ Россією и предъ потомствомъ, съ чувствомъ долга предъ моею совѣстію

Да проститъ мнѣ Богъ и государь, да простятъ мнѣ Россія и потомство, если я подымаю на себя ношу не по моимъ силамъ; но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ.

Этотъ отзывъ мой на призывъ государя почтительнѣйше прошу васъ повергнуть предъ его императорскимъ величествомъ, создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало.

Съ душевнымъ уваженіемъ и искреннею преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

Покорнѣйшимъ слугою

I. Ростовцовъ.

Выговоръ по службѣ.

Разсказываютъ что въ тѣ патриархальныя времена, когда “еще намъ новы были” всѣ капцелярскіе порядки и нѣмецкая бюрократія чуть чуть пускала солотковые корешки свои въ едва распаханную русскую землю—въ какую-то дикастерію сошла или лучше насалась бумага изъ Петербурга въ которой велѣно было сдѣлать одному чиновнику, *строжайшій выговоръ*—при отворенныхъ дверяхъ присутствія. Презусъ потеръ лобъ, поморщился, да и давай его, въ дверяхъ, пушить на чемъ свѣтъ стоитъ “Ахъ, говоритъ, ты такой, сякой, чего не идешь въ отставку, коли службы не знаешь.” Тотъ слушалъ, слушалъ, наконецъ потерявъ терпѣніе объявилъ что онъ будетъ жаловаться высшему начальству *за afrontъ чести*.

* Въ утѣшеніе нашимъ читателямъ, мы должны сообщать что продажа Колокола и Полярной Звѣзды никогда не шла лучше какъ теперь!

† Письмо это писано въ слѣдствіе объявленнаго ему чрезъ графа Орлова, высочайшаго повелѣнія.

Презусь видя что чиновникъ хочетъ идти велѣлъ его задержать въ канцеляріи, вышелъ изъ присутствія, снялъ мундиръ, надѣлъ сертукъ и, протягивая обѣ руки, сказалъ разсерженному чиновнику—“Другъ ты мой сердечный, вѣдь миѣ то какого было, вѣдь я тебя люблю душевно, вѣдь хлѣбъ соль двадцать лѣтъ водилъ, не каменный я какой. Пожалуста прости!”

— “Съ чего же вы взѣлись на меня?” спросилъ титулярный и обиженный совѣтникъ.

— “Служба, служба, вотъ видите предписанье изъ Петербурга—написаю: “Сдѣлать *строжайшій* выговоръ.”

— Такъ это вы изъ за этого меня и въ хвостъ и въ гриву.

— Какъ же, батюшка, *строжайше*.

— Ну богъ васъ простить!

Этотъ анекдотъ пришелъ намъ въ голову въ слѣдствіе письма недавно полученнаго нами, *ставящаго намъ на видъ* наши упущенія и недостатки.

Станный рлі принялъ русскій умъ. Наклонность къ насмѣшкѣ, къ ироніи—совершенно національныя и прекрасныя свойства въ нашемъ характерѣ—превратились подъ канцелярскимъ вліяніемъ петровской эпохи въ страсть къ *начальническимъ выговорамъ*.

Мы получали ихъ не одинъ разъ. Вотъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ послѣднему, писанному отъ имени “Легиона” нашихъ доброжелателей.

“Не довольно, говоритъ авторъ, въ *прекрасномъ* далеко изготовлять бомбы, надобно ихъ умѣть бросать и чѣмъ больше и чаще, тѣмъ лучше; никто не требуетъ отъ васъ чтобъ вы были въ одно и тоже время писателемъ и книгопродавцемъ. Никто также не потребуетъ чтобъ вы раззорились на общую пользу, но объявивъ что труды ваши въ настоящее время вознаграждаются матеріально, вы *дали публикѣ право контролировать ваши изданія*...*

“Если, продолжаетъ авторъ, вашихъ собственныхъ силъ не достаточно, пригласите печатно сотрудниковъ. *Многіе* поѣхали бы даже въ корректоры, но не зная *какой* ассееі вы имъ сдѣлаете, перѣшатся ѣхать на авось. Кстати, корректура въ вашихъ изданіяхъ все хуже и хуже, и есть строки которыхъ смыслъ совершенно не понятенъ, *непростительная небрежность—за огромныя деньги*. Если въ Лондонѣ дорого издавать, то перепечатайте издание т. е. *печатаніе въ Германію*. Вѣдь печатаютъ же Schneider и Frank вещи не менѣе *кричащія*.”

“Желательно чтобы *Колоколъ* выходилъ чаще, обратился бы въ газету: всѣ указы, приказы и т. п. должны тотчасъ обсуживаться въ *Колоколѣ*. Писать N. N. *Колокола*, извините, чрезвычайно бѣдны по содержанію. *ПОВТОРЯЮ*, если вы не признаете въ себѣ редакторскаго таланта то вызовите, стоитъ только кличъ *кликнуть*.”

Мы увѣрены что авторъ безъ умысла употребилъ *этотъ тонъ*, который *никогда* не придетъ въ голову ни одному Англійскому журналисту, потому что въ Англии есть борьбы, нетерпимости доходящія до грубости—но нѣтъ *внушеній*,

* Вотъ какъ дѣлается этотъ контроль. Авторъ обвиняетъ г. Трюбнера въ томъ, что въ V книжкѣ Полярной Звѣзды много бѣлой бумаги, что есть страницы на которыхъ только 5 строчекъ и что стихи можно бы было напечатать на меньшемъ пространствѣ. Объемъ Полярной Звѣзды и число строчекъ совершенно независимы отъ г. Трюбнера—цѣна Пол. Зв. нисколько не измѣнилась бы отъ того что листовъ было бы больше или меньше—мы не думали продавать ее ни на всѣхъ, ни на ярды.—Ред.

нѣтъ служебныхъ распеканій, нѣтъ начальническихъ *ПОВТОРЯЮ*; пора отучится и намъ.

Что касается до разсылки книгъ, это дѣло г. Трюбнера, и петрзя не отдать ему полной справедливости что онъ дѣйствовать съ большимъ умомъ и съ большимъ усиліемъ, доказательствомъ этому—расходъ въгорыхъ изданій и продажа *Колокола*.*

Не надобно забывать какія препятствія дѣлаютъ циркуляціи нашихъ книгъ. Когда Царовъ вымогилъ у Мантейфеля и у Бейста запрещеніе *Колокола*—цѣлыя посылки его пропадали или отсылались назадъ съ такимъ *порто*, что лучше было отказываться отъ нихъ. Мѣсяць тому назадъ Тимашевъ исходатайствовалъ новое гоненіе въ Парижѣ и 5 книжка Полярной Звѣзды и 3 послѣднихъ листовъ *Колокола*, нашла свою преждевременную кончину въ закормахъ французскихъ таможенъ.

Этими мѣрами полиціи ничего не сдѣлаютъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но желающій *контролировать*, не долженъ забывать что періодическія потери эти падаютъ на Трюбнера, въ силу этого онъ назначаетъ цѣны слишкомъ дорогія; мы съ этимъ согласны, и будущія изданія онъ очень понизитъ по нашему совѣту.

Что касается до цѣнъ по которымъ продаются русскія книги въ Берлинѣ, Парижѣ и пр.—мы совсѣмъ не отвѣчаемъ, *эта надбавка совершенно противузаконна*.

Вы видите что сдѣлалъ г. Трюбнеръ для распространенія русскихъ книгъ, и что полиція, для уничтоженія ихъ. По что сдѣлали Русскіе для того чтобъ способствовать циркуляціи?—*Ничего!*

Мы двадцать разъ предлагали, посылать куда угодно наши книги и *Колоколъ*, за *полцѣны и доставку*, мы не получили заказа *ни на одну шнею*. На что намъ кликать кличъ, на что намъ *commis-voageur*—кто мѣшаетъ вамъ съ той стороны протянуть руку—когда съ этой подають книгу?

Открывая русскую типографію, въ 1853 году, мы говорили вамъ: “Дверь открыта, хотите вы ей воспользоваться или нѣтъ—останется на вашей совѣсти.”

Считаемъ ли мы себя способными издавать журналъ или нѣтъ, это къ дѣлу не идетъ. Можно себя считать очень способнымъ и не имѣть никакого таланта. Самый вопросъ показываетъ что наша способность очень сомнительна—по *кличи* и въ этомъ случаѣ мы не будемъ *кликать*. Неужели, почтенный авторъ думаетъ что въ изданіи, основанномъ на безусловной тайнѣ корреспонденціи, можетъ участвовать каждый *незнакомецъ*, умѣющій писать по русски, и не имѣющій другаго занятія? Да намъ на нашу кличъ Тимашевъ даромъ отправить корректоровъ и батыршиковъ. Если же есть близкіе намъ люди способные и желающіе работать съ нами, они насъ найдутъ безъ клича и мы имъ будемъ очень рады.

Полярная Звѣзда и Колоколъ доказали возможность и своевременность русскихъ изданій за границей. Первые ручки всегда бывають бѣднѣе послѣдующихъ рѣкъ. Миръ не клиномъ сошелся—развѣ кто нибудь говоритъ что виѣ Россіи можетъ быть только одинъ русскій журналъ, да и то въ Лондонѣ. Вы довольны русскими изданіями въ Лейпцигѣ и

* Въ Іюль мѣсяцѣ на пр. сверхъ 3 листовъ вновь напечатанныхъ, г. Трюбнеръ получилъ заказъ на 4,800 разныхъ листовъ *Колокола* и на 25 полныхъ экземпляровъ. Типографія не могла ихъ выставить и отправила только 4,300.

Берлинъ вы вѣрите *возможности* свободного слова въ настоящей Германіи — издавайте тамъ новый журналъ.

Мы съ своей стороны готовы братски помогать, всякому свободному органу русской мысли.

И—рѣ.

ПО МУХАНОВУ И ЦЕЦУРИНЪ.

(*Новыя злодѣйства русскихъ чиновниковъ въ Варшавѣ.*)

Не сосланный въ каторжную работу убійца *Мухановъ*, нашелъ, по химическому сродству, какого-то пошлеца *Цецурина* и усадилъ его на президентскія кресла Варшавской медицинской академіи. Пріемышъ Муханова совершенно взошелъ въ отеческіе виды инквизитора Польши.

Польскій журналъ "Przegląd" рассказываетъ что эти *братья разбойники* сочинили новый академическій уставъ, безмозглый и уродливый! Вотъ главнѣйшіе пункты его:

1). Всѣ, въ настоящее время находящіеся въ академіи студенты, *хотя они поступили въ академію и на прежнихъ условіяхъ и на таковыя подписались*, обязаны теперь подчиниться новому порядку дѣлъ. 2). Всякій студентъ, желающій держать экзаменъ и получающій *два средніе балла*, хотя бы даже изъ менѣ важныхъ предметовъ, долженъ быть *исключенъ* изъ академіи. 3). Каждый студентъ на основаніи мнѣнія президента академіи, можетъ быть *исключенъ* изъ нея, во всякое время, потому что мнѣніе это, равняется силѣ суда и должно составлять законъ. 4). Если студентъ даже удовлетворительно отвѣчаетъ по взятому билету, все таки президенту разрѣшается предлагать экзаменуемому произвольное число вопросовъ и въ слѣдствіе этого, мнѣніе президента рѣшаетъ участь студента и пр....

Студенты составили протестъ, и отправили съ нимъ депутацію къ президенту. Содержаніе протеста выражало ту мысль, что коль скоро произволъ одного человѣка будетъ править ихъ участью, то не желая подвергаться произвольному изгнанію, они, предупреждая угрожающія имъ событія, желаютъ всѣ, по своей доброй волѣ, оставить академію, ибо по одной доброй волѣ поступили въ нее на совершенно иныхъ условіяхъ. На другой день въ инспекторской академической канцеляріи явилось болѣе 200 формальныхъ прошеній о выдачѣ принадлежащихъ студентамъ бумагъ и свидѣтельствъ, о томъ, что они слушали два года курсъ наукъ въ академіи. Подобный поступокъ открылъ широкое поле интригъ для академическихъ властей. . . . . Пѣсколько студентовъ взяли прошенія обратно; брешь въ студенческой фалангѣ была сдѣлана. . . . . Распространили слухъ, что причиною поступка студентовъ боязнь экзаменовъ; что *предводители* протеста одиѣ только лѣбтѣи и т. д. Когда ни искушенія, ни обѣщанія, ни прельщенія не подѣйствовали на большинство студентовъ, были приняты строгія мѣры и, десять человѣкъ студентовъ арестовано по приказанію намѣстника, съ посаженіемъ въ извѣстныя камеры гаубтвахты, что на Саксонской площади. *Строжайшіе осмотры книгъ и бумагъ* каждого студента, не привели ни къ чему. По сегодняшній день посажено еще 12 новыхъ государственныхъ преступниковъ, бунтовавшихъ противъ *Цецурина!*

Изъ *Кіева* намъ сообщаютъ: — "Француженка *Масъ* приѣхала въ *Кіевъ* на контракты съ моднымъ магазиномъ, по наговору содержательницы Hôtel de l'Angleterre. — Полицейстеръ *Плехановъ* явился съ частнымъ приставомъ подольской части (*безъ свидѣтелей* со стороны купцовъ, какъ того требуетъ законъ) къ г-жѣ *Масъ* отыскивать контрабанду. Контрабанды не было, но полицейстеръ съ угрозами требовалъ 200 руб. и потомъ *взялъ* два бурнуса цѣною около 500 руб. Очень похожіе бурнусы въ тоже время явились у губернаторши *Гессъ* и у супруги *Плеханова*. Француженка хотѣла жаловаться * своему посольству — но найдя защиту черезъ родственницу живущую въ наставницахъ въ домѣ вице-губернатора *Селецкаго* и черезъ жену бывшаго предводителя дворянства *Гудомъ-Левковича* — она пожаловалась губернатору *Гессе*. *Гессе* — другъ *Селецкаго*, другъ *Гудомъ-Левковича* — но *болѣе другъ* *Плеханова* — не зналъ что дѣлать. Ошибкой поручилъ онъ изслѣдовать дѣло г. *Ляхову*, а тотъ было все и открылъ. *Плехановъ* сказался больнымъ, г. *Ляховъ* отправился къ нему съ врачомъ, спимать допросъ; *Плехановъ* къ другу *Гессе* съ жалобой о чинимыхъ притѣсненіяхъ. Другъ *Гессе*, препоручаетъ дѣло жандармскому полковнику; въ этомъ положеніи было дѣло, какъ вдругъ, (точно у *Гоголя*) является городской съ вѣстью — *Князь приѣхалъ!* Чѣмъ онъ окончитъ дѣло еще не извѣстно!"

Ростовцевъ является защитникомъ гласности засѣданій комитета. *Le Nord* помѣстилъ содержаніе его рѣчи. Всѣ засѣданія комитета будутъ своевременно являться въ печати. Неужели не найдется ни одного добраго человѣка, который бы немедленно пересылалъ къ намъ, эти первые, живые листки русской гражданственности? . . .

Ростовцевъ заботится о присутствіи въ комитетѣ, депутатовъ не отъ дворянства: въ особенности старость и управителей. И это весьма полезно и важно. Не худо бы пригласить изъ крестьянъ, выбранныхъ крестьянами, хотя по одному съ губерніи, изъ крестьянъ, которые не были бы ни управителями, ни старостами, слѣдственно представляли бы чисто интересъ крестьянскій.

Мы не совсѣмъ понимаемъ, можетъ отъ французскаго текста, выгоду переименованія селъ въ посады, тамъ гдѣ усадьбы составляютъ главное богатство. Мы не видимъ выгоды, крестьянину сдѣлаться мѣщаниномъ. Права мѣщанъ не слишкомъ завидны, а пожалуй повлекутъ за собой и болѣе тяжкія повинности и послужатъ уловкой къ возвышенію цѣнности выкупа.

И *Гомбергъ* приглашенъ въ комитетъ! . . . Теперь мы просимъ *Ростовцева* перечестъ: 1) Emancipation des Serfs en Russie (examen du projet financier de M. M. Fraenkel et Homberg, banquiers, suivi du résumé d'un autre projet relatif au même sujet. Bruxelles et Leipsig, C. Mugarth, éditeur. 1859; 2) V книжку *Голосовъ изъ Россіи* и проэктъ, приложенный къ 44 листу *Колокола*.

* Да и за тѣмъ же не жаловалась, она виновата въ этомъ. — Ред.

— Въ Бессарабіи нѣтъ крѣпостныхъ крестьянъ, но есть цыгане-рабы, которыхъ землевладѣльцы большею частью употребляютъ на сельскія работы, не давая имъ за то ни земли, ни денегъ. Теперь и цыганъ пришлось отпускать на волю? Но какъ? Съ пустыми ли руками, на жертву голоду, или же надѣливши ихъ землею, какъ дѣйствительныхъ крестьянъ? Помѣщики, не задумываясь, рѣшили, что земли давать нечего, потому что крестьянами они не назывались, а считались только дворовыми, хотя на дѣлѣ и пахали ихъ землю. Противъ такой неправды цыгане, неподалеку отъ г. Бѣльцы, пришли къ своимъ владѣльцамъ съ жалобною просьбою дать мѣсто для избъ и нѣсколько земли для прокормленія, обѣщая за то, по прежнему обрабатывать ихъ поля. Начался крикъ, шумъ; кричали и шумѣли, разумѣется, только помѣщики, а Строгоновъ вообразилъ, что это бунтъ, вооруженное возстаніе, и послалъ цѣлый батальонъ *сѣчь* несчастныхъ цыганъ. Говорятъ въ его оправданіе, что его смутилъ своими донесеніями поставленный имъ губернаторомъ Бессарабской области, Фонтонъ де Верайонъ. Но какъ же было не справиться напередъ, въ чемъ дѣло? Какъ не знать духа и обычаевъ своихъ подчиненныхъ, а равно и помѣщиковъ своего края?.....

ТЕОРИЯ И ПОЭЗИЯ РОЗОГЪ И ШПИЦРУТЕНОВЪ ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ
къ защитникамъ отечества.

Копія съ рапорта командующаго отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи къ военному министру, отъ 29 Января 1859 г. за №. 2655.

Командующій 7^{мъ} Округомъ* корпуса Внутренней Стражи вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ объ исходатайствованіи отвода Полтавскому гарнизонному баталіону † лѣсныхъ дачъ для вырѣзки шпицрутень и розогъ при исполненіи опредѣляемыхъ Начальствомъ наказаній преступникамъ, въ томъ уваженіи, что шпицрутены и розги покупаются въ этомъ баталіонѣ за деньги изъ лѣсовъ частныхъ владѣльцевъ и что хотя командиръ Полтавскаго баталіона относился въ мѣстный Земскій Судъ и Палату Государственныхъ Имуществъ, а также и къ Начальнику губерніи объ отводѣ для добыванія шпицрутень и розогъ — казенныхъ лѣсныхъ дачъ; но по неимѣнію на этотъ предметъ закона въ требованіи ему отказано.

Для разрѣшенія вопроса какими способами и откуда именно приобрѣтаются шпицрутены и розги въ прочихъ баталіонахъ Внутренней Стражи я потребовалъ доставленія означенныхъ свѣдѣній отъ Окружныхъ Генераловъ и изъ полученныхъ нынѣ отъ нихъ донесеній, оказалось, что шпицрутены и розги въ большей части баталіоновъ приобрѣтаются бесплатно съ разрѣшенія мѣснаго Начальства или дозволенія обществъ и владѣльцевъ которымъ принадлежатъ лѣса, или же хотя безъ сихъ разрѣшеній и дозволеній по безпрепятственно за исключеніемъ семи баталіоновъ въ которыхъ приобрѣтаются покупкою иждивеніемъ баталіонныхъ Командировъ.

Не имѣя въ виду закона который бы опредѣлялъ какимъ образомъ гарнизонные баталіоны должны снабжаться шпиц-

* Командующій 7 округа корпуса военной стражи полковникъ Василій Николаевичъ Марковъ 5.

† Командиръ полтавскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона подполковникъ Федоръ Андреевичъ Плядинскій.

рутенами и розгами и прилагая при семъ вѣдомость въ какихъ баталіонахъ шпицрутены и розги покупаются и въ какихъ нѣтъ, съ объясненіемъ откуда именно и какими способами приобрѣтаются, обстоятельство это, честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства и почтительнѣйше просить не изволите ли признать возможнымъ и справедливымъ во избѣжаніе встрѣчаемыхъ затрудненій баталіонными Командирами въ приобрѣтеніи шпицрутень и розогъ для наказанія преступниковъ и постановленія общихъ и единообразныхъ для сего правилъ, войти въ сношеніе съ Г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ объ отводѣ гарнизоннымъ баталіонамъ удобныхъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, изъ которыхъ бы они вырѣзывали шпицрутены и розги а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вблизи казенныхъ лѣсныхъ дачъ не имѣется, неоставить своимъ ходатайствомъ объ отпускѣ на этотъ предметъ изъ казны денегъ, по мѣстнымъ справочнымъ цѣнамъ и по количеству потребныхъ шпицрутень и розогъ; какое же угодно будетъ сдѣлать по сему распоряженіе, почтитъ меня предписаніемъ.

[Подписалъ]

Ген.-Лейт. Лауницъ.

Бумага эта поступила въ II Отд. Инспект. Деп. Воен. Министерства.

Нач. Отд. Стат. Сов. Штанге нашелъ ее очень основательною и хотѣлъ непременно представить по ней докладъ въ государственный совѣтъ, — но это было признано *неудобнымъ* и послѣдовалъ отвѣтъ Кн. Васильчикова, при семъ прилагаемый.

Господину командующему отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи

Ваше превосходительство, не имѣя въ виду закона, который бы опредѣлялъ какимъ образомъ гарнизонные баталіоны должны снабжаться шпицрутенами и розгами, для наказанія преступниковъ въ представленіи отъ 29 Января за №. 2655, изволите просить о постановленіи общихъ для сего правилъ.

Изъ представленія сего видно, что шпицрутены и розги въ большей части баталіоновъ приобрѣтаются бесплатно, за исключеніемъ семи баталіоновъ, въ которыхъ приобрѣтаются покупкою иждивеніемъ баталіонныхъ командировъ, и что во всѣхъ сихъ 7^{ми} баталіонахъ годовой расходъ на этотъ предметъ простирается отъ 53 до 57 р. с.

Въ слѣдствіе сего имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что хотя въ законахъ нѣтъ положительнаго указанія, какимъ образомъ гарнизонные баталіоны должны приобрѣтать шпицрутены и розги, но и разрѣшать этотъ вопросъ въ настоящее время законодательнымъ порядкомъ я нахожу *неудобнымъ*, тѣмъ болѣе что по 250 ст. IV ч. IV кн. Св. Воен. Пост. войскамъ предоставляется рубить лѣсъ на постройку лоснѣ и *другія хозяйственныя надобности*, слѣдовательно и то незначительное количество шпицрутеновъ и розогъ, которое требуется для гарнизонныхъ баталіоновъ, можетъ быть заготовляемо при этомъ случаѣ безпрепятственно.

Подписалъ за военнаго министра, генералъ адъютантъ
кн. Васильчиковъ.

Д. ген. св. его величества Г. М. Герштенцевейтъ.

3 Марта 1859 г. — № 1560.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 49.

1 АВГУСТА 1859.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трибуера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тюржерсаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

Ю С Т И Ц І Я

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БУТАШЕВИЧЪ-ПЕТРАШЕВСКІЙ.

27
6644

№ 2726 P.

Получ. 7 Августа 1858 г.
— 18. —

Написано карандашомъ: “до доклада пок. прошу объясниться со мною.”

(Панинъ.)

Проситъ поселенецъ Оекской волости, Иркутскаго уѣзда, Михаилъ Васильевъ сынъ Буташевичъ - Петрашевскій, а въ чемъ мое прошеніе состоитъ, тому слѣдуютъ пункты.

I.

19 Декабря 1855 г. представлено было мною въ Нерчинское Горное Правленіе прошеніе мое въ V Департаментъ Правительствующаго Сената, для препровожденія его по принадлежности. Таковое прошеніе мое въ Правительствующій Сенатъ было слѣдующее: *Его пунктъ I*; Производство дѣла, послужившаго поводомъ къ моей ссылкѣ, было совершенно несообразно съ его юридическою сущностью, почему я, въ семъ случаѣ, равно какъ и другія, сопричтенныя къ сему дѣлу лица, не были подчинены прямому дѣйствию закона, вопреки словъ указа, даннаго Правительствующему Сенату 15-го Августа 1845 года, объ утвержденіи Гражд. Уголовнаго Уложенія. *Пунктъ 2*; При производствѣ по сему дѣлу слѣдствія совершено было нарушеніе порядка, формъ и обрядовъ судопроизводства, на сей предметъ законами установленныхъ, а именно слѣдующее: а) къ присутствованію при производствѣ слѣдствія не были приглашены гг. слѣдователями отъ разныхъ вѣдомствъ и сословій надлежащіе депутаты, могшіе устроить пристрастность допросовъ, вопреки XV т. Св. Угол. Зак. изд. 1842 ст. 1029, 1031, и устава Военно Уголовнаго Книги II. Разд. II Гл. III ст. 89

Годъ III.

б). Былъ при производствѣ сего дѣла устроенъ охранительный для обвиненныхъ надзоръ стражничь и прокуроровъ, установленный законами при производствѣ дѣлъ особой важности, въ противность XV т. Св. Угол. Зак. изд. 1842 г. ст. 1,020, 1,036, и 1,033. Посему для меня и для другихъ, сопричтенныхъ къ сему дѣлу лицъ, образъ содержанія въ С. П-бургской крѣпости могъ получить характеръ истязательный, а допросы могли носить отпечатокъ пристрастія. Сему доказательства въ актахъ самаго дѣла должны быть явные, буде они не уничтожены. А многіе отвѣты, или показанія обвиненныхъ могли уподобляться показаніямъ, даннымъ по письму образцовому, и даже быть вынужденно-данными, вопреки XV т. Свода Угол. Зак. ст. 1,042, 1,046, У. В. У. изд. 1839 г. кн. II разд. II глава III ст. 145, 149. Вопреки сихъ статей, обстоятельства, служащая къ оправданію или точнѣе сказать къ представленію сего дѣла въ надлежащемъ свѣтѣ и его истинномъ или естественномъ видѣ, оставлены были при слѣдствіи безъ должнаго къ нимъ вниманія. О семъ обстоятельстве было изъяснено мною въ бумагѣ, писанной въ казатѣ и адресованной на имя Г-а Предсѣдателя Военно-Судной Смѣшанной Коммисіи. Мнѣ неизвѣстно, доставлена ли она по принадлежности крѣпостнымъ начальствомъ. в) При слѣдствіи не было сдѣлано надлежащаго различія между лицами, кои были признаны сопричастными къ дѣлу, и свидѣтелями по оному, вопреки XV т. Св. Угол. Зак. ст. 1,087 и Уст. В. У. кн. II разд. II Гл. IV ст. 185. г). Не было дѣлаемо тѣмъ лицамъ, кои являлись въ качествѣ свидѣтелей, увѣщаній, предписываемыхъ XV т. Св. Угол. Зак. изд. 1842 года ст. 1,109 и У. В. У. кн. II разд. II гл. IV ст. 205. д). При слѣдствіи, по большей части, были предлагаемы вопросы неясные, запутанные и смѣшаннаго содержанія, вопреки XV т. Св. Угол. Зак. статьи 1113 и У. В. У. кн. II разд. II гл. III ст. 156. е). Не были даны мнѣ очныя ставки съ лицами, коихъ показанія въ спискахъ и извлеченіяхъ мнѣ предъявлялись, какъ противу меня сдѣланныя, не смотря на неоднократное и письменное требованіе оныхъ, вопреки XV т. Св. Угол. Зак. ст. 1096, 1097, и У. В. У. кн. II разд. II гл. IV ст. 193, 194. ж). Вовсе не были соблюдены гг. слѣдователями правила, коими законы предписы-

вають руководствоваться для опредѣленія силы доказательствъ и уликъ. Оставлено безъ примѣненія къ дѣлу предписываемое XV т. Св. Угол. Зак. ст. 1170, 1172, 1174 и Уст. В. У. кн. II Р. II Глава. II ст. 313, 316, 315, 317, 3) Оставлены были гг. слѣдователями безъ надлежащаго соблюденія XV т. Св. Уг. Зак. ст. 1175 и Уст. В. У. кн. II разд. II Гл. VII ст. 313, равно какъ и XV т. Св. Уг. Зак. ст. 1176. и). Не соблюдено было гг. слѣдователями то, что предписывается XV т. Св. Уг. Зак. ст. 1198 и Уст. В. У. кн. II разд. II Гл. VII ст. 337. *Пунктъ 3*; Кромѣ сего слѣдственная коммиссія не уважила моего требованія о допущеніи меня къ совершенію актовъ юридическихъ и не дала имъ силы юридической, какъ напр, моему духовному завѣщанію, вопреки XV т. Св. Уг. Зак. изд. 1842 г. ст. 81. *Пунктъ 4*. Не взирая на непринадлежность мою ни къ одному изъ званій или ни къ одной изъ категорій лицъ, подлежащихъ суду военному, я былъ ему подвергнутъ, вопреки XV т. Св. Уг. Зак. ст. 1607 и Уст. В. У. кн. II разд. I, Гл. II ст. 4. Особенно важно въ семъ случаѣ то, что подвергнутъ я былъ сему суду безъ предшествовавшего началу слѣдствія объявленія, что впредь, по особому Высочайшему повелѣнію или распоряженію, лица гражданского вѣдомства, подчиненные судамъ гражданскимъ, по дѣламъ за склонности или мнѣнія возникнувшимъ, подлежатъ имѣютъ суду военному. Прогиву сего измѣненія формы суда и подсудности, противнаго основнымъ отечественнымъ государственнымъ законамъ и юридическимъ началамъ всѣхъ государствъ благоустроенныхъ, было мною протестовано предъ Военно-Судною коммиссіею. *Пунктъ 5*; Военно-Судною коммиссіею, этимъ учрежденіемъ новымъ и небывалымъ еще въ Россіи, какъ коммиссіею, судившей о дѣлѣ подлежащемъ собственно суду Гражданскому, и судившей по Военно-Полевому Уголовному Уложенію, въ мирное время, такъ какъ бы судила она въ военное время, за преступленія совершенныя въ войскѣ, находящемся предъ лицомъ непріятеля, не были то же соблюдены формы и порядокъ судопроизводства для такихъ коммиссій законами установленный, а именно: А) При первомъ приводѣ меня въ оную коммиссію, по прочтеніи мнѣ указа объ ея назначеніи, безъ объявленія мнѣ и другимъ подсудимымъ въ подлинникъ, или въ формѣ выписки, или доклада изъ дѣла обстоятельнаго, имѣвшихся противу меня и другихъ обвиненныхъ доказанныхъ или не доказанныхъ обвиненій, приступлено было къ отобранію отъ меня и другихъ подсудимыхъ, точнѣе обвиняемыхъ, подписокъ въ томъ, что, *“они ничего не имѣютъ прибавить ни къ своему оправданію ни къ обвиненію”*, тогда какъ еще сущность обвиненій отъ меня и отъ другихъ была скрыта и неизвѣстна. *И досель она мнѣ еще неизвѣстна*. Такимъ торопливымъ и преждевременнымъ отобраніемъ подписокъ, не оправдываемомъ даже какою бы то ни было необходимостью въ процессуальномъ рѣшеніи дѣла, былъ совершенно нарушенъ порядокъ, установленный законами на сей предметъ для военно-судныхъ коммиссій такого рода. Таковыя подписки по закону должны быть отбирасмы отъ подсудимыхъ не прежде и тогда только, когда судомъ будутъ предложены подсудимымъ всѣ вопросы, относящіеся до всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и только по приведеніи на нихъ всѣхъ объясненій оправдательныхъ для подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. Это совершено было военно-судною коммиссіею вопреки У. В. У. кн. II разд. II Гл. III

ст. 703, 709, 710. При семъ считаю необходимымъ указать на то, что въ собственномъ и буквальномъ смыслѣ требуемой въ семъ случаѣ отъ подсудимаго подписки мною не было дано Военно-судной коммиссіи. Вмѣсто же оной, на бумагѣ, къ тому заранѣе приготовленной въ коммиссіи, мною письменно было объявлено, *“что сдѣланныя мною показанія предъ слѣдственной коммиссіею подтверждаю, но не иначе какъ, со всѣми оговорками на нихъ тогда же сдѣланными”*. Таковое объявленіе, мною въ семъ случаѣ сдѣланное, вмѣсто подписки, съ одной стороны обязывало коммиссію удостовѣриться, въ чемъ состояли мои оговорки, провѣрить при томъ всѣ мои показанія, дабы чрезъ то имѣть возможность удостовѣриться, нѣтъ ли противу показаній оговорокъ, уничтожающихъ значеніе такихъ показаній, съ другой стороны это обязывало коммиссію еще болѣе къ представленію мнѣ такихъ показаній, противу меня сдѣланныхъ. Такъ поступить Военно-судной коммиссіи надлежало потому, что подтвержденіе мое относилось только къ показаніямъ съ оговорками. Ей слѣдовало также удостовѣриться, представила ли слѣдственная коммиссія мои оговорки вполнѣ, чрезъ предьявленіе всѣхъ актовъ дѣла въ подлинникъ. Тѣмъ паче нельзя было оной коммиссіи мое утвержденіе моихъ показаній и не иначе какъ съ оговорками, распространить или превратить въ утвержденіе мною всѣхъ показаній, сдѣланныхъ противу меня, безъ различія всѣхъ, изъ коихъ многія вовсе мнѣ остались неизвѣстными. Б). Подсудимые не имѣли при себѣ въ судѣ защитниковъ, вопреки У. В. У. кн. II р. IV Гл. III ст. 701, 702; къ сему еще я присовокупить долженъ, что Военно-судная коммиссія, въ силу У. В. У. кн. II Р. II Гл. III стр. 693, была обязана до открытія своихъ засѣданій, о семъ предупредить обвиненныхъ, дабы могли они ко времени открытія засѣданій избрать себѣ защитниковъ, или объявить ей формально и письменно, что они защитниковъ имѣть не желаютъ. Таковое предупреденіе объ открытіи суда ни къ кому изъ подсудимыхъ получено не было, почему всѣ они остались безъ приличныхъ защитниковъ. В). Постороннія лица при судѣ не присутствовали, вопреки У. В. У. кн. II Р. IV Гл. III ст. 703 и въ городѣ о емъ оглашенія публичнаго не было сдѣлано. Г). По окончаніи суда Военно-Судною коммиссіею, приговоръ, какой бы не состоялся по дѣлу, имѣлъ быть, по закону, въ ней же, подсудимымъ объявленъ. Но приговора своего Военно судная коммиссія, ни сама, ни черезъ посредство кого либо, никому изъ подсудимыхъ не объявила, почему я, равно какъ и всѣ другіе по сему дѣлу сужденные, пребываемъ и понынѣ въ совершенной неизвѣстности: Военно-судная коммиссія постановила ли по сему дѣлу какой либо приговоръ, въ чемъ оный заключается, основывается ли онъ на какихъ либо законахъ, или вовсе она никакаго приговора не постановила и почему? Сими оною коммиссіею были нарушены У. В. У. кн. II Р. IV Гл. III ст. 728, 729 и того же устава кн. II Гл. VII ст. 371. Вслѣдствіе сего я и другіе подсудимые были лишены возможности выразить свое неудовольствіе или удовольствіе на рѣшеніе Военно-судной коммиссіи и предьявить свои требованія или жалобы вышшимъ инстанціямъ. смотря по надобности. *Пунктъ 6*; Потомъ дѣло сіе перешло въ Генераль-Аудиторіатъ; когда и въ какомъ видѣ, мнѣ неизвѣстно. Генераль-Аудиторіатъ при производствѣ сего дѣла произвелъ нарушеніе порядка и формъ законами предписанныхъ, а именно: а). Не соблюлъ въ отношеніи къ сему дѣлу правилъ, предписыва-

емых У. В. У. кн. II р. II Гл. VIII ст. 429, 432, 433, 434, и не обратил онъ, какъ кажется, ни какого вниманія на вышеизъясненные мною нарушенія порядка, формъ и обрядовъ судопроизводства при слѣдствіи и судѣ. б). Генераль-Аудиторіатъ также не соблюлъ тѣхъ правилъ и того порядка, какъ вые ему при производствѣ такихъ дѣлъ соблюдать предписано У. В. У. кн. II Р. IV въ ст. 732, гдѣ ему предписывается соблюдение правилъ въ У. В. У. изд. 1839 г. въ кн. II Р. VIII отдѣлъ V изложенныхъ, а именно, вопреки У. В. У. кн. II Р. II Гл. VII ст. 356, обвиненные не были призваны въ Генераль-Аудиторіатъ и имъ въ немъ не были представлены выписки изъ дѣла на прочтеніе и разсмотрѣніе, вслѣдствіе чего обвиненные были лишены возможности удостовѣриться въ правильности выписокъ изъ дѣла чрезъ свѣрку ихъ съ подлинными актами дѣла, и воспользоваться симъ случаемъ, дабы представить что либо въ свое оправданіе, что законъ допускаетъ положительно для обезпеченія интересовъ подсудимыхъ. в). Хотя я не имѣлъ и не имѣю надлежащей копіи съ приговора, отъ имени или лица Генераль-Аудиторіата, прочитаннаго мнѣ, вмѣстѣ съ другими, въ С. Петербургѣ на эшафотѣ, 23 Декабря 1849 года, но твердо и ясно помню, какъ и всѣ другіе, при томъ бывшіе, что приговоръ прочитанный мнѣ и другимъ осужденнымъ единовременно со мною, былъ составленъ безъ всякаго соблюденія законами установленныхъ правилъ для писанія приговоровъ, именно: приговоръ сей не былъ изложенъ по пунктамъ, противу каждаго обвинительнаго пункта порознь не были приведены соответственные законы и, наконецъ, не была выведена высшая степень наказанія, на основаніи правилъ существующихъ на сей предметъ, о совокупности наказаній при стеченіи преступленій, и не были разъяснены или даже упомянуты обстоятельства, могшія служить къ увеличенію или уменьшенію наказанія, и въ какой именно степени оно должно быть совершено. Генераль-Аудиторіатъ совершилъ это въ противность XV т. Св. Уг. Зак. ст. 1222 и У. В. У. кн. II Р. II Гл. VII ст. 362, 366, 371, 372. г). Судя не только по приговору Генераль-Аудиторіата мнѣ прочитаннаго вмѣстѣ съ другими, на эшафотѣ, но и по публикаціи о семъ, бывшей въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ оказывается, что Генераль-Аудиторіатъ, вопреки У. В. У. кн. II Р. II Гл. VIII ст. 434 и 362, положилъ свое рѣшеніе не на законахъ основываясь, но на одномъ своемъ разсужденіи, что законами положительно возбраняется. д). Генераль-Аудиторіатъ, вопреки У. В. У. кн. II Р. II Гл. VII ст. 368, излагающей общее положеніе для всѣхъ судовъ военныхъ безъ изъятія, не отмѣненной никакою другою статьею положительнаго законодательства, ни особымъ какимъ либо о семъ предметѣ обнародованнымъ постановленіемъ, съ соблюденіемъ правилъ и порядка объ отмѣнѣ закоповъ въ VIII отдѣлѣ русскихъ основныхъ государственныхъ закоповъ изложенныхъ, постановилъ приговоръ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, суду его вовсе неподлежащихъ. е). Такъ какъ на основаніи грамоты дворянской IX т. Св. Зак. Сос. ст. 194, дѣло дворянина владшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія чести или жизни, не можетъ быть окончено безъ внесенія въ Сенатъ и безъ конфирмаціи Императорскаго Величества, то Генераль-Аудиторіатъ не могъ самъ рѣшать дѣло сіе окончательно и, минуя Сенатъ, чрезъ посредство Военнаго Министра, представить сіе дѣло на Высочайшую конфирмацію, вопреки У. В.

У. кн. II Р. II Гл. IX ст. 493. ж). Генераль-Аудиторіатъ, а можетъ быть и Военно-Судная коммиссія, какъ о семъ заключить можно изъ публикаціи о семъ дѣлѣ, постановляла свои рѣшенія также о предметахъ, подлежащихъ суду духовному, то есть консисторіи или Синода. По сему они въ семъ случаѣ совершили превышеніе власти и нарушили постановленіе о подсудности, вопреки XV т. Св. Уг. Зак. ст. 895 и У. В. У. кн. II Р. I Гл. I ст. 2. Пунктъ 7; Дѣло сіе въ противность IX т. Св. Зак. о состояніяхъ ст. 194 и XV т. Св. Уг. Зак. ст. 1446 не было внесено въ правительствующій Сенатъ и не поступило на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, куда тоже ему поступить надлежало, въ силу учрежденія Государственнаго Совѣта ст. 23, § 17. По крайней мѣрѣ о внесеніи сего дѣла въ оба сіи учрежденія подсудимымъ не было никогда и никѣмъ объявлено. Пунктъ 8; При исполненіи надъ осужденными приговора, вопреки У. В. У. изд. 1839 г. кн. II Р. II Гл. IX ст. 501, они т. е. осужденные, а не священникъ, при совершеніи обрядовъ смертной казни присутствовавшей, были окружены конвоемъ. Пунктъ 9; Осужденные, вопреки привилегіи дворянской и IX т. Св. Уг. Зак. ст. 195 законовъ о состояніяхъ, были подвергнуты тѣлесному наказанію, а именно закованы въ кандалы, въ нихъ отправлены въ Сибирь и въ нихъ содержаны. Почему всеподданнѣйше прошу: Дабы повелѣно было Правительствующему Сенату, по удостовѣреніи его въ дѣйствительности всѣхъ вышеозначенныхъ нарушеній законовъ, порядка, формъ и обрядовъ, для судопроизводства, т. е. для слѣдствія и суда установленныхъ, приговоръ обо мнѣ въ 1849 году, при сихъ условіяхъ, силу его уничтожающихъ, состоявшейся, въ силу XV т. Св. Уг. Зак. изд. 1842 г. ст. 1221, гласящей: "Приговоры и мнѣнія признаются не дѣйствительными когда формы и обряды для судопроизводства установленные были нарушены", и У. В. У. изд. 1839 г. кн. II Р. II Гл. III ст. 373. и 362, объявить не дѣйствительнымъ и въ семъ меня удовлетворить по закону.

къ

2.

Узнавъ что прошеніе мое отъ 19 Декабря 1855 г. въ правительствующій Сенатъ остается въ Нерчинскомъ Горномъ Правленіи безъ движенія, по причинѣ будто бы его возникшихъ сомнѣній, я, дабы устранить въ членахъ онаго тѣ сомнѣнія, къ коимъ ихъ законъ вовсе не уполномочивалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ побудить Нерчинское Горное Правленіе дать моему прошенію дальнѣйшее движеніе, представилъ въ Нерчинское Горное Правленіе при прошеніи на Высочайшее имя *пояснительную изъ законовъ выписку*, коею доказывалось: 1). что дѣло сіе подсудно Правительствующему Сенату и 2). что никто не вправе препятствовать согласному съ законами теченію дѣла сего. копію съ сей выписки къ сему прилагаю и новое прошеніе въ Правительствующій Сенатъ, въ дополненіе къ прошенію моему въ оный 19 Декабря 1855 года слѣдующее: Пунктъ онаго 1ой Въ 1855 году 19-го Декабря подано было мною прошеніе на Высочайшее имя въ Нерчинское Горное Правленіе, въ коемъ изъяснивъ, что желая воспользоваться правомъ оправданія, принадлежащимъ неотрѣшимо всякому члену гражданскаго общежитія на всѣхъ ступеняхъ онаго,

прошу оное Правленіе препроводить прошеніе мое на Высочайшее имя, по существу и предмету его содержанія надлежащее къ подацію въ V Д-ть Правительствующаго Сената, куда слѣдуетъ по принадлежности; таковое мое прошеніе въ Правительствующій Сенатъ было приложено къ прошенію моему въ Нерчинское Горное Правленіе. *Пунктъ 2.* Въ прошеніи моемъ въ V Д-ть Правительствующаго Сената отъ 19 Декабря 1855, излагая нарушенія порядка, формъ и обрядовъ для судопроизводства установленныхъ, которыя имѣли мѣсто при производствѣ слѣдствія и суда по дѣлу, послужившему поводомъ къ моему и другихъ осужденію, указано было мною на тѣ законы, именно въ противность которымъ все сіе совершено было, просилъ я правительствующій Сенатъ на основаніи XV т. Св. Гр. Зак. ст. 1221 и У. В. У. кн. II Р. II Гл. V ст. 373 и 362 приговоръ обо мнѣ въ 1849 году при оныхъ нарушеніяхъ состоявшійся, объявить не дѣйствительнымъ, и въ семь удовлетворить меня по закону. Хотя въ ономъ моемъ прошеніи и приведены мною многіе изъ законовъ, относящихся къ разнымъ обстоятельствамъ дѣла, но при всемъ томъ было мною сдѣлано весьма важное упущеніе, а именно въ ономъ моемъ прошеніи въ Правительствующій Сенатъ отъ 19 Декабря 1855 г. позабылъ я указать на тѣ статьи отечественныхъ законовъ, коими положительно опредѣляется, что значеніе и полнота силы общихъ коренныхъ законовъ имѣть быть примѣнена къ образу и порядку производства дѣлъ, возникшихъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ противу двухъ первыхъ пунктовъ, а именно позабылъ я привести XV т. Св. Уг. Зак. изд. 1842 г. кн. II Р. II ст. 1443 гдѣ сказано: Нижнія судебныя мѣста должны безъ малѣйшаго промедленія приступать къ изслѣдованію и производству суда, употребляя къ достиженію истины и открытія преступленія самыя краткія средства, памятуя, что чѣмъ тяжчайшее на кого либо представляется обвиненіе, тѣмъ осторожнѣе надлежитъ поступать въ изслѣдованіи"; статью 1444: "Судебныя мѣста въ собраніи доказательствъ, опредѣленіи силы ихъ, въ учиненій повальныхъ обысковъ о поведеніи подсудимыхъ, также справокъ по службѣ и заслугамъ ихъ, поступаютъ по общему порядку, для уголовныхъ дѣлъ постановленному", ст. 1448. "Производство слѣдствія по высшимъ государственнымъ преступленіямъ препоручается по Высочайшему повелѣнію, особенно для того назначеннымъ лицамъ или комиссіямъ", ст. 1449. "Слѣдствіе производится по общему установленному порядку, съ примѣненіемъ правилъ, въ предшедшемъ отдѣленіи предписанныхъ, и по Уст. Воен. Уголов. изд. 1839 года ст. 311, примѣч. къ оной: "1827 г. Ноября 24-го Указъ, данный на имя Начальника Главнаго штаба, п. 3, въ коемъ предписано комиссіямъ Военнаго суда производить Судъ на основаніи *коренныхъ законовъ*, и Указъ 8-го Августа (19968), въ которомъ написано слѣдующее: "Я поручаю Вамъ истолковать тому мѣсту, гдѣ сей судъ производится, что если хочю, *чтобъ преступленіе обнаружено было и получило должное возмездіе, то еще тѣмъ болѣе желаю, чтобъ невинность походила въ томъ же самомъ законѣ и судъ всѣ средства къ своему оправданію*". Каковыя статьи положительныхъ отечественныхъ законовъ вмѣняютъ прямо въ неотрѣпимую обязанность гг. слѣдователямъ, такъ и судамъ всѣхъ наименованій, неукоснительно соблюдать всѣ обряды, поря-

докъ, формы и правила вообще для дѣлъ уголовныхъ постановленные, при производствѣ слѣдствія и суда по дѣламъ возникшимъ по обвиненіямъ въ преступленіяхъ противу первыхъ двухъ пунктовъ; дѣлаютъ безспорной дѣйствительность противозаконности (въ прошеніи моемъ въ Правительствующій Сенатъ отъ 19 Декабря 1855 года) изъясненныхъ нарушеній, порядка, формъ и обрядовъ судопроизводства имѣвшихъ мѣсто при производствѣ дѣла, послужившихъ поводомъ къ моему и другихъ осужденію и ссылкѣ въ Сибирь, *и вмѣстѣ съ тѣмъ просьбу мою въ Правительствующій Сенатъ, объ объявленіи приговора, обо мнѣ въ 1849 году состоявшагося недѣйствительнымъ*, на основаніи XV т. Св. Уг. Зак. кн. II Р. IV Гл. V ст. 1221 и Ус. В. У. кн. II Р. II Гл. VII ст. 362 и 373 дѣлаютъ юридически основательною, т. е. такою, каковая имѣетъ быть вполне удовлетворена по самой силѣ закона и не можетъ быть оставлена неудовлетворенною, безъ новаго, явнаго нарушенія закона. На что и желаю, чтобы было обращено величепріятное вниманіе Правительствующаго Сената при постановленіи имъ рѣшенія по сему прошенію. *Пунктъ его 3.* и какъ изъяснено въ XV т. Св. Уг. Зак. кн. II раз. II ст. 1304: Въ порядкѣ производства уголовныхъ дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ и въ постановленіи рѣшеній наблюдаются тѣ же правила, какъ и въ дѣлахъ гражданскихъ, съ тѣмъ токмо различіемъ, что дѣла уголовныя рѣшаются безъ вызова къ слушанію и рукоприкладству, допуская же однако подсудимыхъ, по просьбѣ ихъ, къ чтенію записокъ изъ дѣлъ слѣдственныхъ, дабы тѣмъ дать симъ запискамъ болѣе достовѣрности и предоставить подсудимымъ послѣдній способъ къ защитѣ и охраненію невинности. Желаю хотя нынѣ, послѣ шестилѣтняго (теперь болѣе чѣмъ семилѣтняго) подѣ дѣйствіемъ тяжкаго приговора, вполне воспользоваться симъ существеннымъ способомъ защиты, установленнымъ закономъ, каковымъ воспользоваться я былъ лишенъ возможности вмѣстѣ съ другими при производствѣ слѣдствія и суда, по дѣлу, послужившему поводомъ къ ссылкѣ моей и другихъ вмѣстѣ со мною, что изъяснено мною въ прошеніи моемъ въ Правительствующій Сенатъ отъ 19 Декабря 1855 года, то я всеподданнѣйше прошу, — Дабы повелѣно было: во 1-хъ Правительствующему Сенату, въ силу и на основаніи вышеприведенной XV т. Св. Уг. Зак. ст. 1304, допустить меня или дать мнѣ возможность къ чтенію записки, имѣющей по моимъ прошеніямъ и по дѣлу сему составиться и къ совершенію рукоприкладства на законномъ основаніи. Во 2-хъ чтобы при разсмотрѣніи дѣла сего въ Правительствующемъ Сенатѣ приняты были во вниманіе и уваженіе вышеприведенныя статьи XV т. Св. Уг. Зак. 1443, 1444, 1448, 1449 и примѣчаніе къ ст. 311, У. В. У. изд. 1839 г. и приложенная къ сему прошенію пояснительная выписка изъ законовъ до нѣкоторыхъ изъ вопросовъ, къ сему дѣлу относящихся. Прошеніе сіе мною было представлено въ Нерчинское Горное Правленіе 7 Марта 1856 года для препровожденія имъ онаго въ V Д-ть Правительствующаго Сената.

Сему

3.

Такимъ образомъ, со времени подачи сихъ прошеній мною въ Нерчинское Горное Правленіе для препровожденія имъ

ихъ въ Правительствующій Сенатъ, прошло болѣе двухъ лѣтъ, но по сіе время о томъ изъ Правительствующаго Сената никакого увѣдомленія не имѣю, это и заставляеть меня думать, что оныя прошенія мои Нерчинскимъ Горнымъ Правленіемъ и не были препровождены въ оный.

Прошенію

4.

Что таковыя прошенія мои были представлены въ означенное время, въ томъ можно удостовѣриться, истребовавъ оныя изъ Нерчинскаго Горнаго Правленія, вмѣстѣ съ перепискою по поводу оныхъ возникнувшюю.

поселе

5.

Такъ какъ въ прошеніяхъ моихъ въ Правительствующій Сенатъ отъ 19 Декабря 1855 года и 7 Марта (въ 1-мъ и во 2-мъ пунктахъ прошенія сего вполнѣ изложенныхъ) изложены мною тѣ отступленія отъ законовъ, порядка, формъ и обрядовъ для судопроизводства установленныхъ, кои имѣли мѣсто при слѣдствіи, судѣ и исполненіи приговора, по дѣлу сему состоявшася, вслѣдствіе коихъ самый приговоръ теряетъ юридическое значеніе и дѣйствительность на основаніи XV т. Св. Гр. Зак. ст. 1221 то и всеподданнѣйше прошу.

нецъ Оекской волости

6.

Дабы новелѣно было Правительствующему Сенату, на основаніи приведенныхъ въ 1-мъ и во 2-мъ пунктахъ сего прошенія узаконеній, приговоръ 23 Декабря 1849 года объявить недействительнымъ и во всемъ меня удовлетворить по закову 1858 года 28 Іюня. Къ подацію подлежить въ V Департаментъ Правительствующаго Сената. Сіе прошеніе сочинялъ и писалъ самъ проситель *Михаилъ Васильевъ сынъ Буташевичъ-Петрашевскій* руку приложилъ *Жителство имлю въ Иркутскъ въ V солдатской улицѣ домъ Кларка.*

[Приложенія въ слѣдующемъ листѣ]

ДВОРОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ,

(въ редакцію *Колокола.*)

Что такое дворовый человѣкъ? Передъ нами два мнѣнія; въ одномъ онъ подведетъ подъ разрядъ негодяевъ и лентяевъ*, другое говоритъ† “большая часть дворовыхъ людей ремесленники и хорошіе ремесленники.” Если первое мнѣніе не можетъ привести въ подтвержденіе достаточныхъ доказательствъ, то второе еще меньше, между тѣмъ для приведенія въ исполненіе мысли государя: освободить всѣхъ крестьянъ, необходимо опредѣлить, наконецъ, значеніе *дворовыхъ людей*, чтобы освобожденіе ихъ было и справедливо и какъ можно менѣе тягостно для заинтересованныхъ классовъ. Вотъ средство, которое принялъ Ростовцевъ и защищалъ Н. Огаревъ въ 46мъ листѣ *Колокола*: дворовыхъ людей приписать къ общинѣ, по мимо ея желанія; тогда дворовые люди-ремесленники “могутъ, оставивъ свой участокъ въ міръ на

повинности, заниматься своимъ ремесломъ на сторонѣ;” хорошо, это ремесленники; но ихъ міръ принялъ-бы охотно и безъ высочайшей приписки и употребляетъ свою власть въ этомъ случаѣ правительству совершенно не нужно. Кромѣ ихъ, полагаетъ Н. Огаревъ, есть и такіе, которыхъ “вся жизнь ушла на выбиваніе трубокъ и чистку господскихъ горшковъ и которымъ нѣкогда было чему нибудь выучиться” и которые, я прибавлю, не могутъ даже продолжать наниматься въ лакеи по той причинѣ, что ихъ никто не станетъ нанимать*; вотъ объ этихъ-то поговоримъ въ особенности. Этихъ, говоритъ г. Огаревъ, нужно тоже приписать къ общинѣ, чтобы спасти ихъ семейства отъ гибели; и хотя онъ сознаетъ, что это будетъ жертва со стороны міра, но міръ, по его мнѣнію, не откажется отъ нея: въ 1хъ потому, что на 100 крестьянъ придется только 4 дворовыхъ человѣка (и это тахіиш отношенія), а во 2хъ потому, что “крестьяне много терпѣли и выносили безъ пользы для народа и навѣрно найдутъ въ себѣ довольно твердости, чтобы принести небольшую жертву для спасенія двороваго населенія.” Какъ только заходитъ рѣчь о новыхъ жертвахъ крестьянъ, полезныхъ или не полезныхъ для инаго населенія, мы возмущаемся и требуемъ, чтобы за нихъ не отвѣчали; если они терпѣли до сихъ поръ, достаточная-ли это причина, чтобы заставлять ихъ еще терпѣть, хотя въ меньшей мѣрѣ? Далѣе г. Огаревъ говоритъ: “едва-ли будетъ это жертва для міра, который, увольняя дворовыхъ для промысловъ, пользуется ихъ земельнымъ надѣломъ.” Да вѣдь промыслами не могутъ заниматься тѣ, которымъ нѣкогда было чему нибудь выучиться, а увольнять ихъ не спросясь міръ не имѣетъ права. Нѣтъ-съ, позвольте мнѣ иначе разсмотрѣть этотъ вопросъ.

Дворовые люди, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ помѣщика, конечно воспитываются смотря по тому, каковъ самъ помѣщикъ; ежели онъ хорошій хозяинъ и дворовый человѣкъ у него человѣкъ: кучеръ-ли онъ, садовникъ-ли, судомойка-ли или лакей, онъ всегда, отдавъ свою землю въ міръ на повинности, найдетъ себѣ кусокъ хлѣба и теплый уголокъ. У дурнаго хозяина, какому бы ремеслу его дворня ни обучалась, она все таки никуда негодится: тамъ гдѣ баринъ сидитъ распусти рукава или безъ толку жестокъ съ крестьянами, дѣло никогда не клеится и ни одинъ изъ дворовыхъ людей ничему выучиться не можетъ. Это было ужъ давно подмѣчено и французская пословица: *tel maitre, tel valet* совершенно справедлива; конечно, какъ въ каждомъ правилѣ, и въ этомъ есть исключенія, но онѣ не могутъ его поколебать. Далѣе, всѣмъ извѣстно, что дурныхъ хозяевъ на Руси больше, чѣмъ хорошихъ и что у первыхъ дворня многочисленнѣе чѣмъ у вторыхъ; это основывается на томъ, что хорошій хозяинъ всегда съумѣетъ всякія работы исполнить меньшимъ числомъ работниковъ, слѣдовательно негодяевъ изъ дворовыхъ людей больше чѣмъ ремесленниковъ (понимая подъ этимъ именемъ всѣхъ кто не только учился какому либо ремеслу, но можетъ имъ заниматься). Я ограничиваюсь этимъ положеніемъ и не стану выдумывать чиселъ для опредѣленія отношенія между ремесленниками и негодяями. Изъ всего этого слѣдуетъ, что приписывая дворовыхъ людей къ общинамъ, непременно на долю одной общины выпадутъ только ремесленники, на

* См. отвѣтъ на статью: крестьянскій вопросъ и Ростовцевъ, Колоколъ, листъ 46.

† Письмо Н. Огарева автору отвѣта. Тотъ же.

* Съ этимъ мы не совѣмъ согласны, потому что кромѣ ихъ нанимать будетъ некого, а потребность въ служителяхъ продлится еще долго. (Прим. ред.)

долю другой негодяи, конечно съ незначительными исключениями; слѣдовательно, жертва требуемая отъ крестьянъ будетъ не равномерно падать на всѣ общины и жертва эта будетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень чувствительна, такъ какъ мы знаемъ, что у мелкопомѣстныхъ хозяевъ ста и менѣе душъ дворянъ относительно многочисленна. Съ другой стороны, приписывая дворовыхъ людей къ общинѣ наравнѣ съ крестьянами, съ первыхъ нельзя требовать того, что требуется съ послѣднихъ: никакой лакей, не зависимо отъ дурной воли, не справится съ работой такъ, какъ любой крестьянинъ, выросшій на полѣ. Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что сравнить съ крестьянами дворовыхъ людей приписавъ ихъ къ общинѣ и не справедливо и не практично.

Во первыхъ, прежде чѣмъ совершить эту приписку, нужно спросить общину, согласна-ли она на это? Тогда община можетъ представить списокъ тѣхъ дворовыхъ людей, за которыхъ она можетъ отвѣчать и которыхъ слѣдовательно она согласна имѣть своими членами; дворовыхъ людей спрашивать ненужно, такъ какъ они всегда могутъ оставить общину для другихъ занятій. Что касается до неучей, т. е. до тѣхъ кого община не пожелаетъ имѣть и которые слѣдовательно остаются по освобожденіи безъ занятія и безъ способовъ къ пропитанію, правительство должно посадить на тягло, такъ какъ земледѣльчество болѣе всего имъ подходитъ; ихъ можно поставить въ зависимость отъ общины, но не сравнивать съ самага начала съ крестьянами; община за ихъ недоимки не отвѣчаетъ, подати они передаютъ старостѣ, который подати эти представляетъ отдѣльно отъ мірскихъ; такъ какъ дворовые люди принимаются за новыя для нихъ занятія, то справедливо требовать, чтобы правительство было снисходительно къ ихъ недоимкамъ и совершенно бы прощало ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда община представитъ удостовѣреніе въ томъ, что не лѣность или какой либо порокъ былъ этому причиной. Въ общественныхъ повинностяхъ они принимаютъ участіе наравнѣ съ крестьянами. Взысканія съ нихъ и исправительныя наказанія могутъ быть предоставлены міру, которому должно внушить, что всякіе обременительныя денежныя штрафы могутъ быть пагубны для новыхъ земледѣльцевъ. Въ случаѣ если міръ согласится впоследствии принять ихъ въ свои члены, они не могутъ отказываться, также точно какъ дѣти ихъ; ежели они захотятъ приписаться въ какое либо другое общество, цехъ, гильдію и т. п. это должно быть имъ дозволено наравнѣ съ другими, и тогда земля ихъ переходитъ во владѣніе общества.

Въ слѣдствіе такихъ незначительныхъ измѣненій, не отдѣляя дворовыхъ людей неразрывно отъ общины, она избавляется отъ тягостной обязанности отвѣчать за нихъ и имъ дана возможность слиться съ крестьянами; мѣра-же сравнить ихъ съ самага начала съ мірянами раззорила-бы ихъ и не спасла-бы ихъ семейства отъ гибели.

Отъ Редакціи.

Рѣдко случается намъ получать отъ нашихъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ такую прекрасную статейку. Мы отъ души протягиваемъ руку къ автору. Но кажется спорить намъ не о чемъ; вся разница нашего воззрѣнія заключается въ томъ, что авторъ "двороваго человѣка" требуетъ для дво-

ровыхъ людей, дѣйствительно переходящихъ къ земледѣлію, льготы отъ правительства, т. е. прямо говоря избавленія отъ всякихъ повинностей на извѣстный срокъ. Такимъ образомъ подать не падетъ на крестьянъ, и дворовому человѣку, перешедшему на землю, легко будетъ справиться и стать черезъ нѣсколько лѣтъ въ уровень съ остальными крестьянами. Не согласиться съ этимъ воззрѣніемъ нельзя: оно совершенно вѣрно, практично, справедливо и удобоприлагаемо. Мы только одно добавимъ для полной ясности: земля на дворовыхъ должна быть отрѣзана отъ помѣщичей земли за выкупъ, какъ и вся остальная крестьянская земля, а отнюдь не урѣзана у общинъ, т. е. приписка дворовыхъ людей къ общинамъ не должна производить измелечанія тягловыхъ участковъ. А уплата выкупа за надѣль дворовымъ тягломъ — пусть будетъ жертва со стороны правительства во все время льготъ дворовымъ людямъ.

С М Ъ С Ъ.

Гоненіе Умершихъ.

Въ 47 листѣ *Колокола* мы помѣстили нѣсколько словъ о бездушномъ и оскорбительномъ, благообычаи нашей смиренной церкви, не хоронить покойниковъ и не служить панихиды, во всѣ тезеомениства 34 душъ обоого пола принадлежащихъ къ царской фамилии.* Теперь одинъ корреспондентъ сообщилъ намъ историческія свѣдѣнія о другой такойже нелѣпости. Спѣшимъ подѣлиться съ читателями этими новыми доказательствами, что докторъ Круповъ былъ совершенно правъ принимая всѣхъ людей за сумашедшихъ.

Дѣло идетъ о запрещеніи провозить и проносить покойниковъ, мимо зимняго дворца. Законъ этотъ установленъ императрицею Анною Ивановной въ 1740 году и существуетъ доселѣ. Неужели и теперь, въ половинѣ XIX вѣка, ктонибудь изъ царской семьи, увидя покойника, провозимаго мимо окопъ зимняго дворца, скажетъ вмѣстѣ съ Анною Ивановной "что сіе весьма непристойно?" Это запрещеніе, подобно запрещенію хоронить въ царскіе дни, также причиняетъ не мало хлопотъ. Куда, напр. прикажете везти тѣло покойника изъ домовъ, близъ зимняго дворца находящихся, (напр. на дворцовой набережной, на миллионной) если надо везти его на смоленское кладбище? Не угодно-ли поворотить назадъ, на гагаринскую пристань, и потомъ, объѣхавъ напрасно нѣсколько улицъ,—виновъ, украдкою, тайкомъ, какъ будто съ контрабандою, выѣхать на Адмиралтейскую площадь и слѣдовать далѣе, до мѣста "злачна и прохладна." Если нелѣпый законъ Анны Ивановны, подтвержденный въ 1755 году Елизаветою Петровною, былъ умѣстенъ скольконибудь,

* При Богомъ благословенномъ плодородіи благороденнаго дома Романовыхъ, можно разсчитать примѣрно въ которомъ году, въ Россіи совсемъ перестанетъ хоронить!

въ свое время, хоть потому уже что послѣдняя боялась покойниковъ, то въ настоящее время онъ не имѣетъ за себя ни малѣйшей защиты.

Указъ этотъ, а равно и подтвержденіе онаго, сдѣланное Елизаветою Петровною, интересны въ высшей степени, ибо ясно показываютъ не только грубость нравовъ и понятій тогдашняго времени, но и какое то наглое, непонятное для насъ, презрѣніе къ человѣчеству, даже мертвому. Къ тому же указъ Анны Ивасовны исполненъ такихъ *курьезныхъ* выраженій, что въ назиданіе для грядущаго потомства, особенно же для составителей высочайшихъ указовъ и повелѣній, мы рѣшаемся привести ихъ здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что они не займутъ много мѣста. Оба указы именныя, объявленные полиціею канцеляріи, помѣщены въ полномъ собраніи законовъ подъ N№. 8,060 и 10,480.* Вотъ первый отъ 10 Апрѣля 1740 г.

“Ея императорское величество изволила указать, въ полиціею канцеляріи объявить: повеже въ 9 день сего Апрѣля случилось, что мимо самыхъ ея императорскаго величества покоевъ и окошекъ, гдѣ *ея императорское величество высочайшею своею особою присутствовать изволила*, пронесли мертвое человѣческое тѣло, что *весьма непристойно есть; ибо для* такихъ случаевъ, чтобъ мертвыя тѣла и прочее. *тому подобное*† проносить, или провозить, много иныхъ дорогъ сыскать можно; того ради полиціею канцеляріи на крѣпко того смотрѣть, чтобъ впредь такія *непристойности не происходили*, и мимо ея императорскаго величества покоевъ и окошекъ такой *вольный* проходъ и проѣздъ съ мертвымъ тѣлами и *прочимъ тому подобнымъ*, отнюдь не быть.”

Вотъ и второй: “6 Ноября 1755 г. ея императорское величество указать соизволила, чрезъ полицію здѣсь въ С. Петербургѣ обывателямъ объявить, чтобы никто мертвыхъ для погребенія мимо Зимняго ея императорскаго величества деревяннаго Дворца не носилъ, какъ по Преспективой такъ и по Мойкѣ, а обносить другими улицами далѣе; кое высочайшее повелѣніе чрезъ сіе главнѣй полиціи ко исполненію и сообщается.”

Что за исторія была у чиновника особыхъ порученій при главномъ управленіи восточной Сибири г. Неклюдова съ г. Беклемишевымъ? *Правда-ли* что Неклюдову имѣвшему дѣло съ однимъ Беклемишевымъ—было послано *шесть* вызововъ? *Правда ли* что дуэль (возлѣ Иркутска 16 Апрѣля) окончившаяся смертью Неклюдова—была сдѣлана неправильно?

* Замѣчательно, что они не вошли въ сводъ законовъ, составители котораго вѣроятно устыдились ввести ихъ въ подлежащій томъ, оставивъ въ силѣ какъ полиціею распоряженіе, никому впрочемъ необъявленное.

† Что разумѣла Анна подъ словами “и прочее тому подобное” осталось для насъ непроницаемою тайною.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОБЪДЫ ВЪ МОСКВѢ.

I.

Мы Русскіе всегда любили обѣдать и при томъ обѣдать хорошо, но въ послѣднѣе время мы выучились *политически* обѣдать и такъ какъ прежде собирались на уху со стерлядью такъ нынѣ собираются на обѣдъ съ *рыбью*. Даже Николаевцу до конца ногтей — Закревскому давали 24 Апрѣля 1859 обѣдъ, съ *рыбью* Корнилова; мы не можемъ удержаться чтобъ не сообщить ее нашимъ читателямъ.

“Графъ Арсеній Андрѣевичъ,

Еще недавно мы праздновали 10 ти лѣтіе управленія Вашего Сіятельства Москвою—гѣже чувства любви и преданности къ Вамъ собрали насъ теперь. Но все что было тогда радостнаго въ нашихъ чувствахъ, омрачено теперь сердечною грустію прощанія. Тяжкій ударъ ниспосланъ Вамъ свыше. Это не первый въ Вашей многотрудной блистательной жизни: Вы прошли уже путемъ испытанія.

Въ теченіи 11 лѣтъ службы подъ Вашимъ заботливымъ, полнымъ *благодущнаго* участія начальствомъ, мы привыкли видѣть Васъ всегда твердымъ, всегда неутомимымъ, всегда неуспыннымъ, строгимъ къ себѣ; снисходительнымъ къ другимъ.

Такимъ Вы были въ годину народнаго бѣдствія, когда холера опустошала Москву. Быстро разумными мѣрами, призвавъ въ помощь Бога, Вы *прекратили* бѣдствіе и подали сострадательную руку сиротамъ и семействамъ жертвъ эпидеміи.

Такимъ Вы были въ тяжкую для Отечества годину Крымской войны*. Бодрствуя подъ тяжестью лежавшихъ на Васъ обязанностей Вы ободряли, одушевляли въ жителяхъ Москвы патріотическія чувства.

Такимъ мы видѣли Васъ и при радостныхъ событіяхъ нашего любезнаго Отечества.

Въ настоящую эпоху исполненія великодушнаго мысли Августѣйшаго Государя объ уничтоженіи крѣпостной зависимости,† Вы *сдержали первые необдуманые порывы*, дали общему мнѣнію сложиться, созрѣть, и въ мнѣніи своемъ на проектъ Московскаго комитета превзошли *либерализмомъ* многихъ осуждавшихъ въ Вашихъ дѣйствіяхъ отсталыя запоздалыя несовременныя идеи и убѣжденія.

Въ частныхъ сношеніяхъ съ нами Вы были намъ не начальникомъ, а отцомъ. Всѣ мы смѣло шли къ Вамъ съ нашими радостями, съ нашими печальми. Никому не отказывали Вы ни въ совѣтѣ, ни въ утѣшеніи, ни въ помощи.

Вездѣ и во всемъ Вы были образцомъ всегда живой, всегда заботливой, всегда предусмотрительной дѣятельности.

Дай Богъ чтобъ это мужество и крѣпость силъ неизмѣнили Вамъ теперь, когда они нужны для Васъ самихъ, для Вашего спокойствія, для Вашего семейства.

И если нелицемѣрная любовь и преданность къ Вамъ бывшихъ подчиненныхъ можетъ служить для васъ утѣшеніемъ, то, Графъ, мы всѣ здѣсь на лицо и не приговорныя слезы наша краснорѣчивѣе словъ говорятъ Вамъ какъ мы глубоко сочувствуемъ несчастію постигнутому Васъ и всѣхъ близкихъ Вашему нѣжнолюбящему сердцу.

* Въ Крымскую кампанію Закревскій ставилъ скверное сукно для опочалцевъ съ своей фабрикѣ и пр. чиновники его обогащались, это правда: но нельзя же за это благодарить!

† По крестьянскому вопросу, Закревскій давилъ меньшинство комитета, но крепко стремившееся къ измѣненію крѣпостнаго быта, задерживая ихъ дѣйствія. грозилъ, но подъ конецъ, видя, что овоздухъ въ Петербургѣ по поводу крестьянскаго дѣла повѣялъ нѣсколько благопріятнѣе для меньшинства, желая угодити барину, представилъ проектъ меньшинства, да еще со своими добавленіями.

Да подкрѣпите Васъ Всевышній и уврачуеъ Ваше сердечныя раны!

Господа! За здоровье нашего незабвеннаго, всегда дорогаго намъ Графа Арсенія Андрѣевича.”

II.

Мая 10 данъ былъ обѣдъ новому градоначальнику Москвы графу Строгонову. Онъ долженъ былъ служить выраженіемъ удовольствія московскаго населенія, что Закревскій наконецъ смѣненъ. Подписались на обѣдъ слишкомъ 400 человекъ, подписались даже и тѣ которые давали обѣдъ Закревскому.

За ¼ часа до пріѣзда графа и до начала обѣда пріѣзжаетъ комендантъ, и объявляетъ отъ имени графа, что рѣчей не должно быть.

Тѣмъ не менѣе говорилъ Воейковъ, отвѣчалъ Строгоновъ и за тѣмъ обѣдъ кончился. Послѣ обѣда профессоръ Соловьевъ успѣлъ перерѣзать дорогу графу Строгонову, и сказать нѣсколько словъ. Остальныя рѣчи, были произнесены послѣ отъѣзда Строгонова.—Это совершенно ново!!

Во время обѣда московскій градской глава Гучковъ сидѣлъ гдѣ-то въ сторонѣ, тогда какъ возлѣ графа былъ съ одной стороны предводитель дворянства, а съ другой помѣстилось наше знаменитое генеральство. Распорядители обѣдомъ назначили градскому головѣ мѣсто, но генераль Чертовъ занялъ его, прогнавъ официанта замѣтившаго, что это мѣсто градскаго головы. Распорядители смолчали, смолчалъ и съѣжился голова. Ну гдѣ-же намъ давать обѣды со спичками, демонстраціями, манифестаціями!

— Въ 44 листѣ мы предупреждали нашихъ русскихъ собратій, слишкомъ нападавшихъ на изобличительную литературу, что они этимъ путемъ, сознательно или безсознательно, помогутъ *наставительному* комитету.

Намъ бы чрезвычайно было больно, если бъ иронія употребленная нами, была принята за оскорбительный намекъ. Мы увѣряемъ честнымъ словомъ, что этого не было въ умѣ нашемъ; еслибъ оно было, мы иначе бы стали обличать—въ особой умѣренности и скрытности въ подобныхъ случаяхъ насъ самъ Панинъ не обвинить.

Нельзя же *manière de dire*, образъ выраженій, особенно ироническихъ, брать въ прямомъ смыслѣ. Въ прошедшемъ *Колоколѣ* мы говорили о томъ что *тайный* членъ ценсурскаго триумвирата—Тимашевъ заступилъ мѣсто Сакена бывшаго парижскимъ генераль-губернаторомъ—развѣ кто нибудь будетъ доказывать что это не такъ.

Мы не имѣли въ виду ни одного литератора, мы вовсе не знаемъ кто писалъ статьи противъ которыхъ мы сочли себя вправѣ сказать нѣсколько словъ—искренно желая чтобъ нашъ совѣтъ обратилъ на себя вниманіе.—

И—ръ.

— Модестъ Корфъ приставленъ (говорить Nord) къ наслѣднику Россійскаго престола въ учителя законовѣденія. Теперь намъ только остается ожидать, что на дняхъ приставятъ къ нему Рафаила Зотова въ учителя философіи, а Алфонса Баладье въ учителя—ну хоть математики и закона божію.

— Письмо полученное нами объясняющее дѣло по которому былъ вопросъ въ 42 листѣ *Колокола* на счетъ Адмирала Мѣтлина, будетъ помѣщено въ слѣдующемъ листѣ.

ПОДЪ СУДЪ!

Получая извѣстія о дѣлахъ слишкомъ частныхъ, чтобы взойти въ составъ *Колокола* и за *достоверность* которыхъ мы не можемъ ручаться, мы рѣшились издавать какъ прибавленіе къ *Колоколу*—листокъ подъ заглавіемъ: ПОДЪ СУДЪ! Смотря по количеству матеріала онъ будетъ выходить разъ въ мѣсяцъ или въ два мѣсяца. Мы будемъ помѣщать въ него всѣ дѣла частныя, которыя однако не переходятъ въ пустыя личности и неинтересныя сплетни. Честные люди, видя дѣло рѣшенное несправедливо или видя кого нибудь притѣсненнымъ мѣстной властью, могутъ всегда доводить встрѣчаемыя ими случаи до свѣденія публики и правительства посредствомъ: новаго органа. Если они ошиблись то мы всегда примемъ и напечатаемъ *возраженіе другой стороны*, будь она частное лицо или судебная инстанція, исправникъ или губернаторъ, благочинный или архиерей. Конечно мы охотно предоставляемъ каждому лицу, постороннему въ дѣлѣ, присылать намъ свое сужденіе о немъ; но мы также предоставляемъ и себѣ право дѣлать свои замѣчанія, руководствуясь сильнѣйшимъ здравымъ смысломъ и существующими узаконеніями. Къ какой бы губерніи, къ какому бы уѣзду, къ какому бы городу или селу случай ни относился, мы предоставимъ всякому свободный голосъ. Не только случайно натыкаясь на какую нибудь несправедливость, но даже, слѣдя за ходомъ дѣлъ по официальной части губернскихъ вѣдомостей, всякій честный человекъ, проживающій въ губерніи или проѣзжающій по ней, можетъ обратить вниманіе на видимую имъ неправду, прослѣдить и обличить ее.

Мы открываемъ лобное мѣсто для частныхъ лицъ и частныхъ дѣлъ; отъ нашихъ соотечественниковъ зависитъ добросовѣстно и смѣло воспользоваться нашимъ предложеніемъ. Мы желали бы, чтобъ *Колоколъ* былъ голосомъ всѣхъ, а *подъ судъ* голосомъ каждаго.

Искандеръ, П. Огаревъ.

Издатели *Колокола* покорнѣйше просить особъ желающихъ посылать имъ рукописи, справляться въ мѣстахъ откуда посылаютъ о почтовыхъ постановленіяхъ, франкировать ихъ, и при томъ не посылать пакетовъ съ гарсонами, дворниками, а носить самими.

Въ Россіи книги можно посылать на глухо заклеенныя; здѣсь, книга *sous bande* за нѣсколько копѣекъ отправляется въ Германію, Францію—и за ту же книгу заклеенную на глухо плотится какъ за письмо.

Въ Англіи—рукописи *sous bande* посылать дозволяется.

За все не франкированное, въ Англіи берутъ *вдвое*.

Сверхъ того мы просимъ посылающихъ нефранкированныя рукописи, извѣщать насъ за день письмомъ. Иначе мы будемъ въ необходимости отказываться отъ полученія неизвѣстныхъ пакетовъ.

Мы усердно просимъ обратить вниманіе на эти замѣчанія.

— Прилагаемъ къ нынѣшнему листу *Колокола*, письмо къ императору Александру Николаевичу, мы не совершенно согласны съ нимъ, но охотно даемъ ему мѣсто при нашемъ листѣ.—

РЕД.

П И С Ь М О

Русскаго вѣрнопогоданнаго къ Русскому Императору, писанное въ Россіи и посланное изъ-за границы, какъ единственно вѣрнымъ путемъ для сношенія Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ.

Государь!

Въ нынѣшнемъ году 8 Сентября наступитъ совершеннолѣтіе Наслѣдника Вашего престола. Вѣроятно, по прежнимъ примѣрамъ, въ этотъ день будетъ изданъ всемилостивѣйшій манифестъ.

Государь! Всѣ бывшіе до сихъ поръ подобныя манифесты не приносили никому пользы, кромѣ негодьяевъ. Ужели и въ день праздника Вашего сына Вы оскорбите Россію сложеніемъ недоимокъ, которыхъ взыскать нельзя и не съ кого,—освобожденіемъ отъ суда и наказанія мелочныхъ грабителей казны, и облегчивъ участи невинно-наказанныхъ, которыхъ вовсе не слѣдовало наказывать и изъ которыхъ большая часть уже давно умерла.

Всѣ доселѣ изданные манифесты, стереотипныя повторенія одинъ разъ когда то написаннаго манифеста, который въ свое время можетъ быть былъ нуженъ и полезенъ. Зачѣмъ же копировать и повторять его при всякомъ новомъ торжественномъ случаѣ? Ужели Россія неподвижно находится подъ одними и тѣми же обстоятельствами. Эти манифесты сокращаютъ только на нѣкоторое время работу казначеевъ и канцелярскихъ чиновниковъ, но въ то же время обременяютъ суды выпускомъ изъ тюремъ воровъ и мошенниковъ, которые потомъ черезъ двѣ-три недѣли опять въ нихъ попадаютъ. Между тѣмъ общее нравственное зло этихъ, такъ называемыхъ всемилостивѣйшихъ манифестовъ неимоверно велико: въ ожиданіи ихъ уже заранѣе умышленно совершаются разныя мелочныя преступленія, какъ-то: порубка лѣсовъ, невзносъ разныхъ казенныхъ платежей и т. п., а главное, чиновники всѣхъ, безъ исключенія, вѣдомствъ берутъ взятки, чтобъ продлить дѣла и отложить приговоры, до обнародованія манифеста, котораго содержаніе всегда напередъ извѣстно по прежнимъ примѣрамъ.

Государь! Пора перестать играть въ куклы съ русскимъ народомъ и мистифицировать Европу громкими фразами, прикрывая лѣстомъ официальной бумаги большыя мѣста нашего государственнаго тѣла и не заботясь, что подъ новою бумагою все тѣже черви и гады, тотъ же гной и тѣже раны. На Вашемъ семействѣ лежитъ много грѣховъ передъ Россіею: изъ нихъ довольно уже и одного того, что русскій, искренно любящій Васъ и Россію, не можетъ отъ своего лица говорить съ Вами прямо и откровенно, и чтобы выразить желанія, ожиданія и нужды русскаго народа принужденъ звонить въ Лондонскій Колоколъ.

Но наступающее совершеннолѣтіе Вашего сына даетъ Вамъ прекрасный поводъ сдѣлать много добра для Россіи. Воспользуйтесь этимъ случаѣмъ для того, чтобы выразить совершеннолѣтіе Россіи: сближеніемъ народнаго блага съ важнымъ событіемъ въ жизни Вашего сына, Вы соедините царя и подданнаго самою прочною, неразрывною связью. Пусть совершеннолѣтіе наслѣдника престола въ первый разъ будетъ для Россіи не одною пустой формальностію но истиннымъ символомъ ея собственнаго совершеннолѣтія; тѣмъ же самымъ оно будетъ и для будущихъ дѣйствій будущаго царя. Въ одинъ и тотъ же день, 8 Сентября 1859 года, Вы, Ваше семейство и весь русской народъ отпразднуете праздникъ изъ праздниковъ.

Дайте Россіи только то, что по праву принадлежитъ каждому совершеннолѣтнему:

1. Отмѣните тѣлесное наказаніе для всѣхъ сословій, безъ изключенія, какъ исправительную мѣру. Забѣните ее содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. Вѣдь гдѣ и сѣкутъ людей тамъ сѣкутъ только солдатъ, да ребятишекъ а не отцовъ и матерей семействъ. Съ 1785 года не сѣкутъ и у насъ дворянъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій, и съ того самаго времени они много исправились: нравы ихъ смягчились, умы просвѣтлѣли, преступленій между ними менѣе: тоже будетъ и со всѣми прочими сословіями.

2. Снимите со всей Россіи постыдную опеку шпионовъ и жандармовъ. Запретите на почтѣ распечатывать письма и закройте III отдѣленіе Вашей канцеляріи, со всѣмъ его причтомъ: губернскими округами и штабами; а ихъ дѣла прикажите передать въ государственный архивъ; въ нихъ давно нѣтъ ничего насущно-потребнаго, въ нихъ одни историческіе матеріалы, да и тѣ, по счастью, не Вашего времени. Уничтоженіемъ всей этой ватаги наушниковъ Вы избавите себя отъ лишней возможности быть часто обманутымъ.

3. Возвратите свободу совѣсти Русскимъ, которые одни изъ всѣхъ Вашихъ подданныхъ не имѣютъ ее: антихристіанскимъ насиліемъ они лишены возможности молиться Богу по внушенію своихъ чувствъ и принуждены исполнять только наружные обряды у поповъ пьяныхъ и невѣжественныхъ. Этимъ они поставлены ниже Татаръ, Жидовъ и язычниковъ, у которыхъ царская власть никогда не отнимала и не касалась религіозныхъ заблужденій, даже противныхъ христіанской вѣрѣ. На первый разъ, въ видѣ переходной мѣры, дозвольте родителямъ, по взаимному между собою согласію, обращать своихъ дѣтей (новорожденныхъ) въ одно изъ тѣхъ христіанскихъ исповѣданій, къ какому принадлежитъ которой либо изъ нихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ избавьте русскихъ православныхъ купцовъ отъ смѣшной обязанности представлять, при запискѣ въ гильдію, свидѣтельство о бытіи на исповѣди, да еще непременно свидѣтельство женатаго попа, а не монаха. Вы уже сняли эту обязанность съ раскольниковъ, забывъ о православныхъ.

4. Такъ какъ сама природа даетъ совершеннолѣтнимъ полную грудь и соотвѣтственный полъ и возрасту голосъ,—дайте полноту печатному слову, хотя опять на первый разъ съ тою осторожною и естественною постепенностію, какую требуетъ еще неустановившіяся у насъ привычки къ свободѣ слова. Странно видѣть, что журналы и газеты издаваемые отъ имени министерствъ, отъ имени самаго правительства, подвергаются цензурѣ чиновниковъ нисшаго разбора. Снимите лишнее цензурное клеймо со всѣхъ этихъ официальныхъ изданій: редакторы ихъ, какъ люди служащіе и присяжные, сами отвѣчаютъ за все ими помѣщаемое. Но печатанье книгъ и газетъ должно быть разрѣшено въ каждомъ городѣ, гдѣ для занятія должности цензора всегда найдется лицо получившее университетское образованіе.

Пока довольно!—Можетъ быть, Вамъ и это покажется много и Вы затруднитесь по непривычкѣ самому быть исполнителемъ своей воли. Вашъ дядя Александръ I двадцать пять лѣтъ отговаривался, что для устройства Россіи на свободныхъ началахъ ему не за кого взяться; но развѣ при существующемъ въ Россіи образѣ правленія можно надѣяться когда нибудь найти около трона людей способныхъ къ благотворнымъ для народа реформамъ: такихъ людей сажаютъ въ тюрьмы или берутъ подъ надзоръ. Вамъ остается поступить по внушенію Вашего сердца, но только сдѣлайте все сами, безъ участія и вліянія лакейскихъ комитетовъ, комиссій и совѣтовъ. Совершеннолѣтній Царственный юноша самъ напишетъ манифестъ о совершеннolѣтїи Россіи; это будетъ его *проба пера*, которое въ самодержавномъ правленіи сильнѣе всякаго меча, разительнѣе удара молніи, а Вы просмотрите, поправите и утвердите. Весьма малымъ Вы можете сдѣлать многое: Вы дадите Вашему царствовованію опору и блескъ, а Вашему сыну способъ процарствовать въ свое время мирно, покойно, безъ потрясеній, и главное—правдиво, безъ боязни и безъ упрековъ совѣсти. Нѣчего уже и говорить, что Васъ благословитъ исторія, Россія и тотъ, кто грозитъ всякому зарывающему въ землю талантъ, ему свыше данный.

Пишу къ Вамъ заблаговременно чтобъ Вы имѣли возможность поразмыслить, углубиться въ самого себя и приготовиться къ подвигу самостоятельному прежде, чѣмъ толками о предстоящемъ манифестѣ и поднесеніемъ его къ Вашему подписанію, рутина и старовѣрье втянутъ *Васъ въ свое бездонное болото*.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 50.

15 Августа 1859.

У Триюбера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

МИРЪ.

(ВТОРАЯ СТАТЬЯ О ВОЙНѢ.)

Какъ то въ 1851 году, будучи на нѣсколько дней въ Парижѣ, я рано утромъ сидѣлъ и читалъ *le spectre rouge* Ромьё. Брошюра эта, нынче забытая и занесенная разными слоями политическихъ памфлетовъ и реакціонныхъ брошюръ — сдѣлала нѣкоторый шумъ при своемъ появленіи. Ее хвалили немногіе, ее ругали почти всѣ, — ее *portée* не поняли ни тѣ, ни другіе. Я ее читалъ съ какимъ то нервнымъ раздраженіемъ, удивляясь преступной откровенности, безстыдству выраженій и дерзости тѣхъ истинъ которыя высказывались въ ней, съ наивнымъ цинизмомъ.

Кто то постучался въ дверь.

— Взойдите сказалъ я — почти съ досадой. Но взошелъ человекъ котораго я искренно уважалъ, и я съ радостью протянулъ ему руку.

— Вы меня застаете, сказалъ я, подъ магнитическимъ вліяніемъ ядовитой книги, я часа полтора испытываю удовольствіе американскихъ птицъ, когда онѣ находятся подъ чарами грѣмучей змѣи.

— И эта змѣя? спросилъ И. Мишле.

— Ромьё.

— Ромьё? Повторилъ Мишле съ удивленіемъ.

— Вы вѣрно читали его “Красный Призракъ”?

— И да, и нѣтъ... я имѣлъ эту книженку въ рукахъ, взглянулъ тамъ, сямъ — вы знаете очень хорошо кто такой и что такое Ромьё; его статьи о цезаризмѣ, его брошюра какъ тысячи другихъ принадлежатъ къ массѣ печатной грязи, которую сегодня пишутъ по заказу, а завтра по прошествіи надобности — смѣтаютъ въ канаву.

— Я вижу что вы ее не читали. Мнѣ кажется что этотъ памфлетъ имѣетъ гораздо большее значеніе.

— Главную мысль его я знаю очень хорошо, что же въ ней новаго?

— Какъ что новаго? Да кто же смѣлъ съ такимъ цинизмомъ распоряжаться будущностью Франціи — развѣ одинъ Донозо Кортезъ? Книжка Ромьё грозное пророчество.

— Хорошъ Исаія, нечего сказать.

— Что дѣлать, богъ иногда не брезгаетъ и ослицами, вы лучше подумайте какова эпоха въ которой Фалстафы становятся пророками и проповѣдуютъ вмѣсто синайской горы и острова Патмоса, у провенсальскихъ братіи и въ гнѣ Joubert.

Мишле я не убѣдилъ, брошюра забыта, старый гуляка Ромьё умеръ — а предсказанія его сбылись до послѣдняго слова.

Лѣтъ черезъ семь, въ другой странѣ, не гуляка, не пустой шутъ, а человекъ науки и мысли — показалъ своему отечеству вмѣсто *краснаго призрака, китайскую куклу* кивающую пальцемъ и головою, съ правильностью часовъ, и съ ихъ безмозглостью, куклу безъ личности, безъ особы, безъ отчета въ движеніяхъ — и замѣтилъ что со всѣми желѣзными дорогами и телеграфами, свободой книгопечатанія, и религіозной неволей — Англія идетъ въ Китай.*

И его книга прошла, не настороживъ никого, не поднявши даже пыли за собой, только литературные сторожа, въ двухъ трехъ журналахъ, приподняли голову, пробормотали какой то вздоръ со сна объ книжкѣ Миля, и она канула въ воду, какъ “Красный призракъ.”

“Насильно спасать людей нельзя!” замѣтилъ взбѣшенный маршалъ Бюжо, когда Людвигъ Филипъ не позволилъ ему то, что законодательное собраніе не только позволило Каваньяку, но вмѣнило ему въ обязанность — бомбардировать предмѣстіе св. Антонія.

При всемъ этомъ нельзя сердиться на западнаго человека, за его упорное непониманье. Вѣтхія стѣны общественнаго зданія — *свои* ему, родныя, наслѣдственныя, *его все* — въ нихъ кровная связь, память услій, страданій, казней, память побѣдъ — оно узко, давить, понагнулось, но ему жаль ломать.

Наши добровольные, *нартыченныя* Западники гораздо менѣе понятны для меня. Ихъ жизнь не связана съ падающей храминой, имъ не будетъ лучше если она поддержится контрфорсами, имъ не будетъ хуже если она совсѣмъ развалится. У нихъ только архитектурные чертежи и картонныя модели. Иной разъ кажется что они прикидываются ограниченными для того чтобъ выдать себя за принадлежащихъ къ столбовой европейской семьѣ.

* On Liberty, J. S. Mill (См. Колокольъ листъ 40 и 41.)

Такъ или иначе но намъ періодически приходится повто- рять *одно и тоже*, и дѣлать тѣже анатомико-паталогическія объясненія; по счастью они дѣлаются все легче и легче— *трупа больше!*

Въ печальное время горячешной трусости Цезаря, послѣ трагическаго героизма Орсини, когда необузданное раболѣпіе Франціи выступало изъ береговъ и Пальмерстонъ посягалъ на краеугольныя основы англійской свободы—мы говорили глядя на новыя разсѣлины вѣтхаго зданія еще больше осунувшагося и покачнувшагося: ‘Міръ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, старые къ могилѣ, юные къ возмужалости.’ Умники наши кричали о необузданности рѣчи, о пессимизмѣ; а между тѣмъ, и на этотъ разъ все подтвердилось, кромѣ одного *юные не возмужали!*

Наполеонъ III — писали мы тогда — представитель смерти. Бонапарты, какъ Цезари, не причина, но послѣдствіе, признакъ. Это туберкулы на легкихъ отходящаго Рима. Это болѣзнь старости, это сила судорогъ, безумная энергія горячки.

Бонапартизмъ идетъ рука въ руку съ смертью. Его слава — кровавая, она вся изъ труповъ. Въ немъ нѣтъ силы зыждительной, нѣтъ производительной дѣятельности; онъ—совершенно безплоденъ, все созданное имъ—обманъ, мечта; кажется будто что-то есть, а въ сущности нѣтъ и ничего, — все это призраки, тѣни.... имперіи, королевства, династіи, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы..... подождите четверть часа—все исчезло, все это не въ самомъ дѣлѣ. Дѣйствительность его, это Испанія, утучненная трупами Французовъ, это, египетскіе пески, усыпанные французскими костями, это свѣга Россіи, обогрѣнные французскою кровью.

Бонапартизмъ какъ бредъ, не имѣетъ ни цѣли, ни основанія; это, постоянное противурѣчіе и маскарадъ. Когда онъ поетъ, онъ поетъ бессмыслицу: *Partant pour la Syrie!*

Чего хотѣлъ Наполеонъ? На вопросы наивнаго Ласъ Каза, онъ никогда не могъ дать основательнаго отвѣта. Зачѣмъ было предпринимать египетскую компанію? Востокъ—это прекрасный пьедесталъ, великолѣпный фонъ картины. Жестокая испанская война—потому, что Имперія вѣчная революція, освобожденіе народовъ.

Les nations reines par nos conquêtes,
Ceignaient de fleurs le front de nos soldats.

Люди силіящіеся разумно объяснить оргіи убійства, которыя составили славу Франціи во время Имперіи, не находятъ ничего лучшаго сказать, какъ то, что Наполеонъ велъ войну чтобы занять умы во Франціи. Слыхали ли вы что нибудь болѣе цинически-безнравственное, что нибудь болѣе уродливое, кскъ это объясненіе? Убивать людей съ цѣлью развлечь другихъ; уничтожать поколѣнія для того чтобы у тѣхъ, которые останутся, замѣнить идеи общественнаго прогресса—какимъ-то бредомъ кровавой славы, апотеозой убійства и безконечной любовью къ ордену почетнаго легіона?

Да, это деспотизмъ конца, онъ только разрушаетъ, убивая вмѣстѣ и революцію и традицію; революцію церковью, а церковь революціей; убивая наконецъ *suffrage universel* самимъ избранникомъ. Онъ все убиваетъ. Онъ чуть не ве погубилъ Англію своимъ прикосновеніемъ: вѣтъ здоровья которое бы вынесло каплю гнилой крови.

Но если ему не удалось погубить Англію *дружбой*, то Ита- лію онъ погубилъ *помощью*, утопилъ ее въ французской крови—пролитой *за нее*.

Неужели и тутъ кто нибудь еще не узнаетъ тлетворный характеръ смерти—отъ дыханія которой гибнетъ виноватое и невинное, враждебное и дружеское—лишь бы попасть на до- рогѣ. Неужели ученые друзья наши не замѣчаютъ что *все* пало *все* понизилось — побѣдитель и побѣжденный, Наполеонъ, его противникъ, его союзникъ, Кавуръ и Гарибальди, Ко- пунтъ и Жеромовъ сынъ. Это та разрушающая сила, которая бьетъ всѣ живые всходы, обращая ихъ въ неорганическія кучи—и называется *смертью*.

Изъ затворяющихся дверей Янусова храма бредутъ какіе то печальные калеки, состарѣвшіеся, съ бритой головой,

исхудалые, не вымечившіеся, а только не умершіе. Ни кого узнать нельзя, ни даже Папу—*титულлярнаю* президента Италиі.

Насъ обвиняютъ въ пессимизмѣ. Помилуйте, если насъ въ чемъ нибудь можно обвинить такъ это въ оптимизмѣ.

При началѣ войны, намъ казалось что Наполеонъ хочетъ, исполняя программу Ромѣ, революціонный вопросъ *пони- зить* въ вопросъ народностей и распустить его въ немъ. Мы думали что онъ выгонитъ Австрійцевъ изъ Италиі и задавить ее потомъ, своимъ деспотическимъ покровитель- ствомъ. Такой ударъ—чего нѣтъ другаго оканчивалъ чуже- ядную австрійскую имперію, призывалъ къ жизни Славянъ и Мадьяръ. Но *смерть* рука въ руку съ ‘вѣчной карой’* Наполеонъ только унижилъ, опозорилъ Австрію — потомъ спасъ ее!

Нѣмецкіе газеты говорятъ что къ этому союзу, приступить и Александръ—это невозможно, мы *не вѣримъ!* Союзъ съ Австріей, у просыпающейся Россіи.... нѣтъ—нѣтъ—Алек- сандръ II можетъ ошибаться, быть обманутъ лакеями стараго барина, своимъ собственнымъ хоромъ—но этого онъ не мо- жетъ—*вѣдь онъ любитъ Россію!*

И—рѣ.

АДМИРАЛЪ МѢТЛИНЪ.

(Письмо въ Редакцію.)

М. Г.

Въ 42мъ номерѣ *Колокола* напечатана сообщенная вамъ статья о подозрительной честности адмирала Мѣтлина, стара- ющагося всѣми неправдами потушить дѣло подрядчика Волохова, о передачѣ этому послѣднему изъ казны лишнихъ 400,000 рублей. Извѣстіе это, выраженное въ формѣ вопроса — правда-ли? само собою вызываетъ объясненіе.

Во имя истины, которой вы такъ энергически - чисто служите, конечно, несочтете противнымъ вашимъ принци- памъ помѣстить на страницахъ *Колокола* защиту русскаго министра. Всѣмъ извѣстно, что Мѣтлинъ командовалъ долго экипажемъ, потомъ былъ оберъ-интендантомъ черноморскаго флота,—и всѣ знаютъ, что онъ неимѣетъ копейки благопрі- обрѣтенной. Мѣтлинъ извѣстенъ своимъ безкорыстіемъ; вообразите - же какъ возрадовались всѣ эти Панины, Клейн- михели, Закревскіе съ братією, увидѣвъ имя Мѣтлина по- ставленное въ одну категорію съ ихъ достолюбезными именами. Имъ это на руку, чтобы поселить въ комъ можно недоувѣріе къ *Колоколу*, якобы обвиняющему всѣхъ поголовно безъ разбора.

Но они горько ошибаются: передовая Русь вся за *Колоколъ* —единственный органъ свободной русской мысли, и тысячи голосовъ готовы помочь редактору въ восстановленіи истины, искаженной корреспондентомъ невольной, или умышенно. Нельзя-же отвѣчать за чистоту побужденій каждой при- сланной статьи; но поле открыто, въ *Колоколѣ* нѣтъ темныхъ закоулковъ, гдѣбы ложь могла пріютиться.

Для разъясненія истины необходимо, сколько позволяютъ предѣлы письма, изложить по вѣрнымъ источникамъ ходъ дѣла, подавшаго поводъ обвинить Мѣтлина. Постройка въ Севастополѣ Лазарева адмиралтейства производилась под-

* См. эпиграфъ статьи ‘война’ въ 44 Колокола. Фохтъ говоритъ: “Le bonapartisme c'est la mort, mais l'Autriche c'est la damnation eternelle.”

рядчикомъ Волоховымъ по контракту, заключенному съ нимъ 31 Января 1853 года. Государь уполномочилъ Корнилова быть полнымъ распорядителемъ этихъ работъ, которыя Волоховъ обязался окончить въ 6 лѣтъ.

По заключеніи контракта оказалось нужнымъ во многомъ пополнить и измѣнить первоначальный проэктъ; между тѣмъ подрядчикъ для точнаго выполненія своихъ обязательствъ передъ казною, законтрактовалъ мастеровыхъ и рабочихъ людей столько, сколько нужно для выполненія работъ въ контрактные сроки. Въ слѣдствіе производившихся изысканій для дополненія проэкта въ 1853 году, произведено работъ только на 92,670 рублей. Въ 1854 году по невозможности вести дальнѣйшія работы въ слѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, задержавшихъ выписку изъ Англіи металлическихъ вещей, Корниловъ далъ предписаніе подрядчику усилить заготовку матеріаловъ, обратя на это всѣ свободныя рабочія руки, и матеріалы эти (вопреки условіямъ контракта) принимать въ зачетъ при уплатѣ денегъ подрядчику. Распоряженіе это вынуждено тѣмъ, чтобы: 1) дать возможность подрядчику хоть сколько нибудь отработать выданные ему задатки, и 2) чтобы по окончаніи войны имѣть готовыми всѣ средства продолжать работы. Тогда никто еще непредвидѣлъ севастопольской катастрофы. Это распоряженіе Корнилова, вызванное крайностью положенія, было уже въ послѣдствіи 11 Мая 1855 года одобрено великимъ княземъ Константиномъ и утверждено государемъ, съ тѣмъ, чтобы за приѣмку матеріаловъ вопреки контракта снять съ черноморскаго вѣдомства отвѣтственность передъ контролемъ, такъ какъ матеріалы эти большею частію находились на мѣстахъ занятыхъ непріятелемъ и сбереженіе ихъ было невозможно. Передъ алминскимъ сраженіемъ 2 Сентября 1854 года инженеры строители адмиралтейства выдали подрядчику удостовѣреніе о количествѣ заготовленныхъ имъ матеріаловъ, за которые казна съ нимъ рассчиталась. Затѣмъ осада Севастополя положила конецъ постройкѣ адмиралтейства. Послѣ войны правительство по ненадобности адмиралтейства разрушило контрактъ съ Волоховымъ и предписало взыскать съ него оставшіяся за нимъ задаточныя деньги 105,000 рублей.

Подрядчикъ, невиноватый въ томъ, что постройка адмиралтейства сдѣлалась ненужною для правительства, протестовалъ противъ такого безцеремоннаго уничтоженія контракта, доказавъ, что казна ему должна 370,000, за разныя приготовительныя работы, матеріалы и другія средства, заготовленные имъ для срочнаго выполненія подряда.

За расторгненіе контрактовъ между частными людьми всегда полагаются неустойки, штрафы, такъ что безнаказанно нарушить условія невозможно; въ дѣлахъ-же частныхъ лицъ съ казною по закону допускаются случаи, когда казна можетъ уничтожить контрактъ, но притомъ у насъ принято правиломъ въ этихъ случаяхъ защищать казну во чтобы-то нистало и не давать никакихъ средствъ частному лицу защищать свои интересы; если даже подрядчикъ совершенно правъ, то все таки его оберутъ какъ линку и потомъ предложить о вырчкѣ своихъ убытковъ *искать идѣ слѣдуетъ по закону*. Отъ того-то (да еще отъ взяточничества) за всякое дѣло съ казны берутъ почти вдвое дороже его настоящей стоимости; надоже положить особый процентъ на секретные расходы и на рискъ процесса съ казною, которая привыкла не уважать права и

интересы частнаго лица. Но благодаря духу времени и справедливости великаго князя Константина, съ Волоховымъ поступили не такъ; искъ его разсматривался въ адмиралтействѣ - совѣтѣ, который видя невозможность отвергнуть доказательства Волохова о потеряхъ, положилъ—въ вознагражденіе за убытки Волохова обратить въ его пользу оставшіяся за нимъ задаточныя деньги 105,000 рублей съ прекращеніемъ за симъ всякаго расчета по этому дѣлу. Великій князь согласился съ этимъ рѣшеніемъ и государь его утвердилъ. Какъ видите тутъ логика хромаетъ: или искъ признанъ справедливымъ, то слѣдуетъ рассчитаться до копѣйки, если-же нѣтъ, то казна подарковъ дѣлать не должна.

Но такъ какъ искъ Волохова былъ доказателенъ, отвергнуть его вовсе было нельзя, а на такую мировую онъ самъ согласился, то дѣло тѣмъ и кончилось. Изъ всего сказаннаго вы видите, что Мѣтлинъ даже непринималъ участія въ дѣлѣ Волохова. Откудаже могло родиться новое дѣло укрываемое Мѣтлинымъ? Для разъясненія этаго нужно разсмотрѣть оборотную сторону медали. Надобно вамъ сказать, что нашъ Николаевъ, прославившійся нелѣпнымъ оскорбленіемъ женщины, также не менѣе славенъ, какъ гнѣздо всякихъ административныхъ сплетней покровительствуемый контръ адмираломъ Бутаковымъ. У насъ фабрикуются непрерывныя доносы, основанные на личныхъ непріятностяхъ, а не на исполненіи служебнаго долга, потому что всѣ доносчики сами кругомъ запачканы.* Мѣтлинъ какъ человекъ прямой и нрава крутаго, врагъ системы шпіонства и темныхъ доносовъ, конечно непонутру николаевскимъ чиновникамъ, они проглотили отъ него не одну служебную нахлобучку; будучи не въ состояніи вредить министру прямо, они распускаютъ про него всякіе слухи, а Бутаковъ прямо говоритъ, что столкнетъ его съ министерства. Тутъ кстати подвернулось дѣло Волохова, рѣшенное не въ Николаевѣ, а въ Петербургѣ, стало быть ускользнувшее отъ чиновничьей лапы; нельзя-ли найти въ немъ что нибудь сомнительное, хоть несоблюденіе формальности, да и обвинить Мѣтлина? Сообщенный вамъ слухъ изобрѣтенъ въ Николаевѣ и неимѣетъ другаго значенія кромѣ простой сплетни основанной на личныхъ неудовольствіяхъ.

Примите, и т. д.

Во Христвѣ саперъ Игнатій.

Мы никогда не имѣли большаго довѣрія къ Архіереямъ изъ саперовъ, намъ всегда казалось что люди наводящіе повтоны на временныя рѣки—скверные *понтифексы* когда идетъ дѣло о вѣчныхъ понтонахъ, по которымъ души должны подыматься въ райскія селенія. Вотъ на примѣръ изъ саперовъ Архіерей Игнатій, бывшій Архимандритъ Сергіевской Лавры, и наставитель многихъ московскихъ Магдалинъ, а нынѣ преосвященный владыка Ставрополя,—написалъ возмутительный памфлетъ по поводу крестьянскаго вопроса. Цѣль памфлета состоитъ въ христолюбивомъ доносѣ на Архимандрита казанской духовной академіи, Іоанна помѣстившаго, “Слово объ освобожденіи крестьянъ” (въ Янв. книжкѣ Православнаго Собесѣдника) и въ благочестивомъ рвеніи доказать что рабство

* О подвигахъ Николаевского управленія я сообщу вамъ выписки изъ официальныхъ документовъ.

—установленіе божественное, святыми отцами православныя церкви поддерживаемое, благовѣрными царями упроченное.

Ржевскій въ подрясникѣ уподобляетъ казанскую академію и преимущественно автора “объ освобожденіи крестьянъ” “волкамъ являющимся въ одеждѣ овчей”, возстановляющимъ одно сословіе противъ другаго, подкопывающимъ престолъ, алтарь пр. Потомъ ангельскаго чина сапѣръ вступаетъ въ историческія изслѣдованія о происхожденіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи, доказываетъ что рабство учреждено самимъ богомъ, что христіанинъ долженъ только терпѣть и не смѣть даже думать объ освобожденіи. Здѣсь полемика сосредоточилась на текстѣ ап. Павла (Первое посланіе къ Коринѳянамъ глава 7, стихъ 20—23), гдѣ сказано: “если ты рабъ—не смущайся; но если можешь сдѣлаться свободнымъ—*тѣмъ лучше, умѣй воспользоваться.*” Въ славянскомъ евангеліи текстъ этотъ, какъ извѣстно, искаженъ, сказано: “аще можеша свободенъ быти—*тѣмъ паче поработи себя.*” Но въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ при Александрѣ I, библейскимъ обществомъ и потомъ запрещенномъ, онъ переведенъ такъ какъ его возстановила теперь казанская академія, т. е. “*тѣмъ лучше, воспользуйся.*” Къ этому придрался во Христѣ сапѣръ Игнатій и обвиняетъ академію въ томъ, что она, *въ угоду народу*, искажила слова апостола. Еслибъ архіерей былъ мало мальски добросовѣстенъ, то ему стоило только заглянуть если не въ греческій и латинскій, то во французскій или нѣмецкій текстъ, а онъ по крайнѣй мѣрѣ по французски то знаетъ, (этимъ языкомъ онъ увѣщевалъ Магдалинъ)—тамъ именно сказано такъ какъ сказала академія. Далѣе архіерей возстаеъ противъ прогресса, глумится надъ тѣмъ, что академія употребляетъ это слово и оканчиваетъ апологіей рабства доказывая что вѣту счастливѣе состоянія *какъ крѣпостное право.*

Мы слышали что на алеутскихъ островахъ и въ Камчаткѣ, есть закоснѣлые грѣшники невѣрующіе ни въ святость рабства, ни въ душеспасительство розогъ, ни въ чистоту господскихъ изнасилованій—чтобы хотъ Ростовцеву похлопотать о переводѣ туда во христѣ сапѣра Игнатія!

НЕОБХОДИМОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОШЕНІЯМЪ

Г. БУТАШЕВИЧА ПЕТРАШЕВСКАГО.

Къ прошеніямъ отъ 19 Декабря 1855 г. и 7 Марта 1856 г., къ поданію надлежащимъ въ Правит. Сенатъ, сосланнаго въ каторжные работы (нынѣ поселенца) Михаила Васильева сына Буташевича-Петрашевскаго, заключающимся въ просьбѣ его по причинѣ несоблюденія порядка, правилъ формъ и обрядовъ для производства слѣдствія и суда законами установленныхъ, имѣвшихъ мѣсто при производствѣ дѣла, послужившаго поводомъ къ его, и другихъ ссылокъ, *объ объявленіи недѣйствительнымъ приговора* (объявленнаго ему, вмѣстѣ съ другими, 23 Декабря 1849 г., на эшафотѣ, въ С. П.-гѣ.) въ силу XV Т. св. гр. 3. изд. 1842. ст. 1221, гдѣ сказано: “приговоры и мѣрнія признаются недѣйствительными, когда

формы и обряды, для судопроизводства предписанныя, были нарушены, и Уст. 13. Гр. Изд. 1839 г. К. II. Р. II. Гл. VII. Ст. 262 и 373, тоже выражающихъ, или *объяснительная выписка изъ законовъ*, относящихся къ предмету оныхъ прошеній, и разрѣшающая буквою самаго закона вопросы и сомнѣнія, могущіе возникнуть по поводу сихъ прошеній, при ихъ движеніи къ мѣсту ихъ назначенія, составленная самимъ истцемъ 5 Марта 1856 г. въ большомъ Нерчинскомъ Заводѣ.

При чтеніи прошеній, поданныхъ мною въ Нерчинское Горное Правленіе, для представленія имъ ихъ въ Пра. Сенатъ, одного отъ 19 Декабря 1855 г. и другаго отъ 7 Марта 1856 г., по поводу неправильностей и нарушенія формъ, порядка, правилъ и обрядовъ, для производства слѣдствія и суда законами установленныхъ, имѣвшихъ мѣсто при производствѣ дѣла, бывшаго поводомъ къ моей ссылкѣ,—въ умахъ лицъ или вѣдомствъ, до коихъ эти мои прошенія дойти могутъ, слѣдуя изъ Нерчинск. Горн. Правл., по поядку законами установленной для него подчиненности, а не моей по предмету прошенія подсудности, легко могутъ возникнуть, по необыкновенности случая сего, два слѣдующіе вопросы: во 1), можетъ-ли и должно-ли быть дано сямъ двумъ прошеніямъ дальнѣйшее теченіе, и во 2), предметъ оныхъ подсуденъ-ли Правит. Сенату?

Еслибъ случилось этимъ вопросамъ возникнуть въ умахъ таковыхъ лицъ или вѣдомствъ, то они для нихъ сдѣлали бы необходимыми справки съ буквою положительнаго законодательства. Это естественно можетъ послужить къ замедленію теченія моихъ прошеній; для устраненія такового возможнаго, собственно мною предполагаемаго замедленія, считаю полезнымъ изложить разрѣшеніе сихъ вопросовъ такое, каковаго требуютъ общія всему человѣчеству понятія о справедливости, и то разрѣшеніе, какое даетъ на сіи вопросы буква положительнаго, отечественнаго законодательства.

1. *Можетъ-ли и должно-ли быть дано онымъ двумъ моимъ прошеніямъ въ Правит. Сенатъ дальнѣйшее движеніе?*

Начала естественнаго или общечеловѣческаго права ни для кого не отрицаютъ права требовать или отыскивать то, что кому либо справедливо слѣдуетъ, путями и средствами неунизительными для достоинства человѣческаго. Право это принадлежитъ всякому. человѣку, во всѣхъ возможныхъ формахъ быта общественнаго, не взирая ни на какія особенныя условія положенія истца на ступеняхъ общественной іерархіи. Этого права не станеть оспоривать ни одинъ человѣкъ, сознающій, хотя нѣсколько, свое человѣческое достоинство. Это истина права естественнаго или общечеловѣческаго, ни для кого не требующая доказательствъ. Но такъ, какъ практика, къ несчастію, убѣждаетъ въ томъ, что иногда случается, что формализмъ, машинальность или рутина, утвердившіяся въ разныхъ сферахъ или отрасляхъ общественнаго дѣловодства, иногда затемняютъ сознание этихъ началъ общечеловѣческихъ, а отвращеніе, иногда привычное, къ самостоятельному обсуживанію дѣлъ пріучаетъ иныхъ, но вопросамъ, возникающимъ по разнымъ дѣламъ не ежедневнымъ, полагать свои рѣшенія, не основываясь на общечеловѣческихъ понятіяхъ о справедливости, не уважая требованій блага общественнаго, а руководствуясь своими частными, особенными соображеніями, не всегда граждански похвальными и стараться освящать такія рѣшенія, для успокоенія официального своей

совѣсти, приведеніемъ несоотвѣтствующихъ случаю законовъ, то желая устранить возможность такой пагубной для меня случайности, избавить тѣхъ, кому это можетъ показаться нужнымъ, отъ труда рыться въ законахъ, для разрѣшенія сихъ вопросовъ буквою положительнаго законодательства и дабы отвратить принятіе въ основаніе разрѣшенію вопроса, законовъ, сему случаю не соотвѣтствующихъ, считаю полезнымъ и даже необходимымъ сдѣлать указаніе на то, какъ имѣютъ быть эти вопросы разрѣшены, слѣдуя буквальному смыслу отечественнаго положительнаго законодательства.

Если случается, что къ рѣшенію дѣлъ примѣняются законы, случаямъ не соотвѣтственные, то это происходитъ, кромѣ другихъ причинъ, и оттого, что при постановленіи таковыхъ рѣшеній гг. постановителями ихъ упускаются изъ виду тѣ основанія или начала, которыя изложены въ основныхъ русскихъ государственныхъ законахъ, коими вообще надлежитъ руководствоваться въ приложеніи законовъ, къ извѣстному дѣлу. Посему я и начну мои указанія на статьи положительнаго законодательства, именно тѣми статьями русскихъ основныхъ государственныхъ законовъ, которыми определяются, какъ начала, такъ и способы для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть возбуждены теченіемъ дѣла. Статьи эти суть слѣдующія: I. т. Св. Гр. З. Осн. Госуд. Зак. ст. 47, 51, 52, 62, 63, 64, 65, 67, 71, 72, 73, 79 и 77.

Ст. 47. Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ самодержавной власти исходящихъ.

Ст. 51. Никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія самодержавной власти.

Ст. 52. Въ случаѣ неясности или недостатка существующаго закона, каждое мѣсто и правительство имѣетъ право и обязанность представить о томъ по порядку своему начальству. Если встрѣченное сомнѣніе не разрѣшается прямымъ смысломъ закона, тогда начальство обязано представить Правит. Сенату или Министерству, по принадлежности.

Примѣчаніе Запрещается, подъ предлогомъ мнимой неясности, испрашивать указа на указъ.

Ст. 62. Никто не можетъ отговариваться невѣденіемъ закона, когда онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ.

Ст. 63. Законъ, въ надлежащемъ порядкѣ обнародованный, долженъ быть святой и ненарушимо исполняемъ всѣми и каждымъ, какъ подданными, такъ и иностранцами, въ Россіи пребывающими поколику то до нихъ принадлежать можетъ, безъ различія званія, чина и пола.

Ст. 64. Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія и распространія. Всѣ безъ изытія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ безъ доклада императорскому величеству, ни одной буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій. Но если бы гдѣ-либо, по различію буквального смысла узаконеній, встрѣтилось затрудненіе въ избраніи и въ приложеніи закона къ разсматриваемому дѣлу въ такомъ случаѣ, по невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ другаго, самая необходимость предписываетъ особенно, въ высшихъ мѣстахъ, слѣдо-

вать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболѣе оному соотвѣтствующаго.

Ст. 67. Указъ такъ называемый сепаратный т. е. состоявшійся по частному дѣлу, если въ немъ не будетъ означено, что онъ распространяется въ подобныхъ случаяхъ и на будущее время, и притомъ если онъ не будетъ надлежащимъ образомъ обнародованъ, не имѣетъ силы закона.

Ст. 71. Привилегіи, дарованныя Верховною, Самодержавною Властію частнымъ лицамъ или обществамъ, изъемяютъ ихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ потѣмъ предметамъ, на которые въ тѣхъ привилегіяхъ содержатся точныя постановленія.

Ст. 72. Законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силою новаго закона.

Ст. 73. Отмѣна закона существующаго совершается тѣмъ же порядкомъ какой выше означенъ.

Ст. 79. Законы особенно для какой либо губерніи или для какого либо рода людей изданные, новымъ закономъ не отмѣняются, если въ немъ именно таковой отмѣны не постановлено. Сіе же разумѣется и о личныхъ привилегіяхъ.

Ст. 77. Еслибъ предписаніемъ Министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія отмѣнялся законъ или учрежденіе, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаниемъ изданное, тогда начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня исполненія представить о томъ Министру. Если же и за симъ представленіемъ предписаніе будетъ подтверждено въ той-же силѣ, то начальство обязано случай сей представить Правит. Сенату на окончательное разрѣшеніе.

Вотъ тѣ правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться, какъ въ семъ, такъ и во всякомъ другомъ подобномъ сему случаѣ. Вотъ тѣ начала юридическія, которыя должны быть ясно сознаваемы всѣми лицами; а особенно лицами, по ихъ общественному положенію призванными къ разрѣшенію различныхъ вопросовъ юридическихъ. Увѣренность въ томъ, что эти начала сознаются вполне тѣми лицами, до коихъ могутъ дойти эти мои прошенія, и въ томъ, что они имѣютъ свойства, признанные необходимыми для благоуспѣшнаго отправленія ихъ службы, именно; въ силу III т. Св. Гр. З. ст. 1133, они имѣютъ; 1) здравый разумъ, 2) добрую волю, 3) человеколюбіе, 4) усердіе къ общему благу и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу оной-же статьи, обладаютъ гражданскою честью и честностью и считаютъ непремѣнною своею обязанностью не подчиняться чувству личной вражды, но чинить всякому правый судъ и покровительство невинному и скорбящему; увѣренность эта внушила мнѣ рѣшимость составить эту объяснительную выписку т. е. выписать тѣ статьи законовъ, которыя надлежитъ примѣнить къ выше означеннымъ вопросамъ, и указать на выводы, изъ нихъ естественно вытекающіе. Безъ этой увѣренности требованія мои справедливыя и законныя должно назвать мечтаніемъ химерическимъ, оболъщеніемъ дѣтски-простодушнымъ.

Для тѣхъ, кому законы ихъ отечества святы, продолжу выписку изъ законовъ.

Въ отечественномъ положительномъ законодательствѣ нѣтъ ни одной статьи, которою воспрещалось бы кому бы то ни было, считающему себя несправедливо или сверхъ мѣры виновны своей или преступленія наказаннымъ, отыскивать

справедливости путями законными, т. е. просить пересмотра дѣла, послужившаго поводомъ къ его осужденію.

Въ уголовномъ уложеніи изд. 1845 г. говорится, въ — Ст. 1) Всякое нарушеніе закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ Власти Верховной и установленныхъ Ею властей, или-же на права или безопасность общества или частныхъ лицъ, есть *преступленіе*.

Ст. 2) Нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или-же личной безопасности или пользы, именуется *проступкомъ*.

Ст. 4) Преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія уголовного или исправительнаго закономъ предписано.

Въ силу сего, всякое дѣяніе, незапрещенное закономъ, есть дѣяніе дозволенное. Изъ сего само собою вытекаетъ, что такъ какъ законъ подачу прошенія о новомъ разсмотрѣніи неправильно произведеннаго или рѣшеннаго дѣла не запрещаетъ, то такая подача прошенія есть такое дѣяніе, къ совершенію или осуществленію котораго, въ порядкѣ законами установленномъ, никто не въ правѣ какъ либо препятствовать или противодѣйствовать. Такогого воспрещенія въ законахъ отечественныхъ нѣтъ, да и не можетъ быть для тѣхъ лицъ, надъ которыми тяготѣетъ удручительное дѣйствіе приговора; для тѣхъ лицъ, которые, чрезъ предьявленіе подобныхъ требованій, ни мало не избѣгаютъ силы дѣйствія однажды надъ ними произнесеннаго приговора и совершающагося по оному надъ ними наказанія. Напротивъ того, въ отечественномъ законодательствѣ находятся не только многія статьи, ясно выражающія положительное признаніе имъ этого права, неотрѣшимо и естественно принадлежащаго каждому члену гражданскаго общества, но и такія, которыя указываютъ даже на самыя послѣдствія дѣйствительнаго пользованія этимъ правомъ и, вмѣстѣ съ симъ, опредѣляютъ положительно сферу новыхъ правъ такъ сказать порожденныхъ или созданныхъ пренебреженіемъ, оказаннымъ къ требованіямъ справедливости (т. е. осужденіемъ невиннаго или наказаніемъ виновнаго сверхъ мѣры вины или преступленія) если не общечеловѣческой справедливости, то покрайней мѣрѣ такой какую признаютъ требованія духа и характера народа русскаго, выразившіяся въ положительномъ отечественномъ законодательствѣ.

Таковыя статьи суть:

Уст. В. Уч. ст. 381. Подсудимымъ не возбраняется приносить ревизующимъ начальствамъ жалобы на военносудныя комиссіи въ явныхъ обидахъ, въ излишнемъ отягощеніи ихъ судьбы и осужденіи не по мѣрѣ преступленія; но вмѣстѣ съ тѣмъ они за не дѣльныя жалобы подвергаются особому взысканію. При производствѣ ревизіи жалобы таковыя не должны быть оставляемы безъ вниманія.

Уст. В. Уч. къ ст. 311 прим. “1827 Ноября 24: Указъ, данный на имя начальника Главнаго Штаба, п. 3, въ коемъ предписано комиссіямъ Военнаго Суда производить судъ на основаніи коренныхъ законовъ и указа 8 Августа 1801 г. даннаго С. Петерб. Воен. Губернатору (19368), въ которомъ написано слѣдующее:

“Указомъ отъ 29 прошедшаго Іюля Вамъ даннымъ повелѣвъ Гдовскаго уѣзда помѣщику Славищеву за злоупотребленіе ея власти надъ крестьянами предать суду, не

мнилъ я тѣмъ лишать ее средства, какія всякому обвиненному закономъ къ оправданію его предоставлены; вынѣ-же до свѣденія Моего дошло, что понимая указъ сей въ видѣ рѣшительнаго въ преступленіяхъ обвиненія и потому не принимая уже отъ нея никакихъ оправданій и не производя по онымъ слѣдствій, приступлено прямо къ окончательному надъ нею приговору. Я поручаю Вамъ истолковать тому мѣсту, гдѣ сей судъ производится, что указомъ мною даннымъ ни мало не отмѣняется установленный для всѣхъ уголовныхъ судовъ порядокъ на основаніи коего, какъ въ семъ случаѣ, такъ и во всѣхъ ему подобныхъ, подсудимый неотъемлемое имѣетъ право представить доказательства свои, а присутственное мѣсто не можетъ никогда отказываться отъ разсмотрѣнія ихъ и всѣхъ изслѣдованій, какія по обстоятельствамъ пужными найдутся, и что предавая обвиняемаго закону, если хочу, чтобъ преступленіе было обнаружено и получило должное возмездіе, *то еще больше желаю, чтобы невинность находила въ томъ же самомъ законѣ и судъ всѣ средства къ своему оправданію*”. XV т. Св. Уг. З. XI Р. I

Ст. 155. Наказаніе отмѣняется за смертію преступника, за давностію *въ случаѣ открытія невинности осужденнаго* и въ случаѣ помилованія.

Тамъ-же ст. 159. Кто потерпѣвъ наказаніе, или *состоя подъ онымъ*, найденъ будетъ въ послѣдствіи невиннымъ, тому возвращаются всѣ прежнія права его состоянія и наказаніе не вмѣняется ему въ безчестіе, а съ судьей, по приговору коихъ понесъ наказаніе или безвинно, или выше мѣры, сверхъ указанной отвѣтственности по долгу службы производится въ пользу его взысканіе.

Ст. 46 дополнительныхъ постановленій къ Угол. Улож. 1845 г. о распредѣленіи и употребленіи въ работы ссыльно-каторжныхъ:

Каторжные выбываютъ изъ работъ:

1. По неспособности.
2. По окончаніи срока.

Примѣч. Каторжные могутъ выбывать изъ работы по помилованію, *по дознанію ихъ невинности*, но сіи случаи не принадлежатъ къ предметамъ настоящаго положенія.

XIV т. Св. Гр. Зак. Уст. о ссыльныхъ т. I ст. 1549. Каторжные пользуются покровительствомъ экспедиціи о ссыльныхъ той губерніи, гдѣ они находятся, и могутъ приносить въ оную жалобы на несправедливости, имъ оказываемыя. Экспедиція должна въ семъ случаѣ употребить надлежащее настояніе въ Казенной Палатѣ для удовлетворенія обиженныхъ.

Ст. 1549 XIV т. Св. Гр. Зак. узаконяющая право лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, пользоваться покровительствомъ и защитою законовъ противу несправедливостей, дѣлаетъ несомнѣннымъ ихъ право за подачу жалобъ на тѣ несправедливости, вслѣдствіе которыхъ могло произойти лишеніе ихъ правъ гражданскихъ.

XV т. Св. Гр. Зак. ст. 1339. Право подачи жалобъ сего рода распространяется только лично на самихъ наказанныхъ, а не на помѣщиковъ и прочихъ властей, управленію коихъ они прежде принадлежали, равномѣрно и не на родителей и родственниковъ ихъ. XV т. Св. Гр. Зак. 1842 г. ст. 1338. Людямъ нижняго сословія, подлежащимъ по закону тѣлесному наказанію, осужденнымъ къ торговой казни и ссылкѣ на

поселеніе или работу, дозволяется приносить жалобы на рѣшенія сіи прав. сенату, тогда, когда приговоръ надъ ними будетъ уже исполненъ т. е. по достиженіи присужденными къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе или въ работу—мѣста работы или поселенія, которое по окончательному распоряженію для нихъ предназначено; посему ни наказаніе, ни отправление наказанныхъ въ мѣсто ихъ назначенія не останавливается намѣреніемъ принести жалобу.

Сими статьями утверждается положительно право всякаго просить о пересмотрѣ дѣла, послужившаго поводомъ къ его осужденію, по окончательномъ рѣшеніи дѣла и по приведеніи приговора въ исполненіе.—А какъ дознаніе чьей бы то ни было невинности или осужденія сверхъ мѣры вины или содѣяннаго преступленія можетъ, въ силу выше приведенной ст. 1339 XV т. св. гр. зак., происходить только исключительно вслѣдствіе жалобы или просьбы о томъ самаго осужденнаго, какъ лица, могущаго лучше всякаго другаго сознать несправедливость осужденія и потребность, для устраненія оной, въ новой и безпристрастной повѣркѣ дѣла, для устраненія намѣренныхъ или случайныхъ и не намѣренныхъ несправедливостей, имѣвшихъ мѣсто при производствѣ дѣла, то въ силу вышеприведенныхъ статей отечественнаго законодательства, согласныхъ съ вѣчными началами справедливости и съ указаніями здраваго смысла, ничье требованіе пересмотра дѣла, особенно-же лица, черезъ то ни мало не избѣгающаго дѣйствія приговора, *не можетъ быть отвергнуто тѣми лицами или учрежденіями, коимъ такое лицо по существу дѣла можетъ быть подсудно, безъ точнаго удостовѣренія въ неосновательности его требованія, чрезъ надлежащее разсмотрѣніе сего дѣла; но отнюдь не тѣми административными лицами или полицейскими властями, въ зависимости отъ которыхъ таковой истецъ въ силу приговора состоять можетъ или состоитъ* Таковыя власти не въ правѣ оказывать законами не указываемаго, а справедливостью возбраняемаго сему противодѣйствія, для котораго особенное удобство можетъ представлять самое ихъ административное положеніе; но, напротивъ того, по долгу чести, совѣсти, буквальному смыслу присяги и законовъ положительныхъ они обязаны въ таковыхъ случаяхъ оказывать содѣйствіе и доставлять подобнымъ лицамъ средства къ отысканію имъ законно-слѣдующаго. Поступая иначе, они передъ лицомъ закона должны явиться лицами, такъ сказать, завѣдомо-покровительствующими дѣяніямъ несправедливымъ. Скажу еще болѣе: *если бы таковыя власти стали входить о сѣмъ предметѣ въ какое бы то ни было имъ по уставамъ не принадлежащее сужденіе, а тѣмъ паче если бы о сѣмъ дѣлалъ какое бы то ни было ограниченное постановленіе, то они-бы явились чрезъ то присвоителями правъ, имъ не принадлежащихъ, и подлежали бы за то отвѣтственности на основаніи ст. 317 и 370 уг. учр. издан. 1845 года.*

Если бы авторитетъ приведенныхъ статей положительнаго законодательства для кого либо показался неудовлетворительнымъ или не довольно убѣдительнымъ, для того, чтобы на основаніи ихъ можно было признать, что двумъ моимъ выше означеннымъ прошеніямъ слѣдуетъ непременно дать надлежащее теченіе *непромедлительно*,—то эти лица въ манифестѣ 1855 г. 27 Марта должны усмотрѣть точное, опредѣлительное и окончательное разрѣшеніе сего вопроса и именно въ слѣдующихъ словахъ онаго: “мы признали за благо, по

примѣру Его и всѣхъ Августѣйшихъ предшественниковъ Нашихъ ознаменовать начало Нашего царствованія дарованіемъ народу возможныхъ въ настоящее время льготъ и прощеніемъ и облегченіемъ участи тѣхъ изъ подданныхъ Нашихъ кои хотя и омрачили себя противузаконными дѣяніями, но могутъ еще *чрезъ совокупное дѣйствіе правосудія и милосердія* быть нравственно исправлены и загладить прошедшее новою жизнью, сообразною съ обязанностями къ Богу и ближнему” и ст. XVIII того же манифеста: “Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, до обнародованія сего манифеста учиненныя, будетъ въ послѣдствіи подведенъ подъ силу онаго и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, *тотъ можетъ въ теченіи одного мѣсяца со дня объявленія ему состоящаго объ немъ постановленія, просить о разсмотрѣніи дѣла его на законномъ основаніи.*—Такія лица въ случаѣ осужденія ихъ, уже немогутъ подлежать прощенію по силѣ сего манифеста.

Имѣя въ виду эти слова манифеста отъ 27 Марта 1855 г. слѣдуетъ обратить *полное вниманіе на то обстоятельство, что первое мое прошеніе въ Правит. Сенатъ было представлено мною мѣстному начальству для непосредственной имъ отсылки сего прошенія въ Прав. Сенатъ, въ мѣсячный срокъ со дня объявленія состоящаго обо мнѣ въ силу сего манифеста постановленія.*

Въ силу сего смѣло могу сказать, что дальнѣйшее теченіе моихъ прошеній никѣмъ законно не можетъ быть остановлено.

Если бы кѣмъ бы то ни было въ сѣмъ случаѣ поступлено было иначе, тогда бы.... благое желаніе нынѣ царствующаго Императора, переданное непосредственно всему народу въ выше приведенныхъ словахъ манифеста 1855 г. 27 Марта—какъ и прочее было бы прекрасною фразою, лишенною существеннаго значенія!.... Фразою, минуто льстиво пощекотавшею слухъ народный.... и стало ею не по волѣ самаго Императора, не желающаго обманывать народъ,—ему подвластные, въ ихъ справедливыхъ надеждахъ, не мощнымъ словомъ Монарха народолюбиваго, не словомъ многозначительнымъ закона благаго.... но простымъ обманчиво пріятнымъ колебаніемъ воздуха.... безъ эха и отзвука соотвѣтственнаго.... и стало имъ по личному произволу или прихоти того, кто въ угоду одному себѣ задумалъ бы рѣшить этотъ вопросъ на перекоръ началамъ общечеловѣческой справедливости, духу и буквѣ положительнаго законодательства и желаніемъ настоящаго Императора “*чтобы отечественные законы всегда и вездѣ были свято исполняемы, выраженнымъ опредѣлительно въ манифестѣ 1855 г. 21 Мая въ слѣдующихъ словахъ: постановленіемъ и обнародованіемъ сихъ правилъ устраняя заранѣе всякое сомнѣніе въ волѣ и намѣреніяхъ нашихъ въ отношеніи къ управленію государствомъ во время малолѣтства нашего наслѣдника, Мы желаемъ съ тѣмъ вмѣстѣ при самомъ началѣ нашего царствованія явить любезнымъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ новой знакъ благоговѣйнаго уваженія нашего къ законамъ отечества. Да будутъ они всегда и всѣми столь же свято исполняемы, и на сѣмъ, ни чѣмъ не зыблемомъ основаніи да утверждаются болѣе и болѣе благоустройство, могущество и счастье Державы, отъ Бога Намъ врученной.*”

Кажется, и не для юриста и законовѣда, и не для лица, по своему официальному положенію долженствующаго вѣдать

законы положительные и сознать духъ отечественнаго законодательства, этихъ статей законовъ слишкомъ достаточно для того, чтобы устранить самое закоренѣлое сомнѣніе въ томъ, что надлежитъ моимъ прошеніямъ дать дальнѣйшее движеніе, отновываясь на буквальномъ смыслѣ законовъ, общемъ духѣ законодательства и словахъ манифеста 1855 г. 27 Марта.

(Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.)

СМѢСЬ

ЗЛОДѢЙСТВА ПОМѢЩИКОВЪ ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

Благородные помѣщики пользуются двѣнадцатымъ часомъ своей безобразной власти. Вотъ что намъ пишутъ :

“Въ Тираспольскомъ уѣздѣ опять ужасное происшествіе: помѣщица ВЛАСОВА, у которой бѣжала горничная, призвала мать бѣжавшей и сѣкла ее три дня, чтобы та сказала, куда дѣвалась дочь. На третій день женщина повѣсилась. Барыня сама сняла ее съ веревки. Слѣдствіе конечно все покроетъ ибо *слѣдователи* остановились у брата этой госпожи и пировали тамъ дни и ночи.”

Салѣръ Игнатій! Хорошъ же вашъ богъ если онъ установилъ крѣпостное право съ пытками, убійствами и безнаказанностью!

Да неужели ВЛАСОВУ не сошло въ голову на поселенье..... а впрочемъ Орловскаго помѣщика *Гутцейта* оставили насиловать дѣтей, отчего же и ВЛАСОВОЙ въ продолженіе *переходной* эпохи не позволить потѣшиться надъ старухами. Въ исторіи, такого подлаго, татарски - кнутаго, грязнаго дворянства не было! Это вовсе не аристократія, а дворян забравшая власть въ руки!

¿ ПРАВДА-ЛИ что полтавскій губернаторъ *Волковъ*, человекъ еще молодой, готовый дѣйствовать на пользу общую — находится подъ вліяніемъ предсѣдателя казенной палаты *Киселева*, человекъ не отличающагося особеннымъ ригоризмомъ въ денежныхъ дѣлахъ, и засадившаго въ домъ умалшеннаго по частнымъ дѣламъ пѣхотнаго офицера. (*Фамилію, г-да, фамилію!*) И правда-ли что тотъ же Волковъ — еще больше находится подъ вліяніемъ какого то *Волжвицкаго*, завѣдывающаго губернаторской канцеляріей, и покровительствующаго (не бескорыстно) въ разныхъ вопіющихъ безпорядкахъ?

Въ 37 листѣ *Колокола* мы упомянули о “слухѣ”, что капитанъ-лейтенантъ парохода *Колхида*, получилъ выговоръ отъ великаго князя за какіе-то воротники, выпушки. На дняхъ получили мы письмо отъ лица, которое должно кажется имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія, что этого выговора не было, а что великій князь *шутитъ*. Мы очень рады этому. Ужъ лучше бы имъ и не шутить, по части этой слабой струны всего семейства, унаслѣдованной отъ императора Петра Оеодоровича.

— Мы снова получили письмо о дѣлѣ незаконной отдачи Николаемъ К. Радзивилу женомъ на Урусовой, имѣнья. Мы уже печатали объ этомъ въ 34 листѣ *Колокола*, видно князь крѣпко закусилъ николаевскую *наводку*..... Тутъ гласностью не поможешь. Не адресоваться ли кредиторамъ въ агенство Адлерберга, sen., jun. & Cie

Печатаются и будутъ изданы къ Сентябрю :

ДУМЫ РЫЛѢЕВА.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

UNIVERSAL PRINTING-OFFICE, 178 & 179, HIGH-HOLBORN, LONDON.

Г. З. СВЕНТОСЛАВСКІЙ поручилъ намъ объявить о его готовности печатать въ своей типографіи русскія рукописи на слѣдующихъ основаніяхъ :

Листъ in 8vo въ 16 стр. Small Pica, 1,000 экзмп. . . . . 4£ 15s.

Хорошая бумага . . . . . 1 12s.

Употребленіе “бreviera” и авторскія поправки дѣлаться особо.

Рукописи могутъ доставляться прямо въ его Типографію, на имя г. Свентославскаго. Уплата должна дѣлаться передъ наборомъ перваго листа.

При этомъ г. Свентославскій проситъ особъ желающихъ печатать у него, замѣтить, что его Типографія заведенная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ единственно съ цѣлью пропаганды, отказывается отъ печатанія сочиненій, писанныхъ съ цѣлью поддерживать рабство народовъ и своеволие власти, а равно сочиненія безиравственнаго содержанія и личности.

Что же касается до всѣхъ оттѣнковъ прогрессивныхъ мнѣній и партій, до всѣхъ литературныхъ и политическихъ школъ, Типографія г. Свентославскаго предлагаетъ имъ безъ различія свои услуги.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Въ ней между другими статьями относящимися къ Русской исторіи XVIII и XIX столѣтій, помѣщены: Письмо Екатерины II къ графу Н. И. Салтыкову, письмо императрицы Маріи Оеодоровны къ цесаревичу Константину, письмо П. С. Мордвинова къ Александру I и три мнѣнія поданные имъ, разсказъ очевидца объ убіеніи Павла I, доносъ Симашки черезъ Филарета, рѣчь Д. Г. Библикова къ Кіевскому Дворянству и пр.

КТО ВИНОВАТЪ? (Повѣсть) Искандера.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1859, (книжка V.)

ПРОДАЮТСЯ.

У С. Тхоржевскаго : 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street). Soho Square, в у ТРЮБНЕРА & Co., 60 Paternoster Row, London :

Записки императрицы ЕКАТЕРИНЫ II. (переводъ съ французскаго)

Записки княгини Е. Р. ДАШКОВОЙ (переводъ съ англійскаго).

Записки : М. ЩЕРБАТОВА и путешествіе А. РАДИЩЕВА

Полное собраніе Стихотвореній Н. ОГАРЕВА, съ портретомъ автора, гравированномъ на стали.

14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ.

СЪ ТОГО БЕРЕГА (второе изданіе)

РОССІЯ и СОЦІАЛИЗМЪ (письмо къ И. Мпшле, переводъ съ французскаго) ТЮРЬМА и ССЫЛКА (Искандера второе изданіе).

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 51.

1 СЕНТЯБРЯ 1859.

У Труопера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), London. Price six-pence.

КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу потихоньку перешелъ въ три соединенныя въ общемъ присутствіи коммисіи* для составленія положеній о крестьянахъ, подъ предсѣдательствомъ Ростовцова. Очевидно — главный комитетъ утратилъ свою главность и становится ненужнымъ. Это великій шагъ къ благу Россіи. Возникаетъ надежда: быть можетъ эти коммисіи будутъ дѣйствовать искренно, съ полной, благородной преданностію дѣлу; быть можетъ тутъ явятся люди съ широкимъ пониманіемъ своей задачи, и основной вопросъ русской жизни постановится ясно и со всѣми данными для великой будущности. Уже спервоначала, глядя на подписи въ журналахъ общаго присутствія коммисій, сердце радуется, что встрѣчаешь имена людей безкорыстныхъ и образованныхъ, а не встрѣчаешь, какъ въ главномъ комитетѣ, имена личностей бездарныхъ и неблагонамѣренныхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, на примѣръ, Буткова, годнаго развѣ для одного освобожденія прекраснаго пола. Конечно и въ коммисіяхъ прорываются авторы печатной правды, но тутъ они уже не люди власти, а такъ — букашки.

Мы не станемъ входить въ разборъ подраздѣленія общаго присутствія на коммисіи. Такъ-ли, инакъ-ли, совершенно или несовершенно правильно они учреждены — положимте, что совершенно правильно, — но не въ томъ дѣло: дѣло въ вопросахъ, которые постановится въ коммисіяхъ и въ ихъ взглядѣ на эти вопросы. Объ этомъ то мы и станемъ говорить теперь (на сколько имѣемъ свѣденій о засѣданіяхъ коммисій) не ради злобной и безплодной критики, а ради уясненія вопросовъ, ради общаго русскаго дѣла, съ полной увѣренностью, что если въ нашемъ голосѣ есть истина, она не пройдетъ мимо ушей людей добра желающихъ.

Намъ кажется, что коммисіи поставили себя въ лишнее затрудненіе, начавъ дѣло съ конца, а не съ начала. Положимте, что коммисіи выйдутъ изъ этого затрудненія блистательно, но все же оно есть, и все же оно лишнее. Предсѣдатель сказалъ, что “логическій ходъ трудовъ коммисій требуетъ, чтобы Положенія ихъ имѣли прежде всего въ виду не срочно-обязанный, но окончательный періодъ, т. е. когда

крестьяне составляютъ свободно сельское сословіе, уже не имѣющее никакихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ.” Эта мысль была бы совершенно справедлива, если бы ей предшествовало: Положеніе о методѣ выкупа. Иначе коммисіи ударятся въ предначертанія административнаго свода законовъ о крестьянахъ, не зная даже на какомъ основаніи рѣшится вопросъ ихъ экономическаго быта. Дальнѣйшій ходъ засѣданій коммисій конечно приведетъ ихъ къ необходимости сознать, что они не въ состояніи сдѣлать никакого проекта крестьянской администраціи, не положивъ прочныхъ основаній финансовой мѣры выкупа. Если бы коммисіи начали съ финансоваго вопроса, онѣ тотчасъ бы увидели, что при срочно-обязанномъ положеніи онѣ неразрѣшимъ; онѣ тотчасъ представили бы это неизбежное заключеніе на высочайшее усмотрѣніе и правительство охотно вычеркнуло бы изъ своей программы это несчастное, все и всѣхъ запутывающее срочно-обязанное положеніе. Это положеніе, стѣсняя и связывая разомъ и крестьянъ и помѣщика, не поможетъ, а помѣшаетъ крестьянамъ уплачивать выкупъ. Странная мысль, что крестьянинъ не способенъ вдругъ начать жить свободно, а долженъ двѣнадцать лѣтъ постепенно отвыкать отъ барщины, мысль, такъ ясно опровергаемая двадцатью милліонами государственныхъ крестьянъ, эта мысль опасна для помѣщиковъ, хотя они ее и поддерживаютъ. Поддерживаютъ они ее, боясь, что у нихъ не будетъ работниковъ и не замѣчая, что у нихъ будетъ вдвое больше работниковъ, потому что и казенные крестьяне тотчасъ станутъ наниматься въ полевую работу. Опасность срочно-обязаннаго положенія совсѣмъ иная. Съ утвержденіемъ этого положенія возникнутъ безконечные споры между помѣщиками и крестьянами; крестьяне, нынѣ такъ благородно и спокойно выжидающіе часа своего освобожденія, потеряютъ всякое терпѣніе и десятки тысячъ помѣщиковъ отвѣтятъ головами за ошибочное постановленіе. Скорѣй, скорѣй надо отбросить это срочно-обязанное положеніе, хотя бы для того, чтобы внести въ исторію первый примѣръ, какъ дѣло свободы обходится безъ крови, когда оно основано на социальномъ началѣ, т. е. на правѣ каждаго на землю. Если бы помѣщики, съ дѣйствительною любовью къ Россіи, поняли эту великую истину, они многое и многое уступили бы изъ преданности къ благу общему; но большинство помѣщиковъ этого не понимаетъ. Слѣдственно долгъ прави

* Административную, хозяйственную и финансовую.

тельства поставить вопрос на высоту государственного дѣла. Надо начать съ выкупа, опредѣлить выкупъ немедленный и Россія останется спокойна. Утвердивъ выкупъ, правительство легко устроить администрацію крестьянъ, лишь бы оно спрашивало ихъ самихъ какъ они хотятъ устроиться и лишь бы полицейская власть помѣщика совершенно исчезла изъ крестьянскихъ общинъ.

Срочно-обязанное положеніе повлекло за собой мысль выкупа по добровольному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ, мысль опять таки совершенно несомвѣстную съ общей финансовой мѣрой. Если для выкупа нужна только частная сдѣлка, то правительству нечего бы въ это дѣло и вмѣшиваться, какъ во всякіе договоры между лицами, условія, наймы, купли, продажи. Отъ чего же правительство вмѣшивается въ это дѣло? Отъ того, что это не частное дѣло, а дѣло народное, государственное. Правительство обязано принять на себя отвѣтственность въ государственномъ дѣлѣ, а въ частныхъ сдѣлкахъ ему отвѣчать нечего. Какъ общее государственное дѣло—выкупъ долженъ быть *обязательный*. Только при обязательномъ выкупѣ правительство можетъ установить общій методъ, общую финансовую мѣру выкупа и явиться порукою за крестьянъ, ради успокоенія помѣщичьей стороны. Разъ утвердивши общее положеніе выкупа со всѣми мѣстными вариантами, правительство можетъ дать крестьянамъ свободу перехода равно личнаго, какъ и цѣлыми общинами. Выдавши помѣщикамъ облигаціи на стоимость ихъ собственности, отходящей крестьянамъ, т. е. разъ капитализируя землю,—правительство, если бы въ какомъ нибудь селеніи крестьяне не захотѣли оставаться на этой землѣ, а пожелали бы переселиться въ Сибирь или южныя губерніи, правительство всегда можетъ дозволить имъ переселеніе, дать имъ новыя непочатыя земли, а эту землю (тѣмъ болѣе что цѣнность земель возвышается) продать съ торговъ и выкупить облигаціи на соотвѣтственную сумму. Даже переселеніе цѣлыми общинами не составитъ никакого затрудненія въ этомъ вопросѣ. Слѣдственно боязнь обязательнаго выкупа, какъ будто стѣснительнаго для крестьянъ, совершенно ложная боязнь. Личный же переходъ крестьянъ, въ другія сословія еще менѣе опасенъ; община, изъ которой выбудетъ нѣсколько членовъ, охотно станетъ платить выкупъ, потому что надѣлъ выходцевъ не перестанетъ составлять собственности общины. Помѣщику выдаются облигаціи на стоимость его имѣнья за ручательствомъ правительства, слѣдственно помѣщикъ обезпеченъ. Тутъ разомъ прекращается всякое срочно-обязанное положеніе и всякая полицейская власть помѣщика. Хочетъ цѣлое селеніе переселиться—земля продается, облигаціи выкупаются, излишекъ отдается переселяющимся крестьянамъ. Это кажется такъ просто, какъ дважды два четыре. Но кромѣ того бояться обязательнаго выкупа, изъ предположенія, что кой-гдѣ крестьяне не пожелаютъ оставаться на мѣстахъ и не захотѣли бы выкупать земли, нелѣпо уже и потому, что въ цѣлой Россіи не найдется десяти тысячъ душъ, которыя захотѣли бы сдвинуться съ мѣста; для этого нѣтъ достаточныхъ причинъ. Отъ помѣщика бѣжать уже будетъ нечего, стало уйти съ родины никто не захочетъ; а если при мало-земели выбудетъ часть населенія,—земля остается таже и отвѣчаетъ за облигаціи, т. е. люди охотно станутъ платить выкупъ земли; чѣмъ меньше людей, чѣмъ больше остается земли, тѣмъ охотнѣе люди станутъ платить выкупъ. Всѣ

сомнѣнія на счетъ обязательнаго выкупа не могутъ выдержать ни малѣйшей критики. Это сомнѣніе порожденное безмысленнымъ страхомъ, а не здравымъ смысломъ.

Надо рѣшить методу оцѣнки той земли, которою крестьяне теперь, *de facto*, пользуются, и рѣшить методу выкупа. Только рѣшивъ этотъ основной экономической вопросъ, можно съ яснымъ пониманіемъ приступить къ административному вопросу.

Мы увѣрены, что комиссіи, по сущности дѣла и по логическому развитію понятій, необходимо придуть къ совершенному устраненію срочно-обязаннаго періода, какъ мѣшающаго всякому правильному выкупу, какъ представляющаго сто противъ одной вѣроятностей кровопролитія. А замѣтите, что при значительномъ крестьянскомъ возстаніи, правительство будетъ поставлено въ очень курьозное положеніе: *солдаты по мужикамъ стрѣлять не станутъ*. Да и большинство благородныхъ офицеровъ не позволятъ имъ стрѣлять. Это я не фантазирую, это вѣрно. И такъ святое дѣло комиссіи подъ предсѣдательствомъ Ростовцова—устранить вѣроятности кровопролитія—окончательно отбросивъ срочно-обязанное положеніе.

Ростовцовъ говоритъ, что срочно-обязанный періодъ представить “*строгую постепенность какъ въ приобретеніи крепостнымъ сословіемъ правъ сословія свободнаго сельскаго, такъ и въ развитіи его самоуправления*.” Отдавая полную справедливость упоминанію великаго слова для Россіи—*самоуправленія общинъ*, мы и тутъ не можемъ не замѣтить, что срочно-обязанный періодъ только помѣшалъ бы самоуправленію общинъ.

Малѣйшее вмѣшательство помѣщичьей власти въ управленіе общинъ—помѣшаетъ свободѣ выборовъ старость, старшинъ, добросовѣстныхъ и прочихъ административныхъ властей общины, помѣшаетъ сельской полиціи быть отвѣтственной за свои поступки на міру, помѣшаетъ независимости суда въ общинѣ, и слѣдственно не разовьетъ, а убьетъ общинное самоуправленіе въ самомъ зародышѣ. И тутъ срочно-обязанный періодъ не выдержитъ ни малѣйшей критики.

Пора лицамъ власть имѣющимъ, а слѣдственно и членамъ комиссій бояться этой милой привычки къ полицейско-бюрократическому направленію. Пора не создавать администрацій по рецепту, а утверждать, развивать тѣ основанія администраціи, которыя лежатъ въ духѣ народномъ, т. е. совершенную выборность властей и ихъ отвѣтственность на міру. Вотъ гдѣ прочное основаніе русской гражданской жизни. Опасеніе, что народъ самъ не сумѣетъ устроиться совершенно ложное. Мы требуемъ по меньше вѣры въ бюрократическіе рецепты и по больше вѣры въ гражданскія способности народа, который, не смотря на свою необразованность, не смотря на возбужденность страстей, вызванныхъ словомъ освобожденія—остается непоколебимъ въ грозномъ цивическомъ спокойствіи, и только создаетъ общества трезвости, какъ бы въ укоръ помѣщикамъ прославившимъ его пьяницею, и не смотря на то, что министерства финансовъ и государственныхъ имуществъ и мѣстныя правительственныя власти, закупленныя откупщиками, палкой гонятъ его на пьянство, какъ на барщину! Да! этотъ народъ заслуживаетъ по больше довѣрія къ его собственнымъ силамъ и по меньше насилуванія вслѣдствіе заготовленныхъ мыслей бюрократизма.

Одна изъ самыхъ ложныхъ мыслей, явившихся въ комиссіи, это переименованіе сель, не столько богатыхъ коли-

чествомъ земли, сколько выгодами мѣстныхъ условій, въ мѣстечки, посады, города. Если бы это было только измѣненіе названія—куда бы не шло! Но тутъ и премѣна по глубже и по вреднѣе. Во первыхъ, крестьянская община разрушается, и вводится нищенское измелъчаніе собственности, неравномѣрно приобрѣтаемой вновь приѣзжими, которыми, для ихъ торговли и промышленности, достаточно быть *гостями* общины, а не членами. Посмотрите на городъ: мѣщане ничего сообщая не дѣлаютъ, всякій себѣ на умѣ, надуть такъ и правъ. Село несравненно нравственнѣе города; а вы его хотите разрушить! Это странно! Но это не все: въ городъ, въ мѣстечко, въ посадъ — пошлютъ городничаго, или какогонибудь смотрителя, который разграбитъ все елико возможно; село управится само собою, своими выборными властями, и едва коснется въ опредѣленныхъ случаяхъ до отношеній съ правительственнымъ чиновничествомъ. Да почему же вы думаете, что село не можетъ хорошо торговать, потому что оно село? Не угодно ли посмотрѣть на село Промзино (г. Потемкина) въ Симбирской губерніи: оно составляетъ одинъ изъ центровъ хлѣбной торговли четырехъ или пяти губерній, и оно богато; по освобожденіи оно будетъ еще богаче; а близъ лежащія города Карсунъ и Алатырь, съ шедущими ярмарками, съ вѣчными присутственными мѣстами, съ вѣчно грабящими городничими, представляютъ безжизненный сбродъ нищихъ мѣщанъ и нѣсколькихъ обвѣшивающихъ и обмѣривающихъ купцовъ, храпящихъ за грязнымъ прилавкомъ. Оставьте же селы быть селами, съ ихъ сельскими обычаями, съ ихъ сельскимъ самоуправленіемъ. Уничтожьте гильдіи и тогда не стѣсненная крестьянская торговля подыметъ голову и дастъ правительству въ десять разъ больше дохода, чѣмъ ничтожный но обременительный доходъ гильдейскихъ повинностей. Вспомните, что въ западной Европѣ, города, освобождаясь отъ феодальной власти, стали, то въ глухую, то въ явную, борьбу съ селами, и города одержали побѣду, такъ, что въ Англіи, на примѣръ, нѣтъ сель, нѣтъ мужиковъ, а только бобыли работники—городъ поглотилъ все; отъ этого положеніе западной Европы съ каждымъ днемъ безвыходнѣе. Въ нашемъ мѣрѣ борьба естественно рѣшается въ пользу сель, потому что наши города только правительственная фантазія, а въ дѣйствительности они не имѣютъ ни значенія, ни силы. Торговля наша производится посредствомъ подвижныхъ рынковъ (ярмарокъ), которые удесятерятся съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ. За чѣмъ намъ города? Вся наша жизнь въ селлахъ; отъ этого такъ важенъ вопросъ о надѣлѣ крестьянъ землею, отъ этого такъ важно общинное самоуправленіе. Нѣтъ! нѣтъ! ради истины и блага Россіи—оставте селы быть селами!

Послѣ срочно-обязаннаго періода, по словамъ г. предсѣдателя, крестьяне, “обращаемые преимущественно въ поселянъ собственниковъ, уже перестаютъ быть зависящими отъ помѣщиковъ и подчиняются исключительно уѣздному начальству; тѣ же изъ нихъ, которые воспользуются, при выкупѣ своей земли, содѣйствіемъ правительства, будутъ въ поземельныхъ правахъ собственности ограничены только долговыми ихъ обязательствами къ правительству. Это условное отношеніе крестьянъ къ правительству есть уже не срочно-обязанное, а отношеніе должника къ кредитору.” (No. 13, 14 и 15.)

Съ этого то условнаго отношенія и надо начать, забывъ что крестьяне обращаются преимущественно въ поселянъ-

собственниковъ и что слѣдственно найдутся такіе, которые не будутъ ни поселяне, ни собственники. Пусть всѣ обратятся разомъ въ поселянъ собственниковъ, это единственное средство установить выкупъ, какъ общую финансовую мѣру. А потомъ предоставьте лицу свободное право выхода; и финансовая мѣра придетъ въ дѣйствіе и никто не будетъ обиженъ.

Но что такое уѣздное начальство? Надо же опредѣлить границы его власти. Намъ кажется, что уѣздное начальство можетъ быть только экономическое, т. е. состоять изъ казначейства, которое принимало бы уплаты крестьянъ по выкупу, и комиссіи путей сообщенія, которая требовала бы отъ крестьянъ извѣстныхъ поправокъ и работъ по дорогамъ, стройки мостовъ, содержанія перевозовъ. Но малѣйшее вмѣшательство уѣзднаго начальства въ внутренній міръ, въ внутреннее административное и судебное устройство села, исказитъ все дѣло, такъ какъ, не смотря на всѣ хорошія основанія, министерство государственныхъ имуществъ исказило и раззорило государственныхъ крестьянъ.

Г. предсѣдатель говоритъ (No. 16): “Выкупъ крестьянами земли долженъ быть не *обязательный*, а *полюбовный*, т. е. выкупъ не можетъ происходить безъ формальнаго согласія помѣщика продать, а крестьянъ купить поземельныя угодья, за исключеніемъ усадебъ, продажа коихъ обязательна для тѣхъ помѣщиковъ, кои не изъявятъ согласія на продажу угодій полевыхъ.”

Если бы точка отправленія комиссіи была не государственная, а спеціально, узко-юридическая,—вопросъ могъ бы поставиться въ этомъ родѣ. Но, принимая продажу усадебъ обязательною, г. предсѣдатель уничтожаетъ юридическую точку отправленія; почему же продажа усадебъ болѣе обязательна чѣмъ продажа полевой земли? Съ юридической точки зрѣнія ни то ни другое не обязательно. Но съ государственной точки зрѣнія и то и другое обязательно, и поставивъ продажу полей не обязательную г. предсѣдатель, можетъ быть связанный рескриптами, искажаетъ государственный смыслъ всего дѣла. Результатъ же такого искаженія государственной точки зрѣнія выразится въ голословныхъ распряхъ между помѣщиками и крестьянами, что до добра не доведетъ.

Далѣе: “1) По полюбовномъ заявленіи согласія обѣихъ сторонъ и самыя условія выкупа должны быть также *не обязательны*, а *полюбовны*. 2) Если однако по заявленіи помѣщикомъ желанія продать, а крестьянами купить полевую землю, обѣ стороны не сходились бы въ оцѣнкѣ, то къ соглашенію ихъ долженъ привести избранный ими самими третейскій судъ.”

Первый пунктъ совершенно уничтожаетъ возможность правильнаго выкупа. При обязательномъ выкупѣ правительство знаетъ за что, на какую сумму, по какой оцѣнкѣ, оно становится поручителемъ, посредникомъ, комиссіонеромъ выкупа. При полюбовныхъ сдѣлкахъ оно ни за что не можетъ отвѣчать; дорого ли, дешево ли куплено, въ состояніи или не въ состояніи крестьянинъ уплатить выкупъ. Часто мужики согласятся и на чрезмѣрную цифру выкупа, лишь бы избавиться отъ помѣщика; какъ же тутъ правительству ручаться?

Третейскіе суды чрезвычайно будутъ хороши, когда по приведенію въ дѣйствіе обязательнаго выкупа, возникли бы какіенибудь споры между помѣщиками и крестьянами о границахъ владѣнія, объ угодьяхъ, о выгонахъ и т. п. Но не рѣшивши выкупа, до установленія его, вводить суды—это

значитъ подать поводъ къ несмѣтному числу тяжбъ, такъ что никакіе суды ихъ не рѣшатъ и правительство изъ юридическихъ распрей не будетъ въ состояніи выпутаться.

Не одновременное выдаваніе кредитныхъ знаковъ (при необязательности выкупа) такъ уронитъ эти кредитные знаки, что никто ихъ не будетъ принимать. Не наплывъ кредитныхъ знаковъ страшенъ; если они представляютъ дѣйствительный земельный капиталъ, то наплывъ ихъ не будетъ страшенъ, да онъ и не будетъ наплывъ, потому что число кредитныхъ знаковъ ограничено количествомъ и стоимостью земельныхъ угодій. Страшно то, что при любовныхъ сдѣлкахъ, оцѣнки будутъ ложныя, кредитные знаки не будутъ представлять дѣйствительной стоимости земли—и въ обществѣ не будутъ имѣть хода, какъ фальшивыя ассигнаціи, какъ бы мало ихъ за разъ ни выпускали. Общество не повѣритъ такимъ кредитнымъ знакамъ, потому при случайныхъ неправильныхъ оцѣнкахъ, основанныхъ на любовныхъ сдѣлкахъ—крестьяне останутся *неоплатными*. Только обязательный выкупъ, по достовѣрнымъ оцѣнкамъ, спасетъ и кредитные знаки выкупа, и крестьянъ, и Россію.

Мы не понимаемъ страха правительства передъ обязательнымъ выкупомъ. Кого оно боится? Умѣло же оно, во время ненужной и вредной для Россіи венгерской компаніи, кричать: “повинуйтесь языцы, яко съ нами богъ!” А тутъ, при рѣшеніи жизненнаго государственнаго вопроса у него вдругъ не хватаетъ силы стать на настоящую, единственно разумную дорогу? Мы этому не вѣримъ; это было бы смѣшно и жалко!

(Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.)

н. ОГАРЕВЪ.

НЕОБХОДИМОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОШЕНІЯМЪ

Г. БУТАШЕВИЧА ПЕТРАШЕВСКАГО.

II.—Предметъ сихъ прошеній подсуденъ ли Правительствующему Сенату.

(Продолженіе.)

Въ ст. 18 *Манифеста* 1855 года, 27 *Марта*. сказано:— “Равнымъ образомъ; кто за дѣянія, до обнародованія сего манифеста учиненныя, будетъ впоследствии подведенъ подъ силу онаго и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, тотъ можетъ въ теченіи одного мѣсяца, со дня объявленія ему, состоявшагося объ немъ постановленія, просить о разсмотрѣніи дѣла его на законномъ основаніи.”

Сими словами подтверждается неотъемлемо принадлежащее каждому право на подачу просьбъ о пересмотрѣ дѣла; вмѣстѣ съ симъ изъясняется, для тѣхъ, кто желаетъ просить пересмотра дѣла, что прошеніе о разсмотрѣніи должно быть подано въ надлежащее присутственное или судебное мѣсто и съ соблюденіемъ формъ, для прошеній вообще законами установленныхъ. Въ какое же мѣсто надлежитъ мнѣ подать такое мое прошеніе? Какому мѣсту предметъ онаго естественно подсуденъ? Взглядъ на предшествовавшее моему ссылкѣ производство дѣла можетъ представить для разрѣшенія сего вопроса наилучшее и вѣрнѣйшее указаніе. Изъ самаго приговора моего, опубликованнаго въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, прочитаннаго на эшафотѣ и въ моемъ

статейномъ спискѣ означеннаго, видно, что не взирая на непринадлежность мою ни къ одному изъ званій или ни къ одной изъ категорій лицъ, подлежащихъ суду военному, вопреки XV т. Св. Гр. З., изд. 1842 г., ст. 1607 и У. В. У., изд. 1839 г., кв. II, Р. I, Гл. II, ст. 4, я былъ подвергнутъ суду военному—не обыкновенному, а суду особенной Военно-Судной Коммисіи, велѣдствіи особаго о семъ высочайшаго повелѣнія. Назначеніе таковой коммисіи и самый образъ производства въ ней дѣла составляли особенное исключеніе изъ общаго порядка, установленнаго для производства дѣлъ уголовныхъ всякаго рода во время обыкновенное. Это особенное высочайшее повелѣніе воцѣло сохранило свой характеръ исключительности, ибо мѣра эта, никакимъ послѣдовавшимъ за нею постановленіемъ не была распространена на будущее время, для всѣхъ случаевъ подобныхъ тому, по поводу котораго оно состоялось и слѣдовательно не получила того характера общности, какой имѣютъ законы предназначенные служить руководствомъ на будущее время. Мѣра эта имѣла только временное, преходящее значеніе въ смыслѣ юридическомъ, окончившееся вмѣстѣ съ окончаніемъ производства того дѣла, по поводу котораго оно состоялось. И такъ, какъ я безъ сего вышеозначеннаго высочайшаго повелѣнія, о преданіи меня военному суду, внѣ сего особеннаго случая, до него и послѣ него, по званію моему, состоянію и предмету дѣла имѣлъ подлежать обыкновенному уголовному суду, и такъ какъ вышеозначенное высочайшее повелѣніе о преданіи меня суду военному имѣло только временное и исключительное юридическое значеніе, а не общее, то, не погрѣша противъ здраваго смысла и общихъ началъ юриспруденціи, нельзя утверждать, что въ отношеніи ко мнѣ не сохраняютъ полной своей охранительной и карательной силы общіе законы гражданскіе и законы особенные, имѣющие силу исключительно для того сословія, къ которому принадлежалъ я по моему рожденію, по роду дѣла, во всемъ относящемся до предмета дѣла, послужившаго поводомъ къ моему осужденію, такъ и относительно всего того, что по времени предшествовало осужденію. А такъ какъ вообще въ практикѣ юридической предметомъ иска опредѣляется, какъ его подсудность, такъ и дѣла, по оному возникнувшаго, то имѣя въ виду тѣ основанія, которыя для сего имѣются въ вышеприведенныхъ основныхъ государственныхъ законахъ, и принимая эти начала за основанія къ разрѣшенію вопроса о подсудности моего прошенія, дѣлается очевиднымъ и несомнѣннымъ, что мнѣ вышеозначенныя мои прошенія слѣдуетъ представить въ ту судебную инстанцію, которой я былъ бы по закону подсуденъ, еслибъ дѣло, послужившее поводомъ къ моей ссылкѣ, было предоставлено обыкновенному теченію и отъ него не уклонялось, какъ сіе совершилось въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, о преданіи меня суду военному,—а именно: безъ сего особеннаго случая, нарушившаго порядокъ обыкновенный для подсудности, мнѣ представить надлежало бы мои прошенія въ судебную инстанцію, равную, по сферѣ правъ и обязанностей, военно-судной коммисіи; въ томъ случаѣ, еслибъ дѣло обо мнѣ было рѣшено окончательно военно-судной коммисіею и не восходило бы выше на утвержденіе, то тогда мнѣ надлежало подать мое прошеніе въ Уѣздный Судъ или въ Палату Суда Уголовнаго, но такъ какъ дѣло обо мнѣ не только разсматриваемо было генераль-аудиторіатомъ собственно, какъ это ясно видно изъ публи-

каци о моемъ осужденіи въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, какъ и то, что приговоръ сей положилъ генераль-аудиторіатъ, то вслѣдствіи сего мнѣ и должно считать Правительствующій Сенатъ единственною тою судебною инстанціею, въ которую какъ въ семъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ надлежатъ къ подацію таковыя прошенія.

Разс атривая вопросъ о подсудности моихъ прошеній, ни какъ не должно оставлять безъ особеннаго вниманія то, *что прошеніе или жалоба моя заключается не въ жалобѣ на несогласное съ истинною изложеніе фактовъ дѣла и не на несправедливость рѣшенія, что собственно должно принадлежать къ пересмотру дѣла за ново, порядкомъ судебнымъ, а на не соблюденіе формъ, правилъ, обрядовъ, для судопроизводства законами положительными установленныхъ, признаваемыхъ необходимыми рядомъ вѣковъ и законодательствами всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ міра древняго и новаго. Тѣхъ правилъ и формъ, которыхъ соблюденіе считается необходимымъ для охраны слабаго отъ сильнаго и защиты, или хотя нѣкотораго огражденія обвиняемаго, или подсудимаго отъ личной прихоти и произвола производителей всякаго дѣла, какъ слѣдственнымъ, такъ и судебнымъ порядкомъ, дабы вѣсы правосудія и острый мечъ закона были въ рукахъ не у волеуемой гнусными страстями Немезиды, но величаво—спокойной и мудрой Фемиды,*

Такъ какъ слова Манифеста 27 Марта 1855 г., ст. XVIII: “Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, до обнародованія сего манифеста учиненныя, будетъ впослѣдствіи подведенъ подъ силу онаго и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, тотъ можетъ въ теченіи одного мѣсяца, со дня объявленія ему состоявшагося объ немъ постановленія, просить о разсмотрѣніи дѣла его на законномъ основаніи.” Такія лица, въ случаѣ осужденія ихъ, ужь не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего манифеста.—допуская и узаконяя пересмотръ всякаго дѣла, заключаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль о возможности несправедливости, неправильности или незаконности всякаго первоначальнаго рѣшенія, окончившагося для кого бы то ни было приговоромъ осудительнымъ, содержать въ себѣ опредѣлительное, хотя и условное признаніе всякаго такового приговора или рѣшенія не дѣйствительнымъ, въ силу коего кто либо, до обнародованія сего манифеста, подвергался или подвергается карательной силѣ закона, и того именно, на кого благодѣтельная сила сего манифеста распространяется или должна распространиться—и будетъ выражена, въ формѣ особеннаго о такомъ лицѣ постановленія, подъ тѣмъ особеннымъ и опредѣленнымъ условіемъ, что такое лицо, на которое благодѣтельная сила сего манифеста распространится въ формѣ особаго (именнаго) постановленія, въ теченіи одного мѣсяца будетъ просить, о разсмотрѣніи такового дѣла, и вслѣдствіе осужденія его по которому,—манифестъ сей 27 Марта 1855 года и возымѣлъ свое дѣйствіе на законномъ основаніи.

Вслѣдствіе сего прошеніе мое, какъ заключающееся собственно въ просьбѣ моей объ объявленіи осудительнаго приговора обо мнѣ, въ 1849 году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ состоявшагося, не дѣйствительнымъ,—есть, въ нѣкоторомъ отношеніи, ничто иное, какъ просьба моя собственно о томъ только, что положительно, хотя и условно признается въ самыхъ вышеприведенныхъ словахъ манифеста, о томъ, что уже должно считать для меня уже до нѣкоторой степени гарантированнымъ, чрезъ соблюденіе мною условія, въ семъ манифестѣ

означеннаго, т. е. подачею моего прошенія въ мѣсячный срокъ со дня объявленія мнѣ обо мнѣ въ силу сего манифеста состоявшагося постановленія. Таковая просьба моя не можетъ еще не заслуживать особаго вниманія и уваженія, потому что по самому образу ея изложенія, по сущности ея содержанія, по окончательной ея цѣли, она безспорно имѣетъ характеръ болѣе скромный, менѣе требовательный и претендательный, нежели формальное прошеніе о новомъ, полномъ и совершенномъ пересмотрѣ дѣла, и состоитъ въ просьбѣ о принятіи такъ сказать мѣры предварительной, долженствующей необходимо и едшествовать самому разсмотрѣнію дѣла,—въ просьбѣ, форма которой, такъ сказать, была мотивирована самымъ моимъ положеніемъ, тою физическою невозможностію, въ которой нахожусь я имѣть акты самаго этого дѣла, благо-разумнымъ оказаніемъ того, чтобъ стремясь къ отысканію по мнѣнію моему справедливаго и законнаго, я невольно не сдѣлалъ въ свое оправданіе какихъ либо утверженій, общихъ, неопредѣленныхъ и точно недоказанныхъ и дабы, не произвольно увлекшись ни для кого не предосудительнымъ, желаніемъ оправдаться, не обвинять въ лживомъ истолкованіи фактовъ дѣла—тѣхъ, кто по сему могъ быть вовсе не причастенъ.

Этотъ способъ и путь мною избранный для отысканія того, чтобъ я былъ подчиненъ *вполнѣ прямому дѣйствію закона*, мною предпочтенъ всѣмъ другимъ, потому что въ семъ случаѣ я имѣю основанія надѣяться и даже могу быть увѣреннымъ, что я не буду лишень, какъ прежде, возможности воспользоваться тѣми способами защиты, которые гарантируетъ законъ для всѣхъ обвиненныхъ или подсудныхъ, чрезъ производство дѣла сего во всей его полнотѣ и охранительной послѣдовательности и постепенности, во всѣхъ степеняхъ суда, законами установленной безъ малѣйшаго по сему предмету ограниченія или стѣсненія.

Вотъ основанія юридическія, освященныя буквою положительнаго законодательства, для опредѣленія мѣста подсудности моего дѣла въ настоящее время, мѣста, куда надлежитъ прійти моему прошенію, на которое указываетъ сущность его содержанія, образъ производства самаго дѣла, послужившаго поводомъ къ моей ссылкѣ. Вотъ тѣ основанія, которыя можетъ не принимать за дѣйствительныя истинныя только челоуѣкъ, не вѣдающій положительныхъ отечественныхъ законовъ, лишенный отъ природы необходимаго условія къ ихъ ясному пониманію, т. е. вопреки ст. 1133 т. Св. Гр. З., не имѣющій здраваго смысла, или на мѣренно превратно истолковывающій и примѣняющій къ дѣлу букву положительнаго законодательства. Вотъ тѣ основанія, которыя дѣлаютъ несомнѣнною подсудность мою нынѣ суду обыкновенному уголовному (гражданскому) за все, предшествовавшее моему осужденію, такъ и во всемъ при новомъ пересмотрѣ дѣла, подавшаго поводъ къ моей ссылкѣ.

Таковую подсудность мою относительно всего, за что могъ я подвергаться суду до приговора 23 Декабря 1849 года, такъ и вышеозначенныхъ двухъ моихъ прошеній въ томъ видѣ и въ той формѣ, въ каковой они мною изложены и представлены, опредѣляютъ и постановляютъ внѣ всякаго сомнѣнія разныя статьи положительнаго законодательства, которыя еще приведены будутъ ниже. Такъ какъ дѣло, послужившее поводомъ или предлогомъ къ моему и другихъ осужденію, какъ признанное судебными учрежденіями—какъ сіе изъ словъ приговора и публикаціи о немъ заключить можно—за-

дѣло, имѣвшее характеръ дѣла, возникшаго по обвиненіямъ въ преступленіяхъ противу двухъ первыхъ пунктовъ, на основаніи:

XV т. Св. гр. Зак. изд. 1842 г. ст. 1446. "Въ отвращеніе всѣхъ недоразумѣній по преступленіямъ противу первыхъ двухъ пунктовъ и для предупрежденія, чтобы судебныя мѣста не подвергались всей строгости законовъ *такія слова и дѣла, кои по обстоятельствамъ, съ ними сопряженнымъ, того не заслуживаютъ,—постановляется, чтобы дѣла, касающіяся до преступленій сего рода, всякій разъ, когда по предписанному порядку дойдутъ они до ревизіи Палаты Уголовнаго Суда и по рѣшенію ея будутъ подвергаты обвиняемыхъ, каковаго бы рода, званія и состоянія они ни были, наказанію, не исполняя приговоровъ, были представляемы въ Правительствующій Сенатъ, а ему, по разсмотрѣніи и уваженіи всѣхъ обстоятельствъ, съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ доносить Государю Императору и ожидать утвержденія," имѣло быть дѣло сіе представлено въ Правительствующій Сенатъ. Сего однакожь съ симъ дѣломъ сдѣлано не было, ибо о переносѣ сего дѣла въ Правительствующій Сенатъ уведомленъ не былъ, да и о семъ не упоминалось, въ приговорѣ, прочитанномъ мнѣ вмѣстѣ съ другими на эшафотѣ 23 Декабря 1849 г. также о внесеніи сего дѣла въ Правительствующій Сенатъ не упоминается въ публикаціи сего приговора въ С. Пб. Вѣдомостяхъ.*

По сему, въ силу сей одной статьи, дѣло, подавшее поводъ къ моей ссылкѣ, нельзя считать окончательно рѣшеннымъ, ибо оно не было подвергнуто разсмотрѣнію той высшей судебной инстанціи, которой подлежить его считать исключительно подсуднымъ, по буквальному смыслу вышеприведеннаго закона. Посему, всякое прошеніе по предмету дѣла сего, какъ и по всякому другому подобному дѣлу, произведенному или рѣшенному съ такимъ нарушеніемъ порядка законами установленной подсудности, имѣетъ быть, въ силу приведеннаго закона (ст. 1446 XV т. Св. Гр. Зак.) подано въ Правительствующій Сенатъ, и прошеніе, таковымъ порядкомъ поданное, будетъ прошеніемъ, поданнымъ на законномъ основаніи и въ надлежащее присутственное мѣсто. Тѣмъ болѣе въ семъ случаѣ таковую подачу его слѣдуетъ считать надлежащимъ и законнымъ порядкомъ совершеною, ибо сущность его содержанія заключается въ основанномъ на буквѣ положительнаго законодательства требованіи соблюденія установленнаго законами порядка, порядка, несоблюденнаго при его первомъ производствѣ и рѣшеніи, т. е. въ требованіи соблюденія того только, чѣмъ имѣли полное, законное право воспользоваться осужденные и наказанные нынѣ; въ качествѣ подсудимыхъ воспользоваться тѣмъ, чѣмъ они не воспользовались единственно отъ несоблюденія виновниками ихъ ссылки общихъ правилъ, коренными отечественными законами установленными для производства слѣдствія и суда.

XV т. Св. Гр. Зак. изд. 1842 г. ст. 1290, 1308: Всѣ дѣла, вносимыя на ревизію Правительствующаго Сената о дворянахъ и чиновникахъ, когда они присуждаются къ лишенію дворянства, чести или жизни, вносятся изъ Правительствующаго Сената на высочайшее усмотрѣніе и не вершатся безъ утвержденія. IX т. Св. Гр. Зак. *постан. о дворянствѣ* ст. 194: дѣло дворянина, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія чести и жизни не можетъ быть окончено безъ внесенія въ Сенатъ и безъ конфирмаціи Императорскаго величества. Въ силу сей послѣд-

ней статьи (ст. 194 IX т. Св. Гр. Зак.) дѣло о дворянинѣ на основаніи общихъ дворянскихъ привилегій, какимъ бы онъ судомъ судимъ не былъ по точному и буквальному смыслу закона нельзя считать окончаннымъ, если рѣшеніе его заключаетъ въ себѣ приговоръ, присуждающій его къ лишенію чести, жизни или правъ состоянія, т. е. таковой *судебной приговоръ* нельзя считать имѣющимъ полную юридическую силу, если дѣло, по коему состоялся осудительный приговоръ такового рода (т. е. лишающій чести, жизни или правъ состоянія дворянина) не былъ внесенъ до конфирмаціи на разсмотрѣніе въ Правительствующій Сенатъ. Вслѣдствіе сего всякій кто бы сталъ приводить въ исполненіе приговоръ лишающій дворянина правъ состоянія, чести или жизни, который не былъ внесенъ въ Правительствующій Сенатъ, поступилъ бы въ семъ случаѣ противозаконно и вопреки долгу чести и присяги; напротивъ того, онъ обязанъ былъ, усмотря въ приговорѣ столь важное и существенное отступленіе отъ общаго порядка для производства дѣлъ о дворянахъ законами положительными установленнаго, и явное и прямое нарушеніе привилегій и грамоты дворянской и имѣя въ виду ст. 73 основныхъ государственныхъ законовъ Россійской Имперіи, что въ семъ случаѣ произведена была фактически отмена общаго для цѣлаго сословія права и закона безъ соблюденія правилъ, въ сей 73 ст. на таковой конецъ установленныхъ. И какъ при производствѣ дѣлъ въ судахъ военныхъ всякихъ наименованій на аудиторѣ лежатъ не только всѣ тѣ обязанности, которыя въ судахъ гражданскихъ возлагаются на секретарей и производителей дѣлъ, но и тѣ, которыя при гражданскомъ судѣ возлагаются на стряпчихъ и прокуроровъ то по сему аудиторъ какъ лицо, на которомъ лежали таковыя обязанности, какъ лицо по званію своему долженствовавшее вѣдать исполненіе законовъ, и онъ имѣя въ виду буквальный смыслъ вышеприведеннаго закона, ни какъ не могъ не усмотрѣть то противорѣчіе съ положительными законами, которое представлялось въ семъ случаѣ. Таковое лицо какъ аудиторъ, не могло, или по крайней мѣрѣ не должно было считать за мало-важное обстоятельство то что весьма явно составляло не только нарушеніе того, что положительными законами предписано вѣдать Правительствующему Сенату, но и нарушеніе въ лицѣ моемъ и другихъ вмѣстѣ со мною осужденныхъ, правъ цѣлаго дворянскаго сословія. Кромѣ сего по буквальному смыслу вышеприведенной ст. 194 IX т. Св. Гр. Зак. (Законъ о дворянствѣ) дѣла сего ни какъ нельзя бы считать производствомъ окончаннымъ, почему и самый приговоръ по оному былъ, такъ сказать, приговоромъ преждевременно поставленнымъ. Это обстоятельство, по существу своему, ни какъ не можетъ быть не отнесено къ одному изъ тѣхъ сомнительныхъ случаевъ, которые имѣютъ достаточную степень важности для остановленія фактически—исполненія приговора. Все сіе не могъ или по крайней мѣрѣ не долженъ былъ г. аудиторъ не принять въ должное соображеніе, тѣмъ болѣе что за прочтеніемъ имъ приговора (не считая всего сего дѣла ужасно смѣшной политической траги-комедіей) имѣла воспослѣдовать смертная казнь нѣсколькихъ лицъ, и, слѣдовательно исправленіе судебного недогляда или юридической ошибки было бы на вѣки сдѣлано невозможнымъ. Если жизнь одного лица не есть предметъ не заслуживающій вниманія, то тѣмъ паче жизнь нѣсколькихъ лицъ, уничтожаемая такимъ приговоромъ, заслуживаетъ вниманія.... Въ подоб-

номъ случаѣ даже безконечно малый поводъ сравнительно съ выше изложенными причинами, къ отдаленію мгновенія исполненія смертнаго приговора, — разумѣется страшнаго только для малодушныхъ, никогда не можетъ быть признанъ неуразительнымъ для каждаго правильно сознающаго свои обязанности какъ человѣка и гражданина. Эти важныя отступленія отъ основнаго и кореннаго закона, при столь рѣшительномъ моментѣ юридическаго обряда, въ дѣлѣ, не имѣющемъ подобный исходъ, не могли не быть справедливо и законно признаны за одинъ изъ тѣхъ сомнительныхъ случаевъ, возможность которыхъ законъ предвидѣлъ, за одинъ изъ случаевъ, имѣвшихъ слишкомъ достаточную степень важности для остановленія фактическаго исполненія приговора и въ семъ случаѣ аудиторю надо было имѣть въ виду и принять для своего руководства XV т. Св. Гр. Зак. ст. 1354, гдѣ сказано: Полиція должна чинить точное и буквальное исполненіе приговоровъ не входя отнюдь ни въ какое разсужденіе и не прилагая ни какой догадки, въ случаяхъ же сомнительныхъ требовать разрѣшеніе отъ того самаго мѣста откуда полученъ приговоръ къ исполненію. При исполненіи наказанія обязанъ, сверхъ должностныхъ лицъ коимъ вмѣненъ надзоръ за правильнымъ исполненіемъ приговоровъ, находиться уѣздный стряпчій.

Принявъ въ должное соображеніе все выше изъясненное, оказывается что аудиторъ читавшій приговоръ, по прочтеніи онаго долженъ былъ остановить исполненіе обрядовъ смертной казни и лицу распорядившемуся при семъ (званію коего знаніе законовъ не свойственно) указать на выше изъясненную коллизію законовъ и въ рапортѣ своемъ о томъ кому слѣдуетъ донести.

Но для совершенія сего, кромѣ знаній юридическихъ, нужно правильно сознать смыслъ присяги, обладать яснымъ сознаніемъ того, что предписываютъ честь, доблесть гражданская, достоинство человѣческое, и имѣть благоговѣнное уваженіе къ истинѣ и общечеловѣческой справедливости. Сего не даетъ одно знаніе мертвой буквы закона, знаніе сухое, неживленое высшей идеей. Неисполненіе аудиторомъ, въ семъ случаѣ того, что было существовою его обязанностью, можетъ быть приписано, или неполнотѣ его юридическихъ познаній, или внушеніемъ рабскимъ страха. Страхъ-же, какъ извѣстно, всегда и вездѣ худой совѣтчикъ. Къ несчастію, это не былъ единственный совѣтчикъ, котораго внушенія руководили производствомъ дѣла, послужившаго поводомъ или предлогомъ къ моему осужденію. Такъ какъ дѣло сіе не было въ надлежащей инстанціи, въ которую ему по закону надлежало поступить, то его и по нынѣ нельзя считать конченнымъ въ смыслѣ судебномъ, а приговоръ по оному въ смыслѣ юридическомъ дѣйствительнымъ.

Хотя бы въ законахъ и неимѣлось сихъ статей, указывающихъ прямо на подсудность нынѣ дѣла сего Правит. Сенату, то на основаніи I т. Св. Гр. Зак. изд. 1842 г. Учр. Прав. Сената ст. I.—Правительствующій Сенатъ есть верховное мѣсто, которому въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія въ имперіи, кромѣ тѣхъ, кои особеннымъ закономъ именно изъяты отъ сей зависимости.

(Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.)

ЖАНДАРМСКОМУ НАЧАЛЬНИКУ К. П. ДОЛГОРУКОМУ.

Зачѣмъ вы опять беспокоите посланника, беспокоите консула, беспокоите меня, чтобы спросить будто бы по высочайшему повелѣнію,—намѣренъ я немедленно возвратиться или нѣтъ, и требуете отъ меня категорическаго отвѣта. Вы сами пишете Барону Бруннову о моемъ письмѣ къ Государю, о письмѣ Барона Бруннова ко мнѣ, помѣщенномъ въ *Колоколъ* “даже съ моими примѣчаніями,” стало вы читали мое письмо. Чего же еще спрашивать? Мое письмо къ Государю ясно, и если Государь читалъ его, то и глубоко убѣжденъ, что онъ по совѣсти, по сердцу, по благородству и не обвинить и не осудить меня. А что вы хотите дѣлать со мной за очно, это мнѣ все равно. Ваше судопроизводство покроетъ васъ смѣхомъ; вашъ приговоръ будетъ для меня честью.

И. ОГАРЕВЪ.

29 Августа 1859.

къ издателю “Колокола.”

Письмо къ императору, приложенное къ 49 N *Колокола*, наводитъ на весьма грустное раздумье. Во-первыхъ: авторъ совершенно правъ во всемъ, что онъ говоритъ объ игрѣ во всемілостивѣйшіе манифесты. Дѣйствительно, какъ будто вопреки народной пословицѣ: *на милость указа нѣтъ*, большая часть такихъ манифестовъ копировались съ старыхъ; подобно церемоніаламъ, нисколько не отступавшимъ отъ церемоніаловъ предшествовавшаго царствованія. Во всей этой части письма нельзя автору глубоко не сочувствовать. Но, во-вторыхъ: ужели слѣдующіе за тѣмъ четыре пункта совмѣщаютъ въ себѣ то, чего Россія вправѣ ожидать въ настоящее время хотя въ малое облегченіе отъ давнишнихъ золъ, въ облегченіе отъ кишачаго нелѣпостями законодательства, отъ администраціи грабящей съ каждымъ днемъ все систематичнѣе, отъ неправильныхъ судовъ! И такъ вотъ чего намъ пока довольно! Сами принадлежа къ весьма умѣреннымъ людямъ, мы все же должны были сказать себѣ: Боже, какъ мы выучились обрѣзывать наши самыя скромныя, самыя законныя желанія! Мы, конечно, глубоко уважаемъ въ писавшемъ письмо источникъ его умѣренности, но мы сочли долгомъ—такъ какъ полагаемъ, что ни въ какомъ случаѣ не можемъ повредить этимъ,—сдѣлать нѣсколько замѣтокъ. И такъ, держась текста, мы прийдемъ на себя скромную роль комментатора.

Изъ четырехъ выставленныхъ пунктовъ мы считаемъ существенными только первые два. Да къ тому еще только второй не нуждается ни въ какихъ дополненіяхъ.

За уничтоженіе III Отдѣленія Россія въ вѣка вѣковъ будетъ благодарна царю, какъ другія государства были благодарны и внесли въ скрижали своей исторіи уничтоженіе инквизиціи. Только съ уничтоженіемъ III Отдѣленія, старинное, бюрократической эпохи, *слово* и *дѣло* будутъ вполне уничтожены. Въ Россіи, хотя III Отдѣленіе походитъ больше на инквизиціонный трибуналъ, чѣмъ на просто тайную полицію, и тайная полиція не имѣетъ причины бытія. Тайная полиція, самое развратное учрежденіе, какое только можетъ быть, существуетъ теперь лишь въ Австріи и во Франціи. Но

государь, конечно, слишком уважаетъ Россію, чтобы ее на мигъ сравнить хотя съ Австріей. А во Франціи тайная полиція необходима потому, что Наполеонъ узурпаторъ, клятвеннопреступникъ, человѣкъ, ступившій на тронъ посредствомъ 2 Декабря и посредствомъ *fusillades sans sommation*!

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній будетъ великимъ шагомъ впередъ въ нашей гражданской жизни. Но мы думаемъ, что само по себѣ и безъ гласнаго судопроизводства оно недостаточно. А о гласномъ судѣ въ письмѣ не сказано ни слова. Между тѣмъ ваша редакція видитъ себя принужденною начать новое прибавочное изданіе: *Подъ Судъ!* И мы къ сожалѣнію убѣждены, что матеріалы для этого изданія будутъ все рости, пока: 1) не будетъ дано огражденія личности положительнаго, т. е. въ видѣ основнаго закона для всѣхъ званій: лице не прикосновенно. Одного обезпеченія личности посредствомъ уголовныхъ законовъ, вслѣдствіе особенностей развитія нашего быта и вслѣдствіе татарскихъ началъ, вѣрившихся въ него, оказывается мало. 2.) Пока не будетъ введенъ гласный судъ, какъ единственно остающійся способъ обезпечить исполненіе закона. Теперь же, напримѣръ, дворянина, разжалованнаго посредствомъ инквизиціонной комиссіи, заковываютъ въ кандалы. А давно ли губернаторъ Нижняго Новгорода Аненковъ собственноручно билъ купца, чуть-ли не первой гильдіи. Да если вообще дворянъ у насъ не бьютъ, то это отчасти и потому, что дворяне потомственные и личные, въ качествѣ властей, *сами бьютъ*. А если съ купечествомъ первыхъ двухъ гильдій обращаются у насъ иногда *en canaille*, то это столько же вслѣдствіе изъятія ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, сколько и потому, что они богаты и больше другихъ лицъ платятъ властямъ. По этому, государь, отмѣняя тѣлесныя наказанія въ уголовномъ кодексѣ, сдѣлаетъ только первую половину великаго дѣла и безъ гласнаго суда не оградитъ народа отъ побоевъ въ большой части случаевъ: при исполненіи земскихъ повинностей, во время брестныхъ ходовъ, во время народныхъ гуляній, во время смотровъ и парадовъ, въ ожиданіи гдѣ либо особы царской фамилии и т. д.

Перехожу къ третьему пункту. Мы его считаемъ не существеннымъ, хотя считаемъ очень существенной свободу совѣсти. Ясно, что и здѣсь авторъ отъ излишней умѣренности прищепилъ собственную свою мысль. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: пора-бы, ваше величество, вообще вырорить, изъ свѣтскаго законодательства все, что осталось въ немъ церковнаго, принадлежащаго скорѣе къ вѣку Алексѣя Михайловича, чѣмъ къ вашему. Что касается въ особенности исповѣди, то и она не только для купцовъ, но и для всѣхъ должна-бы перестать быть условіемъ *sine qua non* гражданскихъ актовъ. Зачѣмъ, напр. человѣку, находящемуся предъ судомъ, въ числѣ формальныхъ вопросовъ, предлагать: былъ-ли онъ на исповѣди и у причастія? Это дѣло совѣсти каждаго. За чѣмъ служащему лицу, когда оно вступаетъ въ службу и послѣ, когда оно съ каждымъ новымъ чиномъ даетъ вновь присягу, утверждать, что оно было на исповѣди? Вѣдь эта исповѣдь, не становится для нихъ мотивомъ честной службы. Они лгутъ только предъ царемъ небеснымъ столько же, сколько предъ царемъ земнымъ. И много другихъ подобныхъ вопросовъ мы могли бы предложить, но мы ихъ не дѣлаемъ, потому что, если человѣкъ еще вѣруетъ въ исповѣдь, то онъ охотно пойдетъ на нее, а если онъ не вѣруетъ, какъ въ большинствѣ случаевъ, такъ эта церемонія стоитъ всего

цѣлковый рубль! Куда не шло! Вотъ дѣло другое, если-бы какъ нибудь устроить такъ, чтобы съ купца, когда онъ кончилъ при запискѣ въ гильдію дѣла въ Думѣ, (съ него тутъ значительно дерутъ) и отирается въ казначейство вносить самыя гильденскія повинности съ него бы покрайней мѣрѣ тутъ уже ничего не драли — кажется, за что тутъ плагить, когда самъ вносишь деньги въ казну? Этобы было не дурно.

Но болѣе всего грустно дѣйствуетъ на человѣка, не посвященнаго во всѣ мысли автора, съ четвертый пунктъ. Такъ онъ дѣйствительно думаетъ, что русская мысль не созрѣла еще въ настоящее время для публичности! Такъ ужъ извините, она въ такомъ случаѣ никогда не созрѣетъ! И что за монополю гласности для министерскихъ журналовъ! Что за начальственная литература! Прекрасно, мы понимаемъ автора. У него, какъ человѣка благонамѣреннаго, была, вѣроятно, мысль: министерскіе журналы могутъ находиться подъ редакціей порядочныхъ людей и въ такомъ случаѣ они станутъ органами просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія нашихъ официальныхъ кружковъ. Но вѣдь такая гласность орудіе обоюдоострое. Общественное мнѣніе, дѣйствительно просвѣщенное, вырабатывается только посредствомъ пренія и борьбы частныхъ мнѣній. За что же останутся другіе журналы подъ мунштуками? Это несправедливо и недальновидно. Къ тому же мы не думаемъ, чтобы російскій Пегасъ имѣлъ до сихъ поръ склонности степнаго животнаго, съ котораго, если снять мундштукъ, такъ онъ и начнетъ метаться во всѣ стороны. Мы полагаемъ, напротивъ, что у него теперь уже весьма цивилизованныя склонности и онъ на волѣ пойдетъ по настоящей дорогѣ. Намъ нужны, если умѣренныя, то все же цѣльныя начала, а не постоянные зигъ-заги какіе то! Конечно даренному коню въ зубы не смотреть: но вѣдь подарокъ долженъ быть достоинъ русскаго царя, русскаго народа и исторической минуты! Вѣдь не можетъ же царь въ такую минуту, какъ совершеннолѣтіе его сына, который будетъ царствовать надъ свободнымъ народомъ, дарить намъ хромую клячу.....

Мы на этомъ должны остановиться: тутъ кончается нашъ комментарий. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не спросить: почему въ той программѣ нѣтъ въ особенности одного пункта, за который бы народъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ сказалъ бы большущее спасибо: *сокращенія и дѣйствительнаго измѣненія рекрутской повинности!*

С М Ъ С Ъ.

— Слѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями новостью что Министръ Юстиціи Панинъ—*сошелъ съ ума* и остается Министромъ Юстиціи.—Въ прошлое царствованіе одного изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи *И. Я. Чаадаева* считали по высочайшему повелѣнію *умалшшеннымъ*. Теперь сумашедшій Панинъ по высочайшей волѣ считается *умнымъ*. Дѣйствительно неограниченное самодержавіе!

— Мы были бы очень благодарны если-бы намъ сообщили подробности за что сосланъ въ Петрозаводскъ *Г. Рыбниковъ*. Намъ пишутъ что онъ сосланъ за то, что изучая въ черниговской губерніи промышленность онъ ходилъ въ *русскомъ* а не въ *нѣмецкомъ* платьѣ—и это не при Биронѣ, не при Николаѣ!....

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 52.

15 СЕНТЯБРЯ 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

КОМИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(продолженіе)

Въ N. 16 журнала общаго присутствія Комиссій, по свидѣніямъ полученнымъ отъ министра государственныхъ имуществъ, кромѣ собраннаго уже капитала, упоминается объ ожидаемой выручкѣ денегъ отъ покупки государственныхъ крестьянами земель. Желали бы мы знать—что это за земли? Будутъ-ли продавать незаселенныя земли государственнымъ крестьянамъ, вмѣсто того, чтобъ отдавать имъ эти земли за обычную подать, или станутъ урѣзывать землю отъ общинъ и продавать отдѣльно государственнымъ крестьянамъ, образуя такимъ образомъ многоземельныхъ частныхъ владѣльцевъ изъ крестьянъ, внутри общества, въ ущербъ ея собственности и на пагубу небогатымъ крестьянамъ, которые обратятся въ батраковъ? И все это основываясь на томъ, что земля государственныхъ крестьянъ не общинная собственность, а казенная и что слѣдственно казна (абстрактная идея представляется Муравьевымъ - Вѣшателемъ*) можетъ съ этими землями обращаться безъ церемоній? Повторяю: мы не знаемъ что это за земля, но спросить имѣемъ полное право, потому что грѣшно будетъ притѣснить государственныхъ крестьянъ для освобожденія помѣщичьихъ. Мало того, что грѣшно, при общей финансовой мѣрѣ—оно совершенно не пужно и готому безсмысленно.

Съ N. 17 журнала становится ясно, что труды комиссій принимаютъ совершенно серьезное, дѣльное направленіе. Предсѣдатель предлагаетъ на обсужденіе вопросы, которые касаются:

1. Скорѣйшаго составленія сельскаго и лѣснаго уставовъ;
2. Соображеній о средствахъ межевыхъ;
3. Измѣненій законовъ о паспортахъ;
4. Отправленія крестьянами рекрутской повинности;
5. Отношеніе будущаго крестьянскаго суда къ гражданскимъ судебнымъ инстанціямъ;
6. Посредничества между крестьянами и ближайшею къ нимъ мѣстною властію;
7. Долго-срочныхъ арендныхъ контрактовъ,—и
8. Мѣстнаго общественнаго хозяйства.

* Имя данное ему въ отличку отъ Муравьевыхъ-Апостоловъ.

Важность этихъ вопросовъ очевидна. Мы станемъ говорить о нихъ, какъ скоро увидимъ, что скажетъ особая комиссия, составившаяся для ихъ обсужденія, изъ нѣсколькихъ членовъ всѣхъ трехъ комиссій. Теперь мы только замѣтимъ, и замѣтимъ съ глубокой радостью, что самъ предсѣдатель полагаетъ, что кромѣ видовъ отъ сельскихъ обществъ, никакихъ паспортовъ не нужно и что пошленный сборъ по этому предмету долженъ бытъ значительно пониженъ; что нужно введеніе болѣе кратковременнаго срока службы для опредѣленія рекрутской повинности. Тутъ мы только не можемъ согласиться съ пристрастіемъ Предсѣдателя къ жеребьевой системѣ. Жеребьевая система ни для какой человѣческой дѣятельности не можетъ годиться, потому что жеребій основанъ не на разсудкѣ, а на случайности. Чередовая система не только пародный обычай, но обычай, основанный на разсмотрѣніи—кому легче нести необходимую общественную тягу. Конечно наша чередовая система уступить чередовой системѣ рекрутства въ Швейцаріи, гдѣ каждый Швейцарецъ, достигшій совершеннолѣтія, обязанъ прослужить въ войскѣ шесть недѣль. Можетъ у насъ такой срокъ покажется слишкомъ малымъ; но возьмите годовой срокъ; онъ совершенно достаточенъ; войско состояло бы всегда изъ крѣпкихъ юношей, всѣхъ сословій, большей частью холостыхъ, такъ что и годовой срокъ не ложился бы на семью какъ какая то незаслуженная, но роковая кара. А въ случаѣ войны цѣлое населеніе было бы готово немедленно пополнить войско.

Предсѣдатель поставилъ вопросомъ: “Долженъ ли крестьянскій судъ, т. е. судъ міра быть безапелляционнымъ, или подчиненъ, въ извѣстныхъ размѣрахъ, обжалованію недовольной стороною передъ мировымъ судьей?”

“Можетъ ли мировой, или всякій иной гражданскій судья, обязанный исключительно постановленіями Свода Законовъ, рѣшить на основаніи общихъ государственныхъ законовъ, опровергающія рѣшеніе міра, основанное на обычномъ крестьянскомъ правѣ?”

Намъ кажется, что тутъ слѣдуетъ различить два случая, по натурѣ своей разнородные. Первый случай, когда міръ является судьей между двумя тяжущимися сторонами,—и тутъ обычное право едва ли не лучше рѣшить тяжбу, чѣмъ

сводъ законовъ. Но есть другой случай, гдѣ мѣръ является не судьей между двумя тяжущимися сторонами, а самъ представляетъ исковую сторону противъ частнаго лица, становится не только разомъ судьей и истцомъ, но вмѣстѣ и исполнителемъ по суду. Такимъ образомъ пристрастная невыхода паспорта, желаніе—часто пристрастное—сослать одного изъ членовъ общества въ Сибирь, приговоръ къ наказанію крестьянина отобраніе движимаго имущества въ пользу міра, и всѣ подобные случаи, гдѣ требуетъ защиты передъ міромъ, гдѣ стѣснена міромъ просто личная свобода крестьянина,—тутъ лицо должно имѣть право на жалобу.

Но кто будетъ мировой судьей?

Предсѣдатель желаетъ, чтобы мировой судьей былъ защитникомъ крестьянъ передъ ближайшею къ нимъ мѣстной полицейской властью. Противъ этого мы не можемъ спорить. Но выводъ тутъ одинъ: такой мировой судьей долженъ быть выбранъ крестьянами, изъ какого бы сословія ни было, а всякій судъ и защита должны быть совершенно гласными; иначе мировой судьей будетъ не лучше нѣтъ существующихъ гражданскихъ палатъ, и выйдетъ не защитникомъ, а притѣснителемъ крестьянъ. Безъ гласности мировой судьей—неосуществимая идиллія.

Еще мы должны замѣтить, что до сихъ поръ, во всѣхъ трудахъ и вопросахъ комиссій, нигдѣ не обращено вниманіе на уголовное судопроизводство и, начиная съ начала, на уголовное слѣдствіе. Неужели—же уголовное слѣдствіе, при освобожденіи крестьянъ, останется какъ было, т. е. большая часть подсудимыхъ будутъ приговорены по суду къ жестокимъ наказаніямъ потому только, что устрешенные кулаками и розгами земской или иной полиціи, они призывались въ преступленія, которыхъ никогда не совершали? Или большая часть виновныхъ будутъ по суду оправданы, потому что при слѣдствіи земская или иная полиція, мирволя преступнику за взятку, подучивала его не сознаваться въ преступленіи и сваливала вину на безвиннаго, который не въ состояніи откупиться? Кажется тутъ можно міру не только вмѣнить въ обязанность быть свидѣтелемъ слѣдствія, но и дать безусловное право протеста и жалобы противъ всякой неправильности слѣдствія. Тутъ мѣръ можетъ явиться естественнымъ защитникомъ лица противъ притѣсненій мѣстной полицейской власти. Не лзя не подумать объ этомъ, потому что уголовное безправіе въ русскихъ деревняхъ, гдѣ временное отдѣленіе поритъ розгами понятихъ, если они не показываютъ какъ временному отдѣленно угодно—это уголовное безправіе превосходитъ всякую мѣру долготерпѣнія. Тѣмъ болѣе не лзя не подумать объ этомъ, что такъ называемые бунты крестьянъ, которые обыкновенно не бунты, а просто исканіе спасенія отъ угнетеній становящихся не въ терпѣжъ,—тоже судятся и изслѣдуются по уложенію о наказаніяхъ, или—что уже совершенно нелѣпо—по военному суду и слѣдствію. Не угодно-ли перечитать въ *Колоколь* дѣло Рязанской губерніи села Мурмина, помѣщицы Каролины Павловой, гдѣ собственно слѣдовало бы сослать на каторгу губернатора и повѣреннаго оной госпожи,—а вышло только, что запороли безвинныхъ крестьянъ.

Съ N. 18^{мъ} Журнала общаго присутствія Комиссій начинаются доклады Административнаго Отдѣленія, трудъ серьезный и добросовѣстный, который мы читали съ полнымъ уваженіемъ и который мы постараемся разсмотрѣть, указывая

въ особенности на тѣ мнѣнія, съ которыми мы не совсѣмъ согласны. Всѣ доклады начинаются краткой выпиской мнѣній губернскихъ комитетовъ о какомъ нибудь вопросѣ и мнѣній генералъ-губернаторовъ. Въ разборъ этой части мы совершенно не войдемъ; намъ даже кажется, что отнынѣ проэктамъ губернскихъ комитетовъ и мнѣніямъ генералъ-губернаторовъ, простыхъ губернаторовъ и исправляющихъ должность простыхъ губернаторовъ—нѣтъ болѣе мѣста въ *Колоколь*. Ихъ мѣсто въ нашемъ *Историческомъ Сборникѣ*; надо сохранить для потомства и имена нѣсколькихъ благородныхъ личностей и нагло тупоумную и безправственную роль большинства благороднаго русскаго дворянства въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія. Мы займемся исключительно соображеніями административнаго отдѣленія и рѣшеніями по онымъ общаго присутствія комиссій. Сначала замѣтимъ только одну важную и страшно полезную вещь: Предсѣдатель сказалъ, что никакое рѣшеніе и постановленіе не должно быть чѣмъ нибудь окончательнымъ, непреложнымъ, на что бы не лзя было, при дальнѣйшемъ ходѣ трудовъ комиссій, возвратиться и чего бы не лзя было измѣнить на что нибудь лучшее. Эта мысль безъ сомнѣнія есть основаніе всякой правильной реформы, основанной на согласованіи пониманія съ фактомъ, это мысль, которая дастъ просторъ уму.

Въ высочайше утвержденномъ журналѣ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу постановлено:

“§ 3. Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ, въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ по народному обычаю уже существуетъ общинное пользованіе угодіями, мірское управленіе завѣдываетъ и сими угодіями.”

“§ 4. Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію, или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и въ его избранныхъ.”

Эти два положенія составляютъ основу, которой должны придерживаться комиссіи. Тутъ очевидно требуется: не нарушать поземельной общины тамъ гдѣ она есть, не принуждать къ составленію оной тамъ гдѣ ея нѣтъ; но во всякомъ случаѣ управленіе должно быть мірское, сельскія административныя и судебныя власти—выборныя, слѣдственно отвѣтственныя міру. Кажется иначе не лзя понять этихъ двухъ основныхъ и совершенно разумныхъ положеній. Административное отдѣленіе комиссій напечатало ихъ въ своемъ первомъ докладѣ передъ своими соображеніями, заявляя тѣмъ, что оно станетъ ихъ держаться. Свои собственныя соображенія административное отдѣленіе пачинаетъ съ необходимости “замѣны прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ.” По тому оно приходитъ къ слѣдующимъ вопросамъ:

“1. Слѣдуетъ-ли въ составляемомъ общемъ положеніи о крестьянахъ разграничить кругъ дѣйствій сельскаго общества отъ круга дѣйствій поземельной общины?”

2. Если слѣдуетъ, то какіе главные предметы должны входить въ кругъ дѣйствій поземельной общины и какіе въ кругъ дѣйствій сельскаго общества?”

3. Какія будутъ взаимныя отношенія и точки соприкосновенія обществъ и общинъ?”

4. Должно ли образование сельскихъ обществъ быть различно для крестьянъ послѣ окончательнаго устройства ихъ быта и для крестьянъ въ переходномъ состояніи?

5. Должны ли сельскія общества быть подчинены дальнейшей крестьянской административной инстанціи, т. е. волостному крестьянскому управленію?"

Первый вопросъ административное отдѣленіе рѣшаетъ въ пользу разграниченій круга дѣйствія сельскаго общества отъ круга дѣйствія поземельной общины. Въ основаніяхъ, которыя привели административное отдѣленіе къ этому заключенію, есть тѣнь правды. Маленькія селенія, или дробныя имѣнья, при разнородномъ земельномъ надѣлѣ, не могутъ составлять отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, не обременяя себя излишними тратами на управленіе; а соединяясь въ группы изъ нѣсколькихъ селеній для одного сельскаго общества, у нихъ при одномъ управленіи, явятся различныя поземельныя условія. Это различіе естественно устраняется въ большихъ селахъ; но административное отдѣленіе и тутъ полагаетъ различіе двухъ управленій, по "коренному различію дѣла, изъ которыхъ дѣла сельскаго общества объемлютъ отношенія крестьянъ къ правительству, а дѣла общины поземельныя отношенія крестьянъ", отсюда "исполнительная власть, т. е. главные должностныя лица по сельскому обществу и поземельной общинѣ должны быть различныя какъ представители совершенно отдѣльныхъ интересовъ."

Тутъ съ перваго взгляда покажется, что будетъ поземельный старшина и староста, поземельные добросовѣстные и сельскіе добросовѣстные, поземельные и сельскіе понятые и т. д. Въ этомъ то и ошибка: вопросъ не такъ поставленъ.

Во первыхъ поземельныхъ властей нѣтъ, слѣдственно о нихъ и говорить нечего. Поземельная власть міръ, т. е. единогласное рѣшеніе на мірской сходкѣ. Тутъ объ отдѣльной администраціи и рѣчи нѣтъ. Всѣ выборныя лица по сельскому управленію относятся къ понятію сельскаго общества, а не къ исключительному понятію поземельной общины.

Во вторыхъ интересы поземельной общины и сельскаго общества не могутъ быть различны и требовать для себя различныхъ представителей. Одна-ли община выбираетъ себѣ старшину, нѣсколько-ли общинъ, соединясь, выбираютъ себѣ старшину,—все же это поземельныя общины, избирающія себѣ старшину, который вмѣстѣ смогритель за внутреннимъ порядкомъ и представитель интересовъ этихъ общинъ передъ правительствомъ. По выраженію административнаго отдѣленія можетъ казаться, что сельская исполнительная власть есть представитель правительства съ враждебнымъ интересомъ къ поземельной общинѣ, между тѣмъ, какъ эта власть, исполняя законныя требованія правительства, все же есть представитель интересовъ поземельной, или поземельныхъ общинъ и естественно должна явиться защитникомъ ихъ интересовъ противъ всякаго вишняго, незаконнаго набѣга.

Вопросъ вовсе не лежитъ въ разграниченіи поземельной общины и сельскаго общества, вопросъ въ опредѣленіи границъ сельской исполнительной власти къ міру и къ лицу; вопросъ въ томъ, чтобы сельская исполнительная власть знала, чего она безъ особаго совѣщанія съ міромъ сдѣлать не можетъ, и чтобы она не превышала тиранически своихъ границъ въ отношеніи къ отдѣльному лицу. А относится-ли эта власть къ одному большому селу, или къ нѣсколькимъ

мелкимъ поселамъ—это все равно, лишь бы она знала свои границы и свой кругъ дѣйствія. Разумѣется каждая деревня, если она не сведена на три-четыре двора имѣетъ свою мірскую сходку; всякая мірская сходка и будетъ дѣлать свое дѣло, а исполнительная власть должна къ каждому міру относиться въ равномѣрныхъ предѣлахъ; точно также она должна относиться и къ общему міру нѣсколькихъ деревень, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ (на пр. при рекрутствѣ) необходимо сойдутся на общую сходку.

Повторяю: *вопросъ въ опредѣленіи предѣловъ сельской исполнительной власти*—и только.

Поставивъ первый вопросъ иначе, административное отдѣленіе необходимо дошло до странныхъ заключеній по второму вопросу. Предоставивъ поземельной общинѣ (т. е. просто міру) приемъ и увольненіе членовъ общины, выборъ въ общинныя должности (какія?... міръ не есть должность, онъ себя не выбираетъ, онъ просто существуетъ) раскладку податей и повинностей, разверстку между членами общины выкупной суммы,—административное отдѣленіе вдругъ предоставляетъ сельскому обществу мѣстную исполнительную и административную полицію съ правомъ удаленія, на основаніи законовъ, вредныхъ членовъ общества. Ни поземельная община, ни сельское общество, словомъ никакой міръ не можетъ быть полиціей. Полиція—это тѣ лица, составляющія сельское управленіе, которыхъ одна или нѣсколько соединенныхъ поземельныхъ общинъ выбираютъ для своего управленія, для наблюденія за порядкомъ. А удаленіе вредныхъ членовъ общества не можетъ принадлежать никакой полиціи, это дѣло суда, да еще такого суда, гдѣ лицу не лзя не дать права протеста.

Далѣ административное отдѣленіе предоставляетъ сельскому обществу раскладку податей между поземельными общинами. Не ясно ли, что оно подѣлываетъ дѣйствіями сельскаго общества разумѣть мірской сходъ нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ, такъ что если поземельная община одна, то она отъ сельскаго общества неразлична, а если соединяются въ одно общество нѣсколько поземельныхъ общинъ, то ихъ административный интересъ одинъ, и дѣло не въ разграниченіи ихъ правъ, которыя естественно разграничены географическимъ положеніемъ, а въ опредѣленіи круга дѣйствій сельской исполнительной власти—выборной и отвѣтственной.

По третьему вопросу административное отдѣленіе говоритъ, что поземельной общинѣ не лзя предоставить право полицейскихъ взысканій съ неисправныхъ членовъ оной. Да этого права и сельскому обществу не лзя предоставить, потому что никакое общество, никакой міръ—физически не въ состояніи взыскивать. Для этого то міръ т. е. поземельная община, или совокупность поземельныхъ общинъ, и выбираетъ исполнительную власть. Исполнительная власть состоитъ изъ одного или немногихъ лицъ; какже ее смѣшивать съ избирающей массой, съ общиной?

Что касается до четвертаго вопроса, то предложеніе административнаго отдѣленія, что при срочно-обязанномъ положеніи сельское общество должно быть самостоятельно, между тѣмъ какъ поземельная община управляется различно, измѣняясь въ теченіи срочно-обязаннаго положенія смотря потому—отправляютъ ли крестьяне барщину, или переходятъ на оброкъ,—то это опять неосуществимая идиллія. Покажемъ помѣщикъ имѣетъ полицейскую власть въ поземельной общи-

нѣ, то сельское общество, состоящее изъ поземельныхъ общинъ — не можетъ быть самостоятельно. И тутъ опять срочно - обязанное положеніе является источникомъ всякихъ смуть административно - судебныхъ, а можетъ быть и кровавыхъ.

Наконецъ по пятому вопросу административное отдѣленіе рѣшаетъ противъ подчиненія сельскихъ обществъ волостному правленію. Съ этимъ и мы совершенно согласны; всякое лишнее управленіе вредно.

Но кажется *названіе* волости остается, потому что общее присутствіе комиссій по первому докладу административнаго отдѣленія рѣшило:

“а) Замѣнить названіе поземельной общины—мірскимъ обществомъ, а сельскаго общества—волостью.”

(Конечно тутъ дѣло только въ названіи, но я предложилъ бы первое назвать просто—*общиной*, а второе просто—*волостью*. Оно короче.)

“б) Мірское общество составляется изъ крестьянъ одной деревни, поселенныхъ на землѣ одного помѣщика, или же изъ *однопольстныхъ* крестьянъ, хотя живущихъ въ нѣсколькихъ смѣжныхъ деревняхъ, но имѣющихъ одинъобщій надѣлъ. При этомъ, порядокъ пользованія землею можетъ быть и личный и общинный.”

Если бы прежде всего была рѣшена метода выкупа, если бы помѣщики, получивъ облигаціи по стоимости выкупа, не вмѣшивался болѣе въ управленіе, то общее присутствіе комиссій могло бы постановить, что соединеніе маленькихъ деревень въ одну смѣжную мірскую общину, и соединеніе нѣсколькихъ общинъ въ волость,—должно быть предоставлено самимъ крестьянамъ; какія селенія къ какому центру хотятъ принадлежать—было бы ими самимъ рѣшено на міру. И общины и волости составились бы добровольно; а дѣло правительства было бы только опредѣлять *минимумъ* и *максимумъ* числа душъ для тѣхъ и другихъ. Слово “*однопольстныхъ* крестьянъ” было бы не нужно, какъ для помѣщика равнодушное, а для крестьянъ все же насильственное.

“в) Полицейская власть, предоставленная волостному правленію, должна имѣть въ мірскихъ обществахъ своихъ представителей, избираемыхъ изъ среды тѣхъ же самыхъ обществъ.”

Кажется, что и этотъ вопросъ надо предоставить крестьянамъ самимъ рѣшить на волостныхъ сходкахъ. Если разстояніе между деревнями такъ близко, что лишнихъ администраторовъ хотя бы и выборныхъ, не нужно—къ чему же они? Если повинности, подати, выкупные проценты, все будетъ своевременно уплачиваться, при одной волостной исполнительской власти,—къ чему правительству принуждать крестьянъ къ лишнимъ выборамъ. Если правительство удовлетворено—къ чему ему вмѣшиваться въ внутреннія общинныя и волостныя распоряженія?

Содержаніе 2го доклада административнаго отдѣленія не менѣе важно, не менѣе вызываетъ каждаго мыслящаго Русскаго на участіе въ вопросахъ русскаго міра.

(Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.)

И. ОГАРЕВЪ.

НЕОБХОДИМОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОШЕНІЯМЪ

Г. БУТАШЕВИЧА ПЕТРАШЕВСКАГО.

(Продолженіе.)

Тамъ же ст. 2.—Правительствующему Сенату принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія; поему, какъ хранитель законовъ, *онъ печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія*; надзираетъ за собираніемъ податей и за расходами штатными; печется о средствахъ къ облегченію пародныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.

Тамъ же ст. 3.—Верховная ревизія Суда по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и межевымъ принадлежитъ безпристрастному и пелицемѣрному Сената правосудію.

Тамъ же ст. 4.—Единое лице Императорскаго Величества предсѣдаетъ въ Сенатѣ.

Тамъ же ст. 38, § 2.—Уголовнымъ Судебнымъ Департаментамъ принадлежатъ всѣ поступающія въ Сенатъ дѣла уголовныя.

Тамъ же ст. 223.—Власть Правительствующаго Сената ограничивается единою властію Императорскаго Величества; иной же высшей власти онъ надъ собою не имѣетъ.

XV т. Св. Гр. Зак. изд. 1842 г. ст. 894.—Вѣдомству Правительствующаго Сената подлежатъ верховная ревизія дѣлъ уголовныхъ и слѣдственныхъ, произведенныхъ въ судахъ первой и второй степени, и производство дѣлъ слѣдственныхъ въ преступленіи должностей въ особенныхъ случаяхъ закономъ установленныхъ и изложенныхъ въ раздѣлѣ VII сей книги.

Указъ отъ 8 Сентября 1802 г. за N 20,405. Въ немъ сказано, по изясненіи правъ и преимуществъ Правительствующаго Сената: “Издавая сей указъ, Мы ласкаемъ себя утѣшительнымъ удостовѣреніемъ, что Правительств. Сенатъ ощутитъ въ немъ мѣру Нашей непреложной къ нему довѣренности и будучи точнымъ опредѣленіемъ самъ своей власти, не стѣсняемъ уже никакими препонами къ отправленію долга его, *обратитъ свои усиленныя попеченія къ тому, чтобы во всемъ кругу внутреннихъ дѣлъ надлежаще дѣйствовали законы и нигдѣ не ослабѣвало всякое благоустройство, хранящее пользу общую.*”

На основаніи однихъ даже сихъ словъ указа, Правит. Сенатъ имѣетъ полное право самопроизвольно и законно дѣло сіе, какъ и всякое другое дошедшее до его вѣденія, руководствуясь правомъ, ему принадлежащимъ—печется о томъ, чтобы во всемъ кругу дѣлъ внутреннихъ надлежаще дѣйствовали законы, подвергнуть своему нелицепріятному разсмотрѣнію и суду безпристрастному.

Сила же всѣхъ вышеприведенныхъ статей особенно примѣнительна къ прошенію, поданному мною, ибо сущность его заключается въ жалобѣ на несоблюденіе при производствѣ дѣла, послужившаго поводомъ къ моей ссылкѣ, порядка, формъ, обрядовъ и правилъ, для производства слѣдствія и суда законами установленныхъ. Рѣшеніе о томъ, соблюдены ли были въ извѣстномъ случаѣ юридическія формы какъ слѣдуетъ, принадлежитъ преимущественно по закону Прав. Сенату, какъ верховному въ Россіи учрежденію юридическому и высшему Суду обыкновенному.

Въ силу вышеприведенныхъ законовъ, никакое лицо, мѣсто или вѣдомство, до которыхъ могутъ дойти мои прошенія, къ коимъ сія выписка изъ законовъ составляетъ необходимое приложение, не можетъ (не должно по закону) дать иное теченіе, какъ то, каковое силою самыхъ вышеозначенныхъ узаконеній опредѣляется. Еслибы таковыми лицами или вѣдомствами поступлено было иначе, то они, въ силу вышеприведенныхъ законовъ, будутъ: *опредѣлителями* сферы круга подсудности дѣлъ Правительствующаго Сената, т. е. установителями новыхъ предѣловъ для власти Правительствующаго Сената; каковыя предѣлы самъ Правительствующій Сенатъ себѣ полагать можетъ, или единая власть Его Импер. Величества; черезъ то, въ семь случаевъ, по буквальному смыслу закона, они окажутся виновными въ присвоеніи себѣ правъ и власти, исключительно принадлежащей Правительствующему Сенату и верховной власти Государя Императора.

Совершая это они вступили бы въ сужденіе о дѣлѣ, ихъ суду или разсмотрѣнію по существу своему подлежащемъ и на сужденіе имъ никакъ не представленномъ и никакъ не предоставленномъ, и такимъ образомъ, по поводу сего дѣла, какъ на таковой предметъ закона не имѣется, симъ дѣйствіемъ совершили бы постановленіе новаго закона, ограничительнаго для власти Правительствующаго Сената, примѣнительнаго къ истцамъ или лицамъ, находящимся въ подобномъ моему положеніи, вопреки 51 ст. Основныхъ Госуд. Зак. I т. изд. 1842 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, лишая бывшаго дворянина способствъ и возможности воспользоваться дѣйствіемъ охранительнымъ силы того суда, которому именно онъ подлежалъ и подлежитъ по праву и закону, и по существу дѣла, они совершили еще нарушеніе привилегій дворянству принадлежащихъ, не взирая на то, что соблюденіе законовъ вообще, какъ и точное соблюденіе привилегій дворянства, въ той мѣрѣ, какъ оно не противорѣчитъ благу общественному, составляетъ одно изъ желаній твердыхъ и благихъ вышѣ царствующаго Императора, въ чемъ удостовѣрять могутъ всякаго слѣдующія слова циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 28 Авг. 1855 г. къ господамъ предводителямъ дворянства:

“Всемилюбвишій Государь нашъ повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣщесными Его предками дарованная дворянству.”

Для тѣхъ, кому святы законы ихъ отечества, слишкомъ достаточно этихъ указаній на законы, для того, чтобы признать мнѣніе мое о подсудности моихъ прошеній—юридически основательнымъ и исключаящимъ малѣйшую тѣнь сомнѣнія о семъ.

Такъ какъ выписка сія изъ законовъ пояснительная, выражающая мнѣніе мое, какъ юриста, о вопросахъ могущихъ возникнуть по моему дѣлу, въ настоящемъ его положеніи,—имѣетъ своей специальной цѣлью предотвратить таковыя недоразумѣнія, разрѣшеніе которыхъ согласно съ духомъ и буквою положительнаго законодательства, меня существенно интересуетъ; то я считаю вовсе не лишнимъ и для меня не бесполезнымъ разобрать еще нѣкоторыя мнѣнія, которыя мнѣ случалось слышать выраженными по поводу сего предмета, мнѣнія какъ бы враждебныя движенію моихъ прошеній, хотя и не основывающіяся, ни на началахъ юридическихъ, ни на началахъ политики государственной, но по какой то случайности приобрѣтающія авторитетъ, имъ вовсе не принадлежащій.

Такъ, одно изъ этихъ мнѣній, замѣчательное по своей оригинальности, бывало выражаемо такъ: “Такъ какъ дѣло, послужившее поводомъ къ вашей и другихъ ссылокъ, получило конfirmaцію Е. И. В. то вы, въ силу сего рѣшенія, равно какъ и всѣ другіе, находящіеся въ подобномъ положеніи, поставлены внѣ всякаго закона, и ни одинъ изъ законовъ отечества не можетъ, ни къ вамъ, ни къ нимъ быть примѣненъ; общіе же положительныя отечественныя законы могутъ имѣть свое примѣненіе къ лицамъ, лишеннымъ правъ состоянія за воровство, грабежъ, мошенничество, конокрадство, а не къ лицамъ, осужденнымъ по обвиненіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ.”

Желалъ-бы я знать, на какую статью положительнаго отечественнаго законодательства они указали для подтвержденія ихъ таковаго мнѣнія? Не знаю законодательнаго кодекса ни одного народа, даже самаго варварскаго, въ которомъ-бы предписывалось какой-бы то ни было верховной власти быть сознательно несправедливой, пристрастной и для кого-бы то ни было исключительно и особенно жестокой. Не знаю, какимъ эпитетомъ обозначить ту ихъ симпатичную филантропію, которая, признавая благодатную силу законовъ для тѣхъ лицъ, которыя были-бы признаны преступниками во всѣхъ обществахъ человѣческихъ, заставляетъ ихъ отвергать благодѣтельное значеніе коренныхъ законовъ въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, коихъ преступленія заключались или могли заключаться въ мысли, мнѣніяхъ, или въ формѣ выраженія мыслей или мнѣній, въ таковомъ ихъ выраженіи, которое, при другихъ условіяхъ общественнаго развитія или въ другомъ государствѣ не могло быть отнесено не только къ разряду преступленій, но даже ни къ какому либо виду проступковъ полицейскихъ.

Еще защитники вышеозначеннаго оригинальнаго мнѣнія, быть можетъ желая отклонить меня отъ исполненія моего гражданскаго долга, съ исполненіемъ котораго тѣсно связано и даже зависитъ не одно мое личное благосостояніе, но и благосостояніе всѣхъ, находящихся въ положеніи, подобномъ моему, или чрезъ забвеніе мною сего моего долга предполагая избѣгнуть необходимости удовлетворить таковое мое требованіе, именуя поступокъ мой дѣломъ ребяческаго простодушія, невѣденія жизни практической и многообразныхъ условій дѣйствительности, говорятъ: “Предположимъ даже, что ваше предпріятіе несмотря на всѣ препятствія, дойдетъ къ своему назначенію, не слѣдуетъ забывать, что теперь время не такое, чтобы на него стали обращать вниманіе; война и всѣ вопросы и дѣла, съ нею соединенные, занимаютъ умы всѣхъ.” Не вѣдаю, въ силу какаго указа Правит. Сенатъ, какъ это выходитъ изъ таковаго ихъ мнѣнія, получивъ въ свое вѣденіе дѣла министерства военнаго или министерства иностр. дѣлъ, даже пересталъ бы считать въ числѣ своихъ правъ и обязанностей “печься о повсемѣстномъ господствѣ и охраненіи силы законовъ” въ обширномъ моемъ отечествѣ.

“Можетъ-ли быть”, еще говорятъ они, “чтобъ на дѣло ваше сталъ кто-либо обращать вниманіе, особенно г. предсѣдатель прав. сената, время вами выбрапо самое неудобное”. Въ отвѣтъ имъ на это, вмѣсто моихъ словъ, отвѣчу словами Екатерины II, которую, я думаю, нельзя не признать даже и наивеличайшимъ администраторомъ и политикомъ, нѣсколько знакомымъ съ сущностью дѣла государственнаго верховодства, а именно ея знаменитаго наказа комиссіи о составленіи

проекта поваго уложенія слѣдующими словами: Ст. 516 министр тотъ очень неискусенъ въ званіи своемъ, который всегда вамъ станетъ сказывать, что государь досадуетъ, что онъ нечаянно упрежденъ, что онъ въ томъ поступить по своей власти. Ст. 519 правда что хорошее мнѣніе о славіи и власти царя могло бы умножить силы державы его, но хорошее мнѣніе объ его правосудіи равнымъ образомъ умножить оныя. Ст. 520 все сіе не можетъ поправиться ласкателямъ, которые по всѣ дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены, однакожь мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они должны быть.

Есть еще нѣкоторые, которые отвергаютъ мое право отыскивать справедливаго и законнаго, неотвергаемое положительнымъ законодательствомъ, и приводятъ для отверженія сего, какъ мнѣ, такъ и всякому другому неотъемлемо принадлежащаго права слѣдующее: “Такъ какъ окончательнымъ результатомъ вашего прошенія будетъ или можетъ быть отмѣна состоявшагося объ васъ высоч. повелѣнія по вашему дѣлу, то это есть дѣло невозможное, ибо всѣ рѣшенія верховной власти, какія бы они ни были, должны быть неизмѣнны. Въ томъ заключается ея сила, ея преимущество и главное условіе оной.”

Такъ грубо можетъ ошибаться только тотъ, кто думаетъ, что обладаніе всякой властью и существо всякой власти и состоитъ единственно въ возможности дѣйствовать по своей прихоти и произволу, попирая законы природы, истины, справедливости, требованія чувства и совѣсти. Таковое ихъ невѣденіе могутъ просвѣтить слѣдующія слова Екатерины II въ ея наказѣ, опредѣляющія назначеніе верховной власти въ Ст. 13. какой предметъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра. Ст. 14. И такъ правленіе къ сему концу достигающее лучше прочихъ и притомъ естественную вольность меньше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше слодствуетъ съ намѣреніями въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно.

Такъ говорила и поступала Екатерина II. Кто дерзнетъ препятствовать Александру II поступать такъ?... Развѣ Петра I унизило въ глазахъ потомства то, что выслушавъ Долгорукова, разорвавшаго его указъ, онъ поступилъ не по своему мнѣнію, а согласно съ мнѣніемъ Долгорукова? Развѣ величіе Екатерины II уменьшилось оттого, что она публично, при торжественномъ собраніи своего двора, признала въ одномъ случаѣ свою несправедливость и сказала тому предъ кѣмъ была невольна виновата. “Еслибъ я не была царцею, мнѣ слѣдовало бы у васъ просить прощенія на колѣнахъ.”

И тотъ, кто дерзнетъ безконечно малюи частичкою власти, ему удѣленной отъ власти верховной, противодѣйствовать или препятствовать сознательно верховной власти нынѣ царствующаго императора, въ благихъ ея проявленіяхъ, тотъ не пронесетъ ли на себя, не словомъ, а самымъ дѣломъ, осужденіе?... Имущіе уши да слышатъ и *Honny soit qui mal y pense*. Составлялъ и сочинялъ *сосланный въ каторжную работу Михаилъ Васильевъ сынъ Буташевичъ-Петрашевскій*

Нерчинскій заводъ, 1856 г. 5 Марта. Переписывалъ самъ сочинитель и составитель, въ Иркутскъ, 22 Іюня 1858 года. поселенецъ Зекской волости Иркутскаго уѣзда, Михаилъ Васильевъ сынъ Буташевичъ-Петрашевскій*.

ФЕДОРЪ ПЕРЕВЕРЗЕВЪ ВІТІЯ РАБСТВА.

Въ числѣ позорныхъ мнѣній,—пишетъ намъ одинъ изъ корреспондентовъ—высказанныхъ въ пользу крѣпостнаго состоянія въ Россіи, первенство, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ объемистая записка, составленная въ 1856 году бывшимъ членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, нынѣ директоромъ департамента Разныхъ Податей и Сборовъ, тайнымъ совѣтникомъ *Федоромъ Переверзевымъ*. Пользуясь готовностію редакціи *Колокола* (№. 48), сохранивъ для потомства подобныя документы, сообщаю вамъ нѣкоторыя извлеченія изъ этой записки, достаточныя, какъ я полагаю, чтобы доказать всю гнусность и развращенность понятій г. Переверзева.—Предлагаемъ нашимъ читателямъ выписки изъ этаго диѳирамба:

“Идеи о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ свободы стали развиваться въ Россіи съ того времени, когда для нашихъ университетовъ были выписаны иностранные профессора и иностранцы сами явились для занятія мѣстъ домашнихъ и публичныхъ учителей. Сіи выходцы—наставники большею частію—были приверженцы идеи Вольтера, Руссо, и разныхъ клубистовъ Французской Революціи....” “Хотя и видно, что это суть плоды философіи XVIII вѣка, которая своими ученіями потрясла идеи, на коихъ успокивалось человечество, однакожь трудно и даже опасно возражать противъ понятій, усвоенныхъ многими русскими воспитаніемъ западныхъ школъ, пользующихся покровительствомъ знатныхъ лицъ и неправильно почитаемыхъ за достоинство... ..” “Древніе Славяне, въ томъ числѣ и наши предки любили или самовластіе, или безначаліе. Исторія свидѣтельствуетъ, что они утомленные внутренними раздорами и никому изъ своихъ соотечественниковъ не довѣряя верховной власти, обратились къ враждебнымъ имъ Варягамъ, съ приглашеніемъ трехъ братьевъ, властвовать надъ ними. Но и сіи нормандскіе князья не могли измѣнить характера Славянъ. Наши предки любили сражаться за свободу, но не умѣли ею пользоваться. Одна только тяжелая рука Татаръ научила ихъ повиновенію и указала необходимость соединенія всѣхъ частныхъ волей въ одну общую, съ предоставленіемъ оной въ распоряженіе одного. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный воспользовался симъ урокомъ. Онъ первый открылъ *секретъ*, что съ русскимъ народомъ можно всего достигнуть, обуздавши его своеволіе и безначаліе, что упорные въ независимости повинуются только тому, кто держитъ мечъ надъ ихъ главами и достигая сего описаннымъ въ исторіи путемъ. Исторія сего государя говоритъ только о его жестокостяхъ, но не раскрываетъ побудительныхъ къ тому причинъ. Вообще древніе уголовные законы наши весьма тяжки. Карательныя мѣры никого не щадили и употреблялись не къ одному наказанію преступника, но въ страхъ другимъ. Нынѣ съ ужасомъ говорятъ о прежнихъ строгостяхъ и называютъ ихъ тиранією. Но уничтожились ли тѣ злодѣянія, для коихъ жестокости были необходимо. Къ сожалѣнію въ наше время совершаютъ тамъ преступленія и злоупотребленія, для коихъ нынѣшнія узаконенія недостаточны, потому что они почерпнуты изъ иностранныхъ государствъ, не соотвѣтствуя нравственному состоянію русскаго народа. А потому друзья порядка *нерѣдко съ признательностію вспоминаютъ о строгостяхъ Ивана Грознаго и о дубинѣ Петра Великаго*. Оба монарха въ неумышленной выискагельности видѣли залогъ

* Продолженіе Приложеній и ихъ окончаніе будетъ въ слѣдующемъ листѣ.

нравственной силы и успѣха . . . . — Крестьяне въ обществѣ должны быть разсматриваемы какъ люди, и какъ производители. Они разчищаютъ поля, пахутъ, сѣютъ и собираютъ жатву, безъ нихъ поля были бы дикими пустошами, не производящими ничего кромѣ мховъ и репейника; тучныя степи и вѣсковые лѣса служили бы убѣжищемъ звѣрей и опаснымъ пріютомъ кочующихъ ордъ.”

Все это краснорѣчїе расточается для того, чтобы доказать, “что неразлучность крестьянина отъ села и поля есть правило совершенно необходимое, что въ семь образѣ жизни онъ всѣхъ питаетъ, даетъ государству война, безопасность и деньги, и что при бродяжничествѣ ничего добраго ожидать отъ него невозможно.”

Излагая за тѣмъ какимъ-то ребяческимъ тономъ свой взглядъ на пользу развитія селѣской промышленности и разные виды ея, авторъ съ ужасомъ спрашиваетъ: “какихъ послѣдствій можно ожидать, когда широкая основа земледѣльческаго хозяйства, въ разнообразныхъ его видахъ, по совѣту философовъ пынѣшняго вѣка, будетъ передана въ руки крестьянъ, съ дарованіемъ имъ свободы?”

“Русскій крестьянинъ вообще добръ, терпѣливъ и послушенъ тому, кто имѣетъ надъ нимъ власть, смѣливъ, изобрѣтателенъ и ко всему способенъ, но только по принужденію, а не по доброй волѣ. Ежели за нимъ есть строгій надзоръ, то онъ по неволѣ дѣлается трудолюбивымъ, бережливымъ, внимательнымъ и исполнительнымъ до того, что съ нимъ можно достигнуть всякой доброй цѣли. Но при освобожденіи отъ всякой зависимости, тотъ же крестьянинъ всегда лѣнивъ и неприхотливъ. Онъ довольствуется тѣмъ, что только можетъ спасти его отъ голода и холода. Дайте ему необходимое и онъ совѣмъ не будетъ работать. Безпечность есть его стихія и онъ не находитъ для себя ничего лучшаго кромѣ покоя и независимости. Въ понятіяхъ и обязанностяхъ гражданскаго общества онъ стоитъ на степени дѣтства и не постигаетъ идеи пользы общей или государственной. Платить подати въ казну или помѣщику оброкъ всегда съ принужденіемъ и изобрѣтаетъ всѣ возможныя, не рѣдко весьма ложныя, даже грубыя выдумки, къ уклоненію отъ сей повинности. Величайшее наслажденіе въ жизни находитъ въ пьянствѣ, звѣриную охоту, рыболовство и мѣлочную торговлю предпочитаетъ постояннымъ работамъ поселянина, а потому весьма склоненъ къ бездомной, бродяжнической жизни. Выгодъ благоустроеннаго правленія онъ не понимаетъ, никакой власти не терпитъ. всякимъ порядкомъ тяготится и думаетъ, что дикая, необузданная свобода есть главное благо человѣка.”

“При таковой природной характеристикѣ нашихъ крестьянъ, трудно придумать болѣе благопріятное, и скажу откровенно, болѣе пагубное средство для уничтоженія нашего вѣковаго земледѣлія, какъ дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ свободы. Тогда добрая нравственность, нечувствительно вселяемая въ хлѣбопашца близости благодати Божіей, дарующей дождь и богатую жатву, или карающей засухами и другими невзгодами, истребится отвлеченіемъ поселянъ отъ сохи въ бродяжничество, бѣдность, развратъ и преступленія усилятся и наше отечество, нынѣ снабжающее продовольствіемъ другія государства, само будетъ нуждаться въ хлѣбѣ.”

“Система помѣщичьяго владѣнія у насъ освящена преданіемъ, обычаемъ и общественнымъ бытомъ, а всякое гражданское сословіе, вѣками утвержденное, есть святыня для каждаго благомыслящаго. . . . Настоящій корень заблужденій въ томъ, что друзья революцій и народныхъ бѣдствій смѣниваютъ крестьянское званіе съ рабствомъ или невольничествомъ, считаютъ нашихъ крестьянъ тѣмъ же, чѣмъ были у Грековъ илоты, а у Римлянъ рабы (servi), у всѣхъ восточныхъ народовъ невольники, у Американцевъ негры. Нѣтъ, порабощенія у всѣхъ народовъ происходили отъ завоеваній, а

невольничества отъ плѣна. Славяне же сами не терпятъ порабощенія и другихъ ему не подвергаютъ. Къ сожаленію многіе изъ нихъ лишились самобытности отъ неумѣнія пользоваться собственною свободою.”

“Крестьянское званіе у насъ установлено собственно для утвержденія земледѣлія и всякаго порядка, ограниченіемъ необузданности, избѣгающей всякаго полезнаго труда, и образовало особое состояніе, полезное себѣ и государству.”

За тѣмъ авторъ съ умиленіемъ рисуетъ благодѣтельную заботливость помѣщиковъ о благѣ крестьянъ и какъ “отъ сего, такъ сказать, отеческаго попеченія владѣльцевъ, путешественникъ, проѣзжая мимо помѣщичьихъ имѣній, съ удовольствіемъ видитъ многочисленныя стада крестьянскаго скота, гумна, наполненныя хлѣбомъ, избы и усадебныя принадлежности въ исправности. Все это доказываетъ зажиточность и довольство крестьянъ.”

Не менѣе умилно и витіевато описываетъ авторъ, какъ трудолюбивыми руками помѣщиковъ “степи, убѣлявшіяся сухимъ ковылемъ, одѣлись въ роскошныя покрывала пшеницы и другихъ хлѣбовъ, холмы и овраги наполнились стадами рогатаго скота или тонкорунныхъ овецъ, болота, тундры и каменистыя ложбища начали производить разный хлѣбъ, волокнистый ленъ и тучныя покосы.”

“Для помѣщичьихъ крестьянъ открыты всѣ пути къ утонченію ихъ ума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Помѣщики, постоянно занимаясь упроченіемъ ихъ благосостоянія, содѣйствуютъ къ улучшенію ихъ нравственности, къ развитію въ нихъ религіозныхъ чувствованій, къ воздержанію ихъ отъ пьянства и другихъ пороковъ и къ утвержденію добрыхъ правилъ.”

Къ распространенію “преступной идеи о необходимости дарованія крестьянамъ свободы” авторъ причисляетъ 1) богослововъ, основывающихъ свои сужденія на *христіанскомъ ученіи*, по коему нѣтъ различія въ гражданскихъ состояніяхъ; 2) философовъ, мечтающихъ сдѣлать всѣхъ людей равными и одинаково счастливыми. “Хотя тѣ и другіе, говоритъ авторъ, люди полезные, однакожь слѣдовать ихъ совѣтамъ въ дѣлахъ государственнаго управленія, опасно.” Далѣе г. Переверзевъ къ категоріи опасныхъ людей относитъ: 3) иностранцевъ, незнающихъ ни быта нашихъ крестьянъ, ни нашихъ законовъ и постановленій, ни нравовъ и обычаевъ; 4) иностранныхъ учителей, проникнутыхъ безвѣріемъ, безнравственностію и революціонными идеями и угрожающихъ нашей національности тѣмъ, что въ своихъ воспитанникахъ выдѣряютъ чужеземныя мысли и наклонности; 5) нѣкоторыхъ изъ русскихъ, проживающихъ за границею, не знающихъ своего отечества или тяготящихся тѣмъ, что въ немъ не находятъ того, что удовлетворяло бы ихъ нѣрѣдко порочнымъ желаніямъ; 6) природныхъ русскихъ, получившихъ образованіе отъ западныхъ наставниковъ и достигшихъ извѣстныхъ степеней въ гражданской службѣ, но не имѣющихъ за собою населенныхъ вотчинъ и потому изъ зависти неодобряющихъ права владѣть крестьянами.” “Мечтательнымъ толкамъ о свободѣ крестьянъ съ охотою предаются: а) студенты, б) чиновники, исключенные изъ службы, в) писаря, г) моты и д) всѣ *развратные* и порочные, любящіе всякаго рода безпорядки и надѣющіеся извлечь изъ нихъ пользу.” Изъ этого авторъ выводитъ слѣдующее заключеніе: “хотя въ пользу будто бы крестьянъ говорить *богословіе*, философія и чловѣколюбіе, однакоже, разсматривая предметъ съ гражданской стороны можно безошибочно сказать, что противъ нашихъ постановленій о крестьянахъ возстаютъ враги вѣковаго порядка, порожденные коммунизмомъ, ложными началами воспитанія, честолюбіемъ, невѣжествомъ, завистію, интересомъ и обманомъ, а изъ такой смѣси ничего нельзя ожидать, кромѣ зла.”

“Страшно подумать о той эпохѣ, когда фаланга ревизителей свободы усилится и проникнутые идеями ея крестьяне стануть

сами требовать свободы. Дерзость, буйства, неуваженіе законовъ и правъ собственности, пьянство, истребленіе рабежи, убійство, поруганіе всего святаго, развратъ, нищета и болѣзни.”

“Въ западныхъ государствахъ, гдѣ порывы независимости во всегдашнемъ волненіи, самая чернь представляетъ внимательно ухо къ рѣчамъ парламентскихъ ораторовъ и сочувствуетъ всему, что только ограничивалось законныя власти, а русскій народъ, твердый въ своей вѣрѣ, любить Бога и даннаго Богомъ царя, почитаетъ Божіе помазаніе особымъ существомъ и думаетъ, что его царь одинъ въ мірѣ благочестивый, одинъ бѣлый царь. Это есть безцѣнный перлъ въ добродѣтеляхъ нашего народа. Пока сія добродѣтель не ослабнетъ въ сердцѣ русскаго народа, пока святое благоговѣніе къ державному имени и безпредѣльная преданность къ монарху будетъ наполнять его душу—Россія останется неизблемою и счастливою.”

“Нѣкоторые думаютъ, что начало истиннаго благоденствія крестьянъ есть обученіе ихъ грамотѣ. Способъ сей полезенъ въ племенахъ Готтскаго (sic) происхожденія и лютеранскаго исповѣданія, а у племенъ Славянскихъ онъ оказываетъ дурныя послѣдствія. Грамотность нашихъ крестьянъ отклоняетъ ихъ отъ сохи и дѣлаетъ ихъ развратными.”

С М Ъ С Ъ .

СМЕРТЬ ИЛИ КОСУШКУ!

;*ПРАВДА-ЛИ* что преступленіе *трезвости* дошло до того въ Тамбовской губерніи, что губернаторъ *Данзасъ* выслалъ военную команду для усмиренія *нелюбимыхъ*? Бѣдное войско, бѣдные офицеры, мало было имъ защищать тронъ и алтарь, помѣщичьи розги и чиновничій разбой—пришлось теперь защищать кабаки съ его штофной и распивочной продажей. Уже не дадутъ ли имъ потомъ ведерные кавалеріи черезъ плечо, полштофные крестики въ петлицу, а нижнимъ чинамъ медали, съ изображеніемъ голубя сходящаго на откупаренный штофъ и съ надписью: Spiritus sanctus—spiriti vini!

Пока мы спрашивали о военныхъ дѣйствіяхъ Данзаса—еще сомнѣваясь въ нихъ—дошла до насъ другая вѣсть о томъ какъ генералъ *Ефимовичъ* въ Пензѣ и Саратовѣ усмирялъ штыками трезвость. Неужели Государь знаетъ это? Неужели во всей семьѣ его нѣтъ человѣка, который на столько бы любилъ его и Россію, чтобы сказать ему это?

Такимъ образомъ мы еще дойдемъ до того что Марію Бредау и ее домъ *вольнаго обращенія*—будетъ защищать Лейбъ-Гвардія.

— Получили мы разныя забавныя подробности о лихомъ управленіи Воронежской губерніи, генераломъ *Синельниковымъ*. Мы ихъ не помѣщаемъ только потому что нѣтъ ни названія уѣздовъ, ни фамилій—а такой холостой, алгебраической гласностью мы не довольствуемся. Спросимъ только Ланскаго и Долгорукова (жандарма) отчего они не отвѣчаютъ на жалобы посланные имъ противъ отважнаго губернатора Синельникова и его вѣрныхъ пандуровъ.

— *Блистательная побѣда одержанная въ Ковенской губерніи Гусарскимъ Е. И. В. полкомъ*.—Взводъ этого полка занялъ въ Ковенскомъ уѣздѣ деревню Воеводзишки, и тотчасъ началъ отбивать у *непріятеля*, сѣно, солому и пр. За сопротивленіе крестьянина Матеуша Илгунаша, солдаты взяли въ плѣнъ и повели къ ротному командиру *Волкову*. Помѣщикъ (*фамилии недостаетъ въ письмѣ*) съ дворовыми, отбили мужика у солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ является къ помѣщику поручикъ *Лапуновъ* требуя выдачу крестьянина на этотъ разъ какъ уже обвиняемаго въ томъ что разрубилъ топоромъ поздрий строевой лошади. Зная опасность военнаго положенія помѣщикъ хотѣлъ замѣять дѣло, но это уже было поздно. Капитанъ

Волковъ донесъ полковому командиру Розену—что крестьяне воеводзишскіе бунтуютъ, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ топоромъ зарубить солдата, но не попалъ, а изувѣчилъ строевую лошадь. Видя неминуемое бѣдствіе, помѣщикъ бросился въ Ковно къ предводителю Іосифу Довгирду, Іосифъ Довгирдъ къ исправляющему должность губернатора Порай - Лентковскому—*troppo tardi* Порай - Лентковскій уже донесъ обо всемъ Назимову

И вотъ ѣдутъ полковникъ *Бо*, жандармъ *Шварцъ*, поручикъ *Лваненко*—депутатъ со стороны побѣдоноснаго войска, другой депутатъ, со стороны побѣжденныхъ. Назимовъ предписываетъ имъ произвести слѣдствіе. На спросъ солдаты показали, что крестьянинъ не хотѣлъ рубить ни солдатъ, ни лошадиныхъ поздрей, что когда его вязали—топоръ у него былъ за поясомъ, что лошадь была оцарапана случайно. Приставъ Мицкевичъ съ своей стороны отказался написать что лошадь была изувѣчена (находя это *гиперболой*!)—оставалось оправдать помѣщика и оставить дѣло.

Но неумытный Назимовъ шутить не любитъ, онъ призываетъ Станислава Хотинскаго (перваго губернатора изъ Польвовъ!) и велитъ въ примѣръ и поученіе другимъ помѣщикамъ наказать *невиннаго* (тѣмъ больше остраски, совершенно виновнаго наказать не хитрость!) Хотинскій, усердствуя общей пользѣ, дѣлаетъ такое заключеніе: что хотя помѣщикъ въ дѣлѣ не обвиняется, но желая дѣло окончить *административнымъ порядкомъ*, губернаторъ предлагаетъ помѣщика посадить подъ арестъ взыскавъ съ него протори, убытки и прогонные деньги слѣдопроизводителямъ всего 108 рублей. Назимовъ, не видя тутъ никакой *гиперболы*, а напротивъ думая поставить полезную параболу—согласился съ губернаторомъ и предложилъ выдержать помѣщика 15 дней на гауптвахтѣ. Военный министръ утвердилъ! А тутъ есть безпокойные люди, удивляющіеся что Панинъ сошелъ съ ума и не сошелъ съ министерства. Да развѣ при такой расправѣ ктонибудь кромѣ сумашедшаго можетъ быть министромъ юстиціи!

;*ПРАВДА-ЛИ* что бывшій Предсѣдатель Уголовной Палаты въ Могилевѣ Г. Стаховскій—надѣвалъ крѣпостнымъ женщинамъ своимъ намордники—когда онѣ собирали овощи, въ благоразумное предупрежденіе соблазна горохомъ или морковью? Это было не въ 1657—а въ 1857 году. Говорятъ будто производится слѣдствіе *для скрытія* этого дѣла.*

— Мы узнали изъ вѣрнаго источника что чиновникъ особыхъ порученій Одесскаго Строгонова *В. В. Миклашевскій*, несправедливо обвиненъ въ статьѣ о торговлѣ *женщинами*, поставляемыми изъ Одессы въ Константинополь—(47 листъ *Колокола*). Спѣшимъ передать это нашимъ читателямъ—снова повторяя, что мы готовы печатать всевозможнѣйшіе поправки.

— Мы получили письмо въ которомъ неизвѣстный корреспондентъ, описываетъ почему и какъ провозятъ контрабанду на западной границѣ, и какими средствами ее уменьшить. Это второе письмо о томъ же предметѣ; а потому мы и считаемъ неизлишнимъ сказать почему мы не печатаемъ ихъ. Мы стоимъ за всякаго рода *облегченія и освобожденія*, и намъ вовсе нѣтъ дѣла до полицейскаго или таможеннаго послабленія—мы не учимъ какъ крѣпче запираеть тюрьмы и какъ прочнѣе клепать цѣпи.

— Приславшаго намъ изъ Яссы исторію о притѣвленіяхъ Г. П. *Ржепницкаго* русскимъ консуломъ *Поповымъ*, въ пользу англійскаго консула *Черчилля*—извѣщаемъ что часть его письма будетъ помѣщена въ отдѣлѣ *Подъ Судъ*.

* Нисавшій намъ прибавляетъ, что въ случаѣ нужды—онъ готовъ скрѣпить своимъ именемъ рассказъ

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C. Цѣна 1 шиллингъ съ первымъ листомъ — ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 53.

1 Октября 1859.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Горжескаго 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. — Price ONE SHILLING, with Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

РУССКІЕ НѢМЦЫ И НѢМЕЦКІЕ РУССКІЕ

(ОТРЫВОКЪ ПЕРВЫЙ)

Правительствующіе Нѣмцы.

Историки дѣлаются — поэты рождаются — говоритъ латинская сентенція. Наши правительствующіе нѣмцы имѣютъ ту выгоду противъ историковъ и поэтовъ, что они и *дѣлаются и рождаются*. Родятся они отъ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, дѣлаются изъ онѣмчившихся русскихъ. Плодородіе это — спору нѣтъ — дѣло хорошее, но чтобъ они не очень гордились этимъ богатствомъ путей нарожденія, мы имъ напомнимъ, что только низшія животныя разводятся на два, на три мапера, а высшія имѣютъ одну методу, за то хорошую.

Изъ всѣхъ правительственныхъ нѣмцевъ — само собою разумѣется — русскіе нѣмцы самые худшіе. Нѣмецкій нѣмецъ въ правительствѣ бываетъ наивень, бываетъ глупъ, снисходитъ иногда къ варварамъ, которыхъ онъ долженъ очеловѣчить. Русскій нѣмецъ ограниченно уменъ и смотритъ съ отвращеніемъ стыдящагося родственника на народъ. И тотъ и другой чувствуютъ свое безконечное превосходство надъ нимъ, и тотъ и другой глубоко презираютъ все русское, увѣрены, что съ нашимъ братомъ ничего безъ палки не сдѣлаешь. Но нѣмецъ не всегда показываетъ это, хотя и всегда бьетъ; а русскій и бьетъ и хвастается.

Собственно *нѣмецкая* часть правительствующей у насъ Германіи, имѣетъ чрезвычайное единство во всѣхъ семнадцати или восемнадцати степеняхъ нѣмецкой таблицы о рангахъ. Скромно начинаясь подмастерьями, мастерами, гезелями, аптекарями, нѣмцами *при дѣтяхъ*, она быстро взползаетъ по отлогой для ней лѣствицѣ — до нѣмцевъ *при Россіи*, до ручныхъ Песельродовъ, цѣпныхъ Клейнмихелей, до однопостасныхъ Бенкендорфовъ и двупостасныхъ Адлерберговъ (*filiusque*). Выше этихъ *горъ и орловъ* ничего нѣтъ, т. е. ничего земнаго... надъ ними олимпійскій вѣнокъ нѣмецкихъ великихъ князей, съ ихъ братцами, дядюшками, дѣдушками.

Всѣ они, отъ юнѣйшаго нѣмца подмастерья — до старѣйшаго дѣдушки изъ снѣговержцевъ зимняго Олимпа, отъ рабочей сапожника, гдѣ ученикъ заколачиваетъ смиренно гвозди въ подошву, до экзерциргауза, гдѣ нѣмецъ корпусный командиръ заколачиваетъ въ гробъ солдата — всѣ они имѣютъ

одинакіе зоологическіе признаки, такъ что въ нѣмцѣ-сапожникѣ бездна генеральскаго и въ нѣмцѣ-генералѣ пропасть сапожническаго; во всѣхъ нихъ есть что-то ремесленическое, чрезвычайно акуратное, цѣховое, педантское, всѣ они любятъ стяжаніе, но хотятъ достигнуть денегъ честнымъ образомъ, т. е. скупостью и усердіемъ — это даетъ имъ ихъ черствый, холодный, осторожный и безстрастный характеръ. Воруя на службѣ, можно еще быть добродушнымъ плутомъ; наживать честнымъ образомъ — все же будешь плутомъ — но злымъ и беспощаднымъ, на пр. исполняя съ точностью безумные приказы самовластья.

Сверхъ этихъ общихъ признаковъ, всѣ правительствующіе нѣмцы относятся одинакимъ образомъ къ Россіи, съ полнымъ презрѣніемъ и таковымъ же непониманіемъ.

Не знаю каковы были шведскіе нѣмцы, приходившіе за тысячу лѣтъ тому назадъ въ Новгородъ. Но новые нѣмцы, особенно идущіе царить и владѣть нами изъ Остзейскихъ провинцій, послѣ того какъ Шереметевъ “изрядно повоевалъ Лифляндъ,” похожи другъ на друга какъ родные братья. Самый полный типъ ихъ, это конюхъ-регентъ, герцогъ на содержаніи *Эристъ-Иоганъ Биронъ*.

Въ мою молодость въ Москвѣ, я имѣлъ случай изучить — по крайней мѣрѣ челоуѣкъ пять Бироновъ — только они не были на содержаніи, а жили на свой счетъ. Отецъ мой охотно отдавалъ дворовыхъ мальчиковъ къ нѣмцамъ *въ науку*. Всѣ хозяева были пеумолимые, систематическіе злодѣи, и при томъ какіе-то *беззлобные*, что еще больше дѣлало невыносимымъ ихъ тиранство. Я помню, очень живо щеточника въ Леоптьевскомъ переулкѣ, бѣлобрысаго нѣмца, съ испорченными зубами, лѣтъ 35, чисто одѣвавшася, говорившаго тихо и скромно державшаго себя внѣ мастерской. Дома при немъ постоянно лежалъ ремень, и онъ какъ американскій плантаторъ или какъ пьяный кучеръ стягалъ то и дѣло — то того, то другого мальчика, и стягалъ два раза, если тотъ отвѣчалъ. Я даже не думаю, чтобъ этотъ челоуѣкъ былъ особенно свирѣпъ, онъ съ тупымъ убѣжденіемъ продолжалъ дѣло Петра I и вколачивалъ ремнемъ европейскую цивилизацію. “Es ist ein Vieh — man muss der Bestie den Russen herausschlagen,” думалъ онъ съ покойной совѣстью.

Я увѣренъ, что Биронъ ужиная en petit comité съ своими

Левенвольденами, Менгденами, точно такъ относился о всей Россіи и Остерманъ ему поддакивалъ, если не было никого изъ русскихъ и жаловался на глухоту, если ктонибудь былъ на лицо. И добрые нѣмцы, какъ добрый щеточникъ, безъ устали употребляли ремни въ родѣ Ушаковыхъ, Бестужевыхъ, которые подымали Россію на дыбу, ломали ей руки и ноги, и были вдвое мерзѣе своихъ нѣмецкихъ хозяевъ.

Объ нихъ-то именно мы и хотимъ поговорить.

Типъ Бирона здѣсь блѣднѣе, Русскій на манеръ нѣмца, далеко превзошелъ его; мы имѣемъ въ этомъ отношеніи предѣлъ, геркулесовъ столбъ, далѣе котораго "отъ жены рожденный," не можетъ идти, это графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Въ немъ совмѣстились всѣ роды бичей, которыми Русь воспитывалась, это былъ раболѣпный татарскій баскакъ, ваушникъ дворецкій изъ крѣпостныхъ и прусскій вахмистръ времени курфюрста Фридриха Вильгельма. Но что же было въ немъ русскаго? Какое-то національное ensemble, какое-то національное сочетаніе нагайки, розогъ и шпицрутена.

Аракчеевъ совсѣмъ не нѣмецъ, онъ и по нѣмецки не зналъ, онъ хвастался своимъ руссопетствомъ, онъ былъ такъ сказать по службѣ нѣмецъ, и не отдавалъ себѣ никогда отчета, выбивалъ изъ солдата ли мужика не только русскаго, но и человѣка.

Такъ какъ въ Саксоніи есть своя небольшая Швейцарія, такъ у насъ своя и притомъ очень большая Германія. Средоточіе ея въ Петербургѣ, но точки окружности вездѣ, гдѣ есть стоячій воротникъ, секретарь и канцелярія, во всѣхъ администраціяхъ: сухопутныхъ, горныхъ, соляныхъ, военно-статскихъ и статски-военныхъ. Настоящіе нѣмцы составляютъ только ядро или закваску, но большинство состоитъ изъ всевозможныхъ русскихъ — православныхъ, столбовыхъ, съ нашимъ жирнымъ носомъ и монгольскими скулами, ученыхъ, невѣждъ, эскадронныхъ командировъ, журналистовъ и начальниковъ отдѣленія. Они то и занимаютъ всѣ первыя мѣста, когда нѣтъ подъ рукой настоящаго нѣмца и всѣ вторыя, когда есть, или вѣриѣе, всѣ остальные кромѣ поповскихъ, и это оттого, что нѣмецъ ex officio долженъ ходить по нѣмецки, т. е. брить бороду, а попъ изъ религіозныхъ причинъ долженъ быть женатъ и съ бородой.

Вступивъ однажды въ нѣмцы, выйти изъ нихъ очень трудно, какъ свидѣтельствуеетъ весь петербургскій періодъ; какой-то нервъ портится, какой-то уголь отшибается, и въ силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское, по крайней мѣрѣ то русское что составляетъ народную особность. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ нѣмцевъ, желавшихъ обрусѣть, былъ Николай. Чего онъ не дѣлалъ, чтобъ сдѣлаться русскимъ — и Финовъ крестилъ, и уніать сѣкъ, и церкви велѣлъ строить опять въ видѣ судка, и русское судопроизводство вводилъ тамъ гдѣ никто не понималъ по русски, и все иностранное гналъ и паспортовъ не давалъ за границу — а Русскимъ все не сдѣлался, и это до такой стѣпени справедливо, что народность у него являлась на манеръ нѣмецкаго Тейчтума, а православіе проповѣдывалось на католическій манеръ; толкуя о народности, онъ даже не могъ черезъ русскую бороду перешагнуть, помня, что скипетръ ему былъ врученъ на томъ условіи, чтобъ онъ "брить бороду и ходилъ по нѣмецки." Этого мало: Николай при первомъ представившемся случаѣ, когда враждебно встрѣтились интересы Россіи съ нѣмецкими интересами, предалъ Россію, такъ какъ ее предалъ нарѣченный дѣдъ его

Петръ Ѳедоровичъ. Только что они пашли разныхъ нѣмцевъ, Петръ Ѳедорычъ измѣнилъ Россію въ пользу прусскаго короля, потому что Фридрихъ былъ геній; Николай измѣнилъ всему славянскому міру въ пользу австрійскаго императора, а тотъ былъ идіотъ.

Дѣло то въ томъ, что жизнь русскую, не установившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать безъ особеннаго сочувствія, но во сто разъ труднѣе въ нѣмецкомъ переводѣ, а мы ее только въ немъ и читаемъ. Она ускользаетъ отъ чужихъ опредѣленій, а сама не достигла того отстояшагося, полнаго сознанія и отчета, которое является у старыхъ народовъ, вмѣстѣ съ сѣдиною и печальнымъ припѣвомъ: Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!

Вмѣсто статистическихъ, юридическихъ, историческихъ торныхъ дорогъ, по которымъ мы ѣдимъ во всѣ стороны на Западъ, у насъ вездѣ лѣсъ, проселки, дичь . . . Стремленія, способности, огромный ростъ, въ ужасъ приводящее молчаніе и какой-то народный бытъ засыпанный мусоромъ . . . вотъ и все. Есть признаки, примѣты, звуки, симпатіи, по которымъ многое дѣлается понятнымъ для простаго ума, т. е. непредупрежденнаго, для простаго сердца, для кровной связи; это чутье совершенно притупляется нѣмецкой дрессировкой.

Кто не видалъ въ свою жизнь истаго городского жителя, какъ онъ теряется въ полѣ, въ лѣсу, въ горахъ?.. Ни буточника чтобъ спросить дорогу, ни нумеровъ, ни фонарей; а крестьянскій мальчикъ попѣваетъ пѣсни, щелкаетъ орѣхи и преспокойно идетъ домой.

Той ясности, той легости, къ которой насъ приучаетъ чтеніе духовныхъ завѣщаній, надгробныхъ надписей, оконченныхъ процессовъ мы не находимъ и, обращаясь къ хаосу русской жизни, ломаемъ и гнемъ непонятные факты въ чужую мѣру.

Это метода Петра, перваго императора и перваго русскаго нѣмца. Петръ былъ совершенно правъ въ стремленіи выйти изъ неювкихъ, тяжелыхъ государственныхъ формъ московскаго царства, по разорвавшейся съ народомъ и равно лишенный гениальнаго чутья и гениальнаго творчества, онъ поступилъ проще. Возлѣ, рядомъ иныя формы прочной нѣмецкой работы, въ нихъ такъ могуче развилась западная жизнь, чего же лучше: Herr Nachbar eine kleine Copie..... Въ самомъ дѣлѣ, коли эти формы были хороши для такихъ аристократовъ какъ Французы, Шведы, Нѣмцы, какъ же имъ не быть хорошими для русскихъ мужиковъ, стоитъ сначала приневолить, обрить, посѣчь, и все пойдетъ какъ по маслу.

Такъ оно и пошло; ясно что для вколачиванія Русскихъ въ нѣмецкія формы, слѣдовало взять нѣмцевъ; въ Германіи была бездна праздношатающихся пасторскихъ дѣтей, егерей, офицеровъ, берейторовъ, форейторовъ; имъ открываютъ дворцы, имъ вручаютъ казну, ихъ обвѣшиваютъ крестами; такъ какъ Кортесъ завоевывалъ Америку испанскому королю, такъ нѣмцы завоевывали шпицрутенами Россію нѣмецкой идеей.

Если Биронъ ссылалъ сотнями, сѣкъ тысячами, это значитъ что русскіе дурно учились.

Вѣдь за то-то и Аракчеевъ билъ всю жизнь русскаго человѣка, чтобъ лучше его пригнать въ солдатскую мѣру, а ее Аракчеевъ унаслѣдовалъ изъ чистѣйшаго голштинскаго источника, преданіе котораго хранилось свято и исправно въ Гатчинѣ. Идеаль вахт-параднаго солдата, до котораго Аракчеевъ докалывалъ, былъ хорошъ — а скотина мужикъ

этого не понималъ... 1,000 шпицрутеновъ, 2,000, 3,000,— да чего жалѣть прутьевъ, нашъ край дубравенъ—10,000!

Нѣмцы изъ настоящихъ и изъ поддѣльныхъ приняли русскаго человѣка за *tabula rasa*, за листъ бѣлый бумаги.... и такъ какъ они не знали что писать, то они положили на немъ свое тавро, и сдѣлали изъ простой бумаги гербовый листъ и исписали его потомъ нелѣпыми формами, титулами, а главное крѣпостными актами, которыми закабалляли больше и больше это *живое тѣсто*, которое они были призваны выцивилизовать.

За работу они принялись усердно: что помѣщикъ — то Петръ I, что нѣмецъ—то Биронъ. Помѣщикъ высѣкалъ изъ крестьянина лакея, Аракчеевъ солдата. Добросовѣстные изъ нихъ были увѣрены, что они образуютъ ихъ. “Посмотрите, говоритъ помѣщикъ, на Гришку, три года тому назадъ за сохой ходилъ, а вотъ теперь служить въ англійскомъ клубѣ не хуже всякаго офиціанта, у меня есть секретъ ихъ учить. Тяжело было, нечего дѣлать, не одну березовую припарку вынесъ, за то теперь самъ чувствуетъ мои благодѣянія.”

И дѣйствительно, Гришко чувствовалъ это и богу молилъ за барина, и отца съ матерью въ деревни презиралъ какъ сиволапыхъ мужиковъ.

Такъ у насъ шло тихо, да келѣйно, поспѣвая, да постегивая, и долго бы прошло, да вдругъ русская жизнь натолкнулась на *русской* вопросъ, а по нѣмецки его разрѣшить нельзя.

Вопросъ этотъ въ освобожденіи крестьянъ съ землею... и во всякихъ чудесахъ — въ правѣ на землю, въ общинномъ владѣніи.*

И—ръ.

КОММИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(продолженіе)

Во второмъ докладѣ Административное Отдѣленіе постановило слѣдующіе вопросы:

1. Какія обстоятельства должны быть приняты въ соображеніе при опредѣленіи размѣра сельскихъ обществъ (волостей)?

2. Слѣдуетъ ли въ составляемомъ общемъ положеніи опредѣлять нормальный размѣръ сельскихъ обществъ (волостей) и если слѣдуетъ, то какой именно?

3. Слѣдуетъ ли допускать раздѣленіе значительныхъ имѣній на отдѣльныя сельскія общества (волости), или присоединеніе разныхъ частей одного селенія къ разнымъ обществамъ?

4. Слѣдуетъ ли допускать соединеніе въ одно сельское общество поземельныхъ общинъ (мірскихъ обществъ), между собою несмежныхъ?

5. Слѣдуетъ ли допускать раздѣленіе одного значительнаго имѣнія, состоящаго изъ нѣсколькихъ деревень, на нѣсколько сельскихъ обществъ (волостей)?

Пропуская, по принятому нами порядку, мнѣнія губернскихъ комитетовъ и генераль-и-не-генераль-губернаторовъ, мы только мимоходомъ замѣтимъ мило-забавное мнѣніе Нижегородскаго комитета, который *minimum* сельскаго

* Статья наша была набрана, когда мы получили прелюбопытное письмо о дерить, что это за учевое болото, что за лужа германизма, самаго узкаго, самаго исключительнаго, самаго теологическаго; мы давно знали студентскую исторію бывшую въ Ноябрь 1857, не печатали мы ее изъ помятой пощадки къ провинціямъ все же покореннымъ. Но отрывки изъ письма непремѣнно передадимъ нашимъ читателямъ... Чтобы государю уговорить всѣхъ остзейскихъ нѣмцевъ переселиться *mit Weib und Kind* въ *gesammtes Vaterland*, ну хоть въ Пруссію, что-ли?... а Финновъ оставить свободными съ землею.

общества полагаетъ изъ 21 душъ, потому что “при этой нормѣ всѣ помѣщики воспользовались бы правами начальника общества, *весьма важными для ихъ домашняго снохоистаія.*” Такъ вѣжно прикрыть жажду рабовладѣнія едва ли могъ какой мужчина... развѣ Маниловъ; но всего вѣроятнѣе, что это какая нибудь чувствительная дама, опасаясь за участь горячо-любимаго сына, еслибы ей уже нельзя было отхлопывать по щекамъ Агашекъ и Парашекъ, шепнула эту фразу своему супругу, а тотъ обрадовался по своимъ расчетамъ, и фраза была внесена въ губернской проектъ. Впрочемъ это мнѣніе было отвергнуто уже министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

За тѣмъ перейдемъ къ мнѣніямъ административнаго Отдѣленія,

Оно опредѣляетъ предметъ слѣдующимъ образомъ:

“По признанной уже необходимости точно разграичить круги дѣйствій поземельной общины и сельскаго общества, и оставить первую безъ измѣненія въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, и безъ всякаго вмѣшательства со стороны сельско-общественнаго управленія въ предметы ей предоставленныя, *можетъ только быть рѣчь* о наиболѣе удобномъ и правильномъ назначеніи размѣровъ *сельскаго общества, какъ низшей административной единицы.*”

Это опредѣленіе совершенно доказываетъ то, что мы говорили въ прошломъ листѣ “Колокола,” т. е. что различіе поземельной общины и сельскаго общества только номинальное, а въ дѣйствительности одна ли поземельная община, или нѣсколько соединившихся поземельныхъ общинъ, всѣ они составляютъ *одинъ міръ*, (т. е. число совершеннолѣтнихъ душъ въ поземельной общинѣ), которому предстоитъ выборъ лицъ для своего управленія; искомое тутъ не различіе поземельной общины и сельскаго общества, а *отношеніе міра къ избранной имъ исполнительной власти*; и предметъ втораго доклада можетъ быть выраженъ гораздо проще: *какое число душъ можетъ составлять міръ?*

Отвѣчая на первый изъ вопросовъ помянутыхъ въ началѣ листа, (т. е. на какихъ основаніяхъ опредѣлить размѣръ сельскихъ обществъ), Административное Отдѣленіе говоритъ: “При распредѣленіи крестьянъ на сельскія общества необходимо имѣть въ виду, чтобы размѣры общества соответствовали *потребностямъ и способамъ самихъ крестьянъ*, и не представляли бы *неудобствъ въ правительственно-административномъ отношеніи.*”

Руководствуясь этими двумя данными, административное Отдѣленіе рѣшаетъ очень вѣрно, что сельскимъ обществамъ, по числу душъ и по пространству, не слѣдуетъ быть ни слишкомъ мелкими, ни слишкомъ крупными. Для этого результата довольно было и одного даннаго, т. е. точки зрѣнія правительственно-административныхъ удобствъ. Что касается до потребности и способовъ самихъ крестьянъ — административное отдѣленіе никогда не будетъ въ состояніи ихъ опредѣлить. Такимъ образомъ оно говоритъ, что число членовъ общества должно быть соображено съ большей или меньшей зажиточностью крестьянъ. Но ктоже станетъ опредѣлять эту большую или меньшую зажиточность? Не гораздо ли проще, не гораздо ли справедливѣе, наименѣе стѣснительно для самобытности сельскихъ обществъ — предоставить крестьянамъ самимъ, по ихъ соглашенію, соединяться въ группы, т. е. въ *міръ*, обозначивъ только, чисто съ правительственной точки

зрѣнія, предѣлы меньшаго и большаго числа душъ, меньшаго и большаго пространства? Жить *миромъ* придется крестьянамъ; кому же и назначать составъ его какъ не имъ самимъ? Рѣшая этотъ вопросъ правительственно, т. е. насильно, вы заставите жить вмѣстѣ людей, которые не хотятъ жить вмѣстѣ, и разрозните деревни, которыя охотно соединились бы въ одну группу.

По второму вопросу, т. е. опредѣленія нормальнаго размѣра сельскихъ обществъ, административное Отдѣленіе разсуждало о томъ—распредѣлить-ли ихъ по приходамъ и рѣшило было весьма справедливо, что по приходамъ не вездѣ можно распредѣлить, а потомъ нашло, что гдѣ совпадаетъ приходъ съ данными нормами, то лучше раздѣлить на приходы, или соединять два или нѣсколько полныхъ приходоу въ одно сельское общество. А общее Присутствіе Коммиссій измѣнило редакцію такъ: “образуя *непрѣменно* отдѣльное общество изъ каждаго прихода, если послѣдній соотвѣтствуетъ нормамъ.” Общія мірскія выгоды какойнибудь группы деревень могутъ быть совершенно независимы отъ мѣстнаго удобства отпра- влять духовныя требы. Не надо мѣшать крестьянамъ ходить къ обѣднѣ, исповѣдываться, вѣнчаться, крестить, хоронить гдѣ— имъ ближе, гдѣ удобнѣе. Съ административной точки зрѣнія нужно только одно, чтобы рожденіе, бракъ и смерть каждаго лица были вписаны въ особую книгу при конторѣ сельскаго общества, что со временемъ чрезвычайно облегчитъ народную перепись. Если же предоставить крестьянамъ самимъ, по своему выбору, по взаимному согласію деревень, группироваться въ міры,—то опытъ докажетъ, что они за центръ будутъ принимать *базары, а не приходы*. По этому административному Отдѣленію, для распредѣленія сельскихъ обществъ, лучше было бы остаться при выраженномъ имъ мнѣніи, чтобы за *общее основаніе принять опредѣленныя нормы числа душъ и географическаго протяженія сельскаго общества*; а общему присутствію свое *непрѣменно* не худо бы взять назадъ. Какъ норму меньшаго населенія административное Отдѣленіе полагаетъ 300, большаго 2000 ревизскихъ душъ; а какъ норму протяженія *наибольшее* разстояніе 12 верстъ отъ центра управленія. И такъ вотъ предѣлы, и предѣлы весьма близкіе къ истинѣ, въ которыхъ надо дозволить крестьянамъ группироваться въ міръ, добровольно, по взаимному соглашенію; иначе сельское общество не можетъ быть прочно и пойдетъ на внутреннія распри. Для этого стоитъ только повѣстить въ каждомъ уѣздѣ означенные предѣлы, дать крестьянамъ мѣсяцъ на размышленіе и созвать по одному депутату съ деревни на сходъ, гдѣ они рѣшатъ окончательно какъ какія деревни соединяются, а депутатъ отъ правительства внесетъ ихъ рѣшеніе въ книгу и на планъ. Намъ кажется что едва-ли иначе можно устроить распредѣленіе сельскихъ обществъ легко и правильно. По этому мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Общаго Присутствія Коммиссій, которое добавило мнѣніе Отдѣленія такъ: “въ мѣстностяхъ, гдѣ, по малой населенности, не найдется на сказанномъ протяженіи (т. е. 12 верстъ отъ центра) 300 душъ *срочно-обязанных* (!) крестьянъ, тамъ дозволить отступленіе отъ установленныхъ правилъ, по *усмотрѣнію Начальниковъ губерній*.” За чѣмъ опять вводить грубость и производъ административнаго вмѣшательства начальниковъ губерній тамъ, гдѣ его легко избѣгнуть? Не лучше-ли въ малонаселенныхъ краяхъ предоставить крестьянамъ самимъ группи-

роваться или изъ меньшаго числа душъ или на большемъ протяженіи; никогда крестьяне не сгруппируются на такое протяженіе, которое было бы для нихъ неудобно. А предоставивъ имъ сверхъ того право, со временемъ, при приращеніи народонаселенія группироваться по взаимному соглашенію иначе, сельская жизнь и ея отношенія къ администраціи сами собою придутъ въ естественное равновѣсіе.

По третьему вопросу—допускать-ли раздѣленіе значительныхъ селеній на отдѣльныя сельскія общества, или присоединеніе разныхъ частей одного селенія къ разнымъ обществамъ, Административное Отдѣленіе рѣшило, что одно селеніе, хотя бы и превышало высшій размѣръ числа душъ, во всякомъ случаѣ, должно составлять одно общество. Почему же это? Въ одномъ селѣ тысячъ въ пять душъ, принадлежавшемъ двумъ помѣщикамъ, съ поконъ вѣка было два разныхъ управленія. Можетъ крестьяне захотятъ сохранить два разныхъ управленія; за чѣмъ же ихъ насильно соединить? Можетъ крестьяне захотятъ соединиться; за чѣмъ же имъ мѣшать? Если дѣло идетъ о соединеніи мелкопомѣстныхъ, то тутъ крестьяне сами не захотятъ присоединяться не къ своему селу; а если захотятъ, то это уже будетъ основано на такомъ положительномъ сознаніи удобства перейти на другое мѣсто, или неудобства оставаться на прежнемъ, что опять таки нечего имъ мѣшать. По меньше бюрократическихъ распоряженій! И по больше хода народному доброволію!

Административное Отдѣленіе продолжаетъ: “Нельзя притомъ не принять въ соображеніе, что нѣкоторыя изъ промышленныхъ и фабричныхъ селеній могутъ со временемъ быть обращены въ мѣстечки и города, т. е. перейти на общее городское положеніе, по которому не ограничивается ни въ какомъ случаѣ численный составъ городского общества.”

Мы уже говорили объ этой совершенно не русской мысли подѣлать изъ селъ города; но нельзя не прибавить еще нѣсколько словъ для большей ясности. Отношеніе сельскаго общества къ земельной собственности опредѣлено; оно удовлетворяетъ потребностямъ населенія; бѣдный обезпеченъ, богатѣе можетъ кто захотѣть. Никто не мѣшаетъ никому чужому, никакому *гостю* пріѣзжать въ это село по своимъ надобностямъ и жить сколько ему угодно, какъ это дѣлается въ Москвѣ и Петербургѣ. Но вводить городское положеніе значитъ измѣнять отношеніе земельной собственности къ населенію. Тутъ земельная собственность становится неудовлетворительною для населенія; являются бездомники и богатые, притѣсняемые и притѣснители; а вмѣсто сельскаго выборнаго и отвѣтственнаго управленія является безотвѣтственная полиція и бюрократизмъ. За чѣмъ же вводить всѣ эти бѣды туда, гдѣ ихъ нѣтъ?

По четвертому вопросу: допускать-ли соединеніе въ одно сельское общество поземельныхъ общинъ, между собою не сложныхъ, т. е. отдѣленныхъ одна отъ другой общинами, принадлежащими къ другому сельскому обществу,—административное Отдѣленіе очень справедливо замѣчаетъ, что лучше, когда общество состоитъ изъ смежныхъ деревень, но что это не всегда возможно, потому что между помѣщиками имѣніями проходятъ и земли государственныхъ крестьянъ. Самый вопросъ былъ очевидно поднятъ помѣщиками, которые все надѣются быть благодѣтелями своихъ крестьянъ во время срочно-обязаннаго положенія и потому рады были бы соединить имѣнія даже разныхъ уѣздовъ, чуть не разныхъ

губерній въ одно сельское общество, сколько бы это ни было тяжело для облагодѣтельствованных ими крестьянъ; но на такое соединеніе и Административное Отдѣленіе и Общее Присутствіе Коммиссій положили свое veto. Честымъ и слава!

Что же касается до чрезполосности съ государственными крестьянами, то и къ сожалѣнію вопросъ не подлежитъ разсмотрѣнію Общаго Присутствія Коммиссій подъ предсѣдательствомъ Ростовцова, но все же предсѣдатель и члены могли бы хотя упомянуть о томъ, что въ дѣйствительности этотъ вопросъ необходимо поднимется, потому что всякая чрезполосность неестественна и мѣшаетъ владѣльцамъ жить и работать. А такъ какъ вопросъ необходимо поднимется, то не худо начать его рѣшеніе теперь. Разрѣшается онъ на дѣль очень просто, но по разнымъ правительственнымъ мнреніямъ и канцелярностямъ очень трудно. На дѣль онъ не можетъ иначе правильно разрѣшиться, какъ слѣдующимъ образомъ: Обросить срочно-обязанный періодъ и считать освобожденныя общины владѣльцами извѣстнаго количества десятинъ земли; помѣщиковъ вознаграждать выкупомъ (облигаціями) и власть ихъ въ общинахъ совершенно устранить. Съ тѣмъ вмѣстѣ устранить отъ казенныхъ крестьянъ все управленіе министерства государственныхъ имуществъ, какъ лишнее, ненужное и вредное; отдать общинамъ казенныхъ крестьянъ земли, которыми они de facto владѣютъ (а если гдѣ слишкомъ много земли, то установить высшій предѣлъ надѣла), и позволить имъ управляться своими выборными на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ станутъ управляться и крестьяне освобожденные отъ помѣщичьей крѣпости. Такъ какъ по самому правительственному предложенію рента съ помѣщичьихъ крестьянъ не должна превышать налогъ съ казенныхъ, то очевидно ничто не мѣшаетъ освобожденнымъ казеннымъ и освобожденнымъ помѣщичьимъ соединяться въ одинъ миръ и выбирать одно управленіе. Тогда чрезполосность сама собою исчезнетъ; всѣ деревни сгруппируются смежно (въ положенныхъ предѣлахъ числа душъ и протяженія) и совершенно добровольно, потому что иначе невыгодно. Но что всего лучше, что тогда въ Россіи будетъ одно крестьянское сословіе, пользующееся одинакими правами.* А это—это было бы дѣло великое! Разумѣется правительство должно отдать казеннымъ крестьянамъ даромъ земли, которыми они de facto владѣютъ, что правительству не трудно сдѣлать: 1) оно никогда этихъ земель не покупало, ничего за нихъ не платило, никогда не было ихъ дѣйствительнымъ собственникомъ, слѣдственно отдавая ихъ, оно ничѣмъ не жертвуетъ; 2) подати остаются тѣже и казна ничего теряетъ; 3) правительство выигрываетъ, освобождаясь отъ министерства, которое сверху до низу грабитъ и самое правительство и народъ; 4) правительство выигрываетъ, потому что управленіе упростится. Сколько при этомъ выиграетъ народъ, объ этомъ и говорить нечего, это было бы торжество для цѣлой Россіи. Одно только замѣтимъ, что въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ правительство должно сохранить лишки и ограничить надѣль, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи земли для занятія будущимъ народонаселеніемъ.

По пятому вопросу: Допускать-ли раздѣленіе одного зна-

* Мы слышали, что Общее Присутствіе Коммиссій утвердило, чтобы крестьянамъ осталось въ надѣль то количество земли, которымъ они теперь пользуются. Отъ души сочувствуемъ такому рѣшенію и чрезвычайно жалѣемъ, что у насъ еще нѣтъ того журнала засѣданій, гдѣ это рѣшеніе находится. Ростовцевъ, для котораго выслушивать каждое мнреніе, а слѣдственно и наше есть обязанность, долженъ бы присылать намъ Журналъ Коммиссій.

чительнаго имѣнья, состоящаго изъ нѣсколькихъ деревень, на нѣсколько обществъ, — Административное Отдѣленіе и Общее Присутствіе Коммиссій рѣшили допускать, на прежде изложенныхъ условіяхъ. Вопросъ также очевидно поднять помѣщиками, да еще богатыми, которымъ это не нравится и хотѣлось бы, во время переходнаго положенія, все имѣнье держать подъ однимъ кулакомъ. Охъ! это срочно-обязанное положеніе! Много оно еще настроитъ зла, если высочайшая воля не сдастъ его въ архивъ и не станетъ строить зданіе на новомъ прочномъ фундаментѣ.

Н. О Г А Р Е В Ъ.

(Продолженіе впродъ.)

НЕОБХОДИМОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОШЕНІЯМЪ

Г. БУТАШЕВИЧА ПЕТРАШЕВСКАГО.

(Окончаніе).

Законы Устава Военно-Уголовнаго, книги II, на которые сдѣланы ссылки въ прошеніи Б. Петрашевскаго и въ приложенной къ нему пояснительной выпискѣ.

Ст. 2. Военный судъ не входитъ въ разсмотрѣніе преступленій, предоставленныхъ исключительно суду духовному, каковы суть: дѣла о прелюбодѣніи, объ оставленіи мужемъ жены и обратно, о двоебрачій и тому подобныхъ; по дѣламъ же о кровосмѣшеніи Военный судъ, для опредѣленія степени вины, соразмѣрной со степенью родства, сносятся съ духовнымъ начальствомъ.

Ст. 4. Военнымъ судомъ судятся по уголовнымъ преступленіямъ слѣдующія лица:

1) Военные и гражданскіе чины, состоящіе въ военномъ вѣдомствѣ, за всѣ роды преступленій.

2) Военные чины, состоящіе по Гвардіи, Арміи, Кавалеріи, Артиллеріи и Инженерному вѣдомству и по Корпусу Внутренней Стражи, равномѣрно и нижніе чины инвалидныхъ и другихъ командъ, при исправленіи ими гражданскихъ должностей, кромѣ Военныхъ Губернаторовъ, управляющихъ и гражданскую частію, которые....

3) Офицеры и нижніе чины Варшавской ночной стражи...

4) Чины полицейскихъ командъ и священнослужители, по преступленіямъ, въ послѣдующихъ статьяхъ опредѣленнымъ.

5) Всѣ чины Донскаго Войска, за преступленія... чиновники и казаки разныхъ казачьихъ войскъ.

6) Разныхъ сословій отставные казаки Оренбургскаго края, какъ-то...

7) Пахатные солдаты... и военные поселяне...

8) Обѣздчики Таможенной Стражи, опредѣляемые...

9) Офицеры и нижніе чины карантинной стражи, за...

10) Всѣ и всѣхъ классовъ чины, состоящіе въ дѣйствительной заводской службѣ на Тульскомъ, Сестрорѣцкомъ и Ижевскомъ заводахъ...

11) Чиновники и нижніе чины Управленія Императорскихъ Военно-Конскихъ заведеній и подвѣдомственныхъ ему мѣсть.

12) Всѣ мастеровые казенныхъ фабрикъ Коммисаріатскаго вѣдомства.

13) Всѣ арестанты, употребляемые на военныхъ работахъ, равно какъ и состоящіе въ гражданскихъ арестантскихъ и исправительныхъ ротахъ...

14) Рекруты принятые Рекрутскимъ Присутствіемъ...

15) Бѣглецы люди, вступившіе подложно въ рекруты...

16) Военнопѣнные...

17) Нижніе чины, въ безсрочномъ отпуску находящіеся за...

18) Нижніе чины, увольняемые отъ службы не за выслугу лѣтъ, а по совершенной неспособности къ оной!...

19) Отставные отъ военной службы, по преступленіямъ...

20) Штрафованные нижніе чины...

21) Офицеры лѣсной роты...

22) Въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ всѣ лица, принадлежащія къ расположеннымъ въ семь краѣ Россійскимъ войскамъ.

23) Сверхъ сего, изъ лицъ гражданскаго вѣдомства предаются военному суду: 1) изобличенные въ нарушеніи карантинныхъ постановленій первыхъ двухъ разрядовъ... 2) корчемники, въ случаѣ... 3) контрабандисты, учинившіе и чиновники, участвующіе въ злоупотребленіяхъ по тайному провозу товаровъ, а также полицейскіе чиновники, замѣченные въ злоупотребленіяхъ при провозѣ контрабанды. 4) Порубщики корабельныхъ лѣсовъ, въ случаѣ...

24) Кавказскіе залинейные народы, жители областей Имеретіи, Гуріи, области Армянской, Мусульманскихъ провинцій, Аванскіе и всѣ прочіе переселенцы, водворяющіеся на восточныхъ берегахъ Чернаго моря, за...

25) Кочующіе въ Кавказской области Нагайцы, Карангайцы, Трухененцы, Куртинцы и другіе Магометанскіе народы, за...

26) Жители Грузіи, изобличенные... равно и жители Ботчалинской, Казахской и Шамшадильской дистанцій, изобличенные...

27) Купцы и мѣщане, изобличенные...

28) Евреи, оказавшіе...

29) Лица, скрывающія военнопленныхъ и непріятельское орудіе.

30) Крестьяне, возмущившіеся противъ помѣщиковъ и всѣ вообще крестьяне, въ случаѣ неповиновенія своему начальству и сопротивленія присланной для усмиренія ихъ воинской силѣ, также и лица, научающія ихъ къ тому.

Примѣч. Если дворянинъ будетъ изобличенъ въ наущенія, то рѣшеніе военнаго суда вносится, съ мнѣніемъ начальника губерніи, на ревизію Правительствующаго Сената, на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ (1835 Окт. 15, 8486).

31) Студенты Дерптскаго Университета, оказавшіеся...

32) Киргизы Оренбургскаго вѣдомства, равно и Киргизы, кочующіе внѣ пограничныхъ линій, по дѣламъ...

33) Ссылно рабочіе Перчинскихъ и другихъ горныхъ заводовъ, и ссыльно каторжные, находящіеся... въ случаѣ... судятся по полевому уголовному положенію; вольнонаемные же на частныхъ заводахъ изъ ссыльныхъ... судятся обыкновеннымъ судомъ.

34) Бѣглые разбойники и убійцы и вообще всѣ бродяги Оренбургской губерніи, судившіеся уже... равно и всѣ тѣ бродяги кои судились...

35) Люди, состоящіе въ службѣ горной...

36) Въ военное время...

Примѣч. Пойманные въ Минской губерніи въ разбояхъ и грабежахъ...

Ст. 85. Если въ дѣлѣ окажутся замѣшанными лица гражданскаго или духовнаго вѣдомства, то слѣдствіе должно быть производимо при депутатахъ отъ сихъ вѣдомствъ. Впрочемъ, такія дѣйствія, кои не терпятъ отлагательства, какъ-то: первоначальныя распоряженія, необходимыя къ приведенію въ извѣстность преступленія, изслѣдованіе происшествія по горячимъ слѣдамъ и т. п. могутъ быть учинены и безъ депутата.

Ст. 89. Депутатъ обязанъ наблюдать за правильнымъ производствомъ слѣдствія и по окончаніи удостовѣрить оное рукоприкладствомъ; въ случаѣ несогласія, онъ вправѣ предъявить свое мнѣніе.

Ст. 90. Если слѣдствіе начато до прибытія депутата, то онъ вправѣ требовать свѣдѣнія о произведенномъ изслѣдованіи, и если въ ономъ найдетъ или недостатокъ, или склонность къ отягощенію судьбы обвиняемаго, то относится къ Уѣздному Стряпчему, прося его настоянія о доставленіи обвиняемому законной защиты, донося о томъ своему начальству.

Ст. 145. Вообще въ продолженіи всего вопроса стараться приводить обвиняемаго къ признанію болѣе кротостію и увѣщаніемъ, нежели строгостію. Обвиняемымъ отнюдь не чинить

пристрастныхъ допросовъ, истязаній и жестокостей, но стараться обнаружить истину черезъ тщательный распросъ и внимательное наблюденіе и соображеніе обстоятельствъ, связи словъ и дѣйствій обвиняемыхъ.

Ст. 149. Надлежитъ спрашивать обвиняемаго съ равнымъ вниманіемъ какъ о томъ, что относится къ его обвиненію, такъ и о томъ, что служитъ къ его оправданію.

Ст. 156. Вопросы и отвѣты должны быть кратки и ясны, безъ околичностей и обстоятельствъ, къ дѣлу не принадлежащихъ.

Ст. 185. Не допускаются также въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подѣ присягу: 1) Лица прикосновенныя къ дѣлу. 2) Находящіеся съ подсудимымъ въ родствѣ и близкостѣ свойствѣ, или въ дружбѣ, или имѣвшіе съ нимъ до того времени вражду, хотя бы они потомъ и помирились. 3) Дѣти противъ родителей; но родители дѣтьми отъ свидѣтельства устранены быть не могутъ. 4) Отпущенные на волю противу прежнихъ своихъ помѣщиковъ и дѣтей ихъ. 5) Люди, подкупленные къ свидѣтельству. 6) Раскольники въ дѣлахъ правовѣрныхъ; въ дѣлахъ же между собою, они къ свидѣтельству допускаются. 7) Равномѣрно не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подѣ присягою: жены противу мужей своихъ.

Ст. 193. Свидѣтелю, когда онъ находится на лицо, надлежитъ всегда прежде допроса: 1) дать очную ставку съ обвиняемымъ; 2) привести его къ присягѣ.

Ст. 194. На очной ставкѣ спрашивать: 1) Свидѣтеля, обвиняемый тотъ ли самый человекъ, о которомъ онъ будетъ показывать. 2) Обвиняемаго, не имѣетъ ли онъ на свидѣтеля какого подозрѣнія.

Ст. 205. Допросъ начинается увѣщаніемъ свидѣтеля, дабы онъ, помня долгъ присяги, говорилъ сущую правду, воздержался въ показаніяхъ своихъ отъ всякаго пристрастія, не увеличивалъ и не уменьшалъ извѣстныхъ ему обстоятельствъ, но какъ что случилось, такъ бы и показывалъ.

Ст. 311. Главное правило въ опредѣленіи вины, или невинности подсудимаго и прикосновенныхъ лицъ, состоитъ въ томъ, чтобъ Судъ руководствовался единственно собственнымъ своимъ убѣжденіемъ, основанномъ на важности доказательствъ и уликъ, отнюдь не стѣпясь мнѣніями и заключеніями слѣдователей и того командира, по повелѣнію котораго обвиняемый былъ преданъ суду.

Примѣч. 1827 Ноября 24, Выс. Указъ, данный на имя Начальника Главнаго Штаба, п. 3, въ коемъ предписано Коммисіямъ Военнаго Суда производить судъ на основаніи коренныхъ законовъ и Указа 8 Августа 1801 года, даннаго С. Петербургскому Военному Губернатору (19,968), въ которомъ написано слѣдующее: "Указомъ, отъ 29 прошедшаго Іюля Вамъ даннымъ, повелѣвъ Гдовскаго уѣзда помѣщицу Славичеву за злоупотребленіе ея власти надъ крестьянами предать суду, не мнилъ я тѣмъ лишить ее средствъ, какія всякому обвиняемому закономъ къ оправданію его предоставляются; нынѣ же до свѣдѣнія моего дошло, что понимая Указъ сей въ видѣ рѣшительнаго въ преступленіяхъ ея обвиненія, и потому не пріемля уже отъ нея никакихъ оправданій и не производя по онымъ слѣдствій, приступлено прямо къ окончательному надъ нею приговору. Я поручаю Вамъ истолковать тому мѣсту, гдѣ судъ сей производится, что Указомъ, мною даннымъ, нимало не отмѣняется установленный для всѣхъ уголовныхъ судовъ порядокъ, на основаніи коего, какъ въ семъ случаѣ, такъ и во всѣхъ ему подобныхъ, подсудимый неотъемлемое имѣетъ право предъавить доказательства свои, а присутственное мѣсто не можетъ никогда отказываться отъ ихъ разсмотрѣнія и всѣхъ изслѣдованій, какія по обстоятельствамъ нужными найдутся, и что предавая обвиняемаго закону, если я хочу, чтобъ преступленіе было обнаружено и получило должное возмездіе, то еще болѣе желаю, чтобъ невинность находила въ томъ же самомъ законѣ и судѣ всѣ средства къ своему оправданію."

Ст. 313. Доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключают всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго.

Ст. 315. Доказательства виновности почитаются несовершенными, когда они не исключают возможности къ показанію невинности подсудимаго.

Ст. 316. Одно несовершенное доказательство виновности вмѣняется только въ подозрѣніе; нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ, совокупно взятыхъ, могутъ составить совершенное доказательство, когда они исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго.

Ст. 317. При сужденіи о томъ, составляютъ-ли доказательства несовершенныя, совокупно взятые, доказательство совершенное, надлежитъ имѣть въ виду: зависитъ-ли достоверность многихъ доказательствъ отъ несомнѣнности одного или нѣтъ; въ первомъ случаѣ, число всѣхъ ихъ не умножаетъ и не уменьшаетъ вѣроятности дѣйствія, поелику съ опроверженіемъ одного уничтожились бы и всѣ прочія; во второмъ же случаѣ вѣроятность дѣйствія умножается числомъ доказательствъ, поелику недействительность одного не влечетъ за собою недействительности другихъ.

Ст. 318. Вообще, при изслѣдованіи силы доказательствъ наблюдать, что чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства.

Ст. 337. Показанія свидѣтелей вовсе не имѣютъ силы доказательствъ: 1.) Когда они учинены безъ присяги. 2) Когда они основаны не на личномъ удостовѣреніи свидѣтелей, но по слуху отъ другихъ.

Ст. 356. Выписка (изъ дѣла) въ присутствіи суда должна быть прочитана подсудимому. Буде онъ при семъ случаѣ вспомнить что либо къ своему оправданію, то можетъ предъявить о томъ суду. Если судъ признаетъ таковое предъявленіе уважительнымъ, то онъ долженъ принять и рассмотреть оное; если же найдетъ не дѣльнымъ и къ оправданію не служащимъ, то въ принятіи ему отказываетъ, объяснивъ причины отказа. Когда же подсудимому такимъ образомъ вся выписка прочтена, и онъ, по выслушаніи ея, объявитъ, что все изъ дѣла выписано исправно и ничего существеннаго не пропущено: тогда велѣтъ ему подписать выписку, а если писать не умѣетъ, то подписать вмѣсто его иному кому.

Ст. 362. По зрѣломъ обсужденіи обстоятельствъ дѣла и уликъ, судъ постановляетъ приговоръ, который долженъ быть основанъ на существѣ доказательствъ и на точномъ разумѣ законовъ, а не на одномъ только судейскомъ разсужденіи.

Ст. 366. Если подсудимый признанъ виновнымъ, то опредѣлять ему наказаніе по точнымъ словамъ закона.

Ст. 368. Относительно прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ не военнаго вѣдомства, военный судъ не дѣлаетъ рѣшительнаго приговора или мнѣнія, а заключаетъ только поступки ихъ предоставить разсмотрѣнію ихъ начальства.

Ст. 371. Приговоръ пишется Аудиторомъ и долженъ содержать обстоятельства дѣла, основанія, принятыя судомъ, точныя слова закона и заключеніе суда; сіе заключеніе надлежитъ изложить съ особенною точностію, дабы въ случаѣ обвиненія, не подлежало сомнѣнію, къ какому роду наказанія обвиняемый приговоренъ.

Ст. 372. Приговоры и мнѣнія надлежитъ писать ясными словами, дабы не могло происходить ни малѣйшаго недоразумѣнія, и не наполнять ихъ излишними обстоятельствами, а помѣщать только самыя нужныя по существу дѣла, поступая въ этомъ случаѣ въ точности на основаніи правилъ, изложенныхъ для составленія выписокъ.

Ст. 373. Приговоры и мнѣнія признаются не действительными, когда форма и обряды, для судопроизводства предписанныя, были нарушены.

Ст. 429. Сверхъ того, при ревизіи военносудныхъ дѣлъ въ Генераль - Аудиторіатъ, обращается строгое вниманіе на слѣдующіе предметы: 1) Сдѣлано-ли узаконенное изслѣдо-

ваніе до приступа къ суду; въ надлежащей-ли степени удовлетворительности произведено сіе изслѣдованіе; приняты ли всѣ мѣры, чтобы съ одной стороны были открыты всѣ виды преступленія и лица къ оному прикосновенныя; а съ другой, чтобы обвиняемымъ даны были всѣ законные способы къ оправданію. 2) Разсмотрѣно-ли дѣло предварительно всѣми мѣстами и лицами, по правиламъ военно-уголовнаго судопроизводства, и не уклонилось-ли оно въ производствѣ отъ пути, законами предписаннаго. 3) Обращено-ли сими мѣстами и лицами должное вниманіе на всѣ обстоятельства дѣла, и соотвѣтствуетъ-ли постановленное ими рѣшеніе точной силѣ существующихъ узаконеній.

Ст. 432. Утвержденіе рѣшеній основывается на точномъ убѣжденіи въ правильности его по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла и прямому смыслу законовъ.

Ст. 433. Собственное рѣшеніе генераль - аудиторіатъ постановляетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подвѣдомственныя мѣста, не вникнувъ въ сущность обстоятельствъ, опредѣлили наказаніе, не соотвѣтственное со степенью преступленія и могущее или ослабить дѣйствіе военно-уголовныхъ законовъ, или обременить участь виновнаго свыше мѣры преступленія.

Ст. 434. При постановленіи собственнаго рѣшенія, генераль - аудиторіатъ руководствуется точною силою существующихъ узаконеній и правилъ, по военно - уголовному судопроизводству принятыхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествовавшая служба и особыя уваженія, даютъ право на снисхожденіе, генераль-аудиторіатъ, не ослабляя нисколько силы закона въ самомъ рѣшеніи, излагаетъ только уваженія, дающія право на снисхожденіе, указываетъ степень снисхожденія, возможнаго безъ вреда для службы, и повергаетъ участь обвиняемаго монаршему милосердію.

Ст. 493. О подсудимыхъ, по высочайшимъ конфирмаціямъ лишаемыхъ дворянства, или отставляемыхъ отъ службы, съ тѣмъ, чтобы и впредь не опредѣлять, равно и о всѣхъ предметахъ, относящихся до исполненія со стороны гражданскаго вѣдомства, доводится установленнымъ порядкомъ до свѣдѣнія правительствующаго сената и сообщается тѣмъ министрамъ, отъ которыхъ исполненіе зависитъ.

Ст. 501. 1836 Марта 29 (9039) Гл. IV, Отд. 3, § 171. Осужденные на смертную казнь разстрѣляніемъ подвергаются таковой казни чрезъ двое сутокъ по утвержденіи приговоровъ суда, надъ ними произведеннаго. Обрядъ разстрѣливанія состоитъ въ слѣдующемъ: 2) Назначенное число войскъ въ опредѣленный день и часъ, выводится на мѣсто казни и строится въ линію, подъ начальствомъ одного изъ бригадныхъ генераловъ. 4) Когда войско выстроится, одинъ изъ священниковъ, во всемъ погребальномъ облаченіи, съ крестомъ и Евангеліемъ въ рукахъ, окруженный конвоемъ, провожаетъ преступника мимо всей линіи на средину ея. 8) По прочтеніи приговора суда, при барабанномъ боѣ надѣвается на преступника бѣлая длинная рубаха. Священникъ даетъ ему благословеніе и удаляется. 9) Конвойные завязываютъ преступнику глаза, отводятъ его къ столбу и привязываютъ къ оному.

Ст. 698. Начальство воинской милиціи обязано къ назначенному часу засѣданія суда представить: 1) подсудимаго подъ стражею, 2) свидѣтелей буде есть, 3) защитника, котораго каждый подсудимый избрать себѣ можетъ, 4) почетный караулъ военному суду.

Ст. 701. Защитникъ входитъ съ подсудимымъ.

Ст. 702. Защитникъ имѣетъ стулъ въ присутствіи, буде онъ изъ такихъ чиновниковъ, кои могутъ имѣть на сіе право.

Ст. 703. Къ суду допускаются зрители, когда нѣтъ особеннаго на то воспрещенія.

Ст. 708. Сторона доносившая, жаловавшаяся, или представлявшаяся о преступленіи можетъ представлять свои объясненія, на кои подсудимый, или защитникъ его могутъ возражать и отвѣтствовать.

Ст. 709. По окончаніи вопросовъ и объясненій, предсѣ-

датель вопрошает подсудимаго и его защитника, не имѣют ли они еще чего либо къ оправданію вины представить.

Ст. 710. Буде они отвѣтствуютъ, что они не имѣютъ и и объявленіе о сѣмъ подпишутъ, то предсѣдатель приказываетъ имъ выйти изъ присутствія.

Ст. 728. По окончаніи суда и составленіи приговора Предсѣдатель приказываетъ открыть двери.

Ст. 729. Предсѣдатель читаетъ приговоръ и законъ, на которомъ онъ основанъ, вслухъ.

Ст. 732. Въ Полевомъ Аудиторіатѣ, по полученіи дѣла, составляется изъ онаго выписка, подъ наблюденіемъ полевого генералъ-аудитора. Въ сей выпискѣ должны быть изложены съ краткостію и ясностію всѣ обстоятельства дѣла и различные законы, по правиламъ, изображеннымъ сей книги 2го раздѣла, 7ой главѣ, въ 5мъ отдѣленіи. Таковая выписка подписывается полемымъ генералъ-аудиторомъ и тѣмъ оберъ-аудиторомъ, или аудиторомъ, который составлялъ ее.

Кромѣ указанныхъ, относятся къ дѣлу :

Ст. 3. Военный судъ имѣетъ два главные вида : 1) Военный судъ, производимый въ мирное время ; 2) Полевой уголовный судъ, коимъ судится въ дѣйствующей арміи.

1) Указанное въ примѣчаніе къ 30 §, 4 ст. Высочайше утвержденное 15 Октября 1835 года положеніе комитета министровъ, помѣщенное въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ N. 8486.

О порядкѣ производства суда надъ лицами участвующими въ дѣлахъ о возмущеніи крестьянъ. Правительствующій сенатъ слушалъ рапортъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, что вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о преданіи военному суду коллежскаго регистратора Левика, за участіе въ дѣлѣ о неповиновеніи крестьянъ помѣщика Пактелъвича, входилъ онъ, г. министръ, съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, который, по соображеніи сего дѣла съ законами, находитъ : 1) что въ правилахъ о порядкѣ производства военнаго суда надъ крестьянами, возмущившимися противъ помѣщиковъ ихъ (Св. Зак. Угол. ст. 1370 - 1372), коими предоставлена начальникамъ губерній особенная власть утверждать и приводить немедленно въ исполненіе приговоры военныхъ судовъ, донося министру внутреннихъ дѣлъ, для внесенія въ комитетъ министровъ, только о такихъ дѣлахъ, по коимъ болѣе 9 человекъ присуждается къ тѣлесному наказанію, или ссылкѣ въ Сибирь,—не содержатся разрѣшенія, какъ поступать съ дворянами, которые окажутся прикосновенными къ дѣламъ о неповиновеніи крестьянъ,—потому, что первоначально военному суду подлежали только одни возмущившіеся крестьяне, высочайшее же повелѣніе, чтобы и лица, учающія къ тому крестьянъ, судились тѣмъ же судомъ, послѣдовало уже въ текущемъ году. 2) Что правилами о военномъ судѣ надъ борчемниками, изданными послѣ правилъ о судѣ надъ неповиновенными крестьянами (ст. 1456), опредѣлительно постановлено : “Если дворянинъ, изобличенный въ корчемствѣ съ насильственнымъ сопротивленіемъ воинской командѣ, судится военнымъ судомъ, то рѣшеніе сего суда вносится съ мнѣніемъ начальника губерній на разсмотрѣніе правительствующаго сената, гдѣ дѣла сіи приводятся къ окончанію на общемъ основаніи уголовного судопроизводства.” 3) Что въ правилахъ о военномъ судѣ надъ контрабандирами и порубщиками корабельныхъ лѣсовъ съ сопротивленіемъ стражѣ вооруженною рукою (ст. 1485 и 1545), сказано, что въ производствѣ таковыхъ дѣлъ должно поступать на томъ основаніи, какъ постановлено о бунтующихъ крестьянахъ и корчемникахъ. Заключая изъ сего, что по одинаковости причинъ, по коимъ учреждаются военные суды въ изъясненныхъ случаяхъ, слѣдуетъ и въ дальнѣйшемъ производствѣ оныхъ соблюдать единообразный порядокъ,—комитетъ полагалъ : всѣ означенныя выше дѣла, когда по онымъ дворянинъ или чиновникъ приговоривается къ лишенію дворянскаго достоинства, или къ какому либо ограниченію

правъ состоянія, согласно 1119 ст. Св. З. У. по разсмотрѣніи начальникомъ губерній, вносить на ревизію въ правительствующій сенатъ, на какомъ основаніи поступить и по настоящему дѣлу о Левикѣ ; въ рѣшеніи же прочихъ дѣлъ сего рода, за исключеніемъ тѣхъ, кои по 1372 ст. слѣдуютъ быть вносимы въ комитетъ министровъ, начальникамъ губерній поступать по мѣрѣ власти, присвоенной имъ въ утвержденіи приговоровъ Уголовныхъ Палатъ и 1371 ст. того же Свода. Государь Императоръ положеніе комитета высочайше утвердить соизволилъ 15го минувшаго Октября. Сообщивъ таковую монаршую волю С. Петербургскому Военному Генералъ-губернатору, для зависящаго распоряженія относительно Левика, онъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ доноситъ объ ономъ правительствующему сенату, съ тѣмъ, не благоугодно ли будетъ о сей высочайшей волѣ кому слѣдуетъ предписать. Приказали (послать, куда слѣдуетъ, указы.)

Примѣчаніе къ 55 ст., подъ именемъ преступленій по первымъ двумъ пунктамъ, разумѣются : 1) Злоумышленіе противъ священной особы Императорскаго Величества и членовъ императорскаго дома и проношеніе императорскаго величества и императорскаго дома злыми и вредительными словами. 2) Бунтъ или измѣна противу Государя и государства.

Ст. 118. Повяты должны быть при обыскѣ для засвидѣтельствованія ; безъ нихъ запрещается производить выемку.

Ст. 136. Лица, къ дворянскому сословію принадлежащія, содержатся подъ строгимъ надзоромъ, со всѣми правилами предосторожности, кромѣ тѣлеснаго наказанія, къ коимъ оковы причисляются.

Ст. 280. Если же противъ судей никакого подозрѣнія не объявлено, то по взятіи отъ подсудимаго и истца, буде по дѣлу таковой есть, о сѣмъ подписки, аудиторъ читаетъ вслухъ слѣдующую судебскую присягу :

“Мы, къ настоящему воинскому суду назначенные судьи, клянемся Всемогущимъ Богомъ, что мы въ сѣмъ судѣ въ прислухающихся дѣлахъ, ни для дружбы или склонностей, ни подарковъ или дачей, ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо по существу дѣла, по Е. И. В. нашего Всем. Г. И. военнымъ законамъ, правамъ и уставамъ, приговоривать и осуждать хотимъ право и нелицемѣрно, такъ какъ намъ отвѣтъ дать на страшномъ судѣ Христовѣ. Въ чемъ да поможетъ намъ Онъ, нелицемѣрный судія.”

Презусъ и ассесоры обязаны въ присутствіи подсудимаго и истца, буде по дѣлу таковой есть, повторить означенную присягу, поднявъ два пальца правой руки, а лѣвую положивъ на Евангеліе.

Ст. 281. Впрочемъ, если члены суда напередъ того часто засѣдали въ военныхъ судахъ и совершали судебскую присягу, къ тому же дѣлу небольшой важности, то могутъ судьи и не присягать, а достаточно того, что присяга отъ аудитора для напоминанія прочтена будетъ.

— Въ 47 листѣ Колокола былъ помѣщенъ вопросъ о томъ, правда-ли, что князь Трубецкой ѣздилъ изъ Комо депутатомъ къ австрійскому войску ? Вопросъ этотъ мы сдѣлали прочитавъ этотъ фактъ въ одной итальянской корреспонденціи.

Князь А. Трубецкой, называя вопросъ Колокола “нашей клеветой,” желаетъ чтобы мы “уничтожили ее.”

Поставивъ себя за святое правило помѣщать всякаго рода поправки, мы тотчасъ доручили спросить о дѣлѣ у Подесты въ Комо. Отвѣтъ его мы получили только на дняхъ и потому спѣшимъ уведомить читателей, что въ немъ дѣйствительно не сказано, чтобъ князь Трубецкой былъ въ депутаціи, онъ только уговаривалъ Епископа и Подесту (1 Іюня 1859) и дти на встрѣчу Урбану. Вотъ подлинныя слова письма : “Quivi alla presenza di entrambi (Подесты и сардинскаго комиссара Веноста) disse (к. Трубецкой) e ripete : è tempo di andarsene (rivolgendo la parola al Venosta) perchè si avvicinano i Tedeschi e possono essere qui fra poco, indi soggiunse che avea esso già parlato al Vescovo per andar incontro all Urban.”

— Первый листъ ПОДЪ СУДЪ! отпечатанъ, онъ заключаетъ дѣло о преступномъ сообщничествѣ гг. ПОПОВА, ИГНАТЬЕВА, В. ПАНИНА и АЛЕКСѢЯ ОРЛОВА.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

WITH SUPPLEMENT No. 29.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOVO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 54.

15 Октября, 1859.

У Трубнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), London. Price six-pence.

РУССКІЕ НѢМЦЫ И НѢМЕЦКІЕ РУССКІЕ

(отрывокъ второй)

Доктринерствующіе Нѣмцы.

То что дѣлалось грубо, хирургически въ передней и казармѣ, повторялось съ разными утонченными и нервными видоизмѣненіями во всѣхъ другихъ сферахъ.

Разрывъ, которымъ для насъ началась *нѣмецкая наука*, невольно ставилъ все отторгаемое отъ прежняго единства въ враждебное отношеніе ко всему остававшемуся по старинѣ. Освобождаясь отъ цѣлаго міра нелѣпныхъ предразсудковъ и тяжелыхъ формъ, *новая Россія* не дѣлалась свободной, на это она еще не имѣла достаточной самостоятельности, а подчинялась другому нелѣпому порядку и принимала его предразсудки,—второй степени, такъ сказать.

Допетровская жизнь была виновата въ разрывѣ, она обусловила и вызвала его; въ ея сонномъ прозябаніи нельзя было долше оставаться не покрывшись плесенью, не распозаваясь, не впадая въ восточную летаргію. А на все на это не доставало азіатской лѣни и старческаго покоя. Совѣмъ напротивъ, въ русской жизни бродила бездна силъ неустоявшихся—съ одной стороны казачество, расколы, неосѣдность крестьянъ, ихъ бродяжничество, съ другой государственная пластичность, — сильно обнаруживавшаяся въ стремленіяхъ раздаться, не теряя единства.

Какимъ путемъ эта стихійная жизнь, равнодушная къ развитію своихъ собственныхъ силъ и даже къ сознанію ихъ, должна была выйти къ совершенствѣнью и измѣниться — это зависело отъ разныхъ обстоятельствъ, но *необходимость* выхода вовсе не была случайностью. Оторвавшаяся часть нѣмой и спящей горы, представляла именно тотъ революціонный ферментъ, то дѣятельное меньшинство, которое должно было волею или неволею увлечь за собою всю массу. Что меньшинство это было само увлечено подражаніемъ чужеземному—и это естественно. Русская жизнь таившая въ себѣ зародыши будущаго развитія, вовсе не подозрѣвая того, держалась за старину по капризу, не умѣя объяснить почему, а революція напротивъ, указывала на блестящіе идеалы, на широкую будущность и наковецъ на существующую Европу съ ея наукой и искусствомъ, съ ея государственнымъ строемъ и общежитіемъ.

Что европейскія гражданскія формы были несравненно выше не только старинныхъ русскихъ, но и теперичныхъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вопросъ не въ томъ догнали-ли мы Западъ или нѣтъ, а въ томъ, слѣдуетъ-ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можемъ пуститься въ объѣздъ. Намъ кажется, что пройдя западной дресировкой, подкованные ею, мы можемъ стать на свои ноги, и вмѣсто того чтобы твердить чужіе зады и прилаживать стоптанные сапоги—намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ-ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ чего-нибудь такого что можетъ имѣть притязанія на общественное устройство несравненно высшее западнаго. Хорошіе ученики часто переводятся черезъ классъ.

Представьте себѣ, что какимъ-нибудь колдовствомъ, кто нибудь вдругъ развилъ бы изъ куриного яйца ящерицу или лягушку. Безъ всякаго сомнѣнія состояніе ящерицы было бы для яйца прогрессомъ, но въ сущности зародышъ ципленка могъ имѣть высшія притязанія, именно сдѣлаться птицей. Если бы мы теперь остановили развитіе ципленка, основываясь на томъ, что ящерица или лягушка выведенная изъ пгичьяго яйца, потому не можетъ еще сдѣлаться пгиченъ, что она не достигла всѣхъ лягушечныхъ совершенствъ, и основываясь на этомъ будемъ его заставлять прыгать на брюхѣ подтянувши ноги, въ то время какъ онъ могъ бы летать, то мы все же сдѣлаемъ avortment пгичи и дальше лягушки ее не разовьемъ.

Наука, которую мы прошли была трудна, помѣчена слезами, кровью и костями. Она пошла въ прокъ, наша здоровая организація все вынесла. Сначала мы были у нѣмца въ учени, потомъ у француза въ школь—пора брать дипломъ.

А страшное было воспитаніе!

При Петрѣ I дресировка началась нѣмецкая, т. е. наиболѣе противоположная славянскому характеру. Военный артикулъ и канцелярскій стиль были первыми плодами нѣмецкой науки. Тяжелые и неповоротливые бояры и князья наперывъ старались походить на капраловъ и берейторовъ, германскій бюрократизмъ обогащался византійскимъ раболѣпиемъ, а татарская нагайка служила превосходнымъ пополненіемъ шпигрутеневъ. На тронѣ были нѣмцы, около трона — нѣмцы, полководцами — нѣмцы, министрами иностранныхъ

дѣль—нѣмцы, булочниками—нѣмцы, аптекарами—нѣмцы, вездѣ нѣмцы до противности. Нѣмки занимали почти исключительно мѣста императрицъ и повивальныхъ бабокъ.

На добродушнѣйшемъ изъ всѣхъ нѣмцевъ, на пьяненькомъ Петрѣ III, какъ всегда бываетъ, оборвалось нѣмецкое единодержавіе. Нѣмка взбунтовавшаяся противъ него—была офранцужена, выдавала себя за русскую и стремилась замѣнить нѣмецкое иго—общеевропейскимъ.

Съ тѣхъ поръ въ обществѣ нѣмцы уступаютъ французамъ, но если французы господствуютъ въ гостинной и на кухнѣ, то передняя и правительство остается за нѣмцами.*

Et par diverses raisons

Gardons ses amis de la maison.

Они любятъ правительство, правительство ихъ любить, да и какъ не любить людей, которыхъ отечество въ канцеляріи и казармѣ, которыхъ совѣсть—въ Зимнемъ Дворцѣ?

И не только правительство, мы сами такъ привыкли что нельзя хорошо управлять Россіей безъ нѣмцевъ, что намъ кажется просто страннымъ, какъ быть русскому министерству, русской арміи безъ Нессельроде, Канкринъ, Дибича, Бепкендорфа, Адлерберга,—нельзя! ну хоть какой-нибудь Балтазаръ Балтазаровичъ фонъ Кампенгаузенъ, или Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ деръ Остенъ Сакенъ, а все нужно.

Пока нѣмцы владѣли Русью, какъ справедливой наградой за акуратность и умѣренность, общество продолжало спрягать французскіе глаголы и обогащать русскій языкъ галицизмами. Кафтаны и танцы, книги и прически—все шло изъ Франціи, и это былъ большой шагъ впередъ. Въ концѣ XVIII столѣтія Франція дѣйствительно была страной великой пропаганды, духъ будущаго носился надъ Парижемъ и наше молодое поколѣніе незамѣтно переходило отъ французской грамматики къ французскимъ идеямъ... Одно правительство дальше языка не пошло, и щегольски говоря по французски, руководствовалось чисто нѣмецкими мѣрами, ограждая себя по прежнему ост-зейскими лейбъ-опричниками отъ французскихъ идей и русскихъ притязаній. Но не смотря ни на это, ни на Аракчеева, ни на военныя поселенія, ни на винныя откупа, александровская эпоха была великимъ временемъ. Это была эпоха Пестеля и Муравьева, Университетовъ и Лицеевъ, Пушкина и 1812 года, эпоха гражданственнаго сознанія и государственной мощи. Она служитъ лучшимъ отвѣгомъ слѣпымъ порицателямъ петровскаго разрыва, ею онъ оправданъ и заключенъ. Залпъ на Исакиевской площади—былъ залпомъ на его похоронахъ.

Юныя, гордые силы были уже готовы выступить за гранитные берега, которыми *образующій* деспотизмъ стремился удержать образованіе. Грубый отпоръ осадилъ ихъ, тяжелый гидравлическій прессъ налегъ на все, сгущая, сосредоточивая, и все выросло въ молчаніи. Николай имѣлъ въ виду одно стѣсненіе, онъ не виноватъ въ пользѣ имъ сдѣланной, но она сдѣлалась. Юношеская, самонадѣянная мысль александровскаго времени—смирилась, стала угрюмѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ серьезнѣе. Боясь свѣтить ярко, свѣтить вверхъ, она, таясь, жгла внутри и иной разъ свѣтила внизъ. Громкія

* Съ глубокой горестью читали мы, что самый почетный гость на праздникѣ 8 Сентября—былъ нѣмецъ съ австрійскимъ крестомъ, полученнымъ за отличіе при Сольферино... именно Гессенскій принцъ. Раю узнаетъ юноша призванный когда нибудь царь надъ Русью, что въ его семьѣ есть рейторы и кондотьеры къ услугамъ каждаго нуждающагося тиранства, вольнонаемные принцы, готовые своей шпагой, оскверненной кровью въ нещадномъ дѣлѣ и въ дѣлѣ чужомъ для нихъ,—расчистить дорогу палачамъ!

рѣчи замѣняются тихимъ шопотомъ, подземная работа идетъ въ аудиторіяхъ, идетъ подъ носомъ у Николая въ военныхъ училищахъ, идетъ подъ благословеніемъ митрополитовъ въ семинаріяхъ. Живая мысль облекается въ схоластическія одежды, чтобъ ускользнуть отъ наушниковъ и надѣваетъ рабскую маску, чтобъ дать знакъ глазами, и каждый намекъ, каждое слово прорвавшееся—понято, становится силой. Удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія, настоящая исторія этого времени не на Кавказѣ, не въ убитой Варшавѣ, не въ острогѣ Зимняго Дворца, она въ двухъ-трехъ бѣдныхъ профессорахъ, въ нѣсколькихъ студентахъ, въ кучкѣ журналистовъ.

Мысль растеть, смѣхъ Пушкина замѣняется смѣхомъ Гоголя. Скептическая потерянности Лермонтова составляетъ лиризмъ этой эпохи.

Печальны, но изящны были люди вышедшіе тогда на сцену, съ сознаніемъ правоты и безсилія, съ сознаніемъ разрыва съ народомъ и обществомъ, безъ вѣрной почвы подъ ногами, чуждые всему окружающему, незнавшіе будущаго, они не сложили рукъ, они проповѣдывали цѣлую жизнь, какъ Грановскій, какъ Бѣлинскій, оба сошедшіе въ могилу, рано изношенные въ суровой и безоградной борьбѣ.

Они по духу, по общему образованію принадлежали Западу, ихъ идеалы были въ немъ.... русская жизнь ихъ оскорбляла на всякомъ шагу, и между тѣмъ съ какой святой непослѣдовательностью они любили Россію и какъ безумно надѣлись на ея будущее... и если когда въ минуты безконечной боли они проклинали неблагодарный, суровый родительскій домъ, то вѣдь это одни крѣпкіе на умъ, не слышали въ ихъ проклятіяхъ—*благословенія!*

Грановскій и Бѣлинскій стоятъ на рубежѣ, далѣе въ ихъ направленіи нельзя было идти. Послѣдніе благородные представители западной идеи, они не оставили ни учейниковъ, ни школы. Молодое поколѣніе *выслушало* результаты, до которыхъ они домучались и предостереженное ихъ примѣромъ, не впадало въ ихъ непослѣдовательность; спокойное и разсудительное, оно или примирилось съ “разумной дѣйствительностью” русской гражданской жизни, или какъ подсолнечникъ склонило свой тяжелый цвѣтокъ черезъ острожный частоколъ русской тюрьмы къ садящемуся на Западѣ солнцу. Изъ нихъ-то составились наши *доктринеры-бюрократы* и *западные доктринеры*; послѣдняя фаланга Петровскаго войска, лучшіе нѣмцы изъ русскихъ—умные, образованные, но не русскіе, и именно потому способные съ наилучшими намѣреніями надѣлать бездну вреда.

Въ первое десятилѣтіе слѣдовавшее за 14 Декабремъ 1825, поднялось рядомъ съ тѣмъ движеніемъ, о которомъ мы говорили, совсѣмъ иное направленіе. Нѣсколько дѣятельныхъ умовъ отворачиваясь отъ луннаго, холоднаго просвѣщенія, которымъ вѣяло изъ Петербурга, стали проситься домой изъ “нѣмецкой науки” и понавъ на мысль, что Русь русскую не уразумѣешь изъ однихъ иностранныхъ книгъ, отправились ее искать, *ее живую*, въ лѣтописяхъ, такъ какъ Марія Магдалина искала Иисуса въ гробѣ, въ которомъ его не было.

Надъ ними смѣялись, и они дѣйствительно были смѣшны, юродствовали, переѣзжали за два вѣка назадъ, наряжались по старо-русски, такъ какъ ихъ предки наряжались по нѣмецки, отращивали бороду, которую полиція имъ брила, натягивали подогрѣтое православіе, сомнѣвались слѣдуетъ-ли

ѣсть тѣлѣтину и не сомнѣвались, что иконопись выше живописи. Мы смотрѣли на нихъ съ негодованіемъ и были правы, мы искали свободы совѣсти; они, исполненные раскольнической нетерпимости, проповѣдывали православное рабство. Мы не понимали (да и они сначала сознательно не понимали), что у нихъ, какъ у старовѣровъ, подъ археологическими обрядами, бился жидкой зародышъ, что они по видимому защищая одинъ вздоръ, въ сущности отстаивали въ уродливо церковной формѣ—вѣру въ народную жизнь!

Пока продолжалась борьба свободной совѣсти — противъ рабской, и партіи не могли другъ друга понять, грянула февральская гроза и перемѣшила всѣ карты въ Европѣ. Когда она улеглась, полюсы шара земнаго были перемѣнены.

Западники, безземельные дома, теряли теперь шагъ за шагомъ свои владѣнія въ обѣтованной землѣ. Славянофилы, думая отрывать трупы на кладбищѣ, по дорогѣ пахали поле. Западная партія была разбита на Западѣ; кирпичное, въ одинъ камень, зданіе политической экономіи покривилось и осѣлось, теорія общественнаго прогресса падала въ бесплодную риторикку, Франція какъ покорное стадо единого пастыря и Германія какъ покорное стадо множества пастырей, утратили, разъ за разъ, свободныя учрежденія, личную безопасность, право рѣчи, утратили талантъ, серьезность; общее паденіе какъ неотразимый рокъ влекло всю Европу въ хаосъ разложенія; явились трогательныя, печальныя личности, упорно остающіяся вѣрными всякому паденію, надѣющіяся, что храмъ западный, какъ храмъ соломонъ, скоро воскреснетъ во всей славѣ и силѣ, лишь бы только отдѣлаться отъ социализма и деспотизма, отъ католицизма и невѣжества массъ...

И наши западные доктринеры въ слѣдъ за ними не измѣнили своей вѣрѣ, не уступили стѣнъ своей ученой крѣпости, они печально, но твердо ждутъ когда уляжется дикое славянофильство, варварство социальныхъ идеи, и французская централизація, на основаніяхъ нѣмецкой Schul-Wissenschaft, будетъ царить отъ Таурогена до Амура.

Чѣмъ больше западная партія удалялась отъ реальной почвы и переносила шатры свои въ абстрактную науку, тѣмъ тверже становились Славяне на практической грунтъ. Вопросъ объ общинномъ владѣніи посчастливо вывелъ ихъ изъ церкви и изъ лѣтописей на пашню.

И вотъ какъ роковымъ колебаніемъ историческихъ волнъ, люди прогресса стали въ свою очередь консерваторами, старообрядцами реформы, стрѣльцами западной цивилизаціи, хвастающимися неподвижностью своихъ мнѣній!

Старая шутка софистовъ рѣшилась обратно, черепаха опередила Ахилла. . . . . Ахиллъ забѣжалъ далеко, а путь переломился.

Какъ это дѣлается, приведу одинъ примѣръ: споръ длившійся въ русскихъ журналахъ о народности въ наукѣ. Западники были совершенно правы въ томъ, что объективная истина не можетъ зависѣть ни отъ градуса широты, ни отъ градуса лицеваго угла; но говоря это, у нихъ есть задняя мысль, что западная наука, какъ единая сущая—и есть эта объективная, католическая, безусловная наука. Конечно, другой науки нѣтъ, но развѣ быть одной, значить быть безусловной. (*) Западная наука съ своимъ схоластическимъ языкомъ и дуализмомъ въ понятіяхъ, въ тысячи случаяхъ не

(*) Развѣ по той логикѣ, по которой шутя, доказываютъ, что человекъ сидящій одинъ въ лучшей комнатѣ всего Парижа, есть лучший человекъ во всемъ мірѣ.

умѣеть не только разрѣшить, но поставить вопросъ. Она слишкомъ завалена грубымъ матеріаломъ, слишкомъ избалована своими старыми приемами, чтобъ просто относиться къ предмету; она слишкомъ облегчила себѣ трудъ—рубрикамп, словами, трафаретками и шаблонами, чтобъ искать новыхъ мѣховъ для новаго вина.

Славянофилы поняли, что ихъ истина плохо выражается западной номенклатурой, они пытались науку сдѣлать русской, православной, остриженной въ скобку, такъ какъ пытались архитектуру и живопись свести на византизмъ, а въ сущности они достигаютъ совсѣмъ другаго—высвобожденія мысли и истины отъ обязательныхъ колодокъ нѣмецкой работы, набитыхъ на пашъ умъ западнымъ воззрѣніемъ.

Вотъ почему мы, нехвастающіеся достоинствомъ Симеона Столпника, стоявшаго бесполезно и упорно шесть, десять лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ,—оставаясь совершенно вѣрными нравственнымъ убѣжденіямъ нашимъ... живые, т. е. измѣняющіеся—

теченіемъ времени,

стали гораздо ближе къ московскимъ славянамъ, чѣмъ къ западнымъ старообрядцамъ и къ русскимъ нѣмцамъ, во всѣхъ родахъ различныхъ.

И—рѣ.

КОМИССИИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЙ

О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Продолженіе.)

Третій докладъ Административнаго Отдѣленія поставилъ слѣдующіе вопросы:

“1) Кто долженъ участвовать въ первоначальномъ распредѣленіи крестьянъ на сельскія общества (волости) и въ назначеніи мѣстъ пребыванія общественныхъ управленій?”

“2) Какія условія должно принимать за основаніе при назначеніи мѣстъ пребыванія общественныхъ управленій?”

“3) Какимъ порядкомъ могутъ быть допускаемы на будущее время измѣненія въ первоначальномъ раздѣленіи крестьянъ на сельскія общества (волости) и въ назначеніи мѣстъ для пребыванія сельскихъ управленій?”

По просту это значить: кому и на какихъ условіяхъ поручить распредѣленіе деревень на волости, и если оныя господа распредѣлять не ладно,—можно-ли послѣ измѣнить ихъ распредѣленія?

Вопросъ поднять не столько ради самаго дѣла, сколько ради помѣщичьихъ требованій. Иные помѣщики хотѣли, чтобы правительственныя власти распредѣлили волости; другіе хотѣли, чтобы помѣщики учредили это распредѣленіе; Псковской комитетъ требовалъ, чтобы и помѣщичьи участвовали въ распредѣленіи. Никто не подумалъ объ очень простой вещи, что это дѣло самихъ крестьянъ.

Конечно не мы станемъ говорить противъ гражданскихъ правъ женщины, но допустить въ вопросѣ о распредѣленіи волостей всѣхъ этихъ вдовствующихъ Коробочекъ, тогда какъ и самихъ помѣщиковъ, законныхъ супруговъ невдовствующихъ Коробочекъ, не слѣдуетъ допускать къ рѣшенію вопроса, гдѣ они могутъ рѣшить только несправедливо.

Административное отдѣленіе понимаетъ очень хорошо, что вопросъ исключительно поставленъ не ради здраваго смысла, а ради ложно-понятыхъ помѣщичьихъ выгодъ; оно проводитъ

пить своего собственного мѣнья, но какъ-то не рѣшительно, точно боится чего. Кто кого боится—это въ самомъ дѣлѣ не маловажная задача; на побѣрку выходить, что государь боится помѣщиковъ. Этого не надо бы. Теперь то и надо употребить власть благо она можетъ быть полезна; послѣ можно уже дѣйствовать по установленнымъ правиламъ и расширить значеніе общественнаго суда и самоуправленія, но теперь для освобожденія крестьянъ надо употребить власть, теперь не время уступать помѣщичьимъ требованіямъ и отдыхать на лаврахъ постановки вопроса, не разрѣшая его. Даже и по моисеевскому преданію, самъ богъ опочилъ только тогда, когда создалъ міръ, а не прежде.

Административное отдѣленіе, вездѣ связанное мыслью о срочнообязанномъ положеніи крестьянъ, признаетъ, что помѣщики отчасти заинтересованы въ распредѣленіи сельскихъ обществъ, но что все-же они не въ такой степени заинтересованы какъ правительство, “для котораго отнынѣ сельскія общественныя управленія должны будутъ служить непосредственными органами его сношеній съ крестьянскимъ сословіемъ,” и сами крестьяне, “почти вся жизнь которыхъ совершается въ кругу сельскаго общества.” Не будь несчастной идеи срочнообязаннаго положенія, интересъ помѣщичій въ этомъ дѣлѣ былъ бы естественно устраненъ и Отдѣленіе могло бы идти прямымъ путемъ безъ извилинъ. Но теперь, заключивъ очень просто, что наиболѣе справедливо было бы “предоставить главное участіе въ распредѣленіи крестьянъ на сельскія общества сторонамъ, непосредственно и наиболѣе заинтересованнымъ въ семъ дѣлѣ, т. е. правительству и самимъ крестьянамъ; но”—продолжаетъ Отдѣленіе уже не просто—“съ другой стороны несуществованіе въ настоящее время самостоятельнаго устройства и управленія крестьянскаго сословія лишаетъ правительство возможности призвать крестьянъ къ полному въ самомъ началѣ участію въ семъ дѣлѣ.” Почему же это? Крестьяне на мірскихъ сходкахъ опредѣляютъ преспокойно какая деревня съ какой пойдетъ въ одинъ міръ, и пришлютъ отъ себя депутатовъ въ уѣздный городъ объявить какъ они распредѣлились, а чиновникъ обозначитъ это распредѣленіе на картѣ. Для этого болѣе одного мѣсяца не нужно.

Но Административное Отдѣленіе продолжаетъ: “Притомъ призывъ крестьянъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ бы безъ всякаго сомнѣнія въ настоящее время сопряженъ съ несравненно большими еще затрудненіями и потерей времени, чѣмъ самое отобраніе отзывовъ отъ каждаго помѣщика порознь; и потому самая крайняя необходимость вынуждаетъ при первоначальномъ распредѣленіи крестьянъ на сельскія общества, предоставить *предстательство за выгоды крестьянскаго сословія* лицамъ назначеннымъ отъ самаго правительства.” Во-первыхъ, положимъ, что отзывы отъ помѣщиковъ можно отобрать очень скоро, только эти отзывы не нужны, даже вредны; а во-вторыхъ, *предстательствовать за выгоды крестьянскаго сословія* хорошо было бы передъ правительствомъ, которое хочетъ заѣсть крестьянъ, а правительство, которое хочетъ блага, должно само жизнь свою положить за выгоды крестьянскаго сословія; а выгоды крестьянскаго сословія въ данномъ случаѣ состоятъ только въ томъ, чтобы ему ни помѣщики, ни начальство не мѣшали самому распредѣлиться на сельскія общества.

Мы не можемъ согласиться съ результатомъ, до котораго дошло Административное Отдѣленіе, вывутываясь изъ своего

ложнаго и сложнаго положенія. Оно дошло до составленія уѣздныхъ комиссій изъ уѣзднаго Предводителя, уѣзднаго Исправника и третьяго лица, назначеннаго отъ начальника губерніи изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ. Очевидно всѣ три лица представителя помѣщичьей стороны и хорошій исходъ дѣла въ иномъ уѣздѣ можетъ зависѣть только отъ случайности, т. е. если попадется предводитель порядочный человекъ, если попадется исправникъ порядочный человекъ, если назначенный помѣщикъ порядочный человекъ; но всѣ вѣроятности, что по крайней мѣрѣ двое изъ нихъ будутъ дѣйствовать относительно крестьянъ враждебно и только устроить по выгоду для помѣщиковъ срочнообязанное положеніе.

За симъ дозволяется каждому помѣщику въ опредѣленный срокъ (Отдѣленіе полагаетъ *одинъ* мѣсяць, а общіе присутствіе поправило: *два*) представить въ уѣздную комиссію отзывъ—въ какое сельское общество ему хочется причислить крестьянъ, поселенныхъ на его землѣ. Стало уѣздная комиссія какъ-то уже обязана соображаться съ волями помѣщиковъ. Но—говоритъ Отдѣленіе—“во всякомъ случаѣ отзывы помѣщиковъ должны быть приняты во вниманіе, когда въ нихъ желанія помѣщиковъ совершенно совпадаютъ съ обнародованными на сіе правилами.” Читатель изъ этого легко заключитъ, что достаточно было правилъ, а отзывы только запутають дѣло.

Но тутъ въ докладѣ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: “Впрочемъ само собою разумѣется, что еслибы комиссіи встрѣтили какое-либо затрудненіе въ образѣ распредѣленія крестьянъ на сельскія общества, то онѣ имѣютъ полное право отбирать отзывы и самихъ крестьянъ по сему предмету, посредствомъ вызова нѣкоторыхъ изъ нихъ въ комиссію; а въ случаѣ надобности, посредствомъ распроса крестьянъ на мѣстѣ.”

И это въ подстрочномъ примѣчаніи! Вся сущность дѣла въ подстрочномъ примѣчаніи! Отъ чего же было не вмѣнить уѣзднымъ комиссіямъ въ непремѣнную обязанность спрашивать крестьянъ на мѣстѣ и соображаться съ ихъ желаніемъ, если ихъ желанія совпадаютъ съ обнародованными правилами.

“Наконецъ Отдѣленіе полагаетъ, что окончательное утвержденіе составленныхъ Уѣздными Комиссіями предложеній о распредѣленіи крестьянъ на сельскія общества и опредѣленіи мѣстъ для пребыванія общественныхъ управленій должно быть предоставлено начальникамъ губерній, не восходя ни въ какомъ случаѣ на ревизію какой-либо дальнѣйшей административной власти.”

Нисколько не споря, что довольно и одной административной инстанціи, мы не можемъ еще разъ не припомнить, что не будь переходнаго положенія и дай крестьянамъ, въ установленныхъ размѣрахъ, распредѣлиться добровольно, и губернаторская инстанція была бы лишняя.

Второй вопросъ—назначеніе мѣстъ для пребыванія общественныхъ управленій—рѣшенъ Отдѣленіемъ въ прежнемъ смыслѣ, т. е. не крестьянъ спросятъ объ этомъ, а уѣздныя комиссіи обязаны “избирать средоточіемъ общества, при совпаденіи общества съ приходомъ, то селеніе, гдѣ приходская церковь; въ другихъ же случаяхъ селеніе наиболѣе центральное, или отличающееся своею многочисленностію, особымъ торговымъ или промышленнымъ значеніемъ, существованіемъ въ немъ базара или пристани, наконецъ уже существующимъ въ немъ устройствомъ какихъ-либо общественныхъ учрежденій—училищъ, больницъ и пр.”

И вотъ явится въ уѣздную комиссію какой-нибудь богатый баринъ хлопотагъ о томъ, чтобы центръ управленія былъ въ его селѣ, потому что онъ устроилъ тамъ училище, гдѣ никто ничему не учится, и больницу, гдѣ фельдшеръ крадетъ лѣкарства—и уважутъ благодѣтельнаго помѣщика и назначатъ его село центромъ, противъ желанія крестьянъ. За чѣмъ путать разнородные вопросы? Училища, больницы, т. е. народное образованіе и врачебные круги — это вопросы будущаго, которые конечно рѣшатся не на манеръ помѣщичьихъ школъ и больницъ и не на манеръ школъ для государственныхъ крестьянъ; не трогайте теперь этихъ вопросовъ. Прежде всего освободите крестьянъ съ землею, а освобождая, само собою разумѣется, дайте имъ право распредѣлиться самими и назначить центры сельскаго управленія.

Но рѣшенія по первымъ двумъ вопросамъ Эго доклада доказываютъ только, что Административное Отдѣленіе связано, спутано аристократическимъ вліяніемъ, и стараясь на сколько возможно направить дѣло на путь истинной, иной разъ вынуждено уступать. Рѣшеніемъ третьяго вопроса Отдѣленіе хотѣло поправить первыя два рѣшенія и отчасти успѣло въ намѣреніи; но все же легче не дѣлать ошибокъ, чѣмъ поправлять ихъ. Третій вопросъ—“какъ могутъ быть допускаемы на будущее время измѣненія въ первоначальномъ распредѣленіи крестьянъ на сельскія общества и въ назначеніи мѣста для пребыванія сельскихъ управленій,” — дѣйствительно рѣшенъ Отдѣленіемъ въ пользу крестьянъ. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ доклада:

“Если первоначальное распредѣленіе крестьянъ на сельскія общества, по необходимости, должно быть (въѣрено лицамъ, исключительно представляющимъ виды лишь двухъ изъ заинтересованныхъ сторонъ, а именно правительства и дворянства, и если можетъ казаться справедливымъ и даже полезнымъ, чтобы Комиссіи принимали съ самаго начала во вниманіе отзывы помѣщиковъ, то съ другой стороны, и при томъ еще въ несравненно большей степени, представляется необходимымъ, по предварительномъ образованіи сельскихъ обществъ, дать самимъ крестьянамъ возможность высказать тѣ случайныя неудобства, которыя легко могутъ лично для нихъ самихъ встрѣтиться въ этомъ новомъ общественномъ устройствѣ, по необходимости состоявшемся безъ непосредственнаго ихъ участія.(!)

“Пять, притомъ, сомнѣнія, что никто лучше самихъ крестьянъ, коротко знакомыхъ со всею совокупностью мѣстныхъ условій и потребностей, не въ состояніи указать на тѣ ошибки, которыя невольнo(*) могли вкратиться въ работу Уѣздныхъ Комиссій. За симъ неудобства для крестьянъ первоначальнаго устройства сельскихъ обществъ могутъ обнаружиться не только въ первыя минуты дѣйствія новаго Положенія, но и при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, и съ возникновеніемъ множества новыхъ, прежде не существовавшихъ обстоятельствъ. Неудобства эти могутъ касаться или всего сельскаго общества, составныя части котораго могутъ желать иного себѣ распредѣленія, или крестьянъ одной или нѣсколькихъ отдѣльныхъ поземельныхъ общинъ, желающихъ причислиться къ другому сельскому обществу, или наконецъ, хотя и въ меньшей степени и въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, неудобства эти могутъ касаться и самихъ помѣщиковъ (въ періодѣ обязательныхъ къ нимъ отношеній крестьянъ) и въ особенности преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые, по какимъ-либо уваженіямъ, не могли заявить своихъ отзывовъ Уѣзднымъ Комиссіямъ. Впрочемъ обстоятельство это не должно, казалось бы, ослаблять приложенія того основнаго начала, что разсмотрѣнне всѣхъ вопросовъ по послѣдующимъ измѣненіямъ въ организационнѣ сельскихъ обществъ, какъ преимущественно касающееся пользы самихъ крестьянъ и удобствъ правительственныхъ, составляетъ дѣло чисто административное и подлежитъ слѣдовательно чисто административному рѣшенію.

“На основаніи всѣхъ вышеозначенныхъ соображеній, Административное Отдѣленіе считало бы необходимымъ, по предварительномъ введеніи въ дѣйствіе предположеній Уѣздныхъ Комиссій о распредѣленіи крестьянъ на сельскія общества, предоставить самимъ крестьянамъ ходатайствовать въ послѣдствіи о перемѣнѣ центра сельскаго управленія, сообразно ихъ собственнымъ потребностямъ и желаніямъ.

“Ходатайство это очевидно можетъ возникнуть, а слѣдственно, и должно быть допущено какъ отъ лица цѣлыхъ сельскихъ обществъ, такъ и отъ лица крестьянъ

(*) Скорѣе произвольно вкрадутся.—Прим. Ред.

отдѣльныхъ поземельныхъ общинъ, на основаніи приговоровъ общественнаго міра, и при томъ безъ всякаго ограниченія крестьянъ какимъ-либо срокомъ.

“Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, до тѣхъ поръ, пока крестьяне находятся въ обязательныхъ къ владѣльцамъ отношеніяхъ, окончательное разрѣшеніе подлежащими властями подобной просьбы крестьянъ не можетъ быть допущено безъ предварительнаго требованія отзыва отъ самаго владѣльца, для соображенія Комиссій.

“Съ другой стороны, въ теченіи срочна-обязаннаго періода, и самими владѣльцамъ должно быть дозволено ходатайствовать объ измѣненіи первоначальнаго распредѣленія сельскихъ обществъ; но измѣненія эти не иначе могутъ быть допущены, какъ при добровольномъ на то согласіи самихъ крестьянъ. (*)

“Ходатайство помѣщиковъ и крестьянъ должно, по мнѣнію Отдѣленія, быть всегда обращено къ уѣздному Исправнику (†), какъ завѣдывающему всею мѣстной администраціею; а для справедливаго огражденія обѣихъ сторонъ, полезно было бы положительно воспретить уѣздному Исправнику, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, задерживать подобное ходатайство, не представивъ о немъ на разрѣшеніе начальника губерніи въ установленный для того срокъ. Обязанность исправника, казалось бы, должна ограничиваться немедленнымъ пополненіемъ просьбы одной стороны отзывами другой, а равно и другихъ сельскихъ обществъ, до которыхъ эта просьба касается, и представленіемъ въ срокъ начальнику губерніи всей этой совокупности данныхъ вмѣстѣ съ собственными по этому предмету соображеніями.

“Наконецъ Отдѣленіе полагаетъ, что начальнику губерніи должно быть предоставлено окончательное разрѣшеніе вопросовъ, возникающихъ по этому предмету по ходатайству крестьянъ и владѣльцевъ. При этомъ, быть можетъ, не излишне было бы опредѣлить и тѣ случаи, въ которыхъ подобныя просьбы ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть Губернаторомъ отвергаемы; такъ на примѣръ, когда всѣ сельскія общества, между коими предполагается новое распредѣленіе ихъ составныхъ частей, изъявятъ на подобную перемѣну полное свое согласіе, выраженное въ законныхъ формахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ (въ теченіи срочна-обязаннаго періода), не будетъ препятствія и со стороны помѣщиковъ”

Прочитавъ эти выписки нельзя не замѣтить благороднаго направленія Административнаго Отдѣленія и нельзя не пожалѣть, что оно было невольнo вовлечено поставить сначала совершенно ложное и ошибочное положеніе о неучастіи крестьянъ въ ихъ собственномъ распредѣленіи на сельскія общества, чтобы дать имъ потомъ право передѣлывать все прежнее распредѣленіе сдѣланное людьми, по своему интересу для нихъ чуждыми. Какъ не подумать, что такая передѣлка поидетъ на десятки лѣтъ! А избѣжать ея будетъ невозможно, ибо нѣтъ причины, чтобы уѣздная комиссія распредѣлила сельскія общества выгодно для крестьянъ. Между тѣмъ, начавъ первоначально добровольнымъ распредѣленіемъ самихъ крестьянъ, никакой или почти никакой передѣлки впослѣдствіи не было бы пужно!

Подстрочное примѣчаніе доклада о будущихъ уѣздныхъ учрежденіяхъ даетъ право надѣяться, что рѣшенія этихъ уѣздныхъ учрежденій по просьбамъ крестьянъ о новомъ распредѣленіи—не будетъ восходить на верховное разрѣшеніе пачальниковъ губерній,— и это очень утѣшительно, потому что устраняетъ административный произволъ оныхъ начальниковъ, происходяній изъ личныхъ видовъ.

Но что всего страннѣе, что рѣшеніе административнаго отдѣленія по третьему вопросу, Общее Присутствіе Комиссій положило: “не предрѣшая его, отложить его разрѣшеніе до представленія о немъ заключеній вновь учрежденной особой комиссіи, такъ какъ весь предметъ сей находится въ связи

(*) Какъ ярко срочна-обязанное положеніе портитъ все дѣло и мѣшаетъ Комиссіи составить чистого разумнаго проектъ.—Прим. Ред.

(†) “Какъ скоро будетъ учреждено и введено въ дѣйствіе мѣстное хозяйственно-распорядительное уѣздное управленіе, на основаніи 16 пункта высочайше утвержденныхъ началъ для устройства уѣздной полиціи, тогда ходатайство помѣщиковъ и крестьянъ объ измѣненіяхъ въ первоначально принятомъ распредѣленіи сельскихъ обществъ, должно быть обращено въ тѣ уѣздныя учрежденія или къ тѣмъ уѣзднымъ властямъ, которымъ это хозяйственно-распорядительное управленіе будетъ въѣрено. Самое положеніе, нмѣющее опредѣлить степень власти этихъ новыхъ уѣздныхъ учрежденій, должно будетъ постановить вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ ли за тѣмъ разрѣшенію подобныхъ случаевъ восходить до начальниковъ губерній.”—(Прим. въ текстѣ доклада).

съ надлежащимъ ей обсужденію хозяйственнымъ устройствомъ уѣзда.”

Что же выйдетъ изъ этого ожиданія мнѣній вновь учрежденной комиссіи? Выйдетъ-ли насильственное распределение сельскихъ обществъ на вѣкъ? Выйдетъ-ли участіе въ немъ крестьянъ съ самаго начала? Станемъ надѣяться на послѣднее. Авось правда вывезетъ! (*)

Н. Огаревъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

КЪ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

I.

Отношеніе Предсѣдателя Морскаго Ученаго Комитета къ князю Вик. Ил. Васильчикову, 21 Августа 1858 г., N. 7527.

Представляя при семъ вашему сіятельству корректурные листы статьи, предназначенной для напечатанія въ *Морскомъ Сборникѣ*, имѣю честь доложить, что по встрѣтившимся затрудненіямъ со стороны военнаго цензора, статья эта была представлена на благоусмотрѣніе великаго князя Генералъ-Адмирала, и е. и. в. изволилъ замѣтить, что еслибы злоупотребленія, такъ ярко выставленныя въ этой статьѣ относились бы до Морскаго Вѣдомства, то горькая истина эта не встрѣтила бы препятствій къ напечатанію въ *Морскомъ Сборникѣ*;

(*) Между тѣмъ какъ мы кончаемъ разборъ только еще 19 Но. Журнала Комиссій—прошло и 8 Сентября ст. ст. Что же принесло оно? Очень важный указъ о кредитныхъ учрежденіяхъ, который мы жаждемъ прочесть въ русскомъ текстѣ. Принесло оно грустный рескриптъ старому Адлербергу, изъ котораго можетъ показаться, что Адлербергъ нѣчто въ родѣ спасителя отечества, между тѣмъ какъ онъ не только никогда не былъ полезенъ Россіи, но всегда былъ вреденъ. И этотъ рескриптъ является рядомъ съ рескриптомъ Барятинскому, который кажется покончилъ войну на Кавказѣ,* такъ давно изнуряющую Россію, рескриптомъ очень лестнымъ, но ничтожнымъ въ сравненіи съ ненужнымъ и ложнымъ каженіемъ нѣмецкому графу, грабющему Россію посредствомъ своихъ наложницъ.

Принесло 8 Сентября рѣчь государя дворянскимъ депутатамъ, рѣчь, все же доказывающую, что государь искренно хочетъ освобожденія крестьянъ. Намъ только жаль, что государь считаетъ себя первымъ дворяниномъ въ государствѣ, а не просто первымъ русскимъ человѣкомъ. Но отчего же депутатамъ не разрѣшено разсуждать гласно, т. е. при публикѣ, а только между собою съ затворенными дверями? Отъ чего ихъ засѣданій не печатать? Мы думаемъ, что это ошибка со стороны правительства. Во-первыхъ, при гласности засѣданій депутатамъ было бы стыдно высказывать слишкомъ отсталыя, узкія, мелкокорыстныя помѣщичьи мнѣнія, и большинство перешло бы стыда ради на сторону порядочныхъ людей; а во-вторыхъ, если они помѣрены оставаться въ узко-помѣщичьемъ направленіи, пускай же они позорятся публично. Тѣмъ лучше!

Около того же времени вышло уменьшеніе срока солдатской службы на 15 лѣтъ. Пому-мѣра ничего не значущая, потому что черезъ 15 лѣтъ солдатъ возвращается въ деревню чужимъ и бездомнымъ. Стало для народа тутъ нѣтъ облегченія; а для правительства, или для государства также нѣтъ выгоды, потому что съ такимъ длиннымъ срокомъ нельзя рассчитывать на людей изъ прежнихъ солдатъ, всегда готовыхъ и годныхъ стать подъ ружье въ случаѣ войны. Эта мѣра—промахъ.

Положительнаго для крестьянскаго вопроса 8 Сентября ничего не принесло. Можетъ оно и лучше. Лучше подождать годъ, но чтобъ крестьяне были освобождены по общему выкупу, съ землею, съ правомъ добровольнаго распределения на сельскія общества, съ правомъ самоуправленія, и — можетъ быть — вмѣстѣ съ государственными крестьянами! Тогда мы предложимъ Александру II титулъ по чище титула пезабвеннаго, мы предложимъ ему титулъ освободителя, который явится въ первый разъ въ исторіи всѣхъ самодержавій. Но не станемъ забгать впередъ. Можетъ быть еще жажда народныхъ благословеній и свѣтлой страницы въ исторіи замолкнетъ передъ мелкимъ, ложно-понятымъ династическимъ интересомъ и своекорыстнымъ тупоуміемъ сановниковъ, окружающихъ престолъ.

* Г. Трюбнеръ и Ко. въ скоромъ времени приступятъ къ печатанію проекта г. Любанскаго о желѣзныхъ дорогахъ отъ Варшавы черезъ Кавказъ до Тифлиса.

въ настоящемъ же случаѣ, лица по справедливости подлежащія карѣ общественнаго мнѣнія, состояли на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, а потому е. и. в. и изволилъ приказать представить эту статью на благоусмотрѣніе вашего сіятельства.

II.

Выписка изъ корректурнаго листа, представленнаго на разсмотрѣніе к. Васильчикову и имъ запрещеннаго.

Крымская война, покрывшая достойныхъ защитниковъ отечества неувыдаемыми лаврами, показала однако же намъ, что нашлись люди, которые дѣлали больше зла, чѣмъ самый непріятель. . . . Въ военное время Никополь (мѣстечко на Днѣпрѣ) кипѣлъ внутреннею жизнью, хотя большая часть лучшихъ домиковъ его была занята подъ военный госпиталь, наполненный преимущественно ранеными. Здѣсь же находилось и крымское соляное правленіе. . . О немъ говорить не буду, потому что оно вело себя одинаково, какъ ведетъ и нынѣ въ Перекопѣ; но не могу не упомянуть о госпитальномъ вѣдомствѣ въ назиданіе потомства. Кто знаетъ, можетъ быть, еще и нашему поколѣнію придется быть свидѣтелемъ подобныхъ военныхъ событій. . . Медицинская часть не подлежитъ нашему сужденію, ибо это такое запутанное дѣло, что злоупотребленіемъ можетъ казаться одно простое невѣжество, а иногда самыя лучшія познанія и добросовѣстность встрѣчаютъ здѣсь неодолимыя препятствія въ исполненіи своей обязанности. Но можно сказать, что раненые и больные, если и страдали отъ медицины, то весьма не много, потому что крѣпкая русская натура всегда можетъ выдержать борьбу и съ не весьма удачными приложеніями науки. Но вся отвѣтственность за лишенія и страданія больныхъ падаетъ на госпитальную администрацію, которая съ насмѣшкою попираетъ и правительственныя положенія и законы челоѣчества.

Начнемъ съ транспортовъ больныхъ и раненыхъ, отправляемыхъ изъ Севастополя, которые въ большомъ количествѣ наполняли линіи госпиталей, тянувшіяся отъ Крыма по Бугу и Днѣпру съ ихъ окрестностями. . . Въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ существовали временныя госпитали, назначены были изъ оберъ-офицеровъ воинскіе начальники, величавшіе себя комендантами, которые обязаны были повѣрять транспорты и смотрѣть за исправностью ихъ слѣдованія. Но какъ смотрѣлъ за этимъ комендантъ никопольскій! а еще болѣе, какъ сопровождалась транспорты назначенными офицерами! Людямъ, удаленнымъ отъ театра войны, покажутся мои слова невѣроятными, но десятки тысячъ живыхъ свидѣтелей, положи руку на сердце, подкрѣпятъ меня своими показаніями.

Нерѣдко транспортъ больныхъ и раненыхъ приидя около полудня въ Никополь, останавливался зимой, въ мятель, на улицахъ до вечера и только въ сумерки слѣдовало распоряженіе о размѣщеніи страдалцевъ по квартирамъ. Размѣщали ихъ сами жители по челоѣчеству и кормили Христа-ради, потому что объ этомъ не заботился никто изъ тѣхъ, кому они были ввѣрены. Бѣдняки сами себя перевязывали, кто былъ въ состояніи, т. е. кто не околѣлъ отъ холода, ибо не рѣдко раненые были прикрыты старыми шинелями, хотя, какъ говорятъ, имъ и полагалась теплая одежда. Партионные офицеры, за весьма не многими исключеніями, отправлялись играть въ карты къ коменданту, который велъ самую тѣсную дружбу съ зрителемъ. Въ госпиталь часто прививали умершихъ въ дорогѣ или скончавшихся на почлегѣ, но при-

нимали подъ видомъ трудно-больныхъ; трупы складывали въ сарай, гдѣ благодаря зимней стужѣ, тѣла могли оставаться долгое время, а на нихъ по отчетамъ шли медикаменты и продовольствіе. Когда уже собиралось множество труповъ, то ихъ клали въ сколоченные кое-какъ гробы и отвозили на кладбище, но случалось, что гробы эти распадались и мертвецы нагишемъ валялись на улицѣ. Бѣднякамъ отказывали даже въ саванѣ.

Продовольствіе больныхъ и раненыхъ въ госпиталѣ было неимоверно дурно, да и не могло быть иначе, потому что комендантъ и смотритель, неимѣвшіе никакого состоянія, ставили по 300 рублей на карту и ежедневно выпивали по нѣсколько бутылокъ вина, потчужа встрѣчнаго и поперечнаго. Мнѣ кажется я имѣю право писать это, потому что оба эти господина сами публично рассказывали — одинъ о томъ, сколько сослалъ себѣ капитала, а другой, по заключеніи мира, жалѣлъ о скоромъ окончаніи войны и зачѣмъ она еще не продолжалась годика два.

Но подъ конецъ прекратился этотъ дневной разбой, съ прибытіемъ сестеръ милосердія, и если положеніе бѣдняковъ не совершенно измѣнилось, по крайней мѣрѣ улучшилось, на сколько вліяніе сестеръ и предоставленныя имъ средства могли помочь горю. Когда мнѣ пришлось постоянно пожить въ Никополѣ, больныхъ оставалось лишь 100 человекъ съ небольшимъ, ихъ помѣстили хорошо, соблюдались порядокъ и чистота, заботились чтобъ эти пріюты скорби не казались мрачными и печальными. Все это по милости сестеръ. Зная издавна военные госпитали, потому что не въ одномъ приходилось мнѣ и лежать и дежурить, зная обыкновеніе обращаться съ больными и другіе порядки, я съ отраднымъ чувствомъ выходилъ изъ госпиталей, гдѣ служили сестры. Объ нихъ ходятъ разные толки, не спорю, которая нибудь и не исполнила цѣли своего назначенія... Ихъ не любило собственно госпитальное управленіе, и это понятно . . . . .

“Онѣ разбаловали больныхъ,” говорило огорченное невѣжество и оскорбленное казнокрадство... Что слышать не скажу вездѣ, но во многихъ военныхъ госпиталяхъ солдатъ отъ медиковъ? Грубыя слова, брань, насмѣшки. О фельдшерѣ нечего и говорить, и больной страдающій физически, страдаетъ и морально... Нѣкоторые медики не жаловали сестеръ, называли ихъ *ужь слишкомъ милосердными*, за то, что сестры посылали за медикомъ дажѣ между часами визитацій, когда тотъ сидитъ за преферансомъ. Не-медицинскіе чиновники госпиталя и подавно говорили, что нельзя служить тамъ, гдѣ распоряжаются юбки... Въ самомъ дѣлѣ, юбки вставляли въ Никополѣ въ 5 часовъ утра, принимали на кухнѣ говядину, ссорились съ подрядчиками за недовѣсъ и дурное качество провизіи и пр. и пр. Онѣ требовали, чтобъ гробы не разваливались по дорогѣ до кладбища, чтобъ умершихъ не хоронили безъ гробовъ и савана... (слѣдуетъ длинная тирада въ защиту сестеръ, гдѣ между прочимъ авторъ говорить: узнавайте объ нихъ не у здороваго начальства, а у бывшихъ больныхъ солдатъ и они подтвердятъ мой отзывъ).

Не могу умолчать объ одномъ ауто-да-фе, котораго я былъ свидѣтелемъ въ Никополѣ. Незадолго до упраздненія госпиталя велѣно было сжечь полушубки больныхъ и представить объ этомъ актъ... Облитыя какимъ-то горючимъ составомъ, верхнія полушубки были торжественно зажжены... Черезъ

нѣсколько минутъ власти уѣхали составлять актъ сожженія, а солдаты бросились на костры, откинули горящую одежду, и остальную расхватили... Полушубки пущены въ продажу по 1 р. с. и нѣсколько сотъ человекъ запаслись на зиму дешевою одеждою, признанною вредною... Правительство получило рапортъ о исполненіи приказа.

Далѣе авторъ говоритъ о засѣданіяхъ полиціи “въ парламентѣ,” т. е. въ винномъ магазинѣ Турбабы и о разныхъ ея злоупотребленіяхъ—вещи извѣстныя. Вотъ размышленія о городничихъ:

“Офицеръ нерѣдко нечитавшій ни одной бумаги, кромѣ наряда въ караулъ, и неписавшій ничего, кромѣ рапорта о болѣзни, дѣлается предсѣдателемъ полиціи, т. е. поступаетъ въ полное распоряженіе письмоводителя. Иной вводитъ военную дисциплину, ограничивающуюся ругательствомъ встрѣчнаго и поперечнаго и требованіемъ чтобы всѣ скидали ему шапку; другой знакомится съ болѣе прибыльнымъ порядкомъ, добирается до существеннаго — до аршинниковъ и самоварниковъ. Третій отдыхаетъ на лаврахъ, заводится лошадкой и козыряетъ... но всѣ сохраняютъ дружбу съ откупомъ. Словомъ города отдаются на аренду одному лицу, которое если и раздѣляетъ власть съ другими, то собственно по неумѣнью взяться за дѣло. Не то бы было, еслибъ городомъ управлялъ городской совѣтъ — выборные... Недавно въ одномъ изъ уѣздовъ полтавской губерніи въ городѣ развилось страшное воровство, потому что полиція покровительствуетъ этому невинному занятію (слѣдуютъ подробности: неопытный десятникъ проговорился: это самый тотъ воръ, котораго ваше в-благородіе третьяго дня выпустили).

“Вѣдомство государственныхъ нмуществъ притѣсняетъ вольныхъ матросовъ и не открываетъ въ Никополѣ, гдѣ болѣе 6 тысячъ жителей, училища, потому что есть одно въ Красно-григорьевкѣ и пр.”

III.

Письмо Васильчикова.

(№. 8095 — 7 Сентября 1858.)

Ваше Императорское Высочество,

Прочитавъ со вниманіемъ присланную мнѣ изъ Морскаго министерства корректурную статью, предполагавшуюся къ напечатанію въ *Морскомъ Сборникѣ*, въ которой говорится о злоупотребленіяхъ въ Никопольскомъ госпиталѣ, я созналъ въ ней дѣянія, мнѣ частнымъ образомъ давно уже извѣстныя, но которыхъ я при производствѣ изслѣдованія по госпиталямъ южнаго края, формальнымъ образомъ обнаружить не могъ. Причиною тому весьма простое и естественное обстоятельство.

При нынѣшнемъ порядкѣ вещей таковыхъ преступленій совершается ежедневно столько же, сколько у насъ существуетъ госпиталей. Если каждое изъ нихъ преслѣдовать юридически, всего военного министерства будетъ недостаточно для дѣлопроизводства по таковымъ дѣламъ. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что огромная по составу своему коммиссія генералъ-лейтенанта Тучкова, не смотря на усиленные труды свои, до сихъ поръ не можетъ разобрать всѣхъ фактовъ обслѣдованныхъ мною въ теченіе годичнаго слѣдственнаго производства. Изъ этого слѣдуетъ, что имѣя убѣжденіе въ существованіи зла и сознавая главнымъ поводомъ къ тому самое положеніе вещей и людей, остается только измѣнить это положеніе, не увлекаясь бесполезнымъ преслѣдованіемъ пре-

ступниковъ, которое утомля административныя личности, можетъ только повредить успѣшному ходу современнаго дѣлопроизводства.

Между тѣмъ, если допустить литературу до явнаго порицанія личностей содѣявшихъ преступленіе, въ публикѣ непремѣнно должно возродиться убѣжденіе, что правительство знаетъ существованіе этого зла, но что оно безсильно къ огражденію государства отъ таковыхъ злодѣяній и это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ этой статьѣ мѣстность и лица такъ ясно опредѣлены, что они тождественны съ ихъ наименованіемъ.

Поэтому я полагаю, что таковая статья не можетъ быть допущена, если авторъ не согласится измѣнить ее въ такой мѣрѣ, чтобы читатель не могъ явно признать тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь и того города, гдѣ эти преступленія совершались.

При этомъ не могу не выразить моего убѣжденія, что повѣствованія о содѣянныхъ, но не наказанныхъ преступленіяхъ далеко не искореняя пороковъ, вреднымъ образомъ дѣйствуютъ на нравственность народа, убѣждающагося въ безнаказанности преступленія и роняетъ кредитъ и достоинство правительственныхъ властей. Въ теченіи нѣсколькихъ дѣсятилѣтій въ газетахъ, журналахъ и на сценѣ представлялись исправники и становые въ самыхъ гнусныхъ и отвратительныхъ формахъ. Что-же? Исправилась-ли нравственность земской полиціи? Напротивъ, должность исправниковъ всюду и всѣми очерняемая, сдѣлалась недоступною порядочному человѣку дорожающему общественнымъ мнѣніемъ. Дѣло не поправилось и положеніе общественнаго устройства стало еще затруднительнѣе отъ отсутствія средствъ къ его исправленію. Между тѣмъ обслѣдованныя, доказанныя и подвергшіяся карѣ преступленія, о которыхъ можно было бы всѣмъ и каждому открыто говорить, не нарушая достоинства и значенія правительства, взыскавшаго уже съ виновныхъ, остаются сокровенными. Въ приказахъ обыкновенно употребляется выраженіе: разжаловывается въ рядовые безъ выслуги за противузаконныя поступки; но въ чемъ состоятъ эти поступки — остается публикѣ неизвѣстно; начальникъ части, изблеченный въ злоупотребленіи, подвергается болѣе или менѣе продолжительному аресту и исключенію изъ службы; публика не зная въ какой мѣрѣ эти злоупотребленія дознаны и заслуживаютъ презрѣнія общества, встрѣчаетъ виновнаго въ клубахъ, театрахъ и собраніяхъ, не подвергая его вполне заслуженному презрѣнію, а черезъ нѣсколько лѣтъ неопозоренный преступникъ снова принимается на службу во вниманіе особаго о немъ ходатайства. Мнѣ кажется, что еслибы вмѣсто того, чтобы разглашать тѣ преступленія, которыя остались для правительства неуловимыми, литература сообщала публикѣ тѣ событія, которыя окончательно дознаны и доказаны — она оказала бы отечеству большую услугу, не развращая народа и не умаляя силы правительственныхъ властей.

Вошедшее въ послѣднее время въ употребленіе всеобщее порицаніе начальниковъ частей военнаго вѣдомства, будучи мѣтѣ на военную службу то же пагубное вліяніе, какое оно имѣло на земскую полицію и уничтожить дисциплину гораздо прежде, чѣмъ исправить нравственность полковыхъ, батальонныхъ, ротныхъ и эскадронныхъ командировъ. Тогда эти должности повсюду заклеменныя, будутъ возбуждать всеобщее отвращеніе; и въ званіяхъ этихъ будутъ служить

такого сорта люди, какіе въ настоящее время занимаютъ мѣста становыхъ и квартальныхъ. Я далекъ той мысли, чтобы сохранять въ тайнѣ существующее зло, но клеймя преступниковъ надобно быть убѣжденнымъ въ дѣйствительности совершеннаго преступленія; не говоря о тѣхъ именно случаяхъ, которые ускользнули отъ бдительности правительства и не распространяя позора за частное происшествіе на все то сословіе, къ которому принадлежитъ содѣявшее злоупотребленіе лицо. Если допустить авторовъ статей къ поименному порицанію нѣкоторыхъ служебныхъ лицъ, то необходимо разрѣшить порицаемому требовать отъ порицателя удовлетворенія за оскорбленную его честь, если онъ того пожелаетъ.

Повергая мнѣніе мое объ этомъ предметѣ на благоусмотрѣніе в. и. высочества, смѣю думать, что Вы не сочтете меня противникомъ гласности, ибо мое душевное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы по окончаніи дѣлопроизводства комиссіи генераль-лейтенанта Тучкова, извлеченіе изъ всѣхъ этихъ грустныхъ дѣлъ могло быть напечатано для назиданія всей служебной пашей публики. Мѣра эта казалась бы мнѣ дѣйствительнѣйшею, чѣмъ напечатаніе отдѣльной какой-либо статьи, которой публика можетъ быть повѣрить, но истину которой будутъ отвергать всѣ тѣ, которымъ приходится вращаться въ этомъ кругу служебной дѣятельности.

Съ совершеннымъ уваженіемъ..... князь В. Васильчиковъ.

— Въ 1857 году въ имѣніи помѣщика Голикова, Тульской губерніи, Богородскаго уѣзда, крестьяне работали семь дней въ недѣлѣ. Сорокъ человѣкъ крестьянъ отправились жаловаться къ губернатору Губернаторъ Дораганъ ихъ всѣхъ перепоролъ и отправилъ домой, потомъ предписалъ уѣздному предводителю изслѣдовать. Уѣздный предводитель (имени не припомню) спялъ съ Голикова показаніе, что крестьяне работали четыре дня, а шесть дней работали только въ наказаніе. Крестьянъ заставили просить у барина прощенія, крестьяне не хотѣли, ихъ еще разъ перепоролъ и заставили просить прощенія. Крестьяне попросили росписки у барина, что онъ ихъ послѣ этого еще преслѣдовать и истязать не станетъ. Но еще разъ перепоролъ и развели по домамъ съ часовыми. До сихъ поръ, хотя правительству происшествіе и должно быть извѣстно, еще не отданы подъ судъ ни баринъ Голиковъ, ни губернаторъ Дораганъ, ни уѣздный предводитель.

— Русскимъ переводчикамъ рекомендуемъ вновь выходящую ливрезонами популярную физиологію Луиса, — *The Physiology of common Life*, by G. H. Lewes, — London, William Blackwood. Кстати обращаемъ вниманіе на книгу Жуванселя — *La Vie*, изд. въ Брюсселѣ. Книга эта писанная въ особенности для молодыхъ дѣвушекъ, составляетъ вторую часть его сочиненія — *Les commencements du monde*.

— Въ 55 листѣ Колокола мы помѣстимъ нѣсколько подробностей о *Sинхедрионѣ* московскихъ университетовъ фарисеевъ по поводу прошлогодней исторіи Пр. Варнека.

— 1^й листъ **ПОДЪ СУДЪ!** вышелъ 1 Октября, въ немъ помѣщено дѣло о преступномъ сообщничествѣ **ПОПОВА, ИГНАТЬЕВА, ВИКТОРА ПАНША** и **АЛЕКСѢЯ ОРЛОВА**, и нѣсколько новыхъ случаевъ чудовищнаго злоупотребленія помѣщичьей власти. — Особо отъ Колокола онъ продается по 6 пенсовъ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

WITH SUPPLEMENT No. 30.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 55.

1 НОЯБРЯ, 1859.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Горжевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), London. Price six-pence.

ОПЫТЫ РАЗБОРА СВОДА ЗАКОНОВЪ

изданіе 1857 года.

I.

Печатая "*Подъ Судъ!*" мы необходимо должны были приняться за сводъ законовъ; читая его мы убѣдились въ необходимости критическаго разбора. Изданіе 1857 года было вѣроятно сдѣлано только для облегченія покупателей, безъ цѣли улучшенія содержанія и редакціи свода. По крайней мѣрѣ измѣненій противъ изданія 1842 года весьма немного; переставлены нумера статей, но сохранены всѣ нецѣпности смысла и языка какъ было прежде. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы изданіе 1857 года было бесполезно; оно очень полезно, потому что приобрѣтеніе свода стало доступно большому числу нуждающихся; но тѣмъ не менѣе пора, очень пора подвергнуть сводъ строгому разбору — не какихъ нибудь комитетовъ, набранныхъ изъ камергеровъ и генераловъ, Блудовыхъ и не Блудовыхъ, — а разбору комитета людей знающихъ и притомъ не принадлежащихъ ни къ русскимъ нѣмцамъ, ни къ нѣмецкимъ русскимъ. Мы съ своей стороны, по мѣрѣ возможности будемъ помѣщать въ Колоколѣ наши замѣтки, принявъ за основаніе критики, не столько отношеніе новаго изданія свода къ старому, или къ кодексамъ и кодексамъ иностраннымъ, сколько его отношеніе къ здравому смыслу и потребностямъ русской жизни.

Прежде всего, по случаю Игнатьевскаго дѣла, (см. 1 листъ *Подъ Судъ!*) намъ бросилась въ глаза инструкция генераль-губернаторамъ, которая помѣщена въ Т. II, Ч. I статьи отъ 294 до 350. Займемся ею.

Ст. 294. "Въ порядкѣ общаго губернскаго управленія генераль-губернаторы суть *главные блюстители неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавія*, пользы государства и точнаго исполненія законовъ и распоряженій высшаго правительства по всѣмъ частямъ управленія во ввѣренномъ имъ краѣ."

Спрашивается: можно-ли изъ этого опредѣленія понять что такое генераль-губернаторъ?

"Главный блюститель неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавія"... Что это такое? Какъ это объяснить? Какимъ образомъ, на примѣръ, графъ Закревскій былъ въ Москвѣ блюстителемъ правъ самодержавія? Когда? Тогда-ли

когда Гучкова сослалъ въ Соловецкій монастырь?.... Но Гучковъ никогда не касался правъ самодержавія. Тогда-ли когда сослалъ Эйхеля въ Вятку, за то, что одинъ господинъ не хотѣлъ ему платить денегъ по заемному письму? Но и Эйхель ничего не имѣлъ противъ самодержавія. Да и никто не отрицаетъ верховныхъ правъ самодержавія. Въ чемъ же генераль-губернаторъ блюститель неприкосновенности этихъ правъ? Развѣ наказывая безъ суда онъ дѣлается блюстителемъ этихъ правъ? Этого мы не думаемъ. Допустить это значило бы съ понятіемъ самодержавія соединить понятіе беззаконія; наказаніе безъ суда просто противузаконный поступокъ, за который самодержавная власть должна отдать генераль-губернатора подъ судъ, а совсѣмъ не соблюденіе неприкосновенности верховныхъ правъ. Въ чемъ же состоитъ эта должность быть *главнымъ блюстителемъ неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавія*? Это фраза, изъ которой не выведешь никакого яснаго понятія, никакого опредѣленія — и значеніе генераль-губернатора остается въ совершенномъ туманѣ.

Далѣе генераль-губернаторъ "главный блюститель пользы государства." Это опять не объясняетъ его значенія. Это можетъ относиться и къ любому министру, и къ государю, и къ губернскому казначею, и къ каждому честному гражданину. Да и что разумѣть законъ подъ словомъ: польза государства? Какимъ образомъ Игнатьевъ, петербургскій генераль-губернаторъ (и сообщникъ майора Попова) будетъ главнымъ блюстителемъ пользы государства? Опять не понятно, опять туманъ.

Далѣе: "блюститель точнаго исполненія законовъ и распоряженій высшаго правительства." Блюститель точнаго исполненія законовъ — и сенаторъ и прокуроръ. Въ сущности прокуроръ болѣе главный блюститель точнаго исполненія законовъ, чѣмъ кто либо, потому что дѣло прокурора заключается въ протестѣ противъ всего незаконнаго. Слѣдственно выраженіе: "блюститель точнаго исполненія законовъ", нисколько не опредѣляетъ значенія генераль-губернатора. А "блюститель точнаго исполненія распоряженій высшаго правительства" — по просту значитъ исполнитель правительственныхъ предписаній.

Изъ всего этого хаоса опредѣленій не возможно составить

себѣ понятія о томъ, что такое генераль-губернаторъ. Еслибъ законъ сказалъ, что генераль-губернаторъ есть главный начальникъ, главное лицо исполнительной власти во *ввѣренномъ** ему краѣ, — то роль его была бы рѣзко опредѣлена, и подробности его обязанностей и границы его власти вышли бы логически изъ этого опредѣленія. Но правительство само ясно не дало себѣ отчета—за чѣмъ пужень въ иномъ мѣстѣ генераль-губернаторъ, а не просто губернаторъ, и создало себѣ изъ генераль-губернатора какаго-то фантастическаго господина, котораго власть оно само въ законѣ опредѣлить не могло. Изъ туманнаго опредѣленія 294 ст. Т. II вышелъ рядъ неопредѣленныхъ, невозможныхъ, бессмысленныхъ, а иногда и вредныхъ положеній объ обязанностяхъ генераль-губернатора, такъ что и самъ генераль-губернаторъ, если онъ не дуракъ и не невѣжда, въ минуту искренности, долженъ признаться, что по инструкціи онъ и самъ не знаетъ, что ему надо дѣлать во ввѣренномъ ему краѣ. На дѣлѣ же генераль-губернаторъ изъ туманной инструкціи составляетъ себѣ о кругѣ своей дѣятельности слѣдующее понятіе: “Такъ какъ законъ опредѣленной нити для дѣйствій мнѣ не даетъ, то я стану дѣлать все что хочу, не справляясь ни съ какимъ закономъ и даже не очень слушаясь распоряженій высшаго правительства.”

Ст. 296 только прибавляетъ къ неопредѣленности и смѣшенію понятій и даетъ генераль-губернаторамъ всякую ширь для превышенія власти. Вотъ она :

“Имѣя постоянное и тщательное попеченіе о благѣ жителей ввѣреннаго ему края, генераль-губернаторъ есть мѣстный блюститель порядка во *всѣхъ онаго частяхъ*,† неперестанно ревизующій *всѣ дѣйствія мѣстъ и лицъ*, ему подвѣдомственныхъ, для предупрежденія или для прекращенія нарушенія законовъ, всего противнаго безопасности и пользы общей, или же несообразнаго съ видами верховнаго правительства, извѣстными ему, какъ лицу, полнымъ довѣріемъ государя императора облеченному.”

Ревизующій для предупрежденія нарушенія законовъ!... Да какъ же онъ это сдѣлаетъ? За нарушеніе законовъ онъ можетъ отдать лицо подъ судъ—и тутъ онъ становится обвинителемъ, истцемъ, и то еще судъ долженъ рѣшить : правъ-ли онъ? дѣйствительно-ли законъ былъ нарушенъ? А когда еще нѣтъ нарушенія закона, что же онъ предупредить? Выдумать такую предупреждающую власть значитъ выдумать бессмыслицу. На пр. никто (если не намѣренъ воровать сообща) не пойдетъ къ генераль-губернатору сказать : “я хочу украсть”... Какъ же онъ предупредить воровство?

Предупрежденіе всего противнаго *безопасности и пользы общей*... Безопасности—еще понятно, на пр. поджигательство, о которомъ полиція была бы предупреждена; но *пользу общей*? Да въ цѣломъ сводѣ нѣтъ опредѣленія понятія *пользы общей*. Генераль-губернаторъ можетъ меня схватить отъ того

* И это слово пора замѣнить инымъ, на пр. въ извѣстномъ краѣ; что такое значитъ въ ввѣренномъ краѣ? Развѣ можно цѣлый край кому нибудь ввѣрить? Можно поручить кому либо известную власть, но ввѣрить цѣлый край никому нельзя. Это слово происходитъ изъ помѣщичьяго взгляда на прикащика; но мы надѣмся, что съ освобожденіемъ крестьянъ исчезнетъ наконецъ это понятіе ввѣренія, гнусное въ помѣщичьемъ смыслѣ и совершенно непримѣнимое въ смыслѣ государственнаго устройства. Это понятіе еще слишкомъ отзывается посылкою воеводъ для кормленія, слишкомъ отзывается отдачею народа на разграбленіе, чтобъ не быть исключеннымъ изъ свода.

† Что за редакція! Къ чему относится онаго? Къ благу жителей, или къ краю? Но и то и другое нелѣпо, потому что “части блага жителей” ничего не значить, а “части края”—версты и десятины.

что я живу на Тверской, полагая что это противно пользы общей.

А предупрежденіе и прекращеніе *всего несообразнаго съ видами верховнаго правительства, извѣстными ему какъ лицу, облеченному полнымъ довѣріемъ государя*,—это даетъ такую ширь произволу, что ни одинъ порядочный человекъ въ такомъ мѣрѣ жить не можетъ. Тутъ генераль-губернаторъ можетъ себѣ позволить всякую пакость, ссылаясь на то, что онъ дѣйствуетъ по правиламъ, извѣстнымъ ему какъ лицу облеченному полнымъ довѣріемъ—и тутъ опять бѣдная Россія становится Тунгузіей.

Ст. 297, по редакціи, изумительна. Вотъ она :

“Независимо отъ сего, особенному попеченію генераль-губернатора ввѣрены слѣдующіе предметы.”

И это особая статья изъ свода законовъ! Сослаться на такую статью конечно никому не придется; это заглавіе, а не статья за №., она ровно ничего не опредѣляетъ, кромѣ тупоумія редактора. И отъ чего же слѣдующія статьи послѣ этого заголовка *независимы* отъ предыдущаго? Первый отдѣлъ послѣ 297 ст. подъ заглавіемъ : “а) общее благосостояніе и внутренняя безопасность” повторяетъ смыслъ ст. 296, гдѣ генераль-губернаторъ долженъ прекращать все противное безопасности и пользы общей : откуда же взялось “независимо отъ сего”? Оно совершенно зависимо, развитіе того же смысла. Развѣ только та переменна, что въ ст. 296 говорится объ общей безопасности и пользы, а въ заглавіи отдѣла только о благосостояніи общемъ, (что по видимому должно быть отлично отъ пользы общей), но о *безопасности внутренней*. Точное различіе прилагательныхъ : *общей* и *внутренней* въ сводѣ не опредѣлено, и почему не сказано *благосостояніе внутреннее, безопасность общая*—неизвѣстно. Изъ слѣдующихъ статей различія также не усматривается; риторическое-ли избѣжаніе повторенія словъ или особое пониманіе смысла руководило редакціей—мы не знаемъ.

Ст. 298. “Генераль-губернаторъ наблюдаетъ: 1) чтобы юношество получало воспитаніе въ правилахъ чистой вѣры, доброй нравственности и въ чувствахъ преданности къ престолу и отечеству, что одно только служитъ прочнымъ основаніемъ всякаго благоустроеннаго общества и залогомъ его благосостоянія; 2) чтобы молодые дворяне не находились во вредной праздности, но посвящали себя службѣ государственной и 3) чтобы каждый, во всѣхъ сословіяхъ, снискивалъ пропитаніе трудомъ честнымъ и полезнымъ.”

Тутъ много поднимается вопросовъ. На примѣръ : Какимъ образомъ чистая вѣра можетъ служить залогомъ общественнаго благосостоянія? Залогомъ спасенія души по христіанскому понятію — это дѣло другое, но залогомъ благосостоянія... это мудрено.

Что такое *чистая вѣра*? Идолопоклонники, евреи, магометане, католики, протестанты и пр. принадлежатъ къ чистой или къ нечистой вѣрѣ? А вѣдь живутъ же идолопоклонники, евреи, магометане, католики и протестанты въ вѣдомствахъ генераль-губернаторовъ. Обязанъ-ли генераль-губернаторъ смотрѣть за чистотой Талмуда, Корана, католическаго и протестанскаго ученій и идолопоклонства, или обязанъ всѣхъ заставлять воспитываться по ученію восточной православной церкви?

Темно. Генераль-губернаторъ не будетъ знать что дѣлать. “Воспитаніе въ правилахъ доброй нравственности”... Что

такое добрая нравственность? Какія сводъ законовъ составляетъ границы гдѣ кончается добрая нравственность и переходитъ въ недобрую? Законы представляютъ только опредѣленія проступковъ и преступленій подлежащихъ наказанію и за предѣлъ этихъ опредѣленій ни судебная, ни исполнительная власть перешагнуть не могутъ, не вдаваясь въ нелѣпый произволъ. Можно сказать, что не коротко подстриженные волосы и разстегнутый мундиръ у гимназиста — признаки недоброй нравственности. Но вѣдь это неправда. Кромѣ дурака этому никто не повѣритъ. Нравственность дѣло совѣсти, которой летучее содержаніе слишкомъ неопредѣленно, чтобъ войти въ сводъ законовъ и въ инструкцію исполнительной власти.

Сверхъ того, какъ же исполнительная власть можетъ вмѣшиваться въ вѣдомство министерства просвѣщенія? Это перепутало бы всё государственныя понятія. Воспитаніе дѣтей и юношей производится въ школахъ, которыя устроены по правиламъ составленнымъ вѣдомствомъ министерства просвѣщенія; оно за исполненіемъ ихъ и наблюдаетъ. Чтожь тутъ дѣлать исполнительной власти, т. е. генераль-губернатору? Если же его вмѣшательство должно относиться только до домашняго воспитанія, то это даетъ ему поводъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла, чего никакъ допустить нельзя. Я учу моего сына англійскому языку, а генераль-губернаторъ придетъ и скажетъ мнѣ: “не смѣйте учить его по англійски, это противно чувству преданности къ престолу.” Я ему просто скажу: “М. Г. ступайте прочь и не вмѣшивайтесь въ мои семейныя дѣла, не то я васъ прибью или убью — за нарушение неприкосновенности очага, святыни семейной жизни, нарушеніе, противное правиламъ чистой вѣры и доброй нравственности — и прочнымъ основаніямъ всякаго благоустроеннаго общества.”

Дѣйствительно этимъ пунктомъ статьи дана такая ширь для грубыхъ, дерзкихъ, нелѣпыхъ и гнусныхъ вмѣшательствъ генераль-губернаторовъ въ частную жизнь смиренныхъ гражданъ, что это безобразно. Вдобавокъ тутъ навязаны генераль-губернаторамъ обязанности священниковъ, проповѣдниковъ, преподавателей, профессоровъ, все обязанности, нисколько не совпадающія съ понятіемъ исполнительной власти.

Второй пунктъ: “чтобы молодые дворяне не находились во вредной праздности, но посвящали себя службѣ государственной” — не менѣе страненъ. Во-первыхъ, въ цѣломъ сводѣ вѣтъ закона, который бы обязывалъ дворянина вступать въ службу, слѣдственно принуждая молодого дворянина вступать въ службу, генераль-губернаторъ дѣлаетъ противозаконный поступокъ, за который можетъ быть судимъ въ 1^м департаментѣ Правительствующаго Сената, по статьямъ о превышеніи власти. Очевидно или статью 298 Т. II, Ч. I, или статьи 380, 382 и 383 Т. XV нужно вычеркнуть, или прибавить статью о непремѣнномъ вступленіи въ службу дворянина, что совершенно было бы противно правамъ дворянства. Во-вторыхъ, что такое *вредная праздность*? Дворянинъ занимается земледѣліемъ и въ государственную службу неидетъ: будетъ-ли это вредная праздность? Дворянинъ ходитъ по монастырямъ и молится богу, а въ службу неидетъ: будетъ-ли это вредная праздность? Дворянинъ читаетъ и пишетъ книги, а не служитъ: будетъ-ли это вредная праздность? Наконецъ дворянинъ ходитъ на медвѣдя и не служитъ. Вамъ какое дѣло?

Пунктъ 3^й — “чтобы каждый снискивалъ себѣ пропитаніе трудомъ честнымъ и полезнымъ.”

Лакей, который нанялся, хотя бы у генераль-губернатора, снискиваетъ себѣ пропитаніе трудомъ не безчестнымъ, но конечно бесполезнымъ.

Шпіонъ, который служитъ у генераль-губернатора, снискиваетъ пропитаніе трудомъ равно безчестнымъ и бесполезнымъ.

Чего-же смотреть генераль-губернаторъ? Подъ судъ ихъ на основаніи 298 ст. II. 3го.

Пора понять, что дѣйствіе всякой власти падаетъ только на отрицательную сторону жизни, на опредѣленный *проступокъ*, а не *поступокъ*. Человѣкъ снискиваетъ пропитаніе трудомъ *безчестнымъ*, на пр. разбоемъ, генераль-губернаторъ, т. е. исполнительная власть имѣетъ право преслѣдовать его по законамъ, произвести слѣдствіе, отдать подъ судъ. Но пока человѣкъ безчестнаго труда не производилъ, хотя бы онъ ничего не производилъ, а жилъ бы на счетъ родственника или друга, — исполнительная власть не должна смѣть пальцемъ до него коснуться, иначе подойдетъ подъ статьи XV Т. о превышеніи власти. До положительной и безразличной стороны жизни, т. е. до хорошаго поступка, или до бездѣйствія человѣка, до всего того, что *не проступокъ*, — никакой власти никакого дѣла нѣтъ.

Ст. 299. “Имѣя въ виду, что дворянское сословіе есть первое въ государствѣ, онъ наблюдаетъ, чтобы дворяне вели жизнь приличную ихъ происхожденію, служили примѣромъ прочимъ сословіямъ, и чтобы помѣщики съ должной отеческой заботливостію исполняли въ отношеніи своихъ крестьянъ всѣ возложенныя на нихъ обязанности.”

Положимъ, что обида, нанесенная этой статьею прочимъ сословіямъ въ государствѣ, согласна съ общимъ духомъ нашего законодательства, т. е., что дворянство дѣйствительно составляетъ сословіе привилегированное, изъятое отъ тѣлесныхъ наказаній и имѣющее право продавать, покупать и сѣчь людей; но въ такомъ случаѣ за чѣмъ-же къ этому первому сословію приславлять дядьку? Развѣ это не униженіе? Да позвольте мнѣ, вышедшему изъ ребяческаго возраста, лучше приписаться къ которому нибудь изъ низшихъ сословій чѣмъ имѣть дядьку. Дядьки я не стерплю, я слишкомъ совершеннолѣтенъ для этого. А потомъ, предположимъ, что я изъ низкаго званія и дослужился до статскаго или даже дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Вѣдь я дворянинъ и потомственный дворянинъ, по закону: какимъ же образомъ генераль-губернаторъ станетъ наблюдать, чтобы я велъ жизнь приличную моему происхожденію? Да мое происхожденіе положимъ изъ дворовыхъ вольноотпущенныхъ людей; стало генераль-губернаторъ долженъ наблюдать чтобы я велъ жизнь приличную дворовому человѣку? Наконецъ — какая жизнь прилична дворянину? Этого въ законѣ нигдѣ не опредѣлено. Относится ли эта приличная жизнь къ тому, чтобы дворянинъ брилъ бороду, носилъ фракъ, колотилъ своего человѣка, молился богу, игралъ въ преферансъ, зналъ грамотѣ, или къ чему другому? Генераль-губернаторъ изъ ст. 299 ничего понять не можетъ, и потому долженъ самъ выдумывать что такое приличная жизнь для дворянина. Иной подумаетъ что дворянину прилично заставлять работать мужика семь дней въ недѣлю и насиловать бабъ и дѣвокъ — и вотъ генераль-губернаторъ будетъ мирволить дворянамъ, которые ведутъ эту приличную жизнь; другой подумаетъ, что говорить въ обществѣ о при-

тѣсненіяхъ генераль-губернаторскихъ неприлично для дворянина—и посадить дворянина подъ арестъ.

Приличная жизнь для всякаго человѣка, слѣдственно и для дворянина — жизнь свободная. Кто провинится, на то есть судъ. Слѣдственно возведеніе генераль-губернатора въ дворянскіе дядьки—противно всякой приличной жизни, всякому понятію приличія, и вдобавокъ власть его въ этомъ случаѣ неопредѣлена до безмыслицы. И что законъ понимаетъ подъ : *примѣромъ прочимъ сословіямъ* и что такое *отеческая заботливость*? Слова, слова и слова, да еще слова безъ смысла. И это инструкция! и это законъ!

Ст. 300 относится до попеченія объ отставныхъ солдатахъ, это совершенно справедливо и естественно входитъ въ число обязанностей генераль-губернатора. Но ст. 301!.. Вотъ она.

“Онъ преслѣдуетъ всѣми зависящими отъ него средствами излишнюю роскошь, расточительность, безпутство и мотовство, по правиламъ Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.”

Эта статья беретъ въ основаніе самый дикій отдѣлъ Т. хiv, разд. III^а, гл. 2^ю, подъ заглавіемъ : о роскоши и мотовствѣ. Ни одна статья изъ этой главы не опредѣляетъ границы трагъ, послѣ которой начинается роскошь и мотовство. Да этого невозможно и опредѣлить. Для меня золотые часы роскошь и мотовство, а для васъ брильянтъ въ 20 каратовъ роскошь, но не мотовство. Чѣмъ же опредѣляется мотовство? Тѣмъ, что человѣкъ не платитъ своихъ долговъ, не вслѣдствіе нечаянныхъ убытковъ, а вслѣдствіе прожитка не по силамъ. Но тогда на этого господина кредиторы представляютъ документы ко взысканію,* и у него имѣніе—или описывается или отдается въ опеку по судебному приговору. Исполнительная власть, генераль-губернаторъ во главѣ, обязана приговоръ суда привести въ дѣйствіе. Вотъ и все. Чего же тутъ смотрѣть и предупреждать генераль-губернатору? Промотавшійся человѣкъ уже и безъ него наказанъ, а останавливать его отъ мотовства... какимъ же средствомъ, если онъ не малолѣтній и не умалишенный? Какое дѣло государству, что Иванъ Петровичъ раззорился и имѣніе его продано съ торговъ какому нибудь Еремею Карпычу? Ну! а если генераль-губернаторъ, по злобѣ на Ивана Петровича, отдастъ его имѣніе подъ опеку за покупку гнѣдаго жеребца, находя что это для Ивана Петровича роскошь и мотовство? Это выйдетъ дикій произволь, а между тѣмъ онъ возможенъ, потому что законъ не опредѣляетъ и не въ состояніи опредѣлить — что такое роскошь и мотовство; да и не нужно закону опредѣлять, а исполнительнои власти предупреждать роскошь и мотовство; сами обстоятельства опредѣляютъ, потому что по жалобамъ кредиторовъ и по суду имѣніе мота будетъ подвержено публичной продажѣ или опекѣ. За чѣмъ же давать генераль губернатору безобразный произволь вмѣшиваться въ частную жизнь, тамъ, гдѣ это вмѣшательство уже по устройству судовъ совершенно не нужно?

Ст. 302 еще лучше :

“Устремляя все свое вниманіе на духъ и нравственное направленіе во всѣхъ сословіяхъ, онъ устраняетъ всякій поводъ къ ложнымъ понятіямъ, превратнымъ толкованіямъ и гибельному лжемудрствованію.”

Что за дичь!

Что такое *духъ* и *нравственное направленіе сословія*? Какой законъ онъ опредѣляетъ необходимость какому либо сословію имѣть

* Если хотять ; а не хотять—то все же никому до этого дѣла нѣтъ.

такой-то духъ, или не имѣть такого-то? Да и какъ это опредѣлить? Самое слово духъ и нравственное направленіе совершенно неопредѣленные понятія. Объ этомъ были писаны томы—и не видать результата, и вдругъ генераль-губернаторъ, весь вѣкъ солдатъ по ремеслу, долженъ сдѣлаться философомъ и задать себѣ задачу : что такое духъ сословія?.. и *устремить на этотъ духъ свое вниманіе!* Съ ума сойдетъ генераль-губернаторъ, еслибъ ему въ самомъ дѣлѣ пришлось исполнять эту статью инструкции. И *устремивъ свое вниманіе на духъ*, онъ долженъ устранить поводъ къ ложнымъ понятіямъ. Поводъ? ... какой же можетъ быть поводъ къ ложнымъ понятіямъ? Сумасшествіе? Болѣзнь? Да это дѣло медика. Къ ложнымъ понятіямъ о чемъ? Превратнымъ толкованіямъ чего? Чертъ знаетъ! Въ законѣ ничего не сказано. Съ ума сойдетъ генераль-губернаторъ. Слышалъ онъ, что мѣщанинъ Пименовъ утверждаетъ, будто солнце ходитъ около земли, а не земля около солнца. Позвать Пименова! “Какъ ты смѣешь имѣть ложное понятіе?” — “Да, ваше высокопревосходительство, Иисусъ Навинъ сказалъ : солнце стой!” — “Это превратное толкованіе, у него это такъ съ языка сорвалось, а ты и пошелъ врать ; все отъ того, что въ тебѣ сидитъ гибельное лжемудрствованіе.” Сказавъ это, генераль-губернаторъ поблѣднѣлъ и задумался : “А что такое гибельное лжемудрствованіе? Да что такое вообще лжемудрствованіе? Да и что такое мудрствованіе — просто, не лже? Придется учиться исторіи философіи. Да и тамъ не вдругъ поймешь что лже, что не лжемудрствованіе. Да и гдѣ мнѣ! Цѣлый вѣкъ только и умѣлъ, что кричать : лѣвое плечо впередъ—маршъ! А тутъ поди учись исторіи философіи... Ваше величество! Пустите бога ради въ отставку! Я тутъ ничего не понимаю.”

Да и мы ничего не понимаемъ, да и кто писалъ — не понималъ, да и кто прочтетъ не пойметъ. А между тѣмъ произволь генераль-губернатору данъ страшный, дикій, незаконный! Скажи я, что генераль-губернаторъ ставитъ гнилой товаръ въ казну, а онъ меня въ тюрьму за лжемудрствованіе.

Но генераль-губернаторъ, съ испугу мысленно попросясь въ отставку, въ самомъ дѣлѣ въ отставку не подалъ. Онъ вспомнилъ, что у него есть племянникъ студентъ. “Скажи мнѣ, Феденька, что такое лжемудрствованіе?” — “Дядюшка, еслибъ я зналъ что такое абсолютная истина, я сказалъ бы вамъ что такое лжемудрствованіе, но я не знаю.” — “Чему-жь ты учишься? Почему не знаешь абсолютной истины?” — “Да потому, дядюшка, что ея нѣтъ.” — “Нѣтъ? ну такъ ступай домой. Эй! кто тамъ въ передней?” — “Оберъ-полицмейстеръ Держиморда.” — “Поди сюда, Держиморда. Что такое гибельное лжемудрствованіе?” — “Да это, смѣю доложить, ваше высокопревосходительство, если вотъ кого поколотить ни за что, или въ сибирку посадишь, а онъ на тебя подастъ жалобу, вотъ эта жалоба-то и есть гибельное лжемудрствованіе.” — “А! понимаю—говоритъ генераль-губернаторъ—шкуру сдеру со всякаго и жаловаться никто не смѣй! Въ Вятку его—на, молъ, тебѣ за лжемудрствованіе!”

Ст. 303. “Въ случаѣ важныхъ гдѣ либо безпорядковъ или неповиновенія властямъ, если къ прекращенію оныхъ сдѣланныя мѣстнымъ начальствомъ распоряженія окажутся безуспѣшны, генераль-губернаторъ принимаетъ мѣры какъ къ восстановленію спокойствія, такъ и къ отвращенію всякой причины возобновленія сихъ безпорядковъ.”

Это на просломъ языкѣ значить, что, если мѣстное началь-

ство не довольно передрао, за такъ называемый бунтъ, мужиковъ, разграбленныхъ и угнетенныхъ помѣщикомъ, то генераль-губернаторъ имѣеть право послать команду и передраить ихъ еще разъ. Многіе подумаютъ, что тутъ наше мнѣніе преувеличено; но пусть вникнутъ въ смыслъ статьи, то увидятъ, что подъ безпорядками и неповиновеніемъ, которыхъ бы мѣстныя уѣздныя власти не могли усмирить, только и можно разумѣть неповиновеніе цѣлаго селенія помѣщику; еслибъ дѣло шло объ отдѣльномъ лицѣ, его всякій становой приставъ усмирить, даже не рапортуя объ этомъ генераль-губернатору; водвореніе спокойствія, тамъ гдѣ дѣйствія мѣстныхъ чиновниковъ остались безуспѣшны, значить приведеніе команды и розги.

Ст. 304 относится до пожаровъ и наводненій. За симъ слѣдуетъ отдѣлъ б) *Народное здравіе и продовольствіе*. Тутъ все дѣйствительно входитъ въ обязанности генераль-губернатора. Законъ, какъ инструкция правительства, данная губернской исполнительной власти — совершенно справедливъ. Забѣлимъ только: почему правительство думаетъ, что именно генераль-губернаторъ, т. е. военный человекъ, посвятившій жизнь благородному искусству истребленія людей, почему именно онъ способенъ, на пр. во время голода, принять спасительныя экономическія мѣры для облегченія народонаселенія? Если бы правительство задало себѣ этотъ вопросъ, оно необходимо пришло бы къ заключенію, что, какъ скоро дѣло становится серьезнымъ, доходить до прямыхъ обязанностей мѣстной исполнительной власти, то не генераль-губернатору слѣдуетъ дать императорское довѣріе, а практическому человеку, знающему земледѣльческое, промышленное и торговое положеніе Россіи, и способному сообразить, что именно въ данную минуту можно сдѣлать, или городскимъ думами и магистратами, дворянскимъ собраніемъ, волостнымъ собраніемъ и т. п. Правительство увидѣло бы, что Россіи нужна мирная исполнительная власть, а не военное осадное положеніе.

Тоже мы замѣтимъ и объ отдѣлѣ в) *Общественное хозяйство*. Всѣ статьи дѣйствительно относятся до обязанностей мѣстнаго начальника администраціи; но для этого не нужно ничего военнаго, никакого генерала, а нужно знающаго администратора. Въ этомъ отдѣлѣ замѣчательна статья 313:

“Вредныя во всѣхъ отношеніяхъ для государства дѣйствія монополистовъ преслѣдуются со всей строгостію законовъ.”

А какъ же откупщики? Безъ сомнѣнія каждый откупщикъ монополистъ, да еще монополистъ признанный правительствомъ. Что же тутъ дѣлать генераль-губернатору? Нутка, ваше высокопревосходительство, извольте преслѣдовать откупщиковъ! Желали бы мы знать, кого правительство, основывающее половину своихъ доходовъ на монополію, разумѣетъ здѣсь подъ именемъ монополистовъ? Сверхъ того нигдѣ не видать, чтобы администраціи поручено было преслѣдовать монополистовъ установленнымъ порядкомъ уголовного суда, а просто поручено преслѣдовать, т. е. безъ суда и слѣдствія, именно въ томъ направленіи, которое въ Россіи даетъ чиновничеству монополію грабежа.

Отдѣлъ г) *Исправленіе правосудія*.

Ст. 315. “По всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію и рѣшенію судебныхъ мѣстъ въ установленномъ для того порядкѣ, генераль-губернаторъ, руководствуясь постоянно правиломъ, что онъ не судья, но только блюститель право-

судія и установленнаго порядка, отнюдь не вмѣшивается въ обсужденіе существа дѣла, когда по закону къ тому не уполномоченъ; но въ случаѣ медленности, проволочки, безпорядковъ и нарушенія формъ въ производствѣ суда принимаетъ мѣры для пресѣченія ихъ и законнаго направленія дѣла въ установленномъ порядкѣ.”

Подчеркнутыя нами слова подчеркнуты въ текстѣ закона. Спрашиваемъ: что такое генераль-губернаторъ блюститель правосудія? Какъ ни безобразны формы нашего судопроизводства, но все же онѣ существуютъ, и строгое соблюденіе ихъ все же полезнѣе особеннаго дядьки за правосудіемъ, который не можетъ дать за себя никакого ручательства, чтобъ онъ чтонибудь смыслилъ въ правосудіи — уже потому, что онъ не юристъ, а генераль. Установленный порядокъ нашего судопроизводства слѣдующій: первая инстанція уѣздный судъ, вторая палата, третья Сенатъ. Въ каждой инстанціи есть прокуроръ (стряпчій) протестующій противъ судебного рѣшенія, по его мнѣнію незаконнаго. Каждая высшая инстанція можетъ сдѣлать выговоръ низшей за медленность, проволочки, безпорядки, нарушеніе формъ и даже за несправедливое рѣшеніе, и даже отдать подъ судъ членовъ суда. Какое же тутъ дѣло исполнительной власти? Какое дѣло генераль-губернатору? Его вмѣшательство въ судебную часть — результатъ смѣшенія, совершеннаго хаоса всякихъ здравыхъ государственныхъ понятій и страшный рычагъ неправосудія.

Ст. 316. “Имѣя право по закону требовать къ своему личному разсмотрѣнію дѣла уголовныя, генераль-губернаторъ не долженъ обременять себя разсмотрѣніемъ дѣлъ обыкновенныхъ, но главнѣйше обращаетъ все свое вниманіе на дѣла особенной важности, какъ то: о преступленіяхъ по службѣ лицъ, занимающихъ значительныя должности, о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и вообще о разительныхъ случаяхъ преступленій.”

Что такое дѣла обыкновенныя и дѣла особенной важности? Что такое разительные случаи преступленій? Къ рѣшенію этихъ вопросовъ ключа нѣтъ въ сводѣ законовъ.

Что такое обращать все свое вниманіе? Ну! положимте, генераль-губернаторъ обратилъ все свое вниманіе: что-жъ изъ этого? Что-жъ дальше?....

И тутъ опять смѣшеніе понятій: генераль-губернаторъ можетъ обратить вниманіе на фактъ преступленія лицъ по службѣ, на фактъ злоупотребленія помѣщичьей власти, на фактъ разительнаго и даже не разительнаго преступленія, и обратить вниманіе съ тѣмъ, чтобы назначить слѣдствіе, и слѣдствіе и виновныхъ представить въ судъ. Такъ по крайней мѣрѣ въ смыслѣ нашего законодательства, хотя и тутъ многое, по нашему мнѣнію, относится къ числу ложныхъ понятій, но объ этомъ въ другое время. Но ни въ какомъ случаѣ пересмотръ уголовного дѣла не можетъ быть занятіемъ генераль-губернатора; это дѣло Сената. Ошибка инструкции въ томъ, что она приняла генераль-губернатора за блюстителя правосудія, между тѣмъ какъ онъ, по здравому смыслу, только блюститель порядка.

Тутъ мы кончаемъ обзоръ инструкции генераль-губернаторамъ. Остальное относится до административнаго распорядка, о которомъ намъ придется говорить при общемъ обзорѣ административныхъ учрежденій.

Теперь мы ставимъ вопросъ: Какимъ образомъ эта инструкция вошла въ изданіе 1857 года свода законовъ?

Это, неслѣпое наследіе: отъ прошлаго царствованія, по всей справедливости, должно было миновать сводъ законовъ, изданный въ царствованіе Александра II.

Кто сочинялъ эту инструкцію? Ясно, что она написана чуть не подъ диктовку императора Николая; побудительныя причины слишкомъ его, слишкомъ ярко просвѣчиваютъ сквозь сумбуръ слога и понятій. Страхъ, который Николай почувствовалъ въ день 14 Декабря, въ польское возстаніе и въ тотъ день, когда онъ кушалъ крендель въ старо-рускомъ поселеніи, (см. Колоколь листъ 16, 17 и 18)—этотъ страхъ преслѣдовалъ его всю жизнь и сосредоточился въ страхѣ передъ призракомъ революціи. Николай про Кокочкина говорилъ: “Я знаю что онъ мошенникъ, но я при немъ сплю спокойно.” Отсюда въ инструкцію генералъ-губернаторамъ онъ не впесъ ни ясныхъ юридическихъ понятій, ни пониманія государственнаго порядка, а только одно: “вотъ вамъ власть, дѣлайте что хотите, разбойничайте какъ хотите, только спасите меня отъ революціи.” Отсюда всякое заявленіе права, всякая законность—необходимо потонули въ тускломъ словѣ: лжемудрствованіе. На такомъ основаніи, конечно никакое государство существовать не можетъ. Но положимъ, что она инструкція была дѣломъ императорской маніи,—за чѣмъ-же ее теперь? За чѣмъ ее въ то время, когда государь, поставивъ *Самъ* вопросъ объ освобожденіи, видитъ, что для него призракъ революціи не существуетъ, потому что Россія пойдетъ путемъ реформы, а не революціи. Онъ *Самъ* провозгласилъ реформу, *Самъ* вводитъ правительство какъ элементъ, какъ помощь Россіи на пути реформы,—а между тѣмъ сохраняетъ въ сводѣ узаконенія, которыя вызваны страхомъ передъ призракомъ и служатъ къ сохраненію неправосудія и разбойничества, низводящихъ государство на степень орды.

Пора, пора назначить пересмотръ Свода законовъ!

Н. Огаревъ.

Синхедріонъ Московскихъ Университетскихъ Фарисеевъ.

Encore une étoile qui file... file...

Кажется московскій университетъ пережилъ эпоху своей славы. Смерть Грановскаго словно провела черту. Неужели нуженъ былъ гнѣвъ свирѣпаго николаевскаго прессы для того чтобъ сплавлять учащихся и учащихся въ одну семью?

Теперь слишкомъ свободно — и потому профессора, по крайней мѣрѣ ихъ большинство, представляютъ какую-то упрямую благочинія

Годъ тому назадъ студенты перестали ходить на лекціи, какого-то бездарнаго профессора Варнека; изъ этого университетское начальство раздуло исторію, окончившуюся исключеніемъ десяти студентовъ, и это ужъ конечно не вина ученаго синхедріона, что дѣло не приняло николаевскаго оборота. Мы давно знали эту безобразную исторію, но недавно доставили намъ ея подробности, которыя мы передадимъ вкратцѣ нашимъ читателямъ.

Студенты выбрали депутатомъ г. Жохова, который сказалъ Варнеку отъ лица товарищей: “Г. Профессоръ, сегодня мы васъ не слушали и положили впредь не переступать порога той аудиторіи, гдѣ будете преподавать вы. Мы просимъ васъ дать намъ возможность имѣть другаго профессора.”

Университетское начальство, оскорбленное въ своемъ учено-полицейскомъ достоинствѣ, рѣшилось сломить волю крамоль-

ныхъ студентовъ — и начало свои дѣйствія *исключеніемъ Жохова*, объявивъ, что онъ исключенъ за неблагонамѣренныя стихи, *по высочайшему повѣленію покойнаго императора*, воля котораго не была до сихъ поръ выполнена, оттого что попечитель Назимовъ протезировалъ Жохову, а попечитель Ковалевскій какъ-то забылъ о немъ!...

Во-вторыхъ, оно отобрало отъ студентовъ письменное обязательство посѣщать лекціи Варнека. Здѣсь очень любопытны хитрости и уловки, къ какимъ оно прибѣгло. Такъ на пр., инспекторъ требовалъ къ себѣ медиковъ въ 11 и 12 часовъ ночи, небольшими партіями, чтобы предупредить возможность стачки между ними; потомъ, также, разумѣется, не безъ задней мысли, онъ началъ подписку съ казеннокоштныхъ, которымъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: согласиться, или идти въ фельдшера. Наконецъ необходимыя приготовленія были исполнены и 19 числа декабрь вывѣсилъ объявленіе, что завтра въ такомъ-то часу г. Варнекъ будетъ читать въ анатомическомъ амфитеатрѣ. За долго передъ началомъ лекціи, студенты уже толпились въ корридорѣ смежномъ съ амфитеатромъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго стало появляться университетское чиновничество. Наконецъ пріѣхалъ и самъ попечитель Бахметевъ. Онъ раскланялся очень вѣжливо съ студентами и обратился къ нимъ съ такою рѣчью: “Господа, мы можемъ войти, пора!” Эта фраза была произнесена имъ такимъ ровнымъ, ласковымъ голосомъ, какъ будто ему вовсе ничего не извѣстно о составившейся оппозиціи. “Не пойдѣмъ!” загудѣла толпа.—“Но, господа, вспомните, вы дали честное слово инспектору.”—“Изъ подъ палки... намъ грозили.”—“Такъ вы положительнѣе не хотите?”—“Нѣтъ! нѣтъ!”—“О! въ такомъ случаѣ прошу не вѣнчать на меня. Я поступлю какъ требуетъ *моя совѣсть*. Г. Ректоръ, потрудитесь назначить комиссію для разбора этого страннаго дѣла. Каковъ бы ни былъ ея приговоръ, я не задумаюсь подписать его, если онъ будетъ *справедливъ*.” Попечитель опять раскланялся съ студентами по прежнему, вѣжливо и уѣхалъ даже не повидавшись съ Варнекомъ.

Въ 7 часовъ вечера нѣсколько человекъ медиковъ 1го курса позвали въ правленіе, гдѣ они уже застали Альфонскаго, Баршева, Лешкова, Крылова, а Армфельдъ уѣхалъ, не дождавшись пока соберутся студенты, какъ носились слухи, рассорившись съ прочими членами за ихъ слишкомъ *честныя* намѣренія!...

Подсудимыхъ ввели въ залу и еще разъ пытались уговорить ихъ “Отчего вы отказываетесь ходить къ Варнеку?”—“Оттого что онъ дурно читаетъ.”—“Кто вамъ сказать, что онъ дурно читаетъ? Откуда въ два мѣсяца вы набрались столько знаній, что беретесь судить профессора, человека ученаго. Вы молоды и легко можете ошибаться.”—“Да не мы одни такого мнѣнія о его чтеніяхъ.”—“Кто же еще?”—“Весь медицинскій факультетъ.”—“Слышите, весь медицинскій факультетъ, — восклицаетъ Баршевъ, профессоръ уголовного права — стало быть у васъ заговоръ!”—“Попечитель изъ состраданія къ вашей молодости, продолжаетъ президентъ, хочетъ кончить эту исторію домашнимъ образомъ. Согласитесь слушать Варнека и васъ оставятъ въ покоѣ, никто не будетъ наказанъ. Подумайте хорошенько, упрямство, право, бесполезно и даже опасно.”

Студенты подумали, и повторили, что слушать Варнека не стануть. Ихъ отпустили. 23го числа медиковъ 1го курса потре-

бывали въ минералогическѣй залѣ, роздали имъ писанные вопросы и объявили, что никого *не выпустятъ* отсюда до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ отвѣтовъ на все. Студенты чувствуя себя правыми, отвѣчали прямо и рѣзко, не справляясь съ полнымъ собраніемъ законовъ. Этого было довольно; члены ухватились за необдуманно жесткія фразы и на основаніи большей или меньшей ихъ рѣзкости, раздѣлили подсудимыхъ на категоріи и передали дѣло на окончательное рѣшеніе въ академическѣй совѣтъ. Такимъ образомъ подверглись самому тяжелому наказанію нѣкоторые личности вовсе не участвовавшіе въ послѣднихъ происшествіяхъ *единственно за свои либеральныя мнѣнія!*

“По прежде нежели скажу что нибудь о рѣшеніи университетскаго суда, говоритъ корреспондентъ, я остановлюсь на любопытномъ эпизодѣ, очень вѣрно характеризующемъ *дружескія* отношенія профессоровъ къ студентамъ. Если бы я называлъ тѣхъ и другихъ двумя враждебными лагерями, то, право, не заслужилъ бы упрековъ отъ моихъ товарищей въ преувеличеніи..

Студентъ Кляузъ, испортивши во время допроса свой листъ, обратился къ секретарю съ просьбою, чтобы ему выдали новый. “Не дадите, вмѣшался Баршевъ, онъ сейчасъ выходилъ въ корридоръ къ товарищамъ и они велѣли ему сдѣлать ложныя показанія.” — “Г. профессоръ, будьте осторожнѣе въ вашихъ обвиненіяхъ.” — “Ну да, закричалъ Баршевъ, вы ставете еще оправдываться.” — “Я не оправдываюсь, а просто говорю, что вы лжете.” — “Арестуйте его,” приказалъ взбѣленившійся членъ инспектору. — “Это дѣйствительно не онъ выходилъ,” замѣтилъ Ильинскій. “Въ такомъ случаѣ извините меня, г. Кляузъ,” пробормоталъ сконфуженный профессоръ.

Тѣмъ казалось и долженъ былъ кончиться забавный анекдотъ, но къ сожалѣнію, у насъ уже давно ничего не дѣлается такъ какъ бы слѣдовало. На другой день *Кляузъ былъ исключенъ*. По чьей жалобѣ, кто исключилъ, — этого и теперь никто хорошенько не знаетъ: Баршевъ не жаловался, комиссія и не подозрѣваетъ о наказаніи Кляуза! Не правда-ли поступокъ вполне достойный защитниковъ устности и гласности въ судопроизводствѣ, за какихъ выдають себя наши *мужи науки?*”

28 собрался академическѣй совѣтъ, 29 на немъ предсѣдательствовалъ министръ Ковалевскій, 4 Декабря было читано въ аудиторіяхъ рѣшеніе знаменитаго судилища, вотъ оно “10 человекъ исключаются *съ дурнымъ поведеніемъ*, около 100 съ правомъ поступить черезъ годъ.”

Потомъ послѣдней категоріи позволили покаяться и предложили форму прошенія: “Я, нижепоименованный, обязуюсь впредь безусловно повиноваться всѣмъ распоряженіямъ начальства.” И изъ 100 человекъ только три отказались отъ позорнаго помилованія. Въ тотъ же день отъ имени министра студентамъ строжайше запрещено было собираться *толпами*, говорить рѣчи и пр. въ университетскомъ садикѣ и въ аудиторіяхъ.

Что же дѣлали въ это время студенты другихъ факультетовъ? А пуще всего что же дѣлали молодые профессора доценты... интересно бы имѣть списокъ поданныхъ мнѣній.

Вотъ опредѣленіе Университетскаго Совѣта. Этого документъ не долженъ исчезнуть въ университетскомъ архивѣ.

“Присутствію Совѣта доложена была записка комиссіи по дѣлу о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами медицин-

скаго факультета 1го курса. Комиссія объясняетъ, что поступокъ студентовъ 1го курса медицинскаго факультета заключаетъ въ себѣ оскорбленіе дѣломъ профессора Варнека, при исполненіи имъ обязанностей его званія и состоитъ въ самовольномъ выходѣ изъ аудиторіи при началѣ лекціи г. Профессора и въ формальномъ отказѣ отъ посѣщенія его лекцій. Проступокъ студентовъ отягчается.

“1) Повтореніемъ и 2) открытымъ сопротивленіемъ распоряженіямъ начальства скопомъ. Но есть въ дѣлѣ и обстоятельства уменьшающія вину студентовъ: 1, разные неблагоприятные поступки г. профессора при чтеніи лекцій и въ обращеніи его съ гг. студентами, (основано на показаніяхъ гг. студентовъ, но еще должно быть доказано, если будетъ признано нужнымъ) 2, примѣръ такого же оскорбленія профессора въ филологическомъ факультетѣ студентами, который остался безъ всякаго наказанія, но не оставшійся безъ вліянія на другихъ студентовъ, какъ и должно было ожидать, (на этотъ примѣръ именно указываютъ въ своихъ отвѣтахъ, какъ на одну изъ побудительныхъ причинъ своего дѣйствованія нѣкоторые изъ студентовъ медицинскаго факультета 1го курса). 3, молодость, къ сожалѣнію, во многихъ крайняя незрѣлость сужденія и, свойственная молодымъ людямъ воспріимчивость ко всѣмъ хорошимъ и дурнымъ впечатлѣніямъ и вліяніямъ, отчасти также и 4, незнаніе университетскихъ постановленій. Но и при уменьшающихъ обстоятельствахъ вину студентовъ, проступокъ ихъ такъ важенъ, что кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ, всѣхъ виноватыхъ въ немъ слѣдовало бы наказать самымъ высшимъ университетскимъ наказаніемъ: исключеніемъ изъ Университета; но не желая подвергать одинаковому наказанію менѣе виновныхъ съ болѣе виновными, слѣдственная комиссія находитъ возможнымъ на основаніи отвѣтовъ, данныхъ гг. студентами, на предложенные имъ вопросные пункты, раздѣлить ихъ на 4 разряда: 1ый разрядъ, къ нему принадлежатъ тѣ изъ виновныхъ, которые высказываютъ въ данныхъ имъ отвѣтахъ полное одобреніе случившагося и прямо отказываются отъ повиновенія начальству, когда его распоряженія не согласны съ ихъ личнымъ убѣжденіемъ; сюда относятся поименованные въ запискѣ 14 человекъ. 2ой разрядъ, къ нему принадлежатъ тѣ, которые признаютъ лишь совершенный ими проступокъ справедливымъ, но не отказываются вообще отъ повиновенія начальству, когда ихъ убѣжденія будутъ расходиться съ его убѣжденіями, или по крайней мѣрѣ не выражаютъ такъ дерзко, какъ первые, свое отрѣченіе отъ повиновенія въ подобныхъ случаяхъ; сюда относятся поименованные въ запискѣ 86 человекъ. 3ий разрядъ, къ нему принадлежатъ участвовавшіе страдательно, или по увлеченію, или по незнанію, сюда относятся поименованные въ запискѣ 50 человекъ. 4и Разрядъ: *къ сему принадлежатъ совершенно неучаствовавшіе 17 человекъ. Наконецъ, не явившіеся къ слѣдствію по болѣзни и находящіеся въ отпуску, которыхъ числомъ 18 человекъ*; за тѣмъ остаются еще нѣкоторые неспрошенные студенты, неявившіеся къ допросу по неизвѣстнымъ причинамъ, за что и подлежатъ ответственности, какъ виновные въ новомъ неповиновеніи, а именно 50 человекъ. Члены совѣта, по разсмотрѣніи вышеизложенныхъ разрядовъ, на которые комиссія раздѣлила участвовавшихъ въ безпорядкахъ студентовъ и по обсужденіи сихъ разрядовъ, по ихъ письменнымъ показаніямъ, признали болѣе справедливымъ и сообразнымъ съ цѣлю — измѣнить ихъ

такимъ образомъ : 1ое отъ наказанія освободить студентовъ 4ой категоріи, и тѣхъ изъ остальныхъ студентовъ 1го курса, которые докажутъ, что были больны или находились въ отсутствіи изъ Москвы въ дни 30 Октября 1го и 20го Ноября, когда были совершены проступки и 23 Ноября, когда всѣ студенты 1го курса медицинскаго факультета были вызываемы для отвѣтовъ первой категоріи, которые остались вторично на первомъ курсѣ медицинскаго факультета или перешли на оный, пробывъ уже одинъ годъ въ другихъ факультетахъ Московскаго Университета, признать не заслуживающими снисхожденія и уволить изъ Университета безъ подачи ими о томъ прошенія. 3, остальныхъ студентовъ первой категоріи и тѣхъ студентовъ второй категоріи, которые остались вторично на первомъ курсѣ медицинскаго факультета или перешли на оный пробывъ уже одинъ годъ на другихъ факультетахъ Московскаго Университета, признать заслуживающими наименьшей степени снисхожденія и уволить изъ Университета, представивъ имъ самимъ подать объ этомъ прошеніе. 4, изъ числа не явившихся къ отвѣту, признать также заслуживающими наименьшей степени снисхожденія и уволить изъ Университета на томъ же основаніи, т. е. съ подачею о томъ просьбы, тѣхъ, которые остались вторично на 1^{мъ} курсѣ медицинскаго факультета, или перешли на оный, пробывъ уже одинъ годъ на другихъ факультетахъ Московскаго Университета. 5, студентовъ 1го курса медицинскаго факультета, не подходящихъ ни подъ одинъ изъ вышеписанныхъ разрядовъ, подвергнуть слѣдующему наказанію : въ аттестатѣ за поведеніе они получаютъ отмѣтку *неудовлетворительно*, въ слѣдствіе чего они лишаются права перейти по истеченіи сего Академическаго года на второй курсъ, но для ободренія лучшихъ изъ нихъ просить г. попечителя московскаго учебнаго округа о дозволеніи освободить отъ дѣйствія этой отмѣтки тѣхъ студентовъ, которые на переводномъ экзаменѣ получаютъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 балловъ и которыхъ инспекція засвидѣтельствуетъ, что они во все остальное время академическаго года не позволяли себѣ никакихъ противозаконныхъ поступковъ. Хотя всѣ таковыя подраздѣленія припаты были большинствомъ голосовъ, однако относительно послѣдняго разряда студентовъ, многіе изъ членовъ совѣта, какъ справедливую мѣру наказанія за ихъ проступокъ, предлагали переименовать ихъ въ вольные слушатели, съ возложеніемъ на нихъ соединенныхъ съ симъ званіемъ обязанностей по уставу. Далѣе, какъ изъ обстоятельствъ разсматриваемаго дѣла видно, что между причинами безпорядковъ, произведенныхъ студентами, одною изъ важныхъ оказывается существующій недостатокъ инспекторскаго надзора, то члены совѣта единогласно положили представить объ этомъ университетскому начальнику съ цѣлію содѣйствовать инспекціи къ возвращенію утраченнаго ею нравственнаго вліянія на студентовъ. Наконецъ между причинами происшедшихъ безпорядковъ, по общему показанію студентамъ, обнаруживается неудовлетворительность преподаванія исправ. должн. Экстр. профессора Варнека, то совѣтъ университета на основаніи ст. 84 Устава, поручилъ это обстоятельство особому разсмотрѣнію физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ съ тѣмъ, чтобы о результатахъ сего разсмотрѣнія было донесено безотлагательно совѣту. Члены совѣта, ординарные профессора *Калитовскій* и *Китарра* уклонились отъ подачи голосовъ при обсужденіи

мѣры наказаній виновныхъ студентовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что назначеніе такого наказанія не требуется отъ университетскаго совѣта предложеніемъ г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 20го сего Ноября, коимъ предписано только изслѣдовать причины безпорядковъ.

Опредѣлено : съ приложеніемъ именнаго списка студентовъ 1го курса медицинскаго факультета съ обозначеніемъ кто изъ нихъ къ какому изъ вышеозначенныхъ разрядовъ относится, донести о настоящихъ распоряженіяхъ совѣта, г. попечителю московск. учебн. округа.”

Что эти Книжники—Фарисеи или Иезуиты ?

Въ заключеніе мы обращаемся дружески и братски къ русскому юношеству съ совѣтомъ, или вѣрнѣе съ горячей просьбой.

Мы нисколько не обинуясь обвиняемъ военно-судныя наклонности московскаго профессорскаго аудиторіата. Въ нашемъ сочувствіи вамъ сомнѣваться грѣшно. Вся наша жизнь, всѣ ея отдѣльныя событія могутъ служить свидѣтельствомъ, что еслибъ даже мы были воспесены судьбою на мѣста Баршевыхъ и Крыловыхъ, то и тогда остались бы вѣрны нашимъ убѣжденіямъ, а потому съ чистой совѣстью и съ откровенностью любви, мы рѣшаемся умолять васъ *быть осторожными*, вы можете погубить не только себя, но гораздо больше.

Россія облызываетъ васъ къ этой жертвѣ. Есть стадіи развитія организма, требующія болѣе строгой гигиены. Россія именно теперь находится въ такомъ состояніи. Ничто старое не вырвано съ корнемъ, ничто новое не пустило еще корни. Опереться не на что. Внѣ благородныхъ инстинктовъ государя съ одной стороны и части общества съ другой, внѣ удвоенной умственной дѣятельности и того трепетнаго ожиданія, которое предваряетъ великое будущее — *ничего нтъ*, ничто не обезпечено! Не давайте же повода, чтобъ снова спустили на васъ присмирѣвшихъ андреевскихъ шакаловъ и дѣйствительныхъ тайныхъ палачей. Память Новосильцевыхъ и Пеликановъ не за горами и пятилѣтніе всходы не такъ сильны, чтобъ противустоятъ реакціи.

Возлѣ васъ великій примѣръ, взгляните на тихій океанъ крестьянскаго міра, ожидающаго въ величавомъ покоѣ уничтоженія позорнаго рабства. Какъ были бы рады плантаторы-помѣщики, еслибъ они могли вызвать бурю.

Силы ваши—силы Россіи, берегите ихъ для нея, не тратьте ихъ по пустому, намъ столько дѣла впереди, столько борьбы!

И—рѣ.

Финансовыя Мѣры à la Ванька Каинъ.

(Конфиденціально.)

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВЪ

ДЕПАРТАМЕНТЪ

Разныхъ Податей и Сборовъ

Отдѣленіе III

Столъ 2

19 Января, 1859 года

ГГ. НАЧАЛЬНИКАМЪ ГУБЕРНІИ.

№. 154.

*Объ отстраненіи стѣсненій
продажи водокъ откупщиками
по вольнымъ цѣнамъ.*

“Питейные сборы въ великороссійскихъ губерніяхъ на четырехлѣтіе — съ 1859 по 1863 годъ — отданы съ

торговь изъ платежа ежегодно въ казну, кромѣ денегъ за вино, акцизно-откупной суммы 42,544,100 руб. болѣе противъ платившейся въ минувшее двухлѣтіе на 24,923,900 руб. Стало значительная наддача основана главнѣйше на надеждѣ сбыта въ откупахъ большаго количества вина въ улучшенномъ видѣ посредствомъ очистки онаго, или приготовленіемъ изъ него настоекъ и водокъ для продажи по вольнымъ цѣнамъ; но надежда эта можетъ не осуществиться если продажа означенныхъ питій по возвышеннымъ противъ обыкновеннаго полугара цѣнамъ, признава будетъ мѣстнымъ начальствомъ за злоупотребленіе со стороны откупщиковъ.

“Для отстраненія всякихъ дѣйствій, могущихъ имѣть невыгоднымъ послѣдствіемъ неуспѣшный ходъ откуповъ, необходимо обратить вниманіе на свойство и положеніе откупнаго дохода.

“Въ минувшій откупный періодъ казна по великороссійскимъ губерніямъ получала за нормальную пропорцію вина 15,767,898 ведръ—40,977,197 р. 65 к., а съ наступившаго четырехлѣтія будетъ получать дохода за 16,503,535 ведръ вина — 49,142,164 р. 32 к. и акцизно-откупной суммы 42,544,100 р. въ годъ. Вообще доходъ въ этомъ четырехлѣтіи будетъ превышать прошедшій годъ на 27,088,866 р., 67 к., а въ четыре года на 101,355,466 р. 68 к.

“Имѣющіяся въ министерствѣ финансовъ свѣдѣнія показываютъ, что откупщики собираютъ въ натурѣ акцизно-откупной суммы до двухъ миліоновъ рублей, а въ казну обязаны вносить по 42,544,100 р. въ годъ болѣе получаемой ими самими слишкомъ на 40,000,000 р. въ годъ. Очевидно, что эта послѣдняя сумма составляетъ косвеннымъ образомъ налогъ на получаемое откупщиками отъ казны вино.

“При такомъ положеніи дѣла, для возмѣщенія слѣдующей казнѣ суммы, откупщикамъ остается единственное средство по возможности сбывать большое количество вина въ улучшенномъ видѣ посредствомъ очистки онаго или приготовленіемъ изъ него настоекъ и водокъ. На этомъ основаніи содержателямъ питейныхъ сборовъ, откупными условіями разрѣшена продажа улучшеннаго полугара по 4 р. 50 коп. ведро, а водокъ всѣхъ наименованій по вольнымъ цѣнамъ, зависящимъ отъ соображенія откупщиковъ, основаннаго на расчетѣ издержекъ, необходимыхъ для приготовленія сихъ питій и для управленія откупами.

“Такимъ образомъ нѣкоторое увеличеніе продажи улучшенныхъ питій по возвышеннымъ цѣнамъ, не составляя нарушенія откупныхъ условій, не должно быть почитаемо за злоупотребленіе со стороны откупщиковъ, а есть слѣдствіе расчета, сопряженнаго съ исправнымъ поступленіемъ въ казну — 366,745,056 р. с., которые откупщики обязаны внести въ теченіе наступившаго четырехлѣтія по одиному великороссійскимъ губерніямъ.

“Вслѣдствіе сего для огражденія исправнаго поступленія въ казну питейнаго сбора, составляющаго важнѣйшую статью государственнаго дохода, и для предупрежденія всякаго недоразумѣнія о правѣ откупщиковъ на продажу водокъ всѣхъ наименованій по вольнымъ цѣнамъ, — я, съ высочайшаго соизволенія, имѣю честь сообщить о всемъ вышеизъясненномъ вашему п—ву, на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ стѣсненія этой продажи, даваемы были мѣстнымъ подвѣдомственнымъ

вамъ начальствамъ разрѣшенія и предписанія, соотвѣтственные приведенному положенію откупнаго дѣла.”

Министръ Финансовъ *А. Княжевичъ.*
Директоръ *Переверзевъ.*

Не говоря уже о томъ, что министръ финансовъ подъ вольными цѣнами разумѣетъ произвольныя цѣны; не говоря о томъ, что подобными циркулярами правительство заставляетъ губернаторовъ быть грабителями, подавая имъ примѣръ разбойничества; не говоря о томъ, что въ отношеніи народнаго здоровья, за этотъ циркуляръ министръ можетъ попасть подъ судъ какъ отравитель;—мы спрашиваемъ: какъ подобная административная мѣра поправитъ русскіе финансы? Станетъ ли народъ больше пить отъ того, что водка хуже и дороже? Или его будутъ плетями гонять въ кабаки? И это дѣлается съ высочайшаго соизволенія! Какая глубокая безнравственность!

Говорятъ, что Княжевичъ, за старостью лѣтъ, выходитъ въ отставку и на его мѣсто назначается Чевкинъ, (Le Nord). Что за странное назначеніе? Неужели отъ того, что человекъ былъ узкимъ, непонимающимъ директоромъ путей сообщенія—онъ сталъ способенъ быть министромъ финансовъ? Да кликнете же кличъ, предложите конкурсъ для программы управленія финансами и пусть государь назначитъ министромъ того, чья программа будетъ самая дѣльная. Забудьте же на этотъ разъ нѣмецко-китайскую табель о рангахъ для спасенія шаткихъ финансовъ государства. Въ спасеніи финансовъ — спасеніе отечества.

— *Отъ часу не легче.* — Сообщаемъ нашимъ читателямъ отвратительный, гнусный циркуляръ, разосланный изъ военнаго министерства.

(Циркулярно-секретно).

Милостивый государь,

Въ послѣднее время по случаю возбужденнаго вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ, нижніе чины гвардейскаго корпуса сообщаютъ родственникамъ и знакомымъ своимъ на родинѣ живущимъ въ письмахъ совершенно ложныя свѣденія по упомянутому вопросу, означая иногда и самый день когда будто бы предлагается объявить свободу крестьянамъ.

Подобнаго рода письма, хотя по большей части и пишутся по глупости, но тѣмъ не менѣе могутъ имѣть весьма дурныя послѣдствія, ибо не рѣдко читаются крестьянами на сходкѣ съ особеннымъ вниманіемъ, и какъ написанныя изъ Петербурга, солдатами императорской гвардіи, имѣютъ большой авторитетъ.

Въ слѣдствіе сего его высокопревосходительство Николай Федоровичъ поручилъ мнѣ просить употребить всѣ зависящія мѣры, дабы гг. командиры имѣли неослабный надзоръ за перепискою нижнихъ чиновъ съ родственниками и знакомыми, и предупредить гг. ротныхъ командировъ, что вся отвѣтственность за послѣдствія могущія быть отъ писемъ нижнихъ чиновъ съ ложными и совершенно неправдоподобными слухами падетъ на нихъ, какъ на ближайшихъ начальниковъ. Нижнихъ же чиновъ замѣченныхъ въ сообщеніи не основательныхъ свѣденій по крестьянскому вопросу, подвергать строгому взысканію.

Графъ Барановъ.

С. Петербургъ — Сентября, 1859 года.

ЗЛОДѢЙСТВА ПОМѢЩИКОВЪ.

(отрывки изъ писемъ)

I.

Екатеринославскій Предсѣдатель Уголовной Палаты — *Зарудный*, представилъ своего крестьянина въ Земскій Судъ для закованія и поступленія по законамъ “за неповиновеніе властямъ отъ правительства установленнымъ и за намѣреніе убить прикащика и его помощника во время исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей.” Крестьянинъ этотъ былъ въ кабацѣ, откуда его позвалъ прикащикъ. Мужикъ не пошелъ. Прикащикъ съ помощникомъ берутъ неповинующагося подъ руки и ведутъ изъ кабака, не смотря на то, что тотъ упирается. Тогда они бросаютъ непокорнаго властямъ и уходятъ, но непокорный, вѣроятно больно грохнувшійся о землю, встаетъ и преслѣдуетъ ихъ съ имѣвшимся у него чуть-ли не въ карманѣ закрытымъ ножомъ—какое дѣйствіе, видите — *можетъ заставить* думать, что онъ открылъ бы ножъ и убилъ бы прикащика и его помощника, *еслибъ дождалъ ихъ*. Дѣло пошло судебнымъ порядкомъ. Павлоградскій Уѣздный Судъ представилъ дѣло о предсѣдательскомъ крестьянинѣ въ Уголовную Палату, а Палата освободивъ его отъ подозрѣнія въ намѣреніи убить прикащика и его помощника, приговорила его только за сопротивленіе властямъ отъ правительства установленнымъ, сослать въ арестанскія роты. Положимъ, что это еще ничего, что Палата неправильно причислила къ властямъ отъ правительства установленнымъ прикащика и помощника прикащика своего предсѣдателя, (товарищъ предсѣдателя не подписалъ опредѣленія); рѣшенія нашихъ присутственныхъ мѣстъ не въ первый разъ дико и подобострастны—но согласитесь, что помѣщикъ (либераль), представляющій своего крестьянина въ судъ за то, что тотъ упирался ногами когда его тащилъ прикащикъ и пр., произведеніе новѣйшаго времени. Либералы подобные Зарудному часто дѣйствуютъ теперь по новой системѣ, составленной въ слѣдствіе возникшаго вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ.

II.

Въ Екатеринославской губерніи находится помѣщица Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Гжа *Харченкова*. Ея супругъ г. *Харченко* замѣчательнѣе тѣмъ, что выдумалъ машину, которая *однимъ оборотомъ колеса* даетъ 100 или 150 ударовъ палками по *платкамъ*. Дѣло объ этомъ началось совершенно случайно, имѣніе его взяли въ опеку, тоже только случайно. У Гжи *Харченковой* была молодая горничная, которую она тѣснила изъ ревности. Она обливала бѣдной страдалицѣ на морозѣ голову холодной водою и потомъ расчесывала замерзлыя волосы гребнемъ, давала ей пить разсолъ, потомъ запирала ее на ключъ и немилосердно била и срамила ее, если разсолъ имѣлъ слабительное дѣйствіе. (Мы упоминаемъ только о томъ что доказано слѣдствіемъ). Кончилось же тѣмъ, что горничная умерла зимой на холодномъ крыльцѣ барскаго дома. По свидѣтельству медика оказалось у покойницы истощеніе тѣла, воспалительное разстройство брюшныхъ внутренностей. Слѣдствіе тянулось долго, (переслѣдованіе на основаніи какихъ законовъ, неизвѣстно, производилъ предводитель верхнеднѣпровскаго уѣзда *Даниленко*). Уѣздный судъ въ угоду предводителю оставилъ Гжу *Харченкову* *отъ суда свободною, такъ*

какъ она дескать лечила горничную, и та де умерла отъ болѣзни. Палата послѣ долгихъ колебаній наконецъ оставила Гжу *Харченкову* въ подозрѣніи въ нечеловѣколюбивыхъ дѣйствіяхъ въ отношеніи больной горничной, и что она замучила ее работой. Исправлявшій должность прокурора обратилъ вниманіе на неполноту дѣла и предложилъ переслѣдовать его. Теперь дѣло о смерти горничной *Харченковой, не-арестантское*, послано къ дослѣдованію, и вѣроятно *Харченкова* останется не наказанною по извѣстной медленности нашего судопроизводства. Товарищъ предсѣдателя *Ник. Петр. Балинъ*, (онъ же и бывшій исправляющимъ должность прокурора), два раза предлагалъ Палатѣ посадить *Харченкову* въ острогъ на основаніи 1009 ст., но Палата не приняла его мнѣнія, а между тѣмъ заключеніе подъ стражу *Харченковой* необходимо : хоть арестомъ казнить слѣдуетъ, если судебныхъ приговоровъ противъ дворянъ, замучивающихъ своихъ крѣпостныхъ, не бываетъ.

III.

Въ Екатеринославской Уголовной Палатѣ производилось дѣло — *Селецкаго*, крестьянина помѣщика *Г. Вороновскаго*. Онъ судился за дерзость, за то, что онъ ругалъ *Становаго* и помѣщика, когда его привели усмирять съ *железной рогаткой* на шеѣ. Палата рѣшила : что такъ какъ юридически не доказано, не самъ-ли на себя надѣлъ *Селецкій* рогатку, (а самъ *Вороновскій* пишетъ что онъ велѣлъ надѣть на *Селецкаго* желѣза, но не рогатку, *потому что съ рогаткою ходятъ на медвѣдей*. Описанная становымъ приставомъ рогатка — пропала и желѣза, въ которыя, какъ говоритъ *Вороновскій*, былъ закованъ *Селецкій*—также пропали). Если же *Селецкій* самъ на себя надѣлъ рогатку (онъ ходилъ въ ней чуть-ли не мѣсяцъ), то обстоятельство это можетъ имѣть вліяніе на степень его вины и слѣдующаго ему наказанія, — отослать дѣло для дослѣдованія. Бѣдный *Селецкій* сидитъ нѣкій годъ въ тюрьмѣ. Товарищъ предсѣдателя протестовалъ, и казалось бы всего справедливѣе *простить* *Селецкому* его дерзости (нанесенныя замѣтые словами и размахиваніемъ связанными руками), такъ какъ онъ дѣлалъ ихъ во время истязанія, но голосъ его заглушили. Теперь производится глупое дослѣдованіе.

СМѢСЬ.

— *Еще къ патологии ценсурнаго бѣшенства*. — 1859 года Февраля 13 дня, по указу е. и. в. святѣйшій правительствующій синодъ имѣлъ разсужденіе о особѣмъ не свойственномъ духовному изданію направленіи православнаго Собесѣдника, издаваемаго при казанской духовной академіи, принятомъ имъ въ послѣднее время, находить, что нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ послѣдней книгѣ этого журнала содержать въ себѣ совершенно неумѣстныя выраженія, неправильныя мысли и такія явныя несообразности, которыя неприятно видѣть въ печати особенно въ изданіи духовной академіи, такъ на примѣръ въ статьѣ : нѣчто о современныхъ отношеніяхъ римской церкви къ православной (Декабря 1858 г.) сочинитель утверждалъ, что покушенія латинской пропаганды безвредны и безопасны для Россіи, отвергалъ всякую пользу возраженій на ученіе римской церкви, обвиненія неправды ея и вообще всякаго препирательства съ нею ; самъ же въ этомъ именно духѣ и притомъ весьма

непочтительно разбирает критически известное сочинение достоуважаемого православнаго писателя Авдія Востокова, Антонія Могилевскаго, “объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ церквамъ.” Въ Январской книгѣ за текущій годъ въ статьѣ: “голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей” преподобный Зосима Соловецкій, преподобный Іосифъ Волоколоскій и другіе святые отцы называются пророками и преобразователями *грядущей славы* чадъ Божіихъ (стр. 60), подь которою разумѣются настоящія правительственныя распоряженія объ улучшеніи быта крестьянъ. Далѣе говорится, что церковь возвышалась до самой чистой идеи челоѳического достоинства задолго прежде, чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ (стр. 63). Въ Декабрской книгѣ за прошедшій годъ (на стр. 506) сказано: “теперь Россія на зарѣ своего возрожденія.” Подобно сему говорится и въ Февральской книгѣ: “видно пришелъ часъ Россіи.” “Она стремилась къ возрожденію” (стр. 236) какъ будто возрожденіемъ одного-ли челоѳика, или цѣлаго народа могло быть что-либо иное, кромѣ св. крещенія, и какъ будто позволительно правительственнымъ мѣрамъ присвоивать одинаковое названіе со св. таинствомъ и одинаковую силу съ благодатію, нисходящею въ этомъ таинствѣ. Въ тойже книгѣ (стр. 227) совершенно несогласно съ православнымъ разумомъ св. церкви говорится о Прсв. Дѣвѣ Богородицѣ, будто древній міръ дѣлалъ послѣднія сверхъестественныя усилія надъ собою, чтобы извлечь изъ всего существа своего, собрать со всѣхъ лучшихъ цвѣтовъ своей жизни все.... для того, чтобы произвести ее. На стр. 227 сказано, что челоѳичество рожд. Христа до того было близко къ возрожденію, что умъ челоѳическій въ самыхъ событіяхъ міра уже предугадывалъ будущую эпоху. На стр. 237 безъ всякаго смысла сказано: Россія можетъ родить изъ себя жизнь аномальную, болѣзненную и можетъ быть мертвою. Во всѣхъ этихъ статьяхъ изобиліе иностранныхъ словъ: гуманность, идеальность, прогрессъ, цивилизація, комфортъ, парализировать, гармонизировать, арена и др. вовсе несоотвѣтствующихъ достоинству духовнаго изданія.

— *Министерство народнаго просвѣщенія грабитъ нищаго.*
—“Одинъ изъ бѣднѣйшихъ русскихъ университетовъ, именно Казанскій, потерявшій въ послѣднее время лучшихъ преподавателей своихъ (покойнаго Мейера и другихъ, перешедшихъ большею частію въ Московскій университетъ); ограбленный по поводу перенесенія въ Петербургъ восточнаго факультета съ его дорогими библіотеками, кабинетами и прочими пособіями, поглощавшими цѣлое двадцатипятилѣтіе почти всѣ средства университета, который не получилъ за то ни малѣйшаго вознагражденія; объявившій въ настоящее время до 7 конкурсовъ на разныя каѳедры за неимѣніемъ для нихъ собственныхъ спеціалистовъ; получившій въ началѣ нынѣшняго года отъ министерства отказъ въ 500 руб. на заведеніе не существовавшего до сихъ поръ при немъ (стало быть и теперь не существующаго) физиологическаго кабинета,—недавно былъ осчастливленъ въ Іюнѣ бумагою товарища министра народнаго просвѣщенія, оберъ-форшнейдера Муханова, которою приказано выдать изъ скудныхъ экономическихъ суммъ университета пособіе въ 1500 рублей

вдовѣ тайнаго совѣтника Эвареста Грубера, бывшаго попечителемъ казанскаго округа, въ вознагражденіе за издержки при погребеніи ея мужа. Груберъ былъ всего 15 мѣсяцевъ попечителемъ казанскаго округа, почти не вставалъ съ постели отъ болѣзней и умеръ, не успѣвъ ничего сдѣлать хорошаго для округа; оставилъ своей вдовѣ деревню въ Спасскомъ уѣздѣ, казанской губерніи, и—за всѣ эти оказанныя обществу и государству заслуги вдова его получаетъ по чему-то именно съ университета, и безъ того ограбленнаго и клонящагося къ упадку,* по 100 рублей за каждый мѣсяць пребыванія въ Казани своего больнаго мужа..... Грустною правдой звучатъ слова покойнаго Грановскаго: “наука прихотливое растеніе, она зрѣетъ не на всякой почвѣ и требуетъ тщательнаго ухода за собой.” Но, видно, у насъ не *ухаживаютъ* за нею, а просто на просто желаютъ всякими мѣрами *уходить* ее.”

— *Голосъ общества за русскаго офицера.*—Намъ сообщаютъ слѣдующій фактъ, съ просьбою обличить его. Уланскаго полка Е. В. Михаила Николаевича поручикъ Михайловъ, былъ тѣснимъ долгое время начальствомъ по семейнымъ обстоятельствамъ, не имѣющимъ никакой связи съ служебной обязанностью. Его вынуждали подать въ отставку вопреки его желанію; онъ просился за границу, ему не дали отпуска; онъ сталъ хлопотать о переводѣ въ другой полкъ. Но корпусный командиръ Рамзай и полковникъ Дерфельдинъ рѣшили послать ему отставку безъ поясненія причинъ. Молодой челоѳкъ безъ состоянія, видя себя въ отчаянномъ положеніи, отправился къ Рамзаю и просилъ генерала отдать его подъ судъ, если онъ въ чемъ виноватъ. Рамзай не исполнилъ справедливаго требованія офицера и онъ остался исключеннымъ. До сихъ поръ государь не знаетъ за что поручикъ Михайловъ былъ исключенъ изъ службы.

— *Варшавскія Новости.*—Въ официальной газетѣ царства польскаго обнародованъ уставъ о службѣ гражданской. Редакторомъ его былъ оберъ-прокуроръ—*Енохъ*. Уставъ этотъ утвержденъ государемъ. Чтобы дать понятіе что это такое, мы выпишемъ слѣдующую статью:

№. 155 официальная газета, Уставъ о службѣ гражданской Ч. II, Гл. II, Ст. 77. “Служащихъ, которые по *убѣжденію* начальства окажутся неспособными къ исправленію возложенныхъ на нихъ должностей, или почему-либо не благонадежными, или же которые сдѣлали вѣщю, известную начальству, но такую (слушайте!), которая *не можетъ быть доказана* фактами, предоставляется начальникамъ, отъ которыхъ въ общемъ порядкѣ, зависитъ увольненіе отъ должностей, занимаемыхъ этими чиновниками, *увольнять по своему усмотрѣнію* и безъ подачи отъ нихъ о томъ просьбъ, сообщая о такомъ распоряженіи по принадлежности правительственнымъ комиссіямъ и отдѣльнымъ управленіямъ, или совѣту управленія, но *безъ объясненія увольняемымъ причинъ*, бывшихъ поводомъ къ ихъ увольненію. Лица, которые по усмотрѣнію начальства будутъ уволены такимъ образомъ отъ службы, не *въ правѣ жаловаться на такое распоряженіе* и поданныя

* За исключеніемъ физико-математическаго факультета, а историко-филологическій и юридическій почти не существуютъ,—мы говоримъ о профессорахъ, а не о числѣ студентовъ.

ими жалобы или просьбы о возвращении къ прежнимъ должностямъ или о преданіи суду, должны быть оставляемы безъ всякаго дѣйствія и уваженія. Начальству вмѣняется однакоже въ обязанность приступать къ подобному увольнению служащихъ безъ просьбы ихъ, съ достаточною осмотрительностію при полномъ убѣжденіи въ неспособности или неблагонадежности служащаго, не допуская ни пристрастія, ни личности.”

— Намъ пишутъ изъ Одессы (*), что статья напечатанная нами въ защиту адмирала Метлина, возбудила непріятное чувство въ одесскомъ обществѣ, особенно потому, что въ ней были нападки на уважаемаго всѣми адмирала Бутакова. Мы помѣстили статью въ защиту Метлина, такъ какъ помѣщаемъ всякаго рода поправки, объясненія, рекламации. Въ частныхъ дѣлахъ мы служимъ только органомъ, — личностей у насъ никакихъ нѣтъ, совѣсть наша чиста; но нѣтъ у насъ средствъ знать истину; вся нравственная отвѣтственность остается на тѣхъ, которые намъ доставляютъ статьи.

— Въ Маѣ 1859 года сдѣлано, въ двухъ случаяхъ, странное, ничѣмъ необъяснимое нарушеніе гражданскихъ законовъ. Мая 8го высочайше разрѣшено дѣйствительному статскому совѣтнику Пимену Арапову передать, послѣ смерти, жевѣ своей (вмѣсто слѣдующей ей седьмой части), родовое имѣніе въ пожизненное владѣніе; такое же высочайшее разрѣшеніе дано 22го Мая генералу отъ артиллеріи Ильѣ Бибикову. (Журналъ Министерства Юстиціи за Іюль мѣсяцъ.)

Что государь разрѣшилъ—*дарственную* или *духовную*? Дарить родовое имѣніе родственникамъ или чужеродцамъ по мимо ближайшихъ наследниковъ закономъ запрещено (Т. х, Ч. I, Кн. III, гл. 2, ст. 967.) Но тутъ даже не дарственная. Законъ говоритъ, что “дарственные записи, посредствомъ коихъ имущество должно поступить въ другое владѣніе, не при жизни, но послѣ смерти дарителя, принадлежать, по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ” (Т. х, Ч. I, ст. 991.) Слѣдственно государь разрѣшилъ *духовное завѣщаніе*. Но распорядиться такимъ образомъ законъ дозволяетъ только имѣніемъ благопріобрѣтеннымъ (Т. х, Ч. I, ст. 1911 и 1067); родовыя же имѣнія не подлежатъ завѣщанію, кромѣ случая, гдѣ бездѣтный завѣщатель передаетъ все имѣніе одному изъ наследниковъ въ родѣ (ст. 1068.) Слѣдственно государь разрѣшилъ два духовныхъ завѣщанія *противузаконныхъ*.

Конечно не мы станемъ защищать права наследственныхъ; можетъ многое пришлось бы сказать противу полу-римскихъ формъ права и передачи собственности, вошедшихъ въ русское гражданское устройство. Но въ то же время какъ мы всѣми силами вызываемъ пересмотръ свода законовъ во имя здраваго смысла, въ то же время, покуда онъ не измененъ и не отмѣненъ, мы станемъ защищать противъ Александра II сводъ законовъ, изданный въ 1857 году по его повелѣнію. Если государь находитъ ложнымъ или несправедливымъ по-

(*). Сверхъ того мы получили статью о томъ же предметѣ, мы ее помѣстимъ когда будетъ мѣсто.

рядокъ наследственности по своду, пусть передастъ въ государственнѣй совѣтъ то, что хочетъ измѣнить, и возведетъ, установленнымъ путемъ, нововведеніе въ общій гражданскій законъ. Но дѣлать исключеніе для двухъ лицъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные, не менѣе почтенные граждане, подлежатъ обычному закону,—да на какомъ-же основаніи? Какъ можно подавать примѣръ беззаконности по высочайшей волѣ? Какое дѣло государству будетъ или не будетъ владѣть какимъ бы то ни было имѣніемъ Бибикова, урожденная Мятлева, жена Ильи, или Арапова, урожденная Козлова, жена Пимена? Но государство не можетъ остаться равнодушнымъ къ тому—законно или противозаконно онѣ владѣютъ. Пора государю перестать разыгрывать барина, который жалуется своему дворовому челоуѣку что вздумается; пора сознать, что онъ представитель государства и слѣдственно не переступить законъ, ради частныхъ интересовъ, не долженъ,—а измѣнить законъ установленнымъ порядкомъ можетъ только въ видѣ общаго государственнаго положенія.

За чѣмъ государь не отвергъ просьбъ Бибикова и Арапова и не велѣлъ этимъ господамъ идти путемъ законнаго порядка? За чѣмъ онъ поступилъ какъ баринъ, а не какъ представитель государства? А люди, окружающіе государя, которые въ случаяхъ, гдѣ страждетъ справедливость, боятся беспокоить его величество,—за чѣмъ они не боятся беспокоить его, когда дѣло идетъ о ничтожныхъ частныхъ интересахъ, равнодушныхъ для государства, и наводятъ государя на противузаконныя поступки, ради личныхъ видовъ родства, покровительства или корысти? Интрига стоитъ выше правосудія; наглость сановниковъ выше закона.... Когда же государь положить конецъ этому?

— Опять и опять раз de révéries!—За чѣмъ государь былъ въ Варшавѣ, что великаго возвѣстилъ онъ, чѣмъ оправдалъ надежды, которыя возлагалъ на него край? Тотъ же злодѣй Мухановъ, тотъ же неспособный Горчаковъ!.. Если государь ѣздилъ потолковать съ Бруновымъ и Киселевымъ, то вѣдь онъ могъ ихъ выписать и въ Петербургъ. За то путешествіе въ Одессу ознаменовано дарованіемъ какихъ-то сатрапскихъ правъ нечѣпому Строгонову и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника его подмастерью Мастмахеру; для уразумѣнія всей величины этой царской милости, мы помѣстимъ въ слѣдующемъ листѣ біографію сего новаго превосходительства.

— 1^й листъ **ПОДЪ СУДЪ!** вышелъ 1 Октября, въ немъ помѣщено дѣло о преступномъ сообществѣ **ПОПОВА, ИГНАТЬЕВА, ВИКТОРА ПАНИНА** и **АЛЕКСѢЯ ОРЛОВА**, и нѣсколько новыхъ случаевъ чудовишнаго злоупотребленія помѣщичьей власти.—Особо отъ Колокола онъ продается по 6 пенсовъ.

— *Поправка.*—Въ прошломъ листѣ Колокола было напечатано на 446 стр., на 8 строкѣ снизу — *университетовъ*, читай *университетскихъ*.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

WITH SUPPLEMENT No. 31.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOCI!

ЛИСТЪ 56.

15 НОЯБРЯ 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
2, Judd Street. Brunswick Square, W. C.
Цѣна 1 шиллингъ съ вторымъ листомъ
— ПОДЪ СУДЪ!

У Триюнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго
1, Macclesfield Street, (Gerrard street),
London. — Price ONE SHILLING, with
Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

РУССКІЕ НѢМЦЫ И НѢМЕЦКІЕ РУССКІЕ

ОТРЫВОКЪ ТРЕТІЙ

(ВАРИАЦІИ)

I.

Намъ кажется, что западный мозгъ, такъ какъ онъ выра-
ботался своей исторіей, своей односторонней цивилизаціей,
своей школьной наукой, не въ состояніи уловить *новыя*
явленія жизни ни у себя, ни въ чужбѣ.

Наука (исключая естествовѣденіе), измѣнила прогрессив-
ному характеру своему и перешла въ доктринаризмъ, который
расходится съ живой средой, такъ какъ нѣкогда разошлась
съ нею церковь католическая, а потомъ и протестантская...
Академическая кафедра и церковный напой остаются какими
то *venabilia*, которымъ изъ уваженія позволяютъ поучать,
мѣшаться въ жизнь, но которымъ жизнь не позволяетъ управ-
лять собой.

Западное міросозерцаніе, съ его гражданскимъ идеаломъ и
философіей права, съ его политической экономіей и дуализ-
момъ въ понятіяхъ, принадлежитъ къ извѣстному порядку
историческихъ явленій и внѣ ихъ несостоятельно.

Идеаль его, какъ всегда бываетъ съ идеалами, тотъ же
существующій историческій бытъ, но преобразенный на
горѣ Фаворѣ. Къ этимъ идеаламъ шли, увлекая поколѣнія,
великіе мыслители XVIII вѣка, радостные люди 1789 и
мрачные 1793, мѣщане 1830 и ихъ сыновья 1848; къ нимъ
нейдутъ народы нашего времени, потому что они отслужили
свою службу, они обойдены чуткимъ инстинктомъ.... и на
этомъ растутъ разрывъ.

Пока западный міръ въ мученіяхъ и трудѣ троилъ изъ
своей дѣйствительности свои теоріи и стремился потомъ изъ
теорій вывести свою дѣйствительность—*истины его пережили*
свою истинность. Онъ не хочетъ этого знать... тутъ предѣлъ, и
настоящая Европа представляетъ намъ удивительное зрѣлище
политическаго и научнаго консерватизма, соединенныхъ не
на взаимномъ довѣрїи, а на страхѣ чего-то отрицающаго ихъ
авторитетъ.

Страхъ не совмѣстенъ ни съ свободой, ни съ прогрессомъ.
Противузаконный союзъ науки съ властью, сдѣлавъ изъ нея
схоластическій доктринаризмъ, во всемъ относящемся къ жизни.

Голъ III.

Старая цивилизація изтопила свои средства, она становится
все больше и больше *книжной*, способность прямо, безъ
письменныхъ документовъ относиться къ предмету—теряется;
заучившійся человекъ меньше наблюдаетъ, чѣмъ вспоминаетъ;
привычка все узнавать изъ книгъ дѣлаетъ его больше способ-
нымъ для чтенія и меньше способнымъ для смотрѣнія. Ученый
авторитетъ, сдѣвъ, теряетъ терпимость, становится обязатель-
нымъ и принимаетъ отрицаніе за обиду и крамолу. У него
есть прочный запасъ давно рѣшенныхъ истинъ, началъ, зако-
новъ, къ нимъ онъ не возвращается, оно и не было нужно пока
дѣло шло о продолженіи, о приложеніи, о развитіи прежняго,
словомъ о продолженіи. Но тутъ, какъ нарочно, міръ не можетъ
идти по старому, а догматики не вѣрятъ, чтобы міръ могъ
шагъ сдѣлать внѣ формъ и категорій впередъ ими признан-
ныхъ,

— Я съ ужасомъ слышу грозное негодованіе моихъ ученыхъ
друзей,

Да онъ властей не признаетъ!

говорятъ они. Что же это наконецъ кощунство, въ дѣвичей
спальнѣ Минервы, этого мы не потерпимъ. Дѣло теперь не
о русскихъ нѣмцахъ и не о нѣмецкихъ русскихъ, дѣло о
достоинствѣ науки, за нее мы заступимся: *Moriatur pro*
rēgina nostra.

— Равви, еслибъ вы выслушали меня...

— Да что вы можете сказать, вы софистъ, вы скептикъ,
вы любите парадоксы!

— Во-первыхъ, я бы васъ успокоилъ на счетъ науки, она
assez grand garçon, чтобы не нуждаться въ защитѣ дядекъ отъ
нападокъ какого нибудь поврежденнаго. Наука такой же
сущій непреложный фактъ, какъ воздухъ, какъ луна; можно
сказать, что воздухъ сегодня не чистъ и луна тамъ-то не
свѣтитъ, но начать бранить воздухъ или луну можетъ только
сумасшедшій. Представьте себѣ человека, который бы сталъ
говорить, что воздухъ глупъ, и другаго, который съ негодо-
ваніемъ сталъ бы ему возражать, защищая благородный, хотъ
и нѣсколько вѣтранный характеръ его.

— Все это такъ, но вредъ отъ нападокъ вашихъ унижаетъ
цивилизацию и науку въ глазахъ невѣждъ и лѣнтяевъ, а намъ
надобно учиться, много учиться.

— И будете, как же не учиться и где же лучше учиться как не у старших братьев. Но скажите мне на милость, ваши похвалы наукам и искусствам подняли-ли их на пр. в глазах первых трех классов в России? Не примешь их превосходительства велеречием; они могут только уважать по высочайшему повелению или по воле высшего начальства. Но дело не в том, а в том что уважая науку всем сердцем и всем помышлением и отдавая ей все что ей принадлежит, я не хочу создавать себе из нее кумира; а совсем напротив, призывая ее логическое благословение, скажу, что безусловной науки нет, (как вообще нет ничего безусловного). Наука в действительности всегда обусловлена; отражаемый мир явлений — в *человеческом* сознании, она делит его судьбы, с ним движется, растет и отступает, постоянно находясь в взаимодействии с историей. Оттого в развитии ее тот же поглощающий, страстный интерес, та же поэзия и драма, та же страдания и увлечения как в истории. Ее *относительная* истина всегда отклонена от прямой линии мозговым преломлением и подкрашена средой — и тем больше, чем предмет ближе к нам.

Западный мир, и это совершенно естественно, считал и считает свою науку абсолютной, свой путь — единственным ведущим к спасению. Но так как магнитная стрелка его сильно отклонилась от прямого направления, в продолжении долгого исторического плаванья, то он наконец хватился об утес, и боясь потонуть, бросился на мель. Теперь все усилия, весь труд употребляется, чтобы неподвижному сидению на мели придать вид прогрессивного движения.

Для того, чтобы в самом деле плыть дальше, надобно весь груз бросить в море, а его много и жаль. Жаль ученым не меньше банкиров, и они переходят на консервативную сторону. В самом деле, разве какомунибудь юристу легко признаться, что все уголовное право — некая теория мести; что лучший уголовный суд — очищенная инквизиция; и что в лучшем кодексе — нет ни логики, ни психологии, ни даже здравого смысла?

К тому же теоретические убеждения упорнее всех на свете, упорнее религиозных верований, именно потому что они имеют свое одностороннее логическое оправдание, свое диалектическое доказательство основанное не на патологическом состоянии мозга как в религии, а на относительной истинности. Средства переубедить человека теоретически убежденного, никаких нет, это совершеннейший предрасудок. Логика не имеет такой силы над привычным складом ума, над застарелыми приемами его. Убедить вообще можно только того, кто или никакого мнения не имеет или чувствует, что его мнение шатко. А западный ум совсем напротив, убежден в непогрешительности своей методы и в *истинности своих истин*.

Но будто нет исключения?

Есть. Но эти люди такие же иностранцы на Западе, как и мы. Старая Европа ученая, юридическая, этико-политическая и политико-экономическая, филологическая и либеральная, относится к ним с таким же непониманием, как к нам и с двойной ненавистью.

К тому же они побуждены!

II.

С того дня, когда невозможность величайшей утопии, когда либо волновавшей дух человеческий, обличилась, когда

усталый народ и откинувшая партия поняли, что из монархической Франции не легко создать, даже с помощью гильотины, демократическую республику основанную на разум, равенстве и братстве, и все стремилось взойти в покойное русло, т. е. найти себе господина, который бы снял на свои плечи бремя самоуправления; с того самого дня поднялся голос *протеста* — говоривший, что революция не удалась, не потому что она сбилась с своих начал, а что она сбилась с них потому, что из ее начал не выведешь нового общественного устройства, сообразного с потребностями разума.

Революция отвечала на дерзкий протест ржавым топором уже вышедшим из употребления. Человек был убит, голос остался, и иной раз его слышали издали, даже во времена нравственной прострации всеобщей бойни “периода славы,” потом погромче во времена Лазарева воскресения Бурбонов и наконец очень громко, когда за прилавком Франции сел смелый хозяин Людовик Филипп.

В процессе улицы Menilmontant, люди увидели в первый раз, после Плиния и Тертулиана, небольшую кучку сектаторов, отвергавших не то или другое учреждение, не ту или другую форму правительства, но все современное общественное устройство, и притом не одно австрийское, не одно папское, а с тем вместе и все либерально-конституционное короля-гражданина и партии “сделавшейся правдой.”

Государство должно было их преследовать, это был вопрос на жизнь и смерть, и не одно государство опрокинулось на них, но и общественное мнение, руководимое либеральной буржуазией. Тут не было места для взаимных уступок, не начеком было примириться; между католиком и кальвинистом, между легитимистом и якобинцем, при всей их противоположности были общие данцы, общие истины, были идолы, которым поклонялись те и другие, святыни чтимые ими обоими. Между судьями и С. Симонистами ничего не было общего. Они отвергали весь существующий порядок. “Да как же это — говорили не только судьи, но и либералы — разве наша цивилизация рядом с своими недостатками, ничего не выработала прочного, дельного — кроме вероты, которыми из нее выходят... что же станется со всем этим миром богатства, просвещения, искусств, промышленности, свободных учреждений?” И борьба ассизов сделалась общественной борьбой. Либерализм ополчался против социализма, с самого начала громко возвестил миру, что он идет на защиту *цивилизации*, против новых варваров.

Чего же так испугалось государство — этих блудных сынов образования, осмелившихся слабыми руками покачнуть столпы вкового здания? Того что все столпы и своды, дворцы и академии были построены на корабельной палубе, отдаленные досками от бездонной, дремлющей пропасти, от пропасти пролетариата и голода, изнуряющей работы и недостаточного вознаграждения за нее.

Борьба продолжалась бы вероятно долго. Но после пятнадцатилетнего застоя дела пошли быстро. Прогнали *возможного* Людовика Филиппа, провозгласили невозможную республику и невозможный *suffrage universel*. Груша была зрела для гниения. Спор перешел из книг и журналов на площадь. “Варвары” были побуждены, цивилизация была спасена,

Сенаръ отъ ея имени благодарилъ Каваньяка. Свобода, равенство и братство были обезпечены!

Но вотъ что странно, съ этой побѣдой что-то убыло, какой-то нервъ былъ перерѣзанъ. Республика стала бессмысленна, народъ равнодушенъ къ ней, и отъ паденія до паденія Франція упала по горло въ Наполеона и успокоилась въ немъ. Что же случилось? Варвары были побѣждены, цивилизація торжествовала, а между тѣмъ—то будто Франціи было стыдно, то будто на совѣсти что-то неловко. Соціальныя идеи скрылись, взошли внутрь, и рядомъ съ тѣмъ, какъ на смѣхъ, нелѣпость республики обличалась до того, что одной темной ночью президентъ ея послалъ квартальнаго взять ее за шиворотъ и выбросить вопь. Онъ ее и выбросилъ, при хохотѣ работниковъ, которые думали, что выбрасываютъ Шангарнье и квесторовъ.

Съ тѣхъ поръ умъ, пониманье, отступили на столѣтіе во всей Европѣ. Одичалыя правительства безпрепятственно давили и гнали, заключали конкордаты, преслѣдовали мысль, что-то кровожадное снова развилось въ европейскихъ нравахъ, начались ненужныя войны. И въ третій разъ подогрѣтыя мнѣнія либерализма, снова гонимыя, стали подымать голову въ репейниковомъ вѣнцѣ и дѣлать дальнія намеки о парламентской трибунѣ, о свободномъ книгопечатаніи.

Зачѣмъ было выгонять Людовика Филиппа, онъ отлично уравнивалъ своимъ безмѣрномъ свободою и рабство, революцію и консерватизмъ. Я не говорю, чтобъ формы июльской монархіи были особенно хороши, но онѣ были лучшія формы, до которыхъ Франція доросла. Людовикъ Филиппъ служилъ фонтанелью оттягивающей въ себя четверную ненависть легитимистовъ, бонапартистовъ, республиканцевъ и социалистовъ. Какъ только мартигалъ королевской власти былъ снятъ, партіи вѣцпились другъ другу въ волосы.

Монархическая власть вообще выражаетъ мѣру народнаго несовершеннотѣтя, мѣру народнои неспособности къ самоуправленію,—ну къ какому же самоуправленію, къ какой же подачѣ всеобщихъ голосовъ была готова Франція? Она была готова къ деспотизму, онъ и явился подъ фирмой Бонапарта.

Но какъ бы то ни было, одна изъ главныхъ побѣдъ — *побѣда надъ социализмомъ* была сдѣлана, объ немъ перестали говорить.

“Не далѣе!” сказалъ западный умъ и остановился, такъ какъ нѣкогда онъ уже останавливался по приказу Лютера и Кальвина. Можетъ предѣлъ былъ практически необходимъ, но онъ необыкновенно кастрировалъ вольный полетъ мысли, съузилъ взглядъ и лишилъ способности понимать все выходящее изъ предѣловъ стараго порядка вещей. Одинъ страхъ попасть въ соціальныя идеи, самъ по себѣ заставляетъ теперь осматриваться, сжиматься, оговариваться, и это тѣмъ труднѣе, что соціальныя идеи какъ неминуемый силогизмъ либеральныхъ посылокъ, стоятъ на каждомъ логическомъ шагѣ впередъ.

Середь этого застоя, вызваннаго противудѣйствіемъ естественному развитію, середь конфузии, происходящей отъ постоянно поднимающихся выше и выше волнъ неотразимой реакціи, вдругъ представляется русскій вопросъ *объ освобожденіи крестьянъ съ землею, объ общинномъ владѣніи*. Страна, которую знали за безобразнѣйшее самовластье, за кнутъ и взятки, за ея штыки направленные противъ всякаго прогресса, за ея сѣкущее дворянство и мужиковъ продаваемыхъ чуть не па вѣсь,—эта страна является съ какимъ-то вопросомъ сильно пахнущимъ социализмомъ.—Что за вздоръ!

— Явное дѣло, что все это нелѣпость!—говорятъ западные Западники. (*)

— Явное!—отвѣчаютъ имъ восточные.

... Что касается до старой цивилизаціи, которая возвела свой бытъ въ науку, обобщила его въ законъ и все на свѣтѣ разрѣшаетъ по аналогіи съ собой, мы очень хорошо понимаемъ не только ея непонятливость, но и ея озлобленіе... два полюса всѣхъ ея ненавистей, два пугала употребляемыхъ то властью, то народами, чтобъ страшать другъ друга—*Россия* и *Соціализмъ* являются въ одномъ вопросѣ.

Не раздѣляя этой ограниченности, мы можемъ себѣ объяснить ее; но возвращаясь, какъ французы говорятъ, à nos moutons, мы совершенно перестаемъ понимать не пониманіе русскихъ нѣмцевъ.

У насъ что засорило умъ?... Какое великое воспоминаніе отклонило его?... Этотъ почтенный вѣковой мохъ, эта сѣдая плесень на нашихъ мысляхъ что-то подозрительно и сильно сбивается на сженую хлопчатую бумагу, которой для новичковъ обвертываютъ бутылку молодого вина... мы *прикидываемся* тѣмъ, чѣмъ европейцы стали на старости лѣтъ и — страстные актеры—окончиваемъ добросовѣстно, но каррикатурно, сживаясь съ маской.

На берегахъ средиземнаго моря есть раковины, въ которыхъ живутъ крабчики; это вещь очень смѣшная, креветка маленькая, находя пустую раковину, помѣщается въ ней, комнатка отдѣланная перломутромъ ей нравится, она растетъ себѣ въ ней, выпуская клещи и ноги и растетъ до того, что вылезть не можетъ, и тогда креветка таскаетъ на себѣ всю раковину едва передвигая ноги, — наши русскіе западники ужадно похожи на этихъ креветокъ въ маскарадномъ платьи, они даже, какъ раки вообще, пятятся назадъ, думая идти впередъ!

И—ръ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ. (†)

Милостивый государь,

Идолопокловодство sui generis страсть. Идолопоклонникъ не затрудняется въ выборѣ предмета поклоненія. Ему все годится въ молитвенныя мишени: кусокъ дерева, четвероногое, двуногое... Подумаешь, передъ чѣмъ и кѣмъ мы не распинались! то быку помолимся, то ихневмону, то тѣльцу златому, то змію мѣдяному. Это злая горячка обожанія. Правда, съ конца прошлаго столѣтія симптомы ея значительно поуспокоились, съ тѣхъ поръ, какъ Олимпъ небесный демократизировался, а земные громовержцы и тучегонители утратили долю своего кредита въ публикѣ.

Но отъ этого стало не легче. Не пропала у насъ охота кувыркатся и кадить. Оиміамъ еще такъ и рѣжетъ глаза.

(*) Изъ европейцевъ стараго толка, Гакстгаузенъ поималъ русскую сельскую общину. Но самъ Гакстгаузенъ находится въ какомъ-то исключительномъ положеніи, въ семейной ссорѣ съ современностью. Иезуитъ и патріархальный Freiherr, онъ изъ рыцарскихъ видовъ ненавидитъ бюрократію и централизацию, за то изъ католическихъ — монархистъ. Онъ плѣнился въ славянскій общинный возмужество self-governement допускающаго николаевскій деспотизмъ.

(†) Не раздѣляя строгаго мнѣнія автора, мы слѣшимъ помѣстить его талантливое письмо въ Колоколѣ. Всякая вещь имѣетъ свою лицевую сторону и свою изнанку. Да сверхъ того, если излишняя даль сглаживаетъ многое, то не надо забывать, что излишняя близость также мѣшаетъ вѣрности сужденія, выставляя слишкомъ выпукло все случайное, отрицательное, дисгармонирующее.

Изд.

Здѣсь подкуриваютъ доблестямъ преступника, этого полоумнаго сына общественной шайки съ разбойническими уставами; тамъ славославятъ господина, который крадетъ свободу и жизнь гражданъ, посылаетъ ихъ на поля Сольферино, на каторгу и галеры и уцѣлѣвшихъ жертвъ заставляетъ подпягивать придворные гимны. Кадятъ на площади, въ кельяхъ, на баррикадахъ, при водруженіи креста, при прорытіи перешейки, при громовомъ ударѣ, за империной трапезой, начинающейся рюмкой водки и па тризніѣ по усоншемъ, кончающейся трепакомъ. Все достойно восторга. Кабы можно, оду бы сложили на холеру. Севастополь—не одиннадцатимѣсячная бойня,—а изумительное торжество военного искусства, искусства человѣкоубійства. Увы! стоны пушекъ слышишь стонувшихъ женъ и матерей. Боевой дымъ заглушаетъ смрадъ нашихъ госпиталей—этихъ верленовъ грязи, крови и гноя. Да что упивать! въ послѣдніе дни севастопольской осады только по 2,500 человекъ выбывало изъ рядовъ защитниковъ русской чести, а Горчаковъ сдѣлалъ удивительное отступленіе въ сѣверную часть города.

Милостивый государь, идолопоклонство по натурѣ своей ненасытно. Оно поставило монументъ—кому бы вы думали?—Незабвенному. Я предлагаю премию въ 1000 р. с. тому, кто въ теченіи года представитъ лучшую модель для сооруженія памятника азіатской чумѣ... А еще говорить, что XIX вѣкъ—вѣкъ разочарованія... какой это вздоръ говорить.

Я читалъ листки Колокола и, простите мое удивленіе, открылъ и въ нихъ слѣды ненавистнаго ядила. Слава богу, что ладонь здѣсь по крайней мѣрѣ смѣшанъ съ каменнымъ углемъ, а то отъ чистаго ошума тошно приходилось.

И Колоколъ отдалъ дань своему времени. И онъ прилѣпился къ призраку божка, извѣстнаго подъ именемъ — *молодаго поколѣнія*. Ему честь, ему ладонь! Мы сами молоды и потому чувствуемъ въ себѣ силу сказать, что вы слишкомъ пристрастны къ намъ. Вы вѣрно забыли, въ какой безобразной пустотѣ идетъ жизнь русской молодежи. О военной и говорить нечего. Лошади, маскарады, вино, женщины дурнаго поведенія—вотъ на чемъ чаще всего вертится ея интересы. И статская—сплетничаетъ, день и ночь толчется по гостиннымъ и переднямъ. Университетская книга закрыта, ее замѣняетъ послѣдній романъ Дюма, послѣдняя книжка русскаго періодическаго изданія. О, вы еще не знаете, сколько зла намъ надѣлала наша журнальная литература при всемъ ея добромъ и благородномъ направленіи. Она систематически отлучаетъ отъ серьезнаго труда, украшаетъ память отрывочными свѣденіями по всемъ отраслямъ человѣческаго знанія. Постоянный подписчикъ русскаго учено-литературнаго журнала—это какой-то евнухъ науки. Верхушки знанія, готовые результаты и окончательные выводы растлѣваютъ умъ. Постоянное раздраженіе безъ полнаго удовлетворенія ведетъ къ худымъ послѣдствіямъ. Ваши статьи сильно волнуютъ юную кровь. Ошеломленные, мы бродимъ нѣкоторое время въ ослѣпительныхъ лучахъ грядущаго погара; но за тѣмъ подумавши, погадавши, возвращаемся къ старому порядку вещей со всеми его мелкими служебными и гостинными интрижками, блестящими парадными, университетскими дипломами на званіе губернскихъ секретарей и титулярныхъ совѣтниковъ. Благодаря природной русской лѣни, мы вообще большіе консерваторы. Еще ничего не сдѣлавши, мы начинаемъ уже зѣвать, потягиваться. Дыханіе наше коротко, какъ у чахоточныхъ.

Притомъ страшная разъединность въ интересахъ. Все это косо поглядываетъ другъ на друга. “Этотъ, молъ, либераль погуму что помѣщикъ, землевладѣлецъ; не служить, потому что и безъ службы сытъ. Этотъ либеральничаетъ потому что бобыль; у него завѣтнаго ничего нѣтъ и проповѣдуетъ равенство, надѣясь утянуть клочъ земли у сосѣда.” Крестьянина либерала всѣ боятся, и онъ первый врагъ помѣщика-либерала. Если вы сомнѣваетесь, такъ это потому что вы давно не были въ Россіи и смотрите на насъ изъ вашего прекраснаго далека. Мы же знаемъ вотъ на пр. какіе факты: Вашъ Колоколъ съ восторгомъ читается въ кругу юношей и тогчасъ же прячется куда ни попало при появленіи слуги, не изъ опасенія, что послѣдній можетъ быть доносчикомъ, а просто потому что не слѣдуетъ лакею мѣшаться въ барскія либеральныя заѣбы. А какою вамъ покажется, что объ освобожденіи крестьянъ у насъ говорятъ не иначе какъ по французски?

Повторяю, вы относитесь слишкомъ горячо къ этимъ безбородымъ юношамъ. Мы еще слишкомъ забиты сословнымъ духомъ и слишкомъ еще слабы, чтобы страхнуть съ себя его позорное иго. Всюду и много есть благородныхъ исключеній, кто объ этомъ спорить? Но все таки, говоря вообще, нельзя ставить русское молодое общество очень высоко надъ старымъ. Повѣрьте, мы упесли въ своемъ развитіи порядочный запасъ старозавѣтныхъ гадостей. Перешедши университетскую плотину, мы только выучились подтрунивать надъ маленькими слабостями стариковъ, а въ сущности все таки остались плотью отъ плоти ихъ и кровью отъ крови. Новаго мы мало внесли въ нравственную среду, и то что внесли до крайности шатко, незрѣмо неключе. Истина для насъ больше мода, нежели насущная потребность. Взятъ мы не беремъ, потому что отсталыми назовутъ; а худой молвы мы боимся пуще собственнаго сознанія. Мы до гадости осторожны на словахъ и на дѣлѣ. Гуманность—нѣчто въ родѣ моднаго фрака, которымъ мы щеголяемъ и который намъ рѣжетъ подъ мышками и лопаешь по швамъ. Я полагаю, что это хуже всякаго закоснѣлаго старчества, какъ золотая середина хуже крайности. Старики наши по крайней мѣрѣ логичнѣе. Законъ имъ замѣняетъ совѣсть; нравственная сторона ихъ выработалась, окоченѣла, приняла хотя невзрачную, да все таки какую нибудь форму. Наши понятія о нравственности расплылись, стали тѣстомъ, изъ котораго можно вылѣпить что угодно. У старика кнутъ—необходимость; у насъ—грустная *временная потребность*... Но пороть крестьянъ по убѣжденію достойнѣе, нежели пороть ихъ безъ убѣжденія, съ оглядкою назадъ, съ кошкой на сердцѣ, извѣстной подъ именемъ княгини Маріи Алексѣвны.

Молодой больше разсуждалъ стараго, потому что онъ больше учился. Университетъ далъ ему крылья, но увы! восковья; а подъ разлѣдающей волной русской жизни намъ нужны крылья стальные. Мы учились не по внутреннему убѣжденію, что знаніе также необходимо для человѣческой жизни, какъ вода, воздухъ, пища, а потому что намъ съ дѣтства наголковали, что безъ чина жить на Руси невозможно. Вѣдь вамъ извѣстно, что мы еще не доросли до того, чтобы ухо наше не выносило сопоставленія словъ—университетъ и чинъ. Чинъ есть молодое русское общество. Увѣряю васъ, до чиновъ мы всѣ падемъ и еще неизвѣстно, въ какомъ изъ геркулесовыхъ столбовъ русской жизни—въ полномъ-ли генералѣ или въ замаслѣнномъ писцѣ 3го рязряда громче говорить позывъ на

грязь отличія, на всё эти дикія анненскія и владимірскія погремущки.

Да и одни-ли чины сосутъ молодое сердце? А вѣчная забота о комфортѣ, которая подѣлала изъ насъ канія-то тряпки? А милое отцовское наслѣдіе низкопоклонство, которое выродилось въ угодливость и идиотическое трепетаніе передъ сильными міра сего?

Нѣтъ, недалеко ушли мы отъ стараго поколѣнія. Последнее было проще нашего, искреннѣе, непосредственнѣе. Мы унаслѣдовали всё ихъ пороки, только вылили ихъ въ болѣе сложныя формы. Даже мелкіе недостатки отца оразились въ сынѣ. Отецъ былъ записной галломанъ. Сынъ бойко пародируетъ англійскіе нравы. У него гладко выбриты подбородокъ, лондонской фракъ, tenue raide et guindée, брианскаго джентельмана. Онъ Обломовку свою величаетъ коттеджемъ—этотъ русскій вѣрноподанный королевы Викторіи. И страсть къ мундирамъ далеко не вымерла между нами. Неужели вы думаете, что студентъ не лелѣетъ въ мысли своей треугольной шляпы; а дѣвчья сердца не таютъ, какъ встарину, отъ эпюлетъ и т. п. дряни?

Но о русскихъ дѣвицахъ я и говорить не хочу. Это вѣчныя парии. Онѣ безответственны, потому что ихъ воспитаніе и образъ жизни снимаютъ съ нихъ всякую отвѣтственность. Ихъ должно сожалѣть, осторожно осуждать. Семейныя отношенія подѣлали изъ нихъ полу-труны, отъ которыхъ жизнь сторонится. Мы умолчимъ объ этомъ странномъ продуктѣ XIX вѣка. Мы въ эту минуту слишкомъ возмущены мыслию, что хлопчатъ объ освобожденіи нѣсколькихъ милліоновъ здоровыхъ и дюжихъ мужчинъ и продолжаютъ ковать цѣпи для бѣдныхъ женщинъ, и безъ того обезсиленныхъ, притупившихъ подъ семейной плеткой. Мы слишкомъ потрясены этимъ безвыходнымъ рабствомъ, которое глотаетъ втихомолку свои слезы и завѣтнѣйшія мечты глубоко хоронить въ наболѣвшей груди, чтобы мачиха не могла ихъ отуда достать, чтобы мужъ не могъ надъ ними посмѣяться. Оставимъ этотъ темный лабиринтъ семейной русской жизни до другаго времени, до свѣжей минуты...

А теперь на чистый воздухъ. Пора! Слышите, какъ Колоколъ радостно звонитъ съ того берега. Нѣсколько отважныхъ пловцевъ побрасали отцовское добро на набережной. Они бодро разсѣкаютъ волны... плывутъ, и озираясь, подталкивая другъ друга, ихъ робкіе товарищи кричатъ имъ вслѣдъ: коли перенлывете счастливо, и мы пуcтима съ богомъ на новыя квартиры; а теперь некогда, да и нельзя: тетушка больна, жена нищитъ—шали новой хочется, да и директоръ такой строгій, какъ разъ велитъ въ отставку подать.

Признаюсь откровенно, докончивая эти строки, я вдругъ смутился при мысли, что вы встрѣтите ихъ упрёкомъ, горячимъ словомъ—клевета.

Но я не могу клеветать на самага себя. Повторяю, я молодъ, я не въ силахъ отшатнуться отъ всего что еще свѣже и полно жизни въ Россіи и пристать къ тому, что затхло, гнило. Если въ этомъ письмѣ краски слишкомъ густы, то не я въ этомъ виноватъ. Миѣ кричала на ухо вопіющая правда, которая въ нашу эпоху одна лечитъ людей, да и то желчью и ядами, и на застарѣлыя язвы мученика льетъ не слезы умиленія, а разъѣдающіе растворы кислотъ и щелочей. Соболезнованіемъ, надеждой, словомъ утѣшенія не заткнешь раны. И то, слава

богу, что больнаго станеть, какъ говорятъ врачи, на леченіе: соки не всё испорчены, мясо не все поражено.

Обращаюсь къ вамъ, какъ къ опытному врачу, не усыпайте больную молодежь лаской, не гладьте рукой по ея рубцамъ, колите ей глаза ежечасно, ежеминутно жесткой истиной. За то она васъ будетъ любить и благодарить.

P. S.—Я ничего не имѣю противъ того, чтобы это письмо было помѣщено въ Колоколъ. Найдете удобнымъ — напечатайте. Можетъ быть и оно принесетъ долю пользы.

ГРАФЪ СТРОГОПОВЪ И СТАРИЦКІЙ.

У насъ являются дѣла до такой степени не только преступныя, но бессмысленныя, что умъ отказывается ихъ понимать. Власть растляетъ людей у насъ, дѣлаетъ ихъ мономанами и главное—звѣрями, такъ что все человѣческое чуждо имъ.

Но есть же наконецъ границы. Можно пожимать плечами, когда рассказываютъ о наглomъ приѣмѣ, о грубостяхъ съ дамами великаго свекра, но когда она защищаетъ чудовищныя злоупотребленія помѣщичьей власти, тогда гласность должна ее клеймить, напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ и Александру Николаевичу, что *доля кесарева* и тутъ не пропадаетъ.

“Нѣкто Старицкій, неизвѣстно какъ разбогатѣвшій, купилъ сначала значительное имѣніе въ Полтавской губерніи, потомъ другое въ Херсонскомъ уѣздѣ. Въ пять лѣтъ онъ раззорилъ богатое херсонское имѣніе въ конецъ, злоупотребленія его власти доходило до свѣдѣнія начальства, начальство какъ разумѣется ничего не дѣлало. Старицкій неистовствовалъ больше и больше. Наконецъ, въ слѣдствіе доноса какого-то Филантропова, губеонаторъ Панкратьевъ поручилъ предводителю дворянства Вертедьку съ жандармскимъ штабъ офицеромъ Рындинымъ произвести формальное слѣдствіе, по которому открылось слѣдующее:

1.) За малѣйшіе проступки крестьянъ заковывали въ кандалы и въ кандалахъ отправляли за 400 верстъ къ Старицкому въ его полтавское имѣніе; тамъ они получали нѣсколько десятковъ вѣ, а иногда и соленъ розогъ и въ кандалахъ же отправлялись обратно на мѣсто жительства, гдѣ все время употребленное въ оба пути, должны были отработывать на своихъ дняхъ для Старицкаго. 2.) Если крестьяне отъ избытка полученныхъ розогъ заболѣвали, то время болѣзни также должны были отработать. 3.) Если крестьянинъ осмѣивался оправдываться передъ прикащикомъ, или самимъ баринoмъ въ неисполненіи тягостныхъ урочныхъ работъ, то это называлось бунтомъ и подобный бунтовщикъ за каждый невыработанный урокъ отработывалъ на своихъ дняхъ 2 дня, вносилъ Старицкому штрафы отъ 4 до 6 руб. и получалъ отъ 20 до 30 розогъ. 4.) Мальчиши и дѣвочки, отъ 7 лѣтъ, въ осеннее и зимнее время толпами отправлялись босыя и оборванныя въ степь для очистки загоновъ (кошаръ) и тамъ по окончаніи работъ, полузамерзшія складывались въ повозки, прикрывались, изъ челоуколюбія наблюдавшаго за работами крестьянина, объѣдками сѣна и привозились ночью домой. 5.) Перевозка камня производилась постоянно женщинами съ нагрузкою на фуры и выгрузкою, не взирая на ихъ беременность или недавне роды. 6.) Наказанія не только за малѣйшіе проступки, но и за ошибки производились всегда розгами въ комнатахъ и притомъ въ ночное время, съ интер-

валами отъ 5 до 10 минутъ послѣ каждаго удара. 7.) Кромѣ наказанія розгами, содержанія въ кандалахъ безъ пищи и въ холодномъ сараѣ безъ одѣянія, несчастные отправлялись еще на винокурню подъ котель отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

8.) Больныя, немощныя, престарѣлыя женщины, беременныя никогда отъ розогъ не освобождались, съ тою разницею, что измѣнялась поза, именно : беременныхъ женщинъ клали, чтобы онѣ не придавили живота, бокомъ и въ такомъ положеніи 4 человекъ держали, а 2 сѣкли. 9.) Если проступокъ крестьянина былъ сопряженъ съ убыткомъ для Старицкаго, то наказаніе усиливалось. На примѣръ, одному крестьянину, пасшему овецъ, пришлось заснуть и овцы перешли за черту назначенную для пастбы. Крестьянина схватили, высѣкли, обрили голову и потомъ намазали ее, лицо и другія части тѣла медомъ съ асафетидой и въ Іюнь мѣсяцѣ водили на веревкѣ по деревнѣ и такъ оставили его на съдѣніе мухамъ. А чтобы скрыть это, то этого несчастнаго изъ полтавскаго имѣнія отправили въ херсонское. 10.) Отобранъ скотъ, принадлежащій крестьянамъ, отнять ихъ общественный и запасный хлѣбъ заготовленный по Старицкимъ, а прежнимъ еще владѣльцемъ, и хлѣбъ этотъ употребленъ на винокурение.

“По окончаніи слѣдствія, обнаружившаго преступленія Старицкаго и его прикащиковъ, дѣйствовавшихъ, какъ они сами объявили слѣдователямъ, по его секретнымъ словеснымъ приказаніямъ, (*) Старицкій, задобившій губернскаго власти, приобрѣлъ благорасположеніе правителя канцеляріи *Гирса* и начальника отдѣленія *Катовича*, вслѣдствіе чего графъ Строгоновъ взялъ его сторону и такимъ образомъ довелъ чрезъ херсонскаго гражданскаго губернатора Канатова дѣло до III Отдѣленія.

“Въ III отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи.

“Г. Новороссійскій и Бессарабскій генераль-губернаторъ, по разсмотрѣніи слѣдственнаго дѣла, произведеннаго по доносу неизвѣстнаго человека Филантропова, о злоупотребленіяхъ будто бы помѣщикомъ К. А. Старицкимъ по управленію его имѣніемъ, находящемся въ Херсонскомъ уѣздѣ, нашель, что къ обвиненію Старицкаго въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами и вообще въ злоупотребленіи помѣщичьей власти, не имѣется никакихъ доказательствъ, напротивъ изъ собственныхъ писемъ Старицкаго къ его прикащику, имѣющихся при дѣлѣ, видна его заботливость, чтобы съ крестьянами его экономіи обходились кротко и дѣйствовали бы болѣе увѣщаніемъ, нежели строгостью. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что постоянное отсутствіе Старицкаго изъ его имѣнія и непринятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ недопущенію со стороны экономіи злоупотребленій по управленію крестьянами были причиною открытыхъ по слѣдствію, хотя и безъ вѣдома Старицкаго, безпорядковъ и тѣлесныхъ наказаній его прикащиками крестьянъ. — г. генераль адъютантъ графъ Строгоновъ призналъ необходимымъ объявить помѣщику Старицкому за подпискою, чтобы онъ имѣлъ должное и настоящее попеченіе о своихъ крестьянахъ и въ отсутствіе свое поручилъ бы управленіе ими лицу имѣющему на то по закону право и вообще не допускалъ бы злоупотребленій со стороны экономіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ имѣніе его *будетъ* подвержено опекунскому управленію, слѣдственное же дѣло по этому предмету генераль-

губернаторъ предписалъ мнѣ передать въ подлежащее судѣбное мѣсто для законнаго постановленія о допущеніи въ имѣніи еврея торговать водкою и вообще о злоупотребленіяхъ Дудчинской экономіи съ крестьянами Старицкаго. (*)

“Донося объ этомъ вашему превосходительству, вслѣдствіе предписанія вашего отъ 22 минушаго Мая за No 171, имѣю честь присовокупить, что объ объявленіи Старицкому вышеизложеннаго распоряженія г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора сообщено мною начальнику Полтавской губерніи, а присланные при предписаніи за No. 171 документы, возвращены повѣренному за роспиской; слѣдственное же дѣло я передалъ въ Херсонскій уѣздный судъ на законное постановленіе.”

“Подписалъ исправляющій должность херсонскаго гражданскаго губернатора, вице-губернаторъ—*Канатовъ*.

Что то сдѣлаетъ новый херсонскій губернаторъ Башмаковъ, о которомъ мы слышали какъ о честномъ и благородномъ человѣкѣ. Дѣло въ уѣздномъ судѣ?

“Въ дополненіе—пишетъ нашъ корреспондентъ—надобно замѣтить, что Старицкій нанялъ себѣ управляющимъ некоего Легензевича, изгнаннаго Вертелякомъ за жестокое обращеніе съ крестьянами изъ имѣнія другаго помѣщика. Легензевичъ, чтобы оправдать довѣріе своего патрона, возводитъ на крестьянъ небывалыя воровства, неповиновенія, буйства, приготовленіе къ бунту, нѣкоторыхъ сажалъ въ острогъ, при помощи засѣдателя херсонскаго земскаго суда Затурскаго, другихъ наказывалъ розгами даже въ первый день *Свѣтлаго Праздника!*”

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

ОДЕССКАГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА БАРОНА МЕСТМАХЕРА.

За Строгоновымъ молитва,
За царемъ служба не пропадаютъ!

Прочитавъ въ *Le Nord*, что баронъ Местмахеръ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, мы вспомнили, что у насъ давно лежитъ біографія доблестнаго Барона. Чтобы показать государю кого ему представляютъ Строгоновы и Ко., мы передаемъ нашимъ читателямъ отрывки изъ нее :

“Въ настоящее время въ Одессѣ градоначальникъ статскій совѣтникъ баронъ Местмахеръ ; онъ прибылъ въ Одессу въ чинѣ коллежскаго ассесора, на должность управляющаго Сухопутной Херсонскою Таможнею. Смотрителемъ таможни былъ тогда коллежскій ассесоръ Зосимъ Педашенко, чиновникъ ловкій и смѣливый, онъ нажилъ чистаго капитала до ста тысячъ руб. сер.

“Педашенко скоропостижно умеръ ночью, оставивъ послѣ смерти жену и чetyрехъ дѣтей. Деньги Педашенко держалъ дома, боясь класть ихъ въ банкъ во избѣжаніе подозрѣнія. Местмахеръ, узнавъ о смерти Педашенки, передъ разсвѣтомъ, взявъ съ собою пристава Зей части, пріѣхалъ въ квартиру умершаго, взялъ у вдовы ключи, забралъ все что было въ комодѣ и объявилъ себя опекуномъ, а въ послѣдствіи донесъ опекѣ, что у Педашенко оказалось денегъ только 13,000 руб.,

(*) Главный прикащикъ дудчинской экономіи Григорій Шкляровъ, исполнявшій всѣ приказанія Старицкаго, былъ собственный его крестьянинъ. Кто же повѣритъ, чтобы Шкляровъ, безъ настоятельныхъ приказаній барина, истязалъ крестьянъ, между которыми очень много были съ нимъ въ родствѣ. Не судить ли Строгоновъ по себѣ, что онъ будучи свекромъ государя, такъ нагло его обманываетъ.

(*) Письменные приказанія противурѣчили словеснымъ и хранились, какъ говорилъ Старицкій крестьянину своему прикащику Григорію Шклярову : “на случай, если привяжется беззаконникъ предводитель, который и своихъ крестьянъ избаловалъ до такой степени, что они похожи болѣе на мѣщанъ.”

что Педашенкова упростила быть их опекуномъ, когда она этого и не думала, и что деньги эти онъ оставляетъ у себя, какъ опекунъ для оборотовъ по его усмотрѣнію.

“Но этого недостаточно. Местмахеръ узналъ, что вдова Педашенкова при жизни мужа одновременно успѣла собрать секретно значительную сумму денегъ, и упростила ее отдать ему таковыя за огромные проценты подъ заемное письмо; послѣдняя согласилась, денегъ оказалось 8,000 руб. сер.

“Местмахеръ взялъ деньги и на другой день обѣщалъ прислать ей заемное письмо; дѣйствительно, онъ исполнилъ свое слово, письмо было прислано Педашенковой съ однимъ изъ приближенныхъ къ нему таможенныхъ чиновниковъ — Тарановымъ, который прочиталъ бѣдной безграмотной вдовѣ заемное письмо на 8,000, но оно было написано только на 6,000 и безъ процентовъ; на другой день Местмахеръ выѣхалъ въ Петербургъ и возвратился оттуда начальникомъ таможенного округа, по возвращеніи онъ нажаловался на бѣдную вдову и сложилъ съ себя опекунство. Фактъ этотъ можетъ быть подтвержденъ заведеннымъ и доселѣ еще не рѣшеннымъ дѣломъ въ уѣздномъ судѣ и дворянской опекѣ.

“Въ бытность его окружнымъ, Местмахеръ тотчасъ назначилъ смотрителемъ сухопутной таможенной чиновника Саморупу, грека тонкаго и хитраго; въ портовой таможнѣ — Федорова и Чекавскаго, а въ Тирапольской Драго; до военного времени люди эти работали очень исправно подъ покровительствомъ Местмахера, но не замѣтно, когда же изъ Одессы былъ выпущенъ хлѣбъ вопреки высочайшаго повѣленія, Местмахеръ и приближенные его были преданы суду. Местмахеръ, не смотря на то, что состоялъ подъ судомъ, получилъ должность предсѣдателя Попечительнаго Комитета о иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи.

Во время предсѣдательства своего въ Попечительномъ Комитетѣ, Местмахеръ не успѣлъ сдѣлать ничего, найдя препону въ управляющемъ Болгарскими колоніями подполковникѣ Арендоренкѣ, человѣкѣ честномъ и безкорыстномъ. Местмахеръ истощилъ всѣ усилія удалить его отъ должности, а на его мѣсто назначить одного изъ своихъ приближенныхъ, но никакъ не могъ успѣть въ этомъ, наконецъ рѣшился сдѣлать на него ложный доносъ; но Арендоренко по слѣдствію не только былъ оправданъ, но еще получилъ въ награду полторы тысячи р. с., а за усердіе по службѣ произведенъ былъ въ полковники.

“Въ это время судъ надъ Местмахеромъ за вывозъ пшеницы былъ оконченъ, онъ, а равно и участвующіе съ нимъ были отрѣшены отъ должности, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда ихъ не принимать.

“Тогда былъ назначенъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ графъ Строгоновъ, человѣкъ съ характеромъ строптивымъ и взбалмошнымъ; ему нуженъ былъ помощникъ совершенно покорный, безгласный и выборъ его ловко палъ на Местмахера, Графъ по возможности оправдалъ его, потомъ утвердилъ его въ должность градоначальника.

“И такъ Местмахеръ сдѣлался начальникомъ города, начальникомъ полиціи, предсѣдательствующимъ въ Строительномъ Комитетѣ, въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, начальникомъ Магистрата и Думы.

“Местмахеръ за что-то возненавидѣлъ брантъ-маіора Шутовича, человѣка добраго; ему донесли, что Шутовичъ воспользовался 160 р. с. отъ ремонта лошадей, правда это

или нѣтъ, мы не знаемъ. Шутовичъ позванъ былъ съ объясненіемъ къ Местмахеру, но онъ не заикиваясь отвѣчалъ: ‘Баронъ, я слышалъ, что вы воспользовались 160,000 р. с. за вывозъ пшеницы, но я не повѣрилъ, неужели вы можете вѣрить бездѣльникамъ, что я воспользовался 160 руб. сер.’ — ‘Да — отвѣчалъ Местмахеръ — но я по суду оправданъ, а послѣ вашихъ словъ, я болѣе служить съ вами не могу.’ На мѣсто Шутовича Местмахеръ назначилъ брантъ-маіоромъ квартальнаго Браславича, человѣка совершенно неспособнаго.

“Мѣщанинъ Савченко нанялъ квартиру въ домѣ помощника полицмейстера Серебрякова, у контрагента Еврея, который пользуясь покровительствомъ полиціи, дѣлалъ жильцамъ всевозможнаго рода притѣсненія; Савченко имѣлъ слабость заплатить Еврею деньги за весь годъ впередъ, спустя не болѣе двухъ мѣсяцевъ, Еврей заперъ чердакъ и сарай, принадлежащій къ квартирѣ Савченки, потомъ чуть не побилъ жены Савченки, и та вынуждена была защищаясь оттолкнуть отъ себя Еврея; послѣдній подалъ жалобу полицмейстеру; назначенъ квартальный надзиратель разобрать дѣло, и квартальный рѣшилъ, что Савченко долженъ оставить немедленно квартиру, деньги уплаченные за годъ впередъ остаются въ пользу хозяина, а такъ какъ Савченко прожилъ два мѣсяца въ квартирѣ, то обязанъ заплатить хозяину 25 р. с., а за то что жена Савченки осмѣлилась оттолкнуть отъ себя Еврея, она была обязана уплатить ему 80 р. с. Въ противномъ случаѣ квартальный грозилъ, что Савченку и жену его посадить въ тюрьму. Савченко уплатилъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ обратился съ жалобой къ Местмахеру; г. градоначальникъ объявилъ Савченкѣ, что подобныя кляузы онъ не разбираетъ, потомъ обратился къ квартальному Андреенкѣ, сказалъ, что онъ имѣетъ полное право искать удовлетворенія съ Савченки законнымъ порядкомъ. Разумѣется квартальный не оставилъ бы Савченка безъ взысканія, да былъ самовидецъ, что онъ остался нищимъ.

“Со вступленіемъ Местмахера градоначальникомъ, дороговизна жизненныхъ припасовъ дошла до невѣроятія, на пр., хлѣбъ въ Одессѣ, лучшей сортъ пшеницы отъ 5 до 7 р. сер. вѣсъ 10 пудъ, нѣкоторый даже слишкомъ; булка же изъ самой дурной муки вѣсомъ отъ 2½ и не болѣе 2½ фунта, стоитъ 8 коп. сер. слѣдовательно четверть или 10 пудъ муки стоящая 7 р. с., въ продажѣ идетъ 32 р. с. Рогатый скотъ рѣзникамъ обходится отъ 16 до 18 р. с. въ покупкѣ, вѣсомъ каждая не менѣе 10 пудъ, за кожу они получаютъ обратно 5 р. с., сала съ одной скотины получается не менѣе 2 пудовъ, стоимость 10 р., голова и ноги въ продажѣ 60 коп., 8 пудовъ мяса въ продажѣ по 2 р. 40 коп. за пудъ, всего 19 р. 20 коп., слѣдственно рѣзники за 18 р. с. выручаютъ 34 р. 80 коп. с. Подобныя таксы выходятъ за подписью Местмахера, а онъ увѣряетъ между прочимъ Графа о своей распорядительности по торговлѣ.

“Въ нынѣшнемъ году появилась на городской землѣ саранча; Местмахеръ назначилъ своего чиновника для истребленія ея, (объ этомъ уже было рассказано въ Колоколѣ). Саранча истребила все, люди остались безъ средствъ къ жизни, а частный приставъ 5ой части, полковникъ Садиковъ между прочимъ обложилъ всѣхъ мѣщанъ и безъ того уже обнищавшихъ, по 25 коп. с. съ души “за саранчу,” а на городской землѣ до 40 тысячъ человѣкъ.

“До вступленія Местмахера улицы дѣйствительно были

дурны, но сносны, не было ямъ, выбоинъ, и улицы по возможности исправлялись; но въ настоящее время, особенно зимой и въ ночное время, при скверномъ освѣщеніи, рѣшительно ѣхать нѣтъ никакой возможности, нѣкоторыя улицы высыпаются одесскимъ подрядчикомъ Папиковымъ, подъ наблюдениемъ Местмахера и технического члена полковника Фонъ Энтена щебнемъ съ навозомъ и глиною; старыя же улицы по нѣмецкой методѣ Местмахера исправляются *арестантами* глиною и грязью, лѣтомъ на улицахъ на полгаршина пыли, а зимою на аршинъ грязи, въ добавокъ на каждой улицѣ по тысячи ямъ.

“Граждане города Одессы безъ всякой защиты; прошенія подаются Местмахеру для одной формы, потому что Строгоновъ не припимаеъ прошенія иначе, какъ только чтобъ оно прежде было подано Местмахеру, а прошенія подаваемые Строгонову, отсылаются обратно Местмахеру, и дѣлу конецъ.

“До Местмахера, люди отданные въ арестанскія роты на исправленіе, обучались ремесламъ и при благоразумномъ распоряженіи командировъ многіе выходили съ деньгами, но Местмахеръ этихъ несчастныхъ забилъ въ кандалы и заставилъ на мостовыхъ работать, оцѣпляя ихъ военнымъ конвоемъ.”

За симъ слѣдуетъ длинная перечень дѣйствій Местмахера въ Строительномъ Комитетѣ, гдѣ ему ревностно помогаетъ полковникъ Фонъ Энтенъ и въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія. Но мы полагаемъ, что нашихъ выписокъ изъ письма совершенно достаточно не только для характеристики достойнѣйшаго Барона, но и сятельнѣйшаго Графа.

С М Ъ С Ъ.

Тотъ же графъ Строгоновъ, пллущій на гробъ съчсенаго Кандыбы.—Только что мы послали въ типографію кроткое и дружеское рѣшеніе Строгонова по дѣлу палача-помѣщика, мы получили другую исторію, въ которой Строгоновъ пытался перещеголять настоѣщаго палача. Мы обличаемъ Строгонова въ этомъ передъ всей Россіей, мы его имя желали бы передать исторіи, пусть она знаетъ, что въ то время, когда императоръ Александръ II освобождалъ крестьянъ, нашелся сатрапъ, защитникъ розогъ и помѣщичьихъ злоупотребленій, просившій государя, въ его бытность въ Одессѣ, дозволеніе *усилить уголовныя и полицейскія наказанія* для помѣщичьихъ крестьянъ, посягающихъ на *честь помѣщиковъ*, (не странно-ли что у помѣщиковъ честь сзади!) И это потому, что онъ былъ недоволенъ слабымъ рѣшеніемъ Уголовной Палаты по дѣлу высъчсенаго генерала Кандыбы, (см. *Колоколъ*, листъ 45), по которому виновные послѣ двухлѣтняго или трехлѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, наказаны только 70ю ударами розогъ чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей. Выводя изъ этого общее заключеніе, что уголовное законодательство наше слабо, Строгоновъ выводилъ, что такое послабленіе закона, *въ виду настоѣщаго состоянія крестьянскихъ умовъ*, опасно.

По счастью государь не утвердилъ этого доклада, но не желая огорчить плетололюбиваго графа, велѣлъ ему объ этомъ посоветоваться съ министромъ юстиціи.

Да проститъ господь за это доброе дѣло государю и то что онъ офицера *Палемута* не по формѣ одѣтаго арестовалъ въ Одессѣ и то, что арестовалъ тамъ же офицера *Ризниченко*, выставившаго опасные для общественнаго спокойствія воротнички. Пусть только онъ будетъ увѣренъ, что онъ больше сдѣлалъ бы пользы для Россіи, еслибъ безъ всякаго ареста

велѣлъ бы Строгонова отвести куда нибудь въ Петербургъ, или назначилъ бы его въ Калугу, стеречь такого же дикаго звѣря—Шамиля.

Мы читали въ одной парижской газетѣ, что графъ Киселевъ получилъ слѣдующее письмо.

Ваше сіятельство,

Находясь здѣсь подъ высокимъ покровительствомъ вашего сіятельства, какъ достойнаго представителя августѣйшаго нашего монарха, мы долгомъ поставляемъ почтительнѣйше довести до свѣдѣнія вашего, что господинъ Васильчиковъ самовольно, безъ позволенія нашего и даже въ отсутствіи нѣкоторыхъ изъ насъ, посѣщалъ наши квартиры, осматривалъ наши произведенія и освѣдомлялся объ образѣ жизни и средствахъ нашихъ у привратниковъ.

Находя подобный поступокъ въ высшей степени оскорбительнымъ и неприличнымъ, какъ въ отношеніи къ намъ, такъ и въ отношеніи къ самому художеству, мы обращаемся къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою оградить насъ впредь отъ подобной дерзости. При семъ мы принимаемъ въ соображеніе, что еслибы г. Васильчикову поручено было что либо августѣйшимъ нашимъ президентомъ, то онъ конечно предъявилъ бы такое повелѣніе ея высочества, или оно было бы объявлено намъ вашимъ сіятельствомъ, подъ единственнымъ покровительствомъ котораго мы здѣсь находимся. При чемъ смѣемъ завѣрить, что каждый изъ насъ поспѣшилъ бы исполнить всякое требованіе.

Простите, ваше сіятельство, что мы осмѣливаемся въ этомъ случаѣ утруждать васъ настоящимъ ходатайствомъ, чего мы конечно не сдѣлали бы, еслибы г. Васильчиковъ не былъ Русскимъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Академикъ Алексѣй Боголюбовъ, академикъ Штромъ, академикъ Будковскій, классные художники—Чернышевъ, Бейдеманъ, Щедринъ, Кольманъ, Брюловъ, Бучеровъ, Васильевъ, Баронъ Клотъ, Лагорио.

Парижъ 2 Ноября 1859.

— Намъ пишутъ изъ Польши: “Попечитель виленскаго учебнаго округа, баронъ *Врангель* (изъ гуссаръ!) и его помощникъ князь *Ширинскій Шихматовъ* (изъ мичмановъ!!) рѣшились энергически противудѣйствовать распространенію просвѣщенія, и для того стали уменьшать всѣми средствами число учениковъ въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Усердный исполнитель ихъ *фонъ Фрейманъ* (изъ фейерверкеровъ!!!) директоръ виленской гимназіи, отказалъ подъ разными предлогами *двумъ стамъ* мальчикамъ, привезеннымъ въ Вильно—въ правѣ поступленія въ гимназію, ссылаясь на недостатокъ мѣста (въ зданіи, въ которомъ прежде помѣщался университетъ), усиливая экзамены и пр.”

Когда нѣмцы сами по себѣ и татары сами по себѣ столько вредятъ Россіи,—что же сказать о соединеніи нѣмцевъ съ татарами на уничтоженіе просвѣщенія? Если сухопутные и пѣшіе попечители и директоры учебныхъ заведеній, никуда негодятся,—что же сказать о наступительномъ союзѣ—*гусара, мичмана и фейерверкера!*

— Мы получили отъ двухъ русскихъ офицеровъ *сорокъ франковъ*—для передачи въ Гарибальдѣвской фондъ,—съ величайшимъ удовольствіемъ исполнимъ ихъ желаніе.

Второй листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 15 Ноября, въ немъ заключается исторія *Убіиства Неклюдова въ Иркутскѣ, Ревизія царскосельской желѣзной дороги* и статья по поводу дѣла *Метлина и Волохова*.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

WITH SUPPLEMENT No. 32.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 57 & 58.

1 ДЕКАБРЯ 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

У Триюнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Торжевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price one shilling (2 sheets).

РУССКІЕ НѢМЦЫ И НѢМЕЦКІЕ РУССКІЕ

ОТРЫВОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

III.

Быть европейскій, послѣднее слово тысячелѣтней исторической жизни, это ея результатъ, ея предѣлъ, до *этого* она выработалась. Россія напротивъ, еще складывается и ищетъ своего устройства, у насъ все, кромѣ сельскаго быта, носитъ характеръ внѣшней необходимости, временной мѣры, чего-то переходнаго—строшлѣ, лѣсовѣ, карантинѣ.

Это различіе возрастовъ и положеній поражаетъ Русскаго, переѣзжающаго западную границу. Мы видимъ на каждомъ шагу слѣды старой, глубоко вкоренившейся цивилизаціи — личность независимѣе, образованіе шире, потребности развитѣе, намъ становится завидно и стыдно, вспоминая страну помѣщичьихъ и полицейскихъ розогъ, нагло произвола и безответнаго молчанія.

Многіе изъ Русскихъ, и между прочимъ Чаадаевъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ, сѣгуютъ на отсутствіе у насъ того элементарнаго гражданскаго катихизиса, той политической и юридической азбуки, которую мы находимъ съ разными измѣненіями у всѣхъ западныхъ народовъ. Это правда, и если смотрѣть только на настоящее, то вредъ отъ этихъ неустоявшихся понятій объ отношеніяхъ, обязанностяхъ и правахъ, дѣлаетъ изъ Россіи то печальное царство беззаконія, которое ставитъ ее въ многихъ отношеніяхъ ниже восточныхъ государствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, идея права у насъ вовсе не существуетъ, или очень смутно, она смѣшивается съ признаніемъ силы или совершившагося факта. Законъ не имѣетъ для насъ другаго смысла, кромѣ запрета сдѣланнаго. власть имущимъ, мы не его уважаемъ, а кварталнаго боимся. . . . Нѣтъ у насъ тѣхъ совершенныхъ понятій, тѣхъ гражданскихъ истицъ, которыми какъ щитомъ западный миръ защищался отъ феодальной власти, отъ королевской, а теперь защищается отъ социальныхъ идей, или онѣ до того у насъ спутаны, искажены, обезображены, что самый яростный западный консерваторъ отъ нихъ шархается назадъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ сказать въ пользу непокосновенной собственности своей русскій *помѣщикъ-людосѣкъ*, смѣшивающій въ своемъ понятіи собственности — огородъ, бабу, сапоги, старосту?

Годъ III.

Все это такъ. Но тутъ-то мы сей часъ и разондемся Петровская метода избаловала насъ своей необычайной легостью. Нѣтъ гражданскаго катихизиса, — взять нѣмецкій, переложить на наши нравы, какъ перекладываютъ французскіе водевили, переплести въ юфть, вотъ и будетъ катихизисъ. Такъ думаютъ девять десятыхъ изъ нашихъ просвѣтителей *in spe*. Такъ поступали Англичане съ Индѣйцами: находя у нихъ какіе-то неразвившіеся зачатки патріархально-общиннаго управленія, они его замѣнили англійскимъ. Которое изъ двухъ законодательствъ — индѣйскаго и англійскаго — выше, кажется нельзя спрашивать. Посмотрите что въ приложеніи къ индѣйскимъ земледѣльцамъ сдѣлало это повышение въ юридическомъ чинѣ. Оно кретиализировало народъ, мѣстами убило его, мѣстами развило ту ненависть къ Англіи, которую мы видѣли годъ тому назадъ.

Князь Козловскій встрѣтивъ на пароходѣ маркиза Кюстина, замѣтилъ ему, что въ нашемъ обществѣ большой пробѣлъ отъ недостатка рыцарскихъ понятій, съ которыми связано уваженіе къ себѣ и признаніе личнаго достоинства въ другихъ. Князь Козловскій совершенно правъ... Только подумайте, что было бы *aujourd'hui* еслибъ у насъ вмѣсто выслужившихся писарей и вахмистровъ, вмѣсто царской дворни и разныхъ Собакевичей и Поздрыхъ, была бы на примѣръ аристократія въ родѣ польской? Для дворянъ это было бы лучше, нѣтъ сомнѣнія, они были бы свободнѣе, они шире бы двигались, они бы не позволяли ни царямъ обращаться съ собою какъ съ лакеями, ни лакеямъ на службѣ обращаться съ ними по царски — противъ этого спорить нельзя. Но какъ бы пошелъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею?... А потому врядъ не лучше-ли, что наши тамбовскіе Роганы и калужскіе Ноальи не прошли рыцарскимъ закаломъ, а одѣлись только въ рыцарскіе доспѣхи... въ родѣ дикихъ на маркизскихъ островахъ, приходившихъ къ Дюмонъ Дюрвиллю на корабль въ европейскихъ мундирахъ съ эполетами, но безъ плановъ.

Тоже самое придется сказать объ отсутствіи уваженія къ законности, съ обѣихъ сторонъ, со стороны народа и со стороны правительства.

На первый взглядъ совершенно ясно, что уваженіе къ закону и его формамъ, ограничило бы произволъ, остановило бы всеобщій грабежъ, утерю бы много слезъ и тысячи

вдохнули бы свободнѣе . . . по представте себѣ *то великое и то тупое* уваженіе, которое Англичане имѣютъ къ своей законности, обращенное на нашъ сводъ. Представте, что чиновники не берутъ больше взятокъ и исполняютъ буквально законы, представте, что народъ *вьритъ*, что это *въ самомъ дѣлѣ* законы—изъ Россіи надо было бы ѣхать безъ оглядки.

Стало быть серьезный вопросъ не въ томъ, которое состояніе лучше и выше—европейское сложившееся, уравновѣшенное, правильное, или наше хаотическое, гдѣ только однѣ рамы какъ-то сколочены, а содержаніе вѣло бродить или дремать въ какомъ то допотопномъ расворѣ, въ которомъ едва сдѣлано различіе свѣта и тьмы, добра и зла. Тутъ не можетъ быть двухъ рѣшеній.

Остановиться на этомъ хаосѣ мы не можемъ—это тоже ясно; но для того, чтобы *сознательно* выйти изъ него, намъ предстоитъ другой вопросъ для разрѣшенія: есть-ли путь европейскаго развитія единый возможный, необходимый, такъ что каждому народу, гдѣ бы онъ ни жилъ, какія бы антецеденты не имѣлъ—должно пройти имъ какъ младенцу прорѣзываніемъ зубовъ, срастаніемъ черепныхъ костей и пр.? Или оно само частный случай развитія, имѣющій въ себѣ общечеловѣческую канву, которая сложилась и образовалась подъ вліяніями частными, индивидуальными, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, при извѣстныхъ элементахъ, при извѣстныхъ помѣхахъ и отклоненіяхъ. И въ такомъ случаѣ не странно-ли намъ повторять теперь всю длинную метаморфозу западной исторіи, *зная впередъ le secret de la comédie*, т. е. что со всѣмъ этимъ развитіемъ рано или поздно насъ также причалитъ къ той межѣ, передъ которой вся Европа свернула паруса, и испугавшись гребетъ назадъ... .

Я могу понять русскихъ помѣщиковъ тридцатыхъ годовъ, возвращавшихся изъ чужихъ краевъ корча буржуа и фабрикантовъ, съ умиленіемъ смотрѣвшихъ на французскій либерализмъ; я еще больше понимаю поклоненіе къ Германіи русскихъ ученыхъ, которые изъ Берлина привозили намъ въ сороковыхъ годахъ живое слово науки и тайкомъ передавали его намъ. Это было время Людовика Филиппа, конституціонной свободы, свободы мысли и преподаванія. Это было при Николаѣ, Западъ становился намъ дорогъ какъ запрещенный плодъ, какъ средство оппозиціи... То ли время теперь?

Мы столѣтіемъ отдѣлены отъ него.

И мы и Европа совсѣмъ не тѣ, и мы и Европа стоимъ у какого-то предѣла, и мы и она коснулись черты, которой оканчивается томъ исторіи.

Тогда западные люди не знали еще своей границы, они свой бытъ высококомѣрно принимали за идеалъ всѣхъ народовъ, они соглашались, что въ немъ надобно кое-что почистить, но въ фондѣ никто не сомнѣвался. Гегель видѣлъ въ монархіи на манеръ Прусской, съ ея потсдамской религіей *абсолютную политическую и религіозную форму* государства. А если съ нимъ не были согласны Барбесъ и Гodefруа Кавальякъ, то это потому что они навѣрное знали, что абсолютная форма государственная—это французская республика на манеръ 1793 года, *avec un pouvoir fort!*

Тогда—униженные, забытые Николаемъ, и мы вѣрили въ западный бытъ, и мы тянулись къ нему.

Теперь—Западъ пошатнулся; мы вышли изъ оцѣпненія; мы рвемся куда-то, онъ стремится удержаться на мѣстѣ. Черта

до которой мы дошли значить, что мы кончили ученическое подражаніе, что намъ слѣдуетъ выходить изъ Петровской школы, становится на свои ноги и не твердить больше чужихъ задовъ. Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, на исакиевской площади, въ казематахъ—мы прожили западную исторію, и будто теперь намъ надобно ее повторять оптомъ.

Европа перешла отъ скверныхъ проселковъ къ хорошимъ шоссе, а отъ нихъ къ желѣзнымъ дорогамъ. У насъ и теперь пресѣверные пути сообщенія, — что же намъ сперва дѣлать шоссе, а потомъ желѣзныя дороги? Эта педагогія напоминаетъ мнѣ Гейне, онъ находитъ очень хорошимъ, что въ нѣмецкихъ школахъ преподаютъ Римскую исторію такъ, какъ ее преподавали до Нибура. Иначе, замѣчаетъ онъ, трудно было бы молодому поколѣнію оцѣнить всю заслугу великаго историка, доказавшаго что все то, что ихъ заставляли учить—сущій вздоръ.

IV.

Наши отношенія къ Западу до сихъ поръ были очень похожи на отношенія деревенскаго мальчика къ городской ярмаркѣ. Глаза мальчика разбѣгаются, онъ всѣмъ удивленъ, всему завидуетъ, всего хочетъ отъ сбития и приличной лошади съ золотымъ пятномъ на гривѣ, до отвратительнаго нѣмецкаго картуза и подлой гармоники, замѣнившей бала-лайку. И что за веселье, что за толпа, что за пестрота—качели вертятся, разношники кричатъ, паяцы кричатъ, а выставокъ-то винныхъ, кабаковъ... и мальчикъ почти съ ненавистью вспоминаетъ бѣдныя избушки своей деревни гишину ея луговъ и скуку темнаго, шумящаго бора.

Вслушивался въ толки нашихъ “ученыхъ друзей,” нѣ часто приходило въ голову это сравненіе. Одинъ тоскуетъ отчего у насъ не развилась такая муниципальная жизнь какъ въ Европѣ, отчего у насъ нѣтъ средневѣковыхъ городовъ, съ узкими улицами, по когорымъ ѣздить нельзя, съ уродливыми домами, въ которыхъ жить скверно, съ переулками, копотью и памятниками XIII, XIV столѣтія... Другой не можетъ утѣшиться, что у насъ нѣтъ средняго состоянія въ западномъ смыслѣ—той настойчивой, трудолюбивой буржуазіи, которая такъ упорно боролась съ рыцарями и королями, такъ ловко защищала свои права и пр.

Мы не имѣемъ ничего въ защиту нашихъ уѣздныхъ сель, называемыхъ городами, и сами жалѣемъ, что Николай Павловичъ, который все могъ, не велѣлъ въ нихъ построить древнихъ памятниковъ и узкихъ улицъ. Мы также ничего не имѣемъ въ защиту нашихъ мѣщанъ, отданныхъ въ крѣпость кварталнымъ, и нашихъ купцовъ, пожалованныхъ губернаторамъ. Тѣмъ не меньше остановимся на этомъ примѣрѣ. Неужели “ученые друзья” наши, восхищаясь средневѣковыми зданіями, не замѣчаютъ, что односторонно развивая муниципальная жизнь Европы, сдѣлала страшный разрывъ между сельскими и городскими жителями, и что этотъ антагонизмъ двухъ населеній составляетъ теперь вмѣстѣ съ постояннымъ войскомъ и настойчивой, трудолюбивой буржуазіей—твердѣйшій оплотъ реакціи? Между селомъ и городомъ—вѣка; иныя понятія, другая религія, другія нравы, часто другой языкъ. Сельскія народонаселенія Запада намъ кажутся его резервомъ, народомъ *будущей* Европы, *по ту сторону* городской цивилизаціи и городской черни, по ту сторону прави-

тельствующей буржуазии и по ту сторону утигивающих всё силы страны—столиць.

Бѣдныя массы городовъ, безотраднѣйшія жертвы разрабыванія лучшей жизни для другихъ, врядъ имѣютъ-ли будущность, онѣ изнурены, онѣ нервны, въ ихъ жилахъ большая кровь, унаслѣдованная отъ поколѣній выросшихъ и умершихъ въ нуждѣ, духотѣ, сырости; у нихъ развивается иногда звѣриная хитрость, но не умъ, мѣръ ихъ узокъ, не идетъ далѣе прибыли нѣсколькихъ копѣекъ; они идутъ въ Лаццарони. Люди полей смѣняютъ ихъ. Въ этомъ отсталомъ, но крѣпкомъ мышцами кряжѣ осталась бездна родоначальныхъ силъ, оно въ своей бѣдности и ограниченности не такъ истощало, не такъ обносилось, не такъ покрылось пылью, какъ городской пролетаріатъ и мелкое мѣщанство; оно работало на чистомъ воздухѣ, на солнцѣ и дождѣ. Гордая цивилизація пронеслась мимо деревень, не раскрывая тюковъ своихъ; но минуя сельскаго жителя, она спасла его отъ пошлаго полуобразования и оставила при своей самобытной и простой поэзии въ жизни и одеждѣ, въ рѣчи и пляскѣ, въ то время какъ бѣдный горожанинъ утратилъ все, вытягиваясь для карикатурнаго подражанія аристократамъ.

Житель полей былъ всемъ обойденъ—не для него строились театры и академіи, не для него писались книги, на языкѣ почти незнакомомъ ему, не для него издавались журналы,—ему была оставлена дѣтская поэзія церкви и вмѣсто училища, каѳедры, литературы, онъ былъ покинутымъ на пона-невѣжду, страшавшаго своимъ библейскимъ колдовствомъ. И дѣйствительно сельское населеніе словно замерло на тяжелой работѣ, около убогихъ очаговъ своихъ. Оно не брало страстнаго участія въ политическихъ партіяхъ раздиравшихъ города; оно платило подать, давало солдатъ и вовсе не понимало вопросовъ, которые *никогда* казались такъ просты и въ которыхъ теперь всё перестаютъ что нибудь понимать.

Той необходимости, которая вызвала города и обусловила ихъ необходимость, больше нѣтъ; ту пользу, которую они могли принести—они принесли. Гдѣ теперь та трудность сообщеній, которая заставляла людей не разбѣжаться, найдя выгодное мѣсто, гдѣ опасность феодальныхъ набѣговъ, противъ которыхъ люди лѣпились какъ можно тѣснѣе окружали свои дома оградами, строили заставы и крѣпости? Обстоятельства измѣнились, послѣдній врагъ прострапство—побѣждено. Города продолжаютъ расти на томъ основаніи, на которомъ все живое растетъ, но все живое имѣетъ свой предѣлъ, за которымъ смерть или страданіе.

Мы живемъ въ *городъ городовъ*—въ Лондонѣ. Неужели вы думаете, что такая цельность имѣетъ какую нибудь будущность?

Одна волна населенія за другой прибывалась къ этимъ докамъ вселенной и осѣдала, какъ саранча на падающія крупиды... и вотъ скипѣлась трехмилліонная толпа заражающая воздухъ, заражающая воду, тѣснящаяся, мѣшающая другъ-другу, и сросшаяся въ какіе-то плотные когтуны своими самыми больными частями... взгляните на темные, сырые переулки, на населеніе вросшее на сажень въ землю, отнимающее другъ у друга свѣтъ и землю, кусокъ хлѣба и грязное логовище, посмотрите на эту рѣку, текущую гноемъ и заразой, на эту шапку дыма и вони покрывающую не только городъ, но и его окрестности... и вы думаете, что это останется, что это необходимыя условія цивилизаціи?

Сначала эта безконечность улицъ, эта огромность движенія,

эти пять тысячъ омнибусовъ, снующихъ взадъ и впередъ, эта давка, этотъ оглушающій шумъ поражаетъ насъ удивленіемъ и мы краснѣя признаемся, что въ Москвѣ съ небольшимъ триста тысячъ жителей... но нельзя же остановиться на точкѣ зрѣнія нашего мальчика на ярмаркѣ. Простой человѣческой инстинктъ шепчетъ вамъ: "Тутъ быть бѣдѣ!"

Богатый Лондонъ какъ будто чуя это, разползается, выходитъ самъ изъ себя по всѣмъ подгороднымъ окрестностямъ, и замѣтите, онъ не продолжаетъ пристраиваться, какъ дѣлалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, а кладетъ между собой и этимъ гнилымъ моремъ двѣ нитки желѣзной дороги.

Ну а бѣдный Лондонъ что сдѣлаетъ? Что сдѣлаетъ это выгорѣлое топливо цивилизаціи, этотъ слой мокрицъ, кишачиныхъ въ Бетналъ-Гринъ и въ Вейт-Чапелъ, въ ирландскихъ кварталахъ и въ Ламбетъ? Энергію искать другой судьбы—они давно потеряли, силы пробовать новое счастье—утрачены, они *пошли назадъ*, запуганные не людьми, а гнетущимъ рокомъ, безжалостнымъ и нелицеприятнымъ, они не вѣрятъ въ себя, не вѣрятъ въ лучшую судьбу, у нихъ явилось если не христіанское смиреніе, то смиреніе и покорность отчаянія, иногда только нарушаемое такимъ дикимъ взрывомъ страсти, такимъ страшнымъ преступленіемъ, что волосъ дыбомъ становится... куда же они дѣнутся, — развѣ Темза поможетъ смести ихъ холерой и тифусомъ....

Я останавливаюсь на этомъ, моя цѣль не изслѣдовать что будетъ съ Лондономъ, мнѣ хотѣлось только насторожить нашихъ правовѣрныхъ западниковъ и заставить ихъ остановиться передъ вопросомъ.

— Стало быть въ Россіи все очень хорошо и лучше, чѣмъ въ Европѣ?

— Нѣтъ, не стало.

Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не видите въ чемъ дѣло. Историческія формы западной жизни—въ одно и тоже время будучи *несравненно выше* политическаго устройства Россіи, не соотвѣтствуютъ больше современной нуждѣ, современному пониманью. Это пониманье развилось на Западѣ, но съ той минуты какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ понимающихъ. Западъ носить въ себѣ зародышъ, но желаетъ продолжать свою прежнюю жизнь и дѣлаетъ все чтобы произвести абортивъ. Кто изъ нихъ останется живъ—мать-ли, ребенокъ-ли, или какъ они примирятся, этого мы не знаемъ. Но что мать представляетъ больше воспоминаній, а зародышъ больше надеждъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Въ виду этой борьбы возникаетъ страна, имѣющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ея фасадъ и народный бытъ неразвитый, полудикій, но нисколько не похожій на народный бытъ европейскихъ народовъ. Онъ въ своей маскѣ также мало можетъ идти какъ Европа въ своей кожѣ. Что же ему дѣлать? Слѣдуетъ-ли ему пройти всѣми фазами западной жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися колѣнами, черезъ рѣчки крови—до того же выхода, до той же идеи будущаго устройства и невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа? И притомъ зная впередъ, что все это не въ *самомъ дѣлѣ*, а только для какого-то искусства. Да развѣ вы не видите, что это безумно? Довольно что мы постоянно играемъ въ маневры и представляемъ мирную войну, зачѣмъ же еще представлять прошлую исторію цивилизаціи?

А потому существенный вопросъ въ томъ—*какъ* относится нашъ народный бытъ не къ обмирающимъ формамъ Европы, а къ тому новому идеалу ея будущности, передъ которымъ она поблѣднѣла, какъ передъ головой Медузы!

И—ръ.

ПИСЬМО и ОТВѢТЪ.

I.

Милостивый государь,

Вы такъ терпѣливо и привѣтливо выслушивали нѣсколько разъ многія возраженія на ваши замѣты и статьи, что я не имѣю повода сомнѣваться въ снисходительномъ приѣмѣ и моихъ препровождаемыхъ при семъ замѣчаній. Желаю чтобъ онѣ были для васъ доказательствомъ участія и вниманія, съ которымъ вслушиваются въ вашъ голосъ издалека.

Замѣты мои касаются одного только предмета вашей неутомимой пропаганды — освобожденія крестьянъ. Хочу обратить ваше вниманіе на то, какъ слова, высказываемыя вами, конечно по движенію благороднаго желанія, но не провѣренныя практикою дѣла, являются одностороннею рѣчью запутывающею вопросъ, и непримѣнимостью къ дѣлу, ослабляющею довѣріе къ ней. Необходимо, какъ бы ни были дѣятельны творчество ума и пылъ воображенія, часто справляться и повѣрять каково дѣло въ дѣйствительности, чтобы не впасть невольно въ странныя противорѣчія и ошибки.

1. Вы часто говорите о *русской общинѣ*, разумѣя подъ этимъ именемъ совмѣстное владѣніе крестьянъ землею и волюбовное раздѣленіе труда и пользы по числу тягловъ. Вы не только на нее смотрите какъ на идеаль общественнаго устройства—съ чѣмъ бы еще отчасти можно согласиться—но въ ней вы видите зародышъ будущей Россіи. Пріятно любящему родину передъ людьми, изъяснявшими ей постоянно столько насмѣшливаго презрѣнія, вдругъ ловкою рукою разрисовать ее въ такую неожиданную краску, что они начинаютъ робко переглядываться между собою и потихоньку снимаютъ шляпу... Это — торжество и такое, гдѣ — пожалуй — цѣль освящаетъ средства. Но говорить это самое по русски и Русскимъ, нѣсколько знакомымъ съ дѣломъ, это такая странность, которую я не умѣю иначе объяснить какъ полнѣйшимъ незнаніемъ дѣла, вовлекшимъ въ мечтательныя заблужденія.

Вамъ недостаетъ краснорѣчія цифръ. Не пренебрегайте имъ. Оно часто убѣдительнѣе прочихъ. Многіе изъ вашихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ въ Россіи могли бы доставить вамъ статистическія данныя, полнѣе и точнѣе тѣхъ, по которымъ мы съ вами учились отечественной статистики. Изъ нихъ :

а.) Вы узнали бы какой незначительный процентъ составляетъ число селъ, гдѣ установлено общинное хозяйство, на общее число селъ и деревень восточной Россіи, и подавно на все число селъ всей Россіи.

б.) Вы рассчитали бы на сколько это малое число еще уменьшается почти ежегодно, по мѣрѣ проникновенія въ нѣзреду вліянія иныхъ мѣстностей и болѣе правильныхъ гражданскихъ понятій. Дымъ желѣзной дороги и стукъ фабричныхъ колесъ разрушительно дѣйствуютъ по окрестности на патріархальное учрежденіе общинъ, державшихся силою привычки, которая такъ сильна у русскаго народа, когда она ограждена отъ подрывающихъ ее вліяній чужихъ. Въ этомъ

случаѣ теперь, вопреки вашему слову, одряхлѣвшая, умирающая Европа осиливаетъ молодую, зарождающуюся Россію.

с.) Вы усмотрѣли бы сколько изъ числа существующихъ общинныхъ хозяйствъ держатся принужденіемъ помѣщика, которому очевидно выгоднѣе общее пользованіе землей, и вы невольно заподозрили бы безысключительную правильность такого порядка для крестьянъ, ибо тѣ учрежденія въ земледѣльческомъ бытѣ, гдѣ выгоды помѣщика и крестьянъ соединены, тѣ держатся безъ всякаго насилія.

Наконецъ d.) Вы убѣдились бы, что общинное хозяйство только и встрѣчается въ восточной полосѣ Россіи, что его нѣтъ и быть не можетъ ни въ Малороссіи ни Новороссіи, столь важныхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, ни въ Бѣлороссіи, ни во всемъ западномъ краѣ, что вездѣ, гдѣ только соприкосновененъ южно-русскій элементъ, тамъ даже зерно общины—семейство, является раздробленнымъ, не смотря на бѣдствіе этого положенія для самаго быта крестьянъ. Возросшій сынъ отдѣляется отъ отца, терпитъ бѣдность, усиленную работу, вгоняетъ въ чахотку жену, моритъ дѣтей, теряетъ скотъ, лишь бы владѣть отдѣльнымъ клочкомъ, обособленнымъ хозяйствомъ. Очевидно, здѣсь стремленіе къ индивидуальности разбиваетъ корпораціонную цѣлость.

Примите трудъ собрать объ этомъ хотя поверхностныя справки и вы перестанете ставитъ пашу бѣдную, еле держащуюся общину нѣрмою будущаго гражданскаго устройства Россіи.

2. Вы очень громко требуете освобожденія крестьянъ съ *землею*. Опять сквозь это требованіе просвѣчиваетъ совершенное незнаніе практической стороны вопроса, иначе вы бы отступились отъ него.

Знаете-ли, подозреваете-ли вы, что обязательный выкупъ земли въ пользу освобожденныхъ крестьянъ будетъ выгоднымъ только для помѣщиковъ, угрожая бѣдою крестьянамъ?

Васъ вводитъ въ заблужденіе упорная оппозиція помѣщиковъ противъ этой насильственной мѣры. По ближе, на мѣстѣ разбирая дѣло, видишь, что оппозиція иныхъ движется торгашнымъ расчетомъ набавить при выкупѣ цѣну отстаиваемой земли, у другихъ она происходитъ отъ добродушнѣйшаго непониманія дѣла. Большая же часть оппозируютъ въ сущности самому крестьянскому вопросу, но смиряясь предъ общимъ требованіемъ вѣра, не желая навлечь на себя базарныхъ выходокъ друзей человечества и національныхъ ругательствъ персидскихъ людей, они употребляютъ свою горячность на вопросъ объ отбираемой у нихъ насильно землѣ, гдѣ эта защита имѣетъ свой видъ законности.

Обязательное снабженіе землею освобожденныхъ крестьянъ, сказали мы выше, будетъ несчастіемъ для нихъ съ выгодою только для помѣщиковъ. Доказать это не трудно.

Не будемъ говорить о трудностяхъ самаго дѣла съ финансовой стороны, когда при скудости финансовыхъ способовъ правительства востребуется громадная сумма вознагражденія, которое чтобы быть достойнымъ либеральнаго правительства, необходимо должно быть щедрымъ при насильственномъ отнятіи собственности. Не будемъ спрашивать какимъ образомъ приступать къ дѣлу чтобы совершить въ одинъ и тотъ же моментъ во всѣхъ имѣніяхъ Россіи необходимое измѣреніе удѣляемой земли съ опредѣленіемъ ея количества и качества и съ снятіемъ ея на планъ. Укажемъ только на результаты дѣла.

Въ государствѣ, гдѣ число рукъ чрезвычайно мало въ сравненіи съ количествомъ земли и массою разрабатываемыхъ матеріаловъ, цѣнность труда естественно велика. Освобожденіе рабочаго сословія въ Россіи тѣмъ и благодѣтельно для него, что разрѣшаетъ цѣну, которою оно привязывалось къ данному мѣсту, связывалось въ времени повинностей, дѣлило всю свою жизнь на безвыходные рабочіе сроки. Цѣнность труда его можетъ свободно возрастать по мѣрѣ умножающейся конкуренціи. Ему нечего заботиться объ обезпеченіи себя и семейства — это обезпеченіе въ его трудѣ, который есть цѣнная рѣдкость въ малонаселенной странѣ и которая всѣмъ нужна парасхватъ. У насъ не можетъ бытъ и рѣчи о той круговой поруцѣ остзейскихъ помѣщиковъ, которою они опредѣляютъ цѣну и безвыходное положеніе своему работнику. Предполагать это — значитъ не знать вовсе Россіи. Въ нашемъ разноколиберномъ дворянствѣ нѣтъ ни малѣйшаго единства, единообразія хозяйства и оборотовъ, нѣтъ вовсе *esprit de corps*. Стоитъ указать на одинъ домашній примѣръ. Въ средней помѣстѣ Черниговской губерніи развито сахаровареніе. Болѣе двадцати заводовъ стоятъ не вдалекѣ другъ отъ друга, перерабатывая свеклу, которую доставляютъ имъ окрестные хозяева. Казалось бы что проще заводчикамъ, которые сосѣди и знакомые между собою, въ виду собственной выгоды — согласиться и установить нормальную цѣну покупаемой свеклы; между тѣмъ напротивъ, каждый наперерывъ снѣшить обезпечить свой заводъ пужною ему поставкою. Цѣна свеклы (а также и другимъ заводскимъ припасамъ) возвышалась болѣе и болѣе, удвоилась и наконецъ дошла до того, что многіе заводы не выдержавъ конкуренціи, принуждены были закрыться. Въ несомнѣнной выгодѣ остались одни свеклосѣятели. Тоже выпало бы и на долю свободныхъ рабочихъ.

Вмѣсто этого, вы филантропически привязываете едва освобожденнаго крестьянина опять къ его прежнему мѣсту, только другою веренкою. Что она не очень нѣжна и обмотаетъ плотно — это можно видѣть уже отсель :

а) Выкупъ земли, во всякомъ случаѣ недешевый, падеть всею тяжестью на крестьянъ, ибо они должны будутъ погашать этотъ ссуженный имъ отъ правительства капиталъ посредствомъ работы. Работу же по неволѣ будутъ производить тамъ, гдѣ привязаны осѣдлостью и собственными полями; такимъ образомъ пріобрѣтѣя титулъ свободнаго сословія, мужички будутъ по прежнему пестя ту же барщину, только по другой системѣ, никакъ не понимая въ чемъ состоитъ новостъ ихъ положенія.

б) Ставши должниками правительства, вынужденными къ обязательной и срочной уплатѣ, крестьяне вмѣсто простой и привычной имъ системы барщины, должны будутъ исполнять ту же обязательную работу, по новой расцѣнкѣ и таблицѣ, составленной въ Петербургѣ, чуждой ихъ малограмотности, по которой ихъ сто разъ обесчитаютъ, и будутъ обязаны къ выполненію какихъ-то рабочихъ уроковъ, по которымъ ихъ двѣсти разъ притѣснять. Сверхъ того вмѣсто одного *мытаря* собиравшаго съ нихъ подать работою — помѣщика, они пріобрѣтаютъ двухъ — этого самаго помѣщика и чиновника, которому будутъ вносить проценты за долгъ, такъ что съ одного вола придется сдирать двѣ шкуры.

с.) Выкупаемая для нихъ земля, если будетъ опредѣлена въ большомъ количествѣ, то потребуетъ соотвѣтственно большой

суммы, а за тѣмъ и отъ нихъ еще большей обязательной повинности; если въ количествѣ маломъ, то связавъ крестьянина по рукамъ и ногамъ, она не принесетъ имъ никакой существенной пользы.

д) Многія имѣнія въ Россіи, даже цѣлые уѣзды и губерніи щедро надѣлены отъ природы несчаною и каменистою почвою, на которой хлѣбъ не растетъ. Пригодно будетъ крестьянамъ тѣхъ мѣстъ въ свою очередь бытъ надѣлену тѣмъ же добромъ и увѣковѣчить свой голодъ и нищету.

е) При продолженіи отношеній обязательной (выкупной) повинности явятся неминуемо случаи столкновенія между помѣщикомъ и крестьянами. На первыхъ порахъ надобно полагать, что правительство будетъ разбираться съ равнымъ безпристрастіемъ къ обоимъ. Будетъ поводъ къ безпорядкамъ, и правительство вынуждено будетъ стать на сторонѣ помѣщиковъ съ вразумительною розгою, съ батальономъ штыковъ и слѣдователями въ голубыхъ мундирахъ. До окончанія выкупа обязательныя отношенія будутъ продолжаться, но уже съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ помѣщика и такимъ образомъ крѣпостное состояніе; выгнанное въ дверь, влѣзетъ преспокойно въ окно.

Таковы ваши желанія для крестьянъ. Заботясь о нихъ, вы незамѣтно хлопчете о выгодѣ помѣщиковъ. Помѣщикъ при выкупѣ земли, теряетъ только ту, (и то долею), которою онъ не пользовался, пріобрѣтая за нее хорошія деньги, а главное обезпечивая себя рабочею силою. Опутать же освобождаемаго крестьянина надѣломъ земли, которую ему же нужно выкупить, это — воля ваша — тоже что освободить заключеннаго за долги въ тюрьмѣ, но съ отдачею его въ службу тюремному начальству, впредь до погашенія его долга.

Еще есть третій вопросъ, часто развиваемый вами — это самостоятельное управленіе общины посредствомъ выборныхъ изъ нея. Мнѣ хотѣлось по этому вопросу представить вамъ одну разочаровывающую картину такого управленія, снятую по собственному моему личному наблюденію. Но письмо мое приняло бы слишкомъ большой размѣръ. Надобно пощадить и васъ и себя.

Надѣюсь, Милостивый государь, на ваше безпристрастіе для помѣщенія моего письма и прошу васъ принять увѣреніе и пр.

II.

ОТВѢТЪ.

Милостивый государь,

Мы тѣмъ охотиѣ помѣстили ваше письмо въ *Колоколь*, что оно, безъ особо ученыхъ фразъ, выражаетъ понятія и стремленія доктринаризма, сквозь который ярко просвѣчиваютъ два совпадающія начала: европейской буржуазіи и русскаго помѣщичества. Мы тѣмъ охотиѣ готовы возражать вамъ, что вы весьма просто сосредоточили въ небольшомъ письмѣ понятія крайняго доктринаризма, и потому, возражая вамъ, мы возражаемъ ему.

Европейская буржуазія, развиваясь въ упоръ феодализму, развивалась съ тѣмъ вмѣстѣ и на счетъ народа. Феодализмъ завоевалъ землю и, вопреки вашему мнѣнію, нашель для себя совершенно выгоднымъ разрушить сельскую общину и общинное землевладѣніе, тамъ гдѣ оно было. Земля

осталась завоевателю. Личности из народа, которые были по предприимчивости и по богатству, сплотились в буржуазии, отстояли против феодализма власть капитала и отделились от народа, противопоставив свою власть капитала его нищенству. Отсюда вышли те юридические понятия о собственности, которые на Западе выразились двумя направлениями, сводящимися на одно: на нищенство народа.

Англия признала право земельной собственности только за аристократией; оплодотворение земли совершилось посредством свободного найма. Наем достался капиталистам, т. е. в руки наиболее богатых. Большинство народонаселения осталось не при чем. Оснятив законоположения о собственности в кодексах и ученых комментариях, землевладущая аристократия и богатое меньшинство сказали народу: "мы признаем совершенную свободу приобретения и сохранения собственности и власть закона охранять ее." В экономическом отношении эта свобода мнимая, потому что большинство имеет право, но не имеет возможности на приобретение собственности. Свобода труда, свобода приобретать — оказалась более насмешкою чем правом.

На континенте произошло иное, но подобное. С устранением исключительного права аристократии владеть землею — земля могла приобретаться каждым, уже не как наем, но как собственность. Но земля могла приобретаться от кого? Все же от феодалов завладевших ею. Кто же мог приобрести ее? Тот кто был богаче, кто дороже заплатил за большой или пай, или за клочек земли. Таким образом явилась разом тройная форма землевладения: феодалы — сохранившие, т. е. не продавшие землю, капиталисты — скупившие большое количество земли, и мелкие капиталисты — накупившие клочки земли, впоследствии еще более измельченные правом дробного наследия. Собственно народ, которому феодалы не продали земель, потому что народ был не в состоянии купить их, пошел по миру. Ему также, объявив неприкосновенность собственности, объявили свободу труда, т. е. свободу приобретать, — и тут эта свобода оказалась более насмешкою чем правом. Для большинства, для народа осталась свобода труда с невозможностью приобретения; меньший предел собственности (minimum) для существования народа не был обеспечен. Земля разделилась на личные участки и из всех первоначальных элементов природы в общем владении остался только воздух, более или менее гнилой в городах, более или менее чистый в деревнях. Англия, при сосредоточении землевладения, дошла даже до совершенного отсутствия деревень и существования только городов, которых коренное население — буржуазия, а народ по необходимости составляет приток населения к городским центрам, приток, который волею трудится и приобретает, но средств к приобретению не имеет. Но в Англии буржуазия, освободившись из под феодализма и осудив народ на свободу труда, оставила возле себя место феодализму, признав его исключительное право на землевладение, и таким образом оставило ему почти равносильную власть в государстве. На континенте феодализм распался и буржуазия составила исключительную власть, отстаивающую себя против народа, то примыкая к какому бы то ни было правительству и централизируясь в нем, — так поступает Франция; то, как в Германии оставляя те же феодализма в виде юнкерства, мнимо поддержанного правительствами,

считающими себя феодального происхождения и в которых каждый король хочет представлять первого юнкера в государстве, но все же те же германского феодализма не может выдержать конкуренции с разжившейся буржуазией.* В сущности и в Англии и на континенте власть принадлежит буржуазии, т. е. тому среднему сословию, которое разжившись на счет народа, опрокинуло феодализм, а само отделилось от народа. Феодализм поощрял личную земельную собственность, во-первых потому что он сам заграбив землю, подделил ее между своими членами, признав за каждым право владеть на столько, на сколько кто заграбил, и узаконив право разбоя как право собственности; а во-вторых потому, что продать эту собственность или уступить в пользование тому кто больше даст, было для него выгодным. Те же, которые больше дали, естественно отстаивали право купца на землю против народа, т. е. против всякого общинного землевладения. Таким образом, и при пособии *corpus juris civilis*, образовалось буржуазное право собственности, а европейская наука положила его основанием своей политической экономии.

Очень понятно, что русский помещик, ради собственной эгоистической выгоды, примыкает к европейскому понятию собственности и ставит личную земельную собственность основанием общественного благосостояния. При вопросе об освобождении крестьян что же бы могло быть выгоднее для помещика как личный надель крестьян землею, или проще — продажа помещиком земли не общине, а отдельному лицу по цене добровольно условленной? Помещик продаст бы гораздо дороже землю богатым крестьянам, продаст бы сколько хочет, продаст бы в немногие руки, а остальные батраки стали бы работать из за пол-снопя. А при общинном землевладении — надо дать надель общине, не меньше известного количества на душу, да еще правительство помещику продать в три дороже. Ясно что помещик должен принять европейское право личной земельной собственности за основание своей политической экономии. Гораздо труднее понять у нас людей ученых и безкорыстных, подобно нам, милостивый государь, которые из доктринаризма, из безкорыстного идолопоклонства перед наукой, принимают ту же точку зрения и помогают помещику в порабощении крестьянства. Понятно, что Европа свой быт приняла за науку, а свою науку за правду; нам-то с чего тянуться за ее положениями, нашему народу совершенно чуждыми и враждебными? Не подумайте, чтобы мы порицали науку вообще; мы слишком далеки от этого. Когда наука собирает факты, группирует их и высматривая методу их образования, выводит формулу этой комбинации причин и следствий, — мы принимаем ее с уважением. Но признание факта такой

* Феодализм сохранился в германских учреждениях, но иначе чем в Англии. Прусский король имеет право жаловать дворянство кому вздумается, (*Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten, Berlin 1855, 2 Theil, 9 Titel, § 9*), что уже совершенно подчиняет аристократию королевской власти, но между тем бюргеры не имеют права покупать дворянские земли, разве по особому разрешению короля (*idem § 51*). Взгляд прусского кодекса на народ замечателен тем, что наемные люди везде названы презрительным именем *Gesinde* (холопство), название, которого устыдился даже наш Свод Законов. Сословные права прусские очевидно равны, но английская аристократия при общем уравнении всех иных прав, сохранила только право на землю, не дробимую между детьми и не отчуждаемую даже за долги. Это ставит ее как силу, конечно на гибель народу, и не допускает, чтобы *Ritterthum* под влиянием королевской власти, перешел в *Junkerthum*.

то формы земельной собственности, а не иной, мы не можем назвать ни абсолютной истиной, ни наукой, тѣмъ болѣе, что эта форма собственности слагалась совсѣмъ не сознательно, совсѣмъ не разумно, а вслѣдствіи внѣшнихъ нуждъ, внутреннихъ потребностей и страстей, вслѣдствіи необходимости; объясненіе и формула развитія этой необходимости есть дѣло науки; но сказать чтобы европейское развитіе было сознательно и слѣдственно разумно, (потому что человѣческая разумность состоитъ въ сознательномъ дѣйствіи по плану)—сказать это было бы безуміемъ. Развитіе исторіи Европы разумно какъ все въ природѣ разумно, т. е. каждый шагъ есть слѣдствіе известной комбинаціи причинъ; но оно также мало сознательно какъ то, что три пая кислорода и одинъ сѣры, соединяясь при известныхъ условіяхъ, даютъ сѣрную кислоту. Никто еще не принималъ сѣрной кислоты за абсолютную истину, и мы не видимъ никакой достаточной причины, чтобы фактъ личной, сосредоточенной, или дробной наследственной земельной собственности, какъ она создалась въ Европѣ — принять за истину, за что-то выдуманное человечествомъ сознательно, за что-то достойное служить условіемъ *sine qua non* общественной жизни, за что-то достойное стать основаніемъ науки.

Вы говорите, что мы въ формѣ общиннаго землевладѣнія видимъ не только идеалъ (это вы еще допускаете), но зародышъ будущаго развитія Россіи. Нѣтъ, мы не видимъ идеала, мы видимъ фактъ существующій въ Россіи, фактъ иной нежели въ Европѣ, нежели тотъ, который Европу привелъ къ задыханію, и говоримъ, что этотъ фактъ способенъ къ своеобразному развитію, которое, если ему не помѣшаютъ, можетъ быть гораздо лучше, потому что имѣетъ болѣе данныхъ для мирнаго общественнаго устройства. признавая право каждаго на пользованіе землею, обезпечивая каждому существованіе и вызывая всѣхъ на жизнь, т. е. на движеніе совокупными силами.

Но вы хотите оспорить самый фактъ. Вы говорите, что онъ слишкомъ малозначущъ, что еслибы мы съ вами не такъ плохо учились отечественной статистикѣ, то мы увидѣли бы, что общинное землевладѣніе въ Россіи составляетъ едва замѣтный процентъ. Напрасно вы судите о значеніи факта по его пумерическому объему, и еще напраснѣе дѣлаете совершенно голословное предположеніе о его пумерической незначительности. Мы вамъ очень благодарны, что вы навели насъ на эту тему. Извольте—займитесь цифрами.

Вопросъ о значеніи общиннаго землевладѣнія поднятъ такъ недавно, споры противниковъ и защитниковъ такъ исключительно устремлялись на уясненіе понятія общины вообще, что едвали возможно опредѣлить отношеніе числа общиннаго населенія къ общинному въ Россіи иначе какъ только приблизительно; но все же попытаемся опредѣлить его.

Всѣ государственные и удѣльные крестьяне восточной, сѣверной и средней полосы имперіи сохранила общинную форму землевладѣнія. Также и всѣ помѣщичьи крестьяне тѣхъ же мѣстностей. Къ великорусскимъ крестьянамъ, въ этомъ отношеніи, присоединились Мордва и Татары, и саратовскіе нѣмецкіе колонисты (по свидѣтельству Гаксгаузена принятаго Тенгоборскимъ*). Если въ восточной Россіи, при малопасе-

* Изъ Устава о колонистахъ нельзя однако вывести заключенія, чтобы колонисты гдѣ либо примкнули къ лично-безнаследственной, общинной формѣ землевладѣнія; но Тенгоборскій говоритъ, что въ противность правительственнымъ постановленіямъ, нѣмецкіе колонисты Саратовской губерніи послѣ нѣсколькихъ

ленія и огромномъ количествѣ земли, встрѣчается хозяйство многолѣтнихъ залежей и сроки передѣловъ болѣе раздвинуты. то это не доказываетъ, чтобы землевладѣніе было личное, а не общинное; тутъ разница въ формѣ *земледѣлія*, а не *землевладѣнія*. Мы не понимаемъ, милостивый государь, почему вы полагаете, что въ восточной Россіи общинное хозяйство составляетъ небольшой процентъ. И что вы называете восточной Россіей: Заволжье или Сибирь? Въ Заволжьѣ мы не знаемъ ни одного села, которое существовало бы не на общинномъ правѣ землевладѣнія; разница Заволжья отъ средней Россіи въ количествѣ земли на душу, въ воздѣлываніи пшеницы на поляхъ и въ возможности оставлять залежи на десятки лѣтъ; но права личной наследственной собственности земельныхъ участковъ ни тутъ, ни тамъ не существуетъ вовсе. Даже мы не слышали, чтобы установленное въ 1846 году надѣленіе государственныхъ крестьянъ семейными участками* — на что крестьяне были вызываемы добровольно — имѣло какой нибудь успѣхъ и распространеніе.

Члены комиссій для составленія положенія о крестьянахъ подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, разбирая проекты губернскихъ комитетовъ по вопросу о земельномъ надѣлѣ помѣщичьихъ крестьянъ, очевидно встрѣчаются съ необщиннымъ землевладѣніемъ въ бѣлорусскихъ уѣздахъ витебской губерніи, гдѣ надѣлъ по *дворамъ*; въ ифляндскихъ уѣздахъ той же губерніи, гдѣ надѣлъ по *домохозлевамъ*, и въ полтавской губерніи, гдѣ крестьяне въ иныхъ имѣніяхъ вовсе не имѣютъ надѣла, а работаютъ помѣщику *изъ снопа* † “Существованіе подобныхъ обычаевъ,” говорится въ докладѣ хозяйственнаго отдѣленія, “не сходныхъ съ принятыми вообще въ большей части Россіи основаніями общиннаго владѣнія, не можетъ конечно быть отвергасмо и во всѣхъ нужныхъ случаяхъ должно быть тщательно принимаемо во вниманіе.” По этому хозяйственное отдѣленіе, имѣя въ виду только проекты Минскаго и Витебскаго комитетовъ, находить полезнымъ оставить окончательное разрѣшеніе по вопросу о способѣ надѣла въ этихъ губерніяхъ—“до разсмотрѣнія всѣхъ положеній западныхъ губерній.” Это доказываетъ, что комиссіи для составленія положенія о крестьянахъ, имѣя въ рукахъ огромные статистическіе матеріалы, находятъ отсутствіе общиннаго землевладѣнія только въ губерніяхъ западныхъ, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ были введены инвентари. Слѣдственно сюда относятся губерніи: виленская, витебская, волынская, гродненская, кіевская, ровенская, минская, моголевская и подольская. И то мы не можемъ рѣшить сколько въ Кіевской губерніи необщиннаго и сколько общиннаго населенія. Смоленская губернія, которой статистика такъ прекрасно разработана И. Соловьевымъ, не смотря на большую часть бѣлорусскаго племени, вся существуетъ на правѣ общиннаго землевладѣнія; даже изъ 2489 душъ однодворцевъ, владѣвшихъ *четвертями* — 1156 перешли на способъ общиннаго земледѣлія опыта, ходатайствовали объ измѣненіи правительственныхъ постановленій и дозволеніи имъ принять способъ передѣловъ какъ у русскихъ крестьянъ, находя оный способъ лучшимъ для своего благосостоянія,” что и было имъ дозволено правительствомъ. (Tengoborski, Etudes sur les forces productives de la Russie, T. I, p. 353).

* Сводъ Законовъ изд. 1857 г. Т. XII, Ч. 2, Уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, Разд. I, Гл. V, ст. 104—120.

† Докладъ хозяйственнаго отдѣленія No. 1, при журналѣ общественнаго присутствія комиссій для составленія положеній о крестьянахъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости—N No. 22, 23 и 24.

владѣнія. И такъ вы видите, милостивый государь, что не смотря на ваше голословное увѣреніе что въ Бѣлоруссіи нѣтъ общиннаго землевладѣнія, оно тамъ дѣйствительно существуетъ.

Южно-русскій элементъ, какъ и весь южно-славянскій элементъ, совсѣмъ не такъ чуждъ духу общины, какъ вы полагаете. Если въ западныхъ губерніяхъ вы видѣли, что взрослый сынъ спѣшитъ “отдѣлиться отъ отца, чтобы владѣть отдѣльнымъ клочкомъ, обособленнымъ хозяйствомъ,” — не торопитесь приписывать это явленіе духу необщиннаго землевладѣнія; это явленіе также часто повторяется, и съ той же страстностью — у великорусскихъ, общинныхъ крестьянъ, когда сынъ, желая свободы и самостоятельности, спѣшитъ отдѣлиться отъ отца и завестись обособленнымъ хозяйствомъ, въ ущербъ семейному богатству. Но отъ этого семейнаго раздѣла въ русской общинѣ нисколько не мѣняется форма общиннаго землевладѣнія, и мы отнюдь не въ правѣ, ни тутъ ни тамъ, семейный раздоръ и стремленіе къ самостоятельному домохозяйству приписать такой или иной формѣ землевладѣнія. Если вамъ угодно будетъ по глубже заглянуть въ исторію Малороссіи, и прослѣдить духъ казачества, вы невольно согласитесь, что южно-русскій элементъ очень близокъ къ общинному началу, разрушенному собственно введеніемъ крѣпостнаго права, слѣдственно вліяніемъ панства, помѣщичества, которое совсѣмъ не такъ дружелюбно смотритъ на крестьянскую общину какъ вы думаете. Мы не можемъ принять на слово вашего бездоказательнаго удостовѣренія, что въ Малороссіи и Ново-Россіи нѣтъ и не можетъ быть сельской общины. Почему вы, вызывающіе насъ на цифры, не потрудились собрать хотя нѣсколько положительныхъ данныхъ для подкрѣпленія вашихъ словъ? Мало зная Малороссію, мы дѣйствительно съ большимъ трудомъ должны въ разныхъ документахъ отыскивать кое какъ уясняющую нить.

Изъ “Положенія губернскаго комитета объ улучшеніи быта крестьянъ Харьковской губерніи” усматривается, что тамъ существуетъ общинное землевладѣніе; такимъ образомъ въ § 4 Положенія сказано: “Во время переходнаго состоянія предоставляется крестьянамъ право покупать земли неотведенныя имъ въ *надѣль*, у бывшихъ ихъ помѣщиковъ, съ условіемъ, что купленная земля не поступаетъ въ *общинное управленіе*, а остается собственностью крестьянина, который владѣетъ ею въ хозяйственномъ отношеніи на правахъ вольнаго хлѣбопашца.” — Слѣдственно *обычной формой* крестьянскаго хозяйства Харьковскій комитетъ полагаетъ *надѣль и общинное управленіе*.

Собственно въ Украинѣ мы никакъ не имѣемъ, чтобы опредѣлить отношеніе необщиннаго населенія къ общинному. Что оно не можетъ быть все необщинное, за это ручается *казачество*, составляющее жизненную струю историческаго развитія Малороссіи. За общинность землевладѣнія у казачества намъ ручается *Сводъ Законовъ*. Въ Уставѣ о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ войска донскаго мы находимъ статьи †:

“85. За всякое присвоеніе какой бы то ни было части земли и угодья изъ общественнаго станичнаго довольствія въ исключительное владѣніе лицъ, или уступку оныхъ въ частную

пользу допущенную взыскивается съ той же строгостью какъ за похищеніе казеннаго имущества.

“86. На семъ основаніи, слѣдуя издавна существующему въ войскѣ обыкновенію, обитатели каждой станицы всѣми отведенными въ составъ юрта ихъ землями и угодьями *владѣютъ и довольствуются общественно.*”

Чиновникамъ опредѣляется по чину земельный участокъ болышій — въ *пожизненное владѣніе*, и тутъ новая форма наследственности: сынъ умершаго чиновника сохраняетъ участокъ отца до девятнадцатилѣтняго возраста, дочь до 17 лѣтъ, т. е. до возраста когда сами могутъ пропитаться, а потомъ участокъ опять поступаетъ въ общее войсковое владѣніе. Эта форма введена въ недавнее время для прекращенія захватовъ земли казачьимъ чиновнымъ людомъ, стремившимся образовать *панство* въ ущербъ казачеству. Правительство, сколько по своему обычаю ни мирволитъ чиновничеству, но поступило благоразумно въ духъ народа, въ духъ южно-русскаго элемента и не совсѣмъ обидѣвъ чиновниковъ, все же устранило отдѣльное, наследственное землевладѣніе, — такъ наследственность земли противна общинному духу казачества.

Всѣ остальные казаки владѣютъ землею на тѣхъ же основаніяхъ, по одинакому Уставу. Сюда относятся казаки: Черноморскіе, Оренбургскіе, Повороссійскіе, Кавказскіе линейные, Тобольскіе, Иркутскіе, Енисейскіе и Забайкальскіе.* Къ пѣшимъ забайкальскимъ казакамъ причислены крестьяне, приписанные къ Перчинскимъ горнымъ заводамъ и состоятъ на тѣхъ же правахъ †. Разпространеніе казацкаго элемента отъ Югозапада европейской Россіи до крайнихъ предѣловъ Сибири — заставляетъ насъ сильно сомнѣваться въ совершенной общинности землевладѣнія въ Малороссіи и за Ураломъ. Не смотря на все вліяніе Польши, въ которую католичество занесло феодальныя понятія о собственности и разрушило общинное начало, мы не думаемъ, чтобы это вліяніе произвело такое же дѣйствіе въ Малороссіи, внутренне остающейся и не католической и не феодальной, а казацкой. Что же касается до Сибири, гдѣ изобиліе земли даетъ форму владѣнія на сколько у кого рука хватитъ, — то первоначальное покореніе ея казаками и послѣдующее заселеніе русскими — заставляетъ, не безъ вѣроятія, предполагать, что при умноженіи народонаселенія, скорѣе разовьется форма землевладѣнія общинная чѣмъ иная.

Покаместъ мы не коснемся Сибири; уступимъ въ вашу пользу, милостивый государь, что въ Малороссіи и Новороссіи три четверти населенія владѣютъ землею необщинно и попробуемъ приблизительно опредѣлить отношеніе общиннаго населенія къ необщинному въ европейской Россіи, по цифрамъ послѣдней (десятой) народной переписи, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся.

Изъ крестьянскаго народонаселенія каждой губерніи мы выключили дворовыхъ людей, какъ не относящихся ни къ какой формѣ землевладѣнія, совершенно противъ своей воли. Мы не включили въ нашъ перечень войско, потому что оно также, противъ своей воли, не принадлежитъ ни къ какому землевладѣнію, хотя набрано, или изторгнуто изъ обеихъ категорій. Мы взяли въ расчетъ только ревизскія души, т. е. мужской полъ для избѣжанія огромныхъ цифръ, нисколько не мѣняющихъ отношенія.

* Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи, Я. Соловьева, стр 206.

† Сводъ Законовъ изд. 1857 г., т. XII, ч. II.

* Св. Зак. т. XII, ч. II, Уставъ о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ, ст. 444, 446, 475, 496, 523, 540, 555, 572, 575, 588, 602.

† Idem, ст. 598.

Крестьянское население съобщиннымъ землевладѣніемъ, гдѣ необщинники могутъ найтись только какъ случайное исключеніе. :

Крестьянское население; гдѣ только $\frac{1}{2}$ съ общиннымъ землевладѣніемъ.

Число душъ мужс. пола

Въ губерніяхъ:		Въ губерніяхъ:	
Число душъ мужс. пола.		Число душъ мужс. пола.	
1. Архангельской	100,276	1. Екатеринославской	386,834
1. Астраханской	78,507	2. Полтавской	735,075
3. Владимирской	402,366	3. Черниговской	576,955
4. Вологодской	379,386	4. Херсонской	221,476
5. Воронежской	756,831	5. Въ Бессарабской области	357,959
6. Вятской	830,055	Всего	2,278,299
7. Казанской	611,895	Крестьянское население съ необщи-	
8. Калужской	398,713	нымъ землевладѣніемъ, гдѣ земельная	
9. Костромской	440,708	община можетъ встрѣтиться только какъ	
10. Курской	729,273	случайное исключеніе :	
11. Московской	495,331	Въ губерніяхъ западныхъ	
12. Нижегородской	501,206	(Литовскихъ) :	
13. Новгородской	304,464	1. Виленской	304,940
14. Олонецкой	112,950	2. Витебской	283,024
15. Оренбургской	418,403	3. Вольнской	572,377
16. Орловской	598,039	4. Гродненской	327,992
17. Пензенской	482,908	5. Киевской	637,151
18. Пермской	744,908	6. Ковенской	320,360
19. Псковской	297,164	7. Мясной	377,844
20. Рязанской	568,655	8. Могилевской	315,897
21. С. Петербургской	192,641	9. Подольской	610,972
22. Саратовской	633,818	Всего	3,740,602
23. Самарской	601,399	И такъ къ необщинному крестьян-	
24. Симбирской	460,252	скому населенію относятся :	
25. Смоленской	448,160	$\frac{1}{2}$ Югозападнаго населенія 1,708,732	
26. Ставропольской	85,537	Литовскія губерніи 3,740,602	
27. Тамбовской	735,222	Таарическая губернія (за-	
28. Тверской	575,780	селенная большей частью	
29. Тульской	459,115	Татарами безъ общиннаго ве-	
30. Харьковской	525,671	млевладѣнія) 264,629	
31. Ярославской	372,944	Остзейскія губерніи 679,876	
32. Войско донское	127,232	Всего 6,393,839	
Малороссійскіе Казаки(*)	549,198	Что даетъ отношеніе : 2,36 : 1., т. е.	
Всего	15,091,310	общинниковъ приходится $2\frac{1}{2}$ на одного	

Прибавивъ къ числу необщинниковъ :

Городскихъ жителей	1,847,198	душъ м. п.
Свободныхъ отъ податей	749,039	
Дворянъ и чиновниковъ	752,360	

Всего 3,348,597

Необщинныхъ крестьянъ 6,393,839

Получимъ всего необщиннаго населенія. 9,742,436

и отношеніе къ нему общиннаго = 1,54 : 1, то есть для всего населенія европейской Россіи приходится общинниковъ относительно необщинниковъ трое на двоихъ.

Очень можетъ быть, что въ нашъ расчетъ вкрались ошибки и скорѣе въ вашу пользу, чѣмъ въ нашу. Мы просимъ не только васъ самихъ, если вы имѣете больше положительныхъ свѣдѣній, но и всѣхъ соотечественниковъ, болѣе близкихъ къ дѣлу, поправить наши ошибки. Но мы не думаемъ, чтобы

(*) Подъ малороссійскими казаками таблицы вѣроятно разумѣютъ остальныхъ казаковъ—не донскихъ. Они вписаны вмѣстѣ съ крестьянами, и цифра ихъ для общаго итога крестьянскаго населенія—лишняя; но для сохраненія отношенія общиннаго и не общиннаго населенія намъ оставалось или прибавить ее къ общинному населенію, или выключить изъ необщиннаго.

при поправкахъ вышла большая разница въ цифрѣ отношенія, и съ большимъ вѣроятіемъ можемъ приблизительно считать, что общинныхъ крестьянъ европейской Россіи относительно крестьянъ необщинныхъ вдвое, а относительно всего необщиннаго народонаселенія—вполтора раза больше.

Изъ этого вы легко усмотрите, милостивый государь, что ваше предположеніе—будто общинное хозяйство составляетъ незначительный процентъ на общее число селъ и деревень—должно уступить мѣсто факту, который показываетъ, что общинное населеніе въ Россіи относительно сельскаго населенія, составляетъ около 70%, а въ отношеніи всего народонаселенія около 60%. Замѣтьте также: относительно городского податнаго населенія, общинное сельское составляетъ слишкомъ восемь человѣкъ на одного, что непредубѣжденному смыслу указываетъ на весьма своеобразное развитіе края, гдѣ города уступаютъ въ значеніи селамъ, гдѣ городской народъ составляетъ едва 12%, а собственно буржуазія, т. е. помѣщичество и купечество вмѣстѣ едва 10% сельскаго общиннаго населенія.

Видите-ли, что численно община господствуетъ въ Россіи. Мы могли бы идти далѣе, сосчитать югозападную славянскую общину въ Европѣ, сосчитать общинное населеніе въ другихъ частяхъ свѣта—въ Азіи—и вывести его отношеніе къ общему народонаселенію земнаго шара; но это нумерическое изслѣдованіе намъ мало поможетъ, и еслибы нашлась въ мірѣ только одна небольшая сельская община, а все остальное подчинялось римско-феодалному праву земельной собственности со всѣми мѣстными отгѣнками, — тѣмъ не менѣе вопросъ остался бы тотъ же: если міръ дошелъ до такой формы земельной собственности, изъ которой онъ, задыхаясь, не можетъ выпутаться, то не отыщется-ли въ какой нибудь удивленной сельской общинѣ съ правомъ каждаго на пользованіе землей—новаго основанія инаго развитія, гдѣ собственность можетъ распространиться равномернѣе и иначе обезпечить каждому существованіе и свободу? Это-то право каждаго на пользованіе землей, право, естественно исключющее личную наследственность земельной собственности, это-то право мы и считаемъ зародышемъ будущаго русскаго развитія. Мы не видимъ въ русской общинѣ идеала, что вы допускаете и чего мы не допускаемъ, но видимъ условія общественной жизни, въ которыхъ лежитъ возможность инаго развитія права собственности, экономическихъ отношеній и выборнаго самоуправленія. чѣмъ тѣмъ понятія права, народнаго хозяйства и управленія, съ которыми мы ежедневно, горько сталкиваемся въ латино-германской жизни, которыхъ явленіе наука можетъ и должна объяснить, но которыхъ признать за безусловную истину—наука не въ правѣ. Сами западные экономисты, изъ числа людей искреннихъ, удрученные своей общественной жизнью, остановились передъ понятіемъ общины съ недоумѣніемъ и вопросомъ, не зная что она такое, но зная навѣрное, что на Западѣ развитіе права собственности дошло до уродливаго безумія и невыносимаго гнета. Такъ сдѣлалъ Стюартъ Милль, такъ сдѣлалъ самъ Тенгоборскій, котораго вы не заподозрите въ особенномъ пристрастіи къ общинѣ. Встрѣтясь съ общиннымъ началомъ, нѣкоторые изъ лучшихъ умовъ на Западѣ пришли къ сомнѣнію о непогрѣзительности латино-германской жизни и науки, а не хватили общину по боку доктринерской палицей. Наконецъ саморусское правительство, котораго прусскія симпатіи, не лѣзя заподозрить въ пристрастіи къ русскому обычаю, неволью подчинилось силѣ общиннаго землевладѣнія. Мини-

стерство государственныхъ имуществъ, сколько оно ни уродливо своей бюрократической стороною и ложью безответственнаго чиновничества, учредилось не по нѣмецкой, а по русской мысли; оно хотя и ввело нѣмецкую бюрократію, но подчинилось народному обычаю, и не только сохранило, но узаконило и разпространило и общинное землевладѣніе и общинное самоуправленіе, такъ, что—отнимите бюрократическую сторону—и у васъ останется свободная сельская община. Министерство сдѣлало свое дѣло, оно узаконило общинное начало и это узаконеніе даетъ Киселеву почетное мѣсто въ русской исторіи. Теперь и Киселева нѣтъ во главѣ министерства, и задача его окончена; пора министерству рушиться, оставивъ на жизнь и развитіе узаконенную имъ свободную, сельскую общину.

Но вы, милостивый государь, въ вашемъ письмѣ совершенно забыли о существованіи государственныхъ крестьянъ, у которыхъ община существуетъ не по принужденію, а по признанію правительствомъ обычной формы права и жизни. Вы говорите, что дымъ желѣзныхъ дорогъ и стукъ фабричныхъ колесъ ежегодно рушитъ общину. Но укажите же намъ отъ Петербурга до Москвы—гдѣ, какая сельская община рушилась отъ проведенія желѣзной дороги? На какой фабриктъ въ Россіи вы видѣли работниковъ (не изъ городскихъ жителей, не изъ мѣщанъ—а изъ мужиковъ), которые не принадлежали бы къ близкой или далекой сельской общинѣ, гдѣ за ними осталось право на землю, а они поплы за сотни верстъ на заработокъ на фабрику, потому что общинное начало не мѣшаетъ человѣку двигаться, а только обезнечиваетъ ему, на извѣстныхъ условіяхъ, право на землю, гдѣ, еслибы ему вчужбѣ не повезло, онъ опять найдетъ кровь и хлѣбъ насущный. Двигаться человѣку мѣшала не община, а паспорта, препятствіе, которое при новомъ положеніи о паспортахъ, если не совсѣмъ устраняется, то много облегчается.

Вы съ пренебреженіемъ смотрите на общину какъ на патріархальное учрежденіе; такъ не одни вы, но и многіе называютъ ее. Что вы разумѣете подъ словомъ патріархальное? Родовое? Семейное?—семья съ главою, патріархомъ? Но вѣдь всѣ общества развились изъ патріархальнаго начала. Въ Англіи до сихъ поръ женщина не имѣетъ никакого гражданскаго права на какое либо наслѣдство или имущество; все по закону принадлежитъ мужу, даже приданое жены; все принадлежитъ отцу, родоначальнику или старшему въ семьѣ. Развѣ это не патріархализмъ? Но тутъ патріархализмъ развился по семейно, отдѣльными домами, отдѣльной наслѣдственной собственностью. Патріархализмъ лежитъ и въ основаніи русской общины. Еще теперь мы находимъ въ Сербіи многочисленныя семьи, гдѣ одна семья составляетъ общину въ сотню душъ и собственность принадлежитъ всѣмъ общинно; вѣроятно въ Россіи начало было то же, но одноколѣнность семействъ, родъ—давно исчезъ; осталась только община, патріархализмъ развился въ форму общиннаго землевладѣнія, а движимая собственность осталась семейною, или личною. Разница развитія патріархализма у насъ и на Западѣ въ томъ, что на Западѣ онъ развился въ отдѣльныя семьи съ отдѣльною собственностью движимою и недвижимою, а у насъ онъ развился въ семьи съ отдѣльною собственностію движимою, но съ землевладѣніемъ мірскимъ.

Забывъ про государственныхъ крестьянъ, вы видите общину только у помѣщичьихъ крестьянъ, и забывъ народную

исторію, вы полагаете, что помѣщики насильно держатъ крестьянъ на общинномъ положеніи, потому что помѣщику это выгодно, и вслѣдъ за тѣмъ говорите, что тѣ учрежденія въ земледѣльческомъ быту, гдѣ “выгоды помѣщика и крестьянъ соединены, тѣ держатся безъ всякаго насилія.” Слѣдственно, по вашему же мнѣнію, разъединивъ общину, русскіе помѣщики вошли бы въ положеніе, гдѣ обоимъ сторонамъ выгодно; да еслибъ это было такъ просто, они бы это давно сдѣлали. Мы не видимъ въ чемъ для помѣщика выгодно общинное устройство; мы встрѣчали помѣщиковъ равнодушныхъ къ той или другой формѣ, или стремящихся разрушить общину изъ собственной выгоды; но принуждающихъ къ общинному положенію ради помѣщичьей выгоды—такихъ едва-ли кто встрѣчалъ отъ Архангельска до Одессы и отъ Петербурга до Астрахани. Одно только можетъ быть признано за фактъ, что при обоихъ формахъ землевладѣнія, отношеніе помѣщика къ крестьянину для крестьянина не только невыгодно, но удручительно,—объ этомъ мы не споримъ.

Ваше недоброжелательство къ нашей *бѣдной, еле-державшейся* общинѣ, которая не смотря на ваше мнѣніе въ дѣйствительности и по числу, и по народному складу держится съ упорной силою, это недоброжелательство привело васъ къ крайнему результату доктринаризма—къ освобожденію крестьянъ безъ земли, въ чемъ вы полагаете практическое знаніе вопроса. Доктринаризмъ дѣйствительно любитъ настаивать на своей практичности, и это для насъ еще болѣе подтверждаетъ мысль, что въ то время какъ умѣренный, либеральный доктринаризмъ видитъ идеалъ въ буржуазіи вообще, сдѣлавъ еще шагъ, переходя къ крайнему убѣжденію, доктринаризмъ совпадаетъ съ помѣщичествомъ и требуетъ землевладѣющей буржуазіи, т. е. чтобы земля принадлежала помѣщикамъ; но оставаясь вѣрнымъ своему либеральному происхожденію, доктринаризмъ требуетъ этого во имя блага крестьянъ. Въ этомъ есть какой-то безсознательный кунштштюкъ физиолого-паталогической дѣятельности мозга.

Вамъ кажется, что мы отстаиваемъ идею выкупа, потому что насъ вводитъ въ заблужденіе оппозиція помѣщиковъ, которые притворяются, что хотятъ освобожденія, боясь *базарныхъ выходовъ друзей челоѣчества и національныхъ ругательствъ передавшихъ людей*, но употребляютъ уловку и употребляютъ горячность на вопросъ объ отбираемой у нихъ насильно земли. Изъ этихъ немного сердито сказанныхъ нами словъ, мы съ удовольствіемъ видимъ, что вы не принадлежите ни къ базарнымъ друзьямъ челоѣчества, ни къ передовымъ людямъ, но отстаиваете безземельность крестьянъ на иныхъ основаніяхъ. Но вы ошибаетесь, мы выкупъ отстаиваемъ не изъ оппозиціи помѣщичьей оппозиціи, а потому что въ данную минуту нѣтъ иного способа разрѣшить вопросъ такъ, чтобы крестьяне охотно согласились на рѣшеніе и помѣщики потеряли бы очень не много, и наконецъ такъ, чтобы крестьяне не перевѣшали помѣщиковъ. Можетъ помѣщики при выкупѣ и ничего не потеряютъ, но если не много и потеряютъ, то людямъ, которые такъ восторженно жертвовали своею кровью за отечество въ двѣнадцатомъ году, можно же пожертвовать сколько нибудь изъ своего кармана въ минуту не менѣе важную—созиданія гражданской жизни въ государствѣ. Но вы думаете, что выкупъ будетъ выгоденъ для помѣщиковъ... тѣмъ лучше, мужикъ независтливъ, онъ спокойно предоставитъ эти выгоды помѣщику, лишь бы отдѣлаться отъ

него. Но вы думаете, что выкупъ несчастіе для крестьянъ... Посмотримъ!

Вы говорите, что финансовыя затрудненія тѣмъ болѣе важны, что *либеральное* правительство должно быть *щедрымъ при насильственномъ отнятіи собственности*. Вы приводите въ примѣръ Черниговскую губернію и потому я могу сказать: у васъ въ Малороссіи . . . У васъ въ Малороссіи стыдно вамъ говорить о насильственномъ отнятіи собственности; у васъ еще остались *въ живыхъ* люди, которые помнятъ какъ правительство насильственно отнявъ у крестьянъ землю, раздало и ее и самихъ крестьянъ вамъ помѣщикамъ; а теперь выкупъ не насильственное отнятіе собственности, но скудное возвращеніе собственности ограбленному, поканіе послѣ разбоя. Вы мнѣ скажете, что большинство имѣній перешло уже въ другія руки и что люди, купившіе на свои деньги, не виноваты въ предшествующемъ. Отъ этого-то выкупъ и необходимъ, на основаніи закона, дозволяющаго выкупить первоначальному собственнику, вещь у него украденную и купленную кѣмъ нибудь безъ вѣдома, что она воровская. И въ этомъ отношеніи находится не одна Малороссія, но и вся Россія. Крестьяне это такъ хорошо понимаютъ, что спокойно подчиняются выкупу.

Вы говорите, что въ Россіи цѣнность труда велика, и что освобожденный безъ земли крестьянинъ, развязавшись съ мѣстомъ жительства гдѣ онъ “связывался временемъ повинностей и дѣлилъ всю жизнь на безвыходные рабочіе сроки,” тутъ-то и станетъ благоденствовать . . . Но развѣ вы думаете, что освобожденный безъ земли крестьянинъ не будетъ имѣть никакихъ повинностей? Повинности и онъ бы имѣлъ, но только для несенія ихъ, вмѣсто обезпечивающаго земельного фонда, онъ имѣлъ бы не обезпечивающій *авось* труда. И почему вы думаете, что освобождаясь *съ землею*, крестьянинъ *сохранитъ безвыходные рабочіе сроки*? Да онъ потому и платитъ выкупъ, чтобъ быть свободнымъ отъ барщени; теперь онъ, такъ сказать, напимаетъ у васъ землю, и наемъ вмѣсто денегъ выплачиваетъ барщению, а когда онъ у васъ *купитъ* землю, — какой же ему еще наемъ платить вамъ? Слѣдственно при освобожденіи крестьянъ съ землею о безвыходныхъ рабочихъ срокахъ и помину не будетъ.

Вы говорите, что “цѣнность труда крестьянина можетъ свободно возрастать по мѣрѣ умножающейся конкуренціи. Если разсматривать конкуренцію съ точки зрѣнія откуповъ, аукціоновъ, или даже свеклосѣятелей черниговской губерніи, о которыхъ вы упоминаете, т. е. по вопросу: кто больше дастъ? — конечно работникъ выиграетъ. Но конкуренція имѣетъ и обратный вопросъ: кто меньше возметъ? Тутъ работникъ проиграетъ. На какой же изъ этихъ вопросовъ будетъ дѣйствительно отвѣчать безземельный и бездомный крестьянинъ? Вы говорите, что рѣдкость рукъ для труда возвыситъ цѣнность труда. Но послѣ освобожденія крестьянъ рукъ будетъ не меньше. Почему же вы думаете, что отнявъ землю у крестьянина, вы станете ему платить дороже? Безобезпеченность жизни заставитъ его отвѣчать на вопросъ: кто меньше возметъ, — и для этого никакой стачки со стороны помѣщиковъ не нужно, сила нужды пуститъ конкуренцію для работника по минусу, а не по плюсу. Вы приводите въ примѣръ свеклосѣятелей, но вѣдь ваши свеклосѣятели оттого и выиграли, что они сѣяли свеклу на своей землѣ, и конкуренція у нихъ шла по вопросу кто больше дастъ. А еслибъ

таже земля принадлежала помѣщикамъ и они нанимали бы бездомныхъ работниковъ, конкуренція измѣнила бы направленіе и помѣщики нанимали бы тѣхъ, кто меньше возметъ. Остзейскіе помѣщики, безъ всякой стачки — стачка была у нихъ нѣмецкою роскошью — по естественному ходу дѣла могли понизить цѣну работъ: для этого никакой стачки не нужно. Тотъ, у кого ничего нѣтъ, пойдетъ работать дешевле, чѣмъ тотъ у кого естъ какое нибудь средство жить. Примѣръ свеклосѣятелей говоритъ гораздо больше противъ васъ, чѣмъ въ пользу вашего мнѣнія. По этому мы не “*филантропически привязываемъ крестьянина къ прежнему мѣсту*”, освобождая его съ землею, но даемъ ему изъ любви къ народу и истинѣ, то обезпечивающее его право на пользованіе участкомъ земли, при которомъ онъ воленъ идти работать хоть за тридевять земель, но не пойдетъ работать за даромъ. а выждетъ: *кто больше дастъ*.

Противъ послѣдующихъ вашихъ положеній мы можемъ возразить:

а) Крестьянинъ, при выкупѣ, будетъ выплачивать не ссуженный ему правительствомъ капиталъ, а по выданному имъ за поручительствомъ правительства, обязательству, равному цѣнности купленной имъ земли, и купленной не по дорогой, а по настоящей цѣнѣ. Это обязательство нисколько не мѣшаетъ ему ѣхать торговать или работать хоть въ Лондонъ, и все таки имѣть свой участокъ земли хоть въ бузулуцкомъ уѣздѣ, отдавать его въ наемъ если захочетъ, или вовсе уступить его общинѣ, которая имъ воспользуется и станетъ за него выплачивать по обязательству; это ему не мѣшаетъ даже вовсе выписаться изъ общины и пойти хоть въ матросы; въ первомъ случаѣ, т. е. простаго отъѣзда на заработокъ, онъ свой участокъ, если не отдастъ въ наймы, то можетъ временно уступить общинѣ, не отказываясь отъ него окончательно; во второмъ случаѣ, т. е. выписываясь изъ общины, онъ предоставляетъ ей право на свой участокъ навсегда, и община платитъ по обязательству, потому что обязательство цѣнностью соотвѣтствуетъ участку, потому что не въ выбывшемъ крестьянинѣ дѣло, онъ не за свое лицо платитъ, — оплачивается земля. Такимъ образомъ въ извѣстной мѣстности 10 душъ на 100 десятинахъ заплатятъ столько же сколько 20 душъ на 100 десятинахъ, и если 5 человекъ выбудутъ изъ общины, остальные 15 охотно будутъ платить ихъ пай платежа, получивъ ихъ земельные участки. Отъ этого облигаціи не будутъ относиться къ каждому крестьянину, но къ общинѣ, что сверхъ того дастъ выгоду большихъ облигацій, а не мелкихъ. Если же вы подумаете, что облигаціи, хотя номинально и выданы отъ правительства, но въ сущности суть облигаціи за круговой порукой общины, круговой порукой народа, — вы возымѣете нѣкоторое уваженіе къ круговой поруки и къ общинѣ. Это уваженіе къ круговой поруки — вообще у доктринаризма является только въ вопросѣ взаимнаго застрахованія отъ пожаровъ у крестьянъ, и кончается съ этимъ вопросомъ. Но если вы взглянете, что, при выкупѣ, общины выдаютъ облигаціи на свою собственность, вы увидите, что съ развитіемъ общины, она будетъ выдавать за круговой порукой облигаціи на свои произведенія, вы увидите, что на этомъ основаніи есть возможность развитія кредита, гдѣ денежный знакъ дѣйствительно обезпеченъ наличностью товара, а не голословной отвѣтственностью правительства и банковъ,

которая именно по своей голословности, довела биржевую игру до уродливаго развитія, или по просту—до мошенничества.

Не знаю удовлетворительно-ли я вамъ доказалъ, что крестьянинъ не пришить къ землѣ, отъ того что имѣеть свой пай въ общинной землѣ и что онъ можетъ идти куда хочетъ на заработокъ. Еще въ доказательство того же я замѣчу, что государственные крестьяне всѣ пользуются землею и ходятъ на заработокъ. Наконецъ вы сами, Милостивый Государь, вѣроятно имѣете помѣстье, землю, домъ; это однако вамъ не мѣшаетъ ѣхать хотя бы въ Гогенцолернъ Зигмарингенское герцогство, если вамъ хочется. Однако, если у васъ есть долги, можетъ случиться, что кредиторы васъ не выпустятъ. Точно такъ и крестьянинъ, если за нимъ никакихъ мірскихъ платежей нѣтъ—иди куда хочетъ; а иной разъ еще міръ, не какъ слишкомъ строгій кредиторъ, отпустить не смотря на долгъ, въ увѣренности, что крестьянинъ заработаетъ и заплатитъ. Почему же вы думаете, что вамъ нужна земля, для того, чтобъ ѣхать въ Зигмарингенъ, а крестьянину для того чтобъ куда бы то ни было ѣхать—не нужно? Почему вы думаете, что имѣя меньше земли чѣмъ вы и больше нужды въ трудѣ, онъ не уйдетъ куда ему надобно? Если же вы такъ убѣждены, что привязанность къ дому вредъ, что трудъ только тогда хорошъ, когда у человѣка нѣтъ ни кола ни двора,—будьте же послѣдовательны: продайте помѣстье, не оставляйте вашему сыну ни кола ни двора, для того, чтобъ его трудъ былъ великъ и цѣненъ. Не можете же вы не признать, при малѣйшей логической послѣдовательности, что то, что хорошо для вашего сына, не можетъ быть худо для крестьянскаго сына. И такъ, какая бы форма землевладѣнія ни была, общинная или отдѣльная, но не признать право крестьянъ на землю вы не имѣете права. Общинное землевладѣніе имѣетъ тутъ только то преимущество, что внѣ его равное право каждаго на землю не можетъ быть сохранено.

б) Вы думаете, что когда крестьяне станутъ платить проценты съ погашеніемъ по облигаціямъ, то они очутятся разомъ въ двухъ лапахъ: въ лапѣ грабящаго помѣщика и въ лапѣ грабящаго чиновника. Вы ошибаетесь. Власть помѣщика будетъ совершенно устранена; иныхъ отношеній кромѣ условій словесныхъ или письменныхъ по найму на работу—между крестьяниномъ и помѣщикомъ не должно и не можетъ быть. Что касается до власти чиновника, то посмотрите: при одной мысли о выкупѣ—правительство приходитъ къ необходимости учредить словесный, гласный судъ и произвести большія перемѣны въ администраціи. Опасеніе ваше и съ этой стороны напрасно.

с) На счетъ заботы о количествѣ земли, я вамъ только замѣчу, что комиссіи подъ предсѣдательствомъ Ростовцева рѣшили оставить крестьянамъ тотъ надѣлъ, которымъ они теперь пользуются, и сумма процентовъ съ погашеніемъ по облигаціямъ не будетъ превышать стоимости труда или оброка, какія теперь крестьяне отбываютъ помѣщикамъ, и не будетъ ни въ какомъ случаѣ превышать податей, которыми обложены государственные крестьяне.

д) Не бойтесь за дурно-земельныя и много-заселенныя общины. Выселки лично и артелями будутъ дозволены; увѣковѣченія писемъ не можетъ быть, при надѣленіи крестьянъ землею, и при свободѣ приближаться къ географическому равновѣсію народонаселенія.

е) Для споровъ будутъ установлены мировые и третейскіе суды и до розги тѣмъ менѣе дойдетъ дѣло, что обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику продолжатся не до окончанія выкупа, какъ вы думаете, а до выдачи облигацій, и крѣпостное состояніе, вышедъ прѣспокойно въ дверь, никогда не воротится въ окно, какъ бы помѣщики широко его и растворяли.

Такимъ образомъ вы видите, что, заботясь о выгодахъ крестьянъ, и нисколько не желая раззоренія помѣщиковъ, мы очень рады, если изъ вашихъ словъ, въ которыхъ есть впрочемъ какой-то топъ боязни, будто не такъ легко будетъ нанять крестьянина обезпеченнаго землею, чѣмъ бездомнаго,—если изъ вашихъ словъ, при выкупѣ, помѣщики будутъ обезпечены капиталомъ и *рабочею силою*; но мы съ тѣмъ вмѣстѣ еще болѣе рады, что крестьяне, обезпеченные землею, не понесутъ своихъ рабочихъ силъ даромъ въ руки грабежа и насилія, и что выйдя изъ тюрьмы, они не пойдутъ на службу тюремному начальству, а останутся самостоятельными домохозяевами и соучастниками въ пользованіи землею.

Вы говорите, что вы видѣли лично примѣръ дурнаго самоуправленія общины; очень можетъ быть. Я видѣлъ примѣръ хорошаго. Вы можетъ видѣли примѣръ хорошаго управленія помѣщичьяго? Я видѣлъ примѣры отвратительнаго. Повѣрьте, что не въ этихъ примѣрахъ дѣло, а въ принципѣ, въ томъ основаніи, изъ котораго вытекаетъ право каждаго на землю и право гражданства для цѣлаго народа.

Подумайте объ этомъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и пр.

Н. Огаревъ.

—
“PAS DE REVERIES!” ведущее къ FAUX PAS!

Право лучше было бы государю сидѣть въ Петербургѣ, ѣздить на охоту, ѣздить въ Царское село, пожалуй въ самое большое изъ нихъ—въ Москву, а не “обтекать яко солнце своего государства.” Югозападъ рѣшительно слишкомъ раздражителенъ сѣвернымъ нервамъ. У насъ передъ глазами съ десятокъ газетъ и еще больше писемъ, описывающихъ послѣднее путешествіе. Досадно читать.

Въ Каменцѣ-Подольскомъ дворяне подають адресъ, просятъ вздоръ; какихъ-то новыхъ *свободъ* католическому *рабству*, просятъ и дѣло—возвращеніе польскаго языка, выборовъ. За все за это не за что сердится, все это не похоже на бунтъ. Но государь разобидѣлъ дворянъ, говорить что онъ не любитъ такія *замашки*. Для чего это? Онъ обижается, не можетъ вынести, что его никто не принимаетъ за злаго человѣка. Странное самолюбіе!

Отецъ Фридриха II совсѣмъ напротивъ, до того ненавидѣлъ, что его боялись, что всгрѣтивъ разгуляя въ Потсдамѣ Евреевъ, спрятавшихся отъ него за дерево, онъ бросился на нихъ съ своей державной палкой. — “За чѣмъ бестіи спрятались?” Несчастные Евреи просили прошенія и говорили, что спрятались отъ испуга. — “Такъ вы боитесь меня? — Хорошо,” сказалъ Фридрихъ Вильгельмъ, и принялся имъ отпускать палочные удары, приговаривая — “любить, разбойники, любить должны вы меня, а не бояться!” Какіе у царей бывають разные вкусы, только жаль, что средства почти одинакія.

Въ Варшавѣ Евреевъ хотѣвшихъ видѣть государя, заперли гдѣ-то обманомъ. А тѣ просто ничего не хотѣли просить, а

желали только поблагодарить его. Скажут, что государь въ этомъ не виноватъ. Нѣтъ, виноватъ,—зачѣмъ герой великой ретирады, не регистрируется изъ Варшавы, зачѣмъ присутствіемъ Муханова въ польскомъ министерствѣ, продолжается николаевская обида благородному польскому народу?

Въ Харьковѣ — спичь къ студентамъ. Послѣ известной харьковской исторіи, въ которой Зиновьевъ-братъ погубилъ нѣсколько молодыхъ людей, двое студентовъ, зная въ какомъ искаженномъ видѣ дѣло было представлено, написали къ государю письма, разумѣется не подписавшись, и послали ихъ по почтѣ. Недогадѣла-ли тайная полиція, или нарочно отдала, но письма дошли. И вотъ Александръ Николаевичъ говоритъ въ своемъ спичѣ: “Подло скрывать свое имя, всякій кто правъ, можетъ открыто искать справедливости; прежде я былъ доволенъ студентами, а теперь нѣтъ; попечитель и профессора должны будутъ отвѣчать мнѣ за поведеніе студентовъ.”

Слышите, “всякій кто правъ”! Это мнѣ напомнило уже не курфюрста бранденбургскаго, а 1794 годъ, именно какъ Дантонъ въ последнее свиданіе съ Робеспьеромъ, требовалъ ограниченія революціоннаго суда, говоря, что правый и виноватый его грешатъ... Робеспьеръ перебилъ его словами — “Развѣ хоть одинъ правый былъ обвиненъ?” — Дантонъ раскрылъ ротъ, этого онъ никакъ не ожидалъ!

Въ заключеніе государь сдѣлалъ замѣчаніе о “необходимости соблюденія университетской формы.” Въ одесскомъ Лицеѣ онъ замѣтилъ неоднобразность воротниковъ, потомъ безобразность воротничковъ, выставленныхъ однимъ офицеромъ. Въ Харьковѣ, Кіевѣ тоже. Не хорошо, право не хорошо! Бывало отъ Николая, отъ Михайла Павловича и не ждешь ничего другаго. — Экъ эта фельдфебельская немочь какъ взошла въ кровь нашей царской фамиліи; болѣзнь эта не русская, а пришла къ намъ, какъ красные тараканы изъ Пруссіи. Хоть бы новое-то поколѣніе спасти.

Вотъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ подумалъ бы теперь, какъ изцѣлится отъ нѣмецкой болѣзни наслѣдника и другихъ великихъ князей. Нельзя-ли имъ какъ нибудь маленькимъ прививать — пуговку, или выпушку, чтобъ припадки были слабѣе у взрослыхъ. А на счетъ бороды это еще легче, можно камеръ-лакеямъ, камеръ-герамъ, или другой прислугѣ привязывать раза два въ недѣлю бороду и водить мимо дѣтей—глазъ привыкнетъ.

Сверхъ оскорбительной грубости подобныя замѣчанія о формѣ, они могутъ имѣть и другое неудобство, какъ бы сосредоточивая свои силы и вниманіе на пустомъ, не пропустить сквозь пальцы—исторію.

Метернихъ взойдя разъ съ докладомъ къ австрійскому императору, нынѣ уволенному отъ дѣлъ, засталъ его съ величайшимъ вниманіемъ углубленнаго въ тетрадь. Удивленный министръ остановился въ дверяхъ, мертвая тишина продолжалась. Вдругъ императоръ поспѣшно захлопнулъ тетрадь и съ восторгомъ сказалъ Метерниху: “Beide auf ein mohl!” Онъ дѣйствительно очень удачно поймалъ листами двѣ мухи, прогуливавшіяся по тетради. Жаль только, что Австрію упустилъ!....

И—ръ.

НАРОДНОЕ ВОЗСТАНИЕ, НАРОДНОЕ УСМИРЕНІЕ И РОЗГИ

Новгородскою Удѣльною Конторою предписано было Змѣйскому Отдѣленію Приказа отобрать отъ крестьянъ, ему подвѣдомственныхъ мірскіе проговоры о способѣ обработки общественной запашки, но крестьяне отъ составленія приговоровъ отказались. Для приведенія ихъ въ повиновеніе и командированъ Брикнеръ, бывший прежде окружный начальникъ пахатныхъ солдатъ и знающій какъ планъ губернатора, такъ нравъ и свойство неповинующихся.

Господину Начальнику Новгородской губернии,
Новгородскаго полицмейстера

Репортъ.

“Въ исполненіе предписанія вашего превосходительства, за No. 3,899, полученнаго въ первомъ часу по полуночи 9 Апрѣля, я отправился въ село Змѣйское, взявъ съ собою конверты отъ генералъ-маіора Шведса къ вѣрнымъ ему резервнымъ баталліонамъ, для вѣрнаго и успѣшнаго имъ доставленія.

“Прибывъ въ Трубицино, я вручилъ конвертъ командиру резервнаго баталліона короля неаполитанскаго полка полковнику Шебашеву, который тотчасъ же самъ лично поѣхалъ въ 13^ю роту, для того, чтобы успѣшнѣе направить опую въ село Змѣйское.

“Прибывъ въ село Котовицы для перемѣны лошадей, я попросилъ самаго хозяина везти меня, рассчитывая, что его разскажутъ въ Змѣйскѣ болѣе повѣрять; дорогою же старался вести разговоръ такъ, чтобы онъ меня спросилъ о причинѣ моей ночной поѣздки. Ему я сказалъ истину и притомъ выразилъ, какъ мнѣ тяжело будетъ быть строгимъ, въ случаѣ неповиновенія крестьянъ, и какого онъ мнѣнія? Онъ отвѣчалъ, какъ и прежде, уклончиво, но прибавилъ, что вечеромъ они твердо отказались отъ подписки приговора. По отъѣздѣ отъ дома командира л.-гвар. уланскаго е. п. в. полка, гдѣ я гакже отдалъ конвертъ вашего превосходительства, везшій меня спросилъ: не требую-ли я солдатъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, остался доволенъ, увѣряя, что если только эга вѣсь пройдетъ, всѣ будутъ послушными. Изъ окольной деревни Дубовицъ я взялъ съ собою честнаго и вѣрнаго человека, бывшаго Голову Павла Васильева, чтобы онъ могъ быть свидѣтелемъ всѣхъ моихъ дѣйствій. Отъ него я узналъ что крестьяне воображаютъ что если они не подпишутъ приговора объ общественной запашкѣ, то ся и не будетъ, а станутъ опять собирать въ магазинъ хлѣбъ, какъ во времена округовъ и потому онъ никакого мнѣнія имѣть не можетъ, а полагаетъ, что если начальство все объяснитъ съ теперешнею обстановкою, т. е. съ эскадрономъ на одномъ флангѣ деревни и ротою на другомъ; то вѣрно крестьяне селеній Змѣйска и Луссы будутъ покорны, а по примѣру ихъ и послѣдуютъ всѣ остальные деревни. Пробѣзжая деревню Луссу въ 6^{мъ} часу утра, гдѣ народъ разчищалъ дорогу предъ домами, крестьяне узнавъ меня, кланялись привѣтливо, но сейчасъ сходились кучками поговорить между собою.

“Въ с. Змѣйскомъ встрѣтилъ меня Голова Осдоръ и писарь Михайловъ, съ словами: слава богу, что вы пріѣхали, теперь все будетъ хорошо. Здѣсь я разбудилъ управляющаго конторою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Флессера и представилъ члену департамента удѣловъ, дѣйствительному статскому сов. Неслюдову, который прочитавъ письмо вашего превосходительства, принятое мною отъ старосты села Котовицъ для

доставленія), объявилъ мнѣ, что онъ попробуетъ еще лично поговорить съ хозяевами и властію Удѣльнаго Начальства какъ распорядиться; между тѣмъ просилъ ускорить прибытіе войскъ. Для сего я поѣхалъ по дорогѣ къ Софійскому баталіону, встрѣтилъ въ селѣ Змѣйскѣ толпу народа, идущаго на сходку съ священникомъ и старшинами и спросилъ ихъ: добрые-ли они или худые дѣти: священникъ началъ ихъ хвалить но люди хранили безмолвіе. Тутъ я имъ объявилъ, что теперь съ ними говорю, какъ со старыми сосѣдями и сослуживцами, но когда возвращусь, то уже буду дѣйствовать какъ посланный начальникомъ губерніи, облеченный особенною властію, потому совѣтую и прошу, хотя ради меня, дѣло покончить до моего возвращенія; ибо въ такихъ случаяхъ легко можетъ пострадать и невинный, а виноватый остаться въ сторонѣ, а потому совѣтую каждому жить своимъ умомъ и думать только о себѣ, а если они со временемъ убѣдятся, что имъ общественная запашка невыгодна, то могутъ законнымъ порядкомъ просить начальство и г. министра, которые даже самъ лично это не можетъ измѣнить безъ высочайшаго разрѣшенія, такъ какъ постановленія объ общественныхъ запашкахъ введены въ сводъ законовъ и если для милліона удѣльныхъ крестьянъ они признаны хорошими, то безъ сомнѣнія тоже будетъ и для нихъ.

“Въ 2½ верст. отъ с. Змѣйска я нашелъ роту софійскаго резервнаго баталіона, ждавшую моего прибытія и заготовившую *возъ розогъ* для предполагаемой экзекуціи. Приказавъ отправить розги съ 6ю человекѣми солдатъ въ с. Змѣйское. ротѣ я приказалъ приблизиться къ с. Змѣйску и стать влѣво на холмѣ, такъ чтобы вся деревня, въ которой состояю болѣе ста дворовъ могла ясно ее замѣтить, а самъ поѣхалъ далѣе въ деревню бывшаго моего округа: въ с. Шевелевѣ вся деревня была въ сборѣ и узнавъ меня еще издалека, крестьяне сняли шапки, перескочили канаву и привѣтливо кланяясь, остановили меня; на спросъ же мой зачѣмъ они въ сборѣ, стали мнѣ рассказывать свое затрудненіе и просить совѣта. Когда было мною имъ объяснено тоже что и людямъ въ с. Змѣйскѣ, тогда крестьяне пустились въ разныя сужденія о хозяйственныхъ затрудненіяхъ, возникающихъ отъ запашки. Ничтожность коихъ мнѣ удалось опровергнуть; за тѣмъ они высказали мнѣ, что полагали не подписывать приговора въ томъ убѣжденіи, что черезъ эту подписку потеряютъ право просить на будущее время объ избавленіи отъ общественной запашки.

“Въ селѣ Вилегахъ и Городкѣ встрѣтили меня люди въ меньшемъ числѣ, но также привѣтливо и радушно, какъ и въ Шевелевѣ и разговоръ съ ними тотъ же.

“Возвратясь въ село Змѣйское и найдя роту стоящую на указанномъ мною мѣстѣ, я снова явился къ д. с. с. Неклюдову, который объявилъ мнѣ, что крестьяне во всемъ повинились и пополнили требованіе начальства и что ему нѣтъ болѣе надобности въ войскѣ. Въ это же время прибылъ эскадронъ лейбъ-гвар. уланскаго е. и. в. полка, а вслѣдъ за тѣмъ стала собираться капральствами 13ая рота короля неаполитанскаго полка. Военская команда, за деньги полученныя отъ д. с. с. Неклюдова, *выпивъ по чаркѣ вина за здоровье царя*, возвратилась тутъ же на свои квартиры. О чемъ вашему превосходительству всепочтительнѣйше честь имѣю довести.

Полицмейстеръ—маіоръ *Брикнеръ*.

№. 317.

10 Апрѣля 1858 года.

— *Губернаторъ представляя министру внутреннихъ дѣлъ копию съ этого донесенія, прибавляетъ, что за изъявленіемъ покорности крестьянъ, войска не удалось употребить въ дѣло, а потому хозяйственнымъ распоряженіемъ болѣе другихъ виновные, а также и каждый пятый человекъ для примѣра были наказаны, чѣмъ и водворено спокойствіе!!*

С М Ъ С Ъ.

— *Изъ 375 молодыхъ людей, державшихъ экзаменъ для поступленія въ Петербургскій Университетъ, приняты 73 человека. Что это? Просто безуміе и глупость, или лезуитскій планъ, имѣющій цѣлью исподтишка возвратиться, въ педантскомъ костюмѣ, къ тупой, но откровенной николаевской войнѣ противъ университетовъ? Кто экзаменуетъ. жандармы или профессора? и кто этотъ Продъ, выдумавшій лицемѣрную методу — избіеніе отроковъ, Ковалевскій-ли, доктринеръ-ли какой, или Липранди, подавшій проэктъ объ учрежденіи Академіи шпіоства. Не приматься-ли и за него?**

— *Кіево-печерскіе подвижники.* — Нынѣшнимъ лѣтомъ, 14 Юля, прапорщики 4го сапернаго баталіона, стоящаго въ Кіевѣ, Нелидовъ и Соллогубъ, купаясь въ Днѣпрѣ (исдалеко отъ Печерска, близъ бараконъ т. е. сапернаго лагеря), стали тонуть. Пока находившіеся на берегу безуспѣшно старались подать имъ помощь, поручикъ Ноздрѣвъ поѣхалъ къ монахамъ находившагося вблизи монастырскаго сада и сталъ просить у нихъ невода, надѣясь еще спасти утонувшихъ. Монахи видя, что дѣло къ спѣху потребовали за неводъ сто руб. сер., а такъ какъ денегъ у г. Ноздрѣва не было, то не смотря на всѣ просьбы, угрозы и обѣщанія, они невода и не дали. Товарищи утонувшихъ жаловались духовному начальству, но оно оставило жалобу безъ всякихъ послѣдствій. Потомъ они хотѣли помѣстить маленькую, скромную статейку по этому поводу въ *Кіевскомъ Телеграфѣ*, въ надеждѣ путемъ даже нашей безгласной гласности достигнуть того, чего не могли достигнуть путемъ *законнымъ*; но редакторъ рѣшительно отказался печатать подобныя вещи. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Преподобни ангели и архангели, молитесь бога о насъ!

— *Таможенное управленіе Пашкова.* — Не смотря на блистательныя реформы, о которыхъ столько говорятъ, варяжская система *кормленія* въ примѣненіи къ государственному управленію все еще въ Россіи находится въ полной своей силѣ. Доказательствомъ тому служить, между прочимъ, и управленіе таможенными Пашкова и его пріятелей, которымъ онъ добылъ у себя мѣста. Примѣромъ нечестныхъ распоряженій таможеннаго паши можетъ служить слѣдующее распоряженіе, которому недавно подверглось несчастное купечество царства польскаго, и безъ этого притѣсняемое уже безчеловѣчно своими мстными нашими: Горчаковымъ, Мухановымъ, Ленскимъ, Янишевскимъ, Непокойчицкимъ и т. п.

* Сей часъ узнали мы, что подобныя варварскіе приемы студентовъ были въ Московскомъ Университетѣ.

Подъ управленіемъ этихъ представителей средневѣковыхъ идей и варварства, виѣшняя торговля Польши получила особенный характеръ, отличающій ее отъ такой же торговли другихъ государствъ. Лишенные почти всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ купцы занимались торговлею только тогда, когда не имѣли значительнаго состоянія; и, составивъ себѣ маленькій капиталъ, оставляли торговлю и переходили въ другія сословія; отъ этого почти вся виѣшняя торговля Польши находилась въ рукахъ людей съ весьма ничтожными средствами. Неимѣя кредитныхъ связей съ иностранцами и не пользуясь кредитомъ въ польскомъ банкѣ, который открываетъ свои сокровища только тѣмъ, кои менѣе всѣхъ нуждаются въ его пособіи,—купцы принуждены скитаться по бреславльскимъ, лейпцигскимъ и другимъ ярмаркамъ; а какъ эти ярмарки бывають только въ извѣстное время года, то они находятся обыкновенно въ необходимости покупать на послѣднія деньги товары, которыхъ въ ихъ лавкахъ находится еще достаточное количество. Такія мѣстные условія виѣшной торговли были причиною того, что 431 статья таможеннаго устава позволяла купцамъ держать товары безъ очистки пошлиною въ варшавской складочной таможенѣ въ продолженіи 8 мѣсяцевъ; по мѣрѣ же продажи тѣхъ товаровъ, которые находились въ ихъ лавкахъ, купцы, выручая наличныя деньги, очищали пошлиною товары, привезенные ими въ складочную таможену, и этимъ поддерживали свое финансовое равновѣсіе. Но въ концѣ Сентября мѣсяца Пашковъ послалъ въ Варшаву чиновника Вилькина. Касторъ Вилькинъ, желая сдѣлаться современнымъ реформаторомъ и оставить навсегда слѣды своего пребывания въ Варшавѣ, предписалъ, “чтобъ купеческіе товары, находящіеся въ варшавской таможенѣ были очищаемы пошлиною, не въ продолженіи 8 мѣсяцевъ, а въ теченіи 6ти недѣльнаго срока, и чтобъ эти товары немедленно по очисткѣ ихъ пошлиною были вывозимы купцами изъ таможи”. Такое варварское распоряженіе было причиною, что виѣшняя торговля перешла въ руки нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ значительныя капиталы, а сотни купцовъ изъ оптовыхъ сдѣлались мелочными. Уменьшившееся соперничество купцовъ произвело вліяніе на относительное возвышеніе цѣнъ всѣхъ ввозныхъ предметовъ; а какъ потребление товаровъ находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ цѣнѣ, то и уменьшился свозъ этихъ товаровъ; отъ уменьшившагося же своза, поизился относительно государственный таможенный доходъ и уменьшилось народное благосостояніе, потому что на долю каждаго гражданина приходится этихъ товаровъ относительно меньше чѣмъ прежде.

;*ПРАВДА - ЛИ*, что генералъ Чевкинъ, такъ хорошо представившій государю въ живыхъ картинахъ процвѣтаніе волжскаго судоходства, не чинилъ шоссе отъ Ст. Усть-Ижора до С. Петербурга съ цѣлю содѣйствовать успѣшному заработку сѣвернаго пароходства, въ которомъ онъ имѣетъ акція?

— *Правда-ли*, что всѣ казнокрады ударились въ дѣятельное обкрадываніе акціонерныхъ обществъ?

Это дѣло становится до такой степени важнымъ, что ежели въ листкахъ *Колокола* согласится помѣстить статью по поводу этого предмѣта, то мы можемъ сообщить множество любопытныхъ фактовъ объ этой развивающейся заразѣ.*

— ; *Правда-ли*, что дѣло Саввы Яковлева рѣшенное государственнымъ совѣтомъ въ пользу его кредиторовъ перерѣшено вновь въ пользу Яковлева за 1,000,000 рублей, внесенный имъ на пополненіе казны обираденной Политковскимъ, съ прибавкою 500,000 рублей внесенныхъ имъ Буткову, Лаубе и Погуляеву?

— ; *Правда-ли*, что ярославскій губернаторъ перемѣстилъ Рыбинскаго уѣзднаго секретаря въ Угличъ (въ городъ бездоходный), за то, что тотъ осмѣлился справедливо рѣшить дѣло абакумовскихъ крестьянъ съ рыбинскимъ купцомъ Журавлевымъ, который огородилъ деревню Абакумово тыномъ въ двѣ сажени вышины и лишивъ жителей законнаго и выгоднаго сообщенія съ рѣкою Шексною — превратилъ деревню въ острогъ?

— *У Тимашева есть мать.*— Намъ пишутъ: “У Тимашева есть мать, она владѣетъ 700 душами въ Смоленской губернии, доставшимися ей — *изъ благопріобрѣтенныхъ* — отъ отца. Почтительный сынъ прикрываетъ маменьку голубымъ крыломъ своимъ.

“Дворовые люди служившіе отцу Тимашевой, живутъ теперь во дворѣ безъ хлѣба, платы и должности. Одинъ изъ нихъ приходитъ просить обуви у управляющаго, говоря о невозможности служить безъ сапогъ. Ему отвѣчаютъ, что барыня не приказала дѣлать лишнихъ расходовъ и что управляющій напишетъ барынѣ объ его просьбѣ. Тимашева разругала управляющаго, и написала объ этомъ сыну. Начальникъ III отдѣленія предписалъ жандармскому штабъ-офицеру смоленской губерніи *уемирить* крестьянъ и дворовыхъ села Печиничена. Штабъ-офицеръ не нашелъ бунта, и уѣхалъ пострашавъ людей.

“Дворовая ея дѣвушка хотѣла выкудиться на волю. Послѣ торга, Тимашева согласилась ее отпустить за 400 рублей. Къ несчастію въ день взноса денегъ и до свершенія акта, дѣвушка умерла; просьба отца возвратить деньги, была не уважена.

“Аргорос,— одинъ изъ сосѣдей Тимашевой, *Пузыревскій*, недавно засѣкъ до смерти крестьянина 60 лѣтъ, за то, что онъ не зналъ куда скрылся его сынъ. Наказаніе производилось систематически въ теченіи нѣсколькихъ дней съ промежутками, пока наконецъ старикъ не умеръ подъ розгами, но не сознался гдѣ сынъ.

“За достовѣрность сказаннаго могу ручаться и пр.”

* Помѣстимъ съ величайшей готовностью.

ГРАФЪ СТРОГОНОВЪ, ШПИЦРУТЕНЫ

И

ШТАБСЪ-КАПИТАНША БАРАНОВА.

Вотъ что намъ пишутъ въ пополненіе помѣщеннаго нами въ прошломъ листѣ *Колокола* о безчеловѣчномъ вмѣшателствѣ одесскаго Строгонова въ дѣло о Кандыбѣ.

“Еще въ прошломъ году графъ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ почувствовалъ потребность съ своей стороны заявить что нибудь въ пользу крестьянъ, объ улучшеніи быта которыхъ всѣ хлопочутъ, именно онъ хотѣлъ ввести наказаніе ихъ *шпицрутенами*. Онъ предлагалъ, чтобъ крестьянъ за всѣ преступленія и проступки противъ помѣщиковъ въ видахъ охраненія государственнаго спокойствія, судить не обыкновеннымъ граждански-уголовнымъ, а военнымъ судомъ и наказывать не розгами или плетью, а *шпицрутенами*; что при настоящемъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ о подобныхъ преступленіяхъ, не явственна для крестьянъ *вмѣшательство въ дѣла суда правительства* (1); между тѣмъ какъ военный судъ болѣе другихъ судовъ удовлетворяетъ необходимости при настоящей подготовленности крестьянъ къ свободѣ, разсматривать съ надлежащимъ безпристрастіемъ подобныя дѣла и часто соображать такія обстоятельства, принятіе которыхъ не входитъ въ кругъ обязанностей судебныхъ мѣстъ (2). Къ счастью въ это время Ланской и даже Сухозаветъ пришли къ совершенно противоположному убѣжденію, они нашли, что лица гражданского вѣдомства вообще не слѣдуетъ судить военнымъ судомъ, и ходатайство графа Строгонова оставлено безъ послѣдствій.”

Каковъ Аракчеевъ! и какое счастье что бодливой коровѣ Богъ рога не даетъ! Его мы не зовемъ подъ обыкновенный судъ, его мы зовемъ подъ *верховный судъ Россіи потомства, исторіи!* Да, дѣти, юноши, не забудьте что въ 1859 году нашелся въ Россіи человекъ, принадлежащій къ хорошему роду, получившій образованіе, бывшій въ связяхъ съ Декабристами, жившій нѣсколько лѣтъ за границей и который, при первомъ теплотѣ вѣтрѣ, обѣщаящемъ намъ весну, нашелъ въ своей черной душѣ, не только развратную мысль объ увеличеніи тѣлесныхъ наказаній, но нашелъ силу, цинизмъ ее высказать, ее предложить.

Читай о лицахъ, которыхъ человѣческая кровь пьянила, которые наслаждались пытками, изобрѣтали ихъ, смотрѣли на судороги смерти, вслушивались къ крикамъ боли, читая о нихъ въ лѣтописяхъ Тацита, въ сказаніяхъ объ ививизиціи, — вы вѣрно думали, свободно вздыхая—какъ послѣ кошмара—что такихъ людей больше нѣтъ. Вы ошиблись.

Посмотрите же на Строгонова, не забывайте черты этаго человека, онъ предложилъ въ Россіи усилить тѣлесныя наказанія крестьянамъ въ 1859 году!

Отчего? Оттого, что онъ помѣщикъ, а помѣщикъ привыкъ какъ мясникъ на бойнѣ къ истязанію людскому, къ воплю, къ синимъ пятнамъ и къ блѣдному челу засѣченнаго, который только его страшаетъ судебной отвѣтственностью!

Вотъ выписка изъ слѣдствія о безчеловѣчномъ поступкѣ жены штабс-капитана *Барановой* съ находившейся у нея

въ услуженіи крѣпостною дѣвушкою отца ея *Елизаветою Андреевою*. Эта Баранова заслуживаетъ стоять между Кандыбой и Строгоновымъ.*

“Елизавета Андреева показала, что Баранова, чтобы заставить ее возвратить взятый ею носовой платокъ, посадила ее 15 Января 1859 года въ кухню на плиту, при чемъ была горничная Татьяна Аполонова; что почувствовавъ сильную боль, она соскочила съ плиты и отыскавъ платокъ, получила еще отъ госпожи три удара по лицу.

“Изъ отзывовъ Коптора Больницы для чернорабочихъ, видно, что у Андреевой оказались при осмотрѣ ея вѣбоглицѣ сильныя ожоги на сѣдалищныхъ мѣстахъ.

“Находящіеся при Барановой другіе крѣпостные люди Азарьева—Татьяна, Непилла, Паталя и Петръ, объявили, что барыни ихъ 15 Января вовсе не было въ кухню; при чемъ первая добавила, что сама видѣла какъ Андреева не извѣстно для чего сѣла на плиту и обожглась. *Но впоследствии* Татьяна созналась, что Баранова дѣйствительно приказала Андреевой сѣсть на плиту, и Петръ сознался, что онъ слышалъ это приказаніе.

“Баранова предана Уголовному Суду. Сверхъ того изъ собраныхъ свѣдѣній оказалось, что и мать ея, помѣщица валдемскаго уѣзда, Азарьева вполне достойна дочери, что крестьяне совершенно раззорены, жестокия наказанія заставили нѣкоторыхъ изъ нихъ лишиться себя жизни: трое удавились, одинъ утопился. Такое управленіе продолжается болѣе 20ти лѣтъ, и только по случаю происшествія съ Елизаветою Андреевою, Азарьевы удалены изъ имѣнія и назначено формальное слѣдствіе.”

— *Отъ Искандера.*—Какой-то *И. Елагинъ* самъ *третьей*, издалъ въ Берлинѣ противъ меня гупую и грубую книгу подъ заглавіемъ—*Искандеръ-Герценъ*.

Я не буду отвѣчать на брань Елагину самъ *третьей*, такъ какъ не отвѣчалъ ругавшимъ меня въ одиночку. Пусть ругаются, если это имъ доставляетъ удовольствіе.

Что въ самомъ дѣлѣ сказать на сквернословіе какихъ нибудь синодальныхъ писарей и семинарскихъ риторовъ стараго порядка,—кромѣ того, что отвѣчалъ знаменитый Фоксъ одному лорду, написавшему къ нему письмо, исполненное брани и дерзости. “Sir, письмо ваше отъ такого-то числа я получилъ. Оно теперь *передо мной*, черезъ четверть часа оно будетъ *за мной*, о чемъ честь имѣю васъ увѣдомить.

“Преданный вамъ.

Ч. Фоксъ.”

* Выписку эту намъ прислали въ отвѣтъ на нашъ вопросъ “Правда-ли?”—объ этомъ дѣлѣ.

Второй листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 15 Ноября, въ немъ заключается исторія *Убийства Неклюдова въ Иркутскѣ*, *Ревизія царскосельской желѣзной дороги* и статья по поводу дѣла *Метлина и Волохова*.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

(1) и (2) Изъ представленія графа Строгонова министру внутреннихъ дѣлъ.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 59.

15 ДЕКАБРЯ 1859.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.
Цѣна 1 шиллингъ съ третимъ листомъ
—ПОДЪ СУДЪ!

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго
1, Macclesfield Street, (Gerrard street),
Soho London.—Price ONE SHILLING,
with Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

РУССКІЕ НѢМЦЫ И ПѢМЕЦКІЕ РУССКІЕ

ОТРЫВОКЪ ПЯТЫЙ

(Окончаніе).

V.

Въ исторіи бываютъ чудеса, мудренѣе всѣхъ сказочныхъ чудесъ, въ ней иногда спятъ крѣпче двѣнадцати спящихъ дѣвѣвъ, въ пей точно такъ-же есть живая и мертвая вода, вода чрезвычайной памяти и удивительнаго забвенія.

Не чудо-ли въ самомъ дѣлѣ, что въ продолженіи полутора вѣковъ, мы не имѣли никакого понятія о русскомъ народѣ. Все время, пока насъ вытягивали въ колоссальную имперію, пока намъ прививали цивилизацію и мы съ успѣхомъ учились тому и другому, у насъ не было никакого сознанія о нашемъ народѣ; были люди знавшіе русскую исторію, но современнаго народа не зналъ ни одинъ человѣкъ.

Возлѣ, около, со всѣхъ сторонъ, на необозримомъ пространствѣ жило населеніе считаемое десятками милліоновъ, единоплеменное съ нами, говорящее съ нами однимъ языкомъ, находившееся въ непрерывномъ и самомъ тѣсномъ сношеніи съ нами, уже по тому самому, что оно намъ было отдано на кормленіе — и мы объ немъ не больше знали какъ въ Англии знаютъ объ индѣйцахъ т. е. что его легко обирать.

Употребляя его въ снѣдь, тучнѣя отъ него, мы также мало думали о немъ, какъ о грѣшневой кашѣ или буженинѣ — питательно и хорошо. Народъ съ своей стороны не напоминалъ о себѣ, а только кланялся въ поясъ при всякомъ заѣденіи поколѣннѣ помѣщиками и чиновниками, приговаривая: “Дай богъ на здоровье, мы на то ваши дѣти, вы на то наши отцы, чтобъ насъ кушать.”

Ну въ какой же сказкѣ, въ какомъ Бовѣ королевичѣ, въ какомъ Герусланѣ Лазаревичѣ, вы найдете что нибудь удивительнѣе?

Между тѣмъ западное образованіе прививалось не даромъ, мы въ немъ дочитались до того, что ни антропофагія, ни раболѣпіе не составляютъ высокихъ качествъ человѣка, что человѣкъ, который съчетъ и насильничаетъ, очень легко получаетъ самъ пиньки; и мало по малу началось у насъ складываться *либеральное мнѣніе*, сначала въ небольшомъ кругѣ образованныхъ.

Годъ III.

Какъ только у насъ явилась мысль объ обузданіи правительственнаго произвола, рядомъ съ нею явилась, какъ дополненіе, мысль объ освобожденіи народа. Но долгій разрывъ высказался тутъ всего яснѣе тѣмъ, что развитое меньшинство имѣя благородныя, общечеловѣческія стремленія, не знало быта народнаго и слѣдственно его истинныхъ потребностей.

Надо правду сказать, что либерализмъ нигдѣ не отличался глубокимъ знаніемъ народа, особенно сельскаго. Либерализмъ вообще явленіе переходное, развившееся въ городской цивилизаціи, необходимая расчистка мѣста между старой и новой постройкой. Онъ всегда довольствовался отвлеченнымъ понятіемъ о народѣ, риторическимъ образомъ его, въ которомъ были совмѣщены — простота геснеровыхъ патріарховъ, нравы дезульеровскихъ пастушекъ и свирѣпыя добродѣтели римскаго плебея допуническихъ временъ.

У насъ разстояніе между народомъ и либеральнымъ дворянствомъ казалось тѣмъ страшнѣе, что между ними ничего не было, какая-то безконечная пустота, въ которой едва замѣтно плетутся купцы, плетутся мѣщане, фельдъ-егериска чутъ взадъ и впередъ, помѣщики мелькаютъ, чиновники мчатся на слѣдствія — нисколько не сближая двухъ Россій остающихся двумя враждебными станами.

И при всемъ томъ разрывъ этотъ въ нашей жизни вовсе не былъ слѣдствіемъ всей исторической жизни, какъ распадѣніе горожанъ съ крестьянами, простолюдиновъ съ феодалами въ Европѣ. Разрывъ былъ сдѣланъ у насъ по указу, насильственно, съ педагогической цѣлью и былъ до того сначала чуждъ, ненатураленъ, что въ предупрежденіе новаго сближенія — правительство выдумало ставить тавро на лица, своего рода обрѣзаніе, и стало мѣтить своихъ бритвой и ножницами, чтобъ они не мѣшались съ прочими. Однажды разрѣзанныя части цѣлаго, намѣренно поставленныя въ враждебное положеніе, по свойственной тѣламъ упругости, удалились другъ отъ друга съ какимъ-то отвращеніемъ. “Мужикъ!” говорила съ высокомеріемъ обрита и одѣтая въ ливрею Русь объ народѣ. “Нѣмцы!” бормоталъ себѣ въ бороду съ затаенной злобой народъ, глядя на дворянъ.

Такъ и устроились мы. Съ одной стороны народъ въ угрюмомъ а parte, задавленный работой, полиціей, помѣщиками, живущій никому неизвѣстной жизнью расколовъ и немѣющей

ничего общаго съ просвѣщающимъ правительствомъ; съ другой стороны дворянство нераздѣльное съ правительствомъ и потому само представляющее правительство. Русское повѣріе, что дворянинъ долженъ служить, иначе онъ теряетъ свое званіе, самое слово “недоросль,” доказываетъ что у насъ дворянство принято народомъ за коронную службу.

Съ развитіемъ просвѣщенія возникаетъ удивительное зрѣлище. Правительственная Россія дѣлится сама въ себѣ на правительство и оппозицію, такъ что одни чиновники представляютъ протестъ, либеральное начало, другіе консерватизмъ, начало авторитета—и оба остаются на службѣ, получая чины и отличія. Это одна изъ причинъ отчего не только русскій народъ ничего не понимаетъ во всемъ этомъ, но и всѣ европейскіе.

“У насъ все дѣлается наизнанку — сказалъ умирающій Ростовчанинъ, услышавъ вѣсть о 14 Декабря, — въ 1789 году французская готиче хотѣла стать въ ровень съ дворянствомъ, и боролась изъ за этого, это я понимаю. А у насъ дворяне вышли на площадь, чтобъ потерять свои привилегіи, — тутъ смысла нѣтъ.”

Федоръ Васильевичъ былъ умный человекъ, умѣвшій не хуже фавъ Амбурга обходиться съ Павломъ, не обжигаясь, и съечь во время Москву, но и онъ не понялъ этого страннаго явленія съ своей философій XVIII столѣтія. Можетъ въ раздвоеніи дворянскаго стана въ противность собственной выгоды—лежитъ лучшее доказательство, что порча его не глубока, и единственный путь искупленія.

Не имѣя за собой баласта народнаго населенія, разорвавшееся съ нимъ образованное меньшинство понеслось какъ порожняя телега, быстро догоняя западное движеніе, подпрыгивая на тѣхъ кочкахъ, на которыхъ предшественники ломали себѣ шею.

Но сравниваясь съ Европой, мы оставались въ петровскомъ отношеніи къ народу, т. е. смотрѣли на него какъ на грубую массу, которую намъ надобно очеловѣчить. Нѣмецкаго презрѣнія Бирова съ компаніей — у меньшинства разумѣется не было, оно замѣнилось чувствомъ болѣе мягкимъ сострадательнаго покровительства къ неразумнымъ дѣтямъ.

На этомъ насъ застаютъ два событія. Паденіе Европы передъ социальнымъ вопросомъ. Соціальныи вопросъ поставленный Александромъ II, какъ призывъ Россіи къ жизни.

Западные публицисты съ тѣмъ несокрушимымъ упрямствомъ, которое имъ даетъ ненависть къ Россіи и невѣжество, смѣются когда мы говоримъ о великомъ историческомъ значеніи нашего освобожденія крестьянъ съ землею. А намъ кажется вопросъ этотъ до того важнымъ, что одно постановленіе его ставить насъ совсѣмъ на другую ногу съ Европой и даетъ Александру II мѣсто въ числѣ величайшихъ государственныхъ дѣятелей нашего времени, какіе бы впрочемъ онъ промахи и шалости ни дѣлалъ.

Передъ социальнымъ вопросомъ начинается наше равенство съ Европой, или лучше это дѣйствительная точка пересѣченія двухъ путей; встрѣтившись каждый пойдетъ своей дорогой.

Западный міръ дойдя до своего предѣла самъ указалъ что ему мѣшаетъ и отрицательно опредѣлил свое искомое. Случайное распределеніе силъ, богатствъ, орудій работы,

оставленное ему въ наслѣдство, окаменѣло давностью, и укрѣпленное всѣми новыми средствами, ставить стѣну, которую до сихъ поръ нельзя взять никакимъ приступомъ. Трудъ съ одной стороны, капиталъ съ другой, работа съ одной стороны, машина съ другой, голодъ съ одной стороны, штыки съ другой. Сколько социализмъ ни ходитъ около своего вопроса, у него нѣтъ другаго разрѣшенія, кромѣ лома и ружья. *Vivre en travaillant ou mourir en combattant* — кричатъ работники. *Qui a du plomb a du pain* — отвѣчаетъ имъ Бланки.

Мирное рѣшеніе у нихъ было одно, но за то оно не было рѣшеніе. Соціальное меньшинство требовало у законодательнаго собранія *признаніе права на работу*. Подъ нимъ крылось министерство работъ т. е. разрѣшеніе правительствомъ борьбы между капиталомъ и работой, доходомъ и трудомъ, завѣдываніе государствомъ всѣми производительными силами иначе — промышленный деспотизмъ прибавленный ко всѣмъ остальнымъ.

Сверхъ всего такое рѣшеніе могло только водвориться на полномъ устраненіи стараго порядка вещей, на полномъ отрѣченіи его отъ всѣхъ правъ своихъ. Но онъ вовсе не похожъ на качающійся зубъ, который стоитъ тронуть, чтобъ онъ выпалъ, а скорѣе на слоповый клыкъ, почернѣлый, испорченный, но глубоко вросшій въ челюсть.

Единственная органическая попытка и была сдѣлана — рабочими артелями и товариществами. При томъ общественномъ устройствѣ, въ которомъ капиталъ сверхъ своей силы, гнететъ всею силой правительства, они не могли выдержать ни конкуренціи, ни полицейскаго преслѣдованія, — стало и тутъ не было выхода.

Либералы стараго толка, политическіе эконоомы стараго исповѣданія рѣшили, не безъ внутреннаго удовольствія, что задача невозможная, что надобно все предоставить снова знаменитому *laissez faire*, и улучшая вообще существующіи формы, ждать благодѣтельныхъ послѣдствій отъ увеличенія школъ и уменьшенія браковъ, отъ свободы торговли и техническихъ усовершенствованій. Пока они этого ждутъ, девиать десятихъ континента сломались подъ грубымъ солдатскимъ деспотизмомъ, народы разорены содержаніемъ арміи, тѣнь политическихъ правъ исчезла и послѣдній остатокъ ихъ Франція употребила на то, чтобы противудѣйствовать Наполеону въ его замыслахъ свободной торговли.

За то въ Американскихъ Штатахъ осуществилось все о чемъ либералы мечтали, да сверхъ того такое развитіе невольническаго труда, его признанія, его оправданія, о которомъ они и не мечтали. Съ двадцатыхъ годовъ когда Американцы еще краснѣя говорили объ этомъ наслѣдственномъ злѣ, когда они проводили на своей картѣ рѣзкую черту, чтобъ отдѣлить себя отъ рабовладѣтелей, до нашего времени повятія такъ измѣнились въ пользу рабства, что оно теперь возводится въ одно изъ краеугольныхъ основаній союза, въ одно изъ неотъемлемыхъ правъ республики — и сынъ Американца Сѣверныхъ Штатовъ, котораго отецъ убилъ бы всякаго осмѣливагося охотиться на его землѣ по чернымъ, спокойно вяжетъ ихъ теперь и отдастъ хозяевамъ на казнь. Рабство только терпимое прежде, сдѣлалось закономъ, основой, на которой покоится американская демократія. Въ то время какъ мы это пишемъ, можетъ быть палачъ, вѣшаетъ героевъ Герперсъ-Ферри.

И такъ вотъ къ чему пришелъ весь образованный міръ!...

Представьте же себѣ то удивленіе, которымъ было поражено наше образованное меньшинство, когда оно обращаясь съ отчаяніемъ взглядъ свой среди этого кораблекрушенія, въ эту темную ночь, и не находя нигдѣ ни совѣта, ни помощи, ни указанія, ни маяка, увидѣло какой-то тусклый свѣтъ, и этотъ свѣтъ мерцалъ отъ лучины — зажженной въ избѣ русскаго мужика!

... Этотъ дикій, этотъ пьяный въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парія, котораго лучшіе изъ насъ хотѣли изъ милосердія оболванить, а худшіе продавали на свозъ и покупали по счету головы, этотъ нѣмой, который въ сто лѣтъ не вымолвилъ ни слова, и теперь молчитъ — будто онъ можетъ что нибудь внести въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты и государственные люди??

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продыmlеннаго запаха черной избы и дегтя?

Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи, мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое то допотопное понятіе о правѣ *каждаго работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу*, но *право на землю*?....

А между тѣмъ оно у насъ гораздо больше чѣмъ право, оно фактъ; оно больше чѣмъ признано, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоить, онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю естественное послѣдствіе *рожденія и работы*. Оно такъ-же несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на *воздухъ*, приобретаемое дыханіемъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери.

Право *каждаго* на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятія народа русскаго, что переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось по видимому бессмысленной поговоркой: *Мы господскіе, а земля наша*.

Само собою разумѣется, что Русь дворянская, согласно съ западнымъ понятіемъ права собственности смотрѣла совсѣмъ иначе на вопросъ о крестьянахъ и землѣ. Наиболѣе образованные допуская, что рано или поздно крестьяне, когда они окончатъ ихъ воспитаніе (барщевой и оброкомъ), выйдутъ на волю — были увѣрены, что *земля* останется неприкосновенной собственностію воспитателей. Но Александръ Николаевичъ не того мнѣнія, онъ не любитъ слишкомъ дорого платить за воспитаніе, онъ и Зиновьева отблагодарилъ табатеркой во время совершенствленія наслѣдника — а тутъ дай полъ Россіи.

Счастіе, что мужикъ остался при своей нелѣпой поговоркѣ. Она перешла въ правительственную программу, или лучше сказать въ программу одного человѣка въ правительствѣ, искренно желающаго освобожденія крестьянъ, т. е. государя. Это обстоятельство дало такъ сказать законную скрѣпу, государственную санкцію народному понятію.

И это не все. Сверхъ признанія права *каждаго* на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло бы своего полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля, на пользованіе которой каждый имѣетъ право съ тѣмъ вмѣстѣ не принадлежитъ *никому лично и потомственно*.

Далѣе *право на землю и общинное владѣніе* ею предполагаютъ сильное *мірское устройство*, какъ родоначальную базу всего государственнаго зданія, долженствующаго развиваться на этихъ началахъ. Мірское управленіе уцѣлѣло подъ гнетомъ иностраннаго правительства и помѣщичьей власти, такъ какъ въ Моревѣ уцѣлѣли коммунальныя и городскія права подъ владычествомъ Османлисовъ. Этотъ характеръ мірскаго управленія русскихъ деревень поразилъ Гакстгаузена, потомъ разныхъ американскихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ известнаго экономиста Каррея, который мнѣ самъ говорилъ, возвратясь изъ Россіи въ нынѣшнемъ году, "что въ мірскомъ началѣ нашихъ комунъ лежитъ великая основа самоуправленія."

И такъ элементы вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ — элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанію и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленіемъ экономического переворота, состоятъ изъ трехъ началъ, изъ:

1. *Права каждого на землю,*
2. *Общиннаго владѣнія ею,*
3. *Мірскаго управленія.*

На этихъ началахъ и *только на нихъ* можетъ развиваться будущая Русь

VI.

Не допетровская Русь должна быть воскрешенной, оставимъ ее въ ея иконописномъ склепѣ. Не петербургскій періодъ долженъ продолжаться въ своемъ нѣмецкомъ мундирѣ; онъ не можетъ идти далѣе не измѣнивъ себѣ, его граница обозначена тѣмъ же заборомъ, передъ которымъ остановилась Европа. Онъ намъ далъ широкое поле, сильное государство, онъ привилъ намъ вѣдѣнію форму западнаго образованія какъ прививаютъ ссупу, а съ формою перешла само собою и внутренняя мысль его и стремленіе къ личной свободѣ, невыработавшееся въ общинной жизни нашего народа, ни въ служиломъ дворянствѣ нашемъ. Задача новой эпохи, въ которую мы входимъ состоитъ въ томъ, чтобъ на основаніяхъ науки, сознательно развитъ элементъ нашего общиннаго самоуправленія до полной свободы лица, минуя тѣ промежуточныя формы, которыми по необходимости шло плутаясь по неизвѣстнымъ путямъ развитіе Запада. Новая жизнь наша должна такъ заткать въ одну ткань эти два наслѣдства, чтобъ у свободной личности *земля осталась подъ ногами*, чтобы общинникъ былъ совершенно *свободное лицо*.

Лучшаго времени для внутреннаго переворота нельзя найти. Въ началѣ нашего вѣка мы были слишкомъ подъ вліяніемъ западно-либеральныхъ идей, буржуазнаго гантизма: ни мы, ни правительство не знали народа. Навѣрное тогда былъ бы сдѣланъ страшныя ошибки, которыхъ не поправили бы вѣка; въ то время какъ теперь настороженные опытомъ сосѣдей, мы должны иначе смотрѣть на свое и на чужое; самъ Западъ повернулъ угасающій фонарь свой на нашъ народный бытъ и бросилъ лучъ на кладъ лежавшій подъ ногами нашими. Не доставало счастливой случайности. Пришла и она.

Съ небольшимъ пять лѣтъ тому назадъ Россія лежала безмолвно у ногъ тупаго деспотизма и Яковъ Ростовцевъ спрашивалъ въ Петропавловской крѣпости у Петрашевскаго и его друзей — не было-ли у нихъ *преступныхъ* разговоръ

объ освобожденіи крестьянъ. Теперь царь сталъ во главѣ освобожденія и Іаковъ Ростовцевъ председателемъ въ комитетѣ освобожденія.

Не воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ тихо, *безкровно* взойти въ новый возрастъ; или сбиться съ дороги, когда она такъ ясна—было бы великое несчастіе и великое преступленіе. Но что же мѣшаетъ?

Сверхъ невѣжества окружающаго государя и чиновничества основаннаго на плутовствѣ, одинъ врагъ всего опаснѣе.

— Кто?—Войско?

— Нѣтъ. Войско бессмысленно какъ ножъ, въ чьи руки онъ попадаетъ тотъ имъ и рѣжетъ; войско имѣетъ одинъ постоянный характеръ — оно всегда дѣлаетъ вредъ и никогда не разсуждаетъ. Наше войско, я думаю, скорѣе ближе къ народу, чѣмъ другія.

— И такъ барство?

— У насъ барство не имѣетъ ни нравственныхъ, ни физическихъ силъ. Оно по своему положенію слишкомъ зависимо отъ трона, оно все служилое и выслужившееся, богатства его жалованныя. У насъ нѣтъ торизма, который бы самъ въ себѣ представлялъ и охраняющую партію и реформу, упрямаго лорда Дерби и роднаго сына его лорда Стенли. Большая часть нашихъ аристократовъ люди совершенно недѣловыя и неполитическія, они вносятъ въ общество свое чванство, свои деньги, но никакой идеи. Тѣ же изъ нихъ, которые развились, тѣ оставили за собой многихъ западныхъ аристократовъ, но они не принадлежатъ больше ни къ своей кастѣ и ни къ какой другой, они стали просто людьми. Сверхъ того *идь* почва гражданской дѣятельности нашего барства — въ англійскомъ клубѣ, въ московскихъ гостинныхъ?.. даже домовая церковь князя Сергія Михайловича Голицына закрылась. Наши аристократы не умѣли никогда воспользоваться ни дворянскими собраніями, ни дворянскими выборами. Последнее политическое право, которымъ они пользовались *сop amoge*, *право стѣчь себѣ подобныя* и съ нимъ они бѣдные растаются теперь!

— Но тогда кто же мѣшаетъ ринуться Россіи впередъ?

— Прислушайтесь.

... Entendez vous dans les campagnes,
Mugir ces ferores Allemands,
Ils viennent...

Вотъ кого мы боимся, опять таки *русскихъ нѣмцевъ* и *нѣмецкихъ русскихъ*; ученыхъ друзей нашихъ, западныхъ доктринеровъ, донашивающихъ старое платье съ плечъ политической экономіи, правовѣденія и пр., централизаторовъ по французски и бюрократовъ по прусски. Они дѣлнѣе барства, они честиѣ чиновничества, оттого-то мы и боимся ихъ; они собою съ толку императора, который стоитъ безпомощно, и шаткое, едва складывающееся общественное мнѣніе. Они могутъ ихъ сбить, потому что ихъ воззрѣніе выше общаго уровня нашего образованія и очень доступно среднему пониманію. Ихъ мнѣнія либеральны, они въ пользу разумной свободы и умѣреннаго прогресса, они говорятъ противъ взятокъ, противъ произвола, они хотятъ улучшить *скверное само по себѣ*, и пожалуй заставить насъ уважать приказныхъ, полицію, земской судъ: сдѣлавши квартальнаго — Косьмой безсребренникомъ и оберъ-секретаря — неподкупнымъ

Робеспьеромъ. Они примирятъ насъ со всѣмъ тѣмъ, что мы презираемъ и ненавидимъ, и улучшивши—упрочатъ все что слѣдовало выбросить за окно, что оставленное въ своей гнусности, само собою выгнило бы, окруженное здоровыми силами народа русскаго.

Къ тому же, завися, какъ католическое духовенство, отъ чужой власти, они должны по стопамъ своихъ учителей питать зубъ противъ всего соціальнаго, а тутъ какъ нарочно на самомъ порогѣ “право на землю, общинное владѣніе.” Вотъ почему мы думаемъ, что если они одолѣютъ, они помѣшаютъ взойти тѣмъ всходамъ чисто пароднаго устройства, которому стоитъ не мѣшать, чтобъ урожай былъ хорошъ; а улучшенія которыя они принесутъ намъ, хотя и будутъ улучшенія, но съ ними развѣ можемъ надѣяться, вѣка черезъ полтора. дойти до того состоянія, изъ котораго Пруссія стремится теперь выйти...

Знаемъ мы, что попы и монахи никогда не бываютъ свирѣпѣе, какъ наканунѣ паденія церкви. Иезуиты, эти зуавы св. Петра и всѣ жарившіе, вытягивавшіе у Гугенотовъ жилы инквизиторы, явились послѣ Люгера и Кальвина. Но тѣмъ не меньше они упрочили и утвердили еще на цѣлые вѣка католическій порядокъ. Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги, онъ упрется, ляжетъ на ней, вросетъ въ землю и притаится спящимъ, мертвымъ. Петровская эпоха лучшее доказательство; но та же эпоха доказываетъ, какъ на долго можно пріостановить его жизнь и какія страданія можно заставить его вынести однимъ матеріальнымъ гнетомъ, зачѣмъ же подвергать его имъ *à propos délibéré*.

Петръ I, конвентъ 1793 не несутъ на себѣ той отвѣтственности за всѣ ужасы сдѣланные ими, которую хотятъ на нихъ опрокинуть ихъ враги. Они оба были увѣчены, хотѣли великаго, хотѣли добра, ломали что имъ мѣшало и сверхъ того вѣрили, что это единственный путь. Но не такая отвѣтственность падетъ на наше поколѣніе, искушенное мыслию, когда оно приметъ ломать, исказить народный бытъ. зная впередъ, что за всякимъ насиліемъ такого рода, слѣдуетъ ожесточенное противудѣйствіе, страшные взрывы, страшныя усмиренія, казни, раззореніе, кровь, голодь.

Мы не западные люди, мы не вѣримъ, что народы не могутъ идти впередъ иначе какъ по колѣна въ крови, мы преклоняемся съ благоговѣніемъ передъ мучениками, но отъ всего сердца желаемъ, чтобъ ихъ не было.

Еслибъ только наши доктринеры могли *просто* взглянуть на вопросъ, отрѣшаясь отъ магистрскаго диплома, безъ самолюбія, безъ той самонадѣянной гордости, которая даетъ сознаніе, что они хорошо учились; еслибъ они какъ Фаустъ, который тоже хорошо учился и много, и назывался не только “магистромъ, но даже докторомъ” — умѣли бы останавливаться въ добросовѣстномъ раздумьи и отъ книги снова бы обращались къ непосредственной жизни, они сейчасъ поняли бы въ чемъ дѣло.

Отчего у естествоиспытателя нѣтъ ничего завѣтнаго передъ природой, къ ней онъ постоянно обращается съ сыновнимъ повиновеніемъ, безъ лукавства, въ ней онъ ищетъ повѣрки, ей онъ жертвуетъ вѣковой теоріей своихъ предшественниковъ и собственной системой, какъ только она требуетъ этого. Неужели смиренное самоотверженіе натуралиста основано единственно на томъ, что у него подъ руками—то камень, то трава, то звѣрь, и потому съ ними не можетъ быть личностей?

Природа въ своей фактической безсознательности и безответственности, такъ явно независима отъ человѣка, что онъ съ ней не пикируется, въ то время какъ міръ людской ему кажется собственнымъ домомъ и его самостоятельную волю онъ принимаетъ за оппозицію и выходитъ изъ себя, особенно когда за него наука вѣковъ, ученая традиція.

Это помѣщичье чувство строптивости, особенно развилось у насъ въ петербургскій періодъ, въ эту классическую эпоху насильственныхъ образователей и безпощадныхъ цивилизаторовъ. И тутъ странная смѣсь жалкаго и возмутительнаго. Цивилизаторы очень часто откровенно и благородно стремились къ добру, дѣлали мысль, на пр. объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, готовы были жертвовать частью достоянія, говорили объ этомъ въ то время, когда это было опасно, изучали западное сельское устройство... и вдругъ когда освобожденіе очью совершается, у крестьянъ открывается готовый бытъ, который они вовсе не хотятъ мѣнять; имъ кажется это неблагодарной дерзостью, и натура русскаго-нѣмца беретъ верхъ... Та натура, въ которой такъ и вѣетъ сквозъ австрійскаго писаря, и русскаго капрала — татарскимъ баскакомъ; которая шуря безжизненные глаза и блѣднѣя отъ бѣшенства, говорить безъ звука: "Да вы кажется разсуждаете, знаете-ли вы, съ кѣмъ вы говорите?" Или кричить раздавленнымъ голосомъ, какъ псковскій городничій *молчать!* путешественнику только за то, что онъ въ *крестьянскомъ* армякѣ. Вѣдь и русскій-то нѣмецъ цивилизаторъ, за то и сѣрдится на нѣмца крестьянскій бытъ, что онъ въ своемъ мужицкомъ кафтанѣ, не слушается его, одѣтаго по нѣмецки.

Псковскій частный приставъ обиженъ тѣмъ, что человѣкъ одѣтый по русски, т. е. состоящій внѣ закона, не подавляетъ его величіемъ, властью, которую онъ представляетъ, воротничкомъ который онъ носитъ. Доктринеръ скандализованъ тѣмъ, что его экономическая наука, наука Робертовъ Пилей и Гускисоновъ не находитъ безпрекословнаго повиновенія, что ее, разработанную столѣтними усиліями, *хотятъ обратить вспять* къ общинному владѣнію, въ коммунизму въ лаптяхъ. "Помилуйте, говорить онъ, что вы суетесь съ вашимъ общиннымъ устройствомъ, какъ съ послѣдней новостью, оно было у Германовъ время Тацита, общинное владѣніе *соотвѣтствуетъ* младенческому возрасту гражданскихъ обществъ и "разсѣвается отъ лица просвѣщенія, какъ тучи разсѣваются отъ лица солнца" уступая *высшимъ* гражданскимъ формамъ. "Народы дикіе любятъ общинное владѣніе, народы образованные порядокъ" и голодъ добавимъ мы, видя какъ девять десятыхъ населенія не наѣдаются досыта, для того чтобъ собственность развивалась правильно.

— "Что же дѣлать, таковъ законъ общественнаго роста, народы должны пройти его фазами, каждая имѣетъ свое неудобство, но за то и свой прогрессъ. Сначала дикіе люди владѣютъ сообща, посемейно, родами, потомъ развивается сильнѣе и сильнѣе право личной и наследственной собственности... Конечно было бы хорошо, еслибъ каждому можно было дать клочекъ земли, но такъ какъ на *право собственности* не всѣ приглашены природой, то...."

Вотъ тутъ-то въ самомъ дѣлѣ намъ становятся пути провидѣнія *неисполнимы*; для того, чтобъ нѣсколько государствъ имѣли правильно развитую собственность, огромное большинство должно остаться безъ кола и двора! Библейскимъ

языкомъ эдакой законъ прогресса по крайней мѣрѣ называется *проклятіемъ* въ родъ и родъ. Тогда уже знаешь à quoi s'en tenir и не обижаешься, а чувствуешь, что это справедливая месть божья—за какого нибудь Эноха или Іафета что нибудь вапакостившаго шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ... А тутъ признай я разумомъ, своимъ собственнымъ разумомъ, что есть такой нелѣпой законъ!

Откуда экономическая наука вывела этотъ законъ? Она порядкомъ знаетъ только одно экономическое развитіе германо-романскихъ народовъ. Нельзя же по біографіи одного человѣка составлять антропологию, хотя въ ней непременно есть общечеловѣческія стороны, но рядомъ и въ связи съ совершенно частными.

Къ тому же развѣ гражданственность, развѣ собственность въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ развивались нормально, или по крайней мѣрѣ безпрепятственно. Развѣ общинное владѣніе и весь прежній порядокъ уступили внутреннему развитію, а не огню и мечу завоевателей. Или можетъ феодальная система была крутой экономической мѣрой, эдакимъ цезаревымъ сѣченіемъ, хирургически облегчившимъ нарожденіе правильной собственности?...

Но вѣдь и цезарево сѣченіе не дѣлается изъ подражанія надъ здоровой женщиной, а только по необходимости. Зачѣмъ же народъ, который никогда не былъ побѣжденъ, у котораго не враги отняли землю, а свои какъ-то *отписали ее*, долженъ непременно пройти тѣми же фазами? Если же подражать, то давайте строить крѣпости въ городахъ, на которые никто кромѣ полиціи не нападаетъ, будемте на ночь улицы запирали цѣпями и рогатками, пусть градской голова не спитъ, а ходитъ рундомъ, гласному бердышъ въ руки,—это будетъ по крайней мѣрѣ забавнѣе; а коли кто спроситъ, что мы дѣлаемъ — мы скажемъ, что проходимъ феодальную фазу развитія городской жизни...

Лѣтъ тридцать тому назадъ Н. А. Полевой заботился же о раскрытіи въ русской исторіи той борьбы двухъ началъ, которая такъ ясно представлена Август. Тьерри въ письмѣ его о французской исторіи.

Пора же перестать ребячиться.

Не то важно, что у Кельтовъ, Германовъ, пожалуй у Кафровъ и Готентотовъ *было* общинное владѣніе въ дикомъ состояніи, а то, что у насъ *сохранилось* оно въ государственннй періодъ.

А потому въ настоящемъ положеніи дѣлъ серьезно можно поставить только два вопроса:

Есть-ли личное, наследственное, неограниченное владѣніе землею—*единственно возможное* для развитія личной свободы — и въ такомъ случаѣ, какъ спасти большинство населенія, неимѣющаго собственности — отъ рабства собственниковъ и капиталистовъ?

Есть-ли съ другой стороны поглощеніе лица въ общинѣ—*необходимое неминуемое* послѣдствіе общиннаго землевладѣнія, или оно относится къ неразвитому состоянію народа вообще, и въ такомъ случаѣ какъ соединить полное, правомѣрное развитіе лица съ общиннымъ устройствомъ?

Объ этихъ вопросахъ мы просимъ нашихъ читателей подумать.

ПРАВИЛА

ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Эту подлую, иезуитскую, полицейскую мерзость прочли мы съ глубокимъ, глубокимъ горемъ. Мы привыкли съ юности къ любви, къ уваженію нашего Университета и царскосельскаго Лицея. При имени московскаго университета бьется наше сердце, и вдругъ видѣть его опозореннымъ какими-то пошлецами, сидящими въ его совѣтѣ.

Они свои приказанія выставляютъ въ видѣ объявленій при входѣ въ аудиторію. Мы ихъ "правила" выставляемъ у позорнаго столба.....

А. Общая постановленія.

1. Студентомъ московскаго университета признается только тотъ, кто имѣетъ отъ университетскаго начальства устроенную Табель.

2. Какъ гражданинъ и вѣрноподданный, студентъ долженъ повиноваться безпрекословно всѣмъ общимъ гражданскимъ постановленіямъ и не имѣетъ права, какъ и всѣ прочіе подданные, отговариваться незнаніемъ закона. (1)

3. Кромѣ общихъ гражданскихъ законовъ, студентъ обязанъ соблюдать и безпрекословно исполнять постановленія университетскаго начальства, которыя ему и излагаются въ этихъ правилахъ для руководства.

Б. Обязанности студентовъ.

§ 1. Казенные и своекоштные студенты, православнаго и другихъ христіанскихъ исповѣданій, должны говѣть и приобщаться св. Тайнъ ежегодно, и объ исполненіи этой важнѣйшей обязанности представлять своевременно инспектору законныя письменныя свидѣтельства. (2)

§ 2. Студенты обязаны посѣщать лекціи всѣхъ предметовъ, которые показаны у нихъ въ Табелѣ. (3)

§ 3. Студенты должны заблаговременно (4) собираться въ аудиторіяхъ, въ которыхъ назначено по росписанію чтеніе лекцій, и ожидать въ нихъ профессора; не производить сборищъ, не говорить рѣчей, *моущихъ* нарушить порядокъ и тишину, которые должны быть соблюдаемы постоянно.

§ 4. Во время лекцій студенты должны сохранять глубокое молчаніе; не должны позволять себѣ входить въ аудиторію, когда уже профессоръ началъ чтеніе, или же выходить изъ нея безъ крайней необходимости (5); не должны подниматься съ своихъ мѣстъ, послышавъ звонокъ, когда еще профессоръ не окончилъ чтенія; студенты другихъ курсовъ не должны отворять двери и входить въ аудиторію, когда еще профессоръ не окончилъ чтенія.

§ 5. Студенты не должны позволять себѣ никакихъ выраженій одобренія, или неодобренія, относительно профессорскаго чтенія. (6)

§ 6. Въ случаѣ *законныхъ* своихъ желаній должны обращаться съ просьбами къ декану, ректору, попечителю.

(1) Одно только положеніе изъ свода Законовъ почерпнулъ ученый совѣтъ, и именно самое недобросовѣтное изъ всѣхъ.

(2) А что же должны дѣлать студенты изъ Мусульманъ и Евреевъ?

(3) А Табель дается насильно или нѣтъ? Учащійся волею или неволею выбирать предметы для изученія и профессоровъ? Ученый совѣтъ хочетъ убить всякую самобытность, дрессировать въ науку такъ какъ дрессируютъ собакъ, такъ какъ при Николаѣ воспитывали кадетъ.

(4) Школьно и недостойно университета.

(5) Считается-ли большая или малая нужда—крайней необходимостью? Физиология насъ учитъ, что малая то нужда и есть большая?

(6) Очевидно сдѣлано въ пользу дураковъ, скверно читающихъ лекціи.

§ 7. Непремѣнно должны быть въ назначенное время на годичныхъ экзаменахъ; законною причиною неявки считается болѣзнь, о которой своевременно было донесено и дѣйствительность которой засвидѣтельствована подписью студенческаго врача. (7) Неявившіеся къ экзаменамъ по законной причинѣ могутъ быть допускаемы къ нимъ въ Августѣ мѣсяцѣ, но не иначе какъ по всѣмъ предметамъ своего курса; неявившіеся безъ законной причины, къ новымъ испытаніямъ не допускаются и считаются не выдержавшими экзамена.

§ 8. Для перевода на высшіе курсы студентъ долженъ имѣть въ общемъ выводѣ балловъ по *всѣмъ предметамъ курса* не менѣе 3хъ, при томъ въ *факультетскихъ предметахъ* (8), по крайней мѣрѣ 3½, а въ каждомъ не менѣе двухъ. Для полученія званія дѣйствительнаго студента, по всѣмъ спеціальнымъ предметамъ требуется общій балъ 3½, а для степени Кандидата 4½.

§ 9. Студенты, начиная со втораго курса, заслуживающіе вниманіе начальства по своимъ отличнымъ успѣхамъ и *доброй нравственности*, (9) сообразно утвержденнымъ постановленіямъ, могутъ быть приняты на казенное содержаніе, получать положенныя благотворительныя стипендіи и единовременныя пособія: просьбы объ этомъ должны быть подаваемы студентами деканамъ факультетовъ.

§ 10. Для пользованія книгами университетской и студенческой библіотекъ студенты должны обращаться къ инспектору съ просьбою о выдачѣ особо заведенныхъ для сего печатныхъ листовъ, по которымъ производится для нихъ выдача книгъ библіотекаремъ. (10)

§ 11. Каждый своекоштный студентъ, за право слушанія лекцій, обязанъ вносить ежегодно по пятидесяти р. с. Сроки для вноса полугодовой платы назначаются: 1го Января и 1го Юля, и считая съ этихъ чиселъ, платежъ производится всегда за полгода впередъ, хотя бы представившій плату поступилъ и не въ началѣ полугодія. Вновь поступающій представляетъ полугодовую плату при самомъ приѣмѣ, а прочіе не позже, какъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, считая отъ начала полугодія. Невнесшіе своевременно платы увольняются изъ университета съ обозначеніемъ въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ причины увольненія. На основаніи утвержденныхъ правилъ, плата можетъ быть уменьшена въ половину, или вовсе не взиматься, только съ разрѣшенія попечителя московскаго учебнаго округа. (11)

§ 12. Подъ опасеніемъ изысканія, предписывается студентамъ соблюдать установленную фарму. (12)

(7) А если у студента мать умираетъ въ деревнѣ, куда студенческій врачъ не достигаетъ?.... Отцы семейства не домекнулись.

(8) Стало бытъ для перевода на другой курсъ студента филолога — нужно имѣть 3 бала изъ математики? Или что такое? Какая разница между всѣми предметами курса и факультетскимъ? Ученый совѣтъ даже не можетъ логически и грамотно объясниться.

(9) Доброй нравственности, съ какой точки зрѣнія? — Съ точки зрѣнія Никиты Крылова или Тимашева?

(10) Во всей Европѣ, гдѣ есть библіотека при университетѣ, тамъ библіотекарь студентамъ даетъ книги,—для чего эти затрудненія, что за печатные листы, визы инспектора?

(11) Эти гнусныя распоряженія принадлежатъ ко времени николаевскаго гоненія. Тутъ важны не деньги, но затрудненіе и затрудненіе дѣлаемое именно бѣднымъ; тутъ лицемеріе, безнравственность и варварство спорятъ другъ съ другомъ.

(12) Надѣтъ бы уже разомъ на студентовъ голубой мундиръ и сдѣлать Липранди попечителемъ. Оно было бы подло, но откровенно.

§ 13. При встрѣчѣ съ особами императорской фамилии студенты должны отдавать честь, становясь во фронтъ и прикладывая правую руку къ шляпѣ.(13)

§ 14. Сохраняя честь носимаго мундира, студенты должны всегда и вездѣ служить образцемъ *благородства и въжливости*, строго соблюдать правила порядка и оказывать должное уваженіе къ *мѣсту* и лицамъ.(14)

§ 15. Всѣ приказанія и распоряженія начальства, касающіяся до студентовъ, 'выставляются въ видѣ объявленій при входѣ въ аудиторію. Каждый студентъ обязанъ знать объявленія и, въ случаѣ неисполненія отданныхъ въ нихъ *приказаній*, не можетъ оправдываться незнаніемъ.(15)

§ 16. При полученіи билетовъ на свободное жительство въ Москвѣ и отпускныхъ въ другіе города, студентъ обязанъ записать въ особую книгу мѣсто своего жительства и, въ случаѣ перемѣны, немедленно увѣдомить объ этомъ канцелярію инспектора.

§ 17. Въ аудиторіяхъ, клипкахъ, кабинетахъ и вообще въ университетскихъ зданіяхъ студенты подчиняются университетской полиціи.(16)

§ 18. По положенію комитета гг. министровъ, высочайше утвержденному, студенты въ университетскихъ зданіяхъ пользуются правами наравнѣ съ прочими гражданами и подчиняются полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи. Въ случаѣ задержанія студентовъ за преступленія, или проступки, подлежащіе судебному разсмотрѣнію, полиція немедленно увѣдомляетъ о томъ университетское начальство, для командированія къ слѣдствію депутата отъ университета.

§ 19. Въ университетскихъ зданіяхъ и на дворахъ ихъ студентамъ курить не позволяется.(17)

§ 20. Студентъ обязанъ имѣть постоянно при себѣ Табель и предъявлять по требованію инспекціи, или мѣстной полиціи.(18)

§ 21. Въ собственныхъ частныхъ дѣлахъ студенты могутъ обращаться за совѣтомъ къ лицамъ, принадлежащимъ университету.(19)

В. Ответственность студентовъ за проступки.

§ 22. Какъ за несоблюденіе общихъ гражданскихъ постановленій, студенты подлежатъ наравнѣ съ прочими гражданами общему гражданскому суду, такъ и за несоблюденіе университетскихъ постановленій судятся университетскимъ начальствомъ.

§ 23. Проступки студентовъ состоятъ или въ нарушеніи внѣшняго порядка и правилъ благоприличія и подчиненности

(13) Лучше шляпу къ правой рукѣ!

(14) Экой вздоръ, экая галиматья!

(15) Отданныхъ приказаній! Макъ-Магопъ, Бурбаки, да и только. Такъ я и вижу Аркадія Алѣксѣевича маршаломъ и Никиту Крылова флигель-адъютантомъ, несущимся на конѣ отдавать приказанія университетскому сторожу.

(16) Что такое за полиція? Это нововведеніе, не бывшее даже при Николаѣ. Инспекторъ студентовъ до сихъ поръ не считалъ еще себя ни квартальнымъ, ни будочникомъ; теперь ни одинъ порядочный человекъ не пойдетъ въ инспекторы студентовъ. О Платонъ Степановичъ Нахимовъ! Хорошо, благородный человекъ, что вы умерли; теперь пришлось бы вамъ съ глубокой скорбью идти въ отставку, чтобъ не сдѣлаться жалдармомъ.

(17) Когда это у насъ табачный дымъ выйдетъ изъ подозрѣнія въ либерализмъ?

(18) И спать съ Табелю?

(19) На примѣръ если студентъ хочетъ купить корову, онъ можетъ посоветоваться съ ректоромъ или даже самимъ Исаковымъ.

или въ открыто безнравственныхъ дѣйствіяхъ, не соответственныхъ ни съ понятіями собственнаго достоинства, ни съ понятіями чести.

§ 24. Къ первому роду относятся :

1. Несоблюденіе установленной формы.

2. Необьясненіе инспектору о мѣстѣ жительства, квартированіе въ неприличныхъ и подозрительныхъ мѣстахъ (20) и самовольныя отлучки изъ города.

3. Ослушаніе университетской полиціи.

4. Несоблюденіе правилъ приличія въ аудиторіяхъ.

Винновныя въ этихъ проступкахъ подвергаются : въ 1ой разъ — замѣчанію со стороны инспекціи, во 2ой разъ — выговору въ присутствіи правленія, и въ 3^{ей} разъ — увольненію изъ университета по прошенію.

5. Участіе въ студенческихъ сходбищахъ, для какой бы то ни было цѣли, безъ вѣдома инспектора.

6. Произнесеніе публичныхъ рѣчей — безъ дозволенія начальства.

7. Распространеніе злонамѣренныхъ сочиненій и ложныхъ слуховъ между товарищамъ и подстрекательство къ безпорядкамъ.

8. Неповиновеніе и грубость университетскому начальству.

9. Неуваженіе къ наставникамъ и неприличное обращеніе съ ними.

10. Предумышленное нарушеніе однимъ, или многими, тишины и пристойности въ аудиторіяхъ и другихъ университетскихъ собраніяхъ.

11. Предумышленное нарушеніе цѣлымъ курсомъ учебныхъ постановленій.

Винновныя подвергаются, по суду и опредѣленію правленія, смотря по важности проступка и произведеннаго безпорядка : увольненію изъ университета по прошенію, или безъ прошенія, или же въ случаяхъ особенно важныхъ — исключенію изъ университета.(21)

§ 25. Къ проступкамъ открыто безнравственнымъ причисляются :

1. Предумышленное поврежденіе, истребленіе и въ особенности похищеніе университетскаго имущества.(22)

2. Развратное поведеніе : пьянство, *оріи*, буйство и посященіе предосудительныхъ мѣстъ.

3. Безчестіе и оскорбленіе лицъ жепскаго пола, и

4. Безчестіе, дерзкое и тяжкое оскорбленіе товарища, или лица, неподвѣдомственнаго университету, (23) — словами, или дѣломъ.

Эти проступки совершенно *несовмѣстны съ званіемъ студента* и самъ собой разрушаютъ его; вслѣдствіе чего они влекутъ за собой немедленное исключеніе изъ университета.

§ 26. За несоблюденіе общей христіанской обязанности говѣнія и причащенія св. Таинъ во время великаго поста, студенты подвергаются : въ 1ой разъ — замѣчанію со стороны инспектора, во 2ой разъ — выговору въ присутствіи правленія, и въ 3^{ей} разъ — увольненію изъ университета по прошенію.

(20) Подъ этимъ кажется разумѣются квартиры, отдаваемые въ наемъ студентамъ профессорами.

(21) Какимъ же образомъ университетскій совѣтъ становится въ своемъ дѣлѣ судьей? Отчего же за проступки не судить просто по обычнымъ законамъ? Вѣдь еще не извѣстно, кто правъ, кто виноватъ — совѣтъ, или студентъ.

(22) Воровство? — да на это есть XV Т. Свода Законовъ, студентъ-ли украдетъ что нибудь, или профессоръ — все равно.

(23) А лица неподвѣдомственныя университету, можно? . . . Шалуны вы эдакіе, не скрыли боязни за себя — и сѣзались.

Примъч. 1. Подъ несоблюденіемъ религиозныхъ обрядовъ въ 1ой разъ должно разумѣть неговѣніе въ великій постъ, во 2ой неговѣніе, послѣ сдѣланнаго замѣчанія инспекторомъ, и наконецъ въ 3^{ій} неисполненіе этого долга и послѣ выговора въ присутствіи правленія. (24)

Примъч. 2. Замѣчанія и выговоры записываются въ особо установленную книгу и принимаются въ соображеніе при удостоеніи студентовъ ученыхъ званій и степеней.

Примъч. 3. Съ выговоромъ въ присутствіи правленія всегда содеируется и лишеніе стипендій для получающихъ ее. (25)

Примъч. 4. Форма студентовъ заключается въ слѣдующемъ: Въ присутствіи особъ императорской фамилии студенты должны быть въ мундирахъ; также въ мундирахъ должны являться къ попечителю округа, помощнику его и ректору, (если представляются не по требованію, а по собственной надобности). Равнымъ образомъ должны быть въ мундирахъ на университетскомъ актѣ, въ собраніяхъ и маскарадахъ. (26)

Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ и на лекціяхъ въ университетѣ студенты могутъ быть разстегнуты, на улицахъ же должны быть всегда застегнуты. (27)

Пошеніе формы должно строго сообразоваться съ утвержденными образцами и выполняться установленнымъ порядкомъ. Волосы имѣть *коротко остриженными*; пошеніе усовъ бородъ и эспаньенокъ воспрещается. Трости носить также воспрещается. (28)

Всякое отступленіе отъ указанной формы считается нарушеніемъ университетскаго постановленія.

Кто изъ профессоровъ подписалъ эти правила? Давайте ихъ имена сюда въ *Колоколь*, чтобы всѣ могли съ омерзеніемъ указывать на нихъ пальцемъ.

А кто изъ профессоровъ протестовалъ? Неужели никто?... Быть не можетъ! Давайте намъ и эти имена, чтобы вынуть ихъ чистыми изъ ямы.

Что они сдѣлали изъ Университета всѣ эти доктриперы, проповѣдывавшіе о строгости вступительныхъ экзаменовъ? Они сыграли въ руку Тимашеву! Изъ 500 экзаменовавшихся принято только 152 человека. Доктринаризмъ, изъ факирства передъ наукой, забылъ, что многіе, вступая въ университетъ съ плохими свѣдѣніями, въ продолженіи курса выходятъ отличными студентами. Доктринаризмъ забылъ, что въ германскихъ университетахъ вовсе нѣтъ вступительныхъ экзаменовъ; но при выпускѣ экзамены строги, что совершенно справедливо; нельзя дать дипломъ невѣждѣ и право на ученое званіе или мѣсто по службѣ.

Правительство изъ николаевской манеры трусомъ дрожитъ передъ какимъ-то *вольнымъ духомъ*, правительство забыло, что чѣмъ больше учащихся въ университетахъ, тѣмъ больше у него хорошихъ чиновниковъ, хорошихъ офицеровъ, и что для того, чтобы не бояться *вольнаго духа*, не науку надо гнать, а надо сдѣлаться просвѣщеннымъ правительствомъ—и только.

(24) Что за средневѣковая, католическая цивилизація!

(25) Видите, какъ они лучше всего преслѣдуютъ бѣдность... Ты бѣднѣе—въ бараній рогъ тебя. Да и затѣмъ бѣдному учиться?

(26) Что это, императорская фамилія на раду съ маскарадомъ! это страшно читать, ну какъ это дойдетъ до III отдѣленія?

(27) Чтобы не простудиться.

(28) Это хорошо, а то въ самомъ дѣлѣ какъ же не дать по 50 палокъ такимъ пердетелямъ юношества.

Правительство забыло, что съ системой стѣсненія образованія, оно дошло до паденія Севастополя, погому что правительству стѣсняющему образованіе, кромѣ дураковъ и воровъ никто служить не станетъ.

Кто сочинялъ ‘правила для студентовъ’? Никита Крыловъ? Аркадій Альфонскій? Или самъ попечитель? Или самъ оберъ-форъ-шнейдеръ? Или самъ добродѣтельный Ковалевскій? Дайте намъ имя автора — къ позорному столбу!

Пусть оберъ-форъ-шнейдеры рѣжутъ жаренаго зайца, но да не смѣютъ они зарѣзывать русское юношество, которое еще быть можетъ составить славу нашего времени.

Выставляя на позоръ профессоровъ или министерство просвѣщенія, или министерство и профессоровъ, мы нисколько не думаемъ возбуждать студентовъ къ нетерпимости. Напротивъ того, мы приглашаемъ ихъ къ доблестному спокойствію. Сила не въ судорожныхъ взрывахъ, которые обличаютъ только нервное разстройство; сила — въ крѣпкой мысли и спокойномъ шествіи.

ЕЩЕ РАЗЪ ПЕРЕПИСКА.

Еще разъ русское консульство въ Лондонѣ вызывало меня для выслушанія какихъ-то сообщеній. Я отвѣчалъ, что уже высказавши все публично и официально,—я не могу претендовать ни на какія сообщенія со стороны консульства, но что если *ему нужно* мнѣ что нибудь сообщить, то пусть оно сообщитъ. Наконецъ я получилъ извѣщеніе, что мой отвѣтъ консулу Кремеру былъ представленъ государю, и что его величество приказало министру юстиціи поступить со мной по всей строгости законовъ.

Искренно признаюсь—это рѣшеніе для меня прискорбно... не за самаго себя—я вѣдь опасности; строгость пагубныхъ законовъ не довольно *долмура* чтобы достать меня, но мнѣ это рѣшеніе прискорбно въ иномъ смыслѣ...

Я чистъ передъ государемъ, я поступилъ откровенно, съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ нему, я самъ назвался передъ нимъ. Почти два года прошло съ тѣхъ поръ, и только теперь государь велитъ поступить со мной по всей строгости законовъ. Отъ чего же этого не было приказано два года тому назадъ?... О! Два года тому назадъ государь былъ слишкомъ юнъ духомъ, чтобы рѣшиться на такой немощный приговоръ. Только тайное вліяніе реакціонныхъ сановниковъ, которые изъ личныхъ видовъ ведутъ Россію къ гибели, боятся даже освобожденія крестьянъ, воспрещаютъ паспорта дѣтямъ, пугаютъ государя призраками, и затмѣваютъ его добрые помыслы своимъ близорукимъ тупоуміемъ,—только это вліяніе могло втянуть государя до такого печальнаго рѣшенія обо мнѣ—вотъ что для насъ прискорбно! Александръ II взошелъ на престолъ съ вѣстью мира и свободы, какъ теплое утро послѣ долгой и ледяной ночи,—и это утро хочеть померкнуть не дойдя до полудня!... Да, это тяжело!

Н. Огаревъ.

Третій листъ *ПОДЪ СУДЪ!* вышелъ 15 Декабря, въ немъ заключаются *Выпуски изъ Отношенія оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора — министру внутреннихъ дѣлъ и письмо съ защитой полковника Тубе.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.